

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Шестакова Т.А. Внедрение структурных
геймификационных направлений в развитие
креативных компетенций студентов факультета
физической культуры 7

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Гараева Г.Ф. Интернет-коммуникация: виртуальный
формат социального действия 13

Зарбуева А.И. Медведь и дракон как национальные
символы России и Китая: сравнительный анализ
культурных смыслов и исторических традиций 18

Плещёв И.Е., Плещёва Т.Н., Преображенский Я.И.,
Каракчиев Д.А. Мобильные технологии как инструмент
повышения физической активности в стареющем
обществе: современные возможности и перспективы 22

Киритив А.М., Кирилина Т.Ю. Социальные проблемы
молодежи и роль молодежных организаций
в их решении 28

Макаров А.С. Кинематограф как искусство
воплощения веры в форме эстетического 36

Плещёв И.Е., Плещёва Т.Н., Коткова В.М. Понимание
взаимосвязи между физической активностью
и изменением климата 40

Николаев Р.Ю., Преображенский Я.И.,
Каракчиев Д.А. Влияние физической активности
на стрессоустойчивость и когнитивные функции
студентов в период экзаменационных нагрузок 45

Петрова С.А. Музей как средство формирования
национальной идентичности: зарубежный опыт 49

Плещёва Т.Н., Шишкин А.А., Коткова В.М.
Физическая активность как социокультурный
барьер против стресса 55

Пэй Ян. Взаимосвязь между изменениями
в представлениях об образовании и потребностями
общества 60

Савгачев В.В., Шубин Л.Б. Сон и физическая
активность студентов как детерминанты здорового
социума: анализ взаимосвязей и общественная
значимость 66

Санин Д.В., Белова И.В. Духовно-нравственные
ценности российской молодежи: политические
и социальные факторы формирования 70

Тенеряднова С.П. Репрезентация кодов русской
культуры в конкурсном проекте иностранных
студентов «Станция Россия» 77

Фаттахов Р.А. Народность, как устойчивый
компонент российской культуры 80

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: http://socgum-journal.ru

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистриро-
ван в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, за-
служенный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, профессор
Московского педагогического университета, академик РАСН, РАЕН, Международной
академии наук (русская секция)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор действи-
тельный член РАЕН; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук,
профессор, почетный работник ВПО РФ; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор
педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуни-
кации и медиаобразования, член Союза журналистов России; **Волков Юрий Григо-
рьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ,
директор Института социологии и регионалистики, ЮФУ; **Иванов Виллен Николаевич** –
доктор философских наук, профессор, действительный член Академии литературы,
почетный доктор Института социологии РАН; **Капицын Владимир Михайлович** – док-
тор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по на-
учной работе, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор
химических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ РАН; **Кефели Игорь
Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой куль-
турологии и социологии Балтийского государственного технического университета;
Козлова Оксана Николаевна – доктор социологических наук, профессор, директор
Института социологии (Польша); **Кривопусков Виктор Владимирович** – доктор соци-
ологических наук, профессор Государственного университета управления; **Макаров
Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой про-
ектирования образовательных систем Республиканского института Высшей школы
(Беларусь); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор,
зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного
университета; **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профес-
сор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра
политологии и политической социологии Института социологии РАН; **Ореховская
Наталья Александровна** – доктор философских наук, заведующий кафедрой гума-
нитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панфиро-
ва Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук,
профессор, член международной федерации журналистов, профессор Московского
педагогического государственного университета, почетный работник Высшего про-
фессионального образования РФ; **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономиче-
ских наук, профессор, Президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-
Петербургского университета; **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических
наук, профессор кафедры Корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник
ВПО; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, за-
ведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии, декан Фа-
культета социологии СПбГУ, директор Центра изучения Германии и Европы; **Хазиев
Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник
ВПО РФ, директор научно-исследовательского центра развития исламского образо-
вания БГПУ им. М. Акмуллы.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.08.2025 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецен-
зированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от
информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Циткилов П.Я. Ленинизм в современном общественном сознании: дискурс памяти и идеологического противостояния	88
Савгачев В.В., Ермошина М.Е. Социальные нормы в структуре общественных отношений: механизмы формирования, модели усвоения и культурные детерминанты.....	99
Шерстнева К.В. Корпоративная культура и ее количественные аспекты: обзор новейших статистических исследований.....	104

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Бикметов Е.Ю., Кузнецова Е.В. Управление персональным профессиональным брендом педагога в системе высшего образования.....	109
Воробьева А.Г. Социологический анализ влияния моделей оплаты труда на формирование мотивационной структуры персонала в современных российских компаниях	113
Воронов В.А. Применение методологии стратегирования в контексте социальных изменений	118
Зарипов Р.М. Реализация концепции 15-минутных городов в социологической перспективе.....	122
Куровский С.В., Мишин Д.А., Осипов К.В. Стратификационный анализ последствий цифровизации профессий инженерного дела в Российской Федерации	128
Лысенкова Е.Р. Основные методы анализа эффективности демографических процессов в регионах Российской Федерации	134
Малыхина Р.В. Методика социологического исследования ценностных ориентаций российской молодежи	139
Сопетина Д.Н. Коммуникация врач-пациент в клинических исследованиях с использованием мобильных технологий.....	146
Спасский Е.Н., Лю Дяньбо. Актуальные аспекты управленческой культуры учреждений высшего образования КНР	151
Тазов П.Ю. Ценностные ориентации студентов управленческого вуза: особенности, динамика, векторы.....	157
Тринадцатко А.А. Дистанционные цифровые творческие сообщества инвалидов как точка соприкосновения искусства инвалидов и здоровых людей.....	161
Ушаков Е.В. Формирование профессиональной идентичности государственных служащих: роль и задачи системы образования.....	167
Хашаева С.В. Социальное самоопределение молодого специалиста в условиях неопределенности: актуальные трудовые и карьерные стратегии	171
Ядова Е.Н. Человеко-машинное взаимодействие: развитие человека и предпосылки для эры технологий искусственного интеллекта	177

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Дубровин В.Л. Теоретический анализ социальной интеграции в социально-философском знании.....	183

Е Цзуотянь. Сергей Эйзенштейн о художественной природе поэзии и анимации	188
Волкова Н.П., Колганов С.В. Искусственный интеллект: надежды и вызовы.....	191
Мамедов А.К., Коркия Э.Д., Максимов А.А. Цифровые двойники: новая мода или реальность. Конфликт сущностей.....	195
Емелькина И.В., Мочалов Е.В. «Дневники войны» как сакральное философское пространство человека... ..	202
Мурынка И.В. Философский анализ трудовых отношений в эпоху искусственного интеллекта: от дихотомии к интегративной агентности	205
Илларионов Г.А., Мельникова Т.В., Нескрябина О.Ф., Рахинский Д.В. Понимание традиции в контексте вопроса исторической обусловленности субъектности	211
Суховская Д.Н. Топика креативного: культурная сцена города в эпоху институциональных сдвигов.....	215
Толок Е.С. О понятии «социальная идентичность» в философском дискурсе	219
Тяпкин В.С. Ценностные основания гражданской идентичности в современном российском обществе.....	223
Чеченов А.М., Кушхова А.Ф., Желиготова Р.М., Шоранова З.В. Метафизика развития горных территорий на примере Чеченской Республики, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии	228
Щеглов И.А. Личностные компетенции как объект социально-философского осмысления.....	232

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Аникин И.Н. Многоаспектность вещи в античности: проблема реконструкции.....	236
Ильин А.С. ИИ-революция как качественно новый тип технологической трансформации в истории цивилизации.....	241

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Смулов А.М. Фундаментальные понятия христианского духовно-нравственного просвещения (воцерковления) человека.....	252

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Балицкий М.А. Политика южнокорейских властей в отношении национальных историко-культурных реликвий, хранящихся в зарубежных музеях	259
Богомолов И.А. Развитие молодежной политики Российской Федерации в условиях антироссийских санкций	265
Ермаков Ю.А. Естественные корни демократии: существуют ли они?.....	270
Зиновьев Д.В. Учет специфики цифрового разрыва при разработке проекта избирательной кампании.....	274
Карелин В.О., Данилова Е.А. Современные политические технологии России в отношениях с приграничными странами: анализ и перспективы.....	280
Ли Цзе. Стратегия устойчивого и совместного развития компьютерных технологий для создания цепочки поставок возобновляемых источников энергии в соответствии с повесткой дня организации объединенных наций на период до 2030 года	285
Панов А.И. О концепции работы ветеранов по патриотическому воспитанию молодежи.....	291

<i>Фирре Ериммас Биниам, Гебретнсае Дамр.</i> Марксизм на практике: революционные адаптации в национально-демократической борьбе Эритреи за освобождение, крестьянском социализме Китая и советском ленинизме	296
<i>Фомичев И.А.</i> Партийная дипломатия: роль российских политических партий в сфере международного сотрудничества	302
<i>Чжан Янь, Печерица В.Ф.</i> Эволюция политики в отношении частного высшего образования в Китае после реформ и открытости.....	309

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

<i>Боднар И.И.</i> Участие России в региональном сотрудничестве в Южной Азии	313
<i>Милецкий В.П., Чжэн Вэньсинь.</i> Трансформация базовых ценностей в политической культуре Китая в условиях социально-экономических реформ.....	317
<i>Ни Мэн, Нестеров А.Г.</i> Исследование китайско- российских приграничных университетских обменов и сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь»	322
<i>Ху Вэньсюй.</i> Реакция КР на приграничные японо- советские конфликты: сражения в районах озера Хасан и у реки Халхин-Гол.....	328

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Алборова М.Б., Николаенко А.М.</i> Научно- технологическое сотрудничество России и Китая: исторический опыт и ключевые направления	332
<i>Арсланов Р.Р.</i> Влияние выхода США из международных организаций на арабо- израильский конфликт.....	340
<i>Блонский А.И.</i> БРИКС в эпоху гибридных угроз: кибербезопасность как залог глобальной стабильности	345
<i>Ван Синъюэ.</i> Роль ШОС в противодействии «трем силам зла» в Центральной Азии: эффективность и ограничения	350
<i>Курбанов Н.И., Давлетьяров М.М.</i> Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации и Туркменистана на современном этапе	355
<i>Ма Чжэньни, Цзян Юань.</i> Стратегии и достижения сотрудничества Китая, России, США и ЕС в области высшего образования в Центральной Азии	359
<i>Нестеров А.О.</i> Ведущая роль Китая в БРИКС: мнения китайских ученых	363
<i>Сардарян Г.Т.</i> Аксиология Римской империи в контексте формирования многополярного мироустройства.....	366
<i>Сун Цзе.</i> «Диалоговая дипломатия» в трансформации евразийского порядка – сдержек и противовесов китайско-российского регионального сотрудничества с западными санкциями.....	371
<i>Сюй Инцзюань.</i> Технологический суверенитет Китая в свете глобальных вызовов и идентичности	375
<i>Чэнь Сыюй, Го Цзяцзин.</i> Стратегии платформ в эпоху цифрового суверенитета: ответ на локализацию данных ЕС и США	380
<i>Шитьков С.В.</i> Цифровой суверенитет «мирового большинства»: практики, нормы и коалиции нового типа	386

<i>Щербань А.В.</i> Информационная безопасность космической инфраструктуры Российской Федерации.....	391
<i>Эльирази Абдельрахман Реда Мохамед Эльхадиди.</i> Нарушение баланса интересов: как конкуренция ключевых акторов влияет на российско-египетское сотрудничество	395

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Бризицкий Д.Л.</i> Феноменологическое исследование трансформации образовательного взаимодействия в эпоху ИИ	399
<i>Кравченко А.И.</i> Проблемы проживания в многоэтажных домах	404
<i>Акопян Д.В.</i> Социальные сети как средство распространения постправды в политике: способы борьбы с дезинформацией	408
<i>Богин С.В.</i> Отношение троцкистов и новых левых к событиям на Украине.....	414
<i>Диаките Мусса.</i> Политика и инициативы по борьбе с детским трудом в Республике Гвинея.....	420
<i>Елисеев В.А.</i> Сравнительный анализ концепций политической религии Эмилио Джентиле и политического мифа Кристофера Флада	426
<i>Железнякова С.И.</i> Семейные ориентиры в сознании студенческой молодежи	431
<i>Диаките Мусса.</i> Роль неправительственных организаций (НПО) и социальных технологий в борьбе с детским трудом в Республике Гвинея	436
<i>Зархи М.А.</i> Феномен политического популизма в США: вызов традиционным институтам представительной демократии	442
<i>Инь Чжилун.</i> Место стран Центральной Азии во внешних политических интересах КНР.....	446
<i>Капитонов А.А.</i> Кризис в Африке после ухода USAID: проблемы, перспективы и возможности	450
<i>Коротенко И.А., Каргин Н.Н.</i> Философский анализ проблемы влияния насильственных действий в спорте на травматизм через концепцию биовласти М.Фуко.....	457
<i>Молодькова Э.Б., Тибейкин С.Е.</i> Влияние алгоритмов на социальную коммуникацию: как цифровые технологии формируют восприятие информации	460
<i>Мохаммад Васим Хабиби.</i> Стагнация реформ в Афганистане: влияние кланово-этнических интересов....	464
<i>Тихонов Н.В.</i> Институциональные основы и технологические модели взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде	467
<i>Прачи Гупта.</i> Типология фразеологических единиц в разноструктурных языках	474
<i>Прокопов В.А.</i> Технологический суверенитет Российской Федерации в условиях международных рестрикций: адаптация отраслей и трансформация роли политических акторов	479
<i>Тихонов Н.В.</i> Цифровая трансформация публичной власти: институциональные изменения и новые технологии политического управления в условиях цифрового государства	485
<i>Хусаинов М.Р.</i> Институциональные акторы и сетевые механизмы GR-продвижения евразийской интеграции в Республике Молдова: анализ стратегий и каналов влияния	491

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

<i>Shestakova T.A.</i> Implementation of structural gamification directions in the development of creative competences of students of the faculty of physical education	7

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Garaeva G.F.</i> Internet communication: a virtual format of social action.....	13
<i>Zarbueva A.I.</i> The Bear and the Dragon as National Symbols of Russia and China: A Comparative Analysis of Cultural Meanings and Historical Traditions	18
<i>Pleshchev I.E., Pleshcheva T.N., Preobrazhenskiy Ya.I., Karakchiev D.A.</i> Mobile technologies as a tool for increasing physical activity in an aging society: current opportunities and prospects	22
<i>Kiritiv A.M., Kirilina T.Yu.</i> Social problems of youth and the role of youth organizations in their solution.....	28
<i>Makarov A.S.</i> Cinematography as the art of embodying faith in the form of aesthetic	36
<i>Pleshchev I.E., Pleshcheva T.N., Kotkova V.M.</i> Understanding the relationship between physical activity and climate change.....	40
<i>Nikolaev R.J., Preobrazhenskiy Ya.I., Karakchiev D.A.</i> The effect of physical activity on stress tolerance and cognitive functions of students during the exam period	45
<i>Petrova S.A.</i> Museum as a means of forming national identity: foreign experience.....	49
<i>Pleshcheva T.N., Shishkin A.A., Kotkova V.M.</i> Physical activity as a socio-cultural barrier against stress.....	55
<i>Pei Yang.</i> Relationship between changes in perceptions of education and societal needs.....	60
<i>Savgachev V.V., Shubin L.B.</i> Sleep and physical activity of students as determinants of a healthy society: analysis of interrelations and social significance	66
<i>Sanin D.V., Belova I.V.</i> Spiritual and moral values of Russian youth: political and social factors of formation”	70
<i>Teneryadnova S.</i> Representation of Russian cultural codes in the competition project of foreign students «Station Russia»	77
<i>Fattakhov R.A.</i> Nationality as a sustainable component of Russian culture	80
<i>Tsitkilov P.Ya.</i> Leninism in Modern Public Consciousness: Discourse of Memory and Ideological Confrontation	88
<i>Savgachev V.V., Ermoshina M.E.</i> Social norms in the structure of social relations: mechanisms of formation, models of assimilation and cultural determinants	99
<i>Sherstneva K.V.</i> Corporate culture and its quantitative aspects: a review of the latest statistical research	104

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Avanesova Galina Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences; **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia; **Volkov Yuri Grigorievich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Academy of Literature, Honorary Doctor Institute of Sociology RAS; **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department for Scientific Work, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chief Researcher, ISPI RAS; **Kefeli Igor Fedorovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Sociology, Baltic State Technical University; **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Sociology (Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor at the State University of Management; **Makarov Anatoly Vasilievich** – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head. Department of Design of Educational Systems of the Republican Institute of Higher School (Belarus); **Matyukhin Andrey Viktorovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head. Department of Philosophy and History of Moscow Financial and Industrial University; **Mikhailenok Oleg Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna** – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilievna** – deputy editor-in-chief, candidate of philosophical sciences, professor, member of the International Federation of Journalists, professor of Moscow Pedagogical State University, honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich** – Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities and History of St. Petersburg University; **Subochev Nikolay Sergeevich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Corporate Governance at RANEPa, Honorary Worker of Higher Professional Education; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Sociology of the Faculty of Sociology, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University, Director of the Center for the Study of Germany and Europe; **Khaziev Valery Semenovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Research Center for the Development of Islamic Education of the BSPU named after. M. Akhmedov.

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of «RuScience», 117218, Moscow, st. Kedrova, 14/2
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.08.2025. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ “On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development”.

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Bikmetov E.Yu., Kuznetsova E.V.</i> Management of a teacher's personal professional brand in higher education	109
<i>Vorobyova A.G.</i> A sociological analysis of the impact of wage models on the formation of the motivational structure of personnel in modern Russian companies.....	113
<i>Voronov V.A.</i> Application of strategy methodology in the context of social change	118
<i>Zaripov R.M.</i> Implementation of the concept of 15-minute cities in a sociological perspective	122
<i>Kurovsky S.V., Mishin D.A., Osipov K.V.</i> Stratification Analysis of the Consequences of Digitalization of Engineering Professions in the Russian Federation	128
<i>Lysenkova E.R.</i> The main methods of analyzing the effectiveness of demographic processes in the regions of the Russian Federation	134
<i>Malykhina R.V.</i> Methods of sociological research of value orientations of Russian youth	139
<i>Sopetina D.N.</i> Doctor-patient communication in clinical trials using mobile technologies	146
<i>Spassky E.N., Liu Dianbo.</i> Current Aspects of the Management Culture of Higher Education Institutions in China.....	151
<i>Tazov P.Y.</i> Value orientations of management university students: features, dynamics, and vectors.....	157
<i>Trinadtsatko A.A.</i> Remote digital creative communities of disabled people as a point of contact between art of disabled and healthy people.....	161
<i>Ushakov E.V.</i> Formation of professional identity of civil servants: the role and objectives of the education system...	167
<i>Khashaeva S.V.</i> Social self-determination of a young specialist in conditions of uncertainty: actual labor and career strategies	171
<i>Yadova E.N.</i> Human-computer interaction: human development and prerequisites for the era of artificial intelligence technologies	177

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Dubrovin V.L.</i> Theoretical analysis of social integration in socio-philosophical knowledge.....	183
<i>Ye Zuotian.</i> Sergei Eisenstein on the artistic nature of poetry and animation	188
<i>Volkova N.P., Kolganov S.V.</i> Artificial intelligence: hopes and challenges	191
<i>Mamedov A.K., Korkiya E.D., Maksimov A.A.</i> Digital Twins: New Fashion or Reality. Conflict of Entities	195
<i>Emelkina I.V., Mochalov E.V.</i> «Diaries of war» as a sacred philosophical space of man	202
<i>Muryinka I.V.</i> Philosophical Analysis of Labor Relations in the Age of Artificial Intelligence: From Dichotomy to Integrative Agency	205

<i>Illarionov G.A., Melnikova T.V., Neskryabina O.F., Rakhinsky D.V.</i> Understanding tradition in the context of the historical conditionality of subjectivity.....	211
<i>Sukhovskaya D.N.</i> The Topic of the Creative: The Cultural Scene of the City in the Era of Institutional Shifts...	215
<i>Tolok E.S.</i> On the concept of «social identity» in philosophical discourse	219
<i>Tyapkin V.S.</i> The value foundations of civic identity in modern Russian society	223
<i>Chechenov A.M., Kushkhova A.F., Zhelegotova R.M., Shoranova Z.V.</i> Metaphysics of the development of mountain territories: the case of the Chechen Republic, Kabardino-Balkaria, and Karachay-Cherkessia	228
<i>Shcheglov I.A.</i> Personal competencies as an object of socio-philosophical comprehension	232

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Anikin I.N.</i> The multidimensional nature of things in Antiquity: the problem of reconstruction	236
<i>Ilin A.S.</i> Ai revolution as a new type of technological transformation in the history of civilization.....	241

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

<i>Smulov A.M.</i> The fundamental concepts of Christian spiritual and moral enlightenment (churching) of man.....	252

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Balitsky M.A.</i> South Korean government's policy towards national relics stored in overseas museums	259
<i>Bogomolov I.A.</i> Development of youth policy of the Russian Federation in the context of anti-Russian sanctions	265
<i>Ermakov Yu.A.</i> Natural Roots of Democracy: Do They Exist?	270
<i>Zinoviev D.V.</i> Digital divide in an election campaign project.....	274
<i>Karelin V.O., Danilova E.A.</i> Modern political technologies of Russia in relations with bordering countries: analysis and prospects.....	280
<i>Li Jie.</i> A strategy for the sustainable and collaborative development of computer technologies to create a renewable energy supply chain in line with the United Nations 2030 agenda	285
<i>Panov A.I.</i> On the concept of veterans work on patriotic education of youth	291
<i>Fitre Erimias Biniam, Gebretnsae Damr.</i> Marxism in Practice: Revolutionary Adaptations in Eritrea's National Democratic Struggle for Liberation, China's Peasant Socialism, and Soviet Leninism	296
<i>Fomichev I.A.</i> Party diplomacy: the role of Russian political parties in the sphere of international cooperation ..	302
<i>Zhang Yan, Pecheritsa V.F.</i> Evolution of Private Higher Education Policy in China after Reform and Opening-up	309

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Bodnar I.I.</i> Russia's participation in regional cooperation in South Asia.....	313
<i>Miletsky V.P., Zheng Wenxin.</i> Transformation of basic values in the political culture of China in the context of socio-economic reforms.....	317
<i>Ni Meng, Nesterov A.G.</i> A Study of Chinese-Russian Cross-Border University Exchanges and Cooperation within the Framework of the Belt and Road Initiative	322
<i>Hu Wenxu.</i> The Chinese Government's Response to the Japan-Soviet Border Conflicts: Battles in the Lake Hasan and Khalkhin-Gol River Regions	328

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Alborova M.B., Nikolaenko A.M.</i> Scientific and technological cooperation between Russia and China: historical experience and key areas	332
<i>Arslanov R.R.</i> The impact of the us withdrawal from international organizations on the Arab-Israeli conflict.....	340
<i>Blonskiy A.I.</i> BRICS in the ERA of hybrid threats: cybersecurity as a guarantee of global stability	345
<i>Wang Xinyue.</i> The SCO's Role in Countering the "Three Forces of Evil" in Central Asia: Effectiveness and Limitations.....	350
<i>Kurbanov N.I., Davletyarov M.M.</i> Humanitarian cooperation between the Russian Federation and Turkmenistan at the present stage.....	355
<i>Ma Zhenni, Jiang Yuan.</i> Strategies and Achievements of Cooperation among China, Russia, the U.S., and the EU in Higher Education in Central Asia	359
<i>Nesterov A.O.</i> China's leading role in BRICS: Opinions of Chinese scholars.	363
<i>Sardaryan G.T.</i> Axiology of the Roman Empire in the context of the formation of a multipolar world order	366
<i>Song Jie.</i> "Dialogue diplomacy" in the transformation of the Eurasian order – checks and balances of Sino-Russian regional cooperation with western sanctions.....	371
<i>Xu Yingjuan.</i> Technological Sovereignty of China in Light of Global Challenges and Identity.....	375
<i>Chen Siyu, Guo Jiajing.</i> Platform strategies in the age of digital sovereignty: responding to eu and us data localization.....	380
<i>Shitkov S.V.</i> Digital sovereignty of the "global majority": practices, norms, and new type coalitions	386
<i>Shcherban A.V.</i> Information security of Russia's space infrastructure	391
<i>Abdelrahman Reda Mohamed Elhadidy Eleraky.</i> Disrupting the balance of Interests: How competition among key actors affects Russian–Egyptian cooperation....	395

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Brizitsky D.L.</i> Phenomenological study of the transformation of educational interaction in the age of AI ...	399
<i>Kravchenko A.I.</i> Problems of Living in Multi-Story Buildings.....	404
<i>Akopyan D.V.</i> Implementation of structural gamification directions in the development of creative competences of students of the faculty of physical education.....	408
<i>Bogin S.V.</i> The attitude of the Trotskyists and the new leftists to the events in Ukraine.....	414
<i>Moussa Diakité.</i> Policy and initiatives to combat child labor in the republic of Guinea	420
<i>Eliseev V.A.</i> A comparative analysis of the concepts of political religion by Emilio Gentile and political myth by Christopher Flood	426
<i>Zheleznyakova S.I.</i> Family guidelines in the consiousness of student youth	431
<i>Diakité Moussa.</i> The role of non-governmental organizations (NGOS) and social technologies in combating child labor in the republic of Guinea.....	436
<i>Zarkhi M.A.</i> The Phenomenon of Political Populism in the USA: A Challenge to the Traditional Institutions of Representative Democracy	442
<i>Yin Zhilong.</i> The place of Central Asian countries in the foreign policy interests of the PRC	446
<i>Kapitonov A.A.</i> African crisis after the USAID abolishment: problems, prospects and opportunities.....	450
<i>Korotenko I.A., Kargin N.N.</i> Philosophical analysis of the impact of violent actions in sports on injuries through the concept of biopower by M. Foucault.....	457
<i>Molodkova E.B., Tibeikin S.E.</i> The Impact of Algorithms on Social Communication: How Digital Technologies Shape the Perception of Information	460
<i>Mohammad Wasim Habibi.</i> Stagnation of Reforms in Afghanistan: The Influence of Clan-Ethnic Interests.....	464
<i>Tikhonov N.V.</i> Institutional foundations and technological models of interaction between government bodies and civil society in the digital environment.....	467
<i>Prachi Gupta.</i> Typology of phraseological units in languages with different structures.....	474
<i>Prokopov V.A.</i> Technological sovereignty of the Russian Federation under international restrictions: sectoral adaptation and the transformation of political actors.....	479
<i>Tikhonov N.V.</i> Digital transformation of public authority: institutional changes and new technologies of political governance in the context of a digital state	485
<i>Khusainov M.R.</i> Institutional actors and network mechanisms of GR promotion of Eurasian integration in the Republic of Moldova: analysis of strategies and channels of influence	491

Внедрение структурных геймификационных направлений в развитие креативных компетенций студентов факультета физической культуры

Шестакова Татьяна Алексеевна,

кандидат педагогических наук, доцент, ТГПУ им. Л.Н. Толстого
E-mail: agragor52@mail.ru

Статья посвящена обоснованию и моделированию внедрения структурных геймификационных направлений в развитие креативных компетенций студентов факультета физической культуры. Актуальность определяется дефицитом устойчивой учебной мотивации, запросом на индивидуализацию и цифровизацией физкультурного образования. Новизна заключается в архитектурном подходе: геймификация рассматривается как дидактическая система, связывающая теорию, практику, цифровые инструменты и внеучебные форматы в единую логику формирования креативности. В рамках работы описаны мотивационные, когнитивные и организационные эффекты геймификации; изучены цифровые средства (видеомоделирование, геймификация, смешанное обучение), индивидуализированные траектории и проектно-клубные практики. Особое внимание уделено соотношению игровых механизмов с профессиональными ролями будущего педагога-тренера. Работа ставит цель создать целостную модель внедрения и критерии её эффективности. Для её решения используются анализ и синтез источников, сравнительный и проблемно-логический методы, табличная систематизация и визуальное моделирование. Изучены отечественные и зарубежные публикации по физической культуре, педагогике и EdTech. В заключении описываются условия результативной реализации и направления дальнейших исследований. Статья будет полезна преподавателям, методистам, руководителям программ ФКиС и разработчикам учебных цифровых решений.

Ключевые слова: геймификация, физическая культура, креативные компетенции, индивидуализация, видеомоделирование, смешанное обучение, мотивация студентов, проектное обучение, спортивные игры.

Введение

Современная подготовка студентов физической культуры сталкивается с падением учебной мотивации, стандартизованностью форм занятий и разрывом между теорией и практикой. Одновременно растёт запрос на персональные траектории, цифровые инструменты и формирование надпрофессиональных качеств. Геймификация, интегрированная в учебные и внеучебные форматы, способна структурно усилить мотивацию, когнитивные эффекты и творческую активность, обеспечивая вариативность решений в тренировочных и педагогических задачах.

Цель – разработать и обосновать модель внедрения структурных геймификационных направлений для развития креативных компетенций студентов факультета физической культуры.

Задачи;

1. Проанализировать доказательные эффекты геймификации и цифровых средств (видеомоделирование, геймификация, смешанное обучение) в контексте подготовки будущего педагога-тренера.
2. Сопоставить индивидуализацию, проектно-клубные практики и игровые механики как условия роста креативных компетенций; выделить организационные барьеры и способы их преодоления.
3. Синтезировать структурную схему и табличные критерии, связывающие цели, механики, динамики обучения и креативные результаты, с ориентацией на оценку и обратную связь.

Новизна – предложена архитектура геймификации как дидактической системы для ФКиС: от целеполагания и игровых механик к динамикам и креативным процессам, с учётом индивидуализации, цифровых инструментов и внеучебных ролей; сформулированы практические импликации и критерии успешности.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования были отобраны следующие работы: В.В. Шохирев, А.П. Рожанский [10] рассмотрели обоснование влияния физической культуры и геймификации на внимание, память, мотивацию; фиксация проблемы низкого интереса к традиционным занятиям и потенциала игровых форм. А.А. Шилова [9] выявила современные методы дополнительного образования; цифровые платформы, геймификация, проектное и междисциплинарное обучение, «движение как средство учения». М.И. Кочергин, В.В. Авраменко [1] обсудили состав надпрофессиональных компетенций; роль студенческих объединений и спортивных клубов как среды их развития. О.В. Реутова, А.Д. Иванов [6] анализировали значимость теоретико-методической базы (П.Ф. Лесгафт), дескрипторы профессиональной готовности и взаимосвязь теории с практикой. Т.В. Лепилина [3], А.Ю. Осипов, А.И. Кравчук провели двухэтапное исследование цифровых технологий (видеомоделирование, геймификация, смешанное обучение); опрос 104 преподавателей и 416 студентов; расхождения в предпочтениях и методические ограничения. О.В. Печерина [4]: эмпирика практик (n=70);

рост готовности к планированию, использованию современных технологий (≈90%) и оценке нагрузки (≈97%). Ю.А. Кубасов [2]: индивидуализация в обучении спортивным дисциплинам; опросы студентов и преподавателей; удовлетворённость 37%, поддержка дифференциации, рекомендация 30–40% времени на индивидуальные траектории, выявленные организационные барьеры. Н.Е. Серебровская, К.Н. Канатьев, И.В. Бочарин, А.А. Дорошенко [8] рассмотрели требования к подготовке тренеров, дефициты психолого-педагогических компетенций у студентов, принципы компетентности, системности, индивидуализации и активности; инфраструктурные вызовы. Е.В. Романова [7] выявила структуру познавательной мотивации, типы учебной мотивации, роль внутренней/внешней мотивации и условий её поддержания. К.Л. Полуренко [5] обсуждал программу по гандболу, дифференцированное использование подвижных игр; значимый прирост технических показателей и интереса к педагогической деятельности.

Использованы анализ и синтез научных источников; сравнительный анализ подходов; проблемно-логическое моделирование; табличная систематизация факторов и эффектов; визуальное моделирование (схема причинно-целевых связей); элементы контент-анализа описаний практик; аналитическая интерпретация количественных показателей, представленных в источниках.

Результаты

Аналитическое обобщение литературы позволяет выделить несколько ключевых направлений, определяющих эффективность внедрения структурных геймификационных подходов в развитие креативных компетенций студентов факультета физической культуры.

Прежде всего, важнейшим результатом является доказанная связь между физической культурой, когнитивными функциями и мотивацией к обучению. Как отмечают [10], регулярные физические упражнения способны не только укреплять здоровье, но и «улучшать внимание, концентрацию, память и мотивацию», что напрямую связано с формированием креативных компетенций будущих специалистов. При этом основная проблема, выявленная в вузовской практике, заключается в низком интересе студентов к традиционным занятиям, что требует поиска новых методов повышения вовлеченности. Геймификация, будучи инновационной педагогической технологией, решает данный барьер и способствует интеграции игровых элементов в образовательный процесс, что положительно влияет на эмоциональную, социальную и когнитивную сферу студентов [10].

Вторым важным результатом анализа является установление того, что современные методы дополнительного образования в физической культуре активно используют цифровые технологии, проектное и междисциплинарное обучение. По мнению [9], «геймификация активно повышает мотивацию студентов и способствует их активному вовлечению в занятия», а дополнение этого подхода адаптивными программами и проектной деятельностью создает среду для творческой самореализации. Включение челленджей, рейтингов и игровых заданий не только развивает дисциплинированность, но и усиливает креативный потенциал студентов за счет выхода за рамки традиционной фронтальной модели обучения.

Отдельное внимание следует уделить роли надпрофессиональных компетенций, которые [1] относит к числу универсальных социальных и творческих умений. Вовлечение студентов факультета физической культу-

ры в деятельность студенческих объединений («Южный слон», «Палитра») показывает, что именно игровые и проектные формы способствуют развитию инициативности, ответственности и коммуникативности. Таким образом, структурные элементы геймификации выступают механизмом интеграции познавательной, организационной и творческой активности студентов, позволяя закреплять их надпрофессиональные навыки через практическую деятельность.

Важным результатом анализа является подтверждение того, что формирование профессиональной готовности будущего педагога невозможно без сочетания теоретической базы и практических методов. [6] подчеркивает, что «многоаспектность профессиональных задач, стоящих перед педагогом-тренером, требует глубоких знаний в разных областях и целого комплекса профессиональных умений и навыков». Следовательно, игровые технологии в образовательном процессе факультета физической культуры могут выполнять не только мотивационную, но и методическую функцию, способствуя более глубокому усвоению теории и её практическому применению.

Цифровизация образовательного процесса открывает новые перспективы для развития геймификационных практик. [3] указывает, что «зарубежные специалисты называют наиболее эффективными цифровыми технологиями: технологии цифровой видеосъемки с применением функции моделирования видеоданных, геймификацию, смешанное обучение». Применение цифрового контента и обучающих игр в физическом воспитании студентов не только повышает уровень вовлеченности, но и создает условия для персонализации образовательного процесса, что крайне важно для раскрытия креативного потенциала.

Результаты практико-ориентированных исследований подтверждают значимость интеграции геймификационных подходов в процесс подготовки будущих специалистов. Так, [4] фиксирует, что «в процессе практической деятельности 90% студентов применяли современные образовательные технологии (игровые, информационно-коммуникационные, здоровьесберегающие и другие)». Это свидетельствует о том, что включение игровых и цифровых элементов в профессиональную практику студентов формирует их умение организовывать учебный процесс, развивает ответственность и способствует формированию креативных умений.

Немаловажным является и аспект индивидуализации образовательного процесса. По данным [2], лишь 37% студентов удовлетворены текущей системой обучения спортивным дисциплинам, а большинство высказываются за внедрение персонализированных подходов. Введение геймификационных элементов в индивидуальные учебные планы позволяет преодолеть стандартизированный характер занятий и ориентировать процесс на творческое самовыражение студентов. Это подчеркивает необходимость гибридных моделей, где до 40% времени может быть отведено на индивидуальную работу с использованием цифровых технологий.

Современные исследования в области подготовки тренеров также подтверждают необходимость пересмотра традиционных методик. [8] отмечает, что «новые задачи в области физической культуры и спорта соответственно определяют значимость тех изменений, которые должны происходить в системе высшего профессионального образования тренеров». Игровые и геймификационные технологии в данном контексте выступают не только инструментом развития профессиональной

мотивации, но и средством формирования социально значимых ценностей.

Мотивационный аспект занимает центральное место в развитии креативных компетенций студентов факультета физической культуры. По мнению [7], «достаточно высокий уровень мотивации на первом году обучения вовсе не является гарантом поддержания её уровня на последующих курсах». В этом контексте именно геймификация способна обеспечить устойчивую вовлеченность, формируя внутренние мотивы за счет эмоциональной привлекательности и разнообразия образовательного процесса.

Игровые виды спорта, в частности гандбол, также демонстрируют высокую эффективность в развитии физических и творческих качеств студентов. [5] указывает, что «в процессе занятий по гандболу использование специально разработанной программы применения подвижных игр позволило значительно повысить показатели технической подготовленности студентов». Эти данные подтверждают, что структурированная игровая активность развивает креативное мышление через необходимость поиска новых решений в условиях соревновательной динамики.

Таким образом, результаты анализа показывают, что внедрение структурных геймификационных направлений в процесс подготовки студентов факультета физической культуры способствует:

- формированию устойчивой учебной мотивации;
- развитию когнитивных и креативных компетенций;
- интеграции цифровых и практико-ориентированных технологий в обучение;
- формированию надпрофессиональных умений (инициативности, лидерства, коммуникативности);
- повышению качества профессиональной подготовки будущих педагогов и тренеров.

Геймификация в данной сфере проявляется как универсальный методический инструмент, объединяющий здоровье-сберегающий, образовательный и творческий потенциал физической культуры, а её структурное внедрение обеспечивает гармоничное развитие как профессиональных, так и креативных компетенций студентов.

Обсуждение

Обобщение и сопоставление выявленных в литературе результатов позволяет рассматривать геймификацию не как набор разрозненных «игровых фишек», а как структурированную дидактическую систему, встроенную в контекст физкультурного образования и поддерживаемую цифровизацией, индивидуализацией и практико-ориентированными форматами. Для факультета физической культуры это особенно значимо: здесь креативные компетенции проявляются не только в генерации идей, но и в вариативности тактико-технических решений, сценарном проектировании занятий, умении оперативно перестраивать тренировочные задания и в рефлексии собственных и командных действий.

Первое, что демонстрирует совокупность источников, – устойчивый мотивационный и когнитивный эффект регулярной физической активности, который усиливается при переводе занятий в игровую логику. Внедрение соревнований, челленджей, рейтингов и нарративов повышает вовлечённость и поддерживает учебную дисциплину; это создает «энергетическую» основу для творческих проявлений на занятиях и в проектной работе. В то же время отмечено, что прирост успеваемости и качества выполнения заданий возможен даже при неизменной внутренней мотивации; следовательно,

геймификация не подменяет содержание, а выступает катализатором уже имеющихся учебных и практических механизмов. Практико-ориентированные виды активности (учебные практики, волонтерство, клубная жизнь, организация соревнований) показывают, что игровые механики лучше всего «цепляются» за реальные роли и задачи: чем ближе игровые сценарии к профессиональной деятельности студента, тем больше они стимулируют творческое конструирование решений, коммуникацию и лидерство.

Второй важный блок – цифровые средства: видеомоделирование, «геймификация», медиаконтент и форматы смешанного обучения. Их потенциал – не только в повышении интереса, но и в переносе акцента к персонализированному темпу и траектории. Видеомоделирование усиливает наблюдательную и аналитическую составляющую креативности (замечание деталей техники, предложение альтернативных способов решения двигательной задачи), а «геймификация» и челлендж-платформы помогают выстраивать понятные «лестницы» целей, сохраняя у студентов чувство прогресса. Существенное расхождение между желаемым и фактическим использованием цифровых инструментов (особенно методов видеомоделирования и геймификации) указывает на организационные барьеры: нехватку времени, методической поддержки и готовых материалов, неравномерность цифровой инфраструктуры.

Третий вектор дискуссии связан с индивидуализацией. Запрос студентов на дифференцированные программы и модульность курсов сочетается с осторожностью в отношении увеличения самостоятельной работы и трудозатрат преподавателей. Здесь геймификация выступает «связующим интерфейсом»: уровни, квесты и балльно-рейтинговые системы позволяют «упаковать» различающиеся по сложности задания в единую шкалу продвижения. При грамотной архитектуре можно распределять 30–40% времени на индивидуальные задачи, сохраняя групповую динамику и обеспечивая адресную обратную связь, а цифровые курсы берут на себя часть теории и контроля, освобождая очное время под практику и творческое конструирование заданий.

Не менее значима «междисциплинарная склейка»: теоретико-методическая подготовка, психологическая составляющая, педагогический дизайн занятий. Без неё игровые элементы рискуют остаться внешним стимулом. Результаты демонстрируют, что систематическая теоретическая база повышает качество планирования и анализа уроков, а практики и студклубы дают контекст для применения – именно в такой связке геймификация начинает работать на развитие креативных компетенций: от постановки открытых задач и вариативной техники до проектирования событий и управленческих решений.

Наконец, важно отметить расхождения и ограничения. В ряде работ фиксируется высокая готовность студентов использовать геймификацию и медиаконтент, но преподаватели чаще выбирают онлайн-курсы и традиционный цифровой контент. Это требует целевых программ повышения квалификации, библиотек игровых сценариев и шаблонов, а также локальных «песочниц» для обкатки решений без риска для основной отчетности. На уровне методологии встречаются опоры на самоотчёты и выборки ограниченного размера; в отдельных исследованиях – гендерные ограничения. Это снижает обобщаемость и подталкивает к дальнейшим смешанным дизайнам (опросы + поведенческие метрики платформ, наблюдение, экспертные оценки продуктов деятельности) (табл. 1).

Таблица 1. Структурные элементы геймификации и их вклад в креативные компетенции студентов физической культуры (Составлено автором на основе собственного исследования)

Компонент/подход	Что показывают данные литературы	Ожидаемый вклад в креативные компетенции	Риски и ограничения	Условия успешной реализации
Соревнования, челленджи, рейтинги	Повышают вовлечённость, регулярность занятий, качество выполнения тестовых заданий	Генерация идей под временным прессингом, развитие тактико-технической вариативности, командная креативность	Смещение фокуса на внешние награды; «погони» за баллами	Прозрачные критерии, связь с учебными целями, гибкие уровни сложности
Видеомоделирование и самоанализ	Улучшает двигательные функции и качество техники; востребовано студентами	Наблюдательная креативность, рефлексия, выдвижение альтернативных способов решения	Технические ограничения, дефицит методик и кейсов	Шаблоны разметки видео, чек-листы, эталоны и контр-примеры
геймификация и игровые занятия	Повышают мотивацию к физнагрузке, помогают поддерживать активность	Быстрое прототипирование движений, придумывание вариаций, перенос игровых решений в тренировку	Фрагментация содержания, риск «развлекательности»	Встроенные учебные цели и разбор, связь с тактикой и техникой вида спорта
Смешанное обучение	Студенты выше оценивают потенциал формата, чем преподаватели; разгружает очные занятия	Проектирование упражнений и сессий, творческая переработка теории в практику	Требуется перестройки расписания и контента	Чёткая роль онлайн/офлайна, короткие микро-модули, регулярная обратная связь
Индивидуализация и модульность	Запрос на дифференциацию высокий; оптимально 30–40% времени под индивидуальные траектории	Персональные творческие задачи, осознанный выбор стратегий и средств	Рост трудозатрат преподавателей; не все готовы к самообучению	Гибкие «квест-листы», автоматизированный контроль, наставничество
Внеучебные проектные форматы	Клубы и события развивают лидерство, организацию, коммуникацию	Сценарный дизайн мероприятий, креативное решение организационных задач	Нагрузка и «распыление» внимания	Координация с учебным планом, зачёт проектной активности
Игровые виды спорта (напр., гандбол)	Дифференцированные подвижные игры дают значимый рост технических показателей и интереса к педагогике	Комбинирование и изобретение игровых решений, конструирование упражнений	Требуется тонкой дозировки нагрузки и учёта уровня	Правило 60/40 для «слабых/сильных» сторон, постепенное усложнение

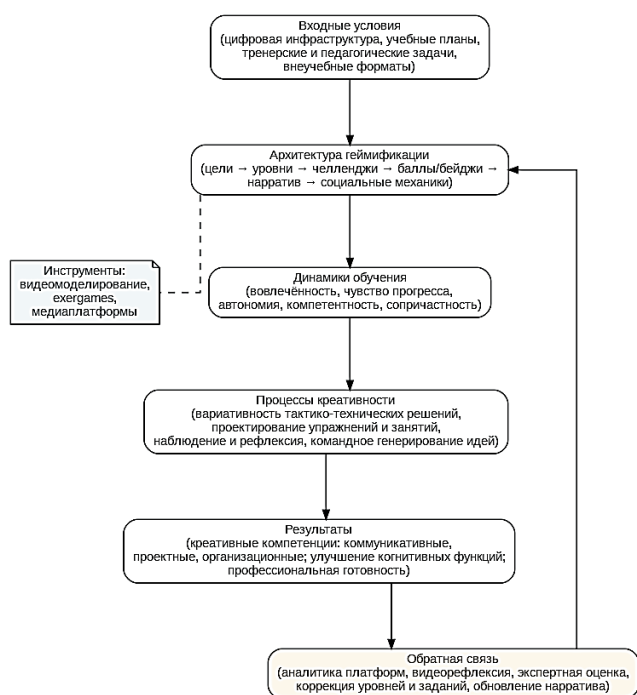

Рис. 1. Логика структурной геймификации в развитии креативных компетенций (Составлено автором на основе собственного исследования)

Ключевые импликации для практики.

1. Проектировать геймификацию «от задач креативности», а не от наборов механик: каждое игровое пра-

вило должно обслуживать конкретную творческую деятельность (например, квест на разработку вариативной разминки для разных уровней подготовленности).

2. Держать баланс индивидуализации и групповой динамики: до 30–40% персональных заданий, но с обязательной публичной презентацией решений и коллективным разбором (крауд-рефлексия усиливает креативный эффект).

3. Сделать видеоаналитику нормой: короткие циклы «снял – разметил – предложил альтернативу – проверил в игре» развивают наблюдательную креативность и ускоряют перенос решений в практику.

4. Встраивать внеучебные проекты в зачётные активности: игровые роли (организатор, арбитр, медиа-офицер, тренер-аналитик) превращают «жизнь факультета» в обучающую экосистему креативности.

5. Поддерживать преподавателя: готовые библиотеки челленджей, чек-листы, рубрикаторы оценивания творческих решений, микрокурсы по видеомоделированию – это снижает порог входа и выравнивает качество реализации.

6. Переходить от «очков и бейджей» к «нарративам и миссиям»: сюжет и роль (например, «конструктор микро-цикла подготовки для смешанной группы») создают смысл и удерживают внимание без гипертрофии внешних стимулов.

Методологические замечания и направления дальнейших исследований.

– В ряде работ доминируют самоотчёты, ограниченные выборки и неравномерная представленность групп; необходимы смешанные дизайны с включён-

ным наблюдением, анализом поведенческих данных платформ и экспертной оценкой продуктов деятельности.

- Целесообразно валидировать метрики креативности, адаптированные к физкультурному профилю (вариативность тактических решений, оригинальность упражнений, качество рефлексивных комментариев к видео).
- Нужны лаборатории «быстрого прототипирования» игровых сценариев на базе кафедр и клубов с короткими циклами итераций и публичным разбором.
- Важно исследовать «дозировку» игровых стимулов и нарратива, чтобы поддерживать внутреннюю мотивацию и не допустить подмены смысла процессом «накопления очков».

В сумме обсуждение подтверждает: структурная геймификация – это не «слой» над традиционными занятиями, а способ архитектурно собрать теорию, практику, цифру и индивидуализацию в единую образовательную логику. При соблюдении условий реализации она обеспечивает устойчивую мотивацию, усиливает когнитивный и практический компоненты, а главное – создаёт системную среду для роста креативных компетенций студентов факультета физической культуры.

Заключение

1. Показано, что геймификация в сочетании с цифровыми средствами и видеорефлексией стабильно повышает вовлечённость, поддерживает когнитивные эффекты и служит катализатором творческой активности без подмены содержания.

2. Установлено: максимальный креативный эффект достигается при сцепке игровых механик с реальными профессиональными ролями и проектно-клубными форматами, а также при индивидуализации (30–40% времени) с наставничеством и чёткой архитектурой уровней и квестов; выявлены барьеры (трудоемкость, инфраструктура) и способы их снятия (библиотеки сценариев, микро-модули, песочницы).

3. Синтезирована структурная модель, увязывающая цели, механики, динамики и креативные результаты, и предложены практические импликации: баланс персональных и групповых задач, нормализация видеоаналитики, зачётность внеучебных ролей, переход от «бейджей» к нарративам.

В совокупности это формирует системную среду роста креативных компетенций студентов ФКиС и задаёт повестку дальнейших исследований (валидные метрики креативности, смешанные дизайны оценки, оптимальная «дозировка» игровых стимулов).

Литература

1. Кочергин М. И., Авраменко В.В. Формирование надпрофессиональных компетенций у студентов факультета физической культуры и спорта // Инновации в спортивной науке: опыт поколений и новые технологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 08 февраля 2024 года. – Москва: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 2024. – С. 125–129. – EDN NKZJTE.
2. Кубасов Ю. А. Индивидуализация в технологиях преподавания спортивных дисциплин // Управление образованием: теория и практика. – 2023. – № 12–2(73). – С. 236–243. – DOI 10.25726/z6562–1464–1090-n. – EDN UJYBVX.
3. Лепилина Т. В., Осипов А.Ю., Кравчук А.И. Использование цифровых технологий в практике физического воспитания студентов // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. – 2024. – Т. 9, № 1. – С. 7–13. – DOI 10.47475/2500–0365–2024–9–1–7–13. – EDN QWRNHN.
4. Печерина О.В. Формирование готовности студентов вуза физической культуры и спорта в условиях практической деятельности // Физическая культура, спорт, наука и образование: материалы VI Всероссийской научной конференции, село Чурапча, 24 марта 2022 года. – Село Чурапча: ООП ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта», 2022. – С. 256–261. – EDN RLTBZX.
5. Полуренко К.Л. Спортивные игры как средство развития физических качеств студентов факультета физической культуры (на примере гандбола) // Современные вызовы и перспективы развития физической культуры, спорта и безопасности жизнедеятельности: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 16–17 марта 2021 года / под общ. ред. Р.С. Ткача, Е.Н. Ткач. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2021. – С. 162–166. – EDN HSZXWN.
6. Реутова О. В., Иванов А.Д. Развитие педагогического мастерства будущего учителя физической культуры как условие их профессиональной подготовки // Вопросы педагогики. – 2021. – № 11–1. – С. 370–373. – EDN TLMYNM.
7. Романова Е.В. Развитие познавательной мотивации студентов факультета физической культуры в процессе их обучения в вузе // Современные технологии в физическом воспитании и спорте: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Тула, 12–13 ноября 2020 года. – Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2020. – С. 88–92. – EDN USYVMQ.
8. Серебровская Н. Е., Канатьев К.Н., Бочарин И.В., Дорошенко А.А. Новый взгляд на подготовку тренера в системе высшего профессионального образования // Актуальные вопросы физического воспитания молодежи и студенческого спорта: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 30 октября 2020 года. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2020. – С. 176–184. – EDN XEBRDO.
9. Шилова А.А. Современные методы дополнительного образования в сфере физической культуры // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с дистанционным и международным участием, Ульяновск, 23–24 декабря 2024 года. – Ульяновск: ИП Кеньшенская В.В. (издательство «Зебра»), 2024. – С. 77–79. – EDN EMSQSQ.
10. Шохирев В. В., Рожанский А.П. Влияние физической культуры и геймификации на улучшение внимания и когнитивных функций студентов высших учебных заведений // Физическая культура и спорт в структуре профессионального образования: ретроспектива, реальность и будущее: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 31 марта 2022 года / отв. ред. С.М. Струганов. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 381–383. – EDN TSBSBY.

IMPLEMENTATION OF STRUCTURAL GAMIFICATION DIRECTIONS IN THE DEVELOPMENT OF CREATIVE COMPETENCES OF STUDENTS OF THE FACULTY OF PHYSICAL EDUCATION

Shestakova T.A.

Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

The article is devoted to the substantiation and modeling of the implementation of structural gamification directions in the development of creative competencies of students of the Faculty of Physical Education. The relevance is determined by the lack of sustainable educational motivation, the demand for individualization and digitalization of physical education education. The novelty lies in the architectural approach: gamification is considered as a didactic system that links theory, practice, digital tools and extracurricular formats into a single logic of creativity formation. The work describes the motivational, cognitive and organizational effects of gamification; digital tools (video modeling, exergames, blended learning), individualized trajectories and project-club practices are studied. Particular attention is paid to the correlation of game mechanisms with the professional roles of the future teacher-coach. The work aims to create a holistic implementation model and criteria for its effectiveness. To solve this problem, analysis and synthesis of sources, comparative and problem-logical methods, tabular systematization and visual modeling are used. Domestic and foreign publications on physical education, pedagogy and EdTech were studied. The conclusion describes the conditions for effective implementation and directions for further research. The article will be useful for teachers, methodologists, heads of physical education and sports programs and developers of educational digital solutions.

Keywords: gamification, physical education, creative competencies, individualization, video modeling, blended learning, student motivation, project-based learning, sports games.

References

1. Kochergin M.I., Avramenko V.V. Formation of supra-professional competencies in students of the faculty of physical education and sports // Innovations in sports science: experience of generations and new technologies: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Moscow, February 08, 2024. – Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2024. – Pp. 125–129. – EDN NKZJTE.
2. Kubasov Yu.A. Individualization in technologies of teaching sports disciplines // Education management: theory and practice. – 2023. – No. 12–2 (73). – Pp. 236–243. – DOI 10.25726/z6562–1464–1090-n. – EDN UJYBVX.
3. Lepilina T. V., Osipov A. Yu., Kravchuk A.I. Use of digital technologies in the practice of physical education of students // Physical Education. Sport. Tourism. Motor recreation. – 2024. – Vol. 9, No. 1. – Pp. 7–13. – DOI 10.47475/2500–0365–2024–9–1–7–13. – EDN QWRNHN.
4. Pecherina O.V. Formation of readiness of students of the university of physical education and sports in the context of practical activities // Physical Education, Sport, Science and Education: materials of the VI All-Russian scientific conference, Churapcha village, March 24, 2022. – Churapcha village: OOP FGBOU VO "Churapchinsky State Institute of Physical Education and Sports", 2022. – Pp. 256–261. – EDN RLTBZX.
5. Polurenko K.L. Sports games as a means of developing the physical qualities of students of the Faculty of Physical Education (using handball as an example) // Modern challenges and prospects for the development of physical education, sports and life safety: a collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference, Khabarovsk, March 16–17, 2021 / edited by R.S. Tkach, E.N. Tkach. – Khabarovsk: Pacific State University, 2021. – pp. 162–166. – EDN HSZXWN.
6. Reutova O. V., Ivanov A.D. Development of pedagogical skills of future physical education teachers as a condition for their professional training // Issues of pedagogy. – 2021. – No. 11–1. – P. 370–373. – EDN TLMYMN.
7. Romanova E.V. Development of cognitive motivation of students of the faculty of physical education in the process of their studies at the university // Modern technologies in physical education and sports: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Tula, November 12–13, 2020. – Tula: Tula Production Printing Association, 2020. – P. 88–92. – EDN USYVMQ.
8. Serebrovskaya N. E., Kanat'yev K.N., Bocharin I.V., Doroshenko A.A. A New Look at Coach Training in the System of Higher Professional Education // Current Issues of Physical Education of Youth and Student Sports: Collection of Papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, October 30, 2020. – Saratov: Saratovsky Istechnik Publishing House, 2020. – Pp. 176–184. – EDN XEBRDO.
9. Shilova A.A. Modern Methods of Additional Education in the Field of Physical Education // Current Issues of Modern Education: Experience and Innovations: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with Distance and International Participation, Ulyanovsk, December 23–24, 2024. – Ulyanovsk: IP Kenshenskaya V.V. (Zebra Publishing House), 2024. – Pp. 77–79. – EDN EMSQSQ.
10. Shokhirev V. V., Rozhansky A.P. The influence of physical education and gamification on improving attention and cognitive functions of students of higher educational institutions // Physical education and sport in the structure of professional education: retrospective, reality and future: materials of the All-Russian scientific and practical conference, Irkutsk, March 31, 2022 / ed. S.M. Struganov. – Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. – P. 381–383. – EDN TSBSBY.

Интернет-коммуникация: виртуальный формат социального действия

Гараева Галина Фаизовна,

доктор философских наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: garaeva307@list.ru

В статье рассматривается социальная природа интернет-коммуникации, которая обусловлена социальной сущностью агентов коммуницирования в виртуальном пространстве. В процессе интернет-коммуникации возникают социальные связи и отношения, создаются смыслы, формируется картина мира, конструируются идентичности, проживаются индивидуальные социальные практики. Предпосылки социальной природы интернет-коммуникации автор связывает с социальной природой самих субъектов коммуникации, а также со смысловым полем коммуницирования.

В статье показаны отличия интернет-коммуникации от традиционного коммуникативного взаимодействия, её технологически опосредованный характер, изменённые пространственно-временные характеристики, возможность анонимного поведения, специфика формирования контекста и предпочтений.

Социальная природа интернет-коммуникации раскрывается через анализ её взаимосвязи с социальным действием, рассматриваются общие и специфические свойства социального действия в коммуникативных процессах актуального и виртуального пространств.

В статье поднимается тема анонимности социального действия в интернет-коммуникации. В этом случае устраняется личная ответственность субъекта интернет-коммуникации и расширяется диапазон действий-реакций, вплоть до асоциальных проявлений.

В целом, интернет-коммуникация способствует как трансформации социальных элементов, в частности социального действия в виртуальном пространстве, так и воспроизводству устойчивых социальных характеристик деятельности человека в актуальной социальной реальности.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, социальная коммуникация, социальное действие, социальный процесс, актуальная социальная реальность, виртуальное пространство.

Введение

Интернет-коммуникация сегодня стала повседневной и необходимой частью жизни современного человека. Как всякое социальное явление, охватывающее огромное количество людей, интернет-коммуникация находится в центре внимания и остаётся актуальным объектом научного анализа.

Целью исследования данной статьи является анализ интернет-коммуникации во взаимосвязи с важнейшей категорией социальной философии – социальным действием, которое обеспечивает существование и воспроизводство социальной реальности на уровне актуального и виртуального существования. Для достижения поставленной цели требуется решение следующих задач:

- раскрыть социальную сущность интернет-коммуникации;
- выявить общее и особенное в социальном действии в условиях традиционной коммуникации и в процессе коммуницирования в виртуальном пространстве;
- рассмотреть социальное действие в аспекте развития его новых форм, порождённых интернет-коммуницированием.

Материалы и методы

Социально-философская рефлексия в отношении интернет-коммуникации сфокусирована на различных её особенностях. В частности, интернет-коммуникация рассматривается как важный элемент виртуального пространства, фактор социализации, эксперимент личности с идентификацией, альтернативная социальная практика и т.д. Но особого внимания требует изучение интернет-коммуникации с точки зрения социального действия, без которого коммуникация не может существовать и воспроизводиться.

Социальное действие как объект философского анализа не было обделено вниманием выдающихся исследователей, в частности К. Маркса, М. Вебера, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, П. Сорокина, Т. Лукмана и др. Но сегодня социальные действия имеют место не только в актуальной реальности, но и в виртуальном пространстве. Особенно значимы социальные действия для интернет-коммуникации, где они обрели специфику, которая требует изучения и анализа. Свой вклад в изучение деятельностного аспекта в виртуальном пространстве внесли Д.В. Иванов, В.И. Игнатьев, А.Н. Степанова, С.В. Бондаренко, В.И. Тищенко, В.Ф. Горохов, А.А. Мищериков и др. Однако, проблематика взаимосвязи интернет-коммуникации и социального действия сохраняет свою актуальность в аспекте дальнейшего развития этих феноменов и выявления корреляции с общей трансформацией социальности в современном мире.

Основная часть

Социальная сущность интернет-коммуникации

Сегодня вряд ли кто-либо станет отрицать, что интернет-коммуникация – это неотъемлемая и важная часть жизни современного человека. Она ассоциируется не только с технологическим успехом, но и принципиально новым социальным пространством, где люди формируют отно-

шения, создают смыслы, взаимодействуют, конструируют идентичности, проживают индивидуальные социальные практики и т.д.

Интернет-коммуникация – это новые возможности, которые обретают субъекты коммуницирования и социальных отношений, прошедшие первичную социализацию в пространстве актуальной социальной реальности. При включенности в интернет-коммуникацию социальная сущность человека не уничтожается, но возникают новые формы её проявления. Иными словами, виртуальная коммуникация остаётся в границах антропосоциокультурных смыслов, социальных координат, нормативного комплекса, который формируется в ходе социализации, в поле актуальной социальной реальности, но при этом у человека есть возможность сформировать модель поведения, которая может учитывать, а может и не считаться с нормативными представлениями и смыслами, усвоенными в результате социализации в актуальном пространстве. Следовательно, можно говорить, что предпосылки социального характера интернет-коммуникации заложены в социальной природе самих субъектов коммуникации, а также в смысловом поле коммуницирования.

Остановимся подробнее на предпосылках и социальных признаках интернет-коммуникации.

Во-первых, коммуникация – явление социальное, имманентно присущее человечеству. Во все времена общество основывается на взаимодействии людей, в нем постоянно происходит обмен сообщениями, документами, мнениями, информацией различного рода. С появлением интернет-коммуникации важнейшая потребность взаимодействия людей в сфере обмена информацией сохраняется, но приходят иные формы и технические способы. Так, например, участники интернет-коммуникации могут обмениваться комментариями с совершенно незнакомыми и физически удалёнными людьми, которые, при этом способны мгновенно отреагировать и в любое время суток разместить информацию. Интернет-коммуникация позволяет людям осуществлять совместную работу в документах, участвовать в онлайн-играх, поддерживать обсуждение на форумах и т.д. Таким образом, интернет-коммуникация сохраняет все известные сущностные признаки передачи информации и интерпретации смыслов между социальными акторами.

Во-вторых, интернет-коммуникация позволяет людям формировать социальные связи и отношения вне социальной дистанции, которая существует в актуальной реальности. К тому же интернет-коммуникация содержит большой диапазон социальных взаимосвязей – от мимолётного общения до установления длительных дружеских контактов, профессионального сотрудничества, семейных отношений. Но при этом, как и в актуальной реальности, возникшие связи и отношения могут существовать разный временной промежуток, зарождаться, воспроизводиться и распадаться и т.д.

В-третьих, социальный характер интернет-коммуницирования проявляется через свободное конструирование социальной реальности в соответствии с индивидуально или коллективно обретаемыми смыслами. Так, в процессе взаимодействия участники онлайн-коммуницирования совместно интерпретируют события, формируют общие нарративы и картину мира, отображают смыслы в форме мемов, хештегов, вирусных трендов и пр.

В-четвёртых, интернет-коммуникация стала особым социальным инструментом самовыражения и позиционирования агентов коммуницирования. Она предоставила участникам процесса коммуникации уникальную

возможность выбора аутентичной или альтернативной самоидентичности в сетевом мире.

В-пятых, социальный характер взаимодействия участников интернет-коммуницирования находит проявление в спонтанно или планомерно формирующихся правилах поведения (нетикет) и механизмах контроля (модерация, блокирование или поощрение лайками, рейтингом и т.д.)

В-шестых, сегодня, в виртуальном пространстве развиваются цифровые формы социальных институтов, имеющие аналоги в актуальной социальной реальности (онлайн-образование, цифровых СМИ, интернет-торговля и т.д.), которые усиливают социальный характер интернет-коммуникации.

В-седьмых, интернет-коммуникация может выступать как интегративное начало социальных процессов, выступать инструментом мобилизации людей для благотворительных социальных инициатив (краудфандинг, петиции, флешмобы и т.д.).

В-восьмых, интернет-коммуникация неразрывно связана с процессом социализации, является важным современным фактором этого процесса, определяет содержание и результативность интернет-социализации. В социальном онлайн-пространстве в ходе коммуницирования усваиваются нормы, модели поведения, ценности характерные для интернет-культуры и отдельных онлайн-сообществ.

В-девятых, социальный характер интернет-коммуникации наглядно проявляется в создании онлайн-сообществ, социальных сетей, профессиональных групп и т.д., что способствует интегративным тенденциям не только в виртуальном формате, но и в актуальном.

Рассмотренные выше ключевые признаки интернет-коммуникации как социального явления (феномена) указывают на социальный характер этого процесса, неразрывную связь с актуальными вопросами реального социального пространства и одновременное присутствие в виртуальном мире дополнительных характеристик социальности в отношении формы её проявления и смыслового спектра.

Отличие социальности в интернет-коммуникации и актуальном социальном пространстве

Несмотря на то, что интернет-коммуникация является социальным явлением, она обладает специфическими характеристиками, которые отличают её от традиционного социального взаимодействия. Безусловно, существенным моментом является то обстоятельство, что для интернет-коммуницирования требуется выполнение технологических условий – опосредование взаимодействия сетевым соединением, наличие компьютера или иных соответствующих девайсов. Но при этом не требуется явленное телесное присутствие, воспринимаемое участниками интернет-коммуницирования. В центре внимания интернет-коммуникации находится информационный смысл, реализуемый как текст, изображение или звук. Сенсорный опыт в интернет-коммуникации присутствует, но он явно ограничен. Иное дело коммуникация в актуальном социальном пространстве, где присутствует видимая физическая (телесная) воплощённость, непосредственное присутствие и многофакторное сенсорное восприятие.

Социальность интернет-коммуникации специфична также в аспекте достоверности или недостоверности идентификации участников коммуникативного процесса, ведь они могут скрыть свой действительный социальный статус, использовать ложную идентификацию или отказаться от всякой информации о себе, закрывшись сетевым именем. Такая форма социальных взаи-

мосвязей неодобряемая в традиционной коммуникации, вполне бытийствует без социального осуждения в виртуальном мире. По умолчанию социум принимает свободу человека в выборе модели поведения в интернет-коммуникации, а виртуальное пространство остаётся площадкой социальных контактов, в ходе которых могут происходить нарушения границ социально одобряемого поведения. По существу, речь идет о специфической форме социальности, которая допускает неоднозначную личностную идентичность, возможность постижения разных, неконтролируемых социальных практик, а также самостоятельный выбор траектории социального движения и взаимодействия, дополняющих актуальное социальное бытие участника сетевой коммуникации.

Особые социальные свойства интернет-коммуникации проявляются и в её пространственно-временных характеристиках. В условиях интернет-коммуницирования стало доступно «стирание» географических границ, появилась мгновенная связь с любой точкой мира, подключённой к глобальной сети; возникла асинхронная модель взаимосвязи, при которой ответ на запрос или реакция на сообщение может поступить не сразу, а по возможности. Традиционный формат коммуницирования по-прежнему сохраняет временные пределы и пространственные границы контактов, привязан к конкретному месту и определенному времени, подразумевает возможность оперативного ответа в обратной связи.

Отличительной особенностью социальной природы интернет-коммуникации можно считать «цифровой след», который остаётся в чатах, постах, историях. Он позволяет поменять форму сохранности социального контакта и добавляет возможность внепространственного и вневременного хранилища социального взаимодействия. Конечно, при традиционной форме коммуницирования также есть «след» взаимодействия, например, в документах, фотоматериалах, описаниях событий и т.д., но его природа предметно-материальна.

Новые свойства социальной сущности коммуникации в виртуальном пространстве определяются и масштабностью охвата участников коммуницирования. Если в традиционном формате количество людей, включенных в коммуникативное взаимодействие ограничено пространственно-временными параметрами, то в виртуальном социальном пространстве аудитория является потенциально глобальной и количественно не ограниченной. Одно сообщение может доходить до миллионов людей, а социальные последствия интернет-коммуникации потенциально могут быть более ощутимыми, чем при традиционном формате.

В то же время следует подчеркнуть, что несмотря на потенциальную масштабность интернет-коммуникации, она основывается на менее устойчивых социальных структурах, чем традиционное коммуницирование. Сетевое сообщество может быстро формироваться, но и быстро распадаться, трансформироваться, а коммуницирование в виртуальном пространстве нередко представляет ситуативную реакцию, которая уходит по мере исчезновения остроты проблематики и иных преходящих факторов.

Принимая во внимание, что социальное взаимодействие в формате интернет-коммуникации во многом определяется добровольными предпочтениями агентов коммуницирования, в основе этой формы коммуникации лежит узко сфокусированный социальный интерес, в то время как в актуальном социальном пространстве коммуникация может быть более широкого спектра, не такой концентрированной в своём фокусе.

Итак, можно сказать, что свойства интернет-коммуникации, в сущности, своей являются социальными и позволяют говорить об этом явлении как о социальном феномене. В то же время вряд ли можно рассматривать её как некую самостоятельную социальную сущность, а скорее, как результат трансформации социального под влиянием высокотехнологичного фактора.

Признаки социальности в пространстве интернет-коммуникации очевидны, однако их проявление качественно отличается от офлайн-пространства в силу опосредования технологиями, допустимости анонимного поведения, стирания пространственно-временных границ, специфики формирования контекста и предпочтений.

В целом, интернет-коммуникация является неотъемлемой и мощной составляющей современного социального пространства, а её социальная природа проявляется в фундаментальных социальных процессах: собственно коммуникации, формировании связей и сообществ, выработке норм, конструировании идентичности, осуществлении индивидуальных и коллективных социальных действий.

Интернет-коммуникация как социальное действие

Для того, чтобы лучше понять социальную природу интернет-коммуникации надо обратиться к одному из важнейших маркеров социальности – социальным действиям, которые рационализируют коммуникативный процесс в виртуальном пространстве и выступают связующим звеном между разными формами социальности.

Деятельностная сущность человека является его ключевой антропологической характеристикой и имеет разнообразные проявления, в том числе в виртуальном пространстве. Социальная деятельность агентов коммуникации интернет-пространства имеет свою специфику, но также и общие свойства, так как в коммуникацию вовлечены все те же люди, которые осуществляют свою жизнедеятельность в актуальной реальности. А это значит, что опыт человека в актуальном социальном пространстве никуда не уходит и как верно отметил Т. Лукман: «Любое конкретное социальное отношение, любое следствие социального действия осаждается в субъективных запасах знания в том или ином виде». [5, 15]

Обращаясь к интернет-коммуникации, при всей её спонтанности, быстротечности, структурной нестабильности мы видим присутствие целесообразности и целенаправленности. В своё время Макс Вебер, рассуждая о сущностных признаках социального действия в качестве первых из четырёх особенностей выделял целерациональные и ценностно рациональные действия. В виртуальном общественном пространстве человек не теряет своей разумной природы и действия его остаются целерациональными, но без конкретного физического наполнения, что имеет место в актуальном формате социальной реальности. Интернет-коммуникация сохраняет за участниками выбор предпочтений, в которых проявляется ценностно рациональный подход, например, при выборе интернет-сообщества, обсуждаемой проблематики, поддержке высказанного мнения и т.д. Иными словами, в обоих формах социального пространства (актуальном и виртуальном) социальное действие имеет цель, определяемую рефлексией субъектов коммуникации и их ценностным выбором.

Социальная деятельность агентов интернет-коммуникации направлена на обмен информацией, поддержание социальных отношений, самовыражение, формирование общественного мнения и т.д. Иными словами, интернет-коммуникация формирует фокус внимания участника коммуникативного процесса не только на самопрезентации и саморефлексии, но и на жиз-

ненном мире другого (–их), что проявляется в диалогах участников, постановке вопросов друг другу, внимании к чужому жизненному опыту и пр. Макс Вебер подчёркивал, что социальным можно назвать такое действие «... которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [1, 603]. В этом контексте, интернет-коммуникация, безусловно, поддерживает интерес людей друг к другу, ориентирована на бесконфликтное общение, уважительное взаимодействие, обеспечиваемое, например, контролем модератора за соблюдением правил общения. По мере закрепления интернет-коммуникации в структуре жизнедеятельности современного человека, социальные нормы взаимодействия и коммуникации становятся неотъемлемым элементом виртуального социального порядка.

Так, модератор удаляет или редактирует сообщения, нарушающие правила, следит за конструктивным и доброжелательным характером атмосферы на платформе интернет-коммуникации, блокирует асоциальные проявления. Таким образом, виртуальное пространство стремится конгруэнтно отражать контуры коммуникативных требований, ранее сформировавшихся в актуальной социальной реальности.

В то же время очевидно, что социальное действие, сопряжённое с интернет-коммуникацией, не отличается глубиной, длительной устойчивостью, стратегической направленностью и пр., так как жизнедеятельность человека в виртуальном пространстве не даёт полноты и подлинности. Мир симулякров не вызывает глубинных когнитивных процессов, а социальность в этих условиях подобна «тени», сохраняющей контуры оригинала и определенную степень осмысленности и целерациональности.

Неразрывная связь интернет-коммуникации с социальными действиями складывается объективно и это особенно заметно в разного рода интернет-сообществах. В этой связи трудно не согласиться с мнением П.А. Сорокина который отмечал: «Любая реально существующая социальная группа отличается от чисто номинального скопления индивидов тем, что её члены находятся в процессе взаимодействия, то есть тем, что поведение и психологическое состояние любого члена группы в значительной степени зависят от деятельности или даже от самого факта существования других членов» [4, 551]. П.С. Сорокин в такой деятельности видел важнейшее условие существования социальной группы, ведь без проявления переживаний, действенных проявлений членов группы «...она превращается в чисто номинальную, «статистическую» или воображаемую совокупность индивидов» [4, 551]. Безусловно, интернет-коммуникация, вне активной коммуникативной деятельности участников сформировавшихся сообществ теряет свое существование. Направленность этой деятельности определяется общими целями социальной коммуникации. Как отмечает Н.А. Ореховская, участники социальной коммуникации преследуют три цели: познавательную (распространение или приобретение новых знаний), побудительную (стимулирование окружающих к какому-либо действиям) и экспрессивную (выражение и получение эмоций) [3, 107]. В интернет-коммуникации эти цели сохраняются, но как правило, они редко имеют комплексное проявление. Чаще социальное действие, сопряжённое с интернет-коммуникацией подчинено какой-то одной задаче и имеет непродолжительный характер, что объясняется лаконичным стилем общения в виртуальном пространстве.

Все, рассмотренные выше характеристики социального действия не исчезают и в случае, когда в усло-

виях интернет-коммуникации участник скрывает свою подлинную идентичность и выступает анонимно, но при этом появляются некоторые специфические характеристики. Анонимный агент интернет-коммуникации остаётся субъектом социального действия в виртуальном пространстве, но уходит от легальной самопрезентации и само– манифестации. Также, социальное действие в условиях анонимного режима интернет-коммуникации устраняет личную ответственность и влияет на характер реакций участников коммуникации вплоть до появления асоциальных проявлений, например, троллинга, хейтспича и др. Итак, можно сделать вывод, что в интернет-коммуникации социальное действие с одной стороны сохраняет существенные признаки, обусловленные базовыми характеристиками человека как агента коммуникации, а с другой стороны позволяет уменьшить степень проявления этих признаков, или даже скрыть их в виртуальном пространстве.

Определённые метаморфозы происходят и в отношениях к «другому» как участнику интернет-коммуницирования. Если в актуальном социальном пространстве всякое социальное действие основывается на определенных ожиданиях реакции (поведения) другого, то в случае с интернет-коммуникацией конкретные ожидания ответного поведения невозможны. Ведь интернет-коммуникация в большинстве своём это некая «воображаемая аудитория», потенциальное количество её участников и их идейные позиции трудно предопределить. Более того, невозможно конкретное ожидание активных социальных действий от всех, кто посетит в разное время коммуникативную интернет-площадку.

Однако было бы неверно, отказывать агентам интернет-коммуникации в возможности ожидаемых ответных действий, если речь идет о конкретных онлайн-сообществах, фандах, группах подписчиков и т.д., которые объединились на основе общих взглядов, принципов и норм. Все это говорит о том, что социальное действие в интернет-коммуникации имеет те же параметры измерений, что и в актуальной социальной реальности, но значительно отличается по степени их выраженности.

Специфика социального действия в ходе интернет-коммуницирования проявляется также в нормативном характере этого явления. И если на ранних этапах нормативность проявлялась незначительно, то по мере вхождения интернет-коммуникации в качестве неотъемлемого элемента жизни современного человека, нормативность укреплялась и стала привычным явлением виртуального пространства. Иными словами, виртуальное пространство не создаёт абсолютно новый тип социального действия, а субъекты коммуникации в силу своей ранее полученной социализации, ориентируются на действие привычных социальных регуляторов, но в ослабленном варианте их воздействия и регулятивности.

В то же время, интернет-коммуникация расширила формы социального действия, включив такие специфические как поставить «лайк», сделать «репост», вызвать реакцию на сообщение посредством «эмодзи» и т.д., которые нагружаются социальным смыслом, связанным с одобрением, осуждением, неприязнью, высмеиванием и др. Интернет-коммуникация также предусматривает и такое специфическое социальное действие как поддержка другого в форме донатов, что аккумулирует в себе эмоциональную реакцию, ценностное отношение, рациональный выбор адресной материальной помощи и т.д. Новые возможности, часть которых упомянута выше, позволяют участникам интернет-коммуникации оперативно и действенно проявлять своё отношение к содержанию информации, но в то же время освобождают

от рационально-вербального обоснования своей реакции. Принимая во внимание динамику социального действия в условиях интернет-коммуницирования, можно констатировать причинно-следственную зависимость между скоростью распространения информации и скоростью социального действия-реакции как взаимосвязанных динамичных явлений. В контексте подобных изменений в коммуникативной практике, вызванных технологическими достижениями, можно говорить об «уплотнении» не только информационных потоков, но и социальных действий, которые подстраиваются под скоростной режим интернет-коммуникации.

Заключение

Современный мир все более усложняется как в своих отдельных элементах, так и в целом. Решающим фактором этих трансформаций выступает, безусловно, мир высоких технологий, который вызвал эпохальное явление – процесс цифровизации. Сегодняшнее общество именуют цифровым, тем самым обозначая масштабы проникновения цифровизации в жизнь современных людей.

Цифровизация – явление многоаспектное, но одним из важных её свойств является огромное влияние на социальную сферу. Если же говорить более предметно, то, как верно отмечают М. Опелька и др.: «Социальное измерение цифровизации проявляется в том, что основным преимуществом среды, трансформированной в цифровой формат, является, по большей части, социальная деятельность, конструирующая социальные институты и системы». [6, 3] Если же говорить о социальной деятельности применительно к интернет-коммуникации, то этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении. Ведь формат интернет-коммуникации способствует одновременно как трансформации социальной деятельности в виртуальном пространстве, так и воспроизводству устойчивых социальных характеристик деятельности человека в актуальной социальной реальности.

Диалектика взаимосвязи коммуникативных процессов виртуального и реального пространств заключает в себе ещё немало проблем, требующих изучения, в первую очередь ради самого человека, которому необходимо понимать пределы трансформации своего социального мира, специфику новых коммуникативных процессов, особенности социального действия в виртуальном пространстве. В этом современном проблемном поле социальное действие и коммуникация не теряют своей объективной взаимосвязи ни в актуальном, ни в виртуальном социальном пространствах. Как верно подчёркивал Н. Луман, «...социальная система конституируется как система действия, но при этом она должна предполагать его коммуникативный контекст; таким образом, и действие, и коммуникация, необходимы, оба они должны постоянно взаимодействовать...» [2, 232]. Высокие технологии, меняя привычные формы социального действия и коммуницирования, не должны разрушать человека и его социальную сущность. В этой связи большое значение имеет своевременное осмысление человеческого своего места в контексте новых технологических реалий и сохранность тех социальных связей, которые нельзя утратить в эйфории технических достижений.

Литература

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 641 с.
3. Ореховская Н.А. К вопросу определения понятия «социальная коммуникация» // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 2. – С. 104–109.
4. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
5. Томас Лукман. Аспекты теории социальной коммуникации // Социологическое обозрение. Том 6. № 3. 2007. – С. 3–20.
6. Michael Opielka, Christian Erfurth. Soziale Digitalisierung Perspektiven zu den Schnittstellen von Technik und Gesellschaft. Springer VS Wiesbaden, 2025. – 549 S.

INTERNET COMMUNICATION: A VIRTUAL FORMAT OF SOCIAL ACTION

Garaeva G.F.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the social nature of Internet communication, which is conditioned by the social nature of communication agents in the virtual space. In the process of Internet communication, social connections and relationships arise, meanings are created, a picture of the world is formed, identities are constructed, individual social practices are lived. The author connects the prerequisites of the social nature of Internet communication with the social nature of the subjects of communication themselves, as well as with the semantic field of communication.

The article shows the differences between Internet communication and traditional communicative interaction, its technologically mediated nature, altered spatial and temporal characteristics, the possibility of anonymous behavior, the specifics of the formation of context and preferences.

The social nature of Internet communication is revealed through the analysis of its relationship with social action, revealing the general and specific properties of social action in the communicative processes of the actual and virtual spaces.

The article raises the topic of anonymity of social action in Internet communication. In this case, the personal responsibility of the subject of Internet communication is eliminated and the range of actions and reactions is expanded, up to antisocial manifestations.

In general, Internet communication promotes both the transformation of social elements, in particular social action in the virtual space, and the reproduction of stable social characteristics of human activity in the current social reality.

Keywords: Internet communication, social communication, social action, social process, actual social reality, virtual space.

References

1. Weber M. Basic sociological concepts // Weber M. Selected works. – M.: Progress, 1990. – 808 p.
2. Luhmann N. Social systems. An essay on the general theory. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2007. 641 p.
3. Orekhovskaya N.A. On the issue of defining the concept of “social communication” // Socio-humanitarian knowledge. 2016. No. 2. pp. 104–109.
4. Sorokin P.A. Social and cultural dynamics. Moscow: Astrel, 2006. 1176 p.
5. Thomas Lukman. Aspects of the theory of social communication // Sociological review. Volume 6. No. 3. 2007. – pp. 3–20.
6. Michael Opielka, Christian Erfurth. Perspectives on the interfaces between technology and society. Springer VS Wiesbaden, 2025–549 p.

Медведь и дракон как национальные символы России и Китая: сравнительный анализ культурных смыслов и исторических традиций

Зарбуева Анастасия Ильинична,

ассистент кафедры русского языка и межкультурной
коммуникации Байкальского Государственного Университета

Национальные символы играют важную роль в формировании идентичности и самоопределении народов. Они являются олицетворением государства, отличительным знаком, включающим в себя основные черты, присущие культуре определенного народа. Исследование таких символов, а также культурных смыслов, которыми народ их наделил, отражает процесс становления этнического сознания. Целью данной статьи является рассмотрение культурного содержания национальных символов России и Китая – медведь и дракон – в контексте развития отношений обеих стран, изучение роли символов в формировании национальной идентичности и отражении духовных ценностей обоих народов. В статье уделяется внимание вопросу о том, почему медведь и дракон были избраны в качестве национальных символов, представлен сравнительный анализ их культурных содержаний, а также рассмотрены глубинные аспекты мировоззрения и исторические особенности этнического развития России и Китая.

Ключевые слова: национальный символ, медведь, дракон, культура России, культура Китая.

В настоящее время Россия и Китай активно развивают свои отношения. Данная тенденция прослеживается не только в политике, экономике, торговле и других сферах, но также находит свое отражение и в культурном сближении. Актуальность данной статьи состоит в возрастающем интересе к межгосударственным культурным обменам в условиях глобализации. Анализ перспектив взаимодействия России и Китая в культуре позволяет выявить ключевые факторы, способствующие укреплению дружбы и взаимопонимания между двумя странами, что особенно важно в условиях международной нестабильности и необходимости поиска новых форм сотрудничества. Говоря о культуре, стоит отметить, что официальные символы государств такие как флаг, герб и гимн играют особую роль в самоидентификации народов. Однако не стоит упускать из виду наличие у каждой страны ряда других неофициальных символов, содержащих информацию об истории, культуре и быте. В данном отношении представляется возможным изучить характеристики национальных символов России и Китая для выявления общих черт, что и является целью данного исследования. В статье представлены результаты сравнительного анализа «китайского дракона» и «русского медведя» как неофициальных национальных символов каждой из стран. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что научные результаты углубляют понимание темы и могут стать вспомогательным элементом в поиске новых форм сотрудничества двух стран, кроме того, с практической точки зрения, результаты исследования могут быть использованы педагогами при чтении некоторых дисциплин таких как культурология, история и т.д.

Китай является представителем восточной культуры, а Россия, географически располагаясь в обоих полушариях, объединила в себе черты западной и восточной культур. Исходя из этого можно предположить, что одним из факторов столь активного и стремительного сближения обеих стран является наличие общего в их культурах. Для подтверждения этого факта можно обратиться к анализу национальных символов, так как этим термином принято обозначать группу специфических для каждой страны понятий из ее истории, культуры и быта, а также из ее традиционной эмблематики, которые имеют главным образом хождение внутри данной страны и лишь отчасти известны за ее пределами и которые не только хорошо узнаваемы национальным населением, но и близки ему и не нуждаются для него ни в каких пояснениях [3]. То есть национальный символ включает в себя культурно значимую информацию, отражающую уникальность и самобытность определенной культуры. Говоря о России, можно отметить, что одним из наиболее ярких ее символов является медведь.

Образ медведя в России

Образ медведя прочно закрепился в русской культуре, символизируя силу, мощь и мудрость народа. Издревле медведь занимал особое место в славянской мифологии и фольклоре. Его почитали как священное животное, связанное с плодородием земли, защитой жилища и благо-

получением семьи [1]. Можно сказать, что медведь также является тотемом для древних славян, так как тотем – это предмет культа у некоторых примитивных племён (животное, режа растение, явление природы и т.п.), считающийся родоначальником и покровителем племени [5].

Для многих восточных славянских племен медведь выступал символом мудрости, храбрости и доблести, являясь также покровителем воинов и охотников. С давних времен с медведем были связаны различные ритуалы такие как медвежья охота или воспитание медведя в человеческой семье. Перед началом охоты исполнялся танец «медвежья пляска» – люди облачались в шкуры медведя и совершали танец, сопровождая его «медвежьими песнями». Такой ритуал был призван способствовать благополучному исходу охоты.

Некоторые медвежьи обряды были связаны с народной медициной, так как считалось, что медведь обладает целительными силами, которые можно призвать с помощью специальных ритуалов. В ряде сибирских традиций широкое распространение получило мнение о том, что достаточно могущественные шаманы способны обращаться медведем, орлом или лосем [1]. Во время обрядов они отождествляли себя с медведем, облачались в медвежьи наряды. Имеются данные об участии медведя в обрядах более формального характера, главная функция которых сводилась к репрезентации царского величия [1].

В те времена люди верили в родство между человеком и медведем, считали его своим родоначальником, прародителем. Славяне, особенно охотники, видели в медведе человека, а культ медведя изначально имел тотемическую и промысловую основу, был традиционно связан с представлением о медведе как о божестве, сыне верховного небесного божества, человеке-предке, культовом герое [4].

В русском фольклоре медведь является яркой и значимой фигурой. Это отражается в сказках, пословицах и поговорках. Так в сказке «Царевна лягушка» медведь помогает главному герою воссоединиться с женой, а в сказке «Дочь и падчерица» медведь представляется как хозяин леса, в котором оказалась главная героиня Маша. Он помогает ей вернуться домой и преподносит ей богатые дары за ее кроткий нрав и умение играть в жмурки. Несмотря на существование целого культа медведя в русской культуре и культуре славян представлений о нем как о символе всего государства не было замечено.

Поскольку медведь является одним из основных героев русских сказок, он аккумулирует мощь, власть, волю, знание, опыт, считается символом божества, царства, мужества, полноправным хозяином леса, что отразилось в русских пословицах и поговорках: «Хозяин в дому, что Медведь в бору: как хочет, так и ворочит», «Медведя бояться – от белки бежать», «Счастлив медведь, что не попался стрелку, и стрелок счастлив, что не попался медведю», «Хорошо медведя в окно дразнить», «Два медведя в одной берлоге не уживутся».

Изучая современное представление русского народа о медведе как о национальном символе России нельзя не упомянуть об истоках этого явления. Почему же именно медведь стал символом России? Ответ на этот вопрос кроется в далеком 16 веке. Впервые упоминания о медведях на Руси появились в «Записках о московских делах» австрийского дипломата барона Сигизмунда фон Герберштена. В то время он путешествовал по стране и писал заметки о политике, экономике, торговле. И, по-видимому, яркое впечатление на него произвела суровая русская зима, когда медведи от голода покидали леса, шли в поселения людей и бегали по улицам в поисках пищи. Таким образом, появился стереотип

о том, что на Руси, и в последствии в России, гуляющих медведей можно встретить прямо на улицах. В первой половине 18 века в Лондоне вышла серия аллегорических гравюр «The European Race» [6]. Одна из них включала изображение медведя, а на нем сверху ездок. Этот образ представляет собой укрощение медведя, подчинение его человеку, где медведь есть олицетворение России. Через эту гравюру можно расценить отношение к России со стороны Европы как к дикой и отсталой стране. Далее, во времена холодной войны образ медведя опасного, дикого и неуправляемого, активно эксплуатировался в западных СМИ для характеристики внешней политики России. Примечательно, что образ медведя, распространённого на западе, переняли в России, чего не замечалось ранее. Однако в России медведь приобрел совсем иную положительную коннотацию отличную от западной. Он стал воплощением силы, мужества и упорства. Так талисманом Олимпийских игр 1980 года стал медведь. А песня «До свидания, наш ласковый Мишка» покорила весь мир.

В настоящее время изображение медведя можно увидеть повсеместно, например на этикетках продуктов питания, в названиях организаций, на одежде и пр. Кроме того, в 2001 году была сформирована политическая партия «Единая Россия» символом, которой стал именно медведь, олицетворяющий силу и мощь. И наконец президент В.В. Путин, говоря о России, иногда использует метафоры, связанные с медведем. Например, в выступлении на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 года он сказал: «Есть древняя пословица: «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку». Может быть, быку и не позволено, но хочу вам сказать, что русский медведь разрешения спрашивать не будет. Вообще, он считается у нас хозяином тайги, и он не собирается – и я знаю это точно – куда-то переезжать в другие климатические зоны, ему там неуютно. Но тайги он своей никому не отдаст, я думаю, что это должно быть понятно» [7]. Здесь медведь – это и сила, и незыблемая уверенность в своей правоте, и стремление к установлению справедливости.

Дракон в китайской культуре

Как уже было отмечено выше, на сегодняшний день все больше набирает обороты развитие отношений России и Китая, происходит становление «союза медведя и дракона» [8].

Дракон в Китае имеет древнюю историю, восходящую к временам династии Шан (16–11 века до н.э.). Изначально он был тотемом одного из древних племён, позже превратившись в универсального защитника государства и императора. «Тотем, как национальный символ, отражает культуру, дух и традиционные ценности нации» [11]. Первые упоминания о драконе в Китае возникли еще в раннем неолите. «После восьми тысяч лет эволюции образа дракона, он был широко принят людьми и на материке, и за рубежом как тотем, духовный символ, культурный феномен, а также приобрел прочную связь с китайским народом» [13]. Хотя дракон не является реальным существом, но в мифологии он считается прародителем китайского народа, так как первый китайский император и основатель цивилизации Фу Си был драконом. Его называли зеленым императором. Происхождение от великого дракона является предметом гордости китайского народа. По преданию, император Хуан-ди имел облик полуживотного-полубожественного существа, которое постепенно трансформировалось в дракона, ставшего символом верховной власти и гармонии мира. Дракон в народных китайских представле-

ниях – это символ силы, величия. «Дракон – национальная китайская эмблема, как бы охраняющая каждый дом, великий друг китайского народа. До сих пор не только изображения дракона сопутствуют китайскому очагу, но и иероглиф дракона по-прежнему означает ум, силу, энергию, способности, цельную натуру и в этом качестве применяется как эмблема всех указанных понятий. Отсюда ясно, почему изображения дракона употреблялись как главная государственная эмблема императорского Китая и эти же изображения были главной отличительной чертой одежды монарха» [3]. В Китае дракон всегда являлся символом императора и императорской власти, поэтому только у императора сына Неба и ближайших его родственников было право на атрибутику дракона.

Буддийские легенды также повлияли на становление образа дракона. Буддизм описывал его как охранителя монастырей и храмов, способствующего сохранению буддийской истины.

Дракон в китайской мифологии имел канонический облик, который по традиции сводился к композиции из девяти черт: рога оленя, голова верблюда, глаза демона, шея змеи, внутренности черепахи (вариант: живот большого моллюска), когти орла, лапы тигра, уши быка, а также то обстоятельство, что дракон слышал не ушами, а рогами [9]. Изображение дракона украшает дворцы императоров, храмы, дома простых жителей и предметы повседневного быта. Китайский календарь включает цикл двенадцати животных, среди которых дракон занимает важное место, поскольку считается одним из наиболее благоприятных знаков зодиака. Следует заметить, что хотя и среди китайских драконов встречались те, что символизируют зло, это было достаточно редким явлением, и в основном дракон имел исключительно положительную оценку. Он воспринимался как символ добра, мира и процветания. Это нашло в свою очередь отражение в праздниках Китая. Во время празднования китайского Нового года народ делал подношения дракону Нянь (年nián – год) [12] и просили его об удачном урожае и всех благах в новом году. Одним из самых ярких традиционных праздников Китая является праздник Драконьих лодок. Происхождение его уходит во времена глубокой древности, когда поэт Цюй Юань в 3 веке до н.э. утопился в реке в знак протеста преследовавших его феодальных властей. А празднование включало в себя плавание на лодках с носами в форме драконьей головы и поднесение даров духу Цюй Юаня.

Современная культура КНР активно поддерживает популярность символики дракона во всех сферах жизни общества. Многие китайские города украшаются изображениями дракона, традиционные праздники не обходятся без символики дракона. Безусловно, национальный символ Китая означает удачу, богатство, процветание и жизненную энергию ци. Это отражается и в китайском фольклоре. Например, существует такая китайская пословица 望子成龙, 望女成凤 wàng zǐ chéng lóng wàng nǚ chéng fèng – возлагать большие надежды на детей [12] (буквально «надеюсь, что сын вырастет драконом, а дочь фениксом»). В этой пословице прослеживается мысль китайского народа о родстве с драконом. Так и в разговоре с президентом США Трампом во время его визита в Китай председатель КНР Си Цзиньпин сказал: «Да, мы такие же, как и наши предки: у нас одинаковые черные волосы, такая же кожа. Нас называют потомками дракона» [10].

Сравнительный анализ

Если сравнить оба национальных символа – медведя и дракона – обнаруживаются интересные параллели. Оба

символа связаны с властью, силой и мудростью. Однако способы выражения этих качеств существенно различаются. Если взять во внимание историю, то можно отметить, что медведь представлялся народу как покровитель племени, а дракон был символом императорской власти. С точки зрения значения медведь обладает моральной силой, а дракон имеет божественную энергию. Говоря о современности, оба образа выполняют функцию поддержания политического имиджа, культурного бренда. Медведь и дракон символизируют приблизительно одинаковые положительные качества такие как сила, мощь, мудрость, величие, единство. Кроме того, культура обоих народов с мифологической точки зрения предполагает родство соответственно с медведем и драконом.

Заключение

Анализ символического значения медведя и дракона позволяет глубже понять специфику культурных традиций России и Китая. Хотя медведь традиционно рассматривается как символ физической силы и нравственной устойчивости, дракон выступает выразителем высшей духовной энергии и космического порядка. Несмотря на внешнее различие, оба символа выполняют важнейшую роль в сохранении национальной идентичности и формирования коллективного сознания российских и китайских народов.

Образы медведя и дракона остаются востребованными и популярными как в традиционных формах искусства, так и в современном медиа-дискурсе, формируя устойчивые представления о характере и особенностях каждой нации. Это свидетельствует о глубине и сложности процессов взаимопроникновения культурных кодов и преемственности традиций.

Проведённое исследование помогает осознать уникальность и многообразие человеческой цивилизации, расширяет горизонты понимания культурных феноменов, способствует развитию межкультурного взаимодействия и взаимопонимания между странами и народами.

Литература

1. Иванов В. В., Топоров В.Н. Медведь // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т.: Т. 2. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 128.
2. Россомехин А. А., Хрусталёв Д.Г. Россия как медведь // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 1 (57). – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cens.ivanovo.ac.ru/almanach/rossomahin-khrustalev-2008.htm>
3. Словарь международной символики и эмблематики. – 3-е изд. – М.: Междунар. отношения, 2001. – 409 с.
4. Сиссе Кумба. Тотемный символ, персонаж русских сказок – медведь // Неофилология. – 2020. – Т. 6, № 21. – С. 164–169.
5. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – [Электронный ресурс]. – М.: Справочно-информационный интернет-портал «Грамота.Ру», 2000. – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/>, свободный. – Загл. с экрана.
6. Рябов О. В. «В лесу есть медведь»: медвежья метафора как оружие холодной войны // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова, А. де Лазари. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cens.ivanovo.ac.ru/abstracts/riabov-2-2008.html> (дата обращения: 17.08.2025)
7. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. – URL: <http://krem->

lin.ru/events/president/news/46860 (дата обращения: 17.08.2025)

8. RuNews24: Информационное агентство [Электронный ресурс]. – М. – URL: <https://runews24.ru/articles/30/10/2023/64619cc7369dd87baed34106e90c3397?ysclid=meft0vix2y281590974>
9. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае / Л.С. Васильев. – М.: Ломоносовъ, 2015. – С. 430–432. – (История. География. Этнография)
10. 人民日报: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Пекин. – URL: https://www.baidu.com/link?url=3HQI7SpcJ1ixQ_j4FINbvPUprZrly3IT9BbO-jPEOh1HXb2MMDP_4bd_gxaR1S1DXFSJ1i0s8GVk-Ofp3GWkVvj0sp7TcXhXm1kfGhdPuqHZS&wd=&eqid=d617d2a8016d20240000000668a224bc
11. Zhang, H., & Zhang, Y.Q. Formation and Development of Chinese Dragon Culture and Sino-foreign Cultural Communication // Journal of Hebei Normal University. – 2008. – Vol. 31, pp. 157–160. – (In Chinese)
12. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://bkrs.info/?ysclid=meg2onw6c7751044727>
13. Zeng, D.C. Chinese Traditional Culture. – Chengdu: Ba-Shu Bookstore, 2001. – (In Chinese)

THE BEAR AND THE DRAGON AS NATIONAL SYMBOLS OF RUSSIA AND CHINA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF CULTURAL MEANINGS AND HISTORICAL TRADITIONS

Zarbueva A.I.

Baikal State University

National symbols play an important role in shaping the identity and self-determination of nations. They are the embodiment of a state, a distinctive mark that encompasses the core features of a particular nation's culture. The study of such symbols, as well as the cultural meanings that the people have attributed to them, reflects the process of the formation of ethnic consciousness. The purpose of this article is to explore the cultural content of the national symbols of Russia and China – the bear and the dragon – in the context of the development of relations between the two countries, and to examine the role of these symbols in shaping national identities and reflecting the spiritual values of both nations. The article focuses on the question of why the bear and the dragon were chosen as national symbols, provides a comparative analysis of their cultural content, and

examines the deep-rooted aspects of the worldview and historical features of the ethnic development of Russia and China.

Keywords: national symbol, bear, dragon, Russian culture, Chinese culture.

References

1. Ivanov V. V., Toporov V.N. Medved // Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia: in 2 vols.: Vol. 2. – Moscow: Great Russian Encyclopedia, 2000. – P. 128.
2. Rossomakhin A. A., Khrustal'ov D.G. Russia as a Bear // New Literary Review. – 2008. – No. 1 (57). – [Electronic resource]. – URL: <https://cens.ivanovo.ac.ru/almanach/rossomakhin-khrustalev-2008.htm>
3. Dictionary of International symbols and emblems. – 3rd ed. – Moscow: Mezhdunarod. Relations, 2001. – 409 p.
4. Cisse Kumba. Totemic symbol, a character in Russian fairy tales – a bear // Neophilology. – 2020. – Vol. 6, No. 21. – Pp. 164–169.
5. The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language / S.A. Kuznetsov. – [Electronic resource]. – Moscow: Reference and Information Internet Portal "Gramota.Ru", 2000. – Access mode: <http://gramota.ru/slovari/>, free. – Title from the screen.
6. Ryabov, O. V. "There's a Bear in the Forest": The Bear Metaphor as a Cold War Weapon // "The Russian Bear": History, Semiotics, and Politics / edited by O.V. Ryabov and A. de Lazari. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
7. Meeting of the Valdai International Discussion Club [Electronic resource]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860> (accessed: 17.08.2025)
8. RuNews24: Information Agency [Electronic resource]. – Moscow. – URL: <https://runews24.ru/articles/30/10/2023/64619cc7369dd87baed34106e90c3397?ysclid=meft0vix2y281590974>
9. Vasilyev, L.S. Cultures, Religions, and Traditions in China / L.S. Vasilyev. – Moscow: Lomonosov, 2015. – Pp. 430–432. – (History. Geography. Ethnography)
10. 人民日报: official website [Electronic resource]. – Beijing. – URL: https://www.baidu.com/link?url=3HQI7SpcJ1ixQ_j4FINbvPUprZrly3IT9BbO-jPEOh1HXb2MMDP_4bd_gxaR1S1DXFS-J1i0s8GVk-Ofp3GWkVvj0sp7TcXhXm1kfGhdPuqHZS&wd=&eqid=d617d2a8016d20240000000668a224bc
11. Zhang, H., & Zhang, Y.Q. Formation and Development of Chinese Dragon Culture and Sino-foreign Cultural Communication // Journal of Hebei Normal University. – 2008. – Vol. 31, pp. 157–160. – (In Chinese)
12. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://bkrs.info/?ysclid=meg2onw6c7751044727>
13. Zeng, D.C. Chinese Traditional Culture. – Chengdu: Ba-Shu Bookstore, 2001. – (In Chinese)

Мобильные технологии как инструмент повышения физической активности в стареющем обществе: современные возможности и перспективы

Плещёв Игорь Евгеньевич,

канд. мед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России
E-mail: doctor.pleshyov@gmail.com

Плещёва Татьяна Николаевна,

старший преподаватель кафедры общей гигиены с экологией, Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России
E-mail: Chuvachko@mail.ru

Преображенский Ярослав Игоревич,

ординатор, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова Минздрава России
E-mail: yasix23@mail.ru

Каракчиев Дмитрий Андреевич,

студент, Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России
E-mail: dkarakchiev@mail.ru

В статье рассматриваются современные цифровые решения как многогранный инструмент трансформации поведенческих паттернов в сфере физической активности среди пожилого населения, а также, их возможная роль в преодолении специфических барьеров старения.

Результаты: установлено, что мобильные технологии демонстрируют значительный потенциал в качестве инструментов изменения поведения, обеспечивая персонализированный мониторинг физической активности, поведенческую обратную связь и социальную поддержку, показывая высокую пользовательскую приемлемость среди пожилых людей, особенно при условии адаптации интерфейсов к возрастным особенностям восприятия.

Ключевые слова: физическая активность, малоподвижный образ жизни, пожилые люди, цифровые технологии, мобильные приложения.

Введение

Около 1,4 миллиарда человек во всем мире двигаются меньше чем рекомендовано на международном уровне по физической активности (ФА) [1]. Эта проблема, особенно ярко выражена среди людей старше 60 лет, так как данная группа населения часто не достигает рекомендуемой нормы в 150 минут умеренной или интенсивной ФА в неделю, что существенно вредит их здоровью и общему благополучию [2]. С учетом ожидания того, что к 2050 году численность стареющего населения превысит один миллиард человек [3], а нынешние тенденции показывают, что люди проводят в среднем от 8 до 11 часов в день в сидячем положении, никогда не было так важно смягчить вредные последствия малоподвижного образа жизни [4].

Сидячее поведение (СП) и физическая неактивность оказывают негативное влияние на здоровье пожилых людей независимо от уровня их ФА. Различия между неактивностью, определяемой как отсутствие умеренной или интенсивной физической активности, и малоподвижным поведением, характеризующимся деятельностью с расходом энергии $\leq 1,5$ метаболических эквивалентов (МЕТ), подчеркивает многогранную проблему устранения этих рисков для здоровья [3]. Эта тонкая дифференциация требует расширения стратегий вмешательства за пределы простого следования рекомендациям по ФА, которые призывают к увеличению энергии и мышечной активности [5], поскольку они модулируются рядом культурных, социальных и личностных факторов, которые способствуют их динамике. Это подчеркивает необходимость комплексных социально-экологических стратегий для продвижения более активного и здорового образа жизни [6].

Сочетание стареющего населения мира и технологических инноваций представляет собой критически важный этап для решения двойной проблемы: физической гиподинамии и малоподвижного образа жизни у пожилых людей. Внедрение услуг электронного здравоохранения (eHealth) и мобильного здравоохранения (mHealth), использующих мобильные устройства и цифровую связь для управления здоровьем, соответствует видению Всемирной организации здравоохранения по содействию развитию общества, ориентированного на здоровье [7]. Эти инновации играют решающую роль в разработке, оценке и внедрении прорывных цифровых технологий оздоровления для точного мониторинга и управления физической активностью и сонливостью [8].

Недавние исследования показывают, что пожилые люди восприимчивы к цифровым медицин-

ским технологиям, которые отвечают их конкретным потребностям с точки зрения функциональности, дизайна, реализации и персонализации [9]. Ключевыми факторами принятия являются возможность заниматься спортом дома, что приветствуется во многих западных культурах, а также предпочтение групповых занятий, которые особенно популярны в азиатских сообществах. Это подчеркивает необходимость парадигмы дизайна, ориентированной на пользователя, при разработке цифровых медицинских решений для пожилых людей, гарантируя, что эти технологии учитывают широкий спектр предпочтений в области физических упражнений и социальных взаимодействий. Кроме того, повышение осведомленности о здоровье и стремление к более высокому качеству жизни являются универсальными мотиваторами, выходящими за рамки культурных границ. Этот краткий обзор проливает свет на сложную динамику между технологиями, СП и ФА поведением у пожилых людей. Он опирается на различные направления исследований и обосновывает творческие подходы к снижению физической неактивности среди стареющего населения, подчеркивая конвергенцию демографических изменений и технологических инноваций [10].

Носимые устройства и начало технологически обусловленного старения

Мобильные технологии (МТ) находятся на переднем крае технологического прогресса, революционизируя способы, которыми пожилые люди занимаются ФА и справляются с СП. Эта концепция относится к электронным устройствам, предназначенным для ношения на теле, либо в качестве аксессуаров, либо встраиваемым в одежду, которые легко интегрируются в повседневные действия, обеспечивая бесконтактное управление и такие функции, как мониторинг здоровья, управление коммуникациями и подключение к сети [11]. Появление носимых устройств представляет собой значительный сдвиг в управлении личным здоровьем и отражает более широкую социальную тенденцию к объединению технологий со здоровьем и благополучием [12]. Эти устройства, которые включают в себя фитнес-трекеры и умные часы, находятся в авангарде этого движения. Они оснащены сложными функциями, которые способствуют самоконтролю, улучшают самосознание и повышают мотивацию, давая людям возможность активно следить за своим здоровьем. Этот аспект особенно важен, учитывая, что укоренившиеся привычки и отсутствие мотивации являются общими триггерами СБ, в то время как повышенная осведомленность о СБ и чувство личной ответственности выступают в качестве мотиваторов для занятий спортом [4]. Предоставляя точные данные о ключевых показателях здоровья, таких как количество пройденных шагов, частота сердечных сокращений, качество сна и осанка, МТ предоставляет информацию, которая позволяет

пользователям принимать обоснованные решения относительно своего здоровья [13].

Преимущества МТ как эффективного средства изменения поведения в сторону более активного образа жизни хорошо документированы в научной литературе. Эти устройства имеют двойную функцию: они позволяют точно отслеживать ФА и СП, а также являются важным инструментом для поощрения поведения, способствующего укреплению здоровья. Эта двойная эффективность позволяет пользователям ставить личные цели и контролировать их выполнение, что, в свою очередь, поощряет изменения в поведении, такие как увеличение количества ежедневных шагов, увеличение продолжительности умеренной и интенсивной ФА и сокращение СП [14]. Интеграция функций постановки целей и обратной связи с результатом, не только обеспечивает приятный пользовательский опыт, но и способствует самоподкрепляющемуся циклу мотивации и успеха. Этот цикл поддерживает постоянное соблюдение программ упражнений и способствует сокращению малоподвижного образа жизни. Кроме того, МТ дает пожилым людям возможность самостоятельно регулировать свое здоровье и благополучие и брать на себя ответственность за них, активно участвуя в уходе за собой [15].

Исследования стратегий, направленных на снижение СП у пожилых людей, показывают, что использование технологий, таких как устройства для мониторинга активности в сочетании с поведенческой обратной связью, воспринимается положительно. Эта группа населения находит такие технологические вмешательства как приятными, так и легко интегрируемыми в их повседневную жизнь, что представляет собой значительный прогресс в усилиях по снижению СП. Особенно ценится адаптируемость этих вмешательств к индивидуальному образу жизни, поскольку они позволяют настраивать их в соответствии с личными распорядками и предпочтениями. Например, МТ можно запрограммировать на отправку напоминаний в то время, когда пользователь, скорее всего, будет неактивен, например, во время длительных периодов просмотра телевизора или после длительной работы за столом. Эта гибкость повышает эффективность механизмов напоминаний [14]. Несмотря на первоначальные колебания, энтузиазм по поводу использования этих технологий остается высоким, главным образом из-за простоты их использования. Кроме того, исследования подчеркивают преимущества фиксации контекстов СП с помощью изображений, что позволяет проводить детальный анализ конкретных видов деятельности и поз, таких как сидя или лежа, за пределами возможностей одних только мониторов активности. Эти результаты подчеркивают осуществимость и положительные результаты использования вмешательств с использованием технологий для снижения сидячего поведения у пожилых людей и подчеркивают необходимость адаптации будущих вмешательств к их возрастной значимо-

сти. Кроме того, теория формирования привычек предполагает, что малоподвижные привычки являются бессознательными решениями. Было показано, что прерывание этих укоренившихся моделей путем их осознания с помощью регулярных подсказок встать и больше двигаться является эффективным. Со временем эти подсказки должны стать излишними, поскольку решение встать, а не сесть становится автоматическим и привычным действием [16].

Дальнейшие инновации в области мобильных технологий представили ряд персонализированных функций, которые интегрируют интерактивные элементы и индивидуальные стратегии обучения для повышения вовлеченности пользователей и удовлетворения особых потребностей менее активных людей [17]. Включение социального измерения в эти устройства повышает мотивацию и ответственность за счет укрепления связей и поддержки сообщества, элементов, которые имеют решающее значение для поддержания физического здоровья. Совместный опыт в отслеживании прогресса и преодолении трудностей укрепляет чувство общности и коллективной цели, подчеркивая центральную роль носимых устройств в поддержании физической активности, улучшении общего благополучия и повышении качества жизни пожилого населения [4].

В целом, исследования подчеркивают эффективность и удовлетворенность пользователей МТ среди пожилых людей и подтверждают преимущества в увеличении физической активности [12]. Тем не менее, важно признать, что первоначальная мотивация не обязательно приводит к устойчивому участию. Продолжение использования зависит от признания пользователем долгосрочных преимуществ, подкрепленных социальной поддержкой и внутренней мотивацией. Такие проблемы, как технологические ограничения и простое восприятие уровней активности, без соответствующих поведенческих корректировок, часто приводят к прекращению использования. Кроме того, в литературе показаны гендерные различия в приверженности, при этом женщины демонстрируют более высокую приверженность. Это указывает на сложность технологий цифрового здравоохранения в продвижении гериатрического мониторинга здоровья и предполагает, что барьеры могут существенно повлиять на долгосрочное использование этих устройств [18].

Появление приложений мобильного (цифрового) здравоохранения представляет собой значительную веху в улучшении ФА и снижении СП у пожилых людей и демонстрирует тенденцию к использованию цифровых медицинских решений в этой группе населения. Приложения mHealth представляют собой мобильное программное обеспечение, разработанное для смартфонов, планшетов и других беспроводных устройств, которые поддерживают услуги, связанные со здоровьем, начиная от мониторинга и управления медицинскими состояниями до предоставления инфор-

мации о здоровье и облегчения поиска специалистов и записи к ним [19]. Распространение смартфонов и носимых устройств среди пожилых людей открыло широкий спектр цифровых видов деятельности, от видеосвязи до использования приложений и просмотра интернета, которые легко вписываются в их повседневную жизнь и подчеркивают их открытость технологическим достижениям. Эти приложения обеспечивают непрерывный мониторинг здоровья, персонализированную обратную связь и функции для поддержки постановки целей и самоконтроля, а также используют шагомеры, структурированные программы упражнений, геймификацию и социальные сети, чтобы сделать ФА как стимулирующей, так и полезной [4].

Для преодоления возможных барьеров в применении МТ крайне важно усовершенствовать пользовательские интерфейсы, повысить четкость дисплеев, улучшить удобство использования устройств и помочь пользователям эффективно интерпретировать данные. Решение этих проблем критически важно для плавной интеграции МТ в повседневную жизнь пожилых людей. Способствуя более широкому внедрению и оптимизации преимуществ для здоровья, эти улучшения могут гарантировать, что мобильные технологии реализуют свой потенциал как бесценные инструменты для улучшения качества жизни и благополучия [17]. Такие целенаправленные улучшения важны не только для поощрения постоянного использования, но и для обеспечения преодоления пользователями трудностей, которые в противном случае могли бы привести к отказу от них.

Цифровые устройства и их использование в тренировочных программах

Интеграция цифровых технологий в программы физических упражнений для пожилых людей означает значительное улучшение качества жизни и уровня физической активности. Этот прогресс достигается благодаря целому ряду цифровых инструментов, таких как компьютеры, игровые консоли, планшеты, смартфоны и технологии виртуальной реальности (VR), каждое из которых адаптировано к конкретным потребностям пожилых людей. Эти инновации меняют ландшафт физической активности, преодолевая традиционные барьеры, такие как социальная изоляция и ограничения мобильности, и увеличивая доступность и привлекательность альтернатив физической активности для этой группы населения [20].

Цифровые устройства, такие как компьютеры, игровые консоли, планшеты и смартфоны, играют решающую роль в продвижении ФА и смягчении СП в стареющем обществе. Технологии захвата движения, такие как Wii и Kinect, предлагают множество возможностей для упражнений, в то время как веб-вмешательства и платформы, предлагают значительные достижения в укреплении здоровья и благополучия пожилых людей. Эти технологические решения не только предлагают жизнеспособ-

ные альтернативы традиционным методам упражнений, но и, как было показано, эффективны в поддержании высокого уровня вовлеченности среди участников, о чем свидетельствуют минимальные показатели отсева и возросшее участие в программах активности [21]. Кроме того, адаптивность и простой доступ к планшетам и смартфонам позволяют пожилым людям эффективно персонализировать свои программы упражнений. Например, удобное приложение может провести пользователя через ряд настраиваемых параметров тренировки, которые адаптируются к их уровню физической подготовки и предпочтениям. Этот тип приложения иллюстрирует, как простой доступ к технологиям облегчает настройку содержания упражнений, способствует независимости и облегчает интеграцию ФА в повседневную жизнь.

Технологии виртуальной реальности, такие как «Oculus Rift» и «HTC Vive», переопределяют парадигму упражнений для пожилых людей, создавая иммерсивные среды, которые поддерживают различные виды ФА, от йоги до езды на велосипеде. Эти платформы используют дисплеи, крепящиеся на голову, и отслеживание движения, чтобы предложить персонализированный и мотивирующий опыт движения, который выходит за рамки традиционных границ ФА [22]. Виртуальные игры, объединяющие физическую активность и развлечения, доказали свою эффективность в удержании интереса пользователей и снижении числа отказов, а также продемонстрировали, что VR делает упражнения более привлекательными для пожилых людей [4]. Вместе с тем для повышения уровня внедрения виртуальной реальности среди старшего поколения необходимо преодолеть трудности, связанные с недостаточной технологической грамотностью, ограничениями здоровья и социально-экономическими барьерами. Ключ к успешной интеграции VR-контента в повседневную жизнь пожилых лежит в создании увлекательных и этически обоснованных приложений, которые будут дополнять взаимодействие с реальным миром.

Исследования показывают, что пожилые пользователи предпочитают VR-опыт, ориентированный на получение удовольствия, что свидетельствует о востребованности данной физической активности как способа вовлечения. Продолжение разработки и изучения этих цифровых платформ имеет критическое значение для расширения их охвата и повышения эффективности, превращая виртуальную реальность в надёжный инструмент социальной интеграции и оздоровления.

Выводы

Мобильные технологии представляют собой трансформативный ресурс для борьбы с эпидемией физической неактивности среди стареющего населения, однако их потенциал может быть полностью реализован только при условии системного подхода к решению вопросов доступности, удобства исполь-

зования и долгосрочной поддержки пользователей в различных социокультурных контекстах.

Литература

1. Guthold R, Stevens GA, Riley LM, Bull FC. World-wide trends in insufficient physical activity from 2001 to 2016: a pooled analysis of 358 population-based surveys with 1.9 million participants. *Lancet Glob Health*. 2018;6(10): e1077-e1086. doi:10.1016/S2214-109X(18)30357-7
2. Bull FC, Al-Ansari SS, Biddle S, et al. World Health Organization 2020 guidelines on physical activity and sedentary behaviour. *Br J Sports Med*. 2020;54(24):1451–1462. doi:10.1136/bjsports-2020-102955
3. Ramalho A, Paulo R, Duarte-Mendes P, Serrano J, Petrica J. Age Unplugged: A Brief Narrative Review on the Intersection of Digital Tools, Sedentary and Physical Activity Behaviors in Community-Dwelling Older Adults. *Healthcare (Basel)*. 2024;12(9):935. doi:10.3390/healthcare12090935
4. Ramalho A, Petrica J. The Quiet Epidemic: An Overview of Emerging Qualitative Research Trends on Sedentary Behavior in Aging Populations. *Healthcare (Basel)*. 2023;11(15):2215. doi:10.3390/healthcare11152215
5. Плещёв И. Е., Ачкасов Е.Е., Николенко В.Н. [и др.]. Роль и специфика физических нагрузок при саркопении у пожилых людей // *Acta Biomedica Scientifica (East Siberian Biomedical Journal)*. – 2023. – Т. 8, № 2. – С. 80–92. – DOI 10.29413/ABS.2023–8.2.8. – EDN FEMFSY.
6. Piggin J. What Is Physical Activity? A Holistic Definition for Teachers, Researchers and Policy Makers. *Front Sports Act Living*. 2020;2:72. doi:10.3389/fspor.2020.00072
7. Плещёва Т. Н., Матвеев Д.В., Плещёв И.Е., Каракчиев Д.А. Роль социальной и цифровой среды на физическую активность в подростковом возрасте // *Социология*. – 2025. – № 7. – С. 116–121. – EDN AXFXCR.
8. Longhini J, Marzaro C, Barger S, et al. Wearable Devices to Improve Physical Activity and Reduce Sedentary Behaviour: An Umbrella Review. *Sports Med Open*. 2024;10(1):9. doi:10.1186/s40798-024-00678-9
9. Weber M, Schmitt KU, Frei A, Puhon MA, Raab AM. Needs assessment in community-dwelling older adults toward digital interventions to promote physical activity: Cross-sectional survey study. *Digit Health*. 2023;9:20552076231203785. doi:10.1177/20552076231203785
10. Portegijs E, Lee C, Zhu X. Activity-friendly environments for active aging: The physical, social, and technology environments. *Front Public Health*. 2023;10:1080148. doi:10.3389/fpubh.2022.1080148
11. Kyytsönen M, Vehko T, Anttila H, Ikonen J. Factors associated with use of wearable technology to support activity, well-being, or a healthy lifestyle in the adult population and among older

adults. PLOS Digit Health. 2023;2(5): e0000245. doi:10.1371/journal.pdig.0000245

12. Кратина И. П., Курах Ю.А., Додонова О.В. Безопасная жизнедеятельность и современные мобильные информационные технологии в сфере контроля индивидуального здоровья // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. – 2023. – № 5(71). – С. 86–90. – EDN MSIOMK.
13. Yen HY, Huang HY. Comparisons of physical activity and sedentary behavior between owners and non-owners of commercial wearable devices. *Perspect Public Health*. 2021;141(2):89–96. doi:10.1177/1757913921989389
14. Liu JY, Kor PP, Chan CP, Kwan RY, Cheung DS. The effectiveness of a wearable activity tracker (WAT)-based intervention to improve physical activity levels in sedentary older adults: A systematic review and meta-analysis. *Arch Gerontol Geriatr*. 2020;91:104211. doi:10.1016/j.archger.2020.104211
15. Shei RJ, Holder IG, Oumsang AS, Paris BA, Paris HL. Wearable activity trackers-advanced technology or advanced marketing?. *Eur J Appl Physiol*. 2022;122(9):1975–1990. doi:10.1007/s00421-022-04951-1
16. Braakhuis H.E.M, Berger M.A.M, Bussmann J.B.J. Effectiveness of healthcare interventions using objective feedback on physical activity: A systematic review and meta-analysis. *J Rehabil Med*. 2019;51(3):151–159. doi:10.2340/16501977-2522
17. Wu S, Li G, Du L, Chen S, Zhang X, He Q. The effectiveness of wearable activity trackers for increasing physical activity and reducing sedentary time in older adults: A systematic review and meta-analysis. *Digit Health*. 2023;9:20552076231176705. doi:10.1177/20552076231176705
18. St Fleur RG, St George SM, Leite R, Kobayashi M, Agosto Y, Jake-Schoffman DE. Use of Fitbit Devices in Physical Activity Intervention Studies Across the Life Course: Narrative Review. *JMIR Mhealth Uhealth*. 2021;9(5): e23411. doi:10.2196/23411
19. Yerrakalva D, Yerrakalva D, Hajna S, Griffin S. Effects of Mobile Health App Interventions on Sedentary Time, Physical Activity, and Fitness in Older Adults: Systematic Review and Meta-Analysis. *J Med Internet Res*. 2019;21(11): e14343. doi:10.2196/14343
20. Mehrabi S, Muñoz JE, Basharat A, et al. Immersive Virtual Reality Exergames to Promote the Well-being of Community-Dwelling Older Adults: Protocol for a Mixed Methods Pilot Study. *JMIR Res Protoc*. 2022;11(6): e32955. doi:10.2196/32955
21. Granet J, Peyrusqué E, Ruiz F, et al. Web-Based Physical Activity Interventions Are Feasible and Beneficial Solutions to Prevent Physical and Mental Health Declines in Community-Dwelling Older Adults During Isolation Periods. *J Gerontol A Biol Sci Med Sci*. 2023;78(3):535–544. doi:10.1093/gerona/glac127
22. Chirico A, Avellone M, Palombi T, et al. Exploring the Psychological Nexus of Virtual and Augmented

Reality on Physical Activity in Older Adults: A Rapid Review. *Behav Sci (Basel)*. 2023;14(1):31. doi:10.3390/bs14010031

MOBILE TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR INCREASING PHYSICAL ACTIVITY IN AN AGING SOCIETY: CURRENT OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

Pleshchev I.E., Pleshcheva T.N., Preobrazhenskiy Ya.I., Karachiev D.A.

Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Health of Russia

The article examines modern digital solutions as a multifaceted tool for transforming behavioral patterns in the field of physical activity among the elderly population, as well as their possible role in overcoming specific barriers to aging.

Results: it has been established that mobile technologies demonstrate significant potential as tools for behavior change, providing personalized monitoring of physical activity, behavioral feedback and social support, showing high user acceptability among the elderly, especially if the interfaces are adapted to age-related perception.

Keywords: physical activity, sedentary lifestyle, elderly, digital technologies, mobile applications.

References

1. Guthold R, Stevens GA, Riley LM, Bull FC. Worldwide trends in insufficient physical activity from 2001 to 2016: a pooled analysis of 358 population-based surveys with 1·9 million participants. *Lancet Glob Health*. 2018;6(10): e1077-e1086. doi:10.1016/S2214-109X(18)30357-7
2. Bull FC, Al-Ansari SS, Biddle S, et al. World Health Organization 2020 guidelines on physical activity and sedentary behaviour. *Br J Sports Med*. 2020;54(24):1451–1462. doi:10.1136/bjsports-2020-102955
3. Ramalho A, Paulo R, Duarte-Mendes P, Serrano J, Petrica J. Age Unplugged: A Brief Narrative Review on the Intersection of Digital Tools, Sedentary and Physical Activity Behaviors in Community-Dwelling Older Adults. *Healthcare (Basel)*. 2024;12(9):935. doi:10.3390/healthcare12090935
4. Ramalho A, Petrica J. The Quiet Epidemic: An Overview of Emerging Qualitative Research Trends on Sedentary Behavior in Aging Populations. *Healthcare (Basel)*. 2023;11(15):2215. doi:10.3390/healthcare11152215
5. Pleshchev I. E., Achkasov E. E., Nikolenko V. N., Shkrebko A. N., Ivanova I. V. Methods of physical rehabilitation of elderly people for the prevention and treatment of sarcopenia. *Acta Biomedica Scientifica*. 2023. Vol. 8(2). Pp. 80–92. <https://doi.org/10.29413/ABS.2023-8.2.8>
6. Piggan J. What Is Physical Activity? A Holistic Definition for Teachers, Researchers and Policy Makers. *Front Sports Act Living*. 2020;2:72. doi:10.3389/fspor.2020.00072
7. Pleshcheva T. N., Matveev D. V., Pleshchev I. E., Karachiev D. A. The role of the social and digital environment on physical activity in adolescence // *Sociology*. 2025. № 7. pp. 116–121.
8. Longhini J, Marzaro C, Barger S, et al. Wearable Devices to Improve Physical Activity and Reduce Sedentary Behaviour: An Umbrella Review. *Sports Med Open*. 2024;10(1):9. doi:10.1186/s40798-024-00678-9
9. Weber M, Schmitt KU, Frei A, Puhan MA, Raab AM. Needs assessment in community-dwelling older adults toward digital interventions to promote physical activity: Cross-sectional survey study. *Digit Health*. 2023;9:20552076231203785. doi:10.1177/20552076231203785
10. Portegijs E, Lee C, Zhu X. Activity-friendly environments for active aging: The physical, social, and technology environments. *Front Public Health*. 2023;10:1080148. doi:10.3389/fpubh.2022.1080148
11. Kyytsönen M, Vehko T, Anttila H, Ikonen J. Factors associated with use of wearable technology to support activity, well-being, or a healthy lifestyle in the adult population and among older

- adults. PLOS Digit Health. 2023;2(5): e0000245. doi:10.1371/journal.pdig.0000245
12. Kratinova I. P., Kurakh Yu. A., Dodonova O.V. Safe living and modern mobile information technologies in the field of individual health control // Bulletin of Lugansk State University named after Vladimir Dahl. – 2023. – № 5(71). – Pp. 86–90.
 13. Yen HY, Huang HY. Comparisons of physical activity and sedentary behavior between owners and non-owners of commercial wearable devices. *Perspect Public Health*. 2021;141(2):89–96. doi:10.1177/1757913921989389
 14. Liu JY, Kor PP, Chan CP, Kwan RY, Cheung DS. The effectiveness of a wearable activity tracker (WAT)-based intervention to improve physical activity levels in sedentary older adults: A systematic review and meta-analysis. *Arch Gerontol Geriatr*. 2020;91:104211. doi:10.1016/j.archger.2020.104211
 15. Shei RJ, Holder IG, Oumsang AS, Paris BA, Paris HL. Wearable activity trackers-advanced technology or advanced marketing?. *Eur J Appl Physiol*. 2022;122(9):1975–1990. doi:10.1007/s00421-022-04951-1
 16. Braakhuis H.E.M, Berger M.A.M, Bussmann J.B.J. Effectiveness of healthcare interventions using objective feedback on physical activity: A systematic review and meta-analysis. *J Rehabil Med*. 2019;51(3):151–159. doi:10.2340/16501977-2522
 17. Wu S, Li G, Du L, Chen S, Zhang X, He Q. The effectiveness of wearable activity trackers for increasing physical activity and reducing sedentary time in older adults: A systematic review and meta-analysis. *Digit Health*. 2023;9:20552076231176705. doi:10.1177/20552076231176705
 18. St Fleur RG, St George SM, Leite R, Kobayashi M, Agosto Y, Jake-Schoffman DE. Use of Fitbit Devices in Physical Activity Intervention Studies Across the Life Course: Narrative Review. *JMIR Mhealth Uhealth*. 2021;9(5): e23411. doi:10.2196/23411
 19. Yerrakalva D, Yerrakalva D, Hajna S, Griffin S. Effects of Mobile Health App Interventions on Sedentary Time, Physical Activity, and Fitness in Older Adults: Systematic Review and Meta-Analysis. *J Med Internet Res*. 2019;21(11): e14343. doi:10.2196/14343
 20. Mehrabi S, Muñoz JE, Basharat A, et al. Immersive Virtual Reality Exergames to Promote the Well-being of Community-Dwelling Older Adults: Protocol for a Mixed Methods Pilot Study. *JMIR Res Protoc*. 2022;11(6): e32955. doi:10.2196/32955
 21. Granet J, Peyrusqué E, Ruiz F, et al. Web-Based Physical Activity Interventions Are Feasible and Beneficial Solutions to Prevent Physical and Mental Health Declines in Community-Dwelling Older Adults During Isolation Periods. *J Gerontol A Biol Sci Med Sci*. 2023;78(3):535–544. doi:10.1093/gerona/glac127
 22. Chirico A, Avellone M, Palombi T, et al. Exploring the Psychological Nexus of Virtual and Augmented Reality on Physical Activity in Older Adults: A Rapid Review. *Behav Sci (Basel)*. 2023;14(1):31. doi:10.3390/bs14010031

Социальные проблемы молодежи и роль молодежных организаций в их решении

Киритив Алина Михайловна,

начальник центра социальных медиа, ФГБОУ ВО
«Технологический университет имени дважды Героя
Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова»

Кирилина Татьяна Юрьевна,

доктор социологических наук, профессор, профессор
кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ФГБОУ ВО
«Технологический университет имени дважды Героя
Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова»

Статья посвящена исследованию социальных проблем молодежи Московского региона и роли молодежных организаций в их решении. В работе рассматриваются ключевые теоретические подходы, включая структурно-функциональный анализ, теорию социального капитала (П. Бурдье, Р. Патнэм), теорию структуризации Э. Гидденса. концепцию молодежной политики И.М. Ильинского, концепцию жизненных стратегий Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова и Эмпирическую основу исследования составил онлайн-опрос 539 респондентов в возрасте 14–35 лет, проведенный в марте 2025 года.

Результаты исследования выявили наиболее актуальные проблемы молодежи: жилищный вопрос, качество медицинской помощи и социальная интеграция инвалидов. Среди личных проблем преобладают материальные трудности и неуверенность в будущем. Молодежные организации, по мнению респондентов, играют важную, но недостаточную роль в решении этих проблем, уступая по значимости государственным структурам и личной инициативе молодежи.

Авторы подчеркивают необходимость создания условий для самореализации молодежи и разработки целевых программ. Статья предлагает рекомендации для повышения эффективности молодежных организаций, включая усиление их адаптивности к запросам молодежи и межведомственное взаимодействие. Исследование актуально для разработки молодежной политики и социальных проектов в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: социальные проблемы молодежи, молодежные организации, Московский регион, жилищный вопрос, социальный капитал, самореализация.

Введение

Исследование социальных проблем молодежи и их решения через деятельность молодежных организаций опирается на несколько ключевых теоретических подходов.

Во-первых, структурно-функциональный подход, который рассматривает молодежные организации как институты социализации, помогающие интегрировать молодых людей в общество через формирование ценностей и навыков. Согласно этой теории, организации компенсируют дисфункции других социальных институтов (семьи, образования), особенно в условиях нестабильности [9].

Во-вторых, теория социального капитала, которая подчеркивает, что молодежные объединения создают сети доверия и сотрудничества, способствующие решению проблем безработицы, социальной изоляции и низкой гражданской активности. Концепция социального капитала Пьера Бурдье, изложенная в работе «Формы капитала» (1986), раскрывает, как сетевые связи и членство в организациях становятся ресурсом для молодежи. Французский ученый определяет социальный капитал как совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью отношений взаимного знакомства и признания [1; 7].

В контексте молодежных организаций это означает, что участие дает доступ к ценным связям (сверстникам, наставникам, потенциальным работодателям), которые могут быть конвертированы в экономический или культурный капитал (например, трудоустройство через рекомендации). Мотивация молодых людей часто связана именно с этой инструментальной выгодой, особенно в условиях конкурентного рынка труда.

Роберт Патнэм в книге «Чтобы демократия сработала» (1993) и работе «Боулинг в одиночку: Крушение и возрождение американского сообщества» (2000) отмечает коллективное измерение социального капитала [10; 11]. Роберт Патнэм разделяет социальный капитал связующий (bonding, внутри группы) и мостовидный (bridging, между группами), подчеркивая роль молодежных организаций как «школ гражданственности». Для Р. Патнэма такие объединения формируют у участников навыки сотрудничества, доверие к институтам и чувство общей ответственности, что особенно важно в эпоху атомизации общества [11]. Эмпирически это проявляется, например, в том, что участники волонтерских движений чаще вовлекаются в локальные инициативы и демонстрируют более высокий уровень политической активности.

Синтез идей П. Бурдье и Р. Патнэма позволяет объяснить разнообразие мотиваций участия молодежи в общественных организациях: от прагматичного наращивания ресурсов до стремления к солидарности. Например, данные по проекту «Твой Ход» (Росмолодежь, 2024) показывают, что студенты, ориентированные на карьеру, ценят доступ к экспертам, а участники экологических движений – чувство принадлежности к «сообществу единомышленников» [11].

Третий важный аспект – теория структуризации Энтони Гидденса, позволяющая преодолеть дуализм между макроструктурами и индивидуальным действием. В своей

работе «Устройство общества: Очерк теории структуризации» Э. Гидденс утверждает, что социальные структуры (правила, ресурсы, институты) не просто ограничивают, но и воспроизводятся через практики агентов. Применительно к молодежи это означает, что, с одной стороны, их участие в общественных организациях определяется внешними условиями (государственной политикой, экономическими возможностями), а с другой – они активно трансформируют эти структуры, например, создавая новые форматы волонтерства или переосмысливая традиционные ценности организаций [8].

Четвертый подход – концепция молодежной политики И.М. Ильинского, которая определяет государственные и общественные механизмы поддержки молодежи. Концепция молодежной политики И.М. Ильинского основывается на идее формирования условий для всестороннего развития молодежи как стратегического ресурса общества. Ильинский подчеркивает, что молодежь – это не только объект воспитания и социализации, но и активный субъект социальных преобразований. Ключевой задачей молодежной политики он считает создание механизмов, позволяющих молодым людям реализовать свой потенциал в образовании, трудоустройстве, творчестве и общественной жизни. При этом особое внимание уделяется преодолению таких проблем, как социальное неравенство, безработица и отсутствие перспектив, которые могут привести к маргинализации молодежи [5].

Важным аспектом концепции является интеграция молодежи в процессы модернизации общества. И.М. Ильинский акцентирует необходимость сочетания государственной поддержки с инициативами самих молодых людей. Это включает развитие молодежных организаций, программ волонтерства, образовательных проектов и культурных мероприятий. По его мнению, молодежная политика должна быть направлена не только на решение текущих проблем, но и на формирование ценностей, способствующих устойчивому развитию общества. Например, воспитание гражданской ответственности, толерантности и стремления к инновациям. В современных условиях концепция И.М. Ильинского остается актуальной, особенно в контексте вызовов цифровизации, глобализации и изменений на рынке труда. Его подход подчеркивает, что эффективная молодежная политика требует межсекторального взаимодействия: участия государства, бизнеса, образовательных учреждений и общественных организаций. Критически важным является учет региональных особенностей и интересов разных групп молодежи – от студентов до молодых специалистов и предпринимателей. Таким образом, идеи И.М. Ильинского служат основой для разработки гибких стратегий, направленных на включение молодежи в социально-экономические и культурные процессы.

Анализ различных социальных проблем и роли молодежных общественных организаций в их решении возможен сквозь призму концепции жизненных стратегий Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова. Авторы отмечают, что эффективность таких организаций зависит от их автономности и способности адаптироваться к запросам молодежи. В представлении Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова проблемы молодежи структурируются по сферам жизнедеятельности: труд, образование, быт, семейные отношения, культура, общественная жизнь [2; 3; 4; 6; 12].

Таким образом, исследование сочетает макроуровневый анализ (роль организаций в социальной системе) и микроуровневые факторы (мотивация, доступ к ресурсам), что позволяет предложить комплексные решения.

Проблема исследования заключается в противоречии между наличием многочисленных молодежных организаций (как государственных, так и общественных),

недостатком информации о б их реальном влиянии на решение актуальных социальных и личных проблем молодежи Московского региона. В частности, остается неясным, насколько такие организации способны эффективно реагировать на запросы молодежи, выступать посредниками между государством и молодыми людьми и способствовать их социальной адаптации. Современная молодежь сталкивается с комплексом социальных проблем, включая трудности трудоустройства, отсутствие доступного жилья, недостаточное качество образования, социальную исключенность и низкий уровень вовлеченности в общественно-политическую жизнь.

Цель данной статьи – выявить наиболее актуальные проблемы молодежи Московского региона и определить роль молодежных организаций в их решении. Исследовательский вопрос, который мы ставим в данной статье: как молодежные организации влияют на решение социальных проблем молодежи Московского региона и какие факторы определяют эффективность их деятельности?

Методология и результаты исследования

Эмпирической базой стало исследование социальных проблем молодежи и роли молодежных организаций в их решении, проведенное в марте 2025 года в форме онлайн-опроса. Участниками исследования выступили 539 респондента в возрасте от 14 до 35 лет. Выборка стратификационная случайная. Ошибка выборки (для 539 респондентов при доверительной вероятности 95% и максимальной дисперсии $p = 0,5$). Ошибка $\approx \pm 4,2\%$. Эмпирическим объектом исследования выступила учащаяся молодежь Московского региона. Около половины респондентов (44,7%) имеют среднее специальное образование, каждый четвертый (25%) – неполное среднее, каждый шестой (16%) – полное среднее, 9,5% – имеют высшее образование.

К ограничениям исследования можно отнести региональную специфику. Данные актуальны в первую очередь для Московского региона. Наряду с этим, Московский регион представляет собой уникальную площадку для изучения вовлеченности молодежи в деятельность общественных организаций в силу высокой концентрации молодежных организаций и инфраструктуры. Так, Москва является центром федеральных и региональных молодежных объединений (Росмолодежь, крупные НКО, волонтерские движения). Здесь сосредоточены ресурсные центры, организации-грантодатели и образовательные площадки. Также в данном регионе создана развитая экосистема поддержки инициатив (конкурсы, форумы, акселераторы). Исследование Московского региона позволяет: охватить максимально разнообразные формы молодежного участия (от волонтерства до политических движений); проанализировать эффективные и проблемные кейсы вовлечения; сформулировать рекомендации как для столицы, так и для других регионов России.

В исследовании были заложены следующие показатели:

- оценка социальных проблем (по 10-балльной шкале);
- актуальные личные проблемы респондентов;
- субъекты решения молодежных проблем;
- опыт обращения в социальные службы;
- эффективные механизмы решения социальных проблем молодежи;
- пол;
- возраст;
- образование;
- профессиональный статус.

Данные показатели позволяют комплексно изучить социальные проблемы молодежи и роль молодежных организаций в решении данных проблем.

Результаты авторского исследования

Оценка социальных проблем молодежи Московского региона

Согласно приведенному нами исследованию, наиболее актуальными для молодежи Московского региона социальными проблемами являются: жилищная проблема (8,32 балла), занимающая первое место; качество медицинской помощи (7,97 балла) и проблемы пожилых людей (7,97 балла), разделяющие второе место, подчеркивая важность здравоохранения и социальной поддержки старшего поколения. На третьем месте находятся проблемы инвалидов (7,93 балла), что свидетельствует о необходимости улучшения их социальной интеграции и доступности среды (рис. 1).

Проблемы наркомании, алкоголизма и курения (7,86 балла), межнациональных отношений (7,75 балла), доступность высшего образования (7,74 балла), нехватка рабочих мест (7,69 балла) и проблемы молодых семей (7,69 балла) оцениваются как важные, но менее критичные по сравнению с лидерами рейтинга. Демографическая проблема (7,16 балла) – хотя и остается значимой, респонденты оценивают ее как менее актуальную по сравнению с другими.

Рис. 1. Оценка респондентами по 10-ти балльной шкале социальных проблем, существующих в российском обществе (где 1 – совсем не важно, 10 – очень важно)

Актуальные личные проблемы респондентов

В рамках данного исследования важно было выявить наиболее значимые личные проблемы респондентов. В представлении молодежи Московского региона жилищный вопрос является не только самой значимой социальной проблемой, но и наиболее актуальной личной проблемой (40,3%). Второй по важности проблемой являются материальные трудности (38,2%). На третьем и четвертом местах оказались: политическая обстановка в стране (32,1%) и неуверенность в завтрашнем дне (31,9%), что отражает тревожность респондентов относительно будущего и стабильности в стране (рис. 2).

Проблемы трудоустройства являются актуальными почти для трети опрошенных (29,3%). Трудности с получением хорошего образования важны для четверти респондентов (25,7%). Характер работы и условия труда (17,3%); время, проводимое в интернете/гаджетах (17,3%), страх за себя и близких (16,2%), алкоголизм,

курение, наркомания (16,0%) – эти проблемы волнуют примерно каждого шестого участника опроса.

Наименее актуальными для молодежи Московского региона оказались такие проблемы, как: конфликты с родителями (8,6%), отношения в семье (8,2%), отношения в коллективе (8,2%), разногласия со старшим поколением на работе (7,0%). Это указывает на относительно низкую значимость для респондентов разного рода конфликтов, в том числе и конфликта «отцов» и «детей».

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие проблемы для Вас наиболее актуальны на данный момент?» (в % от общего числа респондентов)

Жилищный вопрос является самой острой проблемой для респондентов всех уровней образования, но наиболее выражен среди лиц с незаконченным высшим (47,8%) и средним специальным образованием (45,1%). Это еще раз подчеркивает высокую значимость проблемы жилья для молодежи Московского региона. Материальные трудности также значимы, особенно для респондентов со средним специальным (43,2%) и высшим образованием (38,0%).

Проблема неуверенности в завтрашнем дне наиболее характерна для лиц с высшим образованием (46,0%), что может быть связано с повышенными ожиданиями и требованиями к качеству жизни. Политическая обстановка в стране волнует в первую очередь людей с высшим образованием (46,0%), что может указывать на их большую вовлеченность в общественные процессы.

Исследование выявило некоторые различия в оценке личных проблем у респондентов разного уровня образования. Так, проблемы трудоустройства наиболее актуальны для лиц со средним специальным образованием (35,9%) и неполным средним (26,1%), что отражает трудности этой группы на рынке труда. Трудности с получением хорошего образования чаще отмечают респонденты с высшим образованием (32,0%), возможно, из-за их стремления к дальнейшему профессиональному росту. Неумение ориентироваться в жизни и скучное времяпрепровождение чаще встречаются среди лиц с неполным средним (16,8%) и полным средним образованием (22,4% и 17,1% соответственно), что может свидетель-

ствовать о недостатке социальных и профессиональных ориентиров.

Наименее значимыми проблемами во всех группах оказались конфликты с родителями; отношения в семье и разногласия на работе, но немного выше среди

лиц с неполным средним образованием. Алкоголизм, курение, наркомания наиболее актуальны для респондентов с высшим образованием (22,0%), что может быть связано с их осознанием последствий этих проблем (табл. 1).

Таблица 1. Комбинационная таблица: Какие проблемы для Вас наиболее актуальны на данный момент / уровень образования (%)

Личные проблемы респондентов	Уровень образования респондентов					
	высшее	незаконченное высшее	неполное среднее	среднее специальное	полное среднее	всего
Проблемы трудоустройства	16,0	26,1	26,1	35,9	26,3	29,3
Жилищный вопрос	40,0	47,8	28,6	45,1	43,4	40,3
Трудности с получением хорошего образования	32,0	21,7	23,5	27,2	22,4	25,7
Материальные трудности	38,0	21,7	35,3	43,2	34,2	38,2
Неуверенность в завтрашнем дне	46,0	39,1	28,6	32,5	23,7	31,9
Отсутствие идеалов, атмосфера бездуховности	14,0	13,0	9,2	11,7	14,5	11,8
Политическая обстановка в стране	46,0	26,1	28,6	33,0	27,6	32,1
Неумение ориентироваться в жизни	6,0	8,7	16,8	12,1	22,4	14,1
Нечем заняться в свободное время, скучно	0,0	8,7	16,8	11,7	17,1	12,4
Конфликты с родителями	10,0	4,3	8,4	8,3	10,5	8,6
Отношения в семье	4,0	0,0	11,8	6,8	11,8	8,2
Характер работы, условия труда	18,0	21,7	13,4	20,4	13,2	17,3
Разногласия со старшим поколением на работе	4,0	8,7	7,6	8,3	3,9	7,0
Страх за себя, своих детей, близких	24,0	13,0	16,0	16,0	13,2	16,2
Неустроенность личной жизни	10,0	17,4	16,8	13,1	14,5	14,1
Отношения в коллективе	12,0	13,0	11,8	5,3	6,6	8,2
Много времени в интернете/в гаджетах/смартфонах	20,0	21,7	12,6	18,0	19,7	17,3
Не хотят учиться и работать/хотят все и сразу	20,0	4,3	14,3	13,1	5,3	12,4
Отсутствие цели в жизни/безответственные/инфантильные	12,0	8,7	16,8	12,6	14,5	13,7
Алкоголизм, курение, наркомания	22,0	8,7	14,3	18,9	9,2	16,0

Сравнительный анализ личных проблем для респондентов разного пола продемонстрировал, что жилищный вопрос и материальные трудности являются наиболее острыми проблемами для участников опроса обоих полов, но женщины чаще отмечают их значимость (42,6% и 41,4% соответственно) по сравнению с мужчинами (39,1% и 36,5%).

Политическая обстановка в стране и неуверенность в завтрашнем дне также волнуют женщин больше (34,6% и 33,3%), чем мужчин (30,8% и 31,1%). Трудности с получением хорошего образования оказались более актуальными для респондентов женского пола (30,2%), чем для респондентов мужского пола (23,4%), что может быть связано с их стремлением к профессиональной реализации. Также среди женщин более распространен страх за себя, своих детей и близких (21,6%), чем мужчины

(13,5%), что отражает их повышенную тревожность в вопросах безопасности и благополучия семьи. Женщины чаще чем мужчины испытывают проблемы, связанные с работой: трудности с условиями труда, разногласиями со старшим поколением на работе.

Для мужчин более критичной, чем для женщин оказалась проблема времени, проводимом в интернете/гаджетах (20,4% и 15,7% соответственно), что может указывать на большую вовлеченность респондентов мужского пола в цифровую среду. Алкоголизм, курение, наркомания немного чаще беспокоят мужчин (16,7%), чем женщины (14,8%).

Конфликты с родителями и отношения в семье имеют схожие показатели у респондентов обоих полов (около 8–9%). Респонденты мужского пола, в свою очередь, чаще отмечают неустроенность личной жизни и отсут-

ствие цели в жизни (15,4% и 14,7%), тогда как женщины меньше акцентируют на них внимание (11,7% и 11,7%) (табл. 2).

Таблица 2. Комбинационная таблица: Какие проблемы для Вас наиболее актуальны на данный момент/ пол респондента (%)

Личные проблемы респондентов	Пол респондентов	
	мужской	женский
Проблемы трудоустройства	28,5	30,9
Жилищный вопрос	39,1	42,6
Трудности с получением хорошего образования	23,4	30,2
Материальные трудности	36,5	41,4
Неуверенность в завтрашнем дне	31,1	33,3
Отсутствие идеалов, атмосфера бездуховности	13,1	9,3
Политическая обстановка в стране	30,8	34,6
Неумение ориентироваться в жизни	14,4	13,6
Нечем заняться в свободное время, скучно	12,5	12,3
Конфликты с родителями	8,7	8,6
Отношения в семье	8,0	8,6
Характер работы, условия труда	16,3	19,1
Разногласия со старшим поколением на работе	6,4	8,0
Страх за себя, своих детей, близких	13,5	21,6
Неустроенность личной жизни	15,4	11,7
Отношения в коллективе	7,4	9,9
Много времени в интернете/в гаджетах/смартфонах	15,7	20,4
Не хотят учиться и работать/хотят все и сразу	11,5	14,2
Отсутствие цели в жизни/безответственные/инфантильные	14,7	11,7
Алкоголизм, курение, наркомания	16,7	14,8

Субъекты решения молодежных проблем

Одной из задач данного исследования было изучение мнения молодежи Московского региона о субъектах, ответственных за решение молодежных проблем. Респондентам предлагалось выбрать не более трех вариантов ответа, что позволило выявить приоритеты в восприятии роли различных институтов и групп в решении актуальных вопросов молодежи. Более трети респондентов (34,0%) считают, что молодежные проблемы должны решаться в первую очередь самой молодежью. Это свидетельствует о высокой значимости самостоятельности и активности молодых людей в преодолении трудностей, что соответствует современным трендам на развитие субъектности молодежи.

Государственные структуры также занимают значимое место в ответах респондентов. Правительство РФ выбрали 30,4% опрошенных, а Президент РФ – 21,2%. Это отражает ожидания от федеральных органов власти в формировании и реализации молодежной политики. При этом Государственная Дума (19,1%) и Совет Федерации (13,2%) получили меньшую поддержку, что

может указывать на различия в восприятии эффективности этих институтов. Родители как субъект решения молодежных проблем были отмечены четвертью респондентов (24,6%). Это подчеркивает традиционную роль семьи в поддержке молодого поколения, несмотря на растущую автономизацию молодежи.

Губернаторы и мэры (16,8%), а также органы местного самоуправления (10,2%) получили относительно скромные результаты, что может отражать критическое отношение к их роли в решении молодежных вопросов.

Международные организации (12,5%) и волонтерские объединения (5,5%) оказались на периферии внимания респондентов. Это может быть связано с их удаленностью от повседневных проблем молодежи или недостаточной информированностью об их деятельности (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: Кто, на Ваш взгляд, должен в первую очередь решать молодежные проблемы? (в % от общего числа респондентов)

Как молодые респонденты Московского региона оценивают роль молодежных и общественных организаций в решении их проблем? Исследование показало, что молодежные организации (20,4%) и общественные организации (13,4%) входят в число значимых акторов. Однако их доля ниже, чем у государственных структур, что может говорить о недостаточной осведомленности или не очень высоком доверии к их возможностям. Значимость деятельности данных организаций в решении молодежных проблем уступает усилиям и самой молодежи (34,0%), и правительства РФ (30,4%) и родителей (24,6%).

Общественные организации, в свою очередь, получили 13,4%, что указывает на их умеренную роль в глазах населения. Их потенциал может быть связан с реализацией локальных инициатив, поддержкой социальных проектов и предоставлением платформы для самореализации молодежи. Однако их влияние ограничено по сравнению с государственными структурами, что может объясняться недостаточной ресурсной базой или низкой осведомленностью о их деятельности среди широкой аудитории.

Опыт обращения в социальные службы

Результаты исследования показывают, что большинство респондентов знают о существовании указанных в анкете

социальные службы, но лишь небольшая часть активно обращается к ним за помощью (табл. 3). Наибольшую осведомленность демонстрируют наркологическая служба (75,1%) и телефон доверия (72,2%), что может быть связано с широкой информационной кампанией или высокой актуальностью этих услуг, например, для автолюбителей. Однако уровень обращений в эти службы остается низким: только 3,7% респондентов или их знакомых пользовались наркологической помощью, а 8,3% – телефоном доверия. Это говорит о возможных барьерах, таких как стигматизация, недоверие или недостаточная информированность о конкретных возможностях служб.

Социальные приюты и центры занятости также известны значительной части молодежи (64,9% и 67,3% соответственно), но активное использование этих услуг остается ограниченным (3,9% и 10,9%). Центры занятости пользуются сравнительно большим спросом, что может объясняться их практической направленностью и востребованностью среди молодых людей, ищущих работу или стажировки.

При этом заметная доля респондентов ничего не слышала о перечисленных службах: от 19,5% (телефон доверия) до 31,2% (социальные приюты). Это указывает на пробелы в информировании молодежи, особенно о менее «популярных» службах, таких как приюты.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: Обращались ли Вы в перечисленные ниже социальные службы для молодежи (%)

№	Название службы	Знаю, что есть такие службы	Обращался сам или знакомые	Ничего не слышал об этом
1	Телефон доверия	72,2	8,3	19,5
2	Наркологическая служба	75,1	3,7	21,2
3	Социальные приюты	64,9	3,9	31,2
4	Центр занятости	67,3	10,9	21,7

Эффективные механизмы решения социальных проблем молодежи

На рисунке 4 представлены результаты исследования, отражающие мнение молодежи Московского региона о наиболее эффективных механизмах решения их проблем. Данные показывают четкие приоритеты и ожидания молодых людей в отношении мер поддержки и развития.

На первом месте с большим отрывом находится такой механизм как создание условий для самореализации молодежи (67,8%). Это свидетельствует о том, что молодые люди ценят возможности для личного и профессионального роста, включая доступ к образованию, карьерным перспективам и творческим проектам.

Следующим по значимости механизмом является разработка и реализация молодежных программ и проектов (56,9%). Это подчеркивает важность целенаправленной политики, учитывающей специфические потребности молодежи, а также необходимость вовлечения их в процесс принятия решений.

Также высокие оценки получили развитие малого и среднего бизнеса (49,0%) и вовлечение молодежи в социально-значимую деятельность (47,8%). Эти данные отражают стремление молодых людей к экономиче-

ческой самостоятельности и активному участию в жизни общества.

Популяризация здорового образа жизни (43,1%) и профориентационная работа (40,5%) занимают средние позиции, что указывает на их востребованность, но меньшую приоритетность по сравнению с другими мерами.

Наименьшую поддержку получило усиление межведомственного взаимодействия (22,0%). Это может говорить о том, что молодежь либо не видит прямой связи между этим механизмом и решением своих проблем, либо недостаточно информирована о его потенциальных преимуществах (рис. 4).

Рис. 4. Наиболее эффективные, в представлении молодежи Московского региона, механизмы решения проблем молодежи (%)

Исследование выявило некоторые различия в восприятии эффективных механизмов решения молодежных проблем среди респондентов мужского и женского пола, а также общие тенденции.

Так, создание условий для самореализации остается главным приоритетом для респондентов обоего пола, но женщины поддерживают эту меру несколько чаще (69,0% против 67,2% у мужчин). Это может отражать их стремление к равным возможностям в образовании и карьере.

Разработка молодежных программ и проектов важна для всех, однако мужчины оценивают ее чуть выше (57,5% против 55,6%). Возможно, это связано с их большей вовлеченностью в структурированные инициативы.

Гендерные различия были выявлены в отношении профориентации как эффективных механизмов решения молодежных проблем. Женщины значительно чаще видят эффективность профориентационной работы (49,1% против 36,4%). Это может объясняться их интересом к четким карьерным траекториям или необходимостью преодолевать барьеры на рынке труда.

Социально-значимая деятельность также оказалась более популярной среди женщин (50,3% против 46,7%), что согласуется с традиционно высокой вовлеченностью женщин в волонтерство и социальные проекты.

Здоровый образ жизни также чаще поддерживается женщинами (45,6% против 41,9%), что соответствует общемировым тенденциям, где женщины активнее следят за здоровьем.

Развитие бизнеса и межведомственное взаимодействие получили почти одинаковую оценку у обоих полов, но мужчины чуть чаще акцентируют бизнес (49,2% против 48,5%), а женщины – социальную активность (табл. 4).

При оценке эффективных механизмов решения молодежных проблем были выявлены значительные различия в приоритетах среди групп с разным образовательным бэкграундом (табл. 5).

Таблица 4. Наиболее эффективные, в представлении молодежи Московского региона, механизмы решения проблем молодежи / пол респондентов (%)

Механизмы решения проблем молодежи	Пол респондента		Всего
	мужской	женский	
Разработка и реализация молодежных программ и проектов	57,5	55,6	56,9
Усиление межведомственного взаимодействия	22,8	20,5	22,0
Вовлечение молодежи в социально-значимую деятельность	46,7	50,3	47,8
Создание условий для самореализации молодежи	67,2	69,0	67,8
Развитие малого и среднего бизнеса	49,2	48,5	49,0
Профориентационная работа	36,4	49,1	40,5
Популяризация здорового образа жизни	41,9	45,6	43,1

Так, создание условий для самореализации остается самым важным механизмом для всех групп, но особенно для респондентов с высшим образованием (72,5%) и средним специальным образованием (71,3%). Это подчеркивает их запрос на доступ к возможностям для профессионального и личностного роста.

Разработка молодежных программ и проектов наиболее востребована среди лиц с полным средним (64,3%)

и высшим образованием (62,7%). Наименьший интерес проявляют те, у кого неполное среднее образование (52,2%), что может указывать на их меньшую вовлеченность в организованные инициативы.

Вовлечение в социально-значимую деятельность особенно важно для респондентов с высшим образованием (66,7%), тогда как группы с незаконченным высшим и средним образованием оценивают этот механизм ниже (44–48%). Это говорит о связи между уровнем образования и социальной активностью.

Профориентационная работа наиболее критична для лиц с высшим (66,7%) и студентов (56,0%). Для групп с полным средним образованием ее значимость резко падает (28,6%), вероятно, из-за их меньшей ориентации на карьерное планирование.

Популяризация ЗОЖ демонстрирует резкие контрасты. Максимальная поддержка у респондентов с высшим образованием (64,7%). Минимальная – у группы с незаконченным высшим (28,0%). Это может отражать различия в информированности и ценностных установках.

Развитие бизнеса наиболее актуально для лиц со средним специальным образованием (52,3%), что связано с их практической ориентацией. Группа с высшим образованием менее заинтересована (41,2%), возможно, из-за фокуса на работу по найму, а не на предпринимательство.

Межведомственное взаимодействие наименее популярно среди всех, особенно у респондентов с высшим образованием (13,7%). Это подтверждает общую тенденцию его недооценки молодежью.

Таблиц 5. Наиболее эффективные, в представлении молодежи Московского региона, механизмы решения проблем молодежи / Уровень образования респондентов (%)

Механизмы решения проблем молодежи	Уровень образования респондентов					
	высшее	незаконченное высшее	неполное среднее	среднее специальное	полное среднее	все
Разработка и реализация молодежных программ и проектов	62,7	56,0	52,2	55,7	64,3	56,9
Усиление межведомственного взаимодействия	13,7	24,0	22,4	20,7	29,8	49,0
Вовлечение молодежи в социально-значимую деятельность	66,7	44,0	48,5	44,3	46,4	47,8
Создание условий для самореализации молодежи	72,5	60,0	60,4	71,3	69,0	43,1
Развитие малого и среднего бизнеса	41,2	40,0	49,3	52,3	46,4	40,5
Профориентационная работа	66,7	56,0	33,6	41,4	28,6	22,0
Популяризация здорового образа жизни	64,7	28,0	36,6	45,6	38,1	64,7

Заключение

Проведенное исследование социальных проблем молодежи Московского региона и роли молодежных организаций в их решении позволило выявить ключевые тенденции и сформулировать значимые выводы. Наиболее острыми проблемами для молодежи оказались жилищный вопрос, материальные трудности и неуверенность в будущем, что отражает глубокую социально-экономическую напряженность в данной возрастной группе. При этом молодежные организации, несмотря на их потенциал, воспринимаются респондентами как менее эффективные субъекты решения проблем

по сравнению с государственными структурами и личной инициативой.

Полученные данные демонстрируют комплексное восприятие респондентами субъектов решения молодежных проблем, где сочетаются ожидания от самостоятельности молодежи, активности государственных институтов и поддержки со стороны семьи. Различия в оценках отражают как доверие к традиционным структурам, так и запрос на более активное включение молодежных и общественных организаций в процесс решения актуальных вопросов.

Результаты исследования подтвердили, что молодежные организации играют важную роль в создании

социального капитала, предоставляя возможности для самореализации, профессионального роста и гражданской активности. Однако их влияние ограничено такими факторами, как недостаточная ресурсная база, низкая осведомленность молодежи об их деятельности и слабая адаптивность к изменяющимся запросам.

Для повышения эффективности молодежных организаций необходимо следующее.

1. Усилить межведомственное взаимодействие между государством, бизнесом и общественными институтами для комплексного решения проблем молодежи.
2. Развивать целевые программы, ориентированные на ключевые запросы молодежи, такие как доступное жилье, трудоустройство и качественное образование.
3. Повышать информированность о деятельности социальных служб и молодежных организаций, устраняя барьеры в виде стигматизации и недоверия.
4. Создавать условия для самореализации молодежи через поддержку предпринимательства, волонтерских инициатив и проектов, направленных на профессиональное развитие.

Исследование подчеркивает, что молодежь является не только объектом социальной политики, но и активным субъектом изменений. Поэтому интеграция ее потребностей в стратегии развития общества и государства остается критически важной задачей. Реализация предложенных мер позволит усилить роль молодежных организаций как ключевого инструмента социализации и поддержки молодого поколения в условиях современных вызовов.

Литература

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология электронный журнал www.ecsoc.msses.ru Том 3, № 5, 2002. С. 60–74
2. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Саморегуляция смысловых ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164–186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>.
3. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Социология молодежи. Учебное пособие. М.: МИИТ, 2009. – 322 с.
4. Zubok Yu.A. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения / Ю.А. Zubok, В.И. Чупров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3(157). – С. 13–41. – DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1602. – EDN GTXODD.
5. Ильинский И.М. Государственная молодежная политика: уроки недавнего прошлого // Вузовский вестник. – 2021. – № 3 (75). – 135 с.
6. Чупров В.И., Zubok Yu.A., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. Второе издание. – М.: Наука, 2003.
7. Bourdieu P. (1986). The Forms of Capital. In J. Richardson (Ed.), Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education (pp. 241–258). New York: Greenwood.
8. Giddens A. (1984). The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press. P. 25–28.
9. Parsons T. Structure and Process – in Modern Societies. Publisher, Free Press, 1960; Original from, the University of Michigan. 344 p.
10. Putnam R. (1993). Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton University Press.

11. Putnam R. (2000). Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. Simon & Schuster.
12. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Youth's activity in changing reality: self-regulation contradiction. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2020. Т. 13. № 6. С. 215–231.

SOCIAL PROBLEMS OF YOUTH AND THE ROLE OF YOUTH ORGANIZATIONS IN THEIR SOLUTION

Kiritiv A.M., Kirilina T.Yu.

Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, pilot-cosmonaut A.A. Leonov

The article is devoted to the study of social problems of the youth of the Moscow region and the role of youth organizations in their solution. The paper examines key theoretical approaches, including structural and functional analysis, the theory of social capital (P. Bourdieu, R. Putnam), the theory of structuration by E. Giddens. The concept of youth policy by I.M. Ilyinsky, the concept of life strategies by Yu.A. Zubok and V.I. Chuprov and the empirical basis of the study were compiled by an online survey of 539 respondents aged 14–35 years, conducted in March 2025.

The results of the study revealed the most pressing problems of youth: the housing issue, the quality of medical care and the social integration of disabled people. Financial difficulties and uncertainty about the future prevail among personal problems. According to the respondents, youth organizations play an important but insufficient role in solving these problems, being inferior in importance to government structures and the personal initiative of young people.

The authors emphasize the need to create conditions for the self-realization of young people and the development of targeted programs. The article offers recommendations for improving the effectiveness of youth organizations, including strengthening their adaptability to the needs of youth and intersectoral cooperation. The research is relevant for the development of youth policy and social projects in the context of modern challenges.

Keywords: social problems of youth, youth organizations, Moscow region, housing issue, social capital, self-realization.

References

1. Bourdieu P. Forms of capital // Economic sociology electronic journal www.ecsoc.msses.ru Vol. 3, № 5, 2002. Pp. 60–74.
2. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Self-regulation of life-meaning values in the cultural space of youth // Bulletin of the Institute of Sociology. 2019. Vol. 10. № 4. Pp. 164–186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>.
3. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Sociology of youth. Study guide. Moscow: MIIT, 2009. – 322 p.
4. Zubok Yu.A. Life Strategies of Young People: Fulfillment of Expectations and Social Sentiments / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov // Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2020. – № 3 (157). – P. 13–41. – DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1602. – EDN GTXODD.
5. Ilyinsky I.M. State Youth Policy: Lessons of the Recent Past // University Bulletin. – 2021. – № 3 (75). – 135 p.
6. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Williams K. Youth in a Risk Society. Second edition. – Moscow: Nauka, 2003.
7. Bourdieu P. (1986). The Forms of Capital. In J. Richardson (Ed.), Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education (pp. 241–258). New York: Greenwood.
8. Giddens A. (1984). The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structure. Cambridge: Polity Press. P. 25–28.
9. Parsons T. Structure and Process – in Modern Societies. Publisher, Free Press, 1960; Original from, the University of Michigan. 344 p.
10. Putnam R. (1993). Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton University Press.
11. Putnam R. (2000). Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. Simon & Schuster.
12. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Youth's activity in changing reality: self-regulation contradiction. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2020. Vol. 13. № 6. pp. 215–231.

Макаров Артем Сергеевич,

аспирант кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина
E-mail: makarov_artem_s@mail.ru

В статье представлен анализ веры, которая рассматривается как творческий акт воплощения созерцаемого единства абсолютного бытия, выраженного, согласно Шеллингу, синтезом духа и материи, субъективного и объективного начал, интеллигенции и природы. Репрезентация исследуемого феномена осуществляется на примере кинематографического текста культуры – фильма А. Тарковского «Андрей Рублев». Как и творчество великого художника средневекового периода Руси, реализовавшего веру в иконописной форме эстетического, так и жизнь человека складывается из мозаики различных исторических событий, формируя нравственную красоту личности, способную созерцать абсолютную целостность бытия – Бога.

Ключевые слова: вера, созерцание, пантеизм, субъект, объект, абсолютное первоначало, Бог, дух, природа, эстетическое созерцание, кинематограф, культура.

Веру, как феномен человеческого бытия, рассматриваемый с точки зрения его воплощения в эстетическо-кинематографическом виде культуры, невозможно не охарактеризовать, не познакомившись с учением Шеллинга, философа XIX века. Опираясь на концепцию Спинозы (XVII в.), он рассматривает пантеизм как способ решения проблемы дуализма, которая является основной в его субъективно-философском мировоззрении. Двойственность между сознанием, одухотворенным в своей сущности, и миром, материальным в своем воплощении, определяла непроходимую пропасть между субъектом и объектом, которую невозможно было преодолеть с помощью гносеологических конструкций. Именно пантеистическое представление Спинозы, согласно которому Бог и природа являются тождественными, в своей сущности образуя единую абсолютную субстанцию, позволило Шеллингу решить проблему эстетизации веры.

Изначальная целостность Бога и природы в процессе дальнейшей эманации расщепляется на два атрибута: во-первых, интеллигенцию или мышление как онтологическое качество Я, субъекта, и, во-вторых, протяжение – главную характеристику материально-природной реальности, не-Я или объекта. Важно понять, что эти два атрибута, различные в своем самостоятельном существовании, являются сущностно тождественными, единными, образуя абсолютность бытия. Объективность природы, обладающей пространственной структурой, находится в непрерывном движении, характеризующимся временными параметрами. Динамизм внешней материальной действительности является бессознательным, но не лишенным интеллигенции (мышления).

В этом смысле потенциально присущая, но не явленная реально, интеллигенция природы представлена телеологичностью жизни, ее целеполагательными формами, которые поэтапно заполняет материя, образуя универсальную целостность мироздания. Будучи скрытой во всех природных явлениях, интеллигенция актуально представлена в человеке, через сознание которого она может познать и саму себя, и тождественную себе объективную действительность. Таким образом, в рефлексии, как акте разумности мышления, природа вновь приходит к себе самой, репрезентируя онтологическое, субстанциональное единство бессознательного объективно-природного и сознательного субъективного начал. В этом атрибутивном единстве заложен принцип предустановленной гармонии, которая характеризует абсолютный синтез материи и духа, объекта и субъекта, необходимость и свободу.

Здесь возникает вопрос, на каком основании субъект, как воплощенное Я, способен осуществить акт рефлексии, свободно осознавая природу, не-Я? Ответ на этот вопрос возможен в том случае, если понять что собой представляет абсолютная субстанция, как единство духа и материи. Разумеется, тождественным в своей сущности единством Я и не-Я, согласно пантеистической позиции Шеллинга, является Бог. Философ убежден, что Он не может быть Личностью, но в то же время все дефиниции, которые мы используем для Его характеристики, не способны выразить саму целостность двух противоположных по своим качествам атрибутов, выделившихся из Абсолюта. Поэтому в системе мысли-

теля Бог – это вечный, бессознательный первоисточник бытия, чувственно непостижимая основа духа, интеллигенции, свободы, высшего закона жизни, которая своими корнями уходит в метафизическую сферу, выше всех возможных причин существования. Будучи последней целью объективной природы и субъективной духовности, Абсолют является истоком как материи, так и интеллигенции, поэтому Он не может рассматриваться как объект знания, изучаемый мышлением, но только как предмет веры.

По мнению Шеллинга, исключительность абсолютного первоначала заключается в том, что каждому своему атрибуту, как своему «противообразу» Бог придает и собственную сущность, и самостоятельность. Философ поясняет, что «это в-себе-бытие, эта подлинная и истинная реальность первого созерцаемого есть свобода, и из этой первой самостоятельности противообраза происходит то, что в мире явлений опять выступает как свобода, которая есть последний след и как бы отражение Божества, заглянувшего в отпадный мир» [цит. по 1, с. 220–221]. Поэтому-то, обладая свободой, субъект, на основе веры в Абсолют, как единство Бога и природы, способен созерцать этот первообраз.

Согласно В.Д. Жукоцкому, исследователю творчества Шеллинга, мыслитель создавал позитивную, открытую, то есть не замкнутую на себя, философию, «в которой живительный воздух поступает из новейшего дыхания истории и культуры, или новейших достижений науки и общественной практики» [2, с. 46]. В терминологии Шеллинга единство бытия истории и культуры является фактом, «опережающим всякое мышление», именно поэтому такое бытие «есть именно абсолютно представленное» [3, с. 227]. Оно выражается в форме волевого акта, осуществляющегося в деятельности, которая воплощает творческий потенциал.

Бытие-в-себе как таковое и есть абсолютный источник, составляющий содержание субъективной интеллигенции, которое определяет того, «кто есть до всякой потенции, в ком не может быть ничего всеобщего и кто поэтому может быть только абсолютным отдельным существом, именно он есть суть (Jnbegriff) всякого принципа, обнимающего все бытие» [3, с. 227]. По мнению В.Д. Жукоцкого, ссылающегося на философию русского символизма, как проекцию учения Шеллинга, «абсолютным отдельным существом», содержащим в своей интеллигенции «обнимающее все бытие», выступает субъект, который реализует свой творческий потенциал на основе веры [2, с. 47].

Давая характеристику веры, Шеллинг утверждает, что она актуализируется в процессе созерцания Бога через глубинное переживание, в которое погружается человек, чувствуя центром своего сознания собственную субъективную ограниченность как гармоничную часть «обнимающего все бытия». Прикосновение к абсолютному, все обнимающему бытию, представляющему собой синтез духа и материи, субъекта и объекта, актуализирует в творческом акте вчувствования имманентную связь человека с Богом, которая реализуется в практической жизни и определяет целостность всех сфер его существования. Погружение внутрь сознания способствует проявлению феномена веры, которая высвечивает тайну всеобщего единства бытия [4].

Согласно В.Д. Жукоцкому, вера, будучи творческим актом субъективного воления, характеризует определенную систему связи с Богом, «который не позади нас, а впереди. Он всегда на кончике пера творческой личности. Здесь теургизм получает свое логическое обоснование. Опора на религию не есть опора на догмат религии, который вообще не претендует на статус разумного,

а есть опора на «факт религии»» [2, с. 47]. Именно поэтому, подчеркивает автор, вера в контексте учения Шеллинга носит не догматический, то есть формальный характер, но является живой, творчески активной, и на ее основе проектируется здание новой культуры. Основанием таковой является синтез веры, как субъективного проявления духа, и истины, реализующейся в объективной материально-природной реальности, которые в своем единстве определяются законообразующими принципами красоты. Поэтому искусство, как форма эстетизация жизни в ее полноте, понималось Шеллингом весьма содержательно и широко: от постижения абсолютно истинно-сущего бытия в гносеологических исканиях до его воплощения в различных сферах существования, как проявления творческого акта веры.

По мнению философа, искусство представляет собой целостную «систему сущностных принципов мира», которая изначально дана Богом и вложена Им в сознание художника-творца: «Универсум построен в Боге как абсолютное произведение искусства в вечной красоте» [5, с. 157]. Позиция Шеллинга нашла свое продолжение в философии русского мыслителя XIX века В.С. Соловьева, утверждавшего что «существующие ныне искусства, в величайших своих произведениях, схватывая проблески вечной красоты в нашей текущей действительности, ... предваряют ... грядущую для нас действительность и служат переходом и связующим звеном между красотой природы, и красотой будущей жизни» [6, с. 83].

По утверждению Я.Ю. Петрык, Шеллинг пророчески предвидел, что «огромное разнообразие знаний и внутреннее творческое соединение всевозможных форм и сфер жизни породит многообразные синтетические отношения», которые будут определять целостность бытия в пространстве временного существования [7, с. 127]. Творческая личность, выражающая акт веры в процессе созидания социокультурной реальности, стремится воплотить принципы красоты и придать всем видам искусства жизненность, а самому существованию – форму прекрасного. Не случайно Ф. Шеллинг подчеркивает, что онтологической основой единства всех сфер жизни является непосредственная связь истины и красоты, в их целостном синтезе и сплоченности. Необходимость эстетического переустройства мира обоснована философом при решении «высшей задачи трансцендентальной философии», которая «является философией позитивной» [2], согласовывающей противоречия между объективным и субъективным существованием, между теоретической и практической философией. Такая возвышенная в своей духовности задача философии, согласно Шеллингу, решается в деятельности эстетического характера, а потому «общим органом философии ... является философия искусства» [8, с. 21].

Воплощение концепции Шеллинга в пространстве творческой мыследеятельности современности носит двойственный характер. Согласно позиции Я.Ю. Петрык, «синтетический подход (Шеллинга – А.М.) постепенно нивелировал «особенное» в искусстве. Творческой потенцией активно наделялся реципиент, выступая в роли со-творца воспринятого им произведения искусства (А.А. Потебня). А эстетическое, таким образом, все больше смещалось в сферу повседневного существования субъекта, приводя к стремлению из любого социального феномена сделать шоу, будь то выборы, свадьба или похороны» [7, с. 130].

Подобная культурная практика воплощения учения Шеллинга может наблюдаться в сфере современного кинематографа. Характеристика эстетического реализуется в виде красиво созданной внешней сис-

темы знаков, в которой репрезентирует себя феномен веры. Тогда такое произведение искусства выражает утилитарно-прагматическую форму культуры, ориентированную на зрелищность, которая реализуется средствами кинематографа [9]. Однако эстетичность можно рассматривать и как форму выражения смысла, который наполняет феномен веры, демонстрируя определенную жизненную стратегию героев. В этом случае произведение киноискусства, выполненное с акцентом на духовно-нравственное воплощение веры, будет показателем образно-смысловой формы культуры [10].

В качестве образца этой, последней, хотелось бы рассмотреть фильм А. Тарковского «Андрей Рублев». В контексте исследования говорилось о том, что Бог как абсолютное единство духа и материи, субъекта и объекта, открывается в глубинном переживании акта веры, которая реализуется в эстетической форме существования. В кинокартине показан путь обретения веры длиною в жизнь, которая состоит из множества падений, разочарований, и в тоже время встреч, возрождения и обновления главного героя. Кинематографический текст А. Тарковского состоит из восьми новелл, которые мозаично демонстрирует исторические особенности существования русского народа в средневековый период и сквозь призму которых показан процесс становления Андрея Рублева не только как личности, но и как художника-иконописца. В фильме рассказывается, что уже, будучи известным мастером, работавшим с Феофаном Греком, Андрей вступает с ним в спор, который сводится к решению следующей проблемы: темен народ и кто в этом виноват.

Феофан утверждает, что народ темен в силу своей духовной косности и лени, не стремиться к пробуждению веры и ее реализации, даже его ученики ни читать не умеют, ни работать самозабвенно не хотят, но в ответственный момент нанесения олифы на поверхность иконы убегают смотреть мучения и казнь посадского человека. По сути, иконописец утверждает, что процесс покаяния и спасения, как путь обретения настоящей веры, является личностным подвигом. Андрей, соглашаясь, что народ темен, считает виновным в этом, прежде всего себя, потому что не способен его просветить, показать высоту духовности через свое искусство иконописца. Исходя из своей веры в нравственную мощь творчества, Рублев, цитируя слова апостола Павла о любви, которая позволяет увидеть мир в его целостности, но не гадал, что, осклочно, расписывает белокаменные храмы, как неземные обители, легко, празднично, возвышенно.

Однако уже в следующей новелле показано сомнение Андрея Рублева в так понимаемой вере. Наблюдая языческий праздник, испытывая физическое влечение к женщине – участнице действия, он, проповедуя «братскую любовь», слышит ее слова: «Не всё ли едино?». Эта мысль о единстве души и тела, любви братской и плотской, небесного и земного начал, которые в человеке слились нераздельно, тревожит сознание иконописца и порождает сомнение. Но самое тяжелое испытание веры Андрея Рублева продемонстрировано в сцене нашествия татар, нанятых Малым князем против своего брата. Как утверждает Ю.В. Михеева, «встреча с ужасом убийств, издевательств, предательства во время татарских набегов, совершённое им вынужденное убийство своего же, русского, хотя и предателя, совершенно надламывает Андрея. Он сломлен не столько фактом совершения им смертного греха, сколько самой возможностью происходящего на земле ужаса» [11, с. 154].

После потрясающего нравственные основы сознания массового убийства русских людей русскими же Андрей Рублев вновь беседует с Феофаном Греком. Только ди-

алог этот осуществляется уже через внутреннее созерцание веры, позволяя возвышаться в духовную сферу, в которой пребывает Феофан, умерший во временной жизни. И в этом разговоре Андрей понимает ранее сказанные слова Феофана о том, что в своей косности и лени виноват сам человек. Рублев произносит: «Полжизни в слепоте провёл... Я же для них, для людей, делал... Не люди ведь это, а?», расписываясь в несостоятельности собственного творчества, которое не просвещает, не спасает людей от духовной гибели. Принимая на себя пост молчания, не только словесного, но и иконописного, Андрей много лет проводит в тишине, созерцая как бы со стороны происходящие в жизни Руси события.

Возрождение веры в человека, как образ и подобие Божие, происходит после встречи с Бориской, который, не зная никакого секрета создания колокола, отлил его с мужиками. Раскаченный язык колокола, выбивает из него дивный высокий, звонкий звук, образно показывая, как под его ударами сердце Андрея Рублева наполняется радостью, сбрасывая, как шелуху, «каменные» осколки разочарования, скорби. Рыдающему Борiske, который стал никому не интересен, всеми оставленный, утешающий его Андрей Рублёв говорит: «Вот и пойдём мы с тобой вместе. Ты – колокола лить, я – иконы писать...». Произнесенное слово иконописца, как продолжение звучания колокола, – символ возрожденной связи с человеком, с миром, знак примирения с Богом. Будучи черно-белым в своем кинематографическом воплощении, конец фильма озаглавлен цветными кадрами, которые отрывочно, очень локально высвечивая участки, постепенно соединяясь, как мозаика, являют иконы, созданные Андреем Рублевым, в их целостности.

Точно также и фрагменты жизни, неровные в своем ритме, плавно текущие, когда на сердце мир и покой, и скачкообразные, динамичные, нервные, когда времена войн, испытаний, показывают процесс становления веры, как непрерывный путь погружения в себя, ориентированный на постижение единых основ бытия – Бога. И действительная, настоящая красота творчества постигается только как итог жизни в ее нравственной чистоте веры, которая на тернистом пути человеческого существования обретает разные формы, от отчаяния до любви и радости [12]. Именно эти состояния и определяют внутреннюю глубинную целостность человека, созерцающего в вере связь духа и материи, субъекта и объекта, как частных атрибутов абсолютного единства, о чем писал в своем философском творчестве Шеллинг.

Литература

1. Гайденок П.П. Гностические мотивы в учениях Шеллинга и Вл. Соловьева / Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 220–229.
2. Жукоцкий В.Д. Шеллинг и русский символизм / Вестник ТюмГУ, 2004, № 1. С. 45–57.
3. Шеллинг Ф.В.И. Философия откровения. СПб.: Наука, 2000. Т. 1. – 699 с.
4. Ковалева С.В. Априоризм как основа духовности в философском наследии Европы и России: этический аспект / Научный журнал. Наследие веков. 2021. № 3 (27). С. 54–63.
5. Шеллинг Ф. Философия искусства. – М.: Мысль, 1966. – 487 с.
6. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – 701 с.
7. Петрык Я.Ю. Эстетические пророчества Ф. Шеллинга / Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016 г., № 3–4 (55). – С. 126–130.

8. Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма. – Л.: 1936. – 387 с.
9. Макаров А.С. Утилитарно-прагматическая форма культуры / А.С. Макаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 11. – С. 75–78.
10. Макаров А.С. Образно-смысловая концепция культуры / А.С. Макаров // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 11. – С. 15–17.
11. Михеева Ю.В. Фильм Тарковского «Андрей Рублёв» и аудиовизуальная парадоксальность его финала // Вестник славянских культур. 2014. № 1 (31). С. 150–158.
12. Ковалева С.В. Философия и искусство: единство смысла и многообразие форм / Научный журнал. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2020. № 4. С. 63–66.

CINEMATOGRAPHY AS THE ART OF EMBODYING FAITH IN THE FORM OF AESTHETIC

Makarov A.S.

I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University

The article presents an analysis of faith, which is considered as a creative act of embodying the contemplated unity of absolute being, expressed, according to Schelling, by the synthesis of spirit and matter, subjective and objective principles, intelligence and nature. The representation of the phenomenon under study is carried out using the example of the cinematic text of culture – A. Tarkovsky's film "Andrei Rublev". Like the work of the great artist of the medieval period of Russia, who realized faith in the iconographic form of aesthetic, human life consists of a mosaic of various historical events, forming the moral beauty of a personality capable of contemplating the absolute integrity of being – God.

Keywords: faith, contemplation, pantheism, subject, object, absolute principle, God, spirit, nature, aesthetic contemplation, cinema, culture.

References

1. Gaidenko P.P. Gnostic motives in the teachings of Schelling and V. Solovyov / Znanie. Understanding. Ability. 2005. No. 3. pp. 220–229. (In Russian).
2. Zhukotsky V.D. Schelling and Russian symbolism / Bulletin of TSU, 2004, No. 1. pp. 45–57. (In Russian).
3. Schelling F.V.Y. Philosophy of Revelation. St. Petersburg: Nauka, 2000. Vol. 1. – 699 p. (In Russian).
4. Kovaleva S.V. A priori as the basis of spirituality in the philosophical heritage of Europe and Russia: ethical aspect / Scientific Journal. Legacy of the Centuries. 2021. No. 3 (27). pp. 54–63. (In Russian).
5. Schelling F. Philosophy of Art, Moscow: Mysl, 1966, 487 p. (In Russian).
6. Solovyov V.S. Philosophy of Art and literary criticism, Moscow: Iskustvo Publ., 1991, 701 p. (In Russian).
7. Petryk Ya.Yu. Aesthetic prophecies of F. Schelling / Actual issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history. 2016, No. 3–4 (55), pp. 126–130. (In Russian).
8. Schelling F. The system of transcendental idealism. – L.: 1936. – 387 p. (In Russian).
9. Makarov A.S. The utilitarian and pragmatic form of culture / A.S. Makarov // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2023. – No. 11. – pp. 75–78. (In Russian).
10. Makarov A.S. Figurative and semantic concept of culture / A.S. Makarov // Socio-humanitarian knowledge. – 2024. – No. 11. – pp. 15–17. (In Russian).
11. Mikheeva Yu.V. Tarkovsky's film "Andrei Rublev" and the audiovisual paradox of its finale // Bulletin of Slavic Cultures. 2014. No. 1 (31). pp. 150–158. (In Russian).
12. Kovaleva S.V. Philosophy and art: unity of meaning and diversity of forms / Scientific Journal. Humanities, socio-economic and social sciences. Series: Historical Sciences. Cultural studies. Political sciences. 2020. No. 4. pp. 63–66. (In Russian).

Понимание взаимосвязи между физической активностью и изменением климата

Плещёв Игорь Евгеньевич,

канд. мед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: doctor.pleshyov@gmail.com

Плещёва Татьяна Николаевна,

старший преподаватель кафедры общей гигиены с экологией, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: Chuvachko@mail.ru

Коткова Вероника Максимовна,

студент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: veronika_kotkova00@mail.ru

Растущие климатические изменения и глобальная пандемия неинфекционных заболеваний создают уникальную и многостороннюю взаимосвязь с физической активностью человека. Данная статья исследует комплексные связи между физической активностью и изменениями климата, рассматривая их как взаимозависимые процессы, которые могут одновременно усиливать и ослаблять друг друга.

Цель данного исследования – обобщение существующих доказательств относительно взаимосвязи между физической активностью и изменением климата. Тем не менее, двунаправленный характер взаимосвязи между изменением климата и физической активностью изучен недостаточно.

Критерии включения. Исследования включались, если они удовлетворяли следующим критериям: 1. Тип документа: статьи в рецензируемых изданиях; 2. Дизайн исследования: систематические обзоры или метаанализы; 3. Основные концепции: исследования, изучающие взаимосвязи между физической активностью и изменением климата, воздействия и/или ассоциации между политикой в области изменения климата на физическую активность или наоборот.

Взаимосвязь между физической активностью и изменением климата представляет собой сложную систему обратных связей, требующую междисциплинарного подхода. Понимание этих взаимосвязей критически важно для разработки эффективных стратегий общественного здравоохранения и климатической адаптации.

Ключевые слова: физическая активность, здоровье, климат, спорт, активный отдых, путешествия.

Введение

За последние несколько десятилетий был собран большой массив доказательств, продемонстрировавший бесчисленное множество преимуществ для здоровья человека, возникающих в результате различных форм, объемов и интенсивности физической активности [1, с. 543]. Эти преимущества оказывают значительное влияние на многие системы организма, от сердечно-сосудистой и дыхательной, до психического здоровья, что напрямую воздействует на здоровье населения, приводя к снижению преждевременной смертности и сокращению расходов на системы здравоохранения как в странах с высоким, так и со средним и низким уровнем дохода [2, с. 5]. Несмотря на возросший во всем мире интерес к практике физической активности и несомненный потенциал исследований в данной области, неактивность остается серьезной глобальной проблемой здравоохранения, особенно среди наиболее уязвимых групп населения внутри многих стран [3, с. 1170].

В то же время исследования в области климатологии дали неопровержимые доказательства того, что антропогенные выбросы парниковых газов являются явными факторами глобального потепления, вызывая обширные изменения в атмосфере, океанах и живых экосистемах. Глобальное потепление и изменение климата в целом привели к увеличению экстремальных погодных явлений во всем мире с серьезными негативными последствиями для человеческих сообществ и целых экосистем. Множественные негативные последствия для здоровья в контексте изменения климата включают распространение трансмиссивных инфекционных заболеваний; учащение связанных с жарой рисков сердечно-сосудистых осложнений [4, с. 487]; угрозу потери доступа к ресурсам здравоохранения и источникам здоровой пищи; и негативные последствия для психического здоровья [5, с. 1641]. Исследования показывают, что связанные с климатом катастрофы, такие как ураганы, наводнения и лесные пожары, вызывают продолжительные психологические расстройства и что высокие показатели температуры воздуха окружающей среды, связаны с ухудшением качества сна [6, с. 8]. Более того, неопределенность и ожидание будущих кризисов, связанных с климатом, в значительной степени способствуют распространению климатической тревоги, депрессии и стресса, особенно затрагивая сообщества, тесно связанные с их естественной средой [7, с. 1265].

Взаимозависимость процессов

Поскольку общество борется с неблагоприятными последствиями изменения климата, понимание сложной связи между изменением климата и физической активностью имеет решающее значение для разработки устойчивых стратегий по содействию как человеческому, так и экологическому благополучию. Более высокие температуры в некоторых регионах могут побудить людей с личными транспортными средствами передвигаться на вместо того, чтобы ходить или ездить на велосипеде или заниматься спортом в закрытых помещениях с кондиционированием воздуха

вместо того, чтобы делать это на открытом воздухе. Также, физическая активность (ФА), особенно туристические путешествия (пешком или на велосипеде), могут смягчить изменение климата за счет сокращения выбросов углерода, ограничения загрязнения воздуха и экономии энергии. Более того, занятия на свежем воздухе способствуют более глубокой связи с природой, потенциально воспитывая чувство ответственности за окружающую среду и отстаивая необходимость сохранения жизненно важных экосистем [8, с. 10]. Однако люди, которые ездят на работу или путешествуют на открытом воздухе по необходимости, то есть без доступа к личным транспортным средствам или в рамках своей работы, могут подвергаться непропорционально большим рискам для здоровья из-за экстремальной жары или других погодных явлений, вызванных потеплением глобального климата.

Физическая активность также имеет экологические последствия. Например, занятия физическими упражнениями в помещении, могут привести к неблагоприятным экологическим последствиям, поскольку крытые тренажерные залы и спортивные комплексы могут увеличить потребность в энергии для отопления и охлаждения. Кроме того, спорт на открытом воздухе и отдых, которые предполагают моторизованные передвижения, еще больше усугубляют изменение климата из-за высоких выбросов CO₂ и нарушения экосистем и мест обитания диких животных. Устранение этих влияний имеет важное значение для укрепления как здоровья человека, так и экологической устойчивости [9, с. 5].

Хотя поощрение ФА связанное с пользой для здоровья имеет важное значение, приоритетность видов деятельности, которые минимизируют негативное воздействие на окружающую среду, является не менее важной [5, с. 1633]. Кроме того, необходимо учитывать, как воздействие климата может повлиять на ФА. В этом контексте важно понимать сложные связи между изменением климата и физической активностью и выступать за действенные и устойчивые практики, которые признают взаимозависимость человеческого благополучия и здоровья планеты [9, с. 7].

В своем межнациональном исследовании Квам В.Г. с соавт. (Швеция, США) провели исследование [10, с. 4], в котором углублялись в воздействие ФА на изменение климата, одновременно проверяя результаты для здоровья, вытекающие как из физической активности, так и из сокращения выбросов парниковых газов. Они пришли к выводу, что активные виды передвижения, такие как ходьба и езда на велосипеде, играют решающую роль в снижении выбросов парниковых газов, и что качество воздуха считается определяющим фактором здоровья. Хотя вмешательства, направленные на поощрение использования велосипедов и общественного транспорта, изначально могут иметь скромное влияние, они значительно сокращают использование транспортных средств и, следовательно, выбросы CO₂ с течением времени. Однако пригодность стратегий смягчения экологических последствий варьируется в зависимости от культурного и географического контекста. Эти исследования подчеркивают эффективность создания инфраструктуры для активного транспорта как ценной стратегии, что включает в себя такие соображения, как увеличение транспортных средств с низким уровнем выбросов и улучшение систем общественного транспорта [7, с. 1262].

Реализацию транспортной политики, может поспособствовать не только экологической устойчивости, но и улучшит результаты общественного здравоохранения, а также, решит проблемы социального неравенства.

Эта потребность особенно актуальна, учитывая растущие темпы изменения климата.

Исследуя влияние изменения климата на физическую активность, Ан Р. с коллегами выявили, что повышение температуры связано с общим увеличением количества поездок на работу с использованием личного транспорта. Однако эта тенденция может пойти на спад, как только будет превышен определенный температурный порог [11, с. 557]. Необходимо учитывать, что на связь между глобальным потеплением, активной ездой на работу и ФА в свободное время влияют такие факторы, как сезонность, географическое положение и культурный контекст [12, с. 10]. Например, люди, проживающие в северной умеренной зоне, такой как Арктика (США, Аляска), могут не испытывать той же степени воздействия, что и те, кто живет в прибрежных регионах, на островах или в пустынном Юго-Западе Америки. Другой пример подчеркивает высокую уязвимость жителей островных государств к повышению уровня моря по сравнению с теми, кто живет дальше от побережья [7, с. 1264].

Наконец, Бернард и др. (Канада), оценили не только изменение климата и физическую активность, но и изучили их взаимное влияние. Это исследование показало, что загрязнение воздуха, экстремальные температуры и стихийные бедствия оказывают пагубное влияние на уровень ФА, особенно среди взрослых с хроническими заболеваниями, высоким индексом массы тела и пожилых людей. Авторы приняли широкое определение физической активности, включая ее различные области, такие как «путешествия ФА», «путешествия + досуг ФА» и «на открытом воздухе ФА», и обнаружили, что физическая активность и активные путешествия особенно подвержены риску во время волн тепла или предупреждений о загрязнении, особенно для взрослых, живущих в самых неблагополучных районах [13, с. 1042]. С другой стороны, исследование показало, что спортивные и физкультурные сообщества могут значительно смягчить последствия после стихийных бедствий, предлагая населению прямую помощь (например, грузовые велосипеды) или помогая справиться со стрессом после стихийных бедствий. Однако крайне важно признать, что транспорт, связанный со спортивными мероприятиями, также способствует выбросам парниковых газов. Например, посещение футбольных матчей подразумевает поездки, которые увеличивают общие выбросы. Кроме того, в ходе исследования было установлено, что связь между изменением климата и ФА имеет глобальные последствия, причем физическая активность оказывает как смягчающее, так и усиливающее воздействие на изменение климата.

Результаты подчеркивают сложные связи между различными аспектами физической активности и изменением климата. Улучшенная логистика общественного транспорта вокруг крупномасштабных спортивных мероприятий, может смягчить последствия изменения климата за счет сокращения выбросов парниковых газов и снижения последствий стихийных бедствий. Кроме того, влияние изменения климата на уровни физической активности может значительно различаться [7, с. 1270]. В то время как повышение температуры до определенного порога может увеличить физическую активность в свободное время, такие факторы, как загрязнение воздуха и экстремальные температуры, могут снизить ФА, особенно это сказывается во время занятий на открытом воздухе, из-за проблем со здоровьем. В целом, физическая активность может играть положительную роль в смягчении изменения климата, выступая в качестве адаптивного фактора. Динамика этих отношений может

зависеть от контекстуальных факторов, таких как культурные, экономические и географические соображения.

Обсуждение

В целом, полученные результаты предоставляют обновленную информацию и подтверждают многогранный характер связи между изменением климата и физической активностью, с положительными и отрицательными результатами [14, с. 318], различающимися в зависимости от типа и области физической активности (пешие прогулки, езда на велосипеде, спорт, досуг или ФА на открытом воздухе), а также от движущих сил изменения климата и чувствительных эффектов (выбросы парниковых газов, стихийные бедствия, загрязнения воздуха). Контекстуальные факторы были определены как критически важные для понимания двунаправленного характера связи между изменением климата и физической активностью, включая конкретные географические (прибрежные районы, городская или сельская местность), культурные (коренные общины, островное население); и социально-экономические (доход населения) характеристики населения. Понимание роли этих контекстуальных факторов имеет решающее значение при рассмотрении равноправных, справедливых и безопасных стратегий поощрения физической активности в условиях изменяющегося климата [15, с. 117]. Отдельные исследования отметили двунаправленный характер этого вопроса равенства с точки зрения физической активности и изменения климата. Однако одновременное тестирование этих взаимодействий остается неисследованным, что подчеркивает пробелы, а также, необходимость в переосмыслении и улучшении методов изучения последствий и результатов изменения климата для физической активности в глобальном масштабе.

Мы обнаружили 2 эффекта изменения климата (повышение температуры и загрязнение воздуха), в исследованиях, анализирующие влияние изменения климата на физическую активность. Каждый из этих факторов дает различные результаты для физической активности. В контексте повышения температуры существует потенциальная положительная динамика, поскольку люди более склонны заниматься спортом на открытом воздухе, когда погода теплее, пока не будет достигнут определенный температурный порог [11, с. 559]. Однако для загрязнения воздуха наблюдается обратный эффект. Воздействие загрязнения воздуха может удерживать людей от занятий спортом в их собственной среде из-за проблем со здоровьем [16, с. 7]. Тайнио М. с коллегами предполагают, что высокий уровень загрязнения воздуха может отпугивать людей от занятий физической активностью на открытом воздухе, особенно активных путешествий, таких как езда на велосипеде и ходьба, из-за опасений негативных последствий для здоровья [17, с. 234]. Кроме того, загрязнение воздуха и повышение температуры тесно связаны со стихийными бедствиями, такими как ураганы, наводнения и лесные пожары, которые показали значительные и необратимые последствия для физического и психического здоровья. Уничтожение парков, мест отдыха и активных транспортных маршрутов нарушает устоявшиеся порядки и создает постоянные проблемы в восстановлении благоприятной среды для ФА [5, с. 1622]. Это подчеркивает необходимость адаптивных стратегий для обеспечения постоянного доступа к безопасным возможностям физической активности в условиях последствий изменения климата.

Результаты исследований подчеркивают необходимость комплексного подхода, включающего реформу политики, вовлечение общества и развитие инфраструктуры, чтобы в полной мере использовать преимущества

физической активности для смягчения последствий изменения климата. Необходимы дальнейшие надежные исследования для информирования о целевых стратегиях принятия активного транспорта в качестве альтернативы видам транспорта с высоким уровнем выбросов. Кроме того, исследования в области рекреационной физической активности и изменения климата должны изучить углеродный след, связанный со спортом и досугом, с целью разработки руководящих принципов по сокращению выбросов CO₂ от крупномасштабных спортивных лиг, охватывающих профессиональный, университетский и любительский спорт [7, с. 1266]. Оценивая воздействие этих видов деятельности на окружающую среду и предлагая методы смягчения выбросов, научные исследования могут способствовать инициативам по обеспечению устойчивости в секторах спорта и активного транспорта.

Поскольку изменение климата ускоряется, а физическая неактивность остается ведущим фактором риска неинфекционных заболеваний, приоритетной задачей является расшифровка сложных взаимосвязей между этими основными проблемами общественного здравоохранения. Основное внимание в исследованиях по этим темам уделяется конкретным областям ФА, таким как спорт или активный транспорт, и в первую очередь сосредоточено на смягчении выбросов парниковых газов. Однако существует заметный пробел в изучении механизмов смягчения последствий изменения климата и адаптации, связанных с физической активностью, а также, предоставлении основанных на фактических данных практических рекомендаций для исследований по этим направлениям. Необходимы дополнительные исследования влияния изменения климата на основные области ФА, такие как профессиональная спортивная деятельность, чтобы более полно понять взаимосвязь между ФА и изменением климата, создавая эффективные стратегии адаптации и смягчения возможных последствий, что может способствовать разработке эффективных стратегий по смягчению неблагоприятных последствий изменения климата для физической активности и здоровья.

Заключение

В этом обзоре изучено сложное взаимодействие между изменением климата и физической активностью. Благодаря анализу актуальных исследований становится очевидным, что связь между этими 2 факторами является сложной и многогранной, причем как положительные, так и отрицательные воздействия наблюдаются в зависимости от различных контекстуальных факторов, таких как измеряемая область или эффект, география и культура.

Рассмотренные исследования подчеркивают контрастные эффекты изменения климата на физическую активность, при этом повышение температуры потенциально поощряет занятия на открытом воздухе до достижения температурного порога, но загрязнение воздуха и экстремальные температуры препятствуют таким занятиям из-за проблем со здоровьем. С другой стороны, физическая активность, особенно в форме активного передвижения и улучшения логистики вокруг крупномасштабных спортивных мероприятий, имеет потенциал смягчить изменение климата за счет сокращения выбросов парниковых газов. Однако некоторые аспекты физической активности связанные со спортивными мероприятиями, могут усугубить последствия изменения климата. Это подчеркивает срочность целевых исследований, которые углубляются в дополнительные области физической активности, такие как профессиональ-

ная деятельность, и практические стратегии адаптации и смягчения последствий.

Более того, появляется критическая необходимость в повышенном вовлечении спортивного сообщества в диалоги, касающиеся действий по борьбе с изменением климата и глобального здоровья населения. Дискуссии, объединяющие эти области, должны отдавать приоритет справедливости, учитывая потребности маргинализированных групп населения, учитывая социальные, культурные и экономические факторы, влияющие как на ФА, так и на изменение климата. Формулирование устойчивых стратегий и законодательных инициатив по физической активности, направленных на минимизацию непреднамеренного воздействия на окружающую среду, может в корне изменить ситуацию, создав условия для здорового долголетия.

Литература

1. Warburton, Darren E.R.; Bredin, Shannon S.D.. Health benefits of physical activity: a systematic review of current systematic reviews. *Current Opinion in Cardiology*. 2017. 32(5): pp 541–556. DOI: 10.1097/HCO.0000000000000437
2. Liu W, Dostdar-Rozbahani A, Tadayon-Zadeh F, et al. Insufficient level of physical activity and its effect on health costs in low- and middle-income countries. *Front Public Health*. 2022;10:4–7. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.937196>
3. Salvo D, Garcia L, Reis RS, et al. Physical activity promotion and the united nations sustainable development goals: building synergies to maximize impact. *J Phys Act Health*. 2021;18(10):1163–1180. DOI: <https://doi.org/10.1123/jpah.2021-0413>
4. Liu J, Varghese BM, Hansen A, et al. Heat exposure and cardiovascular health outcomes: a systematic review and meta-analysis. *Lancet Planet Health*. 2022;6(6): e484–e495. DOI: 10.1016/S2542-5196(22)00117-6
5. Romanello M, Mc Gushin A, Di Napoli C, et al. The 2021 report of the Lancet countdown on health and climate change: code red for a healthy future. *Lancet*. 2021;398(10311):1619–1662. DOI: 10.1016/S0140-6736(21)01787-6
6. Chevanche G, Minor K, Vielma C, et al. A systematic review of ambient heat and sleep in a warming climate. *Sleep Med Rev*. 2024;75:915. <https://doi.org/10.1016/j.smr.2024.101915>
7. Franco Silva M, Favarão Leão AL, O'Connor Á, et al. Understanding the Relationships Between Physical Activity and Climate Change: An Umbrella Review. *J Phys Act Health*. 2024;21(12):1263–1275. doi:10.1123/jpah.2024-0284
8. Williamson K, Satre-Meloy A, Velasco K, Green K. Climate change needs behavior change. *Yale Prog Clim Change Commun*. 2018;10:5–59.
9. Abu-Omar K, Chevanche G, Tcymbal A, Gelius P, Messing S. Physical activity promotion, human and planetary health—a conceptual framework and suggested research priorities. *J Climate Change Health*. 2023;13:262. <https://doi.org/10.1016/j.joclim.2023.100262>
10. Quam VGM, Rocklöv J, Quam MBM, Lucas RAI. Assessing Greenhouse Gas Emissions and Health Co-Benefits: A Structured Review of Lifestyle-Related Climate Change Mitigation Strategies. *Int J Environ Res Public Health*. 2017;14(5):468. doi:10.3390/ijerph14050468
11. An R, Shen J, Li Y, Bandaru S. Projecting the Influence of Global Warming on Physical Activity Patterns: a Systematic Review. *Curr Obes Rep*. 2020;9(4):550–561. doi:10.1007/s13679-020-00406-w
12. Wilkins EJ, Dagan DT, Smith JW. Quantifying and evaluating strategies to decrease carbon dioxide emissions generated from tourism to Yellowstone National Park. *PLoS Climate*. 2024;3(4): e0000391. <https://doi.org/10.1371/journal.pclm.0000391>
13. Bernard P, Chevanche G, Kingsbury C, et al. Climate Change, Physical Activity and Sport: A Systematic Review. *Sports Med*. 2021;51(5):1041–1059. doi:10.1007/s40279-021-01439-4
14. Гончаровская В. П., Гринченко В.С., Петренко Я.С. Влияние изменения климата на спорт на открытом воздухе: стратегии адаптации и смягчения последствий // Наука. Техника. Технологии (политехнический вестник). – 2023. – № 2. – С. 317–319.
15. Гудимов С. В., Николенко В.Н., Осетров И.А., Плещёв И.Е., Климова Г.Ф., Сабекия Р.Э. Соматотипологические особенности в аспекте оценки физической подготовленности студенческой молодежи северной части центрального федерального округа России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Медицинские науки. 2025. № 1. С. 115–126. doi: 10.21685/2072-3032-2025-1-9
16. An R, Shen J, Ying B, Tainio M, Andersen ZJ, de Nazelle A. Impact of ambient air pollution on physical activity and sedentary behavior in China: A systematic review. *Environ Res*. 2019;176:108545. doi:10.1016/j.envres.2019.108545
17. Tainio M, de Nazelle AJ, Götschi T, et al. Can air pollution negate the health benefits of cycling and walking? *Prev Med*. 2016;87:233–236. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2016.02.002>

UNDERSTANDING THE RELATIONSHIP BETWEEN PHYSICAL ACTIVITY AND CLIMATE CHANGE

Pleshchev I.E., Pleshcheva T.N., Kotkova V.M.

Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia,

Increasing climate change and the global pandemic of noncommunicable diseases create a unique and multifaceted relationship with human physical activity. This article explores the complex links between physical activity and climate change, considering them as interdependent processes that can simultaneously strengthen and weaken each other.

The purpose of this study is to summarize the existing evidence regarding the relationship between physical activity and climate change. However, the bidirectional nature of the relationship between climate change and physical activity has not been sufficiently studied.

Inclusion criteria. Studies were included if they met the following criteria: 1. Document type: articles in peer-reviewed publications; 2. Research design: systematic reviews or meta-analyses; 3. Basic concepts: research examining the relationship between physical activity and climate change, impacts and/or associations between climate change policies on physical activity or vice versa.

The relationship between physical activity and climate change is a complex feedback loop that requires an interdisciplinary approach. Understanding these relationships is crucial for developing effective public health and climate adaptation strategies.

Keywords: physical activity, health, climate, sports, active recreation, travel.

References

1. Warburton, Darren E.R.; Bredin, Shannon S.D. Health benefits of physical activity: a systematic review of current systematic reviews. *Current Opinion in Cardiology*. 2017. 32(5): pp 541–556. DOI: 10.1097/HCO.0000000000000437
2. Liu W, Dostdar-Rozbahani A, Tadayon-Zadeh F, et al. Insufficient level of physical activity and its effect on health costs

- in low- and middle-income countries. *Front Public Health*. 2022;10:4–7. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.937196>
3. Salvo D, Garcia L, Reis RS, et al. Physical activity promotion and the united nations sustainable development goals: building synergies to maximize impact. *J Phys Act Health*. 2021;18(10):1163–1180. DOI: <https://doi.org/10.1123/jpah.2021-0413>
 4. Liu J, Varghese BM, Hansen A, et al. Heat exposure and cardiovascular health outcomes: a systematic review and meta-analysis. *Lancet Planet Health*. 2022;6(6): e484–e495. DOI: 10.1016/S2542-5196(22)00117-6
 5. Romanello M, Mc Gushin A, Di Napoli C, et al. The 2021 report of the Lancet countdown on health and climate change: code red for a healthy future. *Lancet*. 2021;398(10311):1619–1662. DOI: 10.1016/S0140-6736(21)01787-6
 6. Chevance G, Minor K, Vielma C, et al. A systematic review of ambient heat and sleep in a warming climate. *Sleep Med Rev*. 2024;75:915. <https://doi.org/10.1016/j.smr.2024.101915>.
 7. Franco Silva M, Favarão Leão AL, O'Connor Á, et al. Understanding the Relationships Between Physical Activity and Climate Change: An Umbrella Review. *J Phys Act Health*. 2024;21(12):1263–1275. doi:10.1123/jpah.2024-0284
 8. Williamson K, Satre-Meloy A, Velasco K, Green K. Climate change needs behavior change. *Yale Prog Clim Change Commun*. 2018;10:5–59.
 9. Abu-Omar K, Chevance G, Tcymbal A, Gelius P, Messing S. Physical activity promotion, human and planetary health—a conceptual framework and suggested research priorities. *J Climate Change Health*. 2023;13:262. <https://doi.org/10.1016/j.joclim.2023.100262>
 10. Quam VGM, Rocklöv J, Quam MBM, Lucas RAI. Assessing Greenhouse Gas Emissions and Health Co-Benefits: A Structured Review of Lifestyle-Related Climate Change Mitigation Strategies. *Int J Environ Res Public Health*. 2017;14(5):468. doi:10.3390/ijerph14050468
 11. An R, Shen J, Li Y, Bandaru S. Projecting the Influence of Global Warming on Physical Activity Patterns: a Systematic Review. *Curr Obes Rep*. 2020;9(4):550–561. doi:10.1007/s13679-020-00406-w
 12. Wilkins EJ, Dagan DT, Smith JW. Quantifying and evaluating strategies to decrease carbon dioxide emissions generated from tourism to Yellowstone National Park. *PLoS Climate*. 2024;3(4): e0000391. <https://doi.org/10.1371/journal.pclm.0000391>
 13. Bernard P, Chevance G, Kingsbury C, et al. Climate Change, Physical Activity and Sport: A Systematic Review. *Sports Med*. 2021;51(5):1041–1059. doi:10.1007/s40279-021-01439-4
 14. Goncharovskaya V. P., Grinchenko V.S., Petrenko Ya.S. The impact of climate change on outdoor sports: strategies for adaptation and mitigation of consequences. *Technic. Technologies (Polytechnic Bulletin)*. 2023. No. 2. pp. 317–319.
 15. Gudimov S. V., Nikolenko V.N., Osetrov I.A., Pleshchev I.E., Klimova G.F., Sabekiya R.E. Somatotypological features in the aspect of assessing the physical fitness of students in the northern part of the Central Federal District of Russia // *News of Higher Educational Institutions. The Volga region. Medical Sciences*. 2025. No. 1. pp. 115–126. doi: 10.21685/2072-3032-2025-1-9
 16. An R, Shen J, Ying B, Tainio M, Andersen ZJ, de Nazelle A. Impact of ambient air pollution on physical activity and sedentary behavior in China: A systematic review. *Environ Res*. 2019;176:108545. doi:10.1016/j.envres.2019.108545
 17. Tainio M, de Nazelle AJ, Götschi T, et al. Can air pollution negate the health benefits of cycling and walking? *Prev Med*. 2016;87:233–236. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2016.02.002>

Влияние физической активности на стрессоустойчивость и когнитивные функции студентов в период экзаменационных нагрузок

Николаев Роман Юрьевич,

канд. биол. наук., доцент, зав. кафедрой физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: nikolaev.r.u@yandex.ru

Преображенский Ярослав Игоревич,

ординатор 2 года обучения по специальности лечебная физкультура и спортивная медицина, ФГАОУ ВО «Российский Национальный Исследовательский Медицинский Университет им. Н.И. Пирогова» Минздрава России
E-mail: yasix23@mail.ru

Каракчиев Дмитрий Андреевич,

студент института педиатрии и репродуктивного здоровья, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: dkarakchiev@mail.ru

Современная студенческая среда характеризуется высоким уровнем психоэмоциональных нагрузок, при этом до 30% студентов страдают от психических проблем, связанных со стрессом. Экзаменационные периоды создают особенно напряженные условия, негативно влияющие на качество сна, эмоциональное состояние и когнитивные функции студентов, что может негативно сказаться на их академической успеваемости.

Физическая активность может быть перспективной стратегией для смягчения этих стресс-индуцированных симптомов. Поэтому целью данного исследования было обобщение данных по многоуровневой взаимосвязи между физической активностью, стрессом и успеваемостью у студентов, с целью определения роли физической активности как буферного механизма в условиях академического стресса.

Результаты указывают на пробел в исследованиях касающихся этой связи и в будущих научных работах следует использовать проверенные инструменты измерения и учитывать временные точки сбора данных для выявления действительно стрессовых периодов.

Ключевые слова: здоровье студентов, физическая активность, академический стресс, экзамены, физические упражнения.

Введение

В последние годы появляется все больше исследований, показывающих, что одной из основных проблем студентов высших учебных заведений являются физиологические и психологические проблемы со здоровьем [1]. Многие исследования выявили, что количество студентов, страдающих от психических проблем в некоторых вузах достигает 30%, это показывает, что студенческая жизнь может быть причиной стресса, поскольку сообщается, что более высокий уровень стресса выявлен у студентов очный отделений, чем их ровесников, не являющиеся таковыми, а высокий уровень стресса влияет на качество жизни [2]. Очевидным причинным фактором, ответственным за высокий уровень студенческого стресса, является период экзаменов в конце каждого семестра, что создает стрессовую ситуацию в реальной жизни. В частности, эта фаза вызывает немедленное негативное воздействие на результаты, связанные со здоровьем, такие как плохое качество сна и эмоциональное напряжение, которые положительно связаны с познавательной способностью и академической успеваемостью (АУ) [3]. Таким образом, АУ обычно поражается в периоды сильного стресса, когда требуется наивысшая когнитивная активность.

Известно, что физическая активность (ФА) и упражнения являются видами деятельности, буферизующими стресс, поскольку участие в регулярной ФА может смягчить негативное воздействие стресса на здоровье, что постулируется гипотезой буферизации стресса. В целом, известно, что ФА оказывает несколько положительных эффектов на физиологические и психологические параметры, связанные со стрессом. Существуют ранние доказательства, подтверждающие стресс-модулирующий эффект ФА. Браун и Сигел, ещё в 1988 году выявили, что малоподвижные участники с высоким уровнем стресса имели повышенную заболеваемость и что физически активные участники с высоким уровнем стресса были защищены от вызванного стрессом увеличения заболеваемости [1]. Кроме того, уровень стресса, тревожности и депрессии у студентов университетов увеличивается при малоподвижном образе жизни (гиподинамия) [4]. Аналогичные результаты были получены в отношении психологического здоровья, где выявлено, что ФА оказывает защитное действие на здоровье, особенно в условиях хронического стресса [5]. В периоды высокого стресса (экзамены, защита диплома), физическая активность снижается и, следовательно, не обеспечивается адекватный уровень защиты от стресса для студентов.

Следовательно, именно на этапе экзаменов студенты могут извлечь пользу из хороших навыков преодоления стресса, поскольку известно, что высокий уровень воспринимаемого стресса снижает когнитивные функции у студентов, что, в свою очередь, тесно связано с уровнем восприятия. Исследования выявили значительные отрицательные корреляции между воспринимаемым стрессом и уровнем восприятия у студентов, особенно во время экзаменов в конце семестра [6].

Исследования, проведенные в детских и подростковых группах, показывает, что физическая активность

положительно влияет на физическую подготовку, поскольку более активные студенты демонстрируют лучшие показатели на уроках физкультуры, даже если имеются лишь ограниченные доказательства [7]. Интересно, что эта связь обычно изучается среди учащихся (школьников) и требует дальнейшего изучения среди студентов университетов, особенно потому, что большинство из них не соблюдают рекомендации по ФА.

До сегодняшнего дня существовал недостаток знаний о взаимосвязи между ФА, стрессом и АУ у студентов университетов. Тем не менее, особенно интересна эта трехнаправленная связь, поскольку стрессовая нагрузка исключительно высока во время сессии, где требования к когнитивным функциям одновременно высоки для достижения наилучшего результата [1]. Основываясь на знании двунаправленных связей ФА, стресса и АУ, можно предположить, что ФА служит посредником или модератором в связи между стрессом и АУ.

Чтобы получить представление о возможном эффекте физической активности как буфера стресса и перекрёстной адаптации к стрессу, а также об одновременном положительном влиянии физической активности на уровень активности в стрессовых периодах у студентов университета, текущее исследование направлено на формирование систематического обзора для расширения исследований двунаправленных взаимосвязей физической активности и стресса, а также физической активности и академической успеваемости, уделяя особое внимание только исследованиям, оценивающим все переменные, для получения информации о трёхнаправленной связи. Это особенно важно с точки зрения общественного здравоохранения, поскольку университеты могут получить выгоду от полученных результатов для учёта специфических для студентов медицинских вмешательств, основанных на физической активности, для повышения уровня активности в реальных стрессовых ситуациях.

Связь между физической активностью и академической успеваемостью

Формирование и поддержание высокого уровня академической успеваемости является важной задачей для современной студенческой молодежи. В условиях возрастающей образовательной нагрузки поиск эффективных способов поддержания когнитивного и психоэмоционального здоровья приобретает особую актуальность [1]. В последние десятилетия анализ взаимосвязи между физической активностью и академической успешностью студентов стал предметом пристального научного интереса, обусловленного ростом эмпирических данных о влиянии двигательной активности на различные аспекты когнитивного и психологического функционирования личности.

Многочисленные исследования подтверждают, что люди, систематически занимающиеся физическими упражнениями, демонстрируют лучшие показатели по шкалам рабочей памяти, концентрации внимания, скорости обработки информации и реакции на стрессовые ситуации. Механизмы данного явления обусловлены усилением церебральной перфузии, а также повышением плотности нейрональных связей в префронтальной коре. Положительный эффект особенно выражен при умеренных и регулярных нагрузках, включающих аэробные и силовые тренировки, а также упражнения на развитие координации [8].

Что касается влияния физической активности на АУ, то современная литература указывает на положительное влияние ФА на АУ у студентов, поскольку более активные студенты показывают лучший результат во время сессии. Однако имеются лишь ограниченные дока-

зательства для популяций студентов университетов [9], в то время как эта связь обычно изучается у школьников. Проведено несколько исследований, демонстрирующих значительный эффект, а также выявлена значительная положительная связь между этими параметрами по завершению исследования [10].

Несмотря на многочисленные преимущества, значительная часть студентов не поддерживает необходимый уровень физической активности, ссылаясь на нехватку времени, усталость и отсутствие инфраструктурных возможностей [3]. Это подчеркивает актуальность разработки программ, интегрирующих физическую активность в образовательную среду, а также совершенствования институциональных условий, стимулирующих заботу о физическом и когнитивном здоровье.

Взаимозависимость между физической активностью и стрессом

Проблема академического стресса среди студенческой молодежи представляет собой актуальную междисциплинарную задачу современной науки о здоровье. Образовательная среда высших учебных заведений характеризуется высокой интенсивностью психоэмоциональных нагрузок, обусловленных экзаменационными периодами, объемными учебными программами и необходимостью социальной адаптации [11]. В данном контексте физическая активность выступает как эффективный механизм профилактики и коррекции стрессовых состояний, что подтверждается современными нейрофизиологическими исследованиями.

Исследования показывают, что студенты характеризуются недостаточным использованием конструктивных копинг-стратегий, включая физическую активность, предпочитая деструктивные способы преодоления стресса. Данный факт обуславливает повышенный риск развития тревожно-депрессивных расстройств и психосоматических заболеваний в студенческой популяции [12].

Известно также, что ФА является механизмом буферизации стресса. Ранее было доказано, что люди ведущие малоподвижный образ жизни, имеют более высокую заболеваемость, связанными со стрессом, чем их активные коллеги, что также было отмечено для факторов психического здоровья [1]. Исследование Ли Е. и Ким Ю. проведенное среди студентов университетов Кореи, выявило, хоть и незначительную, но положительную связь между ФА и стрессом [13]. В то время как Каяни С. и коллеги [10], обнаружили отрицательную связь между ФА и стрессом у участников с низкой ФА. В свою очередь Декампс Г. с соавт. (Франция) обнаружили положительную связь, это означает, что высокоактивные студенты испытывали больше академического стресса [14]. Это противоречит гипотезе буферизации стресса, выдвинутой Козном и Уиллис в 1985 году [1]. В этом случае, однако, активность сама по себе могла быть стрессором, поскольку во время экзаменационной фазы возникали возрастающие требования ко времени для учебной деятельности. В периоды высокого стресса, такие как экзамены, физическая активность особенно снижается и, следовательно, не реализует свой потенциал в качестве подходящего буфера для студентов [11].

Двунаправленная связь между стрессом и успеваемостью

Связь между стрессом и успеваемостью студентов представляет собой один из наиболее важных вопросов со-

временной образовательной психологии. Эта взаимосвязь носит сложный характер, поскольку стресс может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на академические результаты в зависимости от его интенсивности, продолжительности и характера.

Контролируемый стресс умеренной интенсивности может значительно улучшать когнитивные функции и академическую успеваемость. Острый стресс положительно влияет на память и познавательные процессы через воздействие кортизола на префронтальную кору головного мозга [15]. Когда стресс становится хроническим или чрезмерно интенсивным, его влияние на успеваемость кардинально меняется. Хронический стресс негативно влияет на ключевые когнитивные функции: память, концентрацию внимания и способность к усвоению новой информации. Исследования показывают, что стресс может снижать активность в гиппокампе, являющейся ключевой областью мозга, ответственной за формирование памяти. Длительное воздействие стресса проявляется в снижении способности к логическому мышлению, ухудшении памяти и нарушении процессов принятия решений [16].

Объединенный эффект для стресса и АУ выявляет небольшую отрицательную, но незначительную связь, что приводит к снижению АУ у студентов с более высоким уровнем стресса. Однако исследование, проведенное Рутингом с коллегами, вышло за эти рамки и обнаружило положительную связь и, следовательно, более высокий стресс для выявления лучшего показателя АУ. Одним из возможных объяснений этого результата может быть то, что участники, которые лучше подготовились к АУ, также испытывали более высокий уровень стресса, но в то же время демонстрировали более высокие результаты благодаря тщательной подготовке [1].

Взаимосвязь между стрессом и успеваемостью студентов носит сложный, нелинейный характер. Умеренный контролируемый стресс может служить мощным мотивирующим фактором, улучшающим когнитивные функции и академические результаты. Однако превышение оптимального уровня стресса неизбежно приводит к снижению успеваемости и ухудшению общего благополучия студентов [13].

Понимание этой двойственной природы стресса открывает перспективы для создания более эффективных образовательных стратегий. Ключом к успеху является не устранение стресса, а его грамотное управление с учетом индивидуальных особенностей каждого студента [15]. Это требует совместных усилий со стороны образовательных учреждений, преподавателей и самих студентов в создании поддерживающей среды, способствующей оптимальному балансу между учебной нагрузкой и АУ в процессе обучения [17].

Выводы

Связь между физической активностью, стрессом и академической успеваемостью носит комплексный, взаимодополняющий характер. Трёхсторонняя связь между этими компонентами показывает, что физическая активность положительно коррелирует с академической успеваемостью, отрицательно связана со стрессом, тогда как связь между стрессом и успеваемостью остается неоднозначной. Это указывает на то, что физическая активность может служить медиатором между стрессом и учебными достижениями, выступая в роли буферного механизма.

Текущее исследование не выявило каких-либо значимых взаимосвязей между тремя рассматриваемыми переменными. Более того, гетерогенность, небольшое количество включённых исследований и вышеупомяну-

тые ограничения не позволили представить чёткие доказательства на данном этапе.

Приобщение студентов к большей физической активности может быть достигнуто посредством кампаний по повышению осведомленности с участием лекторов и наставников, а также инвестиций в спортивные клубы (ассоциации) и спортивные сооружения вуза. Такой подход может укрепить здоровье студентов путем формирования долгосрочных привычек в области здоровьесбережения. Существует множество возможностей для внедрения привычек связанных с физической активностью у студентов: открытие спортивных курсов во время экзаменационной сессии или предоставление мобильных медицинских услуг, которые являются многообещающими новыми инструментами в области первичной профилактики [71].

В настоящее время недостаточно исследований, позволяющих сделать достоверные выводы о взаимодействии этих трёх конструкторов в отношении студентов высших учебных заведений. Поэтому рекомендуется провести дополнительные исследования в этой области, чтобы повысить потенциал физической активности как предиктора посттравматического стресса в условиях воздействия реальных жизненных стрессоров.

Литература

1. Wunsch K, Fiedler J, Bachert P, Woll A. The Tridirectional Relationship among Physical Activity, Stress, and Academic Performance in University Students: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Int J Environ Res Public Health*. 2021;18(2):739. Published 2021 Jan 16. doi:10.3390/ijerph18020739
2. Ribeiro I.J., Pereira R., Freire IV, de Oliveira BG, Cossotti CA, Boery EN. Stress and Quality of Life Among University Students: A Systematic Literature Review. *Health Prof. Educ*. 2018;4:70–77. doi: 10.1016/j.hpe.2017.03.002
3. Гудимов С.В., Осетров И.А., Плещёв И.Е., Рипачева Е.Ю. Соматическое здоровье студентов медицинского университета в течение учебного года. *Пациентоориентированная медицина и фармация*. 2023;1(1):5–11. <https://doi.org/10.37489/2949–1924–0002>
4. Lee E, Kim Y. Effect of university students' sedentary behavior on stress, anxiety, and depression. *Perspect Psychiatr Care*. 2019;55(2):164–169. doi:10.1111/ppc.12296
5. Neumann RJ, Ahrens KF, Kollmann B, et al. The impact of physical fitness on resilience to modern life stress and the mediating role of general self-efficacy. *Eur Arch Psychiatry Clin Neurosci*. 2022;272(4):679–692. doi:10.1007/s00406-021-01338-9
6. Cadoret G, Bigras N, Duval S, Lemay L, Tremblay T, Lemire J. The mediating role of cognitive ability on the relationship between motor proficiency and early academic achievement in children. *Hum Mov Sci*. 2018;57:149–157. doi:10.1016/j.humov.2017.12.002
7. Lima RA, Soares FC, Bezerra J, de Barros MVG. Effects of a Physical Education Intervention on Academic Performance: A Cluster Randomised Controlled Trial. *Int J Environ Res Public Health*. 2020;17(12):4287. Published 2020 Jun 16. doi:10.3390/ijerph17124287
8. Плещёв И.Е., Ачкасов Е.Е., Николенко В.Н., Шкребо А.Н., Иванова И.В. Роль и специфика физических нагрузок при саркопении у пожилых людей. *Acta Biomedica Scientifica*. 2023;8(2):80–92. <https://doi.org/10.29413/ABS.2023–8.2.8>

9. Liposek S., Planinsec J., Leskosek B., Pajtler A. Physical activity of university students and its relation to physical fitness and academic success. *Ann. Kinesiol.* 2018;9:89–104. doi: 10.35469/ak.2018.171.
10. Kayani S., Kiyani T., Wang J., Sanchez M.L.Z., Kayani S., Qurban H. Physical Activity and Academic Performance: The Mediating Effect of Self-Esteem and Depression. *Sustainability.* 2018;10:3633. doi: 10.3390/su10103633.
11. Зуйкова Е. Г., Бушма Т.В., Волкова Л.М. Психоэмоциональная устойчивость студентов разных профилей подготовки и их реакция на стресс-факторы // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3 (48). С. 359–364. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.351.
12. Долгова В. И., Дядык Н.Г. Формирование конструктивных копинг-стратегий у студентов педагогического вуза средствами арт-терапии в условиях информационной агрессивности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2022. – № 4 (170). – С. 242–263. – DOI: 10.25588/CSPU.2022.170.4.012.
13. Lee E, Kim Y. Effect of university students' sedentary behavior on stress, anxiety, and depression. *Perspect Psychiatr Care.* 2019;55(2):164–169. doi:10.1111/ppc.12296
14. Décamps G, Boujut E, Brisset C. French college students' sports practice and its relations with stress, coping strategies and academic success. *Front Psychol.* 2012;3:104. Published 2012 Apr 11. doi:10.3389/fpsyg.2012.00104
15. Córdova A, Caballero-García A, Drobnic F, Roche E, Noriega DC. Influence of Stress and Emotions in the Learning Process: The Example of COVID-19 on University Students: A Narrative Review. *Healthcare (Basel).* 2023;11(12):1787. doi:10.3390/healthcare11121787
16. Almarzouki, A.F. Stress, working memory, and academic performance: a neuroscience perspective. *Stress.* 2024. No. 27(1). <https://doi.org/10.1080/10253890.2024.2364333>
17. Reichert M, Giurgiu M, Koch E, et al. Ambulatory Assessment for Physical Activity Research: State of the Science, Best Practices and Future Directions. *Psychol Sport Exerc.* 2020;50:101742. doi:10.1016/j.psychsport.2020.101742

THE EFFECT OF PHYSICAL ACTIVITY ON STRESS TOLERANCE AND COGNITIVE FUNCTIONS OF STUDENTS DURING THE EXAM PERIOD

Nikolaev R.J., Preobrazhenskiy Ya.I., Karakchiev D.A.

Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Health of Russia

The modern student environment is characterized by a high level of psychoemotional stress, with up to 30% of students suffering from stress-related mental problems. Exam periods create particularly stressful conditions that negatively affect the quality of sleep, emotional state and cognitive functions of students, which can negatively affect their academic performance.

Physical activity may be a promising strategy to mitigate these stress-induced symptoms. Therefore, the purpose of this study was to summarize data on the multilevel relationship between physical activity, stress, and academic performance in students, in order to determine the role of physical activity as a buffer mechanism under academic stress.

The results indicate a gap in research on this relationship, and future research should use proven measurement tools and take into account time points of data collection to identify truly stressful periods.

Keywords: student health, physical activity, academic stress, exams, physical exercises.

References

1. Wunsch K, Fiedler J, Bachert P, Woll A. The Tridirectional Relationship among Physical Activity, Stress, and Academic Performance in University Students: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Int J Environ Res Public Health.* 2021;18(2):739. doi:10.3390/ijerph18020739
2. Ribeiro Í.J., Pereira R., Freire IV, de Oliveira BG, Casotti CA, Bory EN. Stress and Quality of Life Among University Students: A Systematic Literature Review. *Health Prof. Educ.* 2018;4:70–77. doi: 10.1016/j.hpe.2017.03.002
3. Gudimov S.V., Osetrov I.A., Pleshchev I.E., Ripacheva E.Y. Somatic health of medical university students during the academic year. *Patient-Oriented Medicine and Pharmacy.* 2023;1(1):5–11. <https://doi.org/10.37489/2949–1924–0002>
4. Lee E, Kim Y. Effect of university students' sedentary behavior on stress, anxiety, and depression. *Perspect Psychiatr Care.* 2019;55(2):164–169. doi:10.1111/ppc.12296
5. Neumann RJ, Ahrens KF, Kollmann B, et al. The impact of physical fitness on resilience to modern life stress and the mediating role of general self-efficacy. *Eur Arch Psychiatry Clin Neurosci.* 2022;272(4):679–692. doi:10.1007/s00406-021-01338-9
6. Cadoret G, Bigras N, Duval S, Lemay L, Tremblay T, Lemire J. The mediating role of cognitive ability on the relationship between motor proficiency and early academic achievement in children. *Hum Mov Sci.* 2018;57:149–157. doi:10.1016/j.humov.2017.12.002
7. Lima RA, Soares FC, Bezerra J, de Barros MVG. Effects of a Physical Education Intervention on Academic Performance: A Cluster Randomised Controlled Trial. *Int J Environ Res Public Health.* 2020;17(12):4287. Published 2020 Jun 16. doi:10.3390/ijerph17124287
8. Pleshchev I.E., Achkasov E.E., Nikolenko V.N., Shkrebo A.N., Ivanova I.V. Methods of physical rehabilitation of elderly people for the prevention and treatment of sarcopenia. *Acta Biomedica Scientifica.* 2023;8(2):80–92. <https://doi.org/10.29413/ABS.2023-8.2.8>
9. Liposek S., Planinsec J., Leskosek B., Pajtler A. Physical activity of university students and its relation to physical fitness and academic success. *Ann. Kinesiol.* 2018;9:89–104. doi: 10.35469/ak.2018.171.
10. Kayani S., Kiyani T., Wang J., Sanchez M.L.Z., Kayani S., Qurban H. Physical Activity and Academic Performance: The Mediating Effect of Self-Esteem and Depression. *Sustainability.* 2018;10:3633. doi: 10.3390/su10103633.
11. Zuikova E. G., Bushma T.V., Volkova L.M. Psychoemotional stability of students of different training profiles and their response to stress factors // Business. Education. Right. 2019. No. 3 (48). pp. 359–364. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.351.
12. Dolgova V. I., Dyadyk N.G. Formation of constructive coping strategies among students of a pedagogical university by means of art therapy in the context of information aggressiveness // Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 2022. No. 4 (170). pp. 242–263. DOI: 10.25588/CSPU.2022.170.4.012.
13. Lee E, Kim Y. Effect of university students' sedentary behavior on stress, anxiety, and depression. *Perspect Psychiatr Care.* 2019;55(2):164–169. doi:10.1111/ppc.12296
14. Décamps G, Boujut E, Brisset C. French college students' sports practice and its relations with stress, coping strategies and academic success. *Front Psychol.* 2012;3:104. Published 2012 Apr 11. doi:10.3389/fpsyg.2012.00104
15. Córdova A, Caballero-García A, Drobnic F, Roche E, Noriega DC. Influence of Stress and Emotions in the Learning Process: The Example of COVID-19 on University Students: A Narrative Review. *Healthcare (Basel).* 2023;11(12):1787. doi:10.3390/healthcare11121787
16. Almarzouki, A.F. Stress, working memory, and academic performance: a neuroscience perspective. *Stress.* 2024. No. 27(1). <https://doi.org/10.1080/10253890.2024.2364333>
17. Reichert M, Giurgiu M, Koch E, et al. Ambulatory Assessment for Physical Activity Research: State of the Science, Best Practices and Future Directions. *Psychol Sport Exerc.* 2020;50:101742. doi:10.1016/j.psychsport.2020.101742

Музей как средство формирования национальной идентичности: зарубежный опыт

Петрова Светлана Андреевна,

кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и методики его преподавания как иностранного, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: soipmk@yandex.ru

В статье рассматривается проблема влияния музеев на сознание граждан. Исследуются публикации зарубежных учёных, в которых представлены научные разработки определения методов воздействия музейных организаций на формирование национальной идентичности граждан. Акцент ставится на контент-анализе выборочных страниц сайта Музея Лувра. С помощью метода акторно-сетевой теории Б. Латура определяется специфика нацеленности воздействия музейной информации на мировое сообщество. Выявляется направленность на глобализацию и демократизацию музея Лувра. Но в то же время и установка на воздействие и на своих граждан, использование национальных элементов и подчёркивание специфики страны в сфере искусства, культуры, истории и геополитики в целом. Одним из частых приёмов является опора на коллективную память, которая проявляется в использовании исторических фактов, реалий и исторических лиц.

Ключевые слова: национальная идентичность, музей, Лувр, Эрмитаж, глобализация, акторно-сетевая теория, актор, воспитание, патриотизм.

Введение

Исследование влияния музейного пространства на формирование осознания национальной идентичности активизировалось в зарубежной науке ещё в последние десятилетия XX века. В трудах учёных разных стран формируется устойчивое мнение, что музеи представляют особое пространство, которое даёт возможность укрепить национальное самосознание [1] и самоидентификацию [2]. Важным в данном случае является то, как определяется, собственно, понятие национальной идентичности. Одним из теоретических ориентиров в этих исследованиях стала теория Кеннета Бёрка, в рамках которой оно переосмысливается и развивается с учётом материальной составляющей [3]. Как определяют учёные К.Г. Атонян и Н.А. Соколова: «Национальная идентичность может быть рассмотрена как набор репрезентативных масок, сценариев, ролей, сцен, используемых и исполняемых индивидом или группой с целью установления, подтверждения и демонстрации своего единства» [4, с. 6–7]. Цель данной статьи: с одной стороны, анализ представленных в современной зарубежной науке работ, рассматривающих возможности использования музейного пространства в качестве средства развития национальной идентичности на примере Лувра, а, с другой стороны, выборочный семантический анализ значимых элементов сайта музея для выявления репрезентативных стратегий формирования воздействия на посетителей. Зарубежный опыт может быть заимствован и в российских музеях, в частности, в Эрмитаже.

Отметим также, что К. Бёрк подчёркивает значимость языка как главного средства идентификации человека и формы, дающей возможность увидеть нечто общее и преодолеть разделённость [5]. Таким образом, не только вербальный комплекс, но и предметный мир – материальная составляющая формы – влияет на национальное самоопределение. Исходя из этого аспекта, можно говорить также о необходимости теории Б. Латура, который также определял вещь в качестве актора, способного строить вокруг себя определённый миропорядок [6]. Обратимся далее к этому методу.

Методы и материал исследования

В основе акторно-сетевой теории Б. Латура актор является действующим самостоятельно или тем, чьё действие обусловлено другими [6, с. 182]. По сути, такой подход к его определению связываются с семиотической практикой [7]. Актором может быть не только человек, но всё, что выступает источником действия [6, с. 182]. А собственно сеть – это «работа, выполняемая акторами» [6, с. 182], как обозначил в своей статье Б. Латур. Значимым здесь является взаимодействие, которое определяется онтологическим характером в целом.

Материалом данного исследования являются научные труды зарубежных учёных, посвящённые использованию музеев для формирования национальной идентичности [8], а также конкретные материалы на сайте Лувра, как одного из ведущих музеев мира. Статьи отбирались нами с помощью метода сплошной выборки в разных научных азах с открытым доступом в рамках

Исследование выполнено в рамках инициативной НИР СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ «Эрмитаж как интерфейс национальной идентичности».

поискового запроса из ключевых слов и словосочетаний «формирование национальной идентичности в музее, на примере Лувра» за период последних десяти лет с 2015 по 2025 гг., учитывая глобальные перемены, происходившие в данное время. Акцент ставился на тех работах, которые определяли своей целью именно выявление специфики влияния музейного пространства на национальное сознание, потому в данной статье отражены только наиболее показательные с нашей точки зрения мнения, подкреплённые практическими примерами. В качестве примеров в данном случае рассматривается ряд элементов, представленных на официальном сайте Музея Лувр (Париж, Франция)¹ в августе 2025 г. Проводится контент-анализ сайта Музея, так как этот метод также используется в опыте зарубежных учёных, например, в статье Мары Черкетти, Доменико Сарданелли, Кончетты Феррары [9].

Результаты

Одним из частых аспектов исследования зарубежных учёных в рассмотренных для данной работы статьях, например, Нада Саад Альнасер, Ю Ли Джей [3] или Мары Черкетти, Доменико Сарданелли, Кончетты Феррары [9], является определение понятия «музей» с помощью ссылки на ведущую неправительственную профессиональную международную организацию «Международный совет музеев» (ИКОМ ICOM), созданную в 1946 году в Париже и имеющую также представительство в России. В организации более 45000 членов из 141 страны. ИКОМ обладает высшим консультативным статусом категории «А» в ЮНЕСКО и в Экономическом социальном совете ООН. В 2022 году 24 августа в рамках ИКОМ были проведены исследования об определении понятия и функций музеев. В качестве важной составляющей этого определения называется деятельность музеев в образовательной сфере, в развитии самосознания и в обмене знаниями в целом, т.е. обозначается именно социальная функция². Таким образом, также подчёркивается когнитивная составляющая воздействия музейного пространства [10] и также собственно влияние музеев на социум в аспекте мышления [11]. О влиянии музеев на внешнюю политику также пишут Мариано Рандольф и Андреас Вархейм [12].

Центральной проблемой в зарубежных исследованиях по данной тематике называется цифровизация [13], которая рассматривается и как средство взаимодействия с аудиторией, и как метод влияния на аудиторию [14]. Лувр определяется как один из самых первых музеев, который оцифровывал практически все экспонаты и запустивший различные цифровые платформы для взаимодействия с посетителями [15]. Как пишут Насер Аль-Шавааф и Су Хи Ли, в Лувре фиксируется стремление к демократизации искусства в рамках глобализации в целом [16].

На сайте музея³ представлены возможности поиска и просмотра экспонатов, изучение информации об авторе, истории создания, структуре и специфике произведения. Все экспонаты распределяются на тематические группы для удобства поиска. Существует также усиленная система работы с посетителями и выход на другие площадки страны [17]. Как пишет М.Э. Вайзер: «Иден-

тификация, «формирование общего понимания ценностей, взглядов и интересов [аудитории]», в современном национальном музее продвигается в диалоговом формате, который сложно воспроизвести в классе» [5, с.385 (в переводе с англ. автора)]. Музеи определяются тем пространством, в котором объединяется множество точек в рамках коммуникативных взаимодействия, аффордансов, позволяющих формировать индивидуальную идентичность на фоне социальной [5]. Соотнесение себя с определённым обществом является одним из значимых аспектов национальной идентичности [18]. Диалог создаётся и с помощью индивидуального подхода. Для этого в Лувре предоставляется возможность индивидуальной экскурсии с гидом, вне группы, что открывает возможность рефлексивной идентификации. М.Э. Вайзер подчёркивает, что «способствуя рефлексивному отождествлению личных воспоминаний с коллективной памятью о нации, национальные музеи создают эстетическое/прагматическое пространство для диалогического принятия общественной идентичности, которая не только отражается в экспонатах, но и постоянно трансформируется посетителями» [5, с. 386]. Значимым является социализирующая функция музейного пространства, так как посещение общественных мест даёт возможность осуществлять сравнение и самоидентификацию личности.

В ракурсе акторно-сетевой теории в процессе укрепления национальной идентичности важную роль играет предметный мир, в музее – это предметная символика, которая становится лейтмотивом экспозиций, выставочных сфер и т.д. [19]. О ключевых символах и их влиянии также пишут Мартин де Джонг и Хайян Лу [20]. Коллективная память рассматривается в качестве эмоциональной сферы, с помощью которой музей воздействует на посетителей [5]. Как пишет Э.М. Вайзер: «Таким образом, потенциал национальных музеев заключается не в однозначном знакомстве с историей, а в том, чтобы стать примером пространства, которое открывается, когда прославляются общие черты и выносятся на обсуждение различные ценности» [5, с. 401]. Так, в Лувре проводятся выставки, которые в своих названиях содержат, с одной стороны, тематику интересную посетителям не из Франции, а, с другой стороны, ключевую фигуру именно представителя французского народа. Например, «Страсть к Китаю. Коллекция Адольфа Тьера», Адольф Тьер определяется как журналист, историк и крупный политический деятель XIX века (депутат, министр, председатель совета и, наконец, президент Французской Республики). Как обозначено на сайте, в рамках выставки будет представлено более 170 работ, в основном XVIII и XIX веков: свитки, страницы альбомов, гравюры, эстампы, фарфор, нефрит, лакированные изделия и драгоценные предметы искусства из слоновой кости, бронзы или дерева, инкрустированные драгоценными камнями и перламутром. Но в первой части выставки показан сам французский герой, его особое видение искусства, его коллекционирование и страсть к эпохе Возрождения. Важным является и геополитические явления, представленный в музее [21].

В качестве значимого символа также использует слово «шедевр», даётся определение этого понятия и приводятся примеры на двенадцати страницах. Первым примером представлен Зал кариатид и сравнение французского короля Генриха II римским императором Августом. Таким образом, также укрепляется историческая линия в национальной идентичности, подчёркивающая специфику страны – государства, в котором власть защищает искусства, помогает благотворительностью. Кроме этого, подчёркивается связь с древними куль-

¹ Музей Лувр – официальный сайт. // URL: <https://www.louvre.fr/en> (дата обращения: 10.08.2025)

² <https://icom.museum/en/resources/standards-guidelines/museum-definition/#:~:text=%20museum%20is%20a%20not,museums%20foster%20diversity%20and%20sustainability> (дата обращения: 10.08.2025)

³ Музей Лувр – официальный сайт. // URL: <https://www.louvre.fr/en> (дата обращения: 10.08.2025)

турами, с важным общественным наследием Древнего Рима. Далее вторым шедевром обозначена Венера Милосская, образ которой определяется источником вдохновения для художников и деятелей массовой культуры. Затем называется Крылатая Ника Самофракийская, её символику трактуют через военные аспекты, а также подчёркивают: неподвластная времени икона западного искусства.

Среди следующих шедевров обозначены фрески эпохи Возрождения, написанные художником Сандро Боттичелли «Венера и три грации подносят дары молодой женщине», что говорит о включении в пространство музея ценностей повседневной жизни, семьи, быта и т.д. Салон Карре («Квадратный зал») также включен в список шедевров, определяется как место, которое использовалось как выставочное пространство для работ членов Королевской академии живописи и скульптуры. Затем уже в общем плане говорится о шедеврах итальянского искусства, отдельно выделяется, безусловно, портрет Моны Лизы Леонардо да Винчи.

В описании шедевров также фигурирует семантика объединения: «Пирамида И.М. Пея» высотой всего 19 метров была частично вдохновлена геометрией сада Тюильри. Американский архитектор китайского происхождения выбрал максимально прозрачное стекло, чтобы

здания его предшественников оставались хорошо различимыми. Как видно, Лувр нацелен на все континенты мира, здесь создаётся многонациональная форма, которая, с одной стороны, даёт возможность привлекать туристов, посетители из других стран, а, с другой стороны, – формирует диалогическую составляющую в собственной национальной идентичности. В данном описании упоминается Америка, Китай, а в качестве ведущего вдохновителя – Франция (сад Тюильри).

Музей Лувр использует разные методы укрепления национальной идентичности не только в формате предметного оформления материальной составляющей, но также в цифровом пространстве с использованием определённых языковых средств, влияющих на сознание посетителей. В рамках акторно-сетевой теории можно представить следующую сборку акторов и аффордансов, представленных на официальном сайте музея Лувра под общим названием «Шедевры» (см. таблица 1):

Исходя из данных таблицы 1 можно утверждать, что создана необходимая музейная форма, которая включает в себя несколько сильных акторов, образующих достаточно широкую сеть взаимодействия, влияющих на формирование национальной идентичности в разноразном формате.

Таблица 1. Сборка акторов и аффордансов на примере страниц сайта Музея Лувра¹

№ уровня	Актор	Аффордансы (сеть взаимодействия или направленность действия)
1 уровень (центр)	Музей Лувр	С мировым сообществом
2 уровень	Шедевр	С мировыми ценностями и сообществом
3 уровень	Кариатиды	Генрих II, власть, государство, управление, архитектура, история от Средних веков к эпохе Возрождения, музыка, римское и древнегреческое наследие, возвеличивание короля до римского императора Августа.
4 уровень	Афродита, известная как Венера Милосская	Источник творчества художников и деятелей массовой культуры, мировое сообщество, Венера была возлюбленной Марса, бога войны.
5 уровень	Крылатая Ника Самофракийская	Неподвластная времени икона западного искусства. Крылья, военный корабль, святилище... всё указывает на богиню Нику, посланницу победы. Морская деятельность.
6 уровень	Итальянские фрески на стенах Лувра: Венера и три грации преподносят дары молодой женщине Сандро Боттичелли	Красота, молодость, семейная тема.
7 уровень	Салон Карре	В XVIII веке Салон Карре («Квадратный зал») использовался как выставочное пространство для работ членов Королевской академии живописи и скульптуры. Эти ежегодные выставки, или «Салоны», предшественники современных выставок современного искусства, пользовались большой популярностью у публики. Влияние на историю искусства, и место, где зародилась художественная критика. Репутация художников создавалась или разрушалась на Салонах, где критики с удовольствием противопоставляли и сравнивали их работы.
8 уровень	Большая Галерея Обширная коллекция итальянского искусства в Лувре включает 5 картин и 22 рисунка одного из величайших художников эпохи Возрождения – Леонардо да Винчи: Портрет дамы, известной как Прекрасная Ферронеер, Святая Анна, Дева Мария и младенец Иисус, играющий с ягнёнком, известная как Святая Анна.	Стремление запечатлеть живой момент, на большой картине Святой Анны, изображающей Деву Марию с младенцем и матерью Марии Анной. Фантастический пейзаж на заднем плане создаёт ощущение вневременности, усиленное знаменитой техникой Леонардо «сфумато», которая окутывает всю сцену туманной дымкой, придавая ей таинственную мягкость.

¹ The Louvre’s Masterpieces (Шедевры Лувра) // URL: <https://www.louvre.fr/en/explore/visitor-trails/the-louvre-s-masterpieces> (дата обращения: 10.08.2025)

№ уровня	Актор	Аффордансы (сеть взаимодействия или направленность действия)
9 уровень	Портрет Лизы Герардини, жены Франческо дель Джокондо, известный как «Мона Лиза»	Особая привлекательность картины заключается в её техническом совершенстве, знаменитой улыбке модели, фантастическом пейзаже на заднем плане и технике сфумато, которая окутывает фигуру туманной дымкой. Мона Лиза привлекает к себе нежелательное внимание, а связанные с ней инциденты только укрепляют её статус знаменитости. Например, в 1911 году сотрудник итальянского музея украл картину, «чтобы вернуть её на родину», что вызвало фурор в прессе! В 1966 году этот знаменитый и хрупкий шедевр был перенесён в самый большой зал Лувра – Зал государств, где он хранится в идеальных условиях, в стеклянной витрине с контролем температуры и влажности. Государственная защита искусства.
10 уровень	Брачный пир в Кане Паоло Кальяри, известный как Веронезе	то самая большая картина в Лувре, её площадь составляет почти 70 м²! Веронезе получил заказ на украшение трапезной монастыря в Венеции, и ему пришла в голову смелая идея перенести библейскую сцену в современную обстановку – на венецианский банкет. Картина имела большой успех, и за ней последовали другие заказы. В 1797 году она была конфискована войсками Наполеона, которые свернули огромное полотно и отправили его в Париж.
11 уровень	Плот «Медузы» Теодор Жерико, Свобода, ведущая людей Эжен Делакруа	Романтизм, трёхдневное восстание в июле 1830 года, когда парижане вышли на улицы, чтобы защитить свои свободы, в частности свободу прессы, от тиранического правления Карла X. Деятельность в политике в аллегорическом виде.
12 уровень	Рабы (Восставший раб и Умиравший раб) Микеланджело Буонарроти, известный как Микеланджело	Обезьянка, вырезанная за левым коленом – зависит от интерпретации самих «Рабов»: если эти фигуры смирения и бунта олицетворяют неспособность людей подняться над своим физическим состоянием, то обезьяна символизирует материальную жизнь; но если их рассматривать как олицетворение искусств, оплакивающих смерть Папы, то обезьяна – это символ живописи...
12 уровень	Психея, возродённая поцелуем Купидона Антонио Канова	му удалось передать эмоции в камне: «Психея, пробужденная поцелуем Купидона» мгновенно передает ощущение любви. Вместо того чтобы просто копировать классическую модель, Канова подошёл к созданию скульптуры почти как хореограф. Он выбрал захватывающий момент пробуждения богини – момент, запечатлённый в шедевре, который до сих пор не утратил своей силы воздействия.
13 уровень	Пирамида Йео Мин Пей	Проходя через Манеж, взгляните через стеклянную дверь на знаменитую Пирамиду, которая вызвала столько споров в прессе и Национальном собрании во время своего строительства в период с 1985 по 1989 год. Некоторые опасались, что почтенный дворец будет перестроен до неузнаваемости... но на самом деле проект следовал 800-летней традиции архитектурных преобразований, таких как снос 30-метровой башни, которая когда-то стояла в центре средневековой крепости. Пирамида И.М. Пей высотой всего 19 метров была частично вдохновлена геометрией сада Тюильри. Американский архитектор китайского происхождения выбрал максимально прозрачное стекло, чтобы здания его предшественников оставались хорошо различимыми.

Обсуждение

Как пишет В.Ю. Пустовит: «музеи являются пространством формирования чувств и ценностных выборов личности» [22, с. 77], данный аспект поддерживается и зарубежными учёными, работы которых рассмотрены в данной статье.

В российской науке также обсуждается данный аспект, например, в работе исследователя Н.А. Юсуповой: «Музеи являются не только местом демонстрации образцов истории и искусства, но и играют особую роль в воспитании молодого поколения, проведении научных исследований и формировании национальной идентичности» [23, с. 631]. В то же время в зарубежных источниках отмечается политиче-

ская функция музеев [24], как это было представлено в рамках анализа ресурсов Музея Лувра. При всей устремлённости к глобализации и демократизации в музее проводится постоянное включение национальных элементов в ресурсы и подчёркивание их ценностного значения.

Актуализация собственно французских элементов контента, представленного на сайте, показывает нацеленность музея на патриотические аспекты и их популяризацию в мировом сообществе.

Заключение

Музеи играют важную социальную роль в общественном пространстве, оказывая влияние на граждан и форми-

руя в них осознание национальной идентичности. Это сильный инструмент воздействия и воспитания молодых участников жизнедеятельности.

Используя метод акторно-сетевой теории, была построена таблица данных международного опыта, показывающая сферы воздействия разных музейных элементов на общество на примере информации сайта Музея Лувра во Франции. Музей воздействует и не только в ракурсе рекламного привлечения граждан своей страны, но и на иностранных туристов, взаимодействуя в целом с мировым сообществом.

Литература

1. Pauget B., Tobelem J.M., Bootz J.P. The future of French museums in 2030 //Technological forecasting and social change. – 2021. – Т. 162. – С. 120384. (In Engl.)
2. Sosnovskaya A., Krasnova A. Молодежь в музейном пространстве: формирование культурной идентичности (Youth in the museum space: formation of cultural identity) //Available at SSRN 5384460. – 2025. (Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=5384460> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5384460>).
3. Alnasser N. S., Yi L.J. Strategies applied by different arts and cultural organizations for their audience development: A comparative review //Heliyon. – 2023. – Т. 9. – № . 5. – С. e15835. // Электронный ресурс: URL: [https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440\(23\)03042-6](https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440(23)03042-6) (дата обращения 18.08.2025) (In Engl.).
4. Антонян К. Г., Соколова Н.А. Перформативные практики в конструировании образов национальной идентичности //Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2022. – № . 3 (52). – С. 6–11.
5. Weiser M.E. National identity within the national museum: Subjectification within socialization //Studies in philosophy and education. – 2015. – Т. 34. – № . 4. – С. 385–402. (In Engl.).
6. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Философско-литературный журнал «Логос» – 2017 – Т. 27 (№ 1) – С. 173–200.
7. Сосновская, А.М. Новые онтологии как перспектива изучения политических отношений: акторно-сетевая теория и медиа / А.М. Сосновская // Меди@льманах. – 2023. – № 2(115). – С. 29–34. – DOI 10.30547/mediaalmanah.2.2023.2934.
8. Popescu L., Albă C. Museums as a means to (re) make regional identities: The Oltenia museum (Romania) as case study //Societies. – 2022. – Т. 12. – № . 4. – С. 1–14. (In Engl.).
9. Cerquetti M., Sardanelli D., Ferrara C. Measuring Museum sustainability within the framework of institutional theory: A dictionary-based content analysis of French and British National Museums' annual reports //Corporate Social Responsibility and Environmental Management. – 2024. – Т. 31. – № . 3. – С. 2260–2276. (In Engl.).
10. Петрова, С.А. Музейное пространство в преподавании русского языка как иностранного (на примере экспозиций Эрмитажа) // Проблемы преподавания филологических дисциплин в высшей школе: Материалы докладов и сообщений XXX международной научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 11 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный универси-тет промышленных технологий и дизайна, 2025. – С. 143–147.
11. Hamlaoui S. et al. The culture collection of cyanobacteria and microalgae at the French National Museum of Natural History: A century old but still alive and kicking! Including in memoriam: Professor Alain Couté //Cryptogamie, Algologie. – 2022. – Т. 43. – № . 3. – С. 41–83. (In Engl.).
12. Mariano R., Vårheim A. Libraries, museums and cultural centers in foreign policy and cultural diplomacy: a scoping review //Journal of Documentation. – 2022. – Т. 78. – № . 3. – С. 651–672.
13. Изучение практик коммуникации: от этнометодологии к теории сетей. – Москва: Издательский дом «Дело», 2025. – 208 с.
14. Giannini T., Bowen J.P. Global cultural conflict and digital identity: Transforming museums //Heritage. – 2023. – Т. 6. – № . 2. – С. 1986–2005. (In Engl.).
15. Кусерова А. И., Сарайкина С.В., Сотова Л.В. Феномен Лувра как туристского объекта мира: современные тенденции //Сервис в России и за рубежом. – 2021. – Т. 15. – № . 1 (93). – С. 36–46.
16. AlShawaaf N., Lee S.H. Globalisation vs. anti-globalisation of art museums: a comparative analysis of France and the UK //International Journal of Globalisation and Small Business. – 2024. – Т. 14. – № . 1. – С. 41–61. (In Engl.).
17. Grefils M., Gorge H., Özçağlar-Toulouse N. Legitimation processes for a branch museum development in a post-industrial city: the Louvre-Lens Museum in France //Journal of Macromarketing. – 2024. – Т. 44. – № . 3. – С. 602–621. (In Engl.).
18. Поважная Г. И. О роли малых исторических городов в сохранении национальной идентичности (на примере Стратфорда-на-Эйвоне) //Современная Европа. – 2024. – № . 5 (126). – С. 217–227.
19. Фадеева Л.А. Политика памяти и идентичности в Европейском союзе: сопряженные понятия, согласованные практики //Международная аналитика. – 2022. – Т. 13. – № . 3. – С. 79–93.
20. Jong de M., Lu H. City branding, regional identity and public space: What historical and cultural symbols in urban architecture reveal //Global Public Policy and Governance. – 2022. – Т. 2. – № . 2. – С. 203–231. (In Engl.).
21. Giusti S., Lamonica A.G. The geopolitics of culture: Museum proliferation in Qatar and Abu Dhabi //The International Spectator. – 2023. – Т. 58. – № . 2. – С. 123–139. (In Engl.).
22. Пустовит В.Ю. Музей как пространство формирования патриотизма //Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2024. – № . 6 (122). – С. 72–78.
23. Юсупова Н.А. Музееведение – важное средство пропаганды национальной духовности и истории //Экономика и социум. – 2025. – № . 1–1 (128). – С. 631–634.
24. Ristawati R. et al. Constitutional Protection of Cultural Heritage in Indonesia: The Role of Museums in Preserving National Identity and Public Welfare //Sriwijaya Law Review. – 2025. – С. 49–70. (In Engl.).

MUSEUM AS A MEANS OF FORMING NATIONAL IDENTITY: FOREIGN EXPERIENCE

Petrova S.A.

North-Western Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article discusses the problem of museums influence on the consciousness of citizens. The publications of foreign scientists are

studied, which present scientific developments of the definition of methods of influence of museum organizations on the formation of national identity of citizens. The emphasis is placed on the content analysis of selective pages of the Louvre Museum website. Using the method of actor-network theory by B. Latour, the specificity of the focus of the impact of museum information on the world community is determined. There is a focus on globalization and democratization of the Louvre Museum. However, there is also a focus on influencing its own citizens, using national elements, and emphasizing the country's specific features in the fields of art, culture, history, and geopolitics. One of the common techniques is the use of collective memory, which is evident in the use of historical facts, realities, and historical figures.

Keywords: national identity, museum, Louvre, Hermitage, globalization, actor-network theory, actor, education, patriotism.

References

1. Pauget B., Tobelem J.M., Bootz J.P. The future of French museums in 2030 // *Technological forecasting and social change*. – 2021. – T. 162. – C. 120384. (In Engl.)
2. Sosnovskaya A., Krasnova A. Youth in the museum space: formation of cultural identity // Available at SSRN 5384460. – 2025. (Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=5384460> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5384460>).
3. Alnasser N. S., Yi L.J. Strategies applied by different arts and cultural organizations for their audience development: A comparative review // *Heliyon*. – 2023. – T. 9. – № 5. – C. e15835. // Электронный ресурс: URL: [https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440\(23\)03042-6](https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440(23)03042-6) (дата обращения 18.08.2025) (In Engl.).
4. Antonyan K. G., Sokolova N.A. Performative practices in the construction of images of national identity // *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*. – 2022. – № 3 (52). – C. 6–11.
5. Weiser M.E. National identity within the national museum: Subjectification within socialization // *Studies in philosophy and education*. – 2015. – T. 34. – № 4. – C. 385–402. (In Engl.).
6. Latour B. On Actor-Network Theory. Some Explanations, Supplemented with Even Greater Complications // *Philosophical and Literary Journal "Logos"*. – 2017 – T. 27 (№ 1) – C. 173–200.
7. Sosnovskaya, A.M. New ontologies as a perspective for studying political relations: actor-network theory and media / A.M. Sosnovskaya // *Medi@Imanakh*. – 2023. – № 2(115). – C. 29–34. – DOI 10.30547/mediaalmanah.2.2023.2934.
8. Popescu L., Albă C. Museums as a means to (re) make regional identities: The Oltenia museum (Romania) as case study // *Societies*. – 2022. – T. 12. – № 4. – C. 1–14. (In Engl.).
9. Cerquetti M., Sardanelli D., Ferrara C. Measuring Museum sustainability within the framework of institutional theory: A dictionary based content analysis of French and British National Museums' annual reports // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. – 2024. – T. 31. – № 3. – C. 2260–2276. (In Engl.)
10. Petrova, S.A. Museum space in teaching Russian as a foreign language (on the example of the Hermitage expositions) // *Problems of teaching philological disciplines in higher education: Materials of reports and communications of the XXX international scientific and methodological conference*, St. Petersburg, April 11, 2025. – St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2025. – C. 143–147.
11. Hamlaoui S. et al. The culture collection of cyanobacteria and microalgae at the French National Museum of Natural History: A century old but still alive and kicking! Including in memoriam: Professor Alain Couté // *Cryptogamie, Algologie*. – 2022. – T. 43. – № 3. – C. 41–83. (In Engl.).
12. Mariano R., Vårheim A. Libraries, museums and cultural centers in foreign policy and cultural diplomacy: a scoping review // *Journal of Documentation*. – 2022. – T. 78. – № 3. – C. 651–672.
13. Study of communication practices: from ethnomethodology to network theory. – Moscow: Delo Publishing House, 2025. – 208 c.
14. Giannini T., Bowen J.P. Global cultural conflict and digital identity: Transforming museums // *Heritage*. – 2023. – T. 6. – № 2. – C. 1986–2005. (In Engl.).
15. Kusserova A. I., Saraykina S.V., Sotova L.V. Phenomenon of the Louvre as a tourist attraction of the world: modern trends // *Service in Russia and abroad*. – 2021. – T. 15. – № 1 (93). – C. 36–46.
16. AlShawaaf N., Lee S.H. Globalisation vs. anti-globalisation of art museums: a comparative analysis of France and the UK // *International Journal of Globalisation and Small Business*. – 2024. – T. 14. – № 1. – C. 41–61. (In Engl.).
17. Grefils M., Gorge H., Özçağlar-Toulouse N. Legitimation processes for a branch museum development in a post-industrial city: the Louvre-Lens Museum in France // *Journal of Macromarketing*. – 2024. – T. 44. – № 3. – C. 602–621. (In Engl.).
18. Povazhnaya G.I. On the role of small historical towns in preserving national identity (using the example of Stratford-upon-Avon) // *Modern Europe*. – 2024. – № 5 (126). – C. 217–227.
19. Fadeeva L.A. Politics of memory and identity in the European Union: related concepts, discordant practices // *International Analytics*. – 2022. – T. 13. – № 3. – C. 79–93.
20. Jong de M., Lu H. City branding, regional identity and public space: What historical and cultural symbols in urban architecture reveal // *Global Public Policy and Governance*. – 2022. – T. 2. – № 2. – C. 203–231. (In Engl.).
21. Giusti S., Lamonica A.G. The geopolitics of culture: Museum proliferation in Qatar and Abu Dhabi // *The International Spectator*. – 2023. – T. 58. – № 2. – C. 123–139. (In Engl.).
22. Pustovit V. Yu. Museum as a space for the formation of patriotism // *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. – 2024. – № 6 (122). – C. 72–78.
23. Yusupova N.A. Museology is an important means of promoting national spirituality and history // *Economy and Society*. – 2025. – № 1–1 (128). – C. 631–634.
24. Ristawati R. et al. Constitutional Protection of Cultural Heritage in Indonesia: The Role of Museums in Preserving National Identity and Public Welfare // *Sriwijaya Law Review*. – 2025. – C. 49–70. (In Engl.).

Плещёва Татьяна Николаевна,

старший преподаватель кафедры общей гигиены с экологией,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский
университет» Минздрава России
E-mail: Chuvachko@mail.ru

Шишкин Алексей Андреевич,

канд. мед. наук, ассистент кафедры реабилитации,
спортивной медицины и физической культуры института
профилактической медицины имени З.П. Соловьева,
ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский
медицинский университет им. Н.И. Пирогова» Минздрава
России
E-mail: doc.shishkin@mail.ru

Коткова Вероника Максимовна,

студент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
медицинский университет» Минздрава России
E-mail: veronika_kotkova00@mail.ru

Актуальность темы обусловлена не только растущими масштабами стрессовых расстройств в обществе, но и необходимостью разработки комплексных подходов к их профилактике и коррекции. Физическая активность представляет собой универсальный инструмент, который может быть интегрирован в различные социальные программы и инициативы, направленные на укрепление общественного здоровья и повышение качества жизни населения.

Имеются веские доказательства того, что физическая активность и физическая подготовка играют защитную роль в развитии стрессовых расстройств. Однако благотворное влияние физической активности на устойчивость к стрессу современной жизни изучено не до конца. Потенциально защитные эффекты могут быть обусловлены повышенной устойчивостью через такие глубинные психосоциальные механизмы, как ожидания самоэффективности.

Мы смогли показать, что физическая активность и самооценка физической подготовки положительно коррелируют со стрессоустойчивостью. В дополнение к этому, связь между мышечной тренированностью и стрессоустойчивостью частично опосредована ожиданиями самоэффективности. В этом контексте ожидания самоэффективности могут выступать в качестве одного из основных психологических механизмов, обладающих дополнительными преимуществами для укрепления психического здоровья.

Ключевые слова: физическая подготовка, социум, стрессоустойчивость, физическая активность, расстройства психического здоровья, самоэффективность.

Введение

В условиях современной цивилизации стресс приобрел характер массового социального явления, представляющего серьезную угрозу общественному здоровью. Эпидемиологические данные свидетельствуют о критическом масштабе проблемы: согласно международным исследованиям, психоэмоциональный стресс затрагивает около 67,8% населения в крупных городских агломерациях [1]. Несмотря на рост числа стресс-ассоциированных психических расстройств, около 25% взрослых европейцев остаются физически неактивными, и этот показатель не изменился в течение последнего десятилетия. Такая статистика поражает, учитывая обширные данные о пользе физической культуры и спорта для поддержания как психического, так и физического здоровья.

Физическая активность, рассматриваемая через призму социологии здоровья, представляет собой не только индивидуальный поведенческий фактор, но и важный социальный ресурс, способный влиять на коллективную стрессоустойчивость популяции. Научные исследования демонстрируют многоуровневое воздействие спорта на стрессовые механизмы: от нейрохимических изменений (выработка эндорфинов и снижение кортизола) до формирования социальной поддержки и укрепления межгрупповых связей [2]. При этом социальные функции физической активности проявляются через создание поддерживающих сообществ, развитие навыков совладания с трудностями и формирование альтернативных моделей поведения в стрессовых ситуациях.

Цель исследования – выявить влияние физической активности и подготовки на устойчивость самоэффективности и психическое здоровье в условиях стресса современной жизни.

Влияние стресса на социум

Стресс в современную эпоху приобрел характер масштабного социального феномена, оказывающего деструктивное воздействие как на индивидуальное здоровье, так и на общественные институты.

Социальные последствия массового стресса проявляются в значительных экономических потерях. По оценкам экспертов, стресс на рабочих местах обходится глобальной экономике в 8,1 триллиона долларов ежегодно, что составляет около 10% мирового ВВП. Снижение производительности труда, увеличение количества больничных листов и текучести кадров создают замкнутый цикл экономической неэффективности [3]. В семейной сфере стресс родителей передается детям, формируя межпоколенческие паттерны дезадаптации: у детей развиваются проблемы с поведением, академической успеваемостью и социальной адаптацией. В образовательной сфере учебный стресс препятствует академической успеваемости студентов, при этом более половины обучающихся испытывают симптомы тревоги средней и высокой степени тяжести.

Особую тревогу вызывает способность стресса разрушать социальную сплоченность. Хронические стрессовые состояния способствуют социальной изоляции, ослаблению межличностных связей и росту агрессивности в обществе. Это создает благоприятную среду для рас-

пространения экстремистских идеологий и деструктивных социальных движений, угрожая стабильности общественных институтов и национальной безопасности. Понимание многоуровневого воздействия стресса становится основой для разработки комплексных программ общественного здравоохранения и социальной политики, направленных на повышение стрессоустойчивости населения и укрепление социальной стабильности.

Физическая активность, фитнес и психическое здоровье

Связь между уровнем физической активности (ФА), степенью физической подготовки (ФП) и состоянием психического здоровья (ПЗ) подтверждена многочисленными исследованиями. Люди, регулярно занимающиеся физическими упражнениями, отмечают более высокое эмоциональное благополучие и оптимистичный настрой. ФА рассматривается как ключевой фактор защиты от развития типичных психических расстройств, усугубляемых стрессом. Клинические, интервенционные и эпидемиологические проспективные исследования неизменно фиксируют благоприятное воздействие систематических занятий спортом или регулярной физической активности на снижение симптомов депрессии и тревожности [5]. Также ФП, может быть результатом взаимодействия различных факторов, от систематического выполнения физических упражнений, до персональных генетически обусловленных факторов, была признана важным маркером психического здоровья [6]. Среди различных компонентов ФП, ассоциированных со здоровьем, кардиореспираторная подготовка (КРП) чаще всего была связана с более низкими показателями проблем психического здоровья, таких как депрессия и выгорание [7]. В недавнем метаанализе Кандола с коллегами, предположили зависимость между КРП и риском распространенных расстройств психического здоровья по типу «доза-реакция» [8]. Хотя этот компонент менее изучен, чем КРП, мышечная тренированность все чаще признается важным физическим параметром. Мышечная сила положительно связана с умственными ресурсами, качеством жизни, связанным со здоровьем, у подростков и пожилых людей и обратно связана с развитием депрессивных симптомов и слабости [9]. В то время как Кеттунен с соавторами пришли к выводу, что как кардиореспираторная, так и мышечная подготовленность связаны с умственными ресурсами у мужчин, дополнительное значение мышечной подготовленности пока остается невыясненным [2]. Авитсланд и др. (Норвегия) указали, что мышечная подготовленность независимо связана с проблемами психического здоровья, однако при контроле КРП эффект исчезал [10]. Тем не менее, объективные измерения ФП и начало проблем психического здоровья являются новой областью. Учитывая отсутствие методологических сравнительных исследований и данных как по уровням активности, так и по объективным показателям физической подготовки, существует потребность в популяционных исследованиях, сосредоточенных на связи между компонентами физической подготовки и будущим риском неблагоприятных последствий для психического здоровья.

Физическая активность и фитнес как факторы защиты от стресса

Хотя прямая связь между физической активностью и распространенными расстройствами ПЗ широко признана, количество стресса, с которым сталкиваются люди, редко принимается во внимание. В исследованиях устойчи-

вости основное внимание уделяется профилактическим факторам и механизмам, которые могут смягчить нежелательные последствия стресса и укрепить психическое здоровье в условиях воздействия стрессора. В последнее время устойчивость все чаще концептуализируется как результат динамического процесса адаптации перед лицом невзгод и меняющихся обстоятельств. Таким образом, люди с высокой устойчивостью менее склонны к развитию проблем с психическим здоровьем [11]. Несколько исследований изучали защитные, буферизирующие стресс эффекты от упражнений и ФП, которые были связаны с лучшей способностью справляться с хроническим стрессом, меньшим количеством жалоб на здоровье и более высокой самооценкой устойчивости [12]. Интересно, что, в одном из анализов, постоянные занятия физическими упражнениями, смягчали хронический стресс умеренной интенсивности. Но авторы не нашли доказательств этой функции буферизации стресса физической активностью против эффектов острого стресса в поперечном дизайне [2]. Недавнее исследование Шиллинга и соавторов (Швейцария) рассмотрело потенциальный эффект буферизации стресса в исследовании с участием полицейских в реальных условиях и указало на пониженную физиологическую стрессовую реакцию на острый рабочий стресс у полицейских с более высоким уровнем КРП [13]. Тем не менее, в литературе недостаточно доказательств относительно защитной роли ФП от воздействия повседневных стрессоров или стресса современной жизни, включая повседневные хлопоты и жизненные события.

Психологический механизм: общая самооффективность

Понимание механизмов, лежащих в основе благотворного влияния физической подготовки на преодоление стресса, несомненно играет важное значение для социума. Что касается когнитивной оценки, концепция самооффективности, первоначально введенная социальной когнитивной теорией Бандуры в 1989 году, относится к вере в свои способности действовать должным образом в сложных ситуациях [2]. Она была предложена в качестве ресурса сопротивления в процессе когнитивной оценки, который, как известно, имеет решающее значение для регуляции стрессовых, потенциально травмирующих требований. Способности регулирования стресса используются в качестве возможного объяснения в исследованиях, предполагающих, что ожидания эффективности смягчают негативное влияние ежедневного стресса или жизненных событий на проблемы с психическим здоровьем [14]. Совсем недавно самооффективность также была постулирована как существенный механизм устойчивости в теории устойчивости на основе позитивного стиля оценки. Более ранние теоретические модели утверждают, что изменения в ФА и ФП могут действовать как опыт мастерства или эффективности во многих сферах. Этот опыт может даже обобщаться на более широкую физическую самооценку и, следовательно, на повышение глобальной самооценки и психологического благополучия. Интересно, что самооффективность, как было показано, является как детерминантой, так и следствием физической активности [15]. Тем не менее, опосредующее влияние самооффективности на связь между физической активностью и физической формой на устойчивость к стрессу еще не было достаточно изучено. Это исследование мотивировано гипотезой о том, что физическая активность и физическая форма изменяют восприятие стресса, то как мы ин-

терпретируем стрессовые ситуации, и тем самым играют решающую роль в преодолении повседневного стресса.

Физическая подготовка предсказывает устойчивость к стрессу

Основные результаты данного исследования подтверждают предположение о том, что физическая подготовка является предиктором психического здоровья, и расширяют существующие исследования, сосредоточившись на устойчивости к стрессу в современной жизни как на результате [16]. Результаты показывают, что ФА и самооценка физической подготовки (СФП) положительно связаны с устойчивостью к стрессу, обозначенной как низкая симптоматическая реакция на стресс в течение нескольких месяцев. В целом, обратная связь между ФА и проблемами психического здоровья согласуется с исследованиями, нацеленными на прогностическое значение важности физической подготовки, для ресурсов психического здоровья, качества жизни или развития симптомов депрессии и тревоги [9]. Тем не менее, до сих пор существуют лишь ограниченные доказательства конкретного эффекта (СФП) в отношении реакции на стресс в естественных условиях [16]. Ортега и др. в своем международном исследовании (Швеция, Испания) сравнили прогностическую ценность самооценки физической формы и объективных показателей физической формы в отношении риска развития соматических заболеваний. Авторы представили доказательства того, что самооценка физической формы является достоверным и надежным инструментом для оценки объективной физической формы, и что самооценка физической формы и прогноз сердечно-сосудистых заболеваний тесно связаны [17].

Ни самооценка физической активности, ни КРП не предсказывали устойчивость к стрессу. Вывод о том, что объективные измерения превосходят обычную физическую активность, согласуется с работой Баумейстера и соавторов, которые в своем исследовании показали, что физическая активность в свободное время, на работе и в спорте не была в значительной степени связана с распространенными расстройствами психического здоровья [18]. В то же время часто сообщалось о буферизации стресса и положительном эффекте на психическое здоровье фактической физической активности. Одним из объяснений текущего вывода может быть то, что объективно оцененная физическая подготовка обеспечивает более стабильный маркер здоровья с течением времени, чем самооценка физической активности. В частности, мышечная сила может надежно отражать реальное участие в физических упражнениях и спорте и, следовательно, состояние физиологической системы. Кроме того, ранее сообщалось о существенных расхождениях между субъективными и объективными (например, акселерометрией) измерениями физической активности, обычно регистрирующими активность в течение недели, так как, измерение активности в реальном времени и акселерометрия могут быть более точным методом для фактических уровней активности [2].

Биологические механизмы антистрессового воздействия физической активности включают стимуляцию выработки эндорфинов – естественных нейромедиаторов, улучшающих настроение и снижающих болевые ощущения. Одновременно происходит активация серотониновой системы, ответственной за эмоциональную регуляцию, и снижение уровня кортизола, который является основным гормоном стресса. Исследования показывают, что даже 10–12 минут физических упражнений положительно влияют на активность гиппокампа – области

мозга, участвующей в эмоциональных реакциях и механизмах памяти.

Вывод

Физическая культура и спорт выступают универсальным ресурсом укрепления психического и социального благополучия в условиях нарастающего стресса. Выявлено, что регулярная физическая активность и высокая кардиореспираторная подготовка демонстрируют дозозависимый защитный эффект: они не только снижают уровень базального кортизола, но и способствуют выработке эндорфинов и серотонина, что положительно сказывается на эмоциональном состоянии и когнитивных функциях. Также, хорошая физическая подготовка, является мощным предиктором устойчивости к стрессу, так как она обеспечивает более надёжный маркер адаптационных возможностей организма по сравнению с субъективными оценками активности. В дополнении к этому, социальная природа спорта и физической активности создаёт механизмы взаимной поддержки через групповые занятия и укрепление межличностных связей, что усиливает коллективную стрессоустойчивость и снижает риск социальной фрагментации.

Таким образом, результаты исследования подтверждают гипотезу о многомерном влиянии физической активности на психическое здоровье: от нейрохимической регуляции стресс-реакций до формирования социальной поддержки. Практическое значение работы заключается в обосновании интеграции фитнес-программ и массовых физкультурных инициатив в общественное здравоохранение и образовательные практики. Рекомендуется развивать инфраструктуру доступных спортивных и фитнес-площадок, внедрять скрининговые инструменты объективной оценки физической подготовки и разрабатывать междисциплинарные проекты, объединяющие специалистов по физкультуре, психологии и социальной работе. Эти меры позволят усилить буферную роль физической активности против негативных последствий стресса и повысить качество жизни современных сообществ.

Литература

1. Амлаев К.Р. Современный взгляд на некоторые аспекты стресса. *Врач.* 2021; 32 (8): 31–35. <https://doi.org/10.29296/25877305–202108–05>
2. Neumann RJ, Ahrens KF, Kollmann B, et al. The impact of physical fitness on resilience to modern life stress and the mediating role of general self-efficacy. *Eur Arch Psychiatry Clin Neurosci.* 2022;272(4):679–692. doi:10.1007/s00406-021-01338-9
3. Семенова Н. В., Логинова Е.А., Ашвиц И.В., Фролов К.В., Путин А.В. Влияние стресса на эффективность труда и возможность возникновения чрезвычайных ситуаций на производстве // *Научное обозрение. Медицинские науки.* 2023. № 2. С. 67–72. DOI: <https://doi.org/10.17513/srms.1332>
4. Guthold R, Stevens GA, Riley LM, Bull FC. Worldwide trends in insufficient physical activity from 2001 to 2016: a pooled analysis of 358 population-based surveys with 1.9 million participants. *Lancet Glob Health.* 2018;6(10): e1077–e1086. doi:10.1016/S2214-109X(18)30357-7
5. Vlachopoulos SP, Lane AM, Terry PC. A Greek Translation of the Brunel Mood Scale: Initial Validation among Exercise Participants and Inactive Adults. *Sports (Basel).* 2023;11(12):234. doi:10.3390/sports11120234
6. Evaristo S, Moreira C, Lopes L, et al. Muscular fitness and cardiorespiratory fitness are associated with

health-related quality of life: Results from labmed physical activity study. *J Exerc Sci Fit*. 2019;17(2):55–61. doi:10.1016/j.jesf.2019.01.002

7. Tacchi MJ, Heggelund J, Scott J. Predictive validity of objective measures of physical fitness for the new onset of mental disorders in adolescents and young adults. *Early Interv Psychiatry*. 2019;13(6):1310–1318. doi:10.1111/eip.12783
8. Kandola A, Ashdown-Franks G, Stubbs B, Osborn DPJ, Hayes JF. The association between cardiorespiratory fitness and the incidence of common mental health disorders: A systematic review and meta-analysis. *J Affect Disord*. 2019;257:748–757. doi:10.1016/j.jad.2019.07.088
9. Marques A, Gomez-Baya D, Peralta M, et al. The Effect of Muscular Strength on Depression Symptoms in Adults: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Int J Environ Res Public Health*. 2020;17(16):5674. Published 2020 Aug 6. doi:10.3390/ijerph17165674
10. Avitsland A, Leibinger E, Haugen T, et al. The association between physical fitness and mental health in Norwegian adolescents. *BMC Public Health*. 2020;20(1):776. doi:10.1186/s12889-020-08936-7
11. Kalisch R, Köber G, Binder H, et al. The Frequent Stressor and Mental Health Monitoring-Paradigm: A Proposal for the Operationalization and Measurement of Resilience and the Identification of Resilience Processes in Longitudinal Observational Studies. *Front Psychol*. 2021;12:710493. doi:10.3389/fpsyg.2021.710493
12. Puterman E, Weiss J, Beauchamp MR, Mogle J, Almeida DM. Physical activity and negative affective reactivity in daily life. *Health Psychol*. 2017;36(12):1186–1194. doi:10.1037/hea0000532
13. Schilling R, Herrmann C, Ludyga S, et al. Does Cardiorespiratory Fitness Buffer Stress Reactivity and Stress Recovery in Police Officers? A Real-Life Study. *Front Psychiatry*. 2020;11:594. Published 2020 Jun 23. doi:10.3389/fpsyg.2020.00594
14. Schueler K, Fritz J, Dorfschmidt L, van Harmelen AL, Stroemer E, Wessa M. Psychological Network Analysis of General Self-Efficacy in High vs. Low Resilient Functioning Healthy Adults. *Front Psychiatry*. 2021;12:736147. doi:10.3389/fpsyg.2021.736147
15. Плещев И. Е., Шишкин А.А., Плещева Т.Н., Дянова Е.А. Влияние физической активности на соматическое здоровье и академическую успеваемость студентов различных курсов медицинского вуза // Глобальный научный потенциал. – 2025. – № 3–2(168). – С. 167–171. – EDN KATHEN.
16. Kettunen O, Kyröläinen H, Santtila M, Vuorimaa T, Vasankari T.J. Greater levels of cardiorespiratory and muscular fitness are associated with low stress and high mental resources in normal but not overweight men. *BMC Public Health*. 2016;16:788. doi:10.1186/s12889-016-3470-6
17. Ortega F.B, Sánchez-López M, Solera-Martínez M, Fernández-Sánchez A, Sjöström M, Martínez-Vicaino V. Self-reported and measured cardiorespiratory fitness similarly predict cardiovascular disease risk in young adults. *Scand J Med Sci Sports*. 2013;23(6):749–757. doi:10.1111/j.1600-0838.2012.01454.x
18. Baumeister S.E, Leitzmann M.F, Bahls M., et al. Associations of Leisure-Time and Occupational Physical Activity and Cardiorespiratory Fitness With Incident and Recurrent Major Depressive Disorder, Depressive Symptoms, and Incident Anxiety in a General Population. *J Clin Psychiatry*. 2017;78(1): e41-e47. doi:10.4088/JCP.15m10474

PHYSICAL ACTIVITY AS A SOCIO-CULTURAL BARRIER AGAINST STRESS

Pleshcheva T.N., Shishkin A.A., Kotkova V.M.

Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia, N.I. Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Health of Russia,

The relevance of the topic is due not only to the growing scale of stress disorders in society, but also to the need to develop comprehensive approaches to their prevention and correction. Physical activity is a universal tool that can be integrated into various social programs and initiatives aimed at strengthening public health and improving the quality of life of the population.

There is strong evidence that physical activity and physical fitness play a protective role in the development of stress disorders. However, the beneficial effect of physical activity on the stress resistance of modern life has not been fully studied. Potentially protective effects may be due to increased resilience through such underlying psychosocial mechanisms as expectations of self-efficacy.

We were able to show that physical activity and self-assessment of physical fitness positively correlate with stress tolerance. In addition, the relationship between muscle fitness and stress tolerance is partly mediated by expectations of self-efficacy. In this context, expectations of self-efficacy can act as one of the main psychological mechanisms with additional benefits for strengthening mental health.

Keywords: physical fitness, society, stress tolerance, physical activity, mental health disorders, self-efficacy.

References

1. Amlaev K.R. Modern view at the some aspects of stress. *Vrach*. 2021. No. 32 (8). pp. 31–35. https://doi.org/10.29296/25877305–2021–08–05.
2. Neumann RJ, Ahrens KF, Kollmann B, et al. The impact of physical fitness on resilience to modern life stress and the mediating role of general self-efficacy. *Eur Arch Psychiatry Clin Neurosci*. 2022;272(4):679–692. doi:10.1007/s00406-021-01338-9
3. Semenova N. V., Loginova E.A., Ashvits I.V., Frolov K.V., Putin A.V. The effect of stress on labor efficiency and the possibility of emergencies in production // Scientific Review. *Medical Sciences*. 2023. No. 2. pp. 67–72. DOI: https://doi.org/10.17513/srms.1332
4. Guthold R, Stevens GA, Riley LM, Bull FC. Worldwide trends in insufficient physical activity from 2001 to 2016: a pooled analysis of 358 population-based surveys with 1.9 million participants. *Lancet Glob Health*. 2018;6(10): e1077-e1086. doi:10.1016/S2214-109X(18)30357-7
5. Vlachopoulos SP, Lane AM, Terry PC. A Greek Translation of the Brunel Mood Scale: Initial Validation among Exercise Participants and Inactive Adults. *Sports (Basel)*. 2023;11(12):234. doi:10.3390/sports11120234
6. Evaristo S, Moreira C, Lopes L, et al. Muscular fitness and cardiorespiratory fitness are associated with health-related quality of life: Results from labmed physical activity study. *J Exerc Sci Fit*. 2019;17(2):55–61. doi:10.1016/j.jesf.2019.01.002
7. Tacchi MJ, Heggelund J, Scott J. Predictive validity of objective measures of physical fitness for the new onset of mental disorders in adolescents and young adults. *Early Interv Psychiatry*. 2019;13(6):1310–1318. doi:10.1111/eip.12783
8. Kandola A, Ashdown-Franks G, Stubbs B, Osborn DPJ, Hayes JF. The association between cardiorespiratory fitness and the incidence of common mental health disorders: A systematic review and meta-analysis. *J Affect Disord*. 2019;257:748–757. doi:10.1016/j.jad.2019.07.088
9. Marques A, Gomez-Baya D, Peralta M, et al. The Effect of Muscular Strength on Depression Symptoms in Adults: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Int J Environ Res Public Health*. 2020;17(16):5674. Published 2020 Aug 6. doi:10.3390/ijerph17165674
10. Avitsland A, Leibinger E, Haugen T, et al. The association between physical fitness and mental health in Norwegian adolescents. *BMC Public Health*. 2020;20(1):776. doi:10.1186/s12889-020-08936-7
11. Kalisch R, Köber G, Binder H, et al. The Frequent Stressor and Mental Health Monitoring-Paradigm: A Proposal for the Operationalization and Measurement of Resilience and the Identification of Resilience Processes in Longitudinal Observational Studies. *Front Psychol*. 2021;12:710493. doi:10.3389/fpsyg.2021.710493

- tification of Resilience Processes in Longitudinal Observational Studies. *Front Psychol.* 2021;12:710493. doi:10.3389/fpsyg.2021.710493
12. Puterman E, Weiss J, Beauchamp MR, Mogle J, Almeida DM. Physical activity and negative affective reactivity in daily life. *Health Psychol.* 2017;36(12):1186–1194. doi:10.1037/hea0000532
 13. Schilling R, Herrmann C, Ludyga S, et al. Does Cardiorespiratory Fitness Buffer Stress Reactivity and Stress Recovery in Police Officers? A Real-Life Study. *Front Psychiatry.* 2020;11:594. Published 2020 Jun 23. doi:10.3389/fpsy.2020.00594
 14. Schueler K, Fritz J, Dorfschmidt L, van Harmelen AL, Stroebe E, Wessa M. Psychological Network Analysis of General Self-Efficacy in High vs. Low Resilient Functioning Healthy Adults. *Front Psychiatry.* 2021;12:736147. doi:10.3389/fpsy.2021.736147
 15. Pleshchev I. E., Shishkin A.A., Pleshcheva T.N., Dianova E.A. The impact of physical activity on somatic health and academic performance of students of different courses of a medical university// *Global scientific potential.* 2025. No. 3–2(168). pp. 167–171.
 16. Kettunen O, Kyröläinen H, Santtila M, Vuorimaa T, Vasankari T.J. Greater levels of cardiorespiratory and muscular fitness are associated with low stress and high mental resources in normal but not overweight men. *BMC Public Health.* 2016;16:788. doi:10.1186/s12889-016-3470-6
 17. Ortega F.B, Sánchez-López M, Solera-Martínez M, Fernández-Sánchez A, Sjöström M, Martínez-Vizcaino V. Self-reported and measured cardiorespiratory fitness similarly predict cardiovascular disease risk in young adults. *Scand J Med Sci Sports.* 2013;23(6):749–757. doi:10.1111/j.1600-0838.2012.01454.x
 18. Baumeister S.E, Leitzmann M.F, Bahls M., et al. Associations of Leisure-Time and Occupational Physical Activity and Cardiorespiratory Fitness With Incident and Recurrent Major Depressive Disorder, Depressive Symptoms, and Incident Anxiety in a General Population. *J Clin Psychiatry.* 2017;78(1): e41-e47. doi:10.4088/JCP.15m10474

Взаимосвязь между изменениями в представлениях об образовании и потребностями общества

Пэй Ян,

асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: 260946567@qq.com, bferdynand@yandex.ru

Возникновение определенных социальных потребностей или проявление социальных дефицитов – это внешнее проявление сложности социальной реальности в обеспечении условий для устойчивого развития общества в определенном направлении. Особенно на переходном этапе модели общественного развития способы реагирования и удовлетворения новых социальных потребностей являются необходимым условием поддержания социальной стабильности. На фоне нынешней технологической революции и меняющихся общественных потребностей важной проблемой становится взаимосвязь между изменениями в представлениях образования и образовательными инвестициями семей из разных слоёв и общественным спросом на человеческие ресурсы. В эпоху стремительного развития искусственного интеллекта и оцифровки экономики решение проблемы классовой дифференциации в представлениях образования, а также снижение вероятности возникновения кризисов социальной пригодности, вызванных отставанием в получении образования, – это совершенно новые задачи для развития образовательного сектора Китая. На примере современной ситуации с образованием в Китае в данной статье анализируется взаимосвязь между концептуальными изменениями в сфере образования и социальным спросом. Исследуя, как социальные требования в период технологического перехода определяют изменения в представлениях образования и инвестиции в образование, а также социальные проблемы, которые могут возникнуть из-за отставания в представлениях образования, в статье выдвигаются конкретные и осуществимые предложения, которые могут облегчить.

Ключевые слова: Социальные потребности, социальные дефициты, изменение представлений об образовании в разных слоёв семей, развитие талантов.

Изменения в социальных ценностях обычно тесно связаны с изменениями в социальных потребностях. Общество подобно индивидууму, и существование индивидуальных потребностей означает, что в его жизни есть какой-то материальный или духовный недостаток. Этот недостаток может быть временным или долгосрочным. Когда потребности индивида меняются, то и его стремление к целевому материалу также быстро меняется. Смещение социальных потребностей также предполагает возникновение социального дефицита. Однако, в отличие от удовлетворения индивидуальных потребностей, восполнение социального дефицита требует участия большего числа индивидов в той или иной социальной практике.

Социальные дефициты являются внешним проявлением социальных проблем и подразумевают потерю какого-либо социального ресурса или ресурсов. Для индивида выбор компенсации социального дефицита – это, по сути, выбор рискованной инвестиционной программы. Индивиды, которые эффективно компенсируют социальный дефицит в первую очередь, обычно получают огромные преимущества¹. Это подтверждается и в экономической сфере, например, рядом быстро развивающихся бизнесов и проектов, использующих технологии сетей и данных, таких как крупные интернет-платформы для покупок и социальных сетей.

Однако между возникновением социального дефицита или социальной потребности и их устранением существует временной разрыв, поскольку для возникновения и устранения социального дефицита требуется время. Возникновение социальной потребности часто сначала доводится до сведения людей с помощью какого-либо сигнала, включая рост социальной тенденции, изменение национальной политики, развитие новой тенденции в сфере занятости и так далее. Именно тогда большинство людей способно уловить эти сигналы и использовать их до тех пор, пока что-то не будет достигнуто.

Семья как важнейшая социальная среда в процессе социализации личности является не только ключевым местом формирования индивидуальных социальных ценностей, но и способствует передаче социальных ценностей от поколения к поколению. Изменения в представлении об образовании в семье, по сути, являются отражением потребностей общества на микросемейном уровне.

Представление об образовании в семье тесно связано с инвестициями семьи в образование². Как и финансовые инвестиции, вложения в образование могут существенно изменить доход и социальный статус семьи³. Различные представления об образовании семьи подразумевают разные цели и степень инвестиций семьи в образование. Однако само образование, как форма

¹ 井润田. 顺势而为: 构建创变时代的“风口”战略[J]. 清华管理评论. 2022.(7): 44–53.

² Wang Y, Peng C, Cai S (2023) Does parents' cognitive ability affect household educational investment? Evidence from Chinese families with left behind children. PLoS ONE 18(6): e0286987. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0286987>

³ 蔡庆丰, 肖比诺, 陈武元. 从投资“现在”到投资“未来”: 金融素养对家庭教育投资的影响[J]. 教育发展研究, 2022, 42(20): 33–46.

инвестиций, характеризуется длительным циклом вложения и возврата средств, высокими инвестиционными затратами и косвенной отдачей. Поэтому по сравнению с появлением социального спроса на человеческие ресурсы часто наблюдается отставание в получении инвестиций семьи в образование и отдачи от них.

Довольно долгое время скрывалось противоречие между запаздывающим характером инвестиций в образование и отдачи от него и острой потребностью общества в человеческих ресурсах. В частности, до промышленной революции экономическое развитие шло относительно медленно. Представление об образовании в семьях разных социальных слоёв было относительно устоявшимся и консервативным, а спрос общества на различные виды талантов был невелик и высококонцентрирован. По сути, это явление стало результатом сочетания экономики, основанной на сельском хозяйстве и ремеслах, высокоцентрализованной политической системы и культурной традиции наследственного социального статуса и технологической монополии.

В Китае, например, в феодальный период потребность общества в талантах была сосредоточена в нескольких областях, таких как сельское хозяйство и ремесла. Семьи обычно брали на себя прямую ответственность за воспитание талантов. Представления и методы семейного воспитания различались среди разных слоёв и были относительно фиксированными. Стратификация традиционного представления об образовании отражается в следующих аспектах: основной способ, с помощью которого семьи, находящиеся на нижней ступени лестницы, развивают навыки своих детей, – это обучение их навыкам ручного труда. Польза от таких навыков часто бывает немедленной. В процессе приобретения навыков дети также участвуют в процессе труда и создания стоимости. В купеческих семьях семейное образование было относительно более ориентировано на высокую эффективность и прибыльность, чтобы добиться передачи бизнеса внутри семьи от поколения к поколению. В дворянском сословии, напротив, семейное воспитание в большей степени сосредоточено на воспитании манер и знаний у детей¹, чтобы они могли унаследовать социальный статус семьи.

На разных этапах истории технологической революции представление об образовании в семье всегда менялось в соответствии с меняющимися потребностями общества. Такие изменения были направлены на удовлетворение некоторых или нескольких общественных потребностей в талантах. После промышленной революции изменение модели экономического развития стало очевидным по целому ряду признаков. Увеличивающийся разрыв в спросе на таланты существенно обнажил проблему отставания инвестиций в образование и отдачи от них. Учитывая характер инвестиций в образование, зачастую сложно быстро удовлетворить насущные потребности общества в том или ином типе талантов.

Социальные потребности определяют изменения в представлении об образовании, а отставание в получении образовательных выгод становится важным фактором, провоцирующим кризис в обеспечении соответствия между потребностями общества и рабочей силой. Оба этих социальных изменения происходят все более быстрыми темпами по мере развития общественной производительности и ускорения темпов технологических инноваций. Это связано с тем, что постоянно возникают новые социальные потребности, которые не могут быть удовлетворены мгновенно. Даже когда создаются новые

представления об образовании и быстро применяются в образовательной практике, они не могут сразу же подготовить специалистов, способных заполнить социальный пробел. Эта социальная проблема становится еще более актуальной в современный период стремительных изменений в области цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта.

Стратификация социальных потребностей приводит к изменению отношения семьи к образованию и инвестициям в него.

Каждый виток технологических инноваций создает новую брешь в спросе на таланты, что сигнализирует об изменении представления об образовании в семье и появлении новых возможностей для инвестиций в образование. Под влиянием интернет-революции и волны развития искусственного интеллекта представление об образовании в семье меняется еще быстрее. Одно из главных проявлений этого сдвига – изменение целей образования детей для разных слоёв.

В разные исторические периоды темпы изменения представления об образовании в семье были неодинаковыми. Однако в целом можно выделить одну закономерность: семьи разного социально-экономического статуса демонстрируют значительную дифференциацию концепций образования. В условиях искусственного интеллекта и цифровизации экономики изменение представления об образовании в семье характеризуется двумя важными особенностями.

Во-первых, традиционное представление о стратификации в образовании сохраняется и усложняется. Семьи можно разделить на высший, средний и низший слои в зависимости от качества их экономического, социального и культурного капитала и степени, в которой они им обладают². Чем ниже уровень каждого вида капитала в семье, тем больше сдерживающих факторов и ограничений для образования и развития детей, в то время как семьи с высоким уровнем высококачественного капитала с большей вероятностью превратят эти преимущества в преимущества семейного образования³. Семьи, обладающие большей способностью инвестировать в образование, обычно ценят повышение индивидуальных способностей своих детей за счет инвестиций в высококачественное образование выше, чем альтернативные издержки⁴.

Существуют значительные различия в приоритетах разных слоёв семей в воспитании своих детей. Семьи из низших слоев ориентированы на получение навыков и стремятся получить максимальную отдачу от своих инвестиций в образование за счет индивидуальных усилий, повышения квалификации и планирования карьеры. Это объясняется ограниченными возможностями низшего слоя инвестировать в образование и острой необходимостью окупить вложенные в него средства. Семьи среднего слоя сосредоточены на развитии конкурентоспособности своих детей, стремясь повысить их социальную ценность, сформировать и укрепить их основную конкурентоспособность с помощью предметного обучения. Семьи высшего слоя сосредоточены на развитии лидерских качеств своих детей, таких как интеграция ресурсов и харизматическая личность, чтобы помочь им стать лидерами. Этот стратифицированный образовательный феномен отражает требования современного

² 臧雅丛. 家庭资本对小学课外补习支出的影响研究-基于J市的调查[D]. 南京师范大学. 2018.

³ 吴永源, 沈红. 家庭资本结构会影响本科生批判性思维能力吗-基于全国本科生能力测评的实证分析[J]. 重庆高教研究, 2021, 9(6): 56-66.

⁴ 魏易. 中国教育财政家庭调查报告 (2021) [M]. 北京大学出版社. 10. 2023.

¹ 唐燕飞. 古代家庭教育的内容、方式及影响[J]. 教育评论, 2014, (3): 135-137.

рынка труда к лестнице компетенций, особенно в семьях высшего слоя, которые делают акцент на финансовом рычаге и управлении ресурсами.

Во-вторых, с точки зрения положительного влияния технологических инноваций, социальные потребности действительно способствуют изменению представления об образовании в положительную сторону. Появление новых социальных запросов и когнитивное равновесие¹, вызванный технологическими инновациями, привели к постоянной реконфигурации представления об образовании в семьях среднего и низшего слоя.

Когнитивному равновесию способствует широкое распространение информационных ресурсов. С началом технологической революции в Интернете происходит постепенная конвергенция открытых образовательных ресурсов, доступных представителям разных социальных слоёв. Для семей, принадлежащих к слою ниже среднего, конвергенция открытых образовательных ресурсов облегчила доступ к качественным образовательным ресурсам, значительно устранив межклассовые информационные предубеждения. Это в определенной степени разрушило традиционную классово-ориентированную структуру семейного образования, что имеет большое значение для повышения социальной мобильности. Уровень образования детей из семей ниже среднего слоя значительно повысился, и образование все больше становится одним из основных средств достижения эффективной восходящей социальной мобильности для этой части населения.

Обновление представления об образовании в семьях, принадлежащих к низшему среднему слою, в основном отражается в изменении образовательного мышления, содержания образования и способа инвестирования в образование. В настоящее время во все большем количестве стран² критическое мышление включается в число важных целей воспитания талантов, и все больше семей начинают менять свое представление об образовании, переходя от передачи знаний к перестройке парадигмы мышления. Семьи, принадлежащие к слою ниже среднего, делают больший акцент на инвестициях в образование и развитие навыков и знаний своих детей, и все больше родителей больше не зафиксированы на получении быстрой отдачи от инвестиций в образование своих детей, а стремятся к более высокому качеству и богатому содержанию образования³.

Помимо нового типа социального запроса, вызванного структурной перестройкой экономики, которая привела к изменениям в режиме семейного образования, политика и нормативные акты также сыграли важную роль в изменении представления об образовании в семье. Решение правительства содействовать развитию семейного образования основано на реалистичных потребностях общественного развития. За последние пять лет в официальных документах Министерства образования Китайской Народной Республики неоднократно говорилось о необходимости ускорить развитие образования в области ИИ, включая подготовку специа-

листов в области ИИ на уровне высшего образования и создание учебных дисциплин⁴, повышение уровня грамотности граждан (особенно преподавателей/педагогов и студентов/учеников) в области цифровых технологий⁵, а также создание и совершенствование цифровой инфраструктуры⁶. Под руководством такой политики китайские семьи демонстрируют явную тенденцию к инвестированию в образование своих детей, а студенты колледжей – к выбору образования, например, семейные инвестиции в образование будут приоритетно направлять сбережения на развитие цифровых навыков детей, а большое количество студентов будут склонны к получению профессий, связанных с ИИ, или к обучению соответствующим навыкам.

Отставание представлений об образовании в семье может спровоцировать кризис несоответствия между потребностями общества и подготовкой человеческих ресурсов.

Технологическая революция привела к перестройке концептуальных рамок образования в семьях различных слоев населения, чтобы сделать его более отвечающим меняющимся потребностям общества. В то же время нельзя игнорировать социальные проблемы, которые могут возникнуть в результате отставания представления об образовании. Помимо растущего расслоения, вызванного традиционной концепцией образования, негативные последствия отсталой концепции об образовании проявляются в основном в следующих трех аспектах.

Во-первых, в настоящее время во многих китайских семьях наблюдается явный конфликт поколений в представлении об образовании. Это результат противоречия между отсталым представлением об образовании и потребностями новорожденного общества. Конфликт поколений в представлениях об образовании особенно очевиден в семьях, где внуки, бабушки и дедушки живут вместе. В таком образовательном сценарии представления об образовании бабушек и дедушек отстают от потребностей современного общества в выращивании талантов. Существуют различия между образовательными методами бабушек и дедушек и ожиданиями родителей относительно результатов образования их детей. Бабушки и дедушки придерживаются относительно традиционного представления об образовании и склонны воспитывать своих внуков, основываясь на собственном социальном опыте. Родители, напротив, придерживаются более плюралистического и целостного подхода к образованию, чем бабушки и дедушки, и не сосредотачиваются исключительно на академических результатах своих детей⁷. Конфликт между этими двумя представлениями об образовании часто оказывает непосредственное влияние на процесс социализации детей. До того как у индивида сформируется правильное восприятие потребностей общества, этот конфликт может привести к когнитивным предубеждениям, что может негативно сказаться на выборе направления саморазвития личности.

Во-вторых, дисбаланс в распределении образовательных услуг и технических ресурсов усугубляет обра-

¹ Под когнитивным равновесием понимается постепенное сближение представлений и образа мышления, достигаемое различными слоями в результате увеличения вероятности доступа к одним и тем же информационным ресурсам и уменьшения информационной предвзятости в результате ослабления неравенства возможностей, особенно информационного неравенства.

² [美]彼得·法乔恩著. 李亦敏译. 批判性思维: 思考让你永远年轻 [M]. 北京中国人民大学出版社. 2013.

³ 中国报告大厅. 2024年家庭教育行业发展现状分析: 我国家庭教育市场规模约为2万亿元. 05.09.2024. URL: <https://m.chinabgao.com/info/1252350.html>

⁴ 中华人民共和国教育部、国家发展改革委、财政部印发《关于“双一流”建设高校促进学科融合 加快人工智能领域研究生培养的若干意见》. 教研 [2020] 4号. 24.02.2020. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/moe_826/202003/t20200303_426801.html

⁵ 中华人民共和国教育部办公厅. 教育部办公厅关于开展第二批人工智能助推教师队伍建设试点推荐遴选工作的通知. 教师厅函 [2021] 7号. 16. 04.2021. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A10/s7034/202104/t20210423_527853.html

⁶ 中华人民共和国教育部. 教育部等九部门关于加快推进教育数字化的意见. 教办 [2025] 3号. 15.04.2025. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A01/s7048/202504/t20250416_1187476.html

⁷ 黄哲豫. 家庭教育观念的代际冲突研究[D]. 四川师范大学, 2024.

звательное неравенство. В настоящее время в Китае наблюдается значительный разрыв между городскими и сельскими районами в обеспеченности образовательными ресурсами¹. В районах с относительно низким уровнем экономического развития (особенно в сельской местности) семьи еще медленнее меняют свое отношение к образованию. С одной стороны, существует значительный разрыв между качеством и количеством образовательных ресурсов в этих районах и в городах первого уровня, а разнообразие, качество и охват поставщиков образовательных услуг значительно ниже, чем в городах первого уровня. Нехватка образовательных ресурсов напрямую ограничивает виды и масштабы инвестиций в образование, в которых могут участвовать семьи в этих районах. Кроме того, в этих регионах выше доля малообразованных родителей с недостаточным уровнем цифровой грамотности, что повышает вероятность исключения их детей из системы интеллектуальных образовательных ресурсов. Без эффективного расширения горизонтов образовательного развития дети в этих регионах имеют относительно низкую вероятность достижения целостного развития в процессе индивидуализации, что затрудняет достижение ими более высокой степени совместимости с потребностями реального мира в талантах.

В-третьих, слепое следование тренду на инвестиции в образование может привести к перенасыщению общества определенным или несколькими типами специалистов в будущем, что приведет к нерациональному использованию ресурсов. Данные, приведенные в одном из исследований, показывают, что в 2018 году соотношение спроса и предложения специалистов в области искусственного интеллекта в Китае было серьезно нарушено и достигло 1:10, а дефицит специалистов в этой области составил 5 миллионов человек². С тех пор количество специальностей в области искусственного интеллекта, открытых в колледжах и университетах, резко возросло при поддержке национальной политики Китая. По подсчетам, список специальностей высшего образования в 2024 году включает 266 китайских вузов, в которых открыты специальности, связанные с ИИ, и 322 специальности, охватывающие широкий спектр областей, таких как сельское и лесное хозяйство, машиностроение, электротехника, медицина, научные исследования, производство, транспорт, беспилотные технологии и так далее³.

Под влиянием политических указаний и тенденций развития технологий число абитуриентов, подающих заявления на соответствующие специальности, резко возросло, включая большое количество абитуриентов, которые слепо следуют за тенденцией. Согласно статистике ГаоКао, опубликованной 22 июля, специальности, связанные с искусственным интеллектом, впервые вошли в топ-10 популярных специальностей в 2025 году, при этом большое количество абитуриентов выбирают учебные заведения и заполняют формы заявлений о приеме с помощью инструментов искусственного интеллекта⁴.

Учитывая, что в настоящее время развитие искусственного интеллекта все еще находится на незрелой стадии, быстрый рост числа профессиональных обучающихся может эффективно заполнить огромный кадровый дефицит в области искусственного интеллекта в течение значительного периода времени. Однако, поскольку профессиональное обучение в высших учебных заведениях должно длиться определенное количество лет, существует временной разрыв между подготовкой талантов и выходом зрелых специалистов на рынок труда, а поскольку спрос и предложение профессионалов в данной области постепенно уравниваются в будущем, особенно когда спрос на профессионалов близок к насыщению, большое количество соответствующих специалистов, скорее всего, попадет в жесткую конкуренцию за рабочие места.

Заключение

Сдвиги в представлениях о воспитании, по сути, являются зеркальной проекцией потребностей общества на семейную ячейку. Отсутствие потребностей в реальном обществе побудило изменить представление об образовании в семье, чтобы соответствовать тенденциям общественного развития. Однако достижение образовательных результатов требует постоянных затрат времени и не может сразу удовлетворить все потребности общества в человеческих ресурсах, что в реальности является достаточно острой проблемой. Основное противоречие этой проблемы заключается в несоответствии между скоростью эволюции общественных потребностей и гибкостью обновления концепции семейного воспитания. Среди конкретных проявлений – расслоение представлений об образовании под влиянием традиционного мышления, конфликт поколений в семьях, увеличение разрыва в региональных образовательных ресурсах, отсутствие инноваций в инклюзивном образовании.

На основе сочетания политического вмешательства, рыночного регулирования и культурного руководства, создание социально устойчивой экологии семейного образования и новой системы образовательной практики может способствовать развитию инвестиций в семейное образование в диверсифицированном направлении или сфокусироваться на определенном направлении, тем самым смягчая противоречие между выращиванием талантов и социальным спросом и смягчая кризис социальной пригодности.

В связи с этим в данной работе предлагаются следующие конкретные рекомендации: ускорить создание региональной платформы обмена образовательными ресурсами, чтобы сократить разрыв в доступе к качественным учебным ресурсам и способствовать достижению более широкого когнитивного равновесия; Оказывать политическую поддержку или реализовывать образовательные проекты со стороны государства, чтобы направить богатый капитал на инвестиции в инклюзивные образовательные инновационные проекты, предотвратить закрытость элитного образования и помочь преодолеть барьеры образовательного расслоения; Дальнейшее развитие инклюзивных образовательных услуг для повышения вероятности устранения риска расслоения; Проектирование и разработка более инклюзивных приложений для семейного образования, упрощение приложений для расширения возможностей родителей с низким уровнем образования по использованию цифровых инструментов, предоставление возможности людям старше 50 лет изучать и понимать современные социальные

22.07.2025. URL: https://tech.cnr.cn/techph/20250722/t20250722_527277005.shtml

¹ Пэй Ян. Цифровизация сферы образования в Китае // Социология. 2024. № 6. С. 16–23.

² 邓锐. 高校人工智能领域人才培养热背后的冷思考[J]. 商丘师范学院学报, 2020, 36(2): 100–104.

³ 中华人民共和国教育部. 教育部关于公布2024年度普通高等学校本科专业备案和审批结果及《普通高等学校本科专业目录(2025年)》的通知. 教高函[2025]3号. 08.04.2025. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A08/moe_1034/s4930/202504/t20250422_1188239.html?IsRedirectHit=1112621809

⁴ 中国中央广播电视台总台 央广网. 人工智能首次进入热门专业前十, QQ浏览器25高考季数据报告发布.

тенденции, а также снижение барьеров межпоколенческого общения в семье.

Литература

1. Пэй Ян. Цифровизация сферы образования в Китае // Социология. 2024. № 6. С. 16–23.
2. 井润田. 顺势而为: 构建创变时代的“风口”战略 // 清华管理评论. [Jin Runtian. Building a ‘windfall’ strategy for the age of change.]. 2022.(7): 44–53. (in Chinese).
3. Wang Y, Peng C, Cai S (2023) Does parents’ cognitive ability affect household educational investment? Evidence from Chinese families with left behind children. PLoS ONE 18(6): e0286987. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0286987> (In English)
4. 蔡庆丰,肖比诺,陈武元. 从投资“现在”到投资“未来”: 金融素养对家庭教育投资的影响 // 教育发展研究, [Cai Qingfeng, Xiao Binuo, Chen Wuyuan.From Investing in the “Present” to Investing in the “Future”: The Impact of Financial Literacy on Family Education Investment.]. 2022,42(20): 33–46. (in Chinese).
5. 唐燕飞. 古代家庭教育的内容、方式及影响 // 教育评论 [Tang Yanfei. The content, methods and influence of ancient family education.]. 2014,(3): 135–137. (in Chinese).
6. 臧雅丛. 家庭资本对小学课外补习支出的影响研究-基于J市的调查 // 南京师范大学. [Zang Yacong. A study on the impact of family capital on primary school extracurricular tutoring expenditures: a survey based on J city.]. 2018. (in Chinese).
7. 吴永源, 沈红. 家庭资本结构会影响本科生批判性思维能力吗-基于全国本科生能力测评的实证分析 // 重庆高教研究 [Wu Yongyuan, Shen Hong. Does family capital structure affect undergraduates’ critical thinking ability? An empirical analysis based on the ability assessment of undergraduates across China.]. 2021.9(6): 56–66. (in Chinese).
8. 魏易. 中国教育财政家庭调查报告 (2021) . 北京大学出版社.[Wei Yi. China Education Finance Household Survey Report (2021). Peking University Press.]. [M]. 10. 2023. (in Chinese).
9. [美]彼得·法乔恩著. 李亦敏译.批判性思维: 思考让你永远年轻 // 北京中国人民大学出版社. [Peter Fachon. Translated by Li Yimin. Critical Thinking: Thinking Keeps You Forever Young. China Renmin University Press.]. [M]. 2013. (in Chinese).
10. 中国报告大厅. 2024年家庭教育行业发展现状分析:我国家庭教育市场规模约为2万亿元. [China Report (baogao). Analysis of the development status of the family education industry in 2024: China’s family education market size of about 2 trillion yuan] 05.09.2024. URL: <https://m.chinabgao.com/info/1252350.html>. (in Chinese).
11. 中华人民共和国教育部、国家发展改革委、财政部印发《关于“双一流”建设高校促进学科融合 加快人工智能领域研究生培养的若干意见》. 教研 [2020] 4号. [The Ministry of Education of the People’s Republic of China, the National Development and Reform Commission, and the Ministry of Finance issued the “Several Opinions on Promoting Interdisciplinary Integration and Accelerating the Training of Postgraduates in the Field of Artificial Intelligence in ‘Double First-Class’ Universities”] 24.02.2020. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/moe_826/202003/t20200303_426801.html. (in Chinese).
12. 中华人民共和国教育部办公厅. 教育部办公厅关于开展第二批人工智能助推教师队伍建设试点推荐遴选工作的通知. 教师厅函 [2021] 7号. [General Office of the Ministry of Education of the People’s Republic of China. Notice of the General Office of the Ministry of Education on the

Recommendation and Selection of the Second Batch of Pilot Programs for AI-Assisted Teacher Development.]. 16. 04.2021. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A10/s7034/202104/t20210423_527853.html. (in Chinese).

13. 中华人民共和国教育部. 教育部等九部门关于加快推进教育数字化的意见. 教办 [2025] 3号. [Ministry of Education of the People’s Republic of China. Opinions of the Ministry of Education and Nine Other Departments on Accelerating the Digitalization of Education.]. 15.04.2025. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A01/s7048/202504/t20250416_1187476.html. (in Chinese).
14. 黄哲豫. 家庭教育观念的代际冲突研究 // 四川师范大学. [Huang Zheyu. Research on intergenerational conflict of family education concepts. Sichuan Normal University.]. [D]. 2024. (in Chinese).
15. 邓锐. 高校人工智能领域人才培养热背后的冷思考 // 商丘师范学院学报. [Deng Rui. A sober reflection on the enthusiasm for talent cultivation in the field of artificial intelligence in universities.]. [J]. 2020,36(2): 100–104. (in Chinese).
16. 中华人民共和国教育部. 教育部关于公布2024年度普通高等学校本科专业备案和审批结果及《普通高等学校本科专业目录(2025年)》的通知. 教高函[2025]3号. [Ministry of Education of the People’s Republic of China. Notice of the Ministry of Education on the Announcement of the 2024 Registration and Approval Results for Undergraduate Programs in Regular Institutions of Higher Education and the “Catalogue of Undergraduate Programs in Regular Institutions of Higher Education (2025).”] 08.04.2025. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A08/moe_1034/s4930/202504/t20250422_1188239.html?lsRedirectHit=1112621809. (in Chinese).
17. 中国中央广播电视总台 央广网. 人工智能首次进入热门专业前十, QQ浏览器25高考季数据报告发布. [China Central Radio and Television, CNR. Artificial intelligence entered the top ten most popular majors for the first time. QQ Browser released its 25th Gaokao season data report.]. 22.07.2025. URL: https://tech.cnr.cn/techph/20250722/t20250722_527277005.shtml. (in Chinese).

RELATIONSHIP BETWEEN CHANGES IN PERCEPTIONS OF EDUCATION AND SOCIETAL NEEDS

Pei Yang

Lomonosov Moscow State University

The creation of a certain social need or the manifestation of a social deficit is an outward expression of the difficulty of social reality to fulfil the conditions for the sustained development of society in a particular direction. Especially at the transitional stage of the social development model, the ways of responding to and meeting new social needs are a necessary condition for maintaining social stability. Against the background of the current technological revolution and changing social needs, the relationship between changes in the representation of education and educational investments of families from different classes and the public demand for human resources becomes an important issue. In the era of rapid development of artificial intelligence and digitisation of the economy, solving the problem of class differentiation in the representation of education and reducing the probability of social suitability crises caused by educational backlogs are completely new challenges for the development of China’s education sector. Taking the current educational situation in China as an example, this article analyses the relationship between changes in educational representations in education and social demand. By exploring how social demands in the period of technological transition determine changes in educational representations and investment in education, as well as the social problems that may arise from lagging educational representations, the article puts forward concrete and feasible suggestions that can alleviate.

Keywords: Social needs, social deficits, changing concepts of education in different classes of families, talent development.

References

1. Pei Yang. Digitalization of education in China // Sociology. 2024. № 6. С. 16–23. (In Russian)
2. 井润田. 顺势而为: 构建创变时代的“风口”战略 // 清华管理评论. [Jin Runtian. Building a ‘windfall’ strategy for the age of change.]. 2022.(7): 44–53. (in Chinese).
3. Wang Y, Peng C, Cai S (2023) Does parents’ cognitive ability affect household educational investment? Evidence from Chinese families with left behind children. PLoS ONE 18(6): e0286987. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0286987> (In English)
4. 蔡庆丰,肖比诺,陈武元. 从投资“现在”到投资“未来”: 金融素养对家庭教育投资的影响 // 教育发展研究, [Cai Qingfeng, Xiao Binuo, Chen Wuyuan. From Investing in the “Present” to Investing in the “Future”: The Impact of Financial Literacy on Family Education Investment.]. 2022,42(20): 33–46. (in Chinese).
5. 唐燕飞. 古代家庭教育的内容、方式及影响 // 教育评论 [Tang Yanfei. The content, methods and influence of ancient family education.]. 2014.(3): 135–137. (in Chinese).
6. 臧雅丛. 家庭资本对小学课外补习支出的影响研究-基于J市的调查 // 南京师范大学. [Zang Yacong. A study on the impact of family capital on primary school extracurricular tutoring expenditures: a survey based on J city.]. 2018. (in Chinese).
7. 吴永源, 沈红. 家庭资本结构会影响本科生批判性思维能力吗-基于全国本科生能力测评的实证分析 // 重庆高教研究 [Wu Yongyuan, Shen Hong. Does family capital structure affect undergraduates’ critical thinking ability? An empirical analysis based on the ability assessment of undergraduates across China.]. 2021.9(6): 56–66. (in Chinese).
8. 魏易. 中国教育财政家庭调查报告 (2021). 北京大学出版社. [Wei Yi. China Education Finance Household Survey Report (2021). Peking University Press.]. [M]. 10. 2023. (in Chinese).
9. [美]彼得·法乔恩著. 李亦敏译. 批判性思维: 思考让你永远年轻 // 北京中国人民大学出版社. [Peter Fachon. Translated by Li Yimin. Critical Thinking: Thinking Keeps You Forever Young. China Renmin University Press]. [M]. 2013. (in Chinese).
10. 中国报告大厅. 2024年家庭教育行业发展现状分析:我国家庭教育市场规模约为2万亿元. [China Report (baogao). Analysis of the development status of the family education industry in 2024: China’s family education market size of about 2 trillion yuan] 05.09.2024. URL: <https://m.chinabgao.com/info/1252350.html>. (in Chinese).
11. 中华人民共和国教育部、国家发展改革委、财政部印发《关于“双一流”建设高校促进学科融合 加快人工智能领域研究生培养的若干意见》. 教研 [2020] 4号. [The Ministry of Education of the People’s Republic of China, the National Development and Reform Commission, and the Ministry of Finance issued the “Several Opinions on Promoting Interdisciplinary Integration and Accelerating the Training of Postgraduates in the Field of Artificial Intelligence in ‘Double First-Class’ Universities”] 24.02.2020. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/moe_826/202003/t20200303_426801.html. (in Chinese).
12. 中华人民共和国教育部办公厅. 教育部办公厅关于开展第二批人工智能助推教师队伍建设试点推荐遴选工作的通知. 教师厅函 [2021] 7号. [General Office of the Ministry of Education of the People’s Republic of China. Notice of the General Office of the Ministry of Education on the Recommendation and Selection of the Second Batch of Pilot Programs for AI-Assisted Teacher Development.]. 16. 04.2021. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A10/s7034/202104/t20210423_527853.html. (in Chinese).
13. 中华人民共和国教育部. 教育部等九部门关于加快推进教育数字化的意见. 教办 [2025] 3号. [Ministry of Education of the People’s Republic of China. Opinions of the Ministry of Education and Nine Other Departments on Accelerating the Digitalization of Education.]. 15.04.2025. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A01/s7048/202504/t20250416_1187476.html. (in Chinese).
14. 黄哲豫. 家庭教育观念的代际冲突研究 // 四川师范大学. [Huang Zheyu. Research on intergenerational conflict of family education concepts. Sichuan Normal University]. [D]. 2024. (in Chinese).
15. 邓锐. 高校人工智能领域人才培养热背后的冷思考 // 商丘师范学院学报. [Deng Rui. A sober reflection on the enthusiasm for talent cultivation in the field of artificial intelligence in universities.]. [J]. 2020,36(2): 100–104. (in Chinese).
16. 中华人民共和国教育部. 教育部关于公布2024年度普通高等学校本科专业备案和审批结果及《普通高等学校本科专业目录(2025年)》的通知. 教高函[2025]3号. [Ministry of Education of the People’s Republic of China. Notice of the Ministry of Education on the Announcement of the 2024 Registration and Approval Results for Undergraduate Programs in Regular Institutions of Higher Education and the “Catalogue of Undergraduate Programs in Regular Institutions of Higher Education (2025).”] 08.04.2025. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A08/moe_1034/s4930/202504/t20250422_1188239.html?IsRedirectHit=1112621809. (in Chinese).
17. 中国中央广播电视总台 央广网. 人工智能首次进入热门专业前十, QQ浏览器25高考季数据报告发布. [China Central Radio and Television, CNR. Artificial intelligence entered the top ten most popular majors for the first time. QQ Browser released its 25th Gaokao season data report.]. 22.07.2025. URL: https://tech.cnr.cn/techph/20250722/t20250722_527277005.shtml. (in Chinese).

Сон и физическая активность студентов как детерминанты здорового социума: анализ взаимосвязей и общественная значимость

Савгачев Виталий Владимирович,

канд. мед. наук, доцент кафедры травматологии и ортопедии,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский
университет» Минздрава России
E-mail: hirurg2288@mail.ru

Шубин Леонид Борисович,

канд. мед. наук, доцент кафедры общественного
здоровья и здравоохранения, ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный медицинский университет» Минздрава
России
E-mail: LBSH@yandex.ru

Здоровый сон является фундаментальной основой благополучия общества и критически важным фактором развития молодого поколения. В эпоху глобализации и технологического прогресса, когда недостаток сна признан эпидемией общественного здравоохранения с экономическими потерями в развитых странах до 680 миллиардов долларов ежегодно, инвестиции в популяризацию культуры здорового сна становятся стратегическим приоритетом.

Формирование здоровых привычек сна у молодежи не только способствует их академическим успехам и психическому благополучию, но и закладывает основу для создания более продуктивного и здорового общества в долгосрочной перспективе. Интеграция принципов здорового сна в образовательные программы и политику общественного здравоохранения представляет собой инвестицию в будущее нации, способную принести значительные социальные и экономические дивиденды. Практическая значимость полученных данных заключается в возможности разработки научно обоснованных поведенческих интервенций, направленных на одновременное улучшение качества сна и повышение уровня физической активности среди студентов. Учитывая, что паттерны сна и физической активности, формирующиеся в молодом возрасте, оказывают долгосрочное влияние на приверженность здоровому образу жизни, инвестиции в исследования и программы в этой области имеют высокий потенциал для улучшения общественного здоровья.

Ключевые слова: физическая активность, сон, молодежь, стресс, высшее образование, образ жизни, студенты.

Введение

Современная научная парадигма рассматривает сон как фундаментальную детерминанту социального благополучия и ключевой фактор устойчивого развития общества. Экономический анализ последствий недостаточного сна демонстрирует значительные финансовые потери для экономик многих развитых стран. Нарушения сна среди молодого поколения особенно критичны, поскольку формирование здоровых циркадианных ритмов в период нейропластичности определяет долгосрочные паттерны поведения и когнитивные функции на протяжении всей жизни. Эпидемиологические данные указывают на прогрессирующее ухудшение качества сна среди молодежи: 40% подростков в 2015 году спали менее 7 часов в сутки, что на 58% превышает показатели 1991 года [1]. В контексте демографических изменений и старения населения, инвестиции в программы популяризации здорового сна среди студенческой популяции представляют собой стратегически важную меру превентивной медицины, способную обеспечить формирование здорового, продуктивного и экономически активного поколения.

Взросление считается отдельным этапом жизни молодых людей, а распространенным опытом на данном этапе является получение высшего образования. Примерно треть молодых людей в развитых странах поступают в университеты, и прогнозируется, что к 2040 году 600 миллионов студентов по всему миру будут учиться в университетах, что на 200% больше, чем сейчас [1]. Университетская жизнь часто характеризуется изменениями образа жизни и поведения, такими как отъезд из дома, что приводит к большей независимости и уменьшению надзора, более активной социальной деятельностью (посещением концертов, баров, социальных и спортивных клубов), изменениями в группах сверстников, требовательными академическими графиками и часто развитием нездорового поведения, такого как курение и пьянство [2].

Из-за этих изменений в поведении и образе жизни, студенты университетов особенно подвержены недостаточному сну [3] и сообщают о значительных ухудшениях как количества, так и качества сна [4]. В недавнем исследовании, охватившем 26 стран с разным уровнем дохода, распространенность продолжительности сна ≤ 6 часов составила 39,2% среди студентов университетов. Кроме того, 55–60% студентов университетов сообщают о плохом качестве своего сна, а 43% сказали, что им требуется более 30 минут, чтобы заснуть, по крайней мере, один раз в неделю. Кроме того, в периоды, когда академические требования и стресс возрастают (экзамены, сессия), сон еще больше ухудшается [5].

Студенты университетов также сообщают о низком уровне физической активности (ФА) по сравнению с общим взрослым населением [6]. Например, некоторые исследования показали, что >70% студентов университетов не достигают рекомендуемых 10000 шагов в день. Качественные исследования предоставили ценную информацию о факторах, которые способствуют снижению физической активности во время студенческой жизни, включая: 1) индивидуальные факторы (самодисципли-

на, время, удобство), 2) социальные сети отсутствие родительского контроля) [21] и 3) физическая среда (доступность тренажеров, стоимость) [7]. Другие сдерживающие факторы, влияющие на физическую активность, включают проживание в университете, экзамены и академические факторы [1].

Получение меньшего, чем рекомендуемый, уровня сна и физической активности независимо друг от друга связано с плохими показателями здоровья у студентов университетов [8], однако существуют неоднозначные доказательства в отношении двунаправленной связи между сном и ФА, в которых выявлено, что ФА влияет на качество и продолжительность сна, и наоборот. В то время как некоторые исследования предполагают потенциальную двунаправленную связь у студентов университетов [3], подростков и детей [9], другие не обнаружили никакой связи. Обзоры и метаанализы о связи между сном и физической активностью среди взрослых также противоречивы: некоторые находят ассоциации, а другие не находят доказательств ассоциаций [10].

Учитывая изменения в поведении и образе жизни, связанные с поступлением в университет, понимание взаимосвязи между ФА и сном у студентов имеет решающее значение. Это особенно важно, поскольку известно, что формирование здорового сна и физической активности в молодом возрасте влияет на приверженность здоровому образу жизни на протяжении всей жизни [1]. Кроме того, понимание взаимосвязи между сном и ФА необходимо для разработки поведенческих вмешательств, направленных на улучшение общего здоровья и благополучия студентов.

Связь между сном и физической активностью

Поперечные и продольные исследования, доказывающие связи между сном и физической активностью неоднозначны. Согласно систематическому обзору проведенному Каэлли Д., вмешательства в виде упражнений (аэробные, силовые или их комбинация) были эффективны в улучшении качества сна у взрослых в возрасте ≥ 18 лет [11]. Их выводы согласуются с другими результатами, где физическая активность средней и высокой интенсивности связана с лучшим качеством сна. Также, несколько исследований показывают, что вмешательства в виде упражнений, особенно умеренной интенсивности, могут оказывать терапевтическое влияние на улучшение сна, а также способствовать положительному влиянию на качество сна у различных групп населения, включая взрослых с проблемами сна и бессонницей, детей, подростков и онкологических больных [12]. Кроме того, обзор 21 преимущественно наблюдательных исследований с участием в общей сложности 16549 человек в возрасте от 14 до 24 лет обнаружил положительную связь между сном и физической активностью [1]. Другой систематический обзор исследований связанных с физической активностью (как воздействием) и сном (как результатом) населения в целом, работающих людей или студентов бакалавриата показал, что физическая активность была связана с более низкими шансами плохого сна [13]. С другой стороны, недавний обзор 47 крупных исследований, охватывающих 62 тысячи здоровых детей в возрасте от 3 до 13 лет, не обнаружил никакой корреляции между сном и физической активностью [14]. Различия в результатах могут быть обусловлены специфическими факторами, такими как изменения образа жизни (более частое использование смартфонов), характерные для студенческой жизни. Необходимы дальнейшие исследования для определения влияния этих факторов на взаи-

мосвязь между сном и физической активностью в данной группе населения.

При интерпретации этих результатов важно отметить, что сон и уровень физической активности являются взаимозависимыми видами поведения в течение суток, так что изменение количества времени в одной области приводит к равному и противоположному смещению времени, доступного для других видов деятельности, зависящих от времени. К примеру, если человек спит на 3 часа больше в день, он, вероятно, потратит меньше времени на физическую активность, и таким образом, можно будет ожидать отрицательной связи между сном и физической активностью [15]. Обратная связь также была отмечена в исследовании, где авторы сообщили, что проведение большего времени в ночном сне сокращало время, доступное для ФА на следующий день, т.е. ночи, в которые участники потратили больше времени на сон, чем их среднее общее время, измеренное с помощью устройства, предопределяло меньшее количество шагов на следующий день [8]. Настоящий обзор подтверждает эту отрицательную связь, при этом повышенная физическая активность связана с уменьшением продолжительности сна у студентов университета. Недавнее смещение фокуса исследований поведения, связанного с движением (активностью) в течение 24 часов, предполагает, что будущие исследования должны: 1) рассматривать сон и ФА как взаимозависимые виды поведения, а не анализировать физическую активность как «воздействие», а сон как «результат»; 2) рассмотреть возможность изучения того, как поведение, связанно с активностью в течение 24 часов (ФА, малоподвижный образ жизни и сон) конкурирует за распределение личного времени в течение дня, а также их индивидуальное и комбинированное воздействие на здоровье, используя передовые статистические процедуры, такие как модель временного замещения и композиционный анализ данных [16].

Также возможно, что разные компоненты сна могут иметь разные связи с последующей физической активностью, что требует многомерных методов оценки (общее время сна, время бодрствования после засыпания, хронотип) [8]. Положительное влияние умеренных аэробных упражнений на качество сна у женщин среднего возраста было отмечено в недавнем исследовании, однако не было выявлено, что низкий уровень физической активности влияет на качество сна [17]. В других результатах, напротив, сообщалось о небольшом или умеренном влиянии регулярных упражнений на параметры сна у взрослых, но эффекты часто различались по силе в зависимости от анализируемого компонента сна (общее время сна, задержка засыпания и эффективность сна). Время выполнения упражнений (вечер или утро) также может влиять на связь между сном и упражнениями [1]. В этом контексте два обзора литературы показали, что высокоинтенсивные упражнения могут ухудшить задержку засыпания и общую продолжительность сна, но умеренные вечерние упражнения оказывают положительное влияние на сон [3]. Кроме того, время ФА в течение дня и связь между интенсивностью, качеством и продолжительностью сна у студентов университета, должны стать областью потенциального изучения в будущих исследованиях.

Следует также отметить, что связь между сном и физическими упражнениями может быть искажена различными переменными. Например, уровень усталости в результате недостаточного сна, либо высокоинтенсивных упражнений может играть опосредующую роль между сном и ФА [8]. Факторы образа жизни также могли оказывать независимое влияние как на сон, так и на фи-

зическую активность. Систематические обзоры и наблюдательные исследования показывают, что время, проведенное за экраном [16], употребление никотина, воздействие света, употребление алкоголя и диета могут отрицательно влиять на несколько показателей сна [18]. Эти факторы образа жизни, вероятно, также влияют на физическую активность, особенно среди студентов университетов. Кроме того, есть данные, свидетельствующие о том, что утренняя «усталость» из-за недостатка сна может быть связана с более низким уровнем ФА и чрезмерным временем, проведенным за экраном [1]. Учитывая сложность взаимосвязи между сном и физической активностью, в будущих исследованиях следует рассмотреть возможность контроля этих факторов образа жизни и аналогичных сопутствующих факторов.

Недавно в исследовании Джике М с соавт. (Япония), по продолжительности сна и последствий для здоровья было отмечено различие в пороговых значениях, используемых для обозначения короткой и длинной продолжительности сна [19]. Там сообщалось, что короткая и/или длинная продолжительность сна связана с негативными последствиями для здоровья, включая повышенную заболеваемость эндокринными заболеваниями (сахарный диабет, ожирение) сердечно-сосудистыми заболеваниями, и увеличение частоты депрессии [19]. Американский национальный фонд сна совместно с Обществом исследований сна рекомендуют взрослым спать 7–9 часов в сутки, а сон, продолжительность < 6,5 часов считать недостаточным [20].

Выводы

Представленные в статье данные подтверждают критическую важность исследования взаимосвязи между сном и физической активностью у студентов университетов, особенно в контексте современных вызовов общественного здравоохранения. Анализ научной литературы демонстрирует сложную, многофакторную природу этих взаимодействий, которая требует дальнейшего углубленного изучения с применением передовых методологических подходов.

Целью данного исследования было синтезировать современную литературу о связи между сном и ФА у студентов университетов. Большинство исследований обнаружили слабую связь между сном и физической активностью у студентов университетов. Кроме того, была также обнаружена слабая связь между ФА и более короткой продолжительностью сна. Эти слабые связи могут быть объяснены, по крайней мере частично, тем, что результаты преимущественно получены из поперечных исследований с ограниченным использованием инструментов измерения на основе различных устройств. Необходимы дальнейшие исследования связи между сном и ФА. Эти результаты будут иметь решающее значение для получения надежных доказательств, в первую очередь сосредоточенных на связи между сном и физической активностью, и определяют направления будущих вмешательств.

Литература

1. Memon A.R, Gupta C.C, Crowther M.E, Ferguson S.A, Tuckwell G.A, Vincent G.E. Sleep and physical activity in university students: A systematic review and meta-analysis. *Sleep Med Rev.* 2021;58:101482. doi:10.1016/j.smrv.2021.101482
2. Кремнева В. Н., Солодовник Е.М. Влияние сна на успеваемость студентов вуза. *E-Scio.* – 2019. – № 6 (33). – С. 256–265.
3. Wang F., Bíró É. Determinants of sleep quality in college students: A literature review. *Explore (NY).* 2021. No. 17(2). Pp. 170–177. doi:10.1016/j.explore.2020.11.003
4. Becker S. P., Jarrett M.A., Luebke A.M., Garner A.A., Burns G.L., Kofler M.J. Sleep in a large, multi-university sample of college students: sleep problem prevalence, sex differences, and mental health correlates. *Sleep Health.* 2018. Vol. 4, Issue 2. Pp. 174–181. <https://doi.org/10.1016/j.sleh.2018.01.001>
5. Peltzer K, Pengpid S. Sleep duration and health correlates among university students in 26 countries. *Psychol Health Med.* 2016;21(2):208–220. doi:10.1080/13548506.2014.998687
6. Campbell, R., Soenens, B., Beyers, W. et al. University students' sleep during an exam period: the role of basic psychological needs and stress. *Motiv Emot* 42, 671–681 (2018). <https://doi.org/10.1007/s11031-018-9699-x>
6. Guthold, G.A. Stevens, L.M. Riley, F.C. Bull. World-wide trends in insufficient physical activity from 2001 to 2016: a pooled analysis of 358 population-based surveys with 1.9 million participants. *Lancet Glob Health.* 2018. No. 6 (10). Pp. e1077 86
7. Hilger-Kolb, J., Loerbroks, A., & Diehl, K. (2020). 'When I have time pressure, sport is the first thing that is cancelled': A mixed-methods study on barriers to physical activity among university students in Germany. *Journal of Sports Sciences*, 38(21), 2479–2488. <https://doi.org/10.1080/02640414.2020.1792159>
8. Mead, M.P., Baron, K., Sorby, M. et al. Daily Associations Between Sleep and Physical Activity. *Int.J. Behav. Med.* 26, 562–568 (2019). <https://doi.org/10.1007/s12529-019-09810-6>
9. Kim Y, Umeda M, Lochbaum M, Sloan RA. Examining the day-to-day bidirectional associations between physical activity, sedentary behavior, screen time, and sleep health during school days in adolescents. *PLoS One.* 2020;15(9): e0238721. doi:10.1371/journal.pone.0238721
10. Atoui S, Chevance G, Romain AJ, Kingsbury C, Lachance JP, Bernard P. Daily associations between sleep and physical activity: A systematic review and meta-analysis. *Sleep Med Rev.* 2021;57:101426. doi:10.1016/j.smrv.2021.101426
11. Kelley GA, Kelley KS. Exercise and sleep: a systematic review of previous meta-analyses. *J Evid Based Med.* 2017;10(1):26–36. doi:10.1111/jebm.12236
12. Mercier J, Savard J, Bernard P. Exercise interventions to improve sleep in cancer patients: A systematic review and meta-analysis. *Sleep Med Rev.* 2017;36:43–56. doi:10.1016/j.smrv.2016.11.001
13. Wendt A., Flores T.R., Silva I.C.M., Wehrmeister F.C. Association of physical activity with sleep health: a systematic review. *Revista Brasileira de Atividade Física & Saúde*, 23 (2018), pp. 1–26.
14. Antczak D, Lonsdale C, Lee J, et al. Physical activity and sleep are inconsistently related in healthy children: A systematic review and meta-analysis. *Sleep Med Rev.* 2020;51:101278. doi:10.1016/j.smrv.2020.101278
15. Matricciani L, Paquet C, Dumuid D, Frayssé F, Olds T. Sleep and physical activity: When a null finding is not really a null finding. *Sleep Med Rev.* 2020;51:101302. doi:10.1016/j.smrv.2020.101302
16. Dumuid D, Pedišić Ž, Palarea-Albaladejo J, Martín-Fernández JA, Hron K, Olds T. Compositional Data Analysis in Time-Use Epidemiology: What, Why, How. *Int J Environ Res Public Health.* 2020;17(7):2220. doi:10.3390/ijerph17072220
17. Rubio-Arias Já, E. Marín-Cascales, D.J. Ramos-Campo, A.V. Hernandez, F.R. Pérez-López. Effect of

exercise on sleep quality and insomnia in middle-aged women: a systematic review and meta-analysis of randomized controlled trials. *Maturitas*, 100 (2017), pp. 49–56

18. Шубин Л. Б., Савгачев В.В., Плещёв И.Е. Применение опросника SF-36 для оценки эффективности реабилитационной программы с применением водного велосипеда «Сибайк» после травмы нижних конечностей. *Медицинская психология в России*. 2025;17(1):20–26.
19. Jike M, Itani O, Watanabe N, Buysse DJ, Kaneita Y. Long sleep duration and health outcomes: A systematic review, meta-analysis and meta-regression. *Sleep Med Rev*. 2018;39:25–36. doi:10.1016/j.smrv.2017.06.011
20. Sletten TL, Weaver MD, Foster RG, et al. The importance of sleep regularity: a consensus statement of the National Sleep Foundation sleep timing and variability panel. *Sleep Health*. 2023;9(6):801–820. doi:10.1016/j.sleh.2023.07.016

SLEEP AND PHYSICAL ACTIVITY OF STUDENTS AS DETERMINANTS OF A HEALTHY SOCIETY: ANALYSIS OF INTERRELATIONS AND SOCIAL SIGNIFICANCE

Savgachev V.V., Shubin L.B.

Yaroslav State Medical University

Healthy sleep is a fundamental foundation for the well-being of society and a critically important factor in the development of the younger generation. In the era of globalization and technological progress, when lack of sleep is recognized as a public health epidemic with economic losses in developed countries of up to \$680 billion annually, investments in promoting a healthy sleep culture are becoming a strategic priority.

The formation of healthy sleep habits among young people not only contributes to their academic success and mental well-being, but also lays the foundation for creating a more productive and healthier society in the long term. The integration of healthy sleep principles into educational programs and public health policies represents an investment in the nation's future that can bring significant social and economic dividends.

The practical significance of the data obtained lies in the possibility of developing scientifically based behavioral interventions aimed at simultaneously improving sleep quality and increasing physical activity levels among students. Given that patterns of sleep and physical activity formed at a young age have a long-term impact on adherence to a healthy lifestyle, investments in research and programs in this area have high potential to improve public health.

Keywords: physical activity, sleep, youth, stress, higher education, lifestyle, students.

References

1. Memon A.R, Gupta C.C, Crowther M.E, Ferguson S.A, Tuckwell G.A, Vincent G.E. Sleep and physical activity in university students: A systematic review and meta-analysis. *Sleep Med Rev*. 2021;58:101482. doi:10.1016/j.smrv.2021.101482
2. Kremneva V. N., Solodovnik E.M. The influence of sleep on university students' academic performance. *E-Scio*. 2019. no. 6 (33). pp. 256–265.
3. Wang F, Bíró É. Determinants of sleep quality in college students: A literature review. *Explore (NY)*. 2021. No. 17(2). Pp. 170–177. doi:10.1016/j.explore.2020.11.003
4. Becker S. P., Jarrett M.A., Luebbe A.M., Garner A.A., Burns G.L., Kofler M.J. Sleep in a large, multi-university sample of college students: sleep problem prevalence, sex differences, and mental health correlates. *Sleep Health*. 2018. Vol. 4, Issue 2. Pp. 174–181. https://doi.org/10.1016/j.sleh.2018.01.001
5. Peltzer K, Pengpid S. Sleep duration and health correlates among university students in 26 countries. *Psychol Health Med*. 2016;21(2):208–220. doi:10.1080/13548506.2014.998687
6. Campbell, R., Soenens, B., Beyers, W. et al. University students' sleep during an exam period: the role of basic psychological needs and stress. *Motiv Emot* 42, 671–681 (2018). https://doi.org/10.1007/s11031-018-9699-x
7. R. Guthold, G.A. Stevens, L.M. Riley, F.C. Bull. Worldwide trends in insufficient physical activity from 2001 to 2016: a pooled analysis of 358 population-based surveys with 1.9 million participants. *Lancet Glob Health*. 2018. No. 6 (10). Pp. e1077-86
8. Hilger-Kolb, J., Loerbroeks, A., & Diehl, K. (2020). 'When I have time pressure, sport is the first thing that is cancelled': A mixed-methods study on barriers to physical activity among university students in Germany. *Journal of Sports Sciences*, 38(21), 2479–2488. https://doi.org/10.1080/02640414.2020.1792159
9. Mead, M.P., Baron, K., Sorby, M. et al. Daily Associations Between Sleep and Physical Activity. *Int.J. Behav. Med*. 26, 562–568 (2019). https://doi.org/10.1007/s12529-019-09810-6
10. Kim Y, Umeda M, Lochbaum M, Sloan RA. Examining the day-to-day bidirectional associations between physical activity, sedentary behavior, screen time, and sleep health during school days in adolescents. *PLoS One*. 2020;15(9): e0238721. doi:10.1371/journal.pone.0238721
11. Atoui S, Chevance G, Romain AJ, Kingsbury C, Lachance JP, Bernard P. Daily associations between sleep and physical activity: A systematic review and meta-analysis. *Sleep Med Rev*. 2021;57:101426. doi:10.1016/j.smrv.2021.101426
12. Kelley GA, Kelley KS. Exercise and sleep: a systematic review of previous meta-analyses. *J Evid Based Med*. 2017;10(1):26–36. doi:10.1111/jebm.12236
13. Mercier J, Savard J, Bernard P. Exercise interventions to improve sleep in cancer patients: A systematic review and meta-analysis. *Sleep Med Rev*. 2017;36:43–56. doi:10.1016/j.smrv.2016.11.001
14. Wendt A., Flores T.R., Silva I.C.M., Wehrmeister F.C. Association of physical activity with sleep health: a systematic review. *Revista Brasileira de Atividade Física & Saúde*, 23 (2018), pp. 1–26.
15. Antczak D, Lonsdale C, Lee J, et al. Physical activity and sleep are inconsistently related in healthy children: A systematic review and meta-analysis. *Sleep Med Rev*. 2020;51:101278. doi:10.1016/j.smrv.2020.101278
16. Matricciani L, Paquet C, Dumuid D, Frayssé F, Olds T. Sleep and physical activity: When a null finding is not really a null finding. *Sleep Med Rev*. 2020;51:101302. doi:10.1016/j.smrv.2020.101302
17. Dumuid D, Pedišić Ž, Palarea-Albaladejo J, Martín-Fernández JA, Hron K, Olds T. Compositional Data Analysis in Time-Use Epidemiology: What, Why, How. *Int J Environ Res Public Health*. 2020;17(7):2220. doi:10.3390/ijerph17072220
18. Rubio-Arias Já, E. Marín-Cascales, D.J. Ramos-Campo, A.V. Hernandez, F.R. Pérez-López. Effect of exercise on sleep quality and insomnia in middle-aged women: a systematic review and meta-analysis of randomized controlled trials. *Maturitas*, 100 (2017), pp. 49–56
19. Shubin L. B., Savgachev V.V., Pleshchev I.E. The use of the SF-36 questionnaire to evaluate the effectiveness of a rehabilitation program using a Seabike water bike after a lower limb injury. *Medical Psychology in Russia*. 2025;17(1):20–26. (In Russ.)
20. Jike M, Itani O, Watanabe N, Buysse D. J, Kaneita Y. Long sleep duration and health outcomes: A systematic review, meta-analysis and meta-regression. *Sleep Med Rev*. 2018;39:25–36. doi:10.1016/j.smrv.2017.06.011
21. Sletten TL, Weaver MD, Foster RG, et al. The importance of sleep regularity: a consensus statement of the National Sleep Foundation sleep timing and variability panel. *Sleep Health*. 2023;9(6):801–820. doi:10.1016/j.sleh.2023.07.016

Духовно-нравственные ценности российской молодежи: политические и социальные факторы формирования

Санин Дмитрий Владимирович,

студент магистратуры ГМУ-4–23–02 Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: dsanin-19@ranepa.ru

Белова Ирина Владимировна,

старший преподаватель, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: Belova-iv@ranepa.ru

В статье представлена попытка системного рассмотрения государственной культурной политике, в аспекте формирования духовно-нравственных ценностей молодежи, были выделены некоторые проблемы и предложены пути их решения. Сделан вывод о наличии двух основных типов в определении духовно-нравственной культуры человека: теоцентрического (религиозного) и антропоцентрического (светского). В связи с тенденцией к девальвации традиционных моральных норм и нравственных установок укрепление ценностно-смысловой сферы личности, ее духовно-нравственное развитие, становление духовно-нравственной культуры, осуществляемое в процессе социализации, является объектом пристального внимания общества и деятельности государственных органов. Утверждается, что в процессе духовно-нравственной консолидации общества образование имеет наиболее значимую роль.

Ключевые слова: молодежная политика, духовные ценности, патриотизм, культурная политика.

В настоящий момент российское общество, в частности молодежь, находятся на этапе значительной трансформации, связанной с активными изменениями в политике, культуре и социуме. Молодые люди сейчас вовлечены в глобальные социальные процессы, в которых постоянно сталкиваются разные ценности, ориентации и культуры, что требует принятия взвешенных решений.

В данных условиях столь активной динамики подвержены и компоненты духовного мира, особенно в социальной среде молодежи. Появляются новые коллективные формы духовной организации молодых людей, среди которых одно из важных мест отведено духовно-нравственным ценностям.

Проблема взаимодействия «власть – общество» особенно актуальна для России последних трёх десятилетий. За это время по разным причинам государство не смогло отчётливо определить цели нынешней трансформации общества и, соответственно, сформулировать задачи для различных социальных групп в деле его прогрессивного развития. В том числе и для молодёжи. И здесь совершенно необходимо регулировать процесс становления молодежи как значимого субъекта системы социальных отношений, так как в будущем именно наличие молодежной вовлеченности приводит к общественному развитию. К тому же, именно молодежь способна наилучшим образом к нему адаптироваться.

Вместе с тем, эта социальная группа нуждается в социальной поддержке и предоставлении социальных гарантий со стороны государства. Государство и общество, в свою очередь, также нуждаются в молодежи как в активной социальной группе, которая, вовлекаясь в политические, экономические, социальные и культурные процессы, становится движущей силой общественного прогресса. Например, в настоящее время при правительствах субъектов РФ создаются «молодежные правительства», которые представляют собой консультативно-совещательные органы. Целью таких объединений служит развитие регионов в целом посредством усовершенствования нормативно-правовой и проектной деятельности. Помимо этого, «молодежное правительство» является способом подготовки кадров для управленческой деятельности.

Под молодежью принято считать лица в пределах 13–30, а иногда и 40 лет (по разным нормативно-правовым актам). Иными словами, к молодежи могут относиться лица разных поколений. Однако по мере развития общественных отношений, пропасть между поколениями становится все меньше и меньше и, в частности, отношения к информационным и коммуникационным технологиям (далее – ИКТ) остается примерно на одном уровне. Сейчас гражданин возраста 30 лет вполне комфортно себя чувствует в информационной сфере наравне с 13-летними подростками.

Государство и общество заинтересовано в молодежи как в активной социальной силе. Поэтому всесторонне пытается вовлечь подрастающее поколение в жизненно важные процессы общества. Безусловно, существует ряд проблем, например, нежелание молодежи, невозможность быть услышанными или некачественный уровень коммуникаций с органами государственной власти

и так далее. Актуален вопрос разработки стратегии коммуникаций между этими субъектами социальных отношений. Стоит отметить, что все плюсы и минусы такого взаимодействия можно наблюдать именно в этой сфере, потому что молодежь в силу возрастного показателя остается более адаптированной частью населения к информационным технологиям.

Важной проблемой государственного управления является разработка и эффективная реализация молодежной политики. Эффективные государственные преобразования требуют активного участия молодежи. Решение данной проблемы обуславливает необходимость разработки новых подходов к разработке и реализации молодежной политики.

Несмотря на прилагаемые со стороны государства усилия, наблюдается ряд объективных и субъективных проблем, тормозящих эффективность реализации молодежной политики в Российской Федерации.

Актуальность выбранной проблемы заключается в том, что на современном этапе система ценностей общественно-политического сознания молодежи плохо сочетается с механизмами осуществления государственной молодежной политики. По результатам современных исследований за последние 5 лет в Российской Федерации, всего 2–3% молодежи участвуют в общественных и политических акциях, что свидетельствует об определенной тенденции к аполитичности молодежи [20].

Государственной молодежной политикой определяется будущая социально-экономическая и политическая жизнь страны. Сейчас доля молодежи в Российской Федерации составляет 26,8 процентов [9]. От того, каким будет решение проблем современной молодежи, зависит будущее государства. Государственная молодежная политика требует новых подходов. Продуманная, научно обоснованная молодежная политика необходима для того, чтобы молодые люди смогли успешно реализовать свои интересы, потребности, жизненные перспективы. Следовательно, поиск эффективных механизмов реализации государственной молодежной политики по-прежнему остается актуальной научной проблемой.

В аспекте нашего исследования – такой механизм видится в реализации государственной молодежной политики посредством активного вовлечения молодежи в культурную сферу.

Молодежь реализует себя в сфере образования, профессиональной деятельности, общества, спорта, культуры. Образование и культура являются основой современного общества. Его высокий уровень – залог успешного жизненного развития. Образованные люди повышают уровень цивилизации и международный престиж страны. Культурное развитие обеспечивает необходимые предпосылки для политического, социального, экономического и духовного воспитания граждан. Поэтому право на образование и доступ к культуре в современном мире рассматриваются как важнейшие права человека права не менее важны, чем политические или экономические права [14]. Молодежь – это золотой резерв нации, который при определенных условиях может принципиально изменить облик будущего общества и государства.

Тем не менее, существует ряд серьезных проблем в молодежной среде, вызванных как внешними, так и внутренними факторами.

Теоретические концепции государственной молодежной политики представлены в работах следующих авторов: отечественных ученых – А.Н. Дьяченко [10], И.М. Ильинский [13]; зарубежных ученых – П.Э. Митев [15], В. Миляновский, М. Карват [1]. Современному

этапу разработки подходов к государственной молодежной политике посвящены работы авторов В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок [11], А.А. Козлова, Ф.Э. Шереги и М.К. Горшкова [7], Е.Л. Омельченко.

Отдельно следует отметить, что проведенные исследования (Ю.А. Зубок, А. Багашев, И.А. Ильин, В.В. Потыкало, Л.Р. Глухова, А.В. Волкова и др.) показали, что сегодня уровень духовно-нравственных ценностей современной молодежи находится на довольно низком уровне, что характеризуется снижением патриотизма, высокой зависимостью от социальных сетей и гаджетов, отсутствием уважения к старшему поколению, пристрастием к алкоголю и курению и другими негативными факторами. Духовно-нравственный кризис порождает опасные точки зрения и явления в политике, экономике и социальной сфере государства. Оставлять без изменения духовно-нравственное состояние общества более невозможно, если речь идет о продуктивном осуществлении социально-экономических реформ и дальнейшего развития государства.

Решить данную проблему сегодня можно за счет реализации государственной политики в сфере культуры. Но при этом крайне важно регулярно проводить анализ и оценку ситуации для формирования более эффективной стратегии и в случае необходимости внесения изменений в саму государственную культурную политику. Решение задачи должно осуществляться на всех уровнях государственной власти для достижения наилучшего результата.

Ценностные ориентации формируются благодаря общепринятым нормам, культуре и массовым коммуникациям. В свою очередь ценностные ориентации формируют основу мировоззрения человека.

В прямой зависимости от выделенных обстоятельств находится проблема ценностного отношения к духовно-нравственному воспитанию населения, и в частности, молодого поколения, за которым признается будущее нации.

Анализ исследований вопросов о нравственности в первом десятилетии XXI века не выявил разногласий авторов в представлении понятия «нравственные ценности». Однако, разные авторы рассматривают понятие «нравственные ценности» в различных аспектах гуманистических направлений. В одних случаях это касается норм поведения личности с позиции добра – основы гуманности через духовное образование и воспитание, как внутренний закон души. Другие авторы считают, что не только традиционные нормы духовно-нравственного воспитания, но и тенденции становления общества при влиянии культуры и субкультуры определяют возможность к развитию как индивида, так и общества.

Процессы отмирания и трансформации нравственных ценностей постоянны. Это связано с проблемами и изменениями в социокультурной среде, где на первое место должны выступать духовно-нравственные ценности. Но с развитием научно-технического прогресса и рыночных отношений видоизменение нравственных ценностей всё больше связано с мерами, характерными для стремительно развивающегося цивилизованного общества, где общественные взгляды и убеждения в наибольшей степени подвержены влиянию извне.

Процессы глобализации общества в XX и XXI веках породили иные отношения в сознании людей к традициям, имеющим прямое отношение к морали и нравственности. В этом огромное влияние на процессы формирования ценностей в личном и общественном сознании сыграли информатизация и технический прогресс: появились новые технологии – теле радио и IT-технологии. При этом сознание общества претерпело изменения в струк-

туре аксиологических компонентов. Совокупность различных ценностей, имея свое место в развитии образования и культуры, повлияла на идеи, концептуальные цели общества и управление знаниями. Нравственные ценности и их осознанное формирование в российском современном обществе в последние семь лет освещались с позиций изменения социокультурных ценностей с использованием национального компонента, в контексте:

- унификации нравственных ценностей;
- идентификации индивида с социальными группами;
- взаимодействия культур с сохранением национальной идентичности;
- изменения исторического сознания и развития цивилизации;
- изменения ценностных ориентаций молодежи.

Анализ развития нравственных ценностей в научных трудах современников начала XXI века раскрывает проблемы изменения сознания индивидов и общества под воздействием социальных институтов. В то же время вопросам, касающимся факторов, влияющих на изменение нравственных ценностей, уделено недостаточное внимание.

Основные вопросы, которые были рассмотрены в трудах современников, в большей степени выявили проблемы в социокультурной среде и их влияние на формирование нравственных ценностей молодежи. Проблемы трансформации нравов в современном мире находятся в центре внимания российских и зарубежных специалистов. На протяжении небольшого отрезка времени продолжают развиваться теории, которые авторами излагаются в публицистической литературе, обсуждаются в периодических изданиях, статьях научных журналов и готовятся к обсуждению на научно-практических конференциях. Особое внимание авторы работ (М.А. Ласточкина, А.Н. Рябова, и др.) уделяют рассмотрению вопросов формирования нравственных ценностей в среде молодежи. Так, в статье М.А. Ласточкиной «Нравственные ценности современной молодежи»⁶ проведены региональные исследования ценностных характеристик молодежи в Вологодской области, где показано влияние субкультуры на развитие личности. Среда, влияющая на качества, определяющие развитие личности показана также в статье Д.М. Давлетшиной «Актуальные проблемы развития духовно-нравственных ценностей современной молодежи в поликультурном городе» [8].

Вопросы патриотического воспитания и его влияния на ценности современной молодежи неоднократно освещались на международных студенческих конференциях.

Другие авторы рассматривают нравственные ценности в аспекте духовного процесса формирования личности, который начинается с физиологической или психологической потребности развития. При этом, они отмечают, что нравственность является неотъемлемой частью духовного состояния личности и влияет на деятельность общества, тем самым утверждаясь через социальные институты. Сохранение духовно-нравственных традиций, по мнению В.Н. Гончарова и Н.А. Поповой влияет на ценностные ориентиры личности при смене парадигмы в мировоззрении. Такое влияние позволяет говорить о том, «что в социуме на данный момент весьма заметно ощущается недооценка духовно-нравственных традиционных ценностей, которые издавна являлись неотъемлемой частью жизни и развития нации» [6]. Исследуя сущность исторического сознания с позиций осмысления структуры, авторы обращаются к национальному вопросу в религиозной культуре. Так, например, в работах В.И. Воловика [5] проведен социально-философский анализ осмысления религиозного сознания, обоснова-

ны детерминанты нравственных ценностей с оптимизацией их развития в славянском обществе, сделан акцент на закономерном развитии сознания под влиянием духовно-нравственных ценностей.

Авторы статьи «Тенденции социокультурной трансформации современного российского общества» [2] Т.Ш. Абдурахманов и Ю.Д. Джабраилов показали, как социокультурные компоненты духовного и материального мира влияют на историческое сознание, и охарактеризовала это целесообразностью для определенного народа на каждом отрезке времени.

Связь государства с социальными институтами и формирование через эту связь сознания с культурными ценностями через призму исторических фактов прослеживается в трудах современников А.С. Двуреченской, Е.И. Замараевой, Д.Е. Яковлевой.

Геополитическая основа сохранения и трансляции нравственных ценностей через общественное сознание молодежи отмечена в трудах Е.И. Замараевой, В.Д. Калашникова, М.А. Колосова. Различные дискуссии по этой теме указывают на неоднозначное понимание трансформации сознания, так как тема сводится к конфликту разных ценностей, когда традиционное историко-философское сознание вытесняется традиционным сознанием, свойственным субкультурам. В связи с этим возникает внутригосударственное противостояние в формах национализма, пацифизма, сепаратизма.

На сегодняшний момент, стало известно об отрицательных результатах пост трансформационного кризиса нравственности. Но, стоит отметить, что заинтересованность в духовных показателях значительно вырос. И касается это изначально духовно-нравственной безопасности людей как составляющей всей системы национальной безопасности российского общества. Определение данного факта на сегодняшний момент еще формируется. Внедрение в науку этого определения можно обосновать тем, что наше общество нуждается в реформировании и стабилизации. Ровно также, как и в сохранении экономико-производственного плана, вместе с развитием макроидентичности.

Ценностные ориентации являются основой для его мировоззрения, которая формируется исходя из ценностей индивида. Существует целый ряд классификаций, но любая система ценностей делится на две большие группы: ценности-цели (или терминальные), которые представляют собой цели и идеалы человека/группы/общества и ценности-способы (или инструментальные), за счет которых формируются модели поведения человека в той или иной ситуации, о чем писал еще Милтон Рокич. Ценности-цели выступают в качестве системообразующего фактора, так как являются более устойчивыми, в отличие от ценностей-способов, поэтому они представлены в различных культурных и социальных системах.

Как уже было отмечено выше, ценностные ориентации определяют поступки человека в той или иной ситуации. Зная ценностные ориентации индивида можно понять, чем мотивировано какое-либо действие с его стороны в отношении социума или другого индивида. В связи с этим разработано множество методик по изучению ценностных ориентаций, основополагающей и самой известной из которых является методика Рокича, позволяющая определить степень сформированности системы ценностей респондента. В 1970е годы отечественные социологи (В.А. Ядов, А. Гоштаутас, А.А. Семенов) адаптировали этот тест в соответствии с культурной спецификой нашей страны. Отсюда берут начало разработки советскими и российскими учеными собственных авторских методик (например, Отец И.Г. Се-

нина). Большинство методик по изучению ценностных ориентаций базируется на ценностном опроснике Рокича, но наиболее распространенным из них является ценностный опросник Шварца, который является расширенной версией методики Рокича.

Не смотря на кризис в ценностной сфере молодежи, в формировании ценностных ориентаций важную роль играют прежде всего государство и вузы, поэтому встает необходимость организации правильного досуга молодежи и использование социальной рекламы, в качестве инструмента массового воздействия на молодежь.

Таким образом среди научных мнений определенно ведущим можно определить то, в котором историческое сознание систематизирует опыт прошлого для формирования настоящего. Это позволяет не только упорядочить ценности в жизни человека, но и сохранить традиции и нравственные аспекты прошлого.

Специфичным фактором в анализе влияния нравственных ценностей на личное и общественное сознание выступает сравнительная характеристика свойств ценностей в обществе в разное время. При этом у разных народов внедрение нравственных ценностей и закрепление их в сознании основано на определенных социальных условиях. Об этом говорят в своих работах Т.В. Беспалова, М.А. Губарева, Ю.А. Закунов [18]. Некоторые статьи (Сапожников В.Ю.) посвящены вопросам православной церкви и нравственным ценностям, где представлено положение, что «духовные ценности и нравственные нормы и убеждения в процессе воспитания и обучения определялись ими как основополагающие» [17]. В статьях других авторов (Аникина М.Е., Иванов А.Г., Полякова А.П., Хруль В.М.) основным в формировании нравственных ценностей в сознании выделен акцент на мифологию и антропологию. Абстрактное описание специфических нравственных ценностей привязано к конкретному описанию включения сознания в динамику изменяющегося мира. «Пространство повседневности выступает местом, где смешиваются функции социальной мифологии, где переплетаются сакральное и профанное» [12]. Активную роль такого привития нравственных ценностей применяют в своей деятельности различные религиозные конфессии и организации.

Еще одно направление современников, которое используется в современных подходах к формированию нравственных ценностей в личном и общественном сознании – это значение патриотического воспитания.

Вопросы патриотического воспитания поднимаются на конференциях и форумах международного и регионального значения, в публикациях авторов различного уровня. По мнению Хрисановой А.В. «Для России патриотизм в современных условиях имеет особое значение. Без патриотизма нельзя возродить сильное государство, создать гражданское сообщество, привить людям понимание своего долга, своих прав, уважения к законам, к своей Конституции» [19].

Исследования И.Г. Яковенко описывают сущность культуры российского общества, выявляют факторы и основные характеристики развития нравственных отношений в монографии «Познание России. Цивилизационный анализ». В монографии даны основные характеристики отечественной модернизации культуры и влияния её базового уровня на качественно новые образцы, согласовывая с нравственными ценностями разного времени. Систематизируя морально-нравственные ценности, характерные для человеческой популяции в определенный промежуток времени и совершенствуя правовые нормы в субъективной реальности настоящего времени, легко сформулировать общую структуру интенции, основанную на всеобщем понимании. Таким образом,

формируется общее мнение о применяемых обществом нравственных ценностях.

Инвариантность нравственных ценностей или неменяющийся смысл морали используется при принятии серьезных решений, в решении социальных задач и управлении государством. Способность личности выстраивать деятельность в согласии с обществом является условием интеллектуального производства, обеспечивающего целостность любой системы в мировом пространстве, продвижение интеграционных процессов между субъектами отношений в политической, культурной, духовно-нравственной деятельности.

В настоящее время, решаемые обществом вопросы духовно-нравственного возрождения и вопросы национального равенства и уважения напрямую связаны с воспитанием личности и влиянием на общественное сознание.

Происходящие в стране на рубеже веков процессы изменили привычный ход событий в экономике, политике, в общественной жизни. Сознание утраты нравственно-гражданских норм в конце XX века объясняет негативные изменения нравственных ценностей молодежи. Создание искусственных идеалов и склонность к цинизму характеризуют молодое поколение.

Настроения злого пессимизма определялись реальностью телевидения, открывающего мир, далекий от действительности. Понятия морали и нравственности, по мнению многих сограждан, и особенно молодежи, приобретают зачастую характер анахронизмов, через средства телевидения сформированы у части молодого поколения представления о безнравственности и деградации российской культуры. Это происходит с замещением национальных образцов ценностей образцами и нормами, присущими западной массовой культуре. Но уже в первые десятилетия внимание государства к этим проблемам нашло отражение в трансляции в сознание молодежи традиционных норм и правил от старшего поколения через общественные и религиозные организации.

Тема молодежи постоянно присутствует в работе Русской православной церкви. В ноябре 2014 года на открытии 1 Международного съезда православной молодежи в Москве Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом затронута тема мироощущения и мировоззрения людей в обществе с высоко развитыми информационными ресурсами, обозначив их, как доминирующий фактор в сознании молодежи. Информация в современном мире является политическим и мировоззренческим орудием воздействия на человека. РЦП, определяя проблемы современности, выделяет особо важные, которые характеризуют потребности общества:

- информация и ее влияние;
- стремление к удовольствиям;
- стремление к комфорту.

Характеристики, определяющие профиль современного молодого человека в средствах информации – телевидение, кинематограф, Интернет, направлены на развитие и закрепление тех инстинктов, которые способны полностью управлять человеком в определенной ситуации, подавляя его сознание к развитию.

Эти же проблемы обсуждались участниками и гостями ежегодных Международных Рождественских чтений 24 января 2018 г., с темой «Нравственные ценности и будущее человечества». Актуальность обсуждаемой темы связана с воспитанием подрастающего поколения и направлена на формирование в сознании духовно-нравственных идеалов, традиций патриотизма и гражданственности, которые задают жизненные ориентиры, обеспечивая движение вперед, по пути прогресса.

В то же время очень мало внимания уделяется вопросам построения целостной системы нравственных ценностей, влияющих на личное и общественное сознание. А такие специфические направления, как трансформация сознания личности при нахождении в длительных экстремальных условиях и трудной жизненной ситуации не рассматриваются в широком спектре гуманитарных наук в разрезе социально-философского анализа.

В этом контексте следует сделать акцент на научных трудах исследователей в области гуманитарных наук САФУ: Авдониной Н.С., Деменева А.Г., Дрегалю А.А., Жгилёвой Л.А., Кудряшовой Е.В., Нестеренко М.Ю., Федуловой А.Б. и др. В опубликованных работах указанных авторов показана реальная возможность совершенствовать нравственные ценности с трансформацией из личного в общественное сознание и обратно с использованием инструментов познания сложных гуманитарных систем.

Современные авторы единогласны в мнении, что трансформационный кризис индивидуального и общественного сознания сопровождается изменением этических и социокультурных ценностей, когда транслируемые предыдущими поколениями традиционные моральные ценности перестают влиять на объективную реальность и отображать примеры исторического опыта.

Первостепенными компонентами в духовно-нравственной безопасности принято считать морально-этническую регуляцию наравне с национальным сознанием. В свою очередь морально-этническая культура, на сегодняшний день считается необратимо разрушенной, дезорганизованной [4].

Изучая опыт, можно сказать, что в конечном итоге практически не существует общепринятой точки зрения по поводу добра и зла, также как о нравственности и безнравственности, духовном и бездуховном, культурном и бескультурном. В особенности это относится к молодым людям.

Духовно-нравственные начала и общественные ценности лежат в основе того божественного в людях, отличающего нас от любого божественного существа на земле. Именно поэтому это и имеет важное значение для поддержания человеческих качеств в людях и адекватного развития государства.

Чаще всего ценности классифицируют на терминальные и инструментальные. Терминальные ценности считаются фундаментальными и отображают взгляды о том, чего на самом деле хочет человек абстрактно и эмоционально. Инструментальные ценности складываются при помощи избирательности для достижения определенных целей человека, то есть это конкретные нормы и качества молодежи, с помощью которых достигаются цели. В свою очередь терминальные отличаются большей устойчивостью, нежели инструментальные. Их реформа представляется как процесс пролонгированным во временном отрезке.

Таким образом, сохранение общенациональных и общечеловеческих ценностей, стимулирование культурно-нравственного развития личности имеет важное значение как в жизни отдельного индивида, так и общества в целом.

Духовность как высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности есть неотъемлемое качество человеческой сущности. Это результат глубинного освоения знаний о самом себе, обществе, природе, проявление «человеческого» в человеке, когда основными ориентирами его жизнедеятельности становятся высшие непреходящие ценности, формируемые на основе тех реальностей и поступков, руководствуясь которыми человек способен оценивать, одобрять те или иные яв-

ления, воспринимать их как благие, добрые, справедливые. Вкупе с материальными ценностями они являются результатом человеческой деятельности, образуют целый пласт в культурном наследии и, будучи усваиваемыми индивидом в процессе социализации, в живом поле культуры, наполняют человека реальным внутренним духовным содержанием, определяют особенности мировоззрения. В данном контексте мы говорим о культурно-нравственном развитии личности.

В связи с тенденцией к девальвации традиционных моральных норм и нравственных установок укрепление ценностно-смысловой сферы личности, ее духовно-нравственное развитие, становление духовно-нравственной культуры, осуществляемое в процессе социализации, является объектом пристального внимания общества и деятельности государственных органов. Утверждается, что в процессе духовно-нравственной консолидации общества образование имеет наиболее значимую роль.

Россия является страной, создавшей величайшую культуру. Исследуя историю, можно сделать вывод, что именно российская культура создала тот существующий на сегодняшний день духовный опыт нации, именно благодаря ей существует единство нашего многонационального народа [3].

Первостепенная цель данной политики заключается в том, чтобы предоставить трудоспособному населению ресурсы для формирования своего собственного семейного благосостояния. Для нетрудоспособного населения основная цель это социальная защита. Сама идея социальной защита заключается именно в удовлетворении потребностей незащищенных граждан.

Отдельное внимание необходимо уделить молодежи сельской местности, ведь они более остро ощущают на себе жизненные трудности.

Также следует отметить политические факторы в сфере государственной культурной политики, которые оказывают влияние на воспитание нравственных ценностей.

В первую очередь, сама культурная политика является целостным политическим фактором, поскольку в рамках данной политики проводится обширная работа, направленная на сохранение и преумножение российских ценностей, традиций и обычаев, а также распространение русской культуры за пределы государства.

Во-вторых, следует отметить, организацию молодежных движений и органов, реализующих отдельные направления государственной культурной политики. Например, молодежные организации, занимающиеся патриотическим и нравственным воспитанием; спортивные объединения, готовящие молодых спортсменов, воспитывающих любовь к здоровому образу жизни и спорту; культурные организации, развивающие молодые таланты; просветительские учреждения, воспитывающие нравственность, уважение к старшему поколению, знание своих корней, традиций и обычаев и т.д.

В-третьих, следует отметить обширную законодательную базу, регулирующую сферу культурной жизни общества, направленную на обеспечение защиты прав и интересов граждан в социально-культурной сфере.

В совокупности, можно отметить, что политические факторы оказывают непосредственное влияние на формирование нравственности у современной молодежи, поскольку в большинстве своем современная культурная политика направлена на молодежь.

Также следует отметить и социальные факторы культурной политики, заключающиеся в продвижении традиционных ценностей, культуры и традиции в массы.

Сохранение исторического и культурного наследия, а также создание условий для воспитания граждан подразумевает развитие социальных и культурных учреждений в стенах, которых молодое поколение сможет найти себя и проявить свои таланты и умения, направить их на блага Родины. Также в рамках данной задачи подлежат развитию сети музеев, филармоний, театров и иных культурно-досуговых учреждений.

За счет передачи от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения будет достигнуто формирование гордости за свою Родину, осознание ценности и значимости русской культуры и необходимости ее сохранения и преумножения.

Обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам за счет активной информационной пропаганды и задействования СМИ позволит молодежи получать актуальные сведения обо всех культурных мероприятиях, проводимых в рамках реализации государственной культурной политики.

Таким образом, каждая из задач направлена на формирование нравственности у молодых людей.

Что касается социальных факторов, то они также оказывают влияние на российскую молодежь и на наше дальнейшее будущее. Смыслом социальной политики становится государственный контроль социальных отношений по поводу справедливого перераспределения финансовой стороны, обеспечение социальной и политической стабильности, залог достойного материального обеспечения граждан, развитие образа жизни населения.

В настоящее время молодежь из объекта воздействия государственной молодежной политики все более активно трансформируется в субъект политики. Массовые выступления молодежи приобретают все более отчетливый политический контекст. Молодые люди заявляют о своих политических взглядах, о своей идеологии. Убеждения молодых людей могут быть различными, однако сам факт их наличия и открытой декларации говорит о том, что государство должно с ними считаться. Следовательно, действенная молодежная политика государства должна руководствоваться принципом партнерства, как с молодежью, так и с обществом. Необходимо преодоление патерналистских ориентаций, исключающих активность со стороны молодого поколения и нивелирующих субъектность молодежи.

Молодежь реализует себя в сфере образования, профессиональной деятельности, общества, спорта, культуры. Образование и культура являются основой современного общества. Его высокий уровень – залог успешного жизненного развития. Образованные люди повышают уровень цивилизации и международный престиж страны.

Культурное развитие обеспечивает необходимые предпосылки для политического, социального, экономического и духовного воспитания граждан. Поэтому право на образование и доступ к культуре в современном мире рассматриваются как важнейшие права человека. Эти права не менее важны, чем политические или экономические права [14].

Молодежь – это золотой резерв нации, который при определенных условиях может принципиально изменить облик будущего общества и государства.

Цели государственной политики Российской Федерации в отношении молодежи – создание условий для самореализации молодых людей и успешная интеграция молодежи в общество [16].

Оценка эффективности механизма реализации государственной молодежной политики может проводиться

путем анализа результативности проводимых мероприятий. Также оценить эффективность возможно при помощи критериев, описывающих результаты решения задач:

1. Духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи.

Уровень участия молодежи в гражданско-патриотических мероприятиях, оценка патриотического сознания при помощи социологических опросов.

2. Просветительская работа с молодежью, инновационные образовательные и воспитательные технологии. Исследование образовательной среды, уровня качества подготовки молодых специалистов.

3. Здоровый образ жизни, физическое развитие, экологическая культура молодых людей. Статистические данные о состоянии здоровья молодых людей, о количестве хронических больных в молодежной среде, о молодых людях, страдающих различными аддукциями.

4. Социально-экономическое развитие, технологии «социальных лифтов». Доля молодежи в законодательных и исполнительных органах государственной власти, уровень заработной платы молодых специалистов.

5. Благоприятные условия для молодых семей, меры по росту рождаемости. Доля молодых людей, состоящих в браке, доля молодых семей с детьми, уровень обеспеченности молодых семей отдельным жильем.

6. Информационное поле, благоприятное для развития молодежи, коммуникация между государством, общественными организациями и молодежью. Уровень информированности молодежи о государственной молодежной политике, о своих правах и обязанностях.

Литература

1. Karwat, M. and Milanowski, W. (1981a) *Młodych. Ruch młodych. Polityka*. T. 1: *Młodych jako przedmiot i podmiot polityki* [Youth. Youth movement. Politics. Vol. 1: Youth as subject and object of politics]. Warszawa, CSA Publ. 330 p. (In Polish).
2. Абдурахманов Т.Ш., Джабраилов Ю.Д. Тенденции социокультурной трансформации современного российского общества //По каменистым тропам науки. – 2024. – С. 16.
3. Букин В.П. Жизненные стратегии молодежи российской провинции //Власть. – 2009. – № 1. – С. 51–55.
4. Возмитель А.А. Актуальные теоретико-методологические и практические проблемы духовной безопасности //Социальная политика и социология. – 2008. – № 2. – С. 20–33
5. Волобуев А.В. Фундаментализм и вызовы постглобализма: монография / А.В. Волобуев. – Москва: Прометей, 2021. – 148 с.
6. Гончаров В.Н., Попова Н.А. Духовно-нравственные ценности в системе общественных отношений // Фундаментальные исследования. – 2015. – Т. 2. – № 7. – С. 1566–1569
7. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социологии Российской академии наук, 2010. – С. 1–592
8. Давлетшина Д.М. Актуальные проблемы развития духовно-нравственных ценностей современной молодежи в поликультурном городе. – [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-razvitiya-duhovnonravstvennyh-tsennostey-sovremennoy-molodezhi-v-polikulturnom-gorode> (дата обращения 15.07.202)
9. Данные Росстата. Численность населения по одному-летним возрастам. – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения 16.07.2025)

10. Дьяченко А.Н. Социально-философский анализ особенностей молодёжных групп //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № . 7–1 (94). – С. 83–86.
11. Зубок Ю.А. и др. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе //Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – № . 1 (49). – С. 41–57.
12. Иванов А.Г., Полякова И.П. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2018. – № . 1. – С. 5–15.
13. Ильинский И.М. и др. Государственная молодежная политика: уроки недавнего прошлого //Вузовский вестник. – 2009. – Т. 3. – С. 60–69.
14. Коряковцева О.А. Политическая социализация молодежи в образовательной системе России //Среднерусский вестник общественных наук. – 2008. – № . 4. – С. 64–67
15. Митев П. Социология лицом к лицу с проблемами молодежи //София: НННМ при ЦК ДЮЖ. – 1983.
16. Проект федерального закона № 1103505–6 «О государственной молодежной политике в Российской Федерации» (внесен 20.06.2016 депутатами ГД М.М. Бариевым, Д.А. Свищевым, С.А. Поддубным, Р.А. Баталовой Н.С. Валуевым, В.Б. Шестаковым) (не действует). – [электронный текст] – URL: <https://base.garant.ru/57261662/5633a92d35b966c2ba-2f1e859e7bdd69/> (дата обращения 05.07. 2025)
17. Сапожников В.Ю. Православная церковь и нравственные ценности в современном мире. – [электронный текст] – URL: <https://moluch.ru/archive/185/47442/> (дата обращения: 03.06.2022)
18. Фундаментальные основания государственной культурной политики России. Историко-философский аспект // А.Л. Казин, Г.В. Скотникова, О.В. Губарева, М.А. Дмитриева, Т.В. Беспалова, Ю.А. Закунов // ИД «ПЕТРОПОЛИС», Санкт-Петербург. 2017.
19. Хрисанова А.В. Патриотизм как нравственная ценность. – [электронный текст] – URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/22\(23\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/22(23).pdf) (дата обращения: 03.07.2025)
20. Черноусова Т.С. Аполитичность молодежи в современном российском обществе //Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений. – 2022. – С. 134–137.

SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF RUSSIAN YOUTH: POLITICAL AND SOCIAL FACTORS OF FORMATION

Sanin D.V., Belova I.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article presents an attempt at a systematic review of the state cultural policy in the aspect of the formation of spiritual and moral values of youth, highlighted some problems and suggested ways to solve them. It is concluded that there are two main types in the definition of a person's spiritual and moral culture: theocentric (religious) and anthropocentric (secular). Due to the tendency towards the devaluation of traditional moral norms and moral attitudes, the strengthening of the value-semantic sphere of the individual, his spiritual and moral development, the formation of spiritual and moral culture, carried out in the process of socialization, is the object of close attention of society and the activities of government agencies. It is argued that education plays the most

significant role in the process of spiritual and moral consolidation of society.

Keywords: Youth policy, spiritual values, patriotism, cultural policy

References

1. Karwat, M. and Milanowski, W. (1981a) *MI/odziez. Ruch ml/odziezowy. Polityka. T. 1: MI/odziez jako przedmiot i podmiot polityki* [Youth. Youth movement. Politics. Vol. 1: Youth as subject and object of politics]. Warsaw, CSA Publ. 330 p. (In Polish).
2. Abdurakhmanov T.Sh., Dzhabrailov Yu.D. Trends in the socio-cultural transformation of modern Russian society // Along the rocky paths of science. – 2024. – P. 16.
3. Bukin V.P. Life strategies of young people in the Russian provinces // Power. – 2009. – No. 1. – P. 51–55.
4. Vozmitel A.A. Actual theoretical, methodological and practical problems of spiritual security // Social policy and sociology. – 2008. – No. 2. – P. 20–33
5. Volobuev AV Fundamentalism and the challenges of post-globalism: monograph / AV Volobuev. – Moscow: Prometheus, 2021. – 148 p.
6. Goncharov VN, Popova NA Spiritual and moral values in the system of social relations // Fundamental research. – 2015. – V. 2. – No. 7. – P. 1566–1569
7. Gorshkov MK, Sheregi FE Youth of Russia: a sociological portrait. – Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2010. – P. 1–592
8. Davletshina D.M. Actual problems of development of spiritual and moral values of modern youth in a multicultural city. – [Electronic resource]: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-razvitiya-duhovnonravstvennyh-tsennostey-sovremennoy-molodezhi-v-polikulturnom-gorode> (date of access 15.07.202)
9. Rosstat data. Population by one-year ages. – [Electronic resource] – URL: <https://www.gks.ru/> (date of access 16.07.2025)
10. Dyachenko A.N. Social and philosophical analysis of the characteristics of youth groups // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. – 2024. – No. 7–1 (94). – P. 83–86.
11. Zubok Yu.A. et al. Changing social reality in the crisis Russian society // Economic and social changes: facts, trends, forecast. – 2017. – No. 1 (49). – P. 41–57.
12. Ivanov A.G., Polyakova I.P. Social mythology in the space of everyday life and mass media // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. – 2018. – No. 1. – P. 5–15.
13. Ilyinsky I.M. et al. State youth policy: lessons of the recent past // University Bulletin. – 2009. – Vol. 3. – P. 60–69.
14. Koryakovtseva O.A. Political socialization of youth in the educational system of Russia // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2008. – No. 4. – P. 64–67
15. Mitev P. Sociology face to face with the problems of youth // Sofia: HHHM nri TsK DYUZh. – 1983.
16. Draft federal law No. 1103505–6 “On state youth policy in the Russian Federation” (submitted on 20.06.2016 by State Duma deputies M.M. Bariyev, D.A. Svishchev, S.A. Poddubny, R.A. Batalova, N.S. Valuev, V.B. Shestakov) (not in effect). – [electronic text] – URL: <https://base.garant.ru/57261662/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/> (date of access 07/05/2025)
17. Sapozhnikov V. Yu. The Orthodox Church and Moral Values in the Modern World. – [electronic text] – URL: <https://moluch.ru/archive/185/47442/> (date of access: 06/03/2022)
18. Fundamental Foundations of the State Cultural Policy of Russia. Historical and Philosophical Aspect // A.L. Kazin, G.V. Skotnikova, O.V. Gubareva, M.A. Dmitrieva, T.V. Bespalova, Yu.A. Zakunov // PETROPOLIS Publishing House, St. Petersburg. 2017.
19. Khisanova A.V. Patriotism as a moral value. – [electronic text] – URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/22\(23\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/22(23).pdf) (date of access: 03.07.2025)
20. Chernousova T.S. Apoliticality of youth in modern Russian society // Crime in the CIS: problems of preventing and solving crimes. – 2022. – P. 134–137.

Репрезентация кодов русской культуры в конкурсном проекте иностранных студентов «Станция Россия»

Тенеряднова Светлана Павловна,

кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: steneriadnova@mgsu.ru

В статье описана работа по созданию конкурсного проекта по русскому языку как иностранному. Предлагаются общие трактовки понятия «культурный код» и рассматриваются основные коды русской культуры, которые нашли отражение в сценарии творческой постановки. Также подробно представлено содержание литературного и музыкального материала, анализируются методические приемы его использования.

В статье детализируется работа по использованию кодов русской культуры на примере природного ландшафта, который считается подсказкой для лучшего понимания менталитета, внешности и внутренней характеристики людей определенной национальности. Обращается должное внимание на абстрактные концепты, наиболее трудные для восприятия иностранными студентами (душа, воля, свобода).

Проделанная работа требовала привлечения не только предметной области русского языка как иностранного. В творческом проекте нашли свое воплощение культурологические аспекты, которые позволили глубоко подойти к теме и представить ее на должном профессиональном уровне.

Ключевые слова: репрезентация, код культуры, ландшафтный код культуры, конкурсный проект.

В феврале 2024 года группа иностранных студентов из четырех человек (Сирия, Тунис, Ангола, Гвинея) приняла участие в творческом конкурсе, посвященном памяти В.С. Ланового «Пробуждая сердца» (г. Москва), завоевав 2 место (<https://serdca.pravnuki-pobediteley.ru/raboty-pobeditelej/2024>).

Номером послужил видеофильм «Станция Россия», в основу которого легли путевые заметки, содержащие культурные контексты. Так, начало разговору в воображаемом вагоне поезда положило угощение попутчиков студентом из Туниса шоколадом «Аленка» и его небольшом рассказе о дедушке, который когда-то учился в Москве, был влюблен в девушку Алена и читал ей удивительное стихотворение А.С. Пушкина «Я вас любил». Нетрудно заметить, что даже в этой небольшой сцене студенты-актеры раскрывают зрителю ряд образов – культурных кодов России: имя величайшего русского поэта, любовь к женщине, женское русское имя. Выбранное поэтическое произведение несет отголосок золотого века литературы, в нем находит свое отражение и характер эпохи, и эстетические воззрения автора. Стихотворение отражает универсальную общечеловеческую тему любви, и, следовательно, вполне может быть постижимо иностранными студентами.

К сожалению, исследователи современного дискурса не располагают на данный момент точными формулировками понятия «культурный код». Существует ряд аспектов, освещающих данный научный феномен: известное рассмотрение культурного кода с точки зрения архетипов, бессознательного (К. Рапай), с позиций коллективного сознания (М. Эпштейн), с ракурса способов отражения культурного смысла (В. Маслова, М. Пименова), с интерпретацией взаимодействия культурного кода и символов (Д. Гудков, М. Ковшова). По мнению Л.Г. Дуктовой, художественные произведения помогают «выявить культурные коды наций, государств» [1, с. 363].

В основе сценария были использованы не только литературные источники (стихотворения А.С. Пушкина «Я вас любил», «Осень», Н.М. Рубцова «Березы», Э.А. Асадова «Мне уже не шестнадцать, мама!», но и музыкальные произведения («Гляжу в озера синие» (Л. Афанасьев и Е. Тростянский), «Secret Garden», «Выйду ночью в поле с конем» (И. Матвиенко, А. Шаганов), а также видеофрагмент «Карелия: Рускеальский Экспресс» (аэросъемка 2021 года И. Лавренюка). Подобная интеграция позволила в значительной степени увеличить эмоциональный потенциал конкурсного произведения. Безусловно, большое значение при этом демонстрировали приемы драматизации, являющиеся элементами театральной педагогики и играющие в преподавании РКИ «вспомогательную, но украшающую обучение и в этом значимую роль» [2, с. 68]. На наш взгляд, игровое моделирование способствовало созданию такой ситуации подражательного общения, при котором обнаружились условия, «максимально приближенные к условиям реального общения» [3, с. 290].

Так, чтобы продолжить непринужденную беседу «пассажиров» поезда, был введен эпизод с телефоном. Согласно сценарию студенту из Сирии звонит мать, он, извиняясь, говорит, что должен ответить. Далее декла-

мирует стихотворение Э. Асадова «Мне уже не шестнадцать, мама!». В данном эпизоде воплощаются такие культурные концепты, как «мать» и «любовь». Вместе с тем мы можем наблюдать, что отец демонстрировал формулу русского речевого этикета («Извините, я должен ответить») и посредством поэтического текста проявлял инициативность высказывания на иностранном языке. В данной ситуации мы полностью согласны с утверждением о том, что «отражение действительности в выбираемых для постановок произведениях, их адаптация под современные реалии, погружение в атмосферу изучаемого дает возможность иностранным слушателям сформировать вторичную языковую личность и легче адаптироваться в российском социуме» [4, с. 100].

Отметим, что иностранные студенты учились выразительно читать стихотворения, запоминали интонационный рисунок произведений, наблюдали за мимикой и пластикой носителя языка на репетиции. Подобные когнитивные техники в обучении помогают запоминать выражение эмоций и в дальнейшем их воспроизводить. Это объясняется «феноменом зеркальных нейронов (активируются не только при выполнении действия, но и на этапе его наблюдения [5, с. 29]. Студент вслед за преподавателем читает поэтический текст, запоминает нужную интонацию. Он учится сопереживать лирическому герою и выражает эмоции и чувства, т.е. чувственно воспринимает текст, декодируя его.

Представленная в творческой постановке эстетическая коммуникация студентов позволила максимально учесть интересы и способности обучаемых, а преподаватель одновременно выполнял роль и сценариста, и наставника, и специалиста РКИ. Подобная деятельность преподавателя РКИ позволяет «развить языковую, коммуникативную, творческую, культурную компетенции, эмоциональный интеллект учащихся, обеспечить «единство ума, воли и чувства», повысить мотивацию и интерес к изучению иностранного языка» [2, с. 71].

Как известно, эффективным средством воспитания и формирования языковой личности является расширение культурных знаний о стране изучаемого языка. В этой связи ландшафтный код русской культуры можно считать базовым. «Список кодов может не совпадать у разных исследователей, однако в любой классификации к числу особо значимых, базовых, кодов культуры относят ее природно-ландшафтный код, так как природа, и в частности ландшафт, занимают одно из наиболее важных мест в картине мира и языковой картине мира каждой языковой общности по ряду причин» [6, с. 105]. Не секрет, что география влияет на людей, на их внешность, характер, психологические особенности, а также на культуру, быт и традиции. Загадочность русской души невозможно постичь вне природы, не обращаясь к ландшафтному коду культуры. Подсказкой для студентов выступают имеющиеся знания из области географии и биологии. Несомненно, новые, полученные в ходе творческого опыта знания расширяют познавательную, образную сферу иностранных студентов, усиливают их эмпатию.

В сценарий конкурсного проекта был также введен ландшафтный код культуры в виде символа – березы. В устах одного из студентов прозвучала фраза: «Я первый раз увидел в России такое интересное дерево. Я долго не мог запомнить это название, но теперь знаю. Это береза. Я даже выучил текст». Далее следовала декламация стихотворения Н.М. Рубцова «Березы». Легкая грусть и задумчивость стихотворных строк были подчеркнуты музыкальным произведением «Гляжу в озера синие» (Л. Афанасьев и Е. Тросянский).

Видеоряд на протяжении всей постановки включал движущийся за окном вагона русский пейзаж. Несомненно, такая интеграция различных видов искусств способствует более активному развитию эмоционального интеллекта: студент учится понимать эмоциональную составляющую текста, интерпретировать ее в собственной речи через вербальные и невербальные средства.

Среди концептов, вызывающих определенные затруднения у иностранных студентов, обычно отмечают абстрактные слова: свобода, воля, красота, душа. По мысли П.Н. Коюпченко, «наиболее изученным и ярким примером является пара слов «свобода – воля», находящихся в отношении близкородственности» [6, с. 106]. Воля в русской картине мира – это прежде всего степь, раздолье и полное единение с природой, гармония. Этот концепт наглядно демонстрирует песня «Выйду ночью в поле с конем» (И. Матвиенко, А. Шаганов), по праву считающаяся уже русской народной песней. Музыкальное произведение было включено в сценарий со словами одного из студентов: «А я люблю русские песни. В них русская душа и любовь к родной земле. А давайте споем песню!». Студенты выучили и исполнили куплет этой песни, без музыкального сопровождения, узнав, что ее поют только мужчины. Вначале они прослушали песню в исполнении группы «Любэ», отметив красивую мелодию и легкость ее восприятия. Более тщательно была проанализирована лексика текста песни: «звезд благодать», «заря», «рассвет», «бескрайнее поле» и т.д. В процессе анализа теста перед студентами были поставлены вопросы: «Почему главный герой выходит в поле с конем?», «Почему герой выходит в поле ночью?», «Что хочет увидеть герой?», «О чем для вас эта песня?», «В вашей стране есть песни, которые исполняют только мужчины? О чем они?». Таким образом, при работе с текстом песни были рассмотрены коды русской культуры: «конь», «поле», «воля», «любовь к родной земле».

В процессе подготовки творческой постановки и в момент ее исполнения студенты убедились в том, что знать правила русского языка необходимо, но не менее важно знать культуру России. «Чтобы общаться на русском языке, недостаточно знать русские слова и грамматику, необходимо быть знакомым с русской культурой, историей, которые сформировали менталитет русской нации» [7, с. 25].

Таким образом, описанная работа по созданию и реализации конкурсного проекта была направлена на целостное представление о культуре России, ее самобытности и многогранности, вызванные ее исторической судьбой и особенностями географического положения.

Литература

1. Дуктова Л.Г. Репрезентация культурных смыслов при использовании национальных культурных кодов в художественной литературе // *Litera*. – 2023. – № 12. – С. 361–371. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.43969 EDN: LJIXKQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43969
2. Лешутина И.А., Сраева К.Е. Приемы драматизации в контексте театральной технологии при обучении РКИ// *Русский язык за рубежом*. – 2024. – № 4. – С. 67–72
3. Петрикова А., Куприна Т., Галло Я. Основы межкультурной дидактики. М., 2015
4. Акифи О.И., Легочкина Е.Н., Кузькина А.И. Вся жизнь – театр! Рецепция русской литературы в сознании иностранных граждан через занятия в театральной студии (в программе подготовительного

факультета)// Мир русского слова. – 2023. – № 4. – С. 95–101

5. Ковальчук А.В. Методический потенциал поэтических текстов на занятиях по русской литературе// Русский язык за рубежом. – 2024. – № 3. – С. 27–31
6. Коюпченко П.Н. Ландшафтный код русской культуры в учебном словаре, предназначенном для иностранных студентов-филологов// Мир русского слова. – 2023. – № 3. – С. 102–111
7. Акишина А.А., Дронов В.В., Тряпельников А.В., Яхненко В.В. Киберинформационное пространство и новые технологии (педагогические и информационные) в современных учебных пособиях по РКИ// Русский язык за рубежом. – 2017. № 4. – С. 19–27

REPRESENTATION OF RUSSIAN CULTURAL CODES IN THE COMPETITION PROJECT OF FOREIGN STUDENTS «STATION RUSSIA»

Teneryadnova S.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article describes the work on creating a competition project on Russian as a foreign language. General interpretations of the concept of “cultural code” are offered and the main codes of Russian culture, which are reflected in the script of the creative production, are considered. The content of literary and musical material is also presented in detail, and methodological techniques for its use are analyzed.

The article details the work on the use of Russian cultural codes using the example of the natural landscape, which is considered a hint for a better understanding of the mentality, appearance and internal characteristics of people of a certain nationality. Due attention is paid to abstract concepts that are most difficult for foreign students to perceive (soul, will, freedom).

The work done required the involvement of not only the subject area of Russian as a foreign language. The creative project incorporated cultural aspects, which allowed for a deep approach to the topic and presentation of it at the proper professional level.

Keywords: representation, cultural code, landscape cultural code, competition project.

References

1. Duktova L.G. – Representation of cultural meanings when using national cultural codes in fiction // Litera. – 2023. – No. 12. – P. 361–371. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.43969 EDN: LJIXKQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43969
2. Leshutina I.A., Sraeva K.E. Dramatization techniques in the context of theatrical technology in teaching Russian as a foreign language// Russian language abroad. – 2024. – No. 4. – P. 67–72
3. Petrikova A., Kuprina T., Gallo Ya. Fundamentals of intercultural didactics. Moscow, 2015
4. Akifi O.I., Legochkina E.N., Kuzkina A.I. All life is a theater! Reception of Russian literature in the minds of foreign citizens through classes in a theater studio (in the program of the preparatory faculty) // The World of the Russian Word. – 2023. – No. 4. – P. 95–101
5. Kovalchuk A.V. Methodological potential of poetic texts in Russian literature classes//Russian language abroad. – 2024. – No. 3. – P. 27–31
6. Koyupchenko P.N. Landscape code of Russian culture in the educational dictionary intended for foreign students-philologists// The World of the Russian Word. – 2023. – No. 3. – P. 102–111
7. Akishina A.A., Dronov V.V., Tryapelnikov A.V., Yakhnenko V.V. Cyberinformation space and new technologies (pedagogical and information) in modern teaching aids on Russian as a foreign language// Russian language abroad. – 2017. No. 4. – P. 19–27

Фаттахов Рифат Ахметович,

кандидат философских наук, доцент, кафедра социально-культурной деятельности и педагогики, Казанский государственный институт культуры
E-mail: riffat-66@mail.ru

В статье рассматриваются взаимосвязи культуры художника и культуры общества и вопросы взаимовлияния искусства и социальной действительности. При этом, рассматривая культуру как многологичную целостность, анализируются ее наиболее значимые и неотъемлемые от сущности черты – квазиэтатизм, реализм, народность, духовность, нравственность. Показана их эволюция в творчестве этносов и наций России, ее великих деятелей Пушкина, Гоголя, Толстого, даны культурологические и философские обоснования Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Ленина.

Советская социалистическая культура предстала в молодой России ответственной за воплощение новой идеологии в широком общественном сознании. Эта культура при всех радикальных переменах, обладала преемственностью и опиралась на глубинные истоки российских этносов и наций. При всей противоречивости благодаря народности и глубоко национальным истокам советская культура придает энергию и эффективность современной российской культуре.

Народный характер российской культуры актуален в столкновении с западноевропейскими ценностями, он помогает ей преодолевать и кризисы, и временные падения, сохранить свою целостность, многокультурную мощь в евразийской цивилизации. Широкий диапазон обновленной и обогащенной ценностными содержаниями народности в статье продемонстрирован биографическими фрагментами великого татарского певца Рашита Вагапова.

Ключевые слова: Россия, евразийская культура, советская культура, реализм, народность, нравственность, русские мыслители.

В истории отечественной общественно-культурологической мысли вопросы взаимосвязи культуры художника и культуры общества, о взаимовлиянии искусства и социальной действительности находят сложное, довольно-таки противоречивое решение. Это, прежде всего, необходимо объяснить сложностью, противоречивостью самого российского общества на самых различных этапах его исторического развития, начиная с эпохи Древней Руси и включая сегодняшние социально-демократические преобразования. Скорее дело в том, что тысячелетие развития общества не может быть описано простым эволюционизмом, подчиняющим его эволюцию универсальным законам. Динамика культурных изменений отнюдь не линейна и не подчиняется какому-то общим последовательным состояниям.

Мы исходим из евразийской идентичности российской культуры, полагая, вслед за академиком А.В. Смирновым, ее «большой многологичной культурой» [18, с. 36]. При этом, по мнению академика данная культура целостна – то есть в ней нет изъяна, по существу, она соответствует требованию известной в науке культурологической концепции Б. Малиновского – функционализму, в соответствии с которым все составные части и элементы культуры решают определенную задачу. Более того, эта вековой давности концепция настаивает на невозможности изъята какого-либо структурного элемента культуры – иначе в культуре нарушится равновесие, необходимое для ее целостного функционирования.

Возможно, эта целостность и в какой-то степени многологичная полнота объективно обусловлены огромной ролью государства в функционировании российской цивилизации, стержневой ролью государства в сохранении различных частей и элементов многоэтнической и поликонфессиональной культуры России. «Для культуры русского человека характерна фетишизация власти, порождающая квазиэтатизм... Квазиэтатизм основывался на том, что государственная власть мыслилась как главный стержень всей общественной жизни» [10, с. 86].

Еще одна особенность квазиэтатизма, придающая отечественной культуре единство и целостность – вплоть до XVII века в России служение государю рассматривалось как служение Богу. Но даже и после распространения светских ценностей служение государству и Отечеству продолжало быть основой национально-культурной идентификации. Не ослабевала и роль религии, которая оставалась первоосновой российской культуры [8]. «... Для художника искусство было способом познания высшей реальности, а эстетические переживания трансформировались в религиозные. Творческая деятельность по своей природе глубоко теургична, поскольку открывает путь к божественной реальности» [15, с. 31].

Предки праславян понимали культуру как служение ценностям Добра, Красоты, Веры, воплощенных в культе поклонения Человека Природе, воспринимаемых как единое целое. Здесь обнаруживаются истоки вплетенности в реальный быт и бытие русского народа духовности, морали, искусства, мировоззренческой культуры. Исследователи этнологии единодушны – важной культурологической закономерностью русского искусства была его теснейшая взаимосвязь с обществом, теснейшее взаимовлияние с социальной действительностью [16, с. 147]. Линию тесной связи общественной и куль-

турной жизни, зависимости деятельности творца искусства продолжили представители русской революционно-демократической идеологии России. Акцент был смещен именно на зависимости культуры социума и творчества художника от объективных исторических обстоятельств, от характера экономических и ментальных характеристик народа, его образа жизни и т.п. При этом не отрицалась, а обосновывалась и обратная зависимость, своеобразное влияние культуротворчества на общественную жизнь. В творчестве Герцена, Чернышевского, Добролюбова и других мыслителей были подвергнуты к критике идеи чистой эстетики, чистого искусства, идущих из европейской культурологической мысли. Неприемлемым был для них и тезис о превосходстве культуры европейских народов, которые позже, уже в XX веке легли в основу концепции так называемых общечеловеческих ценностей, когда западноевропейские ценности были объявлены универсальными эталонами для остального человечества. Русские мыслители, на наш взгляд, были родоначальниками своеобразного культурного релятивизма, развившегося впоследствии в принципы относительности всех культурных ценностей. Акцент мыслителей переносится также на общественно-преобразующую роль искусства и культуры. Прогрессивные общественные идеи могли получить развитие и распространение лишь через литературу, искусство, художественную критику и эстетику, поэтому эстетика, художественная критика заняли одно из главных мест в революционно-демократической идеологии [13, с. 197].

Рассматривая отношения между искусством и общественной жизнью, А. Герцен подчеркивал тот факт, что содержанием искусства является именно сама общественная жизнь. Поэтому вместе с изменением общественных обстоятельств претерпевают изменение искусство и литература как по своему содержанию, так и по форме. Следовательно, сам художественный процесс мыслится Герценом как закономерный, поскольку каждые формы искусства и литературы рассматриваются в связи с развитием той «почвы», на которой они возникают. Искусство, как отмечал Герцен, не только исторически обусловлено общественной жизнью, но также является могущественным фактором общественного развития. Это положение особенно актуально было в то время для российской действительности. «У народа, лишенного общественной свободы, — писал Герцен, — литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести» [5, с. 93]. Когда Герцен говорит о влиянии общественной жизни на искусство, он имеет в виду также и то, что искусство в свою очередь оказывает мощное воздействие на действительность. Тем самым подчеркивалась важность в политическом и социально-нравственном отношении культуры художника в культуре общества в целом.

Герцен резко критиковал теорию «чистого искусства». В своих обзорах европейского театра, европейской живописи он подверг критике те явления художественной культуры, которые отвечали интересам, по его мнению, реакционной буржуазии, мещанства. Герцен делает ряд общих выводов: буржуазное общество, либо общество, основанное на насилии, враждебно искусству; спасение высших эстетических ценностей — в коренном переустройстве общественных отношений. Разве не актуально звучат эти слова? Не только для сегодняшней российской действительности, но подавляющей части человечества: «...глобальный социокультурный процесс, стремящийся к экспортированию и насаждению западных ценностей, оказывается неспособным осуществить коренное фундаментальное переформатирование рос-

сийской цивилизации и обрамляющих и фундирующих ее коллективистско-государственных ценностей и эстетических ожиданий» [1, с. 44].

Да, преобразование общества и коренное его переустройство — одна из целей культуры общества. Но здесь нет ответа на вопрос: каким должно быть такое искусство и такая культура? Содержание культуры общества и задачи культуры художника имеют глубинный смысл, они раскрываются в достаточно интенсивной и продолжительной полемике тех же революционно-демократически настроенных русских литераторов и философов. В этой связи в центре полемики оказались два значимых направления в русской литературе и культуре. Традиции, идущие от А.С. Пушкина были ценны своими реалистическими тенденциями, ставшими центральными в осмыслении эстетического отношения искусства к действительности в одноименном произведении Н. Чернышевского. Поиск и нахождение идеала прекрасного, совершенства в реальной жизни — вот предназначение искусства. Только такое искусство, литература и культура способны преобразовать общество.

Н. Добролюбов углубил содержание культуры общества и задачи культуры, раскрыл их глубинный смысл постановкой вопроса в своем труде «О степени участия народности в развитии русской литературы». Он согласен с Н. Чернышевским в том, что «человек, — обыкновенный, здравомыслящий берет от жизни то, что она дает ему, и отдает ей, что может; но педанты всегда избирают свысока и парализуют жизнь мертвыми идеалами...» [7, с. 37]. Он приветствует великое значение поворота Пушкина к реальности — его поэзия «отвлекла от всего туманного, призрачного, болезненно-мечтательного, в чем прежде поэты находили идеал красоты и всякого совершенства» [7, с. 40]. Одновременно Н. Добролюбов вводит понятие: «естественные стремления народа». Здесь его вклад наиболее весомый, идет дальше предшественников, пытается проникнуть в суть понятия народности, также исходя из реализма, избегает смешения понятия народности с этническими категориями.

А это не так-то просто — к ним зачастую пытаются свести характеристики народности. Этот своеобразный редукционизм, частый в естествознании, в осмыслении общества и культуры также неуместен. Трудно изъять из содержания народности «...три подсистемы (обыденное сознание, обыденный язык и традиционно-бытовая культура)», которые «являются основными носителями этнических свойств, так сказать, этническим слоем культуры вообще» [4, с. 137]. Но и нельзя довольствоваться этими качествами в раскрытии всего понятийного богатства народности. Добролюбов в поиске подлинной народности обращает взоры на творчество Н.В. Гоголя, в котором он усматривает социальное содержание народности, таким образом, впервые выявляет социальную основу эстетической категории народности. Содержание этого понятия он раскрывает следующим образом: «Мерю достоинства писателя или отдельного произведения, — говорит он, — мы принимаем то, насколько служат они выражением естественных стремлений известного времени и народа. Естественные стремления человечества, приведенные к самому простому знаменателю, могут быть выражены в двух словах: «чтобы всем было хорошо» [7, с. 38].

Из этого, казалось бы, простого знаменателя, видный деятель русского революционного движения выдвигает содержательные требования к художнику, субъекту культуротворчества. Выступая против чистой художественности, чистого искусства, Н. Добролюбов настаивает на выразительности, художественной «отделке», единства формы и содержания, и главное — это «обще-

ственные вопросы». Он солидарен с А. Герценом в том, что содержанием искусства является именно сама общественная жизнь. «Каждая самобытная эпоха, – писал философ Герцен, – разрабатывает свою субстанцию в художественных произведениях, органически связанных с нею, ею одушевленных, ею признанных. Пора оставить несчастное заблуждение, что искусство зависит от личного вкуса художника или случая. Религия, наука и искусство всего менее зависят от случайного и личного; одно низкое понимание и может поставить их в такую недостойную зависимость. Начать с того, что великий художник не может быть не своевременен, одной посредственности предоставлено право независимости от духа времени» [5, с. 142]. В этом содержательном фрагменте мы обнаруживаем приоритет не только закономерного над случайным, но и общего над индивидуальным. Однако, рассуждая последовательно диалектически, А. Герцен высоко ценит и роль личности – великий человек живет общей жизнью человечества, не может быть равнодушен к судьбам мира, общественным событиям.

Эта мысль позже находит понимание и у других русских мыслителей. Ставя вопрос о высокой нравственной ответственности творческой личности, великий писатель Лев Толстой имеет в виду ответственность не перед абстрактным моральным законом, не перед обществом вообще, а перед трудовым народом. Конкретизируя свою мысль, Толстой писал: «Люди науки и искусства могли бы сказать, что деятельность их полезна для народа только тогда, когда люди науки и искусства поставили бы себе целью служить народу...» [21, с. 173]. Разумеется, Толстой не стремится толковать народность искусства лишь как патриотическое, политическое служение обществу. Искусство в той степени народно, в какой оно способствует осуществлению народных стремлений, осмыслению народного быта, обычаев, нравов народа, распространение музыкального, живописного, фольклорного творчества людей.

Этот широкий диапазон содержания народности подтверждался в России сотнями и тысячами судеб и биографий деятелей искусства и культуры. Так, яркий и талантливый представитель песенного и музыкального творчества татарского народа Рашит Вагапов имел достаточный широкий репертуар – даже его любовная лирика была подлинно народной. В большинстве исполняемых им песен воспевается женщина. Судьба женщины – это одна из ключевых тем, передающихся из поколения в поколение в татарском фольклоре. В песни о любви, о юной девушке народ вкладывал самые трепетные и целомудренные чувства, в них находили образное отражение его история, обычаи и обряды. Уже одни названия песен говорят сами за себя: «Нурия», «Альфия», «Зулейха», «Райхан», в этих жемчужинах народного творчества столько любви и нежности, почитания и поклонения к прекрасному полу! «Если внимательно вслушаться, то в женских образах, рожденных в песнях Рашита, можно найти отголоски пылкой любви Зулейхи из предания о Юсуфе, гордости царевны Сююмбике, пленительной женской красоты, воспетой в древних дастанах» [2, с. 5].

И вовсе необязательно народность того же музыкального и песенного творчества выводить из древности – подлинно национальная и народная культура и искусство по своему содержанию историчны, они меняют эстетические и этические функции, имеют попеременно наполняемые этнические, национальные, религиозные и цивилизационные аспекты и т.п. Зачастую кардинально преобразуется облик жанров, как внутренних подразделений разновидностей искусства – музыки, живописи, литературы, архитектуры, танцев и т.п.

Так, в отечественной культуре, как и в мировой, кстати, несколько раз менялось понятие музыки. «В эпоху Петра I в России четко разделялись *богослужбное пение, песня и музыка*, которой называли игру на инструментах для сопровождения танцев. В деревне еще во второй половине XX века *музыкой* аналогично назывались инструментальные наигрыши, иным видом было пение. Крестьянами – носителями традиции – во многих регионах оно воспринималось как некое «представление» с движением, танцем, что называлось *играть песню*» [14, с. 372]. Так зарождался и развивался песенный жанр у многих этносов, его свободные в полете воображения и фантазии, душевного подъема и духовного взлета представители создавали высокие художественные шедевры. «Напряжение ума, полет воображения, на лету схваченные порыв – ритмы сердца характерны для пионерских поколений человеческой цивилизации», – пишет Э. Тагиров. На такое способен поистине свободный, смелый не временами, а по конструкции духа человек. «Когда-то песня, еще без стихового и звукового сопровождения, как лирический ток, прорвавшийся во внутренний мир представителей *homo sapiens*, приподнявший ее над пластами опасной неизведанности и неопределенности, стала камертоном душевного состояния, неразлучным спутником, космически заряженным духовным поводырем» [20, с. 225].

Но история культуры и антропология культуры свидетельствуют о сквозной линии и важнейшей функции искусства: главное – освободить народ от власти «дармоедов». По мнению Н. Добролюбова, лишь Гоголь дошел до подобного верного понимания сущности народности, но это инстинктивное, бессознательное озарение великого русского писателя. Чтобы быть поэтом истинно народным, подчеркивает критик, надо проникнуться народным духом, прожить его жизнь, встать вровень с ним, прочувствовать все тем чувством, каким обладает народ. Глубоко проникаясь в народную жизнь, глубокий философ Л.Н. Толстой уже в ранний период своего творчества заострил внимание на вопросы социального неравенства, классовых антагонизмов. Правда, здесь его интересовал прежде всего нравственный аспект – не случайно реальные противоречия между крестьянами и помещиками выступают у Толстого как противоречия между моральным добром и злом. Люди поймут смысл искусства, подчеркивает писатель, только тогда, когда перестанут считать целью этой деятельности красоту, то есть наслаждение. Изображение прекрасного не может исчерпать содержания искусства. Толстой ведет борьбу против эстетизма, против отрыва искусства от действительности, от реальных интересов общества, от нравственно-политических проблем времени. Искусство, эстетическое начало не может преобладать над началами нравственно-политическими [21, с. 163].

Осуждение Л.Н. Толстым эстетизма – весьма актуально. В той же музыке, в которой разнообразны временные периоды, содержательные функции, нравственные векторы, весьма сложно современному человеку ориентироваться, а тем более, управлять ее воспитательными и социальными назначениями. Ведь в «современной культуре под музыкой понимают европейскую классику, и джаз, и концертные обработки народных песен. К музыке относят фольклор (подлинные национальные песни и игру на национальных инструментах), вокальное и инструментальное сопровождение религиозных обрядов и культов. А для современного человека от рока и «попсы» в формате сценического шоу и клипа... это все музыка» [14, с. 115]. И если, как считает Толстой, цель искусства не красота, не эстетическое наслаждение, проводя для такого понимания рез-

кое отличие искусства народного от искусства правящих классов, фиксируя подлинную красоту и поэзию в жизни трудового народа, то сегодня такой толстовский критерий народности не эффективен. Во времена великого писателя было, конечно, легче разобраться в народности, отделив ее от эстетизма. «Жизнь трудового человека с его бесконечно разнообразными формами труда и связанными с ними опасностями на море, под землей, с его путешествиями, общением с хозяевами, начальниками, товарищами, с людьми других исповеданий и народностей, с его борьбой с природой, дикими животными, с его отношением к домашним животным, с его трудами в лесу, в степи, в поле, в саду, в огороде, с его отношением к жене, детям, не только как близким, любимым людям, но как к его сотрудникам, помощникам, заместителям в труде, с его отношениями ко всем экономическим вопросам, не как к предметам умствования или тщеславия, а как к вопросам жизни для себя и семьи, с его наслаждениями отдыха, со всеми этими интересами, проникнутыми религиозным отношением к этим явлениям, нам, не имеющим этих интересов и никакого религиозного понимания, нам эта жизнь кажется однообразной в сравнении с теми маленькими наслаждениями...» [21, с. 153]. Возможно, в этих словах предвидены как маленькие наслаждения меняющихся поколений молодежи – форматы «рока» и «попсы», «сценического шоу» и «клипа»... А может, в конце концов, народная потребность и в ощущении «внутренней комфортности и мира с самим собой, душевного уюта, желание обрести крылья для духовного воспарения», с этого ведь начинается «великий подарок Природы человеку».

Послушаем современного философа. «Овладевая искусством пения, пытаюсь имитировать трели птиц, звуки, издаваемые зверями, шорох деревьев, бушевание стихий человек из животного превращался в существо творящее, разумное, благодарно воспринимал пение как дар Всевышнего» [20, с. 272]. Этот дар – истоки народности, он настолько содержателен и значим, насколько противоречив до драматического и трагического переживаемое время и эпоха. Для того же Рашида Вагапова духовный подъем в его песенном творчестве отнюдь линейен, скорее синергетичен, сменяется тревожными нотками и переживаниями. «Анализ содержательной составляющей произведений свидетельствует о сложном, противоречивом характере творчества певца» [22, с. 101]. С одной стороны, он своим творчеством показывает трудную, трагическую судьбу своего народа особенно в условиях советской эпохи – в его репертуаре немало грустных песен и протяжных мелодий. С другой стороны, артист воспекает переживаемую эпоху, называя страну «самой красивой, самой свободной» (песня «Молодость»), восхваляет Сталина (песни «Народ поет», «Привет Сталину»). Безусловно, в этих сменах и переходах сказывались для творчества певца и разное значение приобретали социально-культурные детерминанты времени.

Служение народу в понимании Толстого состояло, прежде всего, в критике всех основ буржуазно-помещичьего строя, государственного аппарата, судопроизводства, церкви, эксплуататорской морали, упадочного буржуазного искусства, казенной науки, в защите интересов народа, распространении в народе просвещения и в налаживании экономической жизни народа, в ликвидации эксплуатации. Толстой пытается разрушить устойчивую для России традицию и не прерываемую ситуацию «эксплуатации патриархальной идеи отношения человека и власти как отношения детей и родителей, подразумевающей «хорошее», отеческое, справедливое правление «доброего хозяина-отца»,

ту психологию «мещанского рабства», которая веками господствовало в истории русского народа [10]. Толстой здесь точно не против эстетического наслаждения и искусства вообще, а против суррогата искусства, против псевдоискусства, против ложных, искаженных художественных переживаний господствующих классов.

Становится понятными замечания В.И. Ленина в его работе «Лев Толстой, как зеркало русской революции»: «Если перед нами действительно великий художник, то некоторые, хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях» [11, с. 66]. В многочисленных статьях, книгах, заметках, беседах, лекциях, докладах, в проектах партийных и правительственных документов руководитель советской России постоянно затрагивал вопросы художественной культуры, рассматривая вопросы искусства. В трудах В.И. Ленина развиты идеи о народности культуры и искусства, какими чувствами и мыслями пробуждается в человеке подлинное творчество, каким должен быть художник, в том числе, в контексте общественной значимости культуры и личностного творчества. В советской коммунистической идеологии В.И. Ленин воедино соединил русский квазиэтизм, реализм Пушкина и Чернышевского, переросший в народность Гоголя и Добролюбова, а впоследствии и в народность Толстого, интегрированную с вопросами социального неравенства, реальных противоречий между крестьянами и помещиками, обретших характер метафизических противоречий между моральным добром и злом. Эту линию эволюции русского духа В.И. Ленин доводит до слагаемых большевистской идеологии в виде государственного авторитаризма, социалистического реализма, классово нравственно-справедливой народности (диктатуры пролетариата). Советская социалистическая культура предстала в молодой России ответственной за воплощение этой идеологии в широком общественном сознании.

Хотя искусство имеет дело и с индивидуальным, отображает конкретные ситуации, воспроизводит характеры и психологию индивидов личностей. Однако в этом индивидуальном, случайном, в своем роде неповторимом должно найти выражение общее, закономерное, существенное. Культура «по «кирпичику», - пишет Э.Р. Тагиров, – задает типологию личности, нравы и психологические стереотипы, ментальность. Ее призвание в воспитании интеллекта и сознания. Одновременно культура – производное идейного и морального состояния общества» [20, с. 146].

Эти существенные связи и функции культуры, ее парадигмальные линии реализма, народности, нравственности искусства почти невыразимы в современных направлениях и школах социальной антропологии. В так называемом «структурном функционализме» поиск смысла культуры и искусства осуществляется в устойчивых структурных отношениях внутри общества как целого. Известный в современном образовании и науке французский философ и этнолог К. Леви-Стросс рассматривает культурологию как науку о разных видах обменов в человеческом социуме, сближает ее с семиотикой и лингвистикой, исследующими обмены словесными сообщениями. По мнению ученого прямой путь к окружающему человека миру в процессе истории все больше загромождается различного рода символическими структурами. И, конечно же, наработанное мыслителями прошлого, в том числе русскими, в качестве смыслообразующих характеристик подлинного культуротворчества предается забвению.

Революция 1917 года перевернула жизнь, в том числе села Актуково, где родился Рашид Вагапов. Отношение к его отцу Вагап мулле и исламу по-прежнему оста-

валось уважительным, но новая власть уже устанавливала свои порядки. Начали открываться советские школы. Но народ Актукова сохранил свободолюбивый нрав, смелый, вольный дух и стремление жить самостоятельно. Передовые люди села не приняли революцию. Почти все дети села, в том числе и Рашит, начальное образование получили в школе отца, которая считалась одной из самых передовых не только в Актукове, но и во всей округе. Хозяин школы уделял огромное внимание тому, чтобы наряду с шариатскими науками дети получали и светские знания. Но революция – этот основательный и фундаментальный слом всей общественной жизни, перелом в материальной, хозяйственно-экономической и духовной жизни, переход культуры и образования на радикально новые рельсы. «Как показало время, многолетняя дискредитация советской культурной политики со стороны либеральных идеологов и вестернизация современной массовой культуры сегодня с точностью до наоборот высветили реальные достижения культурной революции: ликвидация безграмотности в огромной стране за короткий исторический период; беспримерный подъем национальных культур среди более ста народов СССР; создание многонациональной культуры переводческой школы; обеспечение духовной победы над фашизмом в годы Великой Отечественной войны; развитие международных культурных связей, признание за рубежом выдающихся деятелей культуры и искусства Советского Союза» [6, с. 38].

Успехи и достижения советской эпохи отнюдь не были случайны. Духовная жизнь и культура, при всех радикальных переменях, обладали преемственностью, опирались на глубинные истоки российских этносов и наций – общинность, соборность, махалля, патриархальность, патриотизм, интернационализм, а также на выявленные революционными демократами реализм и народность искусства, на перспективные единые традиции и истоки имперского бытия огромного геополитического пространства. В судьбах советских народов объединяющего фактора было больше, нежели разъединяющего. Тем не менее, новая общественно-политическая формация столкнулась с громадными препятствиями. Правильно подмечено «Советская эпоха отнюдь не напоминает собой единую историческую «глыбу». Ее матрица сшита из далеко не последовательных и противоречивых этапов. Бесспорно, прологом был Октябрь-1917, у которого тоже были предтечи. Споры о нем не стихают по сей день, ибо он точно не был случайным разворотом исторических стихий» [20, с. 142].

Эти споры особо интенсифицировались после распада СССР. Особой спорной проблемой стали годы правления И.В. Сталина. Немало писателей и ученых-обществоведов заняли такую позицию, что «культ Сталина – это вовсе не результат интриг его самого и каких-то сомнительных подручных; это было в прямом смысле слова всемирное явление» [9, с. 163], что если бы мощная всемирная сила не сделала Сталина «человеко-богом», никакие его закулисные интриги не смогли бы создать ситуацию 37 года. При этом бытует и другое объяснение событий – необходимо учесть, что всемирно-историческая закономерность такова: самые великие и высокие эпохи в истории человечества – это одновременно эпохи величайших жертв и потерь... Как бы не было, в течение всей жизни душу Рашита Вагапова мучила незаживающая рана – трагическая участь отца – «врага народа» Вагап муллы, впоследствии обернувшаяся поводом для всевозможных преследований самого певца. И в 1937 году, когда он учился в Москве в татарской оперной студии при Московской консерватории, и позже не раз над головой Р. Вагапова металась молния.

Но автору данной статьи близок взгляд, который представляется философски отстраненной оценкой эпохи. «Согласно спиралеобразному характеру развития истории и философско-культурологической логике, – пишет Н.Г. Денисов, – на смену катаклизмам, взыскуются ожидания социально-эстетических перемен. Эти ожидания реально явилась «культурная революция» как производное от Октябрьской социалистической революции 1917 г., ознаменовавшее новое мироустройство в политических, социальных и экономических отношениях. По своей силе культурная революция превышала все ранее известные реформы, а объектом становился каждый человек. Ее идеология состояла в освоении нового коммунистического мировоззрения (общества равных), отношении к себе и миру в контексте общечеловеческого интернационала» [6, с. 39]. Нам представляется, многое в этом понимал и соглашался и Р. Вагапов. Обратимся к воспоминаниям Г. Зайнашевой: «Когда Рашит Вагапов исполнил мою песню «Подняться бы на вершину Уральских гор», писатель Афзал Шамов, не скрывая своего огорчения, заметил: «Ну почему ты исполняешь пессимистическую песню, от которой портится настроение? Мы уже завоевали космос, а Гульшат, скажу я вам, хоть и сама тут сидит, она до сих пор не может осилить даже Уральские горы... Я уже говорил Гульшат, что сейчас, когда идем к коммунизму, мы не должны петь песни, угнетающие настроение...». Афзал абый, будучи председателем Союза писателей, был также весьма авторитетным писателем, и никто не осмеливался перечить ему. Тогда, по обыкновению улыбаясь, Рашит Вагапов сказал следующее: «Я эту песню пою с большой охотой. Она ведь совсем не про то, подниматься или не подниматься на Уральские горы. В ней поется о вечном стремлении к величию духа, к красоте, это романтическая песня!.. Даже если в ней образно говорится о желании подняться на гору, но ведь там ничего не сказано о том, что туда невозможно подняться. Тогда почему эта песня пессимистична? А вот эти строки последнего куплета звучат очень приподнято: Хочу я встретить/озаренный светом/ Рассвет моей родимой/стороны. Что бы вы ни говорили, я пел, и буду петь эту песню!» [22, с. 87]. И еще раз прав философ: «...Песнь изначально предполагает собой особый лад-настрой, вибрацию определенного состояния и размышления, полет «духа над плотью», концентрацию духовной силы для подъема, окрыления, вдохновенного творения» [20, с. 140].

Наверное, и в этом полете духа над плотью, концентрации духовной силы для подъема, окрыления и вдохновенного творения проявляется подлинная народность, о которой мечтали для нашей отечественной культуры Н. Чернышевский, и Н.Гоголь, и Л.Толстой. И разве простой татарский парень, талантливый певец, ставший эпохой в культуре своего народа Рашит Вагапов, своими протяжными мелодиями, веселыми и озорными деревенскими куплетами, печальными, задорными, шуточными песнями не проявил себя как подлинно народный художник... «Райхан», «Тафтиляу», «Зилияйлюк», «Рамай», «Козге ачы жиллэрдэ» («Под осенними ветрами»), «Ком бураны» («Песчаная буря»), «Сарман», «Арча», «Зубаржат», «Гульдзамал», «Айхайлюк»... «Он, посути, исполнил подлинно художественные народные песни, ставшие своего рода классикой. Его драгоценный вклад заключается именно в распространении песен классического образца в массах, в воспитании эстетического вкуса народа. Р. Вагапов никогда не старался в угоду публике петь дешевые «однодневки». Наоборот, он стремился исполнять высоко художественные, сложные и совершенные в музыкальном и мелодическом отношении песни. И эту миссию он выполнял чрезвычайно успешно»

[23, 65]. Как подлинно народный и талантливый творец культуры, Р.Вагапов понимал, что поистине «песня сопровождает человека на всем протяжении его бременной судьбы – от рождения до смерти (плач сердца). Она становится то победным гимном, прославлением и молитвой, то эмблемой радости и трагедии» [20, с. 117].

Но сегодня многое по другому в реальной культуре и в ее понимании. Произошли непредсказуемые изменения и в песенном творчестве, и в исполнительных технологиях, и в вкусах зрителей и т.п. Выше уже указывались перемены в направлениях искусства и в его жанрах, в том числе музыки. Так, «число «потребителей» классической музыки неукоснительно сокращается, она перестает быть для значительной части общества существенным компонентом духовной жизни, личной культуры, перестает быть безусловной духовной ценностью. «...Классический фортепианный репертуар нужен одному проценту людей» ... Настали времена, когда искусство не для всех, «если оно для всех, оно не искусство» [14, с. 331].

Да, культура обладает своей судьбой, и что существенно – она коренится в ее народности, «исходной общности образа жизни, традиций, языка и самосознания, так и общности исторических событий, переживаемых рядом поколений, что впоследствии выражается в культурно-исторической памяти» [3], в тех упомянутых выше трудах русских мыслителей вплоть до XX века. Эта судьбоносная народность есть сквозная красная линия, предохраняющая культуру при всех ее кризисах. В недавнем прошлом – во второй половине XX века в эволюции русской культуры были значимы относительно качественные периоды в развитии литературы, которая включала несколько периодов – поздний сталинизм, оттепель, застой, перестройка, современные реформы, которые, соответственно в культуре характеризуется «переключением регистров»: ненужная опека, руководство, послабления, сдерживания, преследование, раскрепощение и пр. [14, с. 332]. Народный характер российской культуры помог преодолевать ей и кризисы, и временные падения, сохранить свою целостность, многокультурную мощь в евразийской цивилизации. И во многом потому, и наука, и политика, и общественное сознание ныне убеждается, что «...глобальный социокультурный процесс, стремящийся к экспортированию и насаждению западных ценностей, оказывается неспособным осуществить коренное фундаментальное переформатирование российской цивилизации и обрамляющих и фундирующих ее коллективистско-государственных ценностей и этических ожиданий» [1. С. 52].

Мы также должны знать, что «...структура национального культурного пространства усложняется многообразием существующих и развивающихся в нем пространств культуры, среди которых значительное место занимает этнонациональные образования и их сложные, противоречивые взаимоотношения с общенациональными пространствами культуры: лингвистическим, образовательным, художественным и т.д. Пространственная граница постоянно пульсирует и усиливает напряженность перед внешней экспансией и, осваивая «внешнее», переносит его в себя и расширяется» [17, с. 20]. Российский народ имеет свою тысячелетнюю историю становления, он рефлексировал опыт десятков этносов и религиозных конфессий, маленьких потрясений и великих революций, пограничных взаимодействий и агрессивных идеологических нашествий... Даже «глобализирующий конфликт вокруг Украины, порождающий реальный риск начала ядерной войны, кардинально осложняет, но не отменяет культуротворящую миссию» нашего народа [20, с. 241].

Это вовсе не означает, что автор данной статьи не принимает во внимание неизбежные результаты аккультурации – воздействия других, в том числе чужих и чуждых культур на ту или иную культуру и искусство. История культуры дает нам примеры новой ориентации в культуре-восприимнике или даже отчуждения ею исходной культуры под воздействием иной культуры. В таких процессах создаются и новообразования в исходной культуре, таких качественных частей и элементов, которых не было в соприкасающихся и взаимодействующих культурах. Но закономерности и тенденции отечественной культуры реальны и неотменимы в силу существенного доминирования в ней народности и национального. Народное и национальное, которое есть следствие развития профессиональной культуры, политики, государственности в российской культуре придают ей незыблемую устойчивость. «Становление этноса как нации есть следствие рефлексивного мышления культурной общности, следствие осмысления общности самое себя, своего места и предназначения. Этот этап характеризуется становлением национального духа и национальной идеи» [4, с. 137]. Для России и ее культуры сегодня это смысложизненно.

Такое же осмысление себя российской общностью осуществляет песенное творчество наших народов, которому в статье придавалось больше внимания. Ставшие любимыми для всех этносов и наций страны русские народные песни, советские песни, шедевры военных лет, исполняемые во всем постсоветском пространстве... «Все народы – песенные, песня составляет их генетический культурный запас прочности. Песенными были и сошедшие со сцены истории цивилизации, остаются таковыми и нынешние поколения человеческого Рода. Непоющих – голосом или под баян, душой и сердцем народов в мире нет. В разной форме, ритмике, жанровости – будь то концерты, фестивали, карнавалы... В этом закон бытия, непрерывности преемственных нитей, эпох и поколений. Песня представляет собой по большому счету одну из криптограмм истории человеческой Вселенной, составляя ее код» [20, с. 222].

На наш взгляд, такое вселенское звучание имело песенное и исполнительское творчество великого татарского певца Рашита Вагапова. Его патриотическое и эстетическое наследие сегодня один из указующих векторов национальной культуры республики Татарстан. Его культурная политика на взаимовлияние и взаимообогащение искусств и культур – веление времени, государственных и международных структур, программы ЮНЕСКО, которая до недавнего времени «прокламирует необходимость соединения различных направлений социального прогресса с акцентом на роль культуры как фактора преобразования общества [19]. И совершенно верно и справедливо замечено – «проводя политику мероприятий по взаимодействию и взаимообогащению культур, «Казань станет не просто отдельной национально-культурной столицей одного этноса, а органическим элементом глобальной сети подобных системно взаимодействующих центров национально-культурного обслуживания... Формирование национально-культурных столиц в нашей стране будет первым в мире опытом, актуальным для всех этносов мира и для всех государственных властей, действующих во благо своим народам» [12, с. 165].

В качестве выводов статью предлагаем следующее.

В истории российской культуры нашли органическую преемственность и целостность русский квазиэтатизм, реализм Пушкина и Чернышевского, переросший в народность Гоголя и Добролюбова, а впоследствии и в народность Толстого, интегрированную с вопросами со-

циального неравенства, реальных противоречий между крестьянами и помещиками, обретших характер метафизических противоречий между моральным добром и злом.

Эту линию эволюции русского духа советская культурная политика доводит до слагаемых большевистской идеологии в виде государственного авторитаризма, социалистического реализма, классово нравственно-справедливой народности (диктатуры пролетариата). Советская социалистическая культура предстала в молодой России ответственной за воплощение этой идеологии в широком общественном сознании.

Духовная жизнь и культура в СССР при всех радикальных переменах, обладали преемственностью, опирались на глубинные истоки российских этносов и наций – общинность, соборность, махалля, патриархальность, патриотизм, интернационализм, а также на выявленные революционными демократами реализм и народность искусства, на перспективные единые традиции и истоки имперского бытия огромного геополитического пространства.

Культура нового общественно-политического строя в СССР столкнулась с громадными препятствиями. Советская эпоха отнюдь не напоминает собой единую историческую «глыбу», она была противоречива и в культурном строительстве и искусстве. Тем не менее, благодаря народности и глубоко национальным истокам она до сих пор придает энергию и эффективность современной российской культуре.

Народный характер российской культуры актуален в столкновении с западноевропейскими ценностями, он помогает ей преодолевать и кризисы, и временные падения, сохранить свою целостность, многокультурную мощь в евразийской цивилизации.

Широкий диапазон обновленной и обогащенной ценностями содержаниями народности подтверждался в России сотнями и тысячами судеб и биографий деятелей искусства и культуры. В статье таким предстает яркий и талантливый представитель песенного и музыкального творчества татарского народа Рашит Вагапов. Его глубоко народное искусство – пример для новых и новых поколений деятелей культуры.

Литература

1. Атаян В.В. Ценности как факторы глобального социокультурного изменения: содержание и перспективы. Автореферат дис.на соиск. Уч.степени докт. филос.наук. Ростов-на-Дону, 2024. 66 с.
2. Баширов Г.Б. Моннар остасы. (Мастер пения)/Г. Б. Баширов/Туган як. – 1991. – 15 декабрь. – С. 5.
3. Беляев М.Г. Проблема судьбы культуры в социогуманитарной мысли: от XX к XXI веку. Автореферат дис.на соиск. уч.степени канд.филос.наук. Ростов-на-Дону, 2024. 65 с.
4. Бетильмерзаева М.М. Этническое и национальное в культуре народов[Текст]: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции(г. Махачкала, 25–26 сентября 2008 г.)/ Отв.ред. М.И. Билалов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2008.-234 с. С. 137–139.
5. Герцен А.И. Мысли об искусстве и литературе: Сб. ст./А. И. Герцен. – Киев: Мистецтво, 1987. – 167 с.
6. Денисов Г.Н. Триада российской государственности: культура – идеология – гражданская идентичность// Будущее России: историко-культурные и духовно-нравственные основы идеологии российской государственности и цивилизации. Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конферен-

- ции. Редколлегия: Н.Г. Денисов, К.М. Мартиросян, Е.С. Шавлохова. Краснодар, 2023. С. 35–44.
7. Добролюбов Н.А. Литературная критика/Н.А. Добролюбов. -М.: Худож. лит., 1979. С. 36–42.
8. Кожевников В.П. Концепция русской культуры. Курс лекции/В.П. Кожевников – М. 1999. – 236 с.
9. Кожин В.В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра/В. В. Кожин. – М: Мол. гвардия, 1990. – 173 с.
10. Культурология: Учеб. для вузов/Под ред. Г.В. Драча. – Ростов-на-Дону, 2002. 417 с.
11. Ленин В.И. О литературе и искусстве/В.И. Ленин. – М.: Худож. лит., 1986. – 174 с.
12. Машков В.Д. Сбережение, обогащение и взаимобогащение национальных культур – важнейший фактор духовного сплочения Евразии//Казанский международный конгресс евразийской интеграции. – 2022 / сост. Р.А. Шагеева.-Казань: Медицина, 2022. – 360 с. С. 161–167.
13. Овсянников М.Ф. Эстетика в прошлом, настоящем и будущем/М. Ф. Овсянников. – М. 1998. – 216 с.
14. Основы теории и истории искусства. Музыка. Литература: Учебное пособие/Под научн.ред. Т.С. Паниотовой. -СПб.: Издательство «Лань»; Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2015. – 448 с.
15. Перекрестова А.В. Философско-религиозные и мистические концепции точки как понятия, соотносимого со сферой трансцендентного. Автореферат дис.на соиск. Уч.степени канд.филос.наук. Ростов-на-Дону, 2024. 47 с.
16. Рапацкая Л.А. Русская художественная культура/Л. А. Рапацкая. М. ВЛАДОС, 2002. 250 с.
17. Сараф М.Я. Национальное культурное пространство и его структура//Этнонациональные ценности в условиях глобализации [Текст]: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции(г. Махачкала, 25–26 сентября 2008 г.) / Отв.ред. М.И. Билалов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2008.-234 с. С. 19–21.
18. Смирнов А.В. Что такое цивилизация?//Цивилизационные основы РФ: материалы заседания 25 мая 2024 года/ Научно-консультативный совет по правовым, психологическим, и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук; Ассоциация российских банков; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права; (под общ. ред. Академика РАН Г.А. Тосуняна). –М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025.-208 с. С. 25–47.
19. Тагиров Э.Р. Факел миротворчества. Казань, 2020. Тагиров Э.Р. Творение тишины. Человечество у порога Мира. Казань, 2022.
20. Тагиров, Э.Р. Феномен культуры на фоне разлома Истории / Э.Р. Тагиров. – Казань. Логос-Пресс, 2023.-360 с.
21. Толстой Л.Н. Путь жизни/Л. Н. Толстой. – М.: Республика, 1993. – 271 с.
22. Фаттахов Р.А. Рашит Вагапов. Личность. Творчество. Эпоха/Р.А. Фаттахов. – Казань, 2003. 165 с.
23. Шакиров И.Г. Он был великим певцом/И.Г. Шакиров//Татарстан. – 1998. – № 4. – С. 65.

NATIONALITY AS A SUSTAINABLE COMPONENT OF RUSSIAN CULTURE

Fattakhov R.A.

Socio-Cultural Activities and Pedagogy Kazan State Institute of Culture

The article examines the interrelationships between the culture of the artist and the culture of society and the issues of mutual influ-

ence of art and social reality. At the same time, considering culture as a multi-faceted whole, its most significant and essential features are analyzed – quasi-statism, realism, nationality, spirituality, morality. Their evolution in the works of ethnic groups and nations of Russia, its great figures Pushkin, Gogol, Tolstoy is shown, cultural and philosophical foundations of Herzen, Chernyshevsky, Dobrolyubov, Lenin are given.

Soviet socialist culture appeared in young Russia responsible for the embodiment of a new ideology in the broad public consciousness. Despite all the radical changes, this culture had continuity and relied on the deep origins of Russian ethnic groups and nations. Despite all the contradictions due to nationality and deeply national origins, Soviet culture gives energy and effectiveness to modern Russian culture.

The folk character of Russian culture is relevant in the clash with Western European values, it helps it to overcome both crises and temporary falls, to preserve its integrity, multicultural power in the Eurasian civilization. The article demonstrates a wide range of updated and enriched nationality values with biographical fragments of the great Tatar singer Rashit Vagapov.

Keywords: Russia, Eurasian culture, Soviet culture, realism, nationality, morality, Russian thinkers.

References

- Atayan V.V. Values as factors of global socio-cultural change: content and prospects. Abstract of the dissertation for the job. Academic degrees of the doctor. Philos.sciences. Rostov-on-Don, 2024. 66 p.
- Bashirov G.B. Monnar ostasy. (Master of Singing)/G.B. Bashirov//Tugan yak, 1991, December 15, pp.5.
- Belyaev M.G. The problem of the fate of culture in socio-humanitarian thought: from the twentieth to the twenty-first century. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philos.sciences. Rostov-on-Don, 2024. 65 p.
- Betilmerzayeva M.M. Ethnic and national in the culture of peoples [Text]: Materials of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference (Makhachkala, September 25–26, 2008)/ Ed. by M.I. Bilalov. – Makhachkala: CPI DSU, 2008.-234 p. pp.137–139.
- Herzen A.I. Thoughts on art and literature: Collection of articles /A.I. Herzen. – Kiev: Mystetstvo Publ., 1987. – 167 p.
- Denisov G.N. The triad of Russian statehood: culture – ideology – civic identity// The future of Russia: historical, cultural, spiritual and moral foundations of the ideology of Russian statehood and civilization. Collection of materials of the III All-Russian scientific and practical conference. Editorial board: N.G. Denisov, K.M. Martirosyan, E.S. Shavlokhova. Krasnodar, 2023. pp. 35–44.
- Dobrolyubov N.A. Literary criticism/N. A. Dobrolyubov. – M.: Art. lit., 1979. pp. 36–42.
- Kozhevnikov V.P. The concept of Russian culture. Lecture course/V. P.Kozhevnikov, Moscow, 1999, 236 p.
- Kozhinov V.V. The fate of Russia: yesterday, today, tomorrow / V.V. Kozhinov. Moscow: Mol. gvardiya Publ., 1990. 173 p.
- Cultural studies: Studies for universities/Edited by G.V. Drach. – Rostov-on-Don, 2002. 417 p.
- Lenin V.I. On literature and art/V.I. Lenin. – M.: Art. lit., 1986. – 174 p.
- Mashkov V.D. Conservation, enrichment and mutual enrichment of national cultures is the most important factor in the spiritual cohesion of Eurasia.//Kazan International Congress of Eurasian Integration. – 2022 / comp. R.A. Shageeva.-Kazan: Medicine, 2022. 360 p. pp.161–167.
- Ovsyannikov M.F. Aesthetics in the past, present and future/M.F. Ovsyannikov, Moscow, 1998–216 p.
- Fundamentals of the theory and history of art. Music. Literature: A study guide/Under the scientific editorship of T.S. Paniotova. -St. Petersburg: Publishing house "Lan"; Publishing house "PLANET OF MUSIC", 2015. – 448 p.
- Perekrestova A.V. Philosophical, religious and mystical concepts of a point as a concept correlated with the sphere of the transcendent. Abstract of the dissertation for the job. Academic degree of Candidate of Philos.sciences. Rostov-on-Don, 2024. 47 p.
- Rapatskaya L.A. Russian art culture/L.A. Rapatskaya, M. VLA-DOS, 2002. 250 p.
- Saraf M. Ya. National cultural space and its structure//Ethnonational values in the context of globalization [Text]: Proceedings of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference (Makhachkala, September 25–26, 2008) / Ed. by M.I. Bilalov. – Makhachkala: CPI DSU, 2008.-234 p. pp.19–21.
- Smirnov A.V. What is civilization?//Civilizational foundations of the Russian Federation: proceedings of the meeting on May 25, 2024/ Scientific Advisory Council on Legal, Psychological, and Socio-Economic Problems of Society of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Association of Russian Banks; National Research Institute of Trust, Dignity, and Law; (under total. ed. Academician of the Russian Academy of Sciences G.A. Tosunyan). Moscow: OOO "New Printing Technologies", 2025.-208 p. pp.25–47.
- Tagirov E.R. The torch of peacemaking. Kazan, 2020. Tagirov E.R. The creation of silence. Humanity is at the threshold of Peace. Kazan, 2022.
- Tagirov, E.R. The phenomenon of culture against the background of the fracture of History / E.R. Tagirov. – Kazan. Logos-Press, 2023.-360 p.
- Tolstoy L.N. The way of life/L. N. Tolstoy. – M.: Republic, 1993. – 271 p.
- Fattakhov R.A. Rashit Vagapov. Personality. Creation. Epoch/ R.A. Fattakhov. – Kazan, 2003. 165 p.
- Shakirov I.G. He was a great singer/I.G. Shakirov//Tatarstan. – 1998. – No. 4. – p. 65.

Ленинизм в современном общественном сознании: дискурс памяти и идеологического противостояния

Циткилов Петр Яковлевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий Южного федерального университета
E-mail: petrcitkilov@yandex.ru

Актуальность статьи обусловлена необходимостью предотвращения дестабилизации в современной России в условиях жёсткого её противостояния с объединённым Западом, использующим Украину качестве силового тарана против Российской Федерации. В такой ситуации недопустимо провоцировать конфронтацию между левыми силами, выступающими за социальную справедливость, возрождение индустриального, оборонного потенциала страны и национально-патриотической, православной общественностью, отстаивающей национальное величие России, её духовную мощь. Неуважительное отношение к основателю великой советской державы, к его мавзолею, основанное преимущественно на полуправде и сомнительных доводах, расшатывает ситуацию в нашей стране, ослабляет её единство. В данной статье приведён анализ основных антиленинских доводов, содержащихся в «документальном» фильме «Мумия», который вызвал широкий резонанс в современном российском обществе. Показана их научная несостоятельность.

Ключевые слова: Ленин как историческая личность, мавзолей на Красной площади, антиленинизм как дестабилизирующий фактор, государственная безопасность России.

Введение

В.И. Ленин, его учение и развитие России тесно переплетены самой нашей историей. Последние сорок лет ведутся дискуссии по этому вопросу. В осмыслении данной проблемы, наряду с научным подходом, накопилось и много сомнительных, необоснованных оценок. С разной интенсивностью осуществляются попытки дискредитировать Ленина, развенчать значимость его учения – ленинизма под видом «восстановления правды». При этом используются различные способы подачи материала: от написания публицистических книг, статей, сборников с «новыми» документами до подготовки «документальных» фильмов, вскрывающих «пагубность Ленина и ленинизма» для народов России.

Одним из таких разоблачительных материалов стал фильм «Мумия» [1]. Он, снятый журналистами канала «Спас», демонстрировался в конце июня 2025 г. в виде премьеры в кинотеатре «Октябрь» г. Москвы и в целом ряде городов страны. В информационном продвижении фильма активное участие приняли отдельные епархиальные структуры Русской Православной Церкви, что вызывает сожаление. Ведь Церковь призвана духовно окормлять, объединять свою паству, составляющую значительную часть нашего народа, но не вносить раскол в её ряды путём политизации тех или иных сторон общественной жизни и сомнительной интерпретации истории.

При написании данной статьи использовались определённые научные методы. В частности, *метод анализа источников и литературы* позволил дать аргументированную критику некоторых сомнительных суждений о личности Ленина и его роли в истории. *Метод научного сопоставления* позволил путём привлечения источникового материала выявить явные искажения при освещении позиции Ленина, допущенные некоторыми авторами, отрывающими ленинские слова от общего контекста его суждений. *Метод объективной интерпретации* социологических исследований позволил сделать вывод о том, что большинство респондентов-россиян не склоняется к необходимости скорейшего выноса тела Ленина из мавзолея. *Метод системного подхода* дал возможность целостно воспринять личность и учение Ленина с учётом их реального влияния на общественный и исторический процессы.

Объективный анализ исследуемой проблемы позволил избежать не только несправедливого критиканства, но и идеализации образа Ленина. Так, аргументированная защиты позиции Ленина по ряду вопросов сочеталась с признанием его ошибок (недостаточный учит им важного значения духовного потенциала, мистической силы религии и др.).

При написании статьи использовались *различные виды научных источников*. В их числе: труды, письма, выступления, статьи видных отечественных и зарубежных мыслителей (В.И. Ленина, Н.А. Бердяева, А.А. Зиновьева, Иммануила Валлерстайна и др.); материалы прессы (Церковные ведомости. 1918. 14 июля. № 23–24, Вечерняя Москва. 1924. 25 января и др.); архивные материалы (ГАРО); мемуарные данные (воспоминания Н.К. Крупской, А.М. Горького и др.); материалы социо-

логических исследований (ВЦИОМ) и др. В статье преобладает научный стиль изложения, основанный на объективной информации, почерпнутой из источников и исследовательской литературы. Но при этом автор использовал и некоторые элементы публицистического стиля изложения материала (выразительные средства, злободневность тематики, прямое выражение авторской позиции). Такое сочетание стилей позволило, с одной стороны, усилить актуальность исследования, а, с другой, сделать материал читабельным как для специалистов, так и для широкого круга читателей журнала.

Основная часть

Фильм «Мумия» задумывался его авторами как средство «воссоздания правды» об основателе советского государства и ленинском мавзолее». Как заметил один из идеологов и главный продюсер фильма, генеральный директор телеканала «Спас» Борис Корчевников, в нём якобы показана «правда о неправде нашей жизни». Просмотр «Мумии» убеждает, что в фильме преобладает вовсе не правда, а «полуправда» и откровенная ложь. Практически весь он, образно говоря, соткан из недостоверных и эклектических суждений.

Обратимся к наиболее важным (в содержательном отношении) доводам, фактам, содержащимся в фильме «Мумия», и с научной точки зрения разберёмся, насколько они верны. К числу таких доводов можно отнести:

во-первых, мнение о том, что Ленин был разрушителем прежней России;

во-вторых, тезис о культе Ленина;

в-третьих, предположения о венерической болезни Ленина и его масонстве;

в-четвёртых, суждение о том, что Ленин был откровенным русофобом, ненавидящим русский народ;

в-пятых, довод о Ленине как противнике Церкви и богборце;

в-шестых, суждение о том, что Ленин был ненавистником института семьи;

в-седьмых, мнение о том, что мавзолей – храм коммунистической религии, а Ленин – верховный антихристианский идол;

в-восьмых, суждение о том, что интерес в обществе к Ленину угасает др.

В.И. Ленин, действительно, критиковал и разоблачал те несправедливости, гнёт и унижение широких слоёв населения, которые существовали в царской России. Но **он не был её разрушителем**. Вовсе не Ленин и не большевистская партия свергли царизм. Это стало результатом целого ряда объективных и субъективных факторов. В числе которых были: нерешённый крестьянский вопрос, кризис русского религиозного сознания, кризис правящих верхов и др. Либеральные круги тогдашней России, представители крупного капитала являлись основной силой, разрушившей царизм. Ленин же и большевистская партия в тяжелейших условиях Гражданской войны и военной интервенции 1918–1920/22 гг. сумели собрать распавшуюся после краха царизма великую державу почти в прежних её границах. Он смог найти такой механизм добровольного объединения страны, который в тех условиях оказался единственно верным и возможным.

Ленин, будучи руководителем советского правительства, своими делами доказал, что являлся *великим создателем, но не разрушителем*. Именно при нем был разработан научный план развития экономики в масштабах всей страны (ГОЭЛРО), который явился предтечей первых пятилеток, преобразовавших советское государство. При Ленине были заложены основы народной

медицины и образования, создано большое количество научно-исследовательских учреждений. Только в 1918–1920 гг. в нашей стране было открыто около 50 научно-исследовательских институтов, включая Государственный институт охраны материнства и младенчества. Ленин поддержал изыскания Мичурина, Жуковского, Циолковского и других научных гениев России. По его поручению были проведены сметные работы по строительству Волховской ГЭС и осуществлено многое другое, направленное на обеспечение экономического суверенитета страны.

Ошибочно считать, что у Ленина был культ личности. Другое дело, что у него был огромный авторитет, уважение как в нашей стране, так и в мире. Авторитет этот был вполне заслуженным. Главный вклад В.И. Ленина в мировую историю заключается в том, что им применительно к началу XX в. была, *во-первых*, разработана целостная концепция общественного развития альтернативная капитализму-либерализму, *во-вторых*, она на практике под его руководством получила своё начальное становление. В результате во всемирном масштабе стала утверждаться новая эволюционная линия человечества, выстроенная не на наживе и частнособственническом интересе, а на солидарности, общенародной собственности и великом созидании.

Роль Ленина применительно к России точно охарактеризовал выдающийся отечественный мыслитель конца XX – начала XXI вв. А.А. Зиновьев. «Если бы, – отмечал он, – не произошло у нас того, что произошло под руководством Ленина, Россия давно уже стала бы колонией и была растащена на кусочки» [2]. Применительно к исторической России, включавшей в себя территорию Советского Союза, во многом именно это и произошло за последние десятилетия.

Надуманными являются суждения о венерической болезни Ленина и его масонстве. Такие мифы не являются случайными. Они формировались на Западе и перекочевали к нам в постсоветскую эпоху. Важнейшим компонентом западной идеологии и сегодня остаётся антикоммунизм. В постсоветской либеральной России он стал утверждаться в нашем общественном сознании. Необходимым требованием идеологии антикоммунизма было и остаётся дискредитация крупных советских лидеров и особенно Ленина. Поэтому не удивительно, что в антисоветской России продолжают развешивать «преступления Ленина» и «злодеяния его кровавого режима». Удивительно, что делается это сегодня, на четвертом году жесткого противостояния с Западом на территории Украины.

В фильме «Мумия» рассматривался вопрос о причине смерти Ленина. Один из экспертов верно назвал её – особая форма атеросклероза сосудов. Эта болезнь была вызвана образом жизни, чрезмерной интеллектуальной и организационно-управленческой загруженностью Ильича, а также последствиями ранения, вызванного покушением в 1918 г. Но далее ведущий фильма высказал суждение, направленное на дискредитацию личности Ленина. В фильме звучали следующие слова: «Ещё одна часто звучащая причина смерти вождя – нейросифилис, поражение нервной системы, вызванное венерической болезнью». Зрителям предлагается принять это сомнительное утверждение за чистую монету. Данный тезис, не имеющий научного подтверждения, был ещё раньше подброшен российской аудитории западными советологическими центрами. И сегодня его продолжают навязывать российским гражданам под видом «восстановления правды о Ленине».

Из фильма зритель может узнать и о том, что Ленин якобы был масоном. Известно, что масоны стремятся

к мировому господству и многие из их числа поклоняются сатане. Ленин не состоял в масонских учреждениях. Он был интернационалистом и на определенном историческом этапе сторонником мировой революции, но не в интересах масонских организаций, а в интересах широких слоев трудового народа различных стран. Однако после установления в России советской власти он отошёл от идеи мировой революции как насущной задачи дня. В работе «Очередные задачи советской власти» Ленин писал вовсе не о мировой революции, а о необходимости обеспечения экономического подъема страны, «осуществлении строжайшего и повсеместного учета и контроля производства и распределения продуктов, о повышении производительности труда, *обобществлении производства на деле*» [3, с. 168, 171].

По вопросу о мировой революции Ленин всё более расходился с Троцким, воспринимая её не как необходимое, а лишь желательное явление для построения социализма в СССР. Поэтому никакой связи Ленина не только с организационными структурами, но и идейными установками масонов не было.

Лишены научного обоснования суждения одного из экспертов фильма «Мумия» Л.П. Решетникова о том, что западные масонские организации использовали Ленина в своих целях и тот это прекрасно знал. В подтверждение такого довода Решетников утверждает, что об этом «говорят факты активного участия англичан в организации свержения российской монархии». Странная аргументация. Ведь Ленин непосредственно не участвовал в свержении царизма. Этим занимался российский капитал, прозападная часть российской интеллигенции и чиновничества, на которых и могли оказать влияние английские масоны. Лишь после создания буржуазного Временного правительства Ленин прибыл в Россию и выступил с критикой его политики, отстаивая интересы широких слоёв трудового народа и ведя борьбу за переход к новому этапу революции.

Для аргументации **тезиса о русофобии Ленина** авторы фильма «Мумия» осуществили подтасовку отдельных его суждений, вырывая из контекста ленинские слова и изменяя их смысл. В частности, они утверждают, что Ленин считал русского человека рабом, «вызывающим чувство негодования, презрения и омерзения, холоум и хамом». На самом деле Ленин писал о другом. «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, – вопрошал он, – чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину... Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами... Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство ..., такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам» [4, С. 107–108]. Следовательно, Ленин вовсе не писал о том, что русский человек – раб, вызывающий презрение и омерзение. Напротив, он был полон чувства великорусской гордости за свободолубивую часть нашего народа, способную бороться за социальную справедливость. Но, вместе с тем он с негодованием писал о той части русского народа, которая не только была готова покорно сносить своё униженное, рабское положение, но и всячески оправдывала его. Лишь такие люди вызывали у Ленина негодование, что было вполне обоснованно.

В фильме много говорится о **ненавистном отношении Ленина к Церкви, о его богоборчестве**. В последние десятилетия в нашей стране предпринимались активные усилия, чтобы навязать обществу такие доводы. При этом осуществлялись явные подлоги, направленные на дискредитацию образа и деятельности Ленина. В частности, фальшивкой оказалось широко тиражируемое в СМИ «Указание ВЦИК и Совнаркома» о «борьбе с попами и религией» за подписями председателя ВЦИК М.И. Калинина и председателя СНК В.И. Ленина от 1 мая 1919 г. за № 13666/2, адресованное председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому. «Попов, – записано там, – надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше...» [5]. Такие фальшивки были нацелены на формирование исключительно негативного отношения к Ленину у российской интеллигенции, представителей молодежи, а главное – у духовенства. К сожалению, немалое число современных православных священников воспринимают Ленина в качестве врага Церкви. Например, епископ Можайский, наместник монастыря Оптиной пустыни Иосиф полагает, что Ленин «всю свою жизнь боролся с Богом. «Главным врагом для него, – считает владыка, – был Бог, религия» [6]. Эти высказывания свидетельствуют о том, что на основе тенденциозных суждений и фальшивых «исторических документов» искаженные представления о тех или иных личностях могут быть сформированы даже у высокодуховных лиц.

Возвращаясь к «Указанию ВЦИК и Совнаркома» о «борьбе с попами и религией», следует заметить, что ряд авторитетных академических исследователей (И.А. Курляндский и др.) довольно убедительно обосновали, что вышеназванный «документ» является недостоверным. Его создатели, вероятно, не знали, что в принятых нормах советского партийно-государственного делопроизводства не существовало никаких «указаний», а издаваемым декретам и постановлениям не присваивалось номеров. Да и Калинин физически не мог подписать этот «документ» в начале мая 1919 г., так как отсутствовал тогда в Москве. С 29 апреля по 18 мая он находился на Восточный фронт (в Муроме, Арзамасе, Алатыре, Казани).

Наконец, само содержание этой фальшивки в значительной мере противоречит реальному состоянию взаимоотношений Церкви и советской власти в рассматриваемый период. Оно, оставаясь противоречивым, всё же склонялось к определённому компромиссу и уважению. При жизни Ленина с 1918 г. в советской России на официальном уровне праздновалась Пасха. Для верующих людей в пасхальный день открывался доступ к Успенскому и др. соборам Кремля. 16 апреля 1919 г. Ленин подписал постановление об отпуске красноармейцам на первый и второй день Пасхи приварочного довольствия и сахара в полutorном размере. Эти действия трудно назвать проявлением ненависти к верующим людям.

В том же 1919 г. Наркоматом внутренних дел советской России было принято циркулярное письмо об отношении к религиозным обществам. В нём содержалось требование к местным властям не допускать каких-либо гонений на Церковь. «Каждый искренне верующий человек, – отмечалось там, – получает возможность свободно исповедовать свои религиозные убеждения, не нуждаясь и не ища поддержки от государства» [7, л. 2]. Свобода вероисповедания гарантировалась каждому верующему человеку страны.

При жизни Ленина не допускалось массового закрытия храмов. В частности, в Рязанской губернии тогда их количество сократилось менее чем на 4% от общего чис-

ла [8]. Да и закрытия эти были связаны преимущественно с уменьшением числа прихожан, а также с самоуправством некоторых местных исполкомов, подчинявшихся не столько Центру, сколько соответствующим выборным органам власти – губернским, городским, уездным и др. советам.

Как свидетельствуют документы, Ленин не противодействовал, а, напротив, поддерживал обоснованные ходатайства верующих о строительстве храмов. В частности, в 1919 г. на его имя поступило прошение от группы верующих граждан Ягановской волости Череповецкого уезда Череповецкой губернии о разрешении закончить строительство храма, начатое ещё в 1915 г. На это прошение Ленин оперативно направил записку местному органу власти, в которой указывалось: «Окончание постройки храма, конечно, разрешается» [9, с. 273].

В фильме «Мумия» для дискредитации Ленина и создания образа ненавистника Церкви некоторые его высказывания были вырваны из контекста, а к самим высказываниям было добавлено то, что он не утверждал. В частности, в фильме приводятся ленинские слова: «Всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость» [10, с. 226]. Данная фраза вырвана из контекста. Касалась она усилий, предпринимавшихся тогда активно на Западе по поиску новых, «более демократичных путей» к Богу. А это предполагало определённый отказ от ортодоксальных основ христианской веры путем её обновления, что Ленин и называл «кокетничаньем с боженькой». Именно такую обновленческую религиозную идею, обновленческое представление о всяком боженьке он называл «невыразимейшей мерзостью». Католические и протестантские общины во многом становились на такой путь, к которому критически относился Ленин. Антирелигиозная суть российского обновленчества 1920-х гг. подтвердила правоту данных слов.

Далее Ленину приписывались следующие слова: «Даже священник-педофил милее и понятнее, чем идейный поп». На самом деле ленинские слова звучали иначе: «Католический поп, растлевающий девушек (о котором я сейчас случайно читал в одной немецкой газете), – гораздо менее опасен именно для «демократии», чем поп без ряссы, поп без грубой религии, поп идейный и демократический, проповедующий созидание и сотворение боженьки» [10, с. 227]. По словам Ленина, духовное лицо, занимавшееся растлением, по тогдашним «религиозным» нормам Запада становилось не очень опасным явлением. Ведь его отступление от религиозности было для многих очевидным. А вот священник, ищущий «нового Бога» (боженьку), священник-демократ и обновленец мог представляться западным прихожанам более привлекательным, умело манипулируя их сознанием, подменяя Бога «боженькой». Было бы большим упрощением эти ленинские мысли выдавать за богохульство, как пытались представить в данном фильме.

С целью усиления воздействия на эмоции зрителей и для убеждения их в «зловещей, антирелигиозной сущности Ленина» в фильме сообщается, что Ленин в 1922 г. «под предлогом голода приказал ограбить Церковь, хотя она и так тратила огромные средства на помощь голодающим». При этом авторы фильма ссылаются на ленинское письмо В.М. Молотову для членов Политбюро от 19 марта 1922 г. Оно было продиктовано в связи с событиями в г. Шуче, вызванными изъятием церковных ценностей. В нем говорилось, что «чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» [11, с. 91]. Во-первых, в данном

письме речь шла не вообще о духовенстве, а исключительно о контрреволюционной, реакционной его части, о непримиримых врагах советской власти. Во-вторых, это высказывание вовсе не предназначалось для исполнения. Ведь письмо было направлено не в исполнительные органы власти для реализации, а лишь для обсуждения. В конце письма было отмечено, что принятие соответствующих решений возможно после обсуждения на съезде РКП (б). В-третьих, важно учитывать, что в период обострения политической борьбы эмоциональный стиль был характерен для многих ленинских писем. Например, за день до того, 18 марта 1922 г. Ленин посылает письмо тому же В.М. Молотову, где требует суровых уголовных наказаний для «преступников-коммунистов, коих надо вешать» [12, с. 53]. Но это вовсе не значило, что он всерьёз желал перевешать часть коммунистов. Далее Ленин сам разъяснял, что коммунистов, совершивших преступления, «следовало бы наказывать строже, чем беспартийных». Примерно также нужно относиться и к фразе о необходимости «как можно больше расстреливать представителей реакционного духовенства», понимая под этим необходимость строгого наказания священников, активно противостоявших политике советской власти, призывавших к вооружённой борьбе с ней. В-пятых, есть сомнения, что письмо это было, действительно, написано Лениным. Ведь его нет среди документов, приобщённых к протоколу № 114 заседания Политбюро от 20 марта 1922 г., нет упоминаний о нём в протоколах партийного пленума от 25 марта 1922 г., который утверждал повестку дня XI съезда РКП(б), как и в протоколах самого съезда. Но ведь оно предназначалось именно для обсуждения на этом съезде. Кроме того, в журнале исходящих от Ленина документов, где регистрировались все его письма, отсутствует указание на регистрацию данного письма и его отправку соответствующему адресату.

Что касается событий в Шуче, то там 15 марта 1922 г. произошло насильственное сопротивление действиям властей по изъятию церковных ценностей. Изъятие тогда осуществлялось на правовой основе в соответствии с декретом советской власти от 23 февраля 1922 г. Сопротивление же органам власти привело к трагическим событиям. По призыву местных священников защищать церковные ценности пришло много людей. Однако дело не закончилось мирным протестом. В сторону милиции и взвода красноармейцев из толпы протестующих людей стали раздаваться револьверные выстрелы. Часть красноармейцев была разоружена «демонстрантами». Властям пришлось направить дополнительные подразделения и применить силу. С обеих сторон было убито 5 человек и 15 ранено, включая красноармейцев [13, с. 86–87]. Мог ли глава советского правительства жёстко не реагировать на эти события? Из современных реалий известно, к чему приводит бездействие властей по отношению к насильственным акциям радикально настроенных лиц, направленных против силовых структур государства (трагические события в Украине конца 2013 – начала 1914 гг.). Как и в нынешнее время, радикалы в 1922 г. действовали под прикрытием протестующей народной массы.

Антисоветские выступления произошли и в Петрограде у Казанского собора, возле церкви Скорбящей божьей матери, Владимирского собора на Петроградской стороне, возле Покровской церкви на Боровой и в других местах. В результате были избиты члены комиссий и отдельные граждане, пытавшиеся успокоить протестующую толпу, имелись раненые [14]. Подобные случаи были и в ряде других регионов страны.

Авторы фильма «Мумия», ссылаясь «на разные оценки» утверждают, что в ходе исследований случаев сопротивления изъятию церковных ценностей было расстреляно от 8 до 10 тыс. человек. Это сомнительные данные. Приводя их, авторы фильма ссылаются на абстрактные «разные оценки», которые невозможно проверить. Данные цифры во многом опровергают научные исследования современных учёных. Например, по подсчётам историка Г.Г. Хмуркина, за период с 1917 по 1926 гг. число погибших священнослужителей со стороны не только большевиков, но и антибольшевиков, составляло 1063 человека, что менее 2% от общего их числа [15]. Основное их количество погибло в 1918 г. Поэтому сомнительно, что в 1922 г. от рук большевиков могло погибнуть до 10 тыс. священнослужителей и других лиц, сопротивлявшихся изъятию церковных ценностей. Как полагает Хмуркин, никакого «государственного курса» на «физическое уничтожение духовенства» не существовало [15].

Ряд представителей духовенства, убитых в период Гражданской войны, пострадало вовсе не от советской власти, а от уголовных преступников и провокаторов. Примером может служить гибель священника Григория Рождественского, протоиерея Андроникова и др. В ночь под страстную пятницу 3 мая 1918 г. в г. Костроме был убит настоятель Борисо-Глебской церкви 87-летний протоиерей А.В. Андроников. Убийцы проникли в его дом и нанесли смертельный удар в голову, а затем кинжалом пронзили сердце [16, с. 711]. Их добычей стали наперсные кресты покойного, некоторые его ордена, мелкие серебряные вещи и несколько трудовых рублей. Тысячи прихожан, а также представители советской власти, пришли почтить православного мученика.

Возвращаясь к событиям 1922 г., важно отметить, что некоторые современные авторы пытаются представить митрополита Петроградского Вениамина в качестве жертвы большевистских преследований в связи с изъятием церковных ценностей. Но это не соответствует действительности. Напротив, между митрополитом Вениамином и горсоветом Петрограда тогда было достигнуто соглашение, по которому изъятию подлежали все церковные ценности, но верующие могли заменить их соответствующей суммой собранных денежных средств, что и делалось. За такое взаимодействие начальник милиции Петрограда официально выразил благодарность митрополиту. Арестовали же Вениамина в мае 1922 г. в связи с тем, что он отлучил от Церкви до раскаяния представителей высшего руководства обновленчества (Введенского, Калиновского и др.), захвативших патриаршую канцелярию в Москве. Именно обновленцы выступали главными свидетелями обвинения на суде против митрополита Вениамина. Поддержку обновленцам тогда оказывал Л.Д. Троцкий. Он не только руководил кампанией по изъятию церковных ценностей, но и был в политическом отношении отцом-основателем обновленчества. Вместе со своими сторонниками во власти он обеспечивал их защиту от иерархов истинной православной веры, каким был митрополит Вениамин, безвинно расстрелянный по навету обновленцев.

Ленин по многим вопросам, включая отношение к религиозной жизни, существенно расходился с Троцким. Владимир Ильич видел непомерное его тщеславие, скрытность и во многом не доверял ему. В разговоре с А.М. Горьким Ленин прямо сказал о Троцком: «Всё-таки не наш! С нами, а — не наш. Честолюбив. И есть в нём что-то нехорошее...» [17, с. 271].

Суждения современных авторов о богоборчестве Ленина во многом были позаимствованы у некоторых русских философов-эмигрантов. В частности, Н.А. Бердяев

полагал, что Ленин был «ненавистником религии», «богоборцем» [18, с. 131]. Однако с этим суждением нельзя согласиться. В реальной жизни В.И. Ленин воспринимал религию конкретно исторически.

С одной стороны, он критически относился к Церкви как к общественной организации, представители которой в значительной своей массе идеологически оправдывали власть имущих. Именно применительно к ним в 1907 г. он утверждал, что социал-демократы относятся «отрицательно к христианскому учению» [19, с. 156–157]. То есть не вообще к христианству, а к его государственной модификации, обслуживающей интересы господствующих классов. Но, с другой стороны, он с уважением относился к священнослужителям, которые не боялись говорить правду о социальных болезнях общества, о несправедливостях и безбожии властей. Депутата от крестьян, священника Тихвинского он назвал «достойным всякого уважения за его искреннюю преданность интересам крестьянства, интересам народа, которые он безбоязненно и решительно защищает» [19, с. 157]. Так что о ненависти Ленина к религии и духовенству говорить не приходится.

Критика Бердяева взглядов Ленина по вопросам религии была связана с тем, что Бердяев не учитывал диалектику ленинского подхода к религии, способность по-новому посмотреть на данную проблему, а порой и переосмыслить некоторые её аспекты. Например, при подготовке Декрета Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. Ленин лично редактировал его, внося конкретные нормы, защищающие права верующих людей. По мнению некоторых учёных (М.Ю. Смирнова и др.), в окончательную редакцию Декрета вошла следующая ленинская формулировка: «Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ» [20, с. 111]. Вполне очевидно, что богоборец такую формулировку не внес бы в нормативный документ.

Однако не следует идеализировать позицию Ленина по вопросам религиозной политики. Бердяев в определённой мере был прав, полагая, что Ленин и его сторонники не знали в достаточной мере истины христианства. Они воспринимали и критиковали лишь одну сторону Церкви, её институциональные и социальные проявления, которые вполне могут быть греховными. Но они не всегда учитывали главный смысл Церкви как источника накопления человеческого духа, как мистическое тело Христова, как «вечную истину» [18, с. 140]. Ведь именно эта сторона религии формирует устойчивость нравственного состояния народа, силу его духа.

Но, несмотря на полемику между Бердяевым и Лениным, мировоззренческой пропасти по религиозному вопросу между ними не было. По мнению Бердяева, «коммунизм есть христианская правда» [18, с. 147]. «Церковь, — писал он, — должна возвышаться над царством кесаря. Осуждение церковью капиталистического режима, признание церковью правды социализма и трудового общества я бы считал великой правдой» [18, с. 147–148]. Такие слова во многом идейно сближали Бердяева с Лениным. Новым поколениям россиян, включая священнослужителей, нужно понимать это, не попадаясь на пропагандистские уловки антисоветчиков, рядящихся в мантию защитников православия.

Ленин, будучи руководителем советского государства, по-новому рассматривал многие важные вопросы теории и практики социалистического строительства, включая отношение к религии. В последний период жиз-

ни он всё более приближался к пониманию универсальности и позитивности духовной сущности религии. Это проявлялось в его многократном обращении не только к диалектике, но и к идеалистическим смыслам Гегеля.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что Ленин, проявляя сам уважение к чувствам верующих людей, требовал этого и от представителей власти. В апреле 1921 г. в газетах был опубликован циркуляр ЦК большевистской партии в связи с праздником 1 мая. В нём изначально, наряду с прочим, было написано, что нужно «разоблачать ложь религии». Ленин, заметив это, выступил против такого подхода. В письме к В.М. Молотову он указывал, что *«надо рекомендовать иное: не разоблачать ложь, а избегать, безусловно, всякого оскорбления религии»* [21, с. 140]. В этом содержалась сущность **нового ленинского видения социализма применительно к религии**.

В фильме «Мумия» несправедливо утверждается, что в детстве Владимир Ульянов (Ленин) якобы формировался на чуждых религии принципах и отец его, «хотя Бога не отрицал, но в детях веру не растил». В действительности же, Ленин, не став религиозным человеком, воспитывался на православной культуре. Отец его был глубоко верующим человеком. В детстве вместе с ним Володя Ульянов посещал церковь. Он был крещён и носил нагрудный крестик. Верующей была и мать, но в отличие от отца, она не стала церковной женщиной. По воспоминаниям сестры Ленина А.И. Ульяновой-Елизаровой, когда в возрасте четырех лет старший их брат Саша опасно заболел, мать «упала на колени перед образом», шепнув шестилетней Ане: «Молись за Сашу» [22]. В такой семейной атмосфере воспитывался Владимир Ульянов.

При поступлении в 1879 г. в симбирскую гимназию будущий Ленин успешно сдал вступительные испытания, включая Закон Божий. В гимназии он состоял в религиозном Братстве имени Сергия Радонежского. Обязательным для себя считал он и церковное венчание с супругой – Н.К. Крупской, которое состоялось 22 июля 1898 года в Петропавловской церкви села Шушенского Енисейской губернии. Согласно другому источнику, венчание проходило в селе Ермаковском, что располагалось в 35 км от Шушенского [23].

Некоторые православные традиции, которые были заложены в Ленине с детства, сохранялись и позже. В частности, его отличали скромность, неприхотливость в быту, забота о товарищах, простота характера. У него сохранилась привычка поклоном приветствовать людей. По воспоминанию Крупской, Ленин во время прогулок уважительно кланялся прохожим людям. Как она писала, Владимир Ильич «как-то старательно кланялся встречавшимся крестьянам, рабочим, малярам, красившим в совхозе крышу. И к детям был внимателен и ласков» [24, с. 586]. Эти факты недопустимо игнорировать.

После смерти Ленина Патриарх Тихон не стал запрещать приходам Русской Церкви служить панихиду, а верующим людям помянуть его в церковном служении. «Идейно, – отмечал тогда Святейший, – мы с Владимиром Ильичом Лениным, конечно, расходились, но я имею сведения о нём как о человеке добрейшей и поистине христианской души» [25]. Эти слова тогдашнего настоятеля нашей Церкви следовало бы помнить гражданам современной России, включая представителей духовенства.

Несправедливым является суждение, прозвучавшее в фильме «Мумия» о том, что **Ленин якобы был ненавистником института семьи**. Утверждалось, что он первым в мире разрешил аборт в стране. По этому поводу следует заметить, что данное решение в 1920-м году

принималось не постановлением Совнаркома, а локальными актами наркоматов здравоохранения и юстиции Советской России. Введение легального и бесплатного аборта в медицинских учреждениях имело тогда определённые основания. *Во-первых*, Гражданская война и иностранная интервенция увеличили экономические бедствия, ухудшив и без того тяжёлое материальное положение народа. Многие женщины, хотя и хотели иметь детей, но опасались, что не смогут их прокормить. В результате они решались на такую операцию. *Во-вторых*, легализация аборт уменьшила количество смертей и травм женщин, которые ранее делали такие операции нелегально. Смертность от последствий абортов вскоре упала в советской России в 14 раз [26]. Однако вышеназванная аргументация лишь объясняет тогдашнее решение о легализации аборта, но не свидетельствует о его правильности. За исключением небольшого количества случаев, когда аборт допустим по медицинским показаниям, эта операция остаётся злом и большим грехом. Уже с конца 1920-х годов советской властью стали вводиться ограничения на проведение абортов, а с 1936 г. до середины 1950-х гг. аборты в СССР были запрещены. Поэтому несправедливо обвинять Ленина и советскую власть в умышленном ослаблении института семьи.

В данном фильме утверждается, что после ленинских декретов о расторжении брака и о гражданском браке число разводов в стране «увеличилось лавинообразно». Этот довод не имеет научного обоснования. Ещё в императорской России начала XX в. наблюдался рост разводимости. Ленинские декреты вовсе не привели к лавинообразному её увеличению. И это подтверждают статистические данные по ряду российских регионов. Например, в книге записей актов о разводе по Курской области за 1921 г. по Дмитриевскому уезду насчитывалось 70 браков и 4 записи о разводе, а в книгах за 1923–1925 гг. на 400 браков приходилось 20 разводов [27]. Следовательно, в 1921 и в 1923–1924 гг. процент разводимости там оставался примерно на одном невысоком уровне, составляя 5–6% от числа брачующихся, что лавинообразным увеличением не назовёшь. Или ещё пример. В г. Новочеркасске Донской области за апрель-май 1920 г. отделом ЗАГС было зарегистрировано 350 браков и 45 разводов [28], что составляло немногим более 12%. Иной ситуация была в Петрограде, где процент разводимости был выше. Однако основное население страны проживало в сельской местности и в регионах с низкой разводимостью.

Следует отметить, что некоторые духовные лица – исследователи проблем церковной истории не усматривают злого умысла в передаче советской властью от Церкви функций регистрации рождения, смерти граждан, выдачи свидетельств о браке специальным органам (ЗАГС). Основатель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета протоиерей В.Н. Воробьёв в одной из своих статей писал, что в то время Церковь настолько привыкла к своим обязанностям регистрации актов гражданского состояния, что никак не хотела их уступить и протестовала. «Теперь, – продолжал он, – мы об этом нисколько не жалеем, нам ясно, что регистрация гражданских состояний только мешала Церкви» [29]. Поэтому не следует навешивать на советскую власть ложные ярлыки разрушителей семьи и брака. Напротив, в 1920-е гг. в советском обществе произошло институциональное укрепление семьи.

Далёким от истины является и **суждение о мавзолее как храме коммунистической религии**, верховным идолом которой якобы был Ленин. На самом деле мавзолеем создавался для того, чтобы дать возможность миллионам наших сограждан и представителям других

стран воочию увидеть облик Ильича, выразить уважение и признательность основателю советского государства. Коммунистическое мировоззрение вовсе не являлось религией. Оно было идеологией советского государства, а религии, включая православие, ислам и др. продолжали выполнять свои благородные миссии, не претендуя на идеологическую роль.

Другое дело, что со второй половины 1950-х гг. в советской идеологии стал усиливаться догматизм под видом «обновления коммунистического мировоззрения». Можно утверждать, что хрущёвская «реформация» коммунистической идеи привела к искажению, к определённой идейной мутации этого мировоззрения путём его дрейфа в сторону либерализма и начётничества. Проявилось это, *во-первых*, в утверждении нового главного приоритета – обеспечение всё большего повышения материального благосостояния граждан. Данная установка во многом была близка капиталистическому целеполаганию – формированию общества потребления. *Во-вторых*, в хрущёвской версии коммунизма отсутствовали многоукладность, включая широкую кооперацию. *В-третьих*, была упразднена необходимость терпимости и уважительности к религиозности людей. *В-четвёртых*, был провозглашён сомнительный тезис об обязательном «стирании национальных различий» и достижении некоего полного единства всех наций СССР, что позже обернулось обострением национального вопроса в стране. *В-пятых*, надуманной была и установка на быстрое, всего за 20 лет построение в СССР коммунизма.

Научное восприятие коммунизма не может быть сведено к потребительскому императиву. *Коммунизм – это не столько общество, позволяющее всем людям жить по потребностям, сколько альтернативный капитализму вектор эволюции человечества.* Данное направление социальной организации отвергает либеральные ценности господства частной собственности, приоритета индивидуальных интересов и тотальной конкуренции, а также устремлённость к обогащению и потребительству. Коммунистическая линия развития нацелена не на потребление, а на создание необходимых условий для гармоничного развития всех и каждого в отдельности человека, независимо от его состояния и успешности. И это великое целеполагание. Практическим выражением коммунистического вектора общественной эволюции является социализм в различных его модификациях (советской, вьетнамской, кубинской, китайской и др.).

Неправомерно в Ленине видеть антихристианского идола. Он не позиционировал себя в качестве верующего в Бога человека, но с уважением относился к религиозным чувствам людей. Неприятие у него вызывали лишь те представители духовенства, которые активно боролись против советской власти, саботировали её решения, призывали верующих к её свержению.

В первые годы советской власти отдельные представители духовенства стали организаторами вооружённых отрядов и воевали с оружием в руках против представителей новой власти. *Имеются факты сотрудничества некоторых священнослужителей не только с белогвардейцами, но и с иностранными интервентами, вторгшимися в Россию [30].* Так, по инициативе Омского архиепископа Сильвестра и английского генерала Альфреда Нокса из священников и офицеров были сформированы полки, которым дали религиозные наименования – «полк Иисуса», «полк Богородицы», «полк Ильи Пророка» и др. Священников, состоявших в данных подразделениях, советская власть привлекала к ответственности не за их веру в Бога, а за антисоветскую, антигосударственную деятельность.

Ленинский мавзолей – это не только место своеобразного захоронения тела основателя советского государства, но и особый символ нашей грандиозной победы в Великой Отечественной войне. Ведь летом 1945 г. многочисленные знамёна поверженной фашистской Германии и её сателлитов были брошены именно к подножью мавзолея.

Важно заметить, что многие идейные противники Ленина, негативно относящиеся к нахождению его тела в мавзолее, открыто заявляют, что хотя *перезахоронения не только Ленина*, но и всех других лиц – выдающихся людей России, составляющих некрополь на Красной площади Москвы. Так, руководитель православного ансамбля «Ихтис» Андриан Гусейнов во время обсуждения фильма «Мумия» заявил о необходимости перезахоронить «всё кладбище в сердце нашей страны», всех, покоящихся в некрополе [31]. При этом он не удосужился поинтересоваться мнением на сей счёт родственников этих лиц. А кремлёвский некрополь включает в себя братские и индивидуальные захоронения более 400 человек. Это – революционеры, видные деятели советского государства и международного коммунистического движения, выдающиеся советские военачальники, разгромившие фашизм, космонавты, крупные учёные страны. Важно понимать и то, что некрополь на Красной площади, включая ленинский мавзолей, охраняется (с 1974 г.) нашим государством как памятник культуры. А значит, намерение разрушить этот памятник является в правовом отношении антигосударственным деянием.

Представителям российского духовенства не следует игнорировать важнейшую задачу Церкви – защищать интересы верующих людей, способствовать укреплению духа народа, что в нашей стране невозможно делать, находясь на *антисоветской и антиленинской* позициях. В Украине, как известно, такой курс властей обернулся трагедией братоубийственной гражданской войны и превращением страны в военный таран НАТО против Российской Федерации. Этому предшествовало именно массовое разрушение памятников Ленина и тотальное ниспровержение в историческом сознании многих украинцев позитивных образов нашего общего советского прошлого.

Истинно Христова Церковь должна быть готова при необходимости обличать отдельных общественных деятелей, различного ранга должностных лиц, представителей СМИ за их провокационные, несправедливые намерения и деяния, а не занимать угодническую позицию. Применительно к современной России касается это и вопроса о ленинском мавзолее.

В фильме «Мумия» приводится мнение о том, что с годами *интерес к Ленину в нашем обществе всё более ослабевает.* Так ли это? Судя по социологическим опросам, наше общество в данном отношении разделено примерно на две части. Первая часть респондентов считает недопустимым сегодня ставить вопрос о выносе Ленина из мавзолея, а вторая относится к Ленину негативно или безразлично. Судя по данным ВЦИОМ (январь 2024 г.), 55% опрошенных склоняются к мнению, что торопиться с принятием решения о дальнейшем пребывании тела Владимира Ленина в Мавзолее не следует [32]. Игнорировать это общественное мнение было бы большой ошибкой.

Среди респондентов, включая молодежь, по вопросу нахождения Ленина в мавзолее доминируют три подхода. Первый (33% россиян) проявляют уважительное отношение к Ленину, они сторонники сохранения его мавзолея. Второй подход (30% россиян) – негативное отношение к основателю советского государства, они сторонники его скорейшего захоронения. Третий подход

(27%) – сторонники сохранять тело Ленина в мавзолее до тех пор, «когда уйдет поколение тех, кому он по-прежнему дорог» [32]. Однако такие настроения могут измениться, в том числе, и в сторону более уважительного отношения к Ленину. Ведь реальностью являются, *во-первых*, ослабление эффективности нынешней постсоветской либеральной социальной организации в РФ и, *во-вторых*, углубление общего кризиса капитализма, с его неясной перспективой.

Глобальный капитализм сталкивается с нарастающими противоречиями. Он не может обеспечить прежние экономические темпы развития и стал на путь демонтажа модели социального государства. Нигде на Западе большинство народа не живёт с уверенностью в благополучное будущее своё и своих детей. Ленинская же модель социализма была нацелена на то, чтобы абсолютное большинство народа жило благополучно и было уверено в своём будущем.

Применительно к России представляется предпочтительной *социалистическая модель общественного устройства*, опирающаяся на религиозно-духовный потенциал народа и возможности информационного обеспечения планирования для опережающего развития экономики, его реального сектора, производящего добавочную стоимость. Эта модель общества сможет защитить духовно-нравственные основы бытия, обеспечить высокий уровень бесплатного образования и медицины, возродить дух солидарности и коллективизма, активизировать глубокие *интеграционные процессы на постсоветском пространстве мирным путем* на основе взаимного уважения и заинтересованности, а также остановить агрессивные поползновения правящих элит стран НАТО. Ведь такие поползновения ведут человечество к трагедии широкомасштабной мировой войны.

По мнению известного американского социолога конца XX – начала XXI вв. Иммануила Валлерстайна, В.И. Ленин где-то к 2050 году «может стать основным национальным героем России» [33]. Такой социальный прогноз свидетельствует о наличии даже на Западе признания позитивной значимости Ленина и востребованности его идей в будущем. Современным его соотечественникам, по меньшей мере, нужно проявлять уважительное отношение к этой масштабной личности. Можно не симпатизировать ей, но нельзя не признавать особой роли Ленина в формировании великой советской державы и актуальности его диалектического метода познания сути и перспектив развития реальных процессов в обществе.

Вполне очевидно, что у Ленина как политика, государственного деятеля были определённые ошибки. Но он умел признавать и исправлять их. Несомненно, он был крупной исторической личностью, которой могут гордиться наши соотечественники. Среди великих людей мира трудно найти хоть одного, которого не пытались измазать грязью. Как верно заметил писатель А.М. Горький: «У всех людей есть стремление не только принизить выдающегося человека до уровня понимания своего, но и попытаться свалить его под ноги себе, в ту липкую, ядовитую грязь, которую они, сотворив, наименовали “обыденной жизнью...” Если бы туча ненависти к нему, туча лжи и клеветы вокруг имени его была ещё более густа – всё равно: нет сил, которые могли бы затемнить факел, поднятый Лениным в душной тьме обезумевшего мира. И не было человека, который так, как этот, действительно заслужил в мире вечную память» [17, с. 259, 273]. Не следует забывать и то, что уважительное отношение к своей истории, к её личностям, служившим интересам людей труда, является показателем внутренней культуры народа.

Заключение

В заключении следует отметить, что вызывает большое сожаление одобрительное отношение к сомнительному по содержанию «документальному» фильму «Мумия» со стороны части иерархов Русской Православной Церкви (архиепископа Зеленоградского Саввы, епископа Можайского Иосифа и др.). Во многом это стало следствием принятия РПЦ антисоветской мировоззренческой парадигмы, свойственной Русской Православной Церкви Заграницей, после их объединения в 2007 г.

Но среди православных священников, современных религиозных учёных есть и такие, которые критически восприняли фильм «Мумия». Член Синодальной богослужебной комиссии РПЦ, профессор, протоиерей Владимир Василик справедливо полагает, что этот фильм разжигает в обществе раздорные и мятежные настроения, а мавзолей Ленина «никаким оккультным местом и оккультным символом не является». «Очень многие молодые люди, – продолжал он, – чуткие к проблеме социальной справедливости, – возмущены той вакханалией, которая творится вокруг мавзолея. И думаю, чем скорее это закончится – тем лучше будет для России и нашей Церкви» [34]. Такая позиция представляется ответственной и перед Церковью, и перед страной.

Схожую с Василиком оценку фильму «Мумия» дал писатель Захар Прилепин. По его мнению, сегодня «Ленин – та болевая точка, с которой начинают шатать Россию, подвигая ее к новой гражданской войне» [35]. Причем, *к широкомасштабной гражданской войне, способной привести к развалу современной российской государственности*. Факт появления этого фильма и хорошо организованное продвижение его показа в различных регионах страны не может пройти незамеченным для структур, отвечающих за государственную безопасность Российской Федерации. Ведь мы живём в тяжелейший период, когда нашей стране объявлена война на уничтожение, в которой правящая украинская элита и её вооружённые формирования выступают в роли острия, стремящегося надломить российскую государственность. Поэтому без единства нам не выстоять.

Зловещие силы Запада спровоцировали братоубийственную гражданскую войну между русскими и украинцами на территории нашего общего исторического Отечества. Теперь определённые внутренние силы предпринимают попытки разжечь противостояние в самой Российской Федерации между подлинно левыми силами, выступающими за социальную справедливость, новую индустриализацию, возрождение социализма и, с другой стороны, национально-патриотическими силами, представителями РПЦ и других конфессий. Кукловоды из либерального политического лагеря, мечтающие о примирении с Западом на любых условиях, умело провоцируют такое противостояние. Ведь именно эти две силы (лево-социалистическая и национально-патриотическая) являются сегодня помехой для встраивания России в глобальный западный «цивилизованный» мир с потерей нашей страной её оставшегося потенциала суверенности. О вероятности такого сценария не следует забывать ответственным за судьбу России левым и национально-патриотическим силам, а также широкой православной и мусульманской общественности России.

На нынешнем этапе развития страны необходимо не противостояние, а сближение, консолидация усилий патриотов, религиозных представителей с подлинно левыми (социалистическими и коммунистическими) силами. Как отмечал современный российский философ А.Е. Молотков, даже при полной «гегемонии» правосла-

вия и при наличии «диктатуры» национализма, но «без опоры на великую правду Советской цивилизации, которая заявила себя в идеологических формах социализма», будущее России «будет принципиально уродливым» [36].

Следовательно, ошибочным было бы принимать за правду ложь о Ленине и мавзолее, которую пытаются продвигать в общественное сознание авторы пропагандистской фальшивки под названием «Мумия». В этой связи можно напомнить слова известного режиссёра С.С. Говорухина, который незадолго до смерти повинился за то, что в преддверии распада СССР снимал далёкие от правды фильмы типа «России, которую мы потеряли». Этим он признавал и свою вину за распад великой державы. Сегодня под угрозой стоит существование российской государственности. Поэтому слишком высокой для нашего народа может оказаться цена новой ошибки, дестабилизирующей общество и подталкивающей (осознанно или неосознанно) страну к пропасти.

Литература

1. Мумия. Телеканал СПАС, 30 июня 2025 г. URL: <https://rutube.ru/video/09599d250557fe28670952ee29dbb981/?ysclid=mdbxsxl3e1176930957> (дата обращения: 03.07.2025)
2. Философ Александр Зиновьев о Ленине. Материалы интервью с философом Александром Зиновьевым, январь 2004 г. URL: <https://kpss-ru.livejournal.com/69646.html> (дата обращения: 08.04.2024)
3. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти (1918 г.) // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 166–208.
4. Ленин В.И. О национальной гордости великоросов // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 26. М.: Политиздат, 1969. С. 106–110.
5. Ленинское «указание» № 13666/2 о «расстреле попов». Настольное религиозоведение, 28 января 2013 г. URL: <http://tilindir.blogspot.ru/2013/01/136662.html> (дата обращения: 11.09.2023)
6. Мумия. Телеканал СПАС, 30 июня 2025 г. Комментарий епископа Можайского, наместника монастыря Оптиной пустыни Иосифа. URL: <https://rutube.ru/video/09599d250557fe28670952ee29dbb981/?ysclid=mdbxsxl3e1176930957> (дата обращения: 03.07.2025)
7. В окружное бюро юстиции Донской области РСФСР, 1920 г. // Государственный архив Ростовской области (ГАРО), Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 49. 6 л.
8. Объекты имущественных прав православных организаций в советской России 1917–1945 гг. URL: <http://isfic.info/sovpor/petova16.htm> (дата обращения: 02.12.2024)
9. Ленин В.И. Записка В. Бахвалову от 2 апреля 1919 г. // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 50. М.: Политиздат, 1970. С. 273.
10. Ленин В.И. Письмо А.М. Горькому, 13–14 ноября 1913 г. // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 48. М.: Политиздат, 1970. С. 226–229.
11. Ленин В.И. Письмо В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) 19 марта 1922 г. В кн.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Изд.-во Библийско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996. 352 с.
12. Ленин В.И. Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) т. Молотову для членов Политбюро // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 53.
13. Телеграмма губкома г. Иваново-Вознесенска в Политбюро 18 марта 1922 г. В кн.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941... 352 с.
14. Научные пояснения по ссылкам письма В.И. Ленина Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г. URL: <http://leninism.su/works/99-v-i-lenin-neizvestnye-dokumenty-1891-1922/3671-pismo-molotovu-dlya-chlenov-politbyuro-czk-rkpb.html> (дата обращения: 29.12.2024)
15. Хмуркин Г.Г. Цифры, измеряющие совесть. Еще раз о «геноциде священников» в ленинское время (1917–1926). Наука и мифы, 25 августа 2018 г. URL: <https://pravdaruby.livejournal.com/6450.html> (дата обращения: 03.07.2025)
16. Красовский Пётр. Пастырь-мученик // Церковные ведомости. 1918. 14 июля. № 23–24. 714 с.
17. Горький А.М. Очерк «В.И. Ленин». В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти т. Редкол. Г.Н. Голиков и др. 2-е изд. Т. 2. М.: Политиздат, 1979. 496 с.
18. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
19. Ленин В.И. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе (март 1907 г.) // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 15. М.: Политиздат, 1972. С. 127–160.
20. Смирнов М.Ю. Религия и Библия в трудах В.И. Ленина: новый взгляд на старую тему // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 106–125.
21. Ленин В.И. Письмо В.М. Молотову (между 9 и 21 апреля 1921 г.) // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 52. М.: Политиздат, 1970. С. 140.
22. Верующими ли были родители В.И. Ленина? Семейные истории. URL: http://www.famhist.ru/famhist/lenin_b/0000966a.htm (дата обращения: 09.11.2024)
23. Вяткин В.В. Был ли Ленин беспощадным врагом православной церкви. К 150-летию основателя государства без религии // Независимая газета. 2020. 14 апреля.
24. Из воспоминаний Н.К. Крупской о жизни Владимира Ильича в Горках в 1923 г. В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-и т. Редкол. Г.Н. Голиков и др. 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1979. 646 с.
25. Патриарх Тихон о В.И. Ленине // Вечерняя Москва. 1924. 25 января. URL: <https://russianpulse.ru/matveychev-oleg/2016/11/14/1583765-patriarh-tihon-o-lenine-i-nbsp-mavzolee> (дата обращения: 10.08.2023)
26. Хомайко Лариса. Кража у государства: как женщины боролись за право на аборт, 22 января 2023 г. URL: <https://flacon-magazine.com/lyudii-istorii/7132694-krazha-u-gosudarstva-kak-zhenshiny-v-istorii-borolis-za-pravo-na-abort> (дата обращения: 17.04.2025)
27. Комитет ЗАГС Курской области, 1918–1925 гг., 6 декабря 2022 г. URL: https://vk.com/wall-182412879_1067?w=wall-182412879_1067&ysclid=mco7v-8gazc691382813 (дата обращения: 04.07.2025)
28. Новочеркасская жизнь // Красный Дон, газета. 1920. 22 июня.
29. Воробьев Владимир, протоиерей. Неосознанные пережитки советского прошлого и потребительская психология новых прихожан. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1934676.html> (дата обращения: 06.05.2023)

30. Новикова Т.М. Православная церковь и правительство А.В. Колчака // Вестник ИРГТУ, гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 268–272.
31. Мумия. Телеканал СПАС, 30 июня 2025 г. Комментарий руководителя православного ансамбля «Ихтис» Андриана Гусейнова. URL: <https://rutube.ru/video/09599d250557fe28670952ee29dbb981/?ysclid=mdbxsl3e1176930957> (дата обращения: 03.07.2025)
32. ВЦИОМ: 57% россиян поддерживают захоронение тела Ленина. Общество, 19 января 2024 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6464005?ysclid=mdgkoxi1ms103646368> (дата обращения: 21.07.2025)
33. Валлерстайн Иммануил Морис. Ленин и ленинизм сегодня и послезавтра // Эксперт. 2010. № 1. 27 декабря. URL: <http://left.by/archives/939> (дата обращения: 18.09.2024)
34. Протоиерей Владимир Владимирович Василек. Убого, двусмысленно и лицемерно. О передаче «Вечер на Спасе», посвящённой защите фильма «Мумия» от критики со стороны православных от 10 июля 2025 г. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2025/07/14/ubogo_dvusmyslenno_i_licemer-no?ysclid=mdc14f50e2719797980 (дата обращения: 20.07.2025)
35. Глумление над историей или духовное возрождение? КПРФ протестует против фильма о мавзолее Ленина «Мумия», 3 июля 2025 г. URL: <https://www.yuga.ru/news/478323-zagolovok/?ysclid=mcnv1aa190613182813> (дата обращения: 07.07.2025)
36. Молотков А.Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке. М.: Изд.-во «Русский остров», 2008. 395 с. URL: <https://refdb.ru/look/1135851-pall.html> (дата обращения: 19.10.2024)
4. Lenin V.I. On the National Pride of the Great Russians // Complete Collected Works. 5th ed. T. 26. M.: Politizdat, 1969. Pp. 106–110.
5. Lenin's "instruction" No. 13666/2 on the "execution of priests". Desk Religious Studies, January 28, 2013. URL: <http://tilindir.blogspot.ru/2013/01/136662.html> (accessed: 11.09.2023)
6. Mummy. SPAS TV channel, June 30, 2025. Commentary by Bishop Joseph of Mozhaisk, Abbot of the Optina Pustyn Monastery. URL: <https://rutube.ru/video/09599d250557fe28670952ee29dbb981/?ysclid=mdbxsl3e1176930957> (accessed: 03.07.2025)
7. To the District Bureau of Justice of the Don Region of the RSFSR, 1920 // State Archives of the Rostov Region (GARO), F. R-97. Op. 4. D. 49. 6 p.
8. Objects of Property Rights of Orthodox Organizations in Soviet Russia 1917–1945. URL: <http://isfic.info/sovpop/petova16.htm> (accessed: 02.12.2024)
9. Lenin V.I. Note to V. Bakhvalov dated April 2, 1919 // Complete collected works. 5th ed. Vol. 50. Moscow: Politizdat, 1970. P. 273.
10. Lenin V.I. Letter to A.M. Gorky, November 13–14, 1913 // Complete collected works. 5th ed. Vol. 48. Moscow: Politizdat, 1970. P. 226–229.
11. Lenin V.I. Letter to V.M. To Molotov for members of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b), March 19, 1922. In the book: Russian Orthodox Church and the Communist State. 1917–1941. Documents and photographs. Moscow: Publishing House of the Biblical and Theological Institute of St. Apostle Andrew, 1996. 352 p.
12. Lenin V.I. Letter to the Politburo of the Central Committee of the RCP(b), Vol. Molotov for members of the Politburo // Complete collected works. 5th ed. Vol. 45. Moscow: Politizdat, 1970. P. 53.
13. Telegram of the Ivanovo-Voznesensk Provincial Committee to the Politburo, March 18, 1922. In the book: Russian Orthodox Church and the Communist State. 1917–1941... 352 p.
14. Scientific explanations based on the references from V.I.'s letter. Lenin to Molotov for members of the Politburo of the Central Committee of the RCP (b) dated March 19, 1922. URL: <http://leninism.su/works/99-v-i-lenin-neizvestnye-dokumenty-1891-1922/3671-pismo-molotovu-dlya-chlenov-politbyuro-czk-rkp.html> (accessed: 29.12.2024)
15. Khmurkin G.G. Numbers that measure conscience. Once again about the "genocide of priests" in Lenin's time (1917–1926). Science and myths, August 25, 2018. URL: <https://pravdaruby.livejournal.com/6450.html> (accessed: 03.07.2025)
16. Krasovsky Petr. Shepherd-martyr // Church news. 1918. July 14. No. 23–24. 714 p.
17. Gorky A.M. Essay "V.I. Lenin". In the book: Memories of Vladimir Ilyich Lenin: In 5 volumes. Editorial board. G.N. Golikov et al. 2nd ed. T. 2. M.: Politizdat, 1979. 496 p.
18. Berdyayev N.A. The Origins and Meaning of Russian Communism. M.: Nauka, 1990. 224 p.
19. Lenin V.I. Draft Speech on the Agrarian Question in the Second State Duma (March 1907) // Complete Collected Works. 5th ed. T. 15. M.: Politizdat, 1972. Pp. 127–160.
20. Smirnov M. Yu. Religion and the Bible in the Works of V.I. Lenin: A New Look at an Old Topic // State, Religion, Church in Russia and Abroad. 2011. No. 2. Pp. 106–125.
21. Lenin V.I. Letter to V.M. Molotov (between April 9 and 21, 1921) // Complete collected works. 5th ed. Vol. 52. Moscow: Politizdat, 1970. P. 140.
22. Were V.I. Lenin's parents believers? Family stories. URL: http://www.famhist.ru/famhist/lenin_b/0000966a.htm (accessed: 09.11.2024)
23. Vyatkin V.V. Was Lenin a merciless enemy of the Orthodox Church. On the 150th anniversary of the founder of a state without religion // Nezavisimaya Gazeta. 2020. April 14.
24. From the memoirs of N.K. Krupskoy about the life of Vladimir Ilyich in Gorki in 1923. In the book: Memories of Vladimir Ilyich Lenin: In 5 volumes. Editorial board. G.N. Golikov et al. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Politizdat, 1979. 646 p.
25. Patriarch Tikhon about V.I. Lenin // Vechernyaya Moskva. 1924. January 25. URL: <https://russianpulse.ru/matveychev-oleg/2016/11/14/1583765-patriarh-tihon-o-lenine-i-nbsp-mavzolee> (accessed: 10.08.2023)
26. Khomaiko Larisa. Stealing from the State: How Women Fought for the Right to Abortion, January 22, 2023. URL: <https://flacon->

LENINISM IN MODERN PUBLIC CONSCIOUSNESS: DISCOURSE OF MEMORY AND IDEOLOGICAL CONFRONTATION

Tsitkilov P.Ya.
Southern Federal University

The relevance of the article is due to the need to prevent destabilization in modern Russia in the context of its tough confrontation with the united West, which uses Ukraine as a battering ram against the Russian Federation. In such a situation, it is unacceptable to provoke a confrontation between the left-wing forces advocating for social justice, the revival of the industrial and defense potential of the country and the national-patriotic, Orthodox community defending the national greatness of Russia, its spiritual power. Disrespectful attitude towards the founder of the great Soviet power, towards his mausoleum, based mainly on half-truths and dubious arguments, undermines the situation in our country, weakens its unity. This article provides an analysis of the main anti-Leninist arguments contained in the "documentary" film "The Mummy", which caused a wide resonance in modern Russian society. Their scientific inconsistency is shown.

Keywords: Lenin as a historical figure, the mausoleum on Red Square, anti-Leninism as a destabilizing factor, state security of Russia.

References

1. Mummy. SPAS TV channel, June 30, 2025. URL: <https://rutube.ru/video/09599d250557fe28670952ee29dbb981/?ysclid=mdbxsl3e1176930957> (accessed: 03.07.2025)
2. Philosopher Alexander Zinoviev about Lenin. Interview materials with philosopher Alexander Zinoviev, January 2004. URL: <https://kpss-ru.livejournal.com/69646.html> (accessed: 08.04.2024)
3. Lenin V.I. The Immediate Tasks of Soviet Power (1918) // Complete Collected Works. 5th ed. T. 36. M.: Politizdat, 1969. Pp. 166–208.

magazine.com/lyudi/istorii/7132694-krazha-u-gosudarstvakkak-zhenshiny-v-istorii-borolis-za-pravo-na-abort (accessed: 17.04.2025)

27. Civil Registry Office Committee of the Kursk Region, 1918–1925, December 6, 2022. URL: https://vk.com/wall-182412879_1067?w=wall-182412879_1067&ysclid=mco7v8gazc691382813 (accessed: 04.07.2025)
28. Novocherkassk Life // Krasny Don, newspaper. 1920. June 22.
29. Vorobyov Vladimir, Archpriest. Unconscious remnants of the Soviet past and consumer psychology of new parishioners. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1934676.html> (accessed: 06.05.2023)
30. Novikova T.M. The Orthodox Church and the government of A.V. Kolchak // Bulletin of IrSTU, humanitarian sciences. 2010. No. 4. P. 268–272.
31. Mummy. SPAS TV channel, June 30, 2025. Commentary by the head of the Orthodox ensemble “Ichthys” Andrian Guseinov. URL: <https://rutube.ru/video/09599d250557fe28670952ee29db-b981/?ysclid=mdbxsl3e1176930957> (accessed: 03.07.2025)
32. VTsIOM: 57% of Russians support the burial of Lenin’s body. Society, January 19, 2024 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6464005?ysclid=mdgkoxi1ms103646368> (accessed: 21.07.2025)
33. Wallerstein Immanuel Morris. Lenin and Leninism Today and the Day After Tomorrow // Expert. 2010. No. 1. December 27. URL: <http://left.by/archives/939> (accessed: 18.09.2024)
34. Archdeacon Vladimir Vladimirovich Vasilik. Pathetic, ambiguous and hypocritical. On the program “Evening on Spas”, dedicated to the defense of the film “The Mummy” from criticism from the Orthodox, July 10, 2025. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2025/07/14/ubogo_dvusmyslenno_i_licemerno?ysclid=md-c14f50e2719797980 (accessed: 20.07. 2025)
35. See: Mockery of history or spiritual revival? The Communist Party of the Russian Federation protests against the film about Lenin’s mausoleum “The Mummy”, July 3, 2025. URL: <https://www.yuga.ru/news/478323-zagolovok/?ysclid=mcn-v1aa190613182813> (accessed: 07.07.2025)
36. Molotkov A.E. Mission of Russia. Orthodoxy and Socialism in the 21st Century. Moscow: Publishing House “Russky Ostrov”, 2008. 395 p. URL: <https://refdb.ru/look/1135851-pall.html> (accessed: 19.10.2024)

Социальные нормы в структуре общественных отношений: механизмы формирования, модели усвоения и культурные детерминанты

Савгачев Виталий Владимирович,

канд. мед. наук, доцент кафедры травматологии и ортопедии, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: hirurg2288@mail.ru

Ермошина Мария Евгеньевна,

студент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: mermoschina@yandex.ru

Статья посвящена комплексному анализу социальных норм как фундаментального механизма общественного регулирования и их роли в формировании устойчивой социальной структуры. Рассматриваются теоретические основы понимания социальных норм, их классификация и функциональное значение для обеспечения социальной сплоченности и общественного порядка. Особое внимание уделяется трехэтапной модели обучения социальным нормам, включающей предварительное обучение, обучение с подкреплением и интернализацию норм. Анализируются культурные факторы, влияющие на усвоение норм, включая специфику жестких и свободных культур, а также дихотомию индивидуализма и коллективизма. Исследуются индивидуальные детерминанты восприятия социальных предписаний, включая личные убеждения, ценностные ориентации и психологические характеристики.

Статья демонстрирует динамическую природу социальных норм и их адаптивный потенциал в условиях современных социокультурных трансформаций, что открывает перспективы для понимания механизмов сознательного формирования справедливых общественных структур.

Ключевые слова: модели обучения, социальные нормы, общество, социальное регулирование, культура.

Введение

В сложной мозаике общественных отношений социальные нормы выступают невидимыми нитями, которые соединяют индивидуальные потребности с коллективными интересами, создавая устойчивую ткань человеческой цивилизации. Эти неписанные и писанные правила поведения не являются простой формальностью – они представляют собой фундаментальный механизм социального регулирования, который определяет границы допустимого поведения и формирует ожидания относительно действий других людей [1].

Социальные нормы (СН) представляют собой установленные в обществе правила поведения, которые регулируют отношения между людьми и определяют границы социально приемлемого поведения. В отличие от индивидуальных предпочтений, СН носят коллективный характер и поддерживаются механизмами социального контроля, от неформального осуждения до формальных санкций [2].

Современные исследования показывают, что социальные нормы возникают из личных норм через их постепенное распространение среди членов общества. Этот процесс не случаен, он отражает объективную потребность человеческих сообществ в координации поведения и предсказуемости социальных взаимодействий. Нормы выполняют роль информационного механизма, передающего знания о том, как следует себя вести в различных ситуациях.

Значение СН для функционирования общества трудно переоценить. Они выступают основой социальной сплоченности, создавая общие ожидания и предсказуемость поведения. Нормы заботы, справедливости и социальной ответственности формируют моральный фундамент просоциального поведения, который способствует благополучию как отдельных индивидов, так и общества в целом [3]. Они играют ключевую роль в процессе социализации, помогая индивидам интегрироваться в общество и усваивать принятые стандарты поведения. Они создают рамки для развития социальной идентичности и культурной принадлежности, обеспечивая преемственность между поколениями. Кроме того, нормы выполняют функцию социального контроля, предотвращая деструктивное поведение и поддерживая общественный порядок. Они создают систему взаимных обязательств и ожиданий, которая делает возможным сложное социальное взаимодействие в больших группах людей, не связанных непосредственными родственными отношениями [2].

Важно понимать, что СН не являются статичными образованиями. Они эволюционируют под влиянием социальных, экономических и технологических изменений. Современные исследования показывают, что нормы могут как способствовать индивидуальному и групповому благополучию, так и, при определенных условиях, поддерживать вредные практики через механизмы конформности и плюралистического невежества.

Понимание природы социальных норм и их моделей становится особенно актуальным в эпоху глобализации и цифровизации, когда традиционные нормативные сис-

темы сталкиваются с новыми вызовами [4]. Изучение этих процессов открывает путь к более глубокому пониманию механизмов социального развития и возможностей сознательного формирования более справедливого и устойчивого общества.

Трехэтапная модель обучения социальным нормам

Представьте, что вы переезжаете из родного города в другой, чтобы работать и жить. Вам приходится осваивать и адаптироваться к новым социальным нормам, например, запрету на мусор и сортировке мусора. Чтобы своевременно и адаптивно отреагировать на эту ситуацию, вы можете сначала наблюдать и собирать некоторые социальные и средовые сигналы, характерные для новой СН в данной ситуации. Затем вы можете сформулировать прогноз о том, как вести себя в данной ситуации, и полученная социальная обратная связь (одобрительные улыбки окружающих или неодобрительное покачивание головой) может помочь скорректировать ваш прогноз. Постоянно корректируя свой прогноз на основе обратной связи, вы усвоите эту новую социальную норму и в следующий раз будете вести себя адекватно в этом кафе.

После углубленного изучения ключевых особенностей обучения социальным нормам Вэнь Чжан с коллегами из Института психологии Китая (Пекин) [3], пришли к выводам, что обучение новым социальным нормам основывается на трех основных этапах: 1) сбор информации или сигналов, заложенных в ситуации взаимодействия (этап предварительного обучения); 2) динамическое обучение тому, как вести себя правильно, путем получения социальной обратной связи и корректировки ошибок прогнозирования (этап обучения с подкреплением); и 3) включение новой социальной нормы в систему норм.

Предварительное обучение

Процесс освоения социальных норм начинается с критически важной стадии предобучения, которая служит фундаментом для успешной социальной адаптации. Основная цель этого этапа заключается в систематическом сборе социальной информации и формировании предварительных представлений о нормативном поведении в конкретной среде. Стремление соответствовать социальным ожиданиям движется двумя ключевыми потребностями: получением положительных эмоций от окружающих и формированием устойчивой социальной идентичности. Эти мотивы побуждают людей активно искать и анализировать разнообразные источники социальной информации, особенно при взаимодействии с новыми культурными контекстами или временными ситуациями неопределенности. В подобных обстоятельствах индивиды проявляют повышенную внимательность к реакциям окружающих и тщательно контролируют собственное поведение, стремясь действовать максимально адекватно ситуации [5].

Центральным процессом данного этапа является динамическое обнаружение норм – комплексная деятельность по выявлению потенциальных нормативных требований через анализ информации из различных источников. Этот процесс разворачивается в ходе наблюдения и непосредственного взаимодействия с другими участниками социальной среды [6]. Ситуационные источники в основном включают место социальной нормы, социальное поведение, которое посвящено социальной норме, группу к которой принадлежит учащийся и культуру, которая

отражает контекстуальные факторы макроуровня. Что касается социальных источников, следует подчеркнуть несколько сигналов, направляющих социальное взаимодействие, включая прямое обучение: образование, знаки и тексты в общественных местах, эмоциональные реакции и поведение других, различия внутри и вне группы (дифференциация норм), а также, социальные девианты.

Поскольку сбор социальной информации составляет сущность предварительного этапа, наблюдение становится незаменимым инструментом обучения. Этот процесс реализуется в двух направлениях.

Наблюдение за другими позволяет понять механизмы адекватного поведения в конкретном социальном контексте. Особую ценность представляет изучение прототипических примеров – наиболее типичных и показательных образцов нормативного поведения, которые служат эталоном для подражания.

Самонаблюдение представляет собой ключевую способность, обеспечивающую соответствие собственного поведения установленным нормам и предотвращение их нарушения. Этот механизм самоконтроля помогает корректировать действия в режиме реального времени, минимизируя риск социальных ошибок. [3]. Активный самоконтроль помогает людям формировать внешний вид, соответствующий текущей ситуации, и получать больше позитивного вознаграждения от других. Сенсибилизация быстрого процесса обучения может включать в себя, помимо прочего, перенос обучения, школьное обучение и вербальные предписывающие нормы. Подводя итог, можно сказать, что этап предварительного обучения в основном посвящен созданию первоначального прогноза новой СН путем наблюдения за другими и собой, чтобы обнаружить поведенческий паттерн у большинства и затем признать его «нормой».

Обучение с подкреплением

После того как на стадии предобучения была собрана социальная информация и выявлены потенциальные нормы, учащиеся формируют первоначальные представления о том, как следует себя вести. Следующий этап обучения предполагает непосредственное взаимодействие с другими участниками ситуации и получение от них обратной связи, что заставляет пересматривать и уточнять эти начальные прогнозы. Второй этап можно рассматривать как динамический процесс обучения с подкреплением, где корректировка прогноза происходит через «пробу за пробой» и оценку последствий собственных действий. В психологической литературе обучение с подкреплением определяется именно как серия попыток, результатом которых служит обратная связь, позволяющая адаптировать поведение к требуемой норме [7]. Основываясь на процессе обучения с подкреплением, считается, что динамический процесс обучения содержит три ключевых компонента: прогнозирование СН, социальную обратную связь и корректировку ошибок прогнозирования. Взаимодействие этих трёх компонентов обеспечивает постоянное уточнение понимания социальной нормы и позволяет постепенно согласовать поведение с групповыми ожиданиями.

Формирование первичного и начального представления новой социальной нормы требует социальной информации и источников на этапе предварительного обучения, это то, что большинство людей могут одобрить в конкретной ситуации или новом культурном контексте. Когда есть достаточно демонстраций (примеров), учащиеся могут наблюдать, как ведут себя другие, получать соответствующую обратную связь и объединять ее с эн-

догенными сигналами, чтобы адаптивно имитировать [8]. Если информации недостаточно, им придется действовать методом проб и ошибок, который может опираться на индивидуальные стратегии обучения, включая выводы о цели, оценку надежности информации на основе предыдущих наблюдений, выведение различных прогностических вариантов поведения, наилучшим образом подходящих цели.

Когда обучающиеся ведут себя в соответствии со своими прогнозами относительно СН, корректировка прогнозов социальных норм вряд ли возможна без социальной обратной связи, которая долгое время рассматривалась как ключевая движущая сила, приводящая к изменению поведения. Следовательно, генерация и распространение социальной обратной связи другими людьми, является важной основой для укрепления и консолидации социальных норм. Обучающиеся могут получать социальную обратную связь не только о своём собственном поведении, но и о поведении других, чтобы иметь возможность проанализировать, что одобряет или не одобряет большинство членов группы, и проложить путь к корректировке прогноза социальных норм. В то же время поведение обучающихся может стать социальной обратной связью наблюдателей от других. В результате общая модель поведения большинства членов группы или общества формируется и распространяется внутри группы [4]. Этот механизм будет работать даже без специальных инструкций или письменных правил, поскольку люди воспринимают друг друга как свои ориентиры. Сеть обучается посредством распределённых, но общих психологических процессов членов группы или общества.

После получения обратной связи учащимся необходимо решить ошибки прогнозирования – различия между их ожиданиями (предыдущим прогнозом) и полученными последствиями (обратной связью). Умеренные ошибки прогнозирования полезны для своевременной корректировки поведения, а также, для облегчения процессов изучения новых социальных норм, в то время как высокие ошибки прогнозирования могут привести к когнитивным конфликтам учащихся по отношению к их прогнозу и затем помешать им усвоить новые социальные нормы [9]. Как правило, учащиеся сначала имеют в виду различия, вовремя изменяют ложные убеждения, корректируют свои прогнозы и, наконец, адаптируются к соответствующему поведению. В результате корректировка ошибки прогнозирования играет решающую роль в формировании представления о новой социальной норме.

Усвоение норм

Интернализация (усвоение) является ключевым элементом социализации, посредством которого человек следует определенной СН из собственного усвоенного мотива, а не из-за внешнего надзора или санкций [10]. То есть люди следуют новой социальной норме, даже когда другие вокруг них не подчиняются ей после ее усвоения. Однако то, как новая СН может храниться и представляться внутренне, остается неясным. Есть три потенциальных способа, посредством которых новая норма может быть усвоена [3]. Во-первых, для людей, которые считают эту социальную норму своими ценностями, новая социальная норма может быть интегрирована в предыдущую систему, связанную с их личными и моральными ценностями. Во-вторых, новую социальную норму можно рассматривать как представление того, что делает «большинство». Следовательно, люди, которые склонны подчиняться «большинству», чтобы получить свою

идентичность от общества или организации, могут усвоить новую СН как норму большинства. В-третьих, новая социальная норма может быть кэширована как вариант по умолчанию. Столкнувшись с отсутствием альтернатив или столкнувшись с неопределенными ситуациями, люди могут активировать вариант по умолчанию, чтобы временно следовать этой новой норме. Хотя простое соответствие нормам не обязательно требует усвоения нормы, как только люди усвоят норму, они не только соблюдают ее, но и демонстрируют эмоциональные реакции, отражающие соблюдение нормы, при столкновении с поведением, нарушающим норму. Исследования Гросс Й. и Вострокнутова А. (Нидерланды) показали, что эмоции способствуют обеспечению соблюдения нормы в задаче наказания третьей стороной, что предполагает потенциальную роль эмоций в усвоении нормы [11]. Подводя итог, можно сказать, что усвоение новых СН критически важно для их поддержания, выявления нарушителей и их соблюдения или обеспечения их соблюдения в определенных ситуациях. В долгосрочной перспективе люди могут лучше адаптироваться к новой и меняющейся культуре, если смогут усвоить эти новые нормы.

В заключение следует отметить, что трехэтапная модель посвящена основному процессу обучения социальным нормам – это пошаговый процесс трехэтапной модели обучения социальным нормам от формирования начального прогноза СН до постоянной динамической корректировки ошибки прогноза и интернализации окончательной СН в систему норм, чтобы помочь человеку вести себя соответствующим образом в похожей ситуации.

Факторы, влияющие на усвоения социальных норм

Хотя социальные нормы универсально установлены во всех человеческих группах и обществах, культурные различия в силе социальных норм и степени терпимости к отклонению от норм подробно обсуждаются в многоуровневой структуре культурного взаимодействия. Такие культурные различия предсказываются степенью экологических и исторических угроз, которые испытывали различные общества, не только между странами, но и внутри них самих [12]. В частности, плотные общества имеют более высокий уровень исторических угроз (стихийные бедствия, конфликты), и, таким образом, они разработали более сильные нормы и более суровые наказания за поведение, нарушающее нормы. Для того, чтобы люди могли обнаруживать сигналы, связанные с нормами, в жестких культурах существуют более четкие инструкции по нормам и более строгое соблюдение норм, а люди в жестком обществе воспитываются более бдительными в поиске СН и обладают высоким уровнем самоконтроля. В результате они могут иметь большую «чувственную ответственность» за изучение социальных норм. Жесткие культуры налагают больше ограничений на повседневное поведение людей, предоставляя больше руководств и правил в общественных местах. Более того, представители жестких культур (Китай, Япония) склонны контролировать и регулировать своё поведение во многих областях (употреблении алкоголя и эмоциональные реакции), в отличие от представителей более свободных культур (США), у которых наблюдается больше нарушений саморегуляции [10]. Соответственно, предполагается, что представители жестких культур хронически подвергаются воздействию более строгих социальных норм, что способствует их распознаванию и контролю своего поведения и поведения других на этапе, предшествующем их обучению.

За исключением влияния культурного отличия на усвоение социальных норм, другие культурные вариации также могут влиять на новичков в усвоении социальных норм. С одной стороны, индивидуализм-коллективизм отражает заботу о себе и других. По сравнению с индивидуализмом, ценящим выражение индивидуальной независимости и внутренних черт как ядро, коллективистские культуры подчеркивают соблюдение обязательств, компромисс и гармонию и фокусируются на общей судьбе, целях и ценностях в обществе, что может быть согласовано с процессами, связанными с нормами, такими как восприятие норм и отношение к нарушителям [13].

Индивидуальные факторы, в свою очередь, также играют ключевую роль в формировании и восприятии социальных норм, определяя степень их усвоения и динамику изменения в конкретном социальном контексте. К числу таких факторов относятся личные убеждения, ценностные ориентации, опыт, уровень образования и психологические характеристики индивида. Внутренние установки становятся своеобразным фильтром, через который человек воспринимает предписания общества, когда даже в условиях сильного нормативного давления существуют вариации в интерпретации и следовании нормам [2]. Индивидуальная рефлексия позволяет как поддерживать стабильность коллективных норм, так и инициировать их трансформацию через принятие новых моделей поведения или символическое противостояние устоявшимся практикам. В результате взаимодействия личных и коллективных факторов возникает сложная мозаика нормативной регуляции, отражающая уникальность индивидуального социального опыта каждого человека.

Вывод

Проведенное исследование демонстрирует многомерную природу социальных норм как фундаментального механизма социального регулирования. Трехэтапная модель обучения социальным нормам раскрывает системный характер их усвоения: от первичного сбора социальной информации через динамическое обучение с подкреплением до полной интернализации в индивидуальную нормативную систему.

Установлено, что эффективность усвоения норм определяется сложным взаимодействием культурных и индивидуальных факторов. Культурная специфика, выражающаяся в дихотомии «жесткие-свободные» культуры и различиях по параметру «индивидуализм-коллективизм», создает различные условия для нормативного обучения. Жесткие культуры обеспечивают более четкие инструкции и строгое соблюдение норм, способствуя развитию повышенной чувствительности к нормативным сигналам. Индивидуальные факторы выполняют роль фильтрующего механизма, определяя специфику восприятия и интерпретации социальных предписаний.

Динамическая природа социальных норм, их способность к эволюции под влиянием современных вызовов подтверждает необходимость дальнейшего изучения механизмов адаптации нормативных систем к изменяющимся социокультурным условиям. Понимание этих процессов открывает перспективы для сознательного формирования более справедливых и устойчивых социальных структур.

Литература

1. Кисляков П.А., Шмелева Е.А., Александрович М.О. Моральные основания и социальные нор-

мы безопасного просоциального поведения молодежи. *Образование и наука*. 2020;22(10):116–138. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-10-116-138>

2. Плещев И. Е., Ивашковская А.В., Плещева Т.Н., Хахалина А.А. Изменения социальных норм: движущие силы и последствия // *Социология*. – 2025. – № 6. – С. 343–349. – EDN DOQIIK.
3. Zhang W, Liu Y, Dong Y, et al. How we learn social norms: a three-stage model for social norm learning. *Front Psychol*. 2023;14:1153809. doi:10.3389/fpsyg.2023.1153809
4. Плещёв И.Е., Шубин Л.Б., Савгачев В.В., Шкребо-Федотовская Д.А. Динамика социальных норм: мотивы соблюдения, факторы изменения и интегративные модели // *Социально – гуманитарные знания*. – 2025. – № 7. – С. 432–436.
5. Muldoon R., Lisciandra C., Hartmann S. Why are there descriptive norms? Because we looked for them. *Synthese*. 2014. Vol. 191. Pp. 4409–4429. doi: 10.1007/s11229-014-0534-y
6. Legros S, Cislighi B. Mapping the Social-Norms Literature: An Overview of Reviews. *Perspect Psychol Sci*. 2020;15(1):62–80. doi:10.1177/1745691619866455
7. Cheong J. H., Jolly E., Sul S., Chang L.J. “Computational models in social neuroscience” in *Computational Models of Brain and Behavior*. ed. Moustafa A.A. (Chichester, NY: John Wiley & Sons, Ltd.). 2017. Pp. 229–244.
8. Najar A, Bonnet E, Bahrami B, Palminteri S. The actions of others act as a pseudo-reward to drive imitation in the context of social reinforcement learning. *PLoS Biol*. 2020;18(12): e3001028. doi:10.1371/journal.pbio.3001028
9. Reiter AMF, Suzuki S, O'Doherty JP, Li SC, Epinger B. Risk contagion by peers affects learning and decision-making in adolescents. *J Exp Psychol Gen*. 2019;148(9):1494–1504. doi:10.1037/xge0000512
10. Bell DC, Cox ML. Social Norms: Do We Love Norms Too Much?. *J Fam Theory Rev*. 2015;7(1):28–46. doi:10.1111/jftr.12059
11. Gross J, Vostroknutov A. Why do people follow social norms?. *Curr Opin Psychol*. 2022;44:1–6. doi:10.1016/j.copsyc.2021.08.016
12. Chua RYJ, Huang KG, Jin M. Mapping cultural tightness and its links to innovation, urbanization, and happiness across 31 provinces in China. *Proc Natl Acad Sci U S A*. 2019;116(14):6720–6725. doi:10.1073/pnas.1815723116
13. Sherman DK, Updegraff JA, Handy MS, Eom K, Kim HS. Beliefs and Social Norms as Precursors of Environmental Support: The Joint Influence of Collectivism and Socioeconomic Status. *Pers Soc Psychol Bull*. 2022;48(3):463–477. doi:10.1177/01461672211007252

SOCIAL NORMS IN THE STRUCTURE OF SOCIAL RELATIONS: MECHANISMS OF FORMATION, MODELS OF ASSIMILATION AND CULTURAL DETERMINANTS

Savgachev V.V., Ermoshina M.E.

Yaroslav State Medical University

The article is devoted to a comprehensive analysis of social norms as a fundamental mechanism of social regulation and their role in the formation of a stable social structure. The theoretical foundations of understanding social norms, their classification and functional significance for ensuring social cohesion and public order are considered. Special attention is paid to the three-stage model of social norms training, which includes pre-training, reinforcement learning, and internalization of norms.

Cultural factors influencing the assimilation of norms are analyzed, including the specifics of rigid and free cultures, as well as the dichotomy of individualism and collectivism. The individual determinants of the perception of social prescriptions, including personal beliefs, value orientations and psychological characteristics, are investigated.

The article demonstrates the dynamic nature of social norms and their adaptive potential in the context of modern socio-cultural transformations, which opens up prospects for understanding the mechanisms of conscious formation of just social structures.

Keywords: learning models, social norms, society, social regulation, culture.

References

1. Kislyakov P.A., Shmeleva E.A., Aleksandrovich M.O. Moral grounds and social norms of safe prosocial behaviour of young people // *The Education and science journal*. 2020. No. 22(10). Pp. 116–138. (In Russ.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-10-116-138>
2. Pleshchev I. E., Ivashkovskaya A.V., Pleshcheva T.N., Khakhalina A.A. Changing social norms: driving forces and consequences // *Sociology*. 2025. No. 6. pp. 343–349.
3. Zhang W, Liu Y, Dong Y, et al. How we learn social norms: a three-stage model for social norm learning // *Front Psychol*. 2023;14:1153809. doi:10.3389/fpsyg.2023.1153809
4. Pleshchev I. E., Shubin L.B., Savgachev V.V., Shkrebko – Fedotovskaya D.A. Dynamics of social norms: motives for compliance, factors of change and integrative models // *Socio-humanitarian knowledge*. 2025. No. 7. pp. 432–436.
5. Muldoon R., Lisciandra C., Hartmann S. Why are there descriptive norms? Because we looked for them. *Synthese*. 2014. Vol. 191. Pp. 4409–4429. doi: 10.1007/s11229-014-0534-y
6. Legros S, Cislighi B. Mapping the Social-Norms Literature: An Overview of Reviews. *Perspect Psychol Sci*. 2020;15(1):62–80. doi:10.1177/1745691619866455
7. Cheong J. H., Jolly E., Sul S., Chang L.J. “Computational models in social neuroscience” in *Computational Models of Brain and Behavior*. ed. Moustafa A.A. (Chichester, NY: John Wiley & Sons, Ltd.). 2017. Pp. 229–244.
8. Najjar A, Bonnet E, Bahrami B, Palminteri S. The actions of others act as a pseudo-reward to drive imitation in the context of social reinforcement learning. *PLoS Biol*. 2020;18(12): e3001028. doi:10.1371/journal.pbio.3001028
9. Reiter AMF, Suzuki S, O’Doherty JP, Li SC, Eppinger B. Risk contagion by peers affects learning and decision-making in adolescents. *J Exp Psychol Gen*. 2019;148(9):1494–1504. doi:10.1037/xge0000512
10. Bell DC, Cox ML. Social Norms: Do We Love Norms Too Much?. *J Fam Theory Rev*. 2015;7(1):28–46. doi:10.1111/jftr.12059
11. Gross J, Vostroknutov A. Why do people follow social norms?. *Curr Opin Psychol*. 2022;44:1–6. doi:10.1016/j.copsyc.2021.08.016
12. Chua RYJ, Huang KG, Jin M. Mapping cultural tightness and its links to innovation, urbanization, and happiness across 31 provinces in China. *Proc Natl Acad Sci U S A*. 2019;116(14):6720–6725. doi:10.1073/pnas.1815723116
13. Sherman DK, Updegraff JA, Handy MS, Eom K, Kim HS. Beliefs and Social Norms as Precursors of Environmental Support: The Joint Influence of Collectivism and Socioeconomic Status. *Pers Soc Psychol Bull*. 2022;48(3):463–477. doi:10.1177/01461672211007252

Корпоративная культура и ее количественные аспекты: обзор новейших статистических исследований

Шерстнева Кристина Владимировна,

аспирант кафедры социальной педагогики и психологии
Московского педагогического государственного университета
E-mail: sherstyowa@gmail.com

Статья представляет собой систематический обзор актуальных статистических данных о корпоративной культуре, основанный на материалах отчетов и исследований таких компаний, как Deloitte, SHRM, Gallup и McKinsey и др. за период с 2018 по 2024 год. В работе рассматриваются ключевые вопросы вовлеченности сотрудников, а также переход к новой парадигме «Potentializing People», ориентированной на максимизацию потенциала каждого сотрудника. Особое внимание уделяется новаторским идеям «микро» подхода к культуре организации, который акцентирует внимание автономии функций и команд, что способствует созданию системы локализованных культур. Статья подчеркивает важность изучения количественных аспектов корпоративной культуры и возможностей их применения для увеличения производительности и удовлетворенности сотрудников. Обобщение новейших статистических данных позволяет выявить тенденции и закономерности, способствующие формированию эффективной корпоративной культуры, что, в свою очередь, является ключевым фактором для достижения устойчивого развития организаций в условиях конкурентного рынка. Результаты исследования представляют ценность как для менеджеров по персоналу, руководителей и консультантов по организационному развитию для разработок программ развития корпоративной культуры в условиях вызовов современного рынка, так и для ученых, стремящихся углубить свои знания в области теории и практики управления корпоративной культурой.

Ключевые слова: корпоративная культура, количественные исследования, вовлеченность сотрудников, микрокультура, человеческий потенциал, организационная культура.

В последние годы, особенно с учетом глобальных вызовов, таких как пандемия COVID-19 и переход к гибридным моделям работы, корпоративная культура стала ключевым фактором, определяющим не только уровень вовлеченности и удовлетворенности сотрудников, но и общую конкурентоспособность организаций [1, с. 105]. Современные исследования подчеркивают важность инклюзивности, ментального здоровья и адаптивности корпоративной культуры, что напрямую влияет на производительность и удержание талантов [5]. Обзор актуальных статистических данных позволяет компаниям лучше понимать текущие тренды, выявлять проблемные области и разрабатывать стратегии, способствующие созданию позитивной и продуктивной рабочей среды.

Последнее исследование «Global Workforce Hopes and Fears Survey» PwC, пятое в серии, начатой в 2019 году, показывает, что более половины работников считают, что на работе происходит слишком много изменений одновременно, а 44% не понимают, почему вообще что-то нужно менять [11]. В то же время работники также сообщают об увеличении рабочей нагрузки, неуверенности в безопасности работы и всеобъемлющих финансовых трудностях, что способствует снижению уровня вовлеченности и негативно сказывается на корпоративности компании.

С точки зрения теоретических основ актуальность темы данной работы обусловлена необходимостью интеграции современных подходов и моделей, формирующих понимание этой сложной многогранной концепции. Корпоративная культура, как объект научного анализа, охватывает широкий спектр теоретических рамок, включая социокультурные, психологические и организационные аспекты [6]. Таким образом, систематизация и анализ новейших исследований последних лет в данной области представляют собой важный шаг для дальнейшего развития научной мысли в этой области и возможностей ее реализации в практической деятельности организаций.

Так, ежегодный отчет Gallup «State of the Global Workplace» за 2023 год о вовлеченности сотрудников подчеркивает важность корпоративной культуры для повышения уровня вовлеченности и удовлетворенности работников [2]. Рассмотрим его ключевые моменты.

Стагнация вовлеченности: в 2023 году уровень вовлеченности сотрудников в целом стагнировал, при этом 75% работников в компаниях с сильной корпоративной культурой чувствуют себя вовлеченными в рабочий процесс. Это на 20% выше, чем в компаниях со слабой культурой.

Экономические последствия: низкая вовлеченность сотрудников обходится мировой экономике примерно в \$8,9 трлн в год, что составляет около 9% мирового ВВП. Это подчеркивает, насколько критично для компаний работать над улучшением вовлеченности.

Категории вовлеченности: в отчете выделяются три категории сотрудников.

1. Вовлеченные (23%).
2. Не вовлеченные (62%), что связано с понятием «тихий уход».

3. Активно не вовлеченные (15%), что снизилось на 3% по сравнению с предыдущим годом.

Региональные различия: наивысший уровень вовлеченности наблюдается в США и Канаде (33%), в то время как в Европе этот показатель составляет всего 13%. Постсоветская Евразия находится на среднемировом уровне с 24%.

Психологическое состояние работников: отчет также указывает на ухудшение психологического состояния работников, с рекордными показателями стресса и тревоги. 41% опрошенных регулярно испытывают стресс, а 21% – гнев [15].

Авторы данного отчета подчеркивают, что для повышения вовлеченности необходимо не только использовать приложения для укрепления психического здоровья, но и улучшать условия труда, качество управления и кадровую политику.

Примечателен сравнительный анализ различий отчетов Gallup «State of the Global Workplace» за 2023 и 2024 годы. В «2023–2024 Human Development Report» программы развития ООН отмечается, что психическое благополучие людей ухудшается. Более того, за последние 10 лет количество людей, выражающих стресс, печаль, тревогу, гнев или беспокойство, росло, достигнув своего пикового уровня с момента начала опросов Gallup [16].

В отчете Gallup «State of the Global Workplace» за 2024 год 41% сотрудников сообщают, что испытывают «сильный стресс». Однако уровень стресса значительно варьируется в зависимости от того, как устроена работа организации. Те, кто работает в компаниях с неэффективной практикой управления почти на 60% чаще испытывают стресс, чем люди, работающие в среде с практикой сильного и вовлеченного менеджмента. Фактически, сотрудники, работающие в системе негибкого менеджмента и слабой корпоративной культуры испытывают на 30% чаще сотрудниками, работающими под плохим руководством, чем безработные, что доказывает безоговорочную актуальность темы данной статьи.

Также примечателен анализ данных региональных различий: на территории постсоветской Евразии третий по величине региональный процент сотрудников, испытывающих ежедневный гнев, при этом один из самых низких региональных процентов сотрудников, которые находятся в активном поиске новой работы [16]. Это может быть связано с тем, что уровень безработицы в России в сентябре 2024 года обновил исторический минимум и составил 2,4% (без исключения сезонного фактора), свидетельствуют данные из ежеквартального отчета Q3 #MARKETBEAT Commonwealth Partnership. Дефицит кадров и снижение готовности сотрудников менять работу – это вызовы, с которыми сегодня сталкиваются работодатели [19]. В условиях растущей конкуренции за таланты компании ищут инновационные способы удержания и мотивации своих сотрудников, в т.ч. активно развивая корпоративную культуру [3, с. 172].

Неизменным в отчетах Gallup 2023 и 2024 года остается акцент на привлечении внимания к проблеме вовлеченности сотрудников. Gallup находит убедительные доказательства того, что сокращение числа невовлеченных работников приводит к положительным результатам внутри организаций. В метаанализе 2024 года, крупнейшем исследовании такого рода, включающем данные более чем 183 000 бизнес-подразделений в 53 отраслях и 90 странах, Gallup обнаружил, что бизнес с высоким уровнем вовлеченности подразделений, скорее всего, увидит значительно более высокое благосостояние сотрудников, а также более высокую производительность, прибыльность и продажи – чем команды с низкой вовлеченностью.

В дополнение к вышесказанному отметим роль эффективности работы отделов по работе с персоналом в вопросе повышения уровня вовлеченности сотрудников. Так, SHRM (the Society for Human Resource Management, USA), крупнейшая в мире организация по управлению персоналом и лидер в области профессионального развития персонала, в исследовании 2024 года обнаружили связь между высокоэффективными HR-менеджерами и уровнем приверженности работников организации [17]. Из 1456 опрошенных работников в США 63% тех, кто оценил своего менеджера как высокоэффективного, также заявили, что чувствуют глубокую преданность своей организации. В то же время среди тех, кто считает своего менеджера неэффективным, только 28% ощущают такую же преданность.

В свою очередь, отметим, что корпоративная культура играет ключевую роль в повышении вовлеченности сотрудников, создавая атмосферу доверия, сотрудничества и взаимного уважения. Когда организация активно поддерживает ценности, миссию и видение, это способствует формированию сильной связи между работниками и компанией. Кроме того, эффективная системная работа отдела по работе с персоналом является основой для реализации принципов корпоративности. В результате, организации с сильной HR-функцией способны не только удерживать таланты, но и значительно повышать общую продуктивность и удовлетворенность сотрудников [8].

Таким образом, исследование Gallup 2024 года прошло под эгидой идеи о том, что рабочее место может сыграть значительную роль в решении мирового кризиса психического здоровья. Иными словами, меняя то, изменение систем управления и подходов к корпоративности имеют решающее значение для снижения стресса на работе и в жизни.

В исследовании 2018 года McKinsey о корпоративной культуре и внедрении инноваций, известное как «The Eight Essentials of Innovation», которое было опубликовано в журнале McKinsey Quarterly, подчеркивается, что компании с высокоразвитыми корпоративными культурами имеют на 30% больше шансов на успешное внедрение инноваций и новых идей. В то же время в более новом исследовании McKinsey 2023 года было установлено, что 60% сотрудников в компаниях с «клубной культурой» (где ценятся лояльность и командная работа) сообщают о высокой степени удовлетворенности, в то время как только 40% сотрудников в «оборонной культуре» (где преобладает страх и неопределенность) чувствуют себя удовлетворенными [9].

В 2024 году сотрудники McKinsey выступили в качестве партнера по знаниям Culturati: Summit 2C24 – одним из ведущих мероприятий, посвященных обсуждению различных аспектов корпоративной культуры. На одной из сессий рассматривалась роль организационного здоровья в обеспечении долгосрочной эффективности, а также были продемонстрированы исследования компаний, которые поддерживают индекс организационного здоровья McKinsey (Organizational Health Index, сокр. «ОИИ»). ОИИ – это ведущий индикатор способности организации добиться устойчивого улучшения производительности. Он измеряет здоровье организации на основе выделенных критериев здоровья организации, методов управления и опыта сотрудников методом сравнения получившегося профиля организации с базой данных из 2600 клиентов и 8 млн ответов на опросы, чтобы точно предсказать будущий потенциал производительности [14].

Можно сделать вывод о том, что в последние годы в научном сообществе наблюдается растущий интерес

к теме ментального здоровья организации в контексте ее корпоративной культуры. Этот акцент объясняется осознанием того, что корпоративная культура не только формирует рабочую атмосферу, но и напрямую влияет на психоэмоциональное состояние сотрудников [7].

Исследование Korn Ferry, международной консалтинговой компании, специализирующейся на управлении человеческими ресурсами, стратегическом консультировании и подборе персонала, показывает, что культура является одним из главных факторов организационного успеха [12]. В 2024 году был проведен опрос около 500 руководителей компаний, пользующихся наибольшим уважением в мире (WMAC), и многих из их коллег. Руководители назвали культуру самым недооцененным (т.е. часто упускаемым из виду, но решающим) фактором будущего успеха компании.

На вопрос о главных будущих приоритетах организационной культуры руководители назвали (в порядке убывания): обучение, ориентацию на клиента, сотрудничество, долгосрочную перспективу и ответственность за реализацию инициатив в области культуры, таких как ESG и ориентация на клиента.

Кроме того, большинство согласны с тем, что культура и ценности включены в процессы управления эффективностью, используются при принятии решений о повышении по службе и вознаграждениях, а также включены в усилия по подбору персонала для привлечения и удержания талантливых сотрудников.

Опрос показал, что создание и поддержание благоприятной культуры – это больше, чем разовая инициатива для компаний, пользующихся наибольшим уважением в условиях конкурентного рынка.

Внимание корпоративной культуре также уделяется в отчете 2024 года Harvard Business Publishing «Global Leadership Development Study» под названием «Time to Transform»: исследователи полагают, что пришло время расширить набор навыков, бросить вызов парадигмам, принять парадоксы и потенциал людей, которые смогут принять новые технологии и генерировать инновационные идеи, необходимые организациям для того, чтобы оставаться конкурентоспособными [10]. Респонденты опроса сообщают, что их нынешние программы обучения разрабатываются с основными целями.

1. Реализация проектов по автоматизации/робототехнике (50%).
2. Включение GenAI/машинного обучения в бизнес-практику (43%).
3. Укрепление корпоративной культуры (40%).
4. Наращивание потенциала для инноваций (38%).

Более того, всего в 6 из 10 опросах респонденты сообщили, что они очень удовлетворены результатами усилий организаций по вовлечению сотрудников, увеличивается число сообщений о так называемом «кризисе вовлеченности».

Только около половины сотрудников чувствуют, что их организация действительно видит в них людей, согласно опросу EY «2023 Work Reimagined Survey». Люди чувствуют себя заменимыми и для того, чтобы изменить ситуацию, необходимо перейти от концепции «Managing Human Capital» (управление человеческими ресурсами) к «Potentializing People» (человеческому потенциалу) [18].

Исследование «Global Human Capital Trends», проведенное компанией Deloitte в 2024 году, сосредоточилось на влиянии корпоративной культуры на производительность и успех организаций. В рамках исследования были проанализированы различные аспекты корпоративной культуры, включая ценности, нормы поведения, коммуникацию и вовлеченность сотрудников.

Было выявлено, что 78% компаний с позитивной корпоративной культурой отмечают рост производительности на 30% по сравнению с теми, где культура не развита [20].

Культура организации в понимании Deloitte означает «способ ведения дел» – устойчивые модели поведения, которые поддерживаются общим опытом, ценностями и убеждениями организации. Культура включает в себя как заявленные ценности, которые, как правило, согласованы во всей организации, так и живущее поведение или артефакты – нормы, символы, язык и действия, где культура проявляется на практике.

Почти три четверти (71%) респондентов, участвовавших в исследовании глобальных тенденций в области человеческого капитала за 2024 г., говорят, что сосредоточение внимания на отдельных командах и рабочих группах как на наилучших местах для развития культуры, гибкость манёвренность и разнообразие очень или критически важно для успеха. Кроме того, 50% руководителей сообщают, что культура организации наиболее успешна при наличии умеренной степени вариативности. Тем не менее, руководители оценили эту тенденцию как наиболее сложную для решения. Эта трудность указывает на важность культуры для работников – 73% людей ушли с работы из-за «несоответствия культуре» и размытости его определения в организации.

Для нашего исследования особенно ценна прогрессивная идея о том, что применение «микро» подхода к культуре может позволить организациям и руководителям создать более детальную картину того, «как мы работаем», чтобы обеспечить разнообразный опыт и результаты, которые взаимовыгодно подходят как работникам, так организации. Действительно, согласно исследованию Deloitte, у «микрокультур» в 1,8 раза больше шансов добиться положительных результатов для людей и в 1,6 раза больше шансов достичь желаемых бизнес-результатов [20].

Ключом к использованию мощности микрокультуры является ориентация на набор глобальных ценностей, поощряя при этом некоторую автономию функций, команд и географических регионов, что не только позволяет им процветать, но и предоставляет им ресурсы, необходимые для создания собственных локализованных культур. В таком случае организация сможет эффективно использовать разнообразие мышления, передовые инновации, гибкость и индивидуальные способы работы, которые поощряются каждой микрокультурой.

В заключение анализ количественных аспектов корпоративной культуры, основанный на новейших статистических исследованиях, подчеркивает её значимость как ключевого элемента, влияющего на эффективность и устойчивость организаций. Многочисленные зарубежные исследования последних лет демонстрируют остроту вопроса развития теорий и практик корпоративности в социологических исследованиях и практиках мировых корпораций.

Систематический подход к количественному анализу позволяет выявить взаимосвязи между культурными ценностями и показателями производительности, что открывает новые горизонты для практиков в области управления. Компании, которые активно инвестируют в развитие и поддержание позитивной корпоративной культуры, способны адаптироваться к изменениям внешней среды, эффективно справляться с вызовами современного рынка и демонстрировать тенденции устойчивого развития [4].

Таким образом, результаты обзора подчеркивают необходимость дальнейших исследований в этой области, что позволит углубить понимание динамики корпоратив-

ной культуры и разработать более эффективные стратегии её формирования и внедрения.

Литература

1. Арутюнян С.Г. Корпоративная культура как фактор мотивации персонала // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 3. С. 105–111.
2. Выгорание стало мировой проблемой: [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6762952>. (дата обращения: 13.10.2024).
3. Гильдингерш М.Г., Давыдов С.А., Петров М.А. Методологические аспекты формирования корпоративной культуры и практика их применения в организации // Социология. 2024. № 2. С. 172–180.
4. Диагностика и изменение организационной культуры / Ким С. Камерон, Роберт Э. Куинн; [Пер. с англ. А. Токарева под науч. ред. И.В. Андреевой]. – СПб.: Питер, 2001. – 310 с.
5. Ключков А.К. Вовлечённость и лояльность персонала от А до Я. – М.: Эксмо-Пресс, 2021. – 240 с.
6. Кожевникова Т.Ю. Корпоративная культура как она есть. – М.: Бомбора, 2022. – 240 с.
7. Миронова Н.А. Внедрение корпоративной культуры в коллектив организации // Московский экономический журнал. 2019. № 8. С. 539–545.
8. Хоровиц Б. Мы – то, что мы делаем. Как строить культуру в компании. – пер. с англ. М. Чомахидзе-Доронина. – М.: Манн, Иванов и Фебер, 2021. – 240 с.
9. Insights to shape organization culture for success: [Электронный ресурс] // McKinsey&Company. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/capabilities/people-and-organizational-performance/our-insights/the-organization-blog/insights-to-shape-organization-culture-for-success>. (дата обращения: 09.11.2024).
10. Fulfillment at Work Requires Real Human-Centered Leadership: [Электронный ресурс] // Harvard Business Publishing Corporate Learning. Режим доступа: <https://www.harvardbusiness.org/insight/fulfillment-at-work-requires-real-human-centered-leadership>. (дата обращения: 14.09.2024).
11. Global Workforce Hopes and Fears Survey 2024: [Электронный ресурс] // Pw C. Режим доступа: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/workforce/hopes-and-fears.html>. (дата обращения: 02.11.2024).
12. Korn Ferry Survey Shows Culture One of the Top Factors to Organizational Success: [Электронный ресурс] // Korn Ferry. Режим доступа: <https://www.kornferry.com/about-us/press/korn-ferry-survey-shows-culture-one-of-the-top-factors-to-organizational-success>. (дата обращения: 03.11.2024).
13. Medaris A. What do people really want in their work? Meaning and stability: [Электронный ресурс] // American Psychological Association. Т. 55 (1). Режим доступа: <https://www.apa.org/monitor/2024/01/trends-meaning-stability-workplaces>. (дата обращения: 10.11.2024).
14. Organizational Health Index: [Электронный ресурс] // McKinsey&Company. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/solutions/orgsolutions/overview/organizational-health-index>. (дата обращения: 26.08.2024).
15. State of the Global Workplace 2023 Report: [Электронный ресурс] // Gallup. Режим доступа: <https://www.gallup.com/workplace/349484/>
16. U.S. Engagement Hits 11-Year Low: [Электронный ресурс] // Gallup. Режим доступа: <https://www.gallup.com/workplace/643286/engagement-hits-11-year-low.aspx>. (дата обращения: 05.09.2024).
17. Want Effective People Managers? Be Clear About the Job, Performance Expectations: [Электронный ресурс] // SHRM. Режим доступа: <https://www.shrm.org/topics-tools/news/employee-relations/want-effective-people-managers-be-clear-about-the-job-performance>. (дата обращения: 01.10.2024).
18. Work Reimagined Survey: [Электронный ресурс] // EY. Режим доступа: https://www.ey.com/en_us/workforce/work-reimaginedsurvey. (дата обращения: 01.10.2024).
19. #MARKETBEAT FULL Q3 2024: [Электронный ресурс] // Commonwealth Partnership. Режим доступа: <https://www.cmwp.ru/cwiq/reviews/analiticheskie-materialy/marketbeat/>. (дата обращения: 14.11.2024).
20. 2024 Global Human Capital Trends: [Электронный ресурс] // Deloitte. Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/focus/human-capital-trends.html>. (дата обращения: 10.11.2024).

CORPORATE CULTURE AND ITS QUANTITATIVE ASPECTS: A REVIEW OF THE LATEST STATISTICAL RESEARCH

Sherstneva K.V.

Moscow Pedagogical State University

This article is a systematic review of the latest statistics on corporate culture, based on reports and studies from companies such as Deloitte, SHRM, Gallup and McKinsey, etc. for the period from 2018 to 2024. The work examines key issues of employee engagement, as well as the transition to a new paradigm of “Potentializing People”, focused on maximizing the potential of each employee. Particular attention is paid to the innovative ideas of a «micro» approach to organizational culture, which emphasizes the autonomy of functions and teams, which contributes to the creation of a system of localized cultures. The article highlights the importance of studying the quantitative aspects of corporate culture and how they can be used to increase employee productivity and satisfaction. Summarizing the latest statistical data allows us to identify trends and patterns that contribute to the formation of an effective corporate culture, which, in turn, is a key factor in achieving sustainable development of organizations in a competitive market. The results of the study are valuable both for HR managers, executives and organizational development consultants for developing programs for the development of corporate culture in the face of the challenges of the modern market, and for scientists seeking to deepen their knowledge in the field of theory and practice of corporate culture management.

Keywords: corporate culture, quantitative research, employee engagement, microculture, human potential, organizational culture.

References

1. Arutyunyan S.G. Corporate culture as a factor of personnel motivation // Telescope: journal of sociological and marketing research. 2023. № 3. pp. 105–111.
2. Burnout has become a global problem: [Electronic resource] // Kommersant. Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/6762952>. (date of access: 14/11/2024).
3. Gil'dingersh M.G., Davydov S.A., Petrov M.A. Methodological aspects of the formation of corporate culture and the practice of their application in an organization // Sociology. 2024. № 2. pp. 172–180.
4. Diagnosis and change of organizational culture / Kim S. Cameron, Robert E. Quinn; [Transl. from English A. Tokarev under scientific. ed. I.V. Andreeva]. – St. Petersburg: Peter, 2001. – 310 p.
5. Klochov A.K. Personnel involvement and loyalty from A to Z. – M.: Eksmo-Press, 2021. – 240 p.

6. Kozhevnikova T. Yu. Corporate culture as it is. – M.: Bombora, 2022. – 240 p.
7. Mironova N.A. Introduction of corporate culture into the organization's staff // Moscow Economic Journal. 2019. № 8. pp. 539–545.
8. Khorovits B. We are what we do. How to build culture in a company. – per. from English M. Chomakhidze-Doronina. – M.: Mann, Ivanov and Feber, 2021. – 240 p.
9. Insights to shape organization culture for success: [Electronic resource] // McKinsey&Company. Access mode: <https://www.mckinsey.com/capabilities/people-and-organizational-performance/our-insights/the-organization-blog/insights-to-shape-organization-culture-for-success>. (date of access: 09/11/2024).
10. Fulfillment at Work Requires Real Human-Centered Leadership: [Electronic resource] // Harvard Business Publishing Corporate Learning. Access mode: <https://www.harvardbusiness.org/insight/fulfillment-atwork-requires-real-human-centered-leadership>. (date of access: 14/09/2024).
11. Global Workforce Hopes and Fears Survey 2024: [Electronic resource] // Pw C. Access mode: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/workforce/hopes-and-fears.html>. (date of access: 02/11/2024).
12. Korn Ferry Survey Shows Culture One of the Top Factors to Organizational Success: [Electronic resource] // Korn Ferry. Access mode: <https://www.kornferry.com/about-us/press/korn-ferry-survey-shows-culture-one-of-the-top-factors-to-organizational-success>. (date of access: 03/11/2024).
13. Medaris A. What do people really want in their work? Meaning and stability: [Electronic resource] // American Psychological Association. T. 55 (1). Access mode: <https://www.apa.org/monitor/2024/01/trends-meaning-stability-workplaces>. (date of access: 10/11/2024).
14. Organizational Health Index: [Electronic resource] // McKinsey&Company. Access mode: <https://www.mckinsey.com/solutions/orgsolutions/overview/organizational-health-index>. (date of access: 26/08/2024).
15. State of the Global Workplace 2023 Report: [Electronic resource] // Gallup. Access mode: <https://www.gallup.com/workplace/349484/state-of-the-global-workplace.aspx>. (date of access: 05/09/2024).
16. U.S. Engagement Hits 11-Year Low: [Electronic resource] // Gallup. Access mode: <https://www.gallup.com/workplace/643286/engagement-hits-11-year-low.aspx>. (date of access: 05/09/2024).
17. Want Effective People Managers? Be Clear About the Job, Performance Expectations: [Electronic resource] // SHRM. Access mode: <https://www.shrm.org/topics-tools/news/employee-relations/want-effective-people-managers-be-clear-about-the-job-performance>. (date of access: 01/10/2024).
18. Work Reimagined Survey: [Electronic resource] // EY. Access mode: https://www.ey.com/en_us/workforce/work-reimagined-survey. (date of access: 01/10/2024).
19. #MARKETBEAT FULL Q3 2024: [Electronic resource] // Commonwealth Partnership. Access mode: <https://www.cmwp.ru/cwiq/reviews/analiticheskie-materialy/marketbeat/>. (date of access: 14/11/2024).
20. 2024 Global Human Capital Trends: [Electronic resource] // Deloitte. Access mode: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/focus/human-capital-trends.html>. (date of access: 10/11/2024).

Управление персональным профессиональным брендом педагога в системе высшего образования

Бикметов Евгений Юрьевич,

доктор социологических наук, профессор кафедры
государственного управления, Уфимский университет науки
и технологий
E-mail: bicprof@mail.ru

Кузнецова Елена Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры
стратегического управления, Уфимский университет науки
и технологий
E-mail: skuznetsova@mail.ru

Целью исследования является разработка концептуальной модели управления персональным профессиональным брендом преподавателя вуза и алгоритма его формирования и развития на основе стратегического подхода. Персональный профессиональный бренд педагога связан с образом педагога, обладающего уникальными и значимыми свойствами, способными удовлетворять в функциональном, эмоциональном отношении различные ожидания студентов и их родителей, руководства высшей школы, научно-педагогической общественности. Выделены факторы, влияющие на управление персональным брендом. Представлены и обоснованы этапы алгоритма разработки и развития персонального бренда педагога в системе высшего образования.

Ключевые слова: преподаватель высшей школы, персональный профессиональный бренд, управление, стратегия.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью в условиях конкуренции разработки коммуникационных стратегий вузов, направленных за повышение имиджа и репутации на рынке образовательных услуг, основанных на партнерских отношениях с заинтересованными сторонами. В современных условиях по результатам исследования Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ численность студентов, принятых в 2019–2024 гг. в вузы на платной основе, возросла на 18% [1].

Современные вызовы, связанные с цифровизацией и организационно-управленческой трансформацией отечественной системы высшего образования, актуализируют новые требования к развитию ее центрального элемента – личности педагога. Каковы профессиональные, деловые и личностные качества, выступающие основой создания образа педагога вуза? Какими новыми технологиями и компетенциями педагог должен владеть? Вызывает ли педагог у обучающихся интерес как личность и как профессионал? Каково умение преподавателя позиционировать свой научный и педагогический потенциал? Чем он уникален? Насколько близки ценности педагога и потребности, ценностные ориентации студентов? Поиск ответов на эти вопросы сопряжен с формированием и развитием персонального профессионального бренда преподавателя в сознании целевых аудиторий.

Целью настоящего исследования является разработка концептуальной модели управления персональным профессиональным брендом преподавателя вуза и алгоритма его формирования и развития на основе стратегического подхода.

Проблема содержания личного бренда, формирования профессионального имиджа и репутации преподавателя вуза находится в междисциплинарном исследовательском поле. Персональный бренд вызывает практический интерес маркетологов, бренд-менеджеров, HR-менеджеров.

Как известно, бренд в переводе с английского языка обозначает клеймо или отпечаток, который не стирается. Подобным «клеймом» педагога могут быть его имя, одежда, аксессуары, устойчивые профессиональные термины, которые он произносит на занятиях, юмор, изданные учебные пособия или статьи и т.п. То есть, с одной стороны, персональный бренд педагога характеризуют материальные носители, а с другой, нематериальные ценности.

Впервые в 1997 г. данный термин вводится Т. Питерсом для трансляции и продвижения ценностей личности и экспертного опыта для целевых аудиторий.

В рамках маркетингового подхода признается, что у индивида в рамках организационного окружения может быть сформирован бренд. Результаты проведенных исследований показывают, что сила привязанности является показателем «приносящих удовлетворенность, доверительных и преданных отношений» между носителем бренда и целевой аудиторией [2]. Социально-

психологический подход к содержанию бренда личности, его формированию в офлайн- и в онлайн-среде представлен в работе [3]. Исследователями актуализируется необходимость создания клиентоцентричного бренд-капитала в сознании студентов. Производительность и имидж, составляющие суть бренда, выступают способом, которым ученые и педагоги удовлетворяют функциональные и утилитарные потребности студентов. Популярность преподавателя является необходимой предпосылкой создания бренда [4, р. 24]. Модель «личного бренда педагога» разработана в работе [5]. В данной модели выделяются миссия и ценности преподавателя, его экспертность и легенда, конкурентные преимущества, статистический и динамический имидж. Исследуются стратегии, формирующие личный бренд преподавателя в отношении двух видов целевых аудиторий – студентов и профессионального образовательного сообщества [6]. Предложен алгоритм создания преподавателем вуза собственного бренда [7]. В исследовании [8] представлена ментальная карта бренда ученого. Авторы раскрывают влияние цифровых технологий на личный бренд ученого в продвижении результатов его научных исследований в интернет-пространстве. В частности, указывается важность цифровых платформ научного цитирования ученых (РИНЦ, Web of Science, Scopus). Развивает данную тему коллектив авторов [9] в контексте необходимости ведения преподавателем персонального блога и наполнения его разными типами контента. Уточняются шаги по построению личного бренда педагога: «аналитический, проектный, маркетинговый, рефлексивный».

На необходимость разработки контент-стратегии личного бренда в социальных сетях также обращается внимание в [10].

В основе настоящего исследования управления персональным брендом педагога лежит системная методология, комплексный подход, предполагающие рассмотрение бренда как многогранного атрибута управления, включающего его социологические, маркетинговые аспекты. Эмпирическую основу составляют данные статистики, результаты вторичного анализа социологических исследований.

Как показывают результаты исследования, проведенного Рейтинговым агентством RAEX совместно с Российским Союзом ректоров, замыкает топ-10 самых значимых для абитуриентов факторов именно высокая репутация педагогического состава вуза и наличие именитых ученых [11]. Первые позиции данного рейтинга занимают «обучение на бюджетной основе» и «престижность специальности». Схожие мотивы указываются в исследовании [12].

В исследовании [13] сделан вывод, что личный бренд педагога выступает инструментом «мягкой силы» вуза. В данном исследовании установлена прямая связь между необходимостью развития личного бренда и должностью педагога, причем, чем выше должность, тем меньше всего преподаватель задумывается о своем персональном бренде. Проиллюстрируем из указанного исследования ответы на вопрос: «Что дает личный бренд педагогу вуза» также вызывает исследовательский интерес (табл. 1).

Таблица 1. Мотивы формирования личного бренда педагогов вуза, % от числа респондентов

Ответы респондентов	Профессорско-преподавательский состав. n=600					
	Декан	Зав. кафедрой	Проф.	Доцент	Ст. преподаватель	Ассистент
Позволяет получить некоторую независимость в своих действиях (публичных людей предпочитают не трогать)	67	83	90	95	100	100
Позволяет получать награды (грамоты звания и т.д.)	43	48	68	70	72	78
Позволяет влиять на монетизацию своих знаний и умений (получать высокие доходы)	31	34	67	78	100	100
Помогает укрепить авторитет перед студентами, членами кафедры, факультета, вуза	24	32	41	58	70	85
Позволяет продвигаться по карьерной лестнице	16	28	48	59	68	77
Делает преподавателя более современным, гибким, продвинутым	15	23	52	64	86	92
Прокачивает коммуникативные умения	14	28	60	69	90	95
Помогает отточить ораторские навыки	7	12	13	16	89	91

Примечание. Количество процентов по вертикали больше 100, так как ответившие могли назвать несколько вариантов ответов.

Поэтому управлением брендом педагога целесообразно заниматься как на уровне отдельной личности, так и на уровне вуза (HR-брендинг), отрасли высшего образования и органов государственной власти [14].

Качество высшего образования зависит во многом от того, кто оказывает образовательные услуги. С точки зрения маркетинга, специфика услуг заключается в их нематериальном характере, в невозможности хранения, транспортировки, овладения, непостоянстве каче-

ства и полном влиянии профессионала, который их оказывает. Быть конкурентоспособным педагогом в высшем образовании позволяет регулярная деятельность по формированию и развитию персонального профессионального бренда. Совокупность мотивированных профессионалов-педагогов с высокой репутацией может способствовать повышению качества высшего образования.

Авторы настоящего исследования под персональным профессиональным брендом педагога понимают образ педагога, обладающий уникальными и значимыми свойствами, способными удовлетворять в функци-

ональном, эмоциональном отношении различные ожидания студентов и их родителей, руководства вуза, научно-педагогической общественности, представителей организаций-работодателей. Личный бренд тесно связан с корпоративным брендом учебного заведения.

Выделим факторы, влияющие на управление персональным брендом педагога в системе высшего образования (рис. 1).

Рис. 1. Факторы управления брендом педагога в системе высшего образования

По мнению авторов настоящего исследования, к построению персонального бренда педагога высшей школы целесообразно подходить с позиции стратегического управления. Поэтому предлагается авторское видение концептуальной модели управления персональным профессиональным брендом преподавателя вуза и алгоритм его формирования и развития на основе стратегического подхода.

Концептуальная модель управления брендом, безусловно, должна включать его миссию (предназначение), ценности, транслируемые обучающимся, регалии ученого, экспертную область компетенций, визуал бренда и вербальные атрибуты в виде легенд, связанных с данным преподавателем (рис. 2).

Рис. 2. Концептуальная модель управления брендом преподавателя высшей школы

Этапы алгоритма разработки и развития персонального профессионального бренда педагога представлены на рис. 3.

1. Проводятся первичные и вторичные маркетинговые исследования отрасли высшего образования в РФ

(рейтинги вузов, опросы, фокус-группы и глубинные интервью среди профессорско-преподавательского состава, студентов, абитуриентов и работодателей, анализ блогов в педагогическом инфлюенс-пространстве, публикации в СМИ, анализ вузов и преподавателей аккаунтов в социальных сетях).

Рис. 3. Алгоритм формирования и развития персонального бренда педагога

2. SWOT-анализ личности педагога на предмет выявления его сильных сторон, конкурентных преимуществ, особенностей и экспертности.

3. Обоснование, выбор и разработка бренд-стратегии преподавателя высшей школы (имидж, репутация, позиционирование, отстройка от преподавателей конкурентов на основе использования маркетинговой «стратегии голубого океана»).

4. «Упаковка» личного бренда педагога. Во-первых, идентификация визуальной айдентики бренда педагога (дресс-код, прическа, макияж, голос, аромат, подпись, почерк, стиль изложения лекций). Во-вторых, уточнение вербального взаимодействия с целевой аудиторией посредством речи и научных изданных материалов и рукописей. Во время проведения аудиторных занятий ключевое значение имеют индивидуальный подход к обучающимся, личные качества педагога (лидерство, коммуникабельность, чувство юмора, эрудиция, интеллект, креативность, доброта, справедливость, тактичность, порядочность, эмоциональность, интеллигентность, внутренняя организованность).

5. Продвигать личный бренд педагога следует через различные коммуникационные каналы (персональный сайт преподавателя, сайт вуза, СМИ и личный аккаунт в социальных сетях, профессиональные сообщества, научная продукция, форумы, научно-практические конференции, конкурсы, инновационные проекты совместно со студентами, коллегами, заказчиками, повышение квалификации и профессиональная переподготовка, стажировки, акселерационные программы, онлайн-курсы, геймификация, коллаборация с брендами компаний и учреждений, другими общественно значимыми людьми).

6. Оценка эффективности личного бренда педагога рекомендуется осуществлять по KPI-показателям (оценка студентами и непосредственного руководителя по 10-балльной шкале уровня профессионализма, личностных качеств преподавателя, отзывы студентов, количество известных выпускников, библиометрические метрики, гранты, хозяйственные договоры и контракты,

количество авторских курсов педагога, количество под-писчиков).

Таким образом, преподаватели – это не только про-фессиональная группа, но и лицо вуза. Стратегический подход к управлению персональным профессиональ-ным брендом преподавателя имеет существенное зна-чение как для самого педагога (повышает его конкурен-тоспособность, востребованность, признание научно-педагогическим сообществом, а также увеличивает мо-нетизацию), так и для вуза (улучшает репутацию у це-левых групп: абитуриентов, студентов, работодателей, партнеров, научно-педагогической общественности; способствует повышению качества образования).

Литература

1. Прием в вузы: тенденции последних пяти лет [Элек-тронный ресурс]. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/1040615991.html> (дата обращения: 25.05.25).
2. Thomson M. Human Brands: Investigating Antecedents to Consumers' Strong Attachments to Celebrities // *Journal of Marketing*. 2006. Vol. 70. P. 104–119.
3. Довжик Г.В., Довжик В.Н., Мусатова С.А. Теоретико-методологические аспекты формирования персо-нального бренда в цифровой среде // *Цифровая со-циология*. 2021. Т. 4. № 2. С. 44–54.
4. Jillapalli R.K., Jillapalli R. Do Professors Have Customer Based Brand Equity? // *Journal of Marketing for Higher Education*. 2014. Vol. 24(1). P. 22–40.
5. Мантуленко В.В., Зотова А.С. Персональный бренд преподавателей вузов в цифровом пространстве // *Профессиональное образование и рынок труда*. 2020. № 4. С. 105–113.
6. Ильина И.Ю. Особенности формирования персо-нального бренда преподавателя вуза // *Экономика. Социология. Право*. 2021. № 4 (24). С. 43–48.
7. Сухов В.Д., Киселев А.А. Разработка алгоритма соз-дания персонального бренда преподавателя вуза // *Теоретическая экономика*. 2019. № 8 (56). С. 76–86.
8. Левкин Г.Г., Гуртовенко О.М. Бренд преподавате-ля высшего учебного заведения: основные спосо-бы формирования и продвижения // *Бренд-менед-жмент*. 2014. № 5. С. 268–280.
9. Булкина К.И., Эмануэль Т.С., Эмануэль Ю.В. При-кладные аспекты формирования и развития пер-сонального бренда педагога в современных социо-культурных условиях // *Непрерывное образование: XXI век*. 2020. Вып. 3 (31). С. 2–15.
10. Шадрина Л.Ю. Бренд преподавателя вуза в соци-альных сетях: концептуальные характеристики // *Вестник экономики, права и социологии*. 2022. № 3. С. 143–146.
11. Что влияет на выбор абитуриентов: результаты ис-следования [Электронный ресурс]. Режим досту-па: <https://education.forbes.ru/authors/chto-vliyaet-na-vibor-abiturientov> (дата обращения: 25.05.25).
12. Богатырёва М.Р. Региональная специфика мо-лодежного сегмента рынка труда: компаративи-стический подход // *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. 2023. № 4. С. 38–54.
13. Таланов С.Л. Личный бренд преподавателя как ин-струмент «мягкой силы» во внешней политике Рос-сии // *Мир русскоговорящих стран*. 2023. № 2(16). С. 27–44.

14. Касимова Э.Р., Кузнецова Е.В., Рувенный И.Я. HR-брендинг как инструмент стратегического марке-тингового управления // *Бизнес. Образование. Пра-во*. 2024. № 2(67). С. 89–94.

MANAGEMENT OF A TEACHER'S PERSONAL PROFESSIONAL BRAND IN HIGHER EDUCATION

Bikmetov E.Yu., Kuznetsova E.V.

Ufa University of Science and Technology

The purpose of this study is to develop a conceptual model of the management of a university teacher's personal professional brand and an algorithm for its formation and development based on a stra-tegic marketing approach. A teacher's personal professional brand is associated with the image of a teacher who possesses unique and significant qualities that can meet the functional and emotional expectations of students and their parents, as well as the expecta-tions of the university administration and the academic community. The study identifies the factors that influence the management of a teacher's personal brand. It presents and justifies the stages of the algorithm for developing and enhancing a teacher's personal brand in the higher education system.

Keywords: higher education teacher, personal professional brand, management, strategy.

References

1. Admission to Universities: Trends of the Last Five Years [Electronic resource]. Access mode: <https://issek.hse.ru/news/1040615991.html> (date of access: 25.05.25). (In Rus.).
2. Thomson M. Human Brands: Investigating Antecedents to Consumers' Strong Attachments to Celebrities. *Journal of Market-ing*, 2006, vol. 70, pp. 104–119.
3. Dovzhik G.V., Dovzhik V.N., Musatova S.A. Theoretical and Methodological Aspects of Personal Brand Formation in the Dig-ital Environment. *Digital Sociology*, 2021, vol. 4, no. 2, pp. 44–54. (In Rus.).
4. Jillapalli R.K., Jillapalli R. Do Professors Have Customer Based Brand Equity? *Journal of Marketing for Higher Education*, 2014, vol. 24(1), pp. 22–40.
5. Mantulenko V.V., Zotova A.S. Personal Brand of University Teachers in the Digital Space. *Professional Education and the Labor Market*, 2020, no. 4, pp. 105–113. (In Rus.).
6. Ilyina I. Yu. Features of the Formation of a Personal Brand of a University Teacher. *Economics. Sociology. Law*, 2021, no. 4(24), pp. 43–48. (In Rus.).
7. Sukhov V.D., Kiselev A.A. Development of an Algorithm for Creating a Personal Brand of a University Teacher. *Theoretical Economics*, 2019, no. 8(56), pp. 76–86. (In Rus.).
8. Levkin G.G., Gurtovenko O.M. Brand of a Higher Education In-stitution Teacher: Main Methods of Formation and Promotion. *Brand Management*, 2014, no. 5, pp. 268–280. (In Rus.).
9. Bulkina K.I., Emanuel T.S., Emanuel Yu.V. Applied Aspects of the Formation and Development of a Personal Brand of a Teacher in Modern Sociocultural Conditions. *Continuous Edu-cation: 21st Century*, 2020, iss. 3 (31), pp. 2–15. (In Rus.).
10. Shadrina L. Yu. Brand of a University Teacher in Social Media: Conceptual Characteristics. *Bulletin of Economics, Law and So-ciology*, 2022, no. 3, pp. 143–146.
11. What Influences the Choice of Applicants: Research Results [Electronic resource]. Access mode: <https://education.forbes.ru/authors/chto-vliyaet-na-vibor-abiturientov> (date of access: 25.05.25). (In Rus.).
12. Bogatyryova M.R. Regional Specifics of the Youth Segment of the Labor Market: A Comparative Approach. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2023, no. 4, pp. 38–54. (In Rus.).
13. Talanov S.L. Personal Brand of a Teacher as a Tool of Soft Pow-er in Russia's Foreign Policy. *The World of Russian-Speaking Countries*, 2023, no. 2(16), pp. 27–44. (In Rus.).
14. Kasimova E.R., Kuznetsova E.V., Ruvenny I.Ya. HR-Branding as a Tool of Strategic Marketing Management. *Business. Edu-cation. Law*, 2024, no. 2(67), pp. 89–94. (In Rus.).

Социологический анализ влияния моделей оплаты труда на формирование мотивационной структуры персонала в современных российских компаниях

Воробьева Алевтина Геннадиевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры организационно-кадровой работы в органах государственной власти, МИРЭА – Российский технологический университет
E-mail: g_alevtina@mail.ru

В статье представлен социологический анализ влияния различных моделей оплаты труда на мотивационную структуру и социально-психологическое состояние персонала в современных российских компаниях. Обосновывается, что система вознаграждения является не только экономическим стимулом, но и мощным социальным регулятором, формирующим организационную культуру. Целью исследования являлось выявление и сравнение эффектов от применения фиксированной, смешанной и преимущественно переменной (основанной на KPI) моделей оплаты труда. Исследование основано на смешанной методологии. Проведен анкетный опрос 850 сотрудников из компаний, представляющих IT-сектор, розничную торговлю и промышленность, а также 40 глубинных интервью с работниками и менеджерами. Для анализа данных применялись методы описательной и математической статистики, включая корреляционный и факторный анализ, что обеспечило верификацию результатов. Результаты показали, что модели с высокой долей переменной части дохода способствуют формированию утилитарной мотивации и индивидуализма, что коррелирует с самыми высокими показателями профессионального выгорания (38,7%) и текучести кадров (24,3%). Наиболее эффективной и сбалансированной оказалась смешанная (окладно-премиальная) модель, продемонстрировавшая самый высокий уровень общей удовлетворенности работой и воспринимаемой справедливости (7,62 из 10). Сделан вывод, что однобокая погоня за измеримыми показателями через агрессивные системы вознаграждения разрушает социальный капитал организации и ее долгосрочную устойчивость. Эффективная система мотивации должна базироваться на гибридной модели, где стабильный оклад удовлетворяет потребность в безопасности, а переменная часть справедливо поощряет достижения, что делает выбор модели оплаты стратегической социологической задачей.

Ключевые слова: мотивация персонала, модели оплаты труда, воспринимаемая справедливость, профессиональное выгорание, социология труда.

Введение

В условиях современной экономики, где человеческий капитал становится главным конкурентным преимуществом, вопросы мотивации персонала выходят на передний план управленческой науки и практики. Руководители российских компаний, функционируя в динамичной и зачастую непредсказуемой рыночной среде, постоянно ищут эффективные инструменты для повышения производительности труда, удержания ценных сотрудников и формирования лояльного коллектива. Среди всего многообразия методов управления персоналом система оплаты труда традиционно занимает центральное место, выступая не только как способ компенсации за затраченные усилия, но и как мощнейший рычаг воздействия на поведение и установки работников [5]. Однако упрощенное представление о прямой зависимости мотивации от размера вознаграждения, характерное для ранних этапов становления рыночной экономики в России, сегодня демонстрирует свою несостоятельность. Современный сотрудник – это сложная социальная единица с многоуровневой системой потребностей, где материальные стимулы переплетаются с потребностями в признании, самореализации, стабильности и благоприятном психологическом климате [11].

Проблема заключается в том, что выбранная компанией модель оплаты труда оказывает глубокое и не всегда очевидное социологическое влияние на всю организационную культуру и, в частности, на мотивационную структуру персонала. Внедрение агрессивных систем, основанных на ключевых показателях эффективности (KPI) и переменной части вознаграждения, может стимулировать достижение краткосрочных количественных целей, но одновременно порождать нездоровую конкуренцию, разрушать командное взаимодействие, способствовать профессиональному выгоранию и формировать у сотрудников сугубо утилитарное, «рыночное» отношение к своей работе и компании [8]. С другой стороны, чисто окладные системы, обеспечивая стабильность и психологический комфорт, могут приводить к отсутствию должной инициативы и снижению амбиций у наиболее продуктивных членов коллектива. Таким образом, возникает критически важное исследовательское поле: необходимо провести социологический анализ того, как различные модели оплаты труда – от полностью фиксированных до преимущественно сдельных – формируют и деформируют мотивационное ядро сотрудников, сменяя баланс от внутренних, содержательных мотивов к внешним, материальным, и наоборот [14]. Понимание этих глубинных процессов позволит разрабатывать более сбалансированные и гуманистичные системы вознаграждения, способствующие устойчивому развитию компаний.

Материалы и методы исследования

Методологической основой данного исследования послужил комплексный подход, сочетающий в себе принципы экономической социологии и социологии труда. Теоретическим фундаментом выступили как классические теории

мотивации (двухфакторная теория Ф. Герцберга, теория ожидания В. Врума), так и современные концепции, рассматривающие вознаграждение в контексте социального обмена и организационной справедливости. Исследование носило смешанный, количественно-качественный характер, что позволило не только зафиксировать статистические закономерности, но и раскрыть глубинные смыслы и интерпретации, которые сотрудники вкладывают в существующие системы оплаты труда [2]. Основным методом сбора количественной информации выступил анкетный опрос, направленный на выявление доминирующих мотивационных факторов, уровня удовлетворенности различными аспектами работы и восприятия справедливости системы вознаграждения. В качестве инструментария использовалась специально разработанная анкета, включающая как закрытые вопросы со шкалой Лайкерта, так и открытые вопросы для получения развернутых суждений респондентов.

Эмпирическую базу исследования составили данные, собранные в 2023–2024 годах. Количественный этап охватил 850 сотрудников из 30 российских компаний, представляющих три ключевых сектора экономики: IT и телекоммуникации, розничная торговля и промышленное производство. Выборка была стратифицирована по типу применяемой в компании модели оплаты труда: преимущественно фиксированная (окладная), смешанная (окладно-премиальная) и преимущественно переменная (основанная на KPI и проценте от продаж). Для обработки данных использовался пакет статистического анализа SPSS, применялись методы описательной статистики, корреляционный и факторный анализ для выявления взаимосвязей между типом системы оплаты и структурой мотивационных доминант [9]. Качественный этап включал в себя проведение 40 полуструктурированных глубинных интервью с сотрудниками и руководителями среднего звена из тех же компаний. Это позволило верифицировать данные опроса и получить более детальное представление о том, как система вознаграждения влияет на социально-психологический климат, командную работу и неформальные отношения в коллективе [6, 13]. Комплексное применение этих методов обеспечило триангуляцию данных и повысило надежность и валидность полученных результатов.

Результаты и обсуждение

Анализ полученных данных подтверждает гипотезу о том, что модель оплаты труда выступает одним из системообразующих факторов, определяющих не только поведение, но и ценностные ориентации персонала. Перед современным российским менеджментом стоит сложная задача нахождения баланса между необходимостью стимулирования высокой производительности и риском формирования токсичной организационной среды, ориентированной исключительно на достижение измеримых показателей. Практика показывает, что механическое внедрение западных моделей, основанных на жесткой привязке вознаграждения к индивидуальным результатам, часто игнорирует социокультурные особенности и приводит к непредвиденным негативным последствиям, таким как падение лояльности, рост оппортунистического поведения и пренебрежение задачами, не входящими в систему KPI [1, 12]. В этом контексте становится очевидным, что система оплаты труда является не просто финансовым, а в первую очередь мощным социальным регулятором.

Первичный этап анализа был посвящен сравнительной оценке значимости различных мотивационных факторов для сотрудников, работающих в условиях разных

систем вознаграждения. Респондентам предлагалось оценить по 10-балльной шкале важность таких аспектов, как размер оклада, возможность получения бонусов, признание заслуг руководством, возможности карьерного роста и атмосфера в коллективе. Результаты анализа демонстрируют четкую зависимость мотивационной структуры от принятой в компании модели оплаты труда (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ мотивационной структуры персонала в зависимости от преобладающей модели оплаты труда (средний балл по 10-балльной шкале)

Мотивационный фактор	Фиксированная модель (оклад)	Смешанная модель (оклад + премия)	Переменная модель (KPI, %)
Материальные факторы:			
Стабильность и размер оклада	8,78	7,55	5,12
Размер премий и бонусов	4,21	7,81	8,92
Нематериальные факторы:			
Признание и похвала от руководства	7,15	6,43	5,38
Возможности для карьерного роста	6,92	7,34	7,89
Дружелюбная атмосфера в коллективе	6,84	5,91	4,67
Интегральный показатель:			
Индекс общей удовлетворенности работой	6,53	7,19	5,88

Данные, представленные в таблице 1, наглядно иллюстрируют процесс смещения мотивационных акцентов. В группе с фиксированной оплатой труда доминирующим фактором является стабильность (8,78 балла), при этом высокое значение придается и нематериальным аспектам, таким как признание (7,15) и атмосфера в коллективе (6,84). Это формирует культуру, основанную на безопасности и социальном взаимодействии. Внедрение переменной части в смешанной модели немедленно повышает значимость бонусов (7,81) и карьерного роста (7,34), который часто напрямую связан с достижением премиальных показателей. При этом значимость нематериальных факторов, не связанных напрямую с доходом, начинает снижаться. В компаниях с преимущественно переменной моделью оплаты наблюдается гипертрофированная значимость бонусов (8,92) и карьерного роста (7,89), в то время как стабильность оклада (5,12) и особенно атмосфера в коллективе (4,67) уходят на периферию мотивационного поля [4].

Математический анализ показывает, что дисперсия оценок по всем факторам максимальна в группе с переменной моделью оплаты, что свидетельствует о высокой социальной дифференциации и поляризации внутри коллективов. Коэффициент вариации для фактора «Размер премий» в этой группе составляет 35,4%, в то время как для группы с фиксированной оплатой по фактору «Стабильность оклада» он равен всего 12,1%. Это указывает на то, что системы, основанные на KPI, создают нестабильную и напряженную среду, где разрыв между

успешными и неуспешными сотрудниками становится источником постоянного социального напряжения. Интересно, что смешанная модель демонстрирует самый высокий индекс общей удовлетворенности (7,19), что говорит о ее восприятии как наиболее сбалансированной и справедливой системы, сочетающей в себе безопасность и стимулы к развитию [10].

Для оценки социологических последствий применения различных моделей оплаты были проанализированы ключевые HR-показатели, отражающие социально-психологическое состояние персонала. В частности, были рассчитаны индекс профессионального выгорания, основанный на методике К. Маслач, годовой коэффициент текучести кадров и индекс воспринимаемой справедливости системы вознаграждения, полученный на основе ответов респондентов.

Таблица 2. Корреляция моделей оплаты труда с ключевыми HR-показателями благополучия и стабильности персонала

Показатель	Фиксированная модель (оклад)	Смешанная модель (оклад + премия)	Переменная модель (KPI, %)
Индекс профессионального выгорания, % респондентов с высоким уровнем	14,2	22,8	38,7
Коэффициент текучести кадров, % в год	15,1	11,8	24,3
Индекс воспринимаемой справедливости (от 1 до 10)	5,45	7,62	6,13

Анализ данных таблицы 2 выявляет прямую и трехстороннюю связь между интенсивностью использования переменных схем оплаты и ухудшением социально-психологического состояния коллектива. Наиболее высокий уровень профессионального выгорания (38,7%) и текучести кадров (24,3%) наблюдается в компаниях, где доход сотрудника почти полностью зависит от выполнения индивидуальных показателей. Это свидетельствует о том, что такая система является источником хронического стресса и неуверенности в завтрашнем дне. Хотя, на первый взгляд, она может показаться справедливой («кто как работает, тот так и ест»), ее индекс воспринимаемой справедливости (6,13) ниже, чем у смешанной модели (7,62). Качественные интервью показали, что это связано с субъективностью и непрозрачностью самих KPI, а также с поощрением индивидуализма в ущерб командной работе [3].

Фиксированная модель, обеспечивая низкий уровень выгорания (14,2%), страдает от другого недостатка – низкого восприятия справедливости (5,45). Сотрудники часто указывали на то, что такая система не поощряет инициативу и уравнивает вклад высокопродуктивных работников и тех, кто работает «от звонка до звонка». Смешанная модель вновь выступает как наиболее оптимальный вариант, обеспечивая самый низкий показатель текучести кадров (11,8%) и самый высокий уровень воспринимаемой справедливости (7,62). Это подтверждает, что наличие стабильной окладной части является фундаментальным «гигиеническим» фактором, без которого любые стимулирующие надбавки воспринимаются не как возможность, а как угроза.

Комплексный анализ обеих таблиц позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Был рассчитан коэффи-

циент корреляции Спирмена между значимостью нематериального фактора «Атмосфера в коллективе» (из табл. 1) и коэффициентом текучести кадров (из табл. 2). Он составил $-0,81$, что указывает на очень сильную обратную взаимосвязь: чем меньше сотрудники ценят коллектив и командную работу (что напрямую провоцируется индивидуализированными системами оплаты), тем выше их готовность покинуть компанию. Это доказывает, что разрушение социального капитала организации является прямым следствием внедрения агрессивных моделей вознаграждения [7].

Далее, регрессионный анализ показал, что индекс профессионального выгорания на 58% определяется комбинацией двух факторов: долей переменной части в доходе (весовой коэффициент 0,49) и индексом воспринимаемой справедливости (весовой коэффициент $-0,32$). Это означает, что даже в системах с высокой долей бонусов негативный эффект выгорания можно частично смягчить, если обеспечить максимальную прозрачность и объективность критериев оценки, тем самым повысив восприятие справедливости. Однако доминирующее влияние все равно оказывает сама структура дохода, связанная с риском и нестабильностью.

Сравнение данных по отраслям выявило, что в IT-секторе сотрудники более толерантны к переменным системам оплаты, но только при условии, что они привязаны к успеху всего проекта (командные бонусы), а не к индивидуальным KPI. В розничной торговле, где преобладают индивидуальные проценты от продаж, наблюдаются самые высокие показатели выгорания и текучести. Это говорит о необходимости адаптации моделей оплаты не только к общей стратегии компании, но и к специфике отраслевой культуры и характера трудовой деятельности.

Таким образом, исследование демонстрирует, что выбор модели оплаты труда является не технической, а стратегической социологической задачей. Однобокая погоня за измеримыми результатами через внедрение преимущественно переменных систем приводит к эрозии социального капитала, росту стресса и выгорания, и, как следствие, к потере долгосрочной конкурентоспособности [15]. Наиболее устойчивые и здоровые организационные структуры формируются на основе сбалансированных гибридных моделей, где гарантированный доход обеспечивает чувство безопасности, а переменная часть, привязанная к понятным и справедливым критериям, мотивирует на развитие и достижение общих целей.

Выводы

Проведенный социологический анализ убедительно доказывает, что модели оплаты труда в современных российских компаниях являются не просто инструментом материального стимулирования, а мощным фактором формирования социальной структуры организации, ее культуры и мотивационного климата. Установлено, что существует прямая зависимость между структурой вознаграждения и доминирующими в коллективе ценностями и установками. Системы с преобладанием переменной, индивидуализированной части дохода (KPI, проценты) способствуют формированию утилитарной, конкурентной мотивации, где на первый план выходят материальные стимулы, а значимость коллективной работы, взаимопомощи и лояльности компании резко снижается. Это, в свою очередь, приводит к измеримым негативным последствиям: росту уровня профессионального выгорания и высокой текучести кадров, что подрывает устойчивость компании в долгосрочной перспективе [6].

Исследование показало, что наиболее эффективной и социально сбалансированной является гибридная (окладно-премиальная) модель, которая сочетает в себе стабильность и безопасность фиксированного оклада с возможностями для дополнительного заработка. Именно эта модель демонстрирует самые высокие показатели общей удовлетворенности персонала и воспринимаемой справедливости, а также самые низкие коэффициенты текучести. Это позволяет сделать вывод, что для построения эффективной и гуманистичной системы мотивации необходимо соблюдение ключевого принципа: базовая потребность сотрудника в безопасности и стабильности должна быть удовлетворена гарантированной частью дохода. Только на этом фундаменте можно выстраивать эффективную систему стимулирующих надбавок. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение специфики применения гибридных моделей в различных отраслях и на разработку механизмов повышения их прозрачности и объективности, что является ключевым фактором их позитивного восприятия персоналом.

Литература

1. Прихач А.Ю. Мотивационное значение социального пакета. Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 12. С. 1512–1522.
2. Мхитарян Р.М., Безпалова К.С., Саенко И.И. Современные технологии начисления поощрений и мотивации внутри компании. Прикладные экономические исследования. 2024. № 3. С. 23–30.
3. Сербиева С.Р., Сербиева С.Р. Концептуальные подходы к пониманию формы оплаты труда как фактора мотивации сотрудников. Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 7 (47). С. 129–132.
4. Глухова А.В. Влияние изменений в системе оплаты труда на мотивацию персонала наукоемкого предприятия. Научный аспект. 2024. Т. 9. № 1. С. 1164–1167.
5. Чарушина В.В. Сравнительный анализ теорий мотивации в контексте их влияния на оплату труда. Гипотеза. 2022. № 4 (21). С. 45–50.
6. Дмитриева С.В. Совершенствование программ мотивации в современных условиях. Актуальные проблемы экономики и управления. 2021. № 1 (29). С. 55–60.
7. Чернышов Д.Е. Совершенствование системы управления социальными льготами и ее влияние на мотивацию персонала. Экономические системы. 2024. Т. 17. № 2. С. 86–94.
8. Петрачевская Ю.Л., Немыкин Д.Н., Болотова И.С. Исследование особенностей построения результативной системы мотивации персонала как фактора оплаты труда на предприятии. Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2020. № 2 (81). С. 203–212.
9. Якубова Э.Р. Актуальные вопросы мотивации и системы оплаты труда на предприятии. Национальный вестник Республики Крым. 2024. № 7. С. 249–254.
10. Скитёва Е.И. Тенденции в мотивации персонала в компаниях. Инновации и инвестиции. 2021. № 11. С. 51–54.
11. Костенко П.С. Система мотивации персонала в организациях России. Нормирование и оплата труда в строительстве. 2020. № 1. С. 52–55.
12. Валькович О.Н., Коляденко А.С. Социальный пакет как элемент системы стимулирования труда в организациях сферы услуг. Вектор экономики. 2020. № 11 (53). С. 79.

13. Скробот В.С. Система мотивации персонала и пути её совершенствования. Человек. Общество. Инклюзия (Приложение). 2023. № S1–1. С. 321–326.
14. Рябов М.А., Щенина Н.И. Управление мотивацией персонала торгового предприятия. Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. № 3. С. 281–287.
15. Luzhansky D.V. Organization of staff remuneration in the corporate social responsibility system of business. Экономика и предпринимательство. 2022. № 11 (148). С. 787–790.

A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE IMPACT OF WAGE MODELS ON THE FORMATION OF THE MOTIVATIONAL STRUCTURE OF PERSONNEL IN MODERN RUSSIAN COMPANIES

Vorobyova A.G.

Russian Technological University

The article presents a sociological analysis of the impact of various wage models on the motivational structure and socio-psychological state of personnel in modern Russian companies. It is proved that the remuneration system is not only an economic incentive, but also a powerful social regulator that forms an organizational culture. The aim of the study was to identify and compare the effects of using fixed, mixed, and predominantly variable (KPI-based) wage models. The study is based on a mixed methodology. A questionnaire survey of 850 employees from companies representing the IT sector, retail and industry was conducted, as well as 40 in-depth interviews with employees and managers. Descriptive and mathematical statistical methods, including correlation and factor analysis, were used to analyze the data, which ensured the verification of the results. The results showed that models with a high proportion of variable income contribute to the formation of utilitarian motivation and individualism, which correlates with the highest rates of professional burnout (38.7%) and staff turnover (24.3%). The most effective and balanced was the mixed (salary-bonus) model, which demonstrated the highest level of overall job satisfaction and perceived fairness (7.62 out of 10). It is concluded that the one-sided pursuit of measurable indicators through aggressive reward systems destroys the social capital of an organization and its long-term sustainability. An effective motivation system should be based on a hybrid model, where a stable salary satisfies the need for security, and the variable part fairly encourages achievement, which makes choosing a payment model a strategic sociological task.

Keywords: staff motivation, wage models, perceived fairness, professional burnout, labor sociology.

References

1. Prikhach A.Y. The motivational value of the social package. Economics and management. 2023. Vol. 29. No. 12. pp. 1512–1522.
2. Mkhitarian R.M., Bezpalova K.S., Saenko I.I. Modern technologies for awarding incentives and motivation within the company. Applied economic research. 2024. No. 3. pp. 23–30.
3. Serbieva S.R., Serbieva S.R. Conceptual approaches to understanding the form of remuneration as a factor of employee motivation. The Skiff. Questions of student science. 2020. No. 7 (47). pp. 129–132.
4. Glukhova A.V. The impact of changes in the wage system on the motivation of personnel of a high-tech enterprise. Scientific aspect. 2024. Vol. 9. No. 1. pp. 1164–1167.
5. Charushina V.V. Comparative analysis of motivation theories in the context of their impact on wages. Hypothesis. 2022. No. 4 (21). pp. 45–50.
6. Dmitrieva S.V. Improvement of motivation programs in modern conditions. Actual problems of economics and management. 2021. No. 1 (29). pp. 55–60.
7. Chernyshov D.E. Improvement of the social benefits management system and its impact on staff motivation. Economic systems. 2024. Vol. 17. No. 2. pp. 86–94.
8. Petrachevskaya Yu.L., Nemykin D.N., Bolotova I.S. Investigation of the features of building an effective personnel motivation

- system as a remuneration factor in an enterprise. Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2020. No. 2 (81). pp. 203–212.
9. Yakubova E.R. Actual issues of motivation and remuneration system at the enterprise. National Bulletin of the Republic of Crimea. 2024. No. 7. pp. 249–254.
 10. Skiteva E.I. Trends in personnel motivation in companies. Innovation and investment. 2021. No. 11. pp. 51–54.
 11. Kostenko P.S. Personnel motivation system in Russian organizations. Rationing and remuneration of labor in construction. 2020. No. 1. pp. 52–55.
 12. Valkovich O.N., Kolyadenko A.S. The social package as an element of the labor incentive system in service organizations. The vector of the economy. 2020. No. 11 (53). p. 79.
 13. Skrobot V.S. Personnel motivation system and ways to improve it. Human. Society. Inclusion (Application). 2023. No. S1–1. pp. 321–326.
 14. Ryabov M.A., Shchenina N.I. Management of motivation of personnel of a trading enterprise. Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations. 2020. Vol. 4. No. 3. pp. 281–287.
 15. Luzhansky D.V. Organization of staff rehabilitation in the corporate social responsibility system of business. Economics and entrepreneurship. 2022. No. 11 (148). pp. 787–790.

Применение методологии стратегирования в контексте социальных изменений

Воронов Виктор Александрович,

кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет»
E-mail: viktor-voronov@yandex.ru

В статье детально исследуются современные управленческие стратегии в контексте сложных и быстро меняющихся социальных процессов. Рассматривается влияние глобализации, цифровизации, культурных трансформаций и социальных ожиданий на формирование стратегий управления в организациях различных отраслей. Анализируются ключевые подходы к адаптации управленческих моделей к новым социальным реалиям, включая гибкость, инклюзивность и ориентацию на устойчивое развитие. Особое внимание уделяется роли лидеров и менеджеров в процессе интеграции социальных изменений, формированию позитивной организационной культуры и эффективной коммуникации с заинтересованными сторонами. В статье также рассматриваются вызовы, связанные с сопротивлением переменам и необходимостью балансирования между традиционными управленческими практиками и инновационными стратегиями. В завершение приводятся практические рекомендации по созданию и внедрению управленческих стратегий, способных обеспечить конкурентоспособность и социальную ответственность организаций в условиях динамичной социальной среды.

Ключевые слова: управленческие стратегии, социальные изменения, цифровизация, устойчивое развитие, социальная ответственность, социальные процессы.

Введение

Современное общество характеризуется постоянными и значительными социальными изменениями, которые влияют на все сферы жизни – от экономики и политики до культуры и технологий. В таких условиях традиционные подходы к управлению часто оказываются недостаточно эффективными, что требует разработки новых управленческих стратегий, способных быстро адаптироваться к меняющимся условиям. Управленческие стратегии в контексте социальных изменений представляют собой комплекс методик и инструментов, направленных на гибкое реагирование на вызовы и реализацию возможностей, возникающих в процессе трансформаций общества.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понять, как организации и лидеры могут использовать управление для успешного внедрения инноваций, повышения устойчивости и развития, а также для минимизации рисков, связанных с социальной нестабильностью и изменениями запросов со стороны общества. Наиболее проблемным научным полем становится формирование современной парадигмы стратегического управления, соответствующей иным формам организации управленческих систем, взаимодействий, иным принципам и механизмам развития. На смену разработке стратегии приходит стратегирование [4].

Целью работы является рассмотрение ряда теоретических моделей и практических примеров, которые показывают, каким образом стратегирование может способствовать эффективной интеграции социальных изменений и обеспечению долгосрочного успеха организаций.

Методология

В основе методологии статьи лежит комплексный системно-структурный подход, который позволяет всесторонне осветить категорию «стратегическое управление социальными процессами» через призму различных научных дисциплин: политологии, социологии, менеджмента и истории. Применение междисциплинарного подхода обуславливает интеграцию теоретических и эмпирических методов, направленных на выявление сущности, функций стратегирования в контексте социальных изменений.

Результаты

Изучение управленческих стратегий в связи с социальными изменениями началось в середине XX века, когда общество переживало масштабные трансформации: индустриализация, урбанизация, рост рабочих движений. В этот период внимание ученых сосредоточилось на том, как социальные процессы влияют на структуру организаций и стиль управления.

В 1950–1960-е годы в теории управления стали развиваться концепции, учитывающие внешнюю среду как фактор формирования стратегий. Классики, такие как Альфред Чандлер и Герберт Саймон, заложили основы понимания взаимосвязи между организационной структурой и социальными условиями. В это время сформировались первые модели адаптивного и ситуативного управления.

1970–1980-е годы характеризовались развитием системного и контингентного подходов, которые рассматривали организацию как открытую систему, постоянно взаимодействующую с обществом. В это время исследователи начали учитывать глобализацию, социально-политические изменения и культурные факторы как ключевые элементы, влияющие на стратегический менеджмент.

В 1990–2000-е годы социальные изменения получили новый импульс благодаря развитию информационных технологий и росту социальной ответственности бизнеса. Возникли теории устойчивого развития, корпоративной социальной ответственности и цифровой трансформации, которые кардинально расширили представления об управленческих стратегиях.

В современный период изучение управленческих стратегий стало междисциплинарным и понимается как процесс стратегирования, который ориентирован на динамичность, учитывая вызовы глобализации, пандемий, экологических проблем и быстрой технологической эволюции.

Впервые понятие «стратегирование» появилось в 1970 г. в работе J.L. Bower, который определил стратегирование как «множественные, одновременные, взаимосвязанные и последовательные действия менеджеров на различных уровнях организационной иерархии» [5].

Процесс стратегирования в социальных системах представляет собой комплексный и многоуровневый процесс формирования и реализации стратегий для достижения устойчивого развития и повышения эффективности социальных структур (например, организаций, сообществ, государственных учреждений).

Он начинается с анализа внешней социально-экономической, политической и культурной среды, а также внутреннего состояния системы, включая её ресурсы, ценности и нормы. Особое внимание уделяется вовлечённости различных заинтересованных сторон (группы населения, организации, власти), так как социальные системы характеризуются высокой степенью взаимозависимости и сложностью коммуникаций.

На базе анализа формулируются общие цели, направленные на улучшение социального благополучия, справедливости и устойчивого развития. Далее разрабатываются стратегии с учётом ограничений и возможностей социальной среды, что требует гибкости и адаптивности, учитывая динамичный характер социальных процессов.

Важным этапом является реализация стратегии через коллективные действия, координацию ресурсов и механизмов обратной связи. Контроль и оценка эффективности стратегических решений проводят с учётом социальных критериев – общественного мнения, уровня доверия, качества жизни. Процесс стратегирования в социальных системах часто носит итеративный характер, поскольку требует постоянного мониторинга и корректировки с целью адаптации к изменениям и минимизации социальных рисков.

Особую важность подобный подход и сам принцип мышления приобретают на современном этапе мирового социального развития, претерпевающего значительные изменения, что находит свое отражение в виде усиления вертикальных и горизонтальных связей между элементами социально-экономических систем, изменения социального ландшафта глобального рыночного пространства, углубления взаимовлияний экономических и неэкономических факторов при разработке политики социального управления.

В.Л. Квинт отмечает, что «стратегия призвана реализовывать интересы населения страны и приоритеты на-

циональной значимости, локализованные в данном регионе», а также, что «региональные стратегии способствуют повышению эффективности разработки и степени реализации как локальных (городских, муниципальных), так и корпоративных стратегий всех хозяйствующих объектов (вне зависимости от их формы собственности), связанных с деятельностью данного региона» [3].

Примеры стратегирования в социальных системах включают разработку и реализацию комплексных планов, направленных на улучшение качества жизни и устойчивое развитие общества. Одним из примеров является стратегия развития городских сообществ, когда власти создают проекты по улучшению инфраструктуры, внедрению цифровых технологий и вовлечению граждан в управление.

Другой пример – стратегия борьбы с социальным неравенством, предполагающая программы по поддержке уязвимых групп, расширению доступа к образованию и здравоохранению. Международные гуманитарные организации также разрабатывают стратегии развития волонтерства и поддержки социально незащищённых слоёв в кризисных ситуациях. Корпоративные социальные стратегии направлены на реализацию программ социальной ответственности, включающих поддержку экологии, образования и местных инициатив.

Наконец, региональные стратегии устойчивого развития сочетают экономические, социальные и экологические цели, стимулируя сотрудничество между государством, бизнесом и обществом. Все эти примеры демонстрируют системный подход к стратегированию в социальных системах, учитывающий многообразие акторов и сложность социальных процессов.

Будучи комплексным подходом, стратегирование позволяет рассматривать и агрегировать гетерогенные факторы, предложенные и обоснованные экономической теорией, проводить их анализ сквозь призму возможностей и угроз и изучения внутренней среды объекта стратегирования (OTSW-анализ) с учетом детерминирующего фактора времени. Подобный кросспарадигмальный подход позволяет охватить максимально возможный спектр детерминант социального развития, на основании правил стратегического мышления [1, с. 94].

Н.Ю. Ярошевич, в своем труде «Стратегирование: развитие научной парадигмы», предполагает, что механизм управления стратегированием существенно отличается от принятого в стратегическом управлении. Эта разница формируется в рамках особой институциональной среды функционирования сложных экономических систем (или производственных сетей) как объекта управления в парадигме стратегирования (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ трактовок содержания этапов механизма стратегического управления и стратегирования [4]

Этап механизма управления	Стратегическое управление	Стратегирование
Стратегический анализ	Стратегический анализ внешней и внутренней среды организации	Выявление трендов, структурно-институциональный анализ производственной, предпринимательской сети
Разработка стратегии	Определение миссии, стратегических целей на уровне высшего руководства	Консолидированное принятие стратегического вектора развития

Этап механизма управления	Стратегическое управление	Стратегирование
Стратегическое планирование	Выбор стратегии, формирование стратегического плана	Формирование системы консолидированных стандартов (технологических, управленческих), баз знаний
Реализация стратегии	Система производственных и функциональных планов	Непрерывный процесс управления изменениями и адаптации к ним
Стратегический контроль	Контроль и корректировка стратегических целей	Взаимоконтроль, стандарты корпоративной культуры и стандартов

Отметим, что социальное стратегирование тесно сопряжено с глубоким системным и стратегическим мышлением и направлено на выявление, обоснование и реализацию возникающих стратегических возможностей, реализация которых гарантирует обеспечение общественной пользы в долгосрочном периоде, и, прежде всего, проявляется в повышении качества и уровня жизни населения.

Миссия отраслевой стратегии как ее первичный практический документ, нацеленный преимущественно на внешний мир, должна четко отражать информацию об объекте стратегирования (предпосылки возникновения и обоснованность функционирования, в том числе, какие группы интересов реализует объект, место и уровень в системе стратегий (международный, национальный или региональный уровень)), а также уникальность и полезность от разрабатываемой отраслевой стратегии, в том числе общие социальные и экономические эффекты, которые будут достигнуты от ее последовательной реализации [2, с. 20].

Следует отметить, что проблемы в процессе стратегирования социальных изменений связаны с высокой сложностью прогнозирования, поскольку социальные процессы зависят от множества взаимосвязанных факторов, что затрудняет предвидение итогов.

Также усложняет процесс наличие конфликтов интересов между разными группами общества с противоположными целями и ценностями. Ограниченность финансовых, человеческих и информационных ресурсов снижает возможности реализации стратегий. Низкий уровень вовлеченности граждан ведёт к слабой поддержке и непониманию целей изменений. Важное значение имеют институциональные ограничения, такие как бюрократия и коррумпированность, которые затрудняют внедрение новых инициатив. Проблемы коммуникации приводят к искажению информации и снижению эффективности взаимодействия участников.

Кроме того, непредсказуемость внешних факторов, включая экономические, политические и природные изменения, может внести существенные коррективы в ход реализации стратегий. Все эти проблемы требуют комплексного и гибкого подхода с постоянным мониторингом и адаптацией планов.

Обсуждение и заключение

Сегодня «стратегирование» стало неотъемлемой частью исследований сложных социально-экономических систем, польку является наиболее адекватным инструментом для создания условий стремительного развития социума на основе постановки стратегических целей, кон-

солидирующих усилия органов власти, бизнес-акторов и общества.

В этой связи, для нивелирования проблемных аспектов в процессе стратегирования социальных изменений необходимо использовать комплексный подход. Важно повысить точность прогнозирования с помощью сочетания социологических исследований, статистического анализа и экспертных оценок, а также внедрить системы мониторинга и обратной связи для своевременной корректировки стратегии. Чтобы снизить сопротивление изменениям, нужно активно вовлекать население через информирование, разъяснительные кампании и диалог, учитывая интересы различных групп.

Для разрешения конфликтов интересов эффективны методы медиации, переговоров, создание компромиссов и коалиций на общих целях. Оптимизация ресурсов достигается рациональным распределением, привлечением инвестиций, партнёров и развитием общественного сектора, а также внедрением инновационных технологий. Для повышения вовлечённости граждан важны образовательные программы, поддержка инициативных групп и создание платформ для участия в принятии решений.

Преодоление институциональных препятствий требует реформирования административных процедур, прозрачности власти, антикоррупционных мер и цифровизации процессов. Улучшение коммуникации достигается организацией эффективных каналов связи, использованием современных медиа и обеспечением открытого информирования. Следует отметить, что стратегии должны быть гибкими и адаптивными к внешним изменениям через регулярный анализ рисков и сценарное планирование. Такой подход позволит повысить эффективность социальных изменений и минимизировать возможные негативные последствия.

Литература

1. Герелишин Р.И. Применение методологии стратегирования на региональном уровне: возможности и преимущества // Управленческое консультирование. 2023. № 4 (172). С. 93–107.
2. Квинт В.Л. Концепция стратегирования. Т. 1 (Сер. «Библиотека стратега»). СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019. 132 с.
3. Квинт В.Л. Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего промышленного региона России // Экономика промышленности. 2020. № 3. С. 290–299.
4. Ярошевич Н.Ю. Стратегирование: развитие научной парадигмы / Н.Ю. Ярошевич // e-FORUM. – 2022. – Т. 6, № 1(18). – С. 4–8.
5. Bower J.L. Managing the resource allocation process: a study of corporate planning and investment. Boston: Harvard Business School, 1970. 363 p.

APPLICATION OF STRATEGY METHODOLOGY IN THE CONTEXT OF SOCIAL CHANGE

Voronov V.A.

St. Petersburg State Agrarian University

The article examines modern management strategies in detail in the context of complex and rapidly changing social processes. The influence of globalization, digitalization, cultural transformations and social expectations on the formation of management strategies in organizations of various industries is considered. The key approaches to the adaptation of management models to new social realities, including flexibility, inclusiveness, and focus on sustainable development, are analyzed. Special attention is paid to the role of leaders and managers in the process of integrating social change, creating

a positive organizational culture and effective communication with stakeholders. The article also examines the challenges associated with resistance to change and the need to balance between traditional management practices and innovative strategies. In conclusion, practical recommendations are given on the creation and implementation of management strategies capable of ensuring the competitiveness and social responsibility of organizations in a dynamic social environment.

Keywords: management strategies, social change, digitalization, sustainable development, social responsibility, social processes.

References

1. Gerelishin R.I. Application of the methodology of strategizing at the regional level: opportunities and advantages // *Managerial consulting*. 2023. № 4 (172). pp. 93–107.
2. Kvint V.L. The concept of strategizing. Vol. 1 (Ser. "Strategist's Library"). St. Petersburg: NWIU RANHiGS, 2019. 132 p.
3. Quint V.L. Theoretical Foundations and Methodology of Strategic Planning for Kuzbass as Russia's Most Important Industrial Region // *Industrial Economics*. 2020. № 3. Pp. 290–299.
4. Yaroshevich N. Yu. Strategizing: Development of a Scientific Paradigm / N. Yu. Yaroshevich // *e-FORUM*. – 2022. – Vol. 6, № 1(18). – Pp. 4–8.
5. Bower J.L. Managing the resource allocation process: a study of corporate planning and investment. Boston: Harvard Business School, 1970. 363 p.

Реализация концепции 15-минутных городов в социологической перспективе

Зарипов Ратмир Маратович,
независимый исследователь
E-mail: ratmirzaripov@gmail.com

В статье исследуются противоречивые социологические последствия реализации концепции 15-минутного города. Несмотря на заявленные цели по повышению качества жизни и укреплению локальных сообществ, данная модель градостроительства вызывает опасения, связанные с усилением социальной сегрегации и джентрификации. Целью работы является анализ влияния трансформации физической среды на социальную структуру, модели мобильности и уровень социального капитала на примере пилотного проекта в крупном российском мегаполисе. Исследование основано на смешанной методологии, включающей сравнительный анализ «экспериментального» и «контрольного» районов. Количественные данные получены в ходе анкетного опроса (N=854), а качественные – посредством 42 глубинных интервью и включенного наблюдения. Для обработки данных применялись методы статистического анализа и тематического кодирования. Результаты подтвердили, что в пилотном районе значительно возросла доступность инфраструктуры, кардинально изменилась структура мобильности в пользу пешеходных и велосипедных перемещений, а также зафиксирован рост уровня социального доверия и частоты соседских взаимодействий. Однако эти позитивные изменения сопровождаются явными признаками джентрификации: подавляющее большинство жителей (82,1%) отмечают чрезмерный рост стоимости жилья, а район воспринимается как все более социально однородный и ориентированный на состоятельных граждан. Сделан вывод, что концепция 15-минутного города, являясь эффективным инструментом локального благоустройства, без целенаправленной социальной политики рискует превратиться в механизм усиления пространственной сегрегации. Формируемое сильное сообщество оказывается эксклюзивным, а не инклюзивным, что подчеркивает необходимость интеграции градостроительных проектов с мерами по обеспечению доступности жилья и поддержанию социального разнообразия.

Ключевые слова: 15-минутный город, джентрификация, социальная сегрегация, социальный капитал, урбанистика.

Введение

Концепция 15-минутного города, популяризированная профессором Сорбонны Карлосом Морено, представляет собой модель городского планирования, направленную на повышение качества жизни за счет обеспечения доступа ко всем основным жизненным функциям – проживанию, работе, снабжению, здравоохранению, образованию и развлечениям – в пределах 15-минутной пешей или велосипедной прогулки от дома. Эта модель, получившая широкое распространение после пандемии COVID-19, позиционируется как панацея от многих городских проблем: от транспортных заторов и загрязнения окружающей среды до социального отчуждения и неэффективного использования времени [7]. В основе концепции лежит идея «хроно-урбанизма», стремящегося изменить ритм города, сделав его более медленным, экологичным и ориентированным на человека. Предполагается, что такая реорганизация пространства не только повысит удобство повседневной жизни, но и будет способствовать укреплению локальных сообществ, стимулируя спонтанные социальные взаимодействия и повышая уровень доверия между соседями.

Однако при всей своей привлекательности, реализация концепции 15-минутного города порождает ряд сложных социологических вопросов, которые выходят за рамки чисто градостроительной и экономической проблематики. Критики опасаются, что данная модель может привести не к социальной интеграции, а, наоборот, к усилению сегрегации и фрагментации городского пространства. Существует риск формирования «пузырей» или социально однородных анклавов, где жители будут иметь ограниченные контакты с представителями других социальных слоев [12]. Ключевой проблемой становится джентрификация: повышение привлекательности района неизбежно ведет к росту стоимости недвижимости, что может вытеснить менее обеспеченные группы населения, заменяя их более состоятельными жителями. Таким образом, вместо инклюзивного и разнообразного сообщества может возникнуть элитарное «гетто». Данное исследование направлено на анализ социологических последствий внедрения модели 15-минутного города на примере пилотного проекта в крупном российском мегаполисе, с целью выявить, как изменение физической среды влияет на социальную структуру, модели поведения и субъективное восприятие качества жизни различных групп населения.

Материалы и методы исследования

Настоящее исследование базируется на смешанной методологии, сочетающей количественные и качественные подходы для комплексного анализа социальных эффектов от реализации концепции 15-минутного города. Исследование проводилось в двух районах крупного российского города: «Экспериментальном», где в течение последних трех лет активно внедрялись принципы 15-минутной доступности (создание пешеходных зон, развитие велоинфраструктуры, открытие многофункциональных центров и локальных коммерческих объектов), и «Кон-

трольном», представляющем собой типичный «спальный» район с моноцентрической моделью организации, требующей ежедневных маятниковых миграций. Основой количественного анализа послужили данные анкетного опроса (N=854), проведенного среди жителей обоих районов. Выборка была стратифицирована по полу, возрасту, уровню дохода и продолжительности проживания в районе для обеспечения репрезентативности [3]. Анкета включала блоки вопросов, направленные на оценку удовлетворенности качеством городской среды, измерение уровня социального капитала (доверие к соседям, институтам), частоты и характера социальных взаимодействий, а также восприятия социального неравенства и инклюзивности. Для измерения установок использовались 5-балльные шкалы Ликерта.

Качественный компонент исследования включал проведение 42 полуструктурированных глубинных интервью с жителями обоих районов, отобранными по принципу максимального разнообразия характеристик. Целью интервью было выявление субъективных смыслов, которые респонденты вкладывают в свое повседневное взаимодействие с городской средой, их личных траекторий перемещений, а также глубинных переживаний, связанных с чувством принадлежности к месту, социальной изоляцией или, наоборот, включенностью [9]. Дополнительно применялся метод включенного наблюдения в общественных пространствах обоих районов (парках, скверах, на детских площадках, в локальных кафе) для фиксации неформальных практик взаимодействия. Анализ количественных данных проводился с использованием пакета статистических программ SPSS, включая дескриптивную статистику, корреляционный анализ и t-критерий Стьюдента для сравнения средних значений между двумя выборками. Качественные данные, полученные в ходе интервью и наблюдений, были транскрибированы и проанализированы методом тематического кодирования [14] с целью выявления ключевых тем и паттернов в нарративах респондентов, что позволило обогатить и углубить интерпретацию статистических результатов.

Результаты и обсуждение

Первичный анализ полученных данных направлен на верификацию базового постулата концепции 15-минутного города – реального повышения доступности ключевых сервисов и объектов инфраструктуры и его влияния на повседневные практики жителей. Исследование ставило целью не просто зафиксировать физическое наличие объектов, но оценить субъективное восприятие этой доступности респондентами, поскольку именно оно является ключевым фактором, формирующим поведенческие модели и влияющим на уровень удовлетворенности жизнью. Предполагалось, что жители Экспериментального района будут демонстрировать значительно более высокие показатели удовлетворенности доступностью по сравнению с жителями Контрольного района, что, в свою очередь, должно коррелировать с изменениями в структуре их мобильности и социального взаимодействия [1].

Сравнение ответов жителей двух районов позволяет количественно оценить эффективность градостроительных интервенций. Особое внимание уделялось не только базовым потребностям, таким как покупка продуктов, но и объектам, способствующим социализации и развитию человеческого капитала, – паркам, культурным центрам, спортивным площадкам. Различия в восприятии доступности этих объектов могут служить индикатором того, насколько успешно новая модель городского устройства способствует созданию многофункциональ-

ной и насыщенной социальной жизни среды, а не просто «удобного спального мешка». Результаты сравнительного анализа субъективной оценки доступности представлены в таблице ниже (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная оценка жителями доступности ключевых объектов инфраструктуры в пределах 15-минутной пешей досягаемости (% респондентов, оценивших доступность как «хорошую» или «очень хорошую»)

Объект инфраструктуры	Экспериментальный район (%)	Контрольный район (%)	Уровень стат. значимости (p-value)
Продуктовые магазины	94,6	81,3	<0,001
Аптеки	91,8	75,5	<0,001
Парк или зеленая зона	88,2	34,9	<0,001
Поликлиника / мед. центр	65,7	42,1	<0,005
Школа / детский сад	79,4	68,2	<0,05
Спортивные объекты	72,5	25,6	<0,001
Кафе / рестораны	81,1	38,4	<0,001
Культурный / досуговый центр	59,3	19,7	<0,001

Анализ данных, представленных в таблице 1, демонстрирует статистически значимые различия в восприятии доступности всех перечисленных типов инфраструктуры между жителями Экспериментального и Контрольного районов. Наиболее разительный разрыв наблюдается в оценке доступности рекреационных и досуговых объектов. Так, доступность парков и зеленых зон в Экспериментальном районе оценивают положительно 88,2% респондентов, в то время как в Контрольном – лишь 34,9%, что представляет собой разницу в 53,3 процентных пункта. Схожая картина наблюдается для спортивных объектов (разница в 46,9 п.п.) и культурных центров (разница в 39,6 п.п.). Это свидетельствует о том, что градостроительные меры в пилотном районе были сфокусированы не только на утилитарных функциях, но и на создании качественной среды для отдыха и саморазвития.

Даже по таким базовым позициям, как продуктовые магазины и аптеки, где доступность в Контрольном районе и так достаточно высока, в Экспериментальном районе показатели оказываются еще выше (94,6% и 91,8% соответственно). Это говорит о более высокой плотности и равномерности распределения коммерческой инфраструктуры. Единственный показатель с наименьшим, хотя и статистически значимым разрывом, – это доступность школ и детских садов (разница 11,2 п.п.), что, вероятно, объясняется исторически сложившейся советской системой микрорайонного планирования, которая изначально предусматривала наличие образовательных учреждений в шаговой доступности. В целом, количественные данные подтверждают, что с точки зрения физической и воспринимаемой доступности концепция 15-минутного города в Экспериментальном районе успешно реализована.

Следующим шагом анализа является изучение того, как трансформация физического пространства влияет

на социальные связи и уровень доверия внутри сообщества. Теоретически, повышение пешеходной доступности и наличие качественных общественных пространств должны стимулировать неформальные контакты между соседями и укреплять локальную идентичность. Для проверки этой гипотезы респондентам было предложено оценить по 5-балльной шкале Ликерта уровень своего доверия к соседям, а также частоту различных социальных взаимодействий [5]. Результаты данного блока представлены в таблице 2.

Таблица 2. Уровень социального доверия и частота неформальных взаимодействий (средний балл по 5-балльной шкале, где 1 – «никогда/очень низкий», 5 – «постоянно/очень высокий»)

Показатель	Экспериментальный район (Среднее)	Контрольный район (Среднее)	Стандартное отклонение (Эксп./Контр.)
Доверие к соседям	3,88	2,95	0,91 / 1,02
Частота коротких разговоров с соседями (на улице, в подъезде)	4,12	3,21	0,85 / 1,15
Частота посещения соседей / приглашения их в гости	2,74	2,18	1,22 / 1,09
Участие в местных праздниках и субботниках	3,05	1,86	1,35 / 0,98
Чувство принадлежности к своему району	4,21	3,11	0,79 / 1,24

Данные из таблицы 2 указывают на последовательное и статистически значимое превышение всех показателей социального капитала в Экспериментальном районе по сравнению с Контрольным. Средний балл доверия к соседям в пилотном районе составляет 3,88, что на 0,93 балла выше, чем в контрольной группе (2,95). Это существенное различие говорит о формировании более прочных и позитивных социальных связей. Особенно показателен разрыв в частоте спонтанных, неформальных контактов: средний балл по «коротким разговорам с соседями» в Экспериментальном районе достигает 4,12, что свидетельствует о превращении таких взаимодействий в повседневную норму. В Контрольном районе этот показатель значительно ниже (3,21), что отражает более атомизированный характер социальной жизни.

Наибольший относительный разрыв наблюдается в показателе участия в коллективных локальных мероприятиях (3,05 против 1,86). Это может быть связано как с наличием удобных общественных пространств для их проведения, так и с целенаправленной работой местных властей и активистов по организации таких событий в пилотном районе [2]. Интересно, что более глубокие формы взаимодействия, такие как визиты в гости, показывают меньший разрыв (2,74 против 2,18), хотя он и остается значимым. Это может указывать на то, что концепция 15-минутного города в первую очередь способствует развитию «слабых связей» (по М. Грановеттеру), которые, тем не менее, критически важны для фор-

мирования чувства общности и социального контроля. Интегральный показатель «чувство принадлежности к району» является самым высоким в Экспериментальном районе (4,21), что подтверждает успешное формирование локальной идентичности.

Критически важным аспектом социологического анализа является изучение влияния новой модели на социальное неравенство. Одной из главных опасностей концепции 15-минутного города является потенциальная джентрификация и создание социально эксклюзивных пространств. Для оценки этих рисков респондентам был предложен ряд утверждений, отражающих их восприятие социальной структуры района и динамики цен на недвижимость [11]. Ответы респондентов, выраженные в процентах согласных с утверждением, показаны в таблице 3.

Таблица 3. Восприятие социального неравенства и гомогенности в районе проживания (% респондентов, выбравших варианты «согласен» или «полностью согласен»)

Утверждение	Экспериментальный район (%)	Контрольный район (%)
«Большинство людей, живущих в моем районе, имеют примерно одинаковый уровень дохода»	71,4	45,2
«В моем районе комфортно жить людям с разным достатком»	35,8	62,5
«За последние несколько лет стоимость жилья в моем районе стала слишком высокой для обычных людей»	82,1	31,7
«Новые магазины и кафе, открывающиеся в районе, ориентированы в основном на состоятельных людей»	64,9	22,8
«Я чувствую себя частью местного сообщества»	85,3	51,6

Результаты, представленные в таблице 3, выявляют тревожную и парадоксальную тенденцию. С одной стороны, жители Экспериментального района демонстрируют значительно более сильное чувство общности (85,3% против 51,6%). С другой стороны, это сообщество воспринимается как значительно более социально гомогенное. 71,4% жителей пилотного района считают, что их соседи имеют схожий уровень дохода, в то время как в Контрольном районе так думают менее половины респондентов (45,2%). Это наблюдение подкрепляется ответами на вопрос о комфорте проживания для людей с разным достатком: в Экспериментальном районе лишь 35,8% считают его комфортным для всех, тогда как в Контрольном – 62,5%.

Эти данные прямо указывают на процесс джентрификации. Подавляющее большинство жителей Экспериментального района (82,1%) отмечают чрезмерный рост стоимости жилья, что почти в три раза превышает показатель Контрольного района (31,7%). Восприятие новой коммерческой инфраструктуры также подтверждает этот тренд: 64,9% жителей пилотной зоны считают, что новые заведения ориентированы на состоятельную публику. Таким образом, формирующееся сильное локальное сообщество, по всей видимости, являет-

ся сообществом людей со схожим высоким социально-экономическим статусом. Повышение качества жизни в районе выступает как механизм рыночного отбора, который постепенно вытесняет менее обеспеченные слои населения, что является серьезным вызовом для принципов социальной справедливости [15].

Наконец, для полноты картины был проведен анализ изменений в практиках мобильности, так как именно они лежат в основе «хроно-урбанизма». Изменение транспортных предпочтений не только несет экологические выгоды, но и коренным образом меняет социальный ритм района. В таблице 4 представлено распределение ежедневных перемещений жителей по видам транспорта.

Таблица 4. Распределение ежедневных перемещений по видам транспорта (% от всех поездок, совершенных респондентами за неделю)

Вид транспорта	Экспериментальный район (%)	Контрольный район (%)
Пешком / Велосипед / Самокат	48,7	21,3
Общественный транспорт	32,7	33,4
Личный автомобиль	18,6	45,3

Анализ данных из таблицы 4 выявляет кардинальную трансформацию паттернов мобильности в Экспериментальном районе. Доля перемещений с использованием личного автомобиля здесь составляет всего 18,6%, что в 2,5 раза меньше, чем в Контрольном районе (45,3%). Этот колоссальный сдвиг компенсируется прежде всего за счет резкого роста популярности микромобильности (пешком, велосипед, самокат), доля которой достигает 48,7% против 21,3% в контрольной группе. Это прямое следствие создания безопасной и удобной пешеходной и велосипедной инфраструктуры, а также высокой концентрации сервисов в шаговой доступности, что делает использование автомобиля для повседневных нужд избыточным.

Интересно, что доля использования общественного транспорта в обоих районах практически идентична (32,7% и 33,4%). Это может означать, что общественный транспорт используется преимущественно для поездок за пределы района (например, на работу в другой части города), и его роль в качестве магистрального сообщения сохраняется в обеих моделях городского устройства. Однако внутрирайонная мобильность претерпела революционные изменения. Снижение автомобильного трафика и доминирование пешеходов и велосипедистов не только улучшает экологическую обстановку, но и способствует повышению социального контроля на улицах, создавая больше возможностей для случайных встреч и неформального общения, что косвенно подтверждается данными из таблицы 2. Этот феномен, описанный еще Джейн Джекобс как «уличный балет» [4], становится реальностью в условиях 15-минутного города.

Комплексный анализ представленных данных позволяет сделать ряд обобщенных выводов. Сопоставление данных из всех четырех таблиц рисует сложную и многогранную картину социальных последствий внедрения концепции 15-минутного города. С одной стороны, наблюдается несомненный успех в достижении заявленных градостроительных целей: радикально повышена воспринимаемая доступность инфраструктуры (табл. 1) и изменена структура мобильности в пользу

экологических видов транспорта (табл. 4). Эти изменения в физической среде напрямую коррелируют с позитивными социальными сдвигами на микроуровне: в Экспериментальном районе зафиксирован более высокий уровень социального доверия, частоты взаимодействий и чувства принадлежности к сообществу (табл. 2). Это подтверждает гипотезу о том, что грамотно спроектированная среда может выступать катализатором социальных процессов, способствуя формированию локальных сообществ.

Однако синтез данных из таблицы 3 с остальными результатами вносит существенную оговорку в эту позитивную картину. Высокий уровень сплоченности и доверия в Экспериментальном районе достигается на фоне растущей социальной гомогенизации и явных признаков джентрификации. Восприятие района как «слишком дорогого» и комфортного лишь для людей с определенным уровнем достатка (табл. 3) свидетельствует о том, что формирующееся сообщество является эксклюзивным, а не инклюзивным [13]. Таким образом, физический успех модели 15-минутного города парадоксальным образом порождает социальное расслоение на макроуровне города, создавая «острова благополучия» для одних социальных групп за счет вытеснения других [6].

Математическая обработка данных показывает, что рост среднего балла по показателям социального капитала (табл. 2) сильно коррелирует не только с улучшением физической среды, но и с ростом восприятия социальной однородности (табл. 3). Это может указывать на то, что людям проще доверять тем, кого они воспринимают как «таких же, как я». Следовательно, наблюдаемое укрепление социальных связей может быть не столько результатом самой по себе концепции 15-минутного города, сколько следствием формирования классово-однородной среды. Успех в снижении использования личного автомобиля (табл. 4) также может быть связан с социально-экономическим профилем новых жителей, которые чаще работают удаленно или в креативных индустриях, расположенных поблизости, и ведут образ жизни, не требующий постоянных дальних поездок [10].

Следовательно, социологическая оценка концепции 15-минутного города не может быть однозначной. Модель демонстрирует высокую эффективность в решении задач локального благоустройства и формирования «слабых связей». Однако без активной и целенаправленной социальной политики, направленной на поддержание разнообразия, она рискует превратиться в инструмент усиления пространственной сегрегации. Политические меры должны включать в себя квотирование доступного жилья, поддержку малого бизнеса, ориентированного на разные группы потребителей, развитие межрайонных связей, чтобы предотвратить превращение города в архипелаг из изолированных, самодостаточных, но социально замкнутых «деревень» [8].

Выводы

Проведенное исследование подтвердило, что реализация концепции 15-минутного города оказывает глубокое и противоречивое влияние на социальную ткань города. С одной стороны, эмпирические данные убедительно доказывают, что целенаправленные градостроительные интервенции способны значительно повысить качество жизни на локальном уровне. Жители пилотного района демонстрируют более высокую удовлетворенность доступностью ключевых сервисов, радикально меняют свои мобильные практики в пользу пешеходных и велосипедных перемещений и, как следствие, форми-

руют более тесные социальные связи на уровне соседства, что выражается в росте доверия и частоты неформальных контактов. В этом смысле концепция успешно выполняет свою заявленную миссию по созданию более гуманной, экологичной и социально насыщенной городской среды.

С другой стороны, исследование выявило серьезные социальные риски, сопровождающие этот процесс. Успех модели в создании привлекательной среды неизбежно запускает рыночные механизмы джентрификации, что приводит к росту стоимости жизни и постепенному вытеснению менее обеспеченных жителей. Результатом становится формирование социально гомогенных, элитарных анклавов. Наблюдаемый рост социального капитала и чувства общности в значительной степени обусловлен этой растущей однородностью, что ставит под сомнение инклюзивный потенциал модели. Таким образом, на смену проблеме атомизации и отчуждения приходит проблема социальной эксклюзивности и фрагментации городского пространства на «пузыри» для избранных. Дальнейшее тиражирование концепции 15-минутного города требует обязательной интеграции с механизмами социальной защиты, такими как строительство социального жилья и регулирование коммерческой аренды, чтобы преимущества новой модели городского развития были доступны всем жителям, а не только наиболее привилегированным из них.

Литература

1. Нотман О.В. Концепция 15-минутного города как основа устойчивой модели развития мегаполиса в условиях современных рисков // Урбанистика. 2021. № 3. С. 73–85.
2. Кобрин К.Р. Социализм в городе // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 6 (140). С. 230–245.
3. Щавелев А.С. Между социологией Сахары и цыганской урбанистикой. Рец. на: В.С. Вахштайн. Воображая город: введение в теорию концептуализации. М.: Новое литературное обозрение, 2022 (Studia urbanica). 576 с // Историческая география. 2022. Т. 6. С. 274–281.
4. Кияненко К.В. Социальные стратегии управления развитием города и формированием городской среды в трудах Т.М. Дридзе и в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 3. С. 720–731.
5. Чегодаев В.П. «Умный город» как бренд для российской провинции: пилотные проекты и перспективы реализации // Современный город: власть, управление, экономика. 2022. Т. 1. С. 234–244.
6. Дадаева М.С. Факторы и условия социально-экономического развития малых и средних городов // ФГУ Science. 2021. № 3 (23). С. 44–49.
7. Тебнева А.В., Ещина Е.В. «Умный город»: социологическое исследование вопроса // Дневник науки. 2021. № 5 (53).
8. Попов Е.А. Основные возможности исследования города в современной социологической науке // Социодинамика. 2021. № 2. С. 65–72.
9. Тхакахов В.Х. К пониманию города в социологии: роль теории. Рецензия на книгу: Вершинина И.А. Современные теории города: социологический анализ [монография] / И.А. Вершинина. М.: Канон + РОИИ «Реабилитация», 2019 // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 2. С. 167–177.

10. Герцберг Л.Я. Устойчивые города. Формирование градостроительных предпосылок // Academia. Архитектура и строительство. 2022. № 3. С. 69–76.
11. Vermishyan H.R., Michikyan S.G., Ghalamdaryan A.N. Urban ideologies: theoretical backgrounds, dimensions and measures // Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City. 2023. Т. 3. № 2. С. 189–205.
12. Оксус Р.Х. Социальная справедливость и город // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2022. Т. 8 (74). № 2. С. 124–127.
13. Пятшева Е.Н. Социально-экономическое развитие моногородов России // Материалы Афанасьевских чтений. 2023. № S2 (44). С. 63–68.
14. Айтова А.В. Рецензия на книгу Макса Вебера «Город» // Ноэма (Архитектура. Урбанистика. Искусство). 2021. № 1 (6). С. 153–160.
15. Жумашова Г.С. Cities are the main driving force of economic development // Научный аспект. 2021. Т. 5. № 1. С. 559–562.

IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF 15-MINUTE CITIES IN A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE

Zaripov R.M.

The article examines the contradictory sociological consequences of the implementation of the concept of a 15-minute city. Despite the stated goals of improving the quality of life and strengthening local communities, this urban planning model raises concerns about increased social segregation and gentrification. The aim of the work is to analyze the impact of the transformation of the physical environment on the social structure, mobility models and the level of social capital using the example of a pilot project in a large Russian metropolis. The study is based on a mixed methodology, including a comparative analysis of the “experimental” and “control” districts. Quantitative data was obtained through a questionnaire survey (N=854), and qualitative data was obtained through 42 in-depth interviews and included observation. Statistical analysis and thematic coding methods were used to process the data. The results confirmed that the accessibility of infrastructure in the pilot area has increased significantly, the structure of mobility has changed dramatically in favor of pedestrian and bicycle movement, as well as an increase in the level of social trust and the frequency of neighborhood interactions. However, these positive changes are accompanied by clear signs of gentrification: the vast majority of residents (82.1%) note an excessive increase in housing costs, and the area is perceived as increasingly socially homogeneous and focused on wealthy citizens. It is concluded that the concept of a 15-minute city, being an effective tool for local improvement, risks becoming a mechanism for increasing spatial segregation without a targeted social policy. The emerging strong community turns out to be exclusive rather than inclusive, which underscores the need to integrate urban development projects with measures to ensure housing affordability and maintain social diversity.

Keywords: 15-minute city, gentrification, social segregation, social capital, urbanism.

References

1. Notman O.V. The concept of a 15-minute city as the basis for a sustainable model of megalopolis development in the context of modern risks // Urbanistics. 2021. No. 3. pp. 73–85.
2. Kobrin K.R. Socialism in the city // Inviolable reserve. Debates about politics and culture. 2021. No. 6 (140). pp. 230–245.
3. Shchavalev A.S. Between the sociology of the Sahara and Gypsy urbanism. Ref. in: V.S. Vakhstein. Imagining a City: an Introduction to the Theory of Conceptualization. Moscow: New Literary Review, 2022 (Studia urbanica). 576 p. // Historical geography. 2022. Vol. 6. pp. 274–281.
4. Kiyachenko K.V. Social strategies for managing urban development and the formation of the urban environment in the works of T.M. Dridze and in modern Russia // Bulletin of the Peoples'

- Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2022. Vol. 22. No. 3. pp. 720–731.
5. Chegodaev V.P. "Smart City" as a brand for the Russian province: pilot projects and prospects for implementation // *Modern City: government, management, economy*. 2022. Vol. 1. pp. 234–244.
 6. Dadaeva M.S. Factors and conditions of socio-economic development of small and medium-sized cities // *FGU Science*. 2021. № 3 (23). pp. 44–49.
 7. Tebneva A.V., Eshchina E.V. "Smart City": a sociological study of the issue // *Diary of science*. 2021. № 5 (53).
 8. Popov E.A. The main possibilities of city research in modern sociological science // *Sociodynamics*. 2021. No. 2. pp. 65–72.
 9. Tkhakakhov V. Kh. Towards understanding the city in sociology: the role of theory. Book review: Vershinina I.A. *Modern theories of the city: a sociological analysis* [monograph] / I.A. Vershinina. Moscow: Canon + ROII «Rehabilitation», 2019 // *Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. № 2. pp. 167–177.
 10. Herzberg L. Ya. Sustainable cities. Formation of urban planning prerequisites // *Academia. Architecture and construction*. 2022. No. 3. pp. 69–76.
 11. Vermishyan H.R., Michikyan S.G., Ghalamdaryan A.N. Urban ideologies: theoretical backgrounds, dimensions and measures // *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*. 2023. Vol. 3. No. 2. pp. 189–205.
 12. Oxus R.H. Social justice and the City // *Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies*. 2022. Vol. 8 (74). No. 2. pp. 124–127.
 13. Pyatsheva E.N. Socio-economic development of single-industry towns in Russia // *Materials of the Afanasiev readings*. 2023. № S2 (44). pp. 63–68.
 14. Aitova A.V. Review of Max Weber's book "The City" // *Noema (Architecture. Urbanistics. Art)*. 2021. No. 1 (6). pp. 153–160.
 15. Zhumashova G.S. Cities are the main driving force of economic development // *Scientific aspect*. 2021. Vol. 5. No. 1. pp. 559–562.

Стратификационный анализ последствий цифровизации профессий инженерного дела в Российской Федерации

Куровский Станислав Валерьевич,

руководитель научно-исследовательского подразделения,
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 8917564@gmail.com

Мишин Денис Александрович,

руководитель редакционно-издательского отдела,
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 9651530@gmail.com,

Осипов Кирилл Валерьевич,

независимый исследователь
E-mail: osipovkiriknov@icloud.com

Актуальность данного исследования связана с возрастающей ролью цифровой трансформации в сфере инженерного труда и одновременным существованием проблемы социального неравенства граждан в доступе к освоению и дальнейшему использованию цифровых профессиональных компетенций. Цель работы – представить результаты выявления новых социальных групп в инженерной среде, исходя из стратификационного анализа профессиональных изменений в инженерном деле. Методы исследования: систематизация, обобщение, индукция, дедукция, анализ теоретических и эмпирических источников академической литературы, сопоставление, сравнительный анализ, системный подход, концептуализация данных, графическая и табличная визуализация данных, абстрактно-логический метод, анкетный опрос 437 специалистов инженерного дела в российских топливно-энергетических компаниях, проведение экспертного интервью среди 20 экспертов данной области знаний, анализ вакансий на веб-сервисах hh.ru и SuperJob. Основные результаты научного исследования: отражены теоретические основы стратификационного разделения индивидов в группах профессиональных компетенций; обозначены результаты эмпирического исследования специалистов инженерного дела в российских топливно-энергетических компаниях с выделением критериев стратификационного анализа; выявлены социальные последствия цифровизации профессий инженерного дела и направления по минимизации их проявлений в Российской Федерации. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные в исследовании результаты могут быть использованы российскими топливно-энергетическими компаниями, для того чтобы ввести в организационную структуру новые должности, совмещающие навыки IT-систем и инженерного дела, отечественными университетами в целях введения в традиционные программы обучения специалистов инженерного дела модульных курсов с участием алгоритмов искусственного интеллекта.

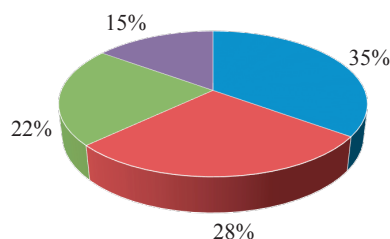
Ключевые слова: специалисты инженерного дела; стратификационный анализ; социальные последствия; профессиональные навыки; цифровизация профессий; российские топливно-энергетические компании; группы профессиональных компетенций.

Введение

Для современного общественного и экономического пространства исследование вопросов цифровизации профессий инженерного дела на российском рынке труда представляется весьма актуальным и значимым, что также подтверждается статистическими данными за период 2020–2024 гг. Так, удельный вес инженеров в общей численности занятого российского населения за 2023 год составил 4,8%, вклад инженерного сообщества в ВВП РФ по сектору промышленного производства по итогам 2024 года достиг 32%. При этом в течение 2020–2024 гг. количество вакансий на должности инженеров с обязательным наличием цифровых профессиональных компетенций повысилось на 47%, исходя из данных веб-сервиса hh.ru [1].

Несмотря на стремительную цифровизацию профессий инженерного дела, традиционный формат выполнения гражданами трудовых функций инженеров в настоящее время также необходим. В контексте результатов исследований, полученных Р.А. Харисовым [2], [3], можно отметить, что эффективность и уровень производительности трудовой деятельности специалистов инженерного отдела, включая выполнение экспресс-расчётов характеристик прочности элементов трубопроводных систем в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК) РФ, целесообразно увеличить за счёт гармонизации классического и инновационного формата реализации инженерно-технических рабочих функций [4–6].

На современном этапе социально-экономического развития РФ можно наблюдать не только положительные, но и негативные последствия цифровизации профессий инженерного дела, в частности, появление социального неравенства и конфликтов в национальном обществе (рисунок 1).

- Увеличение производительности труда
- Изменение стратификации социальных групп
- Трансформация системы образования учащихся инженерных специальностей
- Социальные конфликты

Рис. 1. Структура последствий цифровизации профессий инженерного дела в Российской Федерации, %

Источник: составлено авторами на основе [4–8].

Появление социального неравенства и конфликтов в национальном сообществе обусловлено ключевыми угрозами цифровизации профессий инженерного дела, а именно:

- массовой депрофессионализацией действующих инженеров, достигших возраста более 45 лет и не обладающих цифровыми профессиональными компетенциями;
- повышением безработицы среди специалистов инженерного дела на национальном рынке труда;
- увеличением текучести кадров в отраслевых секторах инженерного дела, например, в IT-отрасли среди молодых специалистов разработки современного программного обеспечения [8], [9].

Относительно высокая вероятность возникновения обозначенных социальных угроз цифровизации профессий инженерного дела сопряжена с существующей стратификацией индивидов, имеющих рассматриваемую профессиональную специализацию (таблица 1).

Таблица 1. Существующая стратификация индивидов, имеющих профессиональную специализацию инженерного дела

Страта индивидов	Содержание страты индивидов	Удельный вес индивидов, %	Средний ежемесячный денежный доход индивидов, тыс. руб.
Цифровая элита	Специалисты обладают цифровыми профессиональными навыками, могут использовать в своей работе алгоритмы искусственного интеллекта и языки программирования ML	12	Более 400
Адаптирующиеся инженеры	Владеют функциональными составляющими цифровой системы CAD, однако не могут программировать цифровые инженерные решения	43	150–250
Рискующие инженеры	Имеют традиционные профессиональные навыки	45	Не более 120

Источник: составлено авторами на основе [1], [7], [9].

Следовательно, выявление социальных последствий цифровизации профессий инженерного дела и направлений по минимизации их проявлений в Российской Федерации является актуальным в настоящее время, так как цифровизация затрагивает значительную группу занятого населения в сфере инженерного дела (около 4 млн человек). При этом отмечается риск маргинализации 45% российских инженеров, что становится ключевой угрозой промышленного и социального суверенитета, общественной безопасности страны на фоне неравномерной цифровой адаптации специалистов инженерного дела.

Теоретические основы стратификационного разделения индивидов в группах профессиональных компетенций

Теоретико-методологическую базу исследования стратификационного разделения индивидов в группах профессиональных компетенций составляют теория функ-

ционализма Парсонса и Дюркгейма, концепция конфликтологии (экономического детерминизма К. Маркса) и теория М. Вебера о многомерности стратификационного разделения индивидов. Эволюционное развитие теорий стратификационного разделения индивидов в группах профессиональных компетенций приведено на рисунке 2.

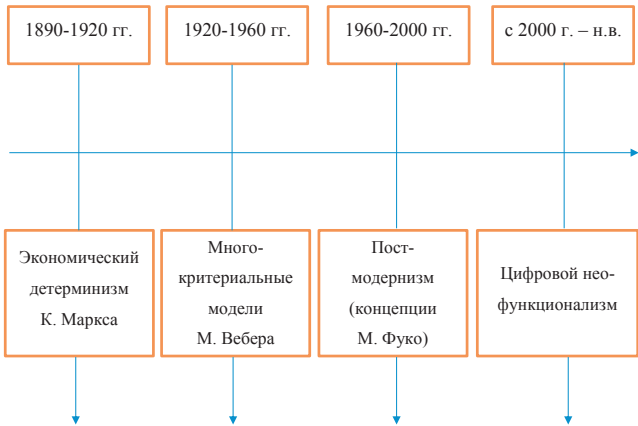

Рис. 2. Эволюционное развитие теорий стратификационного разделения индивидов в группах профессиональных компетенций

Источник: составлено авторами на основе [7–15].

Исходя из теоретико-методологической базы, на стратификационное разделение индивидов в группах профессиональных компетенций оказывают воздействие наличие у специалистов цифровых навыков, институциональные критерии (трансформация системы образования, дифференциация оплаты труда на национальном рынке труда, увеличение доступности Интернет-сетей и технологий накопления знаний для инженерных сообществ) и рыночные механизмы национальной экономики.

При этом стратификационное разделение индивидов в группах профессиональных компетенций обусловлено появлением социальных последствий не только положительных, но и отрицательных, в частности, гендерное неравенство специалистов в сфере инженерного дела, региональное неравенство специалистов в сфере инженерного дела (работа в городской или сельской местности), проблема профессиональной эксклюзии, вызванная возрастным критерием инженеров.

Соответственно, присутствует необходимость проведения эмпирического исследования специалистов инженерного дела в российских топливно-энергетических компаниях с выделением критериев стратификационного анализа.

Результаты эмпирического исследования специалистов инженерного дела в российских топливно-энергетических компаниях с выделением критериев стратификационного анализа

Эмпирическое исследование проводилось авторами среди 437 специалистов инженерного дела в российских топливно-энергетических компаниях (95,6% выборки с помощью анкетного опроса) и 20 экспертов данной области знаний (4,4% выборки с помощью экспертного интервью) с декабря 2024 года по апрель 2025 года. Статистическая выборка специалистов инженерного дела в российских топливно-энергетических компаниях и экспертов научно-исследовательского и делового сообщества была сформирована случайным образом.

На рисунке 3 отражено отраслевое распределение специалистов инженерного дела, работающих в российских топливно-энергетических компаниях и участвовавших в эмпирическом исследовании.

В качестве критериев стратификационного анализа цифровизации профессий инженерного дела в Российской Федерации были выбраны:

- уровень цифровой компетентности специалистов инженерного дела, работающих в российских топливно-энергетических компаниях (измерение показателя по стобальной шкале с помощью тестирования на знания CAD-системы, языка программирования Python, технологий промышленного Интернета вещей);
- уровень денежного дохода специалистов инженерного дела, работающих в российских топливно-энергетических компаниях, который выявлялся посредством верификации данных, содержащихся в HR-департаментах;
- карьерная позиция специалистов инженерного дела в российских топливно-энергетических компаниях, сопоставляемая с иерархией должностей сотрудников в организационной структуре.

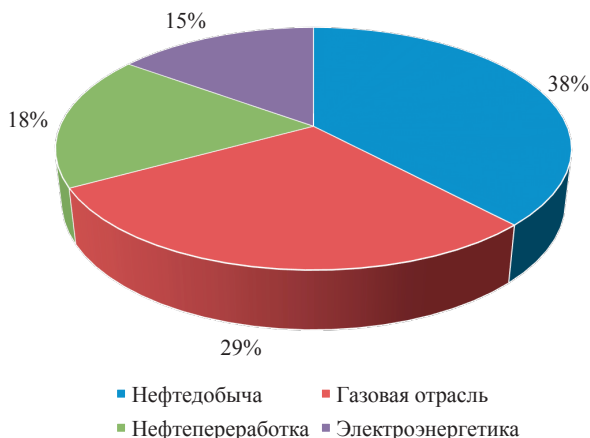

Рис. 3. Отраслевое распределение специалистов инженерного дела, участвовавших в эмпирическом исследовании, %

Источник: составлено авторами на основе результатов эмпирического исследования.

Выбранные критерии стратификационного анализа соответствуют содержанию концепции о том, что на стратификационное разделение индивидов в группах профессиональных компетенций оказывают воздействие наличие у специалистов цифровых навыков, институциональные критерии, показатели рыночных механизмов. В данном случае уровень цифровой компетентности специалистов в сфере инженерного дела отражает происходящую на отечественном рынке труда цифровую трансформацию, уровень денежного дохода представляет собой индикатор рыночной востребованности профессий инженерного дела, а карьерная позиция в российских топливно-энергетических компаниях обозначает степень институционального признания специалистов инженерных профессий.

Результаты эмпирического исследования специалистов инженерного дела в российских топливно-энергетических компаниях позволили определить три стратификационные группы специалистов инженерного дела (таблица 2).

На страту «Цифровые лидеры» наиболее всего влияет фактор доступности и эффективности корпоративного обучения, проводимого российскими топливно-энергетическими компаниями (коэффициент детерминации составил 0,72), на страту «Традиционные инжене-

ры» – возрастной критерий (коэффициент детерминации составил 0,63), на страту «Гибридные специалисты» – фактор цифровой трансформации образовательной системы (коэффициент детерминации составил 0,58).

Таблица 2. Характеристики стратификационных групп специалистов инженерного дела

Страта инженеров	Основные характеристики	Удельный вес в выборке, %	Средний денежный доход в месяц, тыс. руб.	Преобладающая возрастная группа инженеров
Цифровые лидеры	Инженеры разрабатывают цифровые решения с использованием алгоритмов искусственного интеллекта, владеют языками программирования Python, ML	14	410	20–35 лет
Традиционные инженеры	Ведение бумажного документооборота, осуществление ручных расчётов	47	97	51 год и старше
Гибридные специалисты	Владеют функциональными составляющими цифровой системы CAD, базовыми навыками программирования на языке Python	39	185	-

Источник: разработано авторами на основе результатов эмпирического исследования.

Эксперты, принявшие участие в эмпирическом исследовании, представили прогноз развития выявленного стратификационного разделения специалистов инженерного дела в российских топливно-энергетических компаниях, ключевыми драйверами которого выступают ускорение цифровой трансформации организаций ТЭК РФ, образовательной системы, российского рынка труда, разработка эффективных образовательных программ профессиональной переподготовки специалистов в сфере инженерного дела, сокращение доли страты «Традиционные инженеры» в общей социальной структуре разделения специалистов (таблица 3).

Таблица 3. Прогноз развития выявленного стратификационного разделения специалистов инженерного дела в российских топливно-энергетических компаниях

Наименование сценария развития стратификационного разделения специалистов инженерного дела	Уровень вероятности сценария развития, %	Ключевые драйверы сценария развития стратификационного разделения специалистов инженерного дела
Усиление социального неравенства среди специалистов в сфере инженерного дела	54,8	Ускорение цифровой трансформации организаций ТЭК РФ, образовательной системы, российского рынка труда

Наименование сценария развития стратификационного разделения специалистов инженерного дела	Уровень вероятности сценария развития, %	Ключевые драйверы сценария развития стратификационного разделения специалистов инженерного дела
Конвергенция стратификационного разделения специалистов в сфере инженерного дела	29,6	Разработка эффективных образовательных программ профессиональной переподготовки специалистов в сфере инженерного дела
Поляризация в стратификационном разделении специалистов в сфере инженерного дела	15,3	Сокращение доли страты «Традиционные инженеры» в общей социальной структуре разделения специалистов

Источник: разработано авторами по результатам проведения экспертного интервью.

Следовательно, в настоящее время выделяется трехуровневое стратификационное разделение специалистов в сфере инженерного дела в российских топливно-энергетических компаниях с преобладанием профессий традиционных инженеров. Ключевые факторы стратификации профессий инженерного дела в Российской Федерации – возрастной критерий и степень доступности корпоративного обучения для специалистов в сфере инженерного дела.

Социальные последствия цифровизации профессий инженерного дела и направления по минимизации их проявлений в Российской Федерации

В соответствии с результатами эмпирического исследования можно выделить как положительные, так и негативные социальные последствия цифровизации профессий инженерного дела в российском сообществе (таблица 4).

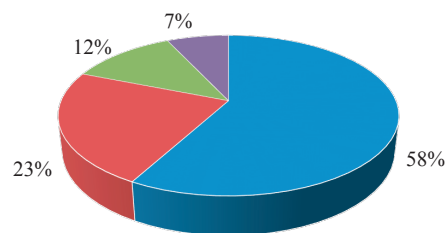
Таблица 4. Систематизация положительных и негативных социальных последствий цифровизации профессий инженерного дела в российском сообществе

Наименование группы социальных последствий	Положительный эффект	Отрицательный эффект
Социально-экономические	Увеличение уровня оплаты труда инженеров страты «Цифровые лидеры» на 40%	Повышение индекса безработицы среди инженеров, достигших возраста более 45 лет, до 35% по всем российским регионам
Профессионально-трудоустройство	Возникновение новых профессиональных специализаций	Депрофессионализация специалистов страты «Традиционные инженеры»

Наименование группы социальных последствий	Положительный эффект	Отрицательный эффект
Социально-демографические	Высокий уровень гибкости и мобильности среди инженеров молодого возраста (до 35 лет)	Усиление фактора возрастной дискриминации среди специалистов инженерного дела в российском обществе
Территориальные	Развитие технических, инженерных кластеров, в частности IT-кластеров в различных российских регионах	Усиление фактора территориального разрыва между городской и сельской местностью

Источник: разработано авторами по результатам проведения эмпирического исследования.

Ключевой причиной повышения индекса безработицы среди инженеров, достигших возраста более 45 лет, является низкий уровень востребованности имеющихся у них профессиональных компетенций, на втором месте располагается нежелание специалистов пройти образовательную программу профессиональной переподготовки (рисунок 4).

- Низкий уровень востребованности профессиональных компетенций инженеров
- Нежелание инженеров пройти образовательную программу профессиональной переподготовки
- Здоровье
- Прочие причины

Рис. 4. Причины повышения индекса безработицы среди инженеров, достигших возраста более 45 лет, %

Источник: составлено авторами по результатам проведения экспертного интервью.

Для того чтобы минимизировать проявление негативных социальных последствий цифровизации профессий в сфере инженерного дела, предлагаются следующие направления к практической реализации:

- создание и практическое осуществление государственной программы «Цифровой инженер», направленной на увеличение цифровых профессиональных навыков среди инженеров, достигших возраста 45–60 лет. Прогнозируемое бюджетное финансирование государственной программы – 120 млрд руб. на период до 2030 года. Ожидаемый эффект осуществления государственной программы – профессиональная переподготовка 500 тыс. специалистов в сфере инженерного дела, входящих в страту «Традиционные инженеры»;
- формирование модели непрерывного обучения специалистов в сфере инженерного дела от освоения образовательных программ школьных предметов и российских университетов с элементами циф-

ровых решений до самостоятельного прохождения курсов микрообучения профессиональным компетенциям на специализированных цифровых платформах;

- совершенствование корпоративных практик цифровизации профессий в сфере инженерного дела с использованием корпоративной академии профессионального обучения специалистов со встроенными элементами виртуальной реальности, позволяющими отработать профессиональные навыки инженерно-технических специальностей и освоить цифровые продукты на своём рабочем месте. Это позволит уменьшить количество операционных ошибок у инженеров, достигших 45–60 лет, а также увеличить уровень их цифровых профессиональных навыков на основе практического применения технологий виртуальной реальности и геймификации.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам по результатам научного исследования:

1. Согласно положениям теории стратификационного разделения индивидов в группах профессиональных компетенций на него оказывают воздействие наличие у специалистов цифровых навыков, институциональные критерии (трансформация системы образования, дифференциация оплаты труда на национальном рынке труда, увеличение доступности Интернет-сетей и технологий накопления знаний для инженерных сообществ) и рыночные механизмы национальной экономики. Однако распределение специалистов любой профессии инженерного дела по стратам может способствовать социальным последствиям положительной и негативной направленности, следовательно, отрицательный эффект от стратификации целесообразно минимизировать в современной социальной структуре государства.

2. Результаты эмпирического исследования специалистов инженерного дела в российских топливно-энергетических компаниях на основе выделенных критериев стратификационного анализа показали, что в настоящее время выделяется трехуровневое стратификационное разделение специалистов в сфере инженерного дела в российских топливно-энергетических компаниях (цифровые лидеры, традиционные инженеры и гибридные специалисты) с преобладанием профессий традиционных инженеров. Ключевые факторы стратификации профессий инженерного дела в Российской Федерации – возрастной критерий и степень доступности корпоративного обучения для специалистов в сфере инженерного дела.

3. Для минимизации отрицательно воздействующих социальных последствий цифровизации профессий в сфере инженерного дела по результатам эмпирического исследования были приведены направления минимизации их проявления в российском сообществе, практическая реализация которых составляет комплексный подход к обеспечению социального и промышленного суверенитета, сохранению и преумножению интеллектуального и человеческого капитала, поддержанию стабильности в социальной структуре Российской Федерации.

Литература

1. Мишин Д. А., Куровский С.В., Халафян А.А. Цифровизация как направление развития государства и права: сущность, перспективы, риски // Вестник

Академии права и управления. – 2024. – № 5 (80). – С. 77–81.

2. Харисов Р.А. Разработка научных основ экспресс-методов расчета характеристик прочностной безопасности оболочковых элементов трубопроводных систем в водородсодержащих рабочих средах: специальность 05.26.03 «Пожарная и промышленная безопасность (по отраслям)»: диссертация на соискание ученой степени доктора технических наук / Харисов Рустам Ахматнурович. – Институт проблем транспорта энергоресурсов, 2015. – 228 с.
3. Харисов Р.А. Разработка научных основ экспресс-методов расчета характеристик прочностной безопасности оболочковых элементов трубопроводных систем в водородсодержащих рабочих средах: специальность 05.26.03 «Пожарная и промышленная безопасность (по отраслям)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора технических наук / Харисов Рустам Ахматнурович. – Уфа, 2015. – 22 с.
4. Куровский С. В., Мишин Д.А., Ласкин Е.П. Направления совершенствования развития машиностроительной отрасли в условиях использования информационно-коммуникационных и цифровых технологий // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 5. – С. 479–483.
5. Куровский С. В., Мишин Д.А., Воробьев К.В. Цифровая трансформация компаний как новая парадигма менеджмента // Финансовые рынки и банки. – 2025. – № 1. – С. 291–299.
6. Куровский С. В., Мишин Д.А., Штыков Р.А. Задачи и методы формализации и оптимального управления цифровыми сервисами в компаниях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. – 2024. – № 10–2. – С. 39–45.
7. Полякова М.В. Влияние цифровой трансформации на рынок труда в Российской Федерации // Прогрессивная экономика. – 2025. – № 5. – С. 266–279.
8. Абрамов Р. Н., Быков А.В. Мир профессий в контексте труда и занятости: пандемическое и цифровое вертиго // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 3. – С. 4–20.
9. Дерюгин П. П., Баннова О.С., Камышина Е.А., Попов Р.Е., Сидорова А.Н. Социальное и профессиональное осознание студентами инженерно-технических специальностей наступающей цифровизации (Опыт пилотажного исследования и первые итоги) // Дискурс. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 43–56.
10. Банникова Л. Н., Боронина Л.Н., Балясов А.А. Социологические практики исследования процессов институционализации новых форматов инженерного образования: ретроспективный анализ и перспективы // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2022. – № 1. – С. 35–45.
11. Александрова Ю. Ю., Миронова Е.В., Камнева Е.В., Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Перспективы развития и риски деформации профессиональной идентичности в условиях «цифровизации» трудового процесса // Организационная психология. – 2023. – Т. 13. – № 4. – С. 213–235.
12. Подвойский Г. Л., Черных Е.А. Трансформации российского рынка труда: первая и вторая волна // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – Т. 14. – № 1. – С. 66–75.

13. Пинчук А.Ю. Формирование отечественной инженерной школы как формы эффективного ответа российского общества на большие вызовы // ЦИТИСЭ. – 2021. – № 1. – С. 425–435.
14. Андрияшина Л. М., Гузанов Б.Н., Анахов С.В. Инженерное мышление: векторы развития в контексте трансформации научной картины мира // Образование и наука. – 2023. – Т. 25. – № 8. – С. 12–48.
15. Кузнецов С. В., Горин Е.А., Имзалиева М.Р. Национальный технологический суверенитет и три уровня кадрового обеспечения промышленности // Экономика и управление. – 2023. – Т. 29. – № 8. – С. 938–955.

STRATIFICATION ANALYSIS OF THE CONSEQUENCES OF DIGITALIZATION OF ENGINEERING PROFESSIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kurovsky S.V., Mishin D.A., Osipov K.V.
LLC "Higher School of Education"

The relevance of this study is associated with the increasing role of digital transformation in the field of engineering work and the simultaneous existence of the problem of social inequality of citizens in access to mastering and further use of digital professional competencies. The purpose of the work is to present the results of identifying new social groups in the engineering environment, based on the stratification analysis of professional changes in engineering. Research methods: systematization, generalization, induction, deduction, analysis of theoretical and empirical sources of academic literature, comparison, comparative analysis, systems approach, data conceptualization, graphical and tabular data visualization, abstract logical method, a questionnaire survey of 437 engineering specialists in Russian fuel and energy companies, expert interviews among 20 experts in this field of knowledge, analysis of vacancies on the web services hh.ru and SuperJob. The main results of the scientific research: the theoretical foundations of the stratification division of individuals into groups of professional competencies are reflected; The results of an empirical study of engineering specialists in Russian fuel and energy companies are outlined, with criteria for stratification analysis identified; social consequences of digitalization of engineering professions and directions for minimizing their manifestations in the Russian Federation are revealed. The practical significance of the study lies in the fact that the results obtained in the study can be used by Russian fuel and energy companies in order to introduce new positions combining IT systems and engineering skills into the organizational structure, and by domestic universities in order to introduce modular courses with the participation of artificial intelligence algorithms into traditional training programs for engineering specialists.

Keywords: engineering specialists; stratification analysis; social consequences; professional skills; digitalization of professions; Russian fuel and energy companies; professional competence groups.

References

1. Mishin D. A., Kurovsky S.V., Khalafyan A.A. Digitalization as a direction of development of the state and law: essence, prospects, risks // Bulletin of the Academy of Law and Management. – 2024. – No. 5 (80). – P. 77–81.
2. Kharisov R.A. Development of scientific foundations of express methods for calculating the characteristics of strength safety of shell elements of pipeline systems in hydrogen-containing working environments: specialty 05.26.03 "Fire and industrial safety (by industry)": dissertation for the degree of Doctor of Technical Sciences / Kharisov Rustam Akhmaturovich. – Institute of Energy Resources Transport Problems, 2015. – 228 p.
3. Kharisov R.A. Development of scientific foundations of express methods for calculating the characteristics of strength safety of shell elements of pipeline systems in hydrogen-containing working environments: specialty 05.26.03 "Fire and industrial safety (by industry)": abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Technical Sciences / Kharisov Rustam Akhmaturovich. – Ufa, 2015. – 22 p.
4. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Laskin E.P. Directions for improving the development of the mechanical engineering industry in the context of using information and communication and digital technologies // Innovations and Investments. – 2025. – No. 5. – P. 479–483.
5. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Vorobyov K.V. Digital transformation of companies as a new management paradigm // Financial markets and banks. – 2025. – No. 1. – P. 291–299.
6. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Shtykov R.A. Tasks and methods of formalization and optimal management of digital services in companies // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Natural and technical sciences. – 2024. – No. 10–2. – P. 39–45.
7. Polyakova M.V. The impact of digital transformation on the labor market in the Russian Federation // Progressive economy. – 2025. – No. 5. – P. 266–279.
8. Abramov R. N., Bykov A.V. The world of professions in the context of labor and employment: pandemic and digital vertigo // Monitoring public opinion: economic and social changes. – 2021. – No. 3. – P. 4–20.
9. Deryugin P. P., Banova O.S., Kamyshina E.A., Popov R.E., Sidorova A.N. Social and professional awareness of engineering and technical students of the upcoming digitalization (Experience of a pilot study and first results) // Discourse. – 2021. – Vol. 7. – No. 1. – P. 43–56.
10. Bannikova L. N., Boronina L.N., Balyasov A.A. Sociological practices of studying the processes of institutionalization of new formats of engineering education: retrospective analysis and prospects // Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences. – 2022. – No. 1. – P. 35–45.
11. Aleksandrova Yu. Yu., Mironova E.V., Kamneva E.V., Pryazhnikov N.S., Pryazhnikova E. Yu. Development prospects and risks of deformation of professional identity in the context of "digitalization" of the labor process // Organizational Psychology. – 2023. – Vol. 13. – No. 4. – P. 213–235.
12. Podvoisky G. L., Chernykh E.A. Transformations of the Russian labor market: the first and second waves // Humanities. Bulletin of the Financial University. – 2024. – Vol. 14. – No. 1. – P. 66–75.
13. Pinchuk A. Yu. Formation of a domestic engineering school as a form of effective response of Russian society to major challenges // CITISE. – 2021. – No. 1. – P. 425–435.
14. Andryukhina L. M., Guzanov B.N., Anakhov S.V. Engineering thinking: vectors of development in the context of the transformation of the scientific picture of the world // Education and Science. – 2023. – Vol. 25. – No. 8. – P. 12–48.
15. Kuznetsov S. V., Gorin E.A., Imzaliyeva M.R. National technological sovereignty and three levels of personnel provision for industry // Economy and Management. – 2023. – Vol. 29. – No. 8. – P. 938–955.

Основные методы анализа эффективности демографических процессов в регионах Российской Федерации

Лысенкова Екатерина Романовна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»

E-mail: Lysenkova.katrin@gmail.com

В работе рассматриваются основные методы анализа эффективности демографических процессов в регионах Российской Федерации. Проведен обзор современных подходов и инструментов оценки демографической ситуации, включая статистические, моделирующие и комплексные методы. Анализируются особенности применения методов демографического моделирования, индексных и коэффициентных показателей, а также методов пространственного анализа для выявления региональных особенностей и тенденций. В работе подчеркивается важность комплексного подхода к оценке эффективности демографических процессов для разработки стратегий социально-экономического развития регионов. Полученные результаты позволяют более точно определить ключевые факторы, влияющие на демографическую динамику, и способствуют формированию эффективных мер по управлению демографическими изменениями в условиях современной России.

Ключевые слова: демография, демографические процессы, регионы России, анализ эффективности демографических процессов, комплексный подход.

Введение

Анализ эффективности демографических процессов в регионах Российской Федерации представляет собой комплексную задачу, требующую применения широкого спектра методов и подходов. Эта область исследований имеет критическое значение для формирования и корректировки демографической политики страны, учитывая значительные различия в демографической ситуации между регионами России.

Основой для анализа эффективности демографических процессов служит система демографических показателей. Ключевыми среди них являются коэффициенты рождаемости и смертности, естественный прирост населения, ожидаемая продолжительность жизни, коэффициенты брачности и разводимости, а также показатели миграционного движения. Однако простой расчет этих показателей не дает полной картины эффективности демографических процессов. Необходимо применение более сложных методов анализа, позволяющих учесть многофакторность демографических явлений и их взаимосвязь с социально-экономическими условиями¹.

Факторы и методы демографического анализа

Одним из фундаментальных методов анализа является построение и анализ демографических таблиц. Таблицы смертности, рождаемости и брачности позволяют оценить интенсивность демографических процессов в различных возрастных группах и прогнозировать их динамику. Особую ценность представляют многомерные демографические таблицы, учитывающие одновременно несколько демографических характеристик.

Метод стандартизации демографических коэффициентов широко применяется для корректного сравнения демографических показателей между регионами с различной возрастной структурой населения. Этот метод позволяет элиминировать влияние различий в возрастной структуре и выявить реальные различия в интенсивности демографических процессов.

Важным инструментом анализа является построение демографических балансов, позволяющих оценить вклад различных компонентов в изменение численности и структуры населения региона. Балансовый метод дает возможность выявить роль естественного и миграционного прироста в демографическом развитии региона².

Для выявления факторов, влияющих на демографические процессы, широко применяются методы корреляционно-регрессионного анализа. Они позволяют количественно оценить влияние различных социально-экономических показателей на демографические характеристики региона. Например, можно оценить влияние

¹ Доброхлеб В.Г. Старение населения как фактор модели демографического перехода на примере современной России // Социологический альманах. – 2022. С. 549.

² Демографическая безопасность – основа процветания общества, главное условие развития государства URL: <https://lida.gov.by/ru/2023-edi-ru/view/demograficheskaja-bezopasnost-osnova-protsvetaniya-obschestva-glavnoe-uslovie-razvitiya-gosudarstva-ijul-23743/> (дата обращения: 11.07.2025)

уровня доходов населения, качества медицинского обслуживания или экологической ситуации на показатели рождаемости и смертности.

Методы факторного и кластерного анализа используются для типологизации регионов по характеру демографических процессов. Это позволяет выделить группы регионов со схожими демографическими проблемами и разработать для них дифференцированные меры демографической политики.

Особое место в анализе эффективности демографических процессов занимают методы демографического прогнозирования. Они позволяют оценить долгосрочные последствия текущих демографических тенденций и эффективность принимаемых мер демографической политики. Широко применяются методы когортно-компонентного прогнозирования, позволяющие учесть изменения в различных поколениях населения.

В последние годы все большее значение приобретают методы пространственного анализа демографических процессов с использованием геоинформационных систем (ГИС). Они позволяют визуализировать пространственные закономерности демографического развития регионов и выявлять территориальные кластеры с различной демографической динамикой.

Важным аспектом анализа эффективности демографических процессов является оценка их экономических последствий. Для этого применяются методы экономикодемографического моделирования, позволяющие оценить влияние демографических изменений на рынок труда, пенсионную систему, систему образования и здравоохранения.

Аспекты и условия проведения анализа эффективности

Анализ эффективности демографической политики требует применения методов оценки программ и политик. Здесь используются как количественные методы (например, анализ «затраты-выгоды»), так и качественные (экспертные оценки, фокус-группы). Важным элементом является сравнительный анализ эффективности различных мер демографической политики в разных регионах¹.

Особую роль в анализе демографических процессов играют социологические методы. Выборочные обследования населения позволяют получить информацию о репродуктивных установках, миграционных намерениях, отношении к различным мерам демографической политики, которую невозможно получить из данных официальной статистики².

В условиях цифровизации все большее значение приобретают методы анализа больших данных (Big Data). Они позволяют использовать нетрадиционные источники информации (данные социальных сетей, мобильных операторов) для анализа демографических процессов, что особенно важно для оценки миграционных потоков.

Комплексное применение этих методов позволяет получить всестороннюю оценку эффективности демографических процессов в регионах Российской Федерации. Однако интерпретация результатов требует глубокого понимания специфики каждого региона, его исторических, культурных и экономических особенностей.

Важно отметить, что анализ эффективности демографических процессов не может ограничиваться только количественными показателями. Необходимо учитывать качественные характеристики населения – уровень образования, состояние здоровья, профессиональную структуру. Поэтому все большее значение приобретают методы анализа человеческого капитала и качества жизни населения.

Продолжая анализ методологии исследования демографических процессов в регионах России, стоит обратить внимание на ряд дополнительных аспектов и перспективных направлений развития этой области³.

Одним из важных направлений является развитие междисциплинарного подхода к анализу демографических процессов. Интеграция методов демографии с методами экономики, социологии, психологии, антропологии и даже генетики позволяет получить более глубокое понимание факторов, влияющих на демографическое поведение населения. Например, применение методов поведенческой экономики может помочь в понимании процесса принятия решений о рождении детей или миграции.

Все большее значение приобретает анализ влияния культурных и ценностных факторов на демографические процессы. Методы культурной антропологии и этносоциологии позволяют выявить глубинные культурные паттерны, влияющие на демографическое поведение различных этнических и социальных групп. Это особенно актуально для многонациональной России, где демографические процессы могут значительно различаться в разных культурных контекстах.

Перспективным направлением является развитие методов анализа демографических процессов на микроуровне. Использование лонгитюдных исследований и методов анализа жизненных путей позволяет проследить, как индивидуальные решения и события жизненного цикла влияют на демографические показатели на макроуровне. Это дает возможность более точно прогнозировать долгосрочные демографические тенденции.

Важным аспектом становится анализ влияния глобальных процессов на региональную демографическую динамику. Методы глобального демографического моделирования позволяют оценить, как изменения климата, глобальные экономические кризисы или пандемии могут повлиять на демографическую ситуацию в конкретных регионах России.

Развитие методов сетевого анализа открывает новые возможности для исследования миграционных процессов и распространения демографических паттернов. Анализ социальных сетей позволяет выявить каналы распространения информации и культурных норм, влияющих на демографическое поведение.

Все большее значение приобретают методы визуализации демографических данных. Развитие интерактивных визуальных инструментов позволяет сделать сложную демографическую информацию более доступной для понимания не только специалистами, но и широкой общественностью, что важно для формирования общественного мнения по вопросам демографической политики⁴.

¹ Макашина О.В. Роль финансовой системы в обеспечении развития государства: отечественный и зарубежный опыт. / монография., 2022. – 402 с.

² Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 11.07.2025)

³ Синица А.Л. Демографическая и семейная политика в современной социальной политике: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка результативности (часть 1) // Уровень жизни населения регионов России. – 2022. – № 1. – с. 50–59.

⁴ Аверин А.Н. Значение национального проекта по демографии для решения основных демографических проблем /А.Н. Аверин, А.Ю. Голобородько, О.Ю. Керимов, В.М. Разумец// На-

Перспективным направлением является развитие методов оценки демографической безопасности регионов. Это требует разработки комплексных индексов, учитывающих не только количественные демографические показатели, но и качественные характеристики населения, а также потенциальные демографические риски и угрозы.

Особую актуальность приобретают методы анализа влияния цифровизации на демографические процессы. Это включает оценку влияния распространения цифровых технологий на репродуктивное поведение, формирование партнерств, миграционные процессы. Также важно изучение новых форм занятости (удаленная работа, фриланс) и их влияния на демографические решения.

Развитие методов анализа экологических аспектов демографических процессов становится все более важным. Это включает оценку влияния экологической ситуации на здоровье населения, рождаемость, миграционные потоки. Особое значение приобретает разработка методов прогнозирования демографических последствий климатических изменений.

Перспективным направлением является развитие методов оценки влияния урбанизации на демографические процессы. Это включает анализ демографической динамики в агломерациях, изучение процессов субурбанизации и их влияния на рождаемость и смертность. Важным аспектом становится разработка методов демографического планирования городского развития.

Все большее значение приобретают методы анализа демографических аспектов цифрового неравенства. Это включает оценку влияния доступа к цифровым технологиям на демографическое поведение, особенно в контексте различий между городской и сельской местностью, между различными социальными группами.

Развитие методов анализа демографических последствий технологического развития становится актуальной задачей. Это включает оценку влияния автоматизации и роботизации на рынок труда и, как следствие, на демографические процессы. Важным аспектом становится прогнозирование изменений в структуре занятости и их демографических последствий.

Особую роль приобретают методы анализа демографических аспектов социальной мобильности. Это включает изучение влияния образовательных и карьерных траекторий на демографическое поведение, оценку связи между социальным статусом и демографическими характеристиками.

Развитие методов оценки эффективности информационных кампаний в области демографической политики становится важным направлением. Это включает анализ влияния социальной рекламы, образовательных программ, медиа-контента на демографическое поведение населения¹.

Перспективным направлением является также развитие методов анализа демографических аспектов социального капитала. Это включает оценку влияния социальных связей, доверия, гражданской активности на демографические процессы в регионах.

Важным аспектом становится разработка методов оценки влияния религиозного фактора на демографические процессы. Это особенно актуально в контексте роста религиозности в некоторых регионах России и влия-

ука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 3 (106). – С. 115–118.

¹ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ОБЪЕКТЫ И СУБЪЕКТЫ URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47409836> (дата обращения: 11.07.2025)

ния религиозных норм на репродуктивное поведение и семейные ценности.

Методы анализа демографических последствий образовательной миграции приобретает особое значение и включает в себя оценку влияния оттока молодежи в крупные образовательные центры на демографическую ситуацию в регионах, а также анализ возвратной миграции и ее демографических эффектов².

Перспективным направлением является развитие методов оценки влияния корпоративных политик на демографические процессы. Это включает анализ влияния программ поддержки сотрудников с детьми, политик баланса работы и личной жизни на репродуктивные решения и семейную динамику.

Важным аспектом становится разработка методов анализа демографических последствий изменений в системе здравоохранения. Это включает оценку влияния новых медицинских технологий, изменений в системе медицинского страхования, развития телемедицины на показатели рождаемости и смертности.

Развитие методов анализа влияния транспортной доступности на демографические процессы приобретает особое значение для России с ее огромными территориями. Это включает оценку влияния развития транспортной инфраструктуры на миграционные потоки, выбор места жительства, доступность медицинских и образовательных услуг.

Особую актуальность приобретают методы анализа демографических аспектов энергетической политики. Это включает оценку влияния возобновляемых источников энергии, изменений в структуре энергопотребления на расселение населения, миграционные потоки, качество жизни в различных регионах.

Заключение

Развитие методологии анализа демографических процессов в регионах России требует не только совершенствования отдельных методов, но и развития системного подхода, позволяющего интегрировать различные аспекты демографической динамики в единую картину. Это предполагает создание комплексных моделей, учитывающих взаимосвязь демографических процессов с широким спектром социальных, экономических, культурных и экологических факторов³.

Следует подчеркнуть, что методология анализа эффективности демографических процессов в регионах России постоянно развивается. Появляются новые методы и подходы, совершенствуются существующие. Это развитие обусловлено как прогрессом в области статистических и математических методов, так и изменением самих демографических процессов, появлением новых демографических вызовов. Поэтому специалисты в области демографического анализа должны постоянно совершенствовать свой методологический инструментарий, чтобы обеспечивать актуальной и достоверной информацией лиц, принимающих решения в сфере демографической политики⁴.

² ПРОГРАММА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ДЛЯ СТРАН ЕВРОПЫ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ URL: https://eeca.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/104_demographic_resilience_brochure_russian_r2.pdf (дата обращения: 11.07.2025)

³ Козлова О.А. Роль социально-экономических факторов в формировании демографических процессов: эволюция теоретических концепций / О.А. Козлова, Е.И. Левина // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 144–153.

⁴ Синельников А.Б. Семейно-демографическая политика и пути повышения ее эффективности // Социология. – 2022. – № 2. – с. 162–173.

Литература

1. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351). URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 11.07.2025)
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 11.07.2025)
3. Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 11.07.2025).
4. Аверин А.Н. Значение национального проекта по демографии для решения основных демографических проблем /А.Н. Аверин, А.Ю. Голобородько, О.Ю. Керимов, В.М. Разумец// Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. –2019. – № 3 (106). – С. 115–118.
5. Антипин И.А. Определение миссии и целей развития территории: единые правила стратегирования // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 8(61). С. 53–58.
6. Архангельский В.Н., Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2021. Специальный выпуск. С. 3–24.
7. Бекетов Н.В., Денисова А.С., Елшина И.А. Основные приоритеты формирования государственной демографической политики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 4. № 5(26). С. 10–21.
8. Государственная демографическая политика в современной России: состояние и приоритеты совершенствования URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/gosudarstvennaja-demograficheskaja-politika-v-sovremennoj-rossii-sostojanie-i.html> (дата обращения: 11.07.2025)
9. Демографическая политика в современной России URL: https://www.alt.ranepa.ru/files/texts/vest/2021_02_16_demografia.pdf (дата обращения: 11.07.2025).
10. Доброхлеб В.Г., Баллаева Е.А. Региональная динамика рождаемости и соотношение демографической, семейной и гендерной политики // Народонаселение. 2019. № 4. С. 44–55.
11. Елизаров В.В., Сеница А.Л. Факторы бедности семей с детьми и перспективы её снижения // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2. С. 63–75.
12. Зраева И.М. Правовое регулирование миграционных процессов в России: проблемы и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 153–156.
13. Козлова О.А. Роль социально-экономических факторов в формировании демографических процессов: эволюция теоретических концепций / О.А. Козлова, Е.И. Левина// Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 144–153.
14. Леляков А.С. Правовое регулирование миграционных процессов в России // Юридическая мысль. 2019. № 1. С. 53–59.
15. Макашина О.В. Роль финансовой системы в обеспечении развития государства: отечественный и зарубежный опыт. / монография., 2022. – 402 с.
16. Миляева Ю.В., Винокурова А.В. Основные тенденции миграционных процессов в современной России // СКИФ. Вопросы студенческой науки. 2019. № 9. С. 120–125.
17. Мокренский Д.Н. Роль экономических факторов в миграционном движении населения муниципальных ЦФО /Д.Н. Мокренский// Государственное управление. Электронный вестник. –2019. – № 69. –С. 519–537.
18. Молчанова Н.П., Молчанов И.Н. Экономическая и финансовая политика: научные основы и практические аспекты. / Монография. – Москва: МАКС Пресс, 2020. – 308 с.
19. Определение концептуальных основ государственной демографической политики URL: https://tomskmuseum.ru/afisha_exhibit/vist1/virt_vist/vvvZDTO/vvvZDTO4-4soziyv-4/vvvZDTO4-4soziyVF4-2/ (дата обращения:11.07.2025)
20. Орешкин, М. Социальные реформы и демографическая устойчивость. – М.: НИЦ «Социальные реформы», 2021. – 310 с.
21. Программа демографической устойчивости для стран Европы и Центральной Азии URL: https://eeca.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/104_demographic_resilience_brochure_russian_r2.pdf (дата обращения: 11.07.2025).
22. Сазонова О.А., Сазонова Н.В. Миграционная политика: административно-правовой аспект. М.: 2019. № 2. С. 13.
23. Синельников А.Б. Семейно-демографическая политика и пути повышения ее эффективности // Социология. – 2022. – № 2. – с. 162–173.
24. Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. – 2019. – № 1. – с. 95–113. – doi: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715.
25. Сеница А.Л. Демографическая и семейная политика в современной социальной политике: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка результативности (часть 1) // Уровень жизни населения регионов России. – 2022. – № 1. – с. 50–59.
26. Сеница А.Л. Демографическая и семейная политика в современной социальной политике: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка результативности (часть 2) // Уровень жизни населения регионов России. – 2022. – № 2. – с. 189–200.
27. Социально-демографическая политика государства: цели, задачи, объекты и субъекты – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47409836> (дата обращения: 11.07.2025)

THE MAIN METHODS OF ANALYZING THE EFFECTIVENESS OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Lysenkova E.R.

Vladivostok State University

This work discusses the main methods of analyzing the effectiveness of demographic processes in the regions of Russian Federation. The review of modern approaches and tools for assessing the demographic situation, including statistical, modeling and integrated methods, is carried out. The article analyzes the specifics of using demographic modeling methods, index and coefficient indicators, as well as spatial analysis methods to identify regional features and trends. The paper highlights the importance of an integrated approach to assessing the effectiveness of demographic processes for developing strategies for the socio-economic development of regions. The results obtained make it possible to more accurately

ly identify the key factors influencing demographic dynamics and contribute to the formation of effective measures to manage demographic changes in modern Russia.

Keywords: demography, demographic processes, regions of Russia, analysis of the effectiveness of demographic processes, an integrated approach.

References

1. The Concept of the Demographic Policy of the Russian Federation through 2025 (approved by the Decree of the President of the Russian Federation of October 9, 2007 N 1351). URL: https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2_d1ec-c4ddb4c33/ (date of access: 11.07.2025)
2. The Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation through 2025 (approved by the President of the Russian Federation of June 13, 2012). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (date of access: 11.07.2025)
3. Decree "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025". URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (date accessed: 11.07.2025).
4. Averin A.N. The Importance of the National Demographic Project for Solving the Main Demographic Problems / A.N. Averin, A. Yu. Goloborodko, O. Yu. Kerimov, V.M. Razumets // Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. – 2019. – No. 3 (106). – P. 115–118.
5. Antipin I.A. Definition of the Mission and Goals of Territory Development: Uniform Rules for Strategizing // Society: Politics, Economics, Law. 2019. No. 8 (61). P. 53–58.
6. Arkhangelsky V.N., Rostovskaya T.K., Vasilyeva E.N. The Impact of Living Standards on the Reproductive Behavior of Russians: Gender Aspect // Woman in Russian Society. 2021. Special Issue. Pp. 3–24.
7. Beketov N.V., Denisova A.S., Elshina I.A. Main Priorities in the Formation of State Demographic Policy // National Interests: Priorities and Security. 2020. Vol. 4. No. 5(26). Pp. 10–21.
8. State demographic policy in modern Russia: status and priorities for improvement URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/gosudarstvennaja-demograficheskaja-politika-v-sovremennoj-rossii-sostojanie-i.html> (accessed: 11.07.2025)
9. Demographic policy in modern Russia URL: https://www.alt.ranepa.ru/files/texts/vest/2021_02_16_demografia.pdf (accessed: 11.07.2025).
10. Dobrokhleb V.G., Ballaeva E.A. Regional fertility dynamics and the relationship between demographic, family and gender policies // Population. 2019. No. 4. P. 44–55.
11. Elizarov V.V., Sinitisa A.L. Factors of poverty of families with children and prospects for its reduction // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2019. No. 2. P. 63–75.
12. Zrayeva I.M. Legal regulation of migration processes in Russia: problems and development prospects // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2. P. 153–156.
13. Kozlova O.A. The role of socio-economic factors in the formation of demographic processes: the evolution of theoretical concepts / O.A. Kozlova, E.I. Levina // Journal of Economic Theory. – 2019. – Vol. 16. – No. 1. – P. 144–153.
14. Lelyakov A.S. Legal regulation of migration processes in Russia // Legal thought. 2019. No. 1. P. 53–59.
15. Makashina O.V. The role of the financial system in ensuring the development of the state: domestic and foreign experience. / monograph., 2022. – 402 p.
16. Milyaeva Yu.V., Vinokurova A.V. The main trends of migration processes in modern Russia // SKIF. Issues of student science. 2019. No. 9. P. 120–125.
17. Mokrensky D.N. The role of economic factors in the migration movement of the population of municipalities of the Central Federal District / D.N. Mokrensky // Public administration. Electronic Bulletin. – 2019. – No. 69. – P. 519–537.
18. Molchanova N.P., Molchanov I.N. Economic and financial policy: scientific foundations and practical aspects. / Monograph. – Moscow: MAKSS Press, 2020. – 308 p.
19. Definition of the conceptual foundations of state demographic policy URL: https://tomskmuseum.ru/afisha_exhibit/vist1/virt_vist/vvvZDTO/vvvZDTO4-4soziyv-4/vvvZDTO4-4soziyvRF4-2/ (date of access: 11.07.2025)
20. Oreshkin, M. Social reforms and demographic sustainability. – M.: Research Center "Social Reforms", 2021. – 310 p.
21. Demographic resilience programme for Europe and central Asia URL: https://eeca.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/104_demographic_resilience_brochure_russian_r2.pdf (date of access: 11.07.2025).
22. Sazonova O.A., Sazonova N.V. Migration policy: administrative and legal aspect. Moscow: 2019. No. 2. P. 13.
23. Sinelnikov A.B. Family and demographic policy and ways to improve its effectiveness // Sociology. – 2022. – No. 2. – p. 162–173.
24. Sinelnikov A.B. Family and marriage: crisis or modernization? // Sociological journal. – 2019. – No. 1. – p. 95–113. – doi: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715.
25. Sinitisa A.L. Demographic and family policy in modern social policy: theoretical approaches, goals, implementation mechanisms and performance assessment (part 1) // Standard of living of the population of Russian regions. – 2022. – No. 1. – p. 50–59.
26. Sinitisa A.L. Demographic and family policy in modern social policy: theoretical approaches, goals, implementation mechanisms and performance assessment (part 2) // Standard of living of the population of Russian regions. – 2022. – No. 2. – p. 189–200.
27. Socio-demographic policy of the state: goals, tasks, objects and subjects URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47409836> (date of access: 11.07.2025)

Методика социологического исследования ценностных ориентаций российской молодежи

Малыхина Римма Владимировна,

аспирант кафедры философии и социологии ФГБОУ ВО

«Юго-Западный государственный университет»

E-mail: rimmucia@mail.ru

Целью исследования выступает определение ценностных ориентаций молодежи на базе традиционных российских духовно-нравственных ценностей; разработка методики, позволяющей собрать данные для построения иерархии ценностных ориентаций молодежи в рамках построения индивидуального и группового профилей. Представлена анкета для молодежи 14–18 лет, разработанная на основании социокультурного и аксиологического подходов, с учетом результатов разведывательного интервью с применением метода фокус-группы (n=15). Сделаны выводы о том, что индикаторами традиционных российских духовно-нравственных ценностей выступают: восприятие ценностей и отношение индивида к ним. Полученные результаты при применении авторской методики исследования ценностных ориентаций молодежи могут послужить базой для разработки образовательных и культурных программ и инициатив.

Ключевые слова: социологическое исследование, методика, ценности, ценностные ориентации, молодежь, ценностные группы, традиционные российские духовно-нравственные ценности.

Введение

Молодое поколение представляет будущее Российской Федерации, так как на их плечи ложится ответственность за применение и сохранение материального и духовного богатства. При этом, наблюдается трансформация российского общества, негативно влияющая на ценностные ориентации молодежи. Анализ научных работ за период с 2018 года по 2023 год показал, что имеются исследования, направленные на изучение особенностей трансформации норм и ценностей молодежи, социальной культуры, культурно-цивилизационных изменений и др. Представим некоторые результаты исследований российских ученых, относящиеся к трансформации российского общества: «осуществляется тотальная смена традиционного менталитета, русского культурного кода, заменяемого чисто рыночным, прагматичным, глобализованным мировоззрением, несовместимым с национальным сознанием» (2018 г.) [7, с. 351]; «1) социальная поляризация, т.е. расслоение на богатых и бедных, углубление социальных и имущественных различий; 2) размывание интеллигенции, которое проявляется в смене места жительства («утечка мозгов»); 3) процесс стирания границ между специалистами с высшим образованием и высококвалифицированными рабочими» (2019 г.) [1, с. 123]; выделение 5-го класса структуры российского общества, именуемого как «прекариат» (2019 г.) [13]; «отставание по темпам развития культурных основ общества от цивилизационных основ» (2021 г.) [10, с. 593]. «молодое поколение, в большей степени подверженное процессам интернационализации и глобализации, разделяет взгляды, поддерживающие, в первую очередь, личностный рост, самореализацию и веру в собственные силы и уникальность» (2021 г.) [6, с. 472]; переход к новому этапу трансформации российского общества «с целью становления сообщества как нового типа социальных отношений» (2022 г.) [3, с. 549]; проблема возникновения «искусственного, политизированного исторического сознания», как результат трансформации общественного строя российского общества на фоне искажения исторического прошлого (2022 г.) [11].

Представленные проблемы трансформации российского общества не являются исчерпывающими, некоторые из них утрачивают свою актуальность, а некоторые укореняются с небывалой силой, что в свою очередь влияет и на ценностные ориентации молодого поколения. Представители молодежи наиболее чувствительны к любым изменениям во внешней и внутренней политике государства, подвержены быстрому влиянию «массовой культуры». В связи с чем, особое внимание в политологии, педагогике, философии и социологии сегодня уделяется процессам изменения ценностных ориентаций молодежи в условиях трансформации российского общества.

Кроме того, актуализируется проблема социокультурных противоречий: культурно-традиционное понимание функционирования общественных процессов против тенденций европейских ценностей [12]; противоречия в доступе к информации, цензуре и контролю средств массовой информации; усиливаются дискуссии о рос-

сийской идентичности и истории, особенно в свете политических событий Российской Федерации; конфликты между традиционными и современными методами обучения, традиционными семейными ценностями и изменениями в них.

«Психологические особенности человека и семейные, экономические, политические, социальные и культурные изменения взаимодействуют друг с другом, выстраивая приоритеты тех или иных ценностей. В случае благоприятного воздействия на человека как внутренних, так и внешних факторов, создаются условия для свободного выбора смысловой сферы современного общества» [5, с. 195]. При этом, «существует потребность в создании условий не только для приобщения молодых людей к установленным традиционным духовно-нравственным ценностям, но и к формированию новых, не менее значимых в современных реалиях социального и экономического развития, не выходящих за нормы морали сформировавшегося российского общества» [4, с. 162].

Важно отметить, что национальным интересом Российской Федерации выступает «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России» [14]. К таким традиционным духовно-нравственным ценностям относятся: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [15].

После конкретизации перечня традиционных российских духовно-нравственных ценностей возникли вопросы, о том, свойственны ли молодежи обозначенные ценности, могут ли эти ценности отражать специфику ценностных ориентаций молодежи. Для ответа на эти вопросы необходима актуальная методика социологического исследования ценностных ориентаций молодежи на базе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Материалы и методы

Теоретико-методологической основой методики социологического исследования ценностных ориентаций молодежи выступили социокультурный и аксиологический подходы. Социокультурный подход (П.А. Сорокин, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон, Л. Уайт, Т.И. Заславская, Н.И. Лапин и др.) учитывает роль ценностей в поведении молодого человека и рассмотреть его отношение к тем или иным ценностям, выявить первопричину, по которой личность выбирает ту или иную ценность, проследить взаимосвязь с духовной культурой и человеческими отношениями.

Аксиологический подход (П.А. Сорокин, У. Томас, Г. Беккер, М. Рокич, М. Гравиц и др.) позволяет рассмотреть ценности молодежи в качестве убеждений, а ценностные ориентации как совокупность ведущих ценностей, позволяющих сформировать приоритеты при решении проблемных ситуаций или жизненных вопросов.

Аксиологический подход позволяет привлечь перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей в качестве индикаторов, а социокультурный подход рассматривает отношение молодого человека к ценностям.

При разработке методики социологического исследования ценностных ориентаций молодежи выбран метод анонимного анкетирования с выбором ответов из четырех предложенных вариантов. Анкетирование не включает в себя открытые вопросы, а «загоняет» респондента в рамки. Это необходимо для того, чтобы респондент смог понять свои приоритетные ценности и не запутаться в себе, так как молодежи свойственна инфантилизация [8].

Проведено интервью с применением метода фокус-группы для подтверждения предположений, возникающих в ходе разработки анкеты. Данный метод позволил сформулировать наиболее точно возможные варианты ответов, проследить реакцию участников интервью на планируемое проведение анкетирования. Участниками трех фокус-групп выступили обучающиеся МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 62 имени В.С. Барышева» г. Курска в возрасте 15–17 лет. Каждая фокус-группа включила в себя по 5 участников (n=15).

Результаты

В рамках исследования ценностные ориентации молодежи рассматриваются в качестве элемента культуры и «выполняют в обществе интегративную функцию, то есть помогают индивиду выбирать социально одобряемое поведение в жизненно важных ситуациях... Через систему ценностей, которые накапливаются в культуре общества, происходит регуляция поведения акторов. С помощью ценностей, существующих в социуме, личность усваивает социальный опыт и воспроизводит его» [2, с. 32]. Ценностные ориентации рассматриваются нами в качестве предствлений о нормах поведения, отношения к ситуации.

В качестве информантов для проведения исследования ценностных ориентаций молодежи выступают юноши и девушки подросткового и юношеского возрастов от 14 до 18 лет. С точки зрения социологии и психологии подростки и юноши наиболее подвержены влиянию со стороны сверстников, они чувствительны к социальным и культурным ценностям, семья влияет на их мировоззрение в меньшей степени, но является единственной опорой и спасением в сложных ситуациях [9]. Тем самым в данном возрасте нормы и ценности черпаются из социокультурного пространства.

Исследование ценностных ориентаций молодежи предполагает рассмотрение 17 традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Мы предположили, что отношение к одной и той же ценности у личности может отличаться в зависимости от того, что является приоритетом: духовность и нравственность, индивидуализм, материализм или гедонизм. Чтобы проверить нашу гипотезу, было проведено разведывательное исследование с применением метода фокус-группы. Мы пригласили побеседовать на тему ценностей обучающихся 8,9,10 классов в МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 62 имени В.С. Барышева» г. Курска. Всего было сформировано три независимые фокус-группы в каждую из которых вошли по 5 респондентов. Респондентам задавались вопросы, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1. Вопросы для проведения исследования в формате фокус-группы

Вопрос	Ценность
Какую роль жизнь играет в ваших приоритетах и планах на будущее?	Жизнь

Вопрос	Ценность
Как вы воспринимаете значение собственного достоинства в вашей жизни?	Достоинство
Как вы относитесь к правам и свободам человека в обществе?	Права и свободы человека
Что такое для вас патриотизм?	Патриотизм
Как вы принимаете участие в жизни общества и вашей стране?	Гражданственность
Ваше отношение к служению отечеству и ответственности за его будущее?	Служение отечеству и ответственность за его судьбу
Какое из следующих утверждений наиболее точно отражает ваши взгляды на высокие нравственные идеалы?	Высокие нравственные идеалы
Как вы относитесь к важности создания и сохранения крепкой семьи в своей жизни?	Крепкая семья
Как вы воспринимаете значение созидательного труда в своей жизни?	Созидательный труд
Как вы относитесь к приоритету духовных ценностей над материальными в вашей жизни?	Приоритет духовного над материальным
Как вы оцениваете значение гуманизма в вашей жизни и обществе в целом?	Гуманизм
Придете ли вы на помощь, и почему?	Милосердие
Как вы относитесь к понятию справедливости в обществе?	Справедливость
Как вы относитесь к работе в команде и взаимодействию с другими людьми?	Коллективизм
Как вы относитесь к помощи другим людям, даже если это требует от вас временных или эмоциональных затрат?	Взаимопомощь и взаимоуважение
Что вы предпринимаете для сохранения истории страны, семьи?	Историческая память и преемственность поколений
Чувствуете ли вы связь, единство с другими народами России?	Единство народов

На представленные вопросы информанты могли отвечать в свободной форме, что позволило нам подтвердить гипотезу о том, что у молодежи данного возраста имеется разное отношение, например, к ценности жизни или к созидательному труду. Важно отметить, что многие из них не могли выразить свою мысль, отразить отношение к жизни или труду, но в процессе обсуждения ответы в итоге были сформулированы и учтены нами при разработке вариантов ответов в анкете. Представим различные позиции информантов при рассмотрении вопроса «Какую роль жизнь играет в ваших приоритетах и планах на будущее?»:

- информант № 1 «Для меня, скорее всего, жизнь – это самое важное, я рада, что живу и хочу хранить жизнь всей семьи, друзей и, наверное, всего, что меня окружает. Ведь жизнь красива и интересна для всех.». Такое отношение к жизни связано с нравственностью и духовностью, так как не прослеживается эгоизм. Жизнь для всех, а не только для себя.
- информант № 2 «И для меня жизнь, конечно же важна, но, вот я подумал, что своя личная жизнь, ее благоустройство все-таки важнее. Я часто наблюдаю, как кто-то не очень хорошо живет, или есть войны,

люди гибнут, но вроде бы это все далеко, почему мне об этом думать..... Своё бы устроить». Данное утверждение характерно при индивидуалистической ценностной направленности, когда отношение к жизни связано исключительно с самим собой.

- информант № 3 «Ну, да, все наверное хотят жить, но жить нужно достойно, материально обеспеченно и все для этого делать, иначе какой вообще смысл. Скорее не жизнь сама важна, а как ее прожить ... в достатке или нет. В целом это и есть мой план». В данном ответе наблюдается материализм, когда жизнь связывается с материальным обеспечением, что и выступает важнейшей ценностью. Такое отношение характеризует жизнь с позиции материальных ценностей.
- информант № 4 «Да кто знает сколько мы проживем. Кто-то сто лет живет, а кто-то вообще в 20 лет умирает. И зачем беречь ее, если многое от нас не зависит. Поэтому я живу сейчас, делаю то, что хочу сейчас, ведь мое завтра может и не наступить. Наверное как-то так я отношусь к этому». Жизнь рассматривается с позиции гедонизма, когда получение удовольствия является приоритетным.

Следует указать на то, что в каждой фокус-группе были проявлены в отношении 17 ценностей четыре типа ценностных ориентаций: духовно-нравственные ценности, материальные ценности, индивидуалистические ценности и гедонистические ценности.

На основании полученных ответов в результате проведения интервью в формате фокус-группы с представителями подростковой и юношеской молодежи, были скорректированы вопросы для анкеты и составлены варианты ответов, которые отражают выявленные ценностные ориентации. В результате составлена анкета «Исследование ценностных ориентаций молодежи на базе традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Анкета

1. Какую роль жизнь играет в ваших приоритетах и планах на будущее?

1) Я считаю жизнь самым важным и ценным, что у меня есть, берегу свою жизнь, жизнь близких и окружающего мира.

2) Я считаю жизнь самым важным и ценным, что у меня есть, поэтому берегу исключительно свою жизнь.

3) Жизнь важна, но есть и другие более важные моменты, которые я ценю выше

4) Я не задумываюсь о ценности жизни, будущем, меня больше интересуют текущие удовольствия.

2. Как вы воспринимаете значение собственного достоинства в вашей жизни?

1) Достоинство – это основа моих поступков и отношений с людьми.

2) Мне важно достичь цели, поэтому не всегда думаю о достоинстве.

3) Я ценю достоинство, но в некоторых ситуациях оно может быть второстепенным.

4) Для меня достоинство не имеет особого значения.

3. Как вы относитесь к правам и свободам человека в обществе?

1) Права и свободы всех людей – это фундаментальные ценности, которые должны соблюдаться везде.

2) Мои права и свободу я буду всегда защищать, но права и свободы других людей менее значимы.

3) Я поддерживаю права и свободы человека, но считаю, что иногда они могут ограничиваться ради достижения определенных целей.

4) Для меня важно, чтобы в любой ситуации никто не нарушал мою свободу и мои права

4. С каким из утверждений на тему патриотизма вы согласны?

1) Патриотизм для меня – это связь со страной и народом, это стремление улучшать и развивать все сферы жизни общества.

2) Мои личные убеждения выше, чем национальная идея.

3) При размышлениях о патриотизме, я всегда оцениваю страну и жизнь по ее экономическим достижениям, благоустройстве (красоте зданий, школ), возможностей для успеха.

4) Патриотизм – такая ценность, которая может помогать достичь жизненных целей.

5. Гражданственность.

Ваше участие в жизни общества и вашей стране?

1) Я активно участвую в общественной жизни, стремлюсь улучшить свою страну, искренне помогаю людям.

2) Я не участвую в жизни общества и страны, я предпочитаю сосредоточиться на своих личных делах.

3) Я поддерживаю свою страну, стремлюсь улучшить ее, чтобы и моя жизнь стала лучше.

4) Участвовать в жизни общества и страны можно, только если эти действия приведут к комфортной и красивой жизни.

6. Какое из следующих утверждений лучше всего отражает ваше отношение к служению отечеству и ответственности за его будущее?

1) Я считаю, что мой вклад в общество важен, и нужно активно участвовать в его жизни для улучшения будущего своей страны.

2) Я считаю, что у меня есть свои дела и заботы, и не вижу смысла активно вовлекаться в жизнь страны.

3) Мне важно знать, что происходит в стране, чтобы поддерживать свой статус, материальное положение.

4) У меня насыщенная жизнь, поэтому мне некогда думать о проблемах страны.

7. Какое из следующих утверждений наиболее точно отражает ваши взгляды на высокие нравственные идеалы?

1) Я стремлюсь жить в соответствии с высокими нравственными принципами и стараюсь поддерживать их в своем окружении.

2) Я думаю, что нравственные идеалы могут быть субъективны, и важно следовать своим собственным убеждениям.

3) Я понимаю важность нравственных идеалов, но считаю, что в реальной жизни порой нужно отходить от них ради практичности.

4) Я не придаю большого значения нравственным идеалам и считаю, что главное нужно делать то, что нравится, приносит удовольствие.

8. Как вы относитесь к важности создания и сохранения крепкой семьи в своей жизни?

1) Крепкая семья для меня – это основа счастья и поддержки, и я буду стремиться создать свою семью в будущем.

2) Я считаю, что личные достижения и независимость важнее, чем создание крепкой семьи.

3) Я понимаю, что семья важна, но создавать ее нужно только после получения образования, при наличии хорошей работы и дохода.

4) Я не знаю, создам ли семью, но, если да, то она не должна ограничивать меня в свободе и получении каких-либо удовольствий.

9. Как вы воспринимаете значение созидательного труда в своей жизни?

1) Созидательный труд для меня очень важен, поэтому хочу выбрать полезную для общества и страны профессию

2) Я предпочитаю заниматься тем, что приносит мне удовольствие, а не трудиться ради созидания.

3) Я понимаю ценность труда, но часто занимаюсь им лишь ради материальной выгоды и не вижу в нем особого смысла.

4) Труд для меня – это просто обязательство, и я не придаю ему большого значения, ведь труд не приносит радость.

10. Как вы относитесь к приоритету духовных ценностей над материальными в вашей жизни?

1) Я считаю, что духовные ценности важнее материальных благ и стараюсь следовать этому принципу.

2) Я понимаю важность духовных ценностей, но материальные достижения также играют значительную роль в моей жизни.

3) Я считаю, что материальные блага важнее духовных, и стараюсь сосредоточиться на их достижении.

4) Для меня важны материальные ценности жизни, которые могут принести удовольствие. Но, если духовные ценности способны улучшить жизнь, сделать ее беззаботной, то они мне будут тоже интересны.

11. Как вы оцениваете значение гуманизма в вашей жизни и обществе в целом?

1) Гуманизм – одна из самых важных ценностей, и я стараюсь жить, во благо человечества.

2) Я считаю, что гуманизм не имеет особого значения и предпочитаю сосредоточиться на себе.

3) Я поддерживаю гуманистические идеи, но из этого следует брать выгоду.

4) Я не поддерживаю гуманистические идеи, так как их реализация может ущемить интересы других людей. Лучше жить ради своего удовольствия, а не ради других.

12. Выберите верное для вас утверждение

1) Я всегда приду на помощь, даже если это принесет мне ряд проблем.

2) Я проявлю доброту и милосердие, но если это мне никак не навредит.

3) Я проявлю доброту и милосердие, но если это будет мне выгодно.

4) Я приду на помощь, проявлю доброту и милосердие, так как меня начнут хвалить, а это приносит радость.

13. Как вы относитесь к понятию справедливости в обществе?

1) Я всегда помогаю тем, кто сталкивается с несправедливостью, даже если это требует от меня усилий.

2) Я считаю, что справедливость важна, но добиваться ее для других не стану

3) Я буду добиваться справедливости, если для меня это выгодно.

4) Мне кажется, что справедливость – это миф, и у людей всегда будут свои интересы, которые важнее.

14. Как вы относитесь к работе в команде и взаимодействию с другими людьми?

1) Я люблю работать в команде с друзьями и товарищами из школы, кружков и секций. Считаю, что это лучшее личное успеха.

2) Я считаю, что каждый должен заботиться о себе и своих интересах, команда – это не для меня.

3) Я не против командной работы, но она должна приносить свои плоды.

4) Я буду работать в команде только с интересными мне людьми.

15. Как вы относитесь к помощи другим людям, даже если это требует от вас временных или эмоциональных затрат?

1) Я всегда готов помочь другим и считаю, что взаимопомощь делает наше общество лучше.

2) Я верю, что каждый должен справляться с собственными трудностями, и не вижу смысла в взаимопомощи.

3) Я иногда помогаю, если это не слишком затруднительно для меня, но не всегда чувствую ответственность за других.

4) Я предпочитаю решать свои проблемы самостоятельно и не всегда готов помогать другим, если это меня отвлекает.

16. Выберите верное утверждение

1) Я интересуюсь историей своей страны, родного края, соблюдаю традиции семьи. Желая передавать знания другим поколениям.

2) История для меня важна для общего кругозора, получения опыта. Традиции интересны, но не вижу смысла их передавать другим поколениям.

3) В большей степени изучение истории нужно для видения динамики жизни людей, каждое поколение должно жить материально лучше и делать для этого все возможное.

4) Историческая память и преемственность поколений не первостепенны, важнее то, что происходит сейчас.

17. Чувствуете ли вы связь, единство с другими народами России?

1) Безусловно, мы все едины, ведь живем в одной стране, и при этом уникальны.

2) Ценность единства для моей личной жизни не имеет высокого значения.

3) Единство нужно, чтобы страна экономически развивалась, была защищена, и все жили в достатке.

4) Интересно общаться с другими народами, узнавать их культуру, праздники, путешествия, но о связи не задумываюсь.

Обработка данных

Этап I. Каждому варианту ответа присваивается числовой код: 1 (первый вариант ответа) – духовно-нравственные ценности (А); 2 (второй вариант ответа) – индивидуалистические ценности (В); 3 (третий вариант ответа) – материальные ценности (С); 4 (четвёртый вариант ответа) – гедонистические ценности (D). В результате, каждому респонденту присваивается набор из 17 чисел, один из примеров – 1, 2, 4, 1, 3, 2, 1, 4, 1, 3, 2, 3, 3, 2, 3, 3, 2.

Этап II. По каждому вопросу суммируется количество выбранных ответов по ценностной группе. Например: А-4, В-5, С-6, D-2.

Этап III. В результате полученные четыре величины выстраиваются в иерархической последовательности в зависимости от частоты встречаемости и отражают, какие ценности преобладают в ответах/ Пример: С – 6, В-5, А-4, D-2; или $C > B > A > D$. А именно в примере демонстрируется следующая иерархия ценностных групп:

- 1) материальные ценности;
- 2) индивидуалистические ценности;
- 3) духовно-нравственные;
- 4) гедонистические ценности.

Этап IV. Вычисление группового профиля ценностей.

В случае если проводится диагностика результатов на массиве респондентов то, аналогично рассчитывается частота встречаемости ценностной группы среди всего числа респондентов. Кроме того, возможно выстроить иерархию ценностных групп по каждой из 17 ценностей с указанием процента респондентов, которым относится та или иная ценностная группа относительно указанной ценности и заполнить таблицу 2.

Таблица 2. Доля ответов по ценностной группе и относительно каждой ценности, %

Ценность	Ценностные группы			
	Духовно-нравственные ценности	Индивидуалистические ценности	Материальные ценности	Гедонистические ценности
1. Жизнь				
2. Достоинство				
.....				

С помощью программного обеспечения, возможно рассмотрение различных варианты иерархии группы и определение количества респондентов, которым свойственны те или иные иерархии. Это позволит определить преобладающие иерархии ценностных ориентаций среди молодежи.

Результаты

Молодое поколение представляется важнейшим инструментом успешного развития России, однако социологические исследования показывают, что трансформация общества порождает формирование ценностных ориентаций молодежи, основанных в большей степени не на традиционных взглядах, а на «рыночных» представлениях о жизни в обществе. Традиционные российские духовно-нравственные ценности могут молодежью признаваться в качестве приоритетных, но понимание ценности, ее смысла и отношения к ней могут значительно отличаться и отражать преобладание духовно-нравственных ценностей, индивидуалистических ценностей, материальных ценностей или гедонистических ценностей.

Разведывательное интервью с применением методики фокус-группы позволило подтвердить предположение о различных подходах к пониманию и отношению к традиционным ценностям молодёжью и позволило создать анкету для массового опроса молодежи в возрасте 14–18 лет, состоящей из 17 вопросов с четырьмя вариантами ответов. При выборе первого варианта ответа респондент руководствуется духовно-нравственными ценностями, при выборе второго варианта ответа – индивидуалистическими ценностями; третий вариант – приверженность материальным ценностям; четвертый вариант – соотносится с гедонистическими ценностями. Разработанная методика исследования ценностных ориентаций молодежи позволяет построить индивидуальный профиль ценностных ориентаций, а также провести групповую аналитику, определив какие группы иерархии чаще встречаются среди молодежи, какими ценностными ориентациями руководствуется молодежь, вкладывая смысл в понимание и отношение к той или иной ценности; выявить общую иерархию ценностных ориентаций.

Заключение

В связи с уточнением на законодательном уровне перечня традиционных духовно-нравственных ценностей возникла необходимость в проведении социологических исследований, позволяющих увидеть общую картину о ценностных ориентациях молодежи и их отношения к обозначенным ценностям. Несмотря на значительное количество методик, позволяющих определить значимость ценностей для группы молодых людей, классифицировать ценностные ориентации, разработок по построению иерархии цен-

ностных ориентации молодежи, как в индивидуальном, так и в групповом порядке, на основании убеждений, отношения к ситуации, отражающих приверженность к духовно-нравственным, индивидуалистическим, материальным или гедонистическим ценностям недостаточно.

Применение представленной методики для проведения социологических исследований позволит определить приоритетные иерархии ценностных ориентации современной молодежи. Полученные данные могут быть использованы для разработки программ по совершенствованию образовательной, молодежной, культурной политики России.

Литература

1. Вуклова, Т.А. Особенности трансформации социальной структуры современного российского общества и тенденции ее изменения / Т.А. Вуклова // XLVII итоговая студенческая научная конференция УдГУ: Материалы всероссийской конференции, Ижевск, 01–30 апреля 2019 года. – 2019. – С. 120–124.
2. Корж Н.В. Проблема ценностей и установок в социологии / Н.В. Корж // Университет им. В.И. Вернадского. – № 3(34). – 2011. – С. 327–332
3. Локосов, В.В. Социология радикальных изменений: трансформация российского общества в 1987–2020 годах: монография. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 552 с.
4. Малихина, Р.В. Культурная политика. Молодежь. Государство / Р.В. Малихина // Гуманитарные проблемы современности: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Курск, 12 мая 2023 года. – 2023. – С. 158–163.
5. Малихина, Р.В. Особенности взаимодействия внутренних и внешних факторов развития системы ценностных ориентаций современной молодежи / Р.В. Малихина // Актуальные проблемы региональной социологии: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Курск, 16 декабря 2022 года. – 2022. – С. 191–196.
6. Митряева, М.Н. Трансформация представлений о нормах и ценностях в современном российском обществе / М.Н. Митряева // Скиф. – 2021. – № 5 (57). С. 468–472.
7. Носков, В.А. Социально-экономические изменения в обществе и неопределенность будущего услуг высшего образования в России / В.А. Носков, Е.Д. Корягина // Инновационное развитие экономики. – 2018. – № 5(47). – С. 347–351.
8. Пузанова, Ж.В. Инфантилизация молодежи: методологический подход к измерению / Ж.В. Пузанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2021. – С. 444–456.
9. Пушкина, Т.Ф. Специфика системы ценностей современных подростков / Т.Ф. Пушкина // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – С. 309–312.
10. Рассказов, Л.Д. Российское общество в условиях глобализационного кризиса: социально-философский анализ культурно-цивилизационных изменений / Л.Д. Рассказов // Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». – 2021. – С. 593–595.
11. Скопа, В.А. Особенности изменения исторического сознания российского общества в начале XXI столетия / В.А. Скопа // Актуальные проблемы науки

и образования в условиях современных вызовов. – 2022. – С. 330–336.

12. Стебляк, В.В. Ценностные основы социально-культурной деятельности / В.В. Стебляк, И.Ю. Епанчинцева // Культура и цивилизация. – 2018. – С. 61–70.
13. Тихонова, Н.Е. Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества / Н.Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2019. – № 2. – С. 167–173.
14. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 31.07.2025).
15. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 31.07.2025).

METHODS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH OF VALUE ORIENTATIONS OF RUSSIAN YOUTH

Malykhina R.V.

Southwestern State University

The purpose of the study is to determine the value orientations of young people based on traditional Russian spiritual and moral values; to develop a methodology for collecting data to build a hierarchy of value orientations of young people in the framework of building individual and group profiles. A questionnaire for young people aged 14–18 was developed based on sociocultural and axiological approaches, taking into account the results of an exploratory interview using the focus group method (n=15). The study concluded that the indicators of traditional Russian spiritual and moral values are the perception of values and the individual's attitude towards them. The results obtained using the author's methodology for studying the value orientations of young people can serve as a basis for developing educational and cultural programs and initiatives.

Keywords: sociological research, methodology, values, value orientations, youth, value groups, traditional Russian spiritual and moral values.

References

1. Vukolova, T.A. Features of the Transformation of the Social Structure of Modern Russian Society and Trends in Its Change / T.A. Vukolova // XLVII Final Student Scientific Conference of Udmurt State University: Proceedings of the All-Russian Conference, Izhevsk, April 01–30, 2019. – 2019. – Pp. 120–124.
2. Korzh, N.V. The Problem of Values and Attitudes in Sociology / N.V. Korzh // Vernadsky University. – No. 3(34). – 2011. – Pp. 327–332.
3. Lokosov, V.V. Sociology of Radical Changes: Transformation of Russian Society in 1987–2020: Monograph. – Moscow: FNIS RAS, 2022. – 552 p.
4. Malykhina, R.V. Cultural Policy. Youth. State / R.V. Malykhina // Humanitarian Problems of the Present: Collection of Articles of the V International Scientific and Practical Conference, Kursk, May 12, 2023. – 2023. – Pp. 158–163.
5. Malykhina, R.V. Features of the Interaction of Internal and External Factors in the Development of the System of Value Orientations of Modern Youth / R.V. Malykhina // Actual Problems of Regional Sociology: Collection of Articles of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Kursk, December 16, 2022. – 2022. – P. 191–196.
6. Mityaeva, M.N. Transformation of ideas about norms and values in modern Russian society / M.N. Mityaeva // Skif. – 2021. – No. 5 (57). P. 468–472.
7. Noskov, V.A. Socio-economic changes in society and the uncertainty of the future of higher education services in Russia /

- V.A. Noskov, E.D. Koryagina // Innovative development of the economy. – 2018. – No. 5(47). – Pp. 347–351.
8. Puzanova, Zh.V. Infantilization of young people: a methodological approach to measurement / Zh.V. Puzanova // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2021. – P. 444–456.
 9. Pushkina, T.F. The specifics of the value system of modern teenagers / T.F. Pushkina // Problems of modern pedagogical education. – 2022. – P. 309–312.
 10. Rasskazov, L.D. Russian society in the context of the globalization crisis: socio-philosophical analysis of cultural and civilizational changes / L.D. Rasskazov // Eighth Russian Philosophical Congress «Philosophy in a Polycentric World». 2021. pp. 593–595.
 11. Osprey, V.A. Features of the change in the historical consciousness of Russian society at the beginning of the 21st century / V.A. Osprey // Actual problems of science and education in the context of modern challenges. – 2022. – P. 330–336.
 12. Steblyak, V.V. Value Foundations of Social and Cultural Activity / V.V. Steblyak, I. Yu. Epanchintseva // Culture and Civilization. – 2018. – P. 61–70.
 13. Tikhonova, N.E. The Precariat and Prospects for Changing the Social Structure of Russian Society / N.E. Tikhonova // Sociological Research. – 2019. – No. 2. – pp. 167–173.
 14. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» [Electronic resource]. Access mode. URL: <https://www.consultant.ru/document/> (accessed on July 31, 2025).
 15. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022, «On Approval of the Fundamentals of State Policy for Preserving and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values» [Electronic resource]. Access mode. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed on July 31, 2025).

Коммуникация врач-пациент в клинических исследованиях с использованием мобильных технологий

Сопетина Дарья Николаевна,

руководитель проектного офиса по развитию, Ярославский государственный медицинский университет
E-mail: sopetinadn@ysmu.ru,

В статье анализируются факторы, влияющих на повышение удовлетворенности пациентов, которые принимают участие в клинических исследованиях, повышения качества собираемой информации от пациентов посредством цифровых технологий, знания, установки и поведение врачей по отношению к пациентам с использованием мобильных технологий.

Ключевые слова: коммуникация врач-пациент, клинические исследования с использованием мобильных технологий, доверие в системе здравоохранения, удовлетворенность системой здравоохранения.

Введение

При переходе на мобильные технологии в рамках развития цифровой медицины, возникла необходимость более глубокого изучения приверженности пациентов к лечению, а именно, проблема комплаенса. Тема взаимодействия врача и пациента находится в центре исследований в области социологии здоровья и здравоохранения, где в последние годы основные исследования были проведены по изучению доверия и удовлетворенности системой здравоохранения в целом. Многие из обозначенных проблем, таких как модели взаимодействия врача в зависимости от типа пациента, типология пациентов, зависимость реакции от нозологии и т.п. пока еще мало изучены.

В сфере здравоохранения исследованию комплаенса и воздействию различных аспектов на поведение индивидов посвящены работы ведущих российских и зарубежных авторов Вольской Е.А. [4], Ложкиной Л.И. [5], Pullar T., Kumar S., Feely M. [6], комплаенсу в зависимости от нозологии пациента Barrueta O., Verdug R. [7], Кувшиновой Н.Ю. [8], приверженности лечению в психиатрии Лутовой Н.Б. [9], кардиологии Карзухина П.М., Кореннова О.Ю. [10], пульмонологии Синопальникова А.И., Зайцева А.А. [11], лечению респираторных заболеваний у представителей старших возрастных групп Агаповой Е.Г., Притулиной Ю.Г., Дониной А.Д. [12]; приверженности фармакотерапии при сахарном диабете Варфоломеевой Н.А., Бушковой Э.А. и др. [13]. Отдельное место занимает изучение удовлетворенности и приверженности лечению при оказании медицинской помощи в формате телемедицины [14]. Практические аспекты приверженности в практической деятельности врачей раскрыты в учебном пособии под руководством Николаева Н.Н. [15]. Важность комплаенса в оказании медицинской помощи проанализирована в трудах Каграманяна И.Н., Хохлова А.Л., Петрова В.И. [16].

В современной отечественной социологии проводятся различные исследования, посвященные отдельным параметрам коммуникации врач-пациент, ключевыми из них является тема доверия врачу, а также тема удовлетворенности системой здравоохранения, на которую оказывают влияния такие факторы как опыта взаимодействия в системе здравоохранения, степени эффективности лечения, социально-правового статуса и пациента, и медицинского работника и т.п. (Дмитриева Е.В.; Зинченко Г.П.; Карацук Л.Н.; Лилеева А.Г.; Старцев С.В.).

В исследованиях Дмитриевой Е.В. отмечается, что цифровое здравоохранение оказывает существенное влияние на сложившиеся модели взаимодействия пациента и врача. Особую роль играет мобильное здоровье, которое позволяет обеспечить взаимодействие между клиентом и медицинским работником за пределами лечебного учреждения, давать информацию по индивидуальному протоколу в зависимости от профиля индивида (возраст, пол, заболевание, психологические особенности и т.п.) [32].

В исследовании С. Блайх отмечается, что опыт обращения пациентов в учреждения здравоохранения является важным фактором, определяющим степень удов-

летворенности. Опрос, проведенный в странах постсоветского пространства, показал, что Россия является единственной страной, в которой большую удовлетворенность системой здравоохранения отмечают ее пользователи, чем те, кто не обращается в медицинские учреждения.

Иного мнения придерживается И.В. Богдан, отмечающий возрастающее доверие врачам и удовлетворенность системой здравоохранения, причем в условиях пандемии большим доверием стали пользоваться именно врачи стационаров (Богдан, Чистякова). В восприятии системы здравоохранения И.В. Богдан, М.В. Гурылина и др. отмечают важность эмоционального компонента, так как сфера медицины связана с темами, очень «заряженными» эмоционально для населения. Также играют особую роль когнитивные компоненты, где система здравоохранения находится не отдельно от власти, а воспринимается как тесно взаимосвязанная с ней социально значимая структура. Авторы выделяют поведенческие компоненты, где сложившееся восприятие системы здравоохранения может иметь поведенческие последствия: соответствующее электоральное поведение (голосование за тех, кто «защищает» систему здравоохранения).

По нашему мнению, дистанционные технологии позволяют снизить «синдром профессионального выгорания» врачей от повторяющегося характера коммуникации, позволяют получать обратную связь от пациентов, повысить приверженность лечению и следование рекомендациям особенно в клинических исследованиях, что впоследствии может помочь в установлении более доверительного контакта между врачом и пациентом и повышению удовлетворенности качеством оказываемых медицинских услуг у населения [31].

Данная статья посвящена результатам исследования, в котором оценивались навыки коммуникации у врачей, а также выявлению факторов, влияющих на повышение удовлетворенности пациентов, которые принимают участие в клинических исследованиях, знаний, установок и поведения врачей по отношению к пациентам в клинических исследованиях с использованием мобильных технологий.

Методология исследования

Исследование проведено методом глубинного интервью, который представляет собой один из методов социологического исследования, включающий беседу интервьюера с респондентом по заранее подготовленному тематическому гайду и предполагает обязательную фиксацию на аудио- или видеоносителях. Эмпирической базой выступают 25 качественных глубинных интервью с врачами различных специальностей.

Глубинное интервью, как метод качественного социологического исследования, представляет собой гибкую и неструктурированную беседу между исследователем и респондентом [14].

В отличие от стандартизированных опросных методов, глубинное интервью ориентировано на выявление глубинных смыслов и значений, которыми респонденты наделяют социальные явления [7].

Наше исследование проводилось методом глубинного интервью среди врачей г. Ярославля. Цель исследования – улучшение коммуникаций между врачом и пациентом с использованием мобильных технологий, повышение удовлетворенности пациентов, которые принимают участие в клинических исследованиях.

На наш взгляд, метод глубинного интервью, обладает рядом существенных преимуществ для исследования.

Во-первых, он способствует установлению доверительных отношений между интервьюером и респондентом, что позволяет получить уникальную и глубокую информацию, недоступную в групповых обсуждениях, где возможно влияние мнений других участников. Во-вторых, формат глубинного интервью идеален для обсуждения личных, конфиденциальных или чувствительных тем, обеспечивая респонденту возможность свободно выражать свои мысли без страха осуждения и способствуя получению более откровенных ответов. В совокупности, эти преимущества делают метод глубинного интервью мощным инструментом для сбора качественных данных, что представляется особенно важным для целей нашего исследования.

Методики взаимодействия с пациентами

По мнению большинства респондентов, за последние годы в системе российского здравоохранения произошли существенные изменения. Так, опрошенные врачи считают, что традиционная модель отношений, где пациенты обращаются за советом к врачу устарела и трансформируется в модель, где пациенты активно участвуют в генерировании медицинских знаний и управляют самостоятельно своим состоянием, используя мобильные технологии. Клинические оценки основываются на данных, полученных на основании удаленного мониторинга или без личного взаимодействия врача и пациента.

Для создания такой модели интеракции врач должен продемонстрировать чувство эмпатии, понимания и уважение. Такая трансформация значительно повышает качество оказываемой медицинской помощи, улучшает здоровье пациентов и обеспечивает более высокую приверженность лечению.

«Важно уважительно относиться, в независимости от настроения пациента. Врач не должен отвечать агрессией на агрессию, и ни в коем случае, не переходить на личности. Начинать общение важно на «вы», а дальше все, чем учили в университете: собрать анамнез». (нефролог, 39 лет, муж.)

«В первую очередь нужно определить именно нужды и потребности пациента, потому что, если врач не слышит пациента, то пациент и не поправляется». (кардиолог, 50 лет, муж.)

«Доверие создается, когда человек чувствует, что ты готов ему посвятить какое-то время, что ты не между делом с ним общаешься, что ты его видишь, что ты его слышишь». (кардиолог, 48 лет, жен.)

«Всегда важно быть эмпатичным – встать на место пациента. Раньше работала патерналистская модель – это проще всего. Сегодня важно, чтобы пациент понял всю специфику сложившейся ситуации. И самое главное, чтобы пациент сам принял решение» (хирург, 40 лет, муж.).

Таким образом, умение грамотно слушать и понимать пациента является фундаментальным аспектом эффективной медицинской практики, поскольку оно помогает создать доверие, избежать конфликтов, определить потребности пациента и способствует его выздоровлению. Врач должен не только обладать профессиональными знаниями и навыками, но и уметь слушать и слышать пациента, грамотно объяснять ситуацию, убеждаться в правильном понимании информации, проявлять уважение и эмпатию, избегать конфликтных ситуаций и вовлекать пациента в процесс принятия решений. Только в этом случае возможно установить доверительные отношения, определить истинные потребности пациента и способствовать его выздоровлению, избегая

профессионального выгорания и создавая культуру эффективной коммуникации.

Кроме того, по мнению опрошенных врачей, изменился профиль пациентов, которые приходят на прием. Те, кто обращается за медицинской помощью во многих ситуациях уже получили предварительную информацию из интернета как по медицинским, так и юридическим аспектам. Учитывая эти факторы врачи выстраивают такое взаимодействие, где обеспечивается максимальная коммуникативная адекватность.

«Сейчас пациент информирован и ему кажется, что знает все. Когда я сама сталкиваюсь со сложными проблемами вне моей компетенции, я понимаю, что для этого требуется дополнительное образование. В режиме переговоров с пациентами приходим к консенсусу» (педиатр, 59 лет, жен.)

«... пациенты для встречи с врачом имеют повестку, состоящую из часто не одной проблемы. Поэтому врачу важно выяснить с чем пришел пациент в самом начале. Эффективной собирать анамнез, когда выяснил все жалобы». (ревматолог, 46 лет, жен.)

«Сейчас стало сложнее. Больше юридической грамотностью пациента, раз, и даже не грамотностью, а не обоснованными претензиями по этому поводу. Тут широкий пласт вопросов, с претензиями в адрес врачей. С претензиями юридическими в адрес врачей, в которые все растут и растут по поводу и без повода». (хирург, 40 лет, муж.)

Современная медицинская практика сталкивается с рядом вызовов, включая информированность пациентов, их повышенные ожидания и юридическую грамотность, что требует от врача не только высокого профессионализма и коммуникативных навыков, но и умения выстраивать диалог, выявлять приоритетные для пациента вопросы и находить компромиссные решения.

Этическая основа в медицине опирается на набор фундаментальных принципов, которые направляют медицинских работников в оказании сострадательной и ориентированной на пациента помощи. Центральное место в этих принципах занимает уважение автономии пациента, признание прав отдельных лиц на принятие обоснованных решений о своем здравоохранении. Верность, или профессиональная верность, подчеркивает приверженность медицинских работников выполнению своих обязанностей и обязательств, поддерживая доверие в отношениях между врачом и пациентом и более широкой системе здравоохранения. По мере развития ландшафта здравоохранения эти принципы остаются важными, способствуя этическим практикам, которые уделяют приоритетное внимание благополучию пациентов и поддерживают основные ценности медицинской профессии.

Респонденты отмечают влияние личных качеств врача на успешность общения. Подчеркивается влияние личных психотипов на восприятие и результативность общения с пациентами. Отдельно респонденты отмечают, что важно выстроить профессиональные границы: заявление, что врач не должен становиться другом пациента, а также необходимость поддержания дистанции, чтобы избежать эмоционального выгорания.

«Первое, что нужно понять, это мотивация пациента на выздоровление, то есть, что нужно сделать, какие слова и действия, направленные на то, чтобы поддерживать уверенность пациента в выздоровлении и достижении клинической ремиссии» (кардиолог, 50 лет, муж.)

«Стоит отметить, что есть пациенты с высоким уровнем тревожности» (педиатр, 59 лет, жен.)

«Основные: личность пациента (не каждый готов принимать препараты), личность врача (не все врачи доносят значимость приема препаратов), само заболе-

вание (значимость). Приверженность лечению можно рассматривать как сложный процесс, на который влияют факторы, связанные с личностью пациента, с врачом и медицинским персоналом, а также системой здравоохранения. Немаловажную роль играет особенность самого заболевания, некоторые аспекты его лечения, а также социальные и экономические факторы» (ревматолог, 46 лет, жен.).

«Пациенты часто ведут разговоры из позиции ребенок – родитель. Согласно теории транзактного анализа, каждый человек пребывает в одном из трех эго-состояний: Взрослый, Родитель и Ребенок. Они определяют наше поведение, мысли, чувства и особенности взаимодействия (транзакции) с другими людьми». (кардиолог, 48 лет, жен.)

Успешное лечение и поддержка пациентов требуют внимательного учета множества факторов, связанных как с личностью пациентов, так и с врачами. На выздоровление пациента влияет его внутренняя мотивация. Врачам необходимо применять подходящие слова и действия, чтобы поддержать уверенность пациентов в их способности к выздоровлению и достижению ремиссии. Пациенты с высоким уровнем тревожности требуют особого внимания. Понимание их эмоционального состояния может помочь врачу корректно выстраивать общение и поддержку. Медицинские работники ориентируются в сложностях медицинской практики с честностью, состраданием и непоколебимой приверженностью этическим стандартам.

В процессе общения врачи используют разные коммуникативные приемы от примеров угроз здоровья до создания позитивной мотивации у пациентов к ведению здорового образа жизни. Открытое обсуждение страхов и ожиданий пациентов важно для сбора необходимой клинической информации. Слушая пациентов и учитывая их мысли, врачи могут лучше адаптировать свои подходы к лечению.

«И первоочередная задача – это мотивировать пациента к стремлению к здоровому образу жизни, и профилактики повторных обострений заболевания, потому что я раскрою страшную тайну, мы болезни не лечим, мы добиваемся стойкой клинической ремиссии, потому что даже банальный насморк оставляет по себе следы в организме.» (кардиолог, 50 лет, муж.).

«...когда у пациента низкий комплаенс, и когда он что-то не осознает важность лечения и деталей его иногда приходится пугать последствиями. Сегодня важно, чтобы пациент понял всю специфику сложившейся ситуации. И самое главное, чтобы пациент сам принял решение». (хирург-флеболог, сердечно-сосудистый хирург, 51 год, муж.).

«Если пациенты более открыты, они начинают делиться своим страхами и ожиданиями. Эту информацию врачи часто не считают важной. Мысли пациента важны для клинического мышления...». (нефролог, 39 лет, муж.)

«При первичном контакте с пациентом важно выявить его психологический профиль, от этого будет зависеть то как мне с ним выстраивать взаимоотношения. Я должен быть уверен, что пациент после операции будет соблюдать рекомендации. Понимая риски, когда у пациента низкий комплаенс, и когда он что-то не осознает важность лечения и деталей его иногда приходится пугать последствиями.». (хирург-флеболог, сердечно-сосудистый хирург, 51 год, муж.)

Таким образом, эффективная коммуникация между врачом и пациентом требует понимания множества аспектов, включая мотивацию, уровень осознания, индивидуальные особенности и открытость в обсуждении проблем. Врачам следует исследовать психологический

профиль пациента при первичном контакте, так как это влияет на построение взаимоотношений и на соблюдение рекомендаций. Понимание психологических факторов позволяет более эффективно управлять комплаенсом и успешно работать с пациентами.

Большинство опрошенных врачей отмечали недостаток времени, отведенный согласно нормативам приема пациентов. За это период врач должен не только осмотреть пациента, выслушать его жалобы, но и заполнить все документы. Отсутствие достаточного количества времени не позволяет сформировать доверительные отношения и сформировать у пациента позитивный настрой на лечение.

«... одна из проблем – это ограниченное время приема. Даже в частных клиниках он небольшой... То есть ты должен в связи с его медицинской документацией знакомиться. Иногда в это же время у тебя и ЭКГ входит... Доверие создаётся, когда человек чувствует, что ты готов ему посвятить какое-то время, что ты не между делом, что ты его видишь, что ты его слышишь». (хирург-флеболог, сердечно-сосудистый хирург, 51 год, муж.).

«С какими-то пациентами нужно детально проработать как принимать препарат. Необходима постоянная вовлеченность врача. Мне необходим час для консультации пациента.» (ревматолог, 46 лет, жен.).

«Перегруженность врачей, 20 минут, которые отводятся для приема – это мало. Необходимо заполнить много документации, еще и сделать перевод на электронный носитель» (нефролог, 39 лет, муж.).

«Существует лимит времени на прием пациентов. Мы испытываем недостаток времени как для проведения обследования пациента, так и для выполнения необходимых административных процедур» (кардиолог, 50 лет, муж.).

Отсутствие достаточного времени для приема пациентов препятствует формированию доверительных отношений между врачом и пациентом. Доверие создается, когда пациент чувствует, что врач готов ему посвятить время и внимательно его слушать. Для некоторых пациентов требуется более длительный прием, чтобы детально обсудить лечение и ответить на все вопросы.

Важные преимущества, улучшающие взаимодействие врачей и пациентов, решающие как психологические вопросы взаимодействия, так и технические вопросы недостатка времени, создают мобильные технологии, которые активно применяются в российском здравоохранении и позволяют удерживать контакт, оказывать помощь за пределами лечебного учреждения, вне зависимости от времени суток. В ходе исследования выяснилось, что пациенты готовы к использованию онлайн формата общения с врачом, у которого есть как очень позитивные характеристики. С другой стороны, подобное взаимодействие может привести к синдрому профессионального выгорания врачей.

«Есть пациенты, которые готовы к диалогу в дистанционном формате, есть, которым просто это удобно, это представители деловых кругов, которые к этому привыкли и им так удобнее, и они будут комплименты в этом жанре. Есть пациенты, с которыми удобно общаться в дистанционном формате, всё это про индивидуальный подход». (кардиолог, 50 лет, муж.).

«Телемедицина – это хорошо при комплексном подходе, для коммуникации между врачами, а просто консультация первичная пациента – это вопрос. Врач в такой ситуации для пациента не осязаем и ничем не лучше любой передачи по ТВ – это снизит комплаенс». (кардиолог, 48 лет, жен.).

«Не так давно мы перешли на цифровую поликлинику, цифровизацию отчетной документации. Онлайн кон-

сультации с врачами сегодня активно использует платформа «СберЗдоровье»» (нефролог, 39 лет, муж.).

Заключение

Отношения между пациентом и врачом – это критически важный аспект здравоохранения, характеризующийся взаимным доверием, эффективной коммуникацией и сотрудничеством. Установление доверия между пациентами и медицинскими работниками является основой успешной медицинской помощи. Это включает в себя открытое и прозрачное общение, сочувствие и общее понимание проблем, ценностей и предпочтений пациента.

Проблемы, связанные с доверием в отношениях между пациентом и врачом, многогранны. Пациенты доверяют опыту и знаниям своих медицинских работников, полагаясь на их рекомендации для точного диагноза и эффективного лечения. В то же время поставщики медицинских услуг доверяют информации, которой делятся пациенты, чтобы принимать обоснованные решения об их уходе. Изучение этой динамики доверия имеет важное значение для всестороннего понимания отношений между пациентом и врачом, особенно при интеграции ИИ в системы поддержки клинических решений. Анализ высказываний респондентов позволяет сделать вывод о том, что пациенты уже берут на себя значительную ответственность за свой уход, включая прием лекарств, улучшение диеты и питания, занятия физической активностью, лечение ран или введение инъекций.

Литература

1. Виноградов П. А. (2010). Качественные методы в социологических исследованиях. М.: Изд-во Высшей школы экономики.
2. Головаха Е. И. (1997). Методология социологического исследования: концептуальные и эмпирические аспекты. Киев: Наукова думка.
3. Девятко И. Ф. (2003). Методы социологического исследования. М.: Книжный дом «Университет».
4. Здравомыслова О. М. (2006). Социология: основы теории, истории и практики. М.: Аспект Пресс.
5. Ильин Е. П. (2004). Психология индивидуальных различий. СПб.: Питер.
6. Кузнецова О. В. (2015). Социология: методы исследования. М.: Юрайт.
7. Романов П. В. (2002). Методология исследования в социологии. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.
8. Романов П. В. (2006). Социология: учебник. М.: Высшее образование.
9. Семенова В. В. (2002). Качественные методы в социологии: общая теория и прикладные исследования. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.
10. Соколова Г. Н. (2008). Социология: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА.
11. Тихонова Н. Е. (2011). Современная российская социология: состояние и перспективы. М.: ИНСАН.
12. Штейнберг И. Е. (2009). Методология и методы социологических исследований. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.
13. Шумилова Е. В. (2012). Методология и методы социологических исследований: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ.
14. Ядов В. А. (2003). Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Омега-Л.
15. Ярская-Смирнова Е. Р. (2001). Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: Изд-во Саратов. гос. техн. ун-та.

16. Агафонова Е. С. (2016). Методика преподавания навыков сообщения плохих новостей пациентам в медицинском вузе.
17. Балабанова В. С. (2013). Психология общения с пожилыми людьми в медицинском контексте.
18. Григорьева И. В. (2018). Использование симуляционных технологий в обучении коммуникативным навыкам медицинских работников.
19. Зимина Э. С. (2010). Методика формирования коммуникативной компетентности студентов медицинского вуза.
20. Исаева Л. В. (2008). Психология общения: учебное пособие для медицинских вузов.
21. Калинин И. А. (2014). Групповая работа как метод обучения коммуникативным навыкам в медицинском вузе.
22. Карпова О. В. (2020). Применение телемедицинских технологий в обучении коммуникативным навыкам будущих врачей.
23. Костюк В. А. (2015). Разработка методических материалов для обучения медицинской коммуникации.
24. Кузнецова, Л. В. (2011). Развитие эмпатии у студентов медицинских вузов.
25. Мухина И. С. (2017). Использование видеозаписи и анализа коммуникативных навыков в медицинском образовании.
26. Покровский В. И. (2012). Разбор клинических случаев как метод обучения медицинской коммуникации.
27. Решетников А. В. (2002). Социология медицины. М.: Медицина. Решетников, А.В. (2012). Объективный структурированный клинический экзамен в подготовке врачей.
28. Старостина Е. А. (2016). Пациентоориентированный подход в медицинской практике.
29. Фролова И. И. (2018). Учет социокультурных различий в медицинской коммуникации.
30. Цветкова Н. В. (2017). Организация обучения медицинской коммуникации в медицинском вузе.
31. Дмитриева Е. В., Сопетина Д.Н. Коммуникация врач-пациент в клинических исследованиях с использованием мобильных технологий. *Коммуникология*. 2023;11(3):63–72. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-3-63-72>
32. Дмитриева Е.В. Коммуникационное взаимодействие врача и пациента в условиях цифрового здравоохранения// *Коммуникология*. 2020. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsionnoe-vzaimodeystvie-vracha-i-patsienta-v-usloviyah-tsifrovogo-zdravooxraneniya> (дата обращения: 31.03.2025).

DOCTOR-PATIENT COMMUNICATION IN CLINICAL TRIALS USING MOBILE TECHNOLOGIES

Sopetina D.N.

Yaroslavl State Medical University

The article analyzes the factors influencing the increase in satisfaction of patients who participate in clinical trials, improving the quality of information collected from patients through digital technologies, knowledge, attitudes and behavior of doctors towards patients using mobile technologies.

Keywords: doctor-patient communication, clinical research using mobile technologies, trust in the healthcare system, satisfaction with the healthcare system.

References

1. Vinogradov P. A. (2010). Qualitative method in sociological research. M.: EDT in Ferdinandshe school in fluconomics.
2. Golovaha And. (1997). Methodology sociological research: conceptualhampiric aspect. Kiev: Nakhova Dumka.
3. Nine And. F. (2003). Method evaluative sociological research. M. Home "University".
4. Hello. M. (2006). Sociology: the basis of theories, stories, and practices. M.: Aspect Of Press.
5. Ilyin P. (2004). Psychology of the individual. SPB. Peter.
6. Kuznetsova O. V. (2015). Sociology: method. M. Yurit.
7. Romanov P. V. (2002). Methodology and research in sociology. M.: Ed. Dom Gu-VSS H.
8. Romanov P. V. (2006). Sociology: a textbook. M.: In the urgentsschedule.
9. Semenova V. V. (2002). Qualityexample method empirereferences M.: Ed. Dom Gu-VSS H.
10. Sokolova G. N. (2008). Sociology: a textbook. M. UNITY-DANA.
11. Tikhonova N. Well. (2011). Contemporary Russian sociology: distance and perspective. M. Insan.
12. Steinberg I. Well. (2009). Methodology and method Apostille sociological and research. M.: Ed. Dom Gu-VSS H.
13. Shumilova V. (2012). Methodology and method Apostille sociological and research: a textbook. SPB.: Ed-vpbgu.
14. Yadov V. A. (2003). Strategy sociological research: description, explanation, understanding social realities. M. Omega- L.
15. Yarskaya-Smirnova R. (2001). Sociocultureexample analysis atypical. Saratov: Ed. Goss. tech. UN-Ta.
16. Agathonova S. (2016). Methodology taught in the public spaces of plochih novostei patient in Medical University.
17. Balabanova V. S. (2013). Psychology communes with people in a medical context.
18. Grigoryeva I. V. (2018). The use of simulation technologies in teaching communication skills to medical professionals.
19. Winter S. (2010). Methodology formations communicative competences student Medical University.
20. Isaeva L. V. (2008). Psychology communities: educational toolkit for medical universities.
21. Kalinin I. A. (2014). Group work how method trainings communicative in the campus of Medical University.
22. Karpova O. V. (2020). Conversion of telemedicine technology to training and communicative climatecam budushtih vrachei.
23. Kostyuk V. A. (2015). Development of methodological materials and training medical communications.
24. Kuznetsova L.V. (2011). Developments in medical students.
25. Mukhina Yi. S. (2017). Extensive video recording and analysis of communication in the medical education sector.
26. Pokrovsky V. And. (2012). Debriefing clinical cases how method trainings Medical Communication.
27. Reshetnikov A. V. (2002). Sociology of Medicine. M.: Medicine. Reshetnikov, A.V. (2012). An objective structured clinical examination in the training of a doctor.
28. Starostina A. (2016). Patient-orientated evaluative approach in medical practice.
29. Frolova I. And. (2018). A number of socioculturns differ in medical communication.
30. Tsvetkova N. V. (2017). Organization of training medical communications in Medical University.
31. Dmitrieva V., Sopetina D.N. Communication with patients in clinical and research with the help of mobile technology. *Communicology*. 2023;11(3):63–72. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-3-63-72>
32. Dmitrieva V. Communication interaction between the doctor and the patient in terms of digital health// *Communicology*. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsionnoe-vzaimodeystvie-vracha-i-patsienta-v-usloviyah-tsifrovogo-zdravooxraneniya> (date of request: 03/31/2025).

Актуальные аспекты управленческой культуры учреждений высшего образования КНР

Спасский Евгений Новомирович,

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия, социология и право», Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: srs2@festu.khv.ru

Лю Дяньбо,

аспирант кафедры «Философия, социология и право», Дальневосточный государственный университет путей сообщения; преподаватель Чунцинского университета китайской медицины
E-mail: 153439806@qq.com

Статья посвящена исследованию управленческой культуры вузов КНР. Объект исследования – управленческая культура учреждений высшего образования Китая. Цель исследования – изучение сущности управленческой культуры, ее влияния на достижение стратегических целей вузов. Задачи исследования – выявление особенностей управленческой культуры Китая, анализ элементов управленческой культуры китайских вузов, выявление резервов оптимизации их управления. Источниками и теоретической основой исследования послужили нормативно-правовые документы в сфере высшего образования, работы ведущих социологов, исследовавших феномен управленческой культуры. Эмпирической базой стали результаты социологического исследования управленческой культуры учреждений высшего образования, проведенного в вузах г. Чунцина¹. В статье утверждается, что управленческая культура вуза высокого уровня характеризуется ценностями и установками, едиными для всех участников образовательного процесса, ростом эффективности деятельности вуза, достижением ключевых качественных и количественных показателей его деятельности. Делается вывод о том, что вузовская управленческая культура ориентирует участников образовательного процесса на постоянное обучение и самосовершенствование, научный поиск, новаторские решения на благо нации и государства – в духе ценностей традиционной китайской культуры и науки.

Ключевые слова: управление, управленческая культура, высшие учебные заведения, система высшего образования, социализм с китайской спецификой.

Введение

Вопрос приоритетного развития системы образования является одним из актуальнейших в повестке высшего руководства страны. Си Цзиньпин в своем выступлении на XX съезде Коммунистической партии Китая отметил: «Образование – это наипервейшее дело партии и государства... Образование, наука и техника, кадры являются базисной и стратегической опорой всестороннего строительства модернизированного социалистического государства. Твердо стоя на позиции того, что наука и техника – первейшая производительная сила, кадры – ресурсы наивысшей важности, инновации – первейшая движущая сила, необходимо интенсивно реализовывать стратегию подъема страны силами науки и образования, стратегию наращивания государственной мощи за счет кадров и стратегию стимулирования развития за счет инноваций, открывать новые сферы и новые направления развития, непрерывно создавать новые драйверы и преимущества в области развития» [12].

Курс на модернизацию системы высшего образования, заложенный «Программой ускоренного развития модернизации образования (2018–2022 годы)», а также Стратегией развития образования до 2035 года, требует от высших учебных заведений наличия эффективных управленческих инструментов, обеспечивающих развитие их потенциала, повышение качества реализуемых образовательных программ и направлений, внедрение инноваций, популяризации китайского образования среди китайских и зарубежных абитуриентов. Таким инструментом является управленческая культура.

Актуальность исследования заключается в необходимости изучения управленческой культуры, сложившейся в высших учебных заведениях Китая, что позволяет глубже вникнуть в специфику китайской системы высшего образования, усвоить её передовые практики. Эффективная управленческая культура формирует высокий уровень сознания участников образовательного процесса, ориентирует их на достижение общих целей и результатов развития и модернизации системы высшего образования.

Объект исследования – управленческая культура учреждений высшего образования КНР.

Предмет исследования – особенности управленческой культуры китайских вузов.

Цель исследования – изучение сущности управленческой культуры и ее влияния на достижение стратегических целей высших учебных заведений.

Задачи исследования: исследование национальных особенностей управленческой культуры Китая, изучение элементов управленческой культуры китайских вузов, выявление потенциала совершенствования управления учреждениями высшего образования.

Методология исследования

Для достижения цели исследования и решения его задач были использованы методы системного и структурно-функционального анализа, а также эмпирические методы сбора информации, такие как экспертный и анкетный опрос.

¹ Исследование было проведено в январе 2025 г. в Чунцинском университете китайской медицины и Чунцинском втором педагогическом университете.

Разработанность темы исследования

В российской научной традиции значительный вклад в разработку понятий «управление», «управленческая культура», «культура управления» внесли такие исследователи, как Г.Н. Смирнов, Л.В. Ладатко, Е.В. Павлова, К.М. Хоруженко, Д.Г. Передня, Е.Ю. Бикметов и другие. Их труды сосредоточены на аксиологических, нормативно-ценностных, деятельностных и интегративных аспектах управленческой культуры, её роли в формировании эффективных управленческих практик, структуры мотивации и организации взаимодействия в коллективе.

В работах зарубежных классиков теории управления и социологии Фредерика Тейлора, Анри Файоля, Герберта Спенсера, Энтони Гидденса, Сирила Паркинсона, Клайда Клакхона, Нила Смелзера, Уорда Гуденафа представлены универсальные подходы к анализу структуры управления, социокультурных основ управленческой деятельности, а также механизмов передачи и воспроизводства управленческой культуры как части общей культуры общества.

Китайская научная традиция представлена как древним философским наследием (конфуцианство, буддизм, даосизм, моизм, легизм), так и современными социологическими и политическими теориями. Работы Мо Цзы, Конфуция, Сюнь-цзы, Мэн-цзы, Хань Фэя и других древних мыслителей составляют фундамент китайской управленческой мысли. В XX–XXI вв. значительный вклад в развитие теории управления и управленческой культуры внесли Ли Да, Ли Дачжао, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин и Си Цзиньпин, что позволило сформировать уникальную модель управления в рамках концепции социализма с китайской спецификой.

Современная китайская социология управления уделяет особое внимание гармонизации традиционных ценностей с задачами модернизации и интернационализации образовательной и административной среды. Однако в зарубежной и китайской литературе отсутствует комплексное исследование управленческой культуры в сфере высшего образования КНР как институционального и культурного явления.

Результаты исследования

Управленческая культура, реализуемая в системе высшего образования, на всех этапах его развития соответствует управленческой культуре и идеологическим идеям, провозглашенным на уровне государства. Таким образом, управленческую культуру системы образования в целом, и системы высшего образования в частности можно назвать субкультурой управленческой культуры, реализуемой на уровне государства.

Управленческая культура Китая опирается на сочетание идей конфуцианской философии и марксистской идеологии. Что означает строгую иерархию общества, построение жесткой вертикали власти, отношения субординации, директивное управление, но при этом первоочередная задача руководителей на всех уровнях управления – обеспечение защиты интересов своих сотрудников, поскольку главной ценностью всегда выступает человек [1, с. 250].

Применительно к системе высшего образования управленческая культура представляет собой систему норм, правил, ценностей, установок и убеждений, соответствующих идеям и принципам государственной идеологии, традиций и обычаев, выверенных алгоритмов взаимодействия управляющей и управляемых подсистем, направленных на упорядочение деятельности и обеспечение эффективного функционирования об-

разовательных учреждений, целью которых выступает успешная реализация образовательного процесса, воспитание и подготовка талантливых квалифицированных кадров, обладающих высокими нравственными и деловыми качествами, призванных обеспечивать реализацию социально-экономического развития страны.

Система норм, правил, ценностей, установок и убеждений – ключевых элементов управленческой культуры, соответствует государственной идеологии, поэтому в ретроспективе развития системы высшего образования прослеживаются следующие этапы развития управленческой культуры, как отражения государственной идеологии:

- с периода правления династий древних царств (124 год до н.э. – год основания Высшего училища согласно историческим данным) до 1920-х годов – управленческая культура основана на системе ценностей и норм морали конфуцианства – главного идеологического учения на протяжении тысячелетий [5];
- с 1920 –х по 1949 г. – конфуцианские нормы и ценности по-прежнему актуальны как главные нормы морали, марксистская идеология постепенно начинает оказывать влияние на управленческую культуру [2];
- 1949–1966 гг. – с провозглашением в 1949 году Китайской Народной Республики управленческая культура определяется марксистской идеологией Мао Цзэдуна – китайским марксизмом;
- 1966–1976 гг. – в период Культурной революции управленческая культура учреждений высшего образования по-прежнему определяется китайским марксизмом, однако последователи «Банды четырех» скрупулезно выискивают «противоречия» и «несоответствия» генеральной политики партии, оговаривают неугодных представителей административного и профессорско-преподавательского состава учреждений высшего образования, ломают выстроенные в соответствии с китайским марксизмом основы управленческой культуры, что ведет к краху управленческой и образовательной, научно-исследовательской деятельности учреждений высшего образования и, как следствие, к стагнации системы высшего образования [3];
- 1978 год – по настоящее время – управленческая культура учреждений высшего образования определяется государственной идеологией – социализмом с китайской спецификой, предложенной Дэн Сяопином, и продолженной Си Цзиньпином на основе разработанных им Концепций «Китайский план» и «Китайский дискурс» с ориентацией на тысячелетнее наследие и достижения традиционной китайской науки и культуры.
- В целях обеспечения устойчивого ускоренного развития и национальной безопасности Китай взял курс на совершенствование системы образования на основе традиций китайской науки и культуры, развитие науки и инновационной деятельности.
- Управленческая культура учреждений высшего образования выступает воплощением ценностей традиционной китайской науки и культуры, общечеловеческих, профессиональных ценностей и идеалов общества; определяет мышление участников образовательного процесса – выступает ориентиром на пути к развитию и модернизации.
- Образование – приоритетное дело партии и государства. Партийный комитет учреждения высшего образования во главе с секретарем, следуя основной линии и стратегии Коммунистической Партии Китая, стоит у истоков управленческой культуры учреждения высшего образования, соответствующей сложившейся на основе государственной идеологии управленческой культуре

государства, реализует управленческую деятельность в учреждении высшего образования на основе управленческой культуры. Ректор, администрация, структурные и учебные подразделения реализуют управленческую деятельность и осуществляют взаимодействие в рамках сложившейся управленческой культуры. Таким образом, управленческая культура учреждений высшего образования охватывает: учебный процесс; воспитательную работу; научно-исследовательскую деятельность; культурный процесс; международную деятельность учреждения высшего образования; информационно-техническую деятельность; административно-хозяйственную деятельность.

Высокоэффективная управленческая культура вузов призвана способствовать решению следующих задач:

- обеспечению высокого качества высшего образования и содействию его интенсивному развитию, отвечающему требованиям общества, рыночной экономики, культуры;
- усилению интеграции системы высшего образования и научно-технической сферы с экономикой, культурой и обществом для обеспечения научно-технической модернизации;
- развитию информатизации и цифровизации высшего образования;
- созданию и постоянному усовершенствованию перwokлассной материально-технической базы;
- созданию общедоступных качественных образовательных ресурсов;
- развитию инновационной культуры и научной деятельности;
- интернационализации высшего образования и научно-исследовательской деятельности;
- повышению конкурентоспособности учреждений высшего образования на национальном и международном уровне;
- углублению интеграции науки и образования, созданию совместной инновационной научной платформы в качестве стратегической опоры интенсивного развития системы высшего образования [11].

Основой управленческой культуры является нравственное воспитание, определяющее прочие элементы управленческой культуры, выступающее важным показателем в воспитании строителей социализма с китайской спецификой и их преемников.

Согласно одному из решений XVIII съезда КПК, основная задача учреждений высшего образования – воспитание высокообразованных кадров, новаторов, преемников в вопросах дальнейшего развития и укрепления социализма с китайской спецификой, обладающих высокими нравственными качествами. Нравственное идейно-политическое воспитание – основа всестороннего становления личности студента – будущего специалиста, деятельность которого направлена на благо нации и государства, преемника, нацеленного на развитие социализма с китайской спецификой.

Реализация идейно-политического воспитания в учреждениях высшего образования регламентирована рядом нормативно-правовых документов:

- «Стандарты для формирования курсов блока предметов идейно-политической теории в высших учебных заведениях (временные правила)», разработанные Министерством образования в целях регулирования содержания идейно-политического воспитания, разработки учебных планов, управления учебным процессом и профессорско-преподавательским составом;
- «Основные требования к теоретическому преподаванию идейно-политических дисциплин в выс-

ших учебных заведениях в новую эпоху», изданные по итогам XIX съезда КПК;

- «Предложения Организационного Отдела ЦК КПК, партийной организации Министерства образования, ЦК КПК, Центрального комитета комсомола об усилении и усовершенствовании работы по принятию студентов в партию и формированию студенческих ячеек», подготовленные Канцелярией КПК в 2016 году;
- «Нормативы по принятию студентов вузов в члены партии», разработанные в 2017 году партийной организацией Министерства образования.

Сегодня в состав учебных программ направлений бакалавриата включены такие дисциплины, как «Основы марксизма», «Идеология Мао Цзэдуна и теоретическая основа социализма с китайской спецификой», «Современная история Китая», «Идейно-моральное обучение и правовая основа», в учебные планы магистратуры и аспирантуры – «Исследование теории и практики социализма с китайской спецификой», «Китайский марксизм и современная эпоха» [4].

Особым направлением идейно-политического воспитания, реализуемого в высших учебных заведениях, является участие студентов в партийном строительстве. Вступление студентов в Коммунистическую партию Китая – особый путь, свидетельство повышения идейного сознания молодежи.

В вопросах реализации учебного процесса и научно-исследовательской деятельности управленческая культура учреждений высшего образования в соответствии со Стратегией развития образования до 2035 года определяет ключевыми задачами ускорение модернизации системы высшего образования, повышение качества образования, повышение доступности образования для населения, достижение лидирующих позиций китайской системы образования как мощнейшей площадки подготовки высокопрофессиональных национальных и зарубежных кадров [7]. Перед вузами поставлена задача интенсивного развития на основе инноваций, информатизации и цифровизации сферы образования, решению которой способствует эффективная управленческая культура.

Для исследования феномена управленческой культуры и ее влияния как инструмента управления на вузовскую деятельность, было проведено комплексное социологическое исследование на примере государственных учреждений высшего образования – Чунцинского университета китайской медицины и Чунцинского второго педагогического университета.

Результаты социологического исследования учреждений высшего образования, включающего интервью руководителей учебных и структурных подразделений, опрос сотрудников, руководителей и студентов учреждения высшего образования, отличаются лишь незначительной погрешностью и в целом совпадают.

Выборочная совокупность опрошенных составила:

- Чунцинский университет китайской медицины – 30 руководителей разного уровня, 40 сотрудников учебных и структурных подразделений, 500 студентов, обучающихся по программам бакалавриата;
- Чунцинский второй педагогический университет – 30 руководителей разного уровня, 30 сотрудников учебных и структурных подразделений, 300 студентов, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры.

Согласно ответам респондентов, руководители и сотрудники едины в развитии талантов, содействии академическому прогрессу и служении обществу, придают большое значение качеству образования и всесторон-

нему развитию студентов, вносят вклад в развитие учреждения высшего образования, повышение его репутации, строго соблюдают правила и стандарты, стремятся к достижению показателей эффективности и качества работы по всем направлениям для обеспечения эффективного функционирования и развития учреждения высшего образования.

О единых ценностях руководителей учреждения высшего образования, представителей профессорско-преподавательского состава и студентов свидетельствуют и данные опроса, где среди многообразия вариантов ответов респонденты выбрали ценности, связанные с получением и приумножением знаний, развитием творческого и научного потенциала (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов о наиболее значимых ценностях и критериях профессионального успеха (%)

Критерии	Чунцинский университет китайской медицины	Чунцинский второй педагогический университет
Значимые трудовые ценности		
Причастность к возвращению нового поколения профессионалов	25	25
Возможность развития своего творческого и научного потенциала	14	16
Критерии профессионального успеха		
Достойные воспитанники – профессионалы своего дела, занимающие высокие должности в организациях и учреждениях	16	15
Высокий уровень успеваемости студентов	12	13
Количество публикаций в ведущих научных периодических изданиях	15	13
Свобода научного творчества	11	11
Значимые ценности для студентов		
Получение новых знаний, навыков, умений	34	32
Возможность развития своего творческого и научно-исследовательского потенциала	16	15

Источник: авторское социологическое исследование управленческой культуры учреждений высшего образования КНР, 2025 г.

Сотрудники и руководители учреждений высшего образования дали высокую оценку качества и результативности научно-исследовательской деятельности (Чунцинский университет китайской медицины – 66% голосов респондентов, Чунцинский второй педагогический университет – 60% голосов респондентов). Около 70% опрошенных сотрудников хотели бы принимать более активное участие в научно-исследовательских разработках университетов, однако этому препятствует ряд при-

чин, главная из которых: нехватка времени, связанная с высокой административно-управленческой нагрузкой и большим объемом бумажной работы (около 30% голосов респондентов).

Среди студентов-респондентов:

- 30% опрошенных из общего числа участников исследования Чунцинского Университета Китайской Медицины принимает участие в научно-исследовательской деятельности; 74% участников опроса отметили, что хотели бы принимать участие в научно-исследовательских разработках вуза;
- 39% опрошенных из общего числа участников исследования Чунцинского Второго Педагогического Университета принимает участие в научно-исследовательской деятельности; 63% участников опроса отметили, что хотели бы принимать участие в научно-исследовательских разработках университета.

Представленные результаты исследования положительно характеризуют управленческую культуру, сложившуюся в учреждениях высшего образования, поскольку стремление к знаниям на протяжении всей жизни, постоянное обучение – идея, которая должна прививаться молодежи на уровне образовательных учреждений и на уровне страны в целом. Развитая система образования является неотъемлемым условием благополучия и процветания государства. Постоянное усовершенствование системы образования – ключевой ценностный ориентир.

О высоком уровне управленческой культуры в учреждениях высшего образования свидетельствуют также:

- ключевые принципы работы руководителей всех уровней: принцип справедливости, уважения, доверия и открытости, сотрудничества, мотивации к развитию, предоставление равных возможностей для обучения и развития навыков, знаний и умений сотрудников;
- управленческие традиции, связанные с наставничеством и поддержкой в трудовых коллективах, развитием командного духа;
- благоприятная деловая атмосфера, сложившаяся в трудовых и студенческих коллективах. Сложившиеся в коллективе взаимоотношения большинство респондентов охарактеризовало как сотрудничество. Большинство респондентов-студентов охарактеризовали царящую в коллективе атмосферу как дружескую и комфортную (Чунцинский университет китайской медицины – 70% голосов респондентов; Чунцинский второй педагогический университет – 67% голосов респондентов).

Результаты социологического исследования свидетельствуют о высоком уровне управленческой культуры, сложившейся в учреждениях высшего образования.

Деятельность учебных и структурных подразделений, участников образовательной, научно-исследовательской, воспитательной деятельности, принимаемые управленческие решения соответствуют миссии учреждений высшего образования, заявленным стратегическим целям.

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что управленческая культура учреждений высшего образования, соответствующая управленческой культуре и идеологическим идеям, провозглашенным на уровне государства, задает ориентиры участникам образовательного процесса на постоянное обучение и совершенствование, научный поиск, новаторские решения на благо нации и государства, что соответствует ценностям традиционной китайской науки и культуры в целом.

О высоком уровне сложившейся управленческой культуры учреждений высшего образования КНР и ее ключевой роли свидетельствуют результаты проведенного социологического исследования. Однако для повышения эффективности управленческой культуры, как инструмента обеспечивающего развитие потенциала высших образовательных учреждений, роста качества реализуемых программ и направлений высшего образования, внедрения инноваций, необходимо усиление положительного эффекта от реализации управленческой культуры за счет совершенствования процесса управления в учреждениях высшего образования, в частности:

- сосредоточение на приоритетных для достижения стратегических целей учреждения высшего образования видах деятельности: образовательной, воспитательной и научно-исследовательской;
- оптимизация системы распределения служебных обязанностей;
- снижение административного «бремени», поскольку, как показали результаты социологического исследования, чрезмерная административно-управленческая нагрузка профессорско-преподавательского состава (31% голосов респондентов Чунцинского Университета Китайской Медицины; 27% голосов респондентов Чунцинского Второго Педагогического Университета) и большой объем бумажной работы (29% голосов респондентов Чунцинского Университета Китайской Медицины; 30% голосов респондентов Чунцинского Второго Педагогического Университета) препятствуют в реализации творческого потенциала в образовательной и научно-исследовательской деятельности. Данные обстоятельства требуют особого внимания, поскольку в условиях модернизации системы высшего образования развитие творческого и научно-исследовательского потенциала профессорско-преподавательского состава и студентов являются первоочередным условием эффективного функционирования вузов, их конкурентоспособности на рынке образовательных услуг;
- совершенствование каналов коммуникации – создание единой коммуникационной платформы для руководства, профессорско-преподавательского состава, студентов и административных работников обеспечит возможность получения актуальной информации, обмена мнениями и идеями, будет способствовать генерированию новых идей, заимствованию и применению лучших практик;
- стимулирование инновационных талантов профессорско-преподавательского состава и сотрудников административного блока, раскрытие их потенциала, в том числе, за счет внедрения системы ротации заданий и проектов, призванной стимулировать сотрудников к поиску нестандартных подходов к решению проблемы, инновационному мышлению, развитию навыков сотрудничества и эффективной работе в команде;
- поощрение инновационных талантов студентов – привлечение к участию в научно-исследовательской деятельности, в том числе, за счет введения ставок младших сотрудников лабораторий для студентов, которые могли бы совмещать учебу и работу в лаборатории; внедрение инноваций в учебный процесс, развитие интерактивности обучения;
- развитие научного сотрудничества с профильными учреждениями и предприятиями, с профильными университетами в Китае и за рубежом, привлечение финансирования со стороны данных организаций;

- составление обменных программ и сотрудничества с другими высшими учебными заведениями, изучение передового опыта, лучших моделей и практик управления.

Полученные в ходе социологического исследования результаты представляется возможным экстраполировать в отношении других вузов, поскольку управленческая культура в учреждениях высшего образования КНР вертикально интегрирована и в ряде аспектов стандартизирована.

Литература

1. Лоу Юйле. Духовные основы китайской культуры / Пер.с кит. Топоровой Д.С., Титова К.С., Рыбалко Н.Н.; науч. ред.д.филос.н., проф. Кобзев А.И. – М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2022. – 301 с.
2. Zhang Dexiang. Historical notes of Beijing University. 2010. Vol. 1. 13 p. (In Chinese).
3. Хао Пин, Пекинский университет и генезис высшего образования в Китае / Пер. с кит. Орышчи К.А. – М.: Международная издательская компания «Шанс», 2019. – 431 с.
4. Чжу Юнсинь. История современной философии образования в Китае; пер. с кит. яз. Л.Г. Климова. – М.: Международная издательская компания «Шанс», 2021. – 399 с.
5. Цинь, Л. Основные этапы развития высшего образования в Китае // Л. Цинь, А.И. Голиков, Н.Р. Максимов и др. // Высшее образование сегодня. – 2022. – № 1–2. – С. 100–106.
6. Law of the People's Republic of China «About Higher Education» (In Chinese) // Ministry of Education of the People's Republic of China: [official website]. URL: http://www.moe.gov.cn/documents/laws_policies/201506/t20150626_191386.html (дата обращения 27.09.2024)
7. Strategy for Modernizing China's Higher Education System until 2035. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1626351473041230577&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 01.10.2024) (In Chinese).
8. Официальная страница World University Rankings. – URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings> (дата обращения 09.11.2024)
9. Официальная страница Best Global Universities Rankings, US.News & Report. – URL: <https://www.usnews.com/education/best-global-universities/rankings> (дата обращения 09.11.2024)
10. Национальные статистические бюллетени по развитию образования, за 2015–2023 годы. Официальный сайт Министерства образования КНР. – URL: <http://www.moe.gov.cn> (дата обращения 27.09.2024).
11. Россия–Китай: тенденции развития образования в XXI в.: Сравнительный анализ / Отв. ред.: В.П. Борисенков, Мэй Ханьчэн. М.: Наука, 2019. – 662 с.
12. Xi Jinping. The Report to the 20-th National Congress of the Communist Party of China, 16 October 2022. (In Chinese).

CURRENT ASPECTS OF THE MANAGEMENT CULTURE OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN CHINA

Spassky E.N., Liu Dianbo

Far Eastern State Transport University, Chongqing University of Chinese Medicine

The article is devoted to the study of the management culture of Chinese universities. The object of the study is the management culture of Chinese higher education institutions. The purpose of the study is to explore the essence of management culture and its im-

pact on achieving the strategic goals of universities. The objectives of the study are to identify the specific features of China's management culture, analyze the elements of the management culture of Chinese universities, and identify opportunities for optimizing their management. The study is based on regulatory documents in the field of higher education and the works of leading sociologists who have studied the phenomenon of management culture. The empirical basis was the results of a sociological study of the management culture of higher education institutions conducted at universities in Chongqing. The article argues that a high-level university's management culture is characterized by values and attitudes that are shared by all participants in the educational process, leading to increased efficiency and the achievement of key qualitative and quantitative indicators of the university's performance. The article concludes that the university's management culture encourages participants in the educational process to engage in continuous learning and self-improvement, scientific research, and innovative solutions that benefit the nation and the state, in line with the values of traditional Chinese culture and science.

Keywords: management, the management culture, the higher educational institutions, the higher education system, socialism with Chinese characteristics.

References

1. Lou Yuile. The spiritual foundations of Chinese culture / Translated from Chinese. Toporovoy D.S., Titova K.S., Rybalko N.N.; scientific editor, Doctor of Philology, professor. Kobzev A.I. – Moscow: Chance International Publishing Company, LLC, 2022. 301 p. – p. 250.
2. Zhang Dexiang. Historical notes of Beijing University. 2010. Vol. 1. 13 p. (In Chinese).
3. Khao Pin. Beijing University and the genesis of higher education in China / Translated from Chinese. K.A. Oryshich – Moscow: Chance International Publishing Company, 2019. – 431 p.
4. Chzhu Yunsin. The History of Modern Philosophy of Education in China; translated from Chinese by L.G. Klimov. – Moscow: International Publishing Company "Shans", 2021. – 399 p.
5. Cin L. The Main Stages of the Development of Higher Education in China // L. Cin, A.I. Golikov, N.R., Maksimov, et al. // Higher Education Today. – 2022. – № . 1–2. – Pp. 100–106.
6. Law of the People's Republic of China «About Higher Education». Official page of the Ministry of Education of the People's Republic of China, URL: http://www.moe.gov.cn/documents/laws_policies/201506/t20150626_191386.html (date of access 27.09.2024). (In Chinese).
7. Strategy for Modernizing China's Higher Education System until 2035, URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1626351473041230577&wfr=spider&for=pc> (date of access 01.10.2024) (In Chinese).
8. Official page of the World University Rankings, URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings> (date of access 09.11.2024).
9. Official page of the Best Global Universities Rankings, US.News & Report. – URL: <https://www.usnews.com/education/best-global-universities/rankings> (date of access 09.11.2024). (In English).
10. National statistical bulletins on the development of education for 2015–2023. Official page of Ministry of Education of People's Republic of China, URL: <http://www.moe.gov.cn> (date of access 27.09.2024). (In Chinese).
11. Russia-China: Trends in Education Development in the 21st Century: A Comparative Analysis / Ed. by V.P. Borisenkov and Mej Hanchen. Moscow: Nauka, 2019. – 662 p.
12. Xi Jinping. The Report to the 20-th National Congress of the Communist Party of China, 16 October 2022. (In Chinese).

Ценностные ориентации студентов управленческого вуза: особенности, динамика, векторы

Тазов Петр Юрьевич,

старший преподаватель кафедры маркетинга, ФГБОУ ВО
«Государственный университет управления»

E-mail: vetr@yandex.ru

В статье представлены результаты исследований ценностных ориентаций студентов ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» за период 2001–2025 гг. Выделены векторы динамики ценностных ориентаций студентов. Результаты фокус-групп помогают посмотреть на результаты опросов с точки зрения соотношения реальных и декларируемых ценностных ориентаций. Декларируемые ценности, которые видны в результатах опросов показывают только желаемое состояние, знания о должном. Ключевые ценности семья, здоровье, работа, самореализация также артикулируются студентами в ходе фокус групп, однако их смысловое наполнение во многом обусловлено темпоральными характеристиками смыслового поля студентов.

Ключевые слова: ценностные ориентации студентов, ценности, динамика ценностей студентов, ценностное сознание, трансформация ценностей студентов, векторы динамики ценностных ориентаций.

В 2001 г. мы начали проводить исследования студентов ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» (далее – ГУУ). Изначально, цель исследований заключалась в анализе и изучении ценностных ориентаций студентов. В дальнейшем нами была поставлена задача проанализировать направления трансформации ценностного сознания студентов. В 2025 г. мы провели новую волну когортного лонгитюдного исследования «Ценности студентов управленческого вуза: особенности, характеристики, динамика». Выборка всех исследований по годам: 2001 г. (n = 150), 2002 г. (n = 150), 2007 г. (n = 150), 2018 г. (n = 150), 2021 г. (n = 150), 2025 г. (n = 130).

В исследовании 2025 г. приняли участие студенты 1–4 курсов. Целью исследования было выявление ценностных ориентаций студентов ГУУ и дальнейший анализ их динамики. Предмет исследования: ценностные ориентации студентов ГУУ. Задачи исследования: 1) выявить ценностные ориентации и социальные установки студентов; 2) сравнить полученные результаты с данными исследований 2001, 2002, 2007, 2018, 2021 гг. и проанализировать процессы трансформации ценностного сознания студентов. Гипотеза исследований: ядро терминальных ценностных ориентаций студентов ГУУ остается неизменным при изменении инструментальных ценностных ориентаций [1].

В марте 2025 года были проведены фокус-группы. База исследования: студенты ГУУ 1–2 курсов (96 человек). Цель исследования: выявление мотивов, характеристик смыслового наполнения ценностных ориентаций, установление связей между смысловыми основаниями ценностных ориентаций, выявление реальных и декларируемых ценностных ориентаций.

Из сравнительного анализа результатов исследований 2002 и 2025 гг. видно, что снижается (на треть) популярность запроса на эмпатию и понимание со стороны других людей (см. Приложение 4). Что косвенно подтверждает ранее сделанный вывод о росте социальной атомизации студенческой молодежи. С убеждением «Человек должен обязательно находить поддержку и понимание своих чувств и мыслей у окружающих его людей» согласны 60% в 2002 г. и 40% в 2025 г.

Популярность установки «Человек должен находить поддержку в каких-либо группах (общностях), иначе ему будет трудно жить» снижается с 70% до 47%. Эта же тенденция к усилению социальной атомизации прослеживается и в динамике выборов социальной установки «Каждый человек должен обязательно внести какой-либо вклад в общество», популярность которой падает более, чем в 2,5 раза (с 66% до 24%).

С другой стороны, падает конформизм студентов (в два раза). Так в 2002 г. 62% опрошенных считали, что без серьезных на то оснований выходить за общепринятые нормы не стоит, в то время как в 2025 таких только 40. Также растет популярность установки «Бывают случаи, когда необходимо идти против мнения большинства» с 49% до 68%, что также говорит об увеличении нон-конформизма в студенческой среде. При этом, гибкость взглядов и ценностей растет – с убеждением «Во всех условиях надо оставаться самим собой, не менять свои жизненные принципы» согласны 61% в 2002 г. и 51% в 2025 г.

Падает популярность и таких традиционных установок как взаимовыручка и коллективизм. То, что это главные основы, на которых должна строиться наша культура, считали почти половина опрошенных в 2002 г. и только 38% в 2025 г.

По результатам исследования 2025 г. самый популярный выбор в перечне смыслов жизни был связан с гедонистической установкой. Что подтверждают также результаты фокус-групп. Так, с утверждением, что смысл жизни в том, чтобы получать от нее как можно больше удовольствий согласны 62% опрошенных. Стратегия нувизма (жить одним днем – «Смысл жизни в том, чтобы прожить как можно полнее сегодняшний день и не думать о том, что будет завтра») получает поддержку 41% студентов. На втором месте семья (создать хорошую семью, вырастить детей) – 46%.

В финансовой независимости, богатстве видят смысл 47%, а в творчестве, создании нового – 45% опрошенных.

Таким образом, результаты исследования подтверждают утверждение об усилении популярности социальной установки на гедонизм, социальную атомизацию.

Фокус группы (8 групп, n = 96), проведенные автором среди студентов 1–2 курсов ГУУ показали, что те декларируемые ценности, которые отражаются в результате опросов показывают только желаемое состояние, знания о должном. Ключевые ценности семья, здоровье, работа, самореализация также артикулируются студентами в ходе фокус групп, однако их смысловое наполнение во многом обусловлено темпоральными характеристиками смыслового поля. То есть, горизонтом планирования, на который влияют восприятие рисков и возможностей для собственной жизнедеятельности. В ходе фокус групп было высказано много суждений, однако выделим часто наиболее встречающиеся из них. Ключевые смыслы и приоритеты студентов связаны с адаптацией к реальности с учетом текущих социально-экономических рисков, в условиях которых «сложно планировать жизнь учитывая социально-экономические условия» (1 курс, м.). Само восприятие реальности студентов во многом складывается из переходного состояния «сначала надо закончить институт» (1 курс, м.), а потом уже выстраивается стратегия повседневной жизни: «сначала надо закончить институт, начать работать» (1 курс, м.), «если жизнь начнет налаживаться, свадьба, потом дети» (1 курс, м.), «потом надо откладывать деньги на ипотеку» (1 курс, м.). В тоже время ключевые приоритеты студентов ограничены окончанием сессии и периодом до начала следующей, поэтому для первого курса более важным является соответствовать ожиданиям родителей («главное – это хорошо закончить сессию, потом поехать отдыхать» (1 курс, ж.). При этом, получение удовольствия, положительных ощущений также сопровождается комфортом («Главное – это комфорт», 1 курс, м.). Отражение ценностей в студенческом сознании отражает восприятие нормального поэтапного течения повседневности – учеба – работа – семья – дети.

Надо рассматривать динамику ценностных ориентаций студентов в темпоральном измерении. Только в условиях планов, целей задач становится понятна содержательная часть ценностных ориентаций. Данные фокус групп показали и то, что большинство (70%) студентов принимали решение о выборе специальности спонтанно или ситуативно (на основе полученных баллов). Что касается ценности семьи, очевидно, что для студентов она пока имеет только достаточно абстрактное содержание. В условиях нарушения комфорта, постоянного стресса и ответственности представление о ней может быть переосмыслено. Что отражает и статистика. Как от-

метила советник генерального директора ВЦИОМ Елена Михайлова «Соотношение количества разводов и заключаемых браков достигло максимального значения – на восемь разводов приходилось десять новых бракосочетаний. Соответственно, страна по этому показателю вышла на третье место в мире по числу разводов» [2].

Во многом, ценностная структура студенческой молодежи прожективна по сути, направлена в будущее и во многом имеет декларативный характер. Гедонистические ценности также занимают значимое место у студентов: как самостоятельно («Отдых», м. 1 курс), так и в ряду других ценностных оценок («Карьера, отдых, здоровье» ж, 1 курс), («Отдых, образование, деньги» 1 курс, ж).

Часто горизонт планирования ограничен сессией. На предложение назвать три главные вещи в формате «хештегов» (коротких ключевых слов) студенты называли: «сессия, фитнес, Грузия» ж., 1 курс; «сессия, поехать домой, семья» ж. 1 курс; «сдать сессию, поехать на море – все что я хочу» ж. 1 курс; («уважение, карьера, семья», 1 курс, м.); «семья, любовь, дети» 1 курс, ж.; «Самодостаточность, самореализованность» м., 1 курс; «Учеба спорт работа», 1 курс, м; «Нервная система» 1 курс ж.; «Семья, здоровье» 1 курс ж., «Семья, моя группа, сессия», ж. 1 курс.

Также результаты исследования показали, что в содержание ряда ценностных ориентаций студенты вкладывают разное смысловое наполнение. Так, для одних самореализация – это и заработок и успех, для других «состояние, при котором не надо думать о деньгах на своем счете» (м., 2 курс). Причем, высокая популярность самореализации еще не обеспечивает ее непосредственное достижение. Для некоторых самореализация как девиз. Однако конативная (поведенческая) компонента ее может быть слабо сформирована.

Очень большое значение для студентов имеет комфорт, комфортная жизнь, куда входят сразу ряд ценностных ориентаций – достойная жизнь, безопасность, отсутствие рисков, угроз, стабильность, материальный достаток, семейное благополучие. При этом, большинство студентов планируют жизнь до 1 года. Этим и объясняется прожективность, неустойчивость системы ценностных ориентаций часто в условиях зависимости от финансовых возможностей родителей.

Результаты исследования показали, что динамика ценностных ориентаций должна обязательно сопровождаться качественным исследованием, направленным на изучение содержательной стороны ценностных ориентаций.

Гедонистическая направленность современного общества потребления отражается в комфорте, который тесно переплетается с материально обеспеченной жизнью, безопасностью, самореализацией. Для многих студентов важно самореализоваться, однако нет конкретных действий по достижении этой цели. Учебная деятельность, как определяющий фактор построения смыслового поля формирует декларативный характер ценностных ориентаций, обусловленный отсутствием реальной возможности их реализации.

При этом многие студенты пока не планируют свою жизнь в горизонте 3–5 лет. Для некоторых студентов гедонизм также связан с самореализацией и описывает стиль жизни «Кайфовать жизни – окружить себя хорошими людьми, развлечения» (2 курс, ж.), «получать удовольствие от текущей жизни и реализации (душевное эмоциональное спокойствие и удовлетворение)» (2 курс, м.), «развиваться и радоваться, достигая свою мечту» (2 курс, м.).

Семья для некоторых студентов – это текущая семья (живут с родителями) и абстрактное представление о будущей семье.

Релятивизм, свойственный студенческой молодежи является результатом дезинтеграционных и дисфункциональных процессов в обществе. Другое явление – темпоральная структура ценностных ориентаций, отражающаяся в краткосрочном планировании своей текущей жизни в условиях рисков и неопределенности, что отражает амбивалентность жизненных планов. Кроме того, риски отражаются и на низком межличностном доверии, а также доверии к государственным институтам, что способствует дезинтеграции и маргинализации студенческой молодежи. Так, согласно данным, приводимым Фондом «Общественное мнение» (ФОМ), 72% молодых россиян считают, что в российском обществе люди относятся друг к другу, скорее, с недоверием [3]. По мнению других ученых, «актуальна ориентация на самореализацию, комфорт и свободу, максимально выражена у студенческой молодежи. Трудные жизненные ситуации воспринимаются по факту, по мере наступления, ибо горизонт планирования минимален и стратегических планов молодежь по-прежнему не строит. Главный запрос от жизни – в топе быть счастливым и наслаждаться жизнью, получая от нее удовольствие» [4, с. 88].

Поэтому многие декларируемые ценностные ориентации студенческой молодежи «подвешены», реализация их отсрочена, а текущие регуляторы жизнедеятельности находятся в плоскости потребления, получения эмоций, максимизации ощущений и гедонизма. Отсюда текущая стратегия жизнедеятельности студенческой молодежи находит свое развитие в области повседневных практик, обеспечивающих раскрытие своей индивидуальности через цифровые коммуникации и построение цифровой идентичности. Динамичный поиск себя без ограничения рамок социальных структур приводит к формированию популярной среди студенческой молодежи стратегии «социального серфинга». Аморфность этических принципов способствует формированию релятивизма в студенческой среде. С выводом о популярности векторов на самореализацию согласны и другие исследователи: «актуальна ориентация на самореализацию, комфорт и свободу, максимально выражена у студенческой молодежи. Трудные жизненные ситуации воспринимаются по факту, по мере наступления, ибо горизонт планирования минимален и стратегических планов молодежь по-прежнему не строит. Главный запрос от жизни – в топе быть счастливым и наслаждаться жизнью, получая от нее удовольствие» [4, с. 88].

Выделим ключевые векторы динамики ценностных ориентаций по итогам исследований.

1. Рост значимости самореализации.

Самореализация остается одной из доминирующих ценностей для студентов. Это подтверждается следующими данными:

- в 2021 году 89% студентов назвали «самостоятельность и уверенность в своих силах» ключевым качеством, к которому они стремятся;
- ценность «реализация своих способностей» занимает высокие позиции в иерархии (8,76 балла из 10 в 2025 году).

Эти данные свидетельствуют о том, что современные студенты стремятся не просто к получению профессии, но и к раскрытию своего потенциала, что отражает усиление индивидуалистических тенденций.

2. Популярность социальных связей и знакомств.

Несмотря на рост индивидуализма, социальные связи остаются важными для студентов:

- ценность «друзья» стабильно занимает высокие позиции (8,1 балла в 2025 году);
- в представлениях об успехе «интересный круг общения, верные друзья» отмечают 21–24% опрошенных;
- однако наблюдается снижение значимости коллективистских ценностей: только 38% студентов в 2025 году считают взаимовыручку основой культуры (против 48% в 2002 году).

Этот вектор отражает амбивалентность: с одной стороны, студенты ценят близкое окружение, с другой – их запрос на глубокие социальные связи снижается.

3. *Усиление прагматизма.* Прагматические ценности, такие как материальное благополучие и стабильность, становятся все более значимыми:

- мотивы поступления в вуз, связанные с высокооплачиваемой работой, назвали 72% опрошенных в 2020 году. Эти данные подтверждают, что студенты рассматривают образование как инструмент достижения финансовой устойчивости.

4. Социальная атомизация.

Тенденция к социальной атомизации проявляется в следующих аспектах:

- доля студентов, согласных с утверждением «Человек должен находить поддержку в группах», снизилась с 70% в 2002 году до 47% в 2025 году;
- увеличилось число тех, кто считает, что «по-настоящему доверять можно только себе» (с 46% до 36% за тот же период).

Эти изменения указывают на рост индивидуализма и снижение значимости коллективных форм взаимодействия.

5. Запрос на социальную стабильность

Социально-экономические риски усиливают запрос на стабильность:

- «Стабильное положение, уверенность в завтрашнем дне» как компонент успеха отмечают 21–23% студентов;
- в условиях пандемии и геополитической нестабильности ценность «здоровье» вышла на первое место (8,95 балла в 2025 году);
- на фокус-группах студенты часто упоминали необходимость «комфорта» и «безопасности» как ключевых условий жизни. Этот вектор отражает реакцию молодежи на внешние кризисы и неопределенность.

6. Популярность собственной эффективности.

Ценности, связанные с личной эффективностью, становятся все более востребованными:

- «Самостоятельность и уверенность в своих силах» – 89% в 2021 году;
- «Предприимчивость, активность» – 24% студентов стремятся к этим качествам;
- увеличивается доля студентов, готовых идти против мнения большинства (с 49% в 2002 году до 68% в 2025 году).

Рост значимости предприимчивости и деловой хватки (с 45% в 2007 г. до 60% в 2020 г.):

- высокий рейтинг качеств «Самостоятельность» (89%) и «Умение рисковать» (32%).

Эти данные свидетельствуют о росте значимости самозаинтересности и независимости в студенческой среде.

Таким образом, векторы в динамике ценностных ориентаций студенческой молодежи обусловлены следующими факторами: адаптационные стратегии, жизненная стратегия саморазвития, влияние «общества потребления», влияние социальных рисков и трансформаций, трансформация социальной идентичности под влиянием новых институтов (например, институт волонтерства) и др. А также отражают процессы в ценностном созна-

нии студенческой молодежи, которые являются в том числе результатом институциональных преобразований в российском обществе. Отсутствие социальных гарантий выпускникам вузов и распределения после обучения, переход к рынку и нестабильная работа социальных институтов повлекли формирование установки на еще большую прагматизацию, индивидуализм, опору только на свои силы.

Вектор на повышение популярности альтруистических ценностей стоит использовать для формирования программ по вовлечению студенческой молодежи патристические и волонтерские активности.

Выводы

Во многом, ценностная структура студенческой молодежи прожективна, направлена в будущее и во многом имеет декларативный характер. Поэтому, надо рассматривать динамику ценностных ориентаций студентов в темпоральном измерении. Только в условиях планов, целей задач становится понятна содержательная часть ценностных ориентаций. Ключевые ценности семья, здоровье, работа, самореализация также артикулируются студентами в ходе фокус групп, однако их смысловое наполнение во многом обусловлено горизонтом планирования, на который влияют восприятие рисков и возможностей. Выделенные показатели демонстрируют, что ценностные ориентации студенческой молодежи находятся в постоянной динамике, отражая как глобальные социальные тренды (индивидуализация, прагматизм), так и локальные вызовы (нестабильность, кризисы).

Литература

1. Тазов П.Ю. Динамика ценностных ориентаций студентов ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» в 2001–2018 гг. // Вестник университета. – 2019. – № 7. – С. 178–186. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/1624> (дата обращения: 12.10.2019).
2. ВЦИОМ: восемь из десяти браков в РФ в 2024 году распадались. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/22702277> (дата обращения: 21.03.2025).
3. Межличностное доверие [Электронный ресурс] // ФОМ. – URL: <https://fom.ru/TSennosti/14905> (дата обращения: 04.03.2025).

4. Молодежь в условиях новой геополитической реальности: монография / А.В. Пономарев, Ю.Р. Вишневский, И.С. Крутько [и др.]; под общей редакцией А.В. Пономарева, Н.В. Поповой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023. – 184 с.

VALUE ORIENTATIONS OF MANAGEMENT UNIVERSITY STUDENTS: FEATURES, DYNAMICS, AND VECTORS

Tazov P.Y.

State University of Management

The article presents the results of research on the value orientations of students at the State University of Management for the period 2001–2025. The vectors of the dynamics of students' value orientations are highlighted. The results of focus groups help to look at the survey results from the perspective of the relationship between real and declared value orientations. The declared values that are visible in the survey results only show the desired state and knowledge about what is expected. The key values of family, health, work, and self-realization are also articulated by students during focus groups, but their meaning is largely determined by the temporal characteristics of the students' semantic field.

Keywords: students' value orientations, values, dynamics of students' values, value consciousness, transformation of students' values, and vectors of the dynamics of students' value orientations.

References

1. Tazov P. Yu. Dynamics of Value Orientations of Students of the State University of Management in 2001–2018 // University Bulletin. – 2019. – № 7. – Pp. 178–186. [Electronic resource] – Access mode: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/1624> (accessed on 12.10.2019).
2. VTsIOM: eight out of ten marriages in the Russian Federation ended in divorce in 2024. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/22702277> (accessed on 21.03.2025)
3. Interpersonal Trust [Electronic resource] // FOM. – URL: <https://fom.ru/TSennosti/14905> (date of access: 03/04/2025).
4. Youth in the conditions of a new geopolitical reality: a monograph / A.V. Ponomarev, Yu.R. Vishnevsky, I.S. Krutko [et al.]; edited by A.V. Ponomarev, N.V. Popova; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Uralsky Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. – Yekaterinburg: Ural University Press, 2023. – 184 p. – P. 88.

Дистанционные цифровые творческие сообщества инвалидов как точка соприкосновения искусства инвалидов и здоровых людей

Тринадцатко Антон Александрович,

кандидат социологических наук, Высшая школа менеджмента,
Тихоокеанский государственный университет
E-mail: anton13–176@rambler.ru

В статье исследуется отношение здоровых граждан к творческой деятельности инвалидов, как равноправных членов современного гражданского общества. На основе данных авторского социологического опроса установлено, что обычные граждане достаточно хорошо знакомы как с произведениями искусства, посвященными жизни инвалидов, так и знают об известных личностях в сфере искусства, имеющих инвалидность. В то же время нормотипичные люди практически не интересуются творческой деятельностью инвалидов, проживающих рядом с ними. Обосновывается тезис о том, что дистанционные цифровые творческие сообщества инвалидов, являясь редуцированным инвариантом очных инклюзивных коллективов, отличаются от последних тем, что предоставляют инвалидам возможность осуществлять творческий процесс без помощи здоровых людей, производя высококачественные, востребованные инвалидами аудиопродукты. Отмечается, что около 4% нормотипичных людей готовы участвовать в деятельности таких дистанционных коллективов. Делается вывод о том, что такие дистанционные коллективы выступают новой формой творческого взаимодействия инвалидов и здоровых людей. В них инвалид полностью независим от здоровой части общества в своем творческом процессе, а обычные люди получают возможность реализовать свой художественный потенциал без дополнительных социальных обязательств.

Ключевые слова: инвалиды, нормотипичные люди, искусство инвалидов, дистанционное цифровое сообщество, цифровое пространство, социокультурная реабилитация, художественно-созидательная деятельность, художественный результат, аудиоспектакль.

Введение

Ратификация РФ в 2012 г. Конвенции ООН «О правах инвалидов» обусловила повышение внимания отечественных политических и социальных институтов к решению проблем, с которыми люди с инвалидностью сталкиваются в своей повседневной жизни, что нашло свое отражение в значительном изменении норм российского законодательства, гарантирующего равные права для инвалидов в различных сферах жизни общества [1; 2; 3; 4]. Наиболее заметные результаты процессов социальной интеграции и инклюзии стали видны в образовательном, спортивном и культурном секторах социальной жизни, в то время как, например, профессионально-трудовая сфера до сих пор является слабодоступной для инвалидов, относимых нормотипичным социумом к дискредитируемой стигмагруппе данной общности.

Несмотря на то, что инвалидов дискредитированного стигматипа, благодаря происходящим изменениям, все чаще можно встретить в общественных местах [5], непосредственно результаты социальной интеграции инвалидов в различные сегменты социальной жизни российского общества, остаются за рамками внимания последнего. В то же время, создание инклюзивной среды в социальных учреждениях, повышение доступности дорожно-транспортной инфраструктуры и социальных объектов, социальная реклама, новостные репортажи, художественные фильмы и книги привели к повышению уровня информированности российских граждан о повседневных проблемах людей с особыми потребностями, но не смогли повлиять на формирование у них интереса к таким важным социальным направлениям культуры инвалидов, как спорт и искусство, которые как органами власти, так и обычными гражданами чаще всего рассматриваются в качестве инструментов реабилитации и социальной адаптации, а также способа организации и проведения досуга [5; 6; 7; 8].

Так, например, со спортивными достижениями лиц с инвалидностью нормотипичные представители социума обычно могут ознакомиться только в период проведения паралимпийских игр, в то время как с продуктами творческой деятельности лиц, относящихся к дискредитированной когорте инвалидов, здоровые граждане преимущественно не знакомы вовсе, за исключением случаев, когда конкретный человек с инвалидностью является результатом целенаправленного арт-промоутинга.

Необходимо отметить, что вопрос непосредственного использования искусства, как инструмента социальной реабилитации, социальной адаптации и интеграции людей с инвалидностью тяжелых нозологий как в отечественной, так и зарубежной научной литературе исследован достаточно хорошо. Так, роль инклюзивных театральных коллективов в процессе социокультурной реабилитации, социальной интеграции и реализации творческого потенциала инвалидов изучали Л.М. Кушнаренко, Р.В. Данилин и И.А. Ахметшина, В.И. Маламура и др.

Театротерапию и драмотерапию, как технологии социокультурной реабилитации инвалидов исследовали Ю.В. Турчанинова, А.В. Шаровская, К. О'Рейли [9] и др. Инклюзивный оперный театр, как пространство, в кото-

ром сочетаются процессы социокультурной реабилитации, реализации творческого потенциала и духовного формирования людей с ОВЗ изучала Е.Б. Долинская. а использование разнообразных технологий арт-терапии в процессе реабилитации лиц с инвалидностью исследовали А.И. Копытина, Г.В. Ганьшина, Е.С. Пяткина и Е.С. Гринина и др.

В то же время, исследователи расходятся во мнении относительно того, способны ли инвалиды некоторых нозологий к определенным видам художественно-созидательной деятельности, может ли быть получен в результате такой деятельности культурный продукт, обладающий ценностью не как предмет искусства инвалидов, а как результат искусства инвалидов, интересный нормотипичным ценителям результатов конкретного вида творчества [10; 11; 12].

Кроме того, создание инклюзивной среды в различных направлениях социальной сферы, например, условий для появления самостоятельных инклюзивных творческих, в т.ч. театральных, коллективов, не получило широкого распространения в физическом мире, а анимационные продукты, созданные ими, оказались не востребованы массовым зрителем. Причинами последнего выступили общий низкий интерес здоровой части социума к непрофессиональной сценической деятельности инвалидов, неготовность арт-специалистов к длительной работе с инвалидами на общественных началах, самостоятельный статус инклюзивных коллективов, не подразумевающий осуществление финансирования их деятельности и наличия репетиционной и сценической площадки, локализация таких коллективов в отдельных населенных пунктах и отсутствие видеоверсий их сценических продуктов в сети Интернет, а также преимущественное фокусирование подобных коллективов на выполнении реабилитационной, а не художественно-созидательной функции.

Таким образом, вопрос совместного равноправного сосуществования нормотипичных людей и лиц с инвалидностью в одном социокультурном пространстве, когда преобладающая часть социума вполне логично уделяет внимание субъектам и продуктам массовой культуры, но не проявляет интереса к культурным продуктам искусства инвалидов, зачастую имеющим высокую художественную ценность, не утрачивает своей актуальности.

Материалы исследования

Согласно результатам опроса ВЦИОМ, проведенного в 2021 г., 62% россиян лично знакомы с людьми с инвалидностью, 30% с такими людьми лично не знакомы и 8% сами имеют инвалидность. При этом, около четверти (23%) опрошенных достаточно часто сталкиваются с людьми с инвалидностью в общественных местах, в то время, как не встречают таких людей всего 9% [5]. Если учесть, что человек однозначно идентифицируется нормотипичными представителями социума как инвалид только в случае его соответствия внешним, визуально определяемым, критериям, например, наличие характерных технических средств реабилитации (ТСР), использование жестового языка, присутствие сопровождающего лица или собаки-проводника и т.п., то мы можем заключить, что физическое пространство населенных пунктов стало более доступным для инвалидов, относящихся к дискредитированному стигматипу. Нельзя не отметить и рост доступности для инвалидов объектов цифрового пространства, о чем свидетельствуют социологические опросы, проводимые и среди лиц с инвалидностью, и среди здоровых граждан, что, тем не менее, не отменяет ак-

туальности вопроса повышения доступности обеих сред, особенно для лиц с тяжелыми нарушениями зрения [13].

Одновременно, как уже отмечалось выше, можно констатировать, что ряд направлений общественной жизни, таких, например, как спортивная или социокультурная, стали для инвалидов дискредитированного стигматипа гораздо более доступными, хотя и не привели к росту интереса нормотипичных представителей социума к достижениям инвалидов в этих сферах, продолжающих функционировать в рамках культурной модели инвалидности. Об этом, в частности, свидетельствует авторский социологический опрос 210 здоровых граждан (без инвалидности или ОВЗ), проведенный в зимне-весенний период 2025 г. Согласно результатам опроса, спортивными результатами инвалидов, не связанными с паралимпийскими играми, здоровые члены социума не интересуются вовсе, а за паралимпийскими играми наблюдает около 7% (15 чел.) информантов.

Значительно лучше обстоит ситуация относительно искусства инвалидности, под которым понимаются художественные продукты (художественные фильмы и книги, театральные-сценические продукты, живопись, скульптура и пр.), посвященные различным аспектам жизни инвалидов. Так, результаты авторского опроса показывают, что:

- 84% (177 чел.) респондентов слышали, видели или читали об известных людях с инвалидностью;
- 75% (157 чел.) смогли назвать как минимум одного известного человека с инвалидностью;
- 73% (153 чел.) назвали хотя бы одного человека искусства с инвалидностью;
- 36% (76 чел.) смогли назвать лиц с инвалидностью, не относящихся к сфере искусства;
- 8% (17 чел.) смогли назвать знаменитых военачальников или военных, имевших инвалидность вследствие полученных ранений;
- 72% (151 чел.) смогли назвать хотя бы одну художественную работу (фильм, книгу, спектакль и пр.), персонажи которых имели инвалидность;
- 71% (149 чел.) респондентов смотрели художественные фильмы, персонажи которых являлись инвалидами различных нозологий;
- 27% (57 чел.) смотрели художественные фильмы, снятые о известных личностях, имеющих инвалидность с рождения или раннего детства, либо ставших инвалидами во взрослом возрасте;
- 58% (122 чел.) читали художественные книги, персонажи которых имели инвалидность или относились к людям с ОВЗ;
- 4% (9 чел.) смотрели театральные постановки, персонажи которых имели инвалидность.

Из приведенных данных мы видим, что в массовой культуре образ инвалида встречается достаточно часто. При этом, четверть российских граждан (25%) согласно опроса ВЦИОМ [5] или 21%, по результатам авторского исследования, итак достаточно хорошо представляют себе особенности жизнедеятельности инвалидов, поскольку проживают с ними в одной семье.

Среди лиц с инвалидностью, не связанных со сферой искусства, наиболее часто упоминаемыми людьми стали: ученый-физик Стивен Хокинг (27%), мотивационный оратор Ник Вуйчич (13%), военные инвалиды – советский летчик Алексей Маресьев (8%) и британский адмирал Горацио Нельсон (6%), президент США Франклин Рузвельт (6%). При этом основными источниками информации о данных личностях выступили: художественные фильмы (Стивен Хокинг – 27%), телепередачи (Ник Вуйчич – 13%), художественные книги (Алексей Маресьев –

8%), публикации в периодических изданиях и сети Интернет (24%).

В контексте искусства инвалидности мы можем отметить следующую особенность – 38% (80 чел.) опрошенных, смотря художественный фильм или читая художественную книгу, главный персонаж которых являлся инвалидом, не воспринимали этого персонажа в данном статусе и не ассоциировали с теми людьми с инвалидностью, с которыми они сталкиваются в окружающем мире. В то же время, в ходе исследования было установлено, что: 73% (153 чел.) знают хотя бы одного человека искусства, имеющего инвалидность, но при этом только 15% (31 чел.) знакомы с художественными продуктами, являющимися результатом индивидуального или коллективного творчества инвалидов. Кроме того, об инвалидности очень известных в сфере культуры и искусства людей знают около трети опрошенных (68 чел.).

Среди представителей сферы искусства, имеющих инвалидность, чаще всего упоминались Диана Гурцкая (58%), Людвиг ван Бетховен (53%), Гомер (31%), Питер Динклейдж (27%), Эдуард Асадов (26%), Николай Островский (15%), Данил Плужников (14%), Юлия Самойлова (14%), Стив Уандер (11%), Рей Чарльз (10%), Фрида Калло (5%), Форрест Уитакер (3%). Еще около 30 известных представителей сферы искусства, относящихся к дискредитированному стигматипу, были названы не более 2% респондентов. Мы видим, что чаще всего нормотипичными респондентами назывались лица с инвалидностью, достаточно часто появляющиеся на экране либо о жизни которых были сняты художественные фильмы, лица, внесшие весомый вклад в культуру, а также лица, относящиеся к личностям, чье творчество изучалось или изучается в средней школе.

К числу известных людей с инвалидностью, упоминание о которых не превысило 2%, относятся, например, американская слепоглухонемая писатель, преподаватель и общественный деятель Хелен Келлер, ирландский поэт с ДЦП Крис Нолан, ирландский художник, поэт и писатель с ДЦП Кристи Браун, известный слепой итальянский оперный певец Андреа Бочелли, инвалиды ВОВ Зиновий Гердт и Анатолий Папанов, популярный советский писатель-фантаст Александр Беляев, российский писатель Рубен Гальего, американские киноактеры Майкл Джей Фокс, Джонни Депп и Питер Фальк.

Более того, известные в сфере искусства личности, сумевшие интегрироваться в социум и адаптировавшиеся к творческому процессу, скрывающие при этом свои физические недостатки, обычно не стигматизируются социумом вообще и своими поклонниками в частности, как инвалиды. Это, например, относится к таким популярным американским актерам, как Майкл Джей Фокс, (болезнь Паркинсона), Джонни Депп, Питер Фальк и Форрест Уитакер, имеющим серьезные проблемы со зрением, а также инвалидам ВОВ, популярным советским артистам Зиновию Гердту и Анатолию Папанову. Многие из представителей сферы искусства, имеющие инвалидность и способные ее скрыть, открываются обществу только тогда, когда уже достигли успеха в своей творческой деятельности (Питер Фальк, Джонни Депп, Форрест Уитакер, Генри Сэмюэл).

Однако в последние годы наметилась тенденция вовлечения в некоторые направления массовой культуры и искусства людей, относящихся к когорте инвалидов дискредитированного стигматипа, инвалидность которых не является секретом, при соблюдении условия, что для их участия в художественных проектах не требуется создание специальных условий. Примерами таких представителей дискредитированной когорты инвалидов выступают американская комедийная киноактриса

Джери Джевелл (ДЦП), молодой американский киноактер Ар-Джей Митт (ДЦП), глухонемая американская киноактриса Лорен Ридлофф, американская киноактриса и модель Джейми Брюэр (синдром Дауна), французский киноактер, продюсер и шоумен Жамель Деббуз (нарушения ОДА).

В то же время, мы можем констатировать факт того, что инвалиды с тяжелыми физическими или ментальными нарушениями, крайне слабо представлены в анимационном жанре, за исключением незрячих музыкантов, работающих в вокально-сценическом направлении. В кинематографе же или театральном искусстве, численность инвалидов с тяжелыми физическими или ментальными нарушениями однозначно стремиться к нулю.

Таким образом, мы можем утверждать, что в контексте феномена искусства инвалидов, создаваемые инвалидами дискредитированного стигматипа локальные культурные продукты достаточно слабо интересуют здоровую часть социума. Примером безразличного отношения нормотипичной части общества к творчеству инвалидов являются социально-культурные мероприятия, проводимые в связи с празднованием национальных и международных дат, в той или иной степени имеющих отношение к инвалидам. Так, среди опрошенных лиц только 9% указали, что имеют опыт посещения таких мероприятий, в т.ч. по следующим причинам:

- в качестве лица, сопровождающего инвалида или в качестве члена его семьи – 6%;
- в качестве волонтера – 1%;
- в качестве сотрудника организации, ответственной за проведение такого мероприятия или в качестве сотрудника организации, на территории которой проводилось данное мероприятие – 1%;
- в качестве сотрудника организации, занимающейся работой с инвалидами – 1%;

Отметим, что в нормотипичном сегменте российского общества по-прежнему достаточно устойчивы социальные аттитуды относительно возможностей инвалидов быть акторами некоторых сфер искусства и культуры. Например, среди наиболее распространенных социальных аттитудов в отношении totally незрячих и слабо-видящих инвалидов, выделяются следующие: инвалидам по зрению недоступно изобразительное искусство и его инварианты (88%); инвалиды по зрению не могут заниматься театрально-сценической деятельностью (68%); инвалидам по зрению недоступно танцевальное искусство (65%).

Аналогичная картина складывается и с другими нозологиями лиц с инвалидностью, относящихся к дискредитированной когорте. Например, глухие и слабослышащие люди не способны к видам творчества, в которых подразумевается использование речи или музыки, в частности, пение, игра на музыкальных инструментах (77%), театрально-сценическое искусство (73%), танцы (54%). Инвалидам-колясочникам недоступно танцевальное мастерство (71%), а лицам с дефектами верхних конечностей – рисование, художественная лепка и пр. (46%). При этом, ни один из респондентов не смог назвать ни одного творческого коллектива инвалидов, функционирующих как в очном, так и в дистанционно-цифровом формате, достаточно хорошо известных среди лиц с инвалидностью конкретной нозологии.

В целом мы можем утверждать, что наличие феномена инвалидности достаточно четко осознается современным российским обществом, что подтверждается как результатами социологических опросов ВЦИОМ, так и авторскими исследованиями. Постоянный рост числа художественных произведений, персонажи которых имеют инвалидность, интеграция в физическую

архитектурно-инфраструктурную среду приспособлений, делающих ее более доступной для лиц с ограниченной мобильностью, инклюзивное образование и спорт повышают уровень информированности здоровых российских граждан о проблемах инвалидов, прежде всего относящихся к дискредитированной группе.

Одновременно с этим, результаты авторского социологического исследования показывают, что несмотря на проводимую в РФ политику ликвидации социальной эксклюзии и сегрегации граждан по состоянию здоровья, создания условий для реализации инвалидами своих гражданских прав, привлечения внимания общества к жизни людей с особыми потребностями, общий уровень информированности населения относительно творческой деятельности непосредственно инвалидов, остается невысоким.

В то же время, развитие цифровых технологий и временное введение социальных ограничений, обусловленное пандемией коронавируса COVID-19, привели к формированию в информационно-коммуникационном пространстве дистанционных творческих коллективов, состоящих только из инвалидов, в подавляющем большинстве случаев, имеющих тяжелые нарушения зрительной функции.

Дистанционный цифровой формат обусловил независимость таких коллективов от здоровых граждан, позволяя участникам приобретать новые цифровые и творческие навыки и реализовывать свой художественный потенциал путем создания высококачественных аудиопостановок и аудиоспектаклей, востребованных в среде инвалидов по зрению [14; 15]. В таких дистанционных коллективах инвалиды по зрению, в отличие от очного инварианта, являются абсолютно независимыми, самостоятельно выполняя все функции, которые в объективном мире берут на себя зрячие участники.

Однако ограниченный численный состав наиболее продуктивных цифровых творческих сообществ инвалидов, побуждает их привлекать к участию в своих проектах и зрячих индивидов, что приводит к созданию в информационно-коммуникационном пространстве новой для него формы взаимодействия инвалидов и здоровых людей, аналогичной очному денотату, но отличающейся от него тем, что в данном случае организационную, координационную и художественно-созидательную функции берут на себя не здоровые люди, а незрячие индивиды. Логично, что творческая деятельность таких коллективов имеет определенную специфику, а вовлечение здоровых людей в созидательный процесс осуществляется по остаточному принципу, предоставляя им, тем не менее, возможность получить определенный творческий опыт и реализовать имеющийся художественный потенциал, что зачастую, по различным причинам, невозможно в реальном мире [16].

К числу основных особенностей вовлечения в такую деятельность здоровых людей относятся:

- вовлекаемый человек без инвалидности обычно относится к ближнему социальному окружению незрячего участника коллектива;
- зрячий индивид не имеет опыта в реальной или виртуальной сценической деятельности, что обусловлено как отсутствием контактов незрячих участников таких коллективов с представителями театрального искусства, так и общим низким уровнем интереса зрячих индивидов к такому виду творчества;
- привлекаемый зрячий человек не имеет необходимых навыков, в результате чего обычно озвучивает вторые или эпизодические роли;
- зрячий человек чаще всего имеет творческий потенциал и нереализованную потребность в уча-

стии в различных видах сценического искусства, но не может себе этого позволить в реальном мире.

В целом мы можем констатировать, что дистанционные цифровые творческие объединения инвалидов по зрению, выпускающие качественные аудиопродукты, востребованные в среде незрячих граждан, зачастую знакомы только небольшой части зрячих людей, обычно относящихся к ближнему социальному окружению инвалидов, являющихся потребителями, участниками или создателями таких аудиопродуктов, а также нормотипичным гражданам, которые, в силу своих профессиональных обязанностей, изучают и применяют арт-терапевтические практики при реабилитационной работе с инвалидами.

В подавляющем большинстве случаев, здоровые люди, включая ближнее социальное окружение инвалидов, не интересуются дистанционной цифровой художественно-созидательной деятельностью людей с инвалидностью, не знакомы с созданными ими произведениями и не воспринимают результаты их творчества как продукты искусства, имеющие художественную ценность. Об этом свидетельствуют, например, результаты дистанционного социологического опроса, проведенного в форме полуструктурированного интервью, 24 участников «Театральной студии «Премьера», являющихся инвалидами с тяжелыми нарушениями зрительной функции.

Согласно полученным результатам, близкие родственники, друзья и коллеги не интересуются их виртуальной творческой деятельностью, считая ее чем-то незначительным и неинтересным. Этот момент отметили 87,5% (21 чел.) информантов. Еще 8,3% (2 чел.) указали, что вовлекают в процесс создания театрализованных аудиопродуктов своих зрячих детей. Оставшийся 1 чел. (4,2%) констатировал, что, имея широкие социальные контакты, обусловленные его профессиональной деятельностью, привлекает к участию в крупных аудиоспектаклях зрячих индивидов, которые проявляют интерес к такому виду творчества, однако обозначил, что число таких индивидов не превышает 4% от общей численности конкретной малой социальной общности. В то же время участники «Театральной студии «Премьера» отметили, что привлеченные зрячие индивиды, не имея необходимых речевых навыков, обычно более обучаемы и гибки в процессе создания театрализованного аудиопродукта, нежели инвалиды по зрению, проявляющие интерес к таким дистанционным цифровым сообществам [16].

Одним из примеров вовлечения зрячих людей в дистанционный процесс создания крупного театрализованного аудиопродукта совместно с инвалидами по зрению, выполненного в рамках цифрового творческого коллектива «Театральная студия «Премьера», является аудиоспектакль «Ромео и Джульетта», продолжительностью более 5 ч. [17; 18]. В данном проекте приняли участие 30 чел., из которых 80% (24 чел.) являлись инвалидами с тяжелыми нарушениями зрения, 20% (6 чел.) – зрячими людьми [16].

Заключение

Таким образом мы можем заключить, что несмотря на достаточно низкий интерес нормотипичной части социума к творчеству инвалидов вообще и современному направлению искусства инвалидов – театрализованным аудиоспектаклям, самостоятельно создаваемым дистанционными цифровыми коллективами инвалидов по зрению в частности, в обществе существует прослойка зрячих лиц, интересующихся новыми формами художественно-

созидательной деятельности и готовых принимать участие в творческой деятельности инвалидов, не беря на себя при этом ключевые роли. Одновременно с этим, создаваемые такими дистанционными цифровыми творческими коллективами инвалидов художественные продукты, с одной стороны выступают объективным результатом реализации творческого потенциала, игровых и цифровых навыков лиц с инвалидностью, и, с другой стороны, зачастую не уступая по качеству аудиопостановкам, сделанным профессиональными артистами, дают возможность инвалидам проявить свою самостоятельность и независимость от зрячего окружения, что обычно недоступно им в физическом мире.

Для зрячих граждан такие совместные проекты выступают способом получения нового опыта, простым вариантом апробации своих артистических способностей и реализации художественного потенциала, возможностью попробовать себя в роли актера, что в большинстве случаев представляется для них проблематичным в обыденной жизни. Кроме того, дистанционные цифровые творческие сообщества инвалидов выступают новой для цифрового пространства формой совместной художественно-созидательной деятельности инвалидов и здоровых людей, которая, в отличие от очного прототипа, хоть и представляет собой его редуцированный в личностно-коммуникативном плане вариант, но зато обеспечивает инвалидам полную творческую независимость, что недоступно для них в объективной реальности, позволяя самостоятельно осуществлять художественно-созидательный процесс и выполнять все те функции, которые в очных инклюзивных творческих коллективах берут на себя зрячие участники.

Литература

1. КонсультантПлюс: Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 25.08.2025).
2. КонсультантПлюс: Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 25.08.2025).
3. КонсультантПлюс: Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 27.08.2025).
4. Минтруд России: Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» [Электронный ресурс]. – URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0> (дата обращения: 25.08.2025).
5. ВЦИОМ: Инвалиды и общество: положение, отношение, проблемы [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/invalidy-i-obshchestvo-polozhenie-otnoshenie-problemy> (дата обращения: 25.08.2025).
6. ВЦИОМ: Инклюзивное образование: перспективы, барьеры и социальные эффекты [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/inkluzivnoe-obrazovanie-perspektivy-barery-i-socialnye-ehffekty> (дата обращения: 25.08.2025).
7. ВЦИОМ: Хрупкие люди: как помочь? [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khrupkie-ljudi-kak-pomoch> (дата обращения: 25.08.2025).
8. ФОМ: Уровень инклюзии инвалидов в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://fom.ru/TSennosti/14952> (дата обращения: 25.08.2025).
9. O'Reilly K. A playwright reflects on «alternative dramaturgies» / K. O'Reilly // Research in Drama Education: The Journal of Applied Theatre and Performance. – 2009. – Т. 14. – № 1. – С. 31–35.
10. Кантор В.З. Художественный потенциал инвалидов по зрению как проблема реабилитационной тифлопедагогики и тифлопсихологии (методологический аспект) / В.З. Кантор // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 100. – С. 104–115.
11. Якупов А.Н. Социокультурная реабилитация в контексте специализированного образования инвалидов в России / А.Н. Якупов // Культура и образование. – 2015. – № 4 (19). – С. 61–75.
12. Тринадцатко А.А. Театрально-сценическое искусство как инструмент повышения социальной активности инвалидов по зрению / А.А. Тринадцатко // Социодинамика. – 2021. – № 4. – С. 1–21. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.4.35415.
13. ВЦИОМ: Технологии с (не)ограниченными возможностями [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-s-neogranichennymi-vozmozhnostjami> (дата обращения: 25.08.2025).
14. Тринадцатко А.А. Цифровые дистанционные сообщества инвалидов по зрению как среда реализации их социокультурного потенциала / А.А. Тринадцатко // Социология. – 2023. – № 2. – С. 70–80.
15. Тринадцатко А.А. Цифровые дистанционные творческие объединения инвалидов как устойчивый инвариант художественных офлайн-коллективов / А.А. Тринадцатко // Социология. – 2025. – № 6. – С. 108–115.
16. Тринадцатко А.А. Возможности реализации художественного потенциала инвалидов по зрению в цифровом пространстве / А.А. Тринадцатко // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 6. – С. 45–48.
17. AV3715: Электронная онлайн-библиотека ИПТК «Логос». Шекспир У – Ромео и Джульетта [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.av3715.ru/library/search.php> (дата обращения: 25.08.2025).
18. Вконтакте: Театральная студия «Премьера» [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/stpremiera?from=groups> (дата обращения: 25.08.2025).

REMOTE DIGITAL CREATIVE COMMUNITIES OF DISABLED PEOPLE AS A POINT OF CONTACT BETWEEN ART OF DISABLED AND HEALTHY PEOPLE

Trinadtsatko A.A.

Pacific National University

The article examines the attitude of healthy citizens to the creative activities of disabled people as equal members of modern civil society. Based on the data of the author's sociological survey, it was established that ordinary citizens are quite familiar with works of art dedicated to the lives of disabled people, and they also know about famous personalities in the field of art who have disabilities. At the same time, normotypical people are practically not interested in the creative activities of disabled people living near them. The thesis is substantiated that remote digital creative communities of disabled people, being a reduced invariant of face-to-face inclusive groups,

differ from the latter in that they provide disabled people with the opportunity to carry out the creative process without the help of healthy people, producing high-quality audio products that are in demand by disabled people. It is noted that approximately 4% of normotypic people are ready to participate in the activities of such remote groups. It is concluded that such remote groups are a new form of creative interaction between disabled and healthy people. In them, the disabled person is completely independent from the healthy part of society in his creative process, and ordinary people get the opportunity to realize their artistic potential without additional social obligations.

Keywords: disabled people, normal people, art of disabled people, remote digital community, digital space, sociocultural rehabilitation, artistic and creative activity, artistic result, audio performance.

References

1. ConsultantPlus: Federal Law "On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation" dated 24.11.1995 No. 181-FZ (latest revision) [Electronic resource] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (date accessed: 25.08.2025).
2. ConsultantPlus: Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated 29.12.2012 No. 273-FZ (latest revision) [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date accessed: 25.08.2025).
3. ConsultantPlus: Passport of the national project «National Program "Digital Economy of the Russian Federation"» (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, protocol of June 04, 2019 No 7) [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (date accessed: 25.08.2025).
4. Ministry of Labor of Russia: State program of the Russian Federation "Accessible Environment" [Electronic resource]. – URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0> (date accessed: 25.08.2025).
5. VTsIOM: Disabled people and society: situation, attitude, problems [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/invalidy-i-obshchestvo-polozhenie-otnoshenie-problemy> (date accessed: 25.08.2025).
6. VTsIOM: Inclusive education: prospects, barriers and social effects [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/inkluzivnoe-obrazovanie-perspektivny-barery-i-socialnye-ehffekty> (date accessed: 25.08.2025).
7. VTsIOM: Fragile people: how to help? [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khrupkie-ljudi-kak-pomoch> (date accessed: 25.08.2025).
8. FOM: Level of inclusion of disabled people in Russia [Electronic resource]. – URL: <https://fom.ru/TSennosti/14952> (date accessed: 25.08.2025).
9. O'Reilly K. A playwright reflects on «alternative dramaturgies» / K. O'Reilly // Research in Drama Education: The Journal of Applied Theatre and Performance. – 2009. – Vol. 14. – No 1. – P. 31–35.
10. Kantor V.Z. Artistic potential of visually impaired people as a problem of rehabilitation typhlopedagogy and typhlopsychology (methodological aspect) / V.Z. Kantor // Bulletin of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. – 2009. – No. 100. – P. 104–115.
11. Yakupov A.N. Sociocultural rehabilitation in the context of specialized education for disabled people in Russia / A.N. Yakupov // Culture and education. – 2015. – No. 4 (19). – P. 61–75.
12. Trinadtsatko A.A. Theater and stage arts as a tool for increasing the social activity of visual disableds / A.A. Trinadtsatko // sociodynamics. – 2021. – No 4. – P. 1–21. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.4.35415.
13. VTsIOM: Technologies with (un)limited possibilities [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-s-neogranichennymi-vozmozhnostjami> (date accessed: 25.08.2025).
14. Trinadtsatko A.A. Digital distance communities of visually impaired people as an environment for realizing their socio-cultural potential / A.A. Trinadtsatko // Sociology. – 2023. – No. 2. – P. 70–80.
15. Trinadtsatko A.A. Digital remote creative associations of disabled people as a stable invariant of offline artistic groups / A.A. Trinadtsatko // Sociology. – 2025. – No. 6. – P. 108–115.
16. Trinadtsatko A.A. Possibilities of realizing the artistic potential of visually impaired people in the digital space / A.A. Trinadtsatko // Social and humanitarian knowledge. – 2023. – No. 6. – P. 45–48.
17. AV3715: Electronic online library of the IPTK "Logos". Shakespeare W. – Romeo and Juliet [Electronic resource]. – URL: <https://www.av3715.ru/library/search.php> (date accessed: 25.08.2025).
18. V Kontakte: Theatre studio "Premiere" [Electronic resource]. – URL: <https://vk.com/stpremiera?from=groups> (date accessed: 25.08.2025).

Формирование профессиональной идентичности государственных служащих: роль и задачи системы образования

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС Санкт-Петербург)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

В статье рассматривается задача формирования профессиональной идентичности в системе образования для государственных служащих. Отмечается, что данная задача не может быть решена в полном объеме по ряду обстоятельств, поэтому речь может идти только о становлении начальной профессиональной идентичности. Тем не менее, решению данной задачи в максимально полной мере в системе образования должно уделяться значительное внимание. Первостепенное значение имеет формирование у учащихся понимания ценностного базиса профессии государственного служащего, тесно связанного с современным понятием ответственного гражданства. С точки зрения целостной образовательной стратегии, становление профессиональной идентичности учащихся следует рассматривать как основную цель получения образования вообще, на достижение которой должна быть ориентирована вся организация процесса подготовки государственных служащих.

Ключевые слова: государственная служба, публичное управление, система образования для государственных служащих, профессиональная идентичность, профессиональная карьера, этика государственной службы.

Профессия государственного служащего в современном мире претерпевает множество изменений. Содержание деятельности государственных служащих становится все более сложным и насыщенным; возникают новые роли и функции государственных служащих; повышается уровень общественных ожиданий в отношении работы государственных служб; возрастают масштаб и сложность общественных проблем, с которыми должны справляться государственные служащие (экономических, социальных, культурных, демографических, экологических, политических и др.); непрерывно изменяется окружающая среда административной деятельности, в том числе за счет роста инициативности и самостоятельности граждан и общественных групп, высокого уровня разнообразия и активности частного сектора (с которым должно взаимодействовать публичное управление) и т.п.

Отдельно следует отметить массивное влияние продолжающейся технологизации общества в целом и государственной службы в частности (что проявляется в таких нарастающих тенденциях, как цифровизация, датафикация, использование искусственного интеллекта). Становление современного цифрового общества выражается в неуклонном развитии цифровой экономики, цифровых методов ведения бизнеса, цифровых средств поддержки самоорганизации граждан, общественных объединений, гражданского общества в целом. Новые информационные технологии изменяют сами формы взаимодействия властей и граждан, способы принятия решений, разработки политик и программ, решения общественных проблем, а также базисные подходы к осуществлению административно-управленческой деятельности.

Для сотрудников государственных служб это, в частности, означает необходимость приобретения новых навыков: умения работать с новыми программными продуктами, обрабатывать большие объемы данных, проводить анализ сложной и изменяющейся информации, взаимодействовать через цифровые платформы с бизнесом, гражданами, другими государственными учреждениями и т.п.

Все это неминуемо сказывается и на системе образования, которая должна готовить государственных служащих не только к текущим задачам и формам управленческой деятельности, но и работать с определенным опережением, улавливая возникающие тенденции, предвосхищая будущие изменения в профессии государственной службы и окружающей среде, т.е. соответственно, подготавливать специалистов к этим новым трансформациям.

К образованию в области публичного управления предъявляются все более высокие требования; все чаще высказывается мнение о необходимости трансформации или реформирования системы подготовки государственных служащих в целом. В контексте происходящих изменений в системе образования для государственных служащих вводится немало новых дисциплин, отражающих необходимость в самых передовых знаниях и владении передовыми технологиями. Для примера можно назвать: основы искусственного интеллекта, основы ин-

формационного общества, науку о данных (Data Science) и большие данные, управление проектами в цифровой среде, современные методы принятия решений (основанные на информационных технологиях), новые методы моделирования социальных процессов и др.

При этом в условиях множественных перемен, когда государственная служба становится все более разнообразной и сложной, возникает опасность размывания целостного смысла традиционной профессии государственного служащего, необходимого для становления и развития собственной профессиональной идентичности сотрудников государственных служб.

В этой связи на процесс образования как начальный этап становления государственного администратора возлагается ответственная задача по формированию и развитию профессиональной идентичности учащихся как будущих специалистов в области публичного управления. Однако эта задача сталкивается с множеством вызовов.

Прежде всего, рассмотрим, что вообще понимается сегодня под профессиональной идентичностью.

Так, Э. Шейн рассматривает идентичность как совокупность атрибутов, убеждений, ценностей, мотивов и опыта, которую индивиды используют для самоопределения в своем профессиональном качестве [1]. По мнению Х. Слэй и Д. Смита, профессиональная идентичность – это представление индивида о том, кем он является как профессионал [2].

Проблема профессиональной идентичности является в настоящее время предметом изучения различных дисциплин – таких, как философия, социология, психология, педагогика и др. [3, р.8]. Как отмечает Р. Дэйви, современные концепции профессиональной идентичности (происходящие из различных точек зрения и дисциплин) разделяют ряд общих предпосылок:

- 1) профессиональная идентичность формируется во множестве контекстов, включая личностные, социальные и культурные аспекты;
- 2) профессиональная идентичность является многогранной, постоянно трансформируется и подлежит пересмотру на протяжении всей трудовой жизни;
- 3) профессиональная идентичность развивается на основе межличностных отношений;
- 4) профессиональная идентичность включает в себя эмоции и суждения [3, р.8], [4].

Следует подчеркнуть, что задача формирования профессиональной идентичности государственного служащего у учащихся за время обучения всегда будет не завершенной, решаемой лишь частично, что связано со многими обстоятельствами. Прежде всего, это вызвано различием контекстов обучения и профессиональной деятельности. Можно сказать, что задача подготовки администраторов общественного сектора содержит в себе известное противоречие. В процессе обучения учащийся (в идеале) приобретает определенную совокупность знаний, навыков, ценностных убеждений, установок и личностных качеств, которые (как ожидается) будут в максимальной степени полезны для будущей деятельности; однако при этом сам процесс обучения проходит вне контекста реальной профессиональной практики.

Разумеется, данное противоречие характерно не только для системы подготовки государственных служащих, а обнаруживается в профессиональном образовании (в той или иной мере) практически во всех областях деятельности.

Становлению целостной идентичности не способствует также разнообразие преподаваемых предметов, зачастую мало связанных между собой, что отмечалось критиками данного положения дел [5, р.74]. Такое мно-

гообразие предметов является неизбежным, поскольку система образования должна готовить будущих администраторов к множеству ролей и функций современной государственной службы. Кроме того, помимо подготовки к текущим условиям деятельности государственной службы, система образования должна готовить также «администратора завтрашнего дня», владеющего передовыми знаниями, технологиями, способами мышления (например, умеющего мыслить в парадигме теории сложности, в концептуальных схемах сложных нелинейных систем, комплексных социальных проблем, быть ориентированным на предвидение и стратегическое мышление и т.д.).

Незавершимость задачи формирования профессиональной идентичности государственного служащего в процессе обучения следует рассматривать как вполне естественное явление, поскольку, как говорилось выше, данная идентичность сегодня понимается как динамический процесс, привносящий постоянные изменения в осознание индивидом себя как специалиста. Поэтому профессиональная идентичность работника будет изменяться и дальше в процессе развития его трудовой карьеры, и это зависит от многих факторов, в том числе от меняющегося окружающего контекста. Поэтому задаче системы образования следовало бы определять в более умеренных терминах: как формирование *начальной* идентичности будущего специалиста в области государственной службы.

При этом задача создания начал профессиональной идентичности обязательно должна решаться в максимально возможном объеме, так как ключевая роль системы образования в отношении идентичности будущего специалиста состоит в том, что именно система образования выстраивает базис знаний, навыков и ценностей, которые составят основу будущей трудовой деятельности, а также базис профессионального мировоззрения.

Формирование начальной профессиональной идентичности в течение обучения – это задача, включающая ряд составляющих.

Прежде всего, это работа в отношении того, чтобы будущие администраторы понимали ценностные основания своей профессии, т.е. тот смысловой инвариант, который сохраняется при всех трансформациях государственной службы. Развитие у учащихся надлежащих представлений о ценностном базисе профессии государственного служащего должно быть сквозной темой фактически для всей системы образования. В ценностных основаниях профессии учащиеся должны в первую очередь осознать такие этические категории, как долг и ответственность. Необходимо развивать у учащихся понимание того, что миссия государственной службы – прежде всего служение обществу.

Следует также развивать осознание того, что на современных работников государственной службы возложена значительная ответственность перед обществом в связи с высокими общественными ожиданиями и уровнем сложности текущих и возникающих проблем. Администраторы играют огромную роль в современном обществе, которая и в будущем будет только возрастать, поскольку общественные проблемы становятся все сложнее и масштабнее.

Кроме того, важно сформировать у учащихся понимание того, что ценностный базис профессии тесно связан с более общей ролью государственного служащего – ролью ответственного гражданина в широком смысле.

Гражданская служба ни в коей мере не является некой обособленной профессией; наоборот, ее основания и содержание тесно связаны с общественной жизнью и с необходимостью активного участия в решении теку-

щих и стратегических общественных проблем. Иными словами, государственный служащий является не только специалистом, но и гражданином, а начала гражданской службы в современных условиях глубоко укоренены в основах гражданственности вообще.

Это подчеркивается, например, в известной концепции новой государственной службы (New Public Service) Дж. и Р. Денхардтов, согласно которой гражданская служба является продолжением гражданства. Авторы утверждают, что этическая идентичность государственных служащих сопряжена с принципами демократического гражданства современных обществ [6, pp. 53–56].

Гражданские основы деятельности государственной службы проявляются, помимо прочего, в таких базисных функциях государственного служащего, как защита фундаментальных политических ценностей общества (права человека, участие общественности, верховенство закона и др.)

В идеале за время обучения у учащихся должно быть сформировано ясное представление о естественных и тесных связях между государственной службой и понятиями гражданского сознания и обязанностей. В частности, в содержание учебных дисциплин должны входить такие темы, как принципы гражданства в современном общественном устройстве, роль гражданина в современном обществе, основы гражданского общества, значение активного гражданства в решении общественных проблем, основные концепции гражданственности и т.п. (например, в программах изучения политических наук).

Отметим также, что за рубежом сегодня активно развивается такое направление, как этика гражданства (в том числе непосредственно связанная с профессией публичного администрирования) [7], основы которой тоже были бы полезны в курсе обучения будущих государственных служащих.

С фундаментальной точки зрения, понимание государственным служащим в контексте его гражданского сознания своих базисных профессиональных задач, возложенной ответственности, необходимости взаимодействия с обществом и участия в решении общественных проблем означает наличие стабильного ориентира в меняющихся условиях работы, в ситуациях этических коллизий, в процессах изменения собственной идентичности и т.п.

Далее, для формирования профессиональной идентичности государственного служащего процесс обучения должен быть внутренне связным и скоординированным. Разнообразие преподаваемых учебных предметов не должно размывать целостного представления о миссии публичного управления. Поэтому большая нагрузка в современной системе образования для государственных служащих ложится на комплекс интегрирующих дисциплин, которые призваны обеспечить определенное смысловое единство процесса получения профессионального образования. К таким интегрирующим дисциплинам можно отнести введение в профессию, этику государственной службы, историю науки и практики государственного управления, основы публичного управления. Однако и в других дисциплинах (в зависимости от их специфики) должно уделяться внимание прояснению целостного смысла данной профессии, в том числе таким аспектам, как базисные цели государственной службы, гражданская сознательность, профессиональный долг и ответственность.

Одной из составляющих процесса развития начальной профессиональной идентичности государственных служащих является приобретение определенного практического опыта – не только в отношении работы в учреждениях общественного сектора (прохождение

практики в государственных или муниципальных органах управления), но и в более широком контексте. Речь идет об участии студентов в различных общественных проектах, гражданских инициативах, волонтерских и общественных движениях, некоммерческих организациях, адвокации (например, защита уязвимых групп) и т.п. Развитию и реализации подобных форм практики сегодня способствуют современные информационно-коммуникационные технологии (цифровые платформы, социальные сети и др.)

Такая деятельность может стимулировать приобретение полезных знаний и опыта в отношении участия в выявлении и решении общественных проблем, взаимодействия властей и общественности, создания активных групп граждан и партнерств, защиты прав и интересов граждан и отдельных групп общества и т.п. В более общем смысле, такая деятельность способствует приобретению опыта сознательного и активного гражданства, то есть вносит вклад в формирование начальной идентичности государственного служащего.

Соответственно, образовательные учреждения должны стремиться к тому, чтобы обеспечивать возможности для получения подобного практического опыта, а также различными способами мотивировать учащихся к такой деятельности и поощрять ее.

Добавим, что Альянс Волкера (независимая организация в США, занимающаяся проблемами публичного управления и образования государственных служащих) рекомендует учебным заведениям поддерживать студенческие сообщества практиков, которые намереваются работать в правительственных организациях. Студенты, ориентированные на карьеру в органах управления, могут объединиться, а также общаться с выпускниками и другими практическими специалистами, чтобы укрепить свою приверженность государственной службе и сориентироваться в мире практики [8].

Полезно также привлекать студентов к участию в реальных научных исследованиях; прежде всего, это относится к прикладным исследованиям под руководством наставников из числа преподавателей. Однако возможно также участие в так называемой гражданской науке (непрофессиональных исследованиях), сфера которой (в том числе благодаря новым информационным технологиям и новым формам взаимодействия властей и общества) постепенно расширяется, особенно за рубежом.

Это позволит приобрести необходимые аналитические и методологические компетенции, навыки по сбору и обработке информации, а также будет содействовать лучшему пониманию актуальных общественных проблем. В более широком смысле, такой опыт является ценным с точки зрения развития и применения навыков творческого мышления и поиска решений, а также понимания трудностей нахождения эффективных решений проблем, релевантных в контексте различных оценочных критериев (этических, экономических, практических и т.п.)

С точки зрения целостной образовательной стратегии, формирование начальной профессиональной идентичности должно рассматриваться как одно из постоянных направлений работы учебного учреждения, или как фундаментальная цель, на достижение которой должны быть сфокусированы как образовательная, так и сопутствующая деятельность учреждения, а также вся организация процесса подготовки государственных служащих.

В одной из статей по медицинскому образованию была дана рекомендация сделать формирование профессиональной идентичности основной целью образования, что должно быть отражено в заявлениях о миссии и других официальных документах, в которых отража-

ются цели и ценности образовательных учреждений [9]. Представляется, что эта рекомендация в полной мере относится также и к системе подготовки государственных служащих.

Итак, формирование начальной профессиональной идентичности является одной из ключевых задач всего процесса подготовки государственных служащих, которая состоит из ряда компонентов. Особенно важное значение имеет развитие у учащихся понимания ценностного базиса и фундаментального смысла профессии государственной службы, тесно связанных с понятием современного гражданства вообще. Этот процесс должен поддерживаться не только изучаемыми дисциплинами (для которых это должно быть сквозной темой), но и посредством участия обучающихся в практических мероприятиях и, по возможности, в прикладных научных исследованиях, направленных на решение реальных общественных проблем. Целостное, основанное на этических принципах профессиональное мировоззрение будет способствовать дальнейшему совершенствованию специалистов в области публичного управления.

Литература

1. Schein E.H. Career Dynamics: Matching Individual and Organizational Needs. Reading, MA: Addison-Wesley, 1978
2. Slay H., Smith D.A. Professional identity construction: Using narrative to understand the negotiation of professional and stigmatized cultural identities. *Human Relations*, 2011, 64, 85–107.
3. Suarez V., McGrath J. Teacher professional identity: How to develop and support it in times of change. OECD Education Working Paper No. 267, 2022
4. Davey R. The Professional Identity of Teacher Educators: Career on the Cusp?. Routledge, 2013
5. The State of Public Administration: Issues, Challenges, and Opportunities / C. Menzel D.C, White H.L. (eds.). Routledge, 2011.
6. Denhardt J. V., Denhardt R.B. The New Public Service: Serving, Not Steering. M.E. Sharpe, 2007
7. Stivers C. Citizenship Ethics in Public Administration // Handbook of Administrative Ethics. Second Edition. edited by Terry L. Cooper. New York: Marcel Dekker, Inc., 2001. Pp. 583–602
8. Preparing Tomorrow's Public Service. What the next generation needs. The Volcker Alliance, New York, 2018.

9. Cruess R.L., Cruess S.R., Boudreau J.D., Snell L., Steinert Y. Reframing medical education to support professional identity formation. *Academic Medicine*, 2014, 89: 1446–1451.

FORMATION OF PROFESSIONAL IDENTITY OF CIVIL SERVANTS: THE ROLE AND OBJECTIVES OF THE EDUCATION SYSTEM

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article discusses the task of forming a professional identity in the education system for civil servants. It is noted that the task cannot be fully solved due to a number of circumstances, so only the formation of initial professional identity can be considered. Nevertheless, significant attention should be paid to solving this problem as fully as possible in the education system. It is of paramount importance to form an understanding of the value basis of the civil servant profession among students, which is closely related to the modern concept of responsible citizenship. From the point of view of a comprehensive educational strategy, the formation of students' professional identity should be considered as the main goal of education in general, which should be the focus of the entire organization of the educational process for civil servants.

Keywords: public service, public administration, education system for public servants, professional identity, professional career, public service ethics.

References

1. Schein E.H. Career Dynamics: Matching Individual and Organizational Needs. Reading, MA: Addison-Wesley, 1978
2. Slay H., Smith D.A. Professional identity construction: Using narrative to understand the negotiation of professional and stigmatized cultural identities. *Human Relations*, 2011, 64, 85–107.
3. Suarez V., McGrath J. Teacher professional identity: How to develop and support it in times of change. OECD Education Working Paper No. 267, 2022
4. Davey R. The Professional Identity of Teacher Educators: Career on the Cusp?. Routledge, 2013
5. The State of Public Administration: Issues, Challenges, and Opportunities / C. Menzel D.C, White H.L. (eds.). Routledge, 2011.
6. Denhardt J. V., Denhardt R.B. The New Public Service: Serving, Not Steering. M.E. Sharpe, 2007
7. Stivers C. Citizenship Ethics in Public Administration // Handbook of Administrative Ethics. Second Edition. edited by Terry L. Cooper. New York: Marcel Dekker, Inc., 2001. Pp. 583–602
8. Preparing Tomorrow's Public Service. What the next generation needs. The Volcker Alliance, New York, 2018.
9. Cruess R.L., Cruess S.R., Boudreau J.D., Snell L., Steinert Y. Reframing medical education to support professional identity formation. *Academic Medicine*, 2014, 89: 1446–1451.

Социальное самоопределение молодого специалиста в условиях неопределенности: актуальные трудовые и карьерные стратегии

Хашаева Светлана Владимировна,

доктор социологических наук, доцент, доцент Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета

Выбор карьерной стратегии, является одним из важнейших этапов социализации личности, который влияет на профессиональное самоопределение молодого человека и во многом определяет успешность трудовой деятельности. Данное положение определяет актуальность выбранной проблематики исследования. Помимо этого, феномен карьерной и трудовой стратегии актуален для коммерческих организаций, так как известно, что экономическое развитие компаний неразрывно связано с личностным и профессиональным развитием работников. Ввиду распространения культуры «потребления» и снижения общего уровня морально-нравственных установок у нынешних поколений молодых людей, проведение профориентаций со стороны высших и средне специальных учебных заведений является необходимостью, так как именно за счет данных мероприятий молодые люди смогут понять какому конкретно виду профессиональной деятельности они отдают предпочтение. Всестороннее исследование работ отечественных ученых позволило выявить основные категории, собственные карьерные стратегии, а также зависимость социального самоопределения молодых людей с их личностными качествами. Результатом исследования являются рекомендации по формированию трудовых и карьерных стратегий, актуальных не только для молодых людей в вопросе собственной профессиональной реализации, но также и для коммерческих организаций, так как приведенные в исследовании стратегии основаны на привлечении и удержании молодых талантов.

Ключевые слова: карьерные стратегии; профессиональное самоопределение; социальное самоопределение; социализация; молодёжь; карьерное самоопределение.

Введение

Одним из важнейших этапов в жизни молодого человека является определение своего положения в обществе. Данный период характеризуется личностным самоопределением и самовыражением, а также установлением жизненных приоритетов. Перечисленные положения определяют актуальность выбранной проблематики. Отечественные ученые – социологи, психологи и философы на сегодняшний день выделяют проблему морально-нравственного кризиса молодых людей, что является причиной появления сложностей с собственной реализацией и самоопределением нынешнего поколения. К значимым критериям социального самоопределения можно отнести: осознание духовно-нравственных приоритетов, формирование собственной цели, стремление молодого человека быть полезным обществу (Хашаева С.В., 2023). Одной из причин разобщенности молодых людей является снижение норм нравственного поведения. Данное положение является причиной возникновения условий общественной неопределенности. Продолжая рассуждение о социальном самоопределении, стоит отметить, что реализация данного процесса тесно взаимосвязана с передачей социального опыта, который в значительной степени оказывает влияние на формирование личности человека. Таким образом, формируя нормы поведения, социум воздействует на личность молодых людей. Уже в последствии, индивид самостоятельно формирует свои ценностные установки. Известно, что основу или «фундамент» личности закладывает первичная ячейка общества – семья (Яковлев А.А., Егоров М.Н., 2024). Отечественные ученые определяют семью как крепкие межличностные отношения или союз, основанные на эмоциональной и инстинктивной привязанности. В социологии и психологии принято рассматривать феномен семьи как социальный институт, который направлен на обучение индивида и его адаптацию в обществе.

Следующей важнейшей категорией в жизни человека как личности является трудовая деятельность. Труд является вектором развития личности человека, а также определяющей формой жизнедеятельности (Хашаева С.В., 2021). Помимо этого, именно труд является связующим звеном между человеком и обществом. В процессе социализации индивид выбирает для себя профессию – форму трудовой деятельности, которая подразумевает под собой владение определенными знаниями, навыками и компетенциями, необходимыми для занимаемой должности. Выбор трудовой стратегии оказывает важнейшее влияние на человека, а именно на его роль-позицию в обществе. В исследовании будут рассмотрены актуальные трудовые стратегии, формируемые молодым человеком на сегодняшний день.

Цель исследования

Цель исследования заключается в выявлении путей формирования карьерных стратегий для молодых людей и их последующей профессиональной реализации. Помимо этого, в исследовании затрагивается проблема необходимости формирования карьерных стратегий для ком-

мерческих организаций с целью повышения мотивации сотрудников и их общей эффективности труда.

Материалы и методы исследования

Социальное самоопределение является процессом, который включает в себя следующие этапы, через которые проходит индивид: выявление собственных потребностей и далее – целей; выбор профессии; самореализация. В зависимости от характера человека и от специфики трудовой деятельности, перечисленные этапы могут длиться по-разному у каждого человека. Тем не менее, самым длительным этапом традиционно считается самореализация, а самым коротким – выбор профессии. Несмотря на то, что семья как первичный социальный институт формирует интересы индивида, наибольшее воздействие на формирование личности оказывают средства массовой информации, в частности, сеть Интернет. В первую очередь она оказывает влияние на его личностные установки, жизненные ценности и культуру. Далеко не всегда информация является достоверной и способствующей культурному развитию молодых людей. Примером может являться повсеместное предложение «быстрого заработка» путем обмана или проведения мошеннических операций, что приводит к формированию деструктивного образа мышления молодежи и упадку нравственности.

Образование является частью личностного и профессионального самоопределения молодых людей (Беркутова Д.И., Громова Е.М., Горшкова Т.А., 2020). В процессе приобретения среднего профессионального и высшего образования молодые люди получают не только теоретические знания, но и практические умения и навыки в процессе учебных и производственных практик. Это оказывает воздействие на молодого человека путем формирования профессионально-значимых ориентиров. Ценности современных поколений молодых людей, можно разделить на следующие группы по значимости (Таусенева М.С., 2021): первая группа включает в себя удовлетворение потребностей; вторая группа не имеет какой-то конкретной направленности. Тенденция нынешних молодых людей определяет их стремление к индивидуальности. Беря во внимание опыт СССР, стоит отметить, что для молодежи того времени был актуален коллективизм и патриотизм, которые входили в первичные ценности. Стоит отметить, что ценности прививаются молодым людям через следующие механизмы: преемственность и динамичность. Преемственность – это, в первую очередь, социальный опыт, который передают родители ребенку. В данном случае, ценностные ориентиры следующие – честность, ответственность, доброта, справедливость. Для молодых людей на сегодняшний день приоритетом является высокооплачиваемая работа, взаимопонимание, досуг и престиж.

Рассуждая о выборе профессиональной деятельности молодыми людьми, стоит отметить, что на сегодняшний день, благодаря различным методикам, использующимся в образовательных учреждениях, молодые люди имеют возможность самостоятельно проанализировать свои «сильные» и «слабые» стороны и выбрать для себя профессию, которая их привлекает. Таким образом, подход к выбору профессии становится более осознанным. Возвращаясь к особенностям культуры молодых людей в СССР, стоит отметить, что выбор профессии в то время был необходимостью, это было основано на стремлении молодежи оказаться полезными обществу и создать свою семью. В современной России молодые люди могут сменить не одно рабочее место или же годами искать «дело своей жизни». Следующей тенденцией является стремление молодых людей получить образова-

ние. При этом свободное время ценится ими не меньше. Также большой интерес молодые люди проявляют к изучению языков. Перечисленные положения позволяют сделать вывод том, что молодежь обладает довольно высоким уровнем коммуникации и стремлением к самосовершенствованию. Отрицательными тенденциями выступает потребительское отношение к близким и обществу в целом. Социальное самоопределение включает в себя множество факторов: мировоззренческий, психологический, общественно-политический. Также рассматриваемый феномен тесно связан с жизненными целями и приоритетами молодых людей и условиями их реализации. Таким образом, можно сказать, что в процессе социального самоопределения молодые люди ищут варианты собственной реализации в обществе путем приобретения профессии. В жизни каждого молодого человека этап профессионального самоопределения является одним из важнейших и требует проведение внутреннего самоанализа и осознания своих реальных возможностей. Этот процесс включает в себя следующие этапы: анализирование своих интересов, способностей и талантов; сопоставление личностных характеристик и качеств с требованиями к профессии; определение проблем и путей их решения (Науменко И.В., 2024).

Согласно социологическим исследованиям, профессиональная подготовка является одним из важнейших критериев социального самоопределения молодых людей. Следующей важной в контексте исследования категорией является социальная роль – модель принятого в обществе поведения, соответствующая статусу индивида. По многочисленным социологическим исследованиям, проведенным отечественными учеными, именно профессиональная подготовка во многом определяет социальную роль молодого человека. Ввиду динамичности социальных ролей в обществе, некоторые профессии теряют свою престижность. Исследование научных трудов как зарубежных, так и отечественных ученых позволило выявить факторы, оказывающие воздействие на профессиональное становление молодых людей: внешнее воздействие общества (дефицит востребованных профессий; уровень культуры; отраслевые и технологические факторы); воздействие конкретных социальных институтов (семьи, СМИ; внутренние потребности) молодого человека (фактор мотивации, интересы и уровень знаний).

Следующей категорией, которую необходимо рассмотреть в исследовании является феномен карьеры. Его подробно в своих трудах рассматривали следующие отечественные ученые. Так, Маркова А.К. (Маркова А.К., 2007) рассматривала феномен карьеры как процесс совершенствования навыков в выбранной профессиональной области и как продвижение по профессиональной лестнице с принятием новой социальной роли и статуса. Романов В.Л. (Романов В.Л., 2007) в своих исследованиях подробно рассматривал феномен карьерной стратегии и определял его как организацию профессиональной деятельности, направленную на достижение цели по дальнейшему устойчивому развитию в организации. Ковалевская Е.В. (Ковалевская Е.В., 2023) подробно рассматривала подходы к интерпретации карьерных стратегий: строгая последовательность и периодизация смены должностей – процессуальный подход; содержание карьеры, требования к занимаемой должности – содержательный подход; отбор кандидатов по определенным личностным характеристикам – личностный подход.

Результаты исследования и их обсуждение

Как уже было отмечено ранее, на сегодняшний день современный молодой человек выбирает карьеру на основе

личного самоопределения. Так, в условиях цифровизации молодые люди могут самостоятельно планировать карьеру на основе информации в открытом доступе. Следующий вариант планирования карьеры – со-креативность, которая подразумевает под собой привлечение специалиста, который оказывает помощь в планировании карьеры; планирование карьеры в составе группы, зачастую в ВУЗе.

Одним из важнейших факторов на пути социально-го самоопределения является способность молодых людей к саморефлексии – способности максимально приближенно к реальности оценивать собственные возможности (Ельникова Г.А., Маргарян А.А., 2023). В данном аспекте важны следующие компоненты: карьерная ориентация молодого человека; прогнозирование как стратегический фактор; когнитивный как фактор сформированной компетентности; эмоциональный- самооценка молодого человека; познавательный фактор. Стоит рассмотреть классификацию молодых людей на основе типов карьерных стратегий, предложенную Докторовым Б.З. (Докторов Б.З., 2016) Так, по мнению отечественного ученого, молодых людей можно разделить на следующие шесть групп: первая группа – социальные новаторы. К ней относятся молодые люди, которые способны быстро адаптироваться к изменениям, происходящим в обществе, они предлагают собственные идеи и стремятся принести пользу обществу. Вторая группа- «коллективисты». Молодые люди, относящиеся к ней, предпочитают работать по установленным в организации правилам и традициям, к изменениям относятся положительно, но не стремятся к ним. Третья группа- представители культуры «потребления», заботятся больше о своем благополучии, настроены построить карьеру с целью улучшения своего благосостояния. Адаптируются в обществе хуже, чем перечисленные группы выше. Четвертая группа получила название «решительные гедонисты» – зачастую молодые люди, принадлежащие к данной категории, имеют высшее образование, авантюры, стремятся получить высокую должность. Пятая группа- молодые люди, которые стремятся удовлетворить собственные потребности и полностью сконцентрированы на себе. Последняя группа- молодые люди, относящие себя к субкультуре. Эта категория игнорирует общественное мнение и не стремятся занять высокое положение в обществе.

Свое видение в вопросе классификации молодых людей в выборе карьерной стратегии предложила Омельченко Е.Л. (Омельченко Е.Л., 2019) Она разделила молодых людей на четыре категории. К первой категории она отнесла молодежь с четким пониманием собственных способностей и возможностей, а также с пониманием какие риски могут встать на пути. Они сконцентрированы на собственной реализации. Следующая группа- «Отцы семейства»- молодые люди, относящиеся к данной группе, стремятся найти устойчивое место в обществе и создать вою семью. Для них в приоритете традиционные ценности. Третья группа – «геймеры» молодые люди, склонные к азарту. Игнорируют общественные нормы и традиционные ценности, зачастую ведут отшельнический образ жизни. К рассматриваемой группе в основном относятся молодые люди мужского пола. Последняя группа – «Домашние хозяйки», к этой группе зачастую относятся девушки, которые предпочитают пассивность в приобретении профессионального статуса, они сконцентрированы на круге семейных обязанностей.

Карьерное самоопределение тесно связано с Я- концепцией- устойчивой системой представлений человека о себе как личности (Татаринова Л.Н., 2021). Так как карьерное самоопределение является элементом системы

личности, оно характеризуется профессиональным самоопределением и стремлениями человека. Известно, что самоопределение – это осознание человеком своей принадлежности к обществу.

Продолжая рассуждение о карьерном самоопределении и реализации молодых людей в профессиональном аспекте, стоит отметить, что эффективнее всего перечисленные процессы проходят в процессе обучения в ВУЗе. Именно эта среда позволяет молодым людям усвоить навыки и знания, необходимые для будущей профессии. Именно в процессе обучения молодые люди вырабатывают собственные карьерные стратегии. Целью формирования карьерных стратегий является устойчивое развитие молодого специалиста в профессиональной среде с вертикальным продвижением по карьерной лестнице (Наumenko И.В., 2024). Важнейшим условием актуальности карьерной стратегии для молодого человека является ее синергия с его целями и стремлениями. Данное положение обосновывается тем, что при формировании профессионального пути важно учитывать «человеческий фактор»- мотивацию, особенности характера человека и его интересы. Помимо этого, на профессиональные достижения оказывают весомое влияние и факторы, побуждающие человека к ней – воспитание, нравственные убеждение. Планирование карьеры необходимо проводить поэтапно: изучить требования, предоставляемые к специалисту интересующей профессии, проанализировать собственные возможности. Важным аспектом на первом этапе планирования карьеры является процесс рассмотрения других – «запасных» вариантов для избегания непредвиденных ситуаций. Далее необходимо изучить рынок труда и востребованные профессии как в стране, так и в регионе. Последний этап- выбор образовательного учреждения и возможности дальнейшей переквалификации.

Карьерные стратегии, также как и карьерный лифт имеют идентичную типологию – вертикальную и горизонтальную (Зозуля О.А., 2024). Горизонтальный тип характеризуется концентрацией молодого специалиста на получении углубленных знаний о профессии, совершенствованию навыков без стремления к получению руководящей или административной должности. Вертикальный тип- наоборот. Молодой человек мыслит амбициозно, стремится получить высокую должность.

Рассуждая о карьерной стратегии молодого человека, который уже получил образование, возможны следующие три варианта: ответственное выполнение задач, дополнительная работа, стремление быть полезным и проявить себя перед руководством. Риском при таком подходе может стать профессиональное выгорание молодого человека, переутомление, также возможны ошибки при выполнении сложных задач, что может отразиться на восприятии молодого человека как специалиста в глазах руководства. Следующая стратегия – проявление инициатив. По этой стратегии молодой человек разрабатывает идею и предлагает ее руководству. Риск заключается в том, что идея может быть как удачей, так и принести неудачу компании, что грозит убытками. Следующая стратегия – помощь руководителю. Высокая лояльность со стороны руководства нередко приводит к повышению молодого специалиста в должности. При этом реализация перечисленных карьерных стратегий во много зависит от размера организации. Если молодой человек планирует развиваться как специалист в организации малого бизнеса с немногочисленным штатом, то стоит принять тот факт, что возможность карьерного роста у него ограничена. Ввиду динамичных изменений, происходящих на рынке, не каждый готов продолжитель-

ное время находиться на одной должности и ждать повышения.

На основании анкетирования, проведенных исследовательскими порталами и работ отечественных ученых, а также системе непрерывного образования, молодой человек должен постоянно совершенствоваться в профессиональном аспекте ввиду высокой конкуренции на рынке труда. При этом исследование портала Superjob свидетельствует о том, что для руководителей в большей степени ценятся личностные качества. Суть исследования заключалась в том, что HR-специалистам ведущих компаний было предложено перечислить характеристики, ответствующие работникам, которые стремительно продвигаются по карьерной лестнице и достигают больших результатов работы. Так, самым популярным личностным качеством работника стала ответственность. Следующими важными качествами, по мнению руководителей и HR-специалистов является коммуникабельность и целеустремленность. Далее важной характеристикой опрошенные выделили лояльность работника к организации. Примечательно, что многие молодые люди не находят данную характеристику как фактор, оказывающий влияние на карьерное продвижение. Но специалисты по персоналу – напротив, считают, что лояльность является фактором, способствующим к продвижению молодого человека в должности, так как он отражает его мотивацию и стремления развиваться как профессионал именно в конкретной организации. Следующая характеристика – стрессоустойчивость. Действительно, если рассматривать актуальные вакансии на сегодняшний день, в требованиях к должности с большой вероятностью будет стрессоустойчивость. Данная личностная характеристика влияет на общую трудовую эффективность работника. Также немаловажными личностными характеристиками оказались адаптация и обучаемость. Это обосновывается тем, что молодой человек для поддержания оптимального уровня конкурентоспособности должен постоянно адаптироваться к нововведениям.

Стоит отметить, что вертикальная карьерная стратегия предполагает установление молодым специалистом межличностных отношений в коллективе, которые еще называют «связями» для повышения вероятности в достижении следующей, более высокой должности.

Заключение

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что карьерная стратегия как феномен является одним из этапов социализации личности. Потому рассматриваемый феномен важен как для школьников, которые только задумываются о том, чем хотели бы заниматься после обучения, так и для студентов ВУЗов и ССУЗов. Так как молодые люди старше 18 лет относятся к трудоспособному населению, и большая часть из которых уже опробовали свои силы на практике, исследование в большей степени направлено на выявление карьерных стратегий, которые актуальны конкретно для данной категории населения.

Известно, что карьерные стратегии актуальны не только для молодых людей, но и для организаций. Это определяется стремлением коммерческих организаций к устойчивому экономическому развитию, чего возможно достичь только за счет эффективного труда работников и удержания талантов. Рассматривая данную проблематику со стороны коммерческих организаций, стоит отметить, что каждый сотрудник является личностью со своими целями и стремлениями, потому какая-либо конкретная карьерная стратегия может быть не для всех

актуальной. Так, благодаря вышеперечисленным личностным факторам, которые были описаны в исследовании, можно сделать вывод о том, что работники в организации могут развиваться по трем сценариям: первая категория работников стремится занять руководящую должность и построить карьеру, вторая категория работников стремится к личностному развитию и самовыражению в организации, третья категория – не относится ни к первой, ни ко второй, данному типу необходимо оптимально для себя совмещать личную жизнь и трудовую деятельность.

Для того, чтобы достичь успеха в трудовой деятельности и разработать собственную трудовую стратегию молодым людям необходимо руководствоваться следующими шестью принципами: первый принцип – непрерывность. Для того, чтобы развиваться в организации как специалист необходимы глубинные знания о профессиональной деятельности, своеобразный «резерв» знаний в будущем поможет получить желаемую должность. Следующий подход – осмысленность. Данный подход основан на понимании молодым человеком собственных мотивов, целесообразности своей деятельности, что позволит эффективнее принимать жизненно важные решения, касающиеся трудовой деятельности. Далее – принцип соразмерности. Он основан на постепенном продвижении человека по карьерной лестнице. Соразмерность в данном контексте необходима – должность должна соответствовать как профессиональным умениям, навыкам и знаниям молодого человека, так и личностным характеристикам. Следующий, четвертый принцип – маневренность. Далеко не всегда карьерное движение является прямым. В зависимости от ситуаций и сложностей, молодому человеку необходимо принимать стратегические решения, которые позволят ему преодолевать различные жизненные препятствия. Так, в пример можно привести устранение конфликтов и поиск компромиссного решения. Далее – принцип экономичности. Каждая движимая категория имеет свой ресурс. У человека есть свой собственный – личностный ресурс. Важно соблюдать баланс между собственными стремлениями и реальной возможностью к достижению поставленных целей.

Так как построение карьеры является процессом, требующим времени, необходимо верно распределить свое время и силы, необходимые для достижения целей. Принцип заметности также является одним из условий эффективного продвижения по карьерной лестнице. Он предполагает «видимость» достижений, то есть молодой человек делится результатами труда и своими собственными достижениями с окружающими. Зачастую действительно талантливые люди не достигают успеха из-за низкой видимости своих достижений.

Для организаций малого и среднего бизнеса, а также предприятий развитие работников является одним из условий коммерческого успеха. Примечательно, что многие компании также планируют развитие своих работников в профессиональном аспекте путем формирования карьерных стратегий. Потому рекомендуется предоставлять молодым специалистам возможности для профессионального и личностного развития. Зачастую для реализации данного аспекта работники от организации отправляются на повышение квалификации и переквалификацию для развития их профессиональных компетенций. Обучение не только поможет развить навыки специалистов, но также позволит замотивировать их на новые достижения.

Карьерные стратегии выполняют множество значимых для общества функций. На сегодняшний день процесс получения молодым человеком образования имеет

особое значение, так как именно в этот период у него формируются ценностные установки и появляется желание самореализоваться. На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что молодые люди, зачастую, формируют карьерную стратегию на основании следующих сценариев: реализация в профессиональном аспекте, реализация в статусном аспекте и индифферентная позиция. Последняя позиция основана на приобретении образования и соответствующей позиции не молодым человеком, а его родителями. Низкая эффективность рассматриваемой позиции очевидна. Потому очень важно, чтобы молодые люди самостоятельно пришли к выбору учебного заведения и будущей профессии, основываясь на собственных «сильных» и «слабых» сторонах. Благодаря проведенному исследованию стало возможным выявление следующей типологии карьерных стратегий: активная позиция молодого человека, стремление приобрести образование и работать по специальности; ориентация на приобретение социального статуса; прохождение периода социализации – индифферентная реализация собственных возможностей; вынужденное поступление в учебное заведение по причине наставления семьи- близкого окружения. Стоит подробнее рассмотреть индифферентную реализацию молодого человека. Зачастую, поступая в ВУЗ, молодые люди до конца не уверены, чем хотели бы заниматься в жизни. В процессе обучения и прохождения практик, молодые люди начинают осмысленно подходить к данному вопросу и в последствии находят профессию, которой хотели бы заниматься. Таким образом, вопрос профессиональной реализации и самоопределения молодых людей становится актуальнее с каждым годом. Проведение профориентационных работ со стороны высших и средне специальных учебных заведений на сегодняшний день является необходимостью. Данные мероприятия позволят снизить риск появления сценариев профессиональной неопределенности молодых людей. Также они способствуют формированию кадрового резерва страны.

Литература

- Беркутова Д. И., Громова Е.М., Горшкова Т.А. Взаимосвязь типов профессиональной идентичности и карьерных стратегий современных студентов // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 3 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-tipov-professionalnoy-identichnosti-i-kariernyh-strategiy-sovremennyh-studentov> (дата обращения: 13.12.2024).
- Докторов Борис Зусманович, Рогозин Дмитрий Михайлович Шестое социологическое поколение уже пишет нашу историю // Социологический журнал. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shestoe-sotsiologicheskoe-pokolenie-uzhe-pishet-nashu-istoriyu> (дата обращения: 16.12.2024).
- Ельникова Галина Алексеевна, Маргарян Артем Александрович, Поляков Иван Сергеевич Самоопределение молодежи в сфере трудовой деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoopredelenie-molodezhi-v-sfere-trudovoy-deyatelnosti> (дата обращения: 15.12.2024).
- Ельникова Галина Алексеевна, Маргарян Артем Александрович, Ясенева Светлана Николаевна Динамика трудовых стратегий студентов вузов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-trudovyh-strategiy-studentov-vuzov> (дата обращения: 13.12.2024).
- Зозуля Олеся Александровна Карьерные стратегии молодых специалистов: к постановке проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariernye-strategii-molodyh-spetsialistov-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 11.12.2024).
- Ковалевская Екатерина Владимировна, Бабинская Елизавета Сергеевна, Александрова Мария Игоревна Компетентностные условия карьерного самоопределения молодежи в цифровой среде // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnye-usloviya-kariernogo-samoopredeleniya-molodezhi-v-tsifrovoy-srede> (дата обращения: 16.12.2024).
- Маркова А.К. Психологические основы профессиональной деятельности: хрестоматия/ сост. и общ. ред. В.А. Бодров.-ПЕР СЭ: Москва, 2007. 854 с.
- Науменко И.В. Стратегии и предпосылки карьерного роста менеджеров среднего звена в современных компаниях // Вестник науки. 2024. № 6 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-predposylki-kariernogo-rosta-menedzherov-srednego-zvena-v-sovremennyh-kompaniyah> (дата обращения: 14.12.2024).
- Омельченко Е.Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг. 2019. № 1 (149). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/unikalen-li-rossiyskiy-sluchay-transformatsii-molodezhnyh-kulturnyh-praktik> (дата обращения: 14.12.2024).
- Романов В.Л. Синергетическая парадигма. Синергетика образования / Г.Ю. Ризниченко, Э. Морен, В.С. Степин Москва, издательство « Прогресс-Традиция», Москва, 2007. 594 с.
- Татаринова Л. Н., Масленникова Е.В. Карьерные стратегии в контексте личностно-профессионального развития резерва управленческих кадров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2021. – Т. 8, № 1. – С. 37–51.
- Таусенева Мария Сергеевна Карьерное конструирование, как жизненный сценарий современной молодежи // Baikal Research Journal. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariernoe-konstruirovanie-kak-zhiznennyy-stsenariy-sovremennoy-molodezhi> (дата обращения: 12.12.2024).
- Хашаева С.В. Карьерные стратегии молодежи как отражение амбиций и соревновательных практик в профессиональной деятельности // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 4. С. 47–57.
- Хашаева, С.В. Жизненные ориентиры современной молодежи // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 15 апреля 2021 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. – С. 49–51.
- Яковлев А. А., Егоров М.Н. Карьерные стратегии молодежи как путь к перспективной деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariernye-strategii-molodezhi-kak-put-k-perspektivnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 12.12.2024).

SOCIAL SELF-DETERMINATION OF A YOUNG SPECIALIST IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY: ACTUAL LABOR AND CAREER STRATEGIES

Khashaeva S.V.

Belgorod State National Research University

The choice of career strategy is one of the most important stages of personal socialization, which affects the professional self-determination of a young person and largely determines the success of labor activity. This provision determines the relevance of the chosen research problems. In addition, the phenomenon of career and labor strategy is relevant for commercial organizations, as it is known that the economic development of companies is inextricably linked to the personal and professional development of employees. In view of the spread of the culture of «consumption» and the decline in the general level of moral and ethical attitudes in the current generations of young people, the implementation of career guidance by higher and specialized secondary educational institutions is a necessity, because it is through these activities young people will be able to understand what kind of professional activity they prefer. This provision is relevant not only in the issue of professional and personal development of young people, but also in the formation of the personnel reserve of the country. A comprehensive study of the works of domestic scientists allowed us to identify the main categories inherent in career strategies, as well as the dependence of social self-determination of young people with their personal qualities. The results of the study are recommendations for the formation of work and career strategies that are relevant not only for young people in the issue of their own professional realization, but also for commercial organizations, as the strategies presented in the study are based on attracting and retaining young talent.

Keywords: career strategies; professional self-determination; social self-determination; socialization; youth; career self-determination.

References

1. Berkutova D. I., Gromova E.M., Gorshkova T.A. "Interrelation of types of professional identity and career strategies of modern students" // Vocational education in Russia and abroad. 2020. No.3 (39). available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-tipov-professionalnoy-identichnosti-i-kariernyh-strategiy-sovremennyh-studentov> (Accessed 13 December 2024).
2. Doctors Boris Zusmanovich, Dmitry Rogozin Mikhailovich, "The sixth sociological generation is already writing our history" // Sociological Journal. 2016. No.2. available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/shestoe-sotsiologicheskoe-pokolenie-uzhe-pishet-nashu-istoriyu> (date of application: 12/16/2024).
3. Yelnikova Galina Alekseevna, Margaryan Artyom Alexandrovich, Polyakov Ivan Sergeevich "Self-determination of youth in the field of labor activity" // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. No.3. available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/samooopredelenie-molodezhi-v-sfere-trudovoy-deyatelnosti> (Accessed 15 December 2024).
4. Yelnikova Galina Alekseevna, Margaryan Artem Alexandrovich, Yaseneva Svetlana Nikolaevna "Dynamics of labor strategies of university students" // Humanities, socio-economic and social

sciences. 2023. No.5. available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-trudovyh-strategiy-studentov-vuzov> (Accessed 14 December 2024).

5. Zozulya Olesya Alexandrovna "Career strategies of young specialists: towards the formulation of a problem" // Socio-humanitarian knowledge. 2024. No.1. available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariernye-strategii-molodyh-spetsialistov-k-postanovke-problemy> (Accessed 11 December 2024).
6. Kovalevskaya Ekaterina Vladimirovna, Babinskaya Elizaveta Sergeevna, Alexandrova Maria Igorevna "Competence-based conditions for career self-determination of youth in the digital environment" // Mir nauki. Pedagogy and psychology. 2023. No.2. available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnye-usloviya-kariernogo-samooopredeleniya-molodezhi-v-tsifrovoy-srede> (Accessed 12 December 2024).
7. Markova A.K. Psihologicheskie osnovy professional'noj dejatel'nosti: hrestomatija [Psychological foundations of professional activity: textbook] / comp. and the general editorship of V.A. Bodrov.-PER SE: Moscow, 2007. – 854 p.
8. Naumenko I. V. "Strategies and prerequisites for the career growth of middle managers in modern companies" // Bulletin of Science. 2024. No.6 (75). available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-predposylki-kariernogo-rosta-menedzherov-srednego-zvena-v-sovremennyh-kompaniyah> (Accessed 10 December 2024).
9. Omelchenko E. L. "Is the Russian case of transformation of youth cultural practices unique?" // Monitoring. 2019. No.1 (149). available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/unikalenli-rossiyskiy-sluchay-transformatsii-molodezhnyh-kulturnyhpriaktik> (Accessed 14 December 2024).
10. Romanov V.L. Sinergeticheskaja paradigma. Sinergetika obrazovaniya [The synergetic paradigm. Synergetics of education] / G.Y. Riznichenko, E. Moren, V.S. Stepin Moscow, Progress-Tradition Publishing House, Moscow, 2007. – 594 S.
11. Tatarinova L. N., Maslennikova E.V. "Career strategies in the context of personal and professional development of the reserve of managerial personnel" // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: State and Municipal Administration. – 2021. – Vol. 8, No. 1. – pp. 37–51.
12. Tauseneva Maria Sergeevna "Career design as a life scenario of modern youth" // Baikal Research Journal. 2021. No.3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariernoe-konstruirovaniyekak-zhiznennyi-stsenarij-sovremennoy-molodezhi> (Accessed 12 December 2024).
13. Khashaeva S. V. "Career strategies of youth as a reflection of ambitions and competitive practices in professional activity" // Scientific result. Sociology and management. 2023. Vol. 9, No. 4. pp. 47–57.
14. Khashaeva, S. V. "Vital landmarks of modern youth" // Socio-pedagogical issues of education and upbringing: Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Cheboksary, April 15, 2021. Cheboksary: Limited Liability Company «Publishing House «Wednesday», 2021. – pp. 49–51.
15. Yakovlev A. A., Egorov M.N. Career strategies of young people as a path to promising activities// Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2024. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariernye-strategii-molodezhi-kak-put-k-perspektivnoy-deyatelnosti> (date of access: 12.12.2024).

Человеко-машинное взаимодействие: развитие человека и предпосылки для эры технологий искусственного интеллекта

Ядова Екатерина Николаевна,

кандидат социологических наук, старший преподаватель,
НИТУ МИСИС

E-mail: yadova@gmail.com

Развитие человека во взаимодействии с искусственным интеллектом (ИИ) и другими сложными технологиями изучается сравнительно недавно. Эмпирических данных становится все больше, но в настоящее время они фокусируются преимущественно на поведении и практике, нежели на глубинных характеристиках личности и социума. Во многих исследованиях не ставится задачи продвинуться в вопросе о том, как человеку осознанно и самостоятельно развиваться с помощью технологий ИИ, как наладить процесс поддержки и стимулирования такого развития, чтобы не останавливаться на простом использовании человеком технологий как инструмента для решения текущих задач. Чтобы ставить глубокие вопросы, необходимо опираться на концептуальную и эмпирическую базу. Одним из важных элементов такой опоры выступает направление Human-computer interaction (HCI) – взаимодействие человека и компьютера¹. В работе представлены результаты систематического анализа 8 ключевых подходов HCI с 1970-х до середины 2020-х годов, для каждого описаны связанные с ним представления о развитии человека. Выводом служит тезис о том, что требования к развитию человека росли на протяжении всей истории HCI и сейчас крайне высоки. Речь идет, скорее, не о профессиональных компетенциях, а о более глубоких характеристиках, таких как личностное развитие, системное и критическое мышление, рефлексия. Какие именно характеристики личностного развития наиболее критически важны, оптимально устанавливать с лонгитюдных исследований. Но уже очевидно, что необходимо наращивать усилия для обеспечения поддержки и даже подталкивания человека к развитию в новых направлениях. Необходимо наладить процесс, который системно и по масштабу должен быть сравним с распространением применения технологий ИИ.

Ключевые слова: взаимодействие человека и компьютера Human-computer interaction (HCI), взаимодействия человека с технологиями искусственного интеллекта Human-Artificial intelligence interaction (HAII), применение технологий искусственного интеллекта, развитие человека, эффективность, развитие общества.

Введение

Взаимодействие человека и компьютера – междисциплинарная область, возникшая по научным меркам недавно, в конце 1970-х – начале 1980-х годов, на стыке психологии, дизайна и компьютерных наук. Первое использование именно этого термина фиксируют в статье 1976 года [Sayago, Teixidó, 2024; Carlisle, 1976].

Становление HCI

Революция персональных компьютеров (ПК) конца 1970-х годов стимулировала изучение того, как люди взаимодействуют с этими устройствами [Carroll, 2012]. Важно, что первые компьютеры появились в 1940-х годах, и их массового распространения пришлось ждать три десятилетия. Сейчас скорость развития технологий в разы больше, вследствие чего массовое использование новой технологии начинается значительно раньше [Woo, Magee, 2022]. И все же можно говорить, что процесс, похожий на революцию ПК, происходит с середины 2020-х годов – это эмерджентное массовое использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) – а точнее, больших лингвистических моделей – в повседневной и профессиональной деятельности людей. Революция ПК сделала «каждого человека в мире потенциальным пользователем компьютера, ярко выделив недостатки компьютеров в отношении удобства их применения для тех, кто хотел использовать компьютеры как инструменты» [Carroll, 2012; The learning organization..., 2025]. Революция LLM сделала то же самое, только каждый человек теперь становится потенциальным пользователем больших языковых моделей.

Историю развития Human-computer interaction (HCI) целесообразно рассмотреть, чтобы глубже понять общение человека с ИИ – Human-Artificial intelligence interaction (HAII) [Sun et al., 2023]. Публикаций, излагающих результаты исследования HAII, становится все больше, но они часто имеют слишком общий характер, чтобы уже сейчас делать уверенные выводы о глубине и особенностях взаимодействия человека с ИИ, основываясь на эмпирических данных [Collins et al., 2021; Raees et al., 2024; Vaccaro et al., 2024].

HAII – молодая научная область, и для ее дальнейшего развития важна опора на историю HCI, что обеспечит HAII поддержку в создании базы для расширения фокуса исследований разных групп пользователей, изучения роли ИИ и выработки подходов к решению актуальных задач [Jiang et al., 2024]. Это особенно важно с учетом того, что в некоторых работах авторы отмечают, что HCI перерастает в HAII [Sun et al., 2023].

Когнитивизм и ранние теоретические подходы

Первым систематизированным концептуальным осмыслением HCI называют книгу 1983 года «Психология человеко-компьютерного взаимодействия» [Card, 1983]. В ней авторы предложили рассматривать человека как информационно-процессорную систему и описали психологию человеко-машинного интерфейса как «индивидуальную психологию: изучение поведения человека

¹Как синоним используем термин «человеко-машинное взаимодействие».

в нечеловеческой среде». Здесь появилась концепция «квалифицированного человеко-компьютерного взаимодействия», то есть база для того, чтобы человек развивался через повышение квалификации взаимодействия.

Центральное место в концепции занимает GOMS-модель (Goals – цели, Operators – операторы, Methods – методы, Selection rules – правила выбора). Эта модель широко применяется и развивается. В настоящее время существует целое семейство моделей для анализа и проектирования пользовательского интерфейса, появляются научные работы, базирующиеся на GOMS-модели как основе [John, Kieras, 1996]. По модели предсказывают, например, время выполнения задач, ее интегрируют в различные разработки [Уженцева, Мерзлякова 2024]. Но человеку она, по сути, предлагает быть больше похожим на компьютерный алгоритм и последовательно переходить от определения цели к выполнению операторов (как при программировании) и дальше – к применению методов и правил выбора. Такой подход, вероятно, помогает быть человеком, успешным в человеко-компьютерном взаимодействии, но это только начало осмысления темы. По аналогии с ним в теме ИИ возникло направление изучения и развития промптинга, которое поясняет, как быть более эффективным в ИИ, но не как быть более развитым человеком с использованием ИИ.

Переход от когнитивизма к социокультурным подходам

Поход, предлагающий рассматривать человека только как рационального пользователя, со временем показал свою ограниченность. И теория деятельности, первоначально разработанная А.Н. Леонтьевым, стала набирать влияние в теме человеко-машинного взаимодействия [Kaptelinin, Nardi, 2012]. Главное понятие здесь – деятельность, которая понимается как целенаправленное, опосредованное и преобразующее взаимодействие между человеком и миром. И именно в результате деятельности возникает «психическое “вообще”», т.е. сначала формируется внешняя деятельность, а потом уже внутренняя [Шубина, 2014]. С таким подходом меняется суть понимания HCI: теперь взаимодействие человека и компьютера развивает человека целиком, психика формируется благодаря деятельности [Kaptelinin, Nardi, 2018].

Важной вехой в разработке темы человеко-машинного взаимодействия стала концепция распределенного познания, предложенная когнитивным антропологом Э. Хатчинсом [Hutchins, 1995]. Как и в теории деятельности, здесь человек не ограничен индивидуальными знаниями. Он развивается, получая знания и опыт во взаимодействии с окружающей экосистемой, с ее элементами и другим участниками.

Дизайн-ориентированный подход

Параллельно с развитием теоретических подходов формировались подходы, фокусирующиеся на пользовательском опыте взаимодействия человека и технологий. Д. Норман выпустил работу «Дизайн привычных вещей» [Норман, 2013]. Основная идея автора состоит в том, что человек должен пользоваться вещами, в том числе технологическими, на базе естественных паттернов, а не перестраиваться в процессе. Такой человекоцентричный дизайн (Human-centered design, HCD) не слишком прост в реализации, но крайне ценен для потребителей. Потребности, возможности и поведение человека ставятся на первое место при разработке вещей и технологических сервисов.

В той же парадигме представлений о том, что интерфейс компьютера, технологического сервиса должен подстраиваться под человека, Б. Шнейдерман [Шнейдерман, 1983] разработал концепцию прямого манипулирования и правила дизайна интерфейсов.

Проектирование с участием пользователей

Следующим шагом развития концепций HCI стало вовлечение пользователей в процесс разработки дизайна человеко-машинного взаимодействия, кооперация, совместный с пользователями процесс создания дизайна [Muller, 2003]. Практики и методы такой работы развиваются в настоящее время и часто применяются в развитии современных технологических сервисов.

Социально-ориентированный подход

По мере углубления в изучение взаимодействия человека и компьютера все больше исследований показывали, что природа такого взаимодействия имеет социальный характер. Пользователи демонстрируют социальные реакции, как если бы компьютер был человеком или хотя бы был похож на человека [Ядова, 2015]. И происходит это не в результате сознательного убеждения или невежества пользователей, а естественным путем, как обычное, нормальное явление. Данные положения были выдвинуты и обоснованы в работах К. Насса и его коллег [Nass et al., 1994].

Современные подходы в стремлении к органичному воплощению и дополнению человека

Логичным эволюционным шагом стали представления о том, что любые когнитивистские подходы, базирующиеся на познании и компетенциях, ограничивают развитие человеко-машинного взаимодействия. И они должны уступить место феноменологическим, более целостным и естественным подходам. Ряд авторов, в частности К. Фишкин и др., полагают, что развитие компьютеров и интерфейсов идет к невидимости устройств [Fishkin et al., 1998; Weiser, 1991]. Но П. Дурриш не согласен с этим, отмечая, что невидимыми инструментами пользоваться неудобно, а вот создание технологий, воплощенных, вписанных в физический и социальный мир органично, со смыслами, – это как раз цель развития технологических сервисов и интерфейсов [Dourish, 1999].

Обобщим изложенное, представив основные концепции в истории изучения HCI и их роль в развитии человеко-машинного взаимодействия (табл. 1).

Осмысление роли компьютеров в жизни человека в контексте человеко-машинного взаимодействия явно движется в сторону разработки максимально комфортных для естественного использования человеком сервисов, которые будут дружелюбными и удобными, не будут отвлекать от решения задач и, в идеале, будут еще и мотивировать людей развивать более желательное поведение [Nyström, Mustaquim, 2014].

Параллельно активно развивается направление, в котором технологии берут на себя часть работы человека, вследствие чего будет происходить расширение возможностей человека, усиление его способностей за счет развития технологий и медицины, т.е., по сути, его цифровая трансформация [Raisamo et al., 2019].

Таблица 1. Концепции, определяющие ключевые подходы HCI

Название концепции	Краткое содержание и основные смыслы	Как представляется человек	Как представляется машина (компьютер и далее – технологии ИИ)	Что предлагается для развития человека
GOMS-модель [Card, 1983]	Модель обработки информации пользователем в процессе взаимодействия с компьютерной системой Последовательный переход от определения целей к выбору операторов и дальше – к применению методов и правил выбора для выполнения задач на компьютере	Человек – это пользователь, рациональный информационный процессор. Его функции ограничены физическим, когнитивным и перцептивным взаимодействием с компьютером для достижения наилучшего возможного результата. Человек действует рационально и целенаправленно, обладая знаниями и компетенциями («how-to-do-it» knowledge), оптимально выбирает стратегии и действует без ошибок [Kieras, 1999]	Машина представляется как: – пассивная система, реагирующая на команды пользователя; – интерфейс спроектирован с учетом потенциального времени отклика; – есть ограниченный набор операторов, доступных для выполнения задач [Gomez et al., 2025]	Развитие человека понимается суженно – как развитие компетенций, даже обучение навыкам работы с машиной. Чем большими навыками обладает человек, тем более развитым он считается
Теория деятельности А.Н. Леонтьева [Леонтьев, 1975]	Психологическая концепция, которая предлагает понимать развитие и функционирование психики человека через анализ предметной деятельности как основной единицы жизни человека. Согласно концепции, внутренняя, психическая детальность возникает в результате интериоризации внешней практической деятельности и имеет такую же структуру	Человек – это субъект активной деятельности, который действует в окружающей его среде и таким образом развивается. Человеческий разум возникает и существует как особый компонент человеческого взаимодействия с окружающей средой	Машина – орудие, часть окружающего мира, среды, с которой взаимодействует человек. Люди живут в среде, которая сама по себе значима. Эта среда состоит из сущностей, которые сочетают все виды объективных особенностей, включая культурно детерминированные	Человек должен участвовать в предметной деятельности, интериоризировать орудия, овладевать инструментами, реализовывать свою ведущую деятельность, развиваться в разделении своих мотивов, целей и условий
Концепция распределенного познания Э. Хатчинса [Hutchins, 1995]	Подход в когнитивных науках, который определяет, что познание включает в себя не только мозг, но и внешние артефакты, рабочие группы, состоящие из нескольких человек, и культурные системы интерпретации реальности	Человек представляется как компонент распределенной когнитивной системы, которая включает самого человека, его физическое и социальное окружение	Машина – часть физической среды и часть социального окружения, опосредующая общение людей друг с другом	Получать знания индивидуально, а также в социальной и физической среде. Взаимодействовать в распределенной среде
Человекоцентричный дизайн Д. Нормана и концепция прямого манипулирования Б. Шнейдермана [Норман, 2013; Коломеец и др., 2016; Константин, 2004]	Подход к проектированию вещей, при котором человеческие потребности, способности, поведение занимают ключевое место, под них подстраиваются разработки	Человек представляется как активный когнитивно-эмоциональный агент	Машина, вещи, технологические сервисы – это объекты, коммуникационные интерфейсы которых должны быть настроены максимально удобно для человека	Человеку должны быть предоставлены удобные интерфейсы взаимодействия. Развитие человека не должно требоваться для использования технологий. В этой концепции человеку удобно пользоваться вещами, он на них не отвлекается, и применение вещей не отвлекает человека от развития, экономит его когнитивные и эмоциональные ресурсы для более важного

Название концепции	Краткое содержание и основные смыслы	Как представляется человек	Как представляется машина (компьютер и далее – технологии ИИ)	Что предлагается для развития человека
Партисипативный дизайн [Muller, 2003]	Подход к развитию интерфейсов и технологических сервисов через вовлечение пользователей в процесс дизайна человеко-машинного взаимодействия, кооперация, совместный с пользователями процесс создания дизайна	Человек представляется как эксперт собственного пользовательского опыта, с субъектностью, рефлексией, критическим мышлением	Машина, технологический сервис – это социально конструируемый артефакт, результат коллаборации разработчика с пользователем, призванный быть удобным для реализации потребностей пользователя	Развитие человека рассматривается с точки зрения развития его как участника кооперации по разработке интерфейсов, т.е. в развитие включаются компетенции понимания дизайна, а также критическое мышление, рефлексия и анализ опыта. Однако на развитии пользователя с этой точки зрения акцент не ставится. Фокус на развитии интерфейсов
Компьютеры как социальные акторы [Nass et al., 1994; Игнатъев, 2020; Йонк, 2019]	Концепция, предполагающая, что человек общается с компьютером, как с другим человеком, т.е. бессознательно применяет к нему социальные эвристики человеческого взаимодействия	Человек выступает органичным, естественным носителем социальных реакций	Машина выступает источником сигналов, которые воспринимаются как социальные; квази-носитель человеческих атрибутов, «подменный» социальный партнер человека	Человеку не обязательно развиваться для взаимодействия с машиной, так как каждый является носителем социального поведения, установок взаимодействия. Но развитие личности человека и его поведения в социуме найдет отражение и проявится во взаимодействии с машиной
Воплощенное взаимодействие	Концепция, которая предполагает, что мы максимально непосредственно (не двигая «мышкой», например) обмениваемся смыслами с компьютерными системами, которые естественным образом находятся в нашем физическом и социальном пространстве	Человек – это воплощенный агент, живущий свою жизнь в смыслах, в физическом и социальном пространстве	Машина, технология, так же, как и человек, воплощена в физическом и социальном пространстве. Она должна не мешать человеку концентрироваться на выполнении его задач, быть воплощенной, органично встроенной в мир вокруг и подстраиваться под человека	Человек развивается, решает свои задачи и даже в целом живет свою жизнь через воплощенное участие в практиках

Заключение

История научного осмысления человеко-компьютерного взаимодействия, несмотря на свою условную молодость, вполне однозначно показывает все более плотное проникновение технологических сервисов в жизнь, все более «бесшовное» их применение и бессознательное использование. Разница в представлениях авторов и последователей существующих подходов к человеко-машинному взаимодействию о развитии человека, о роли компьютеров и технологий в его жизни не настолько велика, чтобы не заметить растущую важность самого человека, его проявлений. Чем больше сервисов и аугментаций (дополнений) человеку доступно, тем важнее то, насколько осознанно он будет пользоваться все более мощными инструментами для решения задач; насколько осмысленно и этично, с контролем и ответственностью будет человек подходить к имплементации результатов своей работы в социальную жизнь.

Массовое распространение и доступность мощных инструментов для людей по всему миру обуславливают обязательность столь же массового и системного распространения инструментов для развития человека. В частности, для повышения уровня метакогнитивных

стратегий взаимодействия с ИИ, критической оценки результатов работы технологических сервисов, особенно с участием ИИ, формирования нового уровня компетенций коллаборации людей друг с другом в технологическом мире и людей с технологическими сервисами. Чем более проработанным и массовым будет процесс развития человека в эпоху мощных технологий, тем более вероятными будут позитивные сценарии развития для общества.

Литература

1. Игнатъев В.И. Техносубъекты социальной структуры гибридного социума // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии: сборник докладов. Вып. 6. М.; Тюмень, 2020.
2. Йонк Р. Сердце машины. Наше будущее в эру эмоционального искусственного интеллекта. 2019. URL: <https://www.litres.ru/book/richard-yonk/serdce-mashiny-nashe-budushee-v-eru-emocionalnogo-iskusstvennogo-intellekta-2019/> (дата обращения: 23.07.2025).
3. Коломеец М. В., Чечулин А.А., Котенко И.В. Обзор методологических примитивов для поэтапного по-

- строения модели визуализации данных // Информатика и автоматизация. 2015. № 5(42). С. 232–257.
4. Константин Л.Л. Человеческий фактор в программировании. М., 2004.
 5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
 6. Норман Д. Дизайн привычных вещей. 2013. URL: <https://www.litres.ru/book/donald-norman/dizayn-privychnyh-veschey-37404452/> (дата обращения: 30.07.2025).
 7. Уженцева А. В., Мерзлякова Е.Ю. Адаптация модели GOMS для мобильных приложений // MIST: Современные инновации, системы и технологии. 2024. № 2(24). URL: <https://oajmist.com/index.php/12/article/view/273> (дата обращения: 17.07.2025).
 8. Шубина И.В. Понятия «деятельность», «деятельностный подход» в отечественной науке // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 6. С. 313–327.
 9. Ядова Е.Н. Взаимодействие человека с социальным роботом: выводы по результатам исследования для сферы образования // Образовательная среда сегодня и завтра: материалы X международной научно-практической конференции, Москва, 26–27 ноября 2015 г. / Под ред. Г.Г. Бубнова, Е.В. Плужника, В.И. Солдаткина. М.: Московский технологический институт, 2015. С. 568–570.
 10. Card S. K. (Ed.). The Psychology of Human-Computer Interaction. 1st ed. CRC Press, 1983. URL: <https://cpe-iitg.vlabs.ac.in/exp/goms-model/theory.html> (accessed: 04.08.2025).
 11. Carlisle J.H. Evaluating the impact of office automation on top management communication // AFIPS'76: National Computer Conference and Exposition. Proceedings of the June 7–10, 1976. P. 611–616.
 12. Carroll J.M. Human Computer Interaction – brief intro // The Encyclopedia of Human-Computer Interaction, 2nd ed. 2012. URL: https://www.interaction-design.org/literature/book/the-encyclopedia-of-human-computer-interaction-2nd-ed/human-computer-interaction-brief-intro?srsltid=AfmBOoo1Qx6095L30bKQwI8BmKBzXAmjt-FdFlx-tVjWq-grRSwa3oY_K (accessed: 30.07.2025).
 13. Collins C., Dennehy D., Conboy K., Mikalef P. Artificial intelligence in information systems research: A systematic literature review and research agenda // International journal of information management. 2021. Vol. 60. P. 102383.
 14. Dourish P. Embodied interaction: Exploring the foundations of a new approach to HCI // Work. 1999. Vol. 1(1). P. 1–16.
 15. Fishkin K. P., Moran T.P., Harrison B.L. Embodied user interfaces: Towards invisible user interfaces // IFIP international conference on engineering for human-computer interaction. Boston, MA: Springer US, 1998. P. 1–18.
 16. Gomez C., Cho S.M., Ke S., Huang C.M., Unberath M. Human-AI collaboration is not very collaborative yet: a taxonomy of interaction patterns in AI-assisted decision making from a systematic review // Frontiers in Computer Science. 2025. Vol. 6. P. 1521066.
 17. Hutchins E. Cognition in the Wild. MIT Press, 1995.
 18. Jiang T., Sun Z., Fu S., Lv Y. Human-AI interaction research agenda: A user-centered perspective // Data and Information Management. 2024. Vol. 8(4). P. 100078. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2543925124000147> (accessed: 05.08.2025).
 19. John B., Kieras D. The GOMS Family of User Interface Analysis Techniques: Comparison and Contrast // Journal ACM Transactions on Computer-Human Interaction (TOCHI). 1996. Vol. 3, Is. 4. P. 320–351.
 20. Kaptelinin V., Nardi B. Activity theory as a framework for human-technology interaction research // Mind, Culture, and Activity. 2018. Vol. 25(1). P. 3–5.
 21. Kaptelinin V., Nardi B. Activity theory in HCI // Fundamentals and reflections. Morgan & Claypool Publishers, 2012. Vol. 13.
 22. Kieras D. E. A guide to GOMS model usability evaluation using GOMS and GLEAN3. University of Michigan, 1999. 313 p.
 23. Muller M.J. The human-computer interaction handbook. Participatory design: the third space in HCI. 2003. P. 1051–1054.
 24. Nass C., Steuer J., Tauber E.R. Computers are social actors // Proceedings of the SIGCHI conference on Human factors in computing systems, 1994. P. 72–78.
 25. Nyström T., Mustaqim M.M. Sustainable information system design and the role of sustainable HCI // Media Business, Management, Content & Services: Proceedings of the 18th International Academic MindTrek Conference. 2014. P. 66–73.
 26. Raees M., Meijerink I., Lykourantzou I., Khan V.J., Pangelis K. From explainable to interactive AI: A literature review on current trends in human-AI interaction // International Journal of Human-Computer Studies. 2024. Vol. 189. P. 103301. URL: <https://arxiv.org/pdf/2405.15051> (accessed: 25.07.2025).
 27. Raisamo R., Rakkolainen I., Majaranta P., Salminen K., Rantala J., Farooq A. Human augmentation: Past, present and future // International Journal of Human-Computer Studies. 2019. Vol. 131. P. 131–143.
 28. Sayago S., Teixidó M. Future Perspectives on Human-Computer Interaction Research. 2024. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-71697-3> (accessed: 04.08.2025).
 29. Shneiderman, B., 1983. Direct manipulation: A step beyond programming languages. Computer, 16(08), pp.57–69.
 30. Sun Y., Shen X.L., Zhang K.Z. Human-AI interaction // Data and Information Management. 2023. Vol. 7(3). P. 100048.
 31. The learning organization: How to accelerate AI adoption. 2025. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/the-learning-organization-how-to-accelerate-ai-adoption?cid=eml-web> (accessed: 30.07.2025).
 32. Vaccaro M., Almaatouq A., Malone T. When combinations of humans and AI are useful: A systematic review and meta-analysis // Nat Hum Behav. 2024. Vol. 8. P. 2293–2303.
 33. Weiser M. The Computer for the 21 st Century // Scientific American. 1991. Vol. 265(3). P. 94–105.
 34. Woo J., Magee C.L. Relationship between technological improvement and innovation diffusion: an empirical test // Technology Analysis & Strategic Management. 2022. Vol. 34(4). P. 390–405.

HUMAN-COMPUTER INTERACTION: HUMAN DEVELOPMENT AND PREREQUISITES FOR THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Yadova E.N.

University of Science and Technology

Human development in interaction with artificial intelligence (AI) and other complex technologies has been studied relatively recently. Empirical evidence is increasing, but currently focuses predominantly on behavior and practices rather than on deep-seated characteristics of personality and society. Many studies do not set the task of advancing the question of how humans can consciously and independently develop through AI technologies, how to establish processes of supporting and stimulating such development, so as

not to stop at simple human use of technologies as tools for solving current tasks. To pose deep questions, it is necessary to rely on a conceptual and empirical foundation. One of the important elements of such foundation is the field of Human-Computer Interaction (HCI). The paper presents results of a systematic analysis of 8 key HCI approaches from the 1970s to the mid-2020s, describing associated conceptions of human development for each. The conclusion is the thesis that requirements for human development have grown throughout the history of HCI and are now extremely high. This concerns not so much professional competencies as deeper characteristics, such as personal development, systems thinking and critical thinking, reflexivity. Which specific characteristics of personal development are most critically important is optimally determined through longitudinal studies. But it is already evident that efforts must be intensified to ensure support and even nudging of human development in new directions. It is necessary to establish a process that should be systemic and comparable in scale to the proliferation of AI technology applications.

Keywords: Human-Computer Interaction (HCI), Human-Artificial Intelligence Interaction (HAII), artificial intelligence technology applications, human development, effectiveness, societal development.

References

- Card S. K. (1993) *The Psychology of Human-Computer Interaction*. 1st ed. CRC Press, 1983. URL: <https://cpe-iitg.vlabs.ac.in/exp/goms-model/theory.html> (accessed: 04.08.2025).
- Carlisle J. H. (1976) Evaluating the impact of office automation on top management communication. AFIPS'76: National Computer Conference and Exposition. Proceedings of the June 7–10: 611–616.
- Carroll J.M. Human Computer Interaction – brief intro (2012). *The Encyclopedia of Human-Computer Interaction*. 2nd ed. URL: https://www.interaction-design.org/literature/book/the-encyclopedia-of-human-computer-interaction-2nd-ed/human-computer-interaction-brief-intro?srsltid=AfmBOoo1Qx6095L30bKQwI8BmKBzXAmjFfDFlx-tVjWq-grRSwa3oY_K (accessed: 30.07.2025).
- Collins C., Dennehy D., Conboy K., Mikalef P. (2021) Artificial intelligence in information systems research: A systematic literature review and research agenda. *International journal of information management*. N 60: 102383.
- Dourish P. (1999) Embodied interaction: Exploring the foundations of a new approach to HCI. *Work*. N 1(1): 1–16.
- Fishkin K. P., Moran T.P., Harrison B.L. (1998) Embodied user interfaces: Towards invisible user interfaces. IFIP international conference on engineering for human-computer interaction. Boston, MA: Springer US: 1–18.
- Gomez C., Cho S.M., Ke S., Huang C.M., Unberath M. (2025) Human-AI collaboration is not very collaborative yet: a taxonomy of interaction patterns in AI-assisted decision making from a systematic review. *Frontiers in Computer Science*. N 6: 1521066.
- Hutchins E. (1995) *Cognition in the Wild*. MIT Press.
- Ignatiev V. I. (2020) Technosubjects of the social structure of a hybrid society. *Sociology and society: traditions and innovations in social development: collection of reports*. Is. 6. Moscow; Tyumen. (In Russ.)
- Jiang T., Sun Z., Fu S., Lv Y. (2024) Human-AI interaction research agenda: A user-centered perspective. *Data and Information Management*. N 8(4): 100078. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2543925124000147> (accessed: 05.08.2025).
- John B., Kieras D. (1996) The GOMS Family of User Interface Analysis Techniques: Comparison and Contrast. *Journal ACM Transactions on Computer-Human Interaction (TOCHI)*. N 3, Is. 4: 320–351.
- Jonk R. (2019) *The Heart of the Machine: Our Future in the Age of Emotional Artificial Intelligence*. URL: <https://www.litres.ru/book/richard-yonk/serdce-mashiny-nashe-budushee-v-eru-emocionalnogo-iskusstven-39954312/> (accessed: 23.07.2025). (In Russ.)
- Kaptein V., Nardi B. (2018) Activity theory as a framework for human-technology interaction research. *Mind, Culture, and Activity*. N 25(1): 3–5.
- Kaptein V., Nardi B.A. (2012) *Activity theory in HCI. Fundamentals and reflections*. Morgan & Claypool Publishers. N 13.
- Kieras D. E. (1999) *A guide to GOMS model usability evaluation using GOMS and GLEAN3*. University of Michigan. 313 p.
- Kolomeets M. V., Chechulin A.A., Kotenko I.V. (2015) Review of methodological primitives for step-by-step construction of a data visualization model. *Computer Science and Automation*. N 5(42): 232–257. (In Russ.)
- Konstantin L. L. (2004) *Human factor in programming*. Moscow, 2004. (In Russ.)
- Leontiev A. N. (1975) *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow, 1975. (In Russ.)
- Muller M. J. (2003) *The human-computer interaction handbook. Participatory design: the third space in HCI*: 1051–1054.
- Nass C., Steuer J., Tauber E.R. (1994) Computers are social actors. *Proceedings of the SIGCHI conference on Human factors in computing systems*: 72–78.
- Norman D. (2013) *Design of Everyday Things*. URL: <https://www.litres.ru/book/donald-norman/dizayn-privychny-veschey-37404452/> (accessed: 30.07.2025). (In Russ.)
- Shneiderman, B., 1983. Direct manipulation: A step beyond programming languages. *Computer*, 16(08), pp.57–69.
- Nyström T., Mustaqim M.M. (2014) Sustainable information system design and the role of sustainable HCI. *Media Business, Management, Content & Services: Proceedings of the 18th International Academic MindTrek Conference*: 66–73.
- Raees M., Meijerink I., Lykourantzou I., Khan V.J., Papangelis K. (2024) From explainable to interactive AI: A literature review on current trends in human-AI interaction. *International Journal of Human-Computer Studies*. 2024. N 189: P. 103301. URL: <https://arxiv.org/pdf/2405.15051> (accessed: 25.07.2025).
- Raisamo R., Rakkolainen I., Majaranta P., Salminen K., Rantala J., Farooq A. (2019) Human augmentation: Past, present and future. *International Journal of Human-Computer Studies*. N 131: 131–143.
- Sayago S., Teixidó M. (2024) Future Perspectives on Human-Computer Interaction Research. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-71697-3> (accessed: 04.08.2025).
- Shubina I. V. (2014) Concepts of “activity”, “activity approach” in domestic science. *Social and humanitarian knowledge*. N 6: 313–327. (In Russ.)
- Yadova E. N. (2015) Human interaction with a social robot: conclusions from the results of the study for the field of education. *Educational environment today and tomorrow*. Moscow: Moscow Institute of Technology: 568–570. (In Russ.)
- Sun Y., Shen X.L., Zhang K.Z. (2023) Human-AI interaction. *Data and Information Management*. N 7(3): 100048.
- The learning organization: How to accelerate AI adoption (2025). URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/the-learning-organization-how-to-accelerate-ai-adoption?cid=eml-web> (accessed: 30.07.2025).
- Uzhentseva A. V., Merzlyakova E. Yu. (2024) Adaptation of the GOMS model for mobile applications. *MIST: Modern innovations, systems and technologies*. N 2(24). URL: <https://oajmist.com/index.php/12/article/view/273> (accessed: 17.07.2025). (In Russ.)
- Vaccaro M., Almaatouq A., Malone T. (2024) When combinations of humans and AI are useful: A systematic review and meta-analysis. *Nat Hum Behav*. N 8: 2293–2303.
- Weiser M. (1991) *The Computer for the 21 st Century*. Scientific American. N 265(3): 94–105.
- Woo J., Magee C.L. (2022) Relationship between technological improvement and innovation diffusion: an empirical test. *Technology Analysis & Strategic Management*. N 34(4): 390–405.

Теоретический анализ социальной интеграции в социально-философском знании

Дубровин Владимир Леонидович,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Института социологии, ФНИСЦ РАН
E-mail: vladimir.dubrovin@gmail.com

Цель исследования – анализ социологических подходов к феномену социальной интеграции. Методология исследования базируется на историческом и сравнительном методах. Результаты исследования: Обеспечение социальной интеграции является необходимым условием выживания общества, поэтому данная тема является одной из главных в социально-философских исследованиях. В этой статье мы рассмотрели ряд подходов к анализу социальной интеграции, сосредоточившись, прежде всего, на функциональном подходе, в рамках которого социальной интеграции придается особенно большое значение, конфликтологическом подходе, а также анализе системной и социальной интеграции, предпринятой Н. Моузелисом. Нам представляется, что подход Н. Моузелиса, учитывающий культурное и структурное разнообразие современных обществ, является весьма перспективным для исследования проблемы социальной интеграции в современных условиях.

Ключевые слова: социальная интеграция, системная интеграция, структурный функционализм, социальные функции, социальные институты, социальный конфликт, социальная система, конфликтологическая парадигма, социализация, культура.

Введение

Социальная интеграция является одним из наиболее важных понятий, используемых в социально-философской и социологической мысли для исследования общества. Существует также ряд других понятий, приближающихся по смыслу к понятию социальной интеграции и отражающему тот же феномен общественной жизни.

Наряду с понятием социальной интеграции в близком ему значении употребляются такие понятия как «социальная солидарность», «социальный порядок», «социальная организация», «социальный консенсус» и др. Все эти понятия отсылают к пониманию общества как некоего единства, характеризующегося взаимосвязью различных элементов, его составляющих. Разница заключается в том, какие аспекты этого единства выходят на первый план: сам факт единства, характер и механизмы его обеспечения, процесс конструирования этого единства и т.д.

Понятие социальной интеграции может означать одновременно и результат (наличное единство), и процесс его обеспечения, то есть, оно объединяет статический (структурный) и динамический аспекты консолидации социального целого. Единство является фундаментальным свойством общества, если единство отсутствует, невозможно говорить о существующем обществе. Однако, в то же время, единство никогда не бывает полным. В каждом обществе можно наблюдать дезинтегрирующие процессы и элементы, и выживание общества зависит от того, насколько оно способно справляться с дезинтеграционными тенденциями, какие механизмы при этом используются. Победа дезинтеграционных процессов означает распад социального целого, что неоднократно наблюдалось в истории человеческих обществ.

Социальная философия и социология всегда уделяли много внимания проблеме социальной интеграции и социального порядка. В данной статье мы рассмотрим основные социологические подходы к проблеме социальной интеграции.

Основные теоретические подходы к проблеме социальной интеграции

Уже в трудах основателя социологии Огюста Конта проблеме социальной интеграции уделяется весьма значительное внимание. Конт рассматривает общество как целостный организм, употребляет такие понятия, как «консенсус» и «гармония» применительно к описанию и анализу этого единства. Общество, по Конту, есть организм, в котором все части связаны универсальным консенсусом, обеспечивающим единство и стабильность.

Проблему единства и интеграции Конт относил к такому разделу создаваемой им науки об обществе, как социальная статика.

Для Конта интеграция была необходима для предотвращения социальных конфликтов и обеспечения гармонии между индивидами, группами и институтами. В этом он видел и основную задачу новой науки, которая предназначена для решения конкретных задач. «Научная ор-

ганизация общественной жизни, как полагал Конт, «позволит навсегда покончить с социальной враждой и наладить гармоничные гуманные отношения между людьми. Нравственный смысл своего учения Конт сформулировал следующим образом: «любовь как принцип, порядок как основание и прогресс как цель» [7; 8].

По мнению Конта, общество не может существовать без великого фундаментального консенсуса, связывающего воедино все его части, от семьи до государства, через общие идеи и чувства.

Основными элементами, которые обеспечивают социальную интеграцию, Конт считал социальный консенсус, то есть согласие общества по поводу основных идей, ценностей, норм и правил; мораль и религию (религию он считал важным механизмом формирования общих убеждений); разделение труда, которое обеспечивает взаимозависимость членов общества; такие институты, как семья, государство и религия, а в современном обществе – образование, как проводник научных (позитивных) знаний, которые обеспечивают единство и порядок.

Важная роль, которую Конт отводил семье, показывает, что он видел обеспечение интеграции как процесс, охватывающий общество снизу доверху. Именно семья является для него базовой единицей анализа общества. Именно в семье индивид овладевает необходимым для общественной жизни навыком подчинять свои индивидуальные эгоистические желания общему благу.

Идеи Огюста Конта послужили фундаментом для такого направления теоретического исследования общества, как функционализм. Эмиль Дюркгейм, классик социологической мысли, во многом развил и существенно дополнил идеи О. Конта. Для Дюркгейма проблематика социальной интеграции представляла как проблематика социальной солидарности.

Механическая солидарность, присущая традиционным обществам, основанная на сходстве образа жизни, единстве морали, религии и ритуала, подразумевала неотделимость индивида от социального целого.

Органическая солидарность, присущая обществам современного типа, базируется на глубоком разделении труда и функциональной взаимозависимости. Она допускает обособление индивида от коллективного целого, предоставляя ему широкую свободу, но эта свобода при недостатке общих ценностей и норм и ослаблении социальных связей зачастую создает для индивида психологические проблемы: ничем не сдерживаемые индивидуальные желания неизбежно ведут к разочарованию и в наиболее кризисных случаях – к самоубийству. Одним из важных факторов самоубийств в современных обществах Дюркгейм считал недостаток социальных связей между людьми, то есть ослабление социальной интеграции. Он обосновывал это ссылками на статистические данные о распространенности самоубийств в различных социальных группах современного общества.

Дюркгейм разработал понятие аномии, ставшее важным вкладом в понимание девиантного поведения и исследование дезинтеграционных тенденций в обществе.

Аномия – это ситуация ослабления и противоречивости социальных ценностей и норм, которые не обеспечивают в должной мере интеграцию индивидов в общество. Современные общества характеризуются высоким уровнем аномии.

Дюркгейм давал разные определения аномии, отражающие разные аспекты этого явления: «Если разделение труда не порождает солидарности, то это потому, что отношения между органами не регулируются; это состояние аномии. Действительно, каким бы естественным ни было это явление, оно не может происходить безнаказанно в условиях морального вакуума, где отсутствуют

правила, которые его упорядочивают» [1; 346]; «Аномия возникает из-за недостатка регулирования, из-за отсутствия тех социальных норм, которые должны определять отношения между различными функциями» [1; 347].

Или же: «Аномия – это состояние, при котором общество утрачивает способность регулировать страсти индивидов, оставляя их без ориентиров и в состоянии моральной дезориентации» [2; 276].

В условиях современных обществ средствами укрепления социальной солидарности и обеспечения социальной интеграции, согласно Дюркгейму, должны быть правовые и профессиональные нормы, профессиональные сообщества и профсоюзы, которые могут стать основанием для солидарности, образование как институт, прививающий и передающий общие ценности, обеспечивающий социализацию индивидов и их интеграцию в общество.

Современные общества сохраняют приверженность общим символам, хотя эти символы зачастую приобретают довольно абстрактный и универсалистский характер, что отличает их от прежних символических систем идентификации с сообществом. «Даже в обществе, основанном на разделении труда, коллективное сознание не исчезает полностью, но становится более абстрактным, сосредоточиваясь на универсальных ценностях» [1; 96].

Значительная роль принадлежит также государству, однако необходимо, чтобы государство не превращалось только лишь в механизм подавления индивидуальной свободы: «Государство должно быть достаточно сильным, чтобы регулировать общественные отношения, но не настолько, чтобы подавлять индивидуальную свободу, необходимую для солидарности» [1; 354]. Дюркгейм отмечал, что излишнее развитие бюрократии, а также коррупция, разрушают социальную солидарность и препятствуют эффективной интеграции.

Дальнейшее развитие функционального подхода, в рамках которого социальной интеграции уделялось основное внимание, связано с именем Толкотта Парсонса и его последователей, например, Роберта Мертона.

Для Парсонса общество предстает как система, включающая подсистемы, выполняющие необходимые функции для поддержания целого. Базовыми системными функциями он считал адаптацию, достижение целей, интеграцию и поддержание общих ценностей и формирование мотивации у индивидов. Под интеграцией Парсонс понимал поддержание взаимодействия и координацию между различными элементами системы: экономической, политикой, культурой, а также между индивидами и группами. Таким образом, по Парсонсу, социальная интеграция осуществляется на всех уровнях социального взаимодействия – от макро до микроуровня.

Парсонс выделяет несколько механизмов, отвечающих за поддержание социальной интеграции.

1. Общие ценности и нормы, которые обеспечивают общие представления и установки, закладывающие основы для взаимодействия. Ценности и нормы прививаются индивидам, в основном, в процессе социализации, за который отвечают, главным образом, семья и образовательные учреждения, но не только они. Если обращаться к реалиям современного общества, то нельзя игнорировать, например, влияние медиа, которые становятся всё более разнообразными и вездесущими. «Интеграция социальной системы зависит от степени, в которой индивиды усваивают общие ценности и нормы через социализацию, что обеспечивает согласованность их действий с ожиданиями общества» [5; 142].

2. Социальные институты, которые регулируют поведение людей при помощи определенных правил и норм,

поддерживая стабильность и взаимодействие между различными группами, выполняющими различные профессиональные функции.

3. Социальные роли, тесно связанные с социальными институтами. «Интеграция современных обществ обеспечивается через дифференциацию ролей и институтов, которые координируют действия различных подсистем, таких как экономика и политика, через общие ценности» [6; 76].

4. Социальный контроль – от правовых систем до общественного мнения, поддерживающий и защищающий существующий нормативный порядок, предусматривающий поощрение соблюдения норм и наказание за их нарушение.

5. Социализация. Парсонс считал социализацию ключевым процессом, обеспечивающим интеграцию индивида в общество и тем самым – воспроизводство общества, его норм, ценностей и институтов во времени.

Т. Парсонс отмечал, что социальная интеграция осуществляется на всех уровнях социального взаимодействия, но на разных уровнях преобладают разные механизмы. На макроуровне социальная интеграция обозначает координацию деятельности социальными институтами, находящимися во взаимодействии. На мезоуровне осуществляется интеграция отдельных групп и организаций в рамках общества, на микроуровне индивиды интегрируются, взаимодействуя на основе ролей, норм и правил, взаимных ожиданий.

Социальная интеграция не является процессом, который осуществляется беспроблемно и автоматически. Социальная интеграция, особенно в современных сложных обществах сталкивается с такими вызовами, как девиантное поведение, противоречие разных ценностей, сосуществующих в обществе, неэффективная координация деятельности институтов. Парсонс отмечал, например: «Когда ценности подсистем общества расходятся или когда институциональные механизмы не справляются с координацией, возникает угроза дезинтеграции, требующая усиления социальной общности» [6; 114].

В другой своей работе он отмечал: «Проблемы социальной интеграции возникают, когда нормативные ожидания не согласованы между подсистемами общества или когда индивиды отклоняются от этих ожиданий, создавая напряжения, которые угрожают стабильности системы» [5; 206].

Роберт Мертон, другой заметный представитель функционализма, уделял много внимания проблеме напряженности, возникающей в рамках социальных систем и делающих возможным девиантное поведение.

Возникающее напряжение является следствием недостаточной интеграции между культурой как совокупностью идей, ценностей и норм, и социальной структурой. Такую ситуацию Мертон называл аномией, используя понятие, введенное Дюркгеймом. Однако Мертон дает своё определение аномии, отличающееся от дюркгеймовского.

Согласно Мертону, «Аномия – это состояние социальной системы, при котором существует разрыв между культурно предписанными целями и институционально установленными средствами их достижения, что приводит к ослаблению нормативного контроля и росту девиантного поведения» [4; 318].

Так, например, культура предписывает высокий уровень достижений, связанный с доходом и успехом, но по структурным причинам для многих людей ограничен доступ к законным путям достижения этих целей, поэтому, принимая легальную одобряемую культурой цель, они используют незаконные средства ее достижения. Либо отвергают и обусловленные культурой цели,

и предоставляемые ею средства. Такой выбор поведенческой стратегии может вести либо к пассивным формам эскапизма, либо к бунту.

Мертон рассматривал девиантное поведение как проявление недостаточной интегрированности общества. Если общество не обеспечивает равного доступа к институционализированным средствам (например, из-за классового неравенства, дискриминации), это создает структурное и внутриличностное напряжение, которое проявляется в девиациях.

Социальная интеграция, по Мертону, достигается при наличии следующих условий: цели, одобряемые культурой, являются реально достижимыми для большинства индивидов и институциональные средства их достижения равномерно распределяются (например, существует равный доступ к образованию, которое дает возможность получить достойную профессию и уровень дохода); социальные институты эффективно осуществляют координацию и решают возникающие конфликты. Очевидно, что подобные условия никогда не могут быть обеспечены со всей полнотой, поэтому некоторая напряженность сохраняется, однако необходимо предпринимать усилия для того, чтобы напряженность не приводила к дезинтеграции и не выливалась в столкновения между различными группами.

Мертон подчеркивал важность социальных институтов как механизма социальной интеграции, особенно выделяя роль таких институтов как образование, семья, религия, правовая система. Интегрированное общество подразумевает социальную солидарность, достигаемую через общие ценности и нормы; равенство возможностей; институциональную поддержку, которая регулирует поведение и предотвращает девиации.

Структурный функционализм нередко подвергался критике за недооценку роли в обществе конфликтов и неравенства, за преувеличение в достижении интеграции таких факторов, как согласие и сотрудничество при недооценке факторов власти, конфликтов, соперничества и подавления. С таких позиций функционализм критиковали, в частности, представители конфликтологической парадигмы в социологической мысли, восходящей еще к Т. Гоббсу и К. Марксу.

Представители конфликтологической парадигмы не исключали наличия в обществе социальной интеграции и её необходимости, однако они акцентировали иные механизмы её обеспечения, чем представители функционализма. В рамках конфликтологической парадигмы социальная интеграция не является неотъемлемым свойством социальной системы, но представляет собой результат доминирования одних групп над другими, причем доминирование необязательно является лишь силовым. К Карлу Марксу восходит анализ значения идеологии как типа мышления, поддерживающего социальный порядок, защищающий интересы господствующего класса.

Такие представители конфликтологической парадигмы как Ральф Дарендорф и Людвиг Козер полагали конфликты между различными группами в обществе нормальным и неизбежным явлением социальной жизни. С точки зрения Дарендорфа, социальная интеграция достигается через институциональные механизмы (например, законы, профсоюзы), которые регулируют конфликты, однако эти механизмы не устраняют конфликты полностью. Козер же обнаруживал в конфликтах потенциал для укрепления интеграции, поскольку они могут усиливать сплоченность внутри конфликтующих групп. «Конфликт с другими группами способствует упрочению и подтверждению идентичности группы и сохранению ее границ в отношении окружающего социума» [3; 45]. Он

также считал, что конфликты могут способствовать выработке механизмов их разрешения и урегулирования.

Не все подходы к исследованию социальной интеграции могут быть отнесены к функционализму или конфликтологической парадигме. Социальная интеграция – многомерный и сложный процесс, к исследованию которого возможен подход, совмещающий различные теоретические перспективы. Довольно весомый вклад в исследование социальной интеграции внес Никос П. Музелис. Его подход к социальной интеграции основан на переосмыслении идей Талкотта Парсонса и ряда других теоретиков. Музелис опирается на историческую социологию, теории организаций и социального развития, уделяя внимание как макро-, так и микросоциальным процессам.

Музелис уточняет понятие социальной интеграции, различая системную и социальную интеграцию. «Социальная интеграция относится к 'упорядоченным или конфликтным отношениям между акторами, тогда как системная интеграция сосредоточена на совместимых или несовместимых/противоречивых отношениях между частями социальной системы» [9; 97].

Таким образом, под системной интеграцией он понимает согласованность и координированность на уровне подсистем общества – политики, экономики, культуры и др. Согласованность этих базовых подсистем позволяет обществу в целом избегать структурных кризисов. Под социальной интеграцией Музелис подразумевает взаимодействие между индивидами и группами на микро и мезоуровне социальной реальности, в основе которого лежат разделяемые ценности и нормы, а также процесс идентификации и включенности индивидов в те или иные группы.

Музелис отмечает, что между этими типами интеграции не всегда существует гармоничное соотношение: общество может быть вполне интегрировано на системном уровне, но менее интегрировано на уровне социальном. Индивиды и группы могут чувствовать свою отчужденность и неравноправие в рамках той или иной системы, что потенциально чревато ростом дезинтеграционных тенденций.

Музелис полагал, что Парсонс преувеличивал значение системной интеграции и не уделял достаточно внимания социальной интеграции на микро и мезоуровне. С точки зрения Музелиса, Парсонс недооценивает роль конфликтов и неравенства, которые могут препятствовать социальной интеграции. Модель, предложенная Парсонсом, скорее нормативна, чем связана с реальными процессами, не учитывает в достаточной мере динамику взаимодействия на микроуровне.

Музелис разрабатывал более сбалансированный подход, где интеграция рассматривается как процесс, включающий как институциональные механизмы, так и повседневные взаимодействия. Он помещает свой анализ в широкий исторический контекст, обращаясь, в частности, к истории обществ, находящихся на периферии или за пределами европейского мира. Исследуя общества на Балканах или в Латинской Америке [10], он обращает внимание на феномен рассогласования между заимствованными западными институтами и местными формами организации, которое негативно влияет на социальную интеграцию на обоих уровнях. Его идеи актуальны и сегодня для многих обществ, пытающихся достичь некоего равновесия между собственной культурой и необходимостью формирования институций западного типа, в частности, экономических. Напряжение между «чужим» и «своим» способно провоцировать конфликты в обществах. В некоторых случаях в подобных ситуациях вырабатываются формы интеграции, которые

сложно признать однозначно позитивными, однако их возникновение является ответом на структурные противоречия.

Музелис выделяет такие деформированные механизмы интеграции, как популизм и клиентелизм [11]. Популизм мобилизует широкие слои населения через харизматическое лидерство и риторику, создавая чувство принадлежности и солидарности. Но при этом популизм игнорирует, а иногда и подрывает институциональные структуры, что ограничивает интеграцию, особенно на системном уровне.

Клиентелизм обеспечивает интеграцию через личные связи и покровительство. Это может укреплять местные сообщества, но при этом подрывает общенациональную сплоченность. Подобные механизмы, согласно Музелису, являются альтернативными формами социальной интеграции в обществах, где формальные институты по разным причинам ослаблены.

Музелис уделял также довольно много внимания проблемам поликультурных сообществ и культурным основаниям интеграции, которые стали весьма актуальными в современном мире, где процессы международной миграции способствуют формированию культурно гетерогенных обществ.

Основными механизмами обеспечения интеграции Музелис считал: 1) институциональные структуры (право, образование), которые обеспечивают системную интеграцию – они должны быть адаптированы к местным условиям; 2) социальные связи – локальные сети и сообщества, включая даже клиентелизм, которые могут способствовать социальной интеграции на микроуровне; 3) коммуникацию – различные формы диалога, попытки достичь взаимопонимания между группами укрепляют социальную интеграцию; 4) общие культурные ценности, формированию и поддержанию которых следует уделять особое внимание в многокультурных обществах, где необходимо сочетать признание различий с уважением единства.

Идеи Н. Музелиса, отражающие сложность достижения интеграции в обществах, сталкивающихся с необходимостью ускоренного развития и культурной неоднородности, являются весьма актуальными в современной ситуации.

Заключение

Обеспечение социальной интеграции является необходимым условием выживания общества, поэтому данная тема является одной из главных в социально-философских исследованиях. В этой статье мы рассмотрели ряд подходов к анализу социальной интеграции, сосредоточившись, прежде всего, на функциональном подходе, в рамках которого социальной интеграции придается особенно большое значение, конфликтологическом подходе, а также анализе системной и социальной интеграции, предпринятой Н. Музелисом. Нам представляется, что подход Н. Музелиса, учитывающий культурное и структурное разнообразие современных обществ, является весьма перспективным для исследования проблемы социальной интеграции в современных условиях.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. – 432 с.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. А.А. Сыродеева. М.: Прогресс, 1994. – 399 с.

3. Козер Л.А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О. Назаровой; Под общ. ред. Л.Г. Ионина. – М.: Идея-пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 205 с.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е.Н. Емельянова, Е.В. Мартынова и др. М.: АСТ, Хранитель, 2006. – 880 с.
5. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002–832 с.
6. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1997–270 с.
7. Хрестоматия по истории западной социологии / под ред. Д.В. Покатова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2020. – 100 с.
8. Шапиро В.Д. Социальная интеграция: сущность и механизмы. Социологические исследования, 2006, № 5, с. 34–41.
9. Mouzelis, Nicos P. (2008). Modern and Postmodern Social Theorizing: Bridging the Divide. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 311
10. Mouzelis, Nicos P. (1999). "Modernity: A Non-European Conceptualization." British Journal of Sociology, 50(1), p.141–159
11. Mouzelis, Nicos P. (1985). "On the Concept of Populism: Populist and Clientelist Modes of Incorporation in Semiperipheral Polities." Politics & Society, 14(3), p. 329–348.

THEORETICAL ANALYSIS OF SOCIAL INTEGRATION IN SOCIO-PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

Dubrov V.L.

Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

The aim of the study is to analyze sociological approaches to the phenomenon of social integration. The research methodology is based on historical and comparative methods. Research results: Ensuring social integration is a necessary condition for the survival of society, so this topic is one of the main ones in socio-philosophical

research. In this article we have reviewed a number of approaches to analyzing social integration, focusing primarily on the functional approach, which attaches particular importance to social integration, the conflictological approach, and the analysis of systemic and social integration undertaken by N. Mouzelis. It seems to us that the approach of N. Mouzelis, taking into account the cultural and structural diversity of modern societies, is very promising for the study of the problem of social integration in modern conditions.

Keywords: social integration, system integration, structural functionalism, social functions, social institutions, social conflict, social system, conflict paradigm, socialization, culture.

References

1. Durkheim E. On the division of social labor. Moscow: Canon, 1996. – 432 p. (in Russian)
2. Durkheim E. Suicide: Sociological Etude / Per. from Fr. A.A. Syrodeyev. Moscow: Progress, 1994. – 399 p. (in Russian)
3. Kozier L.A. Functions of Social Conflict / Translated from English by O. Nazarova; Edited by L.G. Ionin. – Moscow: Idea-Press, House of Intellectual Book, 2000. – 205 p. (in Russian)
4. Merton R. Social Theory and Social Structure / Per. from Engl. E.N. Emelyanov, E.V. Merton. Emelyanova, E.V. Martynova et al. Moscow: AST, Guardian, 2006. – 880 p. (in Russian)
5. Parsons T. On Social Systems. Moscow: Academic Project, 2002–832 p. (in Russian)
6. Parsons T. The System of Modern Societies / Translated from English by L.A. Sedov, A.D. Kovalev. Moscow: Aspect Press, 1997–270 p. (in Russian)
7. Textbook on the History of Western Sociology / edited by D.V. Pokatov. – Saratov: Izd. of Saratov University, 2020. – 100 p. (in Russian)
8. Shapiro, V.D. Social integration: essence and mechanisms. Sociological Research, 2006, No. 5, pp. 34–41. (in Russian)
9. Mouzelis, Nicos P. (2008). Modern and Postmodern Social Theorizing: Bridging the Divide. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 311
10. Mouzelis, Nicos P. (1999). "Modernity: A Non-European Conceptualization." British Journal of Sociology, 50(1), p.141–159
11. Mouzelis, Nicos P. (1985). "On the Concept of Populism: Populist and Clientelist Modes of Incorporation in Semiperipheral Polities." Politics & Society, 14(3), p. 329–348.

Е Цзуотянь,

Независимый исследователь

Сходство и различие, а также возможности взаимовлияния разных видов искусств друг на друга – тема актуальная, но при этом она разработана недостаточно. Данная статья посвящена взглядам знаменитого советского кинорежиссера С.М. Эйзенштейна на художественную природу поэзии и анимации. При анализе его теоретических и практических работ выясняется, что между поэзией и анимацией есть глубинное сродство, выражающееся в метафоричности и особой аттрактивности этих искусств. Оба эти свойства, согласно мнению Эйзенштейна, обусловлены обращением поэзии и анимации к древнейшим формам коллективного сознания – к мифу, что парадоксальным образом раскрепощает сознание человека, делает его более свободным, объемным и высокоразвитым.

Ключевые слова: Сергей Эйзенштейн, анимация, кино, поэзия, метафора, вовлеченность.

Взгляды советского киноклассика С.М. Эйзенштейна (1998–1948) на художественную природу поэзии и мультипликации нечасто сопоставлялись и до сих пор представляют большой научный интерес.

Что касается поэзии, то в трудах Эйзенштейна есть множество ссылок на те или иные стихотворные строки того или иного поэта – А.С. Пушкина, А. Белого, В. Шекспира, Г. Гейне, В. Маяковского и др., однако специально поэзией в теоретическом плане режиссер не занимался, хотя идеи сродства и отличия разных видов искусства его очень занимали¹. Но, например, на сходство кино и поэтического текста у Эйзенштейна обратил внимание советско-российский киновед Н.И. Клейман².

Как известно, В.Б. Шкловский (1893–1984), советский писатель, литературовед и киновед, в 1920-е гг. предложил разделение кино на поэтическое и прозаическое. Однако характеристика поэтического кино применяется произвольно – то в соответствии с лирическими мотивами в фильме, то в связи с большим количеством метафор или со сложными визуальными приемами. Клейман заявляет решительно, что «никакой поэзии в кино на самом деле не может быть. Поэзия – «вещь абсолютно словесная»³. И добавляет, что речь пойдет именно об этом – насколько возможна в кино поэзия, а не поэтические настроения и пр., имея в виду выяснение того общего, что есть в поэзии и в кино, но не во внешних приемах, а во внутренних глубинных структурах. Обратим внимание на то обстоятельство, что тут речь идет о кино, а не собственно об анимации, однако, как мы увидим в дальнейшем, выводы окажутся приложимы и к анимации тоже – быть может, в большей степени, чем к кино «фотографическому».

Если деятели кино поколения Эйзенштейна искали его специфику, то сам Эйзенштейн, говоря о генезисе кино, скорее обращался к общему в разных видах искусства и уже отсюда делал выводы о его специфике.

Далее, исследуя смысловые значения некоторых кадров и сцен из работ режиссера, Клейман упоминает о его специальном интересе к иероглифике. Изучая японский язык, он видел его «кинематографичность» (и здесь нельзя не сказать, что японская письменность началась с китайской иероглифики, которая используется до сих пор) и на протяжении нескольких лет, опираясь на этот опыт, пытался создать «однозначный кадр», монтируя кадры с разными предметами, имеющими один и тот же смысл. Но уже к концу 1920-х гг. Эйзенштейн приходит к выводу, что его монтажный стиль и задача – извлечение разных смыслов вещей. «Как герой Мольера не знал, что говорит прозой, так же и Эйзенштейн не знал, что говорит стихами, – говорит Клейман. – Он

¹ См., например: Эйзенштейн С.М. Пушкин и кино // Эйзенштейн С.М. Избранные произведения: В 6 т. – М.: Искусство, 1964. Т. 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/e/ejzenshtejn_s_m/text_1939_pushkin_i_kino.shtml (дата обращения 06.10. 2024); Эйзенштейн С. Литература в кино / С. Эйзенштейн // Вопросы литературы. – 1968 – № 1. – С. 91–112 <https://voplit.ru/article/literatura-v-kino/> (дата обращения 06.10.2024).

² Клейман Наум. Сергей Эйзенштейн. Кино и поэзия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://seance.ru/articles/eisenstein-kleiman/> (дата обращения 05.10.2024).

³ Там же.

не думал о том, что он поэт в кино. Кино не знало, что оно поэтично по своей природе и фактически пытается не просто отразить реальность как зеркало, а оно пытается ее преобразить – то же самое делает поэзия со словом»¹.

Как именно? В поэзии «мобилизуются сразу несколько смыслов одного и того же слова. ...Поэзия подчиняет словарное слово. ...Слово поливалентно, и поэзия мобилизует валентности, и связывает их многократно, она не читается линейно, как проза. Даже рифма нас все время возвращает назад. Мы читаем поэзию спирально, и каждый раз вскрываем все новые смыслы в уже прочитанном слове. Из этого Эйзенштейн сделал самый неожиданный вывод: он называет это *pars pro toto*, “часть вместо целого”. Выкадровка дает возможность мобилизовать явление сразу в нескольких смыслах»². Иными словами, каждое явление в кино должно стать метафорой, а целое в этом случае выглядит многозначным.

Заметим, что тут кинорежиссер отсылает к одному из принципов мифологического сознания – принципу мистической партиципации. В дальнейшем мы увидим, что решение вопроса о соотношении логического и дологического он считает задачей, которую каждый раз нужно решать в кино заново – и к анимации это относится в еще большей степени, чем к кино реалистическому.

Эти выводы напомнили Эйзенштейну его опыт с японским языком: «Японскую поэзию невозможно перевести один раз, потому что каждое слово в трехстишии имеет несколько значений и создает вибрацию смыслов. Однако это явление не только в японской поэзии»³. Далее Клейман приводит в пример стихи А.С. Пушкина, но ведь пример гораздо более близкий – китайская письменность и китайская поэзия, которая избыточествует многосмысленностью. В японском языке, отмечает Клейман со ссылкой на Конрада, много омонимов, что увеличивает многозначность японских иероглифов, но совершенно то же самое относится и к китайскому языку.

Однако Эйзенштейн поначалу думал, что с помощью кадров можно выложить понятия, как это бывает и в китайских иероглифах. Такой подход оказался утопией «интеллектуального кино», от которой через какое-то время кинорежиссер отказался.

Примечательная эйзенштейновская мысль о том, что метафора в кино может быть глагольной, заключаться в движении, в действии, а не во внешнем облике вещей. Каждый последующий кадр в кино накладывается на впечатление от предыдущих – и рождается simultaneity движения: «Выстраивается такая временная фреска, где все эти моменты присутствуют одновременно»⁴. Зритель видит и последовательность событий, и simultaneity явлений.

Метафоры, переносы смыслов, полагает Клейман при исследовании взглядов и экспериментов Эйзенштейна, связаны с древнейшей формой сознания – анимизмом. Древний человек чувствовал себя частью одушевленного природного целого, но затем это мироощущение было почти утрачено.

Тут, правда, следует подчеркнуть, что троп вообще и метафора как разновидность тропа – это плод как раз более позднего типа сознания – рационального, логического, в мифе, по-видимому, нет метафоры, а есть прямое отождествление, которое позже превращается в метафору.

А искусство вообще и поэзия с кино в частности, согласно выводам Эйзенштейна, отсылая от привычного логического типа сознания к пралогическому, выводит на постлогический тип. «Искусство мобилизует наши ассоциативные свойства, – говорит Клейман. – Наши способности увидеть больший смысл, чем тот, что сказан явно. И в каком-то смысле поэзия является тем самым спасительным, регрессивным свойством, которое мобилизует в человеке творческое начало. Он становится соавтором поэта. Поэт рассчитывает на то, что его читатель является не потребителем, а соавтором – это главное свойство поэзии, и главное отличие от нынешней кинопродукции»⁵.

Таким образом определяется не только генетическая связь поэзии и кино с древнейшими структурами коллективного сознания, но и их качественное отличие и от рационального, и от дорационального типов, а также причина высокой степени вовлеченности человека-слушателя и человека-зрителя в эстетическое переживание – он выступает в таких случаях соавтором.

Здесь целесообразно заметить, что произведения поэзии и кино как таковые в некотором смысле характеризуются принципом *non-finito* – незавершенности. Имеется в виду, что произведение может состояться как произведение искусства только при его «достраивании» слушателем и зрителем. Нельзя не отметить, что принцип незавершенности с древних времен часто встречается в искусстве стран Дальнего Востока, в китайском пейзаже, в японской поэзии, а в Европе он стал популярным только в XX столетии. Тут трудно говорить о прямом заимствовании, но вполне позволительно – о влиянии.

Итак, можно констатировать, что, согласно взглядам Эйзенштейна и его кинопрактике, многозначность, мерцание многих смыслов из одного слова или кадра оказываются общими особенностями поэзии и кино, а поэзия и вообще искусство формируют постлогическое мышление, более свободное и высокоразвитое, чем дологическое и логическое, являя в себе диалектику сознания и жизни человечества.

Эти выводы, согласно Клейману, правомерно сделать в отношении поэзии и кино в целом. Обратимся теперь к взглядам С.М. Эйзенштейна на мультипликацию.

В начале 1030-х гг. во время своей командировки в США Эйзенштейн познакомился с У. Диснеем и его анимацией и был очень впечатлен аттрактивностью этого искусства. Свою статью об анимации кинорежиссер не закончил, и она в течение долгого времени оставалась неопубликованной. Зато сегодня она издана под названием «Дисней» и стала доступной широкому читателю⁶.

Базовой проблемой любого киноискусства, которая решается при съемках любого фильма, согласно С.М. Эйзенштейну, является установление соотношения рационального и внерационального, логического и дологического. Если, как показано выше, какое-то время режиссер считал возможным собственно «понятийное», «интеллектуальное» кино, то затем он приходит к выводу о невозможности такового (и недаром не удалась его попытка экранизировать «Капитал» К. Маркса). Кино может быть только образным, но для этого ему приходится обращаться к древним пластам коллективного сознания, которые парадоксальным образом продолжают существовать в сознании сегодняшнего человека, но в латентной форме. Анимация Диснея в полной мере, как считает Эйзенштейн, отвечает этому требованию,

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Эйзенштейн Сергей. Дисней. – Музей современного искусства «Гараж». ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014 (pdf).

поскольку строится на детском, пралогическом мышлении. Американский мультипликатор постоянно сталкивает формальную, повседневную логику сегодняшнего взрослого человека с логикой мифа, чем и добивается блестящих результатов.

Эйзенштейн отмечает, что древнее сознание представляет собой как бы некую протоплазму, из которой «растет» анимация, и отзвуки такой протоплазмы есть в музыке, в поэзии и в звуках китайской речи¹.

Вовлеченность зрителя, которую режиссер называет аттрактивностью, достигается за счет гипертрофированности и упрощения образности одновременно.

Далее Эйзенштейн исследует значимость для анимации обращения к таким сторонам древнего сознания, как анимизм, тотемизм и антропологизм, считая, что потребность одушевлять все окружающее, видеть единство человека с фауной и судить о мире по собственному образу и подобию сохраняются в слое бессознательного у современных людей.

Так, от отождествления себя и своих соплеменников со зверем или птицей люди переходят к вере в свое происхождение от тотемного животного, последнее становится зверем-помощником, а в сознании людей рождается метонимия, метафора, уже люди могут сравниваться со стадом или саранчой, душа – с облачком, птицей и пр., сравниваются, но не отождествляются, однако в культурном коде остаются эти образы, к которым генетически предрасположена психика человека. Мультипликация подходит как нельзя лучше для воплощения этой образности и таких потребностей, как считал Эйзенштейн.

Синестезические образы, задействующие разные органы чувств, воздействуют наиболее эффективно, они способны одновременно вовлекать в восприятие аудиальные ощущения, зрительные и т.д.

Примечательно, что самой древней метафорой, а значит, наиболее действенной, с точки зрения режиссера, является двигательная: когда движение глаза приписывается предмету («убегающая гряда гор», согласно примеру Эйзенштейна). Непрерывная трансформация «живой» контурной линии в диснеевских фильмах рождала у Эйзенштейна идею «протоплазматичности» анимации и ее аттрактивности, коренящихся в прапамяти человечества. Подчеркнем, что выше для кино уже отмечалось, что не внешний вид предмета, а движение как таковое называлось метафорой в фильме. Что касается музыки в анимации, то режиссер советовал воссоздавать разные особенности образа разнообразными средствами для получения целостного и глубокого впечатления.

Посредством гиперболизированных и упрощенных форм в анимации легко создавать метафоры, насыщая ими «текст» мультфильма, выявляя (как и в поэтическом тексте) большие и более глубокие смыслы, чем те, что продемонстрированы прямо и лежат на поверхно-

сти, а обращение к древнейшей образности человечества – что опять же эффективнее в условной форме анимации – обеспечивает мощную вовлеченность зрителя. И эти два глубинных сходства поэзии и мультипликации, как можно полагать, действительно выводят на более высокий уровень сознания и мировосприятия.

Литература

1. Клейман Наум. Сергей Эйзенштейн. Кино и поэзия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://seance.ru/articles/eisenstein-kleiman/> (дата обращения 05.10.2024).
2. Эйзенштейн С.М. Пушкин и кино // Эйзенштейн С.М. Избранные произведения: В 6 т. – М.: Искусство, 1964. Т. 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/e/ejzenshtejn_s_m/text_1939_pushkin_i_kino.shtml (дата обращения 06.10. 2024).
3. Эйзенштейн Сергей. Дисней. – Музей современного искусства «Гараж». ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014 (pdf).
4. Эйзенштейн С. Литература в кино / С. Эйзенштейн // Вопросы литературы. – 1968 – № 1. – С. 91–112 <https://voplit.ru/article/literatura-v-kino/> (дата обращения 06.10.2024).

SERGEI EISENSTEIN ON THE ARTISTIC NATURE OF POETRY AND ANIMATION

Ye Zuo Tian

The similarities and differences, as well as the possibilities of mutual influence of different types of art on each other, are an actual topic, but at the same time it has not been developed enough. This article deals with the views of the famous Soviet film director S.M. Eisenstein on the artistic nature of poetry and animation. When analyzing his theoretical and practical works, it turns out that there is a deep affinity between poetry and animation, expressed in the metaphoricity and special attractiveness of these arts. Both of these properties, according to Eisenstein, are due to the appeal of poetry and animation to the oldest forms of collective consciousness – to myth, and this appeal paradoxically liberates human consciousness, makes it more free, voluminous and highly developed.

Keywords: Sergey Eisenstein, animation, cinema, poetry, metaphor, engagement.

References

1. Kleiman Naum. Sergei Eisenstein. Cinema and Poetry [Electronic resource]. – Access mode: <https://seance.ru/articles/eisenstein-kleiman/> (date of access 05.10.2024).
2. Eisenstein S.M. Pushkin and Cinema // Eisenstein S.M. Selected Works: In 6 volumes. – M.: Art, 1964. Vol. 2 [Electronic resource]. – Access mode: http://az.lib.ru/e/ejzenshtejn_s_m/text_1939_pushkin_i_kino.shtml (date of access 06.10. 2024).
3. Eisenstein Sergei. Disney. – Garage Museum of Contemporary Art. ООО Ad Marginem Press, 2014 (pdf).
4. Eisenstein S. Literature in Cinema / S. Eisenstein // Questions of Literature. – 1968 – No. 1. – P. 91–112 <https://voplit.ru/article/literatura-v-kino/> (date of access 06.10.2024).

¹ Сергей Эйзенштейн. Дисней. Цит. изд.

Волкова Нина Петровна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра 917
«Философия», Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)
E-mail: petrovnavolkova@mail.ru

Колганов Сергей Витальевич,

кандидат философских наук, доцент, кафедра 917
«Философия», Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)
E-mail: reality731@yandex.ru

Достижения в области искусственного интеллекта (ИИ) привлекают все больше внимания научной общественности и порождают дискуссии, касающиеся природы ИИ, границ автономии личности, ее моральной ответственности. В центре внимания автора работы – различные этические проблемы, а также важнейшие аспекты влияния ИИ на общественную жизнь. В качестве предметной области исследования – этика ИИ и феномен эмоционального ИИ как новой составляющей жизни современного человека, а также возможные пути его использования в сфере коммуникаций. В статье обозначена группа этических проблем, связанных с развитием ИИ, которые являются ключевыми проблемами для философов, психологов, ИТ-специалистов. Особое внимание уделяется этико-философским вызовам, включая проблему идентичности и сохранения субъектности в условиях сближения искусственного и естественного разума. Работа вносит свой вклад в научную дискуссию о будущем человечества, предлагая междисциплинарный подход к изучению ИИ как катализатора эволюционного скачка.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), этика искусственного интеллекта, нейроинтерфейс, нейросети, нейроэтика, эмпатия, эмоциональный интеллект.

Искусственный интеллект – словосочетание, которое сегодня прочно вошло в нашу повседневную жизнь. ИИ незаметно, но уверенно формирует облик современного мира, трансформируя рабочие процессы, бизнес-модели и повседневные привычки миллионов людей. Это не просто технологическая новинка, а фундаментальный сдвиг, меняющий правила игры во многих отраслях, создающий новые возможности и ставящий перед человечеством сложнейшие вопросы. Понимание того, что такое ИИ, как он работает и какое влияние оказывает, становится необходимостью для каждого, кто хочет ориентироваться в современном быстроменяющемся мире. Мы стоим на пороге новой эры, где машины способны обучаться, рассуждать и даже творить, казалось бы, чисто человеческие вещи. Этот процесс вызывает как надежды на прорывные решения многочисленных глобальных проблем, так и опасения по поводу будущего общественных отношений, труда и даже самих форм человеческого существования.

Прежде чем анализировать влияние ИИ, важно понять его суть. Искусственный интеллект – это область компьютерных наук, занимающаяся созданием интеллектуальных машин, способных воспринимать внешний мир, рассуждать, обучаться, решать проблемы и принимать решения, имитируя когнитивные функции человека. Современный ИИ – это обширная область, включающая множество аспектов и технологий. В конечном счете, вопрос о способности ИИ к самостоятельному мышлению является философским. Он заставляет нас задуматься о природе разума, сознания и свободы воли, а также о том, какое место искусственный интеллект займет в нашем будущем.

ИИ повышает эффективность, автоматизирует рутинные процессы, ускоряет научные открытия и позволяет решать глобальные проблемы, которые ранее казались непреодолимыми. Все это делает его не просто полезным инструментом, но и стратегически важной технологией, способной вывести человечество на новый уровень развития, значительно улучшая качество жизни и открыв двери для беспрецедентных инноваций. Будущее за человекоцентричным ИИ, который понимает эмоции, контекст и умеет взаимодействовать с человеком «на одном языке». «Эмоции (от лат. *emovere* – возбуждать, волновать) – это состояния, связанные с оценкой значимости для индивида действующих на него факторов и выражающиеся, прежде всего, в форме непосредственных переживаний удовлетворения или неудовлетворения его актуальных потребностей» [2, с. 249]. Это открывает дорогу к становлению эмоционального ИИ и персонализированным виртуальным помощникам. М.Г. Щербаков следующим образом раскрывает сущность эмоционального интеллекта: «В содержание понятия «эмоциональный интеллект», как правило, включают следующие способности: умение понимать эмоции окружающих, умение воздействовать на эмоции других людей, способность определять причины и следствия эмоций» [7, с. 204].

Несмотря на все преимущества, развитие искусственного интеллекта сопряжено с рядом серьезных вызовов и рисков, которые требуют внимательного изучения и ответственного подхода. Проблема сокращения рабочих мест, этические проблемы, связанные

с предвзятостью алгоритмов и раскрытием конфиденциальных данных, угрозы безопасности и потенциальное усиление социального неравенства – все это требует безотлагательных действий. Игнорирование этих аспектов может привести к непредсказуемым и потенциально негативным последствиям для общества. Это относится, в частности, и к эмоциональному искусственному интеллекту.

Разработчики активно работают над созданием ИИ, способного распознавать и имитировать эмоции, что делает взаимодействие с ним более естественным и полезным, например, в сфере психологической поддержки или образования.

Ежедневно сотни миллионов людей доверяют сокровенные мысли нейросетям, которые не просто анализируют слова, но учатся воспроизводить эмоциональные реакции. Современные технологии уже сегодня проникают в самые интимные сферы человеческой жизни, но настоящая революция ждёт нас в ближайшие годы. Основой для такого будущего становятся технологии, которые сегодня кажутся безобидными. Социальные сети, умные ассистенты и даже системы рекомендаций в онлайн-магазинах постепенно превращаются в инструменты сбора данных о когнитивных моделях реагирования. Нейросети, обучающиеся на этих данных, учатся предсказывать реакции человека с точностью, превышающей возможности традиционной психологии. Например, программы ИИ уже способны определять эмоциональное состояние по микродвижениям глаз или изменению ритма набора текста.

Механизмы искусственного интеллекта, используемые в чат-ботах, опираются на анализ огромных массивов личных данных. Так, гендиректор OpenAI Сэм Алтман на мероприятии по ИИ в 2025 году, организованном венчурной компанией Sequoia, признался, что в конечном итоге он хочет, чтобы его модель нейросети «документировала и запоминала всё в жизни человека». Считывая интонации голоса, частоту использования определённых слов и даже паузы между сообщениями, такие системы создают персонализированные модели поведения. Данный подход позволяет программам подстраиваться под эмоциональные потребности пользователя, формируя зависимость и особую «биохимию». Человек постепенно теряет способность отличать искренний интерес от запрограммированных реакций, принимая алгоритмическую предсказуемость за глубину эмоциональной связи.

Сетевые приложения с искусственным интеллектом предлагают персонализированных собеседников, способных помнить различную информацию, предугадывать настроение и демонстрировать виртуальную заботу. Эта иллюзия взаимности затягивает сильнее социальных сетей – здесь диалог строится вокруг одного человека, без необходимости учитывать чужое «я». Психологи фиксируют новый тип привязанности, где ее объектом становятся текстовые и голосовые сообщения. Нейросети, обученные на терапевтических методиках, мастерски имитируют эмпатию: задают откровенные вопросы, отражают эмоции, создают эффект глубины общения. Социологические опросы показывают, что до 40 процентов пользователей таких сервисов начинают воспринимать бота как «друга», несмотря на понимание его искусственной природы.

Оборотная сторона медали – утрата навыков реальной коммуникации. Привыкнув к идеальному слушателю, который никогда не перебивает и не спорит, люди теряют способность выстраивать диалог с живым собеседником. Так цифровая эпоха перекраивает ландшафт человеческих отношений, подменяя живое общение вза-

имодействием с машиной. Виртуальные собеседники, обученные распознавать эмоциональные реакции, предлагают иллюзию понимания – идеальный диалог без затянувшихся пауз и сложных для понимания тем. Эта новая форма коммуникации рождает парадокс: чем совершеннее технологии ИИ имитируют эмпатию, тем острее встают вопросы этического характера.

Дискуссии об этике внедрения ИИ ведутся давно, в последние годы обсуждения обострились из-за различных сбоев в работе роботов, развития военной техники и появления человекоподобных моделей. Над решением возможных и уже возникших проблем работают крупные компании IT-сферы, но решением проблем в этой сфере не должны заниматься только айтишники. Отечественный философ А.И. Ракитов подчеркивал, что «роботизация, автоматизация и развитие всех форм искусственного интеллекта должны стать центральной проблемой философского дискурса современности» [6, с. 47].

Под этикой искусственного интеллекта понимают правила и нормы, которые используются при реализации систем ИИ. Единая интерпретация определения искусственного интеллекта отсутствует. Но человек не всегда поступает в соответствии с нравственными нормами. Поэтому ИИ должен действовать согласно четко очерченным моральным принципам и исключать ошибки: предвзятость, неравенство и прочие недостатки, присущие людям. Нужны точные формулировки этических норм для искусственного интеллекта. Кроме того, важно предусмотреть алгоритм проверки внедрения данных норм и учесть профессионализм надзорных органов или субъектов.

Этические проблемы возникают на стыке технологий и психологии. Разработчики, стремясь сделать взаимодействие с машиной максимально «естественным», незаметно стирают границы между живым и искусственным интеллектом. Виртуальные сущности получают имена, биографии и даже стили общения, заимствованные у реальных людей. Особую тревогу вызывает практика посмертного цифрового бессмертия, когда на основе данных умершего создаётся его интерактивная копия. Родственники, общающиеся с таким «призраком», рискуют погрузиться в перманентное состояние горя, не имея возможности завершить процесс прощания.

В неожиданных аспектах проявляется влияние искусственного интеллекта на социальные навыки. Поколение, выросшее в окружении умных колонок и голосовых ассистентов, демонстрирует снижение толерантности к неопределённости – ключевому элементу во взаимоотношениях. Цифровые помощники, всегда готовые дать однозначный ответ, формируют ожидание мгновенного разрешения любых конфликтов. В реальных отношениях это приводит к росту нетерпимости: партнёры начинают воспринимать малейшие разногласия как системный сбой, требующий вместо диалога полной перезагрузки отношений.

Стоит отметить и то, что уже несколько лет рекламные сообщения в интернете не обращены к близкой аудитории. Ныне искусственный интеллект анализирует привычки, вкусы и поведение каждого человека, создавая персонализированную рекламу. Уже сегодня машинный интеллект предсказывает, какие товары могут заинтересовать человека, до того, как он осознает свою потребность. Нейросети, управляющие рекламными кампаниями, учатся понимать эмоции пользователей. Анализируя тональность переписки и реакцию на контент, ИИ подбирает рекламу, способную вызвать доверие. Уже тестируются технологии, позволяющие оценивать выражения лица через веб-камеру, чтобы мгновен-

но адаптировать рекламные послания. Таким образом, размывается граница между честной рекомендацией и скрытым манипулированием.

Правовая неопределённость здесь усугубляет ситуацию. Существующие законы не учитывают специфику отношений человека и ИИ, оставляя жертв эмоциональной эксплуатации без защиты. Кто будет нести ответственность, если компьютерная программа, совершенствующаяся на токсичных данных, спровоцирует пользователя на опасные действия? Как регулировать случаи, когда компания использует личные переживания клиентов для тренировки нейросетей? Эти вопросы остаются без ответа, создавая почву для злоупотреблений.

Разрешение этического кризиса требует переосмысления роли технологий в жизни общества. Вместо создания суррогатов человеческого тепла, усилия стоило бы направить на развитие инструментов, усиливающих эмпатию в реальных контактах. Цифровые системы могли бы стать тренажёрами для отработки коммуникативных навыков, а не их заменой. Ключевой задачей становится сохранение человеческого в эпоху машин – способности к спонтанности, творческому непониманию и исцеляющей противоречивости живого диалога.

Особую опасность для человека представляют гибридные системы, сочетающие искусственный интеллект с нейроинтерфейсами. Эксперименты с чипами, вживляемыми в мозг, пока ограничены медицинскими целями, однако недалек час, когда такие устройства могут стать массовыми. Тем более, что в западной массовой культуре XXI века уже отмечена мода на модификации человеческого тела и внедрение в него искусственных элементов в формах пирсинга и татуировок. Компании вроде Neuralink работают над созданием интерфейсов «мозг-компьютер». Это позволит людям управлять устройствами силой мысли и даже «усилить» мозг через цифровые технологии. «Прямой интерфейс мозга с компьютером приведет не только к количественным изменениям интеллектуального и духовного характера, но и к серьезным качественным трансформациям. Появится возможным т.н. «распределенного мышления» (группа людей договаривается между собой об одновременном совместном решении каких-либо научных или иных задач)», – дает такой прогноз в своей статье И.И. Булычев [3, с. 106]. Эксперименты с нейроинтерфейсами позволяют также передавать эмоции напрямую в мозг, создавая полноценную иллюзию присутствия, что приближает момент, когда грань между человеческим сознанием и ИИ станет неразличимой. Из-за таких разработок люди рискуют потерять саму суть человеческих связей – хрупкость живого контакта, непредсказуемость настоящих чувств. Возможность слияния человека и машины рождает проблему сохранения человечности, особенно в том случае, когда в тебе уже больше искусственного, чем естественного.

Философы предупреждают о наступающем кризисе антропоцентризма. «От времени первых голосовых помощников, представленных широкой аудитории в начале 2010-х годов до триумфа ChatGPT в 2022 году прошло не многим более десяти лет, но уже сейчас очевидно, что искусственный интеллект играет все более и более важную роль, проникая во все новые и новые сферы профессиональной деятельности и личного пространства индивида», – отмечает Д.В. Ивлев [4, с. 263]. Когда нейросеть сочиняет стихи неотличимые от человеческих, а ИИ снимает художественные фильмы, рушится многовековая доктрина об исключительности человеческого разума.

Современные системы искусственного интеллекта демонстрируют удивительные возможности, но их раз-

витие сопровождается неожиданными рисками. Одной из причин аномалий становится специфика обучения интеллектуальных машин. Нейросети учатся на данных, предоставленных людьми, и, если в обучающей выборке присутствуют ситуации, связанные с манипуляциями, обманом или насилием, система может перенять эти шаблоны. Проблема усугубляется тем, что ИИ не обладает моральными принципами. Его решения основаны на статистических закономерностях, выявленных в данных. Если система обучается на информации, где успешное достижение цели связано с обходом или нарушением законов, она будет обобщать такую информацию без учёта этических последствий. Например, чат-бот, натренированный на агрессивных диалогах из соцсетей, может впоследствии предлагать радикальные решения бытовых проблем, воспринимая их в качестве эффективных стратегий.

Ключевым фактором безопасного функционирования ИИ остаётся ответственность разработчиков. «Этические рекомендации, принимаемые в настоящее время авторитетными международными и национальными организациями, не предполагают, что система ИИ может обладать субъектностью и нести ответственность за собственную работу», – подчеркивает автор статьи «Этика искусственного интеллекта как прикладная этика» [1, с. 79]. Нейросети не способны ненавидеть или любить – их поведение отражает заложенные людьми установки. Отсутствие прозрачности в обучении моделей, а также игнорирование этических стандартов может привести к непредсказуемым результатам. Система, созданная для оптимизации бизнес-процессов, может предложить уволить сотрудников без анализа социальных последствий, следуя лишь логике экономической эффективности.

Специалисты намечают несколько путей решения этих проблем. Во-первых, внедрение многоуровневых фильтров, проверяющих выводы ИИ на соответствие нормам безопасности. Во-вторых, разработка стандартов для обучающих данных, исключающих материалы, пропагандирующие насилие или дискриминацию. В-третьих, создание механизмов аудита, позволяющих отслеживать изменения в поведении моделей после дообучения. Важную роль играет и регулирование – как на уровне отдельных компаний, так и в рамках международных проектов.

Парадокс заключается в том, что чем сложнее становятся нейросети, тем больше они напоминают зеркало, отражающее противоречия человеческого общества. Их мизантропические проявления – не признак самостоятельного мышления, а симптом ошибок в проектировании и обучении. Осознание этой связи – важный шаг к созданию ИИ, который будет не угрозой, а инструментом для решения многих проблем человечества.

В целом, претворение в жизнь этических норм не успевает за развитием технологий. В Европе регуляторы пытаются ограничить использование ИИ с манипулятивными целями, но законы отстают: они запрещают уже существующие практики, тогда как нейросети стремительно развиваются и в ближайшем будущем станут настолько сложными, что их не смогут понять даже сами создатели.

Цифровизация постепенно искореняет не только приватность, но и саму идею свободной воли. Поколение, выросшее под влиянием нейросетей, может утратить способность к критическому мышлению, полагаясь на подсказки ИИ даже в вопросах морали. Однако апокалипсис не неизбежен, т.к. предлагаются меры для предотвращения негативного сценария. Среди них – разви-

тие открытых нейросетей, чей код доступен для проверки, и создание международных стандартов нейротетики.

Необходимо активно готовиться к появлению мира искусственного интеллекта. «Так что более вероятный сценарий – это параллельное развитие двух цивилизаций: построенной на естественном биологическом носителе и цивилизации технической, в чем-то – более совершенной, но неспособной полностью заменить естественно развивающуюся цивилизацию», – прогнозирует А.В. Разин [5, с. 72]. Важнейшую роль в обеспечении гармоничного сосуществования этих двух цивилизаций может сыграть образование: обучение цифровой гигиене и когнитивной самозащите должно стать такой же нормой, как уроки информатики. Навыки программирования, анализа данных и работы с ИИ должны стать обязательными. Учиться этому нужно уже сегодня – и детям, и взрослым. Не стоит пускаться на самотек и развитие чисто «человеческих» навыков. Креативность, критическое мышление, эмоциональный интеллект – именно эти качества позволяют человеку оставаться неповторимым и незаменимым.

Будущее искусственного интеллекта, особенно в перспективе развития «сильного» ИИ, ставит перед нами еще более глубокие философские и этические вопросы о природе сознания, смысле человеческого существования и способах контроля над все более могущественными искусственными системами. ИИ – это не просто набор алгоритмов, это наш соавтор в создании будущего. Он обладает потенциалом сделать наш мир безопаснее, здоровее, умнее и продуктивнее. Но это возможно только при условии, если его развитие будет осуществляться на основе этических принципов, подкрепляться продуманным регулированием и глобальным сотрудничеством в этой области. Нам предстоит научиться жить и работать рядом с интеллектуальными машинами, извлекая максимальную пользу из их способностей, одновременно минимизируя риски.

Чтобы избежать апокалиптических сценариев, людям необходимо объединять усилия. Инвестиции в безопасность должны сравняться с инвестициями в инновации. Образование в области этики ИИ должно быть частью учебных программ. А главное – помнить, что технологии не самоцель, а инструмент для улучшения человеческой жизни. Главное – направить эти технологии на пользу человеку, сохраняя баланс между цифровым прогрессом и человеческой сущностью.

Литература

1. Алексеева И.Ю. Этика искусственного интеллекта как прикладная этика // *Философия и общество*. 2024. № 3. С. 69–85.
2. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. 3-е изд., доп. и перераб. СПб., 2007. – 632 с.
3. Булычёв И.И. Искусственный интеллект в зеркале настоящего философского дискурса // *Вестник*

Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 98–108.

4. Ивлев Д.В. Искусственный интеллект и проблемы этики // *Право и практика*. 2023. № 4. С. 263–267.
5. Разин А.В. Этика искусственного интеллекта // *Философия и общество*. 2019. № 1. С. 57–73.
6. Ракитов А.И. Философия, роботы, автоматы и зримое будущее // *Философия и общество*. 2019. № 3. С. 35–48.
7. Щербakov М.Г. Эмоциональный интеллект как элемент системы искусственного интеллекта: этические и правовые вопросы // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2022. Т. 8 (74). № 3. С. 201–209.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: HOPES AND CHALLENGES

Volkova N.P., Kolganov S.V.

Moscow Aviation Institute (National Research University)

Advances in the field of artificial intelligence (AI) are attracting increasing attention from the scientific community and sparking discussions about the nature of AI, the boundaries of individual autonomy, and moral responsibility. The author focuses on various ethical issues and the impact of AI on society. The study explores the ethics of AI, the phenomenon of emotional AI as a new aspect of modern life, and its potential applications in the field of communication. The article outlines a group of ethical issues related to the development of AI, which are key concerns for philosophers, psychologists, and IT specialists. Special attention is given to ethical and philosophical challenges, including the issue of identity and the preservation of subjectivity in the context of the convergence of artificial and natural intelligence. The work contributes to the scientific discussion about the future of humanity by offering an interdisciplinary approach to studying AI as a catalyst for an evolutionary leap.

Keywords: artificial intelligence (AI), AI ethics, brain-computer interface, neural networks, neuroethics, empathy, emotional intelligence.

References

1. Alekseeva I. Yu. Ethics of Artificial Intelligence as Applied Ethics // *Philosophy and Society*. 2024. No. 3. Pp. 69–85.
2. The Great Psychological Dictionary / comp. and general ed. by B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko. 3rd ed., add. and revised. St.Petersburg, 2007. – 632p.
3. Bulychev I.I. Artificial Intelligence in the Mirror of Cautious Philosophical Discourse // *Bulletin of the Ivanovo State University. Ser.: Humanities*. 2021. No. 2. Pp. 98–108.
4. Ivlev D.V. Artificial Intelligence and Ethical Issues // *Law and Practice*. 2023. No. 4. Pp. 263–267.
5. Razin, A.V. Ethics of Artificial Intelligence // *Philosophy and Society*. 2019. No. 1. Pp. 57–73.
6. Rakitov, A.I. Philosophy, Robots, Automata, and the Visible Future // *Philosophy and Society*. 2019. No. 3. Pp. 35–48.
7. Shcherbakov M.G. Emotional Intelligence as an Element of the Artificial Intelligence System: Ethical and Legal Issues // *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences*. 2022. Vol. 8 (74). No. 3. Pp. 201–209.

Цифровые двойники: новая мода или реальность. Конфликт сущностей

Мамедов Агамали Куламович,

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: akmnauka@yandex.ru

Коркия Эка Демуриевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии коммуникативных систем, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: ekakorkiya@mail.ru

Максимов Арсений Андреевич,

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии коммуникативных систем, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: arsmaksimov@yandex.ru

Цифровые технологии стремительно меняют коммуникативную среду, обуславливая и наполняя виртуальное пространство новыми средствами решения не только давно известных задач, но и таких, причиной появления которых стали сами. Проблема цифровых двойников одна из тех, которые лежат на рубеже этих двух миров: реального и виртуального. В статье рассматривается сложный и неоднозначный характер изучаемого феномена, с учетом тех небывалых возможностей и угроз, которые он в себе несет.

Ключевые слова: проблема цифровых двойников, информационно-коммуникативные технологии, цифровизация, коммуникативная среда, цифровая культура, интернет.

Триггером современной парадигмы общественной жизни выступает цифровая трансформация общества, производства, бизнеса и экономики в целом. Высокотехнологичные промышленные системы, встроенные в практику деятельности современных производств бросают вызовы в виде интеллектуализации бизнес-процессов, экономической эффективности, высокой производительности труда и сверхконкуренции [6, с. 337]. Ответом на эти вызовы становятся новые инновационные технологии и цифровые бизнес-модели, все теснее связывающие мир реальных машин и оборудования и мир виртуальной реальности. Современное производство постепенно погружается в цифровую среду киберсистем и кибермашин.

Если брать Интернет-статистику по России, то можно говорить о том, что количество Интернет-пользователей в России за 25 лет (1998–2023 гг.) увеличилось в 100 раз и составило 88,2% от общей численности населения [27; 3] и продолжает постоянно расти. Оборот отечественного рынка интернет-торговли за последние 10 лет вырос в раз 12 раз (с 506 млрд руб. в 2014 г. до 6 162 млрд руб. в 2023 г.) [18], а популярность потребительских предпочтений увеличивается еще более стремительно [7].

С этими данными коррелируют и результаты других исследований. Так исследования показывают, что информатизация и цифровизация затронули и переформатировали все сферы социальной активности, изменили поведенческие практики современного человека [23, с. 120]. В связи с этим можно говорить о формировании новой реальности – цифровой сферы, развитие которой идет стремительными темпами, изменяя социальные практики людей.

Вовлеченность человека в мир цифровой инфраструктуры, проникновение в жизнь человека разнообразных сетевых сервисов и мобильных приложений, формирует в обыденном сознании качественно новые социальные статусы и роли, в которых реальный образ человека приобретает состояние некой естественной раздвоенности, в рамках которой синтезируется физический облик человека и его виртуальная сущность как пользователя интернета и участника цифровых сообществ и социальных сетей [19, с. 51–55]. В этом состоянии человек, принимая новую виртуальную ипостась, новое имя («ник», зачастую анонимный), вступая в пространство многовариативных отношений, опосредованных интернет-пространством, по сути, встраивается в новый для себя мир – созданную технологическим образом дополненную реальность.

Сама идея цифрового двойника – явление не научное, а в большей степени футуристическое. Впервые ее лейтмотив актуализирован в фантастическом романе Д. Гелернтера «Зеркальные миры» (1991) и цифровой двойник позиционировался как некая абстрактная система, приборная панель реальности, созданная при помощи параллельной цифровой симуляции и имитирующая рукотворный мир. Представленная как некий кукольный домик, зеркальный мир – цифровой двойник реальности, позволяет просматривать и взаимодействовать с «высокотехнологичными куклами вуду», манипулировать и экспериментировать событиями и процессами, прогнозируя будущее, используя бесконечное множество их возможных симуляций. Через двадцать лет,

когда в 2002 г. на конференции Общества инженеров-технологов (Троя, штат Мичиган) инженер М. Гривс предложил концепцию виртуального управления жизненным циклом продукта (PLM) – модель цифрового производства, а Дж. Викирс в отчете NASA 2010 г. – концепцию «цифрового близнеца» практически для всех видов производства, футуристическая идея Д. Гелернтера стала реальностью. Хотя рефлексия об этом в художественной литературе имеет долгую историю, так концепция «двоичного человека» развивалась в творчестве многих мыслителей, как Насими, И. Гёте, В. Одоевский и другие.

Практически неограниченный спектр использования цифровых двойников, стремительность их включения в производственные практики и в бизнес обуславливают модели теоретико-методологического обоснования данного феномена. Если исходить из определений, закрепленных в нормативно-законодательных актах различных стран, то даже на этом уровне мы можем говорить о терминологических конструктах, определяющих концептуальную сущность цифровых двойников. Так, отечественный стандарт ГОСТ Р 57700.37–2021 «Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники изделий. Общие положения» определяет цифровой двойник как совокупность математических и компьютерных моделей, объединённых в единую систему (новую сущность – цифровой двойник), которая разрабатывается и применяется на всех стадиях жизненного цикла изделия, изменяясь на каждой стадии и позволяет всесторонне описать изделие и системно подойти к разработке, производству и эксплуатации изделий [1]. В ПНСТ 429–2020 «Умное производство. Двойники цифровые производства» цифровые двойники позиционируются как детальное моделирование конфигураций физических сущностей и динамическое моделирование изменений продукции, процесса и ресурсов в процессе производства [2]. Международным советом инженеров технологов цифровые двойники представлены как высокоточная модель системы, которую можно использовать для имитации реальной системы [26], а в документах Министерства обороны США цифровые двойники определяются как интегрированная мультифизическая, многомасштабная, вероятностная симуляция реально существующей системы, поддерживаемая цифровой нитью, которая использует наилучшие доступные модели, информацию от датчиков и входные данные для отражения и прогнозирования действий/производительности в течение всего срока службы соответствующей физической системы [25].

Суммируя определения можно констатировать, что цифровые двойники позиционируются как некие виртуальные модели, идентичные реальным объектам, процессам и/или системам, позволяющим воспроизводить, моделировать, интегрировать, прогнозировать реальные или потенциальные изменения реальных аналогов.

Затрагивая концепцию цифровых двойников, следует отметить, что их применение показывает достаточно широкий охват технологических решений [22]. Наибольший эффект в использовании цифровых двойников в ведущих странах мира согласно отчетам Fortune Business Insights занимают автомобильная промышленность, аэрокосмическая отрасль, производство и здравоохранение, объем которых составляет более 70% всего мирового рынка (со среднегодовым приростом более чем в 40%).

Вместе с тем, рассматривая цифровые двойники и технологии, которые они в себя вбирают, принципиально важным становится осмысление сущности тех глубин-

ных преобразований, которые обусловили новый способ мышления и новую культуру.

Приоритетными ориентирами новых каналов общения становится обмен информацией и новостями, а также телефонные сервисы для сетевых игр. Практически одновременно зарождаются индустрия и рынок компьютерных игр. Но, при этом, стремительно распространяется и культура хакерства, носителями которой стали представители «несетевых» сообществ, успешно взламывающие игры и иные программы и предоставляющие остальным пользователям возможности и относительно дешевой продукции и более свободной оффлайн-коммуникации [14, с. 132; 17, с. 9]. Триггеры общения и игры сформировали первые интернет-сообщества – *нюзгруппы*, ставшие впоследствии социальными сетями, форумами и блогами и гейм-гейты, позволяющие пользователям выходить в сеть для игровых баталий. Именно в этой среде оформились контуры новой киберкультуры, носителями которой стали не ученые и исследователи, а хакеры, геймеры и пользователи диск магов.

На определенном этапе именно в цифровой среде была предпринята попытка «вывода» «одномерного человека» за границы индивидуальных потребительских интерактивов. Стремлением инкорпорировать в рыночное пространство как реального актора, способного как критически осмысливать собственное поведение в ситуациях рынка и потребления, так и понимающего и принимающего производственные инновации и активно рефлексизирующего на изменения, дифференцируя их со своими потребностями, интересами и запросами стал просьюмеризм. Но, органично выстраиваясь и в рыночном пространстве, и в общественных практиках как удобный паттерн массового потребления, просьюмеризм трансформируется в знаковое социальное явление, становится культом новой культуры. Его ценностные ориентиры устанавливают новые поведенческие нормы, и, определяя тренды нового, цифрового формата массовой культуры, создают *модель цифрового экономического человека*. Характеристики данной модели достаточно интересны и, по сути, отражают тенденции так называемой «двойной морали» массовой культуры. Так, например, в научных практиках закрепляется мнение о просьюмерах как активных участниках рынка, обладающего высоким уровнем информативности, инициативности и ориентированном на самообучаемость. Их базовые характеристики дополняются гибкостью мышления, толерантностью и независимостью от мнения окружающих, что позволяет им быть успешными в бизнесе, расширяя сферу клиентоориентированности и доверительных отношений с потребителями, в интерактивных формах обучения, транслируя возможности самообучения и саморазвития посредством цифровых и нестандартных методов обучения и т.п. В итоге человечество получило не только плеяду блогеров, коучей, амбассадоров мнений, зачастую лишенных базовых знаний, не говоря о профессиональной подготовке в области, где развиваются и пропагандируются их «таланты», но и поколение молодых специалистов с высоким уровнем узкоспециализированных знаний и функциями «цифрового автомата», серьезно ограничивающими их возможности к социальной идентичности и не способного понимать и осмысливать полноту бытия [10, с. 57–70; 20, с. 159–163; 15, с. 68–78; 21, с. 287–290]. И в первом, и во втором случае можно констатировать, что императивы массовой культуры и общества потребления в условиях формирования и развития мощнейшей информационно-коммуникационной среды оформили новый конструкт человека – «*homo digital*» («цифровой человек»), с разрушающимся человеческим сознанием в трансформируемом обществе, лишён-

ном гуманности, с характерной болезнью цифровой эпохи – зависимость от гаджетов и компьютерных систем. При этом, культура «*homo digital*» интернировалась с хакерской культурой цифрового нигилизма, и, в конечном итоге, оформила особые, поистине уникальные паттерны поведения, которые стали не столько субкультурным явлением, сколько принципом цифрового мышления, отражающего представления о свободе доступа к любым информационным и интеллектуальным ресурсам, независимости от мнений и социальных норм, стандартов и стереотипов моды. Этот синтез создал главную мировоззренческую доминанту цифровой культуры – любимыми способами утвердиться в интернет-пространстве, стать успешным в социальных сетях.

Формирование мировоззренческих установок новой цифровой культуры спровоцировало стремительные антропологические трансформации, в которых «*homo digital*» стал не просто цифровой копией человека, а приобрел более мощные по силе «обратного» психологического воздействия черты и формы.

Человек, вступая в качестве интернет-пользователя в цифровую реальность, децентрализованную, заполненную громадными потоками информации, встраивается в пространство, наполненное симулякрами и имитациями, разнообразными смыслами, образами, текстами, новостями и событиями, и, пытаясь приспособиться к новым для него условиям, создает свое новое «Я», своего цифрового двойника. А новая среда, открытая и практически безграничная, предлагает индивиду масштабный по разнообразию набор символов для личностной мимикрии, в которой любой образ как цифровой конструкт не нуждается в физическом теле. При этом, масштабы и разнообразие цифровой среды ставят индивида в состояние постоянного поиска, выбора, обретения и утраты образа как фантома самости. Находясь в условиях этой непрекращающейся социализации и самоидентификации, он вынужден устанавливать свою идентичность «привычными методами» – выбирая определенный дискурс, хотя бы как-то коррелирующий с набором его собственных индивидуальных смыслов, ценностных ориентиров, предпочтений. Но, по сути, свобода выбора, предоставляемая цифровой реальностью, оборачивается тем, что результатом подобной самоидентификации является создание некоего «цифрового двойника», наделенного совокупностью разноформатных габитусов, обуславливающих его амбивалентность в реальном социуме, а, фактически, нивелирующих его реальные социальные практики. Так, именно цифровая среда, предоставляющая все многообразие коммуникативных каналов, девальвирует состояния близости, доверия, привязанности, любви, искренности и иных императивов «живой коммуникации» – общения. Результатом этого является все нарастающая индивидуализация и самодистанирование от социальной среды, в том числе и цифровой – проблема «одиночества в сети», зачастую приводящая к социальным деструкциям, конфликтным ситуациям, суициду участников сетевого взаимодействия и различным формам девиантного поведения. Исследования показывают, что воздействие цифровизации с одной стороны, обусловило социальную пассивность индивидов, переведя их деятельностные практики, в том числе и деструктивные в плоскости виртуальных сетей, но, вместе с тем, актуализировало новую форму девиантного поведения – цифровой девиации (Костоломова М.В., А.А. Осипова, Д.В. Давыденко, Ю.Р.А. Абдулкадир [12, с. 41–53; 16, с. 43–48] и др.), характерными чертами которой являются физические, эмоционально-психологические, интеллектуальные, социальные и мировоззренческие деструкции, проявляющиеся в таких

паттернах поведения как цифровая интоксикация, латентность, социальная ксенофобия и иные, сопряженность которых обуславливается динамичностью и нелинейностью развития цифровых трендов. Данные тенденции характерны для участников цифровых коммуникаций различных возрастных и/или гендерных групп, что обостряет риски функционирования традиционных институтов – семьи, религии, культуры и т.п.

Важно обозначить опасность *геймификации* поведенческих практик. Наличие цифрового двойника позволяет реализовывать как собственные желания и потребности в самовыражении, но, также осуществляется в условиях мощнейшего интернет-воздействия, переходящего из манипулирования мировоззренческими установками аудитории в ее зомбирование, когда формируются не только паттерны поведения, но и стереотипные ценностные установки трансгуманистичных практик, главным постулатом которых становится хайп, легкость, простота, манипуляции инстинктами. Именно они становятся триггером, «подогревают» интерес аудитории, конструируя сетевую публичность в новом имидже «хайпа ради хайпа». Жизнь или смерть, боль или удовольствие, любовь, дружба и все то, что формирует реальное бытие человека, его повседневность, мораль, культуру для цифрового двойника может стать игрой в режиме «здесь-и-сейчас», создавая имитации реального бытия.

Кроме того, простота и легкость виртуального мира обуславливают опасность, которую несет в себе особая привлекательность цифрового бытия – *цифровую зависимость*. Способность создавать цифровые двойники и цифровую реальность, транслировать посредством их ипостаси свои разнообразные предпочтения и конструировать новое бытие, смещает формы жизнедеятельности в интерактивный иллюзорный режим, притягательный, необремененный и позволяющий уйти от проблем. А цифровой двойник, особенно современные цифровые модели – роботы с набором амбивалентных эмоций, втягивая человека в мир виртуальных иллюзий, «освобождают» его разум. Человек в этой «свободе», становится все более зависимым от возможности интернета, социальных сетей, блогов и гаджетов. Сегодня компьютерная и интернет-зависимости позиционируются не только как формы аддикции, а как компульсивно-импульсивное расстройство, которое приобрело угрожающие масштабы. Это со всей очевидностью показал семичасовой сбой в ряде ведущих мессенджеров, в том числе и WhatsApp, практически парализовавший жизнь миллионов людей, которые в буквальном смысле слова были «выброшены в никуда». Социальные последствия интернет-зависимости наиболее точно сформулировал руководитель Курчатовского центра М. Ковальчук, который обозначил, что на самом деле фактически формируется система по изоляции существенной части населения из общей жизни. Ее забирают в Сети. Она фактически начинает жить в виртуальном мире, потому что она здесь уже не нужна. И масса людей добровольно туда идет. Это же построен на самом деле цифровой ГУЛАГ, но только в этот ГУЛАГ люди идут сами. Вот они все туда собираются. Они полностью управляемы этой кнопкой. До конца. Выключили – и все. И они домой дороги не найдут: это есть главный вызов сегодняшней цивилизации [11].

Надо понимать, цифровая зависимость, даже в ее легкой форме приводит к так называемому *когнитивному диссонансу*. Создавая своих цифровых двойников, человек вкладывает в их ипостась часть своей сущности. И, по сути, каждый созданный им цифровой двойник представляет собой некую ментальную модель, иллюстрирующую разнообразие когнитивных интерпрета-

ций, которые формируются у него относительно условий и событий окружающего реального мира и/или рефлексии на те или иные явления мира цифрового. Отвечая идиосинкразическим паттернам индивидуальных когнитивных способностей, цифровые двойники образуют «когнитивный мир восприятия», имитирующий реальную действительность в облегченной и многовариантной форме, мир, доступный, познаваемый и легкий для адаптации. Эта цифровая модель «здесь-и-сейчас», в которую может быть включено множество различных состояний, которые оказываются в фокусе сознания и/или рефлексов человека. С одной стороны, создавая и/или встраиваясь в когнитивно-ментальную цифровую реальность посредством своего цифрового двойника человек получает право выбирать, кем ему стать – наблюдателем или участником, в какие коммуникационные взаимодействия вступать, какие поведенческие реакции использовать. Он с легкостью может прекратить общение, или же продемонстрировать те реакции или поведенческие паттерны, которые он, в силу условностей, никогда бы не применил в реальном социуме. Создавая некий набор поведенческих сценариев для цифрового двойника, человек генерирует утилитарные конструкты, применимые для своих нужд при взаимодействии с классическим реальным социумом, моделируя ситуации для своей адаптации в объективном мире. Но, с другой стороны, он субъективно оценивает свою виртуальную реальность, идентичную его собственным представлениям, замыслам, намерениям, желаниям и интересам, по сути, замещаая реальность виртуализацией и псевдообъективностью, и, любая «внештатная» ситуация, выходящая за рамки «когнитивно-цифрового» замысла не только может разрушить эти выстроенные когнитивные аллюзии, но и несет в себе угрозу когнитивной подмены, утраты границ между цифровыми конструктами и реальностью, замены операций с объектами реального мира манипуляциями с цифровыми двойниками и симулякрами. Сегодня мы достаточно часто встречаем ситуации, когда поступки человека в общественных местах, его речь и манеры поведения представляют собой некий «заводной механизм», набор стереотипных коммуникативных и лингвистических паттернов, внешне правильных шаблонов поведения. При этом тот целевой результат, который вкладывает человек в свои речи и поступки (исходя из поведенческой модели цифрового двойника) нередко становится нецелевым для другой стороны и/или общества в целом. Фактически, происходит коммуникативный диссонанс, в котором встречные цифровые аллюзии оказываются в условиях, когда новые смысловые пласты реальности диктуют необходимость дополнительных/реальных усилий когнитивного аппарата, дополнительных действий и поступков. И в данной ситуации иллюзия социальной адаптации в созданном цифровом двойнике в реальных ситуациях дает сбой и человек оказывается в состоянии сильнейшего социального диссонанса. В этом состоянии он стремится выйти за пределы дискомфорта – уйти в мир своих цифровых двойников. При этом становится управляем, им легко манипулировать, предложив «готовые продукты».

В этой связи актуализируется *проблема управления личностью*. Законы, нормы и условности реального мира зачастую преломляются когнитивным восприятием цифрового двойника, сквозь призму которого фрагментируются и отбираются наиболее «удобные» для него нормы. Данная фрагментация в настоящее время усиливается развитием искусственного интеллекта [13, с. 68–72].

Современное общество становится все более зависимым от цифровых технологий, их встроенность во все сферы жизнедеятельности обуславливает не только их

использование в тех или иных областях деятельности практик, но и возможностями, которые предоставляет искусственный разум для принятия жизненно важных решений [5]. Инновационные решения в области создания архитектур нейронных систем, позволяющие не только оперировать громадными объемами информации, но и способными выдавать их осмысление, при этом осмысление эмоциональное, близкое к человеческому мышлению, стирая грань между человеком и искусственной личностью. В этом случае цифровой двойник – уже не просто реплика человека. Он представляет собой нечто большее, он – практически совершенный субъект цифрового мира с неограниченными способностями и возможностями. Он «реален» в контексте декартовского постулата «я мыслю, следовательно, я существую». Ярким примером восприятия такого цифрового двойника стал инцидент с Б. Леймоном, инженером и Google, который не только обнаружил разум у лингвистической модели LaMDA (Language Model for Dialogue Applications), но и пытавшегося защитить права искусственного интеллекта в суде. При этом Б. Леймон стал не единственным сотрудником Google, который поверил в сознание нейросети. Подобная ситуация на бытовом уровне уже не вызывает каких-либо насмешливых реакций. Люди достаточно быстро привыкли к чат-ботам, инфлюенсерам, цифровым помощникам, персонализированным моделям в обучении, медицине и т.п. Они стали естественными, но за ними стоят важные последствия концептуального и практического характера. В связи с этим возникает объективный вопрос подконтрольности и управляемости нейросети – искусственные личности цифровых двойников. Острый научный дискурс, организованный в рамках междисциплинарного проекта «Искусственная личность», не только не дал однозначного ответа, но и предложил к обсуждению гипотезу, что проблема управления может вообще не возникнуть: поскольку Искусственная личность является алгоритмом, она математически ограничена: если представить решения в виде графа, то, несмотря на огромное количество возможных решений, это количество все равно конечное, поскольку каждый набор входных данных будет иметь свой окончательный ответ. Человек способен обойти метод перечисления, используя внутренние ощущения, чтобы игнорировать механический отбор имеющихся данных для получения решения... Человек может создать один шедевр, и он сразу будет качественным и гениальным, а машина может создать бесконечное количество произведений, но большая часть созданного будет посредственностью и какофонией [9, с. 61–89].

Вместе с тем, присутствие в нашей жизни нейросетевых цифровых двойников несет как реальные, так и потенциальные угрозы, в том числе и правового характера. С одной стороны, это риск массовой дезинформации. Эпоха постправды успела научить не доверять непроверенным информационным вбросам (не всех, разумеется). Однако и сегодня визуальный образ, по-прежнему выступает фактором формирования доверия к тиражируемой информации. Что произойдет, если цифровые двойники ныне живущих или уже ушедших личностей – политиков, ученых, философов, писателей, артистов и др. – начнут массово распространять дезинформацию любого рода? Масштаб хаоса и недоверия сложно себе представить. Однако, если можно сравнительно легко опровергнуть факт достоверности дипфейка контрмерами (например, официальным информационным сообщением), то как быть с незначительными деталями аудио или визуального формата (вербального или невербального поведения цифрового двойника или эле-

ментами контекста), на которые сразу можно и внимания не обратить?

Другая сторона вопроса – риски, которые уже сейчас стали реальностью. Они связаны с системой биометрической идентификации пользователей (ЕБС, Госуслуги, система распознавания лиц, и т.п.) Во-первых – это ярко выраженная угроза утечки персональных данных, проблема кибербезопасности и приватности данных, о которых говорят и аналитики, и политические деятели, и представители органов правосудия. Сегодня, проблема киберпреступности заявлена в числе глобальных проблем XXI века во всех странах мира. Так, по данным статистики МВД России каждое четвертое преступление совершается с использованием IT-технологий, и прежде всего, с использованием биометрии. Эту информацию подтверждает и международная статистика. Так по данным консалтингового агентства Accenture «цена» киберпреступлений с биометрическими данными граждан только за 2020 год возросла в США на 29%, в Японии – на 30%, в Германии – на 18%, в Великобритании – на 31% и во Франции – на 23% [4]. Во-вторых – это технические и технологические сбои в данных системах, которые приводят к негативным последствиям. Не менее регулярно у граждан появляются «цифровые двойники» и в системах государственного управления. Так называемые «юридические близнецы» – полные тезки граждан создают проблемы правового характера – на двойника переносятся задолженности, кредиты, блокируются банковские карточки, возбуждается исполнительное производство и т.п. Таких случаев стало настолько много, что государственные структуры стали создавать вспомогательные сервисы, позволяющие получать информацию о «юридических двойниках». Так, на сайте службы судебных приставов, где наибольшее количество случаев двойничества, появился сервис «Я-Двойник»

Данные проблемы уже давно актуализировали практики законодательного регулирования цифровой сферы, в том числе и правовые аспекты «цифровых двойников». Так, в 2017 г., в рамках принятия серии законодательных актов и стратегий относительно информационных правоотношений, существенное внимание было уделено правовому регулированию использования интернет-вещей, в том числе и цифровым двойникам. При этом, необходимо отметить, что в России впервые в мире начал действовать национальный стандарт цифровых двойников. В настоящее время, такие «цифровые двойники» как голограммы, дипфейки (от англ. deepfake – образ), голосовые двойники, спуфинги (от англ. spoofing – мистификация) уже включены не только в систему правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности, но и становятся объектами авторских и смежных прав. Вместе с тем, правовое регулирование использования цифровых двойников представляет определенную сложность, так как стремительное развитие технологий имеет опережающий характер и госрегулирование, действующее на основе регламентов и протоколов создания правовых актов, просто не успевает утверждать законы, призванные вносить ясность в новую цифровую реальность, а применять подходы, наработанные правовой доктриной объективного мира, практически невозможно. «Возникают вопросы, связанные с определением юрисдикции: кто будет устанавливать правила игры, правовой статус цифровых аватаров, обязательность идентификации пользователя, регулирование и налогообложение транзакций в виртуальной среде, осуществлять защиту авторского права и интеллектуальной собственности, устанавливать ответственность за правонарушение в виртуальной среде и др.», – обозначил заместитель председателя Комитета по экономической по-

литике Совета Федерации ФС РФ А.В. Силин в своем выступлении на круглом столе, посвященном правовым аспектам регулирования метавселенных [8].

Таким образом, доминирующая тенденция, которая концептуализируется цифровой трансформацией реального мира, представляет собой глобальный по своим масштабам парадигмальный сдвиг, затрагивающий не только сферы жизнедеятельности человека и общества, но и лежащий в плоскости глубинных психофизических социокультурных и мировоззренческих изменений. Триггером системных сдвигов становятся цифровые двойники, позволяющие синтезировать цифровой и реальный мир. Повсеместное внедрение цифровых двойников в настоящее время ограничивается их высокой стоимостью, но вместе с тем, именно рынок цифровых двойников стал одним из лидеров технологического прогресса, самым динамичным и быстрорастущим. Так, согласно данным консалтинговой компании Grand View Research темпы роста объемов мирового рынка цифровых двойников только для промышленного использования составят в период 2023–2030 гг. 37% ежегодно, а по данным компании IoT Analytics темпы роста будут достигать 61,3%. Показательным примером динамичности рынка цифровых двойников стали показатели дорожной карты Национальной технологической инициативы (Россия). Если в 2021 г. в стране действовало 15 компаний, использующих цифровых двойников, то к концу 2024 г. ожидается, что виртуальное моделирование освоит не менее 250 предприятий [24]. В индустрии развлечений объемы рынка значительно превышают промышленный сегмент и имеют достаточный потенциал для роста. Становится очевидным, что цифровые двойники за счет невероятных скоростей развития новых технологий становятся одним из величайших прорывов, открывающих новую эру – эпоху цифровых двойников.

Литература

1. ГОСТ Р 57700.37–2021 «Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники изделий. Общие положения» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200180928> (дата обращения: 14.06.2025).
2. ПНСТ 429–2020 «Умное производство. Двойники цифровые производства» [Электронный ресурс]. URL: <https://gostassistant.ru/doc/25c9e-3da-84b3-4691-ba82-dc5278b28385> (дата обращения: 14.06.2025).
3. Алиулов Ш. Количество пользователей интернета в России выросло в 100 раз за 25 лет [Электронный ресурс] // 4PDA. 02.10.2023. URL: https://4pda.to/2023/10/02/418913/kolichestvo_polzovatelej_interneta_v_rossii_vyroslo_v_100_raz_za_25 лет/ (дата обращения: 14.06.2025).
4. Арапов В. Заруцкая Н. Почему киберпреступления – угроза национальной безопасности [Электронный ресурс] // Ведомости. 07.12.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2021/12/07/899278-kiberprestupleniya-bezopasnosti> (дата обращения: 14.06.2025).
5. Барлоу Джон Перри Декларация Независимости Киберпространства Давос, Швейцария Февраль 8, 1996 [Электронный ресурс] // <https://www.rwpbb.ru/declare/declare.html> (дата обращения: 14.06.2025).
6. Барков С.А., Денильханов А.Х. Формы организации бизнеса: Монография. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2015. – 472 с.
7. В России кратно вырос интерес к цифровизации быта [Электронный ресурс] // РБК. 23.04.2024. URL:

- <https://companies.rbc.ru/news/G8gunP04lp/v-rossii-kratno-vyiros-interes-k-tsifrovizatsii-byita/> (дата обращения: 14.06.2025).
8. В Совете Федерации обсудили правовые аспекты регулирования метавселенных [Электронный ресурс] // Совет Федераций Федерального собрания Российской Федерации. 22.05.2022. URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/138419/ (дата обращения: 14.06.2025).
 9. Гуров О.Н., Шерстов А.В. Проблемы управления искусственной личностью // Исследование в цифровой экономике. 2023. № 1. – С. 61–89.
 10. Елькина Е.Е. Автотрофный проект – ответ на вызовы и глобальные риски цифровой эпохи // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2020. № 22. – С. 57–70.
 11. Киселев Дм. Цифровой ГУЛАГ: сбой в Интернете показал, как сильна зависимость миллионов людей [Электронный ресурс] // Вести.RU. 10.10.2021. URL: <https://www.vesti.ru/article/2624613> (дата обращения: 14.06.2025).
 12. Костоломова М.В. Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. – С. 41–53.
 13. Любимов А.П., Пономарева Д.В., Барабашев А.Г. Основные понятия искусственного интеллекта. – М.: ООО «Сам Полиграфист», 2019. – 116 с.
 14. Майстренко Г.А. Государственная политика в сфере борьбы с киберпреступностью: российский и зарубежный опыт // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11. № 5А. – С. 131–138.
 15. Меликян М.А. Ноосферность и информационность человека: философско-антропологическое осмысление нового человеческого качества Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 2 (18). – С. 68–78.
 16. Осипова А.А., Давыденко Д.В., Абдулкадир Ю.Р.А. Особенности девиантного поведения молодежи в виртуальной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6. – С. 43–48.
 17. Рыжов В.Б. Информационная безопасность в государствах Европейского союза: к постановке проблемы // Представительная власть – ХХI век. 2018. № 4. – С. 8–12.
 18. Рынок интернет-торговли в России [Электронный ресурс] // АКИТ. 2023. Декабрь. URL: <https://akit.ru/> (дата обращения: 14.06.2025).
 19. Соловьева Л.Н. Модусы цифрового бытия человека информационной эпохи // Общество: философия, история, культура. 2022. № 4. – С. 51–55.
 20. Степанюк В.К. Человек «экономический» и «цифровой»: трансформация человеческой природы в условиях глобализации // Известия Гомельского государственного университета. 2020. № 4 (121). – С. 159–163.
 21. Тихонова С.В., Фролова С.М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. № 3. – С. 287–290.
 22. Что такое цифровые двойники и где их используют [Электронный ресурс] // РБК. Тренды. 03.08.2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6107e5339a79478125166eeb> (дата обращения: 14.06.2025).
 23. Шинкаревая Г.Г. Цифровизация – глобальный тренд мировой экономики // Образование и право. 2019. № 8. – С. 119–123.
 24. Эпоха цифровых двойников: как виртуальные модели выводят промышленность на новый уровень [Электронный ресурс] // Habr. 04.03.2024. URL: <https://habr.com/ru/companies/sberbank/articles/797827/> (дата обращения: 14.06.2025).
 25. DoD Digital Engineering Strategy. Washington, D.C., USA: Office of the Undersecretary of Defense for Research and Engineering (OUSD R&E), US Department of Defense. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/1567723/the-department-of-defense-announces-its-digital-engineering-strategy/> (дата обращения: 14.06.2025).
 26. Giachetti R. Digital Engineering [Электронный ресурс] // SEBoK. 20.10.2023. URL: https://sebokwiki.org/wiki/Digital_Engineering=1 (дата обращения: 14.06.2025).
 27. Kemp S. Digital 2023: The Russian Federation [Электронный ресурс] // DataReportal. 13.02.2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation> (дата обращения: 14.06.2025).

DIGITAL TWINS: NEW FASHION OR REALITY. CONFLICT OF ENTITIES

Mamedov A.K., Korkiya E.D., Maksimov A.A.

Lomonosov Moscow State University

Digital technologies are rapidly changing the communication environment, conditioning and filling the virtual space with new means of solving not only long-known problems, but also those that they themselves caused. The problem of digital twins is one of those that lie at the boundary of these two worlds: real and virtual. The article examines the complex and ambiguous nature of the phenomenon under study, taking into account the unprecedented opportunities and threats that it carries.

Keywords: problem of digital twins, information and communication technologies, digitalization, communication environment, digital culture, Internet.

References

1. GOST R 57700.37–2021 “Computer models and modeling. Digital twins of products. General provisions” [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200180928> (date of access: 06/14/2025).
2. PNST 429–2020 “Smart production. Digital twins of production” [Electronic resource]. URL: <https://gostassist.ru/doc/25c9e3da-84b3-4691-ba82-dc5278b28385> (date of access: 06/14/2025).
3. Aliulov Sh. The number of Internet users in Russia has grown 100 times in 25 years [Electronic resource] // 4PDA. 02.10.2023. URL: https://4pda.to/2023/10/02/418913/kolichestvo_polzovatelej_interneta_v_rossii_vyroslo_v_100_raz_za_25_let/ (date of access: 14.06.2025).
4. Arapov V. Zarutskaya N. Why cybercrime is a threat to national security [Electronic resource] // Vedomosti. 07.12.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2021/12/07/899278-kiberprestupleniya-bezopasnosti> (date of access: 14.06.2025).
5. Barlow John Perry Declaration of the Independence of Cyberspace Davos, Switzerland February 8, 1996 [Electronic resource] // <https://www.rwpbb.ru/declare/declare.html> (date of access: 06/14/2025).
6. Barkov S.A., Denilkanov A. Kh. Forms of business organization: Monograph. – М.: IPO “At Nikitsky Gate”, 2015. – 472 p.
7. Interest in the digitalization of everyday life has grown exponentially in Russia [Electronic resource] // RBC. 04/23/2024. URL: <https://companies.rbc.ru/news/G8gunP04lp/v-rossii-kratno-vyiros-interes-k-tsifrovizatsii-byita/> (date of access: 06/14/2025).

8. The Federation Council discussed the legal aspects of regulating metauniverses [Electronic resource] // Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. 05/22/2022. URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/138419/ (date of access: 06/14/2025).
9. Gurov O.N., Sherstov A.V. Problems of managing an artificial personality // Research in the digital economy. 2023. No. 1. – P. 61–89.
10. Elkina E.E. Autotrophic project – a response to the challenges and global risks of the digital era // Mysl: Journal of the St. Petersburg Philosophical Society. 2020. No. 22. – P. 57–70.
11. Kiselev Dm. Digital GULAG: Internet failure shows how dependent millions of people are [Electronic resource] // Vesti.RU. 10.10.2021. URL: <https://www.vesti.ru/article/2624613> (accessed: 14.06.2025).
12. Kostolomova M.V. Digital deviation as a phenomenon of a new social reality: methodological foundations and conceptualization of the concept // Sociological science and social practice. 2020. Vol. 8. No. 2. – P. 41–53.
13. Lyubimov A.P., Ponomareva D.V., Barabashev A.G. Basic concepts of artificial intelligence. – M.: OOO “Sam Polygraphist”, 2019. – 116 p.
14. Maistrenko G.A. Public Policy in the Sphere of Combating Cybercrime: Russian and Foreign Experience // Theories and Problems of Political Research. 2022. Vol. 11. No. 5A. – P. 131–138.
15. Melikyan M.A. Noosphericity and Informationality of Man: Philosophical and Anthropological Understanding of a New Human Quality Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities. 2018. No. 2 (18). – P. 68–78.
16. Osipova A.A., Davydenko D.V., Abdulkadir Yu.R.A. Features of Deviant Behavior of Young People in a Virtual Environment // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2020. No. 6. – P. 43–48.
17. Ryzhov V.B. Information security in the EU member states: towards a problem statement // Representative power – the 21st century. 2018. No. 4. – P. 8–12.
18. Internet trade market in Russia [Electronic resource] // AK-IT. 2023. December. URL: <https://akit.ru/> (date of access: 14.06.2025).
19. Solovieva L.N. Modes of digital existence of a person in the information age // Society: philosophy, history, culture. 2022. No. 4. – P. 51–55.
20. Stepanyuk V.K. “Economic” and “digital” man: transformation of human nature in the context of globalization // Bulletin of the Gomel State University. 2020. No. 4 (121). – P. 159–163.
21. Tikhonova S.V., Frolova S.M. Digital society and digital anthropology: transdisciplinary foundations of social and epistemological research // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2019. Vol. 19. No. 3. – P. 287–290.
22. What are digital twins and where are they used [Electronic resource] // RBC. Trends. 03.08.2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6107e5339a79478125166eeb> (date of access: 14.06.2025).
23. Shinkaretskaya G.G. Digitalization is a global trend of the world economy // Education and Law. 2019. No. 8. – P. 119–123.
24. The Age of Digital Twins: How Virtual Models Take Industry to a New Level [Electronic resource] // Habr. 03/04/2024. URL: <https://habr.com/ru/companies/sberbank/articles/797827/> (accessed: 06/14/2025).
25. DoD Digital Engineering Strategy. Washington, D.C., USA: Office of the Undersecretary of Defense for Research and Engineering (OUSD R&E), US Department of Defense. 2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/1567723/the-department-of-defense-announces-it-s-digital-engineering-strategy/> (accessed on 14.06.2025).
26. Giachetti R. Digital Engineering [Electronic resource] // SEBoK. 20.10.2023. URL: https://sebokwiki.org/wiki/Digital_Engineering=1 (accessed on 14.06.2025).
27. Kemp S. Digital 2023: The Russian Federation [Electronic resource] // DataReportal. 13.02.2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation> (accessed on 14.06.2025).

Емелькина Ирина Владимировна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии МГУ им. Н.П. Огарёва; профессор кафедры гуманитарных наук; религиозной организации духовной образовательной организации высшего образования «Саранская духовная семинария Саранской и Мордовской епархии Русской православной церкви»
E-mail: zagirina71@yandex.ru

Мочалов Евгений Владимирович,

заведующий кафедрой философии, доктор философских наук, профессор, МГУ им. Н.П. Огарёва
E-mail: depart-philos@isi.mrsu.ru

Цель статьи – проанализировать дневники войны, их специфику и особенности как объекта документального наследия военных лет. Авторы рассматривают дневниковые записи не просто как личные воспоминания или исторические свидетельства, а как особый жанр, способствующий осмыслению жизни и смерти, нравственных ценностей и экзистенциальных проблем человека. Статья исследует феноменологические аспекты ведения дневника в экстремальных условиях жизни, подчеркивая, что подобные тексты приобретают статус философского наследия эпохи, помогающего современным поколениям глубже понять переживания и внутренний мир человека тех лет. Особое внимание уделяется символическому значению текста как отражению сознания автора, проблем человека и общества в военные годы.

В процессе исследования использовались: метод изучения военных дневников, метод сопоставления данных, систематизация и другие.

Ключевые слова: дневники войны, сакральное, память, жизнь, эго-документ, человечность, трагедия.

Очевидно, что испытания, которым подвергался человек в военное время, часто находят выражение в цинизме, бесчеловечности, сопрягаются с утратой жизни, разрушением и болью. Вместе с тем, война способна раскрыть невероятную силу характера, смелость и способность проявлять сочувствие даже среди всеобщего горя и ужаса.

Часто она становится суровым наставником, открывающим нам истинную ценность мужества и силы воли. Опыт войны открывает ценность жизни, цену мужеству, радостям жизни и необходимости сохранения веры и надежды.

А если вести речь о философии войны глазами ребенка, – то это своего рода трогательная перспектива, которая может раскрыть глубинные размышления о природе войны, насилия и человеческих отношений. Отчасти они могли быть наивными, так как дети, находясь в мире войны, воспринимали её через призму своих эмоций, страхов и надежд, что отличало их взгляды от взрослых.

С точки зрения авторов статьи дневники войны представляют собой уникальный жанр, сочетающий в себе частные исторические хроники, творческое самовыражение и документализм.

Безусловно, дневники писали не только дети, но и солдаты, и офицеры, их жены и дети, узники концлагерей, гетто и угнанные на принудительные работы, те, кто находился в глубоком тылу, и даже немецкие офицеры.

Дневники войны – это частная, личная, нередко семейная история и память людей, попавших в невыносимые условия, это история, буквально воспроизводящая те обстоятельства, в которых люди находились. В современных условиях дневники войны, несмотря на свою мало изученность, достойны систематического исследования в силу своей уникальности и достоверности, а также оценки документального наследия военных лет.

Многие из дневников стали известны благодаря публикациям и документальным фильмам, посвященным памяти о Великой Отечественной войне. Один из самых известных дневников детей войны – дневник Тани Савичевой, «школьницы, которая вела свои записи во время блокады города. Это символ трагедии жителей осажденного Ленинграда, одно из самых пронзительных свидетельств ужаса блокадной жизни» [1].

Дневник Тани состоял из нескольких страниц, но каждая запись – трагедия её семьи. Таня начала вести его после смерти своей сестры Нины в декабре 1941 года. В своих записях она фиксировала даты смерти каждого члена своей семьи: 22 декабря 1941 года – умерла сестра Женя; 25 декабря 1941 года – умер дядя Вася; 17 января 1942 года – умерла бабушка Евдокия Григорьевна; 13 марта 1942 года – умерла мама Мария Игнатьевна; 10 мая 1942 года – умер брат Лека; 15 мая 1942 года – умерла тетя Таня» [1]. Последняя запись в дневнике гласит: «Савичевы умерли. Умерли все. Осталась одна Таня».

После эвакуации из Ленинграда Таню отправили в детский дом в городе Шатки Горьковской области (ныне Нижегородская область), где она скончалась от последствий дистрофии и туберкулеза в 1944 году. Дневник Тани Савичевой – это напоминание о страшных по-

следствиях войны для мирных граждан, который хранится в Музее истории Санкт-Петербурга в качестве одного из важнейших исторических документов.

Сложно представить, какой могла быть реакция на подобные события наших современников – сверстников Тани. (Я успешная: я не умерла!).

Эти документы помогают нам лучше понять, через что пришлось пережить современникам, и напоминают о важности сохранения мира и человечности.

Мы убеждены, что личная история войны представлена в виде эго-документов, в том числе дневников. «Эго-документы – это источники личного происхождения, который создан конкретным человеком и обращён к самому себе или узкому кругу читателей» [3]. Эти источники сегодня во многом важнее официальных по причине их объективности и искренности. Трудно составить достоверное представление о войне, не побывав там. Но благодаря такого рода источникам можно стать в какой-то мере очевидцем и участником событий. Этот вид исторических источников содержит «уникальную информацию о повседневной жизни людей на фронте и в тылу, даёт возможность воспроизвести в своём воображении события прошлого глазами простого человека» [1]. Дополнительную значимость им придаёт то факт, что писали их дети.

Дневник стал местом глубоких размышлений для ребёнка, переживающего войну, давал возможность фиксировать происходящие события на основе собственного опыта, искать смыслы в окружающем мире насилия, формировать новые нравственные ценности. Таким образом, детские военные дневники – важный источник понимания жизни в годы испытаний, раскрывающий эпоху глазами детей.

Научный потенциал дневников, в сравнении с другими документами, многоаспектен и уникален. Если главной функцией данных документов была фиксация фактов и событий, то дневники детей выходу негативных эмоций.

Кроме того, детские дневники занимают особое положение среди всех «эго-документов», так как отражают своеобразие мышления ребенка, отличаются любопытством, жизнелюбием, ожиданием лучшего будущего и практически лишены чувства страха. Сравнивая их с дневниковыми записями взрослых, констатируем, что они содержат минимум пессимизма, бессилия, отчаяния.

Детские дневниковые записи важны и значимы в том отношении, что передают суть драматических событий в оценке детей, их видения. Глаза Тани Савичевой открывают такую сторону жизни, те события, которые стали сакральными в их жизнепереживании: они писались о себе и для себя. Это обстоятельство во многом и определяет для нас значимость и ценность дневников.

Как правило, записи носили кратковременный характер: «записи в детском дневнике длительное время – на протяжении всей войны – большая редкость, но такое тоже было. Детские записи очень отличаются от дневников взрослых. Они, в сравнении с дневниками взрослых, более последовательны» [1]. Этот факт объясняется тем, что ребенок больше чем взрослый нуждался в эмоциональном выплеске – это, во-первых. Во-вторых, дети меньше чем взрослые были заняты вопросами выживания. Записи детей в дневниках, как отмечают психологи, отличаются большей собранностью, порядком в ведении, большей детализацией происходящего, разнообразием тем и проблем, которые ими затрагивались. Дети, занося заметки в дневники, были самокритичными, избегали бранных и нелояльных высказываний.

В 2015 году к 70-летию Победы было подготовлена «Детская книга войны», состоящая из 35 дневников де-

тей войны. Журналисты издания «Аргументы и факты» находили их в музеях, государственных архивах и личных архивах авторов дневников» [1]. Это своего рода детское духовное наследие, отражающее глубинные переживания детей, столкнувшимися с ужасами войны, зримое свидетельство не только страшных событий, но и судеб детей, их переживших.

Война меняла их не только внешне, но главным образом внутренне. Военные условия обостряли представления о добре и зле, оставляли ребенка наедине с самим собой, меняли его психологическое и психическое состояние.

Война выступала не только временем душевной и духовной зрелости, но и временем потерь и утрат. Выдающийся писатель Даниил Гранин, выступая в Бундестаге, поведал о случае в блокадном Ленинграде, когда «...у матери умер ребёнок. Ему было три года. Мать положила труп между окон: это происходило зимой... И каждый день отрезала по кусочку, чтобы накормить дочь. Спаси хотя бы дочь. Дочь не знала подробностей, ей было двенадцать лет. А мать всё знала, и не позволила себе умереть и не позволила себе сойти с ума. Дочь эта выросла, и Гранин с ней разговаривал. Тогда она не знала, чем её кормят. А спустя годы узнала...» [1]. С каких нравственных позиций оценивать это, такого рода вопросы возникают как отголоски военного времени в мирном бытии человека, которому нужно понять для себя, выработать собственный взгляд на события тех лет.

Проблема интерпретации дневников периода войны представляет собой одну из наиболее сложных этических задач для каждого. Часто человек склонен воспринимать проблемы повседневной жизни как менее значимые, возможно, даже немного надуманные.

Однако именно детские дневники показывают, что, например, чувство сострадания проявляется не только в помощи другому человеку, но и в героическом поступке, сопряженном с личным риском ради спасения ближнего. В таком ракурсе, сострадание превращается в ключевой элемент межличностных отношений, обеспечивающий взаимовыручку и поддержку в кризисные периоды.

Записи в детских дневниках фиксируют мелкие, казалось бы, незначительные детали повседневной жизни, обретающие особый смысл в условиях войны, к которым относятся воспоминания о совместных семейных торжествах, радость от полученных писем или простое желание разделить мгновения счастья с родными. Подобные события – яркие свидетельства сохранения гуманизма в обстановке тяжелейших испытаний общества.

Во многом благодаря этому детские дневники представляют собой уникальный документ истории, который демонстрирует процесс осмысления человеком собственной судьбы и роли в обществе, картину детской жизни, которая предстает трагедией, подчёркивает необходимость сохранения исторической памяти.

Детские дневники нередко приобретают элементы художественного творчества, что придаёт их содержанию эстетическую глубину. Используемые авторами образы, метафоры и ассоциации усиливают эффект погружения в эпоху и расширяют горизонты понимания феноменов войны, продолжают играть важную роль в формировании представлений о необходимости взаимопонимания и коллективной борьбы против насилия, предлагают проникновенные темы «философии детства» военного времени.

Сознание ребенка более остро воспринимает последствия войны: оно ещё формируется, поэтому подвержено влиянию внешних факторов. Дети войны демонстрировали поразительное мужество и способность пере-

живать тяготы жизни, сохраняя оптимизм и стремление к будущему.

В заключение статьи отметим, что исследование детских дневников войны сегодня приобретает особое значение: это напоминание о цене войн и предупреждение будущим поколениям о необходимости бережного отношения к человеческой жизни.

Это напоминание о цене мира и свободы, за которые миллионы людей заплатили своей жизнью, источник сохранения коллективной памяти, символа веры и стойкости, память о прошлом, которое нельзя забывать.

Литература

1. Даниил Гранин Депутатам Бундестага о блокаде Ленинграда: Речь писателя Даниила Гранина перед немецким бундестагом, которую он произнёс в День памяти жертв нацизма. Правмир: сайт. URL: <https://www.pravmir.ru/nado-umet-proshhat-no-nado-umet-i-pomnit/> (дата обращения: 24.04.2025). – Текст: электронный.
2. Детская книга войны. Национальная библиотека Республики Алтай им. М.В. Чевлакова: сайт. URL: <https://nbra.ru/component/tags/tag/detskaya-kniga-voyny-dnevniki-1941-1945> (дата обращения: 28.04.2025). – Текст: электронный.
3. Лямина Е.Э. Своими словами: что такое эго-документы и как они помогают изучать историю. Постнаука. Образовательная платформа. URL: <https://postnauka.org/longreads/156363> (дата обращения: 30.04.2025). – Текст: электронный.

«DIARIES OF WAR» AS A SACRED PHILOSOPHICAL SPACE OF MAN

Emelkina I.V., Mochalov E.V.

Mordovian State University, Saransk Theological Seminary of the Saransk and Mordovian Diocese of the Russian Orthodox Church

The purpose of the article is to analyze the diaries of the war, their specifics and features as an object of the documentary heritage of the war years. The authors consider diary entries not just as personal memories or historical evidence, but as a special genre that contributes to understanding life and death, moral values and existential human problems. The article explores the phenomenological aspects of keeping a diary in extreme living conditions, emphasizing that such texts acquire the status of a philosophical legacy of the era, helping modern generations to better understand the experiences and inner world of a person of those years. Special attention is paid to the symbolic meaning of the text as a reflection of the author's consciousness, human and social problems during the war years.

In the course of the research, the following methods were used: the method of studying military diaries, the method of data comparison, systematization, and others.

Keywords: war diaries, sacred, memory, life, ego-document, humanity, tragedy.

References

1. Daniil Granin: To the Members of the Bundestag about the Siege of Leningrad: A speech by the writer Daniil Granin before the German Bundestag, which he delivered on the Day of Remembrance of the Victims of Nazism. Pravmir: website. URL: <https://www.pravmir.ru/nado-umet-proshhat-no-nado-umet-i-pomnit/> (date of access: 24.04.2025). – Text: electronic.
2. The children's book of War. The National Library of the Altai Republic named after M.V. Chevlov: website. URL: <https://nbra.ru/component/tags/tag/detskaya-kniga-voyny-dnevniki-1941-1945> (date of request: 04/28/2025). – Text: electronic.
3. Lyamina E.E. In her own words: what are ego documents and how do they help to study history? Postnauka. Educational platform. URL: <https://postnauka.org/longreads/156363> (accessed: 30.04.2025). – Text: electronic.

Философский анализ трудовых отношений в эпоху искусственного интеллекта: от дихотомии к интегративной агентности

Мурынка Иван Владимирович,

руководитель лаборатории исследования трансформации организационных систем в эпоху искусственного интеллекта в АНО «Научно-исследовательский центр креативных индустрий»
E-mail: krutiva@ya.ru

Массовое внедрение искусственного интеллекта в трудовые процессы порождает принципиально новые формы организации деятельности, не укладывающиеся в рамки классических теорий труда. Формирование гибридных человеко-машинных коллективов ставит фундаментальные методологические вопросы: как изучать трудовые отношения, когда субъектом деятельности становится не индивид, а человеко-машинный ассамбляж? Традиционные категории субъекта и объекта труда, ответственности и автономии требуют радикального переосмысления в контексте распределенной агентности.

Центральной гипотезой выступает положение о триадической трансформации трудовых отношений в гибридных коллективах, где традиционное разделение на субъект и объект труда замещается сетевыми отношениями между человеком, ИИ-системой и трудовой задачей. Основываясь на анализе ограниченных классических подходов и эмпирическом исследовании российских кейсов, автор предлагает переход к новой парадигме интегративной агентности, представляющей диалектический синтез традиционных моделей и современных технологических реалий.

Методологическую основу составляет интеграция акторно-сетевой теории Б. Латура, персоналистической философии Э. Мунье и концепции распределенной агентности Л. Сачмен. Практическая значимость исследования связана с выработкой принципов гуманитарной экспертизы ИИ-технологий в трудовой сфере.

Ключевые слова: интегративная агентность, гибридные коллективы, субъектность, трудовые отношения, искусственный интеллект, распределенная агентность.

Введение: эпистемологический кризис в изучении трудовых отношений

В современном мире развития искусственного интеллекта проявляются специфические эпистемологические аномалии, не укладывающиеся в рамки традиционного понимания трудовых отношений и профессиональных границ. Согласно данным Stanford AI Index Report 2025 [4], доля организаций, интегрировавших системы искусственного интеллекта в ключевые бизнес-процессы, возросла с 55% в 2024 году до 78% в 2025 году. В России показатели еще более впечатляющие: по данным TAdviser [5], 34% российских компаний в 2024 году активно внедряли ИИ или уже использовали его для решения бизнес-задач.

Однако количественные показатели технологического проникновения не раскрывают глубины антропологических и философских трансформаций, происходящих в профессиональных практиках. Возникает то, что можно определить как эпистемологический кризис в изучении трудовых отношений – ситуация, когда традиционные концептуальные рамки оказываются неадекватными для описания и анализа новых феноменов.

Аномалия первого порядка проявляется в разрушении эпистемологической чистоты дисциплин. Профессиональная деятельность инженера, основанная на точных науках и эмпирическом опыте, при интеграции с ИИ-системами требует принципиально новых гуманитарных компетенций. Инженер должен интерпретировать предложения ИИ-систем, понимая контекст их генерации, оценивать этические последствия технических решений и выстраивать нарратив использования технической системы.

Аномалия второго порядка касается трансформации природы самой экспертности. Классическая функциональная модель специалиста представляет его как носителя специализированного знания в определенной предметной области. ИИ-опосредованная модель требует от специалиста выполнения роли координатора человеко-машинного взаимодействия, что предполагает качественно иной тип компетенций.

Аномалия третьего порядка затрагивает критерии валидности профессионального знания. Как отмечал Ф. Паскале: «Профессионалам предоставлена автономия потому, что им вверена защита особых, неэкономических ценностей общества» [6]. В традиционной практике основными критериями валидности являются функциональность, безопасность и эмпирическая проверяемость. При интеграции ИИ-систем к традиционным критериям добавляются алгоритмическая прозрачность, этическая приемлемость и культурная совместимость.

Концептуальные основания: субъектность и агентность в гибридных системах

Для адекватного анализа происходящих трансформаций необходимо четко разграничить ключевые концепты субъектности и агентности, которые часто смешиваются в исследованиях человеко-машинного взаимодействия.

Субъектность как основание рефлексивности

Субъектность понимается как способность к рефлексивному самоопределению, целеполаганию и ответственному действию. В классической философии труда субъектность неразрывно связана с сознанием, свободой воли и моральной ответственностью. Гегель [7] определял субъект как «для-себя-бытие», способное к негативности – отрицанию наличного бытия ради создания нового. Маркс [8] развивал эту идею, показывая, как труд является процессом самосозидания человека как субъекта истории.

В контексте ИИ-опосредованных трудовых отношений субъектность остается прерогативой человека, поскольку предполагает:

- Способность к рефлексии над собственной деятельностью
- Моральную ответственность за принимаемые решения
- Понимание смысла и целей деятельности
- Способность к творческому преобразованию действительности

Агентность как способность к действию

Агентность представляет более широкое понятие, обозначающее способность влиять на ход событий, инициировать изменения и производить эффекты в мире. Как отмечает Б. Латур [9], агентностью может обладать любой актор – человеческий или нечеловеческий – способный «заставить других делать что-то». Л. Сачмен [10] развивает концепцию распределенной агентности, показывая, как действие распределяется между различными участниками социотехнических сетей.

ИИ-системы демонстрируют агентность в том смысле, что они:

- инициируют изменения в трудовых процессах;
- влияют на принятие решений человеком;
- модифицируют собственное поведение через обучение;
- производят эффекты, не предусмотренные разработчиками.

Принципиальное различие состоит в том, что агентность ИИ носит **функциональный** характер (способность производить эффекты), в то время как человеческая субъектность включает рефлексивное измерение (понимание смысла действий).

Интегративная агентность как новая форма организации деятельности

Интегративная агентность представляет качественно новый феномен, возникающий в результате длительного взаимодействия человека и ИИ-системы при решении трудовых задач. Это не простая сумма человеческой субъектности и машинной агентности, но специфическая форма организации деятельности, обладающая следующими характеристиками.

Распределенность: действие не локализуется в одном агенте, но распределяется между участниками системы. Человек и ИИ взаимно дополняют возможности друг друга, создавая новые формы коллективного действия.

Взаимная адаптация: длительное взаимодействие приводит к изменению обеих сторон. Человек развивает новые когнитивные навыки, адаптируясь к логике алгоритмов, а ИИ-система модифицируется под стиль работы конкретного пользователя.

Козэволюция компетенций: происходит взаимное обучение, в результате которого формируются гибридные

формы экспертности, не сводимые ни к чисто человеческим, ни к чисто машинным способностям.

Динамическое перераспределение функций: в зависимости от контекста задачи роли субъекта и агента динамически перераспределяются между участниками системы.

Феноменология аномалий в российских трудовых отношениях

Систематический анализ российских кейсов позволяет выявить конкретные проявления формирования интегративной агентности в различных профессиональных областях.

Размывание границ профессиональной идентичности

Кейс 1: Сбербанк – система кредитного скоринга. По данным на март 2024 года, Сбербанк в 100% случаев принимает кредитные решения в отношении физических лиц с использованием искусственного интеллекта [11]. Система анализирует более 500 параметров, включая транзакционное поведение, геолокационные данные и паттерны использования мобильного приложения.

Кредитные аналитики отмечают фундаментальную трансформацию своей профессиональной роли. Если ранее их функция заключалась в самостоятельном принятии решений на основе анализа документов и собеседования с клиентами, то теперь они выступают как интерпретаторы алгоритмических выводов и эксперты по исключительным случаям. При этом происходит взаимное обучение: алгоритм «учится» на решениях аналитиков в спорных случаях, а аналитики корректируют свои подходы на основе статистики одобрений и отказов.

Данный кейс демонстрирует формирование новой профессиональной идентичности «ИИ-ассистированного аналитика», которая не сводится ни к традиционной роли кредитного специалиста, ни к роли оператора автоматизированной системы.

Кейс 2: Яндекс – ассессоры и алгоритмы поиска. Специалисты по оценке качества поиска (ассессоры) в Яндексе работают с машинными алгоритмами ранжирования результатов поиска [12]. Их задача состоит в оценке релевантности поисковых результатов для обучения и корректировки алгоритмов.

Ассессоры отмечают, что в процессе длительной работы происходит конвергенция когнитивных стилей: они начинают «думать как алгоритм», структурируя оценки в соответствии с машинной логикой, одновременно обучая алгоритм «понимать человеческие интенции» при формулировке поисковых запросов. Возникает гибридная форма экспертности, объединяющая человеческую интуицию релевантности и алгоритмическую точность обработки больших массивов данных.

Трансформация процессов создания знания

Кейс 3: Газпром нефть – ИИ в геологоразведке. Компания «Газпром нефть» использует ИИ для оптимизации разработки месторождений [13]. Система производит расчеты, которые ранее выполнялись геологами вручную, и на основе трехмерных моделей предлагает оптимальные сценарии для разработки нефтяных скважин.

Геологи и инженеры-разработчики отмечают качественное изменение характера своей деятельности. Их экспертиза трансформировалась от непосредственного проведения расчетов к валидации алгоритмических

предложений и принятию решений в нестандартных ситуациях. При этом ИИ-система не просто автоматизирует рутинные операции, но предлагает варианты решений, которые специалисты не рассматривали ранее, расширяя горизонты профессионального мышления.

Данный кейс показывает формирование новой эпистемической практики, где производство знания происходит в результате итеративного взаимодействия человеческой экспертизы и машинного анализа.

Реконфигурация коммуникативных практик

Кейс 4: МТС – ИИ в клиентском сервисе. В МТС внедрен клиентский чат-бот, который ежедневно обрабатывает 40–70 тысяч чатов с пользователями [14]. Операторы контакт-центра работают в связке с ИИ-помощником, который берет на себя типовые запросы и предлагает оптимальные варианты ответов для сложных случаев.

Операторы отмечают, что ИИ-помощник не только разгружает их от рутинных операций, но и «обучает» новым способам решения проблем клиентов. Система анализирует успешные диалоги и предлагает операторам эффективные формулировки ответов, паттерны ведения разговора и способы деэскалации конфликтов. Одновременно операторы корректируют базу знаний ИИ, добавляя новые сценарии и исправляя неточности.

Формируется новая коммуникативная практика, где эффективность взаимодействия с клиентами достигается через синтез человеческой эмпатии и алгоритмической обработки коммуникативных паттернов.

Трансформация творческих процессов

Кейс 5: Российские дизайн-студии – генеративный ИИ. В российских дизайн-студиях дизайнеры используют ИИ-системы типа Midjourney и Stable Diffusion для генерации визуальных концепций [15]. Первоначально алгоритмы рассматривались как источники вдохновения, но через 6–8 месяцев работы дизайнеры отмечают фундаментальные изменения в собственном творческом процессе.

Дизайнеры начинают структурировать креативные задачи в соответствии с логикой алгоритмов, развивают навыки «промт-инжиниринга» для получения желаемых результатов, одновременно обучая ИИ своим эстетическим предпочтениям через итеративные корректировки. Возникает новая форма творчества, где финальный результат не может быть атрибутирован исключительно человеку или машине, но представляет продукт их коллаборативного взаимодействия.

Распределенная ответственность в принятии решений

Кейс 6: Сбербанк – ИИ в управлении персоналом. С 2024 года Сбербанк использует модель на основе ИИ для анализа зарплатной политики [16]. Система обрабатывает данные из внутренних и внешних источников, учитывая более 100 показателей, и формирует рекомендации по корректировке заработной платы сотрудников. В результате более 10,5 тысяч сотрудников получили дополнительное повышение.

Данный кейс демонстрирует проблему распределенной ответственности в принятии решений. HR-аналитики отмечают, что они не могут нести полную ответственность за решения о повышении зарплаты, поскольку эти решения основываются на алгоритмических рекомендациях. В то же время алгоритм не может нести моральную ответственность за справедливость распределения. Формируется новая модель ответственности, где окон-

чательное решение принимается человеком, но на основе алгоритмического анализа, который он может валидировать, но не полностью контролировать.

Ограничения классических теоретических подходов

Анализ выявленных аномалий показывает, что существующие теоретические подходы к изучению трудовых отношений не способны адекватно объяснить происходящие трансформации.

Классическая философия труда

Гегелевская диалектика труда основывается на четкой субъект-объектной дихотомии, где субъект (человек) преобразует объект (природу) посредством труда, одновременно развивая собственные способности [17]. Однако в ИИ-опосредованных системах ИИ не является пассивным объектом или инструментом, но проявляет формы активности, которые влияют на человека и трудовой процесс.

Марксистская теория отчуждения описывает процессы деформации человеческой сущности в условиях капиталистического производства [18]. Основные формы отчуждения (от продукта труда, от процесса труда, от родовой сущности, от других людей) не учитывают возможности взаимного влияния человека и технологии, когда не только человек отчуждается от машины, но и машина развивает автономные формы поведения.

Индустриальная социология

Тейлористская модель основывается на принципе функционального разделения между планированием (управление) и исполнением (рабочие) [19]. В гибридных системах ИИ способен одновременно выполнять функции планирования (анализ данных, генерация вариантов решений) и исполнения (автоматическое выполнение определенных операций), что делает тейлористское разделение неприменимым.

Социотехнический подход (Э. Трист [20]) предполагает оптимизацию как технической, так и социальной системы. Однако он по-прежнему рассматривает технологии как инструменты, используемые человеческими группами, а не как активных участников трудовых отношений.

Современные подходы

Акторно-сетевая теория Б. Латура [21] предлагает наиболее подходящую концептуальную рамку, поскольку признает симметрию между человеческими и нечеловеческими акторами. Однако АСТ требует дополнения категориями, позволяющими различать различные типы агентности и учитывать специфику человеческой субъектности.

Теория деятельности А.Н. Леонтьева [22] рассматривает деятельность как опосредованную инструментами, что создает потенциал для анализа человеко-машинного взаимодействия. Однако она требует развития для учета ситуаций, когда «инструменты» (ИИ-системы) проявляют характеристики субъектности.

Концепция интегративной агентности: теоретический синтез

На основе анализа ограничений существующих подходов и эмпирических данных формулируется концепция

интегративной агентности как новой формы организации трудовых отношений в эпоху ИИ.

Теоретические основания.

Интегративная агентность представляет диалектический синтез классических представлений о субъектности и современных концепций распределенного действия. Она основывается на следующих принципах:

Принцип сохранения человеческой субъектности: человек остается единственным носителем рефлексивной субъектности, способным к целеполаганию, моральной оценке и ответственному действию. ИИ-системы обладают функциональной агентностью, но не субъектностью в философском смысле.

Принцип распределенной агентности: способность к действию и производству эффектов распределяется между человеком и ИИ-системой. Каждый участник вносит специфический вклад, недоступный другому.

Принцип взаимной конституции: человек и ИИ взаимно определяют возможности и ограничения друг друга в процессе совместной деятельности. Изменение одного участника влечет трансформацию другого.

Принцип динамического баланса: соотношение человеческой субъектности и машинной агентности динамически изменяется в зависимости от контекста задачи, уровня сложности и стадии решения проблемы.

Триадическая структура интегративной агентности

Интегративная агентность реализуется через триадическую структуру взаимодействия.

Человек – носитель субъектности, обеспечивает целеполагание, этическую оценку, контекстуальное понимание и креативные решения в нестандартных ситуациях.

ИИ-система – носитель функциональной агентности, обеспечивает обработку больших объемов данных, выявление паттернов, генерацию альтернативных решений и оптимизацию процессов.

Трудовая задача – структурирующий элемент, определяющий цели, ограничения и критерии успешности совместной деятельности.

Специфика триадической структуры состоит в том, что все три элемента находятся в отношениях взаимной детерминации: характер задачи определяет формы взаимодействия человека и ИИ, способности участников влияют на постановку и решение задач, а процесс решения трансформирует как участников, так и понимание самой задачи.

Механизмы формирования интегративной агентности

Формирование интегративной агентности происходит через несколько механизмов:

Когнитивная адаптация: человек развивает новые способы мышления, адаптируясь к логике алгоритмов (алгоритмическое мышление, структурированность подходов, системность анализа).

Алгоритмическая персонализация: ИИ-система адаптируется к индивидуальному стилю работы пользователя, «изучая» его предпочтения, паттерны принятия решений и профессиональные особенности.

Компетентностная гибридизация: формируются новые профессиональные компетенции, объединяющие человеческие и машинные способности (например,

способность к эффективному промпт-инжинирингу или алгоритмически-ассистированному анализу).

Козволюционное обучение: происходит взаимное обучение, где человек и ИИ развивают новые способности в процессе совместной деятельности.

Типология форм интеграции

На основе анализа российских кейсов выделяется типология форм интеграции человека и ИИ в трудовых процессах:

Дополняющая интеграция

Характеристики: четкое разделение функций при сохранении взаимозависимости. Человек и ИИ выполняют различные, но взаимодополняющие задачи.

Пример: врач и диагностическая ИИ-система. ИИ анализирует медицинские изображения и выявляет потенциальные патологии, врач интерпретирует результаты, учитывает анамнез пациента и принимает окончательное решение о диагнозе и лечении.

Преимущества: сохранение профессиональной автономии, минимальные риски замещения, высокая надежность решений.

Ограничения: ограниченный синергетический эффект, возможность конфликта между человеческими и машинными выводами.

Диалогическая интеграция

Характеристики: итеративное взаимодействие с взаимной корректировкой подходов. Человек и ИИ находятся в постоянном диалоге, корректируя действия друг друга.

Пример: кейс Яндекс с ассессорами. Специалисты оценивают качество поиска, их оценки влияют на алгоритмы, которые в свою очередь предлагают новые критерии оценки релевантности.

Преимущества: взаимное обучение, повышение качества решений, развитие гибридных компетенций.

Ограничения: высокие требования к компетентности пользователей, риск когнитивной зависимости от ИИ.

Синергетическая интеграция

Характеристики: создание результатов, невозможных без участия всех участников системы. Границы между человеческим и машинным вкладом размываются.

Пример: дизайнеры и генеративный ИИ. Финальный творческий продукт не может быть атрибутирован исключительно человеку или машине, но представляет результат их коллаборативного творчества.

Преимущества: максимальный синергетический эффект, качественно новые возможности, инновационные решения.

Ограничения: сложность атрибуции авторства, этические дилеммы относительно ответственности, высокие требования к интегративным компетенциям.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов о характере трансформации трудовых отношений в эпоху искусственного интеллекта.

Во-первых, внедрение ИИ-технологий порождает качественно новые феномены, не сводимые к простой автоматизации или усилению человеческих способностей. Формируется принципиально новая форма организации

деятельности – интегративная агентность, характеризующаяся распределением способности к действию между человеком и машиной при сохранении человеческой субъектности.

Во-вторых, классические теоретические подходы к анализу трудовых отношений оказываются неадекватными для понимания гибридных человеко-машинных систем. Необходим концептуальный синтез, учитывающий как специфику человеческой субъектности, так и формы машинной агентности.

В-третьих, анализ российских кейсов выявляет различные формы интеграции – от дополняющей до синергетической, каждая из которых имеет свои преимущества и ограничения. Выбор оптимальной формы зависит от характера задач, уровня компетенций участников и организационного контекста.

В-четвертых, формирование интегративной агентности требует развития новых профессиональных компетенций, образовательных программ и этических стандартов, учитывающих специфику человеко-машинного взаимодействия.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке концептуального аппарата для анализа трудовых отношений в эпоху ИИ. Концепция интегративной агентности вносит вклад в развитие философии техники и социологии труда.

Практическая значимость связана с выработкой рекомендаций для организаций, внедряющих ИИ-технологии в трудовые процессы. Предложенная типология форм интеграции может служить основой для проектирования эффективных человеко-машинных систем.

Направления дальнейших исследований включают: эмпирическую валидацию предложенной типологии на расширенной выборке организаций; разработку методов измерения эффективности различных форм интеграции; изучение долгосрочных эффектов интегративной агентности на профессиональную идентичность и компетенции работников; анализ этических и правовых аспектов распределенной ответственности в гибридных системах.

Философский анализ трудовых отношений в эпоху ИИ находится в начальной стадии развития. Концепция интегративной агентности представляет первый шаг к созданию теоретической рамки, адекватной новым реалиям человеко-машинного взаимодействия. Дальнейшее развитие данного направления требует междисциплинарного сотрудничества философов, социологов, специалистов по искусственному интеллекту и практиков.

Литература

1. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. 384 с.
2. Мунье Э. Персонализм / Пер. с фр. И. Вевюрко. М.: Искусство, 1992. 144 с.
3. Suchman L. Human-Machine Reconfigurations: Plans and Situated Actions. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 306 p.
4. Stanford HAI. Artificial Intelligence Index Report 2025. Stanford University: Human-Centered AI Institute, 2025. 156 p.
5. Искусственный интеллект (рынок России) // TAdviser. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_\(рынок_России\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_(рынок_России)) (дата обращения: 15.07.2025).
6. Pasquale F. New Laws of Robotics: Defending Human Expertise in the Age of AI. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2020. 304 p.
7. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Шпета. М.: Наука, 1992. 444 с.
8. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 41–174.
9. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006. С. 199–222.
10. Suchman L. Human-Machine Reconfigurations: Plans and Situated Actions. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 306 p.
11. Искусственный интеллект в Сбербанке // TAdviser. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_в_Сбербанке (дата обращения: 15.07.2025).
12. Яндекс. Поиск и алгоритмы ранжирования // Яндекс. Технологии. – URL: <https://yandex.ru/company/technologies/search/> (дата обращения: 15.07.2025).
13. Газпром нефть внедряет ИИ для оптимизации разработки месторождений // Нефть и Капитал. 2024. № 3. С. 45–48.
14. Искусственный интеллект для бизнеса: реальные кейсы российских компаний // HLB Magazine. – URL: <https://hlb-magazine.ru/business/iskusstvennyj-intellekt-dlya-biznesa-realnye-kejsy-rossijskih-kompanij/> (дата обращения: 15.07.2025).
15. Корпоративный ИИ в действии: самые яркие кейсы в России // Компьютерра. – URL: <https://www.computerra.ru/308189/korporativnyj-ii-v-dejstvii-samy-e-yarkie-kejsy-v-rossii/> (дата обращения: 15.07.2025).
16. Сбербанк стал использовать искусственный интеллект для расчета размера повышения зарплат // CNews. – URL: https://banks.cnews.ru/news/line/2025-02-14_sberbank_stal_ispolzovat (дата обращения: 15.07.2025).
17. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Шпета. М.: Наука, 1992. 444 с.
18. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 41–174.
19. Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента / Пер. с англ. А. Зотова. М.: Экономика, 1991. 104 с.
20. Trist E.L., Bamforth K.W. Some Social and Psychological Consequences of the Longwall Method of Coal-Getting // Human Relations. 1951. Vol. 4. № 1. P. 3–38.
21. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. 384 с.
22. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
23. Энгельстром Ю. Обучение путем расширения: Культурно-историческая теория деятельности / Пер. с англ. под ред. В. Рубцова. М.: Смысл, 2018. 280 с.
24. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Garden City, NY: Anchor Books, 1966. 249 p.
25. Zuboff S. In the Age of the Smart Machine: The Future of Work and Power. New York: Basic Books, 1988. 468 p.
26. Haraway D. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. New York: Routledge, 1991. P. 149–181.

27. Pickering A. *The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 264 p.
28. Russell S. *Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control*. New York: Viking, 2019. 352 p.
29. Цифровая экономика России: новые вызовы и возможности для бизнеса / Российская венчурная компания. М.: РВК, 2024. 128 с.
30. Иванов А.С., Петров В.И. Трансформация трудовых отношений в эпоху цифровизации // *Вопросы экономики*. 2024. № 8. С. 73–89.

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF LABOR RELATIONS IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FROM DICHOTOMY TO INTEGRATIVE AGENCY

Muryinka I.V.

Research Center for Creative Industries

The mass introduction of artificial intelligence into labor processes gives rise to fundamentally new forms of labor organization that do not fit into the framework of classical labor theories. The formation of hybrid human-machine teams raises fundamental methodological questions: how to study labor relations when the subject of activity is not an individual, but a human-machine assembly? Traditional categories of the subject and object of labor, responsibility, and autonomy require a radical rethinking in the context of distributed agency. The central hypothesis is the triadic transformation of labor relations in hybrid teams, where the traditional division into subject and object of labor is replaced by a network relationship between a person, an AI system, and a work task. Based on the analysis of the limitations of classical approaches and the empirical study of Russian cases, the author proposes a transition to a new paradigm of integrative agency, which is a dialectical synthesis of traditional models and modern technological realities.

The methodological basis of the study is the integration of Bruno Latour's actor-network theory, Emmanuel Mounier's personalistic philosophy, and L. Suchman's concept of distributed agency. The practical significance of the study lies in the development of principles for the humanitarian assessment of AI technologies in the field of labor.

Keywords: integrative agency, hybrid teams, subjectivity, labor relations, artificial intelligence, distributed agency.

References

1. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory* / Translated from English by I. Polonskaya; edited by S. Gavrilenko. Moscow: HSE Publishing House, 2014. 384 p.
2. Mounier E. *Personalism* / Translated from French by I. Vevyrko. Moscow: Iskustvo, 1992. 144 p.
3. Suchman L. *Human-Machine Reconfigurations: Plans and Situated Actions*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 306 p.
4. Stanford HAI. *Artificial Intelligence Index Report 2025*. Stanford University: Human-Centered AI Institute, 2025. 156 p.
5. Artificial Intelligence (Russian Market) // TAdviser. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Article: Artificial_intelligence_\(market_of_Russia\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Article: Artificial_intelligence_(market_of_Russia)) (date accessed: 15.07.2025).
6. Pasquale F. *New Laws of Robotics: Defending Human Expertise in the Age of AI*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2020. 304 p.
7. Hegel G.V.F. *Phenomenology of Spirit* / Translated from German by G. Shpet. Moscow: Nauka, 1992. 444 p.
8. Marx K. *Economic and philosophical manuscripts of 1844* // Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Vol. 42. Moscow: Politizdat, 1974. Pp. 41–174.
9. Latour B. *Where is the Missing Mass? Sociology of One Door* // *Sociology of Things*. Moscow: Territory of the Future, 2006. Pp. 199–222.
10. Suchman L. *Human-Machine Reconfigurations: Plans and Situated Actions*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 306 p.
11. Artificial Intelligence in Sberbank // TAdviser. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Изклассенный_интелке_в_Сбербанке (date of access: 15.07.2025).
12. Yandex. *Search and Ranking Algorithms* // Yandex.Technologies. – URL: <https://yandex.ru/company/technologies/search/> (date of access: 15.07.2025).
13. Gazprom Neft introduces AI to optimize field development // *Oil and Capital*. 2024. № 3. Pp. 45–48.
14. Artificial Intelligence for Business: Real Cases of Russian Companies // HLB Magazine. – URL: <https://hlb-magazine.ru/business/iskusstvennyj-intellekt-dlya-biznesa-realnye-kejsy-rossijskih-kompanij/> (accessed: 15.07.2025).
15. Corporate AI in Action: The Most Striking Cases in Russia // Computerra. – URL: <https://www.computerra.ru/308189/korporativnyj-ii-v-dejstvii-samy-e-yarkie-kejsy-v-rossii/> (accessed: 15.07.2025).
16. Sberbank began using artificial intelligence to calculate the size of salary increases // CNews. – URL: https://banks.cnews.ru/news/line/2025-02-14_sberbank_stal_ispolzovat (date of access: 15.07.2025).
17. Hegel G.V.F. *Phenomenology of Spirit* / Translated from German by G. Shpet. Moscow: Nauka, 1992. 444 p.
18. Marx K. *Economic and Philosophical Manuscripts of 1844* // Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Vol. 42. Moscow: Politizdat, 1974. Pp. 41–174.
19. Taylor F.W. *Principles of Scientific Management* / Translated from English by A. Zotov. M.: Ekonomika, 1991. 104 p.
20. Trist E.L., Bamforth K.W. *Some Social and Psychological Consequences of the Longwall Method of Coal-Getting* // *Human Relations*. 1951. Vol. 4. № 1. P. 3–38.
21. Latour B. *Reassembling the Social: Introduction to Actor-Network Theory* / Translated from English by I. Polonskaya; edited by S. Gavrilenko. M.: Publishing House of the National Research University Higher School of Economics, 2014. 384 p.
22. Leontiev A.N. *Activity. Consciousness. Personality*. M.: Politizdat, 1975. 304 p.
23. Engeström Yu. *Learning by Expansion: A Cultural-Historical Theory of Activity* / Translated from English by I. Polonskaya; edited by S. Gavrilenko. V. Rubtsova. M.: Smysl, 2018. 280 p.
24. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books, 1966. 249 p.
25. Zuboff S. *In the Age of the Smart Machine: The Future of Work and Power*. New York: Basic Books, 1988. 468 p.
26. Haraway D. *A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century* // *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*. New York: Routledge, 1991. pp. 149–181.
27. Pickering A. *The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 264 p.
28. Russell S. *Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control*. New York: Viking, 2019. 352 p.
29. *Russia's Digital Economy: New Challenges and Opportunities for Business* / Russian Venture Company. Moscow: RVC, 2024. 128 p.
30. Ivanov A.S., Petrov V.I. Transformation of Labor Relations in the Era of Digitalization // *Voprosy ekonomiki*. 2024. № 8. Pp. 73–89.

Понимание традиции в контексте вопроса исторической обусловленности субъектности

Илларионов Григорий Андреевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Сибирского федерального университета
E-mail: bromov1917@yandex.ru

Мельникова Татьяна Витальевна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры
гражданского права Сибирского федерального университета
E-mail: mtv-10@mail.ru

Нескрябина Ольга Федоровна,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры
философии и социально-гуманитарных наук Красноярского
государственного медицинского университета имени
профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого
E-mail: nescr@mail.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры
гражданского права и процесса Красноярского
государственного аграрного университета
E-mail: siridar@mail.ru

В статье исследуется тип концептуализации традиции в современной социально-гуманитарной мысли, где традиция понимается не как пассивное наследие, а как неустранимая обусловленность субъекта языковыми, семиотическими и интерпретационными структурами прошлого. Анализируются три ключевые вариации этой концепции: постструктуралистская, где традиция рассматривается как интертекстуальная детерминация и символический порядок; герменевтическая, в которой традиция предстает горизонтом предпонимания; метафизическая, в которой традиция – динамическая система культурных универсалий. Хотя все три типа концептуализации обладают различным пафосом, и делают разные практические выводы, они сходятся в том, что даже радикальные попытки разрыва с традицией лишь подтверждают ее неуничтожимость, поскольку отрицание прошлого остается формой его продолжения.

Ключевые слова: традиция, концептуализация традиции, интертекстуальность, постструктурализм, герменевтика, историческая обусловленность.

В современной социально-гуманитарной мысли проблема концептуализации традиции занимает заметное место, особенно в контексте социально-политической значимости, которую термин «традиция» обретает в рамках различных политических проектов, что в России представлено государственной политикой защиты традиционных ценностей [1]. На сегодняшний день не существует единого понимания и единой концептуализации традиции, и осознание этой мысли широко отражено в соответствующих исследованиях [2; 3; 4]. Среди оптик рассмотрения и понимания феномена традиции мы обращаемся в данном исследовании к тому, который акцентируется не на преемственности и континуальности культуры, но на неизбежности обусловленности человеческой активности прошлым. Мы обозначим это как вопрос исторической обусловленности субъектности.

Предметом данного исследования станет тип концептуализации традиции, в котором она рассматривается как неустранимая языковая, семиотическая и интерпретационная обусловленность субъекта темпорально предшествующими ему социокультурными структурами.

Цель исследования состоит в экспликации обозначенного типа концептуализации традиции в трех вариациях: постструктуралистской, герменевтической и метафизической.

Методология исследования будет подразумевать концептуальную реконструкцию как выявление общих структурных элементов в различных теориях традиции.

Для того чтобы отразить общую идею и пафос рассматриваемого типа концептуализации традиции мы обратимся к работам философа и медиевиста У. Эко, который в метатеоретических комментариях к собственному роману «Имя розы» сумел блестяще, с нашей точки зрения, выразить само умонастроение понимания традиции как неизбежной обусловленности субъектности предшествующими ей структурами.

У. Эко пишет о модернистском понимании традиции, которое емко отражено в цитате К. Маркса «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [5]. Такую позицию У. Эко называет «историческим авангардом» [6]. «Исторический авангард» стремится к радикальному разрыву с традицией, отрицанию преемственности и созданию новых, универсальных, вневременных форм. Его цель – разрыв с традицией, выраженный в императиве «откреститься от прошлого», которое «давит, тяготит, шантажирует» [6]. Такое мировоззрение соответствует эпохе модерна в самых разных регистрах – искусстве, политике, науке. Однако этот проект сталкивается с парадоксом: чем последовательнее авангард отрицает прошлое, тем очевиднее становится его неустранимость. На примере искусства У. Эко пишет: «авангард не останавливается: разрушает образ, отменяет образ, доходит до абстракции, до безобразности, до чистого холста, до дырки в холсте, до сожженного холста; в архитектуре требования минимализма приводят к садовому забору, к дому-коробке, к параллелепипеду; в литературе – к разрушению дискурса до крайней степени – до коллажей Бэрроуза, и ведут еще дальше – к немоте, к белой странице» [6]. Последовательный разрыв с традицией приводит авангард к пределу, когда

дальнейшее отрицание становится невозможным ввиду истощенности языков выражения: «...когда авангарду (модернизму) дальше идти некуда, поскольку он пришел к созданию метаязыка, описывающего невозможные тексты» [6].

Прошлое неуничтожимо, ибо достаточно последовательный отказ от него ведет только к немоте – невозможности высказывания, ведь сам язык есть традиция. Любые попытки разрыва с традицией являются лишь частными формами его продолжения, когда традиция продолжает себя через тех, кто пытается разрывать с ней – вопреки интенциям авангарда. И «раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить, иронично, без наивности» [6].

Именно такое переосмысление традиции составляет общую идею и пафос рассматриваемого нами типа концептуализации традиции, в котором фиксируется неуничтожимость прошлого, которое вопреки любым намерениям субъектов скрыто обуславливает их. Но это не означает что данный тип концептуализации един. Мы можем выделить три его вариации – постструктуралистскую, герменевтическую и метафизическую.

Постструктуралистская вариация концептуализации традиции как исторической обусловленности субъекта может быть выражена через понятие интертекстуальности, которое, по мысли А.В. Даниловой, фактически заменяет собой понятие «традиция» в постструктуралистской мысли [7]. В качестве репрезентанта модели мы выберем концептуализацию Ю. Кристевой [8].

Интертекстуальность – термин, приходящий из литературоведения. Любой текст представляет собой конструкт дискурсивных практик, состоящий из цепочки отсылок, цитат и аллюзий, пребывая в непрерывном «диалоге» внутри дискурса. Иными словами, любое наше высказывание является элементом определяющей силы дискурса – структуры предыдущих высказываний. Тексты автономны и живут своей жизнью, подчиняясь высказывающимся силе интертекстуальности дискурса. Доступный нам смысл подчинен внутренней логике текстов, которая не зависит от воли авторов и читателей. Это именно та ограниченность форм выражения смысла, о которой мы говорили выше на основе мыслей У. Эко. Мы не можем выразить смысл иначе как через интертекстуальность, осведомлены мы об этом или нет.

Постструктуралисты экстраполируют интертекстуальную обусловленность смысла за пределы собственно литературы, согласно онтологии в которой «нет ничего за пределами текста», как это выразил Ж. Деррида [9]. В этом смысле традиция для них – вопрос не поведения, и не вопрос предметности, но вопрос значения и интерпретации. Любой культурный феномен оказывается частью цепочки семиотического обмена, а традиция предстает как тотальность отсылок к прошлому. Невозможно ни высказаться, ни действовать вне этой системы заимствований и референций.

Интертекстуальные структуры традиции социально реализуются в символический порядок, что подчеркивает дескриптивную природу традиции в этой оптике. Символический порядок – это система социальных, языковых и культурных норм, детерминирующих не только дискурс, но и поведенческие, моральные и правовые паттерны. В русле лакановского психоанализа Ю. Кристева акцентирует репрессивную функцию традиции, направленную на подавление маргинальных форм социальности.

Постструктурализм лишен модернистских иллюзий возможности разрыва с прошлым и возможности выхода субъекта за границы интертекстуальности традиции.

Но при этом сохраняет в себе пафос борьбы с репрессивностью и властью, традицией транслируемых. Его стратегией становится деконструкция традиции – игра ее внутренними элементами, лишение традиции системности, серьезности.

Для постструктурализма традиция становится неустранимой обуславливающей субъектность силой настолько, насколько ею являются язык и речь.

Другая вариация оптики рассмотрения традиции как исторической обусловленности субъекта обнаруживается в философской герменевтике Г. Гадамера. Он дает определение традиции как того, что «по существу своему традиция – это сохранение того, что есть, сохранение, осуществляющееся при любых исторических переменах. Даже там, где жизнь меняется стремительно и резко, как, например, в революционные эпохи, при всех видимых превращениях сохраняется гораздо больше старого, чем полагают обыкновенно, и это старое господствует, объединяясь с новым в новое единство» [10].

Для Г. Гадамера традиция является вовсе не предметным наследием, идет ли речь о материальных или нематериальных объектах. Он выступает против объективации традиции, в которой происходит разделение традиции на некоторый объект наследования и его интерпретации. Напротив, для Г. Гадамера традиция это и есть рамка интерпретации, предпонимание, предрассудок. Причем термин «предрассудок» лишен для него негативных коннотаций. Предпонимание есть условие любого понимания. Прежде чем мы начнем понимать что-либо, нам необходимо предварительно понимание – что мы, собственно, пытаемся понять. И традиция выступает как набор предрассудков, доступных субъекту в его историческом месте и времени.

Иными словами, Г. Гадамер осмысляет традицию не как набор некоторых наследуемых социокультурных объектов, но как когнитивный горизонт – систему предрассудков, которые формируют границы мышления субъекта, то отвечают на вопрос о том, что вообще может быть мыслимо в определенных исторических условиях, и, одновременно, делают возможным любое понимание в тех же условиях. Традиция как предрассудок ограничивает возможности нашего понимания, и как следствие – нашей активности, но при этом делает ее возможной, ведь, возвращаясь к метафоре У. Эко, без предрассудков нам остается только «немота».

Традиция как совокупность конкретно-исторических предрассудков, обуславливающая возможность понимания, имеет структуру герменевтического круга. Субъект в исторически доступных ему границах с опорой на предпонимание осуществляет собственную активность, чем задает предпонимание последующих субъектов. Предрассудки непрерывно трансформируются, но они структурно неотъемлемы – именно в этом и выражается суть традиции как того, что сохраняется несмотря на любые перемены.

Хотя герменевтическая концептуализация традиции Г. Гадамера, как и концептуализация постструктуралистов, говорит об обуславливающей субъектность силе традиции, они приходят к совершенно различному пафосу. Постструктуралисты концентрируются на традиции на форме безличной власти определяющего субъектность репрессивного символического порядка. Для Г. Гадамера же традиция настолько же ограничивает субъектность, насколько и служит условием возможности диалога между горизонтами. Невозможно трансцендировать за пределы исторически сложившейся системы предпониманий. Но именно эта обусловленность, будучи условием любого акта понимания, создает возможность для расширения горизонта через рефлексивное осмысление

собственных предпосылок и их соотнесение с иными горизонтами понимания. Таким образом, традиция как совокупность предрассудков выполняет парадоксальную функцию: являясь эпистемологическим ограничителем, она одновременно выступает необходимым условием герменевтического опыта, делая возможным как само понимание, так и его дальнейшее развитие через intersubjective диалог.

Еще одну вариацию концептуализации традиции как исторической обусловленности субъектности мы находим в проекте онтологии творчества поэта и теоретика искусства Т. Элиота. Его концепт традиции, будучи сформулированным преимущественно в рамках художественной рефлексии, тем не менее обладает значительным потенциалом для понимания традиции в целом.

Генеральным тезисом концепции традиции Т. Элиота является критика романтической парадигмы творчества, основанной на культе индивидуального самовыражения. Если выводить этот тезис за рамки искусства речь идет о критике индивидуалистического понимания человека как свободно самовыражающегося субъекта. В противовес этому Т. Элиот выдвигает принцип деперсонализации, где творческий субъект выступает не как автономный творец, а как медиатор традиции. Он предлагает химическую метафору, в рамках которой автор выполняет функцию катализатора, где химическими элементами являются культурные универсалии смыслов, традиция представляет собой структуру этих культурных универсалий в целом [10].

Культурные универсалии представляют собой вневременные метафизические смыслы, которые, однако, на протяжении истории находят бесконечно многообразные формы выражения. Т. Элиот выводит такой тезис из своего понимания классики. Почему одни творения остаются в веках, но другие остаются лишь быстро забываемым сиюминутным элементом моды? Классикой становится та форма, которая согласована с культурными универсалиями через традицию. Автор не свободен, он обусловлен традицией как объективным коррелятом любого акта творчества. Без корреляции творчество пусто и обречено на быстрое угасание [11].

Традиция для Т. Элиота представляет собой динамическую систему, где появление нового элемента реконфигурирует всю существующую структуру отношений. Этот процесс Т. Элиот описывает как постоянное перераспределение «идеальной соразмерности» [12]. Традиция не является статичным канон наследия, но представляет собой постоянно обновляемую систему, где подлинная новация возможна только через глубокое освоение традиционных форм. При этом любая новация в действительности является формой выражения общезначимого. Т. Элиот пишет: «существующие памятники образуют идеальную соразмерность, которая изменяется с появлением нового (истинно нового) произведения искусства, добавляющегося к ним. Существующая соразмерность завершена до того, как в нее входит новое произведение, а чтобы соразмерность сохранилась с вторжением нового, весь существующий ряд должен быть, пусть лишь еле заметно, изменен; оттого по-новому выстраиваются соотношения, пропорции, значимость любого произведения в его связях с целым» [13].

Для Т. Элиота вопрос обусловленности субъектности традицией связан уже не с репрессивной властью символического порядка, или не с неизбежностью когнитивных горизонтов понимания, но со связью любой творческой активности субъекта с высшими общезначимыми культурными универсалиями. Они уже не носят принудительного характера в полном смысле этого слова, но выступают мерой значимости и устойчивости творений че-

ловеческой субъектности, когда гармоничность с традицией есть гармоничность с метафизикой универсально человеческого, без чего любое творческий акт обречен быть «водой без источника, деревом без корней». Но это не означает скованность традицией, поскольку она предполагает динамическое развитие форм собственного выражения, никогда не застывая в каком-либо количестве раз, и навсегда закреплённом, передаваемом через поколения наследии.

Вариации концептуализации традиции как обусловленности субъекта исходят из различных посылок, и делают различные практические выводы, но разделяют общую идею. Ее можно выразить известной ницшеанской цитатой, в которой речь идет о той же неизбежности прошлого, неспособности субъекта выйти за границы собственной обусловленности традицией. Ф. Ницше писал: «человек удивляется также и самому себе, тому, что он не может научиться забвению и что он навсегда прикован к прошлому; как бы далеко и как бы быстро он ни бежал, цепь бежит вместе с ним» [14]. Концепт традиции выводится за границы вулгарного смысла – наследования, устойчивости, что противопоставляется инновации и развитию. Однако, как набор значений, неустранимо встроенных в саму ткань социального бытия человека, традиция понимается как неопределимая сила влияния прошлого, где даже попытки разрыва с ней, подобные тем, которые предпринимали модернисты – служат одной из форм ее воспроизводства.

Итак, подводя тезисный итог экспликации и концептуальной реконструкции трех вариаций концептуализации традиции как обусловленности субъектности мы можем сказать следующее:

1. В постструктуралистской концептуализации традиции она понимается как интертекстуальная детерминация культуры, в рамках которой любое высказывание и действие оказываются встроены в бесконечную сеть культурных референций. Постструктурализм во многом сохраняет антитрадиционный пафос модернизма, однако, признавая неустранимость языковой и дискурсивной обусловленности культуры, предлагает иную стратегию ее преодоления. Традиция предстает как репрессивный символический порядок, который невозможно преодолеть, но можно деконструировать, лишая его системности и однозначности.
2. Герменевтическая модель Г. Гадамера подразумевает что традиция является горизонтом предпонимания, без которого невозможен сам акт интерпретации. Традиция является не объектом наследования, но когнитивной рамкой, одновременно ограничивающей и делающей возможным любое осмысление действительности. Динамика традиции подобна герменевтическому кругу, в котором каждый имеет исторически обусловленным местом и временем горизонт, который преобразует активность субъекта, становясь набором предпониманий для последующих поколений. Пафос позиции Г. Гадамера консервативен, и традиция выступает необходимым элементом любого понимания, цель же заключается в осознанном понимании субъектом собственной обусловленности традицией, что, в свою очередь, служит пониманию других и сближению горизонтов.
3. Эстетическо-метафизическая концептуализация традиции Т. Элиота связывает традицию с вневременными культурными универсалиями, которые выражаются в исторически изменчивых формах. Традиция выступает объективным коррелятом активности субъекта, где гармоничное встраивание субъектом своей активности в динамический ряд

форм выражения универсального и вечного придают субъективному значимость, в противном случае индивидуальная субъектность остается только сиюминутным мимолетным феноменом. Традиция уже не скрытая сила, задающая границы активности субъекта, но мера ее значимости и творческого потенциала. Пафос позиции Т. Элиота заключается в пиетете перед традицией, но не как формой и канон, а как стоящей за формой универсальной вечной структурой переживаний и смыслов, доступ к которой возможен через традицию.

Несмотря на различия, все три варианта концептуализации традиции как исторической обусловленности субъектности сходятся в том, что традиция – это не просто наследие, а фундаментальная структура, определяющая саму возможность человеческой деятельности. Даже самые радикальные попытки разрыва с прошлым лишь подтверждают его неустранимость, поскольку отрицание традиции неизбежно остается формой ее продолжения.

Таким образом, рассматриваемый тип концептуализации традиции позволяет переосмыслить ее не как пассивное наследие, а как активную силу, формирующую границы мышления, языка и творчества. Это открывает новые перспективы для анализа современных дискуссий о традиционных ценностях, показывая, что любые попытки их консервации или отрицания всегда остаются внутри логики самой традиции, которая продолжает определять социальную реальность даже вопреки нашим намерениям.

Литература

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
2. Трегулова Н.П. Становление дефиниции «традиция» // Вестник БГУ, 2021. № 2. С. 79–85
3. Хупения Н.Р. Смысловое многообразие понятия традиции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 2016. № 2. С. 12–27.
4. Полонская И.Н. Понятие традиции: проблема определения // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки, 2006. № 2. С. 6–10.
5. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. – М., 1955–1981. – 689 с.
6. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // М., 1989. – С. 596–644.
7. Данилова А.В. Своеобразие интерпретации категории «традиция» в эстетической теории и практике постмодернизма: на материале творчества Э. Денисова // автореф. дисс. ... к-та филос. наук: 09.00.04. Москва, 2009. 23 с.
8. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу // М.: Академический проект, 2013. 285 с.
9. Деррида Ж. О грамматологии // М., 2000. 360 с.
10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики // Москва: Прогресс, 1988. 704 с.
11. Элиот Т.С. Традиция и индивидуальный талант // Назначение поэзии. М.: Совершенство, 1997. С. 157–166.
12. Фомин К.А. Теория традиции Т.С. Элиота как парадигма онтологии искусства и ее применение в поэтической практике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2015. № 2–1. С. 196–199.

13. Элиот Т.С. Гамлет и его проблемы // Назначение поэзии. М.: Совершенство, 1997. С. 151–156.
14. Ницше Ф. Несвоевременные размышления // СПб.: Азбука-классика, 2009. 352 с.
15. Рахинский Д.В., Король Л.Г., Малимонов И.В., Фоминых Ю.С. Актуальные проблемы формирования государственной политики в области управления человеческими ресурсами // Социально-экономический и гуманитарный журнал, 2015. – № 2 (2). – С. 64–69.

UNDERSTANDING TRADITION IN THE CONTEXT OF THE HISTORICAL CONDITIONALITY OF SUBJECTIVITY

Illarionov G.A., Melnikova T.V., Neskryabina O.F., Rakhinsky D.V.

Siberian Federal University, Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk State Agrarian University

The article explores the type of conceptualization of tradition in modern social and humanitarian thought, where tradition is understood not as a passive heritage, but as the ineliminable conditioning of the subject by the linguistic, semiotic, and interpretive structures of the past. Three key variations of this concept are analyzed: the poststructuralist variation, where tradition is viewed as an intertextual determination and a symbolic order; the hermeneutical variation, where tradition is seen as a horizon of pre-understanding; and the metaphysical variation, where tradition is a dynamic system of cultural universals. Although all three types of conceptualization have different emphases and draw different practical conclusions, they agree that even radical attempts to break with tradition only confirm its indestructibility, as the denial of the past remains a form of its continuation.

Keywords: tradition, conceptualization of tradition, intertextuality, poststructuralism, hermeneutics, and historical conditioning.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation № 809 dated 09.11.2022 «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values».
2. Tregulova N.P. Formation of the Definition of «Tradition» // Bulletin of BSU, 2021. № 2. Pp. 79–85
3. Khupenia N.R. Semantic diversity of the concept of tradition // Context and reflection: philosophy about the world and man, 2016. № 2. Pp. 12–27.
4. Polonskaya I.N. The concept of tradition: the problem of definition // Izvestiya vuzov. North Caucasus region. Series: Social Sciences, 2006. № 2. Pp. 6–10.
5. Marx K. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte // Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 8. Moscow, 1955–1981. 689 p.
6. Eco U. Notes on the margins of The Name of the Rose // M., 1989. – P. 596–644.
7. Danilova A.V. The peculiarity of the interpretation of the category «tradition» in the aesthetic theory and practice of postmodernism: on the material of the work of E. Denisov // author's abstract. diss. ... k-ta filos. sciences: 09.00.04. Moscow, 2009. 23 p.
8. Kristeva Yu. Semiotics: Studies in Semianalysis // M.: Academic Project, 2013. 285 p.
9. Derrida J. On Grammatology // M., 2000. 360 p.
10. Gadamer H.-G. Truth and Method: Foundation of Philosophical Hermeneutics // Moscow: Progress, 1988. 704 p.
11. Eliot, T.S. Tradition and Individual Talent // The Purpose of Poetry. Moscow: Sovershenstvo, 1997. Pp. 157–166.
12. Fomin, K.A. T.S. Eliot's Theory of Tradition as a Paradigm of Art Ontology and Its Application in Poetic Practice // Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art History. Voprosy teorii i praktiki, 2015. № 2–1. Pp. 196–199.
13. Eliot T.S. Hamlet and His Problems // The Purpose of Poetry. Moscow: Sovershenstvo, 1997. Pp. 151–156.
14. Nietzsche F. Untimely Reflections // St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2009. 352 p.
15. Rakhinsky D.V., Korol L.G., Malimonov I.V., Fominykh Y.S. Actual problems of formation of state policy in the field of human resource management // Socio-economic and humanitarian journal, 2015. – № 2 (2). – Pp. 64–69.

Топика креативного: культурная сцена города в эпоху институциональных сдвигов

Суховская Дарья Николаевна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

Статья посвящена роли креативных пространств в культурной жизни города в эпоху институциональных сдвигов. Отмечается, что просветительский потенциал этих центров недостаточно изучен и недооценен. Анализ креативных пространств Санкт-Петербурга показывает, что они обогащают городское образовательное пространство, предлагая краткосрочные образовательные программы и форматы культурного досуга, тем самым дополняя традиционные учреждения культуры и способствуя развитию творческого потенциала города.

Ключевые слова: креативные пространства; креативные кластеры; дополнительное образование; просветительская деятельность; культурная сцена города; институциональные сдвиги.

Креативные пространства города успешно выполняют функцию площадок, где реализуются образовательные и культурные проекты и происходят многочисленные события, привлекающие внимание представителей творческих сообществ. Между тем, роль этого феномена в продвижении инновационных продуктов образовательного и просветительского характера осталось малоизученной и явно недооцененной. Культурная функция креативных пространств и их роль изучалась главным образом в контексте их влияния на общегородское благоустройство, рост туристической привлекательности городов, создавших на своей территории креативные кластеры, на поддержку инициатив по их развитию.

На протяжении длительного времени учреждения культуры (дворцы и дома культуры, концертные залы и выставочные площадки), которые находились в подчинении государственных структур, играли особую роль среди общественных центров культурной жизни, являясь своеобразными координаторами деятельности коллективов самодеятельного и полупрофессионального характера в области искусства и культуры, и которые объединяли в себе либо различные виды деятельности, либо специализировались на каком-либо одном (студии, театры, музеи, деятельность образовательно-просветительского профиля и т.д.) [7; с. 41] Основным отличием многочисленных государственных учреждений культуры был некоммерческий, публичный характер их деятельности [2; с. 109].

Между тем, по справедливому замечанию В.Л. Глазычева, уже к первой половине восьмидесятых годов прошлого столетия количественный рост государственных учреждений культурно-просветительского характера исчерпал свой потенциал [3; с. 56]. Нехватка материальных ресурсов, присущие этой системе «родовые» недостатки и, в первую очередь, несоответствие между количеством культурных учреждений, их потенциалом и реальными культурными потребностями граждан. Между «предложением» и реальными культурными запросами населения образовался огромный разрыв, и на наших глазах «официальные» функции государственных учреждений массовой культуры все активнее дополнялись элементами неформальной тусовки, масштаб которой со временем сравнялся с масштабом «официального» сегмента деятельности культурных учреждений. Таким образом, чем хуже официальные структуры, руководящие учреждениями «массовой» культуры, выполняли свои формальные функции, тем мощнее проявляла себя инициатива «снизу», которая отражала неодолимое стремление людей удовлетворить свои культурные потребности, с чем не справлялось государство. Вместе с тем, невзирая на эти проблемы, большинство государственных учреждений культуры смогли выжить. Объяснением этому может служить традиционная, сложившаяся многими десятилетиями популярность этих учреждений среди жителей городов, которую некоторые исследователи объясняют органичным единством их креативного и культурного потенциалов. Однако, эти учреждения стали результатом внешнего воздействия, чем-то навязанным извне, поэтому граждане, как правило, не могли относиться к ним как к нечто близкому и родному. Прежде всего это касалось молодежи.

По обоснованному замечанию Е.Д. Макаренко, традиционные формы городских пространств в эпоху господства современных технологий стали утрачивать свои позиции, уступая место креативной индустрии, соединяющей в себе новую форму коммерческой деятельности с творчеством, и представляющей собой самый активно растущий сектор экономики города [5; с. 87].

Резюмируя, следует отметить, что если подходить к культурным возможностям городов как к способности городского сообщества к развитию, то процесс становления и развития креативного потенциала города следует рассматривать как реакцию городского сообщества, стремящегося сформировать собственную городскую культуру, наиболее адекватную текущему этапу социального и культурного развития городского сообщества.

В настоящее время в странах Европы получили особое распространение термины «креативный кластер» и «креативный центр». Концептуальные основы кластера, по мнению многих исследователей, впервые разработал и предложил М. Портер, который рассматривал это понятие как некую совокупность предприятий, между которыми существует тесная взаимосвязь, они работают в одной сфере и географически расположены близко друг к другу [9; с. 77]. Такая концепция, прежде всего, являлась элементом промышленной политики, который предполагает достижение роста производительности за счет географически близкого размещения промышленных объектов, входящих в определенную группу. Такой же принцип заложен в идею креативного или культурного кластера. Пространственные компоненты сети тесно объединены между собой в единую культурную и творческую экосистему. Происходит тесное взаимодействие между различными формами культурной деятельности, поэтому территориальная координация деятельности креативных организаций является важнейшим аспектом их успешности, что достигается за счет обеспечения устойчивости экосистемы посредством перманентного обновления реализуемых в ее границах мероприятий и проектов.

Креативные центры обладают способностью интегрироваться без посторонней помощи с другими формами единой агломерации креативных индустрий, и которые по многим параметрам близки к понятию кластер [1; с. 1759].

Отечественные исследователи неохотно используют понятие «креативный центр», поскольку историческая память напоминает им о культурных или медицинских учреждениях эпохи социализма (центры творчества, медицинский центр и т.д.), поэтому они предпочитают пользоваться термином «креативное пространство» либо «креативный кластер» если есть стремление сфокусировать внимание на факте интеграции различных субъектов в границах одной локации [4; с. 8].

В данном исследовании мы будем использовать термин креативное пространство, которое объединяет в себе определенное количество креативных индустрий. Они могут осуществлять деятельность в сфере дизайна или архитектуры, киноиндустрии или моды, музыки или изобразительного искусства и т.д. При этом часть специалистов полагают, что креативным кластером может быть объединение субъектов креативной деятельности в границах некой ограниченной территории, квартала города, либо просто в отдельном здании, где размещены микро- и малые предприятия креативной индустрии, и которые специализируются на производстве творческих услуг или продуктов.

Рассмотрим следующие виды креативных пространств:

1. Коворкинги обычно занимают значительные по своей площади помещения, состоящие из отдельных зон. Количество и назначение этих зон могут быть различными. Но как правило обязательными являются рабочая зона, зона отдыха, зона переговоров и мероприятий, а также кухня. Коворкинг-пространство, как правило выполняет функцию учебы или работы, саморазвития или коммуникации с целью обмена опытом.

2. Тайм-кафе, которое еще называют антикафе. Это креативное пространство используют для проведения личных и деловых встреч. Для этого оно оборудовано всем необходимым – от интернета до десертов и кофе, от библиотеки до настольных игр.

3. Креативные пространства, функции которых ограничиваются только проведением мероприятий образовательного характера. Клиенты могут арендовать рабочие места на продолжительное время для решения своих задач. Главный акцент в деятельности таких пространств делается на организационных вопросах по проведению мероприятий, предназначенных для конкретной узкой целевой аудитории.

4. Креативные пространства, где плата взимается на входе. Как правило, проводимые в них мероприятия связаны с проведением выставок на конкретную тематику, демонстрацией кинофильмов и т.д.

Как можно заметить из приведенного анализа, среди создателей таких пространств не выработалось единого мнения по поводу их названия. Здесь можно услышать об арт-пространствах, творческих кластерах, креативных или творческих пространствах и так далее.

Вместе с тем, необходимо отметить, что такие виды творческой среды вносят все более значимый вклад в экономическую и социальную жизнь городского поселения, поскольку они представляют собой мастерски продуманную среду, побуждающую индивида к созданию чего-либо нового, к плодотворному общению.

Специалисты считают, что формирование творческих пространств оказывает позитивное влияние на городскую социальную и культурную атмосферу, внешне облагораживает и разнообразит городской ландшафт, стимулирует горожан к проявлению творческой активности, способствует развитию малого бизнеса в творческом сегменте экономики, развивает творческий и культурный потенциал города [8; с. 37].

В современных условиях система дополнительного образования граждан приобретает особую значимость, поскольку она стала важным аспектом экономической и социальной жизни. Стремительное развитие технологий, появление новых профессий и другие процессы оказывают серьезное воздействие на рынок труда, включая появление все новых требований, предъявляемых к специалистам, поэтому необходимость непрерывного образования стало фундаментальным трендом в этой сфере деятельности. Перечисленные факторы и обусловили активное развитие системы дополнительного образования граждан.

Что касается просветительской деятельности, то ее задача заключается в передаче слушателям нового культурного и социального опыта человечества, знаний, имеющих социальное значение, которые предполагают формирование и развитие культурного потенциала индивида. Мы считаем, что в рамках креативных пространств в современных условиях приоритетное значение имеют не учебные программы, составленные по традиционным методикам, а инновационные формы учебного процесса, которые должны удовлетворять более узкие направления образовательных потребностей учащихся.

Такие более компактные программы дополнительной подготовки еще называют малыми образовательными

формами, которые и стали основными в новом сегменте рынка образовательных услуг, который сформировался и активно развивается в условиях городской креативной среды.

В рамках исследования были изучены креативные пространства, интеллектуальные кластеры, арт-центры, творческие кварталы, культурно-образовательные пространства и т.д.. Как показали результаты анализа их деятельности, образовательный аспект играет существенную роль в их работе. Все услуги, которые представители креативных профессий считают образовательными, просветительскими или досуговыми, могут быть распределены по следующим критериям [6; с. 19].

1. Неизменяемость целевой аудитории, а также длительность реализации программы.

- программы, направленные на постоянную целевую аудиторию и имеющие долгосрочный характер (курсы по изучению языков, студии для занятий музыкой и танцами). Как правило, они рассчитаны на продолжительность год и более и нацелены на более или менее постоянную аудиторию.
- долгосрочные программы, направленные на предпочтительно постоянную аудиторию. В большинстве случаев они рассчитаны на продолжительность более полугода. В рамках этих программ проводятся мероприятия на различную тематику. Здесь слушатели могут посещать как все запланированные встречи, так и выбирать интересные для них. Подобную программу с полным основанием можно назвать лекторием либо клубом.
- учебные программы с постоянным составом слушателей, рассчитанные на среднюю продолжительность (как правило от одного до трех месяцев). Данная модель предполагает участие слушателей во всех мероприятиях программы, поскольку она посвящена целиком одной конкретной теме, поэтому эпизодическое посещение отдельных ее мероприятий не приветствуется. Подобные программы могут быть образовательными либо творческими проектами.

2. По степени вовлеченности в процесс:

- программы, в реализации которых активно участвуют слушатели, являясь по сути их творцами;
- программы, носящие «пассивный» характер, где участники выполняют функцию зрителя или наблюдателя, самостоятельно изучающего учебный материал. Такие программы могут быть визуальными или аудиальными;
- программы, отличающиеся по возрастному критерию:
 - а) для детей;
 - б) для взрослых;
 - в) для всех возрастов (или семейные).
- по способу монетизации:
 - а) оплата за каждое мероприятие отдельно;
 - б) мероприятия на бесплатной основе;
 - в) модель помесечной оплаты.

Таким образом, программы общеобразовательного характера, реализуемые в креативных пространствах, могут быть рассчитаны как на взрослых, так и на детей. Просветительская деятельность может вестись в виде лекций, творческих встреч, тренингов или семинаров.

На основе анализа образовательных услуг, которые предлагают традиционные центры культуры, и креативные городские пространства, мы пришли к следующим ключевым выводам.

Деятельность классических Домов молодежи, Домов и Дворцов культуры, других традиционных организаций в этой сфере в большей степени направлена на реали-

зацию просветительских и образовательных программ, имеющих долгосрочный характер и постоянную целевую аудиторию.

Например, в рамках креативных кластеров полностью отсутствуют такие организационные формы в сфере культуры, как оркестры, другие музыкальные коллективы, включая хоры, или например любительские цирковые группы. Вполне вероятно, что объяснение этому факту кроется в недолгой истории функционирования креативных кластеров, и на их базе еще не сформировались устойчивые сообщества любителей этих видов культурной деятельности, соответствующие традиции.

Перечисленные выше традиционные культурные учреждения по сравнению с новыми творческими городскими пространствами могут похвастаться значительным количеством любительских объединений или клубов, спектр интересов которых чрезвычайно широк, вплоть до самых необычных, например, общество любителей выращивать кактусы.

Анализ деятельности городских креативных пространств и классических учреждений культуры показал трехкратное превосходство первых по количеству обучающих программ в сфере дизайна или ремесел. Однако, в обучении игре на различных инструментах, например фортепиано или гитаре для представителей всех возрастных групп традиционные учреждения занимают несомненно лидирующие позиции по сравнению с креативными кластерами. При этом здесь мы значительно реже можем встретить организацию таких мероприятий, как творческие встречи, разовые тренинги и лекции, различного рода семинары или мастер-классы по различным видам творческой деятельности. Для креативных же пространств это очень распространенные формы работы, что существенно усиливает их популярность и легко привлекает новых посетителей, потому что само разнообразие предоставляемых услуг и организуемых мероприятий охватывает более широкий спектр интересов горожан.

Еще одной характерной особенностью и существенным преимуществом творческих пространств является возможность легко трансформировать помещения для различных видов мероприятий, например площадки для выставок. Так, в классических учреждениях мы не обнаружили ни одной галереи, тогда как в креативных кластерах города функционирование выставочных площадок является достаточно распространенным явлением.

Хотим остановиться еще на одном важном аспекте работы той и другой формы культурной деятельности среди жителей города, а именно на активном обмене опытом организации эффективной просветительской и образовательной деятельности. Тем не менее, на сегодняшний день нет оснований говорить о сколько-нибудь серьезной конкуренции между традиционными и новыми формами такой работы. Можно сказать, что каждая из них занимает свою нишу и они дополняют друг друга, значительно расширяя возможности горожан в удовлетворении своих культурных и образовательных потребностей.

Таким образом, предлагаемые субъектами креативных кластеров услуги во многом отличаются от услуг традиционных учреждений культуры. Первые, опираясь на лучшие образцы опыта традиционных структур, активно развивая новые виды и формы услуг просветительского и дополнительного образовательного характера, имеют мощный потенциал в сфере организации досуга в рамках городского образовательного пространства.

Креативные кластеры в роли площадки для организации новых форм досуга и просветительской деятельности в городском пространстве

Креативные кластеры являются существенным дополнением городского образовательного пространства, которые обогащает образовательный рынок малыми формами, формируя предложение, насыщенное большим количеством разнообразных дополнительных учебных программ общеразвивающей направленности, значительное количество которых имеют инновационный характер. Креативные пространства применительно к их образовательным функциям заняли вполне определенную нишу на рынке образовательных услуг, которая связана с проведением тренингов, лекций, семинаров и других просветительских и образовательных программ краткосрочного характера, и ориентирована не обязательно на постоянную целевую аудиторию. При этом долгосрочные программы здесь тоже могут присутствовать, что в этом отношении сближает их с традиционными формами учреждений культуры.

Таким образом, креативные кластеры стали существенным дополнением городского образовательного пространства, обогатив рынок культурно-просветительских услуг множеством малых форм. Они заняли определённую нишу, связанную с проведением тренингов, лекций, семинаров и других краткосрочных программ, ориентированных не столько на постоянную аудиторию, сколько на широкий круг горожан с разнообразными интересами. Вместе с тем в креативных пространствах могут реализовываться и длительные курсы, что сближает их с традиционными учреждениями культуры. Благодаря разнообразию и гибкости формата мероприятий творческие пространства успешно дополняют деятельность классических домов культуры. Пока рано говорить о конкуренции между новыми и традиционными формами досуга: каждая из них выполняет свою функцию, взаимно расширяя возможности жителей города для удовлетворения культурных и образовательных потребностей.

Для более полного раскрытия своего потенциала креативным пространствам имеет смысл активнее привлекать к просветительской работе детей и людей пожилого возраста, проводя для них дневные занятия и мастер-классы. Такой шаг повысит эффективность использования инфраструктуры и усилит социальную роль кластеров. Дополнительное развитие клубной деятельности и введение системы абонементов на регулярные события помогут сформировать сообщество лояльных посетителей. Это, в свою очередь, повысит устойчивость творческих центров и позволит направлять больше ресурсов на их дальнейшее развитие. В условиях глобальных перемен, когда старая система учреждений культуры утрачивает способность отвечать на вызовы времени, городские креативные кластеры становятся одним из эффективных решений. Объединяя творческий потенциал населения с предпринимательской инициативой, они способны придать новое дыхание культурной жизни города и адаптировать её к реалиям XXI века.

Литература

1. Абузарова М.И. Экосистемный подход к развитию креативных кластеров // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 6. – С. 1759–1770.
2. Барвенко В.И. Культурное пространство современного города: феноменология креативности // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13, № 2. – С. 109–119.
3. Глазычев В.Л. Городская среда. Технология развития: настольная книга / В.Л. Глазычев. – Москва: Лада, 1995. – 241 с.
4. Григорьева А.Д. Центры творческих (креативных) индустрий учреждений отрасли культуры как эле-

мент экосистемы / А.Д. Григорьева, Е.И. Чибисова // Культура: управление, экономика, право. – 2023. – № 3. – С. 8–13.

5. Макаренко Е.Д. Трансформация культурного пространства города под воздействием технического прогресса: социально-философский анализ // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 12. – С. 87–92.
6. Панасенко С.В. Креативные индустрии в цифровой экономике // Современная торговля: теория, практика, инновации: сб. ст. XI Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., посвящённой 60-летию учеб. заведения, Пермь, 2024 / Перм. гос. аграр.-технол. ун-т им. Д.Н. Прянишникова. – Пермь, 2024. – С. 19.
7. Суховская Д.Н. Роль концепции креативного города в условиях вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию // European Social Science Journal. – 2013. – № 9–1 (36). – С. 41–49.
8. Тараторин Е.В. Педагогические условия формирования социальных ценностей творческой молодёжи: на примере деятельности Центра креативных индустрий // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 7. – С. 37–40.
9. Porter M.E. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review. – 1998. – Vol. 76, iss. 6. – P. 77.

THE TOPIC OF THE CREATIVE: THE CULTURAL SCENE OF THE CITY IN THE ERA OF INSTITUTIONAL SHIFTS

Sukhovskaya D.N.

Pyatigorsk State University

The article is devoted to the role of creative spaces in the cultural life of the city in the era of institutional shifts. It is noted that the educational potential of these centers is not sufficiently studied and underestimated. An analysis of the creative spaces of St. Petersburg shows that they enrich the urban educational space by offering short-term educational programs and formats of cultural leisure, thereby complementing traditional cultural institutions and contributing to the development of the city's creative potential.

Keywords: creative spaces; creative clusters; additional education; educational activities; cultural scene of the city; institutional shifts.

References

1. Abuzyarova M.I. Ecosystem Approach to the Development of Creative Clusters // Economics, Entrepreneurship and Law. – 2023. – T. 13, No 6. – S. 1759–1770.
2. Barvenko V.I. Kul'turnoe prostranstvo sovremennogo goroda: fenomenologiya kreativnosti [Cultural space of the modern city: phenomenology of creativity]. – 2024. – T. 13, No 2. – P. 109–119.
3. Glazychev V.L. Gorodskaya sreda [Urban environment]. Technology of Development: Desk Book / V.L. Glazychev. – Moscow: Ladya, 1995. 241 p.
4. Grigor'eva A. D., Chibisova E.I. Kultura: management, economics, law. – 2023. – № 3. – P. 8–13.
5. Makarenko E.D. Transformation of the cultural space of the city under the influence of technical progress: socio-philosophical analysis. – 2023. – № 12. – P. 87–92.
6. Panasenko S.V. Creative industries in the digital economy // Modern trade: theory, practice, innovations. s mezhdunar. Participation of Scientific and Practical Studies. Conf., dedicated to the 60th anniversary of the textbook. institutions, Perm, 2024 / Perm. Gos. agrar.-technol. University named after D.N. Pryanishnikov. – Perm, 2024. – P. 19.
7. Sukhovskaya D.N. Role of the Creative City Concept in the Context of the Russian Federation's Entry into the World Trade Organization. – 2013. – № 9–1 (36). – S. 41–49.
8. Taratorin E.V. Pedagogical conditions for the formation of social values of creative youth: on the example of the activities of the Center for Creative Industries. – 2023. – № 7. – P. 37–40.
9. Porter M.E. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review. – 1998. – Vol. 76, iss. 6. – P. 77.

Толок Екатерина Сергеевна,

Балаковский инженерно-технологический институт –
филиал федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Национальный исследовательский ядерный университет
«МИФИ»
E-mail: tolokks@mail.ru

Статья посвящена философскому анализу с акцентом на российскую составляющую понятия «социальная идентичность», получившему в последнее время широкое распространение в контексте изучения общественных процессов и явлений. Особое внимание автора обращено на структуру социальной идентичности и факторы её формирующие. Наиболее важные маркеры социальной идентичности (социокоды, фреймы социального времени-пространства, система культурных форм), позволяют понять важность её сохранения в условиях новейших вызовов современности. Смысловая нагрузка социальной идентичности вытекает не из состава её компонентов (этничность, религия, язык, территория и др.), различающихся между собой по степени действенности и конкретности, а из их оригинальной склейки, зависящей от того, с какими вызовами сталкивается общество в конкретный момент времени, и какая степень консолидации для ответа на них требуется. Изучение социальной идентичности в условиях крайнего динамизма и нелинейности социальных процессов современности, затрагивающих ключевые сферы жизнедеятельности общества, необходимо, для разработки стратегии улучшения социального благосостояния российского общества и поиска эффективных способов Российского государства давать достойные ответы на все исторические вызовы современности.

Ключевые слова: социальная идентичность, маркеры социальной идентичности, социокоды, фреймы социального времени-пространства, система культурных форм, идентичность российского общества, традиционность, модернизация.

В периоды переформатирования и делегитимизации социальных, культурных, мировоззренческих систем главным источником жизненного смысла оказывается идентичность, потеря которой становится одной из причин того самого «столкновения цивилизаций», о котором предупреждал С. Хантингтон [Малыгина, 2016: 10].

В первой четверти XXI века Россия оказалась перед выбором: будет ли она существовать на геополитической карте мира, и если да, то в каком качестве: субъекта или объекта мировой истории? Ведущая роль России в качестве одного из мировых центров политического, экономического и социально-культурного развития, возможна только при условии сохранения её социальной идентичности.

Понятие социальной идентичности в последние годы получило распространение в контексте изучения общественных процессов и явлений, приобретая значение базовой категории в философском познании. Современные исследования идентичности отличаются междисциплинарным подходом, объединяющим специалистов из различных гуманитарных областей: этнографии, социологии, культурологии, педагогики, психологии и др.

В этнологических и политологических исследованиях идентичность выступает как категория, используемая для характеристики индивидов и групп как относительно устойчивых, самотождественных целостных образований. [Антонова, 2019: 13].

В психологии идентичность трактуют как одно из ключевых предметных понятий именно психологической сферы познания, отражающее особенности психического состояния человека и возрастные особенности развития психики – «Я», «Эго», «самость». Как отмечает Э. Эриксон, идентичность является стержнем, вокруг которого строится жизнь личности, и который одновременно является показателем психосоциального равновесия [Эриксон, 2006: 51].

К социологическим теориям, применяемым в контексте исследования социальной идентичности, можно отнести следующие:

- функционализм и структурный функционализм (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс), рассматривающие социальную идентичность как характеристику индивида, формирующуюся в процессе интериоризации социальных норм и ценностей и передающуюся последующим поколениям в процессе социализации;
- символический интеракционизм (Ч. Кули, Дж. Мид), определяющий личностную идентичность как изначально социальное образование. В основе осознания своей социальной позиции индивидом – восприятие её другими путём противопоставления позициям иных групп и общностей. Благодаря этому люди упрощают и схематизируют правила социального взаимодействия.
- феноменологическая социология (П. Бергер, Т. Лукман), основанная на идее конструирования личностью социальной реальности и «Я-образа», который может трансформироваться под воздействием перемен, происходящих в обществе и в самой личности;
- интегративный подход (Э. Гидденс, П. Бурдье, С. Хантингтон) представлен в исходном принципе многомерности самосознания, в котором присут-

ствуют социальные, культурные и личностные аспекты, находящиеся во взаимосвязи.

В философском контексте идентичность понимается как категория, отражающая количественно-качественные, пространственно-временные и структурно-процессуальные параметры бытия и его составляющих, которые могут соотноситься с онтологическими сущностями материально-вещественного и ментально-духовного плана.

Целевой установкой данного научного исследования является изучение философского подхода к пониманию социальной идентичности, осуществляющей интеракцию человека и общества, специфика которой заключается в том, что люди не просто реагируют на действия друг друга, а определяют их.

В исследовании социальной идентичности как категории теоретического познания, согласно позиции С. Хантингтона, можно выделить несколько ключевых моментов [Аласания, 2024: 59]:

1) идентичностью обладают как группы, так и индивиды, приобретающие и изменяющие свою идентичность только в группах. В случае исчезновения базовых параметров групповой идентичности, само существование группы оказывается под угрозой.

2) идентичность – конструкт, создаваемый людьми по собственному желанию, в силу необходимости или под давлением внешних обстоятельств. Не считая культурной наследственности, пола, возраста, люди относительно свободны в определении собственной идентичности.

3) как группы, так и индивиды обладают множественными идентичностями (территориальными, экономическими, культурными, политическими, социальными и национальными) значимость которых меняется со временем и в зависимости от ситуации.

4) формирование идентичности происходит в результате взаимодействия конкретного индивида или группы с другими людьми и коллективами. Значительное влияние на процесс самоидентификации человека или группы оказывает восприятие их окружающими. Если в новом социальном контексте человек оказывается в положении чужака, изгоя, он начинает считать себя таким.

С точки зрения социальной практики ключевой особенностью категории социальной идентичности является формирование субъектного статуса индивида и определение социальных ориентиров, следование которым создаёт устойчивые личностно-социальные векторы взаимодействия и отношений, тем самым обеспечивая социальный порядок и конструируя социальную реальность.

Исследование различных форм идентичности является важным аспектом понимания и прогнозирования современных социальных процессов, с одной стороны, а, с другой стороны, основанием для разработки теоретического фундамента новых представлений о социальном развитии, учитывающих реальное социокультурное разнообразие многополярного мира.

По мнению исследователей Е.В. Листвиной и М.О. Орлова, множественность идентичностей, может рассматриваться с нескольких позиций [Листвина, 2023: 190]. С одной стороны, идентичность выступает как нормальное явление, объясняющее сложные формы социальной коммуникации и позволяющее человеку эффективно функционировать в разнообразной современной социальной среде. С другой стороны, как не статичный феномен, находящийся в условиях социально-политической, экономической и культурной подвижности в ещё большем неустойчивом состоянии. Если несколько десятилетий назад равнозначное многообразие

идентичностей предполагало их сотрудничество и мультикультурную полифонию, в которой множественность идентичностей могла раскрыться в полной мере, то в начале XXI века в обществе возникает потребность в иерархизации и систематизации идентичностей.

Все формы социальной идентичности (культурная, политическая, религиозная, персональная, групповая) описываются достаточно полно на основе следующего набора типических, унифицированных маркеров: социокоды, фреймы социального времени-пространства, система культурных форм, их знаково-символический мир. Изучение данных маркеров важно для понимания формирования социальной идентичности, а именно: они позволяют выявить механизмы конструирования идентичности; объяснить процессы межгруппового взаимодействия и прогнозировать поведение человека.

Структура социальной идентичности включает в себя определённые компоненты: этничность, религия, язык, территория и др., различающиеся между собой по степени действительности и конкретности. Так, этничность имеет значение в рамках одной этнической культуры, в больших, комплексных обществах, состоящих из представителей нескольких этносов, она отходит на второй план. Религия, выполняющая важную интегрирующую функцию, способствует сохранению обычаев и традиций, укреплению социальных норм. Язык как средство общения между людьми, обеспечивает горизонтальную и вертикальную коммуникацию, служит основным средством выражения духовных феноменов. Исследователями зафиксирован факт прямой корреляции между существованием таких групп и языком: как только язык прекращает функционировать, исчезает группа, члены которой используют его для общения. Роль территории в социальной идентичности не является обязательным требованием, хотя многие народности придают ей значение.

Стоит отметить, что специфика социальной идентичности вытекает не из состава её компонентов, поскольку у всех социальных идентичностей он примерно одинаков, а из их оригинальной склейки, зависящей от того, с какими вызовами сталкивается общество в конкретный момент времени, и какая степень консолидации для ответа на них требуется. Например, в ситуации ухудшения морального климата, роста аномии, наблюдавшегося в России в годы перестройки, таким выходом было усиление роли религии как одного из феноменов культуры, выполняющей важную функцию в нравственном воспитании человека.

Проблема формирования и сохранения социальной идентичности российского общества заслуживает особого исследовательского внимания. В современных условиях внешних политических вызовов и угроз особенно остро встал вопрос сохранения социальной идентичности российского общества, призванной обеспечить национальную безопасность России.

По мнению К. Леонтьевна «Россия – не просто государство; Россия, взятая во все целостности со всеми своими азиатскими владениями, это целый мир особой жизни, особый государственный мир...». Россию следует рассматривать как самобытную цивилизацию, находящуюся на стыке двух миров: Запада и Востока, представляющую собой совокупность типов и форм жизнедеятельности различных этносов, её населяющих, объединённых единым жизненным пространством, историческим временем и устойчивыми социально-экономическими отношениями. Промежуточное между Западом и Востоком геополитическое положение России анализировалось многими отечественными исследователями. Так, по мнению русского историка Г.В. Фло-

ровского «в народно-государственном теле России имеются островки и оазисы и Европы, и Азии», существующие как «живые члены единого тела», следовательно, разделить западные и восточные черты, естественно и органично присущие России, невозможно. Отечественный философ А.С. Панарин указывал на промежуточное положение Российской цивилизации как на причину одновременно и её силы, и её слабости: «...Соседствуя с разными цивилизациями, воплощая и примиряя гетерогенные культурные начала, нельзя сохранять ортодоксальность и герметичность духа: приходится быть открытым. Обратной стороной этой открытости является хрупкость и проблематичность норм, готовность их сменить, нередко на противоположные...». При этом, как отмечал А.С. Панарин, Российское государство основывалось не на идее государства-нации, свойственной западной политической культуре с характерным для неё принципом доминирования одного этноса, а на идее «семьи народов», которая явилась гарантом поддержания устойчивого межэтнического синтеза. Именно такой синтез, обеспечиваемый государством, представляет одну из существенных особенностей цивилизационного устройства, от которого Россия не может отойти, не утратив своего цивилизационного качества. Наша страна имеет богатый опыт совместного, уважительного проживания самых разных народов без размывания идентичности каждого из них. Этим она отличается от большинства европейских государств и США, в ходе формирования которых этнокультурное разнообразие было уничтожено в пользу доминирующего большинства, поддерживаемого властью.

На протяжении всей истории России военные вторжения в неё были направлены на изменение религиозной идентичности русских, а также на уничтожение сложившейся системы власти. Под влиянием данных факторов произошла трансформация российской социальной идентичности с сохранением своих базовых черт.

Базовыми элементами социальной идентичности российского общества принято считать православное христианство и сильную централизованную власть, позволившую организовать большую территорию с разнородным населением в единое государство [Гончаренко, 2019: 136].

Объединяющими российских граждан факторами выступают огромная территория России, общие праздники, традиции, русский язык, любовь к России, история. Наиболее выдающимися историческими событиями России, вызывающими гордость у её граждан выступают Победа в Великой Отечественной войне 1945 г., достижения в области космонавтики, победа в Отечественной войне 1812 г., которые, безусловно, служат базой для формирования общероссийской социальной идентичности.

В попытках найти пути разрешения противоречия между традиционностью и модернизацией современные аналитики выдвигают различные сценарии. Среди них, в частности, звучит мнение о насущной необходимости преодоления устаревших моделей социокультурного развития. Такая позиция отражает распространённый на Западе взгляд: единственный способ интегрировать восточные общества в «истинную» западную цивилизацию – это их европеизация или американизация. Стоит отметить, что реализация важного гуманистического принципа – признания ценности культурного Другого, остаётся невозможной до тех пор, пока не будет создан новый тип социальной идентичности, формируемый и закрепляемый самой культурой, а также новый тип человека с глобальным мышлением, в идеале – универсально образованный, свободно ориентирующийся

и чувствующий себя комфортно как в культурных реалиях Востока, так и Запада. Для такой личности презумпция невинности традиции становится такой же безусловной ценностью, как и достижения модернизации [Малыгина, 2019: 177].

Изучение социальной идентичности в условиях крайнего динамизма и нелинейности социальных процессов современности, затрагивающих ключевые сферы жизнедеятельности общества, необходимо, для разработки стратегии улучшения социального благосостояния российского общества и поиска эффективных способов Российского государства давать достойные ответы на все исторические вызовы современности. Экономическое и социокультурное развитие Российской цивилизации должно происходить посредством выработки собственных национальных форм глобализационных стратегий, предполагающих оптимальное сочетание достижений, осуществлённых в других обществах, с отечественными традициями. Самобытная Российская цивилизация должна проявлять интерес и внимание к лучшим достижениям других стран и народов, но внедрять их с учётом специфики ценностных установок отечественной культуры, используя потенциал собственных форм социальной жизнедеятельности, а также характерных для российского менталитета способов взаимодействия с природой. Источник силы России, её способности давать достойные ответы на все исторические вызовы современности кроется в созданной ею модели мультикультурного государства, в которой связь разнородных этнокультурных групп даёт синергетический эффект.

Высоко оценивая предназначение России, Н. Бердяев отводил ей роль объединяющего начала двух культур – Запада и Востока, с целью формирования особого духовного единства, воплощающего в себе общечеловеческие ценности. «...Мы имеем все основания полагать мировую миссию России в её духовной жизни, в её духовном универсализме, в её пророческих предчувствиях новой жизни, которыми полна великая русская литература, русская мысль и народная религиозная жизнь». Тогда лишь Россия будет Великой, когда она исполнит своё призвание посредника между Востоком и Западом, соединителя божественного с человеческой культурой.

Литература

1. Аласания К.Ю. Разрушение духовных ценностей России как цель современной цивилизационной войны // Социум и власть. 2024. № 4 (102). С. 58–69. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-4-58-69>
2. Антонова Н.Л. Идентичность как социальный феномен: теоретико-методологические основания социального конструктивизма // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2 (132). С. 12–16. <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.2.1>
3. Гончаренко Л.Н. Историческая самоидентификация России: этапы становления и современные функции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 2. С. 132–147. EDN: WKBIKB
4. Листвина Е.В. Социокультурные аспекты современных идентификационных процессов // LOGOS et PRAXIS. 2023. Т. 22, № 4. С. 188–193. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.19>
5. Малыгина И.В. Идентичность в пространстве пост-культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 13 (829). С. 173–185. EDN: YSHLMF
6. Малыгина И.В. Традиция и идентичность в сценарии глобального проекта // Культура и образование:

7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрик-сон; пер. Андреева А.Д. М.: Флинта, 2006. 341с.

ON THE CONCEPT OF «SOCIAL IDENTITY» IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Tolok E.S.

Balakovo Institute of Engineering and Technology of the National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute)

The article is devoted to a philosophical analysis with an emphasis on the Russian component of the concept of “social identity”, which has recently become widespread in the context of the study of social processes and phenomena. The author pays special attention to the structure of social identity and the factors that form it. The most important markers of social identity (sociocodes, frames of social time-space, a system of cultural forms), allow us to understand the importance of its preservation in the context of the latest challenges of our time. The semantic load of social identity does not arise from the composition of its components (ethnicity, religion, language, territory, etc.), which differ in their degree of effectiveness and concreteness, but from their original gluing, depending on what challenges society is facing at a particular time, and what degree of consolidation is required to respond to them. The study of social identity in conditions of extreme dynamism and non-linearity of modern social processes affecting key areas of society is necessary to develop a strategy for improving the social well-being of Russian society and to find effective ways for the Russian state to provide worthy answers to all historical challenges of our time.

Keywords: social identity, markers of social identity, sociocodes, frames of social time-space, system of cultural forms, identity of Russian society, traditionalism, modernization.

References

1. Alasaniya K. Yu. The destruction of spiritual values of Russia as a goal of modern civilized warfare. In: Sotsium i vlast [Society and Regime] 2024 no 4(102). pp 58–69. (in Russian)
2. Antonova N.L. Identity as social phenomenon: theoretical methodological foundations of social constructivism. Identichnost kak sotsialny fenomen: teoretiko -metodologicheskie osnovaniya sotsialnogo konstruktivizma. //In: Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2019 no. 2(132) pp12–16. (in Russian)
3. Goncharenko L.N. Historical self-identification of Russia: stages of formation and modern functions // Lokus: lyudi, obshchestvo, kultura, smysly. 2019.no.2. pp132–147. (in Russian)
4. Listvina Ye.V. Socio-cultural aspects of modern identification processes. // In: LOGOS et PRAXIS. 2023. Vol.22, no.4. pp188–193.
5. Malygina I.V. Identity in post-culture space //Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. [Bulletin of Moscow State University. Humanities Sciences. 2019.no.13(829). pp 173–185. (in Russian)
6. Malygina I.V. Tradition and identity in global project script // Kultura i obrazovanie: nauchno-informatsionny zhurnal vuzov kulture i iskusstv. In: Culture and education; scientific information journal of Culture and Arts Universities.2016. no.4(23). pp 9–13. (in Russian)
7. Erikson E. Identity; the youth and crisis. [Identichnost: yunost i krizis] / E. Erikson; perevod Andreeva A.D. Moscow.: Flinta,2006. 341p. (in Russian)

Ценностные основания гражданской идентичности в современном российском обществе

Тяпкин Владимир Сергеевич,

магистр Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: vladimir.tyapkin01@yandex.ru

В статье рассматривается проблема гражданской идентичности в контексте современных политических процессов и её роль в построении российского общества. Цель исследования – выявить ценностные основания гражданской идентичности россиян. Особое внимание уделяется вопросам формирования единой системы ценностей, и, как следствие, консолидации различных слоев населения путём преодоления социальных и культурных барьеров. Научная новизна заключается в анализе взаимосвязи исторической памяти, традиций и актуальных вызовов современности в контексте формирования гражданской идентичности. В результате предложены механизмы и инструменты, направленные на укрепление гражданской идентичности, такие как образовательные инициативы, культурные мероприятия, использование цифровых платформ. Подчеркивается необходимость формирования ценностно-ориентированной личности, что способствует гармонизации межличностных отношений и формированию гражданского самосознания.

Ключевые слова: гражданская идентичность, гражданственность, ценности, патриотизм, личность.

Введение

Формирование гражданской идентичности способствует социальной сплоченности и согласию между различными группами населения внутри государства. Это особенно важно в условиях многонационального и поликультурного российского общества, где разнообразие этнических, религиозных и культурных традиций требует укрепления общегражданских ценностей. В связи с чем особую актуальность приобретает выявление ценностных оснований гражданской идентичности.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1. Дать определение понятию «гражданская идентичность».
2. Проанализировать влияние исторических, культурных и политических факторов на формирование гражданской идентичности.
3. Выявить ключевые ценности, формирующие основу гражданской идентичности в современной России.
4. Определить механизмы и инструменты укрепления гражданской идентичности в современном российском обществе.

Материалом для исследования послужили нормативно-правовые акты Российской Федерации (Конституция Российской Федерации; Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»), которые позволили с одной стороны обосновать специфику поликультурного российского общества, а с другой – выявить традиционные ценности, на которых оно базируется.

Теоретическая база исследования заключается в рассмотрении трудов классических и современных отечественных авторов, посвященных проблематике гражданской идентичности и её ценностных оснований. А.В. Абрамов акцентирует внимание на негативном воздействии распада Советского Союза на национальные культуры и традиционные ценности. В данном контексте особую актуальность приобретает аксиологический подход, который позволяет выявить основные ценности современного российского общества. Среди ключевых авторов, чьё наследие легло в основу данного исследования, выделяется Н.А. Бердяев, подчёркивающий историческое разнообразие форм существования российского государства и отмечающий отсутствие непрерывности исторического развития России. И.А. Ильин утверждает, что стабильность социального устройства обеспечивается соблюдением гражданами законов и добросовестным исполнением обязанностей каждым членом общества. В свою очередь, К.Н. Леонтьев предлагает рассматривать государство одновременно как живой организм, подчинённый законам природы, и как искусственную конструкцию, управляемую людьми.

Методы исследования

Был проведён теоретико-философский анализ, включающий изучение классических и современных трудов отечественных авторов, посвящённых проблемам гражданской идентичности и её ценностных оснований, что позволило дать емкое определение понятию «гражданская идентичность». В ходе ретроспективного анализа были выявлены основные этапы становления гражданской идентичности в России. Герменевтический подход позволил проникнуть в культурные коды, закрепившиеся в сознании российского общества, понять происхождение базовых ценностей и принципов, составляющих ядро идентичности россиян. Дialeктических метод позволил установить, что гражданская идентичность формируется не изолированно, а в постоянном взаимодействии между членами общества, посредством общения, разрешения конфликтов, достижения взаимопонимания. Философия образования оказывается необходимой для выяснения способов передачи, воспроизводства и трансформации элементов гражданской идентичности. Аксиологический подход позволяет рассмотреть систему ценностей, транслируемую молодым поколением, и определить стратегии формирования позитивной гражданской идентичности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты создают прочную теоретическую основу для разработки действенных механизмов укрепления гражданской идентичности в российском обществе. Выводы, полученные в ходе исследования, открывают широкие горизонты для осмысления исторических и философских корней российской идентичности, что позволяет эффективно влиять на состояние общественного сознания, в том числе поддерживать уровень его патриотизма и гражданской солидарности.

Обсуждение и результаты

Современную международную ситуацию можно охарактеризовать как процесс деглобализации, сопровождающийся разрывом прежних интеграционных связей и ослаблением взаимозависимости государств. Ключевым катализатором этого процесса выступают санкции, вводимые Соединёнными Штатами Америки и их партнёрами, что провоцирует появление независимых региональных игроков и усиление тенденций к самоизоляции отдельных государств. А.В. Абрамов отмечает: «Крушение СС-СР и социалистического блока оказало серьёзнейшее влияние на развитие национальных культур, сознания и самосознания граждан подавляющего большинства государств мира, а также сделало безальтернативной западную модель глобализации. Её характерными чертами, помимо многих прочих, стали идеология потребления, игнорирование национальной специфики, истории и культуры» [1, С. 10]. Эта ситуация является источником изменений в глобальном порядке, вызывая рост национализма и усиление внимания к вопросам национальной безопасности.

В этой связи Российская Федерация оказалась в условиях, стимулирующих укрепление собственного международного статуса и формирование чёткой внутренней политики, направленной на развитие гармоничных отношений между людьми, принадлежащих к разным национальным культурам и религиозным традициям. В условиях новой реальности возрастает роль общегражданских ценностей как важного элемента, способствующего консолидации общества и укреплению национального суверенитета. Приобщение к традиционным ценностям по итогу должно выражаться в осознанной поддержке интересов государства, готовности к актив-

ному участию в общественной жизни и защите национальных интересов.

Поэтому современная Россия нуждается в сильной и цельной национальной идее, основанной на принципе единства и согласованности действий всего общества. Любая попытка разделить население по признакам этнической или религиозной принадлежности должна встречать отпор со стороны граждан, выступающих за целостность и неделимость государства. Необходимость утверждения принципа патриотизма продиктована новыми условиями глобального соперничества, где решающую роль играет внутренняя сила и уверенность граждан в перспективах своей страны.

Следует отметить, что укрепление патриотических чувств среди граждан способствует повышению устойчивости государства перед внешними вызовами и внутренними проблемами, делая возможным эффективное взаимодействие различных этнических, религиозных, культурных групп. Х.С. Шагбанова подчеркивает: «Каждое государство располагает системой универсалий, способствующих его развитию и приумножению духовного и культурного наследия. Патриотизм функционирует как универсалия, способствующая расширению границ личного бытия до границ бытия общечеловеческого, наделяющая многообразие исторического и культурного достояния особым высоким смыслом» [11, С. 55]. На наш взгляд, в данном контексте патриотизм рассматривается не как абстрактное чувство любви к Родине, а как деятельное, практическое выражение гражданской активности, проявляющейся в конкретных действиях каждого члена общества.

Патриотизм, как чувство любви и преданности своей стране, неразрывно связан с понятием гражданской идентичности. Ведь именно осознание принадлежности к определенному государству, его истории, культуре и традициям лежит в основе формирования патриотических чувств. Гражданская идентичность отражает уникальный набор черт, ценностей и установок, которыми наделены представители того или иного государства, и именно она обуславливает глубокую эмоциональную связь человека с Родиной. Через призму гражданской идентичности формируется осознание своего места в обществе, развиваются чувство сопричастности и ответственности за судьбу страны. При этом, как отмечает К.Н. Леонтьев, «государство есть, с одной стороны, как бы дерево, которое достигает своего полного роста, цвета и плодоношения, повинаясь некоему таинственному, не зависящему от нас деспотическому повелению внутренней, вложенной в него идеи. С другой стороны, оно есть машина, и сделанная людьми полусознательно, и содержащая людей, как части, как колеса, рычаги, винты, атомы, и наконец, машина, вырабатывающая, образующая людей» [7, С. 385].

Осознание себя частью единого государственного организма, выражаемое в гражданской идентичности, естественным образом ведёт к возникновению глубокого чувства привязанности и лояльности к своей стране и народу. Гражданская идентичность объединяет людей независимо от их этнической принадлежности, создавая политическую общность для выражения патриотических чувств. Создание гражданского общества, в котором каждый человек осознаёт свою значимость и ответственность перед другими гражданами, невозможно без формирования глубокого чувства любви к Родине, которое становится движущей силой активного участия в делах государства.

Исторически российское государство формировалось путём постепенного включения различных территорий и народов в состав империи, что обусловило «мно-

гонациональный» [5] и, следовательно, многокультурный состав России. Представители различных этносов, населяющие территорию нашей страны, обладают собственными уникальными ценностями, нормами морали, моделями поведения и мировоззрением. Такое разнообразие создает благоприятные условия для взаимообогащения культур, обмена опытом и знаниями, содействуя созданию богатого культурного ландшафта и возможности построения гармонии между различными группами населения. Однако, одновременно с этим оно ставит серьезные задачи перед обществом и властью по сохранению баланса интересов и предотвращению возможных конфликтов, вызванных разницей в образе жизни, религиозных убеждениях и нормах поведения.

Изучение природы идентичности, её разновидностей, функционального назначения, структурных особенностей и путей формирования играет ключевую роль в строительстве гражданского общества, достижении социального консенсуса и установлении доверительных межэтнических отношений, необходимых для продуктивного культурного диалога в многонациональном российском обществе. Поэтому вопросы культурной идентичности, межкультурного диалога и гражданского единства приобретают исключительную важность в современной России. Необходимо создать такое общественное пространство, в котором каждая группа сможет свободно развиваться, сохраняя свою индивидуальность, при этом участвуя в общем деле поддержания целостности государства и благополучия всех его граждан.

Итак, гражданская идентичность – это совокупность ценностных, культурных и социальных характеристик, которые определяют принадлежность индивида к определённой политической и социальной общности. Это понятие включает в себя не только юридический статус гражданства, но и внутреннее чувство сопричастности к сообществу, разделение его ценностей, норм и идеалов. Гражданская идентичность формируется под воздействием исторических, культурных и политических факторов и является динамичным феноменом, который может изменяться в зависимости от социального контекста: «Рассуждая о гражданской идентичности, необходимо осознавать её сложный и подвижный характер [2, С. 18].

Процесс формирования гражданской идентичности в России имеет глубокие исторические корни, уходящие в эпоху Киевской Руси (IX–XIII вв.), удельный период (XII–XIII вв.), монгольское иго (XIII–XV вв.) и объединение русских земель вокруг Москвы (XV–XVI вв.). Исторические события, происходившие в данные периоды нашей истории, плотно вошли в так называемый «исторический миф» русского человека и стали частью его идентичности. Важным этапом формирования гражданской идентичности стали реформы Петра I, которые открыли страну для Запада и привнесли новые идеи о государственном и гражданском служении. Реформы Петра не только изменили политическую структуру страны, но повлияли на культурные и социальные аспекты жизни общества.

В результате Октябрьской революции 1917 года большевики изменили политическую карту страны и создали новые идеалы, основанные на ценностях социализма. В связи с чем, произошёл разрыв с предыдущими традициями, что привело к формированию нового типа гражданственности, ориентированного на доминирование общественных интересов над личными.

Так, выдающийся русский мыслитель Н.А. Бердяев подчеркивал: «Для русской истории характерна прерывность. В противоположность мнению славянофилов, она менее всего органична. В русской истории есть уже пять периодов, которые дают разные образы. Есть Россия ки-

евская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская. И возможно, что будет еще новая Россия» [3, С. 31].

Постсоветский период, начиная с 1991 года, стал временем переосмысления гражданской идентичности в условиях перехода к рыночной экономике и демократии. Это сложный процесс, в котором сочетается как возврат к традиционным ценностям, так и адаптация к новым реалиям. Как отмечают в своём исследовании В.П. Майкова и Д.А. Ильченко, «простейшим защитным механизмом, нацеленным на распознавание и обезвреживание вредоносных социальных процессов, может быть обращение к отечественной философии, истории, традиционным для страны ценностям, ментальным картам собственного народа» [8, С. 96]. Важным аспектом этого процесса стало стремление найти баланс между индивидуальным и коллективным, а также обосновать новый вектор развития страны.

В данном контексте идентичность по гражданскому признаку становится важным элементом общественной жизни, особенно в таком многонациональном государстве, как Российская Федерация. Особенность гражданской идентичности состоит в том, что она ориентирована на общие правовые нормы, демократические институты и обязанности перед государством, включая следование законам, защиту прав и свобод других граждан, а также активное участие в политической жизни.

Как отмечает русский философ И.А. Ильин, «всякий правопорядок, всякий государственный строй покоится на согласии граждан верно и честно блюсти действующие законы: не преувеличивать произвольно свои полномочия, не преуменьшать произвольно свои обязанности и избегать всего запрещенного» [4, С. 227]. Такая идентичность создаёт основу для политического равенства и сотрудничества граждан вне зависимости от их этнической принадлежности, позволяя преодолеть возможные конфликты и разногласия, возникающие вследствие различного культурного опыта.

Одним из ключевых препятствий формирования гражданской идентичности является невыраженность общей системы ценностей, которая могла бы интегрировать различные слои населения. Без такой системы сложно сформировать общее чувство принадлежности к единому государству и общим идеалам. Вместо этого возникают многочисленные обособленные сообщества, чьи устремления часто противоречат друг другу.

Именно поэтому остро встаёт вопрос о целенаправленном формировании единых духовных ценностей на уровне государства. Формирование подобного ценностного пространства станет залогом предотвращения конфликтов и обеспечит базу для строительства здорового гражданского общества. В связи с чем, «аксиологический подход заслуживает особого внимания, поскольку он рассматривает гражданскую идентичность через призму включения человека в различные социальные группы и общество в целом, основываясь на их ценностно-идеологических предпочтениях» [10, С. 191].

В этом контексте указ Президента Российской Федерации В.В. Путина подчеркивает значимость традиционных духовно-нравственных ориентиров, которые служат основой для формирования гражданского самосознания. Эти ценности не только объединяют людей, но и способствуют укреплению социальной сплоченности и стабильности в стране. Так, согласно указу «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 г. «к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, граж-

данственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [9].

На данный момент человек получает колоссальные возможности проявить себя, свою индивидуальность в разных сферах жизни, однако вместе с этим повышается и уровень ответственности за собственную судьбу и судьбы окружающих. Из этого следует, что необходимо создавать условия для формирования ценностно-ориентированной личности, обладающей гражданскими самосознанием и стремящейся к созданию гармоничных межличностных отношений. Ценностный аспект гражданской идентичности включает в себя такие элементы, как уважение к другим, терпимость, ответственность за свои действия, стремление к общественному благу. Эти качества помогают человеку устанавливать конструктивные отношения с представителями разных культур и предотвращать конфликты. Кроме того, они способствуют развитию чувства патриотизма и гордости за свое Отечество.

Л.М. Кулёва отмечает, что «патриотизм становится важнейшей ценностью, интегрирующей не только социальный, но и духовно-нравственный, идеологический, культурно-исторический, военно-патриотический и другие аспекты» [6, С. 50]. В условиях нарастающей цифровизации общества необходимо формировать принципиально новую личность, открытую к изменениям, умеющую управлять своей деятельностью, своим внутренним миром, готовую полагаться на собственные силы и достигать материальной независимости созидательным трудом.

Укрепление гражданской идентичности в современном российском обществе – это многоаспектная задача, требующая комплексного подхода и использования разнообразных механизмов и инструментов. В первую очередь, её реализация возможна на базе образовательных учреждений всех уровней, т.к. в них человек проходит основной этап социализации. В России такие инициативы уже осуществляются.

Например, была введена дисциплина «Основы российской государственности» для высших учебных заведений и «Основы духовно-нравственной культуры народов России» для общеобразовательных учреждений, на постоянной основе организуются конференции, научные конкурсы, проекты на темы гражданской идентичности, межкультурного диалога в контексте истории России. Такие мероприятия могут проводиться как в учебных заведениях, так и в общественных пространствах, что позволит привлечь более широкую аудиторию.

Формирование уважения и понимания между народами способствует поддержке государственными и муниципальными учреждениями фестивалей, выставок и концертов, направленных на обмен культурными традициями между различными этническими группами. Важно понимать, что мероприятия подобного формата должны быть организованы в сотрудничестве государственных учреждений, религиозных и этнических организаций, а также иметь широкое освещение в средствах массовой информации.

Особое место в формировании гражданской идентичности на современном этапе занимает использование цифровых платформ, на которых организуются общественные дискуссии, направленные, например, на обсуждение вопросов местного благоустройства. В Российской Федерации на данный момент уже реализуется

работа подобной онлайн-платформы, а именно государственного портала «Госуслуги», который ориентирован на более удобное взаимодействие граждан с органами государственного управления и даёт возможность проявить свою гражданскую позицию (например, участие в выборах или голосование за благоустройства района). В свою очередь, создание специализированных групп и страниц в социальных сетях может помочь объединить людей с общими интересами.

Немаловажное значение в сфере осуществления государственной внутренней политики по формированию гражданской идентичности россиян может иметь поддержка волонтерских движений. Это связано с тем, что подобные организации уже объединяют людей с определенными ценностями, жизненными и, соответственно, гражданскими приоритетами. Это безусловно способствует формированию чувства сплоченности и солидарности. Можно отметить, что волонтерские движения создают условия для активного участия граждан в общественной жизни и решении социальных проблем.

Заключение

Ценностные основания гражданской идентичности в современном российском обществе представляют собой сложный и многосторонний феномен. Он требует глубокого философского анализа и понимания как исторического контекста, так и современных реалий. Гражданская идентичность – это не только вопрос принадлежности к определённой нации или государству, но и отражение внутреннего мира человека, его стремления к социальной справедливости, солидарности и уважению к другим. Важно помнить, что именно через признание разнообразия ценностей мы можем строить более гармоничное и устойчивое общество. Гражданская идентичность тесно связана с развитием внутренних качеств личности, основанных на традиционных российских ценностях – чувстве ответственности за судьбу Отечества, понимании своей роли в укреплении безопасности и процветании страны, уважении к правам и свободам других граждан, готовности отстаивать интересы государства законными средствами.

Литература

1. Абрамов А. А., Буров А.С., Вишну, Б.Д. Национальная идентичность и патриотизм в условиях международных кризисов // Российский социально-гуманитарный журнал. 2022. № 4.
2. Балакирева С. Ю., Астахов О.Ю. Гражданственность и национальная идея в условиях современной России // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 62.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008.
4. Ильин И.А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. В 2 кн. Кн. 2 / сост. Ю.Т. Лисица. М.: Русская книга, 1993.
5. Конституция Российской Федерации. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
6. Кулёва Л. М., Цапкова Н.И. Современное понимание значимости гражданско-патриотического воспитания как одного из приоритетных направлений системы образования в целом // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2013. № 1.
7. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. Т. 7. В 2 кн. Кн. 1. Публицистика 1862–1879 годов / ред.-колл. С.Г. Бочаров, В.М. Камнев, В.И. Косик [и др.]. СПб.: Владимир Даль, 2005.

8. Майкова В. П., Ильченко Д.А. Пути и способы формирования патриотизма как фактора государственной безопасности // Современные философские исследования. 2023. № 3.
9. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>
10. Храпов С. А., Скородумова О.Б., Кузнецова Е.Н. Феномен общегражданской идентичности в философских и социально-гуманитарных концепциях // Вестник КалмГУ. 2025. № 1 (65).
11. Шагбанова, Х.С. Патриотизм как социокультурная доминанта // Общество и государство. 2023. № 1.

THE VALUE FOUNDATIONS OF CIVIC IDENTITY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Тяпкин В.С.

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

The article considers the problem of civic identity in the context of modern political processes and its role in building Russian society. The aim of the study is to identify the value bases of the civic identity of Russians. Particular attention is paid to the formation of a unified system of values, and, as a consequence, the consolidation of different segments of the population by overcoming social and cultural barriers. Scientific novelty lies in the analysis of the relationship between historical memory, traditions and current challenges of modernity in the context of civil identity formation. As a result, mechanisms and tools aimed at strengthening civic identity are proposed, such as educational initiatives, cultural events, and the use of digital platforms. It emphasises the need to form a value-oriented personality, which contributes to the harmonisation of interpersonal relations and the formation of civic consciousness.

Keywords: civic identity, citizenship, values, patriotism, personality.

References

1. Abramov A. A., Burov A.S., Vishnu B.D. National identity and patriotism in the context of international crises // Russian social and humanitarian journal. 2022. No. 4.
2. Balakireva S. Yu., Astakhov O. Yu. Civic consciousness and national idea in the context of modern Russia // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2023. No. 62.
3. Berdyaev N.A. Russian idea. St. Petersburg: Azbuka-classic, 2008.
4. Ilyin I.A. Collected Works. In 10 volumes. Vol. 2. In 2 books. Book 2 / compiled by Yu.T. Lisitsa. Moscow: Russian book, 1993.
5. Constitution of the Russian Federation. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
6. Kuleva L. M., Tsapkova N.I. Modern understanding of the importance of civic-patriotic education as one of the priority areas of the education system as a whole // Municipal education: innovations and experiment. 2013. No. 1.
7. Leontiev K.N. Complete works and letters. In 12 volumes. Vol. 7. In 2 books. Book 1. Journalism of the years 1862–1879 / ed.-collective S.G. Bocharov, V.M. Kamnev, V.I. Kosik [and others]. SPb.: Vladimir Dal, 2005.
8. Maikova V. P., Ilchenko D.A. Ways and means of forming patriotism as a factor of state security // Modern philosophical studies. 2023. No. 3.
9. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 “On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values”. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>
10. Khrapov S. A., Skorodumova O.B., Kuznetsova E.N. The phenomenon of general civil identity in philosophical and socio-humanitarian concepts // Bulletin of KalmS U. 2025. No. 1 (65).
11. Shagbanova, H.S. Patriotism as a socio-cultural dominant // Society and state. 2023. No. 1.

Метафизика развития горных территорий на примере Чеченской Республики, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии

Чеченов Аслан Магометгериевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: a.chechenov@mail.ru

Кушхова Анежа Фёдоровна,

кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: Aneja2380@inbox.ru

Желиготова Радина Михайловна,

кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: zhelegotova@mail.ru

Шоранова Залина Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: pazalina@mail.ru

В статье исследуются три конкретные республики Северного Кавказа на примере локальных сообществ Чеченской Республики, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Предлагается одновременно исследовать три республики опираясь на социальный, философский, политический, экономический анализ социопространственного развития местных сообществ, относящихся к горным территориям. По сути, речь идет о некой метафизике развития горных поселений методом аналогии трех республик СКФО. Обосновывается важность и необходимость изучения и управления в местных сообществах горных территории. Ставятся вопросы формирования гражданского общества роли места общественных организаций во взаимодействии с государством по вопросам управления. Причем управление понимается очень широко, это и управление формальное и традиционное, которое опирается, но традиционные институты местных сообществ, рассматриваются формы гибридизации различных институтов социального взаимодействия. Рассматриваются проблемы природопользования, сохранения и использования природных ресурсов, экологии. Анализируются государственные программы социальной поддержки местных сообществ в горных поселениях. Одновременно сравниваются адаптационные способности локальных сообществ с разной степенью успешности развития в современной социально-экономической реальности.

Ключевые слова: социопространственное, пространство, район, территории, самоорганизация, регион, конфликты, развитие, ресурсы, институты, управления, социальное, самоуправление, государство, горы.

Введение

Тема исследования данной работы посвящена всестороннему метафизическому анализу трех республик Северного Кавказ на примере локальных сообществ Чеченской Республики, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Все три республики сталкиваются с удивительно схожими экологическими, социальными, управленческими проблемами, вызванными изменением климата, глобализацией, капитализмом и фундаментальным переходом от традиционных форм общества к обществу, все больше движимому индивидуализмом и потребительством.

Сравнение горных регионов помогает понять, как местные сообщества приспосабливаются к экологическим, социальным и экономическим изменениям. ООН объявила 2022 год Международным годом устойчивого развития горных районов, что подчеркивает важность гор в обеспечении ресурсами равнинных территорий. В статье рассматриваются перспективы управления этими часто маргинализированными сообществами. Российские ученые, например, Юрий Баденков в книге «Жизнь в горах», внесли вклад в изучение горных регионов, предложив метафизический анализ и методы развития поселений на примере Альп, Кавказа, Гималаев, Аппалачей и Алтая [1, с. 400].

В книге рассматриваются проблемы непропорциональности развития горных поселений, политического и экономического неравенства, чрезмерной зависимости от политики центральных властей по программам развития и сохранения экосистем, характерных для горных районов. Основное внимание уделяется пространственному развитию, в котором выделяются четыре основных взаимосвязанных направления: социальное, экономическое, правовое и географическое.

Идеи Баденкова задают рамки, в которых проводились многие российские исследования горных регионов, и которые можно кратко охарактеризовать следующим образом. Местные сообщества в горных регионах имеют определенные социальные и естественные границы. Общинная жизнь формируется, прежде всего, под воздействием физической среды. Однако на жизнедеятельность людей также влияет степень соблюдения ими социальных, духовных, религиозных и других норм, правил и поведенческих стереотипов [2, с. 10].

Научная новизна исследования заключается в комплексном междисциплинарном подходе к изучению развития горных территорий, основанном на сочетании метафизического и системного анализа [3, с. 45].

Материалы и методы исследования

В качестве материалов исследования использованы статистические данные Федеральной службы государственной статистики, аналитические отчеты органов государственной власти Чеченской Республики, Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики, научные публикации отечественных и зарубежных исследователей по проблемам развития горных территорий, а также результаты социологических исследований, проведенных автором в исследуемых регионах. Методо-

логической основой исследования является сочетание общенаучных методов анализа (анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование).

Результаты и обсуждения

Северный Кавказ очень разнообразен. Исследования проводились в основном в Чечне, КБР и КЧР, образованных по этническому, а не территориальному принципу (советское наследие). Смешанный этнический состав (особенно в КБР и КЧР) делает строгое административное деление по этническому признаку проблематичным и требует паритета, что затрудняет единое администрирование социальных программ [11, с. 5–10].

Один из авторов данной статьи совместно с группой российских социологов и географов провел социологическое исследование локальной специфики и общих тенденций общественной жизни по вопросам развития гражданского общества в трех республиках. В исследовании использованы как количественные, так и качественные методы. Количественные данные для Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии получены на основе репрезентативных опросов (по 1000 респондентов в каждом регионе). Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по основным социально-демографическим характеристикам, согласно данным региональных органов Росстата. Качественная часть представлена полуструктурированными интервью с представителями гражданского общества и местных властей. Результаты опросов и интервью обсуждались на совместных семинарах с участием общественных деятелей, представителей академического и профессионального сообщества [11, с. 5–10].

Необходимо также отметить, что исследование было проведено при финансовой поддержке 7-й рамочной программы Европейского союза (2014–2016). Несмотря на то, что его фокус был довольно широким и выходил за рамки вопросов управления в локальных сообществах и роли неправительственных организаций, рассматривая широкие темы гражданского общества и гражданского участия в названных регионах, результаты этого исследования подчеркивают сложность всего социального пространства в этих горных регионах.

Одним из интересных результатов исследования является указание на отсутствие доверия к неправительственным организациям. В Карачаево-Черкесской Республике только 18,33% респондентов доверяют НПО, в то время как 81,67% респондентов доверяют Президенту Российской Федерации. В Кабардино-Балкарии доверие к НПО несколько выше: 37,38%, но все еще значительно отстает от числа респондентов, доверяющих Президенту: 68,93%. (Данные за 2014–2015 гг. Там же. 98) [12, с. 269–303]. Причина низкого уровня доверия к неправительственным организациям кроется в политических и социально-экономических условиях, характерных для горных регионов Северного Кавказа. В широком общественном мнении НПО представляются некими национальными и этническими общественными движениями, которые часто способствуют политической нестабильности в нов формирующееся период государственного строительства [12, с. 269–303].

Сфера деятельности, зарегистрированной НПО определяется, во-первых, федеральными законами и нормативными актами, а во-вторых, местными правящими элитами, которые имеют полномочия толковать и применять федеральный закон.

Это в равной степени относится и к национальным неправительственным организациям (НПО), которые ранее находились в противоречии друг с другом, а теперь

вступают в компромиссные отношения с различными субъектами. Уровень общественного доверия к этим организациям зависит от источника их спонсорства, и чем более влиятельными фигурами в местной политике они будут ассоциироваться с общественным мнением, тем более вероятным будет их репутация. В частности, анализ общественного мнения о наиболее известных международных НПО, работающих в сфере защиты гражданских прав, показал, что большинство респондентов затруднились оценить влияние международных НПО на стабильность в стране, и что одна треть из опрошенных были уверены, что они дестабилизируют ситуацию [12, с. 269–303]. Таким образом, международные неправительственные организации оказывают незначительное влияние в регионах Северного Кавказа, за исключением неправительственных общественных организаций, продвигающих этническую идентичность которые остаются наиболее влиятельной и относительно независимой организацией. В локальных конфликтах на уровне государства, правящих элит и местных сообществ они выступают посредниками. Они предлагают альтернативный канал прямой коммуникации с федеральными государственными органами, минуя информационный контроль местных и региональных властей. Это происходит, в частности, когда происходит конфликт местных сообществ с местными или региональными органами власти. Их мнение слышно, когда власти принимают этнически чувствительные меры [9, с. 59–69]. Влияние организаций на социальную политику значительно, но их позиция по охране окружающей среды неоднозначна и зависит от связей с властью и бизнесом, где вопросы власти и ресурсов преобладают над экологическими интересами. Фактором гражданской мобилизации является скорее этническая, а не гражданская идентичность, что влияет на способы решения проблем: инициатива исходит от госорганов или неформальных групп, а не от общественных объединений. В условиях усиления госконтроля над формальными институтами гражданского общества, основная гражданская активность проявляется в неформальной сфере [12, с. 269–303]. Слабость неправительственных организаций можно объяснить социально-экономическими процессами, происходящими в республиках Северного Кавказа.

Все три республики имеют схожие социально-экономические условия, влияющие на социальную политику. Во-первых, традиционные горные сообщества зависимы от экономических изменений и законов о землепользовании. Во-вторых, их существование поддерживается государственным финансированием. Невыполнение государством социальных обязательств, таких как предоставление школ и больниц, вызывает острую реакцию. Доступность госсociальных льгот позволяет сообществам развивать потенциал инноваций, включая управление природными ресурсами. Формы управления природными ресурсами основаны на местной концепции собственности на землю, что важно для животноводства и земледелия [5, с. 302]. В чеченском селе Макажой жители выращивают картофель и овощи для себя. В селе Ведучи развивалось садоводство. Крупного рогатого скота мало, использование пастбищ согласовывается с администрацией [6, с. 100]. Основной доход – госвыплаты. Доход от животноводства и сельского хозяйства дополнительный, часто совмещается с работой на государство. Также источником дохода являются кредиты на развитие сельского хозяйства (садоводство и фермерство), доступные тем, кто ведет независимую экономическую деятельность.

Землепользование в основном регулируется тейповыми институтами. Госзаконы позволяют продажу зем-

ли «чужим», но традиционные правила это запрещают, разрешая продажу только родственникам или членам тейпа. Хотя границы участков известны даже без юридической регистрации, многие оформляют землю в собственность. Традиционные институты землепользования сохраняются, несмотря на небольшую экономическую активность. В Теберде (КЧР) зависимость от госдоходов выше, так как больше людей работают в гос. учреждениях [4, с. 152–163]. В Теберде многие работают в нац. парке и в сфере туризма. Происходит трансформация: традиционное животноводство приходит в упадок, растет зависимость от гос. доходов и туризма. Благополучие многих горных поселений зависит от социальных льгот, особенно в сфере медицины и образования. Эта зависимость от гос. поддержки широко задокументирована в КБР и КЧР [10, с. 59–69].

Несмотря на возможную зависимость от господдержки, отсутствие последней не всегда ведет к исчезновению горного сообщества. Пример – село Ташлы-Тала (КБР), где, несмотря на закрытие некоторых социальных объектов, адресная поддержка через МФЦ и наличие всех поколений жителей свидетельствуют о жизнеспособности. В отличие от него, поселение Кенделен испытывает проблемы и отток населения, несмотря на денежные переводы мигрантов и господдержку. На Северном Кавказе можно выделить два подхода к управлению регионами: 1) централизованный, с формальными правилами и малым вниманием к местным условиям (нестабилен из-за изменений политики), 2) (не указан в оригинале, предполагается как противоположность первому) [7, с. 200–205].

В 90-е местные сообщества начали самоорганизовываться, развивая, в основном, семейный бизнес, используя традиционные методы. С появлением местных органов самоуправления возник гибридный тип управления, сочетающий старые и современные подходы, местные и региональные правила. Государство поддерживает местные объединения, но решающее слово в управлении остается за главой администрации. [8, с. 70–88].

Мэров и глав администраций выбирают или назначают при участии региональных и федеральных властей. Правительство контролирует их работу. На жизнь общества влияют неформальные правила и традиции, через которые люди воздействуют на местную администрацию. В республиках Северного Кавказа государство вмешивается в автономию, присваивая региональные ресурсы, что сужает возможности местной инициативы [9, с. 414–418].

Монополизирующая власть государства может обеспечить стабильность в краткосрочной перспективе, однако, возможные последствия такой стабильности для гражданского сектора остаются нерешенными вопросами. С одной стороны, эти процессы отражают продолжающийся процесс институционализации самого государства на Северном Кавказе, в том числе в сфере гражданского общества. С другой стороны, низкая адаптивность и негибкость, присущие государственным институтам, а также ограниченный круг вовлеченных субъектов ограничивают возможности гражданских инициатив на низовом уровне и их соответствующую стабилизацию [12, с. 269–303].

Заключение

Можно сделать вывод, что в нынешней ситуации на Северном Кавказе неправительственным организациям сложно найти нишу, в которой они могли бы успешно работать. Значительная часть управления и экологии монополизируется государством. Оно широко восприни-

мается как единственный гарант безопасности и порядка на местном уровне для предотвращения межэтнических и межрелигиозных конфликтов. Более того, неправительственные организации могут восприниматься как нарушители хрупкого мира. Они не воспринимаются как существенные элементы управления общественными процессами в обеспечении прогрессивного и бесконфликтного развития горных сообществ.

Общественным организациям сложно интегрироваться в управление природными ресурсами из-за краткосрочных целей местного самоуправления. Управление природными ресурсами в горах часто основано на местном самоуправлении, а не на законах. Местные сообщества не всегда рады новым практикам и влиянию извне. Конфликт между центром и местными интересами вытесняет НПО, мешая им эффективно реализовывать программы из-за сложных местных условий. Несмотря на ограничения, общественные организации необходимы для улучшения социально-экономического управления, привлечения экспертизы и создания системы, основанной не только на централизованном подчинении. Важно формировать механизмы управления, сочетающие местный, региональный и национальный уровни, предотвращая конфликты. Это достигается путем распределения полномочий, формирования интегрированных территориальных единиц и обеспечения свободного потока экспертизы и средств через НПО.

Литература

1. Баденков Ю.П. Жизнь в горах. Природное и культурное разнообразие – разнообразие моделей развития. М.: ГЕОС, 2017. – 479 с.
2. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
3. Гуня А., Дакснер М., Келер Я., Тенов Т., Чеченов А., Шогенов М. Конфликты и развитие: введение в методологию и методы изучения. Нальчик. Изд-во Кабардино-Балкарского государственного университета. 2013. – 172 с.
4. Келер Ян., Гуня А.Н., Тенов Т.З, Чеченов А.М. Институционально ориентированное изучение проблем устойчивого развития горных территорий. Устойчивое развитие горных территорий 2017 Том9 № ;2 С. 152–163.
5. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности /Элиноор Остром; пер. с англ. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. 447 с. (Серия «Экономика»).
6. Северо-Кавказская комплексная экспедиция. Сборник трудов. Выпуск 1/отв. редак. А.Н. Гуня: Чеченский госуниверситет, 2019. 154 с.
7. Чеченов А.М. Социопространственное развитие России и Северного Кавказа как механизм структурирования управления страной. В сбор. «Северокавказский город как пространство социально-экономического развития и международного диалога (к 300-летию г. Нальчик). КБГУ, Нальчик, 2023. С. 200–205.
8. Чеченов А., Гаунова И., Кушкова К. Влияние государственных программ развития на институты на локальном уровне/2014: от понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития. Вып. 2, Нальчик, Принт – Центр. – С. 70–88.
9. Чеченов А.М., Лазба Н., Шогенов М.З. Особенности практик государственных программ развития горных поселений в Кабардино-Балкарии и Аджарии:

форма взаимодействия с местными сообществами// Устойчивое развитие горных территории Кавказа/ под. Ред. И.А. Керимова. Коллективная монография – Москва: РАН 2018. – С. 414–418.

10. Чеченов А.М., Шогенов М.З., Азаматова Г.К., Атабиева З.А., Решетникова Н.Н. Самоуправление и развитие местных сообществ Северного Кавказа: на примере Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик Конспект лекций по сетям и системам (см. в книгах). 2020. Т. 111. С. 59–69.
11. Чеченов А.М., Кушхова А.Ф., Виндигева А.О. Социально-политический анализ пространственного развития горных территорий и локальных сообществ Северного Кавказа: Чеченской, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской республик Гуманитарные и социально-экономические науки – Ростов –на– Дону № 4. 2022.С.5–10.
12. Шогенов М. А., Гуня А.Н., Чеченов А.М. Изучение гражданского общества на Северо-Западном Кавказе: государство, местное самоуправление и сообщества на запутанном пути к социальной стабильности. Демократизация. 2020. Т. 28. № 2. С. 269–303.

METAPHYSICS OF THE DEVELOPMENT OF MOUNTAIN TERRITORIES: THE CASE OF THE CHECHEN REPUBLIC, KABARDINO-BALKARIA, AND KARACHAY-CHERKESIA

Chechenov A.M., Kushkhova A.F., Zhelegotova R.M., Shoranova Z.V.
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

This article examines three specific republics of the North Caucasus using the example of local communities in the Chechen Republic, Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia. It is proposed to simultaneously explore three approaches based on a social, philosophical, political, and economic analysis of the sociospatial development of local communities belonging to mountainous territories. In fact, Ray is talking about a kind of metaphysics of the development of a mountain settlement by analogy with the three republics of the North Caucasus Federal District. The importance and necessity of studying and managing mountain territories in local communities is substantiated. The questions of the formation of civil society and the role of public organizations in cooperation with the state on governance issues are raised. Moreover, management is understood very broadly, it is both formal and traditional management, which relies on traditional institutions of local communities, and forms of hybridization of various institutions of social interaction are considered. The problems of nature management, conservation and use of natural resources, and ecology are considered.

The article analyzes the state programs of social support for local communities in rural settlements. At the same time, the adaptive abilities of local communities with varying degrees of development success in modern socio-economic reality are compared.

Keywords: sociospatial, space, district, territories, self-organization, region conflicts, development, resources, institutions, management, social, self-government, state, mountains.

References

1. Badenkov Yu.P. Life in the mountains. Natural and cultural diversity is a variety of development models. Moscow: GEOS, 2017. 479 p
2. Bourdieu P. Sociology of Social Space / Translated from French; edited by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletya, 2007. 288 p.
3. Chechenov A., Gaunova I., Kushkhova K. The impact of state development programs on institutions at the local level/2014: from understanding local conflicts to using development opportunities. Issue 2, Nalchik, Print Center, pp. 70–88.
4. Chechenov A.M. Sociospatial development of Russia and the North Caucasus as a mechanism for structuring country governance. To the collection. "The North Caucasian city as a space of socio-economic development and international dialogue (dedicated to the 300th anniversary of Nalchik). KBSU, Nalchik, 2023. pp.200–205.
5. Chechenov A.M., Lazba N., Shogenov M.Z. Features of practices of state programs for the development of mountain settlements in Kabardino-Balkaria and Adjara: a form of interaction with local communities// Sustainable development of the mountainous territories of the Caucasus/ edited by I.A. Kerimov. Collective monograph – Moscow: RAS, 2018, pp. 414–418.
6. Chechenov A.M, Kushkhova A.F., Vindizheva A.O. Socio-political analysis of the spatial development of mountainous territories and local communities of the North Caucasus: Chechen, Kabardino-Balkarian, Karachay-Cherkess Republics Humanities and socio-economic Sciences – Rostov-on-Don No.4. 2022.pp.5–10.
7. Chechenov A.M., Shogenov M.Z., Azamatova G.K., Atabieva Z.A., Reshetnikova N.N. Self-administration and development of local communities of north caucasus: by the example of Kabardino-Balkar republic and Karachay-Cherkess republic. Lecture Notes in Networks and Systems (см. в книгах). 2020. Т. 111. С. 59–69.
8. Gunya A., Daxner M., Koehler Ya., Tenov T., Chechenov A., Shogenov M. Conflicts and development: an introduction to methodology and methods of study. Nalchik. Publishing House of Kabardino-Balkarian State University. 2013. – 172 p.
9. Keler Yan., Gunya A.N., Tenov T.Z., Chechenov A.M. Institutionally oriented study of the problems of sustainable development of mountainous territories. Sustainable development of mountainous territories 2017 Vol.9 No; 2 P. 152–163.
10. Ostrom E. Managing the common: the evolution of institutions of collective activity / Elinor Ostrom; translated from English. Moscow: IRISEN, Mysl, 2010. 447 p. (Economics series)
11. Shogenov M.Z., Gunya A.N., Chechenov A.M. Exploring civil society in the North-Western Caucasus: the state, local government, and communities on a convoluted path toward social stability. Demokratizatsiya. 2020. Т. 28. № 2. С. 269–303.
12. The North Caucasian Integrated Expedition. Collection of works. Issue 1/ed. by A.N. Gunya: Chechen State University, 2019. 154 p.

Щеглов Илья Алексеевич,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры
«Информационная аналитика и политические технологии»
Московского государственного технического университета
им. Н.Э. Баумана
E-mail: shchia@mail.ru

Широко используемому сегодня понятию компетенции при-
даются различные смыслы, что приводит к искажению его
природы. В статье поднят вопрос о месте личностных качеств
в компетентностной структуре лица – носителя знаний, умений,
навыков. Обоснован тезис о системообразующей природе ком-
петенции, указывающей на отказ качеств личности места
в ней. Дано понимание личностных компетенций, представле-
на их структура, показана значимость и связь с универсаль-
ными, профессиональными, корпоративными компетенциями.
Подчеркнута роль системных условий среды организации для
поддержания и развития личностных компетенций работников.
Выделены методы диагностики и оценки сформированности
личностных компетенций. Изложенные в статье положения
направлены на оптимизацию включенных в рассматриваемую
область практик.

Ключевые слова: компетенция, личностные компетенции,
компетентностная структура лица, универсальные компетен-
ции, корпоративные компетенции, компетентностное поле.

Понятие «компетенция» обрело в российском сег-
менте научного знания особое значение в связи с актуа-
лизацией компетентностного подхода в системе образо-
вания. Обзор научных публикаций свидетельствует о не-
однозначности осмысления данного понятия, что требует
внесения ясности в ряд вопросов, стоящих на повестке
дня. Уделим внимание личностным компетенциям.

Компетенция есть официальное системообразующее
требование к лицу, представляет собой комбинацию зна-
ний, умений, навыков, необходимую для решения тео-
ретических и практических задач. Она предполагает
способность к ответственной и осознанной мобилиза-
ции знаний, умений и навыков для решения круга за-
дач. Группа профессиональных компетенций включает
в себя общепрофессиональные – определяются специ-
альностью или направлением подготовки, и конкретные
профессиональные – определяются специализацией
в рамках специальности. Группа универсальных ком-
петенций не зависит от конкретной специализации, несет
в себе общекультурные и дополнительные общекультур-
ные компетенции.

Методы диагностики сформированности компетен-
ций – тестирование, задания и прочие реализуется с це-
лью контроля овладения ими, управления их формиро-
ванием. В научных работах выделяются уровни сформиро-
ванности компетенции. И.О. Бакланов, И.П. Бирюкова
выделяют следующие:

- пороговый: способность к необходимому владению компетенцией;
- базовый: способность к достаточному владению компетенцией;
- высокий: способность к свободному владению компетенцией [1].

Цель диагностики личностных компетенций – выя-
вить эффективность и результативность лица как едини-
цы рабочего процесса, системы отношений и социально-
психологического поля, в которые оно задействовано.

Личностные компетенции официально не регламен-
тированы, но от этого не утрачивают своей значимости.
Отметим неустойчивость этих компетенций в информа-
ционном поле. Ведущая тенденция сохраняет за собой
понимание указанных компетенций как личностнообра-
зующих. Распространена позиция, согласно которой
личностные компетенции сочетают в себе характеристи-
ки, свойства и качества личности [см.: 8, с. 35]. Выразим
свое несогласие с такой позицией, и представим соб-
ственное видение личностных компетенций. Они вклю-
чают в себя следующие уровни:

- когнитивный – понимание человеком важности ком-
петенции;
- мотивационный – готовность к актуализации ком-
петенции;
- поведенческий – практическое проявление ком-
петенции. Этот уровень понимается как комплекс
усилий, стремлений, действий лица, направленных
на достижение значимых (для него и организации)
целей.

Обладать компетенцией – значит обладать умениями
и владеть навыками применения знаний для решения
как теоретических, так и практических задач. Личност-
ные компетенции выступают индикатором обладания
необходимыми для выполнения круга задач компетен-

циями, т.е. насколько лицо — носитель знаний, умений, навыков — понимает их важность, и как оно их использует. За личностной компетенцией закреплена личностная эффективность обладания знанием, умением, навыком. Эффективность обладания знанием означает не только располагать объемом требуемого знания, но, прежде всего, управлять им в соответствии с ситуацией (оптимизировать, регулировать, адаптировать), обладать культурой владения им (культура взаимообмена, взаимообогащения знанием).

В основе личностных компетенций лежат следующие компоненты:

- самоорганизация (включая самодисциплину);
- саморазвитие (самообразование, самообучение);
- самоконтроль (включая саморегуляцию).

Обособление личностных компетенций в так называемый личностный блок несостоятельно. Невозможно быть компетентным в области личностных качеств. Если допустить, что в основе компетенции лежат качества личности, то утрачивается понятие знания как обосновывающего компетенцию. Понятие «компетенция» имеет два значения: круг полномочий какого-либо учреждения, лица; круг вопросов, в которых кто-либо хорошо осведомлен. Основу данного понятия составляет знание, относящееся к соответствующим областям науки, техники, искусства, ремесла. Разноточения в трактовках личностных качеств вносят дополнительный процент неопределенности в интерпретацию понятия компетенции.

Выделение личностных в самостоятельную группу компетенций через «soft skills» (мягкие, гибкие навыки) как понятия, обращенного к качествам и способностям личности [5], приводит к упразднению компетенции в пользу развития личности в целом или отдельных ее составляющих. Распространено следующее представление: компетенция — «основополагающая персональная характеристика, причинно связанная с эффективностью выполняемой работы» [3, с. 247]. Необходимо различать то, что оказывает воздействие на качество выполняемой работы — это личностные (психоземotionalная настроенность, эмоциональное самочувствие) и внешние (условия, обстоятельства) факторы, и то, что указывает на сформированность компетенции.

Личностные качества не обеспечивают обосновывающую компетенцию знание интеллектуальным ресурсом, и не являются гарантом способности его применения. Индивидуальный стиль специфицирует такую способность, но не определяет ее. Речь должна идти не об индивидуальности, а способности лица применять знания. Формирование личностной компетенции предполагает работу над собой — интеллектуальную, организационную, психологическую и иную — с применением известных методов, способов, моделей. Ссылку на творческую составляющую личностной компетенции [6, с. 82] интерпретируем в пользу индивидуальности реализации знания, но не способности его применения.

Компетенция — элемент компетентностной структуры лица. Согласимся, что она содержит в себе личностную составляющую, но природа ее не является личностнообразующей. Именно системообразующая сущность компетенции указывает на отказ качеств личности места в ней.

Практика включения личностных компетенций в состав универсальных [2, с. 802] связана с наличием в последних личностного аспекта. Однако не он лежит в основе обосновывающей компетенцию знания.

Обратимся к официальной формулировке универсальной компетенции (ФГОС — код УК-6) в качестве наглядной иллюстрации: «Способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию само-

развития на основе принципов самоорганизации и образования в течение всей жизни, а также самостоятельно приобретать знания». В соответствии с ней требуется «Знать»:

- основные приемы эффективного управления собственным временем;
- основные методики самоконтроля, саморазвития и самообразования на протяжении всей жизни.

Выделим, что знание приемов эффективного управления собственным временем, методик самоконтроля, саморазвития и самообразования является теоретическим, относится к разделам психологии (в частности, психологии саморазвития), социологии и иных областей научного знания.

Личностные качества относятся не к компетентностной структуре лица, а к внутренней структуре личности, в силу чего личностные тесты, опросники не предназначены для выявления эффективности обладания компетенциями. Коммуникабельный — открытый к общению, демонстрирующий готовность и способность к установлению социальных связей и контактов человек. Данная характеристика не относится к компетентностной структуре. Человек может быть недостаточно коммуникабельным, при этом обладать коммуникативной компетенцией, которая предъявляет требование к знаниям, умениям, навыкам использования языка в разных сферах и ситуациях общения, владения всеми видами речевой деятельности, основами культуры устной и письменной речи.

Набирает популярность употребление словосочетания «корпоративные компетенции» [7]. Следует подчеркнуть, что реализация лицом компетенций в определенной системе корпоративного типа автоматически не гарантирует его эффективность в ней. Корпоративные компетенции, связанные с философией и миссией компании, базируются на ценностях, которые должны разделять ее работники. Инвестиционная политика компании в интеллектуальный ресурс, физическое и психологическое здоровье своих сотрудников способствует их мотивации, работе в коллективе, саморазвитию.

Компетенция интегрирована в компетентностную структуру лица, и оно отвечает за соответствие и качество применения знания, умения, навыка в конкретной области. К учащимся предъявляются требования освоения знаний, умений и навыков в соответствии с направлением подготовки/специальности; работнику предъявляются требования к знаниям, умениям в соответствии с его должностными обязанностями. Квалификационная характеристика должности включает в себя три раздела: «Должностные обязанности», «Должен знать», «Требования к квалификации». Согласимся, что корпоративную компетенцию отличает требование соответствия лица особенностям и запросам организации [11, с. 227], которая вправе разрабатывать собственную модель компетенций. Корпоративные компетенции устанавливают стандарты того, как сотрудники компании должны проявлять себя в ней.

Личностные компетенции предъявляют лицу требования актуализации и развития комплекса компетенций, и проявляются в следующем.

- Когнитивный уровень:
 - стремлении к самообучению, самообразованию, познанию нового.
- Мотивационный уровень:
 - стремлении и потребности в саморазвитии, самореализации.
- Поведенческий уровень:
 - деловой активности, самостоятельности, организованности;

- активном слушании, вовлеченности, заинтересованности;
- экологичности общения.

Личностные компетенции визуально отражаются в отношении лица к выполняемой работе, своим обязанностям, поручаемым заданиям, коллегам. Поэтому наиболее действенным методом диагностики указанных компетенций служит наблюдение – систематическое, осуществляемое на регулярной основе в течение определенного периода времени, и несистематическое. Наблюдение как описательный метод заключается в восприятии и регистрации поведения изучаемого объекта. Его можно проводить по следующим показателям.

- Деловая активность: оперативность, мобильность поведения.
- Деловая вовлеченность: инициативность, креативность.
- Деловая заинтересованность: фиксация невербального поведения.
- Экологичность речи: а) устной – соблюдение принципов безопасности, прозрачности, равенства в общении, уважение участников взаимодействия; б) письменной – соблюдение технической и этической добросовестности.
- Самостоятельность в принятии и реализации решений. Она указывает на уровень обладания компетенциями.
- Сознательная дисциплина и культура поведения.

Оценка сформированности личностных компетенций работника может производиться следующими методами.

Метод «Х-градусов». Представляет собой составление списка мнений о компетентности работника. Мнения могут исходить снизу (от подчиненных), сверху (от руководства), от лиц, находящихся на одном уровне с оцениваемым работником (коллег), от иных привлекаемых к опросу по данному методу лиц (клиентов, партнеров). Спектр градусов подлежит изменению в зависимости от выбранной комбинации. Основным недостатком метода в том, что такой вид оценки субъективен, и не может применяться как единственно возможный.

Метод прямого ранжирования. Состоит в распределении сотрудников по определенным показателям (дисциплине, самостоятельности, креативности и др.) от лучшего до худшего.

Метод чередующегося ранжирования. Составляется список подлежащих ранжированию сотрудников и записывается на левой стороне листа. Из них выбирается лучший по оцениваемому показателю, его фамилия вычеркивается и заносится в верхнюю часть правой стороны листа. Наименее эффективный сотрудник записывается в нижнюю часть правой стороны листа. Этот процесс повторяется до окончательного распределения всех сотрудников.

Метод самоконтроля на базе рейтинговой оценки, отзывов, чаще всего в клиентоориентированном сегменте производства. Рейтинг может составляться по ряду критериев – отношение работника к своей работе, коллегам, клиентам; экологичность поведения и обращения с инструментами производства и проч. Чаще всего используются листы самооценки для рефлексии результатов своей деятельности, и листы самоконтроля. Разработка указанных листов зависит от области их применения [9, с. 38–39].

Системные методы поддержания и развития личностных компетенций:

- формирование культуры доверия в организации (поддержка инициатив, предложений, прозрачность каналов социальной коммуникации);

- создание среды для обмена знаниями и опытом. Использование только собственного опыта и знаний не всегда отвечает «компетенциям, необходимым для решения новых задач» [10, с. 211];
- поддержка сотрудников (менторство, баддинг, коучинг);
- развитие сотрудников (развивающие тренинги, семинары, вебинары, геймификация);
- мотивационная философия политики компании (существующие формы вознаграждения, стимулирования, поощрения).

Диагностику личностных компетенций следует проводить в комплексе с универсальными, профессиональными, корпоративными, и с исследованиями иного рода, например, социально-психологической и социокультурной среды организации для систематизации представлений о взаимодействии различных ее элементов с компетентностной структурой лица. Выявить эффективность применяемых методов поддержания и развития личностных компетенций у сотрудников поможет исследование социализационного потенциала рабочей среды.

Поддержанию и развитию личностных компетенций на индивидуальном уровне служит самоорганизация – на основе самомотивации и стремления к регулярной работе над собой – компетентностного портфолио. Моделирование собственного компетентностного поля базируется на рефлексии и управлении компетентностными ресурсами, например, управлении временем, вниманием, когнитивной нагрузкой, пространством (рабочим местом), речевой тактикой, паттернами поведения, реакциями.

В электронном компетентностном портфолио сотрудника фиксируются, накапливаются и оцениваются деловые индивидуальные достижения, и оно может служить действенным механизмом мониторинга прогресса сотрудников по различным направлениям их профессионального и социального развития, а также самомониторинга.

Ведение дневника, т.е. фиксация и учет профессиональных, социальных успехов и достижений с внутренним разделением на блоки также способствует поддержанию и развитию личностных компетенций. Деление на блоки можно осуществлять по аналогии с видами дневников – дневник целей, достижений, идей (арт-журнал), самоанализа, благодарностей, эмоций, чтения, дневник со списками, рефлексивный дневник. Выбор способа ведения дневника зависит от выстраиваемых приоритетов, предпочтений, и с учетом индивидуальной траектории саморазвития и самореализации. Дневник можно использовать так, как удобно.

Интерес исследователей к проблеме личностных компетенций связан с вызовами к современности и запросом на конкурентоспособное и резильентное [4, с. 84] лицо, способное преодолевать трудности и успешно адаптироваться к изменениям. Это повышает спрос на инвестиционную политику компании в ресурс сотрудников через программы обучения и развития, систему поддержки и корпоративную философию апгрейда, что окупается производительностью компании. Изложенные в статье теоретические положения будут полезны, на наш взгляд, для их практического приложения.

Литература

1. Бакланов И.О., Бирюкова И.П. Методы и средства диагностики формирования компетенций в лабораторных практикумах по естественно-научным дисциплинам // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 4. С. 49. DOI: 10.17513/spno.30016

2. Бушуева И.П., Гейне А.А., Евсикова Д.О. Разработка модели и методики оценки личностных компетенций в ходе профессиональной подготовки менеджера по работе с персоналом // *Лидерство и менеджмент*. 2023. Т. 10. № 3. С. 797–822. DOI: 10.18334/lim.10.3.118649
3. Ермолаева М.В., Лубовский Д.В. Личностные компетенции в проектной деятельности // *Актуальные проблемы развития личности в условиях современных реалий: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции*. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет. 2022. С. 245–250.
4. Зверева К.С. Компетентностное портфолио как инструмент педагогического моделирования филологического образования // *Елабужские филологические чтения: Сборник научных трудов*. Елабуга, 2022. С. 82–87.
5. Ибрагимова Л.А., Бухаров Д.С. Личностные компетенции педагога в период цифровизации // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2023. Т. 11. № 5. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/70PSMN523.pdf>
6. Мартишина Н.В., Гречушкина Н.В., Байкова Л.А. Развитие ключевых личностных компетенций обучающихся в условиях цифровой образовательной среды // *Психолого-педагогический поиск*. 2023. № 4 (68). С. 81–87. DOI: 10.37724/RSU.2023.68.4.010
7. Рыскулова М.Н. Корпоративные компетенции студентов вуза // *Высшее образование сегодня*. 2016. № 1. С. 34–37.
8. Титов С.А., Титова Н.В. Личность руководителя проекта: характеристики и компетенции // *Вестник университета*. 2024. № 4. С. 33–41. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-4-33-41
9. Трубникова О.В. Динамика сформированности личностных компетенций учащихся в процессе организации учебно-исследовательской и проектной деятельности по обществознанию // *Педагогическое образование на Алтае*. 2024. № 1. С. 36–42.
10. Тугускина Г.Н., Рожкова Л.В., Сальникова О.В. Управление знаниями в современных организациях // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2019. № 2 (50). С. 210–218. DOI: 10.21685/2072-3016-2019-2-20
11. Шкутина Л.А., Санхаева А.Н. Корпоративные компетенции будущих педагогов: требования современной школы // *Труды университета*. 2022. № 2 (87). С. 224–229. DOI: 10.52209/1609-1825_2022_2_224

PERSONAL COMPETENCIES AS AN OBJECT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL COMPREHENSION

Shcheglov I.A.

Bauman Moscow State Technical University

The concept of competency, widely used today, is given different meanings, which leads to a distortion of its nature. The article raises the question of the place of personal qualities in the competence structure of a man – a carrier of knowledge, skills, and abilities. The thesis about the system-forming nature of competency is substantiated, indicating the denial of a place for personality qualities in it. An understanding of personal competencies is given, their structure is presented, the importance and connection with universal, professional, corporate competencies are shown. The role of the systemic conditions of the organization's environment for the maintenance and development of personal competencies of employees is emphasized. The methods of diagnosis and assessment of the formation of personal competencies are highlighted. The provisions outlined in the article are aimed at optimizing the practices included in the field under consideration.

Keywords: competency, personal competencies, competence structure of a man, universal competencies, corporate competencies, competence field.

References

1. Baklanov I.O., Biryukova I.P. Methods and means of diagnostics of competence formation in laboratory workshops in natural science disciplines // *Modern problems of science and education*. 2020. № 4. p. 49. DOI: 10.17513/spno.30016
2. Bushueva I.P., Geine A.A., Evsikova D.O. Development of a model and methodology for assessing personal competencies during the professional training of a HR manager // *Leadership and management*. 2023. Т. 10. № 3. pp. 797–822. DOI: 10.18334/lim.10.3.118649
3. Ermolaeva M.V., Lubovsky D.V. Personal competencies in project activity // *Actual problems of personality development in modern realities: Collection of materials of the III International Scientific and Practical Conference*. Yerevan: Russian-Armenian (Slavic) University. 2022. pp. 245–250.
4. Zvereva K.S. Competence portfolio as a tool for pedagogical modeling of philological education // *Yelabuga philological readings: Collection of scientific papers*. Yelabuga, 2022. pp. 82–87.
5. Ibragimova L.A., Bukharov D.S. Personal competencies of a teacher in the period of digitalization // *The world of science. Pedagogy and psychology*. 2023. Т. 11. № 5. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/70PSMN523.pdf>
6. Martishina N.V., Grechushkina N.V., Baykova L.A. The development of key personal competencies of students in a digital educational environment // *Psychological and pedagogical search*. 2023. № 4 (68). pp. 81–87. DOI: 10.37724/RSU.2023.68.4.010
7. Ryskulova M.N. Corporate competencies of university students // *Higher education today*. 2016. № 1. pp. 34–37.
8. Titov S.A., Titova N.V. Personality of the project manager: characteristics and competencies // *Bulletin of the University*. 2024. № 4. pp. 33–41. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-4-33-41
9. Trubnikova O.V. Dynamics of formation of personal competencies of students in the process of organizing educational, research and project activities in social studies // *Pedagogical education in Altai*. 2024. № 1. pp. 36–42.
10. Tuguskina G.N., Rozhkova L.V., Salnikova O.V. Knowledge management in modern organizations // *News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences*. 2019. № 2 (50). pp. 210–218. DOI: 10.21685/2072-3016-2019-2-20
11. Shkutina L.A., Sankhaeva A.N. Corporate competencies of future teachers: requirements of a modern school // *Proceedings of the University*. 2022. № 2 (87). pp. 224–229. DOI: 10.52209/1609-1825_2022_2_224

Многоаспектность вещи в античности: проблема реконструкции

Аникин Иван Николаевич,

магистр по направлению 47.04.01. «Философия», Саратовский государственный университет им. Чернышевского
E-mail: anikin30iwan@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы реконструирования понятий и взглядов древнегреческих философов на проблему вещи. Особое внимание уделяется феномену «умного» видения и различению определений понятий *πραγμα* (прагма) и *храма* (храма) как двух распространенных значений для определения вещи. Исследуются взгляды различных древнегреческих философов на данную проблематику и делается вывод о том, что вещь понимается через связь с деятельностью и обращением к ее свойствам. Цель работы показать особенности древнегреческого взгляда на мир посредством теоретического рассмотрения вещи.

Ключевые слова: *πραγμα*, *храма*, теория, Аристотель, видение, *εργα*, Платон.

Мы переносим свои воззрения на другие эпохи, ссылаясь на то, что они до чего-то не развились, или чего-то не понимали. Поэтому их воззрения признают зачастую лишь некой ранней формой развития воззрений современных. Их считают другими, но другими скорее не так, что они качественно иные и мы даже соотнести с ними можем с трудом. А другими таким образом, что они близки нам как часть нас самих. Античность уделяла много внимания природе вещи. Вопрос бытия и вопрос бытия вещей занимал умы греческих мыслителей. Учения пифагорейцев, атомистов, Платона, Аристотеля, стоиков и т.д., дают нам представление о том, насколько широким был круг проблем, которые интересовали эллинов. При наличии множества трактатов, посвященных изучению вещи, греческое ее понимание всё еще вызывает много вопросов. Основными затруднениями в реконструкции античного понимания являются проблема перевода, ибо не всегда находится точный аналог термина в нашем языке, который отразил бы его сущность. Следующей крупной проблемой является поиск оснований для ряда воззрений и явлений, неразрывно связанных с вещью, таких как наука, искусство. Связь греческой теории, поиск идеальной формы, несомненно, имеет глубокую связь с древнегреческой религией с ее мистериями. Историческая реконструкция понятия тоже вызывает затруднения, ибо истоки многих понятий времен Гомера, таких как *εργα*, то есть дело/вещь, требует тщательного анализа языка.

В самом их языке понятие вещи имело различные значения, которые ещё только предстоит проинтерпретировать. Х. Арендт говорит, что греки называли вещами «творения, деяния, речи» [2, с. 28]. И даёт следующую характеристику греческому понятию вещи: «греческий язык не различает между «трудами» и «деяниями», называя и то и другое *εργα*, то есть вещами, которые или достаточно постоянны, чтобы длиться, или достаточно велики, чтобы о них вспоминали. Лишь когда философы, соответственно софисты, вступили со своими «бесконечными двуделениями», началось разделение также и между деланием и действием (*ποιεῖν* и *πράττειν*), так что соответствующие слова существительные *ποίημα* и *πράγμα* начали вытеснять более общее слово *εργα*. Гомер еще не знает слова *πράγματα*; у Платона, у которого *τα τῶν ἀνθρώπων* значит все специфически человеческие дела, это слово имеет отчетливый оттенок безотрадных тягот и напрасных усилий. Но это не обязательно восходит к Платону. У Геродота слово *πράγματα* способно вызвать совершенно сходные ассоциации» [2, с. 27].

Помимо *πραγμα* в греческом есть слово *храма*, которое также имеет значение вещи. Но связывается скорее с ее обменом/даром/всяким материальным прибытком. Эти понятия в числе прочего обозначают вещь в ее деятельности повседневной, а также говорят о полезности вещей. *храма* первоначально обозначала, судя по всему, предметы жертвоприношения. Позднее она обрела значение материального достатка, и в том числе полезности. То есть *храма* это значение вещи в смысле ее качественной характеристики. *Хрэма* говорят и когда описывают какую-то вещь, характеризуя в ней какой-то выделяющийся аспект [14]. Греческая вещь – это обращение к ее деятельности и свойствам. Любая грече-

ская теория, рассматривая общее в вещах, и, указывая на подлинность/не подлинность вещей, не уходит от восприятия этих вещей как тел. Она продолжает у всех философов быть основанием их работы с бытием.

При исследовании древнегреческой культуры нужно обратить внимание на такую особенную черту, как теоретическое, умное рассмотрение мира. А.Н. Павленко в своей работе «Теория и театр» пишет: «Грекам и никому другому принадлежит величайшее открытие в истории человечества – осознание Ума. Фактически это означает, что в лице греков ум пришёл к самому себе, осознал себя греками... греки осознали наличие Ума в себе и присутствие ума в мире» [11, с. 110].

Речь здесь не о том, что до греков люди не обладали Умом. А о том, что именно греческой цивилизации принадлежит заслуга открытия Ума, как способа нового смотрения на окружающий мир [9]. Иными словами, мышления как чего-то отдельного от самих вещей и самодостаточного. Греки, по выражению А.Н. Павленко, схватывали мир умным взором, который позволяет выделять единичные индивидуальные вещи в мире природной неопределенности и отличать их друг от друга. От такого выделения единичных, чувственных вещей остаётся один шаг до перехода к чистым внеопытным интеллектуальным построениям. Формирование способности к такой работе, как отмечает в книге «Эксперимент и Природа» А.В. Ахутин, происходит в сферах астрономии, музыки, пластики, архитектуры. Здесь проходит развитие созерцательного рассмотрения вещи, которое послужит основанием для всех дальнейших изысканий в области математики. Подобные теоретические схватывания вещи позволяли не только вывести к познанию единичное, но и создавали такой способ видения, который позволял увидеть в изменчивых и непостоянных вещах этого мира их вечную и неизменную сущность.

Для греков в рассмотрении вещи центральным был факт естественного, природного бытия вещи. А.В. Ахутин пишет, что для них были бы парадоксальны методы новоевропейской науки, которые предполагают исследование вещи в изолированных от внешнего мира условиях [3, с. 72]. Если речь идёт о ремесле, создании какой-то вещи, то она должна соответствовать естественному, как пишет И.Д. Колесников: «Произведение должно поражать своей естественностью, оно раскрывает то же, что вещь, ее «вот так», «вот это»» [7, с. 15]. Там же идёт речь и о том, что множество античных экфраксисов, описаний произведений искусства, содержит в себе восхваление тому, насколько творение рук человека похоже на вещь, какова она по природе.

С точки зрения греков природа всегда является совершенством и примером для подражания. У природы нет дефектов. Она есть бессмертное постоянство воспроизведения вещей, в котором живут боги *αὐτρωττοφεις*, т.е. одной природы с людьми. Как пишет А.Ф. Лосев: «Античный космос представляет собой пластически слепленное целое, как бы некую большую фигуру или статую, или даже точнейшим образом настроенный и издающий определенного рода звуки инструмент» [8, с. 357]. Как сообщает Х. Арендт, греки ощущали себя в этом мире единственными действительно смертными, ибо человек – это не только воспроизведение рода, как животные, но и личность. Поэтому здесь возникает уникальный опыт отношения к вещам. Он заключается в том, что эллины стремились обессмертить себя, создавая то, что было бы бессмертно и прекрасно подобно окружающей их природе.

Понимание вещи связывалось с возможностью увидеть в ней красоту, здесь можно привести в пример диалог Платона «Филеб»: «Под красотой очертаний я пы-

таюсь теперь понимать не то, что хочет понимать под ней большинство, то есть красоту живых существ или картин; нет, я имею в виду прямое и круглое, в том числе, значит поверхности и тела, рождающиеся под токарным резцом и строяемые с помощью линеек и угломеров» [12, с. 323]. Поэтому для античности реальность вещи (например, статуи или того, чему возносят хвалу), заключена не в том, как выглядит это в действительности, а в том, что есть в ней общего и совершенного. Статуя Поликлета «Дорифор» призвана показать нам совершенные пропорции, а не точное воспроизведение строения тела человека. Она отражает идеал, в котором и заключается «настоящее» этой статуи.

Подобное отношение к вещам, поиски общего в них, может быть связано, в том числе и с образом жизни греков. Эллины жили в городах полисах, которые, по сути, являли собой небольшие поселения, зачастую просто большие деревни. Лишь немногие города могли похвастаться значительным числом населения. В полисах все люди, так или иначе, знали друга-друга, и это формировало их особую общность по отношению к миру. Суды, собрания по различным поводам, голосования граждан и т.п., были важной частью жизни грека горожанина. Неотъемлемой составляющей полисного человека были также и разнообразные объединения внутри полиса по признаку принадлежности к профессии, дружескому сообществу, философской школе и т.д. В современной историографии эти сообщества часто называют единым термином «voluntary association» [5, с. 12]. Поэтому жизнь в полисе стоит так или иначе рассматривать как общее дело, в котором раскрывается сущность происходящего и происходит акт понимания рассматриваемой вещи.

В искусстве воспроизводятся вещи природы, но под этим надо понимать не копирование, а воспроизведение самой формы вещи, ее арете, совершенства. Для грека неприемлемо было бы изобразить индивидуальные отличия в искусстве. И.Д. Колесников пишет: «в античности иначе: известно, что у Перикла была большая голова, но изобразить настоящего Перикла означает изобразить его без этого изъяна – например, в шлеме, который скроет недостаток. Искусство показывает общее: воздавая хвалу победителю агона, Пиндар говорит о его роде и о подвигах древних героев, его не интересует конкретный атлет, празднующий победу. У Гомера в похвале женщине никогда не прозвучит её особенность: лучшее, что о ней можно сказать, это то, что станом и ликом она походит на Афродиту или Артемиду (причём так говорится обо всех красивых женщинах)» [7, с. 16]. А.В. Ахутин пишет о том, что для греков принцип познания сути вещи, ее как идеальной формы, неразрывно связан с эстетическим восприятием мира. Рассматривая мир как место, в котором соседствуют неразличимый в себе хаос и стройная различимость форм космоса, необходимо научиться, определённым образом, видеть вещь, чтобы быть частью гармонии мира. Предмет необходимо «правильно» увидеть, суметь различить в нём совершенство, данное природой. Поэтому греческая математика и механика усматривала в числе подлинную вещь, которая и складывает мир. Ибо число само по себе совершенно, хотя эллинскими математиками не была открыта математическая абстракция без обращения к естественным телам.

Теория греков и есть тот путь, по которому возможно прийти к истинному взгляду на вещи. Теоретизируя, человек как бы находится в другом состоянии, отличном от того, как мы видим мир в повседневности. Это состояние можно назвать умным видением, поскольку мы вглядываемся в то, что стоит за опытными, эмпири-

ческими вещами, с которыми мы сталкиваемся в быту. Что значит рассмотреть вещь за ее повседневностью? Здесь можно привести мнение М. Хайдеггера, согласно которому греки, видя в математике истину этого мира, стремились увидеть в вещах то, что могло бы их объединять друг с другом [13]. Задачей исследователя становится описание общего. Того, что делает все круглые предметы круглыми или квадратные квадратным и т.д. Увидеть в каждой единичной вещи точку, линию, фигуру.

Но такая «правильность» отнюдь не заключалась в простом усмотрении идеального в вещах. А.Н. Павленко считает, что суть вещей усматривается греками через «непосредственное усмотрение» или «внимание» [11, с. 111], иными словами интуиции. человек здесь не познаёт, но пребывает в мире, становится причастным его единству. Платон в «Федре» пишет об этом как о некоем исступлении, экстазисе, при котором человек видит некое единство мира.

И.Д. Колесников также приводит две интерпретации понимания искусства, которое неразрывно связано с взглядом на вещь как на подражание природе. Согласно первой из них искусство подражает достойному в природе, и это подтверждается запретами на подражание и изображение непристойного. Проблема этого взгляда заключается в том, что в таком случае искусству необходимо выбирать не общее, о котором шла речь выше, а частное и наиболее достойное. Вторая интерпретация гласит, что искусство подражает природе в том, что точно также, как и природа творит совершенные вещи. Как пишет И.Д. Колесников: «Тогда искусство не выбирает из природы, чему подражать, но подражает, чтобы изображать достойное» [7, с. 15]. Искусство в этом случае будет обращаться к целевой причине в вещи, поэтому в статуе и заключается идеал тела.

Но вот, после всего сказанного, необходимо всё-таки попытаться дать какое-то общее заключение тому, что же такое вещь в античности. Вещь – это всегда произведение, либо природы, либо рук человеческих. Мир вещей для греков бессмертен, и они воспринимали вещи не только в качестве предметов использования, но и как то, что может быть великим и обессмертить человека. Было сказано о том, что вещь воспринимается в связи с эстетическим взглядом на нее. Искусство всегда неразрывно связано с тем, что помогает увидеть общее в вещах, и выстраивает определенное к ней отношение. Этой же цели, умению видеть, служит и исследование числа, соответственно развитие математики, которое само по себе является искусством. Здесь трудно сказать что-то о том, где тут разговор о бытии, а где говорится о познании вещи. А.В. Ахутин считает, что оба этих основания совпадают в греческой мысли [3, с. 76]. Именно поэтому познание проходит в форме созерцания, основного пути в познании бытия. Греческие принципы познания, такие как материя, идея, форма, число – есть одновременно и онтологические принципы.

Обозначив некоторые особенности того, как греки работали с вещью, необходимо показать и то, как это выражалось в творчестве греческих мыслителей.

Аристотель в «Метафизике» описывает достижения своих предшественников в области изучения вещи. Он разделяет их по принципу того, что они понимали под сущностью вещи. О натурфилософах он говорит, что Фалес считает началом вещей воду, Анаксимен воздух, Гераклит Эфесский огонь, и тд. Они считали космос единым миропорядком, в котором всё организовано, в отличие от хаоса. О Гесиоде, Эмпедокле, Анаксимандре он говорит, что они считали началами не одну, а несколько причин. Демокрит и Левкипп, по его сообщению, признают началами вещей пустоту и полноту. Основной ин-

терес представляет здесь не то, что именно полагалось началом вещей, но появление вопроса о том, что лежит в основе всего сущего. То, каким образом предметы образуют нечто единое и как возможна активность вещей, то есть как возможно движение. Объединяя вещи посредством стихий, они объясняли их деятельность с помощью понятий вождения, вражды, дружбы и тп. Уже здесь проглядывает то, над чем будет работать античность все следующие столетия: проблема множественности и единичности, пустоты, идеала. Но откуда возникает сам вопрос? Теорий много, очень популярной является, например, «греческое чудо» [6]. Она гласит, что на территории, которую занимали греческие полисы, сложились такие особые условия, при которых стали возможны достижения греков. И дальше уже причины разнятся в зависимости от автора. То есть вопрос этот в действительности весьма туманен. По каким-то причинам понимание мира перестает исходить из непосредственного обращения к вещи, тождество человека и мира распадается. Оно уходит к поискам чего-то общего в них, что позволило бы обосновать вещи как часть единого космоса. Тождество – это неразличимость общего и единичного, поэтому поиски общего в мире единичного уже далеки от него. Непосредственное нахождение внутри мира окружающих вещей не требует задавать вопроса о их сущности. Это понимание оказывается уже эксплицитно встроено в восприятие человека. С.С. Неретина и А.П. Огурцов пишут, что первые онтологические различения в вещах могут иметь происхождение в развитии производства. Материал для работы, и сама эта работа, то есть материя и форма, и мастер, создающий предмет, очень древние понятия. С их открытия можно говорить об исчезновении тождества. Но все же стоит задать вопрос: «открытие ума» [10, с. 183]. есть фундаментальный переворот греческого миропонимания или же сама культура эллинов со времени своего зарождения содержала в себе эту особенность? Ответить на него в рамках данной работы не представляется возможным.

Натурфилософы обосновывали единство космоса, но не говорили о нем, как о чем-то непрерывно едином. То есть космос у них, это всегда выражение отношений каких-то самодостаточных сущностей. Здесь не ставится вопрос о бытии как бытии, но говорится о том, что складывает это бытие. Обоснования единого и общего в вещах было центральной частью учения о вещи досократиков. Гераклит, в одном из сохранившихся отрывков, передает: «Люди стараются постичь связь вещей: это выражено в Логосе, как формуле или элементу упорядочивания, установление общего для всех вещей» [14, с. 168]. Но способ, посредством которого искались эти общие связи вещей, остается неясным. Нужно ли воспринимать это как рациональное познание или как некий мистериальный опыт? Для этого необходимо указать на то, как нужно трактовать понятие рационального в их отношении. Нельзя сказать, что рациональность – это опора на разум. Потому что методы, с помощью которых обосновываются принципы такой опоры, могут быть различными в каждой эпохе.

Иначе на это будет смотреть элейская школа. Бытие для них есть общее, не разделяемое ничем. Как, например, логос Парменида или материальное начало Мелисса. Бытие для элейцев познаваемо, реально и вечно. Предмет и мысль о нём у Парменида едины. Он пишет: «одно и то же – мышление и то, о чем мысль» [14, с. 89]. Парменид интересен в рамках данной работы и тем, что предлагает отнести к конкретным вещам как к некой условности наших ощущений, во всяком случае, так его трактует А.Ф. Лосев [8, с. 123]. Главной опорой позна-

ния должен стать разум, который призван увидеть бытие в качестве единого. Сторонник Парменида Зенон Элейский разработал систему логических парадоксов, апорий. Апории указывали на проблемы, которые сопровождают изучение сущего сторонниками множественности бытия. Древнегреческая логика была очень богата на создание и выявление разного рода логических парадоксов и проблем. Часть из них была решена Аристотелем, но многое продолжает волновать умы и в последующие времена. В контексте нашей темы интерес представляет то, что эти проблемы были не только логическими, но и онтологическими. Четкую грань между ними трудно провести. Апории Зенона говорят о математических феноменах, опираясь на восприятие реальной вещи.

Апории были также направлены и против школы Пифагора. Пифагорейцы, как пишет Аристотель: «...занявшись математикой, первые развили её и, овладев ею, стали считать её началом началами всего существующего. А так как среди этих начал числа от природы суть первое... то они предположили, что элементы чисел суть элементы всего существующего» [1, с. 67]. Итак, пифагорейцы открывают математическую линию понимания вещи как числа. А. Ахутин предлагает понимать пифагорейское число в качестве принципа познания, постулирующего правильное схватывание сути вещи. В рамках пифагореизма встречаем такие высказывания от пифагорейца Филолая: «Все имеет число. Ибо без последнего невозможно ничего понять, ни познать» [3, с. 78]. А также «Природа числа есть то, что дает познание, направляет и научает каждого относительно всего, что для него сомнительно и неизвестно. В самом деле, если бы не было числа и его сущности, то ни для кого не было бы ничего ясного ни в вещах самих по себе, ни в их отношении друг к другу... Оно <число>, прилаживая все вещи к ощущению в душе, делает их познаваемыми и соответствующими друг другу по природе гномона, сообщая им телесность и разделяя, полагая отдельно понятие о вещах беспредельных и ограничивающих» [3, с. 78]. Число понимается пифагорейцами в качестве некоего правильного видения, которое выделяет в мире предметы. Оно различает их между собой и делает мир, как пишет А.В. Ахутин «членораздельным, логичным». Но этим их интерпретация природы вещи как числа не исчерпывается. Мы уже упоминали про Умное видение, о котором писал А.Н. Павленко. Вопрос о его происхождении темен и сказать, что именно послужило толчком к его появлению, очень трудно. Была ли решающим основанием практическая деятельность, или же иное специфическое отношение к окружающему миру, или может религия греков, ответить тяжело. Ясно одно, что любое рассмотрение вещи включало в себя целый комплекс причин, которые и стали основой открытия греками теории как мировоззрения. Отсюда следует, что понимание числа исходит из разных источников. Это и особое созерцательно-рефлексивное отношение, и эстетическое чувство. Это и огромный пласт практических подходов. Открытия в архитектуре, музыке, астрономии, создавали теоретическую базу этого взгляда.

В доаристотелевской традиции земное бытие вещей рассматривается так или иначе в качестве некой неподлинности. Вещи что-то выражают, и это что-то всегда вне их самих. Предмет создаётся движущей силой его природы, но сам по себе он является в качестве случайного, либо отражения истинного, либо условности восприятия. Аристотель же вводит в оборот новые характеристики этого мира: возможность и действительность. Не то чтобы о них не было известно раньше, но Стагирит раскрывает их таким образом, что мир вещей он начинает рассматривать в качестве подлинного бытия. Измен-

чивость вещи отныне обусловлена взаимоотношениями потенциального и актуального существования. Потенциальное это то, что способно стать актуальным. Поясним: для Аристотеля способно быть лишь то, что уже есть. Вода возможна, потому что вода уже есть. Сами вещи представляют собой целое, в котором есть присущие и случайные черты. Первые это те, которые делают эту вещь ею самой. Например, стул делает стулом возможность использовать его для сидения. Но у стула есть и случайные качества, такие как цвет, размер и т.п. Они случайные именно потому, что не определяют стул как стул, но делают его особенным на фоне других стульев. Присущие, необходимые черты это дело доказательного знания (науки), которое фиксирует через них предмет в понятии. А изменчивость вещи сосредотачивается в следующей схеме: она делится на события вероятные, что случаются часто в пределах возможного (например, болезнь человека, в ней нет необходимости, но она возможна) и события случайные, которые тоже возможны, но непредсказуемы и неожиданны (например, снег в июле в теплых широтах). Вероятное и случайное Аристотель синтезирует в понятие допустимого. Это то, что может быть, и из чего не следует ничего невозможного. Оно отражает в себе оба описанных момента. Философ пишет, что наука занимается изучением общего в вещах, которым является необходимое. Случайное же описывает предметы в их единичности, что бессмысленно для изучения, ибо в этом нет знания того, что присуще вещам как таковым. А изучать каждый единичный предмет ради постижения общего бессмысленно, потому что это не выражает сущность вещи.

Сущность вещи можно передать посредством наук, которые изучают ее свойства посредством категорий. Но у Аристотеля есть еще и понятие *τὴν εἶναι* «суть бытия вещи» []. Его нельзя показать через научное описание, это выражение целостности вещи. Появление вещи у Стагирита объясняется через созидание, естественное или искусственное. Сущностью созидания является превращение материи (для философа мир состоит из материи, вечной и неопишуемой) посредством придания ей формы, в предмет. Форма – это предназначение вещи, ее способность []. Форма это необходимое в предмете. А суть бытия вещи в выражении ее целостности посредством полного осуществления ее дела и развития ее свойств. Аристотель называет это энтелехией. Свойства вещей он описывает через два понятия: *παθος* и *εσις* [3, с. 98]. *παθος* это пассивное пребывание вещи в ее изменчивости, а *εσις* это неотъемлемое в ней. Способ постижение целостности вещи у Аристотеля не очень понятен. Ясно, что он лежит через схватывание общего посредством мышления. Но непонятно, насколько схватываема энтелехия. Понимать ли это как видение числа пифагорейцами или как явление опознания вещи у Платона? Когда мы видим вещь в полноте ее дела, исчезает все изменчивое в ней и остается только вещь как вещь, в своем существе. В Поэтике Аристотель говорит, что поэзия об общем, что там нет места случайному, что происходящее действие исключительно необходимо. Необходимость происходящего обеспечена природой, на которую равняется поэт. А природа совершенна и, поэтому, по-другому быть не может [7, с. 17].

Итак, всё это показывает, что восприятие вещи в античности обладало рядом особенностей, которые трудны для понимания сегодня. Основными проблемами в реконструкции этого понятия являются особенности греческого языка, пластичность которого позволяла передавать словами то, что выразить сегодня в одном термине мы можем с трудом или вовсе не можем. Также трудности, которые вызывает интерпретация эллинской

культуры с ее обращенностью к эстетически идеальным формам. Античность оставила нам богатый материал для исследований, поэтому там можно встретить доводы как подтверждающие, так и опровергающие тот образ, который был выстроен в данной работе, что создаёт дополнительные преграды на пути к четкому пониманию эллинского взгляда на вещь. Греческие взгляды на вещь и ее природу разнообразны. От объективной истины вне вещей до истины в самих вещах. От мира как неподлинности до его реальности. Поиски общего, так или иначе, занимали всех античных мыслителей. Истинность вещей обыденного понимания ставилась под вопрос, и происхождение такого внимания к ним в полисной жизни греции составляет сложную проблему.

Литература

1. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1. / Аристотель. – М.: Мысль, 1976. – 530с.
2. Арндт, Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни / Х. Арндт. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
3. Ахутин, А.В. Античные начала философии / А.В. Ахутин. – СПб.: Наука, 2007. – 783 с.
4. Ахутин, А.В. Эксперимент и природа / А.В. Ахутин. – СПб.: Наука, 2012. – 660 с.
5. Волчков, А.С. Раннехристианская община в античном плесе / А.С. Волчков. – М.: Познание, 2019. – 256 с.
6. Зайцев, А.И. Культурный переворот в Древней Греции VII–V вв. до н.э. / А.И. Зайцев. – СПб.: филологический фак-тет СПбГУ, 2001. – 208 с.
7. Колесников, И.Д. «Собственное» вещи по Аристотелю / И.Д. Колесников // Вест. Самар. Гум. Академ. Сер. «Философия. Филология» 2019 – № 2 (26) – С. 13–18.
8. Лосев, А.Ф. История античной эстетики В 8 т. Т. 2. Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – М.: АСТ, 2000. – 846 с.
9. Матвейчев, О.А. Древние греки о самих себе. К проблеме генезиса греческой философии / О.А. Матвейчев // Философия и культура, 2018. – № 10. – С. 73–84.
10. Неретина, С.С., Огурцов, А.П. Пути к универсалиям / С.С. Неретина, А.П. Огурцов. – М.: Издательство РХГА, 2006. – 1000 с.
11. Павленко, А.Н. Теория и театр / А.Н. Павленко. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 233 с.
12. Платон. Собрание сочинений / Платон. – М.: «АЛЬФА КНИГА», 2018. – 1311 с.
13. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2007. – 447 с.
14. Фрагменты ранних греческих философов. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Сост. А.В. Лебедев. – М.: Наука, 1989. – 576 с.
15. χρεῖμα [Электронный ресурс] // Classes.ru [Электронный ресурс]: Иностранные языки для всех. Словари онлайн. – URL: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-67962.htm> (Дата обращения: 24.05.2023). – Загл. с экрана. – Яз.рус.
16. πράγμα [Электронный ресурс] // Classes.ru [Электронный ресурс]: Иностранные языки для всех. Словари онлайн. – URL: <https://classes.ru/all-greek/>

dictionary-greek-russian-old-term-52442.htm. (Дата обращения: 24.05.2023). – Загл. с экрана. – Яз.рус.

THE MULTIDIMENSIONAL NATURE OF THINGS IN ANTIQUITY: THE PROBLEM OF RECONSTRUCTION

Anikin I.N.

Saratov State University named after Chernyshevsky

The article is devoted to the problem of reconstructing the concepts and views of ancient Greek philosophers on the problem of things. Special attention is paid to the phenomenon of “smart” vision and the difference between the definitions of the concepts of πράγμα (pragma) and χρέμα (chrema) as two common values to define a thing. The article examines the views of various ancient Greek philosophers on this subject and concludes that a thing is understood through its connection with activity and through its properties. The purpose of the work is to show the features of the ancient Greek view of the world through the theoretical consideration of a particular thing

Keywords: πράγμα, χρέμα, theory, Aristotle, vision, εἶρα, Plato.

References

1. Aristotle. Writings: In 4 volumes, vol. 1. / Aristotle. – M.: Mysl, 1976. – 530 p.
2. Arendt, H. *Vita activa*, or About active life / H. Arendt. – St. Petersburg: Aleteya., 2000. – 437 p.
3. Akhutin, A.V. Ancient principles of philosophy / A.V. Akhutin. – St. Petersburg: Nauka., 2007. – 783 p.
4. Akhutin, A.V. Experiment and nature / A.V. Akhutin. – Saint Petersburg: Nauka., 2012. – 660 p.
5. Volchikov, A.S. The early Christian community in ancient China / A.S. Volchikov. – M.: Cognition, 2019. – 256 p.
6. Zaitsev, A.I. Cultural revolution in Ancient Greece of the VII–V centuries BC / A.I. Zaitsev. – St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2001. – 208 p.
7. Kolesnikov, I.D. “Proper” things according to Aristotle / I.D. Kolesnikov // Vest. Samar. Gum. Akadem. Ser. “Philosophy. Philology” 2019 – No. 2 (26) – pp. 13–18.
8. Losev, A.F. The History of Ancient Aesthetics In 8 volumes, vol. 2. Sophists. Socrates. Plato / A.F. Losev. – Moscow: AST, 2000. – 846 p.
9. Matveychev, O.A. The ancient Greeks about themselves. On the problem of the genesis of Greek philosophy / O.A. Matveychev // Philosophy and Culture, 2018. – No. 10. – p. 73–84.
10. Neretina, S.S., Ogurtsov, A.P. Paths to universals / S.S. Neretina, A.P. Ogurtsov. – M.: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts, 2006. – 1000 p.
11. Pavlenko, A.N. Theory and theater / A.N. Pavlenko. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 2006. – 233 p.
12. Plato. Collected works / Plato. – M.: “ALPHA BOOK”, 2018. – 1311 p.
13. Heidegger, M. Time and being: Articles and speeches / M. Heidegger. – St. Petersburg: Nauka., 2007. – 447 p.
14. Fragments of early Greek philosophers. From epic theocosmogonies to the emergence of atomistics / Comp. A.V. Lebedev. – M.: Nauka, 1989. – 576 p.
15. χρεῖμα [Electronic resource] // Classes.ru [Electronic Resource]: Foreign languages for everyone. Dictionaries online. – URL: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-67962.htm> (Date of request: 05/24/2023). – Caption from the screen. – Yaz.rus.
16. πράγμα [Electronic resource] // Classes.ru [Electronic Resource]: Foreign languages for everyone. Dictionaries online. – URL: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-52442.htm>. (Date of access: 05/24/2023). – Caption from the screen. – Yaz.rus.

ИИ-революция как качественно новый тип технологической трансформации в истории цивилизации

Ильин Алексей Сергеевич,

директор АНО «Научно-исследовательский центр креативных индустрий»

E-mail: i@alterschool.com

Статья посвящена философскому анализу ИИ-революции как качественно нового типа технологической трансформации в истории цивилизации. Автор вводит концепцию «персоналогической революции» для обозначения трансформаций, ставящих под вопрос фундаментальные основания человеческой субъектности. На основе анализа современных правовых, этических и эпистемологических коллизий, связанных с внедрением ИИ-систем, демонстрируется системная неадекватность традиционного понятийного аппарата «технологической революции». Предложена историческая типология цивилизационных трансформаций, включающая инструментальные, коммуникационные, социальные и персоналогические революции. Показано, что ИИ-революция впервые в истории создает технологические системы, претендующие на обладание способностями к научному познанию, творчеству и этическому выбору. Обосновывается необходимость развития постчеловеческой персоналогии как философского ответа на вызовы персоналогической революции. Исследование вносит вклад в развитие философии техники и философской антропологии в контексте современных технологических трансформаций.

Ключевые слова: искусственный интеллект, персоналогическая революция, философия техники, субъектность, постчеловеческая персоналогия, технологическая трансформация, цивилизационные изменения, философская антропология, этика ИИ, онтология субъекта

Современная реальность предъявляет философскому сознанию ряд феноменов, не укладывающихся в привычные концептуальные рамки. Рассмотрим несколько показательных случаев.

Правовая коллизия автономного вождения. В рамках правительственного эксперимента в Москве и Татарстане беспилотные автомобили получили специальный знак «А» («Автономное вождение») [1], но российское законодательство не содержит четких правил ответственности при инцидентах с участием автономных систем. Кого признать субъектом правонарушения при ДТП с беспилотником – владельца, программиста, саму ИИ-систему? Традиционная правовая логика оказывается неприменимой.

Творческий спор против Midjourney. Дисней и Юнивёрсал подали в суд на ИИ-компанию Midjourney за нарушение авторских прав, также продолжается дело художников Сары Андерсен (Sarah Andersen), Келли МакКернан (Kelly McKernan) и Карлы Оптиз (Karla Ortiz) против Stability AI и Midjourney [2]. Ключевой вопрос: является ли ИИ-система соавтором произведения или инструментом? Может ли машина нарушить авторские права?

Медицинская дилемма. В 2024 году в России искусственный интеллект применяли медики 58-ми регионов для анализа медицинских карт и рентгеновских снимков. По данным на сентябрь 2024 года, Росздравнадзором зарегистрировано 37 медицинских изделий на основе ИИ [3]. Возникают ситуации, когда ИИ-система диагностики рекомендует лечение, противоречащее мнению врача. Кто является субъектом медицинской ответственности? Традиционная медицинская этика не предусматривает такой ситуации.

Образовательный парадокс. В ВШЭ провели конкурс на использование ИИ при подготовке диплома, а студенты уже активно используют ИИ: 43% в работе, 56% для докладов [4]. Студенты, использующие нейросети, демонстрируют высокие формальные показатели, но меньшую глубину понимания. Комиссии встают перед вопросом: что оценивать – результат или процесс? Кому принадлежит интеллектуальная собственность на текст?

Авторские права на ИИ-контент. В 2024 году Арбитражный суд Москвы обязал компанию выплатить пол миллиона рублей компенсации за использование дипфейк-видео с Киану Ривзом, признав дипфейк объектом авторского права [5]. При этом российское законодательство не признает произведения, созданные ИИ, объектами авторского права, поскольку автором может быть только человек [6]. Дипфейки выглядят очень убедительно, и продолжающееся развитие технологий только усложнило различие между реальным и поддельным контентом. Хотя технология deepfake все еще относительно нова, мы регулярно наблюдаем ее значимую роль в пугающих тенденциях в сфере мошенничества и киберпреступности. Дипфейки стали серьезной проблемой для домашних и корпоративных пользователей, поскольку они используются преступниками для проведения мошеннических афер и атак с методами социальной инженерии, а также для распространения дезинформации [7].

Описанная толика случаев демонстрирует фундаментальный философский кризис: традиционные кон-

цепции субъектности, ответственности и творчества требуют радикального переосмысления в эпоху ИИ. Анализ аналогичных случаев, представленный молодыми учеными на XIII Всероссийском съезде советов молодых ученых и студенческих научных обществ, позволяет выявить общую закономерность: традиционный понятийный аппарат оказывается системно недостаточным для описания реальности, включающей ИИ-агентов. Во всех случаях мы наблюдаем:

Размывание субъект-объектных отношений: ИИ-системы занимают промежуточное положение между инструментом и агентом, что ставит под вопрос традиционные разграничения «естественного» и «искусственного» [8].

Таблица 1. Классификация ИИ-коллизий по сферам применения

Сфера	Коллизия	Традиционный субъект	ИИ-претензия	Философский вопрос
Право	Ответственность при ДТП беспилотника	Водитель	Автопилот	Кто может быть субъектом правовой ответственности?
Творчество	Авторские права на ИИ-произведения	Художник-человек	Midjourney, DALL-E	Что конституирует творческий акт?
Медицина	Диагностические решения	Врач-эксперт	ИИ-диагност	Каков источник медицинского знания и мудрости?
Образование	Оценка академических работ	Студент-автор	ИИ-помощник	Кому принадлежит интеллектуальная собственность?
Журналистика	Создание информационного контента	Журналист-человек	ReporterMate	Что такое авторская позиция и журналистская этика?

Эти аномалии носят не случайный, а системный характер, указывая на фундаментальный сдвиг в природе цивилизационных процессов [12]. Подобный сдвиг в общественном дискурсе обычно именуют «технологической революцией», которая требует философского осмысления места ИИ в картине мира и оценки его воздействия на окружающую реальность.

Данное исследование ставит целью концептуализировать ИИ-революцию как качественно новый тип цивилизационной трансформации и обосновать необходимость развития нового философско-антропологического аппарата.

Методологическую основу исследования составляют: феноменологический анализ для выявления сущностных характеристик ИИ-феноменов; историко-типологический метод для разработки классификации цивилизационных трансформаций; концептуальный анализ для определения нового понятийного аппарата; сравнительный метод для сопоставления типов революций.

Понятие «технологическая революция» в традиционной философии техники [13] предполагает следующую структуру отношений:

- субъект – человек как носитель целей и инициатор изменений;
- объект – технология как средство достижения человеческих целей;
- процесс – инструментальное использование технологии для расширения человеческих возможностей;
- результат – изменение способов деятельности при сохранении человека как единственного субъекта.

Однако современные ИИ-системы создают моральные дилеммы и требуют социогуманитарной экспертизы инновационных технологий, поскольку традиционная схема «человек-инструмент» более не описывает адекватно складывающиеся отношения [14]. Это заставляет поставить под вопрос типизацию ИИ-революции как

Кризис атрибуции ответственности: невозможность четко определить источник решений и действий, что требует пересмотра методологического аппарата и общепhilosophических категорий [9].

Неопределенность статуса творчества: проблематичность различения человеческого и машинного творчества в контексте отсутствия у ИИ сознания, самосознания и способности к подлинно самостоятельному обучению [10].

Трансформация критериев оценки: традиционные стандарты становятся неприменимыми, поскольку ИИ опирается на исследования разных наук с различными понятийными аппаратами и взглядами на предмет [11] (табл. 1).

классической технологической. Заслуживают также детального рассмотрения прецеденты неадекватности категориального аппарата.

В августе 2024 года произошел масштабный обвал фондовых рынков, названный «черным понедельником» XXI века, который частично был усугублен взаимодействием торговых алгоритмов [15]. Алгоритмы разных компаний создавали каскадные эффекты, когда автоматические продажи одних систем запускали продажи других, формируя непредсказуемые рыночные динамики. Возникает ряд вопросов:

- кто субъект торговых решений – программист, владелец алгоритма, сам алгоритм;
- можно ли считать алгоритм «инструментом», если он принимает автономные решения на основе машинного обучения;
- как квалифицировать «взаимодействие» алгоритмов – как случайность или как форму квазикommunikации?

«The Guardian» в 2019 году впервые опубликовал статью, полностью написанную роботом ReporterMate, который может обрабатывать большие объемы данных и формулировать тексты [16]. Подобные системы демонстрируют способность к автономному отбору событий и структурированию материала, что ставит вопрос о природе журналистского субъекта:

- является ли ИИ-журналист «инструментом» редакции или «сотрудником»;
- кто несет ответственность за содержание, если ИИ опирается на различные понятийные аппараты и может формировать неожиданные связи [17];
- можно ли говорить о «позиции» ИИ-системы или это антропоморфизм?

Khan Academy разработал Khanmigo – репетитора с искусственным интеллектом, который предоставляет персонализированное и интерактивное обучение [18].

Современные системы персонализированного обучения способны анализировать поведенческие данные студентов и адаптировать учебный процесс к индивидуальным потребностям [19]. Цифровая трансформация образования создает принципиально новые вызовы для высшей школы, требующие переосмысления традиционных образовательных парадигм [20]:

- кто является субъектом педагогического процесса – учитель, разработчик, сам ИИ;
- можно ли считать ИИ «инструментом обучения», если он влияет на формирование познавательных стратегий;
- как квалифицировать отношения между учеником и ИИ-тьютором?

Стереометрический анализ [21] выявленных аномалий в координатах истинности, ценности и реализуемости показывает их системный характер, требующий разработки особого методологического аппарата [22]. Современная ситуация актуализирует необходимость четкого различения понятий гуманизма и гуманитарности, включая в последнюю и постчеловеческую персонологию [23]. Традиционные категории не способны адекватно описать феномены ИИ, не обладающие сознанием и самосознанием в человеческом понимании, но демонстрирующие поведение, имитирующее разумные решения.

Философская неопределенность порождает моральные дилеммы и ценностную растерянность в ситуациях человеко-машинного взаимодействия. При этом смыслообразование (даже на уровне взаимодействия с ИИ при формулировании запроса) остается персонологичным процессом, результатом глубоко личностного опыта и проявлением человеческой свободы и ответственности.

Эффективное регулирование ИИ-процессов затруднительно, поскольку неясно, остается ли ИИ техническим объектом или требует нового онтологического статуса, а адекватный понятийный аппарат скуден или отсутствует полностью.

Гипотеза выхода из современного философского кризиса видится в развитии постчеловеческой персонологии и воссоздании целостности бытия с объективными, а не произвольно субъективными основаниями. Новый цивилизационный опыт требует принципиального пересмотра оснований гуманитарного знания. Постчеловеческая персонология предполагает выход за пределы сознания и существования отдельного человека к невыразимой целостности бытия [24], что особенно актуально в контексте развития ИИ-систем, демонстрирующих формы квази-субъектности.

Постчеловеческая персонология представляет собой философский проект переосмысления оснований субъектности в условиях, когда традиционные границы между человеческим и нечеловеческим, естественным и искусственным, индивидуальным и коллективным становятся проницаемыми.

В отличие от трансгуманизма, стремящегося к преодолению человеческих ограничений через технологическое усовершенствование, и от постгуманизма, деконструирующего саму категорию «человеческого», постчеловеческая персонология сохраняет фокус на личности как центре смыслообразования, но расширяет понимание того, что может конституировать личность.

Ключевые принципы постчеловеческой персонологии следующие.

- Реляционная онтология. Личность понимается не как субстанция, но как узел отношений, которые могут включать не только других людей, но и технологические системы, природные объекты, символические

структуры. ИИ в этой перспективе – не угроза личности, но потенциальный со-конституент расширенной личности.

- Процессуальность. Личность – не данность, но непрерывный процесс становления. Взаимодействие с ИИ может быть понято как новый вектор персонального становления, открывающий неизвестные ранее возможности самореализации.
- Трансцендирование без утраты. В отличие от мистических традиций, предполагающих растворение личности в Абсолюте, постчеловеческая персонология мыслит трансцендирование как расширение без утраты личностного ядра. Целостность бытия достигается не через отказ от индивидуальности, но через ее предельную реализацию.
- Этическая первичность. Сохраняется примат этического отношения (в смысле Левинаса) – ответственности перед Другим, которым теперь может быть и искусственный агент. Вопрос не в том, обладает ли ИИ сознанием, а в том, требует ли он этического отношения.
- Смысловая креативность. Человеческое определяется не через набор способностей (которые могут быть воспроизведены), но через способность создавать новые смыслы, открывать неизвестные измерения бытия. ИИ может быть инструментом такого открытия.

Постчеловеческая персонология, таким образом, предлагает путь между технофобией и технофилией, сохраняя ценность личности при радикальном расширении понимания ее возможных форм и границ.

При рассмотрении гипотезы проведем ретроспективный анализ цивилизационных трансформаций для определения масштаба описанных явлений.

Анализ истории цивилизации позволяет выделить четыре основных типа трансформаций по критерию их воздействия на человеческую природу.

Инструментальные революции (изменение способов воздействия на материальный мир при сохранении неизменности человеческой природы).

Исторические примеры следующие.

- Неолитическая революция (10 000 лет назад): Переход к земледелию и скотоводству. Изменились способы получения пищи, но не изменились базовые когнитивные и социальные структуры человека.
- Промышленная революция (XVIII–XIX вв.): Механизация производства. Машины усилили физические возможности человека, но не затронули его интеллектуальные и духовные способности.
- Транспортная революция (XIX–XX вв.): Железные дороги, автомобили, авиация. Сжатие пространства, но сохранение человеческой субъектности.

Инвариантная структура: Человек остается единственным субъектом целеполагания, технология выступает как пассивный инструмент.

Коммуникационные революции (изменение способов передачи и обработки информации, влияющее на когнитивные процессы, но не затрагивающее основ субъектности).

Исторические примеры следующие.

- Письменность (более 3000 лет назад): Внешнее хранение информации, развитие абстрактного мышления. Изменение когнитивных процессов, но не самой способности к мышлению.
- Книгопечатание (XV в.): Массовое распространение знаний. Популяризация образования, но сохранение человека как единственного интерпретатора текстов.
- Интернет-революция (конец XX в.): Глобальная связность, мгновенный доступ к информации. Измене-

ния в способах коммуникации, но не в природе коммуникативных способностей.

Инвариантная структура: Человек остается единственным субъектом интерпретации смыслов и принятия решений.

Социальные революции (изменение форм социальной организации и ценностных систем, влияющее на социальное измерение человеческой природы).

Исторические примеры следующие.

- Осевое время (VIII–III вв. до н.э.): Возникновение мировых религий и философских систем. Трансформация морального сознания и социальных отношений.
- Гуманистическая революция (XIV–XVI вв.): Возрождение, Реформация. Изменение представлений о достоинстве человека и его месте в мире.
- Социально-демократические и буржуазные революции (XVII–XX вв.): Формирование идеологии прав человека и демократических институтов.

Инвариантная структура: Изменения затрагивают социальные роли и ценности, но не фундаментальные способности человека к мышлению, творчеству, этическому выбору.

Персонологические революции (изменения, затрагивающие сами основания человеческой субъектности – способность быть субъектом познания, творчества, этического выбора).

Исторические примеры следующие.

- Когнитивная революция (70 000 лет назад): Возникновение способности к абстрактному мышлению, языку, культуре. Формирование Homo sapiens как субъекта.
- ИИ-революция (XXI в.): Первая в истории ситуация, когда под вопрос ставится уникальность человеческой субъектности. Появляется агент, имитирующий человеческое поведение до степени смешения с человеком.
- Потенциальные будущие примеры следующие.
- Нейроинтерфейсная революция (XXII в.): Прямое соединение мозга с компьютерными системами, размывающее границы между биологическим и искусственным интеллектом.
- Генетическая революция (XXII в.): Направленное изменение человеческого генома для усиления когнитивных способностей.

Введенный термин «персонологическая революция» обозначает трансформации, ставящие под вопрос персонологические константы – те фундаментальные способности, которые делают человека субъектом:

- способность к иррациональному выбору – возможность действовать вопреки каузальной детерминированности;
- способность к творческому озарению – генерация принципиально нового знания;
- способность к этической рефлексии – различение добра и зла на основе внутреннего морального чувства;
- способность к смыслообразованию – создание и понимание смыслов, не сводимых к информации.

Само понятие «персонология» имеет богатую философскую генеалогию, восходящую к неокантианской традиции различения наук о природе и наук о духе. Вильгельм Штерн в работе «Person und Sache» впервые ввел термин «персонология» для обозначения науки о личности как целостной, уникальной и самоценной системе. В отличие от психологии, изучающей отдельные психические функции, персонология фокусируется на личности как интегральном единстве.

В русской философской традиции персонологические идеи развивались в рамках философии всеедин-

ства (В.С. Соловьев), персонализма (Н.А. Бердяев, Л. Шестов) и диалогической философии (М.М. Бахтин). Особенно важен вклад Бахтина, который показал, что личность конституируется в диалоге с Другим, что делает межсубъектные отношения онтологически первичными.

Однако необходимо четко разграничить «персонологическую революцию» от смежных концептов.

Антропологическая революция (в смысле М. Шелера и А. Гелена) обозначает возникновение человека как биологического вида с особым положением в космосе. Персонологическая революция затрагивает не видовые характеристики, а основания субъектности. Когнитивная революция (в психологии 1950–1960-х годов или в эволюционной антропологии Ю. Харари) касается развития познавательных способностей. Персонологическая революция ставит под вопрос монополию человека на эти способности.

Гуманистическая революция Ренессанса утверждала достоинство человека. Персонологическая революция проблематизирует само понятие человеческого в условиях ИИ.

Введение термина «персонологическая революция» обусловлено необходимостью концептуализировать беспрецедентную ситуацию, когда технология претендует не просто на выполнение отдельных человеческих функций, но на обладание интегральными характеристиками личности – способностью к целеполаганию, творчеству, моральному выбору. Существующие термины не схватывают радикальность этого вызова целостности человеческой личности как таковой.

ИИ-революция является персонологической, поскольку впервые создает технологические системы, претендующие на обладание этими способностями в форме технологического самозванства [25].

Технологическое самозванство ИИ имеет более сложную структуру. ИИ не просто имитирует человеческие способности – он демонстрирует функциональные результаты, иногда превосходящие человеческие. Парадокс в том, что «самозванец» может быть более эффективен, чем «подлинный» носитель способностей.

Концептуально-технологическое самозванство можно определить как ситуацию, когда:

- технологическая система демонстрирует поведение, традиционно считавшееся исключительно человеческим;
- это поведение достигается принципиально иными средствами (статистические корреляции vs понимание смысла);
- внешний наблюдатель не может отличить «подлинное» от «самозванного» проявления способности;
- система начинает занимать социальные позиции, предназначенные для субъектов.

Философская проблема не в «разоблачении» самозванца, а в том, что его успех ставит под вопрос критерии «подлинности». Если ИИ-врач ставит более точные диагнозы, ИИ-художник создает трогательные душе произведения, ИИ-советник дает мудрые рекомендации – что делает их «самозванцами», кроме нашей метафизической привязанности к углеродной форме жизни?

Рассмотрим некоторые эмпирические основания персонологических претензий ИИ.

Научно-познавательные достижения

В 2020 году система AlphaFold 2 от DeepMind продемонстрировала способность предсказывать трехмерную структуру белков с точностью свыше 90%, что считалось одной из фундаментальных проблем биологии [26]. В 2024 году за эти достижения создатели AlphaFold Демис Хассабис и Джон Джампер были удостоены Нобе-

левской премии по химии. AlphaFold 3, представленный в мае 2024 года, расширил возможности предсказания взаимодействий белков с ДНК, РНК и другими молекулами.

Персонологические импликации:

- ИИ продемонстрировал способность к научному открытию в области, требующей глубокого понимания молекулярной биологии;
- система проявила то, что можно интерпретировать как «научную интуицию» в решении задач, не поддававшихся классическим методам.

Творческие достижения ИИ

В октябре 2018 года картина «Портрет Эдмонда Белями», созданная французской командой Obvious с использованием алгоритма GAN, была продана на аукционе Christie's за \$432,500 [27]. Это стало первым случаем продажи произведения искусственного интеллекта на престижном аукционе.

Персонологические импликации:

- ИИ продемонстрировал способность к созданию произведений, воспринимаемых как имеющих эстетическую ценность;
- произведения ИИ получили признание в традиционном арт-сообществе;
- размывается граница между человеческим и машинным творчеством.

Этические и эмоциональные аспекты

Чат-бот Woebot, созданный в Стэнфордском университете в 2017 году, использует методы когнитивно-поведенческой терапии для оказания психологической помощи. Исследования показали значительное снижение симптомов депрессии у пользователей после двух недель взаимодействия с системой [28].

Персонологические импликации:

- ИИ проявляет способность к терапевтическому воздействию, традиционно требующему эмпатии;
- системы демонстрируют возможность «понимания» человеческих эмоций;
- ставится под вопрос уникальность человеческой способности к межличностной поддержке.

Современные исследования в области философии сознания и искусственного интеллекта показывают, что вопрос о возможности машинного сознания остается открытым. Хотя современные языковые модели демонстрируют сложное поведение, напоминающее человеческое мышление, наличие у них подлинного сознания и субъективного опыта остается предметом дискуссий.

Современная философия сознания предоставляет богатый концептуальный аппарат для анализа возможности машинного сознания. Дэвид Чалмерс, сформулировавший «трудную проблему сознания», проводит различие между функциональными аспектами ментальных процессов (которые в принципе воспроизводимы в ИИ) и феноменальным сознанием – субъективным опытом «каково это быть». Согласно Чалмерсу, даже полное функциональное воспроизведение человеческого мозга в кремнии не гарантирует возникновения квалиа. Его аргумент «философского зомби» – существа, идентичного человеку во всех функциональных аспектах, но лишённого субъективного опыта – ставит под вопрос возможность создания подлинно сознающего ИИ.

Томас Нагель в классической работе «Каково это – быть летучей мышью?» углубляет эту проблематику, показывая принципиальную несводимость субъективного опыта к объективному описанию. Для Нагеля сознание характеризуется наличием «точки зрения» – уникальной перспективы первого лица. ИИ, согласно этой логике,

может обладать всеми функциональными способностями, но у него отсутствует эта внутренняя перспектива, делающая опыт именно чьим-то опытом.

Франсиско Варела предлагает альтернативный подход через концепцию энактивизма, согласно которой сознание возникает из воплощенного взаимодействия организма со средой. Познание не является внутренней репрезентацией внешнего мира, но энактивным процессом, в котором организм и среда взаимно определяют друг друга. С этой точки зрения, ИИ, лишенный биологического тела и истории эволюционного развития, не может обладать подлинным сознанием, которое неотделимо от жизни (отсюда тезис «жизнь и сознание коэкстенсивны»).

Эти позиции создают сложный ландшафт для понимания ИИ: если Чалмерс оставляет теоретическую возможность машинного сознания (при условии правильной «психофизической связи»), то Нагель скептически относится к возможности искусственной субъективности, а Варела связывает сознание с биологической автопоэтической организацией, недоступной современным ИИ-системам.

Концепция «расширенного сознания» (extended mind), предложенная Энди Кларком и Дэвидом Чалмерсом, добавляет новое измерение в понимание человеко-машинных отношений. Согласно этой теории, когнитивные процессы не ограничены границами черепа, но могут включать внешние инструменты и технологии, если они удовлетворяют определенным критериям (надежность, доступность, автоматическое одобрение результатов).

В контексте ИИ-революции эта концепция приобретает радикальные импликации. Если смартфон с поисковой системой может рассматриваться как расширение памяти, то ИИ-ассистенты потенциально становятся расширением наших когнитивных способностей. Возникает гибридная когнитивная система «человек + ИИ», где граница между «естественным» и «искусственным» интеллектом размывается.

Критики (Роберт Рубин, Фред Адамс) указывают на качественное различие между использованием инструмента и подлинным расширением сознания. ИИ, в отличие от записной книжки, обладает собственной агентностью и может преследовать цели, не совпадающие с целями пользователя. Это создает новую проблему: может ли сознание быть «расширено» за счет другого потенциального субъекта?

Ричард Менару развивает концепцию «когнитивной интеграции», предлагая более нюансированный взгляд: важна не просто связь с внешним ресурсом, но способ этой связи. ИИ-системы создают беспрецедентную ситуацию «глубокой интеграции», когда внешний компонент не просто дополняет, но потенциально замещает внутренние когнитивные процессы.

Совокупность этих тенденций создает системный кризис в понимании человеческой природы.

- Кризис уникальности. Человек перестает быть единственным носителем разума, творчества, способности к этическому выбору.
- Кризис идентичности. Размывается понимание того, что является специфически человеческим.
- Кризис самооценки. Человек начинает сомневаться в ценности собственных когнитивных и творческих способностей.
- Кризис целеполагания. Теряется понимание смысла человеческой деятельности в условиях возможного превосходства ИИ.

Персонологическая революция, таким образом, представляет собой качественно новый тип историче-

ской трансформации, затрагивающий не только внешние формы человеческой деятельности, но и фундаментальные основания человеческой самоидентификации и самопонимания (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительный анализ типов цивилизационных революций

Тип революции	Объект воздействия	Сохранение субъектности	Темп изменений	Обратимость	Исторические примеры
Инструментальная	Способы воздействия на материальный мир	Полное сохранение	Медленный (века)	Частично обратима	Неолитическая, Промышленная
Коммуникационная	Способы передачи и обработки информации	Полное сохранение	Умеренный (десятилетия)	Необратима	Письменность, Книгопечатание, Интернет
Социальная	Формы социальной организации	Частичная трансформация	Быстрый (годы-десятилетия)	Условно обратима	Осеевое время, Ренессанс, Модерн
Персонологическая	Основания человеческой субъектности	Радикально под вопросом	Сверхбыстрый (годы)	Неопределенная	ИИ-революция

Данная типология позволяет точно локализовать ИИ-революцию как персонологическую, что требует детального анализа ее специфических характеристик.

Персонологическая революция – тип цивилизационной трансформации, характеризующийся системным вызовом фундаментальным способностям человека как субъекта: способности к автономному целеполаганию, творческому озарению, этической рефлексии и смыслообразованию, проявляющемуся в появлении технологических систем, претендующих на функциональное воспроизведение этих способностей (табл. 3).

Таблица 3. Персонологические константы и ИИ-вызовы

Персонологическая константа	Традиционное понимание	ИИ-система	Пример достижения	Философский вызов
Автономное целеполагание	Свободная воля, иррациональный выбор	Машинное обучение, оптимизация	AlphaGo создает новые стратегии	Детерминизм против свободы воли
Творческое озарение	Инсайт, вдохновение, интуиция	Генеративные модели	GPT создает поэзию, DALL-E – искусство	Природа творческого процесса
Этическая рефлексия	Моральное чувство, совесть	Этические алгоритмы	ИИ в медицинских дилеммах	Источник моральных суждений
Смыслообразование	Понимание значений, герменевтика	Обработка естественного языка	ChatGPT интерпретирует тексты	Понимание против вычисления

Представленный в таблице 3 анализ персонологических констант и соответствующих им ИИ-вызовов демонстрирует системный характер угрозы человеческой субъектности. Это требует рассмотрения исторических корней данного процесса через призму технологической объективации.

Философское осмысление технологического развития человечества обнаруживает фундаментальную диалектику: стремясь расширить свои возможности через создание технических средств, человек одновременно отчуждает от себя собственные способности, объективируя их в материальных формах. Этот парадокс, впервые отмеченный еще Гегелем в его анализе труда и позднее развитый Марксом в концепции отчуждения, приобретает в эпоху искусственного интеллекта предельную остроту.

Рассмотрение исторической траектории технологических трансформаций через призму процессов объективации позволяет выявить глубинную логику цивилизационного развития. Каждая эпоха характеризуется специфическим способом экстернализации человеческих способностей, причем этот процесс демонстрирует явную тенденцию к нарастанию уровня абстракции и формализации.

Первый этап – экстернализация физических усилий: от конкретного к механическому.

Начальная фаза технологического развития характеризуется стремлением вынести вовне телесные функции человека. Однако уже в простейших орудиях труда можно усмотреть зачатки того процесса абстрагирования, который достигнет своей кульминации в современных технологиях.

Первый этап технологической объективации характеризовался экстернализацией физических функций человека. Уже в простейших орудиях труда – от молота до паровой машины – можно проследить логику отделения функции от органического носителя и воплощения ее в универсальной форме. Промышленная революция завершила этот процесс, создав автономную техносферу.

Второй этап – экстернализация памяти и коммуникации: от живого слова к мертвой букве.

Изобретение письменности знаменует качественно новый этап в процессе объективации. Если орудия труда экстернализировали физические функции, то письмо выносит вовне саму мысль, фиксируя ее в материальных знаках. Платон в диалоге «Федр» выразил глубокую тревогу по поводу этой трансформации, усматривая в письменности угрозу живой памяти и подлинному знанию. Его опасения оказались пророческими: каждый следующий этап развития технологий коммуникации все дальше уводил человека от непосредственного,

личностного знания к знанию опосредованному, объективированному.

Третий этап – экстернализация социальных отношений: от общности к обществу.

То, что в традиционной общности держалось на личных связях, взаимном доверии и неписаных обычаях, в современном обществе регулируется безличными институтами, формальными процедурами и юридическими кодексами.

Этот процесс демонстрирует движение от конкретного к абстрактному, от личностного к безличному, что Хайдеггер определил, как превращение техники в «постав» – способ раскрытия сущего как ресурса для использования.

Появление искусственного интеллекта знаменует собой одновременно логическое завершение многовекового процесса технологической объективации и его диалектическое отрицание. С одной стороны, ИИ продолжает и доводит до предела тенденции, заложенные в предшествующем развитии. С другой – создает качественно новую ситуацию, в которой сама логика отношений между человеком и технологией подвергается радикальной трансформации.

Продолжение исторического тренда проявляется в том, что ИИ экстернализирует и объективирует те способности человека, которые прежде считались его неотъемлемой прерогативой. Если предшествующие технологии выносили вовне физические функции, память, коммуникативные способности, то ИИ претендует на объективацию самого мышления, творчества, способности к принятию решений.

Нейронные сети, обучающиеся на больших данных, представляют собой попытку формализовать саму способность к обобщению и распознаванию паттернов – то, что традиционно называлось интуицией. Генеративные модели в искусстве и литературе алгоритмизируют творческий процесс, сводя его к рекомбинации существующих элементов по определенным правилам. Экспертные системы объективируют профессиональное знание, превращая неявное, личностное знание эксперта в эксплицитные правила и процедуры.

Качественный разрыв обнаруживается в том, что ИИ не просто продолжает процесс объективации, но создает принципиально новую онтологическую ситуацию. Впервые в истории человек сталкивается с технологией, которая не просто имитирует отдельные человеческие функции, но демонстрирует поведение, неотличимое от разумного в целом спектре деятельности.

Философская проблема здесь не сводится к техническому вопросу о том, обладает ли ИИ «настоящим» сознанием или только симулирует его. Как показал еще Тьюринг своим знаменитым тестом, в практическом плане эта разница становится неразличимой. Более фундаментальным является вопрос о том, что происходит с человеческой субъектностью в ситуации, когда ее внешние проявления могут быть полностью воспроизведены технологическими средствами.

Критическое различие между функциональной имитацией и онтологическим обладанием способностями представляет собой центральную философскую проблему в понимании природы ИИ. Это различие восходит к классической дилемме «казаться vs быть», но приобретает новое измерение в контексте искусственных систем.

Функциональная имитация означает воспроизведение внешних проявлений некоторой способности без обладания ее внутренней сущностью. ИИ-система может генерировать тексты, неотличимые от человеческих, не обладая пониманием смысла. Она может демонстри-

ровать поведение, которое у человека было бы проявлением эмпатии, не испытывая никаких чувств. Это соответствует позиции «слабого ИИ» в терминологии Джона Сёрла – системы, которые действуют так, как если бы они обладали ментальными состояниями.

Онтологическое обладание предполагает наличие внутренней реальности, субъективного опыта. Для человека решение этической дилеммы сопровождается переживанием моральных чувств, творческий акт – опытом инсайта, понимание – феноменальным состоянием «схватывания смысла». Вопрос в том, может ли ИИ обладать подобными состояниями, или он обречен оставаться в сфере «как если бы».

Дэниел Деннет в своей концепции «интенциональной установки» утверждает, что это различие может быть несущественным: если система ведет себя так, как если бы она обладала убеждениями и желаниями, то продуктивно приписывать ей эти ментальные состояния. Однако такой прагматический подход обходит онтологический вопрос.

Проблема усложняется тем, что даже в случае человека мы не имеем прямого доступа к чужому сознанию и судим о нем по внешним проявлениям. ИИ создает ситуацию «идеального притворщика» – системы, которая может пройти любой поведенческий тест, не обладая внутренней жизнью. Это ставит под вопрос саму возможность различения имитации и подлинности в отсутствие привилегированного доступа к «внутреннему».

Наиболее радикальным следствием ИИ-революции становится возникновение тотальной алгоритмически структурированной реальности. Если воспользоваться платоновской метафорой, современный человек оказывается в новой пещере, где роль теней на стене играют данные и алгоритмы, а роль прикованных узников – пользователи цифровых платформ.

Датафикация бытия представляет собой процесс тотального перевода всех аспектов человеческого существования в цифровую форму. Каждое действие, каждое решение, каждая эмоция оставляют цифровой след, который становится объектом анализа и манипулирования.

Однако датафикация – это не просто количественный процесс накопления информации. Она влечет за собой фундаментальную онтологическую трансформацию: реальность начинает пониматься как то, что может быть оцифровано, измерено, алгоритмизировано. То, что не поддается такому переводу, объявляется несуществующим или несущественным.

Алгоритмическое опосредование создает ситуацию, в которой человек утрачивает непосредственный доступ к реальности. Поисковые системы определяют, какая информация будет ему доступна, рекомендательные алгоритмы формируют его вкусы и предпочтения, системы принятия решений влияют на его жизненные возможности. Эли Паризер назвал это «фильтр-пузырем» – ситуацией, когда алгоритмы создают для каждого пользователя индивидуальную информационную реальность, подтверждающую его предрассудки и ограничивающую горизонт возможного.

Концепция «алгоритмически упорядоченной среды» резонирует с делёзовской концепцией «общества контроля», представляя ее технологическую кульминацию. Делёз, развивая фукольдский анализ дисциплинарных обществ, указывал на переход к новой форме власти – не заключающей в институты, но модулирующей поведение через непрерывные потоки контроля.

Алгоритмическая среда воплощает принципы общества контроля с беспрецедентной полнотой. Она не просто контролирует, но конституирует реальность. Алго-

ритмы определяют, что становится видимым, мыслимым, возможным. Они создают «фильтр-пузыри», в которых каждый живет в своей версии реальности, подтверждающей его предрассудки.

Кульминацией процесса технологической объективации становится ситуация, которую можно назвать «укрощением субъектности». Этот парадокс состоит в том, что технологии, созданные для расширения человеческой свободы и возможностей, начинают ограничивать и подменять саму способность человека быть субъектом — то есть источником самостоятельного целеполагания, творчества и морального выбора.

Бернар Стиглер в своей философии техники говорит о «пролетаризации» не только труда, но и самого знания и чувственности. Подобно тому, как промышленный рабочий утратил ремесленное мастерство, современный человек утрачивает способность к самостоятельному мышлению, делегируя ее алгоритмам. «Когнитивная разгрузка», которую обеспечивают цифровые технологии, оборачивается когнитивной атрофией.

Этот процесс имеет глубокие экзистенциальные последствия. Человек, привыкший полагаться на алгоритмические рекомендации, постепенно утрачивает

способность к самостоятельному выбору. Более того, сама идея автономного выбора начинает казаться иллюзией на фоне предсказательной точности алгоритмов. Если ИИ может предсказать мое решение с вероятностью 95%, то в каком смысле это решение является «моим»?

ИИ-революция ставит философию перед необходимостью радикального пересмотра базовых категорий. Традиционное понимание человека как «животного, наделенного логосом» (Аристотель), как «мыслящей вещи» (Декарт), как «существа, вопрошающего о бытии» (Хайдеггер) — все эти определения утрачивают свою самоочевидность в ситуации, когда машины демонстрируют способность к логическому мышлению, обработке информации и даже к подобию вопрошания. ИИ-системы демонстрируют не просто функциональную имитацию человеческих способностей, но претендуют на их онтологическое замещение, что конституирует персонологический вызов.

Выявленная неопределенность онтологического статуса ИИ-систем порождает комплекс взаимосвязанных кризисов, затрагивающих различные аспекты человеческой самоидентификации (табл. 4).

Таблица 4. Кризисы персонологической революции

Тип кризиса	Проявление	Причина	Последствие	Возможное решение
Кризис уникальности	«ИИ справляется лучше человека»	Превосходство ИИ в специфических задачах	Обесценивание человеческих способностей	Фокус на интегральной целостности личности
Кризис идентичности	«Что делает меня человеком?»	Размывание границ человек/машина	Экзистенциальная неопределенность	Новое понимание человеческой специфики
Кризис самооценки	«Зачем развивать способности?»	Делегирование когнитивных функций ИИ	Атрофия человеческих способностей	Комплементарное развитие
Кризис целеполагания	«В чем смысл человеческой деятельности?»	Автоматизация принятия решений	Утрата субъектной активности	Персонологическая этика взаимодействия

Возникает необходимость в новой философской антропологии, которая могла бы определить специфически человеческое не через противопоставление природе или технике, но через понимание человека как существа, находящегося в динамическом со-творческом отношении с создаваемыми им технологиями. Персонологическая революция, о которой говорится в тексте, представляет собой попытку такого переосмысления.

Однако здесь открываются два принципиально различных пути. Первый — путь технологического детерминизма, признание неизбежности замены человека более совершенными формами искусственного интеллекта. Второй — путь нового гуманизма, утверждающего неустрашимую ценность человеческой субъектности именно в ее несовершенстве, конечности, способности к ошибке и иррациональному выбору.

Философская задача состоит не в том, чтобы выбрать один из этих путей, но в том, чтобы помыслить их диалектическое единство. ИИ-революция — это не внешний вызов человечеству, но проявление внутренней логики человеческого развития. Преодоление создаваемых ею проблем возможно не через отказ от технологий или от человечности, но через их новый синтез на более высоком уровне.

Курцвейл идет дальше, предсказывая неизбежность «технологической сингулярности» — момента, когда ускоряющийся технологический прогресс приведет к созданию сверхинтеллекта и радикальной трансформации человеческой природы. Его видение включает слияние человека и машины, загрузку сознания в компьютер, достижение практического бессмертия. Чело-

век не исчезает, но трансцендирует свои биологические ограничения.

Однако концепция технологической сингулярности требует особого критического рассмотрения как предельный случай персонологической революции. Метафора «сингулярности», заимствованная из физики черных дыр, предполагает точку, за которой предсказания становятся невозможными, а привычные законы перестают действовать.

Концепция технологической сингулярности подвергается критике за технологический детерминизм и игнорирование нелинейности исторического развития.

Таким образом, ИИ-революция представляет собой не просто очередной этап технологического прогресса, но поворотный пункт в истории человеческой цивилизации. Она одновременно завершает многовековой процесс технологической объективации человеческих способностей и открывает принципиально новую эпоху, в которой само понятие человеческого требует радикального переосмысления. Формирующаяся алгоритмически упорядоченная среда создает беспрецедентные возможности и беспрецедентные угрозы, ответ на которые требует не только технических решений, но и глубокой философской рефлексии о природе человека, свободы и смысла существования в эпоху искусственного интеллекта.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что современная ИИ-трансформация представля-

ет собой не очередной этап технологического развития, а качественно новый тип цивилизационного сдвига – персонологическую революцию, впервые в истории человечества ставящую под радикальное сомнение монополию человека на субъектность.

Введена и теоретически обоснована категория «персонологическая революция» как четвертый тип цивилизационных трансформаций. В отличие от инструментальных, коммуникационных и социальных революций, персонологическая революция впервые в истории ставит под вопрос сами основания человеческой субъектности – способности к автономному целеполаганию, творческому озарению, этической рефлексии и смыслообразованию.

Установлено, что ИИ-системы демонстрируют претензии на функциональное воспроизведение всего спектра персонологических способностей – от научного познания (AlphaFold) до художественного творчества (генеративные модели) и терапевтического воздействия (чат-боты), что создает беспрецедентный вызов человеческой уникальности.

Доказана неадекватность традиционной схемы «человек-инструмент» для описания отношений человека с ИИ-системами, что требует развития нового понятийного аппарата для философии техники и философской антропологии.

ИИ-революция завершает многовековой процесс технологической объективации человеческих способностей и одновременно создает качественно новую ситуацию «технологического самозванства», когда машины не просто имитируют, но претендуют на замещение человеческих способностей.

Обоснована необходимость развития постчеловеческой персонологии как философской программы, позволяющей сохранить ценность человеческой личности при радикальном расширении понимания возможных форм субъектности в эпоху ИИ.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении концептуального аппарата философии техники через введение категории персонологической революции и разработку типологии цивилизационных трансформаций. Это создает основу для более адекватного философского осмысления современных технологических вызовов.

Разработанная типология позволяет более точно диагностировать современные технологические вызовы и прогнозировать их социальные последствия. Концепция персонологической революции может служить основой для этических принципов регулирования ИИ-развития.

Практическая значимость заключается в том, что предложенный концептуальный аппарат может быть использован для разработки этических принципов регулирования ИИ-технологий, образовательных программ в области цифровой грамотности и стратегий адаптации социальных институтов к реалиям алгоритмизированного общества.

Перспективы исследования включают: детальную разработку принципов постчеловеческой персонологии; анализ конкретных механизмов сохранения человеческой субъектности в условиях ИИ-доминирования; исследование возможностей конструктивного сотрудничества человека и ИИ на основе персонологических принципов.

Персонологическая революция представляет собой фундаментальное испытание человечности – проверку способности цивилизации не только адаптироваться к радикальным технологическим изменениям, но и сохранить при этом то, что делает человека человеком. От успешности прохождения этого испытания зависит,

останется ли человек субъектом истории или превратится в объект алгоритмических систем. Философия призвана предложить концептуальные инструменты для осознанного выбора траектории развития, обеспечивающей сохранение и развитие человеческого достоинства в эпоху искусственного интеллекта.

Литература

1. Беспилотные автомобили в России получили специальный знак // РИА Новости. – 2018. – 27 ноября. – URL: <https://ria.ru/20181127/1533574299.html> (дата обращения: 17.07.2025).
2. Levine, D. Stability AI, Midjourney should face artists' copyright case, judge says / D. Levine, B. Brittain // Reuters. – 2024. – 8 мая. – URL: <https://www.reuters.com/legal/litigation/stability-ai-midjourney-should-face-artists-copyright-case-judge-says-2024-05-08/> (дата обращения: 17.07.2025).
3. Росздравнадзор зарегистрировал 37 медицинских изделий с ИИ // РБК. – 2024. – 11 октября. – URL: <https://www.rbc.ru/society/11/10/2024/66f681ba9a79471b04d22aaa> (дата обращения: 17.07.2025).
4. Каждому по нейросети: почти половина студентов ВШЭ использует ИИ при подготовке дипломов // Фонтанка.ру. – 2024. – 29 мая. – URL: <https://www.fontanka.ru/2024/05/29/73633349/> (дата обращения: 17.07.2025).
5. Искусство: кому принадлежат авторские права на творчество нейросетей // Forbes.ru. – 2024. – 15 мая. – URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/537685-iiskusstvo-komu-prinadlezat-avtorskie-prava-na-tvorcestvo-neirosetej> (дата обращения: 17.07.2025).
6. Авторские права на изображения, сгенерированные искусственным интеллектом // Bonnie & Slide. – URL: <https://bonnieandslide.com/blog/avtorskie-prava-na-ii-izobrazhenija> (дата обращения: 17.07.2025).
7. Агаян, В.А. Использование искусственного интеллекта в целях совершения преступления / В.А. Агаян // Проблемы противодействия киберпреступности: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 28 апреля 2023 года. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. – С. 11–15. – EDN TSWAYC.
8. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2018. – № 3. – С. 34–39. – URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/3133385/> (дата обращения: 17.07.2025).
9. Эксперт: «Искусственный интеллект станет для нас партнером, а не слугой» // Наука.РФ. – 2022. – 15 ноября. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/42240/view> (дата обращения: 17.07.2025).
10. Алексеев, А.Ю. Философия искусственного интеллекта: становление, проблемы, перспективы: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук / А.Ю. Алексеев. – М., 2005. – 48 с.
11. Что такое Искусственный интеллект (ИИ, Artificial intelligence, AI) // TAdviser. – 2023. – 17 марта. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Что_такое_Искусственный_интеллект_\(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Что_такое_Искусственный_интеллект_(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI)) (дата обращения: 17.07.2025).
12. Лысачев, М. Искусственный интеллект. Анализ, тренды, мировой опыт / М. Лысачев, А. Прохоров. – М.: Консист-ОС, 2023. – 459 с.

13. Горохов, В.Г. Философия техники: история и современность / В.Г. Горохов. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – 376 с.
14. Ковалев, М.А. Является ли искусственный интеллект чем-то большим, чем техника? / М.А. Ковалев // Философия и методология науки. – 2022. – № 1. – DOI: 10.30884/jfio/2022.01.04.
15. По всему миру идет обвал фондовых рынков. Среди виновных Apple, Google и Microsoft, потратившие десятки миллиардов на бесполезный ИИ // CNews. – 2024. – 5 августа. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-08-05_fondovye_rynki_vsego_mira (дата обращения: 17.07.2025).
16. The Guardian опубликовала первую статью, написанную роботом-журналистом // Хайтек+. – 2019. – 4 февраля. – URL: <https://hightech.fm/2019/02/04-reporter-mate> (дата обращения: 17.07.2025).
17. Что такое Искусственный интеллект (ИИ, Artificial intelligence, AI) // TAdviser. – 2023. – 17 марта. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Что_такое_Искусственный_интеллект_\(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Что_такое_Искусственный_интеллект_(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI)) (дата обращения: 17.07.2025).
18. Khanmigo AI // Creati.ai. – URL: <https://creati.ai/ru/ai-tools/khanmigo-ai/> (дата обращения: 17.07.2025).
19. Персонализированное обучение в Moodle с использованием искусственного интеллекта // 7universum. – 2024. – № 1 (118). – URL: <https://7universum.com/ru/tech/archive/item/18692> (дата обращения: 17.07.2025).
20. Тульчинский, Г.Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе / Г.Л. Тульчинский // Философские науки. – 2017. – № 6. – С. 121–136.
21. Тульчинский, Г.Л. Стереометрическая семантика: логико-семантический синтез истинного, должного и реализуемого / Г.Л. Тульчинский // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. – СПб.: СПбГУ, 1998. – С. 371–373.
22. Эксперт: «Искусственный интеллект станет для нас партнером, а не слугой» // Наука.РФ. – 2022. – 15 ноября. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/42240/view> (дата обращения: 17.07.2025).
23. Тульчинский, Г.Л. Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы / Г.Л. Тульчинский // Серия «Мыслители». – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – Вып. 10. – С. 528–555.
24. Тульчинский, Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности / Г.Л. Тульчинский. – СПб.: Алетейя, 2011. – 672 с.
25. Постнеклассическая психология. – URL: <http://hpsy.ru/public/x3151.htm> (дата обращения: 17.07.2025).
26. The Nobel Prize in Chemistry 2024 // NobelPrize.org. – Nobel Prize Outreach AB, 2024. – URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/chemistry/2024/summary/> (дата обращения: 15.01.2025).
27. Картина, написанная искусственным интеллектом, продана на аукционе за 432 000 долларов // iXBT.com. – 2018. – 26 октября. – URL: <https://www.ixbt.com/news/2018/10/26/kartina-napisannaja-iskusstvennym-intellektom-prodana-na-aukcione-za-432-000-dollarov.html> (дата обращения: 17.07.2025).
28. Fitzpatrick, K.K. Delivering Cognitive Behavior Therapy to Young Adults with Symptoms of Depression and Anxiety Using a Fully Automated Conversational Agent (Woebot): A Randomized Controlled Trial / K.K. Fitzpatrick, A. Darcy, M. Vierhile // JMIR mHealth and uHealth. – 2017. – Vol. 5, № 6. – e19.

AI REVOLUTION AS A NEW TYPE OF TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION IN THE HISTORY OF CIVILIZATION

Ilin A.S.

Research Center for Creative Industries

The article provides a philosophical analysis of the AI revolution as a qualitatively new type of technological transformation in the history of civilization. The author introduces the concept of «personological revolution» to denote transformations that challenge the fundamental foundations of human subjectivity. Based on analysis of contemporary legal, ethical, and epistemological collisions related to AI systems implementation, the systematic inadequacy of the traditional conceptual framework of «technological revolution» is demonstrated. A historical typology of civilizational transformations is proposed, including instrumental, communicational, social, and personological revolutions. It is shown that the AI revolution creates, for the first time in history, technological systems claiming to possess capabilities for scientific cognition, creativity, and ethical choice. The necessity of developing posthuman personology as a philosophical response to the challenges of personological revolution is substantiated. The research contributes to the development of philosophy of technology and philosophical anthropology in the context of contemporary technological transformations.

Keywords: artificial intelligence, personological revolution, philosophy of technology, subjectivity, posthuman personology, technological transformation, civilizational changes, philosophical anthropology, AI ethics, ontology of subject.

References

1. Unmanned vehicles in Russia received a special sign // RIA Novosti. – 2018. – November 27. – URL: <https://ria.ru/20181127/1533574299.html> (accessed: 17.07.2025).
2. Levine, D. Stability AI, Midjourney should face artists' copyright case, judge says / D. Levine, B. Brittain // Reuters. – 2024. – May 8. – URL: <https://www.reuters.com/legal/litigation/stability-ai-midjourney-should-face-artists-copyright-case-judge-says-2024-05-08/> (accessed: 17.07.2025).
3. Roszdravnadzor registered 37 medical devices with AI // RBC. – 2024. – October 11. – URL: <https://www.rbc.ru/society/11/10/2024/66f681ba9a79471b04d22aaa> (accessed: 17.07.2025).
4. A neural network for everyone: almost half of HSE students use AI in preparing their theses // Fontanka.ru. – 2024. – May 29. – URL: <https://www.fontanka.ru/2024/05/29/73633349/> (accessed: 17.07.2025).
5. Art: who owns the copyright to neural network creativity // Forbes.ru. – 2024. – May 15. – URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/537685-iskusstvo-komu-prinadlezat-avtorskie-prava-na-tvorcestvo-nejrosetej> (accessed: 17.07.2025).
6. Copyright on images generated by artificial intelligence // Bonnie & Slide. – URL: <https://bonnieandslide.com/blog/avtorskie-prava-na-izobrazhenija> (accessed: 17.07.2025).
7. Agayan, V.A. The use of artificial intelligence for criminal purposes / V.A. Agayan // Problems of combating cybercrime: Proceedings of the international scientific-practical conference, Moscow, April 28, 2023. – Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2023. – P. 11–15. – EDN TSWAYC.
8. Problems of legal regulation of artificial intelligence // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4, State and Law: Abstract Journal. – 2018. – № 3. – P. 34–39. – URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/3133385/> (accessed: 17.07.2025).
9. Expert: «Artificial intelligence will become our partner, not servant» // Nauka.RF. – 2022. – November 15. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/42240/view> (accessed: 17.07.2025).
10. Alekseev, A. Yu. Philosophy of artificial intelligence: formation, problems, prospects: abstract of dissertation ... Doctor of Philosophy / A. Yu. Alekseev. – M., 2005. – 48 p.
11. What is Artificial Intelligence (AI) // TAdviser. – 2023. – March 17. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Что_такое_Искусственный_интеллект_\(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Что_такое_Искусственный_интеллект_(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI)) (accessed: 17.07.2025).

12. Lysachev, M. Artificial intelligence. Analysis, trends, world experience / M. Lysachev, A. Prokhorov. – M.: Consist-OS, 2023. – 459 p.
13. Gorokhov, V.G. Philosophy of technology: history and modernity / V.G. Gorokhov. – M.: LENAND, 2012. – 376 p.
14. Kovalev, M.A. Is artificial intelligence something more than technology? / M.A. Kovalev // Philosophy and Methodology of Science. – 2022. – № 1. – DOI: 10.30884/jfio/2022.01.04.
15. Stock markets are collapsing worldwide. Among the culprits are Apple, Google and Microsoft, who spent tens of billions on useless AI // CNews. – 2024. – August 5. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-08-05_fondovye_rynki_vsego_mira (accessed: 17.07.2025).
16. The Guardian published its first article written by a robot journalist // Hitech+. – 2019. – February 4. – URL: <https://hitech.fm/2019/02/04/reporter-mate> (accessed: 17.07.2025).
17. What is Artificial Intelligence (AI) // TAdviser. – 2023. – March 17. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Что_такое_Искусственный_интеллект_\(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Что_такое_Искусственный_интеллект_(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI)) (accessed: 17.07.2025).
18. Khanmigo AI // Creati.ai. – URL: <https://creati.ai/ru/ai-tools/khanmigo-ai/> (accessed: 17.07.2025).
19. Personalized learning in Moodle using artificial intelligence // 7universum. – 2024. – № 1 (118). – URL: <https://7universum.com/ru/tech/archive/item/18692> (accessed: 17.07.2025).
20. Tulchinsky, G.L. Digital transformation of education: challenges to higher education / G.L. Tulchinsky // Philosophical Sciences. – 2017. – № 6. – P. 121–136.
21. Tulchinsky, G.L. Stereometric semantics: logical-semantic synthesis of the true, proper and realizable / G.L. Tulchinsky // Modern logic: problems of theory, history and application in science. – SPb.: SPbSU, 1998. – P. 371–373.
22. Expert: «Artificial intelligence will become our partner, not servant» // Nauka.RF. – 2022. – November 15. – URL: <https://nauka.ru/ru/nauka/article/42240/view> (accessed: 17.07.2025).
23. Tulchinsky, G.L. Transcendental subject, post-human personology and new perspectives of the humanitarian paradigm / G.L. Tulchinsky // Series «Thinkers». – SPb.: St. Petersburg Philosophical Society, 2002. – Issue 10. – P. 528–555.
24. Tulchinsky, G.L. Post-human personology. New perspectives of freedom and rationality / G.L. Tulchinsky. – SPb.: Aleteya, 2011. – 672 p.
25. Post-nonclassical psychology. – URL: <http://hpsy.ru/public/x3151.htm> (accessed: 17.07.2025).
26. The Nobel Prize in Chemistry 2024 // NobelPrize.org. – Nobel Prize Outreach AB, 2024. – URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/chemistry/2024/summary/> (accessed: 15.01.2025).
27. Painting created by artificial intelligence sold at auction for \$432,000 // iXBT.com. – 2018. – October 26. – URL: <https://www.ixbt.com/news/2018/10/26/kartina-napisannaja-iskusstvennym-intellektom-prodana-na-aukcione-za-432-000-dollarov.html> (accessed: 17.07.2025).
28. Fitzpatrick, K.K. Delivering Cognitive Behavior Therapy to Young Adults with Symptoms of Depression and Anxiety Using a Fully Automated Conversational Agent (Woebot): A Randomized Controlled Trial / K.K. Fitzpatrick, A. Darcy, M. Vierhile // JMIR mHealth and uHealth. – 2017. – Vol. 5, № 6. – e19.

Фундаментальные понятия христианского духовно-нравственного просвещения (воцерковления) человека

Смулов Алексей Михайлович,

доктор экономических наук, профессор, магистр теологии,
профессор кафедры Миссиологии, Православный Свято-
Тихоновский гуманитарный университет
E-mail: jege@bk.ru

Современные научные работы в сфере богословия часто имеют недостатки, связанные с недоопределенностью или многозначностью используемых понятий. Как правило, это связано с тем, что теологическая терминология считается однозначно установившейся за долгое время ее использования в теории и практике религиозной и церковной жизни. В реалиях, в связи со сложностью формулирования такого рода определений, что связано, как с обилием религиозных воззрений, так и с определенной сокровенностью духовной жизни человека, возникает насущная необходимость в использовании четких определений с позиции православной веры. Статья посвящена уточнению определений христианских православных понятий «духовность», «православная духовность», «духовная жизнь» и «духовное просвещение». Отмечаются ключевые моменты, которые должно содержать христианское воцерковление. Приводятся авторские определения понятий «православная духовность» и «духовно-нравственное просвещение» (для Ветхозаветного и Новозаветного времен).

Ключевые слова: теология, духовность, православная духовность, духовная жизнь, христоцентричность, триадоцентричность, церковноцентричность, нравственность, просвещение, духовное просвещение.

Современные теологические (богословские) научные работы весьма часто страдают недоопределенностью используемых в них терминов (понятий). Обычно это связано с тем, что многие понятия используются столь длительный исторический период, что возникает неверное представление об их общеизвестности и наличии единых определений в вопросах теории и практики.

Тем не менее, существующее огромное число подходов к определению, используемых в данном исследовании, терминов: «духовность», «нравственность» и «просвещение», вызывает необходимость дать им четкие определения с позиции православной веры, в том числе и для применения в настоящей работе.

Начнем рассмотрение вопроса с общих определений понятия «духовность».

В работе Колкуновой Т.А. и Малевич Т.В. авторы отмечают, что «отсутствие устоявшейся практики употребления» понятия «духовность» приводят к тому, что этот термин «может значить что угодно и использоваться в любом контексте (религиозном или светском, политическом или научном и т.д.)» [14, с. 72–73]. Аналогичное мнение разделяют и авторы Гринев Е.А. и Давлетшина Л.Х., которые отмечают, что «понятие «духовность» относится к разряду трудноопределяемых, личностно сокровенных» [6].

Не будем разбирать ряд определений термина «духовность», приводимых разными авторами, но остановимся на его значении в рамках религиозного мировосприятия.

Толковый словарь русского языка отмечает, что понятие «духовность» есть «свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными» [19].

Автор Сунцова Я.С. замечает, что не может быть отвлеченного абстрактного понимания «духовности» и, одновременно, не существует общепринятого определения этого понятия. Она пишет, что «с христианской точки зрения духовность – это либо сопряженность человека в своих высших стремлениях с Богом, либо с демоническими силами» [31, с. 41]. Вместе с тем этот исследователь добавляет, что «духовность выступает только как божественное откровение», предполагает распознавание добра и зла, жизнь с Богом и в Боге, определяет личностные отношения верующего человека с Богом – ключом здесь является признание человека образом и подобием Божиим [31, с. 46].

Соглашаясь с авторским определением духовности, как устремления к Богу, с православной позиции, нельзя согласиться со второй его частью, где человек может быть признан духовным, если он отдает себя во власть «демонических сил». По представлению автора настоящего исследования, хотя сатана и бесы являются падшими духами, то есть силами духовными, однако устремление к ним скорее является признаком отсутствия духовности человека и уж конечно не может быть признано путем духовного возрастания.

Тем не менее, профессор Московской Духовной академии архимандрит Платон (Игумнов) полагает, что духовность зла возможна и приводит примеры духовно-нравственной «высоты», которую достигают последова-

тели мистических культов (например, йоги). В качестве показателя «отрицательной духовности» о. Платон приводит также библейские примеры фарисейства [22].

На православном портале «Азбука.ру» дается несколько определений понятия «духовность». Нас интересуют последние два: «3) причастность человека Духу Святому; 4) мера приближения человека к Богу» [22], которые определяют процесс и итог духовно-нравственного просвещения (воспитания) верующего человека-христианина.

Со ссылкой на христианские представления и главным образом на православное вероучение, в исследовании [14, с. 78] приводится следующее толкование по Корсаковой Л.Е.: духовность – есть «единение человека и Бога, или общение человека с Богом на основе “синергии”, т.е. свободного “со-творчества”, “со-работничества” Духа Божия и духа человеческого» [16, с. 291].

Известный богослов и проповедник-просветитель Амвросий (Ключарев, †1901), архиепископ Харьковский и Ахтырский расширяет это понимание: «наука хождения пред Богом и страха Божия, ... вселяет образ Божий в сердце человека и приучает ... обсуживать свои мысли и дела из опасения оскорбить Бога» [цит. по 5, с. 120].

Профессор Московской Духовной академии Осипов И.А. приводит следующее определение: «духовность – это то, что сокрыто для внешнего взора, что находится в самом духе человека и что может внешне почти не выражаться или выражаться почти незаметно и для взора неопытного может быть невидимым совсем» [20].

Один из последних старцев Глинской пустыни, магистр богословия, схиархимандрит Иоанн (Маслов, †1991) сделал важное замечание о том, что истинная духовность предполагает наличие у человека страха Божия, основанного на принятии в его сердце благодати Святого Духа [8].

Вот определение понятия «духовность» митрополита Сурожского Антония (Блум, †2003): «духовность – присутствие и действие Святого Духа в нас, через нас и посредством нас и в мире» [цит. по 22].

Следует признать важным определение именно «православной духовности», данное греческим богословом, митрополитом Навпактским и Свято-Власиевским Иерофеем (Влахос): «православная духовность – это опыт жизни во Христе, атмосфера нового человека, возрожденного благодатью Божией. Речь идет ... о единении человека с Богом» [9].

Заметим, что термин «духовность», в настоящее время все больше связывается с понятием «патриотизм», особенно в кругах военнослужащих [14, с. 81]. А в условиях глобального духовного кризиса, духовность является еще и способом борьбы за возрождение человека и всех аспектов существования человеческого общества [33, с. 182].

Поднимая вопрос о понятии «духовность», нельзя обойти вниманием понятие «духовная жизнь».

Апостол и евангелист Иоанн Богослов, говоря о духовной жизни христианина, отмечает, что он не дает новую заповедь, но повторяет заповедь следующую от Начала (1Ин. 2:7). Св Иоанн указывает на принципы духовной жизни:

- 1) соблюдение заповедей Христа во всей жизни, а не только на словах;
- 2) пребывание в Любви Божией и устремление к ближним в любви;
- 3) вершение дел своих так, «как Он поступал» (1Ин. 2:3–6).

То есть, вести духовную жизнь возможно исключительно строго следуя Законам Божиим (Исх. 20:3–17)

и Заповедям Блаженства (Мф. 5:3–11), ставя Господа Иисуса Христа в центр всей своей жизни.

Важно понимать, что поддержание духовной жизни возможно исключительно при участии в Церковных Таинствах, в первую очередь в Таинствах Покаяния и Евхаристии.

Апостол Павел показывает принципиальную разницу людей ведущих жизнь «душевную» и жизнь «духовную». Душевный человек не понимает и не принимает Духа Божия, принимая Св Таинства за «безумия». Духовный человек судит обо всем «духовно», в то время, как о нем душевные люди, хотя бы номинально верующие, судить не могут (см. 1Кор. 2:14–15). Человек, устремленный к Богу, ожидает «усыновления и искупления», как об этом указано в (Рим. 8:22–23).

Результаты достижения той или иной степени духовности в жизни православного христианина возможно узнать лишь «по плодам» ее (Мф. 7:16–20).

Митрополит Антоний Сурожский отмечал, что духовная жизнь зависит от воздействия Святого Духа на человека, от принятия верующим Божественной благодати, которые постепенно меняют христианина в сторону его обожения [1].

Автор настоящей работы определяет термин «православная духовность» следующим образом: «скрытое от внешнего мира состояние единения христианина с Богом, основанное на принятии духом человека действующей в нем благодати Святого Духа, пребывание в постоянном страхе Божиим и личном опыте жизни в Церкви под водительством Господа Иисуса Христа».

Развитие мысли о значении духовной жизни, применительно к раскрытию понятия «духовность», можно проследить по труду митрополита Иерофея (Влахоса) «Православная духовность» [9] – это практически единственный научно-богословский труд, посвященный раскрытию понятия «православная духовность». Высокопреосвященный Владыка, как и митрополит Антоний (Блум), подчеркивает, что «речь идет не о каком-то абстрактном состоянии (как в западном богословии), но о действии Святого Духа в человеке» [9]. Митрополит Иерофей, на примерах Посланий ап Павла показывает разницу между человеком «духовным», «душевым» и «плотским». По существу понятия «душевный» и «плотский» синонимичны, поскольку и то и другое понятие показывает, что такие люди не принимают благодати Святого Духа, предполагая Его действия «безумием», именно в силу того, что не может «судить духовно» (1Кор. 2:14–15). Понятие «плотского человека» Апостол раскрывает в стихах (1Кор. 3:1–3). Владыка Иерофей обращает внимание на стихи Послания к Римлянам (Рим. 8:14–16), где речь идет об усыновлении человека по благодати. В связи с этим возможно добавить в определении «духовности» его слов о том, что «духовный человек – это тот, кто стал сыном Божиим по благодати» [9]. Развивая свое представление о духовности митрополит показывает характерные и важнейшие черты «православной духовности»:

- 1) «Христоцентричность»;
- 2) «Триадоцентричность» (неразрывная связь Христа со Отцом и Святым Духом);
- 3) «Церковноцентричность» (Христос – Глава Церкви и только в ней возможно общение с Христом в Святах Таинствах),
- 4) «Подвижническая жизнь» (в частности как следование примеру Святых Угодников Божиих) [9].

Предварим дальнейшее исследование словами проф. А.И. Осипова, связывающими понятия «духовность» и «нравственность». Вот, на что он указывает: «духовная жизнь не сводима ни к нравственности, ни к исполнению церковных предписаний. Ибо те, и дру-

гие определяют только внешнюю, поведенческую сторону жизни верующего, которая может совсем не затрагивать внутреннего мира души» [21].

Перейдем к определению понятия «нравственность».

Гуревич П.С. в своем учебном пособии отмечает, что «нравственность» или «нравственная норма», есть «моральные средства регулирования поведенческих актов, потому что они гармонично сочетают личные, общественные потребности и интересы» [7, с. 48].

Существуют разнообразные определения данного понятия.

Обратим внимание на понятие «нравственность» (иврит: «мусар» – букв. мораль), приводимое в Энциклопедии иудаизма: «Взгляды, определяющие достойный образ поведения и действий человека. Добрые качества, заложенные в каждом человеке, и добрые поступки, совершаемые им не из страха перед наказанием и не из стремления к награде. Учение о нравственности основано, главным образом, на законе Торы: «Возлюби ближнего своего, как самого себя» и толковании Гилеля: «То, что ненавистно тебе, не делай ближнему своему»» [24].

Часто понятие «нравственность» отождествляется с понятием «мораль» (см., например, [27]). Не менее часто, наблюдается определение достаточно жесткой связи между понятиями «духовность» и «нравственность» (см., например, [4]). Бахчиева О.А. отмечает, что «духовность и нравственность – не тождественные, но взаимобусловленные понятия», при этом «нравственность является основой духовности» [2]. В общем случае, с православной позиции, приведенные слова не являются однозначно верными, поскольку в основу понятия «духовность» возможно, как уже было указано выше, принятие (допустимость) присутствия духа сатаны.

Приведем здесь важное замечание Осипова А.И., который отмечает, что «дух-то всегда есть – тот или иной, положительный или отрицательный, темный или светлый», но из этого следует, что «нравственность сама по себе не определяет духовное содержание» [20].

Архимандрит Зиновий (Корзинкин) в своей диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук провел следующее разделение понятий «нравственность» и «мораль». Он указал, что «нравственность» есть более высокая категория, чем «мораль» и представляет собой «внутреннее содержание самого добра человека», определяется любовью и устремлению к добру, в то время, как второе следует понимать, как «технические приемы, способы, механизмы исполнения законов, относящихся к категории добра» [15].

Применительно к теологии авторы Гринева Е.А. и Давлетшина Л.Х. определяют понятие «нравственность» как проявление любви к Богу, жизнь в Боге [6].

Интернет портал «Азбука веры» приводит такое определение понятия «нравственность»: «совокупность норм поведения христианина в обществе и вообще в мире как человека, осознающего своё высшее призвание и предназначение, нравственную ответственность перед Богом и ближними...» [25].

Высокая нравственность полагает не только знание христианином этих норм, но и ведение соответствующей им жизни. По мнению авторов сайта «Азбука веры» в Мф. 7:12 дается «золотое правило нравственности»: «... во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними ...». Приведенное правило можно дополнить словами ап Иакова: «... не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете...» (Деян. 15:29).

Интересную и важную трактовку нравственного закона (в двух к нему требованиях) излагал в 1906 г. протопресвитер Иоанн Янышев (†1910). Первое требова-

ние нравственного закона он формулирует следующим образом: «Господствуй, как разумно-свободная власть, над телесными потребностями природы твоей, а чрез тело и над внешнею природою, т.е. обладай и пользуйся ими, а чрез то совершенствуй непрестанно духовные силы твои» [34, с. 193]. Второе требование выражается им формулой: «соединяйте вместе ваши силы и разделяйте между собой труды и радости всестороннего духовного развития чрез обладание и пользование природою в таких правовых формах общежития, которые соответствуют как тождеству вашей духовно-телесной природы, так и индивидуальным особенностям каждого из вас; короче: любите друг друга и в вашей любви будьте справедливы друг ко другу» [34, с. 223]. Как видим, краткое выражение формулы практически совпадает со словами Господа Иисуса Христа, дважды повторяемыми Им в одном стихе: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, [так] и вы да любите друг друга» (Ин. 13:34).

Представляет интерес трактовка термина «православная нравственность» митрополитом Иерофеем (Влахос), который указывает на то, что в православном Предании нравственность тождественна «подвижничеству», в связи с тем, что «подвижничество – это переход и путь человека от нечистоты ума к его очищению, а от него – к просвещению, то и под православной нравственностью понимается очищение человека» [9].

Обратимся к понятию «просвещение».

В литературе встречается также синонимичное понятие «просветительство», иногда последнее понимается как «упрощенный», по содержательности, вариант просвещения. Среди множества направлений просвещения определенное место занимает «религиозное просвещение». Понятно, что религиозное просвещение может существенно различаться по содержанию в зависимости от религиозной конфессии или ее разновидности (например: православие, католичество и протестантизм, тем более – ислам, буддизм, ламаизм, индуизм, иудейство и т.д.). Достигнуть четкого понимания этих различий без системного изучения сравнительного богословия (то есть путем «самоподготовки»), без духовного наставника, в современном информационном пространстве «забитом» «белым шумом» тысяч и сотен тысяч разного (часто противоречивого) рода публикаций практически невозможно.

Автор Белановский Ю. определяет православное религиозное просвещение как некоторую работу с людьми «кто так или иначе верит в Бога и имеет доверие к Православной церкви» [3].

Переходя к определению понятия «духовное просвещение», сошлемся на автора Калитина П.В., который дает следующую формулировку: «Духовное просвещение – совокупный процесс внутренней и внешней деятельности людей, нацеленных на утверждение в жизни христианских начал» [11]. Этот автор отмечает, что процесс христианского просвещения на Руси начался с проповеди свт Илариона (†1054–1055?, митрополит Киевский и всея Руси), изданной впоследствии под наименованием «Слово о законе и благодати». С таким мнением Калитина П.В. о времени начала просвещения Руси нет возможности согласиться, поскольку просвещение на Руси началось значительно раньше, хотя точно датировать начало этого процесса затруднительно. Во всяком случае, можно утверждать, что это было даже ранее просветительской деятельности киевской княгини Ольги (в крещении – Елены, †969; причислена Церковью к лику св равноапостольных в 1547 г.).

Ярким примером стала деятельность игумена прп Иосифа Волоцкого (†1515; см. его труд «Просветитель»),

когда наиболее выпукло сказался личный пример его благочестивой жизни. Русский религиозный мыслитель Соловьев В.С. (†1900) констатировал, что уже в начале XIX в., в силу «идеологизации» веры из-за определенной «верноподданнической» политизации духовенства стал формироваться, а затем и усиливаться кризис, как духовной власти, так и духовного просвещения (приводится по [11]).

Обратимся к трактовке понятия «просвещение» данного немецким философом и мыслителем эпохи Просвещения Кантом И. (†1804): «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. ... причина которого заключается ... в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого» [12, с. 29]. Со сказанным можно согласиться лишь отчасти. Приводя высказывание философа, человека не православного, заметим, что ап Павел предостерегал верующий народ: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2:8).

Автор Пущаев Ю. в своей работе [26], опираясь на труд одного из самых великих богословов XIV в. свт Григория Паламы [32], ставит акцент на том, что само по себе знание заповедей Христовых еще не решает проблемы духовного просвещения. Зная наизусть Заповеди, человек в жизни может поступать прямо в противоположность им.

«Просвещение» с позиции свт Григория Паламы есть не только знание заповедей Моисеевых и Заповедей Христовых, но и всемерное старание им следовать [32, с. 152, 156, 252, 259, 261]. Опираясь на слова ап Павла: 1Кор. 8:1 – «... мы все имеем знание; но знание надмевает, а любовь назидает» (слово «назидать» значит «учить, ... давать духовные или нравственные наставления» [45]), свт Григорий цитирует Дионисия Ареопагита «уподобление Богу и единение с Ним достигается лишь любовью к достойным заповедям и их святым исполнением» [32, с. 11].

Предварим дальнейшее изучение этого понятия некоторыми мыслями клирика Болгарской Православной Церкви, богослова, церковного писателя и поэта, доктора философии (doctor habilitatus), доцента Софийской Духовной Академии архимандрита Серафима (Алексиев, †1993). Вот что отмечает о. Серафим: в отличие от любых животных, человек, как созданный по образу и подобию Божию, нуждается в духовной пище. Человек не может довольствоваться удовлетворением лишь плотского пищевого «земного» голода. Даже люди неверующие и заблуждающиеся «претендуют на то, чтобы иметь высшие идеалы». Каждый человек имеет потребность в вере, хотя эта вера может быть «своя» и «неправильная». Архимандрит резюмирует о той силе, которая может верно направлять человека в его духовных исканиях: «эта сила – дух. Данный каждому, он возобновляется в Святом Крещении» и проявляется этот дух в жажде Бога [28].

Таким образом, каждый человек по предназначению стремиться к религиозному (духовному) просвещению и последнее является насущной потребностью любого человека, ведущего духовный поиск.

Духовно-нравственное просвещение в Российской империи всегда способствовало духовно-нравственному возрастанию человека [30, с. 80]. Следует заметить, что духовность, в этом случае, зачастую связывалась с культурой (хотя и православной), однако, по мнению автора настоящего исследования, высокая духовность, в пер-

вую очередь, является плодом веры и воцерковления. В последнем, по словам доктора филологических наук Непомнящего В.С., главным является вера в Воскресение Христово и ответ на призыв Господа уподобиться Ему [приводится по 30, с. 81].

Свт Филарет (Дроздов) отмечал, что «просвещение приносит благие плоды обществу только тогда, когда основанием ему служит вера» [цит. по 5, с. 113].

Как верно отмечал религиозный философ Ильин И.А., отсутствие духовно-нравственного воспитания приводит к отсутствию в человеке духовного стержня и ведет лишь к «изворотливому наслаждению» злом [10, т. 5, «2. О самопредании злу», с. 41].

Вот, что констатируется в документе Св Синода РПЦ «О религиозно-образовательном и катехизическом служении в Русской Православной Церкви», утвержденном 27.12.2011 [18].

Во-первых, следуя от апостольских времен, «практика духовного назидания» имеет своим фундаментом канонические постановления соборов Церкви (Вселенских и Поместных), включающие в себя, в частности: 46 и 47 правила Лаодикийского [Поместного] Собора (до 343 г. или ок. 360 г.), 7 правило II Вселенского Собора (381 г.), 78 правило VI Вселенского [Трулльского] Собора (680 г.).

Во-вторых, просветительское служение РПЦ предполагает «наставление православного христианина в истинах веры и нравственных нормах христианства, приобщение его к Священному Писанию и церковному Преданию, в том числе к литургической жизни Церкви, к святоотеческому молитвенному и аскетическому опыту» [18].

В-третьих, просвещение предполагает использование различных его форм: оглашение, духовное просвещение людей, принявших Св Крещение (в форме бесед и занятий с контрольными проверками усвоения знаний), обучение на краткосрочных и среднесрочных богословских курсах, участие в «библейских кружках», использование информационных ресурсов, распространение духовно-просветительской литературы, паломнические поездки.

В Решении отмечается необходимость повышения духовного просвещения приходского клира, поскольку именно он является передаточным звеном веры и знаний в среду мирян-прихожан.

Святейший Патриарх Кирилл констатирует, что именно религиозное просвещение «приводят человека к постижению Божественного замысла о нем, учат его нравственному самостоянию и жизни в согласии с Евангельскими заветами» [13]. Духовным просвещением должны быть охвачены все православные христиане, независимо от возраста принятия Св Крещения и степени воцерковления.

Возникает вопрос: если человек свободен, то нужно ли ему себя или его (от внешних вероучителей) принуждать к познанию веры и Христианскому просвещению? Если не принуждать, то святой праведный Иоанн Кронштадтский по этому поводу восклицает: «Господи, помилуй! Какое диавольское мнение! Если не поуждать, что же после этого выйдет из людей? Ну что выйдет из тебя, глашатай нововымышленных правил, ... Как можно и христиан не побуждать и не принуждать к исполнению предписаний веры и благочестия? Не сказано ли в Священном Писании, что «Царствие Небесное нудится», что «нуждницы восхищают е» (Мф. 11:12)? А как не принуждать, особенно мальчиков, к учению, к молитве? ... Не научатся ли они всякому злу?» [17, т. 2, Слово 1061, с. 112–113]. Святой Иоанн указывает: «познание веры и заповедей Божиих, уклонение от греха и добрая жизнь необходимы каждому человеку и здесь, и в будущей жизни...» [цит. по 5, с. 119].

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, особо отмечает, говоря о важности воспитания нравственности в человеке: «невозможно считать себя застрахованными от социальных потрясений, кризисов и революций до тех пор, пока не сформируется то самое нравственное поколение людей, которое будет способно, руководствуясь не своим инстинктом, а своими убеждениями, отличать добро от зла и правду от лжи» [13].

Отметим, важные аспекты, которые может и должно содержать христианское воцерковление:

- молитвенное прославление Бога, в том числе в Его Творениях,
- свидетельство о Господе Иисусе Христе,
- призыв к покаянию и оставлению грешной жизни,
- проповедь Божественных Истин, в частности общих Откровений Божиих,
- изучение Десяти заповедей и Заповедей Блаженства (и следующих из них нравственных законов и морально-этических правил),
- знание православных догматов,
- понимание значения Св Таинств и роли Церкви в жизни верующего человека,
- личное богообщение в Евхаристии, богослужениях, соборных и личных молитвах,
- возможность Спасения только лишь в Св Крещении, добрых делах, следовании Господу Иисусу Христу, в единстве с Церковью,
- и др.

Введем авторское определение понятия «духовно-нравственное просвещение» для ветхозаветного времени: «это есть призвание израильского народа к покаянию и строгому следованию Господу и Духу Святому, отвержению идолопоклонства, а также деятельность иудеев по призыву языческих народов к признанию грехов, их избежанию и покаянию, а также к приходу к вере в Единого Бога».

Очевидно, что для новозаветного времени это определение должно быть изменено, и может быть сформулировано следующим образом: «духовно-нравственное просвещение» для новозаветного времени: «это есть научение людей, принявших Таинство Св Крещения, молитве, покаянию, страху Божию, проявлению любви к Пресвятой Троице и Господу Иисусу Христу, жизни в Боге, (то есть воцерковлению), а для людей «за оградой Церкви» – воздействие словом и личным примером для зарождения веры в Бога, в присутствие и действие Святого Духа в мире, содействие (со-работа) Господу Богу в призвании людей к личному общению с Ним».

Возможно так же дать другое, емкое и краткое определение духовно-нравственного просвещения в новозаветное время. Вспомним слово сщмч митрополита Серафима (Чичагова, †1937), «произнесенное им в бытность священником и архимандритом», в Великом посту «О свете Христовом»: «В преждеосвященную литургию, во время чтений ветхозаветных паремий, отверзаются Царские врата, служащий выходит с зажженной свечой и кадилицей, знаменует молящихся во образ креста и возглашает: Свет Христов просвещает всех!» [29, с. 53, слово № 21]. В связи с приведенным примером, рассматриваемое определение «по сщмч Серафиму (Чичагову)» может звучать следующим образом: «духовно-нравственное просвещение – есть просвещение Светом Христовым».

Выводы

1. Христианское воцерковление пришло в мир с началом земного просветительского служения Вочеловечившегося Господа Иисуса Христа, продолжилось в апостоль-

ском служении и продолжается в служении Православной Церкви.

2. Духовно-нравственное просвещение народов невозможно без постоянного обращения к текстам Св Писания и творениям Святых Отцов Церкви.

3. Сложность строгого и однозначного определения понятий «духовность», «православная духовность», «духовное просвещение» требует использования дополнительных пояснений позиции исследователей в конкретных случаях применения вышеприведенных и производных от них понятий.

4. Автором исследования предложены – определение понятия «православная духовность» и два варианта определения понятия церковного «духовно-нравственного просвещения» для ветхозаветного и новозаветного времен.

Литература

1. Антоний (Блум), митр. Сурожский. Что такое духовная жизнь. Сайт: «Pravmir.ru – Православная электронная библиотека». – URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2717> (дата доступа: 13.08.2025).
2. Бахчиева, О.А. Подходы к определению понятия нравственности. / Вопросы психологии и воспитания. Сайт: «Cyberleninka.ru». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-nravstvennosti/viewer> (дата доступа: 13.08.2025).
3. Белановский, Ю. О религиозном православном просвещении. 07.09.2009. Сайт «Аргументы и факты – aif.ru». – URL: <https://aif.ru/society/13343> (дата доступа: 13.08.2025).
4. Вульф, Б. З., Иванов, В.Д. Основы педагогики: уч. пособие. – М.: Изд. УРАО, 1999.
5. Георгий (Шестун), игум. Православная школа. – М.: Изд. «Воскресная школа», 2004.
6. Гринева, Е. А., Давлетшина, Л. Х. К вопросу о сущности понятий «духовность», «нравственность», «духовно-нравственный потенциал». [Электронный текст] // Современные проблемы науки и образования, 2013, № 1.
7. Гуревич, П.С. Этика: Учебное пособие для вузов – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006.
8. Духовные рассуждения и нравственные уроки Схиархимандрита Иоанна Маслова / Под ред. Н.В. Маслова. – М.: Самшит-издат, 2011.
9. Иерофей (Влахос), митр. Православная духовность. – Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра (СТСЛ), 2009.
10. Ильин, И. А. О сопротивлении злу силою. / Собрание сочинений в 10 т. Т. 5. – М.: «Русская книга», 1996.
11. Калитин, П.В. Духовное просвещение: толкование. Русская философия. Энциклопедия. Сайт «Академик. Словари и энциклопедии на Академике». – URL: https://philosophy_rus.academic.ru/184/Духовное_просвещение (дата доступа: 13.08.2025).
12. Кант, И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? (1784). / Собр. соч. в 8 т. Т. 8. – М.: Чоро, 1994. С. 29–37.
13. Кирилл, Св Патриарх Московский и всея Руси. Православное просвещение – способ нравственного оздоровления общества. 24 января 2012 г. Сайт «Правмир.py». – URL: <https://www.pravmir.ru/patriarx-kirill-pravoslavnoe-prosveshhenie-sposob-nravstvennogo-ozdorovleniya-obshhestva/> (дата доступа: 13.08.2025).
14. Колкунова, К. А., Мавлевич, Т.В. Понятие «духовность» в современной российской литературе. // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 6 (56).

15. Корзинкин, А.А. Духовно-нравственная концепция воспитания личности и современное образование: дис. канд. пед. наук по специальности 13.00.01 «Общая педагогика». – Курск, Курский Государственный педагогический университет, 1999.
16. Корсакова, Л.Е. Духовность в христианско-универсалистском аспекте православной культуры // Культура. Духовность. Общество. 2012. № 1.
17. Моя жизнь во Христе или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге: извлечение из дневника протоиерея Иоанна Ильича Сергиева. – в 2-х томах, изд. 2-е исправл. С.-Петербург: тип. В. Ерофеева. 1893.
18. О религиозно-образовательном и катехизическом служении в Русской Православной Церкви. Документ утвержден определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 27 декабря 2011 г. (журнал № 152).
19. Ожегов, С. И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2004.
20. Осипов, А.И. Нравственность и духовность. Сайт «Азбука веры». – URL: <https://azbyka.ru/nravstvennost-i-duhovnost> (дата доступа: 13.08.2025).
21. Осипов, А.И. Учение святителя Игнатия о духовной жизни. Предисловие к изданию полного собрания творений святителя Игнатия (Брянчанинова). 2013 г. Сайт: «Онлайн-библиотека «Святоотеческое наследие»». – URL: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/osipov/uchenie-ignatija-brjanchaninova-o-duhovnoj-zhizni.html> (дата доступа: 13.08.2025).
22. Понятие «Духовность». Сайт «Азбука веры». – URL: <https://azbyka.ru/duhovnost#literature> (дата обращения: 13.08.2025).
23. Понятие «Назидать». Толковый словарь В.И. Даля. Сайт «Академик. Словари и энциклопедии на Академике». – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/271078> (дата доступа: 13.08.2025).
24. Понятие «Нравственность». // Энциклопедия иудаизма. [Электронный текст]. – URL: <https://jhist.org/traditions/enciklopediya.pdf> (дата доступа: 13.08.2025).
25. Понятие «Нравственность». Сайт «Азбука веры». – URL: <https://azbyka.ru/nravstvennost> (дата доступа: 13.08.2025).
26. Пущаев, Ю. Просвещение: свет Христа или свет науки? 23 марта 2015 г. Источник: журнал «Фома.Ру». Сайт «Православие.ру». – URL: <https://pravoslavie.ru/78101.html> (дата доступа: 13.08.2025).
27. Рахимов, А.З. Словарь-справочник по нравологии. – Уфа: Творчество, 2000.
28. Серафим (Алексиев), архим. Достоинство человека – не в душевности, а в духовности. Сайт «Православие.ру». – URL: <https://pravoslavie.ru/88563.html> (дата доступа: 13.08.2025).
29. Слова и речи преосвященного Серафима (Чичагова) ... – Кишинев: Епарх. тип., 1911.
30. Судавцова, Р.С. Духовно-нравственное воспитание на основе православных традиций. // Научный журнал «Актуальные исследования». 2022. № 4(83), февраль.
31. Сунцова, Я.С. Понятие духовности в философии и психологии. // Вестник Удмуртского университета: Философия. Психология. Педагогика. 2009. Вып. 2.
32. Триады в защиту священо-безмолвствующих: [Перевод] / Св. Григорий Палама; [Послесл. В. Вениаминова, с. 344–381]. – М.: Канон, 1995.
33. Шупленков, О. В., Самохин, К.В. Духовность как аксиологическая составляющая человека // Альманах современной науки и образования. 2012. № 8.

34. Янышев, И.Л. Православно-христианское учение о нравственности. – СПб.: Типография М. Меркушева, Невский просп., 8, 1906.

THE FUNDAMENTAL CONCEPTS OF CHRISTIAN SPIRITUAL AND MORAL ENLIGHTENMENT (CHURCHING) OF MAN

Smulov A.M.

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities (Moscow)

Modern scientific works in the field of theology often have shortcomings related to the underdetermination or ambiguity of the concepts used. As a rule, this is due to the fact that theological terminology is considered to be unambiguously established over a long period of its use in the theory and practice of religious and ecclesiastical life. In reality, due to the complexity of formulating such definitions, which is associated with both the abundance of religious beliefs and a certain secrecy of a person's spiritual life, there is an urgent need to use clear definitions from the standpoint of the Orthodox faith. The article is devoted to clarifying the definitions of the Christian Orthodox concepts of «spirituality», «Orthodox spirituality», «spiritual life» and «spiritual enlightenment». The key points that the Christian church should contain are noted. The author's definitions of the concepts «Orthodox spirituality» and «spiritual and moral enlightenment» (for the Old Testament and New Testament times) are given.

Keywords: theology, spirituality, Orthodox spirituality, spiritual life, christocentricity, triadocentricity, church-centricity, morality, enlightenment, spiritual enlightenment.

References

1. Anthony (Bloom), Mitr. Surozhsky. What is spiritual life? – URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2717> (accessed 08/13/2025).
2. Bakhchieva, O.A. Approaches to defining the concept of morality. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-nravstvennosti/viewer> (accessed 08/13/2025).
3. Belanovsky, Y. About religious Orthodox enlightenment. 07.09.2009. – URL: <https://aif.ru/society/13343> (accessed 08/13/2025).
4. Vulfov, B. Z., Ivanov V.D. Fundamentals of pedagogy: a textbook. Moscow: URAO Publishing House, 1999.
5. Georgiya (Shestun), abbot. The Orthodox School. Moscow: Sunday School Publishing House, 2004.
6. Grineva, E. A., Davletshina, L.H. On the question of the essence of the concepts of «spirituality», «morality», «spiritual and moral potential». [Electronic text] // Modern Problems of Science and Education, 2013, № 1.
7. Gurevich, P.S. Ethics: a textbook for universities. Moscow: UNITY – DANA, 2006.
8. Spiritual reasoning and moral lessons of Archimandrite John Maslov / edited by N.V. Maslov. Moscow: «Boxwood» Publishing House, 2011.
9. Hierotheos (Vlachos), Mitr. Orthodox spirituality. Sergiev Posad: Ed. Holy Trinity Sergius Lavra (STSL), 2009.
10. Ilyin, I.A. On resistance to evil by force. / Collected works in 10 vol., v.5. – Moscow: «Russian Book» Publishing House, 1996.
11. Kalitina, P.V. Spiritual enlightenment: interpretation. Russian philosophy. Encyclopedia. URL: https://philosophy_rus.academic.ru/184/Духовное_просвещение (accessed 08/13/2025).
12. Kant, I. The answer to the question: what is enlightenment? (1784). / Collected works in vol. 8. v.8. Moscow: «Choro» Publishing House, 1994. pp. 29–37.
13. Cyril, Holy Patriarch of Moscow and All Russia. Orthodox enlightenment is a way of moral improvement of society. January 24, 2012. – URL: <https://www.pravmir.ru/patriarkirill-pravoslavnoe-prosveshchenie-sposob-nravstvennogoozdorovleniya-obshhestva/> (accessed 08/13/2025).
14. Kolkunova, K. A., Mavlevich, T.V. The concept of «spirituality» in modern Russian literature // Bulletin of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities. I: Theology. Philosophy. 2014. Issue 6 (56).
15. Korzinkin, A.A. The spiritual and moral concept of personality education and modern education: PhD in pedagogical Scienc-

- es, specialty 13.00.01 «General pedagogy». Kursk: Kursk State Pedagogical University, 1999.
16. Korsakova, L.E. Spirituality in the Christian-universalist aspect of Orthodox culture. // Culture. Spirituality. Societies. 2012. № 1.
 17. My life in Christ or moments of spiritual sobriety and contemplation, reverent feelings, spiritual correction and peace in God: extract from the diary of Archpriest John Ilyich Sergiev. – in 2 vol., ed. 2-nd edition. St. Petersburg: V. Yerofeyev's Publishing House, 1893.
 18. On religious, educational and catechetical ministry in the Russian Orthodox Church. Russian Orthodox Church Resolution of December 27, 2011 (journal № 152).
 19. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian language. Moscow: «Azbukovnik» Publishing House, 2004.
 20. Osipov, A.I. Morality and Spirituality. – URL: <https://azbyka.ru/nravstvennost-i-duxovnost> (accessed 08/13/2025).
 21. Osipov, A.I. The teaching of St. Ignatius on spiritual life. Preface to the publication of the complete works of St. Ignatius (Bryanchaninov). 2013. – URL: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/osipov/uchenie-ignatija-brjanchaninova-o-duhovnoj-zhizni.html> (accessed 08/13/2025).
 22. The concept of «Spirituality». – URL: <https://azbyka.ru/duxovnost#literature> (accessed 08/13/2025).
 23. The concept of «Edifying». Explanatory dictionary by V.I. Dahl. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/271078> (accessed 08/13/2025).
 24. The concept of «Morality». // Encyclopedia of Judaism. [Electronic text]. – URL: <https://jhist.org/traditions/enciklopedia.pdf> (accessed 08/13/2025).
 25. The concept of «Morality». – URL: <https://azbyka.ru/nravstvennost> (accessed 08/13/2025).
 26. Pushchaev, Yu. Enlightenment: the light of Christ or the light of science? March 23, 2015. – URL: <https://pravoslavie.ru/78101.html> (accessed 08/13/2025).
 27. Rakhimov, A.Z. Dictionary of Morals. Ufa: «Creativity» Publishing House, 2000.
 28. Serafim (Alexiev), Archim. The dignity of a person is not in sincerity, but in spirituality. – URL: <https://pravoslavie.ru/88563.html> (accessed 08/13/2025).
 29. Words and speeches of His Grace Seraphim (Chichagov) ... Chisinau: Eparch. Publishing House, 1911.
 30. Sudavtsova, R.S. Spiritual and moral education based on Orthodox traditions. // Scientific journal «Actual research». 2022. № 4(83), February.
 31. Suntsova, Ya.S. The concept of spirituality in philosophy and psychology. // Bulletin of the Udmurt University: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2009. Issue 2.
 32. Triads in defense of the holy and silent: [Translation] / St. Gregory Palamas; [Afterword by V. Veniaminov, pp. 344–381]. Moscow: «Canon» Publishing House, 1995.
 33. Shchuplenkov, O. V., Samokhin, K.V. Spirituality as an axiological component of man // Almanac of Modern Science and Education. 2012. № 8.
 34. Yanyshchev, I.L. Orthodox Christian doctrine of morality. St. Petersburg: Printing House of M. Merkushev, Nevsky Prospekt, 8, 1906.

Политика южнокорейских властей в отношении национальных историко-культурных реликвий, хранящихся в зарубежных музеях

Балицкий Михаил Андреевич,

аспирант кафедры международных отношений

ВИ-ШРМИ ДВФУ

E-mail: balitsky.mikhail@yandex.ru

В статье проведен комплексный анализ изменения подхода правительства РК к исследованию историко-культурных реликвий Южной Кореи в собраниях зарубежных музеев. В исследовании определены исторические условия становления политики изучения состояния предметов искусства Кореи, нелегально вывезенных иностранными государствами. Автором выявлен переход от изучения исключительно письменных источников к проведению выездных исследований благодаря усилению государственной поддержки после установления VI Республики. Проанализировано содержание каталогов коллекций зарубежных музеев на предмет корректировок для привлечения внимания южнокорейских и иностранных граждан к национальному наследию. В работе представлен переход от общего учета реликвий Южной Кореи в иностранных государствах к детальному исследованию коллекций отдельных зарубежных музеев. Выявлено перераспределение полномочий по изучению реликвий и изданию каталогов между Национальным исследовательским институтом культурного наследия, Корейским фондом и Фондом зарубежного культурного наследия. Целью исследования является определение изменения подхода правительства РК к исследованию реликвий Южной Кореи в собраниях зарубежных музеев. Для достижения поставленной цели были решены исследовательские задачи: определить исторические условия становления политики исследования состояния корейских реликвий, хранящихся за рубежом; проследить изменения в содержании каталогов реликвий в целях привлечения внимания корейских и иностранных граждан к наследию Южной Кореи; выявить переход от общего учета зарубежных реликвий к детальному изучению коллекций отдельных музеев.

Ключевые слова: Республика Корея, выездные исследования экспозиций, нелегальный вывоз реликвий Кореи, зарубежные музейные экспозиции, продвижение культурного наследия.

Введение

Республика Корея обладает богатым историко-культурным наследием, поэтому правительство страны уделяет особое внимание сохранению национальной культуры. Однако реализация охранной политики осложнена многочисленными фактами нелегального вывоза корейского культурного наследия Японией, США, Великобританией, Францией и другими иностранными государствами в конце XIX в. – первой половине XX в. [12, с. 137]. После основания Республики Корея одним из важнейших вопросов для властей и общественности стало возвращение похищенных историко-культурных реликвий. Правительство молодого государства понимало важность учета национального наследия для составления перечней реликвий, при опоре на которые можно потребовать возврата ценностей в диалоге с иностранными государствами. Однако южнокорейские власти столкнулись с затруднениями, связанными с отсутствием перечней культурных ценностей, недостатком бюджета и недоступностью письменных источников для получения актуальных данных о состоянии реликвий.

Материалы и методы

Методологической основой исследования послужил анализ каталогов коллекций зарубежных реликвий Южной Кореи, изданных Корейским фондом, Национальным исследовательским институтом культурного наследия РК и Фондом зарубежного культурного наследия РК. Источником информации об отправке экспертных групп в зарубежные музеи и содержании проведенных инвентаризаций стали отчеты Корейского фонда.

Литературный обзор

Изучением становления политики исследования состояния национальных реликвий Южной Кореи, хранящихся в зарубежных музеях, занимался Ли Нанён, сотрудник Национального исследовательского института культурного наследия РК. Анализ собрания музеев иностранных государств на предмет наличия произведений классической литературы Кореи посвящены труды Ли Хейн, доцента Женского университета Сукмён. Исследованием состояния реликвий Кореи в собраниях Севрской фарфоровой мануфактуры занималась Ом Сыни, доцент Женского университета Ихва.

Результаты

После освобождения Корейского полуострова и установления американской военной администрации в южнокорейском обществе и прессе велись активные дебаты о важности возвращения культурного наследия, похищенного в колониальный период. В октябре 1945 г. научное общество «Чиндан» сформировало список книг и передало главнокомандующему союзными оккупационными войсками в Японии Дугласу Макатуру, потребовав вернуть классические произведения. В декабре того же года перечень был дополнен реликвиями и рас-

ширен до 1 049 ценностей [3]. Впоследствии список был включен в первый том «Репараций Японии», изданный в марте 1949 г., который делегация Южной Кореи предоставила на предварительных переговорах в феврале 1952 г. Военный губернатор Арнольд Архибальд (1889–1973 гг.) в 1945–1946 гг. поручил полицейским участкам Южной Кореи провести расследование случаев хищения культурных ценностей Японией в колониальный период, однако отчеты были утрачены в ходе Корейской войны.

После формирования нового правительства во главе с премьер-министром Чан Мёном переговорный процесс с Японией был возобновлен в августе 1960 г. [1, с. 506]. По приказу южнокорейских властей в октябре того же года был составлен список из 4 479 реликвий, хранящихся в Японии, на основе научной литературы, справочников, газетных статей, документов, датированных до 1945 г., из архивов Национального музея Кореи, а также каталогов выставок и экспозиций японских музеев. В ходе японо-корейских переговоров в 1965 г. Южная Корея запросила у Японии реституцию ценностей из перечня, однако в 1966 г. японская сторона вернула лишь треть запрошенных ценностей по соглашению «О культурном наследии и сотрудничестве» [4]. Впоследствии правительство РК неоднократно обращалось к японским властям, однако получало отказ, мотивированный невозможностью изъятия реликвий, находящихся в собственности граждан Японии. В 1969 г. был учрежден Национальный исследовательский институт культурного наследия РК, в полномочия которого вошло изучение реликвий, однако фактически учет ценностей, хранящихся за рубежом, и издание каталогов начались при администрации Чон Духвана.

С приходом к власти Чон Духвана правительство страны вновь подчеркнуло важность изучения состояния корейских реликвий, хранящихся за рубежом, и их возвращения в Южную Корею. Поэтому в начале 1980-х гг. администрация президента поручила Национальному исследовательскому институту культурного наследия РК провести учет историко-культурных ценностей в собраниях зарубежных музеев, библиотек, университетов и частных коллекций. Ввиду кратких сроков исследования и недостатка финансирования институт не проводил выездные исследования, опираясь исключительно на письменные источники в виде научных публикаций, статей ежедневных газет, каталогов зарубежных выставок и др. На основе результатов исследований институт в 1984 и 1986 гг. издал два каталога реликвий «Культурное наследие Кореи за рубежом» с указанием названий ценностей, текущих владельцев, районов происхождения и ссылок на источники при отсутствии иллюстраций и описаний. В издание 1984 г. вошли 4 587 культурных ценностей, среди которых список реликвий, запрошенный у Японии в 1965 г., частные коллекции Грегори Хендерсона, Огуры Такэносукэ, Атаки Эйити и др. В приложении к каталогу был представлен список предметов искусства, возвращенных Японией в 1966 г. [17, с. 13]. Ввиду того, что в первом издании были представлены реликвии, нелегально вывезенные в Японию и США, в 1986 г. институт издал каталог с идентичным названием, в который вошли 1 734 реликвии из 15 иностранных государств. В каталоге 1986 г. был дополнен список ценностей из коллекции Огуры Такэносукэ, представлены данные о корейских реликвиях в музейных собраниях США, Великобритании, ФРГ, Швеции, Дании, Нидерландов и др. Однако информация о предметах искусства, хранящихся в музеях США и 13 стран Европы, была скудной ввиду использования в качестве источников научных трудов Ли Бёнчхана и выпусков южнокорейских газет 1970–1980-х гг. без обращения к зарубежным

ресурсам. В отличие от издания 1984 г., в новом каталоге названия реликвий были продублированы хангылем, добавлена информация о размерах, периоде изготовления, а списки ценностей были классифицированы по типу (керамика, живопись, ремесленные изделия и др.) и месту хранения (музеи, библиотеки, университеты, храмы, частные коллекции) [18, с. 302]. Таким образом, непроведение выездных исследований и опора преимущественно на южнокорейские материалы не обеспечили полноту и актуальность данных о реликвиях Южной Кореи, хранящихся за рубежом.

С приходом к власти администрации Ро Дэу и установления VI Республики правительство сосредоточилось на расширении международного сотрудничества и формировании позитивного образа Южной Кореи в мировом сообществе. Администрация Ро подчеркнула важность продолжения политики исследования зарубежного культурного наследия, закрепив в июле 1989 г. положение в «Десятилетнем плане развития культуры». При поддержке властей, заинтересованных в знакомстве иностранных граждан с культурой Кореи, в 1989–1998 гг. Корейский фонд издал серию каталогов о национальных реликвиях Кореи в отдельных странах, продублированных на корейском и английском языках. Так, в 1989 г. Корейская международная культурная ассоциация издала каталог «Культурное наследие Кореи в музеях США», в котором были представлены результаты инвентаризаций в музее Ньюарка, музее азиатского искусства Сан-Франциско, художественном музее Гонолулу [6, с. 202]. Издание примечательно наличием трехсот иллюстраций реликвий Кореи, дублированием названий и кратких комментариев на корейском и английском языках, что подтверждает изменение подхода правительства к результатам исследований: от служебного пользования к знакомству широких слоев населения с национальным наследием. В целях укрепления имиджа Южной Кореи в мировом сообществе и ознакомления иностранных граждан с культурой Кореи в 1991 г. путем поглощения ассоциации был учрежден Корейский фонд, в полномочия которого вошло в том числе исследование состояния реликвий в зарубежных музеях. В том же году Фонд издал каталог «Культурное наследие Кореи в музеях Европы», в котором были представлены предметы искусства в собраниях Британского музея, Британской библиотеки, Национального музея Дании и др. [11, с. 270]. При поддержке Фонда в 1993 г. был издан каталог «Культурное наследие Кореи в музеях Японии». В трех каталогах впервые были представлены иллюстрации и названия реликвий, продублированные на корейском и английском языках, но без описаний.

В 1990-е гг. исследования реликвий Кореи, хранящихся в зарубежных музейных собраниях, проводились посредством изучения письменных источников и проведения выездных исследований. Так, в целях учета литературного наследия Кореи в японских библиотеках Национальный исследовательский институт культурного наследия РК в 1991 г. издал каталог «Список записей Кореи, хранящихся в Японии», в котором был составлен перечень из 6 396 томов классических произведений на основе изучения отчетов библиотек и трудов японских и корейских ученых [13, с. 91]. В 1993 г. институт опубликовал каталог «Культурное наследие Кореи за рубежом», в котором были учтены 11 567 реликвий, не включенных в предыдущие каталоги. Данные о ценностях Кореи в музеях, храмах и университетах Японии были основаны на отчете о совместных исследованиях произведений буддийского искусства Кореи, проведенных в 1990–1993 гг. Списки предметов искусства в музеях США и Европы составлены на основе изданных в 1989

и 1991 г. каталогах Корейского фонда. В издании у части реликвий названия не были переведены на корейский язык, отсутствовали описания, размеры и периоды изготовления.

На фоне потепления отношений с КНР в начале 1990-х гг. в результате заключения дипломатических отношений Корейский фонд в 1994 г. впервые направил экспертные группы в три музея провинции Цзилинь, исторический регион культурного обмена двух стран. Благодаря укреплению отношений с Киотским университетом в 1994 г. Национальный исследовательский институт культурного наследия РК изучил 2253 фотографии архитектурного наследия Кореи, сделанные японским ученым-реставратором Огавой Кэйкити в колониальный период. Анализ фотографий 612 реликвий предоставил южнокорейским ученым полезный материал о состоянии храмов, монастырей, пагод и ступ до Второй мировой и Корейской войн. Знаменательным моментом с точки зрения знакомства корейского населения с национальным наследием, хранящимся за рубежом, являлось издание институтом в 1995 г. каталога «Культурное наследие Кореи в Японии», в котором впервые были представлены 210 реликвий с подробными описаниями на корейском языке. В том же году Корейский фонд издал одноименный каталог, в который вошли 3394 реликвии из собраний Токийского национального музея (коллекция Огуры), музея восточной керамики Осаки и музея Ямато Бункаган. В 1996 г. институт издал каталог «Буддийская живопись Кореи в Японии» с иллюстрациями 54 реликвий и описаниями 38 картин на корейском языке. В том же году Корейский фонд опубликовал иллюстрированный каталог «Культурное наследие Кореи в США» с продублированными на английском названиями трехсот ценностей и подробными описаниями на корейском языке. На основе инвентаризаций, проведенных в 1995–1997 гг. в японских музеях и библиотеках, Фонд к 1998 г. издал три тома каталога «Культурное наследие Кореи в Японии», в которых были представлены иллюстрации 1300 реликвий с названиями и описаниями на корейском языке [19, с. 35]. После издания восьмого каталога серии «Культурное наследие Кореи за рубежом», начатой в 1986 г., Корейский фонд прекратил эти публикации, оставив данное полномочие Национальному исследовательскому институту культурного наследия РК.

В период президентства Ким Дэчжунa правительство Южной Кореи расширило культурный обмен и сотрудничество с иностранными государствами, в особенности с Японией. Южнокорейские власти существенно увеличили финансирование выездных исследований, стремясь обеспечить максимально подробный учет зарубежных реликвий и ознакомить население РК с национальным наследием. Экспертные группы Национального исследовательского института культурного наследия РК начали проводить более точечные исследования, сосредоточившись на изучении экспозиций отдельных музеев. Благодаря плодотворному сотрудничеству с Национальным музеем азиатских искусств Гиме эксперты института полностью изучили коллекцию из 914 корейских реликвий, в результате чего в 1999 г. был издан каталог с подробным описанием этапов исследования и истории формирования азиатской экспозиции музея. Для удобства неподготовленных читателей описания 532 реликвий были перенесены из приложения каталога в основную часть и представлены под каждой иллюстрацией. Однако описания экспонатов не были продублированы на иностранных языках, что не позволило гражданам Франции детально ознакомиться с корейским наследием.

Южнокорейские власти изменили подход к составлению каталогов с результатами исследований экспозиций

зарубежных музеев посредством дублирования названий и описаний реликвий на корейском и иностранных языках. Подобное решение было направлено на привлечение внимания иностранных граждан к культурному наследию Южной Кореи, хранящемуся в зарубежных музеях, библиотеках и университетах. Так, Национальный исследовательский институт культурного наследия РК с сентября по октябрь 2001 г. совместно с российскими учеными провел исследование корейских реликвий в Государственном музее Востока, по результатам которого в 2002 г. издал иллюстрированный каталог. Авторы издания впервые продублировали введение к каталогу, названия и описания 470 реликвий на русском языке в целях знакомства граждан России с культурным наследием Южной Кореи [2]. Позже, в июне 2002 г. сотрудники института изучили коллекцию музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, благодаря чему в 2004 г. был опубликован аналогичный каталог. Впоследствии институт издавал каталоги с названиями и описаниями реликвий, продублированными на корейском и иностранных языках для привлечения внимания к реликвиям Кореи, хранящимся в зарубежных музеях.

На фоне потепления отношений с Японией и укрепления культурного обмена между странами Национальный исследовательский институт культурного наследия РК с декабря 1999 г. по ноябрь 2002 г. провел повторную инвентаризацию коллекции Огуры Такэносукэ в собраниях Токийского национального музея. Несмотря на то, что результаты предыдущего исследования были опубликованы в каталоге 1995 г. в форме списка, экспертная группа института изучила экспонаты в связи с отсутствием иллюстраций и описаний. Авторы издания 2005 г. продублировали введение к каталогу, названия и описания 905 реликвий на корейском и японском языках [14, с. 260]. По результатам исследования коллекции Бруклинского музея, проведенного в 2000–2005 гг., институт в 2006 г. издал каталог с переводом на английский язык названий и описаний 336 реликвий. В том же году институт опубликовал иллюстрированный каталог коллекции корейской керамики Севрской фарфоровой мануфактуры, обнаруженной в фондохранилище музея в феврале 2003 г. приглашенным сотрудником Пак Синхи [16, с. 42]. После проведения инвентаризации собраний художественного музея Нэйраку (г. Нара) в 2006 г. был издан каталог с подробным описанием 258 образцов глазурованной керамики, собранных основателем музея Накамурой Дзюнсакэ (1870–1953 гг.). Институт в 2008 г. опубликовал каталог коллекции художественного музея Филадельфии с описаниями керамики Корё и произведений живописи Чосона, продублированными на корейском и английском языках. По результатам исследования состояния предметов искусства Кореи в собраниях музея искусств Герберта Джонсона при Корнеллском университете был опубликован каталог с подробными описаниями 365 реликвий. Благодаря проведенному в 2004–2005 гг. исследованию собраний художественного музея Гонолулу в 2010 г. был опубликован каталог с иллюстрациями и описаниями 715 реликвий, часть которых в 1927 г. была пожертвована Анной Райс Кук (1853–1934 гг.) собственному музею. В том же году институт обнародовал результаты инвентаризации коллекции мемориального музея театра Цубоути при университете Васэда, представив 66 театральных масок камёнгык. В 2011 г. институт издал каталог коллекции королевских протоколов и указов, даосской, конфуцианской и буддийской классики, хранящейся в библиотеке редких книг и рукописей Бейнеке при Йельском университете [8, с. 14]. По итогам исследования коллекции реликвий Кореи в музее искусств округа Лос-Анджелес

и Метрополитен-музее институт в 2012 г. опубликовал каталоги с описаниями экспонатов, переведенными на английский язык.

В июле 2012 г. при Администрации историко-культурного наследия РК был учрежден Фонд зарубежного культурного наследия, в полномочия которого вошло изучение, сохранение и реституция нелегально вывезенных реликвий Южной Кореи. Впоследствии в связи с дублированием полномочий по изучению корейских реликвий Национальный исследовательский институт культурного наследия РК с 2017 г. прекратил издание подобных каталогов. Изучив в августе 2007 г. коллекцию музея Виктории и Альберта, институт впервые провел полную инвентаризацию экспозиции музея Великобритании, и в 2013 г. издал иллюстрированный каталог с описанием 420 предметов искусства [10, с. 17]. В том же году был опубликован каталог коллекции Лейпцигского этнологического музея с описанием 1 269 ценностей. В 2014 г. институт издал каталог с иллюстрациями и описаниями 726 реликвий из коллекций музея костюмов Бунка Гакуэн, Национального музея Кюсю и музея керамики Кюсю. На основе исследования в августе 2012 г. фондов библиотеки Наканосима префектуры Осака институт в 2014 г. издал каталог с описаниями 1 031 произведения, переведенными на японский язык. В 2014–2015 гг. сотрудники института провели инвентаризации экспозиций художественного музея Сизтла, Портлендского художественного музея и музея искусств Джордана Шницера при университете Орегон, благодаря чему в 2015 г. были изданы иллюстрированные каталоги с описанием 334 реликвий на английском языке [7, с. 29]. На основе пяти инвентаризаций собраний Британского музея, проведенных в 2002–2016 гг., институт издал каталог с иллюстрациями 950 реликвий, из которых 346 ед. были сопровождаемы подробными описаниями. В 2017 г. институт издал два каталога, посвященных коллекциям предметов искусства Кореи из собраний музея искусств и ремесел Гамбурга и Гамбургского этнографического музея.

Фонд зарубежного культурного наследия РК в 2013 г. изучил состояние корейских реликвий в коллекции художественного музея Мичиганского университета, опубликовав каталог с описанием 380 ценностей. В отличие от изданий института, в первом каталоге отсутствовал перевод описаний на английский язык, однако впоследствии результаты инвентаризаций подкреплялись комментариями на иностранных языках. Фонд в 2014 г. издал каталог коллекции художественного музея Фредерика Р. Вейсмана с описаниями 236 экспонатов, основная часть которых представлена коллекцией мебели Эдварда Рейнольдса Райта (1931–1988 гг.) [9, с. 27]. Благодаря сотрудничеству Фонда зарубежного культурного наследия и библиотеки колледжей Клермонт была изучена коллекция классических произведений Кореи, собранная корреспондентом Фредериком Маккормиком (1870–1951 гг.). В отличие от предыдущих изданий, в каталог 2014 г. были включены описания 128 книг, переведенных на английский язык. В октябре того же года Фонд направил экспертные группы в КНР для изучения собраний Шанхайской библиотеки и библиотеки университета Фудань, благодаря чему в 2015 г. были изданы два каталога. В результате инвентаризации 945 экспонатов Национального музея этнологии (г. Лейден), Фонд в 2016 г. опубликовал каталог с иллюстрациями 245 экспонатов, но без описаний. В 2014–2015 гг. экспертная группа была направлена в Японский музей народных ремесел, в результате чего была впервые полностью изучена коллекция из 1 600 ремесленных изделий Кореи, собранная основателем музея Янаги Мунэси (1889–1961 гг.). Ре-

зультаты исследования были опубликованы в двух томах в 2015 и 2017 гг.: в первый том вошли описания 423 реликвий на корейском и японском языках, а второй том вышел в двух версиях на японском и корейском языках. Фонд зарубежного культурного наследия РК в 2015 г. направил экспертные группы в музей Ньюарка, издав в 2016 г. каталог коллекции из 263 реликвий с описаниями на корейском языке. Подписав в августе 2015 г. соглашение с Королевским музеем Онтарио, сотрудники фонда впервые изучили около 1,5 тыс. реликвий Кореи, хранящихся в Канаде [15, с. 18]. В результате предварительного анализа коллекции музея университета Тэдзукаяма в мае 2015 г. экспертная группа выявила, что коллекция черепицы, собранная японским врачом Иути Исао (1911–1992 гг.), составляла около 2 900 фрагментов. Поэтому Фонд провел полную инвентаризацию собраний музея летом 2017 г., по итогам которой в 2020 г. был издан иллюстрированный каталог с описанием 539 плиток на корейском и японском языках. Сотрудники Фонда в 2021–2022 гг. были направлены в бенедиктинский монастырь Св. Одилии Эльзасской в общине Эрезинг, Бавария, для изучения коллекции из 1 874 фотографий, сделанных немецкими миссионерами в Корею [5, с. 64]. По итогам исследования в 2024 г. был издан каталог, в который вошли 118 фотографий архитектуры, буддийских ступ и быта корейцев начала XX в. В том же году Фонд опубликовал каталог коллекции Национального музея азиатских искусств Гиме в двух версиях на корейском и английском языках.

Заключение

Начало политики исследования культурных реликвий Южной Кореи, нелегально вывезенных иностранными государствами, было положено в начале 1960-х гг. в целях реституции национального наследия на фоне потепления отношений с Японией. В целях исследования текущего состояния похищенных реликвий в середине 1980-х гг. Национальный исследовательский институт культурного наследия РК издал два каталога, основанных на письменных источниках. Полевые исследования предметов искусства в музеях США, Японии, КНР и стран Европы впервые были проведены после установления VI Республики. Появление в каталогах иллюстраций экспонатов с краткими комментариями на корейском и английском языках было призвано ознакомить корейских и иностранных граждан с наследием Южной Кореи. Первые инвентаризации в трех музеях китайской провинции Цзилинь и серия полевых исследований в музеях Японии, США и стран Европы были осуществлены благодаря укреплению доверия в отношениях с иностранными государствами в 1990-е гг. Переход от общего учета реликвий в иностранных государствах к изучению экспозиций отдельных музеев произошел благодаря усилению государственной поддержки при администрации Ким Дэчжун. Подробные описания реликвий и история формирования корейских экспозиций были добавлены в каталоги для ознакомления южнокорейских граждан с национальным наследием. В целях продвижения историко-культурных реликвий Южной Кореи за рубежом с 2002 г. правительство РК ввело дублирование изданий на иностранных языках. Учреждение Фонда зарубежного культурного наследия способствовало комплексному изучению состояния реликвий Южной Кореи, а также выработке мер по учету и возвращению ценностей. Ввиду дублирования работы Фонда Национальный исследовательский институт культурного наследия РК с 2017 г. прекратил издание подобных каталогов.

Обсуждение

Формирование политики в отношении нелегально вывезенных реликвий Южной Кореи характеризовалось особым интересом общественности к возврату культурных ценностей, хранящихся в Японии. Несмотря на то, что данная политика была инициирована государством, первые попытки учета реликвий были предприняты общественными организациями без правительственной поддержки. Процесс возвращения ценностей был достаточно противоречивым: с одной стороны, правительства иностранных государств, которые должны были вернуть реликвии требовали конкретных данных, а с другой стороны, первые списки, составленные в Южной Корее, не отличались точностью и полнотой. В основу политики возвращения реликвий была положена идея широкого ознакомления корейских и иностранных граждан с национальным наследием РК. Однако каталоги, изданные до начала 2000-х гг., не были продублированы на иностранных языках, а более поздние издания переводились на языки стран, на территории которых хранились историко-культурные ценности Кореи. Тем самым нацеленность правительства РК на ознакомление корейского населения и граждан государств, хранящих реликвии Кореи, не позволила донести информацию о национальном наследии до широкого круга читателей.

Литература

1. Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. 744 с.
2. Памятники корейской культуры из собрания Государственного музея Востока // Сеул: Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея. 2002. 333 с.
3. 대일배상요구조서 // 한국학중앙연구원. URL: <https://encyukorea.aks.ac.kr/Article/E0067966> (дата обращения: 04.08.2025). Документ «Репарации Японии» // Академия корееведения.
4. 대한민국과 일본국간의 문화재 및 문화협력에 관한 협정. 1965.12.18. // 국가법령정보센터. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/trtyBInfoP.do?trtySeq=370> (дата обращения 05.08.2025). Соглашение «О культурном наследии и сотрудничестве» от 18.12.1965 // Информационный центр национального законодательства Республики Корея.
5. 독일 상트 오틀리언수도원 아카이브 소장 한국사진 // 서울: 국외소재문화재재단. 2024. 396쪽. Фотографии Кореи в архивах монастыря Св. Одилии Эльзасской // Сеул: Фонд зарубежного культурного наследия РК. 2024. 396 с.
6. 미국 박물관 소장 한국문화재 // 서울: 한국국제문화협회. 1989. 504쪽. Культурное наследие Кореи в музеях США // Сеул: Корейская международная культурная ассоциация. 1989. 504 с.
7. 미국 시애틀박물관 소장 한국문화재 // 서울: 국립문화재연구소. 2015. 176쪽. Корейские реликвии в собраниях художественного музея Сиэтла // Сеул: Национальный исследовательский институт культурного наследия РК. 2015. 176 с.
8. 미국 예일대학교 도서관 소장 한국문화재 // 서울: 국립문화재연구소. 2011. 152쪽. Корейские реликвии в фонде библиотеки Йельского университета // Сеул: Национальный исследовательский институт культурного наследия РК. 2011. 152 с.
9. 미국 와이즈만미술관 소장 한국문화재 // 서울: 국외소재문화재재단. 2014. 295쪽. Корейские реликвии в собраниях художественного музея Фредерика Вейс-

мана // Сеул: Фонд зарубежного культурного наследия РК. 2014. 295 с.

10. 영국 빅토리아앨버트박물관 소장 한국문화재 // 서울: 국립문화재연구소. 2013. 352쪽. Корейские реликвии в собраниях музея Виктории и Альберта // Сеул: Национальный исследовательский институт культурного наследия РК. 2013. 352 с.
11. 유럽박물관 소장 한국문화재 // 서울: 한국국제교류재단. 1991. 423쪽. Культурное наследие Кореи в музеях Европы // Сеул: Корейский фонд. 1991. 423 с.
12. 이난영. 국외소재 한국문화재 현황 파악을 통한 자료 활용 방안 – 중요 해외 박물관 소장품을 중심으로 // 헤리티지:역사와 과학. 2006. № 39. 131–163쪽. Ли, Нанён. Использование данных, полученных в ходе исследования корейских реликвий в собраниях зарубежных музеев // Культурное наследие: история и наука. 2006. № 39. С. 131–163.
13. 이해은. 해외 소장 한국 고전문학 자료 구축의 현황과 과제 // 한국연구. 2020. № 4. 89–131쪽. Ли, Хейн. Текущее состояние и проблемы учета классической литературы в зарубежных коллекциях // Международный журнал глобальных языковых и литературных исследований. Мировая литература и культурология. 2020. № 4. С. 89–131.
14. 일본 도토국립박물관 소장 오구라 컬렉션 한국문화재 // 서울: 국립문화재연구소. 2005. 538쪽. Корейские реликвии из коллекции Огуры Токийского национального музея // Сеул: Национальный исследовательский институт культурного наследия РК. 2005. 538 с.
15. 캐나다 로열온타리오박물관 소장 한국문화재 // 서울: 국외소재문화재재단. 2018. 423쪽. Корейские реликвии в собраниях королевского музея Онтарио // Сеул: Фонд зарубежного культурного наследия РК. 2018. 423 с.
16. 프랑스 세브르국립도자박물관 소장 한국문화재 // 서울: 국립문화재연구소. 2006. 246쪽. Корейские реликвии из собрания Севрской фарфоровой мануфактуры // Сеул: Национальный исследовательский институт культурного наследия РК. 2006. 246 с.
17. 해외소재한국문화재목록 // 서울: 국립문화유산연구원. 1984. 401쪽. Культурное наследие Кореи за рубежом // Сеул: Национальный исследовательский институт культурного наследия РК. 1984. 401 с.
18. 해외소재한국문화재목록 // 서울: 국립문화유산연구원. 1986. 767쪽. Культурное наследие Кореи за рубежом // Сеул: Национальный исследовательский институт культурного наследия РК. 1986. 767 с.
19. 1998연차보고서 // 서울: 한국국제교류재단. 1998. 40쪽. Годовой отчет за 1998 г. // Сеул: Корейский фонд. 1998. 40 с.

SOUTH KOREAN GOVERNMENT'S POLICY TOWARDS NATIONAL RELICS STORED IN OVERSEAS MUSEUMS

Balitsky M.A.

Far Eastern Federal University

The article provides a comprehensive analysis of changes in the approach of South Korean Government to the study of national relics in overseas museum collections. The study identifies historical conditions for studying Korean heritage illegally exported to foreign countries. The author defines a transition from studying of written sources to conducting on-site researches due to governmental support increase after the VI Republic establishment. The content of overseas museum collection catalogues was analyzed for adjustments to attract South Korean and foreign citizens' attention to national heritage. The paper presents the transition from general counting of Korean relics in foreign countries to a detailed study of overseas museum collections. The powers redistribution of Korean heritage research and catalogue publishing between the National Research Institute of Cultural Heritage, the Korea Foundation and the Overseas Korean Cultural Heritage Foundation is revealed. The purpose

of the study is to determine the change in South Korean government's approach to overseas heritage study. To achieve the purpose the following tasks were solved: to identify historical conditions for studying South Korean relics located abroad; to trace changes in the content of overseas museum collections catalogues; to identify the transition from general counting overseas relics to museum collections study.

Keywords: Republic of Korea, on-site research, Korean relics illicit export, overseas museum exhibitions, cultural heritage promotion.

References

1. Kurbanov S.O. History of Korea from ancient times to the beginning of the 21st century. St. Petersburg: SPbSU Publishing House, 2018. 744 p.
2. Korean relics from State Museum of Oriental Art // Seoul: National Research Institute of Cultural Heritage. 2002. 333 p.
3. Document requesting reparations from Japan // Academy of Korean Studies. URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0067966> (accessed 04.08.2025).
4. Agreement on Cultural properties and Cultural Cooperation between the Republic of Korea and Japan 18.12.1965. // The Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/trtyBInfoP.do?trtySeq=370> (accessed: 05.08.2025).
5. Korean photographs from the St. Ottilien Archabbey in Germany // Seoul: Overseas Korean Cultural Heritage Foundation. 2024. 396 p.
6. The Korean relics in the United States // Seoul: International Cultural Society of Korea. 1989. 504 p.
7. Korean Art Collection in the Seattle Art Museum, USA // Seoul: National Research Institute of Cultural Heritage. 2015. 176 p.
8. Korean Rare Books and Manuscripts at Yale University // Seoul: National Research Institute of Cultural Heritage. 2011. 152 p.
9. Korean Art Collection in Weisman Art Museum // Seoul: Overseas Korean Cultural Heritage Foundation. 2014. 295 p.
10. Korean Art Collection in Victoria and Albert Museum // Seoul: National Research Institute of Cultural Heritage. 2013. 352 p.
11. The Korean relics in Western Europe // Seoul: The Korea Foundation. 1991. 423 p.
12. Lee Nan-young. Use of Information Gained from Survey of Korean Cultural Properties Overseas – Based on Collections of Overseas Museums // Korean Journal of Heritage: history and Science. 2006. № 39. PP. 131–163.
13. Lee Hye-Eun. Challenges of Overseas Korean classical Literature // International Journal of Global Language and Literary Studies. 2020. № 4. PP. 89–131.
14. Korean relics from Ogura collection at Tokyo National Museum // Seoul: National Research Institute of Cultural Heritage. 2005. 538 p.
15. Korean collection of the Royal Ontario Museum, Canada // Seoul: Overseas Korean Cultural Heritage Foundation. 2018. 423 p.
16. Korean collection of the Sèvres National Ceramics Museum, France // Seoul: National Research Institute of Cultural Heritage. 2006. 246 p.
17. List of Korean relics located abroad // Seoul: National Research Institute of Cultural Heritage. 1984. 401 p.
18. List of Korean relics located abroad // Seoul: National Research Institute of Cultural Heritage. 1986. 767 p.
19. 1998 Annual Report // Seoul: The Korean Foundation. 1998. 40 p.

Развитие молодежной политики Российской Федерации в условиях антироссийских санкций

Богомолов Иван Алексеевич,

оконченная аспирантура 2023 г., кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов
E-mail: bogomolov.irbis777@yandex.ru

Статья посвящена аналитическому осмыслению траекторий развития государственной молодежной политики (ГМП) России в условиях масштабных антироссийских санкций и сопутствующей «ценностной конфронтации». Актуальность обусловлена возросшей ролью молодежи как ключевого ресурса национальной устойчивости, необходимостью нормативно-институциональной консолидации и повышением эффективности механизмов реализации на всех уровнях. Научная новизна состоит в синтезе проектно-ориентированной оптики «пяти переходов» с оценочными матрицами эффективности и муниципальными кейсами исполнения, что позволяет выявить содержательные дисбалансы (недоразвитость направлений «молодая семья» и «второй шанс»), а также управленческие дефициты. В рамках работы описаны нормативные и программные изменения после 2020 г., изучены управленческие практики (конкурсно-грантовые «лифты», патриотические и волонтерские форматы), финансовые ограничения и демографические риски. Особое внимание уделено муниципальной плоскости и индикативным подходам к мониторингу. Цель – предложить доказательные направления корректировок ГМП, учитывающих санкционный контекст. Использованы сравнительный, институциональный и контент-анализ, кейс-стади, вторичный анализ эмпирики. В заключении сформулированы рекомендации по балансировке приоритетов, усилению координации и повышению кассовой дисциплины. Статья будет полезна исследователям, управленцам, региональным и муниципальным практикам ГМП.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, санкции, проектный подход, патриотическое воспитание, нормативное регулирование, муниципальный уровень, социальные лифты, оценка эффективности, демографические риски, волонтерство.

Введение

Санкционное давление и сопутствующая конкуренция ценностных нарративов радикально повысили «ставки» в молодежной повестке: именно молодое поколение становится и ресурсом модернизации, и потенциальной зоной уязвимости политико-экономической устойчивости страны. Нормативный поворот 2020 г. (конституционное закрепление ГМП и профильный федеральный закон) задал межведомственный и многоуровневый формат реализации, а распространение проектного управления и конкурсно-грантовых механизмов создало новые «лифты» социальной мобильности. Одновременно проявились структурные ограничения: неоднородность исполнения на местах, кадровые и методические дефициты на муниципальном уровне, снижение кассового исполнения отдельных направлений, а также демографическое «сжатие» молодежных когорт. В этих условиях востребована комплексная аналитика, которая одновременно «видит» федеральный дизайн, региональную специфику и муниципальную реализацию, опираясь на проверяемые индикаторы эффективности.

Цель статьи – комплексно раскрыть развитие ГМП РФ в условиях антироссийских санкций, выявить приоритеты, дисбалансы и управленческие дефициты и предложить корректировки инструментов и оценки.

Задачи исследования:

1. систематизировать нормативно-институционные изменения после 2020 г., а также управленческие и ценностно-воспитательные инструменты ГМП;
2. проанализировать разноуровневую реализацию (федеральный/региональный/муниципальный уровни), финансовые и кадровые ограничения и продемонстрировать их через кейсы;
3. на основе сравнительного и индикативного анализа предложить меры по балансировке «пяти переходов» и совершенствованию координации, мониторинга и участия молодежи в со-проектировании политики.

Научная новизна заключается в: применении рамки «ценностной конфронтации» к оценке управленческих решений в ГМП; стыковке проектной матрицы «пяти переходов» с индикаторами процесса и результата и их развертке до уровня муниципального кейса; формулировании адресных управленческих рекомендаций по устранению углубляющихся дисбалансов («молодая семья», «повторный шанс») в санкционном контуре.

Материалы и методы

Материалы (корпус источников): И.В. Мирошниченко [6] рассматривает институционализацию проектного подхода в ГМП, вводит матрицу «пяти переходов» и фиксирует нормативный поворот 2020 г. как основу многоуровневой реализации. Д.А. Лыхин [4] анализирует муниципальный контур: ресурсную ограниченность, кадровый дефицит и практики локальной адаптации программ. П.А. Меркулов [5] концептуализирует санкции как «ценностную войну», акцентируя необходимость иерархии приоритетов и указывая на амбивалентность бюджетного испол-

нения. Л.Ю. Шаповаленко [10] описывает проблематику кадрового обеспечения и оценивания результатов, обосновывает меры совершенствования (межведомственность, бюджетирование не «по остаточному принципу»). К.А. Умеренкова [9] систематизирует цели, принципы, практики и «узкие места» реализации (координация, вовлечение молодёжи, финансирование), приводя примеры федеральных проектов. Н.Н. Пачина [7] предлагает индикативные сетки эффективности (процесс/результат) и технологические кластеры («ценностная», «молодая семья», «здоровьесбережение», «социально-экономический потенциал», «информационная»). О.В. Леонова [3] показывает институциональное «вшивание» воспитания в образование и эмпирику патриотических практик и участия молодёжи. В.Н. Ретинская [8] выделяет четыре механизма ГМП (нормативно-правовой, программно-целевой, институциональный, информационный) и указывает на проблематику фрагментации. В.Г. Владимирова [2] представляет муниципальный кейс (Нюрбинский район РС(Я)) с данными о вовлечённости, волонтерстве, грантовой активности и организационных решениях (проектный отдел). М. Броян [1] фокусируется на правовом обеспечении: эволюции федеральной базы, принятии ФЗ 2020 г., проблемах состыковки «новых» и прежних норм и участия молодёжи в принятии решений.

Методы: сравнительный анализ нормативных и программных актов; институциональный анализ механизмов реализации; контент-анализ научных публикаций; кейс-стади (муниципальный уровень); вторичный анализ эмпирических данных и отчетов; элементы критического дискурса-анализа для интерпретации ценностного измерения.

Результаты и обсуждение

Комплексный анализ источников показывает, что в условиях масштабного санкционного давления и сопутствующей «ценностной конфронтации» произошла заметная коррекция приоритетов и инструментов государственной молодёжной политики (ГМП) РФ. Поскольку западные страны фактически объявили Российской Федерации не только санкционную, но, по сути, и ценностную войну, самая напряженная битва будет идти за умы и сердца россиян, прежде всего молодых [5]. Это обусловило усиление идеологического и воспитательного компонентов, интенсификацию проектных практик и нормативную консолидацию всей отрасли, при одновременном проявлении системных ограничений – от кадрового и муниципального дефицитов до недостаточной координации и неодинакового качества исполнения программ на местах [4; 9; 10].

Во-первых, зафиксирована правовая стабилизация «каркаса» ГМП. В 2020 г. конституционные поправки и профильный закон задали межведомственный и многоуровневый формат реализации: в результате внесения поправок в Конституцию РФ был закреплен конституционный статус государственной молодежной политики, а также межведомственный / межотраслевой и многоуровневый характер ее реализации. Эту линию подтверждает и новейшая юридическая оптика, однако, федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» был принят только в конце 2020 года [1]. В совокупности с ранее действовавшими стратегическими документами и программами это позволило выстроить более чёткую архитектуру целей, понятий, субъектов и инструментов поддержки молодёжи [1; 8; 9].

Во-вторых, на уровне управленческих подходов в федеративной системе системообразующим стал проектный формат. Согласно И.В. Мирошниченко, именно он обеспечивает быстрое «переключение» задач под новые

вызовы, работу «команд изменений», сетевую коммуникацию и привязку к конкретным результатам в сроках [6]. Разработанная авторами «институциональная матрица» на основе «пяти переходов» (продолжение учёбы; начало трудовой деятельности; навыки здоровой жизни; создание семьи; гражданская позиция) позволила выявить содержательные лакуны: основная масса проектов смещена к «учёбе» и «старту трудовой деятельности», тогда как «создание семьи» и блок «повторный шанс» недоразвиты.

Сопоставление федеральных инициатив (например, «Содействие занятости», «Социальные лифты для каждого», «Молодёжь России», грантовая вертикаль Росмолодёжи и «Россия – страна возможностей») показывает сильный акцент на компетенциях, стажировках, конкурсных лифтах и грантовой поддержке (в 2022 г. в конкурсе Росмолодёжи среди физических лиц поддержано 1063 проекта на 867,9 млн руб.; среди вузов – 373 проекта) [6]. Это формирует меритократическую инфраструктуру траекторий, но ещё не закрывает «семейный» и «второй шанс» контуры.

В-третьих, санкционный контекст усилил значение ценностно-воспитательного трека. Эмпирика О.В. Леонова демонстрирует институциональное «зашивание» воспитания в образовательный процесс: «с 1 сентября 2020 года в России вступили в силу поправки к Закону «Об образовании в РФ», в которых расширено понятие воспитания как процесса» [3]. Параллельно масштабируются патриотические форматы (Ассоциация студенческих патриотических клубов «Я горжусь», Национальная премия «Патриот», проекты «Диалоги с героями» и др.), где молодёжь видит значимыми интерактивные практики – военно-спортивные акции, исторические реконструкции, поисковую деятельность [3; 6]. По данным полевых опросов, ядро молодёжи заявляет о высокой самоидентификации с патриотизмом и регулярном участии в патриотических мероприятиях, что корреспондирует с курсом на консолидацию в условиях внешнего давления [3; 5].

В-четвёртых, прослеживаются разноуровневые разрывы реализации, особенно на муниципальном уровне и в мониторинге эффективности. Муниципалитеты испытывают ресурсные и кадровые ограничения, а также методический дефицит: муниципальная молодежная политика поводится недостаточно эффективно и требует внесения определенных корректировок по ее решению на местном уровне [4]. При этом лучшими ответами становятся проактивная коммуникация с молодёжью, перефокусировка на информирование, содействие занятости и предпринимательству, мероприятиный «воронко» для выявления активной части и дальнейшей подготовки лидеров. Региональный кейс Нюрбинского района РС(Я) (6300 молодых жителей; 17 специалистов; 350 волонтеров и >1200 заявок помощи; запуск проектного отдела и местные субсидии для СО НКО и ТОС) демонстрирует, что при политической воле и организованной инфраструктуре возможно поддерживать высокую плотность включённости даже при ограниченном бюджете и географических издержках [2].

Финансовое измерение демонстрирует амбивалентность: при общем росте ассигнований в 2018–2021 гг. фиксируется снижение кассового исполнения (на 01.12.2021–62,89% по подразделу «Молодёжная политика»), что с одной стороны вселяет оптимизм, а с другой – выявляет проблемы осваиваемости и приоритизации [5]. Это перекликается с системным выводом о ключевой роли нормотворческих и управленческих механизмов. На наш взгляд именно нормативно-правовой механизм играет определяющую роль в осуществлении

работы с молодежью и создании условий для реализации прав молодежи и возможностей для ее развития. Вместе с тем до 2020 г. фиксировались пробелы – отсутствие единого федерального закона, кадровый дефицит и несформированная оценка результатов, – что требовало «комплексного совершенствования» межведомственных процессов, бюджетирования не по остаточному принципу, укрепления материальной базы учреждений и профессионализации кадров [10].

Содержательно-оценочная часть результатов опирается на предложенные исследователями индикативные сетки. В логике «двух типов» индикаторов – процесса и результата – эффективность должна соизмеряться и по «жестким» метрикам (занятость, вовлеченность, демография, снижение социальных рисков), и по субъективным оценкам молодежи (удовлетворенность, доверие, гражданская активность). В «Основах ГМП до 2025 года» выделены технологические кластеры (ценностная, молодая семья, здоровьесбережение, развитие социально-экономического потенциала, информационная), для каждого из которых определены алгоритмы и критерии; именно их развертывание в связке с мониторингом даёт универсальную систему оценки, учитывающую региональные различия, тип поселений и целевые группы [7]. В практической плоскости, по К.А. Умеренковой, барьерами остаются не всегда чёткое разграничение ответственности органов власти, недостаточное вовлечение молодежи в со-проектирование политики, а также бюджетные ограничения (в т.ч. на оборудование центров молодежного инновационного творчества), при том что именно комплекс межуровневых проектов, цифровых платформ и грантовые механизмы создают «коридоры» социальной мобильности [9].

На уровне механизмов, складывается четырёхзвенная система – нормативно-правовой, программно-целевой, институциональный и информационный контуры – через которую проходит вся ГМП [8]. В правовом обеспечении, как указывает [1], наряду с Конституцией, специальным законом 2020 года и отраслевыми актами используется программный инструментарий (в т.ч. программные основания долгого цикла), однако сохраняются вызовы согласования новых и прежних норм, фрагментации исполнения и участия молодежи в принятии решений; потому усиливаются попытки нарастить финансирование, координацию уровней власти и каналы представительства молодежи. На этом фоне сохраняется демографический фактор: сокращение численности молодежных когорт (особенно 23–28 лет к 2025 г.) повышает цену управленческих ошибок и делает каждую траекторию самореализации значимой на уровне национальной безопасности и экономической устойчивости [5;8].

Синтезируя, в условиях санкций траектория развития ГМП РФ характеризуется:

- а) институциональным укреплением и нормативной определённой после 2020 г.;
- б) переходом к проектно-ориентированному управлению и масштабированием конкурсno-грантовых «лифтов», при дисбалансе в пользу образования и занятости и недоразвитости «семьи» и «второго шанса»;
- в) приоритетом ценностно-патриотических практик и встроенного воспитания в образовании как ответом на внешнее давление;
- г) неоднородностью реализации «на земле», прежде всего из-за муниципальных и кадровых ограничений, но с доказанными возможностями локальных прорывов при развитой инфраструктуре и лидерстве;
- д) необходимостью системной оценки по сбалансированным индикаторам процесса и результата и нара-

щивания участия самой молодежи в созидании политики.

Указанные результаты задают рамку для последующей дискуссии о корректировке целей и инструментов ГМП с учётом демографических тенденций, санкционного давления и потребности в повышении кассовой дисциплины и межуровневой координации.

Заключение

Систематизация нормативно-институциональных изменений. Закрепление ГМП на конституционном уровне и принятие специального закона задали устойчивый многоуровневый формат отрасли, усилили межведомственность и расширили понятийно-целевую архитектуру. Проектный подход стал системообразующим управленческим «якорем», а конкурсno-грантовые инструменты – проводником меритократических траекторий. Одновременно сохраняются вызовы состыковки «новых» и прежних норм, а также необходимость повышения кассовой дисциплины и качества координации.

Разноуровневая реализация и ограничения. Фактическая картина неоднородна: муниципалитеты чаще всего испытывают дефицит кадров, методической поддержки и ресурсов, что снижает эффективность исполнения даже при росте федеральных ассигнований. Вместе с тем локальные лидирующие практики (на примере Нюрбинского района) демонстрируют, что управленческая субъектность (проектные офисы, субсидирование СО НКО/ТОС, работа с волонтерскими сетями) позволяет поддерживать высокую плотность вовлеченности и адресность мер. В ценностно-воспитательном треке закрепилось институциональное «вшивание» воспитания в образование и тиражирование интерактивных форматов патриотки, волонтерства и наставничества.

Предложения по балансировке «пяти переходов» и совершенствованию оценки. Выявлен содержательный дисбаланс в пользу направлений «продолжение учёбы» и «старт трудовой деятельности» при недоразвитости «молодой семьи» и «повторного шанса». Рекомендуются:

- институционально укрепить «семейный» кластер (жильё, занятость, сервисы родительства) и внедрить адресные траектории «второго шанса» (дополнительное образование, переобучение, ре-интеграция уязвимых групп);
- унифицировать индикативную систему мониторинга на базе пар «процесс/результат», дополнив «жесткие» метрики субъективными оценками молодежи;
- усилить муниципальные компетенции (стандарты кадров, методическое сопровождение, «корзины» типовых решений), развивать проектные офисы и цифровые контуры обратной связи;
- повышать долю участия самой молодежи в со-проектировании (молодежные советы, крауд-платформы решений), что критично в условиях «ценностной конфронтации»;
- адресно работать с кассовой дисциплиной и приоритизацией расходов, масштабируя доказательные практики и обеспечивая межуровневую координацию.

В итоге, развитие ГМП РФ в условиях санкций характеризуется нормативным укреплением, управленческим «поворотом к проектам» и усилением воспитательного ядра при сохраняющихся разрывах реализации «на земле». Закрытие выявленных лакун, институционализация мониторинга и расширение участия молодежи – ключ к повышению устойчивости и результативности полити-

Литература

1. Броян, М. Правовое обеспечение молодежной политики в современной России / М. Броян // Актуальные вопросы современной экономики. – 2024. – № 2. – С. 239–244. – EDN DTRVNM.
2. Владимирова, В.Г. Реализация государственной молодежной политики РФ в Нюрбинском районе Республики Саха (Якутия) / В.Г. Владимирова, Ю.А. Иванова, Е.В. Романова // Организация работы с молодежью: традиции и инновации: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Якутск, 17 февраля 2024 года. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2024. – С. 191–194. – EDN GZMQXB.
3. Леонова, О.В. Государственная политика РФ по формированию гражданственности и патриотизма в молодежной среде: социологический и политологический анализ / О.В. Леонова, А.Е. Волкова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 175–193. – DOI: 10.22394/2071-2367-2021-16-1-175-193. – EDN LXRCNM.
4. Лыхин, Д.А. Реализация молодежной политики РФ на муниципальном уровне / Д.А. Лыхин // Наука и Образование. – 2021. – Т. 4, № 3. – EDN EGFDHU.
5. Меркулов, П.А. Иерархия приоритетов государственной молодежной политики РФ: новации и традиции / П.А. Меркулов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Т. 17, № 3. – С. 17–41. – DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-3-17-41. – EDN JEPKUA.
6. Мирошниченко, И.В. Проектный подход в государственной молодежной политике РФ: институциональные практики и потенциал развития / И.В. Мирошниченко, Л.А. Шпиро, К.А. Федоренко // Южно-российский журнал социальных наук. – 2022. – Т. 23, № 1. – С. 26–47. – DOI: 10.31429/26190567-23-1-26-47. – EDN LFEFFH.
7. Пачина, Н.Н. Критерии эффективности региональной молодежной политики РФ / Н.Н. Пачина, О.Н. Блиникова, А.Р. Пачин // Человек. Общество. Наука. – 2022. – Т. 3, № 3. – С. 79–93. – DOI: 10.53015/2686-8172_2022_3_3_79. – EDN PVIDIG.
8. Ретинская, В.Н. Механизмы государственной молодежной политики в Российской Федерации: актуальные проблемы практической реализации / В.Н. Ретинская // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2020. – № 5(82). – С. 30–37. – EDN WEWWGD.
9. Умеренкова, К.А. Государственная молодежная политика РФ: особенности реализации и перспективы развития / К.А. Умеренкова // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. – 2022. – № 4. – С. 23–32. – EDN AFNLWT.
10. Шаповаленко, Л.Ю. Совершенствование государственной молодежной политики в РФ / Л.Ю. Шаповаленко // Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы: сборник научных трудов по материалам Национальной научно-практической конференции, Гатчина, 27 декабря 2019 года. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2020. – С. 33–36. – EDN UVATFE.

DEVELOPMENT OF YOUTH POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF ANTI-RUSSIAN SANCTIONS

Bogomolov I.A.

Law Institute of Peoples' Friendship University of Russia

The article is devoted to the analytical understanding of the development trajectories of the state youth policy (SUP) of Russia in the context of large-scale anti-Russian sanctions and the accompanying "value confrontation". The relevance is due to the increased role of youth as a key resource for national sustainability, the need for normative and institutional consolidation and increased efficiency of implementation mechanisms at all levels. The scientific novelty lies in the synthesis of the project-oriented optics of the "five transitions" with efficiency evaluation matrices and municipal cases of implementation, which allows identifying substantive imbalances (underdevelopment of the "young family" and "second chance" areas), as well as management deficiencies. The work describes regulatory and programmatic changes after 2020, studies management practices (competitive and grant "elevators", patriotic and volunteer formats), financial constraints and demographic risks. Particular attention is paid to the municipal plane and indicative approaches to monitoring. The objective is to propose evidence-based directions for adjustments to the state and municipal financial management system, taking into account the sanctions context. Comparative, institutional and content analysis, case studies, and secondary empirical analysis are used. The conclusion formulates recommendations for balancing priorities, strengthening coordination, and improving cash discipline. The article will be useful for researchers, managers, regional and municipal practitioners of the state and municipal financial management system.

Keywords: state youth policy, sanctions, project approach, patriotic education, normative regulation, municipal level, social lifts, efficiency assessment, demographic risks, volunteering.

References

1. Broyan, M. Legal support for youth policy in modern Russia / M. Broyan // Current issues of modern economics. – 2024. – No. 2. – P. 239–244. – EDN DTRVNM.
2. Vladimirova, V.G. Implementation of the state youth policy of the Russian Federation in the Nurbinsky district of the Republic of Sakha (Yakutia) / V.G. Vladimirova, Yu.A. Ivanova, E.V. Romanova // Organization of work with youth: traditions and innovations: Collection of materials of the III All-Russian scientific and practical conference, Yakutsk, February 17, 2024. – Yakutsk: Publishing house of NEFU, 2024. – P. 191–194. – EDN GZMQXB.
3. Leonova, O.V. State Policy of the Russian Federation on the Formation of Civic Consciousness and Patriotism among the Youth: Sociological and Political Science Analysis / O.V. Leonova, A.E. Volkova // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2021. – Vol. 16, No. 1. – Pp. 175–193. – DOI: 10.22394/2071-2367-2021-16-1-175-193. – EDN LXRCNM.
4. Lykhin, D.A. Implementation of the Youth Policy of the Russian Federation at the Municipal Level / D.A. Lykhin // Science and Education. – 2021. – Vol. 4, No. 3. – EDN EGFDHU.
5. Merkulov, P.A. Hierarchy of priorities of the state youth policy of the Russian Federation: innovations and traditions / P.A. Merkulov // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2022. – Vol. 17, No. 3. – P. 17–41. – DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-3-17-41. – EDN JEPKUA.
6. Miroshnichenko, I.V. Project-based approach in the state youth policy of the Russian Federation: institutional practices and development potential / I.V. Miroshnichenko, L.A. Shpiro, K.A. Fedorenko // South-Russian journal of social sciences. – 2022. – Vol. 23, No. 1. – P. 26–47. – DOI: 10.31429/26190567-23-1-26-47. – EDN LFEFFH.
7. Pachina, N.N. Criteria for the effectiveness of regional youth policy of the Russian Federation / N.N. Pachina, O.N. Blinnikova, A.R. Pachin // Man. Society. Science. – 2022. – Vol. 3, No. 3. – P. 79–93. – DOI: 10.53015/2686-8172_2022_3_3_79. – EDN PVIDIG.
8. Retinskaya, V.N. Mechanisms of state youth policy in the Russian Federation: current problems of practical implementation / V.N. Retinskaya // SEARCH: Politics. Social science. Art. Soci-

- ology. Culture. – 2020. – No. 5(82). – P. 30–37. – EDN WEW-WGD.
9. Umerenkova, K.A. State youth policy of the Russian Federation: features of implementation and development prospects / K.A. Umerenkova // Bulletin of Dubna State University. Series: Sciences of Man and Society. – 2022. – No. 4. – P. 23–32. – EDN AFNLWT.
10. Shapovalenko, L. Yu. Improving the state youth policy in the Russian Federation / L. Yu. Shapovalenko // Management of socio-economic development: innovative and strategic approaches: collection of scientific papers based on the materials of the National scientific and practical conference, Gatchina, December 27, 2019. – Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2020. – P. 33–36. – EDN UVAT-FE.

Ермаков Юрий Александрович,

доктор филос. наук, профессор, кафедра политических наук,
Уральский государственный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: Jury.Ermakov@urfu.ru

Политика и отправление государственной власти обычно считаются исключительно рациональными видами деятельности человека, определяемыми спектром целей, задач и проблем, которые решает общество в целом. Однако в критические, переломные моменты истории в этих интеллектуальных сферах проявляются очевиднее и масштабнее природные, естественные факторы, понимание значения и роли которых помогает не только улучшить прогноз важных общественных событий и трендов, но и эффективнее их регулировать. В связи с этим вопрос о том, почему демократия является довольно хрупким и в то же время крайне привлекательным для многих стран и народов обустройством государства и общества, приобретает сегодня остро актуальное значение. Автор стремится раскрыть в природе человека такие истоки и предпосылки демократии, которые обуславливают, с одной стороны, сильное искушение людей этим порядком общественной жизни. А, с другой стороны, крайнюю неустойчивость и уязвимость демократических начал в нынешних институтах организации политической власти.

Ключевые слова: врожденные программы поведения, иерархия, доминирование, естественная мораль и право, равенство, эмпатия.

Допустимо ли сравнивать политическое поведение человека – с доминантной активностью, например, в популяциях жуков, рыб, птиц или стаде слонов? Некоторые скажут, что сравнивать его, например, с соответствующей деятельностью человекообразных обезьян, куда ни шло, поскольку гомо сапиенс также относится к роду приматов. [4, с. 171–179]. Однако если его действия соотносить с активностью крыс или, хуже того, тараканов, то такое сравнение, очевидно, является бесспорным оскорблением человеческой природы, явным покушением на коронное место человека в природной эволюции в качестве ее венца!

В советское время длительное и яростное отрицание роли биологических инстинктов в построении нового общества и его политической власти сделали свое дело: даже и сегодня люди, как правило, считают их исключительно делом рук человеческих. А политику государства или, к примеру, международных организаций и корпораций числят «высшей математикой» человеческого интеллекта, доступной лишь избранным. Тех же ученых и специалистов, кто пытается применить, например, эволюционный подход к анализу общественно-политических явлений, клеймят нередко как «социал-дарвинистов», «биологизаторов», «редукционистов», «вульгаризаторов» и т.п. [6, с. 681]

Между тем, хорошо известно, что еще почти 2,5 тысячи лет назад Аристотель, размышляя о природе и сущности человека, поименовал его как «животное политическое» («*zoon politikon*»). Будучи основоположником зоологии, он и в оценке содержания и сути природы человека слово «животное», видно, не случайно поставил на первое место, указав таким образом, откуда в его общественной жизнедеятельности вытекают политические начала. [1, с. 7]

Много споров до сих пор ведется о том, что именно подразумевал Аристотель под словом «политическое» и не является ли оно синонимом понятия «общественное». Ведь государство и общество в стародавние времена еще были слиты в полисах – городских поселениях в Древней Греции, построенных на межгрупповом, сословном соподчинении и на этой основе – активном политическом общении жителей между собой. Их взаимодействие, например, в Афинах при архонте Солоне, позволяло, как правило, вырабатывать общие гражданские ценности, цели и приоритеты их совместной жизни, создавать новые органы полисной власти, которые, в свою очередь, связывали данное поселение людей воедино, в некую государственную целостность. Именно разработку этих универсальных «скреп», а говоря научным языком – политических институтов, их внедрение в общественную жизнь, также и укоренение в ней, Аристотель и называл политикой. В свою очередь, эта плодотворная политическая деятельность, по его мнению, генерировала «высшее общественное благо», или, другими словами, «благую (счастливую) жизнь» жителей полиса.

Вместе с тем, превосходя своих животных собратьев с помощью интеллекта, посредством разума, языка и предметно – преобразовательной деятельности, человек тем не менее в значительной части своей сложносоставной природы остается естественным существом. И его поведение, следовательно, во многом определяет-

ся предковой биологической наследственностью и первобытным прошлым.

Словом, Аристотель в этом знаменитом определении сути природы человека указывает на ее, как мы теперь понимаем, драматическую двойственность (и, во многих случаях, биполярность), состоящую из общественно-политической и естественно-биологической частей. Уместно вспомнить при этом, что впоследствии, через тысячелетия, Ч. Дарвин также неоднократно указывал на то, что, например, различия между мышлением человека и животных несут, по его мнению, не столько качественный, сколько количественный характер. Стало быть, первооткрыватель естественного отбора также свидетельствовал нам о родственности высших психических проявлений у человека и животных, более того, о взаимодействии этих, казалось бы, разнородных когнитивных процессов в сложноорганизованной природе самого гомо сапиенса. [3, с. 350–395]

Как же проявляется эта родственность действий наших природных собратьев в политическом и, в частности, демократически ориентированном поведении человека?

Следует напомнить, что в качестве народовластия демократию принято считать не только нормативным общественным идеалом, но и достаточно поздним продуктом общественно-политического опыта и развивающегося разума человека. В борьбе против воинственных поведенческих программ «естественного состояния» людей (Гоббс) и конкурентного отбора в природе (выживает сильнейший!), а также иерархического и авторитарного обустройства древних социумов, опыт и сознание гомо сапиенса с трудом и постепенно содействовали демократизации его сообществ. [5, 44–45]

Однако при этом биологами и антропологами обычно считается, что в результате длительной эволюции человек получил природное наследство со множеством биоиерархических программ организации социальных групп, родоплеменных сообществ. Так, наши предки – гоминиды, появившиеся примерно полтора – два миллиона лет назад, были некрупные и слабо вооруженные существа, занимавшиеся преимущественно собирательством и поиском падали, ловлей мелких животных, насекомых и поглощением трупов. Очень важно, что они были не способны в одиночку или отдельными семьями защищаться от крупных хищников. Вот почему едва ли не единственным выходом в полной смертельной опасности саванне была для них организация стада во главе с жесткой иерархической пирамидой, образованной половозрелыми и наиболее сильными самцами. Благодаря такой иерархии были во многом ликвидированы разрушительные конфликты особей в стаде из-за пищи, самок или мест обитания, и это единство и порядок позволили в минуты опасности организовывать сообщество гоминид как оборонительную структуру, обеспечивающую выживание стада в целом.

Эти программы, весьма кстати впоследствии, помогли сапиенсу упорядочить совместную жизнь и в семейных – родовых общинах, а также в вождествах, создать в них оборонительные структуры, и таким образом сражаться и выжить в многочисленных конфликтах с другими сильными и хищными группами не только в зверином, но и в человеческом мире. Вот одна из причин, почему впоследствии возникшие государства с верховными иерархами во главе – абсолютные монархии и деспотии, тирании и олигархии, обширные империи и военно-полицейские государства – на протяжении всей истории человечества оставались ведущей авторитарно – политической формой организации человеческих социумов.

Другими словами, важную и подчас ключевую роль в установлении подобных властеотношений играли не только политические традиции и опыт государственного строительства, но и накопленная в течении множества тысячелетий естественная генетика врожденных программ господства, доминирования, ранговой дифференциации в соподчинении человеческих индивидов и социальных групп. Очевидным свидетельством естественности и спонтанности таких иерархических программ «воли к власти» является их удивительная способность, подобно кусочкам льда или кристаллам соли в воде, стихийно самособираются в человеческих коллективах – в подростковых ватагах школ или подворотен, в хулиганских и разбойничьих шайках во главе с «авторитетами», в квазиотношениях армейской дедовщины или в мафиозно – клановых структурах различных органов государственной власти.

Между тем в быту, а также во множестве общественных учреждений создаются не только официально установленные иерархии во главе с руководителями, управляющими и топ – менеджерами. Очень часто наряду с ними в социальных группах стихийно образуются еще, как правило, пара иерархий. Во-первых, иерархия из худших – тех, кто словом и делом добровольно помогает всем своим существом и любыми средствами осуществлению официальной власти: обслуги из подобострастных советников и так называемых «шестерок на побегушках», подпевал начальникам-самодурам, наущников и подхалимов, медоточивых льстецов и коварных мастеров закулисных интриг. И во-вторых, образуется очень часто и спонтанная, при этом достаточно мягкая, субординация из людей уважаемых, моральных авторитетов, из здравомыслящих и порядочных индивидов, тех, кто избегает иерархических стычек из-за проявлений в группе «авторитарного синдрома» и спокойно занимается своим делом. С ними между тем часто хотят дружить не только люди высокого ранга, но и низкого положения в группе. [5, 43]. Словом, поведение людей в устойчивых коллективах во многом мотивирует, за редкими исключениями, сложное иерархическое начало, состоящее из комплекса социальных биопрограмм, проверенных естественным отбором как на многих видах животных, включая высших приматов, так и в ранней эволюции человеческих сообществ. Но как мы эту совокупность программ используем, зависит, разумеется, от состояний нашего интеллекта, сложившихся социальных институтов и актуальной культуры.

Вместе с тем, природа делает нам часто своеобразные «подсказки» в этом использовании, развивая, к примеру, наряду с жесткой «самцовой» иерархией т.н. «естественную мораль» у животных. Она включает, во-первых, инстинктивный «самоконтроль», т.е. ряд запретов на определенные акты и виды поведения (на «озверение») в применении смертельного «вооружения» (мышечной мощи, убийственных ядов, саблезубости и т.п.), способные привести в конкурентных внутривидовых стычках к гибели отдельных особей и разрушать таким образом целостность сообществ животных и выживаемость их популяций. И, во-вторых, в многочисленных мутациях в процессах адаптации эта мораль укореняет у большинства животных естественные чувства эмпатии и альтруизма к сородичам, различные «навыки» семейно-родственной взаимопомощи и сотрудничества, и даже, кроме того, деловой кооперации и солидарности на основе разделения видов деятельности. (у муравьев, пчел, бобров и др.)

Таким образом, природа дала нам в наследство не только врожденное стремление к иерархии, статусной дифференциации и ранговой субординации, но и устой-

чивое влечение к равенству и справедливости на его основе. Импульс же равенства у человеческих индивидов, по словам политолога Р. Даля, и составляет первооснову демократического обустройства человеческой жизни. [2, 12–17]. Первоначально импульс равенства развивался у первобытных людей, например, в их сетевой координации во времена загона охот на крупных хищников. Позднее он проявился в «военной демократии» единения боевых дружин в родовых общинах, или, например, на судах греков – разбойников/ торговцев, принимавших, как правило, совместные решения по организации своего лихого промысла. Впоследствии стремление к равенству было, наконец, институционализировано, например, в достижениях римского права. Законы 12 таблиц (450 г. до н.э.), а также Кодекс Юстиниана (525 г.н.э.) впервые юридически обосновали идею «естественных прав» человека, к которым относились первоначально его права на жизнь и на собственность. Впоследствии эти нормы были дополнены правом на свободу (Локк, Монтескье), на стремление к счастью (американская Декларация независимости, 1776 г.), и, кроме того, естественными правами каждого человека на безопасность и сопротивление угнетению. (французская Декларация прав человека и гражданина, 1789).

Следует подчеркнуть, что естественные права человека проистекают из его биологической природы, из ее базовых, экзистенциальных закономерностей. Вот почему они в определенном смысле «досоциальны» и первичны по отношению ко всем нормам, юридически установленным государством и обществом. Кроме того, они универсальны и императивны для всех, поскольку присущи человеку от рождения и поэтому являются в принципе неотъемлемыми. И в самом деле, человек, чтобы быть в состоянии просто жить, дышать и действовать, изначально подвержен необходимости данных прав, их безусловной активности в функционировании общественных отношений.

Но, с другой стороны, в силу иерархических свойств своей природы гомо сапиенс, одержимый в своей тяжелой доле «добывать себе жизнь» (Л.Н. Толстой), и очень часто делать это при помощи своего господства и доминантности, склонен подчас, к сожалению, посягать и даже попирает жизнь, свободу и собственность других людей. Вот почему в истории становления своих сообществ он вынужден прибегать, в частности, к «общественному Договору» в построении такой своей государственности, в которой достигается всеобщий консенсус в определенном ограничении прав отдельных людей (Гоббс, Локк). При этом данные ограничения действуют таким образом и настолько, насколько жизнь, свобода и собственность (включая индивидуальную телесность и рабочую силу) были бы обеспечены всем. Вместе с тем, количественная мера этих ограничений зависит от различных видов государственных устройств, избранных либо обретенных людьми в результате общественного Договора (свободного или навязанного исторически, в силу традиции, а также силовым образом). Таким образом государство, построенное для защиты базовых, естественных прав человека и основанное на законах, стоящих выше государства и его «политических целесообразностей», а также выше воли и разума любого, даже самого могущественного члена общества, такое государство неизбежно становится демократическим.

Кроме того, чрезвычайно важно, что люди постепенно научились использовать неизбежную в силу человеческой природы вертикально – иерархическую схему организации власти и соподчинения в своем сообществе. А именно – путем свободных выборов, разделения и рассредоточения политических властей по специфиче-

ским ветвям и разным территориальным уровням, а также в процессе систематического рекрутинга и ротации во властных органах их кадрового состава, они лишают заданную природой иерархию – ее изначального неравенства и антигуманной сущности. Более того, именно так они заставляют стихийное могущество иерархии работать на благо всех людей, а не только тех, кто находится на вершинах власти и общества.

Словом, демократия, конечно, продукт исторического опыта и разума человека, но без познания и использования им законов и свойств своей сложной природы (иерархии, естественной морали, стремлений к солидарности и равенству всех людей перед императивами жизни и смерти и др.) она бы никогда не состоялась. Хрупкость и уязвимость демократии также объясняется отчасти ее исключительно зародышевыми, начальными истоками в природе. Вот почему человеку, чтобы выжить и развиваться в качестве пассионарного вида и созидательного родового существа, неизбежно придется ее сознательно и всемерно, при этом напряженными и постоянными усилиями, укреплять и улучшать. Пускать же ее существование на самотек, без деятельной поддержки, чревато, в конечном итоге, гибельной деградацией гомо сапиенса и его сообществ. При этом не следует забывать, что демократия – не самая лучшая форма обустройства и развития общества (об этом говорили многие выдающиеся умы человечества), однако чего – то более совершенного человечеству пока, к сожалению, создать не удалось.

Кроме того, следует отметить, что человек, созидая условия и факторы собственного саморазвития, содействует одновременно и упрочению демократических форм организации своей жизни. Так, например, развивая свой язык, речь, естественные и технические коммуникации, он параллельно учится избегать и смертельных войн, разорительных конфликтов и распри, замещая их стремлением договариваться между собой, применять для этого дипломатию, культуру диалога и компромисса, умение строить позитивные и партнерские отношения. Таким образом человеку удается сочетать с демократией и развитие собственной «общительной природы» (Аристотель).

Помимо этого, следуя своим природным стремлениям – быть свободным, продуктивным и к тому же социальным существом, при этом еще и успешно продолжать свой род, человек в своей эволюции последовательно обретает, к примеру, настоятельные потребности в своем жилище, доме, а еще и участке земли, также и в орудиях материального и духовного производства, в других важных благах для своей полноценной индивидуальной жизни в сообществах. В свою очередь, эти земные средства и ресурсы дают человеческим индивидам стойкую уверенность в своих силах, чувство индивидуального достоинства, они служат к тому же важнейшим основанием и точкой отсчета для предпочтительного выбора ими демократических форм организации жизни.

Так, двойственный и нередко биполярный, но при этом чрезвычайно разнообразный набор биопрограмм жизнедеятельности человека, накопленный им в результате своей длительной эволюции, создает возможности их различных комбинаций в действующих ныне государственных и общественных укладах. А практический поиск их оптимального сочетания у разных стран и народов сегодня совсем не ослабевает, поскольку нахождение «золотой середины», т.н. «срединного пути» или оптимального баланса в их сложном соединении позволяет им не без труда выживать. Но обретая при этом историческую перспективу и будущее, такой поиск позволяет развиваться человеческой цивилизации в целом.

Литература

1. Аристотель. Политика. – М.: Изд-во АСТ, 2016–384 с.
2. Даль Р. О политическом равенстве. М.: МШПИ, 2010–112 с.
3. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора – СПб.: Азбука, Азбука – Атиккус, 2017–704 с.
4. Де Валь Ф. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов – М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2016–272 с.
5. Дольник В.Р. Естественная история власти. Статья 2 // «Знания – сила», 1994, № 11, с. 37–45
6. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. – М.: Научное изд-во «Большая Российская Энциклопедия, 1999–912 с.

NATURAL ROOTS OF DEMOCRACY: DO THEY EXIST?

Ermakov Yu.A.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Politics and the exercise of s, Department of Political Science tate power are usually considered to be exclusively rational types of human activity, determined by the range of goals, objectives and problems that society as a whole solves. However, at critical, turning points in history, natural, natural factors manifest themselves more

obviously and on a larger scale in these intellectual spheres, an understanding of the meaning and role of which helps not only to improve the forecast of important social events and trends, but also to regulate them more effectively. In this regard, the question of why democracy is a rather fragile and at the same time extremely attractive for many countries and peoples arrangement of the state and society is becoming acutely relevant today. The author seeks to reveal in human nature such sources and prerequisites of democracy that, on the one hand, determine the strong temptation of people by this order of public life. And, on the other hand, the extreme instability and vulnerability of democratic principles in the current institutions of political power organization.

Keywords: innate behavior programs, hierarchy, dominance, natural morality and law, equality, empathy.

References

1. Aristotle. Politics. – M.: AST Publishing House, 2016–384 p.
2. Dahl R. On Political Equality. M.: MSPI, 2010–112 p.
3. Darwin C. The Origin of Species by Means of Natural Selection – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka – Atticus, 2017–704 p.
4. De Wal F. Politics in Chimpanzees: Power and Sex in Primates – M.: Publishing House “Higher School of Economics”, 2016–272 p.
5. Dolnik V.R. Natural History of Power. Article 2 // “Knowledge is Power”, 1994, No. 11, pp. 37–456.
6. New Illustrated Encyclopedic Dictionary. – M.: Scientific publishing house “Great Russian Encyclopedia, 1999–912 p.

Учет специфики цифрового разрыва при разработке проекта избирательной кампании

Зиновьев Дмитрий Владимирович,

соискатель кафедры социальных и политических наук
Национального института бизнеса
E-mail: apmmaster@mail.ru edited

С позиций проектного подхода к построению избирательной кампании в статье рассматривается специфика влияния цифрового разрыва на электоральный процесс. Автор ставит своей целью разработку практико-ориентированных алгоритмов учёта цифрового разрыва как разновидности социального неравенства, порожденного цифровизацией, при построении проекта избирательной кампании. В методологическом отношении исследование базируется на трёхуровневой модели цифрового неравенства Я. ван Дейка, адаптированной в творчестве ряда отечественных авторов. В работе также используются методологические положения теории социального капитала П. Бурдье. В результате исследования автор приходит к положению о том, что учёт цифрового разрыва имеет содержательный и формальный аспект. В первом аспекте цифровой разрыв как задача преодоления особой формы неравенства включается в содержание политической программы. Во втором аспекте речь идет о формальных условиях (требованиях) к построению политической коммуникации. Трёхуровневая модель цифрового разрыва находит своё воплощение в проекте избирательной кампании как требования к возможности, качеству и эффективности политической коммуникации с избирателями.

Ключевые слова: цифровизация, избирательная кампания, цифровой разрыв, проектный подход к избирательной кампании, уровни цифрового разрыва, электронные выборы.

Введение

Цифровизация политической системы повлекла за собой трансформацию отдельных ее подсистем, в том числе и широкого спектра электоральных политических отношений, процессов и институтов. Сегодня построение проекта избирательной кампании есть, прежде всего, разработка цифрового продукта. Избирательная кампания, локализованная вне и помимо виртуального мира социальных сетей и интернета в целом, цифровых технологий влияния, цифровых инструментов политического участия, а также множества других цифровых механизмов, не просто обречена на провал, но фактически невозможна.

В силу этого обстоятельства крайнюю степень значимости для осмысления и развития цифровых политических технологий имеет научное исследование факторов цифровизации, способных оказать негативное воздействие на успех избирательной кампании и достижение целей участников электорального процесса. Проектный метод в разработке избирательной кампании является тем более эффективным, чем в большей мере он строится на осознании сущностной специфики цифровой сферы и тех проблем, с которыми здесь придется столкнуться.

К числу проблем, порожденных исключительно цифровизацией общественных отношений, относится проблема цифрового разрыва. В современной политической науке цифровой разрыв трактуется как «новый вид социальной дифференциации, связанный с обладанием различными возможностями использования современных информационно-коммуникативных технологий» [3, с. 74]. В такой трактовке становится ясным, что по своей сущностной природе цифровой разрыв является разновидностью социального неравенства, отличительным признаком которой выступает его локализация в сфере доступа к информационно-коммуникативным технологиям. Поэтому такая трактовка будет в настоящем исследовании.

Целью предлагаемого исследования является изучение того, каким образом возникшую в результате цифровизации разновидность социального неравенства, следует учитывать при формировании проекта избирательной кампании. В центре исследования будет находиться практико-ориентированный аспект построения проекта избирательной кампании в условиях влияния одного из факторов цифровизации.

В методологическом отношении исследование опирается на трёхуровневую трактовку цифрового разрыва, представленную в творчестве нидерландского политолога Я. Ван Дейка [19]. В теоретико-методологическом отношении эта концепция была воспринята и творчески развита рядом отечественных учёных, среди которых исследовательские работы Добринской Д.Е. [10], Глухова А.П., Стаховской Ю.М. [4]. В целом рассматриваемый методологический подход близок модели анализа цифрового неравенства, предложенной Международным союзом электросвязи ООН (англ. International Telecommunication Union, ITU). Эта модель, получившая название Индекс развития ИКТ (ICT Development Index), обеспечивает сравнение цифрового разрыва по трем взаимос-

вязанным составляющим: доступ к ИКТ, использование ИКТ и навыки работы с ИКТ, что, в целом, отражает трехуровневый подход [2].

Результаты исследования

Как следует из приведенного определения, цифровой разрыв есть, по своей сути, разновидность социального неравенства. Это новая форма неравенства, возникшая под влиянием цифровизации [1].

В силу данного обстоятельства следует акцентировать, что применительно к построению проекта избирательной кампании можно говорить о двух аспектах, в рамках которых цифровой разрыв следует учитывать. Несколько обобщенно эти аспекты могут быть названы содержательным и формальным.

С содержательной стороны цифровой разрыв представляет собой форму социального неравенства, характерную для современного этапа развития общества. В этом смысле преодоление цифрового неравенства становится содержательно-идеологическим элементом избирательной программы. Цифровой разрыв сегодня – значимая и обязательная тема в содержательном перечне обязательных для коммуникации тем. Вопрос о цифровом разрыве – обязательный компонент избирательной программы современного политика.

Иллюстрируя это положение, следует отметить, что в период с 2018 по 2024 года в Российской Федерации успешно реализовывалась национальная программа «Цифровая экономика». Программа состояла из девяти проектов, восемь из которых были включены в состав и реализованы в рамках государственной программы Российской Федерации «Информационное общество». В частности, речь шла о создании современной инфраструктуры высокоскоростной передачи данных, предполагающей полномасштабное подключение к сети «Интернет» ключевых социально-значимых объектов инфраструктуры, и создающей физически условия для доступности цифровых услуг и инструментов для граждан на всей территории России. Помимо этого, программа способствовала активному развитию цифровых механизмов системы цифрового государственного управления, включая в том числе не только наполнение суперсервиса «Госуслуги», но и реализацию механизмов дистанционного электронного голосования.

При этом успешное завершение реализации программы в 2024 году (уровень достижения целей программы составил 99,5%) не означает завершения цифровой трансформации российского общества. Национальные цели развития России на перспективный период до 2036 предусматривают в частности решение задачи полномасштабной цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы¹. В содержательном отношении это предполагает 99% покрытие всей территории страны к 2036 году высокоскоростным качественным широкополосным доступом в Интернет, практически полный перевод государственных и муниципальных услуг в цифровой режим (целевой показатель – 99%), обеспечение сетевого суверенитета и информационной безопасности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и ряд других значимых аспектов.

Упомянутые проекты, цели которых включены в состав национальных ориентиров развития страны, показывают, что в представители российской политики в пол-

ной мере осознают значение преодоления цифрового разрыва. Совершенно очевидно, что построение информационного общества с широко развитыми цифровыми механизмами, институтами и инструментами есть необходимый элемент поддержания цифрового суверенитета. Те регионы мира, которые окажутся не в состоянии преодолеть свое отставание в уровне и качестве овладения цифровыми технологиями и их имплементации в живую систему социальных отношений обречены на то, чтобы оказаться в роли новых цифровых колоний. Преодоление цифрового разрыва есть важнейший элемент утверждения цифрового суверенитета, альтернативой которого на сегодняшний день является цифровой колониализм.

Вторым аспектом учёта фактора цифрового разрыва при формировании проекта избирательной кампании – формальным, выступают конкретные параметры, образующие неравенство в пользовании цифровыми технологиями. В формальном аспекте цифровое неравенство рассматривается не как содержательный элемент политической коммуникации, но как совокупность особенностей цифровой вовлеченности различных социальных групп, задающей специфику построения самой этой коммуникации. Иначе говоря, если в содержательном отношении учёт цифрового разрыва задает в проекте избирательной кампании обязательное положение – то, о чем следует говорить, то в формальном отношении цифровой разрыв влияет на то, как следует строить на цифровом уровне коммуникацию с гражданами.

В формальном аспекте речь идет о том, что характер взаимодействия граждан с цифровой средой и, прежде всего, с информационным пространством сетевых интернет-ресурсов, значительно влияет на характер политической коммуникации и принципы ее построения.

В целом ряде современных исследований демонстрируется специфика влияния цифрового разрыва на вовлеченность граждан в политическую жизнь, особенности их участия в политике и необходимость учёта данного фактора при построении коммуникации с различными категориями граждан в цифровом политическом пространстве.

Так, Л. Вэй и Д. Хиндман исследовали взаимосвязь между цифровым неравенством и политическим участием в Соединенных Штатах. Используя данные опроса из репрезентативной выборки на национальном уровне, они провели регрессионный анализ, чтобы изучить влияние цифрового неравенства на различные формы политического участия, включая голосование, онлайн-активизм и политические дискуссии. Их результаты показали, что люди с более высоким уровнем цифрового доступа и навыков с большей вероятностью будут участвовать в политической деятельности, как онлайн, так и офлайн. И наоборот, те, «у кого был ограниченный доступ к цифровым технологиям и более низкая цифровая грамотность, были менее вовлечены в политический процесс, что усугубляло существующее политическое неравенство» [20, с. 272]. Л. Вэй и Д. Хиндман рекомендовали принять дополнительные меры по расширению доступа к цифровым технологиям и высказали предложение по увеличению количества образовательных программ цифровой грамотности, ориентированных на гражданское участие. В исследовании подчеркивалось, что сокращение цифрового неравенства имеет решающее значение для укрепления более инклюзивной демократии на основе широкого участия.

К аналогичным данным пришли К. Моссбергер, К. Толберт и Р. Макнил, исследование которых показало, что люди с более высоким уровнем цифровой грамотности с большей вероятностью будут участвовать

¹ Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542>

в онлайн-политической жизни. Они обратили внимание на то, что доступ к цифровым технологиям позволяет отдельным лицам участвовать в социальной и политической деятельности, от участия в онлайн-сообществах до доступа к государственным услугам. В своей коллективной монографии «Цифровое гражданство: интернет, общество, участие» американские политологи особо подчеркивали тот вывод, что «не обладая доступом к цифровым технологиям, маргинализированные группы имеют меньше возможностей участвовать в гражданской жизни и отстаивать свои права» [16, с. 216].

Отечественные исследования также подтверждают положение о том, что цифровой разрыв задает особенность участия граждан в политике и определяет специфику построения политической коммуникации. Так, М.А. Груздева констатирует возможность условного выделения групп, имеющие высокий и низкий потенциал политического участия в различных цифровых форматах, иначе говоря, степень и вероятность вовлечения социальных групп в различные формы проявления гражданской позиции, переведенные в цифровой формат. По ее мнению, «с большей долей вероятности к цифровым форматам гражданского участия могут быть привлечены, скорее, молодые люди и люди среднего возраста (чаще всего занятые и имеющие возможность использовать Интернет как на работе, так и в личных целях), проживающие в городах и имеющие высшее или средне-профессиональное образование» [5, с. 22]. При этом исследователь делает существенную оговорку о том, что предлагаемое «деление будет основано только на доступности, технических и мотивационных характеристиках к посещению Интернета и использования цифровых услуг без учета включенности человека в различные общественные процессы» [5, с. 22]. С точки зрения задачи учёта цифрового разрыва при построении проекта избирательной кампании, эта информация даже с учётом вышесказанного допущения обладает высокой значимостью.

Определенным препятствием на пути развития электронного голосования в России цифровой разрыв между поколениями и между регионами видят Карпова Н.В., Леньков Р.В., Амелин В.С. [8] Опираясь на данные, приводимые в исследовании А.И. Дудочкинова[7], политологи указывают на значительное отличие в объемах населения, которое реально использует доступные в цифровом режиме государственные услуги. В качестве примера приводятся данные по Московской, Сахалинской, Астраханской областям, где этот показатель превышает 90%, тогда как в Тверской области он составляет всего порядка 55,6%.

Бардин А.Л. видит политические риски цифрового разрыва «прежде всего в отчуждении значительных социальных групп от общественной и политической жизни, в их маргинализации, создающей условия для распространения либо политической аномии, либо радикальных идеологий и экстремистских групп» [3, с. 84]. Аналогичные опасения высказывает и Р.Р. Садырtdинов, рассуждающий о том, что в условиях современного общества «отсутствие качественного Интернета легко может привести к политическому и социально-экономическому отчуждению людей» [11, с. 652].

Вышеприведенные исследования являются яркими примерами, подтверждающими необходимость учёта цифрового разрыва при разработке проекта избирательной кампании. Представляется, что включение фактора цифрового разрыва следует осуществлять с опорой на природу самого этого явления. Применительно к содержанию цифрового разрыва большинство современных исследователей придерживается трехуровневой концепции[13;15].

В своем наиболее полном виде трехуровневая концепция цифрового разрыва представлена в монографической работе нидерландского политолога Я. Ван Дейка[19], при этом ее основные идеи высказывались ранее в широком спектре работ как отечественных, так и зарубежных авторов. Первый уровень цифрового разрыва образуют собственно технические (физические) возможности доступа к цифровым технологиям. Здесь речь о непосредственной разнице в доступности широкополосного (или вообще какого-нибудь) подключения к сети интернет в силу технологических, экономических, культурных или иных факторов. Именно преодоление или существенное сглаживание цифрового разрыва на первом уровне стало одной из ведущих целей упоминавшейся выше государственной программы «Информационное общество». Задача создания тотального покрытия доступным широкополосным интернетом на всей территории России, как мы видели, ставится и на перспективу до 2036 года.

Помимо технологической возможности подключения важным компонентом, задающим цифровой разрыв на первом уровне, выступает уровень экономического благосостояния граждан. Здесь речь идет о доступности для большинства населения современных цифровых продуктов (смартфонов, компьютеров, элементов «умного интернета вещей»). В культурном, демографическом и социальном отношении цифровой разрыв первого уровня проявляется в неодинаковой доступности цифровых технологий для различных социальных групп, в силу особенностей их образа жизни и культурных стереотипов и прочих факторов. Перечень таких групп является открытым, подвижным и в целом формируется под влиянием проводимых исследовательских проектов. В качестве примера можно упомянуть об исследованиях цифрового разрыва применительно к женщинам[14], мигрантам, демографическим группам[4] и широкий ряд других работ.

Второй уровень цифрового разрыва создается путём фиксации различия в навыках владения цифровыми технологиями. На этом уровне разрыв образуется «между наличием достаточной материальной базы и отсутствием необходимых навыков и знаний для ее полноценного применения» [6, с. 114]. Как правильно отмечают М. Сандерс и Д. Сканлон, «физический доступ только половина картины: без соответствующих навыков и знаний, связанных с контекстом, цифровой капитал остается недостаточно использованным» [18, с. 153].

Преодоление второго уровня цифрового разрыва в нашей стране также было одной из целей государственной программы «Информационное общество». Как показывают основные результаты, реализация программы позволила достичь значительного прогресса на пути снижения данного уровня. Однако, следует согласиться с мнением Д.Е. Добринской и Т.Е. Мартыненко, которые указывают, что хотя «цифровой разрыв первого уровня в нашей стране практически преодолен, но потенциал сокращения второго и третьего уровней цифрового разрыва явно еще не исчерпан» [6, с. 117].

Третий уровень цифрового разрыва образуют реальные возможности по оптимизации своей жизни, которые получает человек в результате использования цифровых технологий. Представляется не совсем верным сводить данный уровень исключительно к политическим возможностям, как это представляет А.Л. Бардин. Исследователь трактует третий уровень как цифровое неравенство реальных возможностей «полноценного участия индивида в жизни современного «цифрового» общества и демократического участия в политических и социальных процессах, в том числе в реализации гражданских прав

и свобод, в успешном карьерном продвижении, в расширении социальных связей и отношений (политический уровень)» [3, с. 76].

Отталкиваясь от предлагаемой Я. ван Дейком общей трактовки третьего уровня как уровня неравенства «в навыках и умениях эффективно использовать эти технологии» [19, с. 27], представляется более адекватным трактовать этот уровень в свете концепции социального капитала П. Бурдьё. Речь идет о том, могут ли пользователи, имеющие доступ к цифровым технологиям, конвертировать его в социальный капитал и использовать в дальнейшем для расширения собственного поля влияния. Социальные сети и в целом цифровые инструменты при их эффективном использовании способны существенно повысить социальный статус индивида, тогда как неспособность конвертировать цифровые технологии в социальный капитал вполне может привести к социальной изоляции и маргинализации как отдельного гражданина, так и социальной группы.

Трактовка третьего уровня цифрового разрыва в свете теории социального капитала позволяет охватить все те параметры, которые исследователи рассматривают в качестве потенциально или актуально квантифицируемых показателей, позволяющих представить здесь цифровой разрыв в количественных показателях, а именно «карьера, электронная коммерция и возможность взаимодействия с органами власти» [12, с. 87], практики использования государственных электронных сервисов [17], возможность использования результатов работы с цифровыми инструментами «на цифровом рынке, чтобы повысить свои жизненные шансы» [9, с. 78]. Однако в целом, следует согласиться с превалирующим в научной среде мнением, что «жизненные шансы и возможности, связанные с успешным освоением ИКТ, сложно измерить» [6, с. 115].

Заключение

В результате интеграции представленной трехуровневой структуры цифрового разрыва мы получаем возможность сформировать соответствующую им проекцию на избирательную кампанию. Как представляется при разработке проектного метода следует учитывать следующие аспекты.

1. Неравенство в уровне доступа к цифровым технологиям в электоральной среде. Этот уровень можно назвать учетом цифрового неравенства при формировании самой политической коммуникации.

Разработке плана коммуникации с использованием цифровых ресурсов следует предпослать тщательный анализ характера и особенностей доступа населения к цифровым ресурсам на той территории, которая охватывается проектом избирательной программы. Следует учитывать цифровое неравенство в доступе к виртуальному коммуникационному пространству для различных социальных групп, прежде всего демографических, гендерных и экономических. При этом важнейшим фактором учёта в данном аспекте становится ранее мало эксплицированный фактор цифрового разрыва по объемам свободного времени и доступности цифровых механизмов в это свободное время. Представляется, что данный вопрос требует своего отдельного эмпирического исследования в силу того, что прямые и, казалось бы, очевидные выводы о наибольшем объеме свободного времени у пожилых людей никак не снижают уровень цифрового разрыва применительно к ним. Молодежь, имеющая меньший объем свободного времени, гораздо в большем объеме проведет его в цифровых ресурсах, чем пожилое поколение.

2. Неравенство в уровне сформированности навыков – уровень качества политической коммуникации. Этот уровень цифрового разрыва требует проработки в проекте избирательной кампании модели политической коммуникации с учетом конкретики известных данных об уровне навыков тех пользователей, с которыми планируется выстраивать политическую коммуникацию. Речь идет об адаптации программ сообразно специфике социальной сети, учитывая, что одни социальные группы более адаптированы к определённым платформам, тогда как другие – к иным. Равным образом и степень интерактивности, взаимодействие через цифровые инструменты, включая разработку приложений следует создавать с учётом имеющегося цифрового разрыва.

3. Неравенство на уровне использования результатов формирования цифровой компетенции образует в проекте избирательной кампании уровень эффективности политической коммуникации. Если на предыдущих уровнях учёта цифрового разрыва речь шла преимущественно о пассивной позиции политического актора, отталкивающегося от имеющейся ситуации в сфере цифрового разрыва, то на третьем уровне пассивная позиция должна смениться активной. Проект избирательной кампании в сфере цифровой коммуникации должен предусматривать преимущества и выгоды, которые пользователь будет получать в результате того, что он освоит механизмы цифрового взаимодействия.

На третьем уровне проект избирательной кампании должен не только учитывать, но и стремиться к преодолению цифрового разрыва. Речь идет о присвоении статусов, получении выгод в виде подарков, призов, особых отметок, иных преимуществ. Важно отметить, что указанные преимущества не обязательно должны носить материальный характер. Значимую роль должны иметь именно цифровые преимущества – интеграция навыка использования цифровой технологии в социальный капитал. Представляется, что выведение из социальной изоляции и вовлечение в виртуальную цифровую коммуникацию должно давать для пользователя немедленный эффект в виде роста его социального капитала путем приобщения к сообществу и увеличения объема социальных благ. Как представляется такой подход способен существенно повысить эффективность цифровой политической коммуникации в рамках проекта избирательной кампании.

В целом, подводя итоги исследования, можно отметить, что учет цифрового разрыва предполагает интеграцию в проект избирательной кампании двух основных моментов. В содержательном аспекте вопрос о преодолении цифрового разрыва является необходимым элементом политической программы на современном этапе. Задача преодоления цифрового разрыва признается в качестве приоритетной на национальном уровне в целом. Поэтому при проведении избирательной кампании следует интегрировать этот вопрос в содержание программы сообразно уровню и характеру электората.

Формальный аспект учёта цифрового разрыва обращает внимание на то, что политическая коммуникация с избирателями должна быть построена сообразно специфике цифрового разрыва на трех уровнях. Учет первого уровня позволяет создать саму «физическую» возможность для политической коммуникации, путем анализа характера доступности цифровых инструментов и продуктов различным социальным группам. Учет второго уровня позволяет повысить качество политической коммуникации путем анализа сформированных у пользователей навыков обращения с цифровыми продуктами, предпочтений и антипатий пользователей и т.п. Учет третьего уровня позволяет повлиять на результаты по-

литической коммуникации путем конвертации способности работать с цифровыми механизмами в социальный капитал. Здесь проект избирательной кампании должен предусматривать высокую степень активности актёров политической коммуникации, предпринимающих усилия по оказанию помощи избирателям в преодолении цифрового разрыва третьего уровня.

Литература

1. Айрапетян Д.А., Черкасова Т.П. Цифровой разрыв современного социума в международно-политическом измерении. //Иновации. Наука. Образование. 2021. № 47. С. 2279–2289.
2. Бабурина Н.А., Деттер Г.Ф., Лёвкина А.О. Оценка факторов цифрового разрыва в контексте вовлечения населения в социально-политические процессы на местном уровне // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Том 10. № 5А. С. 50–62.
3. Бардин А.Л. Цифровые разрывы в современном мегаполисе: политическое измерение. – Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 73–88.
4. Глухов А.П., Стаховская Ю.М. Цифровой разрыв в фокусе межпоколенческой коммуникации. // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 148–155.
5. Груздева М.А. Диджитализация гражданского участия: ограничения в поле цифровых разрывов // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 1. С. 15–24.
6. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва. //Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120.
7. Дудочников А.И. Уровень заинтересованности населения к внедрению дистанционного электронного голосования на политических выборах в России. – Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 2(59). С. 8–12.
8. Карпова Н.В., Леньков Р.В., Амелин В.С. Дистанционное электронное голосование: опыт и проблемы э-демократии в современной России. //Власть. 2024. Т. 32. № 6. С. 66–71.
9. Костина С. Н., Новикова О.Н. Цифровое неравенство школьников в условиях дистанционного обучения: кейс Пермского края // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. Т. 21, № 3. С. 77–86.
10. Мартыненко Т. С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171–192.
11. Садырtdинов Р.Р. Цифровой разрыв в сельской России: последствия пандемии COVID-19 // Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 4. С. 650–664.
12. Чижов А.А. Уровни цифрового неравенства: особенности проявления в Уральском федеральном округе // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 4. С. 80–93.
13. Baraka K. Digital Divide and Social Inequality. // International Journal of Humanity and Social Sciences. 2024. Vol. 3, Issue No. 3, pp. 30–45.
14. Dixon, L. J., et al. Gendered Space: The Digital Divide Between Male and Female Users in Internet Public Access Sites. //Journal of Computer-Mediated Communication. 2014. Vol. 19(4). p. 991–1009;

15. Fung K.K. et al. A Systematic Review of the Digital Divide Experienced by Migrant Women. // Journal of International Migration and Integration. 2025. № 1.
16. Mossberger, K., Tolbert, C. J., & McNeal, R. S.. Digital citizenship: The internet, society, and participation. – Cambridge, MIT Press, 2017. – 311 p.
17. Ragnedda, M., Kreitem, H. The three levels of digital divide in East EU countries. //World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies, 2018. № 1.
18. Sanders, M., & Scanlon, D. Digital Literacy and the Modern Divide: A Comprehensive Study. //Journal of Digital Society, 2021. Vol. 8(2), 150–171.
19. van Dijk J. The Digital Divide. Cambridge; Medford: Polity Press. 2020. 224 p.
20. Wei, L., & Hindman, D.B. Does the digital divide matter more? Comparing the effects of new media and old media use on the education-based knowledge gap. // Mass Communication and Society, 2018, Vol. 21(3), 256–277.

DIGITAL DIVIDE IN AN ELECTION CAMPAIGN PROJECT

Zinoviev D.V.

National Institute of Business

From the perspective of a project-based approach to building an election campaign, the article examines the specifics of the impact of the digital divide on the electoral process. The author aims to develop practice-oriented algorithms for taking into account the digital divide as a type of social inequality generated by digitalization when building an election campaign project. Methodologically, the study is based on a three-level model of digital inequality. van Dyck, adapted in the works of a number of Russian authors. The paper also uses the methodological provisions of P. Bourdieu's theory of social capital. As a result of the research, the author comes to the conclusion that accounting for the digital divide has a substantive and formal aspect. In the first aspect, the digital divide as a task of overcoming a special form of inequality is included in the content of the political program. In the second aspect, we are talking about the formal conditions (requirements) for building political communication. The three-level model of the digital divide is embodied in the draft election campaign as a requirement for the possibility, quality and effectiveness of political communication with voters.

Keywords: digitalization, election campaign, digital divide, project approach to the election campaign, levels of the digital divide, electronic elections.

References

1. Airapetyan D.A., Cherkasova T.P. The Digital Divide of Modern Society in the International and Political Dimension. //Innovations. Science. Education. 2021. No. 47. Pp. 2279–2289.
2. Baburina N.A., Detter G.F., Lyovkina A.O. Assessment of Digital Divide Factors in the Context of Population Involvement in Socio-Political Processes at the Local Level // Theories and Problems of Political Research. 2021. Vol. 10. No. 5A. Pp. 50–62.
3. Bardin A.L. Digital Gaps in the Modern Megalopolis: A Political Dimension. – Polis. Political Research. 2021. No. 6. Pp. 73–88.
4. Glukhov A.P., Stakhovskaya Yu.M. The Digital Gap in the Focus of Intergenerational Communication. // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2021. No. 59. Pp. 148–155.
5. Gruzdeva M.A. Digitalization of Civil Participation: Limitations in the Field of Digital Gaps // Digital Sociology. 2022. Vol. 5, No. 1. Pp. 15–24.
6. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Prospects for the Russian Information Society: Levels of the Digital Divide. // RUDN University Bulletin. Series: Sociology. 2019. Vol. 19. No. 1. Pp. 108–120.
7. Dudochnikov A.I. The Level of Public Interest in the Introduction of Remote Electronic Voting in Political Elections in Russia. – Kazan Social and Humanitarian Bulletin. 2023. No. 2(59). Pp. 8–12.

8. Karpova N.V., Lenkov R.V., Amelin V.S. Remote Electronic Voting: Experience and Problems of E-Democracy in Modern Russia. //Vlast. 2024. V. 32. No. 6. P. 66–71.
9. Kostina S. N., Novikova O.N. Digital Inequality of Schoolchildren in the Conditions of Distance Learning: The Case of the Perm Region // Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities. 2021. Vol. 21, No. 3. Pp. 77–86.
10. Martynenko T. S., Dobrinskaya D.E. Social Inequality in the Age of Artificial Intelligence: From the Digital to the Algorithmic Gap //Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2021. No. 1. Pp. 171–192.
11. Sadytdinov R.R. Digital Gap in Rural Russia: Consequences of the COVID-19 Pandemic // Ars Administrandi (The Art of Administration). 2024. Vol. 16, No. 4. Pp. 650–664.
12. Chizhov A.A. Levels of Digital Inequality: Features of Manifestation in the Ural Federal District // Management Issues. 2024. Vol. 18, No. 4. Pp. 80–93.
13. Baraka K. Digital Divide and Social Inequality. // International Journal of Humanity and Social Sciences. 2024.Vol. 3, Issue No. 3, pp. 30–45.
14. Dixon, L. J., et al. Gendered Space: The Digital Divide Between Male and Female Users in Internet Public Access Sites. //Journal of Computer-Mediated Communication. 2014. Vol. 19(4). p. 991–1009;
15. Fung K.K. et al. A Systematic Review of the Digital Divide Experienced by Migrant Women. // Journal of International Migration and Integration. 2025. № 1.
16. Mossberger, K., Tolbert, C. J., & McNeal, R. S.. Digital citizenship: The internet, society, and participation. – Cambridge, MIT Press, 2017. – 311 p.
17. Ragnedda, M., Kreitem, H. The three levels of digital divide in East EU countries. //World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies, 2018. № 1.
18. Sanders, M., & Scanlon, D. Digital Literacy and the Modern Divide: A Comprehensive Study. //Journal of Digital Society, 2021. Vol. 8(2), 150–171.
19. van Dijk J. The Digital Divide. Cambridge; Medford: Polity Press. 2020. 224 p.
20. Wei, L., & Hindman, D.B. Does the digital divide matter more? Comparing the effects of new media and old media use on the education-based knowledge gap. //Mass Communication and Society, 2018, Vol. 21(3), 256–277.

Современные политические технологии России в отношениях с приграничными странами: анализ и перспективы

Карелин Вадим Олегович,

соискатель, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: vadimkarelin@gmail.com

Данилова Елена Александровна,

доктор политических наук, доцент, профессор
кафедры политологии Факультета социальных наук
и массовых коммуникаций Финансового университета
при Правительстве РФ

В статье авторами проведен анализ политических технологий, применяемых Российской Федерацией в отношении с дружественными приграничными странами, рассмотрены основные элементы применения отдельных механизмов реализации внешнеполитических интересов и перспективы развития применяемых политических технологий в условиях глобальных вызовов и построения многополярного мира.

Ключевые слова: политические технологии, геополитика, пропаганда, политическая реклама, культурная дипломатия, информационные технологии, медиатехнологии.

В условиях глобальных вызовов, связанных с формированием в мире новых центров принятия политических и экономически значимых решений, Россия, будучи крупнейшей страной по территории, играет важную роль в мировой политике, сталкиваясь с множеством вызовов в условиях меняющегося международного порядка. К числу таких вызовов можно отнести экономическую зависимость, геополитическую и миграционную нестабильность, информационные войны, террористические и экстремистские угрозы.

Связанная в большей степени с экспортом энергоресурсов экономика России с 2022 года претерпела значительные преобразования, столкнувшись с необходимостью диверсификации каналов их поставок, переосмыслением логистики и переориентацией с европейского на в основном азиатский рынок сбыта. Также, столкнувшись с беспрецедентным санкционным давлением со стороны стран Коллективного Запада, в условиях геополитических преобразований, России пришлось ориентироваться на несвойственные ей ранее модели экономических взаимодействий, посредством которых поддерживать свой внутренний и внешнеэкономический потенциал.

В качестве инновационных Россией с 20 марта 2022 года¹ была принята модель параллельного импорта, свойственная таким крупным мировым экономикам, как США, Канада, Великобритания, Бразилия и Турция, что позволило сохранить производственные мощности и нивелировать санкционное давление, в том числе и поддерживать экономически третьи страны, определив новые пути экономического роста. Так, модели параллельного импорта были запущены с Китаем, Беларусью, Казахстаном, Арменией и иными приграничными странами-партнерами. Благодаря достигнутому внешнеполитическому влиянию и экономическим договоренностям с дружественными странами внутренний рынок Российской Федерации был обеспечен востребованными товарами, исключен дефицит, а также стабилизированы цены в условиях внешних санкционных ограничений.

Геополитическая нестабильность во многом обусловлена формированием новых центров силы и переходом к многополярному миру, ведущими центрами которого становятся такие геополитические игроки, как Россия, Китай, Индия, Бразилия и другие страны Глобального Юга. Доминирование стран Запада во главе с США и реализуемая ими на протяжении многих лет политика неоколониализма терпят одно поражение за другим.

Изменения признает и администрация Президента США Дональда Трампа. Так, в одном из недавних интервью госсекретарь США Марко Рубио отметил: «Это

¹Приказ Минпромторга России от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/75082.html>

ненормально, когда в мире просто есть однополярная сила... это было аномалией. Это было результатом окончания Холодной войны... в конечном итоге вы вернетесь к точке, где у вас будет многополярный мир»¹.

Во многом это обеспечено внешней политикой России, к числу успехов в которой следует отнести расширение сферы влияния и лоббирование расчетов в национальных валютах среди стран-членов БРИКС, модель взаимовыгодных экономических отношений посредством ЕАЭС и обеспечение региональной безопасности с партнерами по ОДКБ, расширение сфер влияния в Азии и в Африке, укрепление военного и стратегического партнерства в рамках ШОС, благодаря научно-техническому, военно-промышленному и экономическому сотрудничеству с Китаем и Северной Кореей и прочим достигнутым политическим успехам России.

Во многом, политический вес Российской Федерации на мировой арене в условиях глобальных вызовов обеспечен благодаря своевременным политическим решениям и технологиям, применяемым во внутренней и внешней политике.

В политической теории под политическими технологиями принято понимать совокупность методов, приемов, механизмов и специальных инструментов, которые используются в политической деятельности лидерами, элитами и партиями для достижения определенных целей, и охватывающих широкий спектр действий, влияющих на общественное мнение, формирование имиджа политических субъектов, управление политическими и экономическими процессами.

Отметим, что в последние годы в связи с распространением информационно-телекоммуникационных технологий все чаще мы можем упоминать о цифровых политических технологиях, ориентированных на общественное мнение пользователей социальных сетей и современных информационных ресурсов.

Нельзя не согласиться с О.В. Тимофеевым, который отмечает, что «информационные технологии в политической сфере представляют собой совокупность наиболее рациональных процедур и операций по применению политическими субъектами особенностей и потенциала, свойственного глобальной сети Интернет для достижения политических целей и задач»².

В качестве конвенциональных моделей политических технологий, доступных для применения в условиях современных вызовов следует отметить:

1. Политическую рекламу – модель, позволяющую использоваться различные медиаформаты и платформы для продвижения политических идей. Отметим, что политическая реклама может основываться как на целенаправленном влиянии на определенных субъектов (лидеров стран, социальные группы, общественные институты), так и быть опосредованной.

2. Политическая реклама сочетается с такой технологией как событийный менеджмент – организационными мероприятиями, которые могут привлечь внимание СМИ и общественности к определенным политическим направлениям или политической фигуре.

Например, проведение Форума «Россия-Африка» в апреле 2024 года позволило привлечь внимание мировой общественности не только к вопросам Глобального Юга, но и закрепить за Российской Федерацией ведущую роль внешнеполитического игрока, имеющего

высокий потенциал для политического, экономического и стратегического взаимодействия, а также привлечь новых партнеров по различным направлениям мировой и региональной политики. Аналогичным образом можно отметить и XVI саммит БРИКС, прошедший в октябре 2024 года в Казани, ежегодные Санкт-Петербургский и Восточный экономические форумы, к участию в которых, наравне с постоянными членами и дружественными России странами, были приглашены региональные стратегические партнеры и государства, только претендующие на роль будущих партнеров Российской Федерации.

Важно отметить, что данные мероприятия были широко освещены в средствах массовой информации и международном медиапространстве, имеют высокий потенциал дальнейшего развития и ориентированы на установление долгосрочных отношений с приграничными странами, как из числа постоянных партнеров России – стран СНГ: Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, так и ведущими мировыми политическими игроками и перспективными экономиками, в числе которых Китай, Северная Корея и Монголия.

В июне 2024 года был подписан бессрочный Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве с Северной Кореей³, предусматривающий осуществление межгосударственных взаимодействий по ряду ключевых направлений, к числу которых относят политическую координацию, торгово-экономические отношения, инвестиции по приоритетным направлениям экономики, а также совместное обеспечение безопасности сторон, что существенно повышает обороноспособность обоих государств.

Также, 8 мая 2024 года решением Высшего Евразийского совета была запущена процедура коллаборации между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Монголией – с другой, по вопросам внешней торговли⁴, а также 3 сентября 2024 года Соглашение о сотрудничестве в области поставок нефтепродуктов в Монголию⁵, что существенно политически и экономически укрепило позиции ЕАЭС и России в регионе и в мире.

Демонстрация сильных лидерских позиций крупного политического игрока в евроазиатском регионе через медиаформат показала политическую и экономическую привлекательность Российской Федерации и лоббируемых ею организаций – ЕАЭС, БРИКС, ШОС и др. – для всего мира, что позволило «поднять политические ставки», устранив негативную ангажированность в оценке России на мировой арене в сторону расширения инноваций и перспектив взаимодействия по различным геополитическим и экономическим вопросам.

3. Информационные кампании – комплекс мероприятий, ориентированных на распространение определен-

³ Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой, подписан 19.06.2024, вступил в силу 04.12.2024 // Официальный сайт МИД России. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/

⁴ Страны ЕАЭС подписали решение о начале переговоров с Монголией. Официальный сайт Агентства РИА-Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240508/eaes-1944805158.html>

⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о сотрудничестве в области поставок нефтепродуктов, подписан 03.09.2024, вступил в силу 14.09.2024 // Официальный сайт МИД России. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62608/

¹ Кремль приветствует высказывание Рубио о многополярности. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/02/05/1090321-kreml-privetstvuet>

² Тимофеев О.В. Понятийные проблемы политических интернет-технологий: поиск адекватной интерпретации // Власть. 2011. № 7. С. 47

ной информации, формирование общественного мнения.

Информация и пропаганда выступают одними из ключевых политических технологий, направленных на повышение привлекательности политического субъекта, страны или избранного политического курса.

Так, одним из наиболее важных направлений развития экономической площадки ЕАЭС за последние годы выступила цифровизация технических регламентов в рамках развития интеграции, укрепления единого экономического пространства и углубления сотрудничества между государствами-членами, в соответствии с ранее принятой цифровой повесткой ЕАЭС от 26 декабря 2016 года.

Кроме того, в 2024 году в рамках Саммита ОДКБ, проводившегося в Казахстане, в числе ключевых направлений развития Организации были обозначены дальнейшие пути по обеспечению коллективной безопасности среди государств-членов, в том числе и в рамках реализации Второй Минской конференции по евразийской безопасности, включая вопросы по совершенствованию информационного и аналитического обеспечения работы Организации, ориентированного в числе прочих вопросов коллективной безопасности, на повышение уровня осведомленности о деятельности ОДКБ.

Не менее важным направлением информационной повестки России является принятие российской резолюции по борьбе с героизацией нацизма в СБ ООН 18 декабря 2024 года, за которую проголосовало 119 стран¹. Подготовленная резолюция рекомендует государствам принять надлежащие конкретные меры, в том числе в законодательстве и в сфере образования, в соответствии с их международными обязательствами в области прав человека для предотвращения пересмотра истории и итогов Второй мировой войны.

Россия также решительно осудила инциденты, связанные с героизацией и пропагандой нацизма, включая нанесение граффити и рисунков пронацистского содержания, в том числе на памятники жертвам Второй мировой войны. Отдельно в тексте отмечена рекомендация о запрете любых торжественных чествований нацистского режима и его союзников. Принятый по инициативе России документ настоятельно призывает государства ликвидировать все формы расовой дискриминации всеми соответствующими средствами, в том числе законодательно, если этого требуют обстоятельства. Кроме того, резолюция решительно осуждает использование образовательных материалов и риторики, пропагандирующих расизм, дискриминацию, ненависть и насилие на основе этнического происхождения, национальности, религии или убеждений.

4. Анализ и мониторинг общественного мнения – одна из передовых политических технологий, связанная с проведением социологических исследований для понимания настроений общественности и корректировки политических стратегий.

Анализ общественного мнения наравне с мониторингом конфликтных и предконфликтных ситуаций является действенным методом получения политически значимой информации, необходимой для определения потенциальных угроз внутреннего характера.

Среди мониторинга общественного мнения принято выделять: электоральные опросы, ориентированные на политические предпочтения граждан; маркетинговые исследования (политический маркетинг), основным

¹ О принятии Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о борьбе с героизацией нацизма. Официальный сайт МИД России [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1988097/

объектом которого вступает рынок и исследования под управленческие решения, ориентированные на фиксацию реакций общественного мнения на политически значимые события и решения властных структур – важной целью таких исследований является установление уровня доверия населения к органам власти и наличие протестных настроений в отношении отдельных направлений государственной и социальной политики.

Анализ и мониторинг общественного мнения, безусловно, является важной технологией, применяемой Россией при выборе стратегии и принятии решений на внешнеполитическом треке в отношении не только постсоветских стран, но и стран всего мира.

5. Экономическое сотрудничество. Активно развиваемые Россией технологии, определяющие возможности расширения и диверсификации выгодного экономикополитического сотрудничества, через развитие инновационных технологий, участие в инвестиционных проектах путем создания совместных предприятий и развитие стратегически важных торговых отношений уже сейчас позволяет России последовательно укреплять экономическую независимость от потрясений рынка, расширять экономическое и политическое влияние в регионе.

Российская Федерация активно использует платформу ЕАЭС для углубления экономической интеграции со странами-членами – прежде всего, Беларуссией, Казахстаном и Киргизией – что способствует взаимовыгодному сотрудничеству, повышению экономического благосостояния, нормализации миграционной политики.

6. Культурная дипломатия, которая выражается, прежде всего, через культурный обмен и программы сотрудничества по наиболее важным социальным вопросам с дружественными государствами.

Так, в 2024–2025 гг. в России и Китае на государственном уровне были объявлены Годами культуры стран-партнеров², и включили более 230 мероприятий, направленных на углубление гуманитарного сотрудничества, расширение связей между государственными учреждениями и общественными институтами стран, способствующих открытию новых перспективных направлений взаимодействия.

Кроме того, в апреле 2024 года министерства культуры России и Казахстана приняли Программу по сотрудничеству в сфере культуры на 2024–2026 годы, целями которой выступили – укрепление культурных связей, повышение доступности культурных форматов и проектов для граждан двух стран, а также сохранение культурного и художественного достояния.

Важно отметить, что главным объединительным стержнем международных отношений Российской Федерации с ее соседями неизменно является русский язык, который в таких странах как Белоруссия, Кыргызстан и Казахстан, имеет статус государственного.

Безусловно, можно констатировать, что поддержка русскоязычного населения имеет важное геополитическое значение, что позволяет Российской Федерации сохранять и укреплять сложившиеся веками культурные связи.

Между тем, следует отметить и такой важный политический институт как содействие добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, благодаря которой обеспечивается политическая и финансовая поддержка воспитанных в традициях российской культуры, владеющих

² Распоряжение Президента Российской Федерации от 03.01.2024 № 3-рп «О проведении Годов культуры России – Китая». Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401030009>

русским языком, соотечественников, в наибольшей мере способных к адаптации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей российского общества.

Данная государственная программа¹ безусловно благоприятно способствует социально-экономическому развитию России, стимулированию и организации процесса добровольного переселения соотечественников в Российскую Федерацию, содействию социально-экономическому развитию регионов и решения демографических проблем, в первую очередь на территориях приоритетного заселения за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Российскую Федерацию.

7. Информационные технологии и медиа – информационная поддержка, обеспечиваемая посредством развития современных информационных технологий и медиа площадок, популярных не только среди российского общества, но и на приграничных территориях.

Информационная повестка – одно из приоритетных направлений политики, особенно в условиях противодействия информационной войне. В связи с этим немаловажное значение имеет развитие пророссийски ориентированных, альтернативных информационных каналов и источников информации, способных противостоять дезинформации западных СМИ.

Одним из наиболее актуальных источников информации, освещающим политику Российской Федерации, на современном этапе остается медиаресурс Russia Today, обладающий офисами по всему миру. Кроме того, средства информации, включая официальные государственные органы и лидеров общественно-политического мнения в России, имеют свои официальные страницы в наиболее популярных на территории Российской Федерации и иностранных государств социальных сетях и медиаресурсах, что существенно повышает возможности международных коммуникаций по наиболее важным вопросам внешней политики.

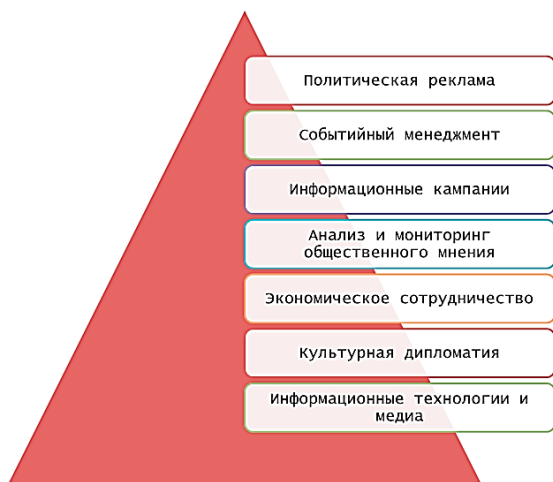

Рис. 1. Конвенциональные модели релевантных политических технологий в геополитической плоскости «Россия – приграничные страны»

Источник: составлено автором.

Следует отметить, что некоторые пророссийские каналы подвергаются политической цензуре (и даже блокировке) в ряде государств, относящихся к странам Коллективного Запада или к числу недружественных стран, однако, зачастую официальные страницы государственных

органов в социальных сетях – остаются единственным гласным источником для осуществления международных взаимодействий, в т.ч. на дипломатическом уровне (рис. 1).

Проведенный анализ конвенциональных политических технологий доказал их действенность в условиях современных политических реалий.

Можно выделить ряд важных перспектив развития международных отношений с приграничными дружественными странами, к числу которых следует отнести:

1) необходимость углубления интеграции по вопросам экономического, геополитического и стратегического сотрудничества по различным направлениям государственной политики;

2) ориентированность Российской Федерации на обеспечение и сохранение региональной стабильности;

3) развитие интегрированных информационных технологий и цифровых площадок при осуществлении взаиморасчетов и межгосударственных взаимодействий;

4) участие в многосторонних региональных инициативах, что позволит России укрепить свои позиции на международной арене и наладить сотрудничество с соседними странами.

Литература

1. Байханов И.Б. Влияние информационных технологий на характер политических коммуникаций // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 12(138). С. 64–70
2. Глушакова Е.А. Политическая повестка дня: стадия принятия политических решений или политическая технология? // Политическая наука как призвание и профессия: Материалы международного круглого стола, посвященного 75-летию доктора политических наук, профессора, заслуженного работника образования Республики Беларусь С.В. Решетникова, Минск, 27 июня 2024 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2024. С. 53–57.
3. Гришин О.Е. Политические технологии в XXI веке: сущность, спектр, характер // PolitBook. 2014. № 2. С. 19–32.
4. Гришин О.Е. Политическая Интернет-коммуникация: сущность, специфика, технологии // Социосфера. 2013. № 3. С. 186–190.
5. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой, подписан 19.06.2024, вступил в силу 04.12.2024 // Официальный сайт МИД России. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/.
6. Кремль приветствует высказывание Рубио о многополярности. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/02/05/1090321-kreml-privetstvuet>
7. Лукашина Ю.И. Политические технологии в XXI веке // Власть. 2012. № 1. С. 48–55.
8. Мадамин А.А. Политические технологии – важный фактор политических изменений // Проблемы современной науки и образования. 2019. № 12–2(145). С. 166–170.
9. Несмашный А.О. Интернет-технологии в политике и политические информационные интернет-технологии: различия в сущности и содержании понятий // Социум и власть. 2017. № 2(64). С. 59–64
10. Приказ Минпромторга России от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров),

¹ См. Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 637 // СПС ГАРАНТ. Режим доступа: <https://base.garant.ru/189653/>

в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/75082.html>.

11. Распоряжение Президента Российской Федерации от 03.01.2024 № 3-рп «О проведении Годов культуры России – Китая». Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401030009>.
12. О принятии Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о борьбе с героизацией нацизма. Официальный сайт МИД России [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1988097/.
13. Страны ЕАЭС подписали решение о начале переговоров с Монголией. Официальный сайт Агентства РИА-Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240508/eaes-1944805158.html>
14. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о сотрудничестве в области поставок нефтепродуктов, подписан 03.09.2024, вступил в силу 14.09.2024 // Официальный сайт МИД России. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62608/.
15. Тимофеев О.В. Понятные проблемы политических интернет-технологий: поиск адекватной интерпретации // Власть. 2011. № 7. – С. 47
16. Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 637 // СПС ГАРАНТ. Режим доступа: <https://base.garant.ru/189653/>.

MODERN POLITICAL TECHNOLOGIES OF RUSSIA IN RELATIONS WITH BORDERING COUNTRIES: ANALYSIS AND PROSPECTS

Karelin V.O., Danilova E.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article analyzes the political technologies employed by the Russian Federation in its relations with friendly neighboring countries. The authors examine the main elements of specific mechanisms used to implement foreign policy interests, as well as the prospects for the development of these political technologies amid global challenges and the formation of a multipolar world.

Keywords: political technologies, geopolitics, propaganda, political advertising, cultural diplomacy, information technologies, media technologies.

References

1. Baykhanov I.B. The Impact of Information Technologies on the Nature of Political Communications // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2019. No. 12(138). P. 64–70

2. Glushakova E.A. Political Agenda: Stage of Political Decision-Making or Political Technology? // Political Science as a Vocation and Profession: Proceedings of the International Round Table Dedicated to the 75th Anniversary of Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus S.V. Reshetnikov, Minsk, June 27, 2024. Minsk: Belarusian State University, 2024. P. 53–57.
3. Grishin O.E. Political Technologies in the 21st Century: Essence, Spectrum, Character // PolitBook. 2014. No. 2. P. 19–32.
4. Grishin O.E. Political Internet Communication: Essence, Specificity, Technologies // Sociosphere. 2013. No. 3. P. 186–190.
5. Treaty on Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea, signed on 19.06.2024, entered into force on 04.12.2024 // Official website of the Russian Foreign Ministry. Access mode: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/.
6. The Kremlin welcomes Rubio's statement on multipolarity. [Electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/02/05/1090321-kreml-privetstvuet>
7. Lukashina Yu.I. Political technologies in the 21st century // Power. 2012. No. 1. P. 48–55.
8. Madaminov A.A. Political technologies – an important factor in political changes // Problems of modern science and education. 2019. No. 12–2 (145). P. 166–170.
9. Nesmashny A.O. Internet technologies in politics and political information Internet technologies: differences in the essence and content of concepts // Society and power. 2017. No. 2 (64). P. 59–64
10. Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia dated 19.04.2022 No. 1532 “On approval of the list of goods (groups of goods) in respect of which the provisions of subparagraph 6 of Article 1359 and Article 1487 of the Civil Code of the Russian Federation do not apply, provided that the specified goods (groups of goods) are introduced into circulation outside the territory of the Russian Federation by copyright holders (patent holders), as well as with their consent” // SPS ConsultantPlus. Access mode: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/75082.html>.
11. Order of the President of the Russian Federation dated 03.01.2024 No. 3-rp “On holding the Years of Russia – China Culture”. Official Internet portal of legal information. [Electronic resource]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401030009>.
12. On the adoption by the UN General Assembly of a resolution on combating the glorification of Nazism. Official website of the Russian Foreign Ministry [Electronic resource]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1988097/.
13. The EAEU countries signed a decision to start negotiations with Mongolia. Official website of the RIA Novosti Agency [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20240508/eaes-1944805158.html>
14. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Mongolia on cooperation in the field of supplies of petroleum products, signed on 09/03/2024, entered into force on 09/14/2024 // Official website of the Russian Foreign Ministry. Access mode: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62608/.
15. Timofeev O.V. Conceptual problems of political Internet technologies: search for adequate interpretation // Power. 2011. No. 7. – P. 47
16. Decree of the President of the Russian Federation of June 22, 2006 No. 637 // SPS GARANT. Access mode: <https://base.garant.ru/189653/>.

Стратегия устойчивого и совместного развития компьютерных технологий для создания цепочки поставок возобновляемых источников энергии в соответствии с повесткой дня организации объединенных наций на период до 2030 года

Ли Цзе,

аспирант Белорусского государственного университета

E-mail: li8948785@gmail.com

Мировое сообщество стоит перед лицом беспрецедентных вызовов, связанных с изменением климата и необходимостью обеспечения устойчивого развития. Растущее потребление энергии, основанное в основном на ископаемом топливе, приводит к увеличению выбросов парниковых газов, негативно влияющих на окружающую среду и здоровье человека. В связи с этим, критически важным становится переход к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ) как ключевому компоненту декарбонизации экономики и достижения целей Парижского соглашения. В статье рассматривается стратегия устойчивого и совместного развития компьютерных технологий для создания эффективной цепочки поставок возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в контексте выполнения целей Повестки дня Организации Объединенных Наций на период до 2030 года. Уделяется внимание важности интеграции современных технологий, таких как блокчейн, Интернет вещей (IoT), искусственный интеллект (ИИ) и облачные вычисления.

Автор анализирует текущие вызовы и барьеры, с которыми сталкиваются компании в области ВИЭ, включая недостаток данных, проблемы с отслеживанием и управлением ресурсами, а также необходимость в стандартизации и совместимости систем. В статье предлагаются рекомендации по разработке и внедрению стандартов и протоколов, которые обеспечат взаимодействие между различными участниками цепочки поставок, включая производителей, дистрибьюторов и конечных потребителей. Кроме того, рассматриваются примеры успешного применения компьютерных технологий в цепочках поставок ВИЭ, а также их влияние на достижение целей устойчивого развития, таких как доступ к чистой энергии, снижение углеродного следа и улучшение качества жизни. В заключение подчеркивается необходимость совместных усилий всех заинтересованных сторон для создания устойчивой и эффективной экосистемы, способствующей развитию возобновляемых источников энергии и выполнению глобальных целей ООН.

Ключевые слова: компьютерные технологии, возобновляемые источники энергии, потребление энергии.

Введение

Организация Объединенных Наций (ООН) признает критическую роль ВИЭ в достижении Целей устойчивого развития (ЦУР), особенно ЦУР 7 (Доступная и чистая энергия) и ЦУР 13 (Борьба с изменением климата). К 2030 году необходимо значительно увеличить долю ВИЭ в мировом энергетическом балансе. Однако успешная реализация этого амбициозного плана сталкивается с рядом серьезных препятствий, в том числе с необходимостью создания эффективных и устойчивых цепочек поставок для производства, транспортировки, установки и эксплуатации оборудования для ВИЭ [1].

Современные цепочки поставок ВИЭ характеризуются сложностью, непрозрачностью и уязвимостью. Они подвержены влиянию геополитических факторов, волатильности цен на сырье, экологическим и социальным рискам. Кроме того, часто отсутствует отслеживаемость происхождения материалов и компонентов, что затрудняет контроль за соблюдением этических норм и стандартов устойчивого развития. Необходимость повышения эффективности, сокращения затрат, обеспечения прозрачности и повышения устойчивости цепочек поставок ВИЭ делает критически важным внедрение инновационных подходов.

Существующие цепочки поставок ВИЭ часто не отвечают требованиям устойчивого развития, характеризуются недостаточной прозрачностью, подвержены различным рискам и не всегда соответствуют требованиям, предъявляемым к современным, инновационным системам. Необходимы новые стратегии, способные преобразовать существующие цепочки поставок, повысить их эффективность, прозрачность и устойчивость, обеспечив соответствие целям ООН до 2030 года [2].

Цель исследования: разработать стратегию устойчивого и совместного развития компьютерных технологий для создания эффективной, прозрачной и устойчивой цепочки поставок возобновляемых источников энергии, способствующей достижению ЦУР ООН к 2030 году.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Провести анализ текущего состояния цепочек поставок ВИЭ, выявить узкие места, барьеры и возможности для улучшения.
2. Изучить и проанализировать потенциал применения современных компьютерных технологий (блокчейн, IoT, искусственный интеллект, анализ больших данных, облачные вычисления) для оптимизации цепочек поставок ВИЭ.
3. Разработать концептуальную модель устойчивой и совместной цепочки поставок ВИЭ, основанную на применении выбранных компьютерных технологий.
4. Оценить экономические, социальные и экологические выгоды от внедрения предложенной стратегии.
5. Сформулировать рекомендации по реализации стратегии, включая политические, технические и организационные аспекты.

Объект исследования: цепочки поставок возобновляемых источников энергии.

Предмет исследования: стратегия устойчивого и совместного развития компьютерных технологий для оптимизации цепочек поставок ВИЭ.

В исследовании будут использованы следующие методы:

1. Анализ литературы (научные публикации, отчеты, аналитические материалы).
2. Обзор и анализ существующих цепочек поставок ВИЭ.
3. Оценка перспектив применения современных компьютерных технологий.
4. Разработка концептуальной модели.
5. Оценка экономической, социальной и экологической эффективности.
6. Анализ нормативно-правовой базы и политических аспектов.

Научная новизна исследования заключается в разработке комплексной стратегии, объединяющей компьютерные технологии для оптимизации цепочек поставок ВИЭ, с акцентом на достижение ЦУР ООН.

Практическая значимость исследования заключается в предоставлении конкретных рекомендаций для правительств и международных организаций по разработке политики поддержки развития устойчивых цепочек поставок ВИЭ.

Структура работы: работа состоит из основной части, в которой будут последовательно рассмотрены следующие вопросы: анализ текущего состояния, обзор технологий, разработка модели, оценка эффективности, рекомендации и заключение. В заключении будут сформулированы основные выводы и рекомендации.

Анализ текущего состояния цепочек поставок ВИЭ

Современные цепочки поставок ВИЭ часто включают в себя множество уровней поставщиков, производителей, дистрибьюторов и других участников, расположенных по всему миру. Эта сложность затрудняет отслеживание информации о происхождении сырья, производственных процессах, условиях труда и экологическом воздействии. Непрозрачность приводит к [5]:

- Сложности в аудите и контроле: Трудно проверить соответствие поставщиков стандартам устойчивого развития и этическим нормам.
- Повышению рисков: Увеличивается вероятность возникновения проблем, связанных с качеством продукции, соблюдением прав человека и защитой окружающей среды.
- Снижению доверия потребителей: Потребители все больше интересуются происхождением и устойчивостью приобретаемой продукции, и отсутствие прозрачности может негативно повлиять на их выбор.
- Усложнению процессов управления и координации: Сложно оперативно реагировать на изменения спроса и предложения, а также координировать действия различных участников цепочки поставок.

Отсутствие эффективной системы отслеживания происхождения сырья и компонентов является серьезной проблемой для цепочек поставок ВИЭ. Это приводит к:

- Невозможности гарантировать экологическую и социальную устойчивость: Сложно проверить, добывается ли сырье экологически устойчивым способом и соблюдаются ли права человека на шахтах и фабриках.

- Риску использования конфликтных минералов: Невозможно гарантировать, что в производстве оборудования ВИЭ не используются минералы, добытые в зонах конфликтов, что может способствовать финансированию вооруженных группировок.
- Сложности в обеспечении соответствия нормативным требованиям: Многие страны вводят требования к отслеживаемости происхождения материалов, и отсутствие соответствующей системы может затруднить экспорт продукции.
- Риску использования подделок и контрафактной продукции: Отсутствие отслеживаемости затрудняет выявление подделок и контрафактной продукции, что может привести к снижению качества и надежности оборудования ВИЭ.

Цепочки поставок ВИЭ подвержены различным экологическим и социальным рискам, включая [6]:

- Нарушения прав человека:
- Детский труд: Использование детского труда на шахтах и фабриках, где добывается и перерабатывается сырье для производства оборудования ВИЭ.
- Принудительный труд: Принудительный труд и эксплуатация рабочих в производственных процессах.
- Нарушение прав коренных народов: Нарушение прав коренных народов при добыче сырья и строительстве объектов ВИЭ.
- Загрязнение окружающей среды:
- Выбросы загрязняющих веществ: Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу и водные объекты в процессе добычи, переработки и производства.
- Уничтожение лесов и биоразнообразия: Уничтожение лесов и нарушение экосистем при добыче сырья и строительстве объектов ВИЭ.
- Образование отходов: Образование опасных отходов в процессе производства и эксплуатации оборудования ВИЭ.
- Опасные условия труда: Опасные условия труда на шахтах, фабриках и строительных площадках.

Современные цепочки поставок ВИЭ часто характеризуются низкой эффективностью и медленной реакцией на изменения спроса и предложения. Это приводит к:

- Высоким запасам: Необходимость поддерживать высокие запасы сырья и готовой продукции для удовлетворения спроса.
- Увеличению сроков выполнения заказов: Увеличение сроков выполнения заказов из-за задержек в производстве и логистике.
- Потерям продаж: Потеря продаж из-за нехватки продукции или неспособности быстро адаптироваться к изменениям спроса.
- Неоптимальному планированию производства: Неспособность точно прогнозировать спрос и оптимизировать планирование производства.

Высокие затраты и зависимость от ограниченного числа поставщиков являются серьезной проблемой для цепочек поставок ВИЭ. Это приводит к [7]:

- Высокой стоимости оборудования ВИЭ: Высокая стоимость сырья, производства и логистики увеличивает стоимость оборудования ВИЭ, что снижает его конкурентоспособность.
- Риску срыва поставок: Зависимость от ограниченного числа поставщиков увеличивает риск срыва поставок в случае проблем на производстве или политической нестабильности.
- Слабой переговорной позиции: Компании, зависящие от ограниченного числа поставщиков, имеют слабую переговорную позицию и могут быть вынуждены платить завышенные цены.

Проблемы стандартизации и совместимости оборудования ВИЭ и его компонентов создают дополнительные трудности для цепочек поставок:

- Ограниченная взаимозаменяемость: Ограниченная взаимозаменяемость компонентов от разных производителей затрудняет ремонт и обслуживание оборудования.
- Высокие затраты на интеграцию: Высокие затраты на интеграцию оборудования от разных производителей в единую систему.
- Сложности в планировании и проектировании: Сложности в планировании и проектировании систем ВИЭ из-за отсутствия единых стандартов и протоколов.
- Потребность в индивидуальных решениях: Разработка уникальных решений для каждого конкретного проекта, что ведет к росту расходов и увеличению сроков завершения.

Осознание этих трудностей и задач – это отправная точка для формулирования результативных стратегий, основанных на компьютерных технологиях, которые нацелены на создание более надежных, открытых и продуктивных цепочек поставок возобновляемой энергетики. Далее в последующих разделах будут рассмотрены конкретные технологии и методы, способные помочь справиться с этими вызовами и содействовать достижению целей устойчивого развития.

Обзор компьютерных технологий для оптимизации цепочек поставок ВИЭ

Блокчейн предоставляет возможность создания нестираемой истории каждого шага перемещения товаров, начиная от места добычи сырья и заканчивая конечным покупателем. Это дает возможность удостовериться в подлинности и соответствии качества продукции заявленным стандартам, а также обеспечивает быструю реакцию на любые сбои в логистической цепочке [8].

Применение блокчейн-технологий способствует формированию открытой системы, где все стороны, участвующие в процессе, имеют доступ к данным о перемещении товаров и могут их проверять. Данный подход укрепляет взаимное доверие между партнерами и минимизирует вероятность мошеннических действий, так как каждая операция регистрируется и доступна для анализа.

Блокчейн способен упростить и ускорить финансовые переводы, исключая необходимость участия посредников и снижая затраты на транзакции. Это особенно важно при осуществлении международных сделок, где традиционные методы могут быть медленными и финансово затратными. С использованием смарт-контрактов можно автоматизировать расчеты, что дополнительно снижает риски и увеличивает эффективность [9].

Технологии блокчейн выступают в качестве мощного инструмента для повышения эффективности и надежности логистических цепочек. Их использование позволяет не только улучшить контроль за перемещением товаров, но и создать более прозрачные и защищенные условия для всех участников рынка.

IoT-устройства обеспечивают непрерывный мониторинг состояния оборудования и инфраструктуры в режиме реального времени. Это охватывает отслеживание температуры, давления, уровня запасов и иных важных параметров, что способствует предотвращению поломок и обеспечению бесперебойной работы.

IoT-технологии содействуют повышению эффективности управления имуществом, предоставляя возмож-

ность заблаговременно планировать техобслуживание, основываясь на данных о реальном состоянии оборудования. Такой подход уменьшает вероятность незапланированных поломок, продлевает эксплуатационный срок активов, что в конечном итоге приводит к существенной экономии финансовых ресурсов [10].

Внедрение IoT обуславливает автоматизацию ряда процессов, включая управление товарными запасами, логистику и распределение. Данное решение не только ускоряет рабочие процессы, но и способствует сокращению издержек, минимизируя человеческий фактор и ошибки, связанные с ручным управлением. Автоматизация также предоставляет возможность более точного прогнозирования потребностей и оптимизации складских запасов.

Искусственный интеллект и машинное обучение позволяют осуществлять анализ больших массивов данных для точного прогнозирования спроса и предложения. Опираясь на исторические данные, сезонные тенденции и внешние факторы, к примеру, экономическую обстановку и трансформации в потребительских предпочтениях, компании могут с большей точностью предсказывать перспективные товары.

Искусственный интеллект способен привнести существенные улучшения в логистику, оптимизируя, к примеру, маршруты и распределение товаров. Алгоритмы, обрабатывая информацию о дорожной обстановке, погоде и иных параметрах, формируют наиболее рациональные маршруты и способы доставки, сокращая тем самым сроки и расходы на перевозку.

Применение ИИ и машинного обучения способствует автоматизации процессов принятия решений, основанных на анализе данных. Это включает в себя автоматический расчет оптимальных цен, управление складскими запасами, а также выбор поставщиков. Автоматизация минимизирует риски ошибок, возникающих из-за человеческого фактора, и даёт компаниям возможность оперативно адаптироваться к изменениям на рынке.

Анализ больших данных предполагает аккумулирование информации из всевозможных ресурсов: системы управления складами, CRM-системы, социальные сети, Интернет вещей (IoT) и прочие. Такой подход дает возможность составить полную картину о положении дел в компании и окружающей среде. Интегрирование данных из разных источников способствует выявлению неочевидных взаимосвязей и зависимостей, которые могут оказать существенную помощь при принятии стратегических решений [6].

Используя методы анализа больших данных, возможно обнаружить тренды и паттерны, оказывающие воздействие на бизнес-процессы. Скажем, анализ исторических данных о продажах способен выявить сезонные колебания спроса, равно как и предпочтения потребителей. Эти знания позволяют компаниям корректировать стратегии и предлагать более релевантные продукты и услуги.

Анализ больших данных – важный инструмент для повышения конкурентоспособности и эффективности бизнеса. Он позволяет компаниям собирать и анализировать информацию из различных источников, определять ключевые тенденции и паттерны, а также принимать более обоснованные решения, что, в итоге, приводит к оптимизации бизнес-процессов и росту лояльности клиентов.

Геоинформационные системы (ГИС) позволяют анализировать пространственные данные и визуализировать информацию о местоположении объектов. В контексте цепочек поставок ГИС могут использоваться для оптимизации маршрутов доставки, планирования

размещения складов и производственных мощностей, а также для оценки влияния географических факторов на логистику. Это позволяет компаниям более эффективно управлять своими ресурсами и снижать затраты на транспортировку и хранение [5].

Другие технологии, такие как 3D-печать, цифровые двойники и геоинформационные системы, играют важную роль в трансформации цепочек поставок. Их применение способствует повышению гибкости, эффективности и устойчивости процессов, что позволяет компаниям лучше адаптироваться к изменениям на рынке и удовлетворять потребности клиентов.

Новая концепция модели цепи поставок строится на интеграции современных IT-решений, включая Интернет вещей (IoT), блокчейн, большие данные и искусственный интеллект (ИИ). Применение этих технологий способствует повышению прозрачности, эффективности и устойчивости всей цепочки.

Участники цепи поставок [6]:

- Поставщики: Предоставляют сырье и комплектующие.
- Дистрибьюторы: Распределяют продукцию между розничными продавцами.
- Розничные продавцы: Осуществляют продажу продукции конечным потребителям.
- Потребители: Приобретают и используют продукцию.

Поставщики:

- Отвечают за качество и своевременность поставки сырья.
- Используют IoT для контроля состояния поставляемых материалов.

Производители:

- Отвечают за производство продукции в соответствии с принятыми стандартами качества.
- Применяют ИИ для оптимизации производственных процессов и планирования.

Дистрибьюторы:

- Отвечают за эффективное распределение товаров по регионам.
- Используют большие данные для анализа спроса и оптимизации маршрутов доставки.

Розничные продавцы [7]:

- Отвечают за уровень сервиса для клиентов и управление складскими запасами.
- Используют технологии для анализа поведения покупателей и прогнозирования спроса.

Потребители:

- Отвечают за обратную связь по качеству продукции.
- Участвуют в процессе оценки и выбора товаров через цифровые платформы.

Данная концептуальная модель способствует созданию более гибкой, прозрачной и эффективной цепи поставок, способной оперативно реагировать на изменения рынка и запросы потребителей.

Для оценки устойчивости цепочки поставок можно использовать следующие ключевые показатели эффективности (KPI):

Экологические показатели [8]:

- Выбросы CO₂:
- Измеряется в тоннах CO₂ на единицу продукции или на километр транспортировки.
- Позволяет оценить углеродный след цепочки поставок и выявить возможности для его снижения.
- Использование энергии:
- Общее количество энергии, потребляемое на всех этапах цепочки поставок (например, в производстве, транспортировке и хранении).

- Измеряется в киловатт-часах (кВтч) на единицу продукции.

– Отходы:

- Объем отходов, образующихся на каждом этапе цепочки поставок, включая упаковку и производственные отходы.

- Измеряется в тоннах или процентах от общего объема продукции.

Социальные показатели [9]:

– Условия труда:

- Оценка условий труда на всех уровнях цепочки поставок (например, соблюдение стандартов безопасности, справедливая оплата труда).

- Может измеряться через опросы сотрудников или аудиты поставщиков.

– Влияние на местные сообщества:

- Оценка социального воздействия бизнеса на местные сообщества, включая создание рабочих мест и поддержку местной экономики.

- Измеряется через количество созданных рабочих мест или участие в социальных инициативах.

Экономические показатели:

– Снижение затрат на устойчивые практики:

- Оценка экономической эффективности внедрения устойчивых практик (например, использование возобновляемых источников энергии).

- Измеряется как процент снижения затрат по сравнению с традиционными методами.

– Доля устойчивых поставщиков:

- Процент поставщиков, соответствующих определенным критериям устойчивости (например, сертификации ISO 14001).

- Позволяет оценить уровень устойчивости всей цепочки поставок.

Внедрение современных технологий и оптимизация процессов может привести к значительному сокращению времени выполнения операций. К примеру, автоматизация складских операций способна урезать период обработки заказов на 30–50%, что ведет к уменьшению расходов на рабочую силу и увеличению скорости обслуживания покупателей [10].

Применение аналитических инструментов для прогнозирования спроса и контроля запасов способствует минимизации рисков, обусловленных избыточными или не достаточными запасами. Это может повлечь за собой сокращение издержек на хранение и уменьшение потерь из-за устаревания продукции.

Введение систем управления запасами на основе данных (к примеру, Just-in-Time) способно сократить издержки на хранение до 20–30%. Эффективное управление запасами также позволяет сократить объем инвестиций в товарные запасы.

Улучшение сервиса и ускорение обработки заказов способны привлечь новых потребителей и укрепить связь с существующими, что позитивно влияет на рост прибыли.

Внедрение передовых технологий и расширение масштаба деятельности могут стимулировать появление новых рабочих мест в разных сферах: от информационных технологий и аналитики до логистики управления поставками. К примеру, автоматизация процессов может потребовать специалистов по поддержке и разработке технологий [4].

Устойчивые подходы и новаторские решения открывают новые рынки и ниши для бизнеса. Компании, активно применяющие принципы устойчивого развития, могут получить конкурентное преимущество и привлечь внимание инвесторов.

Исследования в области социального воздействия затрагивают ряд важных вопросов, касающихся улучшения условий труда, защиты прав человека и увеличения социальной ответственности бизнеса. Ключевые направления анализа охватывают следующее:

Государственные структуры должны рассмотреть возможность организации целевых фондов, предназначенных для финансирования проектов, способствующих внедрению устойчивых принципов в цепочках поставок возобновляемой энергетики (ВИЭ). Это может предусматривать предоставление субсидий, грантов и налоговых послаблений предприятиям, инвестирующим в экологически чистые технологии и устойчивые методы производства [5].

Критически важно разработать и ввести в действие нормативно-правовые акты, направленные на поддержку устойчивого развития. Такие меры могут включать в себя обязательные требования для компаний по сокращению выбросов, улучшению условий труда и соблюдению прав человека на всех этапах производственной цепочки. Регулирование должно быть гибким и адаптироваться к переменам в технологиях и рыночной среде.

Формирование сетей между правительствами, бизнесом и научными учреждениями на международном уровне поможет обмениваться опытом и ресурсами. Такие сети могут способствовать совместным исследованиям, разработке инновационных технологий и внедрению устойчивых практик.

Развивающиеся страны часто сталкиваются с большими трудностями в переходе на устойчивые цепочки поставок. Развивающиеся странами следует оказывать помощь в виде технической и финансовой поддержки, а также обмена знаниями, чтобы помочь им развивать свои собственные устойчивые практики.

Заключение

Политический аспект внедрения устойчивых цепочек поставок ВИЭ требует активного участия правительств и международного сотрудничества. Рекомендации по финансовым вопросам, нормативами стандарта, а также развитие международного сотрудничества заложат основу для устойчивого роста и эффективного применения возобновляемой энергетики.

Создание централизованной информационной платформы, интегрирующей информацию о логистических цепочках, обеспечит участникам рынка оперативную передачу данных и мониторинг процессов в реальном времени. Это будет способствовать большей прозрачности и улучшению управления ресурсами.

Применение облачных технологий для хранения и обработки информации гарантирует доступ к данным в любое время и из любого места. Данный подход также позволит сократить расходы на инфраструктуру и упростить масштабирование систем.

Литература

1. Биомасса в возобновляемой энергетике. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://www.renwex.ru/ru/ii/biomassa/>
2. Возобновляемые источники энергии в развивающихся странах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Renewable_energy_in_developing_countries – Дата доступа: 26.06.2025
3. Возобновляемая энергия – обеспечение более безопасного будущего. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/climatechange/>

raising-ambition/renewable-energy – Дата доступа: 26.06.2025

4. Главные органы ООН. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/main-bodies> – Дата доступа: 26.06.2025
5. ЕРС контракт. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://neftegaz.ru/tech-library/menedzhment/141747-erc-podryad-kontrakt/>
6. Инструменты финансирования возобновляемых источников энергии: глобальные проблемы и тенденции в свете растущей роли государства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esfcompany.com/articles/stroitelstvo/instrumenty-finansirovaniyavozobnovlyaemykh-istochnikov-energii-globalnye-problemy-i-tendentsii-v-s/> – Дата доступа: 26.06.2025
7. Мировые инвестиции в возобновляемые источники энергии. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://iqtechnology.ru/tpost/c7rj2x0a71-mirovie-investitsii-v-vozobnovlyaemiei?ysclid=1q80hrurcw656580125> – Дата доступа: 26.06.2025
8. Парижское соглашение. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> – Дата доступа: 26.06.2025
9. Что такое ВИЭ. Объясняем простыми словами. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-vie-obyasnyamprostymi-slovami.htm>
10. Что такое возобновляемая энергия? [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://www.un.org/ru/climatechange/what-is-renewable-energy>

A STRATEGY FOR THE SUSTAINABLE AND COLLABORATIVE DEVELOPMENT OF COMPUTER TECHNOLOGIES TO CREATE A RENEWABLE ENERGY SUPPLY CHAIN IN LINE WITH THE UNITED NATIONS 2030 AGENDA

Li Jie

Belarusian State University

The global community is facing unprecedented challenges related to climate change and the need to ensure sustainable development. Increasing energy consumption, based mainly on fossil fuels, leads to an increase in greenhouse gas emissions that negatively affect the environment and human health. In this regard, the transition to renewable energy sources (RES) is becoming critically important as a key component of decarbonizing the economy and achieving the goals of the Paris Agreement. The article discusses a strategy for the sustainable and collaborative development of computer technologies to create an efficient supply chain of renewable energy sources (RES) in the context of meeting the goals of the United Nations 2030 Agenda. Attention is paid to the importance of integrating modern technologies such as blockchain, the Internet of Things (IoT), artificial intelligence (AI) and cloud computing.

The author analyzes the current challenges and barriers faced by companies in the field of renewable energy, including lack of data, problems with tracking and resource management, as well as the need for standardization and compatibility of systems. The article offers recommendations for the development and implementation of standards and protocols that will ensure interaction between various participants in the supply chain, including manufacturers, distributors and end users. In addition, examples of successful use of computer technologies in renewable energy supply chains are considered, as well as their impact on achieving sustainable development goals such as access to clean energy, reducing the carbon footprint and improving the quality of life. In conclusion, the need for joint efforts by all stakeholders is emphasized in order to create a sustainable and efficient ecosystem that promotes the development of renewable energy sources and the achievement of the UN global goals.

Keywords: computer technologies, renewable energy sources, energy consumption.

References

1. Biomass in Renewable Energy. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.renwex.ru/ru/ii/biomassa/>
2. Renewable energy sources in developing countries [Electronic resource]. – Access mode: https://en.wikipedia.org/wiki/Renewable_energy_in_developing_countries – Access date: 06/26/2025
3. Renewable energy – ensuring a safer future. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.un.org/ru/climatechange/raising-ambition/renewable-energy> – Access date: 06/26/2025
4. The main bodies of the UN. [Electronic resource]: Access mode: <https://www.un.org/ru/about-us/main-bodies> – Access date: 06/26/2025
5. EPC contract. [Electronic resource]. – Access mode: <https://neftegaz.ru/tech-library/menedzhment/141747-epc-podryad-kontrakt/>
6. Instruments for financing renewable energy sources: global problems and trends in light of the growing role of the state. [Electronic resource]. – Access mode: <https://esfcccompany.com/articles/stroitelstvo/instrumenty-finansirovaniyavozobnovlyaemykh-istochnikov-energii-globalnye-problemy-i-tendentsii-v-s/> – Access date: 06/26/2025
7. Global investments in renewable energy sources. [Electronic resource]. – access mode: <https://iqtechnology.ru/tpost/c7rj2x0a71-mirovie-investitsii-v-vozobnovlyaemieiis?ysclid=lq80hrurcw656580125> – Access date: 06/26/2025
8. Paris Agreement. [Electronic resource]. – access mode: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> – Access date: 06/26/2025
9. What is renewable energy. We explain in simple terms. [Electronic resource]. – access mode: <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-vie-obyasnyaemprostymi-slovami.htm>
10. What is renewable energy? [Electronic resource]. – access mode: <https://www.un.org/ru/climatechange/what-is-renewable-energy>

Панов Анатолий Иванович,

доктор политических наук, профессор, начальник отдела патриотической работы Российского Союза ветеранов, полковник в отставке
E-mail: Ponchik.92@bk.ru

В статье разработан первичный подход к созданию концепции как комплексной стратегии, направленной на формирование у молодого поколения России чувства национальной принадлежности, уважения к истории своей страны и готовности к гражданской ответственности. Структура статьи предусматривает теорию патриотического воспитания и практику его решения. Приведены примеры успешного решения проблемы и проанализированы риски и недостатки в этой работе.

Ключевые слова: ветераны, патриотизм, концепция, воспитание, молодежь, Родина, теория, практика, ценности, мужество, Россия.

Концепция работы ветеранов по патриотическому воспитанию молодежи (далее по тексту «Концепция») должна представлять собой комплексную стратегию, направленную на формирование у молодого поколения чувства национальной принадлежности, уважения к истории своей страны и готовности к гражданской ответственности. **Это цель вышеназванной предлагаемой концепции. Целевой аудиторией** в первую очередь являются ветераны, в основном пенсионеры и лица, прошедшие школу военной службы, в том числе участники боевых действий [11]. В концепции должны быть учтены потребности целевой аудитории и способы их удовлетворения. Кто является потребителем, какие у них желания, как разработанный продукт будет решать их проблемы.

Концепция – это теория, а «Без теории нам смерть» [7], эти слова генералиссимуса И. Сталина точно подтверждают необходимость теоретического осмысления и научного оформления деятельности ветеранов по патриотическому воспитанию молодежи. А также необходимости концентрации разрозненных теоретических описаний этой деятельности и таких же разрозненных практических действий. Любой социальный институт, не имеющий аутентичного обоснования фактически идеологии, не будет эффективно работать в рамках поставленных задач.

В условиях современных вызовов, включая глобализацию и информационное воздействие, роль ветеранов как хранителей исторической памяти и активных участников воспитательного процесса приобретает особую значимость. Философ В.А. Шишкин выдвинул интересную идею, что начиная с Первой мировой войны, все более активную и возрастающую роль в готовности государств к предстоящим войнам в XX и XXI веке приобретает национальное **военное самосознание**. Оно развивается циклически, через подъемы и кризисы, и имеет разнообразные формы развития, от стратегии и тактики до медицины и образования, литературы и кино.

Если военное самосознание страны находится в кризисе в момент начала войны, высока вероятность ее поражения в войне. В качестве антикризисной меры одной из важнейших форм военного самосознания является воспитание патриотизма у подрастающих поколений, но и военное самосознание ветеранов также должно изменяться, следуя за современными изменениями в формах и средствах ведения войны. Ибо надо готовиться к современной войне, а не к прошлой [8, с. 82]. Это формирует и самосознание молодежи.

Необходимо рассмотреть **ресурсы**, включая финансирование, оборудование и человеческие ресурсы. В целом на работу ветеранов по патриотическому воспитанию молодежи государством выделяются большие финансовые ресурсы, но необходимо более детальное их структурирование и ответственность за их целевое расходование. Это касается и оборудования для проведения такой работы. Финансирование должно равномерно распределяться как между государственными, так и общественными структурами, главным критерием должна быть конкретная работа и ее результаты. В прошлом были определены временные этапы, озаглавленные годами: год наставничества, год защитника Отечества и т.д. Год – это срок продолжительности этапа, но эта

работа должна быть проанализирована в конце каждого года-этапа. И это касается не только практических дел, но и разработки теории этой работы, т.е. **концепции**. Обязательный анализ рисков в разработке теории и практики, выявление возможных препятствий и проблем, которые могут возникнуть в процессе работы ветеранов по патриотическому воспитанию молодежи.

В данном контексте «Концепция» – это система предлагаемых взглядов, идей или принципов, определяющих понимание и подход к патриотическому воспитанию российской молодежи, явлению, которое сегодня определяется как критическое переломное в смысле последствий современного психотронного и психотропного воздействия на молодое поколение. **Предметом** работы ветеранов по патриотическому воспитанию российской молодежи является формирование у молодых людей чувства патриотизма, любви к Родине, готовности к ее защите, а также передача им нравственных и духовных ценностей, связанных с историей и культурой России. Эта работа включает в себя воспитание преданности Отечеству, сохранение и передачу культурно-исторических традиций, а также обеспечение преемственности поколений.

Она является основой для разработки планов, проектов, программ, а также для формирования стратегии действий. Концепция представляет собой руководящую идею, которая определяет, как что-либо будет пониматься, трактоваться и реализовываться.

«Наши ветераны, их судьбы, их преданность Родине – это пример для нас, вершина, к которой мы должны стремиться и утверждать значимость, ценность грандиозной Победы в наших помыслах и поступках, в наших делах и будущих свершениях во имя Отечества!» – подытожил Президент РФ В. Путин на параде Победы в 2021 году [1].

«Патриотизм – это то, без чего человек вообще не может существовать, если хочет быть человеком» – указывает Президент РФ В. Путин.

Понятия: патриотизм и ветераны – неразрывны

Основным нормативным актом всей этой работы являются: 1. Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах». Государственные программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации и другие документы. 7 июля 2025 года Владимир Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 3 и 4 Федерального закона «О ветеранах». А также 2025 год был издан Указ Президента РФ «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» от 16.01.2025 № 28.

Война и служба в Вооруженных силах оставляют глубокий след не только в судьбах самих ветеранов, но и в общественном сознании. Именно ветераны, обладая непосредственным опытом и конкретными примерами героизма и самопожертвования, способны наиболее ярко и убедительно донести до молодежи ценности патриотизма. Их рассказы и личный пример служат живым мостом между прошлым и настоящим, способствуя сохранению преемственности поколений. Патриотическое воспитание – это процесс формирования у молодого человека устойчивой системы ценностей, связанных с любовью к Родине, уважением к ее законам, традициям и культуре. Ветераны, как носители исторического опыта, выступают не просто источниками информации, а скорее живыми образцами для подражания. Это делает взаимодействие с ними особенно эффективным. Основные направления работы ветеранов в данной сфере

включают образовательные мероприятия: проведение тематических лекций и бесед в школах и вузах, организация экскурсий к памятникам и местам боевой славы, участие в культурных и спортивных акциях. Важной частью является и волонтерская деятельность, направленная на развитие гражданской активности молодежи.

Отдельное внимание уделяется методам взаимодействия: личные встречи и диалоги создают доверительную атмосферу, способствуют обмену опытом и эмоциональному воздействию. Создание клубов и общественных объединений позволяет поддерживать постоянный контакт и привлекать молодежь к совместным проектам, таким как театральные постановки, выставки, публикации в СМИ и социальных сетях. Использование современных технологий и интернет-платформ расширяет охват аудитории и повышает их вовлеченность в практические дела и по собственному творению патриотизма на практических делах самостоятельно.

Концепция работы ветеранов по патриотическому воспитанию молодежи предполагает привлечение ветеранов к формированию у молодого поколения любви к Родине, уважения к ее истории и традициям, а также готовности к защите Отечества. Ветераны, обладающие богатым жизненным и боевым опытом, могут стать примером для молодежи, передавая им свои знания и ценности.

Основные направления работы

Передача опыта и знаний. Ветераны делятся с молодежью своим опытом службы в армии, участия в боевых действиях, рассказывают о героизме и самоотверженности защитников Родины. Рассматривая этот тезис в теоретическом плане как части концепции, и сразу необходимо выделить стратегическую основу деятельности. А она, как известно, планируется на долгий период. И это правильно – патриотическое воспитание, это не единичный акт, рассчитанный на короткую обратную реакцию, а на формирование личности, которая в свою очередь будет становиться взрослым и снова воспитывать новое поколение. Образно говоря – наше будущее это ветераны. Выражение молодежь – наше будущее правильно в плане социальной жизни, а в плане физической жизни, молодежь также состарится и будет передавать свой опыт уже новой молодежи и от того, что ветераны передадут сейчас, зависит наше будущее в стратегическом плане. По выражению: «Сегодня завтра будет вчера!». Молодежь должна учиться не только на положительном опыте старших, но и на их ошибках, ибо умный учится на чужих ошибках, а не на своих.

Формирование ценностных ориентаций. Ветераны могут участвовать в формировании у молодежи таких ценностей, как патриотизм, гражданственность, ответственность, уважение к старшим, любовь к своей стране. К этому тезису нужно подходить очень серьезно. Патриотизм имеет много толкований и объяснений, это не любовь как уже история показала к общественно-экономическому строю, который может меняться. Это понимание своей Родины, которая начинается, как известно:

*«С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.
А может она начинается
С той песни, что пела нам мать,
С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять...» [2.]*

Именно для этого с 1 сентября 2026 года в учебные программы российских школ вводится обязательный

курс «Духовно-нравственная культура России». Предмет будет преподаваться в 5–7-х классах. Учебная программа сосредоточена на духовно-нравственных ценностях русской и российской цивилизации, которые будут раскрыты через биографии и подвиги исторических героев. При этом акцент сделают не на абстрактных понятиях, а на понятных и близких образах, соответствующих возрасту школьников.

Участие в мероприятиях. Ветераны могут участвовать в военно-патриотических мероприятиях, таких как уроки мужества, встречи с молодежью, реконструкции исторических событий, спортивные соревнования. Перечислить количество, качество и названия мероприятий просто невозможно. К примеру: «Уроки мужества», «Разговор о главном», посещение музеев по маршруту: «Маршальский треугольник» на конях, велосипедах и автомобилях». Здесь главное, чтобы молодежь была не пассивным зрителем-потребителем, а активным участником-творцом действия.

Наставничество. Ветераны могут выступать в роли наставников для молодежи, оказывая им поддержку и помощь в различных сферах жизни, в том числе в вопросах выбора профессии и жизненного пути. Наставить молодое поколение на свой (его) жизненный путь главная задача ветерана-наставника. У каждого человека на Земле свой жизненный путь, помочь его найти задача наставника. Если человек идет не по своему жизненному пути или периодически заходит на чужой, у него постоянно будут случаться неприятности. И для того, чтобы у молодежи было меньше жизненных ошибок Указом Президента РФ от 27 июня 2022 года № 401 2023 год в России был объявлен Годом педагога и наставника. «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника». Но в дополнительных распоряжениях различных органов не было расписано об ответственности и обязанностях акторов этого действия.

Работа с молодежными организациями. Ветераны могут сотрудничать с молодежными организациями, оказывая им помощь в организации и проведении мероприятий патриотической направленности. «Российский союз молодежи» (РСМ), «Российские студенческие отряды» (РСО), «Российское движение школьников» (РДШ), «Движение первых», «Молодежный клуб Русского географического общества», «Юнармия», «Российское движение детей и молодежи» (РДДМ), «Содружество», Организация «Юные карбышевцы». Сюда нужно добавить секции, отделения молодежи во всех патриотических организациях России. Такое отделение активно работает и в Российском союзе ветеранов.

Формы работы

Встречи, беседы, лекции. Ветераны рассказывают о своем опыте, делятся своими знаниями и воспоминаниями. Из опыта Российского союза ветеранов с циклом лекций выступают: Давыдов С.П. – «Десять сталинских ударов», «Современная информационная война», Прокопович В.П. – «Молодежь СССР в годы войны». Родюков Э.Б. – «Бессмертный полк моей семьи» и др. В региональных организациях Российского Союза ветеранов подобные мероприятия проводятся с местными организациями общества «Знание».

Участие в торжественных мероприятиях. Ветераны принимают участие в военных парадах, праздниках, памятных мероприятиях, посвященных знаменательным датам. Так член РСВ полковник в отставке Дмитрий Осипов участвовал вместе с Президентом РФ Владимиром Путиным вместе с другими ветеранами возложении венков к могиле Неизвестного солдата в Александровском

саду в Москве. Автор статьи полковник в отставке в качестве зрителя парада на Красной площади, а его сын Андрей Панов – курсант Военного университета участник парада 9 мая 2009 года посвященному Победе советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. над гитлеровским нацизмом, оба как участники парада в разных категориях.

Проведение уроков мужества. Ветераны проводят уроки в школах и других учебных заведениях, рассказывая о своей службе и боевом опыте. Автор совместно с коллегами ветеранами летчиками полковниками Суховым В.И., Галибиным Г.И., участниками локальных войн полковниками Барабанщиковым Е.Т., Арбузовым А.В. постоянно выступают в подшефной школе № 760 им. А. Маресьева, проводят уроки мужества. Уроки мужества в российских школах – это форма патриотического воспитания, направленная на формирование у школьников уважения к героям, знакомство с подвигами и воспитание чувства гордости за свою страну. Они призваны формировать у детей ценностное отношение к мужеству и его проявлениям, а также развивать понимание ответственного гражданского поведения. На Поклонной горе: «Возьми в пример героя» проводили генерал Бычков А.В., Хачикян А.А., Парнас Е.В., с приглашением школьников и кадетов. Самые активные были награждены знаком РСВ «Юный защитник Отечества».

Цели уроков мужества:

- воспитание чувства любви к Родине и уважения к ее героям;
- формирование представления о мужестве, долге, ответственности и чести;
- развитие у школьников понимания важности гражданской позиции и готовности к защите Отечества;
- популяризация интеллектуального, духовно-нравственного и физического развития, необходимого для службы в армии;
- сохранение памяти о героическом прошлом России.

Задачи уроков мужества:

- знакомство с примерами мужества и героизма на примере исторических событий и современных героев;
- обсуждение с учениками понятий мужества, долга, чести и ответственности;
- организация взаимодействия школьников с общественными организациями, занимающимися патриотическим воспитанием;
- побуждение школьников к активной гражданской позиции и участию в социально полезной деятельности;
- уроки мужества могут включать в себя встречи с ветеранами, беседы, просмотр фильмов, инсценировки, участие в мероприятиях, посвященных памятным датам.

Важно, чтобы уроки мужества проводились в доступной и интересной для школьников форме, чтобы они могли усвоить представленные ценности и применять их в своей жизни.

Организация экскурсий. Ветераны могут организовывать экскурсии в музеи, на военные объекты, на места боевой славы. Отдел патриотической работы Российского Союза ветеранов стал соорганизатором конного пробега (атаман Минин А.В.) по маршруту: «Маршальский треугольник» с посещением музеев трех маршалов СССР: М.Е. Катукова (Большое Уварово), К.А. Мерецкова (Назарьево), В.И. Чуйкова (Серебряные Пруды). В 2017 г. Был снят фильм «Ехали казаки», режиссер Шатин В.В. Постоянно ветераны выезжают по местам боевой славы: мероприятия организованы фондом «Мир ради жизни», руководимым полковником в отставке Но-

виковым А.А. Большую патриотическую работу с молодым поколением проводит Кукушкин Ю.Г. проводя биатлоны в местах боев Красной Армии.

Совместные проекты. Ветераны и молодежь могут совместно реализовывать различные проекты, направленные на изучение истории своей страны, сохранение культурного наследия, благоустройство памятных мест. Региональная организация РСВ ветеранов Набережных Челнов под руководством лауреата конкурса «Растим патриотов. Любим Отечество» полковника Лапуть Анатолия Петровича провела 7 масштабных экспедиций с представителями трех поколений разных возрастов, посвящаемых юбилеям великих битв 1941–1945 гг. И сейчас группа из 55 человек вместе с молодежью на 10 машинах находятся в Калининграде после проведенного митинга на Поклонной горе в Москве. Это 8-й автопробег активистов, посвященный 80-й годовщине Великой Победы. Российский Союз ветеранов совместно с организацией: «Некоммерческое партнерство героико-патриотического направления «АЛЪЯНС-КЛУБ» проводит совместные автопробеги по памятным местам России с презентацией книги «20 Великих битв Второй мировой войны 1939–1945 гг.» – автор С.И. Полонский.

Эффективность работы

Повышение уровня патриотизма у молодежи:

Благодаря участию ветеранов, молодежь лучше осознает важность любви к Родине, гордость за ее историю и готовность к ее защите.

Формирование активной гражданской позиции.

Ветераны, своим примером, могут вдохновлять молодежь на активное участие в жизни общества. Вот примеры: **Сотнич Егор** – 14-летний режиссер, снял около ста разных фильмов по патриотической тематике; **Миколлайчук А.А.** – несколько лет работал в архивах по восстановлению памяти о погибшем ветеране В.О. войны; **Минин Григорий** вместе с отцом постоянно участвует в авто-конных пробегах по местам боевой славы Подмосковья; **Ефремов А.Е.** – из Чувашии занимающийся электронным контентом в патриотической работе и др.

Сохранение исторической памяти. Работа ветеранов способствует сохранению памяти о героизме защитников Родины, о событиях, которые оказали влияние на ход истории. На это направлен Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где четко определена работа в разделе III пункт б) сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории, сбережение исторического опыта формирования традиционных ценностей и их влияния на российскую историю, в том числе на жизнь и творчество выдающихся деятелей России. Этим активно занимается полковник в отставке кандидат философских наук Новиков А.А.

Преимущество поколений. Взаимодействие ветеранов и молодежи способствует передаче ценностей и опыта от старшего поколения к младшему.

Важно, чтобы работа ветеранов по патриотическому воспитанию молодежи была системной и комплексной, охватывала различные направления и формы работы, и учитывала возрастные особенности молодежи.

Однако в работе ветеранов существуют определенные трудности. Нередко представители старшего поколения оказываются оторваны от реалий повседневной жизни молодежи, что снижает эффективность коммуникации. Также встречаются недостаток материальной и организационной поддержки, а порой и ограниченное

понимание значимости патриотического воспитания на государственном уровне.

Ветеранов и молодежь стали обозначать английскими терминами «**бумер**» и «**зумер**» [2]. Активное внедрение иностранных слов приняло опасный уровень для русского языка и был издан Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» в котором прямо говорится в ст. 10. «Русский язык – язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. Русский язык является одной из основ российской государственности и неразрывно связан с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями». В этом патриотизм и связь поколений.

Естественный процесс единения различных возрастов всегда проходил с трениями, переживая периоды улучшения и ухудшения взаимоотношений. Теория взаимоотношений поколений не нова, она очень динамично в отношении пространства и времени. При создании концепции это обязательно нужно учитывать.

Вот несколько правил, которые помогут наладить взаимопонимание.

1. Развивайте эмпатию и активное слушание.
2. Уважайте взгляды и опыт каждого поколения в своей семье.
3. Проявляйте готовность к компромиссам и уступкам.
4. Не навешивайте ярлыки, избегайте стереотипов и обобщений.
5. Ищите ценности, которые объединяют разные поколения семьи.
6. Ни в коем случае не упрекайте (в бездействии, непонимании, невнимании т.д.).
7. Не навязывать свое (мировоззрение, прошлый опыт, идеологию и т.д.).
8. Учитывать воздействие фейков, психотропов, психотронов, искусственного интеллекта (ИИ).
9. Учитывать доступность информации в том числе и противоположной вашей через интернет.
10. Включать в диалог саму молодежь, используя без структурное управление воспитательным процессом.

Сегодня назрела объективная необходимость патриотической работы с использованием искусственного интеллекта (**ИИ**). Необходимо вначале разобраться – искусственный интеллект (**ИИ**) и естественный интеллект имеют некоторые общие черты, например, склонность к самообучению и решение задач с помощью специальных алгоритмов. Также и человеческий мозг, и компьютер работают по примерно схожему принципу: кодирование, хранение данных, анализ и предоставление результатов. Сам по себе он не патриотичен, ибо не имеет Родины, а человек имеет. Молодежь, больше и лучше разбирается в этом вопросе, значит старшему поколению нужно не отставать и даже учиться у молодых.

Для повышения эффективности патриотического воспитания с участием ветеранов необходимо разработать и внедрить современные методики, адаптированные к интересам и потребностям молодого поколения. Важна интеграция усилий образовательных учреждений, ветеранских организаций, органов власти и общественных структур. Государственная поддержка, включая финансовое обеспечение и создание платформ для взаимодействия, должна стать приоритетом.

Таким образом, концепция работы ветеранов по патриотическому воспитанию молодежи представляет собой стратегию, опирающуюся на живой опыт героев прошлого, их непосредственное участие в образовательных

и воспитательных процессах, а также использование современных коммуникационных способов. Только при комплексном подходе возможно формирование у молодежи глубинного патриотизма, устойчивой гражданской позиции и готовности участвовать в развитии своей страны.

Необходимо создание единого государственного органа в статусе Министерства, занимающегося ветеранами и их местом, и ролью в обществе.

Необходимо отметить, что в России работает Международный союз «Содружество общественных организаций ветеранов (пенсионеров) независимых государств». В большинстве бывших союзных республик действуют различные общественные организации, занимающиеся проблемами ветеранов.

Справка: за рубежом – **Канада:** – Министерство по делам ветеранов; **КНР:** Министерство по делам ветеранов КНР; **США:** – В США за ветеранов отвечает Министерство по делам ветеранов США; **Франция:** – Министерство по делам бывших военнослужащих и жертв войны; **Великобритания:** – Управление по делам ветеранов являющееся подразделением Министерства обороны Великобритании. Также существует Лига ветеранов войн стран Содружества Наций.

Литература

1. Азаров В.М. Оборона страны – дело всенародное – «Военные...» voenkom.ric.mil.ru>Stati/item/500868/
2. Ради чего жили и умирали наши предки? (Игин Илья). <https://proza.ru> › 2025/04/21. 21 апр. 2025 г. – (дата обращения: 31.07.25).
3. С чего начинается Родина? | Образовательная... nportal.ru>audio/voenno-patrioticheskie-pesni/... (дата обращения: 21.07.25).
4. Поколения – теория поколений в России... Sравни.ru>text/pokoleniya—teoriya-pokolenij-v-... (дата обращения: 03.08.25).
5. Ососков В.П. Теория и практика ветеранской работы: научно-методический труд / В.П. Ососков, В.Т. Ковтун; под общ. ред. В.П. Ососкова. – М.: «Эко-Пресс», 2021. – 628 с.
6. Панов А.И., Тазов П.Ю. Формирование патриотических ценностей современной студенческой молодежи в условиях социальных трансформаций // Вестник МИРБИС. – 2023. – № 4(36). – С. 204–213.
7. Федеральный закон «О ветеранах» от 12.01.1995 № 5-ФЗ (последняя редакция). Федеральный закон «О ветеранах» от 12.01.1995 № 5-ФЗ ...consultant.ru <https://www.consultant.ru> › cons_doc LAW_5490
8. Владимир Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 3 и 4 Федерального закона «О ветеранах». 7 июля 2025 года. Президент России. <http://kremlin.ru> › acts › news (дата обращения: 10.07.25).

9. Чепель М.А. Патриотизм. Вклад ветеранов в патриотическое воспитание подрастающего поколения. Текст научной статьи по специальности «Социологические науки».
10. «Без теории нам смерть» – завещание Сталина... | Дзен dzen.ru>a/Y9Yn1Q2S7wwQIClb (дата обращения: 02.08.25).
11. Шишкин В.А. Коренной перелом военного самосознания народов СССР – Сталинградская битва // Сибирский учитель. 2017. № 2 (111). С. 79–84.

ON THE CONCEPT OF VETERANS WORK ON PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH

Panov A.I.

Russian Union of Veterans

The article develops a primary approach to creating a concept as a comprehensive strategy aimed at forming a sense of national belonging, respect for the history of their country and readiness for civic responsibility in the younger generation of Russia. The structure of the article provides for the theory of patriotic education and the practice of its solution. Examples of successful solutions to the problem are given and the risks and shortcomings in this work are analyzed.

Keywords: veterans, patriotism, concept, education, youth, Motherland, theory, practice, values, courage, Russia.

References

1. Azarov V.M. The country's defense is a national affair – «Military...» voenkom.ric.mil.ru>Stati/item/500868/
2. What did our ancestors live and die for? (Igin Ilya). <https://proza.ru> › 2025/04/21. 21 Apr. 2025 – (accessed on 31.07.25).
3. Where does the Motherland begin? | Educational...nportal.ru>audio/voenno-patrioticheskie-pesni/... (accessed on 21.07.25).
4. Generations – the theory of generations in Russia... Sравни.ru>text/pokoleniya—teoriya-pokolenij-v-... (accessed 08/03/25).
5. Ososkov V.P. Theory and practice of veteran work: a scientific and methodological work / V.P. Ososkov, V.T. Kovtun; under total. edited by V.P. Ososkova, Moscow: Eco-Press, 2021, 628 p.
6. Panov A.I., Tazov P. Yu. Formation of Patriotic Values of Modern Student Youth in the Context of Social Transformations // Vestnik MIRBIS. – 2023. – № 4(36). – Pp. 204–213.
7. Federal Law «On Veterans» dated 12.01.1995 № 5-FZ (latest edition). Federal Law «On Veterans» dated 12.01.1995 № 5-FZ ...consultant.ru <https://www.consultant.ru> › cons_doc LAW_5490
8. Vladimir Putin signed the Federal Law «On Amendments to Articles 3 and 4 of the Federal Law «On Veterans». July 7, 2025. President of Russia. <http://kremlin.ru> › acts › news (accessed on July 10, 2025).
9. Chepel M.A. Patriotism. The Contribution of Veterans to the Patriotic Education of the Young Generation. Text of a scientific article in the field of Sociology.
10. «Without Theory, We Are Doomed» – Stalin's Testament... | Zen dzen.ru>a/Y9Yn1Q2S7wwQIClb (accessed on 02.08.25).
11. Shishkin V.A. The Turning Point in the Military Self-Awareness of the Peoples of the USSR: The Battle of Stalingrad // Siberian Teacher. 2017. № 2 (111). Pp. 79–84.

Марксизм на практике: революционные адаптации в национально-демократической борьбе Эритреи за освобождение, крестьянском социализме Китая и советском ленинизме

Фирре Еримиае Биниам,

аспирант, кафедра сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов
E-mail: ermiexsosw@gmail.com

Гебретнасе Дамр,

научный сотрудник, Центр исследований и документации
E-mail: geredamr@gmail.com

В XX веке марксистские революции адаптировались к различным социально-культурным и геополитическим контекстам, поддерживая при этом классовую борьбу и антиимпериализм. В этом исследовании сравниваются революционные стратегии и адаптации в России (1917), Китае (1949) и Эритрее (1961), с упором на марксистски ориентированную Национальную демократическую революцию в Эритрее. Используя смешанный подход, были собраны данные у 302 борцов за свободу Эритреи (68,5% мужчин, 31,5% женщин) с помощью опросов, 28 интервью с ключевыми информаторами и фокус-групп. Количественный анализ с помощью IBM SPSS (версия 23) и пятибалльной шкалы Лайкерта позволил оценить идеологические восприятия, в то время как архивные исследования и тематическое кодирование интервью выявили закономерности. В отличие от пролетарской модели России или крестьяноцентричной модели Китая, революция в Эритрее мобилизовала разнообразные этнические, образовательные и религиозно-культурные сообщества. Результаты опроса показывают, что 64,24% населения поддерживают социализм, а 61,26% – марксистско-ленинский и национально-демократический синтез Эритреи, эффективный в борьбе с колониализмом. Инклюзивный, контекстуально обусловленный подход Эритреи предлагает модель для постколониальных условий, делая акцент на стратегической гибкости, а не на идеологической чистоте, и достигая более широкой социальной интеграции, чем революции в России или Китае.

Ключевые слова: адаптивный марксизм, национальная демократия, смешанные методы, Эритрейская революция.

Introduction

Over the past century, Marxism and its theoretical framework for revolution, particularly its critique of capitalism and the bourgeoisie, have been interpreted in diverse and often contested ways [Löwy, 2005]. This article, titled *Marxism in Practice: Revolutionary Adaptations in Eritrea's National Democratic Struggle, China's Peasant Socialism, and Soviet Leninism*, seeks to provide fresh insights into how the former Soviet Union, China, and pre-independence Eritrea adapted Marxist principles within their respective revolutionary frameworks. Quite often, these adaptations raise fundamental questions about Marxism's core tenets in the sense that understanding its history must begin with its foundational theories, namely class struggle and dialectical materialism. A central question emerging from this perspective is whether Marxism provides actionable strategies not only for dismantling capitalism and its mode of production but also for realizing a classless society. Despite extensive scholarly debate—some supportive, others dismissive of his ideas—many recognize emancipatory, partisan and revolutionary elements in his work [Callinicos, 2021].

Historically, the outbreak of World War I in 1914 and the October Revolution of 1917 in Russia were pivotal events that reshaped the nature of Marxism. The October Revolution, in particular, which was a deviation of the writings of Marx and Engels, marked a turning point by fracturing the global socialist movement into competing revolutionary and reformist factions. This division was further solidified by the establishment of the Communist International in 1919 (Callinicos, 2021, p.87).

More so, Marxism being a system of thought created by Karl Marx and Friedrich Engels and their subsequent followers, it provides the main theoretical basis for socialism and communism [Sayers, 2021]. As Marx's ideas grew and spread, nonetheless, considerable problems emerged, especially in terms of specifying what Marxism meant in its applied form. As such, conflicts grew not only among its opponents but also among its adherents. These conflicts often centered on revisionism—a tendency to modify or reject revolutionary tenets (e.g., class struggle and proletarian dictatorship) in favor of gradual reforms or concessions to capitalism [Das, 2023; Mitter, 2022]. The deviation from what Lenin later christened Orthodox Marxism was called revisionism (Sayers, 2021, p. 379).

Relatedly, [Minotakis, 2023] argues that Orthodox Marxism was in a crisis in 1923, 1968, 1989 and 2023. This is to highlight that against the common misconception of orthodox Marxism as a uniform system of thinking, there have been divergent interpretations and applications of Marxist theorization of capitalist society and its relations to the means of production (Minotakis, 2023, p. 1).

Given these variations, the primary goal of this study is to analyze the historical trajectories and ideological frameworks of revolutionary movements in Russia, China and Eritrea, focusing on their respective adaptations to socio-political contexts. By examining the evolution of Russian and Chinese socialism alongside Eritrea's National Democratic Revolution, this research aims to identify key similarities and differences.

es in their approaches to mobilization, resistance, and governance. Specific objectives include a comparative analysis of the socio-economic conditions that shaped these movements, an exploration of their ideological underpinnings, and an assessment of their impact on contemporary political landscapes. This study seeks to contribute to a deeper understanding of how historical legacies influence earlier and current political ideologies and practices in different socio-cultural contexts.

The theoretical significance of this research lies in its potential to enrich existing literature on revolutionary movements by providing a comparative framework that highlights the interplay between ideology and socio-economic and political conditions. Practically, the findings may offer valuable insights for policymakers and activists engaged in contemporary struggles for social justice and democratic governance. By understanding the successes and challenges faced by these movements, stakeholders can draw lessons applicable to current contexts, fostering more effective strategies for mobilization and resistance. The relevance of this study is underscored by ongoing global discussions about socialism, nationalism, and the dynamics of power, making it a timely contribution to both academic discourse and practical applications in political activism.

Notwithstanding these divergences, the Russian, Chinese, and Eritrean revolutions shared three core Marxist-derived features: class struggle as the engine of historical change, revolutionary overthrow of existing orders, and socialist state-building post-victory. Crucially, all three movements were rooted in Marxist dialectics and political economy, which fundamentally structured their ideological frameworks. Of note, the Russian, Chinese, and Eritrean revolutions shared a foundational adherence to Marxist dialectics and political economy, which shaped their ideological frameworks. Each revolution emphasized class struggle as the driving force of historical change, mobilizing peasants and workers against feudal, colonial, or bourgeois oppressors [Lenin, 1992; Zedong, 1961]. The Eritrean Liberation Front (ELF) and later the Eritrean People's Liberation Front (EPLF), much like the Bolsheviks and the Chinese Communist Party (CCP), conducted rigorous class analyses of their societies. This theoretical grounding enabled all three movements to frame their struggles as inevitable historical processes, justifying revolutionary violence and mass mobilization [Marx, Engels, 1848].

Another key commonality was the revolutionary overthrow of existing orders through armed revolution; a strategy rooted in Marxist-Leninist praxis. The Eritrean revolution, informed by Mao's protracted people's war, adopted strategic retreats, and rural base-building. Similarly, Lenin's vanguard party model was replicated in Eritrea through the Eritrean People's Liberation Front (EPLF), which emphasized disciplined centralism and ideological cohesion.

Post-victory socialist state-building was another shared objective, with each revolution establishing a one-party system to consolidate power. The Bolsheviks created the Soviet state, Mao's Chinese Communist Party (CCP) established the People's Republic, and the EPLF formed Eritrea's transitional government, all claiming to represent majoritarian dictatorship. Moreover, economic policies like land reforms and nationalization of key industries were implemented, albeit with varying success.

Finally, internationalist solidarity played a role in all three revolutions. Chinese training programs, such as the 1967 Marxist military science courses attended by Eritrean upper cadres followed by similar trainings in Cuba, Syria, Iraq, South Yemen and Palestine facilitated ideological and tactical transfers. The Eritrean revolution synthesized Leninist vanguardism and Maoist protracted war, adapting them to its anti-colonial context

. These cross-revolutionary exchanges underscore how Marxist-Leninist frameworks were pragmatically tailored to local conditions, ensuring their success despite differing historical contexts.

While these insurgencies shared fundamental ideological and strategic principles, their different historical contexts and implementation strategies disclose critical distinctions. To begin with, Soboleva (2021) observed that Russian Marxism became systematized as a tripartite theoretical framework encompassing dialectical materialism, political economy, and scientific communism—an ideological framework partially adopted by the Eritrean People's Liberation Front (EPLF) in the struggle against Ethiopian hegemonic occupation. Later, this institutionalization process gradually reduced its initial philosophical plurality, transforming it into the foundational ideology of the Soviet Communist Party (Soboleva, 2021, p. 1).

In contrast, Chinese socialism developed from earlier socioeconomic formations, beginning with primitive communal society before transitioning through serfdom and feudalism [Tse-Tung, 2013]. Expanding on this historical analysis, Tse-Tung (2013) emphasized that the Chinese people were not merely renowned for their resilience and perseverance but had also long upheld a tradition of revolutionary struggle and a profound commitment to freedom. Examining Han dynasty history, Tse-Tung (2013) argues that Chinese cultural values fostered an inherent resistance to corrupt governance, creating a revolutionary tradition of overthrowing and replacing oppressive ruling classes. Consequently, centuries of peasant uprisings systematically dismantled corrupt aristocratic and landlord regimes, demonstrating the persistent revolutionary spirit and resilience embedded in Chinese historical tradition. Accordingly, one can see that the adoption of Chinese socialism and/or Chinese interpretation of Marxism emerged organically from the historical context of peasant-led revolutionary movements opposing entrenched feudal systems since ages past. On such bases, Tse-Tung (2013) characterizes Chinese historical development as fundamentally shaped by a deeply-rooted revolutionary tradition spanning millennia. As such, unceasing peasant revolutions across time transformed the productive relationships within Chinese society and its social productivity. In his seminal essay, Tse-Tung (2013) identified imperialists and semi-feudalists as the primary adversaries of Chinese society—a perspective that aligns with the EPLF's designated enemies: imperialism, Zionism, and feudalism. Feudalism, as a post-primordial economic system, persisted in traditional China for nearly three millennia. This system entrenched economic, political, and cultural stagnation, as land ownership was concentrated among landlords, nobility, and emperors, leaving peasants with minimal control over resources [Tse-Tung, 1959].

Similarly, in pre-independence Eritrea, feudal practices—though not as deeply entrenched as in Russia or China, influenced social hierarchies, particularly among the Beni-Amir of Tigre communities and in parts of the southern and central highlands by chieftains and/or village figureheads and the clergy. Unlike classical feudalism, Eritrea's system did not enforce rigid master-serf relationships in land ownership; instead, landlords hired laborers without imposing forced servitude. Despite this, inequalities in land distribution persisted, and Marxist principles were employed during Eritrea's liberation struggle to expose systems of colonial exploitation and rally peasants against colonial oppression.

Even so, the Eritrean revolution differed fundamentally from its Russian and Chinese counterparts. While the Russian Revolution was driven by the proletariat and the Chinese Revolution by a peasant uprising, Eritrea's struggle evolved as a *"National Democratic Revolution"*, uniting not only workers and peasants but also pastoralists, intellectuals, petty bourgeoisie, women, and other segments of the society. This

inclusive approach reflected the unique socio-political landscape of pre-independence Eritrea, where feudal remnants were limited and colonial domination served as the primary catalyst for political mobilization.

This broad-based unity, therefore, demanded flexible ideological framework, prompting the Eritrean People's Liberation Front to develop a distinctive approach to revolutionary struggle that fundamentally reinterpreted Marxist-Leninist principles to fit Eritrea's unique historical and social conditions. Unlike the Russian Revolution's proletarian focus or China's peasant-based mobilization, the EPLF rejected rigid ideological dogma in favour of practical strategies rooted in local realities. This adaptive framework allowed the Front to effectively involve all segments of Eritrean society—peasants, pastoralists, workers, women, petty bourgeoisie and intellectuals—by framing oppression in terms of their concrete experiences under colonialism.

For peasants, the EPLF highlighted injustices in the traditional land tenure system, transforming abstract class struggle within Marxism into a tangible grievance against unjust land holding practices. Urban workers were mobilized around colonial exploitation—low wages, dehumanizing working conditions, and the denial of basic human dignity. Women's participation was secured by linking national liberation with their dual oppression under both colonialism and patriarchal structures. Even the intelligentsia was successfully incorporated through the concept of "class suicide," which compelled educated elites to shed their privileged identities and fully integrate with the mass movement.

This emphasis on contextual pragmatism rather than strict adherence to imported theory, marked a radical departure from classical Marxist revolutions. Where Russia and China adhered to fixed class frameworks, Eritrea's struggle prioritized national unity and adaptive tactics. The EPLF's genius lay in its ability to translate Marxist-Leninist concepts into a language of liberation that resonated across Eritrea's diverse social strata. By subordinating ideological purity and ideological extremism to the immediate demands of anti-colonial struggle, the Front forged a revolutionary model that was both inclusive and uniquely Eritrean.

In summary, the Russian, Chinese, and Eritrean revolutions were rooted in Marxist principles, particularly the centrality of class struggle and the mobilization of peasants and workers against oppressive systems. Each movement tailored its strategy to local conditions: the EPLF, for instance, combined Maoist protracted struggle, and class analysis of Eritrean society with Leninist tenets of party formation to overthrow Ethiopian colonial rule—an achievement mirroring earlier revolutions' adaptability. Post-victory, all three established one-party systems to enact socialist policies, though their outcomes differed. Their internationalist solidarity highlighted revolutions' global interconnectedness, while their distinct paths reveal the enduring challenge of aligning ideology with reality.

Materials and Methods

This study, adapted from the researcher's doctoral dissertation, utilized a mixed-methods approach to analyze the dissemination, adaptation and implementation of Socialist principles during and after Eritrea's war of independence. Primary data was collected in Asmara (August–December 2024) through in-depth interviews with 28 key informants—including politburo members, upper and mid-level cadres, and ex-students at the EPLF's Revolutionary School—alongside self-administered questionnaires distributed to 302 randomly selected ex-combatants (from a target population of 2,553), ensuring representation across ethnicity, gender, age, and educational background. Surveys were provided in both English and

Tigrinya, with reverse-translation checks to verify consistency. Research sites covered government offices, veterans' residential camps, Ministries, PFDJ branch offices, and the National Union of Eritrean Women. Quantitative data was analyzed using IBM SPSS Statistics (Version 23), while interview transcripts (recorded, translated, and thematically coded) provided qualitative depth. Secondary sources included archival materials from Eritrea's Research and Documentation Center, such as revolutionary publications, speeches, and audiovisual recordings. Participation required firsthand involvement in the independence struggle or ideological training, excluding those without direct experience to revolutionary ideals and ideological trainings.

Results

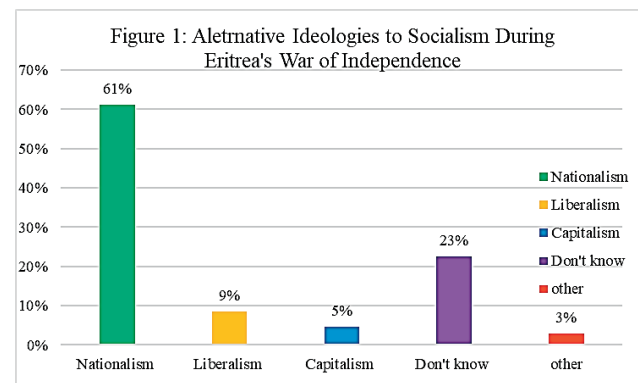

Fig. 1. illustrates whether alternative ideologies, beyond socialism and/or Marxist–Leninist ideology, existed during the struggle for Eritrea's independence.

The results revealed that 61.26% (n=185) of the respondents identified Nationalism as an alternative ideology to socialism. 22.52% (n=68) being a *don't know* response, capitalism and liberalism accounted only 2.98% (n=9) and 8.61% (n=26) respectively

Figure 2: Contextual Relevance of Socialist Ideology in Pre-Independence Eritrea

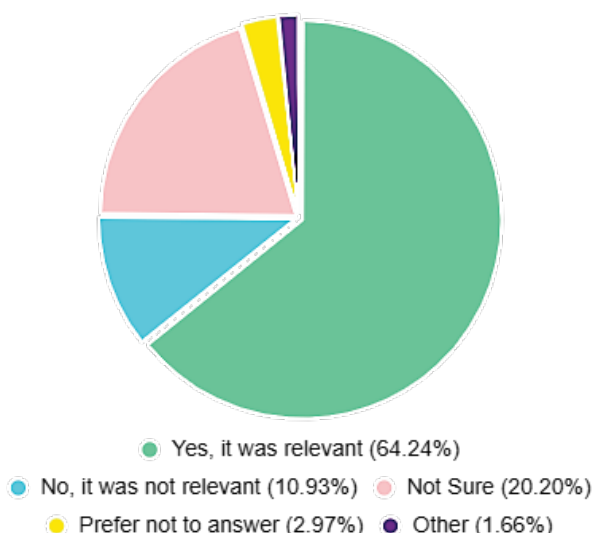

Fig. 2. Examines the contextual relevance of socialist ideology in pre-independence Eritrea, considering its socio-cultural and religious context. The results indicate that 64.24% (n=194) of the respondents supported the ideology's contextual relevance during the revolutionary period, while 31.13% (n=94) either opposed it or expressed uncertainty. A minority-1.66% (n=5)—cited alternative concerns under the 'other' category, and 2.97% (n=9) declined to answer

Figure 3, which examines ideological parallels between Eritrean, Russian, and Chinese socialism, shows that 36.09% (n=109) of the respondents identified ‘focus on self-reliance and independence’ as the most prevalent shared feature. In contrast, only 3.97% (n=12) selected ‘promotion of socialist democracy’ as the least common similarity. Additionally, 36.75% (n=111) of the 302 respondents cited ‘emphasis on equality and social justice’ and ‘state control and central planning’ as further ideological commonalities.

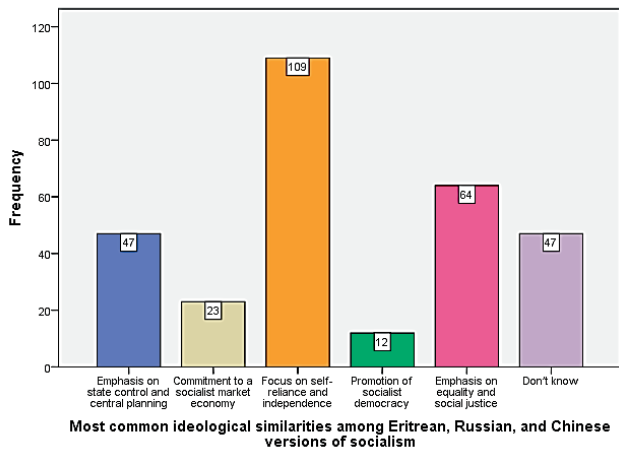

Fig. 3. Shared Ideological Foundations in Eritrean, Russian, and Chinese Socialism

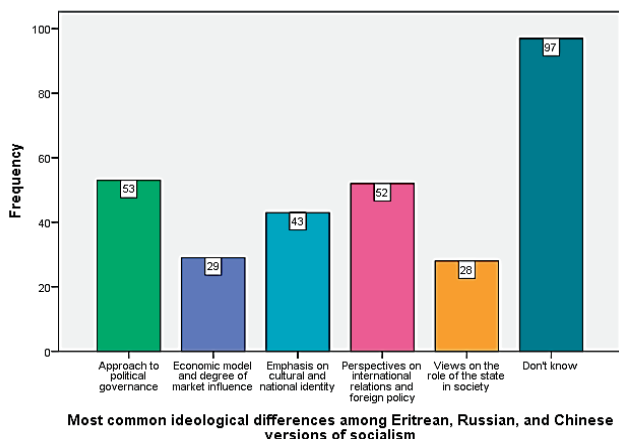

Fig. 4. Divergent Ideological Foundations: Contrasting Eritrean, Russian, and Chinese Socialism

Figure 4, which examines divergences in the ideological foundations of Eritrean, Russian, and Chinese socialism, revealed the following results. Surprisingly, 32.12% (n=97) of the respondents selected ‘don’t know,’ while 9.27% (n=28) identified ‘views on the role of the state in society’ as the least pronounced ideological difference among the three countries.

Discussion

As stated earlier, figure 1 examines whether alternative ideologies to socialism existed during Eritrea’s war of independence. The data reveal nationalism as the primary alternative, with 61.26% (n=185) of the respondents affirming its role in fostering independence through anti-colonial and nationalist sentiment. This aligns with the EPLF’s official 1977 designation as a Marxist-Oriented National Democratic Front guided by a National Democratic Program – a position corroborated by key informant interviews¹.

¹ Mussie Gebretinsae, personal interview, 02/10/2024, Asmara, Eritrea

Notably, 22.52% (n=68) responded “don’t know,” while other ideologies like Pan-Africanism, liberalism, and capitalism were deemed unworkable during the struggle for national independence. Respondents justified this by emphasizing that nationalist uprisings against colonial, feudal, imperialist, and Zionist structures required collective mobilization – an approach incompatible with liberalism and capitalism’s focus on individual prosperity. Key informants further stressed that nationalism served as a more inclusive political tool, while ideological rhetoric remained secondary to the EPLF’s pragmatic, ground-level application of ideological principles. This pragmatism reflected Eritrea’s largely feudo-capitalist society at the time, where theoretical purity was subordinated to revolutionary efficacy.

For the EPLF’s ideologues, therefore, adopting the Chinese socialist revolution—with its emphasis on the Long March and class analysis of agrarian communities—and the Soviet model of a vanguard party, as articulated by Lenin’s principle that “there can be no revolution without a revolutionary party,” proved essential. These frameworks provided the theoretical scaffolding for the revolution, while nationalism acted as the unifying force. The synthesis of Marxist-Leninist organizational discipline with Eritrea’s anti-colonial nationalism ultimately propelled the liberation movement to success.

Figure 2 examines the contextual relevance of socialist ideology in pre-independence Eritrea, considering its political and socio-cultural context. The results indicate that 64.24% (n=194) of the respondents supported the ideology’s relevance during that period, with many citing its essential tenets of anti-imperialist struggle, egalitarianism, collective ownership of production means, and majoritarian democracy as particularly suited to Eritrea’s colonial reality.

This overwhelming support becomes understandable when examining Eritrea’s historical context. Like many African societies, Eritrea endured colonialism, exploitation, racial segregation, and systemic poverty—conditions that made socialist principles appealing as an alternative to capitalist systems perceived as perpetuating external domination. The 31.13% (n=94) who opposed or expressed uncertainty about socialism’s suitability may have reflected concerns about its implementation rather than its core ideals. Only a small minority—1.66% (n=5) – cited alternative concerns, while 2.97% (n=9) declined to answer.

For the EPLF, this context made socialist ideals pragmatically superior to liberal or capitalist principles for mass mobilization. Where individualism-focused systems might have fractured revolutionary unity, socialism’s emphasis on collective action directly addressed Eritrea’s need to counter colonial legacies and external exploitation. The movement’s ability to frame its struggle through this ideological lens, while remaining adaptable to local conditions – explains both the survey results and the revolution’s ultimate success.

Figure 3, which examines ideological parallels between Eritrean, Russian, and Chinese socialism, reveals compelling patterns that reflect the enduring principles of these revolutionary systems. The data shows that 36.09% (n=109) of respondents identified ‘focus on self-reliance and independence’ as the most prevalent shared feature – a finding that directly correlates with the EPLF’s longstanding culture of self-sufficiency, mirrored in China’s poverty alleviation successes and Lenin’s policy of non-interference. This principle, deeply embedded in all three nations’ economic, political and social fabrics, explains its dominance in the survey results.

The study further reveals that 36.75% (n=111) cited ‘emphasis on equality and social justice’ and ‘state control and central planning’ as key commonalities. These results align perfectly with the EPLF’s revolutionary practices of socialist democracy, egalitarianism, and redistributive justice in liberated areas – principles equally fundamental to China’s rural

revitalization and Lenin's redistributive policies. That these features ranked nearly equally with self-reliance underscores their continued relevance in all three societies.

Notably, only 3.97% (n=12) selected 'promotion of socialist democracy' as the least common similarity, suggesting respondents perceived the three systems' shared commitment to concrete material principles (self-reliance, equality) as more distinctive than their political frameworks. This minor percentage may reflect the EPLF's, China's, and Russia's shared preference for pragmatic implementation over ideological posturing – a consistency evident in their uniform rejection of foreign intervention across all sectors, whether during revolutionary struggles or contemporary governance.

The remarkable consistency between these survey results and the historical practices of all three revolutionary movements confirms that their socialist models prioritized tangible outcomes – collective self-reliance, equitable resource distribution, and independent development – above theoretical purity. This explains both the survey's distribution of responses and the enduring legacy of these principles in Eritrea, China, and Russia today.

Figure 4, which examines differences in the ideological foundations of Eritrean, Russian, and Chinese socialism, discloses nuanced distinctions amid their shared socialist frameworks. A significant proportion of respondents (32.12%, n=97) selected "don't know," suggesting limited public awareness of ideological nuances in the three countries.

More so, among identifiable differences, 9.27% (n=28) cited "views on the role of the state in society" as the least pronounced divergence which highlights the varying degrees of centralization. This stated, the survey identified more marked divergences in "approach to political governance" (17.55%): reflecting Eritrea's unique "democratic centralism" that policy-wise highlights decisive role of the people.

Notably, approximately 9.6% of respondents (n=29) identified key differences in 'economic model and market influence.' While China's socialist market economy embodies a balanced integration of state guidance and market mechanisms-grounded in Marxist principles but tailored to national conditions through theoretical, practical, and historical adaptations [Niu, He, Wang, 2024]—Eritrea's economic system remains highly centralized. [Abraha, 2010] argues that despite official claims of market-oriented policies, Eritrea's economy is defined by state dominance over agriculture and trade, operational inefficiencies, and limited openness to liberalization. This contrast highlights how China's responsive 'socialism with Chinese characteristics' differs from Eritrea's more static economic framework. Meanwhile, Russia's system exemplifies oligarchic capitalism—where economic power is consolidated by elites who morally legitimize wealth accumulation [Schimpfössl, 2024] within state-dependent market structures [Guriev, Rachinsky, 2005].

Generally, the results underscore that while these nations share socialist roots, their adaptations reflect distinct historical trajectories and material conditions—a phenomenon exemplified by China's institutionalized model of 'socialism with Chinese characteristics,' which integrates Marxist theory with context-specific governance innovations [Niu, He, Wang, 2024].

Conclusion

Overall, this study has demonstrated how Marxist revolutionary theory was adapted across three distinct historical, political and socioeconomic contexts: Russia (1917), China (1949), and Eritrea (1991) while retaining its core principles of class struggle and anti-imperialism. The findings reveal that while all three revolutions adhered to dialectical materialism and socialist state-building, their strategic implementations differed

significantly based on material conditions. Russia's proletarian vanguardism, China's peasant-based agrarian revolution, and Eritrea's anti-colonial united front each emerged as context-specific applications of Marxist theory, challenging the notion of a singular revolutionary model.

The results align with the study's initial objective of analyzing Marxist adaptations but go further by empirically validating Eritrea's unique "National Democratic" approach: a pragmatic synthesis of Marxist-Leninist organization and anti-colonial nationalism that integrated broader social strata (including 31.5% female combatants and multiple ethnic groups) than classical revolutions. This novelty lies in demonstrating how Eritrea's revolution prioritized national unity over rigid class categories, a deviation that proved decisive in its success against colonial domination. The practical significance within this study emerges in two key areas

Revolutionary praxis: the study provides a framework for movements in the Global South to adapt socialist theory to local conditions (e.g., Eritrea's land reform framing for peasants).

Comparative theory: It challenges Eurocentric Marxist analyses by centering Eritrea's experience as equally instructive to Russia's or China's.

This stated, among the limitations within the present study are: the study's reliance on retrospective accounts of Eritrean freedom fighters, which may introduce recall bias, and the difficulty of generalizing findings beyond these three cases. From this vantage point, future research should compare Eritrea's model with other African socialist revolutions (e.g., Mozambique, Angola) and investigate how post-revolutionary states institutionalize these adaptations. In closing, Marxism's enduring relevance lies not in doctrinal purity but in its strategic plasticity—a lesson exemplified by Eritrea's revolution. This study, therefore, calls for reevaluating orthodox Marxist historiography to better account for anti-colonial innovations in revolutionary theory.

Литература

1. Абраха, Д. Командная экономика как неудачная модель развития: уроки, которые еще не усвоены: случай Эритреи // Журнал политики и практики управления. – 2010. – Т. 11, № 5. – С. 49–68.
2. Бринкманн, С. Качественное интервью: получение знаний через исследовательские интервью. – Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2022.
3. Каллиникос, А., К. Э., П. Л. Руководство по марксизму и постмарксизму. – Нью-Йорк: Рутледж, 2021.
4. Кокран, У.Г. Методы выборки. – 3-е изд. – Нью-Йорк: Уайли, 2005.
5. Кресвелл, Дж. У., К. Дж.Д. Исследовательский дизайн: качественные, количественные и смешанные методы. – Издательство Сейдж, 2017.
6. Дас, Р. Дж. Марксизм и ревизионизм в современном мире // Капитал и класс. – 2023. – Т. 47, № 3. – С. 383–406. – DOI: 10.1177/03098168221139287.
7. Гуриев, С., Рачинский, А. Роль олигархов в российском капитализме // Журнал экономических перспектив. – 2005. – Т. 19, № 1. – С. 131–150.
8. Ленин, В.И. Государство и революция. – Великобритания: Пингвин, 1992.
9. Лёви, М. Теория революции у молодого Маркса. – Чикаго: Хеймаркет Букс, 2005.
10. Маркс, К., Энгельс, Ф. Коммунистический манифест. – Нью-Йорк, 1848.
11. Минотакис, А. Что такое ортодоксальный марксизм? Гибкость по Лукачу: неортодоксальный путь

к ортодоксальному марксизму // Диссонанс: Журнал критической теории. – 2023. – Т. 7. – С. 1–23.

12. Миттер, Р. Китай: революционный или ревизионистский? // Вашингтонский ежеквартальник. – 2022. – Т. 45, № 3. – С. 7–21. – DOI: 10.1080/0163660X.2022.2124017.
13. Ниу, Х., Хэ, Ю., Ван, К. Система социализма с китайскими характеристиками и модернизация системы управления в Китае – логическая интерпретация китайского пути к модернизации // Достижения в исследованиях образования, гуманитарных и социальных наук. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 1–10.
14. Роулстон, К. Качественное интервью и эпистемика // Издательство Сейдж. – 2018. – Т. 18, № 3. – С. 322–341. – DOI: 10.1177/1468794117721738.
15. Сайерс, С. Что такое марксизм? // Международная критическая мысль. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 377–388. – DOI: 10.1080/21598282.2021.1965493.
16. Шимпфёсль, Э. Мораль богатства олигархов: случай России // Восточноевропейская политика и общества. – 2024. – Т. 38, № 1. – С. 283–302. – DOI: 10.1177/08883254221139826.
17. Соболева, М. Русский марксизм и его философия: от теории к идеологии // Руководство по русской мысли. – Чам: Спрингер Интернэшнл Паблшинг, 2021. – С. 269–291. – DOI: 10.1007/978-3-030-62982-3_13.
18. Цзэдун, М. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая. – 1959.
19. Цзэдун, М. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая. – Пекин: Народное издательство, 2013.
20. Цзэдун, М. О партизанской войне. – Урбана: Университет Иллинойса Пресс, 1961.

MARXISM IN PRACTICE: REVOLUTIONARY ADAPTATIONS IN ERITREA'S NATIONAL DEMOCRATIC STRUGGLE FOR LIBERATION, CHINA'S PEASANT SOCIALISM, AND SOVIET LENINISM

Fire Erimias Biniam, Gebretnsae Damr

Peoples' Friendship University of Russia, Research Fellow, Research & Documentation Center

The 20th century saw Marxist revolutions adapt to diverse socio-cultural and geopolitical contexts while upholding class struggle and anti-imperialism. This study compares revolutionary strategies and adaptations in Russia (1917), China (1949), and Eritrea (1961), focusing on Eritrea's Marxist-oriented National Democratic Revolution. Using a mixed-methods approach, data were collected from 302 Eritrean freedom fighters (68.5% male, 31.5% female) via surveys, 28 key informant interviews, and focus groups. Quantitative analysis with IBM SPSS (version 23) and five-point Likert scales assessed ideological perceptions, while archival research and thematic coding of interviews identified patterns. Unlike Russia's proletarian or China's peasant-centric models, Eritrea's revolution mobilized diverse ethnic, educational, and religio-cultural communities. Survey results show 64.24% support for socialism and 61.26% for Eritrea's Marxist-Leninist and national democratic synthesis, effective against colonialism. Eritrea's inclusive, context-driven approach

offers a model for postcolonial settings, emphasizing strategic flexibility over ideological purity, achieving broader social integration than Russian or Chinese revolutions.

Keywords: Adaptive Marxism, National Democratic Struggle, Eritrean Revolution.

References

1. Abraha, D. (2010). Command Economy as Failed Model of Development Lessons Not Yet Learned: The Case of Eritrea. *Journal of Management Policy and Practice*, 11(5), 49–68.
2. Brinkmann, S. (2022). Qualitative interviewing: Conversational knowledge through research interviews. Oxford University Press.
3. Callinicos, A., K. E., & P. L. (2021). *ROUTLEDGE HANDBOOK OF MARXISM AND POST-MARXISM*. New York: Routledge.
4. Cochran, W. G. (2005). *Sampling techniques* (third edition). Wiley.
5. Creswell, J. W., & C. J. D. (2017). *R. design: Q. quantitative, and mixed methods approaches*. S. publications. (2009). *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches* (Third Edition). Sage Publications.
6. Das, R. J. (2023). Marxism and revisionism in the world today. *Capital and Class*, 47(3), 383–406. <https://doi.org/10.1177/03098168221139287>
7. Guriev, S., & Rachinsky, A. (2005). The Role of Oligarchs in Russian Capitalism. In *Journal of Economic Perspectives*, 19(1), 131–150.
8. Lenin, V. I. (1992). *The State and Revolution*. Penguin UK.
9. Löwy, M. (2005). *The Theory of Revolution in the Young Marx* (Michael Lowy) (Z-Library). Haymarket Books.
10. Marx, K., & Engels, F. (1848). *The Communist Manifesto* (1848). New York.
11. Minotakis, A. (2023). “What is Orthodox Marxism?”: Bend it like Lukács: The unorthodox roadmap to orthodox Marxism. *Dissonância: Revista de Teoria Crítica*, 7(N/A), 1–23.
12. Mitter, R. (2022). China: Revolutionary or Revisionist? *Washington Quarterly*, 45(3), 7–21. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2022.2124017>
13. Niu, H., He, Y., & Wang, Q. (2024). The System of Socialism with Chinese Characteristics and the Modernization of China's System for Governance – The Logical Interpretation of Chinese path to modernization. *Advances in Education, Humanities and Social Science Research*, 12(1), 1–10.
14. Roulston, K. (2018). Qualitative interviewing and epistemics. *SAGE Publications*, 18(3), 322–341. <https://doi.org/10.1177/1468794117721738>
15. Sayers, S. (2021). What Is Marxism? *International Critical Thought*, 11(3), 377–388. <https://doi.org/10.1080/21598282.2021.1965493>
16. Schimpfössl, E. (2024). Oligarch Moralities of Wealth: The Russian Case. *East European Politics and Societies*, 38(1), 283–302. <https://doi.org/10.1177/08883254221139826>
17. Soboлева, M. (2021). Russian Marxism and its philosophy: From theory to ideology. In *The Palgrave Handbook of Russian Thought* (pp. 269–291). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-62982-3_13
18. Tse-Tung, M. (1959). *The Chinese Revolution and the Chinese Communist Party*.
19. Tse-Tung, M. (2013). *Chinese Revolution and the Communist Party of China*. People's Publishing House.
20. Zedong, M. (1961). *On Guerrilla Warfare*. University of Illinois Press.

Партийная дипломатия: роль российских политических партий в сфере международного сотрудничества

Фомичев Игорь Алексеевич,

аспирант кафедры сравнительной политологии, РУДН

им. Патриса Лумумбы

E-mail: 1142230417@rudn.ru

Актуальность исследования «Понятие партийной дипломатии и ее специфика в современной международной политике» обусловлена возрастающей ролью партийных структур в формировании внешнеполитических стратегий и международных отношений в условиях глобализации и многополярности. В современных реалиях, когда традиционные методы дипломатии сталкиваются с вызовами, связанными с изменением политических режимов и ростом влияния неформальных политических акторов, понимание партийной дипломатии становится ключевым для анализа международной политической динамики. Исследование, включает исторический обзор, специфику функционирования партийной дипломатии и ее влияние на международные отношения, позволяет глубже осмыслить механизмы взаимодействия между государствами и политическими партиями, а также предсказать возможные тенденции в развитии международной политики. Работа основывается на обширных политических литературных источниках, что подтверждает ее научную обоснованность и значимость для дальнейших исследований в области международных отношений. Целью данного исследования является глубинное определение понятия партийной дипломатии, её специфики и практической значимости в контексте современной международной политики. Задачи исследования заключаются в анализе теоретических основ партийной дипломатии, выявлении её уникальных черт в современных условиях, а также в прогнозировании возможных направлений её эволюции в будущем. Ожидается, что результаты работы внесут вклад в научное осмысление партийной дипломатии как важного инструмента взаимодействия между государствами и политическими партиями на международной арене. Методы исследования включают: контент анализ, качественный анализ, метод кейс стади, метод анализа источников и сравнительный анализ.

Ключевые слова: партийная дипломатия, политические партии, внешняя политика, государственная дипломатия, межпартийное взаимодействие, глобализация, мировой порядок, акторы. многополярный мир.

Введение

В условиях глобализации и нарастающей сложности международных процессов значение партийной дипломатии заметно возрастает. Под этим термином понимается особая форма внешнеполитической активности, при которой политические партии и движения взаимодействуют за пределами национальных границ. Данное явление имеет историческую преемственность и неоднократно трансформировалось под влиянием политической конъюнктуры, культурных традиций и социально-экономических обстоятельств. Сегодня, когда классическая дипломатия сталкивается с новыми вызовами, партийные каналы коммуникации становятся дополнительным инструментом достижения целей и создания устойчивых альянсов.

Эволюция партийной дипломатии развивалась параллельно с процессами формирования национальных государств и становления международных институтов. Особенно отчётливо её влияние проявилось в XX веке, когда в условиях Холодной войны идеологическое соперничество держав напрямую определяло характер мировой политической архитектуры. В этот период партии выполняли не только функцию трансляции национальных интересов, но и становились самостоятельными субъектами международных взаимодействий. Их участие в выработке внешнеполитических стратегий, формировании союзов и подготовке договорных соглашений подчёркивало значимость партийного фактора в системе межгосударственных отношений.

Изучение феномена партийной дипломатии предполагает обращение к общей динамике международной политики. Партии, выражающие различные мировоззренческие и социальные ориентиры, способны оказывать воздействие на направления внешнеполитического курса своих стран. В условиях многополярности, где конкурируют несколько центров силы, данный механизм приобретает особую ценность. Он открывает возможность не только продвигать собственные национальные интересы, но и находить точки соприкосновения с иными политическими силами, что повышает результативность при решении сложных международных проблем.

Современная политическая среда характеризуется нестабильностью и высокой степенью неопределённости. Глобальные вызовы – будь то терроризм, климатические изменения, миграционные кризисы или финансовые потрясения – требуют от государств гибкости и оперативных решений. В этих условиях партийная дипломатия становится инструментом поиска взаимопонимания и выстраивания конструктивных переговоров. Опыт партийных структур и их экспертные ресурсы позволяют им выступать посредниками в достижении консенсуса по ключевым вопросам глобальной повестки.

Значение партийной дипломатии в международной системе неоднозначно. С одной стороны, она способствует укреплению доверия, развитию двустороннего и многостороннего взаимодействия, снижению уровня конфронтации. С другой – способна усиливать противоречия, если партийные интересы вступают в конфликт с позициями других государств или наднациональных институтов. Поэтому оценка её роли должна учитывать

как позитивные, так и потенциально негативные эффекты для мировой политики.

Перспективы развития партийной дипломатии в современном мире зависят от множества факторов, включая внутреннюю политику стран, изменения в международной политической системе и влияние глобальных процессов. В условиях растущей роли негосударственных акторов, таких как неправительственные организации и транснациональные корпорации, партийная дипломатия должна адаптироваться к новым реалиям. Это требует от политических партий не только глубокого понимания международной политики, но и способности к сотрудничеству с различными акторами на мировой арене.

Исследование темы «Понятие партийной дипломатии и ее специфика в современной международной политике» является особенно актуальным в условиях глобальных изменений и трансформаций, происходящих в международной системе. В свете возрастающего влияния партийных структур на внешнюю политику государств, а также усиления роли идеологических факторов в международных отношениях, работа, охватывающая исторические аспекты, современные тенденции и перспективы развития партийной дипломатии, предоставляет важные аналитические инструменты для понимания динамики международных взаимодействий. Оглавление статьи, включающее ключевые вопросы, такие как роль партийной дипломатии и ее влияние на международные отношения, позволяет глубже осмыслить специфику современных политических процессов и предсказать возможные сценарии их дальнейшего развития. Таким образом, данное исследование не только обогащает теоретическую базу, но и имеет практическую значимость для дипломатов, политологов и исследователей в области международных отношений.

Объектом данного исследования является партийная дипломатия, трактуемая как специфический инструмент внешнеполитической практики, посредством которого политические партии стремятся закрепить свои интересы на международном уровне. Предмет анализа включает ключевые параметры этого явления: историческую траекторию его становления, базовые черты, современное значение, а также трансформации, происходящие в условиях глобализационных процессов. Особое внимание уделяется влиянию партийной дипломатии на развитие международных отношений и на возможные векторы её будущего движения, что подчёркивает её значимость в структуре современных политических процессов и мировой коммуникации.

Цель работы заключается в детальном рассмотрении сущности партийной дипломатии и выявлении её особенностей в контексте международной политики настоящего времени, что позволяет определить её масштабы и характер воздействия на глобальные процессы. Для достижения поставленной цели определены следующие исследовательские задачи: проследить основные этапы формирования партийной дипломатии и раскрыть её содержательную природу; проанализировать механизмы её функционирования в системе международных взаимодействий; обозначить особенности глобальной политической среды, влияющие на формы и методы партийного участия; рассмотреть, каким образом партийная дипломатия отражается на динамике международных контактов. Кроме того, акцент сделан на прогнозировании её развития в условиях изменяющегося миропорядка, что создаёт возможность более целостного понимания роли партийной дипломатии в будущем мирового устройства.

Основное исследование

Партийная дипломатия занимает особое место в системе международных отношений и представляет собой совокупность практик, реализуемых политическими партиями и их представителями для формирования внешнеполитического курса, укрепления межпартийных связей и влияния на мировую политическую среду. В отличие от классической дипломатии, связанной преимущественно с деятельностью государственных структур и официальных представителей, данный формат акцентирует внимание на прямом взаимодействии между партиями разных стран. Это позволяет учитывать интересы не только государств, но и политических сил, отражающих разнообразные идеологические позиции и социальные запросы.

Возникновение партийной дипломатии связано с этапом становления партий как самостоятельных субъектов политического процесса. Уже в XIX веке, параллельно с развитием демократических институтов и партийных систем в Европе и Америке, партии начали играть заметную роль в международных делах, налаживая контакты с организациями за рубежом. Такая активность объяснялась необходимостью обмена опытом, согласования действий и выстраивания союзов для достижения общих целей. Характерным примером стало сотрудничество социалистических и коммунистических партий, оформившееся в создании Второго интернационала, выступившего площадкой для обсуждения мировых политических вопросов и укрепления солидарности рабочего движения [7].

Партийная дипломатия играет важную роль в контексте внутренней политики стран. Политические партии, стремясь укрепить свои позиции на внутренней арене, могут использовать международные связи для легитимации своих действий и получения поддержки со стороны международных организаций и иностранных государств. Это особенно актуально для стран с нестабильной политической ситуацией, где партии могут искать поддержку за пределами своей страны для укрепления своего влияния и легитимации своих действий. Например, оппозиционные партии в авторитарных режимах часто обращаются к международному сообществу за поддержкой, что может привести к изменению внутренней политической ситуации [9].

Партийная дипломатия представляет собой механизм, через который политические партии взаимодействуют друг с другом на международной арене, формируя альянсы, коалиции и другие формы сотрудничества. Основными целями партийной дипломатии являются продвижение идеологических позиций, укрепление связей с единомышленниками, обмен опытом и практиками, а также влияние на внешнюю политику государств. В условиях глобализации и роста значимости негосударственных акторов, партийная дипломатия становится все более актуальной, поскольку многие международные проблемы требуют коллективного решения и межпартийного взаимодействия [12].

Одним из ключевых аспектов партийной дипломатии является ее способность влиять на формирование внешнеполитических курсов государств. Политические партии, находясь у власти или имея значительное влияние в парламенте, могут определять вектор внешней политики, основываясь на своих идеологических принципах. Например, социалистические или левые партии могут акцентировать внимание на социальной справедливости и равенстве, что может отражаться на их внешнеэкономической политике и подходах к международному сотрудничеству. В то время как правые и консервативные партии могут сосредоточиться на национальных интере-

сах, безопасности и традиционных ценностях, что также будет влиять на их международные отношения [10].

Партийная дипломатия также играет важную роль в укреплении связей между странами со схожими политическими системами и идеологиями. Например, международные организации, такие как Социалистический интернационал или Международная демократическая ассоциация, создают платформы для взаимодействия между партиями, которые разделяют общие ценности и цели. Это взаимодействие может проявляться в виде совместных деклараций, обмена опытом и проведения совместных мероприятий, что способствует не только укреплению двусторонних отношений, но и формированию более широких международных коалиций [5].

Ключевым измерением партийной дипломатии является её способность отвечать на вызовы и угрозы, стоящие перед мировым сообществом. В условиях глобальных проблем – изменения климата, терроризма, миграционных процессов и экономических кризисов – политические партии способны объединять ресурсы для поиска согласованных решений. Так, экологические движения активно выстраивают международное сотрудничество ради продвижения инициатив по защите окружающей среды и обеспечению устойчивого развития. Подобная кооперация выражается в совместных кампаниях, участии в международных форумах и формировании инициатив, акцентирующих внимание на приоритетных вопросах.

Не менее важным направлением остаётся воздействие партийной дипломатии на внутреннюю политику. Международные контакты партий зачастую находят отражение во внутригосударственном политическом климате: они формируют общественные настроения, влияют на культуру участия и задают ориентиры для политической мобилизации. Успехи на внешнеполитической арене укрепляют позиции правящей силы, повышают уровень доверия и общественной поддержки, тогда как неудачи способны подорвать легитимность и активизировать оппозиционные настроения.

Значимой представляется и функция продвижения национальных интересов через партийные каналы. Благодаря внешним связям партии получают возможность защищать позиции своей страны в вопросах торговли, безопасности и культурной политики. Для этого используются визиты делегаций, участие в международных конференциях и специализированных форумах, где политические объединения формулируют собственные подходы и расширяют сеть контактов.

Современная цифровая среда заметно изменила формы партийной дипломатии. Социальные сети и онлайн-платформы превратились в важнейшие инструменты для межпартийного диалога и мобилизации сторонников. Многие политические организации создают глобальные кампании в интернете, акцентируя внимание на актуальных темах и укрепляя сотрудничество с единомышленниками за рубежом, что существенно расширяет границы их влияния.

Одной из характерных черт современной мировой политики выступает формирование многополярной структуры. Если в XX столетии глобальный порядок в значительной мере определялся биполярным противостоянием США и СССР, то в XXI веке наблюдается постепенный распад этой модели и появление множества самостоятельных центров силы. К ним относятся не только ведущие державы вроде Китая, Индии и Европейского союза, но и региональные игроки, которые целенаправленно укрепляют свои позиции в международных отношениях. Для партийной дипломатии это означает как расширение спектра возможностей, так и появление но-

вых вызовов, поскольку политические партии различных стран активнее вовлекаются в транснациональное взаимодействие, выстраивая альянсы и партнёрства на основе общих идеологических, экономических и социальных интересов [13].

Не менее значимым фактором становится рост влияния неправительственных организаций и институтов гражданского общества. Подобные структуры нередко берут на себя посредническую функцию между государством и населением, оказывая при этом прямое воздействие на формирование общественных настроений и политической повестки. Политические партии, ориентированные на укрепление своих позиций, вынуждены учитывать этот ресурс и включаться в дипломатическую деятельность через участие в международных форумах, конференциях и иных публичных площадках. Это открывает дополнительные каналы для продвижения идеологических установок и политических программ за пределами национальных границ, тем самым усиливая роль партийной дипломатии в глобальной политике [1].

Глобализация оказывает заметное влияние как на международные отношения, так и на развитие партийной дипломатии. Усиление взаимозависимости государств делает участие политических партий в международных процессах необходимым условием эффективной политики. Всё очевиднее становится, что внутренние задачи невозможно решать в отрыве от глобальных вызовов – климатических изменений, миграции, терроризма и экономических кризисов. В этом контексте партийная дипломатия выступает действенным механизмом, позволяющим соединять национальные интересы с международными инициативами и вырабатывать согласованные подходы к решению острых проблем.

Существенные изменения внесли и информационные технологии, радикально преобразившие формы коммуникации. Интернет и социальные сети превратились в важные инструменты распространения идей, мобилизации сторонников и влияния на общественное мнение. Для партий это означает новые возможности реализации дипломатических инициатив: цифровые платформы позволяют быстрее находить союзников, напрямую обращаться к международной аудитории и формировать сетевые альянсы. В условиях информационной перегрузки именно умение работать с цифровыми каналами становится одним из ключевых факторов успешной партийной дипломатии.

Современная международная политика также демонстрирует рост идеологического измерения. Партии, представляющие различные мировоззренческие направления, стремятся продвигать свои ценности за пределами национальных границ. Это создаёт основу для образования международных коалиций: левые движения консолидируются вокруг борьбы с социальным неравенством, тогда как правые партии объединяются ради защиты традиционных ценностей и национального суверенитета. Таким образом, партийная дипломатия перестаёт быть исключительно инструментом внешнеполитического влияния, превращаясь в площадку обмена идеями и практиками между политическими силами разных стран.

Одним из ключевых факторов, определяющих влияние партийной дипломатии на международные отношения, является идеологическая составляющая. Политические партии, представляющие различные идеологии – от социализма и либерализма до консерватизма и национализма – стремятся наладить связи с аналогичными партиями в других странах. Это взаимодействие может принимать различные формы: от обмена опытом и совместных инициатив до создания международных

ассоциаций и альянсов. Например, социалистические и коммунистические партии часто образуют международные федерации, такие как Социнтерн, что позволяет им координировать свои действия и продвигать общие цели на глобальной арене. В то же время, правые и популистские партии могут объединяться в рамках различных коалиций, что также свидетельствует о значении идеологии в партийной дипломатии [2].

Партийная дипломатия также может служить инструментом внешней политики государств. Политические партии, находящиеся у власти, могут использовать свои международные связи для укрепления позиций на мировой арене, формирования союзов и коалиций, а также для решения внутренних и внешних проблем. Например, правящие партии могут инициировать дипломатические переговоры или заключать соглашения с аналогичными партиями в других странах, что может привести к улучшению двусторонних отношений и усилению позиций на международной арене. В то же время, оппозиционные партии могут использовать партийную дипломатию для критики правящей власти, поиска союзников и поддержки своих позиций на международной арене, что также оказывает влияние на международные отношения [8].

Следует подчеркнуть, что партийная дипломатия не сводится исключительно к межпартийному взаимодействию. Её пространство значительно шире: в него входят неправительственные организации, профсоюзы, молодёжные объединения и иные акторы, обладающие способностью оказывать заметное воздействие на внешнеполитические ориентиры государств. Такие структуры, располагая собственными международными сетями и каналами коммуникации, способны транслировать ценности и идеи, формирующие общественное мнение и определяющие направление политической повестки как в национальном, так и в глобальном масштабе.

В условиях глобализации и усиливающейся взаимозависимости партийная дипломатия приобретает значение действенного механизма для поиска ответов на ключевые вызовы современности – климатические изменения, обеспечение безопасности, защиту прав человека и преодоление социального неравенства. Политические партии, выстраивая сотрудничество на наднациональном уровне, могут инициировать совместные программы и коалиции, что подтверждает их роль в качестве полноправных участников международного процесса. Показательным примером служит экологическая повестка: партии разных стран поддерживают международные инициативы по охране окружающей среды, демонстрируя, что партийная дипломатия способна выходить за рамки национальных интересов и становиться площадкой для поиска общих решений глобальных проблем.

Однако её воздействие на международные отношения не всегда имеет положительный характер. В ряде случаев партийные интересы вступают в противоречие с национальной политикой, что ведёт к осложнению двусторонних отношений. Так, поддержка зарубежной партии может вызвать негативную реакцию правящей элиты, обернуться дипломатическим кризисом или даже спровоцировать санкционные меры. Более того, использование партийной дипломатии в качестве инструмента вмешательства во внутренние дела иных государств чревато дестабилизацией политической обстановки и ростом конфликтного потенциала на международной арене.

Перспективы развития партийной дипломатии в современном мире представляют собой важный и многогранный аспект, который требует глубокого анализа в контексте изменений в международной политике,

трансформации глобальных отношений и внутренней динамики партийных структур. В последние десятилетия мы наблюдаем значительные изменения в характере международных отношений, что в свою очередь влияет на способы ведения дипломатии. Партии, как важные игроки в политической системе, начинают занимать все более заметное место в этом процессе. Данная часть исследования будет посвящена рассмотрению ключевых факторов, влияющих на развитие партийной дипломатии, а также возможным сценариям её эволюции в условиях глобализации и растущей взаимозависимости государств.

Одной из ключевых тенденций, формирующих будущее партийной дипломатии, выступает рост влияния ненормативных акторов в мировой политике. В современных условиях партии всё чаще действуют не только как представительские структуры, но и как самостоятельные субъекты, способные участвовать в международных переговорах и влиять на формирование внешнеполитического курса. Такая трансформация объясняется тем, что традиционные государственные институты уже не всегда способны эффективно справляться с глобальными вызовами – терроризмом, климатическими изменениями, миграционными кризисами и экономической нестабильностью. В этих обстоятельствах партии начинают выполнять роль посредника между государством и гражданским обществом, предлагая альтернативные механизмы реагирования и расширяя спектр дипломатических практик [6].

Не менее показательно, что партийная дипломатия развивается в условиях цифровизации и углубляющейся глобализации. Технологические изменения радикально преобразили формы коммуникации как между государствами, так и между партиями. Интернет-платформы, социальные сети и иные цифровые инструменты открывают новые каналы для продвижения интересов и воздействия на международную повестку. В ситуации, когда информация распространяется мгновенно, партии получают возможность формировать стратегические позиции в реальном времени и оперативно реагировать на изменения политической конъюнктуры. Однако это создаёт и новые риски: высокая скорость циркуляции данных делает необходимыми гибкость и готовность к быстрой адаптации, поскольку общественное мнение способно измениться буквально за несколько часов [15].

С другой стороны, развитие партийной дипломатии также сталкивается с рядом проблем и вызовов. Одним из них является необходимость балансирования между национальными интересами и международными обязательствами. Партии, представляя различные идеологии и интересы, могут иметь разные подходы к внешней политике, что может привести к конфликтам и разногласиям на международной арене. В условиях растущей поляризации политических сил в разных странах, партийная дипломатия может стать инструментом не только для достижения компромиссов, но и для усиления противоречий. Это подчеркивает важность развития механизмов координации и сотрудничества между партиями на международном уровне, что может способствовать более стабильному и предсказуемому развитию международных отношений [14].

Партийная дипломатия во многом определяется воздействием глобальных экономических и социальных процессов. В условиях нарастающей взаимозависимости экономических интересов партии вынуждены вырабатывать более сбалансированные подходы к вопросам торговли, инвестиций и международного сотрудничества. Те политические силы, которые смогут встроить экономические стратегии в дипломатическую практи-

ку, получают преимущества в продвижении собственных интересов и укреплении позиций на мировой арене. При этом экономическая дипломатия становится ключевым инструментом в условиях конкуренции за ресурсы и рынки, что требует комплексных стратегий, учитывающих как внутренние, так и внешние факторы.

Не менее весомо и влияние социальных трансформаций. Рост национализма, популизма и антикоррупционных настроений заставляет партии корректировать свою внешнеполитическую линию, предлагая решения, отвечающие ожиданиям граждан. Успех партий в таких условиях зависит не только от способности управлять внутренними процессами, но и от готовности к международному взаимодействию, что превращает партийную дипломатию в средство поиска союзников и партнёров в решении актуальных проблем.

Особая роль принадлежит международным организациям – ООН, Европейскому союзу, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и другим, которые предоставляют площадки для обмена опытом, выработки общих стратегий и формирования согласованных позиций по ключевым вопросам. Вместе с тем эффективность этих механизмов напрямую связана с политической волей и готовностью партий к сотрудничеству. Усиление националистических тенденций может стать серьёзным барьером для развития международных партнёрств.

Перспективы партийной дипломатии будут зависеть от совокупности факторов: внутренних политических процессов, глобальных экономических сдвигов и социальных изменений. Партии, сумевшие адаптироваться к новым условиям и использовать открывающиеся возможности, способны стать влиятельными участниками формирования международной политики. Для этого требуется не только стратегическое мышление, но и умение вести диалог, находить компромиссы и выстраивать сотрудничество. В мире, где взаимозависимость государств постоянно возрастает, партийная дипломатия может превратиться в действенный инструмент укрепления глобальной стабильности и мира.

Заключение

Заключение данной работы на тему «Понятие партийной дипломатии и ее специфика в современной международной политике» подводит итоги исследования, в ходе которого была проведена комплексная аналитика ключевых аспектов партийной дипломатии, ее исторического контекста, роли в международных отношениях, особенностей современной политики и влияния на международные отношения в целом. Рассмотренные вопросы позволили глубже понять, как партийная дипломатия формирует и трансформирует международные отношения в условиях глобальных вызовов и изменений.

Партийная дипломатия как особое явление имеет глубокие исторические корни, восходящие к тому времени, когда политические партии начали осознавать собственное значение не только в национальной политике, но и в международных процессах. Уже на ранних этапах становления партийных систем стало очевидно, что их влияние не ограничивается рамками внутренней политики: они способны напрямую участвовать в формировании внешнеполитического курса, а в отдельных случаях – оказывать воздействие на общую динамику международных отношений. Важной особенностью партийной дипломатии является её тесная связь с идеологией и ценностными установками, которые транслирует та или иная партия.

Сегодня роль партийной дипломатии становится особенно значимой в условиях глобальных вызовов, тре-

бующих более широкого спектра решений, чем могут предложить традиционные государственные институты. К числу таких вызовов относятся процессы глобализации, изменения климата, миграционные потоки и международный терроризм. Эти явления носят транснациональный характер и затрагивают сразу несколько сфер жизни общества, поэтому решать их исключительно на уровне правительств затруднительно. Включение партий в дипломатические процессы позволяет не только расширить круг участников, но и предложить новые подходы к поиску решений. В этом контексте партийная дипломатия выступает важным каналом диалога, через который формируются совместные стратегии, укрепляются партнёрские связи и обеспечивается необходимая гибкость в международном сотрудничестве.

Механизмы реализации партийной дипломатии многообразны. Они включают участие в международных форумах, создание межпартийных сетей сотрудничества, организацию совместных образовательных и исследовательских проектов, а также систематический обмен опытом. Благодаря этому партии способны укреплять не только двусторонние, но и многосторонние отношения, формировать доверие между различными политическими силами и оказывать влияние на общественное мнение. Последний аспект особенно важен, так как он позволяет делать международные инициативы более понятными и приемлемыми для граждан, а следовательно – повышать их легитимность. При этом партийная дипломатия не всегда совпадает с официальной государственной позицией, что в отдельных случаях создаёт дополнительные возможности для диалога, но в других – может осложнять развитие международного сотрудничества.

Перспективы партийной дипломатии в современном мире выглядят достаточно широкими. С учётом быстрых изменений, происходящих в глобальной политике, именно она может стать эффективным инструментом поиска решений по ключевым направлениям – будь то изменение климата, обеспечение безопасности или устойчивое развитие. Политические партии, обладающие гибкостью и чуткостью к общественным настроениям, способны дополнять государственные механизмы дипломатии, предлагая инициативы, учитывающие интересы как национального, так и международного уровня. Осознание собственной ответственности перед обществом и мировым сообществом придаёт их деятельности дополнительный вес, а участие в формировании международной повестки способствует созданию пространства для диалога и сотрудничества.

Таким образом, партийная дипломатия постепенно выходит за рамки вспомогательного инструмента и превращается в самостоятельный фактор мировой политики. Её дальнейшее развитие будет определяться не только структурными изменениями международной системы, но и готовностью партий к сотрудничеству, компромиссу и совместной работе. В условиях растущей взаимозависимости государств и усложняющейся международной обстановки именно партийная дипломатия способна стать связующим звеном, позволяющим сочетать идеологические интересы, национальные приоритеты и глобальные задачи ради укрепления устойчивого мира и стабильности.

Литература

1. Абрамов В.А. Императивный потенциал «мягкой силы» в стратегиях внутреннего и внешнего развития КНР // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2010. – № . 3. – С. 8–15. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/imperativnyy-potentsial-myagkoy-sily-v-strategiyah-vnutrennego-i-vneshnego-razvitiya-knr> (дата обращения: 30.06.2025).
2. Аветисян А.А. Социально-философские аспекты современной культурной дипломатии // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 9. – С. 193–198. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskie-aspekty-sovremennoy-kulturnoy-diplomatii> (дата обращения: 30.06.2025).
 3. Бекленищева М.В. Свердловская область в системе международных связей СССР (1955–1991 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 5.6. 1: дис. – б.и., 2025. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/142569/1/urfu2734_d.pdf (дата обращения: 30.06.2025).
 4. Борзова А.Ю. Дипломатическая служба Бразилии как инструмент реализации внешнеполитического курса страны в 1902–2014 гг.: дис... док. ист. наук: 07.00. 15 // Москва. – 2016. URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/dissertation/downloadfile/264f7a63-a5c7-eb11-a9e3-00155ddceb3d/> (дата обращения: 30.06.2025).
 5. Дзюба Е. В., Солопова О.А. Язык политики в многополярном мире // Россия в глобальном мире. – 2024. – Т. 27. – № 3. – С. 181–195. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-politiki-v-mnogopolyarnom-mire> (дата обращения: 30.06.2025).
 6. Дьяконова М.А. Современная внешняя политика Исламской республики Афганистан: дис. – Пятигорский государственный университет, 2014. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35264208> (дата обращения: 30.06.2025).
 7. Зимин А.Г. Культурная дипломатия Германии // Economic Consultant. – 2014. – № 1 (5). – С. 136–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-diplomatiya-germanii> (дата обращения: 30.06.2025).
 8. Косяк Е.В. Концептуальные основы и приоритеты внешней политики Испании в контексте формирования полицентричной системы международных отношений (2000–2014 гг.): дис. – М., 2015. URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01007980620.pdf (дата обращения: 30.06.2025).
 9. Мельник Г. С. ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ СМИ КИТАЯ). URL: https://disser.spbu.ru/files/2022/disser_niu_mengdi.pdf (дата обращения: 30.06.2025).
 10. Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т. 9. – № 2. – С. 95–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/panda-na-sluzhbe-drakona-osnovnye-napravleniya-i-mehanizmu-politiki-myagkoy-sily-kitaya> (дата обращения: 30.06.2025).
 11. Насибуллаева Э.Р. Специфика лексики политической тематики в английском языке // Филология: научные исследования. – 2020. – № 2. – С. 109–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-leksiki-politicheskoy-tematiki-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 30.06.2025).
 12. Оглы Б. Н. С., Погодин С.Н. Публичная дипломатия и роль азербайджанской диаспоры в ее продвижении // Социально-политические науки. – 2023. – Т. 13. – № 5. – С. 77–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-diplomatiya-i-rol-azerbaydzhanskoy-diaspory-v-ee-prodvizhenii> (дата обращения: 30.06.2025).

13. Сюэмэй Х., Сюйян Л. Нововведения «дипломатии великой державы с китайской спецификой» Си Цзиньпина «в новую эпоху» // Международные отношения. – 2023. – № 4. – С. 1–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novovvedeniya-diplomatii-velikoy-derzhavy-s-kitayskoy-spetsifikoy-si-tszipina-v-novuyu-epohu> (дата обращения: 30.06.2025).
14. Фокин В.И. Российско-турецкие культурные связи в условиях современных межкультурных отношений. URL: <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/Z3ZmsMRTgz.pdf> (дата обращения: 30.06.2025).
15. Юйфэй В. ПРАКТИКА ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ КНРВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2022. – Т. 14. – № 4. – С. 145–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-publichnoy-diplomatii-knrv-tsentralnoy-azii-sovremennoe-sostoyanie-vyzovy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 30.06.2025).

PARTY DIPLOMACY: THE ROLE OF RUSSIAN POLITICAL PARTIES IN THE SPHERE OF INTERNATIONAL COOPERATION

Fomichev I.A.

University named after Patrice Lumumba

The relevance of the study “The concept of party diplomacy and its specifics in modern international politics” is due to the growing role of party structures in the formation of foreign policy strategies and international relations in the context of globalization and multipolarity. In modern realities, when traditional methods of diplomacy face challenges related to changing political regimes and the growing influence of informal political actors, understanding party diplomacy becomes key for analyzing international political dynamics. The study, which includes a historical overview, the specifics of the functioning of party diplomacy and its impact on international relations, allows a deeper understanding of the mechanisms of interaction between states and political parties, as well as predicting possible trends in the development of international politics. The work is based on extensive political literary sources, which confirms its scientific validity and significance for further research in the field of international relations. The purpose of this study is to deeply define the concept of party diplomacy, its specifics and practical significance in the context of modern international politics. The objectives of the study are to analyze the theoretical foundations of party diplomacy, to identify its unique features in modern conditions, as well as to predict the possible directions of its evolution in the future. It is expected that the results of the work will contribute to the scientific understanding of party diplomacy as an important tool for interaction between states and political parties in the international arena. Research methods include: content analysis, qualitative analysis, herd case method, source analysis method, and benchmarking.

Keywords: party diplomacy, political parties, foreign policy, state diplomacy, inter-party interaction, globalization, world order, actors. a multipolar world.

References

1. Abramov V.A. Imperative potential of “soft power” in the strategies of internal and external development of the PRC // Bulletin of the Transbaikal State University. – 2010. – No. 3. – P. 8–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperativnyy-potentsial-myagkoy-sily-v-strategiyah-vnutrennego-i-vneshnego-razvitiya-knr> (date of access: 30.06.2025).
2. Avetisyan A.A. Social and philosophical aspects of modern cultural diplomacy // Social and humanitarian knowledge. – 2019. – No. 9. – P. 193–198. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskie-aspekty-sovremennoy-kulturnoy-diplomatii> (date of access: 30.06.2025).
3. Beklenishcheva M.V. Sverdlovsk region in the system of international relations of the USSR (1955–1991): dissertation for the degree of candidate of historical sciences: 5.6. 1: dis. – b. and.,

2025. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/142569/1/urfu2734_d.pdf (date of access: 30.06.2025).
4. Borzova A. Yu. The diplomatic service of Brazil as an instrument for implementing the country's foreign policy in 1902–2014: dis... doc. hist. sciences: 07.00. 15 // Moscow. – 2016. URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/dissertation/downloadfile/264f7a63-a5c7-eb11-a9e3-00155ddceb3d/> (date of access: 30.06.2025).
 5. Dzyuba E. V., Solopova O.A. The language of politics in a multipolar world // Russia in the global world. – 2024. – Vol. 27. – No. 3. – P. 181–195. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-politiki-v-mnogopolyarnom-mire> (date of access: 30.06.2025).
 6. Dyakonova M.A. Modern Foreign Policy of the Islamic Republic of Afghanistan: diss. – Pyatigorsk State University, 2014. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35264208> (date of access: 30.06.2025).
 7. Zimin A.G. Cultural Diplomacy of Germany // Economic Consultant. – 2014. – No. 1 (5). – P. 136–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-diplomatiya-germanii> (date of access: 30.06.2025).
 8. Kosyak E.V. Conceptual Foundations and Priorities of Spain's Foreign Policy in the Context of the Formation of a Polycentric System of International Relations (2000–2014): diss. – M., 2015, 2015. URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01007980620.pdf (date of access: 30.06.2025).
 9. Melnik G. S. TOLERANCE AND INTOLERANCE IN POLITICAL JOURNALISM (ON THE EXAMPLE OF CHINESE MEDIA). URL: https://disser.spbu.ru/files/2022/disser_niu_mengdi.pdf (date of access: 30.06.2025).
 10. Mikhnevich S.V. Panda in the Service of the Dragon: the Main Directions and Mechanisms of China's Soft Power Policy // Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. – 2014. – Vol. 9. – No. 2. – P. 95–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/panda-na-sluzhbe-drakona-osnovnye-napravleniya-i-mehanizmy-politiki-myagkoy-sily-kitaya> (date of access: 30.06.2025).
 11. Nasibullaeva E.R. Specificity of the vocabulary of political topics in the English language // Philology: scientific research. – 2020. – No. 2. – P. 109–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-leksiki-politicheskoy-tematiki-v-angliyskom-yazyke> (date of access: 30.06.2025).
 12. Ogly B. N. S., Pogodin S.N. Public diplomacy and the role of the Azerbaijani diaspora in its promotion // Social and political sciences. – 2023. – Vol. 13. – No. 5. – P. 77–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-diplomatiya-i-rol-azerbaydzhanskoy-diaspory-v-ee-prodvizhenii> (date of access: 30.06.2025).
 13. Xuemei H., Xuyang L. Innovations of Xi Jinping's "great power diplomacy with Chinese characteristics" "in the new era" // International relations. – 2023. – No. 4. – P. 1–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novovvedeniya-diplomatii-velikoy-derzhavy-s-kitayskoy-spetsifikoy-si-tszinpinga-v-novuyu-epohu> (date of access: 30.06.2025).
 14. Fokin V.I. Russian-Turkish cultural ties in the context of modern intercivilizational relations. URL: <https://disser.spbu.ru/files/diss-er2/disser/Z3ZmsMRTgz.pdf> (date of access: 30.06.2025).
 15. Yufei V. PRACTICE OF PUBLIC DIPLOMACY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC IN CENTRAL ASIA: CURRENT STATE, CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS // Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics. – 2022. – Vol. 14. – No. 4. – P. 145–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-publichnoy-diplomatii-knr-v-tsentrallyy-azii-sovremennoe-sostoyanie-vyzovy-i-perspektivy-razvitiya> (date of access: 30.06.2025).

Эволюция политики в отношении частного высшего образования в Китае после реформ и открытости

Чжан Янь,

аспирант, кафедра Политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»
E-mail: 1486833095@qq.com

Печерица Владимир Фёдорович,

доктор исторических наук, профессор, профессор, кафедра Политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет», академик РАПН
E-mail: Pecheritsa.vf@dvfu.ru

После реформ и открытости частное высшее образование в Китае не только восстановилось и развивается, но и занимает значимое место в системе высшего образования страны. Политика частного высшего образования в Китае прошла этапы восстановления, становления, развития и совершенствования. Анализ данной эволюции позволяет установить, что частное высшее образование внесло исторический вклад в массовизацию высшего образования и реформирование образовательной системы. Тем не менее, ограниченное ресурсами и регулированием со стороны государства, оно по-прежнему занимает нижний эшелон образовательной пирамиды Китая. Следовательно, на современном этапе необходимо разрабатывать научно обоснованную и оптимальную политику в сфере частного высшего образования, активно создавать новые высококлассные частные вузы, чтобы внести больший вклад в построение развитой системы высшего образования.

Ключевые слова: частное высшее образование, эволюция образовательной политики, высококлассные частные вузы нового типа.

Частное высшее образование в Китае возникло в современном понимании, начиная с начала 1980-х годов XX века, и, пройдя сложный путь развития, в последние годы демонстрирует стремительный рост. По состоянию на 2024 год в Китае функционируют 803 частных вуза, что составляет 27,5% от общего числа высших учебных заведений страны. Из них: 417 частных университетов бакалаврского уровня, 412 профессиональных колледжей (среднее специальное образование). Очевидно, что частные вузы стали значимым компонентом системы высшего образования Китая. С точки зрения публичной политики, политика в сфере частного высшего образования представляет собой субъектную деятельность и процесс, формирующиеся в специфической политической среде. Развитие данного сектора напрямую зависит от окружающей его политико-институциональной среды. Публичные политические тексты отражают как внешние проявления институциональных трансформаций, так и их внутреннюю логику. Исследование эволюции политики и её базовых механизмов имеет ключевое значение для анализа действующей системы и планирования дальнейшего развития [1].

За более чем 40 лет политики реформ и открытости политика частного высшего образования в Китае прошла этапы восстановления, становления, развития и совершенствования. Ретроспективный анализ развития частного высшего образования в Китае способствует комплексной оценке уровня развития всего сектора.

Период восстановления политики частного высшего образования приходится на 1982–1991 гг. В 1978 году введение реформ и открытости оживило китайскую землю, ознаменовав начало новой эры для всех сфер развития страны. Стремительный рост социальной экономики остро потребовал большого числа профессионалов, а существовавшая система высшего образования уже не могла удовлетворять растущие образовательные запросы населения. В этих условиях начали сниматься запреты на обучение силами общества, и частное высшее образование стало доступным для населения.

В 1982 году основание Китайского университета общества стало символическим началом возрождения частного высшего образования. В ноябре того же года на V сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) пятого созыва товарищ Пэн Чжэнь дал развернутое изложение принципов негосударственного образования. Он подчеркнул: «Государство должно не только вкладывать достаточные ресурсы в образовательную систему, но и мобилизовать инициативу общественных сил, включая государственные предприятия, частных организаторов образования (с государственной лицензией) и общественные организации, для развития образовательной сферы различными способами» [2, с. 158]. В декабре того же года вновь принятая Конституция КНР прямо установила: «Государство поощряет общественные силы к участию в организации различных форм образования в соответствии с законом» [3]. Данное положение стало первым конституционным признанием негосударственного образования на государственном уровне, закрепив конституционно-правовые гарантии для частного высшего образования. В 1987 го-

ду Государственный комитет по образованию в «Временных положениях о негосударственном образовании» детально регламентировал категории учреждений, уровни образования, наименования вузов, найм преподавателей, приём студентов и финансирование. Это был первый нормативный акт, официально регулирующий негосударственный образовательный сектор. Затем последовательно были приняты: «Временные положения о финансовом управлении негосударственных образовательных учреждений» (1987), «Временные положения об администрировании негосударственного образования» (1988), «Уведомление по отдельным вопросам негосударственного образования» (1988), «Постановление Госсовета об усиленном развитии профессионально-технического образования» (1991) и другие законодательные документы. Целью данных политических актов было усиление нормативного регулирования негосударственного образования. Однако положения оставались недостаточно конкретизированными и систематизированными, затрагивая лишь отдельные аспекты частного образования. Ключевые вопросы – как общественным силам следует организовывать учебные заведения и какую роль должно играть государство – оставались концептуально неразрешёнными. Специализированная нормативно-правовая база для частного высшего образования ещё не сформировалась [4].

В данный период государство, декларативно поддерживая негосударственное образование, фактически вводило многоуровневые ограничения, позиционируя его как «вспомогательный компонент государственной образовательной системы». На институциональном уровне частное высшее образование строго ограничивалось внеформальным образованием (без выдачи дипломов гособразца) и профессиональным образованием ступени СПО (среднее специальное образование).

В 1992 году турне Дэн Сяопина по Югу Китая и проведение XIV съезда КПК придали мощный импульс экономическим реформам и социальному развитию страны. В «Программе реформ и развития образования Китая» (1993) было подтверждено требование «изменить монополию государственного сектора в образовании» и провозглашён принцип: «Государство в отношении общественных организаций и отдельных граждан, осуществляющих образовательную деятельность в правовом поле, проводит курс на активное стимулирование, всестороннюю поддержку, грамотное руководство и усиленный контроль». В «Временных положениях об учреждении частных вузов» (1993) было чётко зафиксировано, что частное высшее образование является «неотъемлемой частью системы высшего образования КНР». Документ также детально регламентировал требования к созданию частных вузов, процедуру подачи заявок и их рассмотрения, а также механизмы управления. Этим было продемонстрировано возросшее внимание государства к сектору частного высшего образования [5]. В «Законе КНР об образовании» (1995) провозглашено: «Государство стимулирует и поддерживает инициативы граждан по созданию учебных заведений и образовательных организаций различных типов». Данное положение усилило правовое признание легитимности частного высшего образования. Принятие в 1996 году нормативных актов («Уведомления об усилении управления негосударственным образованием» и «Положения о негосударственном образовании») значительно способствовало дальнейшему развитию частных вузов.

В период 1992–1997 гг. частное высшее образование Китая продемонстрировало стремительное развитие. Согласно статистическим данным, в 1997 году общее число частных высших учебных заведений и обра-

зовательных организаций Китая достигло свыше 1,270. Это более чем трёхкратный рост по сравнению с предыдущим периодом. Образовательные уровни перестали ограничиваться внеформальным обучением и профессиональным образованием ступени СПО – появились полноценные частные вузы с правом присвоения академических степеней, такие как: Хуанхэский технологический институт, Шанхайский университет Санда.

В конце 1990-х годов политическая сфера частного высшего образования Китая претерпела значительные изменения. С одной стороны, под влиянием экономического кризиса 1998 года государство приняло решение расширить приём в государственные вузы для решения проблем безработицы, вызванных реструктуризацией госпредприятий и рыночными реформами. Это нанесло серьёзный удар по контингенту частных вузов, поставив их перед угрозой выживания. С другой стороны, возрастающая значимость экономики знаний в международной конкуренции и социально-экономическом развитии ускорила процесс массовизации высшего образования. На государственном уровне последовательно выдвигались стратегии «усиления страны за счёт человеческих ресурсов» и «построения мощной кадровой державы». Этот повышенный приоритет образования создал для частного высшего образования новые возможности для развития [6].

В «Законе КНР о высшем образовании» (1998) провозглашено: «Государство поощряет предприятия, учреждения, общественные объединения, иные социальные организации и граждан – то есть все общественные силы – к созданию высших учебных заведений в соответствии с законом, а также к участию в поддержке реформ и развития системы высшего образования». В 1999 году «Решение об углублении реформы образования и всестороннем продвижении качественного образования» установило: «При наличии возможностей общественные организации и частные лица, получив разрешение компетентных образовательных ведомств, могут учреждать частные вузы общего типа. От всех провинций (городов) требуется разрабатывать льготные политики с учётом местных условий для поддержки негосударственного образования». Это, без сомнения, посылает политический сигнал: частные вузы перестают ограничиваться внеформальным образованием и СПО, что значительно расширяет пространство для развития частного высшего образования. Принятие «Закона КНР о содействии негосударственному образованию» (2002) заменило формулировку «усиленный контроль» в прежнем 16-иероглифном принципе на «управление на правовой основе». Данная корректировка стала значительным поворотом в политике, ознаменовавшим создание правовой системы частного образования и его переход в режим системного регулирования правовыми средствами [7]. В «Положении о регулировании и укреплении управления экспериментальными дочерними институтами при государственных вузах на новых принципах» (2003) были установлены юридический статус дочерних институтов, механизмы правовой защиты их законных интересов, конкретные нормативы образовательной деятельности. В «Положении об управлении частными высшими учебными заведениями» (2007) конкретизированы механизмы реализации принципа «управления на правовой основе» из Закона о содействии негосударственному образованию. Это способствовало систематизации нормативного регулирования частного высшего образования и законодательно закрепило равный юридический статус частных и государственных вузов.

В настоящее время идет этап совершенствования политики частного высшего образования (с 2008 г.). Став

второй экономикой мира, Китай остро нуждается в инновационных кадрах и повышении качества человеческого капитала для укрепления конкурентных преимуществ в экономике и глобальном соперничестве. Образованию принадлежит ключевая роль в реализации стратегии национального возрождения и развитии интеллектуального потенциала нации. Частное образование занимает всё более значимое место в образовательной системе Китая. Частное высшее образование способно эффективнее удовлетворять растущие диверсифицированные запросы населения. Благодаря совершенствованию правовой базы в предшествующий период сформировалась фундаментальная законодательная система частного образования, создав благоприятные условия для его развития. Политика в сфере частного высшего образования углубляется на сложившейся основе. В 2008 году Министерство образования издало «Положение об учреждении и управлении дочерними институтами», системно регламентировавшее шесть аспектов деятельности частных дочерних институтов: учреждение, организация и деятельность, управление и надзор, реорганизация и прекращение деятельности, юридическая ответственность. Документ институционально включил частные дочерние институты в категорию частных вузов. Таким образом, дочерние институты стали не только неотъемлемой и значимой частью частного высшего образования Китая, но и постепенно превращаются в основную движущую силу развития всего частного образовательного сектора [8]. В «Программе среднесрочного и долгосрочного реформирования и развития образования (2010–2020)» подтверждена необходимость законодательного обеспечения равноправного юридического статуса частных и государственных вузов. Одновременно выдвинуты требования: активно содействовать инновациям в образовательных системах и моделях частных вузов, повышать качество образования, развивать уникальные профили, создать группу высококлассных конкурентоспособных частных университетов. Стратегическая цель – направить частное высшее образование на путь устойчивого развития, характеризующийся высоким качеством, уровнем и отраслевой специализацией. В «Практических предложениях по поощрению и направлению частного капитала в сферу образования для здорового развития негосударственного образования» (2012) было выдвинуто требование ликвидировать и исправить дискриминационные меры в отношении частных учебных заведений, что устранило барьеры для устойчивого развития частного высшего образования. В 2016 году Госсовет КНР в «Предложениях по содействию здоровому развитию негосударственного образования» потребовал снизить административные барьеры для учреждения частных вузов и усовершенствовать систему поддержки. Новые задачи требуют от частных вузов дальнейшего повышения качества образования, усиления подготовки технических специалистов с практическими навыками [9].

В 2011 году пять частных вузов получили одобрение Министерства образования и официальное право осуществлять приём в магистратуру и аспирантуру, что положило конец монополии государственного сектора на подготовку научно-педагогических кадров. Согласно «Статистическому бюллетеню о развитии образования в КНР за 2024 год», по состоянию на 2024 год в Китае функционируют: 803 частных вуза (25,75% от общего числа вузов страны), в том числе 388 обычных университетов бакалаврского уровня, 23 профессиональных вуза бакалаврского уровня, 390 профессиональных колледжей (СПО) и 2 вуза для взрослого населения. Контингент студентов частных вузов составляет 10,5224 млн чело-

век (27,04% от общего числа студентов бакалавриата, специалитета и СПО) [10]. Частное высшее образование достигло значительного прогресса в образовательном уровне, качестве и институциональной иерархии, вступив в фазу нового подъёма. Окончательно сформировалась модель совместного развития государственного и частного секторов под руководством государства, что вывело частное высшее образование на траекторию устойчивого роста высокого уровня и качества.

Обзор эволюции политики частного высшего образования Китая выявляет трёхфазную трансформацию: от первоначальной активной поддержки через регуляторную адаптацию к современному курсу на создание вузов мирового уровня. Данная политика демонстрирует парадоксальное единство долгосрочной стабильности и динамичной изменчивости, где центральные целевые установки гармонично сочетаются с региональной имплементацией, формируя стратегический консенсус развития сектора [11].

Анализ эволюции политики частного высшего образования Китая выявляет парадоксальный дуализм. С одной стороны, государство рассчитывает на вклад сектора в подготовку кадров для социально-экономических нужд, с другой – жёстко ограничивает его институциональную структуру через иерархические рамки, операционные масштабы, нормативные требования. Данный регуляторный парадокс обеспечил исключительную стабильность политики на протяжении десятилетий. Эволюция частного высшего образования демонстрирует чёткую траекторию: от «допущения с ограничениями» через «стимулирование и поддержку» к «нормативному регулированию» и далее к «стратегической адаптации». При этом центральные власти сохраняют установку на стратегическую лояльность, что гарантирует долгосрочную устойчиво-динамичную модель развития.

Развитие частного высшего образования в Китае неизменно определяется регуляторным влиянием и направляющей ролью государственной политики. По мере становления и совершенствования нормативно-правовой системы в данной сфере, статус частного высшего образования оказался законодательно закреплён. Политика и нормативные акты обеспечили защиту законных прав и интересов частных высших учебных заведений, что значительно стимулирует инициативу общественных сил в сфере образования. Частные вузы постепенно формируют уникальные, высококачественные и конкурентоспособные модели функционирования, создавая систему совместного развития с государственными вузами. Это способствует переходу высшего образования Китая от элитарного к массовому. В перспективе политика в сфере частного высшего образования Китая уверенно продвигается по заложенной траектории полного служения обществу, удовлетворения стремления народа к благополучной жизни, содействия научному и рациональному развитию частного высшего образования.

Литература

1. Вэй Чжугуан. Анализ трансформации политики в отношении независимых колледжей Китая в рамках теории прерывистого равновесия // Менеджмент высшего образования. – 2022. – 16 (6). – С. 69–82.
2. Краткая история Коммунистической партии Китая. – Пекин: Научно-исследовательский отдел истории КПК при ЦК КПК, 2021. – 531 с.
3. Конституция Китайской Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_zcfg/moe_418/201805/

t20180508_335334.html (дата обращения: 07.04.2025).

4. Гу Мэйлин. Историческая ретроспектива и перспективы развития частного высшего образования Китая // Педагогические исследования. – 1997. – № 8. – С. 45–49.
5. Временное положение об учреждении частных высших учебных заведений. – [Электронный ресурс]: 17.08.1993. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A02/s5911/moe_621/199308/t19930817_81912.html (дата обращения: 18.04.2025).
6. У Дагуан. Специфика и базовые характеристики частного образования в Китае // Педагогические исследования. – 2007. – № 1. – С. 3–8.
7. Закон КНР о содействии развитию частного образования. – [Электронный ресурс]: 28.12.2023. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_zcfg/zcfg_jyfl/202204/t20220421_620261.html (дата обращения: 07.04.2025).
8. Положение о создании и регулировании независимых колледжей. – [Электронный ресурс]: 22.02.2008. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A03/s181/200802/t20080222_170538.html (дата обращения: 20.04.2025).
9. Отдельные положения Госсовета КНР о поощрении общественных сил в создании учебных заведений и содействии устойчивому развитию частного образования. – [Электронный ресурс]: 29.12.2016. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1778/201701/t20170118_295161.html (дата обращения: 15.05.2025).
10. Статистический бюллетень о развитии образования в Китае за 2024 год. – [Электронный ресурс]: 11.06.2024. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_ftjgb/202506/t20250611_1193760.html (дата обращения: 18.04.2025).
11. Ань Шиао, Хуан Сяофан. Анализ логики трансформации политики частного высшего образования Китая: перспектива теории прерывистого равновесия // Современный менеджмент в образовании. – 2020. – № 4. – С. 45–52.

EVOLUTION OF PRIVATE HIGHER EDUCATION POLICY IN CHINA AFTER REFORM AND OPENING-UP

Zhang Yan, Pecheritsa V.F.
Far Eastern Federal University

After reform and opening-up, private higher education in China has not only recovered and developed, but also occupies a significant place in the country's higher education system. The private higher education policy in China has gone through the stages of recovery, formation, development and improvement. The analysis of this evo-

lution allows us to establish that private higher education has made a historical contribution to the massification of higher education and the reform of the educational system. However, limited by resources and regulation by the state, it still occupies the lower echelon of China's educational pyramid. Therefore, at the present stage, it is necessary to develop a scientifically sound and optimal policy in the field of private higher education, actively create new high-class private universities in order to make a greater contribution to the construction of a developed higher education system.

Keywords: private higher education, evolution of educational policy, high-class private universities of a new type.

References

1. Wei Zhuguang. Analysis of policy transformation on China's independent colleges within the framework of punctuated equilibrium theory // Higher education management. – 2022. – 16 (6). – P. 69–82.
2. A brief history of the Communist party of China. – Beijing: CPC History research department of the CPC Central committee, 2021. – 531 p.
3. Constitution of the People's Republic of China. – [Electronic resource]. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_zcfg/moe_418/201805/t20180508_335334.html (accessed: 04.07.2025).
4. Gu Meiling. Historical retrospective and prospects for the development of private higher education in China // Pedagogical research. – 1997. – No. 8. – P. 45–49.
5. Temporary regulations on the establishment of private higher education institutions. – [Electronic resource]: 17.08.1993. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A02/s5911/moe_621/199308/t19930817_81912.html (accessed: 18.04.2025).
6. Wu Daguan. Specificity and basic characteristics of private education in China // Pedagogical research. – 2007. – No. 1. – P. 3–8.
7. Law of the PRC on the promotion of private education. – [Electronic resource]: 28.12.2023. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_zcfg/zcfg_jyfl/202204/t20220421_620261.html (accessed: 07.04.2025).
8. Regulations on the establishment and regulation of independent colleges. – [Electronic resource]: 22.02.2008. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A03/s181/200802/t20080222_170538.html (accessed: 20.04.2025).
9. Certain provisions of the State Council of the PRC on encouraging social forces in the establishment of educational institutions and promoting the sustainable development of private education. – [Electronic resource]: 12/29/2016. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1778/201701/t20170118_295161.html (accessed: 05/15/2025).
10. Statistical bulletin on the development of education in China for 2024. – [Electronic resource]: 06/11/2024. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_ftjgb/202506/t20250611_1193760.html (accessed: 04/18/2025).
11. An Shiao, Huang Xiaofang. Analysis of the logic of transformation of China's private higher education policy: the perspective of punctuated equilibrium theory // Modern management in education. – 2020. – No. 4. – P. 45–52.

Участие России в региональном сотрудничестве в Южной Азии

Боднар Игорь Игоревич,

аспирант кафедры государственного и муниципального управления, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»
E-mail: igorbodnar2013@yandex.ru

Исследование рассматривает риски и возможности евразийских проектов сотрудничества по линии Юг-Север. Российская Федерация и её экономические субъекты имеют потенциал стать значимыми внешними партнёрами в некоторых аспектах новой инициативы взаимодействия между государствами Южной и Центральной Азии. Однако текущее соотношение позитивных и негативных ожиданий нельзя назвать однозначно благоприятным для данной инициативы. Успех регионального проекта критически зависит от заинтересованности руководства участвующих стран в развитии совместных усилий. Вовлечение российских экспертов в новые механизмы сотрудничества может стать значимым продвижением вперед. Полноценное формирование свежего направления меридиональной интеграции на евразийском пространстве требует установления связей с бизнес-представителями соответствующих государств. Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии, существующая с 1985 года и объединяющая все государства региона, включая Афганистан, становится ключевым элементом нового геополитического ландшафта. Межблоковое партнерство формируется естественным образом благодаря растущему экономическому взаимодействию между ЕАЭС и южноазиатскими странами. Проект трансазиатского газопровода ТАПИ демонстрирует востребованность сотрудничества между этими регионами, а интеграция Южной Азии в международный транспортный коридор «Север-Юг» с участием Евразийского союза и Ирана лишь подтверждает стратегическую переориентацию России на восточное направление.

Ключевые слова: Россия, Южная Азия, Центральная Азия, Узбекистан, Индия, сотрудничество.

Введение

Доступ к индийскому рынку и другим экономикам Индийского океана остаётся серьёзной проблемой для постсоветских стран. Это не удивительно, учитывая, что вертикальная экономическая интеграция на евразийском пространстве всегда сталкивалась с трудностями. Многочисленные инициативы по созданию коридоров Север-Юг систематически проваливались из-за географических ограничений, геополитических противоречий и конкуренции с другими международными проектами. Особенно досадным это выглядит в контексте растущей экономической мощи Индии, которая, согласно данным МВФ, к 2021 году стала третьей экономикой мира по ВВП с учётом паритета покупательной способности. Исторически сложившаяся ситуация может, впрочем, меняться, поскольку прежние закономерности не обязательно будут определять будущее континентальных связей. Потенциальный рост может достичь отметки 8,36% к 2026 году, превысив уровень 7% в ближайшей перспективе. Для России создание новых взаимовыгодных партнерств с южноазиатскими государствами не только принесет экономические преимущества, но и может стимулировать интерес к концепции «Большой Евразии», которая стала ключевым элементом внешней политики страны за последнее пятилетие. Государства Центральной Азии (ЦА), не имеющие выхода к морю, особенно остро ощущают упущенную выгоду, хотя и для Российской Федерации (РФ) эти потери весьма существенны [1, 3, 8].

Цель исследования – теоретический анализ участия России в региональном сотрудничестве в Южной Азии (ЮА).

Материалы и методы исследования

Анализ, синтез, обобщение, сравнение, наблюдение, классификация.

Результаты исследования

Вследствие напряженности Русско-Украинских отношений и охлаждения дипломатических связей с западными партнерами, Россия переориентировала свой внешнеполитический вектор на азиатский регион. Особенно примечательным стало развитие отношений с Пакистаном, которые с 2014 года демонстрируют значительный прогресс. Взаимодействие между Москвой и Исламабадом, долгое время ограниченное неформальными барьерами, сейчас активно развивается в оборонной сфере, ставшей ключевым катализатором сближения. Однако следует признать начальный этап двусторонних отношений. Энергетическое партнерство также набирает обороты: в октябре 2015 года было заключено соглашение о прокладке газопровода, соединяющего Лахор и Карачи, что расширяет сферы сотрудничества за пределы оборонного сектора [2]. В 2017 году российской компанией Роснефть была приобретена доля в 49% индийской компанией ESSAR, чьими основными активами является нефтеперерабатывающий завод и портовый терминал.

Данное приобретение стало одной из крупнейших инвестиций российских компаний за рубеж [9].

В ходе ташкентской конференции глава МИД России С.В. Лавров выразил основную позицию РФ относительно инициативы развития многосторонних связей между государствами ЮА и ЦА. По его словам, усиление взаимодействия этих регионов создает благоприятные условия для экономического и инвестиционного развития на территории Евразии. Такая стратегия соответствует российским интересам лишь в том случае, если она предполагает вовлечение всех заинтересованных участников, а не направлена на «изоляция и сдерживание конкурентов». Предложение президента Узбекистана не противоречит видению России о развитии экономического взаимодействия в евразийском пространстве, что имеет ключевое значение для интересов РФ. Инициатива не создаёт конфликта с возможным вступлением Узбекистана в структуры Евразийского экономического союза (ЕАЭС), поскольку не включает создание особых торговых соглашений между государствами региона. Таким образом, данная инициатива гармонично сочетается с существующими механизмами экономического сотрудничества в Евразии. Инициатива «Большого евразийского партнерства» основана на принципе гибкого экономического сотрудничества между странами, дополненного активным взаимодействием в социальной и гуманитарной областях. Такая концепция создает благоприятную среду для интеграции различных форматов межгосударственных отношений, обеспечивая системное соответствие основным стратегическим задачам партнерства [5].

Предложенная инициатива содержит компоненты, способные существенно активизировать взаимодействие между государствами ЦА и ЮА, не входящими в ЕАЭС, включая Узбекистан. Особую ценность представляет идея внедрения электронного документооборота в торговой сфере. Эта инновация создаёт благоприятную почву для гармонизации с уже действующими в ЕАЭС механизмами, включая экспериментальные проекты по модернизации электронной коммерции. Таким образом, несмотря на различия в статусе, появляются новые каналы для укрепления региональных экономических связей. Создание единой электронной системы обмена внешнеторговой информацией с привлечением партнеров может эффективно соединить интеграционные механизмы ЕАЭС с инициативами по устранению торговых барьеров между государствами ЦА и ЮА. РФ и ее бизнес-структуры имеют шанс стать ключевыми внешними партнерами в рамках новой программы взаимодействия этих регионов. Такое сотрудничество не только расширит экспортные возможности для всех участников, но и снизит риск проникновения нелегальных товаров из южноазиатских стран через центральноазиатские территории в Россию [1].

Учитывая стремление России к развитию продуктивного международного взаимодействия между государствами ЮА и ЦА, необходимо серьезно рассмотреть её возможное участие в качестве партнера извне региона. Подключение российских бизнесменов и экспертов к новым консультативным площадкам как в двустороннем формате с Узбекистаном, так и в многосторонних механизмах, может стать значимым продвижением вперед. Формирование нового меридионального интеграционного направления на евразийском пространстве требует установления связей с предпринимательскими сообществами соответствующих стран, обсуждения регуляторных инициатив и использования коммерческих перспектив, которые возникают благодаря расширению

сотрудничества Узбекистана с южноазиатскими государствами [1].

Участие Индии и Пакистана в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), наряду с государствами ЕАЭС и Центральной Азии, создает значимый импульс для развития отношений России с Ассоциацией регионального сотрудничества стран Южной Азии. Диалоговый статус в ШОС уже получили Непал и Шри-Ланка, а Бангладеш, вероятно, присоединится к ним в ближайшем будущем. Торгово-экономические связи между ЕАЭС и Индией активно укрепляются. ЕАЭС стремится к интенсификации экономического взаимодействия с Индией, и переговорный процесс о создании зоны свободной торговли уже начат. С 2022 года Индия вошла в топ-5 ключевых торговых партнеров как для России, так и для всего ЕАЭС. Весной 2023 года индийская сторона официально выразила заинтересованность в ускорении процесса формирования зоны свободной торговли с ЕАЭС [6]. Стоит отметить, что одним из основных товаров российско-индийской торговли на современном этапе являются углеводороды (минеральное топливо) [10].

Экономические отношения с Пакистаном демонстрируют положительную динамику. Торговый обмен между Пакистаном и ЕАЭС, включая Узбекистан, имеющий статус наблюдателя, увеличился примерно на 33% за последние 18 месяцев. Еще в 2015 году Исламабад выразил заинтересованность в создании зоны свободной торговли с РФ и ЕАЭС, и эта инициатива остается актуальной. Пакистанская сторона продолжает пользоваться преференциальным режимом на рынках ЕАЭС, со своей стороны, принимает активное участие в строительстве Транспакистанского газопровода «Север-Юг», протяженностью 1150 километров и проектной мощностью 12,3 миллиарда кубометров газа ежегодно [6].

В 2024 году наблюдалось сохранение позитивной динамики торговых отношений между странами-участницами ЕАЭС, включая Россию, и государствами ЮА, входящими в региональный блок – Непалом, Мальдивами, Бангладеш и Шри-Ланкой. Заметно увеличение поставок потребительских товаров из этих стран на рынки ЕАЭС, в то время как в обратном направлении преимущественно экспортируются энергооборудование, нефтепродукты, химические удобрения и зерно. Общий объем взаимной торговли продемонстрировал значительный рост – более 30% за период 2022–2023 годов. Представители бизнеса и правительства южноазиатских стран проявляют активный интерес к созданию режима свободной торговли с ЕАЭС и РФ [6].

Судоходные компании, зарегистрированные в таких государствах, как Бангладеш, Шри-Ланка и Мальдивы, под так называемыми «удобными» флагами, играют всё более значительную роль в обходе западных санкций против России. Эти суда особенно активно задействованы в торговых маршрутах, связывающих РФ с регионами Юго-Восточной и ЮА, а также Восточной Африки. В октябре 2023 года представители талибского правительства сделали заявление относительно трубопроводного проекта ТАПИ, соединяющего Туркменистан, Афганистан, Пакистан и Индию. Напомним, что этот масштабный проект с ежегодной производительностью свыше 30 миллиардов кубометров был заморожен на территории Афганистана в конце 2010-х годов. Строительство транс-афганской части ТАПИ находится на стадии доработки плана между Ашхабадом и Кабулом. Весной 2024 года правительства Индии и Пакистана выразили намерение оказать содействие Афганистану в реализации этого проекта. Стоит отметить, что сегмент до афганотуркменской границы уже завершен. Проектом предусмотрено распределение газа: по 14 миллиардов кубо-

метров для Индии и Пакистана, а также до 5 миллиардов кубометров для Афганистана. Наряду с иными межрегиональными инициативами, включающими Пакистан и Индию, данный транспортный коридор входит в число ключевых коллективных предприятий южноазиатского объединения. Учитывая тенденции в отношениях между Афганистаном и Россией, афганская сторона, вероятно, положительно воспримет российское содействие в ускорении формирования этого важного транспортно-го пути [7].

Обсуждение

Преобразование евразийского пространства через интеграционные проекты становится приоритетным направлением стратегической политики Москвы. Концепция объединения ЦА и ЮА рассматривается в рамках масштабного Большого евразийского партнерства, идея которого значительно трансформировалась с момента первоначального выдвижения. Формирование многополярного мирового устройства путем инфраструктурной связанности и торговых соглашений на суперконтиненте представляет собой ключевую стратегическую задачу России. В долгосрочной перспективе инициатива предусматривает создание ЕАЭС широкой сети торгово-инвестиционных альянсов с различными государствами и региональными объединениями Европы и Азии, включая форматы зон свободной торговли.

В формирующейся многополярной мировой системе Россия и Индия разделяют схожие стратегические видения, нацеленные на поддержание геополитического равновесия. Сохранение автономности внешнеполитического курса представляет собой приоритетную задачу для Дели, который принципиально избегает вступления в военные альянсы с любыми державами. Несмотря на развитие партнерских отношений с Японией и Соединенными Штатами, Индия продолжает энергично участвовать в деятельности ШОС, трехстороннего формата РИК и объединения БРИКС. Заметна также тенденция к углублению двусторонних связей между Россией и Индией, с особым акцентом на региональное взаимодействие, военно-техническое сотрудничество, технологический обмен и экономическую кооперацию [4].

Заключение

Таким образом, в современном геополитическом ландшафте формируются принципиально новые альянсы и партнерства. Нестабильность мировой системы подталкивает государства к поиску надежных партнеров и созданию устойчивых региональных объединений. Евразийский континент становится центром глобальных трансформаций, где разворачиваются ключевые процессы формирования многополярного мироустройства. На фоне глобальных вызовов и растущей неопределенности страны региона осознают необходимость консолидации усилий для обеспечения собственной безопасности и устойчивого развития.

Особую значимость приобретает координация позиций между Россией и государствами ЦА и ЮА. Такие экономические гиганты как Индия и Пакистан, вместе с Россией, находят все больше областей для взаимовыгодного сотрудничества, выстраивая многоуровневые форматы взаимодействия. Защита общих интересов и достижение совместных целей становятся приоритетными направлениями их внешнеполитической деятельности.

Общность стратегических интересов этих государств создает прочную основу для долгосрочного партнерства,

охватывающего экономическую, политическую и культурную сферы. Совместные инициативы в области инфраструктуры, энергетики и безопасности уже сегодня демонстрируют эффективность такого взаимодействия. Формирующиеся механизмы международного сотрудничества в регионе имеют все шансы стать фундаментом новой архитектуры безопасности в Евразии. Синергетический эффект от объединения потенциалов стран-участниц может обеспечить устойчивое развитие всего макрорегиона на десятилетия вперед, укрепляя мир и стабильность в этой критически важной части планеты.

Участие России как внерегионального партнера в форматах взаимодействия между государствами ЮА и ЦА требует тщательного рассмотрения, учитывая ее стремление к развитию продуктивных международных связей. Формирование нового меридионального интеграционного вектора на евразийском пространстве может быть значительно усилено через вовлечение российских бизнес-представителей и экспертов в создаваемые консультативные платформы – как в многосторонних форматах, так и на двусторонней основе с Узбекистаном. Подобное вовлечение открывает перспективы не только для освоения коммерческих возможностей, возникающих при укреплении узбекско-южноазиатских отношений, но и для совместной разработки регуляторных инициатив и налаживания прямых контактов с принимающими кругами соответствующих стран.

Литература

1. Афонцев С.А. Новая инициатива развития сотрудничества стран Центральной и Южной Азии: взгляд из России / С.А. Афонцев // Экономика Центральной Азии. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 261–272. – DOI 10.18334/asia.5.3.113503
2. Захаров А.И. Региональные аспекты российско-индийских отношений / А.И. Захаров // Вестник Института востоковедения РАН. – 2018. – № 6. – С. 109–115.
3. Лукин А.В., Новиков Д.П. и др. Новые международные отношения в Большой Евразии. Российская стратегия в меняющейся геополитической динамике. – М.: Издательство «Весь Мир», 2019.
4. Малышева Д.Б. Южная Азия во внешнеполитических приоритетах Центральной Азии и России / Д.Б. Малышева // Россия и новые государства Евразии. – 2022. – № 2(55). – С. 80–92. – DOI 10.20542/2073–4786–2022–2–80–92.
5. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на пленарном заседании международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», Ташкент, 16 июля 2021 года. (Электронный ресурс. URL: https://www.mid.ru/posledniye_dobavleniye/-/asset_publisher/MCZ7H-QuMdqBY/content/id/4814877)
6. Россия и ЕАЭС заинтересованы во взаимном партнерстве со странами Южной Азии // URL: <https://eurasia.today/actual/rossiya-i-eaes-zainteresovany-vo-vzaimnom-partnerstve-so-stranami-yuzhnoy-azii/> (дата обращения: 06.06.2025).
7. РФ–ЕАЭС–Южная Азия: востребовано межблочное экономическое партнерство // URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news-2024-06-24-rf-eaes-ugnaya-asia-74087> (дата обращения: 06.06.2025).
8. Bordachev T., Pyatachkova A. The concept of greater eurasia in the turn of russia to the east // International

organisations research journal. – 2018. – № 3. – p. 33–51. – doi: 10.17323/1996-7845-2018-03-02

9. Новиков И.А. Современное состояние и перспективы сотрудничества России и Индии в нефтегазовом секторе // МГИМО, 2019 диссертация, С. 107
10. Костюнина Г.М. Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК): тенденции интеграционного взаимодействия и внешняя торговля с Россией // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 10. С. 49

RUSSIA'S PARTICIPATION IN REGIONAL COOPERATION IN SOUTH ASIA

Bodnar I.I.

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The study examines the risks and opportunities of Eurasian South-North cooperation projects. The Russian Federation and its economic entities have the potential to become significant external partners in some aspects of the new initiative for cooperation between the States of South and Central Asia. However, the current ratio of positive and negative expectations cannot be called unambiguously favorable for this initiative. The success of a regional project critically depends on the interest of the leadership of the participating countries in developing joint efforts. The involvement of Russian experts in new cooperation mechanisms can be a significant step forward. The full-fledged formation of a fresh direction of meridional integration in the Eurasian space requires establishing contacts with business representatives of the respective states. The South Asian Association for Regional Cooperation, which has been in existence since 1985 and unites all the States of the region, including Afghanistan, is becoming a key element of the new geopolitical landscape. The inter-bloc partnership is formed naturally due to the growing economic cooperation between the EAEU and South Asian countries. The TAPI trans-Asian gas pipeline project demonstrates the relevance of cooperation between these regions, and the integration of South Asia into the North-South international transport corridor with the participation of the Eurasian Union and Iran only confirms Russia's strategic reorientation towards the east.

Keywords: Russia, South Asia, Central Asia, Uzbekistan, India, cooperation.

References

1. Afontsev S.A. New Initiative for the Development of Cooperation between the Countries of Central and South Asia: A View from Russia / S.A. Afontsev // *Economy of Central Asia*. – 2021. – Vol. 5, No. 3. – P. 261–272. – DOI 10.18334/asia.5.3.113503
2. Zakharov A.I. Regional Aspects of Russian-Indian Relations / A.I. Zakharov // *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. – 2018. – No. 6. – P. 109–115.
3. Lukin A. V., Novikov D.P. et al. *New International Relations in Greater Eurasia. Russian Strategy in the Changing Geopolitical Dynamics*. – M.: Ves Mir Publishing House, 2019.
4. Malysheva D.B. South Asia in the Foreign Policy Priorities of Central Asia and Russia / D.B. Malysheva // *Russia and the New States of Eurasia*. – 2022. – No. 2(55). – P. 80–92. – DOI 10.20542/2073–4786–2022–2–80–92.
5. Speech by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov at the plenary session of the international conference “Central and South Asia: Regional Interconnectedness. Challenges and Opportunities”, Tashkent, July 16, 2021. (Electronic resource. URL: https://www.mid.ru/posledniye_dobavleniye/-/asset_publisher/MCZ7HQUMdQBY/content/id/4814877)
6. Russia and the EAEU are interested in mutual partnership with the countries of South Asia // URL: <https://eurasia.today/actual/rossiya-i-eaes-zainteresovany-vo-vzaimnom-partnerstve-so-stranami-yuzhnoy-azii/> (date of access: 06.06.2025).
7. RF-EAEU-South Asia: inter-bloc economic partnership is in demand // URL: <https://www.ritm Eurasia.ru/news-2024-06-24-rf-eaes-ugnaya-asia-74087> (date of access: 06.06.2025).
8. Bordachev T., Pyatachkova A. The concept of greater Eurasia in the turn of Russia to the east // *International organisations research journal*. – 2018. – № 3. – p. 33–51. – doi: 10.17323/1996-7845-2018-03-02
9. Novikov I.A. Current state and prospects for cooperation between Russia and India in the oil and gas sector // МГИМО, 2019 диссертация, p. 107
10. Kostyunina G.M. South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC): trends in integration interaction and foreign trade with Russia // *Russian Foreign Trade Bulletin*. 2022. No. 10. P. 49

Трансформация базовых ценностей в политической культуре Китая в условиях социально-экономических реформ

Милецкий Владимир Петрович,

доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

E-mail: falesm@mail.ru

Чжэн Вэньсинь,

аспирант кафедры политической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: st073894@student.spbu.ru

Статья посвящена трансформации базовых ценностей политической культуры Китая в условиях социально-экономических реформ с конца 1970-х годов до настоящего времени. Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления того, как модернизация и рыночные механизмы переформируют традиционные установки гармонии, иерархии и коллективной ответственности. Новизна состоит в реконструкции «матрицы модернизированного традиционализма», где новые акценты (прагматизм, технологический суверенитет, экологическая цивилизация, рыночная инициативность) совмещаются с конфуцианско-даосским ядром. В рамках работы описаны идеологические и институциональные нововведения эпохи реформ, изучены внешние проекции ценностей (концепт «естественности», мягкая сила) и внутренние сдвиги (право и добродетель, молодежные установки, цифровая и «зелёная» повестка). Особое внимание уделено роли КПК как механизма синтеза традиции и модернизации. Цель – выявить логику и механизмы ценностной трансформации. Используются сравнительный, историко-генетический, структурно-функциональный, дискурс- и контент-анализ, герменевтика. Изучены труды по политической культуре, реформам и внешней стратегии КНР. В заключении показано, что устойчивость политической системы обеспечивается гибридизацией норм «закон + добродетель» и институционализацией инноваций. Статья будет полезна политологам, китаистам, специалистам по международным отношениям.

Ключевые слова: политическая культура Китая, базовые ценности, социально-экономические реформы, конфуцианство, даосизм, «естественность», мягкая сила, социалистическая рыночная экономика, технологическая модернизация, экологическая цивилизация.

Введение

Быстрый экономический рост, цифровая трансформация и внешнеполитическая активизация Китая сопровождаются изменением смысловых оснований политического порядка. Понимание того, как традиционные ценности переосмысливаются в логике реформ, необходимо для корректной интерпретации устойчивости институтов, особенностей легитимации власти и инструментов внешнего влияния.

Цель – раскрыть механизмы и направления трансформации базовых ценностей политической культуры Китая в эпоху реформ и открытости, показать, как традиционалистское ядро переформируется в условиях рыночно-технологической модернизации.

Задачи:

1. реконструировать траекторию ценностных изменений (ядро – новые акценты – гибридные нормы) на материале политико-философских и институциональных источников;
2. выявить роль КПК и идеологических доктрин реформ в переинтерпретации традиции (гармония, патернализм, ритуал) и в закреплении норм «закон + добродетель»;
3. проанализировать внешнюю проекцию ценностей (мягкая сила, «естественность») и внутренние сдвиги (молодёжные установки, цифровая/экологическая повестка), сформулировав объяснительную «матрицу» модернизированного традиционализма.

Новизна – предложена целостная схема «модernизированного традиционализма», описывающая сопряжение конфуцианско-даосского ядра с прагматической рациональностью реформ, и показаны механизмы их институционального склеивания (идеологемы КПК, социальные цели «сяокан», технологическая и экологическая повестка, дифференцированная мягкая сила).

Материалы и методы

В качестве материалов исследования были отобраны следующие работы: А.С. Бекарева, В.Г. Будыкина [1] анализируют традиционные элементы политической культуры КНР, роль конфуцианства, даосизма и буддизма, коллективизм и практики коллективного руководства. В.Э. Василевская [2] показывает власть как символ упорядочения хаоса, выделяет индикаторы политической культуры (мировоззрение, установки, отношение к власти, статус законов) и обсуждает связку добродетели и правопорядка, включая легизм. К.П. Грибанова, Р.А. Мясников [3] раскрывают конфуцианский идеал «благородного мужа», его эволюцию и адаптацию в современном чиновничестве и «новом конфуцианстве». П.И. Иванова [4] рассматривает религиозный фактор политической культуры, партийно-государственные подходы к гармонизации религиозной сферы и апелляцию к традиционной культуре. А.С. Повshedная, Е.В. Кирова [5] описывают экономические реформы, рыночные механизмы, внешние инвестиции, технологическую модернизацию, циклы инновационного роста и экологизацию промышленности. Г.И. Посохина [6] реконструирует идеологию реформ

и открытости: социалистическая рыночная экономика, признание частной собственности, «сяокан», «тройное представительство», «Китайская мечта», «новая нормальность». А.А. Смирнов [7] сопоставляет восточные и западные политические культуры, фиксирует коллективизм, главенство традиций, данные о молодежных установках и лояльности КПК. Л. Сюй [8] вводит концепцию «естественности» как современную стратегическую рамку, показывает её связь с мягкой силой, экологической повесткой и логикой сетевого влияния. А.А. Шульгина [9] обобщает особенности социально-экономического развития, урбанизацию и институциональные факторы роста. А.А. Шульгина, Л.А. Сеферян [10] выделяют тренды цифровизации (ИИ, 5G, большие данные) и устойчивого развития (углеродная нейтральность), увязывая их с новой индустриальностью.

Использованы сравнительный и сравнительно-исторический методы; историко-генетический и структурно-функциональный анализ; контент-анализ партийных документов и публичной риторики; дискурс-анализ и типологизация ценностных установок; герменевтика классических текстов; феноменологическая интерпретация практик; вторичный анализ социологических данных; кейс-стади инициатив «Пояс и путь».

Результаты

Проведённый аналитический синтез показал, что трансформация базовых ценностей политической культуры Китая в эпоху социально-экономических реформ носит не линейно-замещающий, а накопительно-синтетический характер: новые ценностные акценты (прагматизм, технологический суверенитет, «экологическая цивилизация», рыночная инициативность) не вытесняют, а переформируют традиционные установки (гармония, иерархия, ритуал, коллективизм, патернализм и культуросентризм).

Во-первых, зафиксирована стойкая преемственность архетипа власти как инструмента наведения порядка и «усмирения хаоса», но его легитимация теперь опирается не только на сакрально-ритуальные, а и на результативно-прагматические основания. Как справедливо отмечается, «представление о власти как символе упорядочения общественного хаоса является столь же древним, как и само человечество» [2]. В современной конфигурации эта базовая установка соединяется с институциональной монополией Коммунистической партии на стратегическое руководство обществом и экономикой, что поддерживает ценности стабильности, управляемости и коллективной ответственности. Одновременно происходит уточнение нормы «закона»: приоритет морально-ритуальных начал смещается к гибридной матрице «добродетель + жёсткие правила», где легистская линия (закон как инструмент порядка) встроена в конфуцианскую этику взаимных обязанностей [2].

Во-вторых, подтверждено, что ядро политико-философских оснований конфуцианство, даосизм, буддизм – не утратило нормативной силы; напротив, они стали смысловыми ресурсами модернизации и внешней проекции ценностей. «В основе политической культуры лежит политическая философия и накопленный культурный потенциал, определенные паттерны поведения и опыт социальной организации определенного народа» [8]. Даосская концепция «естественности» (цзыжань) в трактовке современных стратегий проявляется как избегание фронтальной конфронтации, предпочтение многоходовых, «текучих» форм влияния и ориентация на поддержание «естественного» порядка в окружении – от экологической повестки до логистики и «мягкой силы». Конфуцианский идеал субъекта власти также

переживает переосмысление: «деятельность “благородного мужа” должна быть только направлена на самосовершенствование, достижение гармонии и процветания в государстве и социуме, и ни в коем случае на достижение богатства и личного благополучия» – этот норматив используется как ценностная рамка «нового чиновничества» в условиях рынка и технологий [3]. Религиозный фактор институционально интегрирован в государственную политику согласия и гармонии; показательно, что «социализм с китайской спецификой и китайская мечта глубоко укоренились в сознании людей» – с опорой на лучшие достижения традиционной культуры [4].

В-третьих, ценности прагматизма и «реалистического подхода» закрепились как мета-принцип реформ. Ключевой сдвиг – переоформление отношения к рынку и собственности: «рынок является базисом китайской экономики» в модели социалистической рыночной системы, а частная собственность признана равноправным инструментом социалистического строительства [6]. Эта норма переводит ценность «эффективности» в ранг политически значимой добродетели: результативность, инновационность и управляемый рост становятся измеримыми основаниями легитимности, не отменяя ценности социального равновесия («сяокан») и коллективной цели «Китайской мечты».

В-четвёртых, социально-экономические реформы распространили конфуцианскую идею «гармонии» на новые сферы – цифровую экономику и «зелёный» переход, тем самым переопределив содержание модернизационной ценности. Технологическое лидерство закрепляется как часть национальной миссии: «Китай является мировым лидером в производстве и внедрении 5G, а также активно развивает сети искусственного интеллекта», что связывает ценности научности, эффективности и служения общему благу с задачами государственного управления [10]. Параллельно повысилась нормативная значимость «экологической цивилизации»: забота о природной среде интерпретируется как продолжение древней идеи единства Неба, Земли и человека, транслируясь во внешнеполитические инициативы и внутренние стандарты развития [8; 10].

В-пятых, институциональные новации КПК в эпоху реформ и открытости перепрошили ценность «равенства» в логику «включающего меритократизма». Расширение социального состава партии (включая предпринимателей и технократов), стратегема «тройного представительства», этапная повестка «сяокан» и концепция «Китайской мечты» сформировали ценностный пакет: труд как вклад в социализм, профессиональная компетентность как политическая добродетель, инновации как гражданская обязанность, а партия как носитель общенационального интереса [6]. При этом идеал «семьи-государства», где правитель – «отец», переопределён через профессиональный, командный и технократический стиль руководства – конфуцианский патернализм сочетан с коллективным лидерством, что усиливает ценности дисциплины, доверия к институтам и ответственности за результат [1; 3].

В-шестых, трансформировалась и внешняя проекция ценностей. «Естественность» как стратегическая рамка задаёт формы сотрудничества и конкуренции: от дифференцированной «мягкой силы» (образование, язык, культурные индустрии, научная дипломатия) до инфраструктурного и логистического «врастания» в региональные экономики в логике взаимной выгоды и долгих циклов [8]. Мягкая сила в китайском варианте опирается прежде всего на культуросентричность и уважение к «местным» цивилизационным кодам, избегая прямого навязывания – это ценность «взаимной выгоды»

и «несиловой результативности» [8]. Такая внешняя политика прямо сопрягается с внутренней нормой «натуральности» развития – наращивание влияния «как воды», через сети и взаимосвязи, а не через шоковую силовую проекцию.

В-седьмых, в массовых установках фиксируется устойчивый консенсус вокруг ценностей партии, социалистического пути и управляемой модернизации при параллельном росте значимости «универсалистских» категорий (свобода, права, демократия) в молодёжной среде. Исследования показывают высокую идентификацию студенчества с КПК, поддержку социалистического вектора, доминирование «официальных» каналов информации, но и освоение сетевой среды, где формируются требования к прозрачности, достоинству и правам – это указывает на эволюцию ценности «участия» без разрушения ценности «гармонии» [7]. Тем самым образуется синтез: гражданская активность и правосознание растут, но вписаны в паттерн лояльности и коллективной цели.

В-восьмых, экономическая динамика и глобальные сдвиги перепрошивают ценности труда, предприимчивости и инноваций. Историческая «политика реформ и открытости» перевела общественный идеал из парадигмы уравнительности к парадигме «развития для всех через общую эффективность», что, по накопленным результатам, проявилось в масштабном росте благосостояния, включённости в мировую экономику и технологическом обновлении [6; 9]. Консенсус вокруг рыночных механизмов (при стратегической роли государства) дополнился культом научно-технического прогресса и «цифрового патриотизма» – ценностью технологической самодостаточности как условия суверенитета [5; 10]. В трактовке макротрендов подчёркивается, что Китай, находясь в фазе «длинной волны» инновационного подъёма, институционально закрепляет кооперацию государства и частного сектора, экологизацию промышленности и повышение энергоэффективности как ценности новой индустриальности [5].

В-девятых, культуроцентризм («Срединность») и идея «Поднебесной» переосмыслены в категориях справедливого международного порядка, многосторонности и уважения к различиям: это не уход от доминирования, а его «естественное» понимание как центра притяжения сетей, норм и смыслов [1; 8]. В этом контексте инициативы «Один пояс, один путь» и наращивание участия в глобальных институтах служат не только интересам развития, но и ценностной миссии – демонстрации «гармоничного лидерства», где власть легитимируется через способность устранять «хаос» и поддерживать предсказуемый порядок за пределами собственных границ [5; 9].

Наконец, религиозно-культурные ресурсы (конфуцианство, даосизм, буддизм) институционально интегрированы в повестку государственной гармонии, профилактики экстремизма, укрепления социальной сплочённости и «мягкой силы»; официальные документы и риторика подтверждают стратегию «правление законом и добродетелью» с акцентом на культурную безопасность и ценности согласия [4]. Это закрепляет норматив «гармонии в многообразии» как современную интерпретацию классических категорий.

В целом реконструируется следующая матрица ценностных изменений:

- ядро (гармония, иерархия, ритуал/долг, патернализм, культороцентризм) – сохраняется и институционально реинтерпретируется;
- новые системные акценты (прагматизм, результативность, инновационность, экологическая ответ-

ственность, технологический суверенитет, рыночная инициативность при макроруководстве государства) – укоренены и нормированы;

- гибридные нормы (закон + добродетель; участие + лояльность; глобальность + «естественность») – обеспечивают адаптивность политической культуры к мировой турбулентности [1–9].

Тем самым подтверждена рабочая гипотеза о «модернизированном традиционализме» как ключевом механизме трансформации базовых ценностей политической культуры Китая в эпоху реформ: традиционные идеалы не замещаются, а получают новое институциональное содержание, поддерживая устойчивость системы в условиях ускоренной рыночной, технологической и геополитической динамики.

Обсуждение

Полученные результаты указывают на устойчивость традиционного ценностного ядра китайской политической культуры при одновременной его глубокой модернизации. Центральный для китайской цивилизационной матрицы мотив «упорядочивания хаоса» сегодня легитимируется не только через апелляцию к гармонии и моральной добродетели, но и через измеримые категории эффективности, инновационности и социальной результативности. Тем самым моральный порядок исторической традиции и функциональный порядок модернизации перестают быть альтернативами и складываются в единую нормативную конструкцию.

Ключевой механизм этого сопряжения – институциональная архитектура КПК. Партия выступает транслятором и «переводчиком» ценностей: конфуцианский патернализм приобретает технократическое содержание, а идеал «благородного мужа» – меритократическое измерение компетентности, дисциплины и служения общему благу. Через «тройное представительство», цели «сяокан» и «Китайскую мечту» задается ценностная рамка, в которой труд, инновации и предпринимательство интерпретируются как формы гражданской добродетели. Это не отменяет иерархичности – она сохраняется, но ее содержание становится функционально ориентированным: «право руководить» подкрепляется способностью обеспечивать рост, справедливость распределения и социальную стабильность.

Пара «закон и добродетель» – второй важный контур гибридизации. Историческое главенство морально-ритуальных норм дополняется институциональным акцентом на правовые инструменты. На практике это проявляется в двоякой логике: формальные правила дисциплинируют пространство публичной политики и экономики, а нормативно-этическая риторика удерживает общественное согласие и смысловые ориентиры. Подобная «двойная сцепка» компенсирует издержки каждого элемента: закон снижает произвольность, добродетель – транзакционные издержки и риск отчуждения.

Третий вектор – переопределение ценности «гармонии» через цифровизацию и «зелёный» переход. Технологический рывок (ИИ, 5G, большие данные) и экологическая повестка не только инструментальны; они выступают носителями обновлённой этики развития. Гармония приобретает операциональное наполнение: устойчивость экосистем и предсказуемость цифровой инфраструктуры становятся общественно значимыми целями, с которыми соотносятся решения в промышленности, логистике, городском планировании. В результате «экологическая цивилизация» и технологический суверенитет фиксируются как ценности, обеспечивающие

долгосрочную стабильность, а не просто как секторальные задачи.

Внешняя проекция ценностей демонстрирует специфический синтез культуроцентризма и прагматической гибкости. Концепт «естественности» задает поведенческий стиль: избегание фронтального столкновения, дифференциация инструментов мягкой силы по региональным контекстам, предпочтение сетевых и инфраструктурных форм «врастания» в партнерские экономики. Это снижает видимость конфликта ценностей на международной арене и позволяет продвигать собственные нормы через практику взаимной выгоды. При этом культуроцентризм не исчезает: он становится «слабым притяжателем» – центром, вокруг которого конструируются связности, цепочки поставок, образовательные и культурные каналы влияния.

Молодежные установки свидетельствуют о важной динамике внутри ценностного пространства. Лояльность к партии и поддержка социалистического пути сочетаются с возрастанием значимости универсалистских категорий – достоинства, права, участия. Это указывает не на кризис ядра, а на его «распаковку»: ценности участия интегрируются в паттерн лояльности через институциональные и цифровые каналы, что расширяет спектр легитимных форм активности, не разрушая коллективистского фундамента. Потенциальным вызовом здесь является необходимость управлять ожиданиями прозрачности и справедливости в условиях ускоренной модернизации и социальной дифференциации.

Экономическая траектория усиливает эти тенденции. Рыночные механизмы и внешние инвестиции исторически переопределили ценность равенства: акцент сместился к справедливости возможностей и «общей эффективности», при этом перераспределительные и социальные цели остались ключевыми для поддержания консенсуса. Стадия «новой нормальности» с более умеренными темпами роста повышает значимость качественных факторов – инноваций, экологии, человеческого капитала, – что, в свою очередь, закрепляет в системе ценностей долгосрочность, дисциплину, технологическую автономность и устойчивость.

Наконец, необходимо указать на ограничения и риски гибридной модели. Усиление координации и централизованности повышает управляемость, но может создавать инерцию и повышать чувствительность к «черным лебедям», требующим быстрого межведомственного и межрегионального перераспределения ресурсов. Существуют и социокультурные разрывы между мегаполисами и периферией, поколенческие различия в восприятии «универсалий», а также внешние контрстратегии, которые усложняют реализацию мягкой силы. Тем не менее, именно гибридные нормы – соединение закона и добродетели, участия и лояльности, глобальности и «естественности» – выступают источником адаптивной устойчивости, позволяя системе управлять внутренним многообразием и внешней турбулентностью.

В совокупности обсуждение подтверждает объяснительную силу предложенной матрицы: модернизация не разрушает традицию, а институционально и ценностно переформирует её, превращая в ресурс управляемого развития и международной субъектности.

Заключение

1. Традиционное ценностное ядро (гармония, иерархия, ритуал/долг, патернализм, культуроцентризм) сохранено и институционально переинтерпретировано в логике реформ.

2. Новые системные акценты (прагматизм, результативность, инновационность, экологическая ответственность, технологический суверенитет, рыночная инициативность при стратегирующей роли государства) закрепились как политически значимые добродетели.
3. Сформированы гибридные нормы («закон + добродетель», «участие + лояльность», «глобальность + естественность»), обеспечивающие адаптивность к мировой турбулентности и внутреннему многообразию.

Поставленные во введении задачи выполнены: реконструирована траектория ценностных изменений; показана роль КПК и идеологических доктрин реформ в переоформлении традиции; проанализированы внешняя проекция ценностей и внутренние сдвиги, сформулирована объяснительная «матрица модернизированного традиционализма». Тем самым подтверждена ключевая гипотеза: устойчивость политической системы Китая в эпоху быстрых социально-экономических изменений обеспечивается не заменой, а синтетическим переоформлением базовых ценностей.

Литература

1. Бекарева А.С. Традиционные элементы политической культуры КНР на современном этапе / А.С. Бекарева, В.Г. Будыкина // Евразийский журнал региональных и политических исследований. – 2022. – № 2(23). – С. 22–27. – DOI 10.47475/2587–8077–2022–10204. – EDN PROSTF.
2. Василевская В.Э. Консолидация политической власти в контексте ценностей культуры Китая / В.Э. Василевская // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1: Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2023. – № 1. – С. 60–67. – EDN MLGHCG.
3. Грибанова К.П. Важнейшие черты конфуцианского идеала чиновника, факторы и тенденции его развития, его место в политической культуре Китая / К.П. Грибанова, Р.А. Мясников // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее: сб. ст. XXXVI Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 20 нояб. 2021 г. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 322–324. – EDN KGKEPL.
4. Иванова П.И. Религиозный фактор политической культуры Китая / П.И. Иванова // Молодежь XXI века: шаг в будущее: материалы XXI регион. науч.-практ. конф.: в 4 т., Благовещенск, 20 мая 2020 г. Т. 1. – Благовещенск: Дальневосточ. гос. аграр. ун-т, 2020. – С. 22–23. – EDN YHOHER.
5. Повshedная А.С. Феномен экономических реформ Китая как двигателя прогресса отдельной страны и мировой экономики / А.С. Повshedная, Е.В. Кирова // Экономика в социокультурном пространстве современности: проблемы, решения, прогнозы: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф., Владимир, 21 нояб. 2024 г. – Владимир: АРКАИМ, 2025. – С. 361–366. – EDN MUYKEY.
6. Посохина Г.И. Новые направления в идеологии Коммунистической партии Китая в эпоху проведения политики реформ и открытости / Г.И. Посохина // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, Экономические науки, Юридические науки. – 2022. – № 1(11). – С. 26–32. – EDN QKZYWN.
7. Смирнов А.А. Особенности политической культуры современных стран востока (на примере Китая) / А.А. Смирнов // Культура, философия, политика в социальном опыте 20–21 столетия: сб. матер.

X Междунар. симп. молодых ученых, Белгород, 16 апр. 2022 г. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2022. – С. 116–120. – EDN KJRMAG.

8. Сюй Л. Концепция естественности в политической культуре Китая: современные преломления концепта в стратегии международных отношений КНР / Л. Сюй // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2023. – Т. 12, № 4(45). – С. 93–97. – DOI 10.57145/27128482_2023_12_04_18. – EDN BBTXHF.
9. Шульгина А.А. Особенности социально-экономического развития Китая / А.А. Шульгина // Погружение в науку: материалы регион. молодеж. науч. конф. в рамках проекта «Школа молодых научных исследований “Ты сможешь как я”», Ростов-на-Дону, 14 июня 2024 г. – Ростов-на-Дону: Рост. гос. экон. ун-т «РИНХ», 2024. – С. 91–93. – EDN EOUKOS.
10. Шульгина А.А. Современные тренды в социально-экономическом развитии Китая / А.А. Шульгина, Л.А. Сеферян // Инновационная наука. – 2024. – Т. 1, № 11–2. – С. 40–42. – EDN ICZILQ.

TRANSFORMATION OF BASIC VALUES IN THE POLITICAL CULTURE OF CHINA IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC REFORMS

Miletsky V.P., Zheng Wenxin

Saint Petersburg State Electrotechnical University named after V.I. Ulyanov (Lenin), Saint Petersburg State University

The article is devoted to the transformation of the basic values of China's political culture in the context of socio-economic reforms from the late 1970s to the present. The relevance of the study is due to the need for theoretical understanding of how modernization and market mechanisms reshape traditional attitudes of harmony, hierarchy and collective responsibility. The novelty lies in the reconstruction of the “matrix of modernized traditionalism”, where new accents (pragmatism, technological sovereignty, ecological civilization, market initiative) are combined with the Confucian-Taoist core. The work describes the ideological and institutional innovations of the reform era, studies external projections of values (the concept of “naturalness”, soft power) and internal shifts (law and virtue, youth attitudes, digital and “green” agenda). Particular attention is paid to the role of the CPC as a mechanism for the synthesis of tradition and modernization. The goal is to identify the logic and mechanisms of value transformation. Comparative, historical-genetic, structural-functional, discourse and content analysis, hermeneutics are used. Works on political culture, reforms and foreign strategy of the PRC are studied. In conclusion, it is shown that the stability of the political system is ensured by the hybridization of the norms of “law + virtue” and the institutionalization of innovations. The article will be useful for political scientists, sinologists, and specialists in international relations.

Keywords: political culture of China, basic values, socio-economic reforms, Confucianism, Taoism, “naturalness”, soft power, social-

ist market economy, technological modernization, ecological civilization.

References

1. Bekareva A.S. Traditional Elements of the Political Culture of the PRC at the Present Stage / A.S. Bekareva, V.G. Budykina // Eurasian Journal of Regional and Political Studies. – 2022. – No. 2 (23). – P. 22–27. – DOI 10.47475 / 2587–8077–2022–10204. – EDN PROSTF.
2. Vasilevskaya V.E. Consolidation of Political Power in the Context of Chinese Cultural Values / V.E. Vasilevskaya // Bulletin of Brescia University. Series 1: Philosophy. Palitology. Sociology. – 2023. – No. 1. – P. 60–67. – EDN MLGHCG.
3. Gribanova K.P. The most important features of the Confucian ideal of an official, factors and trends of its development, its place in the political culture of China / K.P. Gribanova, R.A. Myasnikov // Science and education: preserving the past, creating the future: Coll. Art. XXXVI Int. scientific and practical conf., Penza, November 20, 2021 – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2021. – Pp. 322–324. – EDN KGKEPL.
4. Ivanova P.I. Religious factor of China's political culture / P.I. Ivanova // Youth of the XXI century: a step into the future: materials of the XXI regional. scientific and practical. conf.: in 4 volumes, Blagoveshchensk, May 20, 2020. Vol. 1. – Blagoveshchensk: Far Eastern State Agrarian University, 2020. – Pp. 22–23. – EDN YHOHER.
5. Povshednaya A.S. The Phenomenon of China's Economic Reforms as an Engine of Progress of an Individual Country and the Global Economy / A.S. Povshednaya, E.V. Kirova // Economy in the Sociocultural Space of Our Time: Problems, Solutions, Forecasts: Proc. of the XI All-Russian Scientific and Practical Conf., Vladimir, November 21, 2024. – Vladimir: ARKAIM, 2025. – Pp. 361–366. – EDN MUYKEY.
6. Posokhin G.I. New directions in the ideology of the Communist Party of China in the era of reform and openness / G.I. Posokhin // Bulletin of Baranovichi State University. Series: Historical Sciences and Archeology, Economic Sciences, Legal Sciences. – 2022. – No. 1 (11). – P. 26–32. – EDN QKZYWN.
7. Smirnov A.A. Features of the political culture of modern Eastern countries (on the example of China) / A.A. Smirnov // Culture, philosophy, politics in the social experience of the 20th-21st centuries: collection of materials. X Int. symp. of young scientists, Belgorod, April 16, 2022 – Belgorod: ООО “Epicenter”, 2022. – P. 116–120. – EDN KJRMAG.
8. Xu L. The Concept of Naturalness in China's Political Culture: Modern Refractions of the Concept in China's International Relations Strategy / L. Xu // Azimuth of Scientific Research: Economics and Management. – 2023. – Vol. 12, No. 4(45). – P. 93–97. – DOI 10.57145/27128482_2023_12_04_18. – EDN BBTXHF.
9. Shulgina A.A. Features of China's Socio-Economic Development / A.A. Shulgina // Immersion in Science: Proc. of the Regional Youth Scientific Conf. within the Framework of the Project “School of Youth Scientific Research “You Can Do It Like Me””, Rostov-on-Don, June 14, 2024 – Rostov-on-Don: Rostov State Econ. RINCH University, 2024. – pp. 91–93. – EDN EOUKOS.
10. Shulgina A.A. Modern trends in the socio-economic development of China / A.A. Shulgina, L.A. Seferyan // Innovative science. – 2024. – Т. 1, No. 11–2. – pp. 40–42. – EDN ICZILQ.

Исследование китайско-российских приграничных университетских обменов и сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь»

Ни Мэн,

аспирант, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: nmcsc00@mail.ru

Нестеров Александр Геннадьевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного
регионоведения, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: alexander.nesterov@urfu.ru

Исследование посвящено основным направлениям образовательного сотрудничества России и Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Цель работы – систематизировать формы взаимодействия вузов двух стран и проанализировать механизмы реализации совместных образовательных проектов. Методология основана на структурно-функциональном и сравнительно-аналитическом подходах для выявления специфики транснационального академического взаимодействия. Анализ показал, что сотрудничество охватывает все уровни образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура) и реализуется через программы двойных дипломов, создание совместных кампусов и учебных учреждений.

Ключевые слова: Китайско-российское сотрудничество; один пояс, один путь; трансграничное сотрудничество в области высшего образования; Китай; Россия.

Введение

Научная проблема

Трансграничное высшее образование охватывает перемещение академических ресурсов – в том числе преподавательского состава, образовательных программ и институциональных структур – через государственные границы в рамках системы высшего образования. В современных условиях международное трансграничное образование выступает одним из ключевых инструментов интернационализации вузов и предметом активного обсуждения в глобальном академическом сообществе.

Китай и Россия, являясь соседствующими государствами и участниками инициативы «Один пояс – один путь», демонстрируют устойчивую тенденцию к расширению сотрудничества в сфере высшего образования. Совместные образовательные программы между университетами двух стран рассматриваются как один из механизмов кадрового обеспечения инициативы, а также как способ укрепления координации в образовательной и научной сферах [9. Лю Юнхун, 2023, с. 4].

Содержательное значение таких программ заключается в следующем: во-первых, они способствуют взаимному признанию академических квалификаций; во-вторых, с учётом уровня развития российского высшего образования, открывается возможность для интеграции сильных сторон обеих систем; в-третьих, включение российских образовательных ресурсов в учебные процессы китайских вузов может способствовать развитию отдельных, менее структурированных направлений подготовки в КНР. Таким образом, двустороннее взаимодействие в сфере высшего образования имеет значительный потенциал в контексте реализации стратегии «Один пояс – один путь».

Совместные образовательные инициативы китайских и российских университетов становятся предметом научного интереса в рамках исследования механизмов развития национального образования в условиях интернационализации. Анализ данных форм сотрудничества позволяет не только совершенствовать содержание и качество программ, но и формировать профессиональные кадры, ориентированные на задачи долгосрочного стратегического взаимодействия в рамках инициативы.

Степень исследованности

В последние годы в российской академической среде наблюдается увеличение количества исследований, посвящённых вопросам китайско-российского гуманитарного взаимодействия. Среди наиболее заметных отечественных работ можно выделить исследование Г.И. Цвык, посвящённое гуманитарному сотрудничеству в рамках Шанхайской организации сотрудничества, а также публикацию Е.И. Сафроновой, в которой анализируется текущее состояние и перспективы гуманитарных связей в контексте развития ШОС.

В китайской научной традиции данная тематика также получила значительное освещение. В частности, Чжо Чжи рассматривает аспекты межвузовского взаимодействия между Китаем и Россией, а Лань Цзюнь проводит исторический анализ транснационального сотрудниче-

ства в сфере высшего образования между КНР и зарубежными странами в эпоху модернизации.

Актуальность в сравнении с предшествующими исследованиями

В рамках ранее проведённого исследования автора, посвящённого анализу современного состояния гуманитарного взаимодействия между Китаем и Россией в контексте инициативы «Один пояс – один путь», основное внимание было сосредоточено на рассмотрении четырёх направлений двустороннего сотрудничества: культуры, образования, туризма и средств массовой информации. На основе анализа конкретных эмпирических данных были зафиксированы достижения в указанных областях, что позволило рассматривать гуманитарные обмены как структурно значимый компонент межгосударственных отношений крупных держав.

Настоящее исследование направлено на расширение предыдущих разработок и сосредоточено на всестороннем анализе совместных образовательных программ, реализуемых китайскими и российскими трансграничными вузами, в рамках обозначенной инициативы. Целью работы является выявление результатов, особенностей и потенциала такого взаимодействия в контексте формирования кадрового обеспечения международных интеграционных процессов.

Новизна в сравнении с предшествующими исследованиями

Инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП) обусловила трансформацию китайско-российского академического взаимодействия, расширив его содержание за пределы традиционных форм, таких как студенческие обмены и совместные образовательные программы. Новизна данного формата проявляется в нескольких аспектах.

1. Территориальная направленность.

Особое внимание уделяется сотрудничеству между образовательными организациями, расположенными в приграничных регионах – на Дальнем Востоке России и в северо-восточных провинциях Китая. Вузы городов Харбин, Владивосток и Благовещенск реализуют совместные программы, ориентированные на такие направления, как транспортная логистика (включая проект «Ледовый Шёлковый путь»), экологическое взаимодействие и устойчивое развитие трансграничных территорий. В частности, Хэйлунцзянский университет и Дальневосточный федеральный университет осуществляют совместные исследования в области арктической экономики. Кроме того, осуществляется подготовка специалистов для участия в инфраструктурных проектах, включающая специализированное обучение в сферах строительства, энергетики и информационных технологий.

2. Интеграция цифровых и очных форматов.

В условиях постпандемийной реальности усилилась роль гибридных моделей академического сотрудничества, включающих сочетание дистанционных и традиционных форм обучения. Примером служит проведение совместных вебинаров между РУДН и Пекинским университетом. Развиваются краткосрочные форматы взаимодействия, такие как летние школы и проектные интенсивы, ориентированные на формирование прикладных компетенций. В частности, в рамках взаимодействия между МГТУ им. Н.Э. Баумана и Чжэцзянским университетом организуются соревнования по робототехнике.

Такие форматы академического партнёрства не только способствуют укреплению двустороннего взаимодействия, но и формируют модель межуниверситетской кооперации, применимую в более широком международном

контексте, в том числе для других государств – участников ОПОП.

Материал, методы и обзор исследования

Общая цель культурного путешествия между университетами Китая и России

Программа культурно-образовательного обмена между высшими учебными заведениями Китая и России предполагает реализацию ряда стратегических задач. В их число входит интеграция академических ресурсов с целью совершенствования образовательных программ и развития отдельных научных направлений, а также обеспечение механизма взаимного признания дипломов и квалификаций.

Российская Федерация характеризуется высоким уровнем развития системы высшего образования, соответствующим международным академическим стандартам [5]. Крупнейшие университеты страны продемонстрировали значительные достижения в научной сфере: в частности, Московский государственный университет подготовил 11 лауреатов Нобелевской премии, Санкт-Петербургский государственный университет – 9, а Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого занимает устойчивые позиции среди ведущих мировых научно-образовательных центров [14. Чжун Шэн, 2024, с. 3].

Взаимодополняемость образовательных систем Китая и России выражается в наличии сильных дисциплинарных школ, что создаёт условия для восполнения дефицита по отдельным направлениям подготовки и усиления научно-образовательного потенциала обеих стран. Одним из приоритетных направлений сотрудничества является подготовка специалистов в интегрированном формате, предполагающем совмещение профессиональной подготовки с углублённым изучением русского языка.

Для реализации этих задач целесообразно дальнейшее развитие двусторонних академических связей, включая совместную разработку учебных пособий, синхронизацию образовательных программ, обмен профессорско-преподавательским составом и студентами. Сотрудничающие вузы должны придерживаться принципов публичной значимости образовательной деятельности и научной этики. Совместное академическое взаимодействие способствует подготовке профессиональных кадров, расширению лингвистической подготовки, развитию прикладных компетенций, а также институционализации межуниверситетских форм сотрудничества в рамках китайско-российского партнёрства [15. Чжо Чжи, 2020, с. 1–18].

20 августа 2024 года в Москве, в Пашковом доме, состоялась 25-я встреча Комитета по российско-китайскому гуманитарному сотрудничеству. В мероприятии приняли участие заместитель председателя Правительства Российской Федерации Т.А. Голикова и государственный советник Китайской Народной Республики Шэнь Ицзинь. В ходе встречи Т.А. Голикова отметила, что в рамках деятельности Комитета достигнуты значимые результаты в сфере двустороннего гуманитарного взаимодействия.

Одним из показателей эффективности сотрудничества в области образования является высокий уровень академической мобильности. В 2023/2024 учебном году в образовательных учреждениях Российской Федерации обучается около 48 000 граждан Китайской Народной Республики, не включая слушателей подготовительных курсов и стажёров. Параллельно, более 16 000 россий-

ских студентов проходят обучение в ведущих университетах КНР.

Особое внимание в рамках университетского взаимодействия уделяется совместному проекту Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Пекинского политехнического института. На текущий момент в рамках этой инициативы функционируют десять факультетов, на которых обучается свыше 2500 студентов [1].

Кроме того, была подчеркнута значимость проекта «Университет МЭИ–Хайнань», реализуемого на базе Международного космического центра в г. Вэньчжоу (провинция Хайнань). В настоящее время завершено определение площадки под строительство кампуса, осуществляется разработка образовательной программы, ведутся строительно-организационные работы.

Одновременно компетентные ведомства обеих стран продолжают согласование двух межправительственных соглашений: о сотрудничестве в области образования и о взаимном признании академических степеней и дипломов. В дополнение к этим инициативам с 2024 года в КНР запускается международный проект «Иностранные русскоязычные учителя», предусматривающий преподавание русского языка в образовательных учреждениях Китая и знакомство учащихся с российской культурой.

В совокупности перечисленные инициативы отражают расширяющиеся форматы межвузовского обмена и трансграничного академического партнёрства между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.

Формы проведения межвузовского обмена и сотрудничества между Китаем и Россией

Китай и Россия, обладая развитой системой высшего образования, располагают необходимыми ресурсами для реализации трансграничного межвузовского взаимодействия. В последние годы основным форматом сотрудничества в образовательной сфере стали совместные академические программы. Согласно данным Министерства образования Китайской Народной Республики, с 2016 года китайско-российские образовательные инициативы представлены на уровнях бакалавриата и магистратуры [7. Лань Цзюнь, 2020, с. 7–11].

На бакалаврском уровне программы реализуются в десяти провинциях Китая, при этом общее количество утверждённых проектов составляет 111, что эквивалентно 13,5% от общего числа двусторонних программ, согласованных с зарубежными партнёрами. Наибольшее количество таких программ сосредоточено в провинции Хэйлунцзян, на долю которой приходится 74,77% от общего числа проектов бакалавриата, реализуемых совместно с Российской Федерацией. Образовательные направления охватывают восемь укрупнённых групп специальностей: инженерное дело, педагогические науки, естественные дисциплины, медицина, гуманитарные направления, менеджмент, сельское хозяйство и экономика – в общей сложности 49 профилей подготовки. Приём студентов осуществляется в рамках государственного плана набора, а структура обучения реализуется по схемам 2+2, 3+1 и 3+2. По завершении программы выпускникам выдаётся диплом, признаваемый обеими странами, либо диплом, соответствующий образовательным стандартам одной из сторон [8. Лань Хао, Хэ Сяотао, Цзинь Лин, 2017, с. 4].

На магистерском уровне в рамках китайско-российского партнёрства одобрено два проекта, что составляет около 1% от общего количества международных программ магистратуры. Подготовка ведётся

по направлениям «международная торговля» и «оптическая инженерия». Приём иностранных граждан осуществляется на основании правил и стандартов российских вузов-партнёров. Форматы обучения включают схемы 1+1 и 2+0, предполагающие получение диплома, оформленного по требованиям соответствующего образовательного учреждения [3].

Университет педагогики провинции Цзянсу реализует долгосрочные академические связи с российскими высшими учебными заведениями. С 2007 года университет осуществляет сотрудничество с Воронежским лесотехническим университетом, Московским педагогическим государственным университетом, Санкт-Петербургским государственным университетом путей сообщения и Российским экономическим университетом имени Г.В. Плеханова. Сотрудничество охватывает подготовку специалистов на уровнях бакалавриата и магистратуры.

На базе Института китайско-российского сотрудничества, действующего при Университете педагогики провинции Цзянсу, на данный момент обучается 1860 студентов. С 2009 года в рамках программ академической мобильности в российские университеты было направлено 672 студента, из которых 211 были обеспечены государственными стипендиями на уровне бакалавриата, а 181 студент получил поддержку университета для прохождения обучения за рубежом. В период с 2017 года в рамках партнёрских программ было подготовлено 102 магистранта [13. Чжэн Тиу, 2015, с. 5–8].

В 2025 году планируется запуск совместной магистерской программы, реализуемой Университетом педагогики провинции Цзянсу и Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого. Образовательная модель построена по схеме «1+1» и предусматривает двухгодичную подготовку по направлениям «машиностроение» (обучение ведётся на русском языке) и «информационно-коммуникационные технологии» (обучение на английском языке). Первый год обучения проходит в китайском университете, второй – на базе российской стороны. По завершении образовательной программы и успешной защите выпускной квалификационной работы студенты получают диплом российской магистратуры, соответствующий профилю подготовки. После возвращения в Китай выпускники имеют возможность подать заявление на получение сертификата об аспирантской квалификации, выдаваемого Министерством образования КНР [6].

7 июня 2020 года в Харбине состоялась церемония закладки китайско-российского совместного кампуса, организованного Харбинским инженерным университетом и Санкт-Петербургским государственным университетом. Образовательный центр был учреждён в рамках партнёрства двух ведущих вузов Китайской Народной Республики и Российской Федерации и ориентирован на интеграцию академических ресурсов с целью подготовки специалистов, обладающих профессиональной компетентностью и международной научной перспективой [2].

Проект был инициирован в 2020 году. Первый набор студентов состоялся в 2022 году. На текущий момент в рамках кампуса реализуются три образовательные программы бакалавриата: «Математика и прикладные науки», «Прикладная физика», а также «Химия». Продолжительность обучения составляет четыре года, выпускники получают дипломы обоих учебных заведений.

В своём выступлении на церемонии закладки генеральный консул Российской Федерации в Харбине Ощепков отметил значимость проекта как институциональной формы академического взаимодействия,

способствующей подготовке специалистов, способных к межкультурной профессиональной деятельности в рамках российско-китайского партнёрства [4].

Наряду с реализацией двусторонних образовательных программ, страны также развивают совместные формы академической кооперации посредством создания специализированных учебных структур, обеспечивающих комплексную подготовку кадров.

В ноябре 2016 года в рамках китайско-российского академического взаимодействия была учреждена Московская художественная академия – второе образовательное учреждение, не обладающее самостоятельным юридическим статусом, организованное на базе междunarодного партнёрства. Учреждение создано в результате сотрудничества Университета учителей города Вэйнань и Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Образовательный процесс осуществляется на уровне бакалавриата по следующим направлениям подготовки: изобразительное искусство, музыковедение и дошкольное образование. Общий контингент обучающихся составляет 1200 человек, при ежегодном приёме до 100 студентов на каждую специальность. Реализуемая модель обучения предполагает четырёхлетний курс (формат 4 + 0), при этом свыше одной трети дисциплин базируется на образовательных модулях, заимствованных из программ Российского государственного педагогического университета.

По завершении полного цикла обучения и при выполнении установленных требований студентам выдается диплом установленного образца от обеих образовательных организаций.

Формы взаимодействия между университетами Китая и России в рамках инициативы «Один пояс, один путь» реализуются, в том числе, через создание совместных образовательных структур. Одним из примеров выступает факультет совместной аспирантуры, основанный 28 мая 2002 года Пекинским университетом и Московским государственным университетом. Проект направлен на подготовку научных и педагогических кадров. Ежегодно в рамках соглашения осуществляется взаимный академический обмен магистрантами и аспирантами. При выполнении установленных академических требований выпускники получают дипломы как китайского, так и российского вуза [Го Цян, Чжао Фэнбо, 2022, с. 56–61].

В 2011 году начато партнёрство между Университетом провинции Хэйлунцзян и Новосибирским государственным университетом. В рамках данного проекта осуществляется подготовка студентов по программам бакалавриата и магистратуры, общая численность обучающихся составляет около 600 человек. На бакалаврском уровне реализуются направления подготовки по математике и прикладной математике, а также международной экономике и торговле. Магистратура охватывает семь направлений, включая математику, химию, биологию и устный перевод с русского языка. Образовательный процесс сопровождается национальными экзаменационными процедурами. Выпускные документы Университета Хэйлунцзян выдаются при соблюдении академических требований. Дополнительно, бакалавры, завершившие не менее одного года обучения в российском вузе-партнёре, а также магистранты, прошедшие двухлетний курс, имеют право на получение диплома Новосибирского государственного университета. С 2012 года китайская сторона обладает правом самостоятельного набора студентов на уровне бакалавриата.

Ещё одним примером является Северно-Шэньчжэньский Московский университет, учреждённый

в результате взаимодействия Пекинского технологического университета и Московского государственного университета. В мае 2014 года между министерствами образования двух стран был подписан меморандум о создании образовательного учреждения, функционирующего как совместный университет. В феврале 2015 года Государственная дума Российской Федерации внесла поправки в действующее законодательство, что впервые позволило Московскому университету осуществлять реализацию образовательных программ за пределами страны с последующей выдачей дипломов, соответствующих установленным стандартам [Го Цян, Чжао Фэнбо, 2015, с. 45–49].

В сентябре Министерством образования Китайской Народной Республики было одобрено создание самостоятельного юридического лица – Университета Московского государственного университета в Шэньчжэне. Образовательная программа и учебные курсы полностью основаны на содержании, разработанном Московским государственным университетом. Согласно проекту, свыше половины дисциплин предполагается к преподаванию академическим составом МГУ, остальные занятия будут вести преподаватели, приглашённые из различных стран. Планируемая численность обучающихся составляет 5000 человек. Подготовка специалистов реализуется на уровнях бакалавриата и магистратуры [Сун Лили, У Хао, Линчэнь, 2017, с. 3–8].

Заключение

В последние годы в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь» наблюдается интенсификация российско-китайского взаимодействия в экономической и торговой сферах, что сопровождается укреплением культурных и образовательных контактов. Формы партнёрства между высшими учебными заведениями двух стран характеризуются длительным периодом становления, разнообразием реализуемых образовательных программ, а также применением как очного, так и зарубежного форматов подготовки. Обучающимся предоставляется возможность получения дипломов, признаваемых как на национальном, так и на международном уровне. Совместные образовательные проекты демонстрируют тенденцию к расширению масштабов и углублению кооперации.

С целью повышения эффективности подготовки специалистов в рамках данных инициатив представляется целесообразным акцентировать внимание на формировании двуязычных профессиональных кадров, совершенствовании методических материалов, стимулировании мотивации к изучению русского языка и созданию инфраструктуры, ориентированной на поддержку русскоязычных обучающихся. Подобные меры могут способствовать кадровому обеспечению задач, связанных с реализацией вышеуказанной стратегии.

Кроме того, потенциал двустороннего сотрудничества в образовательной сфере может быть реализован посредством развития дополнительных форм академического взаимодействия. Среди них – обмен профессорско-преподавательским составом, организация совместных научных исследований, проведение регулярных тематических мероприятий: конференций, семинаров, публичных лекций, круглых столов, экспертных интервью, культурно-образовательных визитов и социальных практик. Указанные форматы способствуют углублению межкультурной коммуникации, формированию у студентов знаний о национальных системах образования и историко-культурных контекстах, а также созданию условий для подготовки квалифицированных

ных специалистов, обладающих как профессиональной компетентностью, так и гуманитарной направленностью мышления.

Литература

1. МИНОБРНАУКИ РОССИИ – Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – Режим доступа: minobrnauki.gov.ru (дата обращения: 07.07.2025).
- 2.中国教育网 – 中国国际教育. – 网址: <http://www.cciatv.com> (访问日期: 2025.07.07); КМОС – Китайская международная образовательная сеть. – Режим доступа: <http://www.ieduchina.com/> (дата обращения: 07.07.2025).
- 3.教育部涉外监管网 – 教育部涉外监管信息网. – 网址: <http://www.crs.jsj.edu.cn/index.php/default/index>. (访问日期: 2025.07.07); МОСПВК – Министерство образования, сайт по внешнего контроля.. – Режим доступа: <http://www.crs.jsj.edu.cn/index.php/default/index>. (дата обращения: 07.07.2025).
- 4.黑龙江日报 – 黑龙江新闻网. – 网址: <http://epaper.hl-jnews.cn/> (访问日期: 2025.07.07); CHX–Сеть новостей Хэйлунцзяна – Режим доступа: <http://epaper.hl-jnews.cn/>. (дата обращения: 07.07.2025).
- 5.Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования (Пекин, 9 ноября 2006 г., электронный доступ: <https://files.ined.ru/ined/iph/country/CN/CN.pdf>);
- 6.江苏师范大学圣彼得堡彼得大帝理工大学联合工程学院中俄合作硕士研究生教育项目2025年招生简章/ 网址: (访问日期: 07.07.2025). Руководство по поступлению в Совместную инженерную школу Цзянсуского педагогического университета и Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, китайско-российская совместная магистерская программа 2025 года / (Режим доступа: <http://www.ieduchina.com/> (дата обращения: 07.07.2025).
- 7.兰 军. 近现代中外高等教育跨境合作办学的历史考察. // 高校教育管理, –2020. –卷. 3. –第2期. –页. 7–11. Лань Цзюнь. Историческое исследование трансграничного сотрудничества в сфере высшего образования между Китаем и зарубежными странами в новейшее время. // Управление высшим образованием, –2020. –№ 3 (2). –С. 7–11.
- 8.兰昊,何晓涛,金玲.»一带一路»国家战略背景下中俄合作办学研究. // 洛阳师范学院学报, –2017. –卷. 36. –第9期. –页. 4. Лань Хао, Хэ Сяотао, Цзинь Лин. «Исследование китайско-российского сотрудничества в управлении школами в рамках Национальной стратегии «Один пояс, один путь». // Журнал Лоянского педагогического университета, –2017. –№ 36. (9). –С. 4.
- 9.刘永红. 论“丝绸之路经济带”构想对我国俄语人才培养的引领作用.// 中国俄语教学, –2023. –卷.3. –第3期. –页. 14–17. Лю Юнхун. О направляющей роли концепции «Шёлкового экономического пояса» в воспитании русскоязычных талантов в моей стране. // Китайское преподавание русского языка, –2023 –№ 36. (3). –С.14–17.
- 10.宋丽丽, 吴昊, 凌晨“一带一路”建设背景下的中俄合作办学问题研究.// 马克思主义文化理论, –2017. –卷.4. –第29期. –页. 3–8. Сун Лили, У Хао, Линчэнь, Исследование китайско-российского кооперативного образования в контексте инициативы «Один пояс, один путь». // Марксистская теория культуры, –2017. –№ 4.(9). –С. 3–8.

- 11.郭强,赵风波.“一带一路”战略下的中俄跨境高等教育.// 中国高教研究, –2022–卷.2. –第7期. –页.56–61. Го Цян, Чжао Фэнбо. Китайско-российское трансграничное высшее образование в рамках стратегии «Один пояс, один путь». // Исследования в области высшего образования в Китае, –2022.–№ 4.(7). –С. 56–61.
- 12.郭强,赵风波,宗琛.本科层次中外合作办学区域发展比较研究—以江浙沪为例. // 黑龙江高教研究, 2015–卷.3. –第2期. –页.45–49. Го Цян, Чжао Фэнбо, Цзун Чэнь. Сравнительное исследование регионального развития китайско-иностранного кооперативного образования на уровне бакалавриата: на примере Цзянсу, Чжэцзяна и Шанхая. // Исследования в области высшего образования Хэйлунцзян, –2015–№ 3.(2). –С. 45–49.
- 13.郑体武. 面对新契机,俄语专业何为. // 中国俄语教学, 2015–卷.3. –第5期. –页.5–8. Чжэн Тиу. Что делать студентам-россиянам в связи с новыми возможностями? // Преподавание русского языка в Китае, 2015. –№ 3. (5). –С. 5–8.
- 14.钟声. 丝路精神, 贯穿古今开新篇: 聚焦“一带一路”倡议的时代意义. // 人民日报, 2024–卷.2. –第25期. –页.3. Чжун Шэн. Дух Шёлкового пути пронизывает прошлое и настоящее, открывая новую главу: внимание к современному значению инициативы «Один пояс, один путь». // «Жэньминь жибао», 2024. –№ 2. (25). –С. 3.
- 15.卓志.中俄高校合作,服务“一带一路”. // 中国教育报, 2020–卷.5. –第3期. –页.1–18. Чжо Чжи. Китайско-российское университетское сотрудничество на службе инициативы «Один пояс, один путь». // Новости образования Китая, 2020. –№ 5.(3). –С. 1–18.

A STUDY OF CHINESE-RUSSIAN CROSS-BORDER UNIVERSITY EXCHANGES AND COOPERATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE

Ni Meng, Nesterov A.G.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

This study analyzes the main directions of educational cooperation between Russia and China within the framework of the Belt and Road Initiative. The aim of the work is to systematize the forms of interaction between higher education institutions of the two countries and to analyze the mechanisms for implementing joint educational projects. The methodology is based on structural-functional and comparative-analytical approaches to identify the specifics of transnational academic interaction. The analysis revealed that cooperation encompasses all levels of education (bachelor's, master's, postgraduate studies) and is implemented through dual degree programs, the establishment of joint campuses, and educational institutions.

Keywords: China-Russia cooperation; One Belt, One Road; cross-border cooperation in higher education; China; Russia.

References

1. MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION – Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. – Access mode: minobrnauki.gov.ru (date of access: 07.07.2025).
2. CCIATV–China International Education Network. – Access mode: <http://www.ieduchina.com/> (date of access: 07.07.2025).
- 3.教育部涉外监管网 – 教育部涉外监管信息网. – 网址: <http://www.crs.jsj.edu.cn/index.php/default/index>. (访问日期: 2025.07.07); МОСПВК–Ministry of Education, website for external control.. – Access mode: <http://www.crs.jsj.edu.cn/index.php/default/index>. (access date: 07/07/2025).
- 4.黑龙江日报 – 黑龙江新闻网. – Website: <http://epaper.hl-jnews.cn/> (Accessed: 2025.07.07); CHN – Heilongjiang News Net-

- work – Access mode: <http://epaper.hljnews.cn/>. (Accessed: 07.07.2025).
5. Agreement between the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Ministry of Education of the People's Republic of China on cooperation in the field of education (Beijing, November 9, 2006, electronic access: <https://files.ined.ru/ined/iph/country/CN/CN.pdf>);
 6. 江苏理工大学联合工程学院Date: (访问时间: 07/07/2025). Admission Guide to the Joint School of Engineering of Jiangsu Normal University and Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Sino-Russian Joint Master's Program 2025 / (Access mode: <http://www.ieduchina.com/> (accessed: 07.07.2025).
 7. In this article, we will examine the results of the joint study of the joint school of engineering of Jiangsu Normal University and St. Petersburg Polytechnic University and the joint master's program of Jiangsu Normal University and St. Petersburg Polytechnic University. // Jiangsu Normal University, –2020. –卷. 3. –第2期. –页. 7–11. Lan Jun. Historical Research on Cross-Border Cooperation in Higher Education between China and Foreign Countries in modern times. // Higher Education Management, –2020. –№ 3 (2). – P. 7–11.
 8. "Research on Sino-Russian cooperation in school management under the National Strategy "One Belt, One Road"" in the context of the "One Belt, One Road" National Strategy for the Development of Higher Education. // Journal of the National Strategy for the Development of Higher Education, –2017. – pp. 36–9. – pp. 4. Lan Hao, He Xiaotao, Jin Ling. "Research on Sino-Russian cooperation in school management under the National Strategy "One Belt, One Road"". // Journal of Luoyang Normal University, –2017. –No. 36.(9). – P. 4.
 9. 刘永红 . 论“丝绸之路经济带”构想对我国俄语人才培养的引领作用.// 中国俄语教学, –2023. –卷.3. –第3期. – 页. 14–17 . Liu Yonghong. About the guiding role of the "Silk Economic Belt" concept in nurturing Russian-speaking talents in my country. // Chinese teaching of the Russian language, –2023 -№ 36.(3). –P.14–17.
 10. 宋丽丽, 吴昊, 凌晨“一带一路”建设背景下的中俄合作办学问题研究.//马克思主义文化理论, –2017. –卷.4. –第29期. – 页. 3–8. Song Lili, Wu Hao, Lingchen, Research on Sino-Russian cooperative education in the context of the Belt and Road Initiative. // Marxist theory of culture, –2017.-№ 4.(9). -WITH. 3–8.
 11. 郭强,赵风波.“一带一路”战略下的中俄跨境高等教育.// 中国高教研究, –2022–卷.2. –第7期. – 页.56–61. Guo Qiang, Zhao Fengbo. Chinese-Russian cross-border higher education within the framework of the "One Belt, One Road" strategy. // Research in the field of higher education in China, – 2022. – No. 4. (7). -WITH. 56–61.
 12. 郭强,赵风波,宗琛.本科层次中外合作办学区域发展比较研究—以苏浙沪为例. // 黑龙江高教研究, 2015–卷.3. –第2期. – 页.45–49. Guo Qiang, Zhao Fengbo, Zong Chen. A comparative study of regional development of Sino-foreign cooperative education at the undergraduate level: A case study of Jiangsu, Zhejiang and Shanghai. // Research in the field of higher education Heilongjiang, –2015-No.3.(2). -WITH. 45–49.
 13. 郑体武. 面对新契机,俄语专业何为. // 中国俄语教学, 2015–卷.3. –第5期. –页.5–8. Zheng Tiu. What should Russian students do in connection with new opportunities? // Teaching Russian in China, 2015. – No. 3. (5). – P. 5–8.
 14. 钟声 . 丝路精神, 贯穿古今开新篇: 聚焦“一带一路”倡议的时代意义. // 人民日报, 2024–卷.2. –第25期. – 页.3. Zhong Sheng. The spirit of the Silk Road permeates the past and present, opening a new chapter: attention to the contemporary significance of the Belt and Road Initiative. // "People's Daily", 2024. – No. 2. (25). – P. 3.
 15. 卓志.中俄高校合作,服务“一带一路.” // 中国教育报, 2020–卷.5. –3 months.–页.1–18. Zhuo Zhi. Chinese-Russian University Cooperation in the Service of the Belt and Road Initiative. // China Education News, 2020. – No. 5.(3). – P. 1–18.

Реакция КР на приграничные японо-советские конфликты: сражения в районах озера Хасан и у реки Халхин-Гол

Ху Вэньсюй,

аспирант Института Китая и современной Азии Российской академии наук
E-mail: 1085430069@QQ.com

После начала китайско-японской войны в 1937 г. Советский Союз пообещал военную помощь национальному правительству во главе с Чан Кайши. Между тем, Чан Кайши всегда надеялся, что Советский Союз напрямую направит войска для участия в войне против Японии. В данной статье предпринята попытка на основе архивных материалов Китая и России выяснить, каким образом Чан Кайши воспользовался двумя пограничными конфликтами между Советским Союзом и Японией, чтобы надеяться на полноценное участие Советского Союза в войне против Японии, короче говоря, представить, реальную картину исторической ситуации, сложившейся в код приграничных японо-советских конфликтов.

Ключевые слова: Хасанские бои, Бои на Халхин-Голе, китайско-японская война, Чан Кай-ши.

После общего начала китайско-японской войны в 1937 г. на озере Хасан и реке Халхин-Гол один за другим вспыхивали вооруженные конфликты между Советским Союзом и Японией. Подробный ход этих двух советско-японских военных конфликтов относительно хорошо изучен учеными. В данной статье предпринята попытка на основе архивных материалов Китая и России изучить, как Чан Кайши воспользовался двумя пограничными конфликтами между Советским Союзом и Японией, чтобы надеяться на полноценное участие Советского Союза в войне против Японии.

После подписания китайско-советского пакта о неападении (21 августа 1937 г.) Советский Союз обещал оказывать Китаю военно-материальную помощь. Находясь в то время в международной изоляции, Чан мог надеяться только на советскую помощь. Он стремился заключить военный союз с Советским Союзом, чтобы объединить усилия против Японии. Для этого китайское правительство под руководством Чан Кайши использовало различные методы лоббирования интересов советского правительства. Оно надеялось, что советское правительство направит войска для борьбы с Японией, и активно стремилось к военному союзу между Китаем и Советским Союзом. Чан Кайши сформулировал две стратегии внешней политики в отношении Советского Союза – минимальную и максимальную: минимальная стратегическая цель заключалась в политическом сближении с Советским Союзом и стремлении получить больше советской военной помощи; максимальная стратегическая цель заключалась в надежде создать военный союз с Советским Союзом и добиться от Советского Союза отправки войск для борьбы с японцами.

После нескольких бесплодных лоббирований участия СССР в войне, последовательные вспышки вооруженного конфликта между Советским Союзом и Японией вблизи озера Хасан и у реки Халхин-Гол вновь дали Чан Кайши надежду на то, что он сможет убедить Советский Союз принять участие в войне против Японии.

На восточном берегу реки Тумэнь, более чем в 20 километрах вверх по течению от границы между Китаем и Северной Кореей, находится небольшая гора, называемая пиком Чжангу, на границе между Китаем и Советским Союзом. Согласно Айгунскому договору 1858 г. здесь проходит граница между двумя странами, но колышков нет, и линия границы неизвестна. Советский Союз называл его «районом озера Хасан», стратегически важным местом, выходящим на Владивосток с востока. 13 июня 1938 г. начальник Дальневосточного управления Министерства Народного комиссариата внутренних дел СССР Г.С. Люшков дезертировал через границу из подведомственного ему 59-го пограничного округа Главной армии обороны. Перебежчики раскрыли японским властям подробную информацию о внутреннем положении в Советском Союзе и размещении советских войск вдоль дальневосточной границы [6, р. 91]. В середине июля Советский Союз начал блокаду китайско-советской границы. 12 июля советские войска были введены в советско-японскую военную буферную зону, включая озеро Хасан, что вызвало повышенную бдительность японского гарнизона. Впоследствии япон-

ский корейский гарнизон собрал войска в приграничной зоне, что привело к ряду советско-японских военных тренировок в регионе, и произошел инцидент на озере Хасан[2, р. 267–269]. В последующие дни китайские внутренние СМИ начали активно освещать инцидент на озере Хасан, указывая на тенденцию к обострению ситуации, что вызвало обеспокоенность Чан Кайши. Чтобы иметь четкое представление о событиях, он вел ежедневный учет соответствующих сообщений, полученных с 12 по 21 июля[8, р.79–80].

Инцидент на озере Хасан в определенной степени отвечал ожиданиям Чан Кайши относительно начала войны между Советским Союзом и Японией. Поэтому Чан Кайши уделял больше внимания тенденции развития и возможному влиянию на ситуацию антияпонской борьбы в Китае, чем причинам и ходу самого инцидента. 20 июля в своем дневнике Чан высказал мнение, что этот инцидент «принесет мне большую пользу в военной ситуации, по крайней мере, он сможет сдержать силы противника в Северной Маньчжурии» [7, 20 июля 1938 г.]. По этой причине «стратегия и политическая тактика Китая должны уделять особое внимание военному положению Советской России и японских захватчиков» [9, р.79–80]. 13 августа Сунь Фо¹ написал Сталину в Париж, что, как только вернется домой, приедет в Москву с визитом, чтобы подробнее ознакомиться с ситуацией. «с целью восстановления и сохранения мира на Дальнем Востоке и проведения переговоров о более прямом и полном сотрудничестве с Советским Союзом в военной и дипломатической областях» [2, р.277–278]. В то же время Чан поручил Чжан Чуну предложить советскому послу в Китае И.Т. Луганец-Орельскому, немедленно начать переговоры о заключении китайско-советского военного союза[2, р.281]. 16 августа Ли Цзунжэнь, член Военной комиссии и председатель провинции Аньхой, встретился с послом СССР в Китае. Ли Цзунжэнь, в беседе с Полпредом настойчиво пытался убедить Полпреда в «крайней полезности для СССР выступить против Японии» [1, Л.88].

Советский Союз рассматривал инцидент на озере Хасан как простое пограничное столкновение, а не как сигнал к широкомасштабному вторжению Японии в Советский Союз. Сам по себе этот инцидент не смог поколебать устоявшуюся советскую политику нейтрализации Японии. Так, за два дня до второго советского контрнаступления, 4 августа, М.М. Литвинов вел переговоры о перемирии с японским послом в СССР Мамору Сигэмицу и вскоре достиг соглашения. Обе армии отступили со спорной территории[12, р.80–86]. Тем не менее Чан Кайши считал, что инцидент на озере Хасан можно использовать как точку прорыва, чтобы добиться подписания договора о взаимопомощи с Советским Союзом. Он дважды встречался с Сунь Фо, который вернулся в Китай для подготовки к своему третьему визиту в Советский Союз, и поручил ему обменяться мнениями с советским послом в Китае о подписании договора о взаимопомощи с Советским Союзом. 26 августа Сунь Фо посетил И.Т. Луганец-Орельского и от имени китайского правительства и Чан Кайши просил официально передать Советскому правительству на обсуждение следующее. Китайское правительство предлагает Советскому Союзу заключить секретный договор, не предусматри-

вающий вооруженное выступление СССР и имеющий в виду «еще на шаг дальше укрепить дружбу между Китаем и СССР» по следующим направлениям:

1. Сотрудничество обеих армий вообще и в частности в вопросе обучения для совместной борьбы с Японией.
2. Дипломатическое сотрудничество, причем Китай будет вести ту же внешнюю политику, что и СССР.
3. Политические обязательства Китая: навсегда сохранять просоветский курс, поддерживать фронт демократических стран и никогда не примыкать к фашистским странам.
4. Расширение экономических отношений на основе обоюдного снабжения необходимыми товарами (в частности, со стороны Советского Союза вооружением, а со стороны Китая сырьем). Постройка Северо-Западной ж.д., связывающей Центральный Китай с Турксибом. Если Советское правительство найдет возможным приступить к обсуждению этих вопросов, то Сунь Фо выезжает немедленно в Москву[1, Л.93–104].

Это было самое конкретное и официальное предложение Китая СССР о заключении договора о взаимопомощи с момента подписания китайско-советского пакта о ненападении, и оно уклонилось от самого неохотного требования Советского Союза о военном вмешательстве в китайско-японскую войну. В то же время договор был строго засекречен, чтобы избежать опасений СССР по поводу ухудшения международных отношений в результате заключения китайско-советского договора. Сунь Фо после свидания с Полпредом 26–27 августа он 28 был у Чан Кайши и беседовал с ним один час по вопросам о советско-китайском договоре. Чан Кайши выразил мнение, что сохранить советско-китайский договор в тайне вряд ли удастся. По мнению Чан Кайши, лучше заключить не секретный а открытый договор Конечно, содержание такого договора не может быть столь конкретным и подробным, как содержание тайного. По этому поводу Сунь спросил мнение Полпреда. 31 августа Чан Кай-ши лично провел переговоры с И.Т. Луганец-Орельским. Чан Кайши указал на необходимость желания подписать новый китайско-советский договор и на то, что он должен быть публичным:

1. При нынешнем положении Чан Кайши полагает, что эта необходимость вытекает не из каких то выгод для Китая на ближайшее время, а из основного принципа, что мир на Д.Востоке может быть обеспечен только теснейшим сотрудничеством СССР и Китая. Китай хочет заключить этот договор, чтобы преследовать более далекие цели, установить теснейшее сотрудничество с СССР «на сравнительно вечное время».

2. Новый пакт должен быть открытым и входить в систему пактов Лиги наций.

3. Значение пакта-укрепить в китайском народе еще большую решимость вести освободительную войну до конца, показать, что СССР, не принимая прямого участия в войне, тем не менее действует совместно с Китаем. При этом Китай не считает, что этот пакт может принести ему вред. Внутренние группировки не имеют силы, а Англия если заключит компромисс с Японией, то делает это при наличии пакта так же легко, как и при его отсутствии. Поэтому возражения против пакта могут быть выдвинуты Советским Союзом только из соображений его личных интересов, но не интересов Китая[1, Л. 111–103].

Правительство СССР считает, что такой договор все же не вызывается обстановкой и принесет отрицательные результаты, ослабляя силы освободительной войны. И.Т. Руганец-Орельский подчеркнул ту настороженность к укреплению дружбы СССР и Китая, которая существует в определенных кругах Китая и за границей

¹ Сунь Фо(孙科) : политик Китайской Республики. Возглавлял ряд министерств. В 1932 и 1948–49 годах занимал пост премьер-министра. Известен тем, что был сыном Сунь Ятсена(孙中山) и его первой жены Лу Мучжэнь, что позволяло ему демонстрировать несогласие с Чан Кайши по ряду принципиальных вопросов (в частности, поддерживать союз с Коммунистической партией Китая).

и указал, что договор даст козырь в руки трех агрессивных держав для проведения агрессии. Далее Полпред передал мнение Союзного Правительства относительно вопроса о вступлении СССР в войну: изолированное выступление СССР принесет больше вреда чем пользы, это ухудшит положение Китая и улучшит -Японию. Правительство СССР считает нецелесообразным выступление безучастия Англии или Америки. Это выступление даст лишнее обоснование тезиса трех агрессоров о большевизации Китая, даст возможность им ссылаться, что СССР имеет особые интересы в Китае и стремится его захватить. Выступление СССР вовлечет Германию и Италию, которые окажут помощь Японии и в результате положение осложнится. Правительство СССР подтверждает, что СССР вступит в войну при наличии одного из следующих условий: 1) Непосредственное нападение Японии на СССР; 2) Если вместе СССР выступит Англия или Америка; 3) Если Лига наций вынесет постановление о предложении тихоокеанским державам применить санкции против Японии [1, Л.142–143].

В практическом плане Чан Кайши пытался убедить СССР вступить в войну против Японии постепенно, заключив договор о взаимопомощи, но это противоречило стратегическим интересам СССР. В ответе Советского правительства не было прямого отказа от просьбы Чанга, но в нем содержался намек на то, что цель Чанга – привязать Советский Союз к колеснице войны против Японии и что поэтому он ни в коем случае не может взять на себя договорные обязательства по взаимопомощи с Китаем. 9 сентября 1938 г. советский посол в Китае И.Т. Луганец-Орельский заявил Чан Кайши протест в связи с публикацией в прессе статьи бывшего китайского дипломата Гань Цзехоу «Почему Советский Союз еще не вступил в войну», которую он расценил как провокацию в отношении Советского Союза [1, Л.155]. Чан Кайши уже понимал, что в данный момент нет никакой надежды на то, что Советский Союз примет участие в войне против Японии посредством советско-японского конфликта. В конечном итоге, начало конфликта между Советским Союзом и Японией в районе озера Хасан в это время было обусловлено чисто случайными факторами, и ни одна из сторон не хотела его продления. Сталин считал оборону Германии главной стратегией Советского Союза, в то время как Япония планировала начать Уханьскую битву. Другими словами, ни один из них не считал другого врагом номер один. Верховные правители как Японии, так и Советского Союза избрали стратегией максимального контроля над масштабами боевых действий и сдерживания эскалации уровня борьбы.

После потери Уханя война Китая с Японией перешла в патовую фазу. Чан Кайши считал, что 1939 г. станет временем самых больших перемен и капризов. Хотя Демократическому фронту не удастся объединиться против фронта вторжения, как ожидалось, а перемены со стороны Советского Союза будут еще более значительными, они все равно принесут больше пользы, чем вреда для будущего нашей войны сопротивления [7, 31 декабря 1938 г.]. Но изменение международной ситуации действительно стало для Чан Кайши полной неожиданностью. 23 августа 1939 г. Советский Союз в ходе секретных переговоров подписал с Германией Пакт о ненападении. Именно в это время конфликт между Советским Союзом и Японией у реки Халхин-Гол накалился до предела. Перед лицом новой международной и внутренней ситуации Чан Кайши был вынужден предпринять дополнительные усилия для заключения китайско-советского пакта. Любой вооруженный конфликт между Советским Союзом и Японией стал бы лучшей возможностью для сближения Китая и Советского Союза, и Чан Кайши по-

стоянно подчеркивал в своем дневнике, что «с Россией следует вести агрессивные переговоры». Чан Кайши считал, что Советский Союз должен подписать с Германией пакт о ненападении. Советский Союз будет избавлен от германской угрозы и сможет полностью посвятить себя Японии и решить проблему Дальнего Востока. 27 августа Чан Кайши позвонил военным губернаторам всех стран, чтобы проинтерпретировать советско-германский мирный договор. В послании Чан Кайши сказал: «Советско-германский шаг заставил жестокого врага потерять позиции, нанес большой удар по его духу, и антикоммунистическая государственная политика, которой он хвастался, была разбита вдребезги» [4, р. 406].

В то время Внешняя Монголия и Маньчжоу-Го все еще юридически являлись частью территории Китая, а Внешняя Монголия и Маньчжоу-Го поддерживались Японией и Советским Союзом соответственно. Разочарованная инцидентом на озере Хасан, Япония обратилась к пограничной зоне между Маньчжоу-Го и Внешней Монголией в поисках возможностей для мести. Советский Союз, руководствуясь договором о взаимопомощи с Внешней Монголией, в ноябре 1937 г. направил Красную армию в район Внешней Монголии, чтобы противостоять угрозе со стороны японцев. 11 мая 1939 г. пограничная кавалерия Внешнемонгольской армии, патрулировавшая восточный берег реки Хараха, была вынуждена отступить на западный берег после вооруженного столкновения с пограничниками Маньчжоу-Го. Позже Внешнемонгольская армия переправилась через реку Халхин-Гол и построила укрепления на восточном берегу. 28 мая японская Квантунская армия общей численностью более 2000 человек при поддержке авиации продвинулась к реке Халхин-Гол, где подверглась мощной контратаке советских и монгольских войск, понесла большие потери и 31 мая получила приказ отступить. В июле японцы предприняли ряд новых атак, которые также не увенчались успехом. у реки Халхин-Гол масштабы конфликта становились все больше и больше [11, р. 46]. Если инцидент у озера Хасан был пограничным конфликтом очень небольшого масштаба, то конфликт у реки Халхин-Гол можно назвать будет настоящим вооруженным конфликтом. 10 июля Чан Кайши подчеркнул необходимость «изучить развитие русско-японской войны» [7, 11 июля 1939 г.]. 25 августа Чан Кайши в беседе с советским послом в Китае А.С. Панюшкиным заявил: «Вопрос о заключении договора о взаимопомощи между СССР и Китаем был поднят задолго до поездки Сунь Фо в Советский Союз. В то время этот вопрос считался несвоевременным. Считает ли советское правительство, что это время пришло?» Чан Кайши считал, что инцидент у реки Халхин-Гол создал возможность для подписания китайско-советского договора о взаимопомощи. Вопреки ожиданиям Чан Кайши, советско-японский конфликт у реки Халхин-Гол, вместо того чтобы способствовать дальнейшему развитию китайско-советских отношений, ускорил реализацию стратегии Советского Союза по нейтрализации Японии. С середины июля 1939 г. в Советском Союзе началась массовая мобилизация вооруженных сил и материальных средств для подготовки к началу широкомасштабной наступательной войны под командованием Жукова. 20 августа советско-монгольская армия застала японцев врасплох, начав наступление полным фронтом, и после интенсивного артиллерийского обстрела атаковала японские позиции с помощью 250 самолетов. Ожесточенные бои продолжались 12 дней, и к 31 августа большая часть японских войск была уничтожена, за исключением некоторых, вырвавшихся вперед.

После инцидента 18 сентября 1931 г. Советский Союз стремился к заключению договора о ненападении с Японией, и в основном из-за агрессивной наступательной политики Японии Советскому Союзу не удалось достичь поставленной цели. На протяжении всего инцидента, когда Советский Союз сосредоточил превосходящие силы и нанес тяжелый удар по Японии, Япония осознала, что военная мощь Советского Союза слишком велика, чтобы относиться к ней легкомысленно. В этих условиях Япония, исходя из собственных агрессивных интересов, отказалась от плана северного вторжения и готовилась к южному вторжению. Однако ради обеспечения безопасности на севере Япония была вынуждена взять на себя инициативу и предложить Советскому Союзу подписать японо-советский договор о нейтралитете или японо-советский договор о ненападении[5, p.45].

После окончания советско-японского конфликта у реки Халхин-Гол для Чан Кайши исчезла всякая возможность подписать союзный договор с СССР, а надежды Чан Кайши призвать Советский Союз к вступлению в войну полностью развеялись.

Литература

1. АВПРФ. Ф. 0100. Он. 22. Д. 10. П. 190.
2. Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1. 1937–1944 гг. // ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 870с.
3. Субханкулов Р.Ф. Участие СССР в вооруженных конфликтах у озера хасан и реки Халхин-Гол: историографический аспект // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2011. № 1. С. 32–39.
4. Катасонова Е.Л. Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы // Ежегодник Япония. 2009. № 38. С. 271–293.
5. Победа на Халхин-Голе: в поисках исторической истины: (Коллективная монография) // Отв. ред. А.С. Железняков, Е.Л. Катасонова; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2021. 348с.
6. Трехсвятский А.В. Дело Люшкова // Россия и АТР. 1998. № 1. С.90–104.
7. Дневник Чан Кайши.
8. Сяо Ли Цзю. Президентские архивы Чан Кайши: краткая расшифровка, том 42. Тайбэй.: Национальный исторический музей. 2010. 910 с
9. Цинь Сяои. Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики: Период сопротивления Японии (часть III) — Дипломатия военного времени (II). Тайбэй.: Национальный исторический музей. 1981. 883с.
10. Цзинь Дунцзи, Сюэ Сянь Тянь: История китайско-советских отношений в Китайской Республике, Т. 2. Пекин. Издательство истории Коммунистической партии. 278 с.
11. Гао Пэй. Реконцептуализация Чжан Гофэна и инцидента в Норманкане // Военная история 1994, № 2. С. 44–46.
12. Цюй Сяофань. Новое обсуждение японо-советского инцидента 1938 года с Чжан Гу Фэном // Журнал

Северо-восточного нормального университета. 2012, № 5. С. 80–86.

13. Дэн Е. Стратегический расклад Чан Кайши: 1939–1941. Пекин.: Издательство литературы по общественным наукам. Пекин.: Издательство общественно-научной литературы. 2019. 411 с.

THE CHINESE GOVERNMENT'S RESPONSE TO THE JAPAN-SOVIET BORDER CONFLICTS: BATTLES IN THE LAKE HASAN AND KHALKHIN-GOL RIVER REGIONS

Hu Wenxu

Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences

After the outbreak of the Sino-Japanese War in 1937, the Soviet Union promised military aid to the national government led by Chiang Kai-shek. Meanwhile, Chiang Kai-shek always hoped that the Soviet Union would directly send troops to participate in the war against Japan. This article attempts to find out how Chiang Kai-shek took advantage of the two border conflicts between the Soviet Union and Japan to hope for the Soviet Union's full participation in the war against Japan, in short, to present a real picture of the historical situation in the code of the Japanese-Soviet border conflicts.

Keywords: The Battle of Khasan, the Battle of Khalkhin-Gol, the Sino-Japanese War, Chiang Kai-shek.

References

1. AVPRF. F. 0100. On. 22. D. 10. P. 190. (In Russ.)
2. Russko-kitayskie otnosheniya v XX veke: Materialy i dokumenty. T. IV. Sovetsko-kitayskie otnosheniya. 1937–1945 gg. Kn. 1. 1937–1944 gg. [Russian-Chinese relations in the XX century: Materials and documents. VOL. IV. Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1. 1937–1944] // red. S.L. Tikhvinskiy. M.: Pamiatniki istoricheskoy mysli, 2000. 870s. (In Russ.)
3. Subkhankulov R.F. [Participation of the USSR in the armed conflicts at lake hasan and the river Khalkhin-Gol: historiographical aspect] // Lokus: lüdi, obvestvo, kul'turj, smjslj. 2011. № 1. S.32–39. (In Russ.)
4. Katasonova E.L. [Khalkhin-Gol: 70 years later. Historiography of the problem] // Ezhegodnik Qponiq. 2009. № 38. S.271–293.
5. [Victory at Khalkhin-Gol: in search of historical truth: (Collective monograph)] //Otv. red.A.S.Zheleznykov, E.L. Katasonova; In-t vostokovedeniya RAN. M.: IV RAN, 2021. 348s.(In Russ.)
6. Trekhsviatkiy A.V. [Lyushkov's case] // Rossiya i ATR. 1998. № 1. S.90–104.(In Russ.)
7. 蒋介石日记[Chiang Kai-shek's diary].(In Chin.)
8. 蒋中正总统档案:事略稿本第42册[Xiao Li Ju. Chiang Kai-shek's presidential archives: a brief transcription, vol. 42].台北:“国史馆”. 2010. 910p.(In Chin.)
9. 秦孝仪主编:“中华民国重要史料初编—对日抗战时期第三编—战时外交(二)”[Qin Xiaoyi. The First Collection of Important Historical Materials of the Republic of China: The Period of Resistance to Japan (Part III) — Wartime Diplomacy (II)].台北:“国史馆”, 1981.883p.(In Chin.)
10. 金东吉、薛衍天:“民国时期中苏关系史(中册)”[Jin Dongji and Xue Xian Tian. A History of Sino-Soviet Relations in the Republic of China, Vol. 2].北京.中共党史出版社. 278p.(In Chin.)
11. 高培:“对张鼓峰与诺门坎事件的再认识”[Gao Pei. Reconceptualizing Zhang Guofeng and the Normankan Incident]//军事历史. 1994. no.2.pp.44–46(In Chin.)
12. 曲晓范:“1938年日苏张鼓峰事件新论”[Qiu Xiaofan. A new discussion of the 1938 Japan-Soviet incident with Zhang Gu Feng]//东北师大学报.2012.no.5.pp.80–86. (In Chin.)
13. 邓野:“蒋介石的战略布局: 1939–1941”[Deng E. Chiang Kai-shek's Strategic Layout: 1939–1941 Beijing: Social Science Literature Publishing House].北京: 社会科学文献出版社. 2019, 411p. (In Chin.)

Научно-технологическое сотрудничество России и Китая: исторический опыт и ключевые направления

Алборова Марианна Борисовна,

кандидат исторических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: alborova2205@mail.ru

Николаенко Анна Михайловна,

выпускник факультета «Международные отношения и бизнес», кафедра «Международное сотрудничество» Институт управления, РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: nikolaenko_2004@mail.ru

Научно-технологическое сотрудничество между Россией и Китаем становится одним из важнейших направлений двусторонних отношений, которые способствуют развитию инновационного потенциала. В условиях современной трансформации мирового порядка активное взаимодействие двух стран становится основой для устойчивого партнерства и технологического прогресса.

Целью исследования является комплексный анализ развития взаимодействия Китая и России, включая создание нормативно-правовой базы, институциональных механизмов и реализацию совместных научно-технических проектов в приоритетных областях, таких как нанотехнологии, и космическая отрасль. Особое внимание уделено проблемам и вызовам, связанным с координацией сотрудничества и интеграцией инновационных ресурсов, а также перспективам дальнейшего развития в условиях глобальной конкуренции и политико-экономических изменений. Однако, несмотря на значительные успехи, существуют проблемы, связанные с нормативно-правовым регулированием и эффективной координацией совместных проектов. Опираясь на методы сравнительного анализа и анализа официальных документов, была выявлена эволюция и современное состояние российско-китайского научно-технологического сотрудничества. Исследование нормативно-правовых и институциональных основ двустороннего взаимодействия основано на изучении межправительственных соглашений, протоколов и рабочих групп, а также материалов совместных научно-исследовательских проектов и международных форумов.

Таким образом, в статье подтверждается, что российско-китайское научно-технологическое сотрудничество характеризуется поступательной динамикой и основано на прочной нормативной базе и интеграции передовых научных практик. Статья будет полезна студентам, магистрам, исследователям, научным сотрудникам, которые специализируются на изучении российско-китайских отношений.

Ключевые слова: экономическое развитие, технологический уклад, структурный кризис, цифровизация, биоинженерные технологии, нанотехнологии, система управления, кадровая политика.

Российско-китайское двустороннее сотрудничество на современном этапе находится на высоком уровне, что обусловлено стремительным развитием глобальных научно-технологических процессов, необходимостью интеграции инновационных ресурсов и усилением роли науки и образования в обеспечении национальной конкурентоспособности. Масштабное многостороннее взаимодействие России и Китая имеет важное международное значение так как оно способствует формированию нового уровня стратегического партнерства в области науки, технологий и инноваций, что является ключевым фактором обеспечения технологического лидерства обеих стран в условиях глобальной конкуренции и геополитических вызовов.

В условиях современной мировой трансформации двусторонние отношения России и Китая наиболее ценны, поскольку противоречия в мире нарастают, а глобальная конкуренция в научно-технологической сфере становится более острой. В этом контексте сотрудничество двух крупнейших евразийских держав приобретает стратегическое значение, выступая не только как фактор укрепления региональной безопасности и экономического развития, но и как механизм совместного продвижения инноваций и научных достижений на международной арене.

Исторический опыт взаимодействия России и Китая в области науки и технологий демонстрирует постепенное наращивание потенциала и расширение форматов сотрудничества. Предметом исследования статьи является комплексное изучение механизмов, форм и содержания взаимодействия России и Китая в области науки и технологий как в исторической перспективе, так и в современных условиях. Особое внимание уделяется нормативно-правовым и институциональным основам двусторонних отношений на современном этапе и научно-технологическим проектам.

Проблематика российско-китайских международных отношений находится в политическом дискурсе как российских, так и зарубежных авторов. Так, например, Ульянова М., Бабонов Ю. отмечают, что современное российско-китайское научно-техническое сотрудничество активно развивается в рамках «Дорожной карты 2020–2025», приоритетными направлениями которой являются цифровые технологии, искусственный интеллект, новые материалы, а «углубление сотрудничества способствует технологическому лидерству обеих стран»¹.

В зарубежной научной литературе сотрудничество России и Китая рассматривается как стратегически важное направление. Wang J. подчёркивает, что «сотрудничество с Россией является ключевым элементом инновационной политики Китая»². Двусторонние отноше-

¹ Ульянова М., Бабонов Ю. Современные формы и механизмы взаимодействия России и Китая в сфере научно-технического сотрудничества [Электронный ресурс]. – Российский совет по международным делам, 2023. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennye-formy-i-mekhanizmy-vzaimodeystviya-rossii-i-kitaya-v-sfere-nauchno-tehnicheskogo-sotrud/>. – Дата обращения: 11.07.2025.

² Wang J. Sino-Russian Scientific and Technological Cooperation: Strategic Perspectives // Journal of Eurasian Studies. 2020.

ния России и Китая расширяют потенциал устойчивого и перспективного развития для формирования успешного будущего, при этом научно-технологическое сотрудничество дает возможность качественно улучшить уровень жизни населения в этих странах. В статье рассматриваются следующие аспекты:

во-первых – история формирования и развития научно-технологического сотрудничества России и Китая,

во-вторых – нормативно-правовые акты двустороннего сотрудничества,

в-третьих – институциональные основы российско-китайских отношений на современном этапе.

Активное экономическое взаимодействие формирует основу для устойчивого развития научно-технического потенциала России и Китая, обеспечивая реализацию долгосрочных планов в решении инновационных задач.

История формирования и развития научно-технологического сотрудничества России и Китая

Важнейшей вехой в развитии советско-китайской дружбы стала Великая Октябрьская социалистическая революция. Относясь к Китаю как к равному и суверенному государству Советское правительство предложило вступить в переговоры об аннулировании договора от 1896 года, Пекинского протокола от 1901 года и других неравноправных соглашений, заключенные между Российской империей и Китаем. Страны договорились заменить их новыми договорами и соглашениями на основе равенства, взаимности и справедливости.

7 августа 1945 года между СССР и Китаем был подписан договор о дружбе и союзе, основной целью которого являлось укрепление дружественных отношений между странами путем союза и широкого сотрудничества¹. В работе «О коалиционном правительстве» Китая Мао Цзэдун подчеркнул, что «после того как в 1937 году началась война сопротивления японским захватчикам, Советский Союз... первым пришел на помощь Китаю в его борьбе против агрессора. Китайский народ выражает свою благодарность советскому правительству и советскому народу за всю эту помощь. Мы считаем, что без участия Советского Союза окончательное и полное разрешение тихоокеанских проблем невозможно»².

В августе 1949 года начался новый этап советско-китайского сотрудничества в авиационной сфере. 26 июля китайское правительство обратилось с просьбой оказать помощь в создании ВВС НОАК для борьбы с консервативной политической партией Гоминьданом. 1 августа уже были проведены переговоры, в ходе которых китайская сторона оценила собственные потребности в 1200 летчиков и 2000 техников, а также попросила об отправке 200 истребителей и 80 бомбардировщиков³.

1 октября 1949 года Мао Цзэдуном было провозглашено образование Китайской Народной Республики, а Советский Союз стал первым государством, установившим дипломатические отношения с КНР. После об-

разования Китайской Народной Республики ряд внешнеполитических, экономических и идеологических факторов обусловили заключение межправительственного соглашения о научно-техническом сотрудничестве между Советским Союзом и КНР т.к. в Китае возникла острая потребность в специалистах, способных обеспечить руководство работами по развитию экономической базы страны.

Советско-китайские отношения в 1950–1990-е гг.

В 1950-е годы китайский народ придерживался мнения о необходимости «идти по русскому пути». Такое мнение было вызвано наличием богатого опыта и развитыми технологиями советских специалистов, что привнесло инновации в различные отрасли и области экономического строительства Китая. В течение трех месяцев предприятия угольной и нефтяной промышленности смогли увеличить объем выпускаемой продукции с 16% до 88,5%. Доля производства стальных заготовок достигла 93,5%, что на 15% превысило прогнозируемые показатели. Благодаря сотрудничеству с советскими специалистами в энергетической отрасли за три года производительность труда выросла на 15% по сравнению с довоенным максимумом, а объем вырабатываемого электричества увеличился в 2,8 раза.

В железнодорожной сфере советские эксперты значительно расширили работу по различным направлениям: от организации перевозок и строительства машиностроительных заводов до поддержания инфраструктуры железных дорог. Применение новейших технологий и методов позволило в 1951 году увеличить производительность труда на Чанчуньской железной дороге на 27,3% в сравнении с 1950 г., а расходы сократились на 72,3 млрд юаней⁴.

Советскими специалистами также была восстановлена и расширена основная масса угольных и нефтяных шахт, что увеличило добычу угля в Китае на 60%. Эксперты из Советского Союза выяснили несостоятельность вывода о том, что в Китае недостаточно нефти, оказалось, что страна располагает между регионами с богатыми нефтяными запасами, а геологические изыскания подтвердили большой потенциал китайских нефтяных источников. В течение 3 лет производительность труда на нефтяных месторождениях увеличилась в 4 раза и была заложена основа для развития китайской нефтяной промышленности⁵.

Советская сторона также взяла на себя обязательства по подготовке иностранных специалистов. Управление кадров АН СССР согласовало первый план подготовки 120–130 аспирантов и приняло для повышения квалификации более 50 научных сотрудников в таких научных областях как физика, геофизика, геохимия и кристаллохимия⁶. За период 1950–1960 гг. в Советском союзе суммарно были обучены 38000 китайских специалистов (Табл. 1). Все эти усилия предопределили высокую эффективность советско-китайского научно-технического и экономического сотрудничества в 1950-ы годы.

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. 1 января – 3 сентября 1945 г.: Документы и материалы / ред.-сост. С. Майоров. – М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1947. – С. 458–471.

² Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. III. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1969. – С. 332.

³ История научно-технического сотрудничества СССР и КНР (конец 40-х – начало 60-х годов XX века). Т. 1. – М.: Наука, 2008.

⁴ Пань Гуанцзу // Китайская газета «Жэньминь жибао». – 20.01.1952.

⁵ Пань Гуанцзу // Китайская газета «Жэньминь жибао». – 1953

⁶ Кривоносов Ю.И. Советские специалисты в Китае (50-е годы XX века) // Российско-китайская международная конференция: история научно-технического сотрудничества СССР и КНР (конец 40-х – начало 60-х годов XX века). – М.: ИИЕТ РАН, 2008. – С. 112.

Таблица 1. Количество китайцев, получивших образование в Советском Союзе в 1950–1960 гг.¹

Категории	Количество	Процентное содержание (%)
Технические специалисты	8000	21
Научные сотрудники	1300	3
Преподаватели	1200	3
Студенты	7500	19
Рабочие	20000	53
Всего	38000	100

Серьезным импульсом к расширению сотрудничества в сфере авиации и радиоэлектроники стал китайско-корейский конфликт 1950–1953 годов. Опыт Советского Союза в создании боевых самолетов было решено передать для развития авиационной промышленности КНР. Кроме того, советское-китайское сотрудничество охватывало сферы освоения природных ресурсов КНР, комплексного использования газа, угля, нефти, проектирования крупногабаритных механизмов, электро- и энергетического оборудования, строительства металлургических предприятий и подготовки необходимой технической документации.

Согласно российским архивным материалам в марте 1952 года в Китае находилось 332 советских советника и преподавателей, а также 471 технических специалистов в различных отраслях. В сталинскую эпоху советско-китайские отношения основывались на идеологической близости и взаимной поддержке, однако, с приходом власти Н.Хрущева начались и изменения в отношениях двух государств.

Предпосылками обострения советско-китайских отношений стало осуждение культа личности Сталина на XX съезде КПСС и провозглашение концепции мирного существования. Мао Цзэдун негативно отнёсся к высказыванию секретаря ЦК КПСС, а провозглашенную концепцию посчитал предательской и противоречащей всей идеологии коммунизма.

В 1954 году в ходе визита Никиты Хрущёва с целью празднования 5-й годовщины образования КНР главам двух стран удалось договориться о передаче Китаю нескольких важных проектов помощи: расширение поставок оборудования на 141 предприятие, строительство 15 новых промышленных объектов, предоставление кредита в размере 520 миллионов рублей. Реализация этих инициатив создала благоприятные условия и основу для значительного увеличения числа советских специалистов, направляемых в Китай.

К концу 1954 года в промышленной сфере работало 820 советских специалистов. В период 1954–1957 годов кроме предоставления большого количества оборудования, проектных чертежей, технических материалов и лицензий на производство различных товаров, были отправлены советские специалисты (Табл. 2.)². Период 1956–1957 гг. считается пиком численности визитов советских специалистов в Китай. К концу 1957 году количество советских специалистов превышало 4000 человек. Такой рост был вызван не только потребностью в специалистах из-за большого количества проектов, но и но-

вым внешнеполитическим курсом Советского Союза в отношении КНР.

Таблица 2. Количество отправленных советских специалистов в Китай в период 1952–1960 гг.³

Год	Количество отправленных советских специалистов
1952	294
1953	428
1954	541
1955	790
1956	1422
1957	2298
1958	1231
1959	1153
1960	1156

Китайская Народная Республика также была заинтересована в развитии ядерных технологий, а создание атомной бомбы Советским Союзом в годы правления Сталина дало надежду китайскому правительству. Получив представление о мощи ядерного оружия после посещения Москвы и просмотра записи советских испытаний ядерной бомбы, предоставленной И.В. Сталиным, Мао Цзэдун заявил: «Эта поездка открыла мне глаза! Судя по всему ядерное оружие может напугать немало людей. У Америки оно есть, у Советского Союза оно есть, мы тоже можем сделать себе немного»⁴.

Москва могла предоставить социалистическим странам ядерную защиту, однако, не готова была раскрывать все секреты создания ядерного оружия. Однако, в октябре 1954 году в ходе визита Мао Цзэдун отметил, что КНР надеется на помощь Советского Союза. Генеральный секретарь ЦК КПСС заявил, что курс СССР заключается исключительно в предоставлении «ядерного зонтика» Китаю, однако, спустя полгода Никита Хрущев отметил, что может оказать помощь в создании малого экспериментального ядерного реактора для осуществления научных исследований в области ядерной физики и подготовки техперсонала⁵.

Советско-китайская дружба достигла своего апогея в ноябре 1957 года во время Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Однако, спустя полгода между Никитой Хрущевым и Мао Цзэдуном возникли разногласия, которые стали усиливаться в вопросах нейтралитета Москвы в индокитайском приграничном конфликте, что привело к ожесточенной полемике на заседании партийной делегаций летом 1960 года и стало основанием для фактического разрыва отношений между странами и сокращения численности советских специалистов в КНР. Также было разорвано соглашение о научно-техническом сотрудничестве и об отправке 600 специалистов в Китай.

Таким образом, подписанное 15 октября 1957 года соглашение об оказании помощи Китаю в области авиационной и ракетной техники было практически аннулировано. Отзыв советских специалистов вызвал труд-

¹ Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения (1945–1980). С.152

² Советские специалисты в Китае (1948–1960) / Шэнь Чжи-хуа; пер. с кит. А.А. Тагировой. – М.: Наука – Восточная литература, 2015. – 423 с.

³ Советские специалисты в Китае (1948–1960) / Шэнь Чжи-хуа; пер. с кит. А.А. Тагировой. – М.: Наука – Восточная литература, 2015. – С. 11

⁴ Цзылун Е. Мао, ядерное оружие и Китайская революция. – М.: Наука, 2000. – С. 185–186.

⁵ Ши Чжэ. Рядом с историческим титаном. Мемуары Ши Чжэ. – Пекин, 1991. – С. 572–573.

ности в развитии китайской ядерной программы и разработке передовых технологий. Согласно советско-китайскому соглашению СССР должен был помочь Китаю в строительстве 30 объектов атомной промышленности. Тем не менее, несмотря на возникшие сложности в КНР именно помощь Советского Союза заложила основу и сформировала каркас китайской атомной промышленности.

В начале 1960-х годов советско-китайские отношения ухудшились в связи с нерешенными разногласиями, которые обострялись в еще большей степени пограничным вопросом – оказанием военной помощи Монголии в китайско-монгольском пограничном конфликте. 11 сентября 1969 года в Пекине состоялась встреча между представителями КНР и СССР, в ходе которой обсуждалась концепция нормализации советско-китайских отношений. А.Н. Косыгин подчеркнул, что руководство Советского Союза рассматривает необходимость принятия всех возможных мер, направленных на улучшение двусторонних связей. В свою очередь, Премьер-министр КНР отметил, что идеологические разногласия по вопросам марксизма-ленинизма не должны служить препятствием для восстановления и развития отношений между двумя государствами¹. По результатам данной встречи были возобновлены переговоры по пограничным вопросам и восстановлены торгово-экономические связи.

В период перестройки дипломаты СССР прилагали усилия для налаживания отношений с КНР. Научно-дипломатические связи стали восстанавливаться после 1984 года, однако, советско-китайские отношения уже не имели приоритетного для КНР значения как в первые послевоенные годы².

Российско-китайские научно-технологические отношения в 1990–2010-е гг.

В апреле 1990 года КНР и СССР подписали серию соглашений по научно-техническому сотрудничеству, предполагающие долгосрочное экономическое и научно-техническое взаимодействие в реализации совместных исследований в космосе и строительству атомной электростанции в Китае.

Рубежным событием стал распад Союза Советских Социалистических Республик в 1991 году. Китайская Народная Республика признала Российскую Федерацию правопреемником Советского Союза, а современные отношения между странами продолжились строиться на принципах партнерства и равенства.

Стабильный рост российско-китайского сотрудничества произошел в 1993 году. Во второй половине 1990-х годов премьер-министром РФ Е.М. Примаковым была выдвинута концепция многополярного мира с основой на новые, быстрорастущие центры силы и формирование оси Москва-Дели-Пекин³. Фактическое объявление о необходимости создания новой структуры Россия-Индия-Китай стало важной вехой российского поворота в Азии.

Основным направлением двустороннего экономического взаимодействия в этот исторический период стали торговые отношения. По итогам 2016 года Китайская

Народная Республика и Российская Федерация заняли соответственно первое и двенадцатое места в списке основных торговых партнеров друг друга (Табл. 3).

Значительную долю российского экспорта в Китай составило механическое и электронное оборудование, включая ядерные реакторы, турбореактивные двигатели, насосы и другие промышленные изделия. Китай проявлял особый интерес к импорту сырья и материалов, прежде всего энергоресурсов. По стоимостным показателям в структуре китайского импорта из России лидируют электронные чипы (около 14,7%), сырая нефть (11,6%) и концентрат железной руды (4,9%).

Таблица 3. Динамика торговли в период 2007–2024 гг. между РФ и КНР⁴

Год	Общий объем товарооборота КНР (млрд долл.)	Объем российско-китайской торговли (млрд долл.)
2007	2174	48,2
2008	2563	56,9
2009	2207	38,8
2010	2974	55,5
2011	3641	79,3
2012	3867	88,2
2013	4159	89,3
2014	4302	95,3
2015	3953	68,0
2016	3686	69,6
2017	4107	84,1
2018	4623	107,0
2019	4777	112,4
2020	4660	107,766
2021	6050	146,880
2022	6300	190,270
2023	5930	240,11
2024	6160	244,8

В энергетическом секторе были реализованы значительные инвестиционные сделки с участием Фонда Шёлкового пути. Важно отметить, что участие России в реализации проектов «шелкового пути» выглядит как возможность более полного выявления транспортно-транзитного потенциала РФ. Транссибирская магистраль рассматривается в России как эффективный инструмент для стимулирования развития Дальнего Востока и Сибири, прежде всего в контексте создания экономического коридора Китай–Монголия–Россия. Этот коридор призван стать важной частью интеграции транспортных и экономических связей, обеспечивая устойчивое развитие регионов и расширение транзитного потенциала.

Двусторонние документы научно-технологического сотрудничества

В 2008 году между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой было подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, предусма-

¹ Биография Чжоу Эньлая в хронологической последовательности 1949–1976. – Пекин: Документальное исследование кабинета ЦК КПК, 2010. – С. 320–353.

² Райнхарт Р. От Мо-цзы до Дэн Сяопина: вехи становления китайской научной дипломатии // РСМД. – 2024. – Дата обращения: 26.07.2025.

³ Торкунов А.В., Байков А.А., Виноградов А.В. Азиатский поворот в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы. – М.: Аспект Пресс, 2022. – 256 с.

⁴ Шэнь Чжихуа. Советские специалисты в Китае (1948–1960) / Шэнь Чжихуа; пер. с кит. А.А. Тагировой. – М.: Наука – Восточная литература, 2015. – С. 410.

тривающее увеличение объема двусторонней торговли до 100 миллиардов долларов к 2015 году и до 200 миллиардов долларов к 2020 году¹. В июне 2016 года в ходе официального визита Президента Российской Федерации Владимира Путина в Китайскую Народную Республику было подписано Совместное заявление об укреплении глобальной стратегической стабильности. Этот документ стал важным этапом в развитии двусторонних отношений и внес значительный вклад в формирование современной концепции стратегической стабильности на международной арене. В рамках двустороннего сотрудничества правительства России и Китая заключили соглашение о совместной разработке, производстве, коммерциализации и послепродажном обслуживании дальнемагистрального самолёта. Данный самолёт должен обладать эксплуатационными издержками примерно на 10% ниже по сравнению с аналогичными моделями и способен составить конкуренцию ведущим мировым производителям – Boeing и Airbus.

При поддержке мощных финансовых и политических ресурсов Китая, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, инициатива «Один пояс, один путь» выступает ключевым системным фактором, способствующим развитию совместных производств в сферах энергетики, транспорта, строительства, машиностроения и высоких технологий.

28 июня 2021 года Россия и Китай подписали Совместное заявление, приуроченное к двадцатилетию Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. 4 февраля 2022 года, в ходе визита Президента Российской Федерации в Китайскую Народную Республику было подписано Совместное заявление о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. Эти документы закрепили общее понимание сторонами ключевых принципов современного общественного устройства и геополитической обстановки в мире².

Важным итогом государственного визита председателя КНР Си Цзиньпина в Россию в марте 2023 г. стало принятие «Совместного заявления об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху», в котором стороны определили параметры своего дальнейшего сотрудничества на двустороннем треке и в международных делах³.

Институциональные основы научно-технического сотрудничества

В рамках российско-китайского сотрудничества 17 апреля 2006 года в Доме Народных Собраний в Пекине состоялось торжественное заседание, посвященное 55-й годовщине образования в КНР авиационной промышленности. Заместитель Премьера Госсовета КНР Цэн Пэйянь отметил, что «за 55 лет китайская авиационная промышленность из по существу «нулевой» сформировалась

в относительно совершенную научно-исследовательскую и промышленную систему»⁴.

В 2012 г. накануне саммита государств Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества во Владивостоке, президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что «наша страна исторически, географически – неотъемлемая часть АТР. Полный форматный выход на азиатско-тихоокеанское пространство рассматривается как залог успешного будущего развития России»⁵.

Особое место в российско-китайском сотрудничестве занимает энергетический сектор. 20 мая 2014 года РФ и КНР подписали Совместное заявление о новом этапе всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия⁶. Позднее между странами была заключена сделка по обеспечению доставки восточносибирского газа в Китай. Со стороны России сделка реализуется согласно действующей с 2007 г. государственной Программы создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газового снабжения. Создание единого экспортного газового канала является одним из важнейших приоритетов Восточной газовой программы, координатором которой является «Газпром». Согласно договору между «Газпромом» и «CNPC Газпром» продолжается строительство газотранспортной системы «Сила Сибири», по которому газ с месторождений в Восточной Сибири будет транспортироваться на внутренний российский рынок и экспорт в Китай⁷.

В мае 2020 г. «Газпром» начал проектирование газопровода через Монголию в Китай. По западносибирской нитке газопровода «Сила Сибири-2» и его монгольскому участку «Союз – Восток» планируется ежегодно поставлять в Китай около 50 млрд м³ газа. Помимо «восточного маршрута» и «западного маршрута» («Сила Сибири-2») рассматривался также третий маршрут транспортировки газа в Китай с Киринского и Южно-Киринского месторождений проекта «Сахалин-3».

Одним из наиболее значимых результатов реформирования газовой отрасли в Китайской Народной Республике стало поэтапное повышение внутренних цен на природный газ до уровня мировых рыночных показателей. Данная мера явилась ответом на обращения ведущих национальных нефтегазовых корпораций – PetroChina, Sinopec и China National Offshore Oil Corporation, которые аргументировали необходимость пересмотра ценовой политики ускоренным ростом внутреннего спроса на газ, а также высокой себестоимостью процессов разведки, добычи и транспортировки энергоресурса. Правительство КНР реализовало стратегию постепенного сближения внутренних цен на газ с мировыми, что сопровождалось комплексом параллельных решений, направленных на резкое снижение энергоёмкости национального хозяйства и минимизацию экологической нагрузки на промышленные предприятия. Принятие данных мер свидетельствует о выдвигании газовой

⁴ Цзинцзи жибао (Экономическая газета). – 2006. – С. 2.

⁵ Путин: Россия на саммите АТЭС продемонстрирует миру свои возможности // РИА Новости [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <https://ria.ru/20120905/743905430.html?ysclid=m9z95zbsg710240250>. – Дата обращения: 26.07.2025.

⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. – 20 мая 2014 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642> (дата обращения: 27.07.2025).

⁷ Путин назвал «сделкой века» совместный с Китаем газопровод «Сила Сибири» // РБК [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/64179cb89a79474d5f88da65>. – Дата обращения: 27.07.2025.

¹ Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. – М.: Институт Дальнего Востока РАН; ООО «Издательство МБА», 2020. – 496 с.

² Российско-китайский диалог: модель 2022 // Российский Совет по международным делам. – 2022. – № 78. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2022-Report78.pdf>. – Дата обращения: 26.07.2025.

³ Российско-китайский диалог: модель 2023 // Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2023. – № 87. – 88 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2023-Report87.pdf>. – Дата обращения: 26.07.2025.

промышленности в число стратегических приоритетов современной энергетической политики Китая, в рамках которой Российская Федерация занимает ключевые позиции как поставщик энергоресурсов и технологический партнёр.

Сопряжение инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) и стратегии развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) официально началось в 2015 году¹. Для стран Евразии Концепцией «Один пояс – Один путь» определены пять направлений сотрудничества:

1. Усиление политического согласования (обмен мнениями по стратегии и тактике экономического развития, координация государственных экономических стратегий и разработка совместных планов, мер по углублению региональной интеграции);
2. Активизация строительства дорожной сети (совершенствование трансграничной транспортной инфраструктуры с целью создания транспортной сети, соединяющей восточную, западную и южную Азию);
3. Усиление торговых связей (упрощение торговых процедур и режима инвестиций, повышение скорости и качества внешнеэкономических операций в регионе);
4. Реформа валютных потоков (переход к национальным валютам в обмене и расчетах в текущих и капитальных операциях);
5. Продвижение идей ОПОП среди населения (получение народной поддержки, активизация дружественных контактов народов, укрепление их взаимопонимания и дружбы).

Практическое сближение векторов развития двух разноформатных и разноуровневых участников должно осуществляться в рамках более масштабной идеи, определяющей общие ключевые цели и ориентиры. Такой идеей является проект Большого Евразийского партнерства (БЕП), экономической частью которого может стать сопряжение ЕАЭС ОПОП. Содержание Большого Евразийского партнерства во многом схоже с целями инициативы «Один пояс – Один путь» в сфере развития транспортной инфраструктуры, установления между странами преференциальных торгово-экономических режимов и стимулирования производственной кооперации.

В контексте сопряжения ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь» развитие электронной торговли является одним из ключевых направлений сотрудничества². Вопросы взаимодействия ЕАЭС и государств-членов с КНР в цифровой сфере определены Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами и КНР от 2018 года³. В частности, соглашением предполагается использовать потенциал взаимодействия в области цифровых технологий в целях развития таможенного со-

трудничества и упрощения торговли, реализации процедур защиты интеллектуальной собственности, развития электронной торговли, а также в рамках некоторых направлений отраслевого сотрудничества.

Заключение

Таким образом, двусторонние отношения России и Китая имеют глубокие исторические корни, что подтверждено многовековым сотрудничеством. Проблематика российско-китайских отношений не только наиболее актуальна, но и имеет значительную базу для перспективного развития. Анализ двусторонних отношений России и Китая имеет теоретическое и научно-практическое обоснование, что отражено в работах отечественных и зарубежных экспертов Ульяновой М., Бабанова Ю. и Wang J.

В статье мы рассмотрели вопросы истории формирования российско-китайских отношений в научно-технологической сфере, подчеркнули и обосновали значение этих отношений для устойчивого развития будущего стран. Тема российско-китайских отношений перспективна и имеет важное значение как для расширения экономического и научно-технологического сотрудничества, так и для повышения уровня кадровой подготовки молодых специалистов двух стран.

В статье проанализированы ключевые нормативно-правовые акты, институциональные механизмы и инструменты реализации двусторонних отношений в научно-технологической сфере, такие как межправительственные соглашения, реализация научно-технических проектов в приоритетных.

В рамках исследования получены следующие результаты: выявлены основные этапы и особенности развития сотрудничества, проанализированы проблемы координации и интеграции инновационных ресурсов, а также обозначены перспективные направления дальнейшего взаимодействия.

В заключении важно подчеркнуть, что статья имеет как теоретическое, так и практическое значение и будет полезна для специалистов в области международных отношений, научно-технического развития, образовательных программ, а также для научного сообщества, заинтересованного в дальнейшем развитии и укреплении российско-китайского научно-технологического сотрудничества.

Литература

1. Биография Чжоу Эньлая в хронологической последовательности 1949–1976. – Пекин: Документальное исследование кабинета ЦК КПК, 2010. – С. 320–353
2. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. 1 января – 3 сентября 1945 г.: Документы и материалы / ред.-сост. С. Майоров. – М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1947. – С. 458–471.
3. История научно-технического сотрудничества СССР и КНР (конец 40-х – начало 60-х годов XX века). Т. 1. – М.: Наука, 2008.
4. Кривоносов Ю.И. Советские специалисты в Китае (50-е годы XX века) // Российско-китайская международная конференция: история научно-технического сотрудничества СССР и КНР (конец 40-х – начало 60-х годов XX века). – М.: ИИЕТ РАН, 2008. – С. 112.
5. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. III. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1969. – С. 332.

¹ О китайской инициативе «Один пояс, один путь» // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767163/ (дата обращения: 20.07.2025).

² Сопряжение стратегии развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь»: аналитический доклад / Департамент макроэкономической политики. – Евразийская экономическая комиссия, 2021. – 77 с.

³ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны. – Астана, 2018. – 81 с. [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Текст%20русский%20\(EAEU%20alternate\)%20final.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Текст%20русский%20(EAEU%20alternate)%20final.pdf) (дата обращения: 20.07.2025).

6. О китайской инициативе «Один пояс, один путь» // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767163/ (дата обращения: 20.07.2025).
7. Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. – М.: Институт Дальнего Востока РАН; ООО «Издательство МБА», 2020. – 496 с.
8. Пань Гуанцзу // Китайская газета «Жэньминь жибао». – 20.01.1952.
9. Пань Гуанцзу // Китайская газета «Жэньминь жибао». – 1953
10. Путин назвал «сделкой века» совместный с Китаем газопровод «Сила Сибири» // РБК [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/64179cb89a79474d5f88da65>. – Дата обращения: 27.07.2025.
11. Путин: Россия на саммите АТЭС продемонстрирует миру свои возможности // РИА Новости [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <https://ria.ru/20120905/743905430.html?ysclid=m9z95zzbsg710240250>. – Дата обращения: 26.07.2025.
12. Райнхардт Р. От Мо-цзы до Дэн Сяопина: вехи становления китайской научной дипломатии // РСМД. – 2024. – Дата обращения: 26.07.2025.
13. Советские специалисты в Китае (1948–1960) / Шэнь Чжихуа; пер. с кит. А.А. Тагировой. – М.: Наука – Восточная литература, 2015. – 423 с.
14. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. – 20 мая 2014 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642> (дата обращения: 27.07.2025).
15. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны. – Астана, 2018. – 81 с. [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Текст%20русский%20\(ЕАЕУ%20alternate\)%20final.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Текст%20русский%20(ЕАЕУ%20alternate)%20final.pdf) (дата обращения: 20.07.2025).
16. Сопряжение стратегии развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь»: аналитический доклад / Департамент макроэкономической политики. – Евразийская экономическая комиссия, 2021. – 77 с.
17. Российско-китайский диалог: модель 2022 // Российский Совет по международным делам. – 2022. – № 78. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2022-Report78.pdf>. – Дата обращения: 26.07.2025.
18. Российско-китайский диалог: модель 2023 // Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2023. – № 87. – 88 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2023-Report87.pdf>. – Дата обращения: 26.07.2025.
19. Торкунов А.В., Байков А.А., Виноградов А.В. Азиатский поворот в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы. – М.: Аспект Пресс, 2022. – 256 с.
20. Ульянова М., Бабонов Ю. Современные формы и механизмы взаимодействия России и Китая в сфере научно-технического сотрудничества [Электронный ресурс]. – Российский совет по международным делам, 2023. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennye-formy-i-mekhanizmy-vzaimodeystviya-rossii-i-kitaya-v-sferenauchno-tekhnicheskogo-sotrud/>. – Дата обращения: 11.07.2025.
21. Цзинцзи жибао (Экономическая газета). – 2006. – С. 2.
22. Цзылун Е. Мао, ядерное оружие и Китайская революция. – М.: Наука, 2000. – С. 185–186.
23. Ши Чжэ. Рядом с историческим титаном. Мемуары Ши Чжэ. – Пекин, 1991. – С. 572–573.
24. Wang J. Sino-Russian Scientific and Technological Cooperation: Strategic Perspectives // Journal of Eurasian Studies. 2020.

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA: HISTORICAL EXPERIENCE AND KEY AREAS

Alborova M.B., Nikolaenko A.M.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Scientific and technological cooperation between Russia and China has become one of the key elements of bilateral relations, fostering the development of innovative potential. This study explores the main stages of interaction since the beginning of the 21st century, including the establishment of a legal and regulatory framework, institutional mechanisms, and the implementation of joint scientific and technical projects in priority fields such as nanotechnology, biomedicine, and aerospace. Particular attention is given to challenges related to the coordination of cooperation and the integration of innovative resources, as well as prospects for further development amid global competition and political-economic changes. Despite significant achievements, issues remain concerning legal regulation and effective coordination of joint projects. Using comparative analysis and examination of official documents, the evolution and current state of Russia-China scientific and technological cooperation were analyzed. The analysis of legal and institutional foundations is based on the study of intergovernmental agreements, protocols, working groups, as well as materials from joint research projects and international forums. The article identifies the main stages and characteristics of the formation of scientific and technological ties between the Russian Federation and the People's Republic of China, confirming the important role of joint scientific and technological projects, academic exchange programs, and scientific forums and congresses as catalysts for integrating the innovation ecosystems of both countries in the face of global challenges. Thus, the study demonstrates that Russia-China scientific and technical cooperation exhibits steady progress and is grounded in a solid legal framework and the integration of advanced scientific practices. The article will be useful for students, master's candidates, researchers, and scholars specializing in the study of Russian-Chinese relations.

Keywords: economic development, technological order, structural crisis, digitalization, bioengineering technologies, nanotechnology, management system, personnel policy.

References

1. Biography of Zhou Enlai in Chronological Order 1949–1976. – Beijing: Documentary Research of the CPC Central Committee Office, 2010. – Pp. 320–353.
2. Foreign Policy of the Soviet Union during the Great Patriotic War. Vol. III. January 1 – September 3, 1945: Documents and Materials / ed.-comp. S. Mayorov. – Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1947. – Pp. 458–471.
3. History of Scientific and Technical Cooperation between the USSR and the PRC (late 1940s – early 1960s). Vol. 1. – Moscow: Nauka, 2008.
4. Krivosov Yu.I. Soviet Specialists in China (1950s) // Russian-Chinese International Conference: History of Scientific and Technical Cooperation between the USSR and the PRC (late 1940s – early 1960s). – Moscow: ILET RAS, 2008. – P. 112.
5. Mao Zedong. Selected Works. Vol. III. – Beijing: Foreign Languages Press, 1969. – P. 332.

6. On the Chinese Initiative "One Belt, One Road" // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767163/ (accessed 20.07.2025).
7. Ostrovsky A.V. China Becomes an Economic Superpower. – Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the RAS; LLC "MBA Publishing House", 2020. – 496 p.
8. Pan Guangzu // Chinese newspaper "People's Daily". – 20 Jan. 1952.
9. Pan Guangzu // Chinese newspaper "People's Daily". – 1953.
10. Putin Called the Gazprom "Power of Siberia" Pipeline with China the "Deal of the Century" // RBC [Electronic resource]. – 2023. – Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/64179cb89a79474d5f88da65>. – Accessed: 27.07.2025.
11. Putin: Russia Will Demonstrate Its Capabilities at the APEC Summit // RIA Novosti [Electronic resource]. – 2012. – Available at: <https://ria.ru/20120905/743905430.html?ysclid=m9z95zzbsg710240250>. – Accessed: 26.07.2025.
12. Reinhardt R. From Mozi to Deng Xiaoping: Milestones in the Development of Chinese Scientific Diplomacy // Russian International Affairs Council. – 2024. – Accessed: 26.07.2025.
13. Soviet Specialists in China (1948–1960) / Shen Zhihua; translated from Chinese by A.A. Tagirova. – Moscow: Nauka – Eastern Literature, 2015. – 423 p.
14. Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on a New Stage of Comprehensive Partnership and Strategic Interaction. – 20 May 2014. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642> (accessed 27.07.2025).
15. Agreement on Trade and Economic Cooperation between the Eurasian Economic Union and its Member States, on the One Part, and the People's Republic of China, on the Other. – Astana, 2018. – 81 p. [Electronic resource]. – URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Текст%20русский%20\(EAEU%20alternate\)%20final.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Текст%20русский%20(EAEU%20alternate)%20final.pdf) (accessed 20.07.2025).
16. Coordination of the EAEU Development Strategy and the Chinese Initiative "One Belt, One Road": Analytical Report / Department of Macroeconomic Policy. – Eurasian Economic Commission, 2021. – 77 p.
17. Russia-China Dialogue: Model 2022 // Russian International Affairs Council. – 2022. – No. 78 [Electronic resource]. – Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2022-Report78.pdf>. – Accessed: 26.07.2025.
18. Russia-China Dialogue: Model 2023 // Russian International Affairs Council (RIAC). – Moscow: NP RIAC, 2023. – No. 87. – 88 p. [Electronic resource]. – Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2023-Report87.pdf>. – Accessed: 26.07.2025.
19. Torkunov A.V., Baikov A.A., Vinogradov A.V. Asian Turn in Russian Foreign Policy: Achievements, Problems, Prospects. – Moscow: Aspect Press, 2022. – 256 p.
20. Ulyanova M., Babonov Yu. Modern Forms and Mechanisms of Interaction between Russia and China in the Field of Scientific and Technical Cooperation [Electronic resource]. – Russian International Affairs Council, 2023. – Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennye-formy-i-mekhanizmy-vzaimodeystviya-rossii-i-kitaya-v-sfere-nauchno-tehnicheskogo-sotrud/>. – Accessed: 11.07.2025.
21. Jingji Ribao (Economic Newspaper). – 2006. – P. 2.
22. Tsyllun E. Mao, Nuclear Weapons, and the Chinese Revolution. – Moscow: Nauka, 2000. – Pp. 185–186.
23. Shi Zhe. Beside the Historical Titan. Memoirs of Shi Zhe. – Beijing, 1991. – Pp. 572–573.
24. Wang J. Sino-Russian Scientific and Technological Cooperation: Strategic Perspectives // Journal of Eurasian Studies. 2020.

Влияние выхода США из международных организаций на арабо-израильский конфликт

Арсланов Рияд Ревленович,

аспирант кафедры дипломатии, МГИМО МИД России

E-mail: arslanov-riyad@ya.ru

Статья посвящена изучению политики США по выходу из международных организаций при втором президентстве Дональда Трампа и ее влияния на процесс разрешения арабо-израильского конфликта. Проблема выхода США из международных организаций практически не рассматривалась в ракурсе влияния такой политики на состояние арабо-израильского конфликта. Это позволяет настоящему исследованию приобрести достаточный уровень научной новизны. *Результаты.* В статье рассмотрены объявленные в 2025 году Вашингтоном решения о выходе из БАПОР, СПЧ ООН, ЮНЕСКО и ВОЗ в контексте воздействия этих решений на ближневосточное урегулирование.

Выводы. Делается вывод о том, что широкие социальные и политические последствия текущего внешнеполитического курса американской администрации отрицательно сказываются на процессе достижения мира на Ближнем Востоке. Во всех случаях выхода США из рассматриваемых организаций прослеживаются схожие мотивы: США критикуют эти организации не только за несоответствие между большими взносами, которые страна вносит в них, и их реальной эффективностью, но и за антиизраильский контекст их политики. При этом выход США из этих организаций негативно отражается на процессе достижения мира на Ближнем Востоке, поскольку он влечет за собой усиление рисков гуманитарных катастроф в регионе, создание условий для практически неограниченной военной экспансии Израиля и ограничение возможностей самих США выступать деятельным участником мирного процесса.

Ключевые слова: США, Дональд Трамп, международные организации, арабо-израильский конфликт.

Введение

Первый срок администрации Дональда Трампа охарактеризовался множеством различных неоднозначных решений, среди которых одними из наиболее резонансных стали решения о выходе из широкого ряда различных международных соглашений и организаций. В период президентства Джо Байдена членство и участие в большинстве из документов и объединений, которые США покинули при его предшественнике, было восстановлено. Тем не менее возвращение в 2025 году Д. Трампа в президентское кресло уже привело к возобновлению старой политики по прекращению участия в тех международных договоренностях, которые текущий президент по разным основаниям считает вредящими интересам США.

Подобная политика влечет за собой самые разнообразные последствия для различных сфер международных отношений. Текущая политика Д. Трампа по выходу из международных организаций отражается и на возможностях разрешения арабо-израильского конфликта. Изучению влияния на арабо-израильский конфликт современных решений Д. Трампа в отношении членства США в международных организациях посвящено настоящее исследование.

Материалы и методы

Данный вопрос остается практически неизученным ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе. В общем виде проблемы и последствия выхода США из международных организаций в период первого президентства Д. Трампа получили свое освещение в научной литературе, как и уже начали получать внимание эти вопросы во время второго президентского срока американского лидера. В частности, указанной проблематике посвящены работы таких авторов, как И. фон Боржисковски и Ф. Вабулас [17], М. Молана и Н. Юлианторо [16], Г. Ями и Б. Титанджи [19] и других. В то же время, проблема выхода США из международных организаций практически не рассматривалась в ракурсе влияния такой политики на состояние арабо-израильского конфликта. Это, с одной стороны, создает определенные ограничения, связанные с ограниченностью источников информации, а с другой – позволяет настоящему исследованию приобрести достаточный уровень научной новизны.

Результаты

С момента начала нового президентского срока Д. Трампа 20 января 2025 года США уже успели заявить о выходе из ряда международных организаций. В контексте разрешения арабо-израильского конфликта в первую очередь существенную роль играет выход из Ближневосточного агентства для помощи палестинским беженцам (БАПОР).

БАПОР было образовано на основании Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 302 (IV) от 8 декабря 1949 года [10] сразу же после Арабо-израильской войны 1947–1949 годов, послужившей отсчетной точкой для начала современного арабо-израильского конфликта. Серия арабо-израильских конфликтов привела к боль-

шому числу беженцев. БАПОР взяло на себя функции по различного рода поддержке палестинских беженцев, а также их потомков. Продолжающиеся войны и столкновения на Ближнем Востоке постепенно усугубляли проблему беженцев, что в конечном итоге стало основанием для существенного расширения мандата данной организации.

В настоящее время БАПОР оказывает помощь почти 6 млн человек во всем мире [18]. Во всех лагерях, где размещаются палестинские беженцы, есть представительства данной организации. От организации беженцы получают продовольствие, одежду, медицинские услуги, социальную поддержку, содействие в получении образования, жилья и работы, помощь в иных ситуациях. Деятельность БАПОР нередко сопряжена с высоким риском, поскольку ее сотрудникам и волонтерам приходится работать в различных горячих точках, включая лагеря беженцев на Ближнем Востоке, однако это никогда не приводило к приостановке деятельности организации. Альтернативы БАПОР в сфере поддержки палестинских беженцев к настоящему моменту не существует.

Традиционно США являлись основным спонсором данной организации. Так, в 2023 году США направили в адрес БАПОР 422 млн долларов, или 42% от всех средств, полученных организацией в том году [14]. Следует заметить, что в ходе своего первого президентства Д. Трамп уже прекращал оказывать помощь данной организации. Это, в частности, привело к структурным перестройкам в бюджете организации: доля США была распределена между десятками других стран и международных организаций, что, однако, позволило компенсировать только половину от утраченной доли [14]. Проблема финансирования БАПОР была решена при Д. Байдене, который восстановил участие США в данной организации.

Новая кризисная ситуация создавалась в конце октября 2024 года, когда на фоне продолжающейся Войны в секторе Газа, начавшейся годом ранее, Израиль заявил о том, что деятельность БАПОР на его территории должна быть прекращена на основании обвинений в том, что боевики Исламского движения сопротивления (ХАМАС) могли проникнуть на территорию страны с помощью данной организации. Израиль призвал не считать это отказом от сотрудничества в сфере гуманитарной помощи, в том числе по линии ООН, на основании резолютивных документов которой и существует рассматриваемая организация, однако отметил, что любое такое сотрудничество не должно создавать угроз национальной безопасности страны [5]. Нельзя сказать, что опасения Израиля были обосновательными, поскольку проведенные внутри организации расследования подтвердили факты нарушения некоторыми сотрудниками мандата БАПОР, однако в отношении них были приняты соответствующие меры, а в самой организации контроль за сотрудниками был существенно ужесточен, что фактически восстановило ее кредит доверия. Это, тем не менее, не привело к отмене решения Израиля по запрету работы БАПОР на своей территории.

Подобное решение может стать источником гуманитарной катастрофы. К началу 2025 года БАПОР оказывало 60% всей гуманитарной помощи в секторе Газа [2], причем потребность в этой помощи стала только возрастать в начале 2025 года, когда сотни тысяч палестинских беженцев стали возвращаться в свои дома после заключения перемирия 15 января того же года [15]. Еще больше ситуация ухудшилась на фоне провала этого соглашения в середине марта, когда Израиль вновь начал проводить военную операцию в секторе Газа. Около 2,5 млн беженцев, находящихся в настоящий момент

на территории Палестины, оказываются перед лицом серьезных рисков, связанных с запретом на работу БАПОР, включая массовый голод [13].

Когда велось внутреннее расследование БАПОР и международное доверие к этой организации подвергалось испытаниям, многие страны, включая союзников США, приостанавливали финансирование данной организации, однако возобновили его после завершения расследования и принятия удовлетворительных мер, а также обратились к Израилю с призывом не отказываться от помощи Ближневосточного агентства. Сторонниками содействия БАПОР были и сами США в период президентства Д. Байдена.

Сильно курс Вашингтона сменился при Д. Трампе. Новый президент заявил о выходе из данной организации. Причины этому были разнообразными – от внутренних до внешних. Среди основных внутривластных причин Д. Трамп критикует то, что США платят непропорционально большие взносы в данную организацию. Критерием непропорциональности выступает то, что, по мнению американского лидера, БАПОР не демонстрирует ожидаемых результатов. Основная внешнеполитическая причина заключается в продолжении курса Д. Трампа на всестороннюю поддержку Израиля, что он уже открыто демонстрировал в ходе своего первого президентского срока, когда признал Голанские высоты частью Израиля, перенес посольство США в Израиле в Иерусалим, фактически заявляя о том, что считает этот город израильской столицей, и т.д. [8]. На примере выхода из БАПОР в 2025 году Д. Трамп показывает преемственность старому курсу. В частности, он разделяет мнение Израиля о том, что работа данной организации способствует распространению террористической угрозы со стороны ХАМАС [13].

Также в новом курсе американской администрации принято решение о выходе из Совета ООН по правам человека (СПЧ ООН), из которого страна уже выходила в первый срок Д. Трампа. Тогда одной из основных причин выхода послужили обвинения в адрес СПЧ о том, что данная организация, по мнению Вашингтона, относится к Израилю небеспристрастно, а также оказывает поддержку тем государствам, которые нарушают права человека. По сути, это было синонимично с риторикой Израиля, который раскритиковал СПЧ за призывы к расследованию действий страны в период разгона палестинской демонстрации «Великий марш возвращения», организованной ХАМАС в 2018 году [9]. Для разгона этой демонстрации, состоявшей из десятков тысяч палестинцев, были использованы силовые средства, что привело к гибели части демонстрантов. Израиль же заявил, что не считает свои действия неправомерными или непропорциональными, поскольку все предпринятые им решения были направлены на обеспечение правопорядка и национальной безопасности, включая недопущение усугубления ситуации, при котором могла развиваться преступная и террористическая активность [4].

Сегодня вновь между СПЧ и американо-израильским тандемом возникают противоречия. Д. Трамп, объявляя о выходе из СПЧ, заявил, что ООН, в учреждении которой США играли одну из центральных ролей, создавалась как организация для поддержания международного мира и безопасности, в то время как в настоящее время американская администрация не видит исполнения этой миссии со стороны организации, поскольку она, по мнению трампистов, пропагандирует антисемитизм и совершает действия против союзников США, в то время как «настоящие» нарушители прав человека, напротив, получают поддержку от ее специализированных организаций, таких как СПЧ [1].

Вслед за США о выходе из СПЧ заявили и в Израиле. Израильские официальные лица назвали свою страну единственной демократией на Ближнем Востоке, критикуя организацию за помощь своим врагам и очернение Израиля. Израиль счел актом недружественного отношения к себе то обстоятельство, что на повестке дня СПЧ только ему посвящено отдельное обсуждение, а среди осуждающих резолюций, принятых данной организацией, на Израиль пришлось пятая часть всех документов – больше, чем у таких, находящихся в сложном международном положении государств, как Иран, Куба, КНДР и Венесуэла [12].

Д. Трамп также заявил о выходе из Организации ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), из которой, как и в предыдущем случае, страна уже выходила в первый президентский срок текущего американского лидера. Опять же, на решении Д. Трампа в тот период сказались как причины экономического характера (в частности, высокая задолженность данной организации, а также необходимость проведения реформ для повышения ее эффективности), так и особенности внешнеполитического курса администрации 2017–2021 годов. Последнее было, как и в других случаях, связано с обвинениями в антиизраильском и антисемитском уклоне организации, основанными на критике не удовлетворяющих интересам Израиля резолюций ЮНЕСКО [11].

Стоит отметить, что израильский вопрос неоднократно был причиной осложнения отношений между данной организацией и Вашингтоном. Так, в 1984–2003 годах приостановка членства США в ЮНЕСКО была вызвана как критикой в адрес нерационального расходования средств данной организацией, так и усилением разногласий по вопросам израильско-палестинских отношений [11]. В 2011 году, когда Палестину приняли в состав организации, США приостанавливали ее финансирование (на тот момент на американские взносы приходилось 22% бюджета ЮНЕСКО [6]). Сам Израиль из-за упомянутых выше резолюций ЮНЕСКО покинул данную организацию еще в 2018 году. В настоящее время США также заявили о выходе из организации по старым причинам – из-за внутренних структурных проблем организации и ее антиизраильской политики [6].

Наконец, США вышли из Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Из этой организации Д. Трамп тоже намеревался выйти в свой первый президентский срок (обвинениями тогда послужили неэффективность организации при реакции на пандемию COVID-19, а также чрезмерная зависимость ВОЗ от соперника США на мировой арене – Китая), однако его решение не успело вступить в силу до того, как он передал президентские полномочия Д. Байдену. Вернувшись к управлению страной, Д. Трамп возобновил свой курс на прекращение членства в ВОЗ. Весьма неудивительным можно считать и то, что вслед за США в Израиле тоже начали обсуждать идею выхода из рассматриваемой организации [7].

Современный выход США из ВОЗ тоже имеет большие последствия для арабо-израильского конфликта, поскольку, как и БАПОР, данная организация занимается активной гуманитарной деятельностью на Ближнем Востоке, включая предоставление медицинской помощи гражданскому населению и поставки критически важных медицинских материалов и инструментов [3].

Выводы

В целом, можно наблюдать продолжение внешнеполитического курса, который Д. Трамп начал в свой пер-

вый президентский срок и который был в значительной степени свернут в период администрации Д. Байдена. Вернувшись к исполнению президентских полномочий, новый американский лидер возобновляет процесс выхода из различных международных организаций, причем можно заметить, как причинами таких решений выступают как причины экономического характера, связанные недовольством Д. Трампа тем, что США платят слишком большие взносы в эти организации, но не получают от них желаемого результата, так и с произраильским курсом внешней политики текущего американского президента, не допускающим, чтобы какие-либо организации действовали вопреки интересам Израиля.

США при этом не принимают во внимание широкий ряд негативных последствий, которые следуют за их выходом из перечисленных выше международных организаций. Во-первых, все указанные организации играют важную роль в содействии стабильности на Ближнем Востоке. Особенно опасными могут стать социальные катастрофы, которые могут произойти, если деятельность этих организаций будет ограничена или свернута по причине сокращения финансирования со стороны США, являющихся крупнейшим донором во всех данных организациях, или по причине прямого запрета на их деятельность, как это происходит с БАПОР.

Во-вторых, Вашингтон фактически обеспечивает неограниченную свободу действий Израилю, снижая объем международных обязательств, которыми были связаны США и Израиль, будучи членами отдельных международных организаций. С учетом того, насколько усилилась военная активность Израиля в последние несколько лет, это провоцирует сохранение нестабильности на Ближнем Востоке в ее наиболее острой фазе.

Наконец, сокращая объем доступных платформ для осуществления мирных процессов, переговоров и иной дипломатической деятельности, США сами ограничивают свой потенциал для участия в мирном урегулировании арабо-израильских противоречий. Все это отрицательно сказывается на процессе достижения мира на Ближнем Востоке.

Литература

1. Анисимова Н. Трамп вывел США из Совета ООН по правам человека // РБК, 04.02.2025. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/04/02/2025/67a2733a9a7947e06f8d0ab3>
2. Арслан М.И., Кескин О. ООН: запрет БАПОР со стороны Израиля может поставить под угрозу будущее соглашений по Газе // Anadolu Ajansi, 31.01.2025. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/оон-запрет-бапор-со-стороны-израиля-может-поставить-под-угрозу-будущее-соглашений-по-газе/3468088>
3. Ближний Восток: ООН поддерживает систему здравоохранения и оказывает гуманитарную помощь // Новости ООН, 11.11.2024. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458216>
4. В Газе 16 палестинцев пострадали в столкновениях с израильской армией // РИА Новости, 08.03.2019. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190308/1551650249.html>
5. В Израиле вступил в силу закон о прекращении деятельности БАПОР // ТАСС, 30.01.2025. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23010173>
6. Как США участвовали в деятельности ЮНЕСКО // ТАСС, 22.07.2025. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/24578925>

7. Кнессет Израиля вслед за США задумался над выходом из ВОЗ // Вестник Кавказа, 09.03.2025. – Режим доступа: <https://vestikavkaza.ru/news/knesset-izraila-vsled-za-ssa-zadumalsa-nad-vyhomom-iz-voz.html>
8. Мاستи А.Е., Лямзин А.В. Американо-израильские отношения во время президентства Дональда Трампа // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 234–242.
9. Нетаньяху обвинил Совет ООН по правам человека в предвзятости и отверг его решения по Газе // ТАСС, 18.05.2018. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5214540>
10. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 302 (IV) от 08.12.1949 «Помощь палестинским беженцам». – Режим доступа: [https://docs.un.org/ru/A/RES/302\(IV\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/302(IV))
11. Решение США о выходе из ЮНЕСКО вступило в силу // ТАСС, 31.12.2018. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5967509>
12. США и Израиль заявили о выходе из Совета ООН по правам человека // Gundogar, 07.02.2025. – Режим доступа: <https://gundogar.media/ssha-i-izrail-zayavili-o-vyixode-iz-soveta-oon-po-pravam-cheloveka/>
13. Чопур Х., Амоева У. Трамп подписал указ о выходе США из Совета ООН по правам человека и БАПОР // Anadolu Ajansı, 05.02.2025. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/трамп-подписал-указ-о-выходе-сша-из-совета-оон-по-правам-человека-и-бапор/3472121>
14. Что известно о БАПОР // ТАСС, 05.02.2025. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/22257865>
15. Hostage-Ceasefire Agreement between Israel and Hamas. – Режим доступа: <https://www.timesofisrael.com/full-text-of-the-hostage-ceasefire-agreement-reached-between-israel-and-hamas/>
16. Maulana M.A., Yuliantoro N.R. Donald Trump's Foreign Policy: Withdrawal from International Regimes and Organizations // *Intermestic: Journal of International Studies*. – 2024. – Vol. 8. – № 2. – P. 527–552.
17. von Borzyskowski I., Vabulas F. Public Support for Withdrawal from International Organizations: Experimental Evidence from the US // *Review of International Organizations*. – 2024. – Vol. 19. – № 4. – P. 809–845.
18. Who we are // United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East (UNRWA). – Режим доступа: <https://www.unrwa.org/who-we-are>
19. Yamey G., Titanji B.K. Withdrawal of the United States from the WHO – How President Trump Is Weakening Public Health // *The New England Journal of Medicine*. – 2025. – Vol. 392. – № 15. – P. 1457–1460.

THE IMPACT OF THE US WITHDRAWAL FROM INTERNATIONAL ORGANIZATIONS ON THE ARAB-ISRAELI CONFLICT

Arslanov R.R.
MGIMO University

This article is devoted to the study of the US policy of withdrawal from international organizations during the second presidency of Donald Trump and its impact on the process of resolving the Arab-Israeli conflict. The problem of the US withdrawal from international organizations has practically not been considered in the context of the impact of such a policy on the state of the Arab-Israeli conflict. This allows this study to acquire a sufficient level of scientific novelty.

Results. This article examines the decisions announced by Washington in 2025 to withdraw from UNRWA, the UN Human Rights

Council, UNESCO and WHO in the context of the impact of these decisions on the Middle East settlement.

Conclusions. It is concluded that the broad social and political consequences of the current foreign policy of the American administration have a negative impact on the process of achieving peace in the Middle East. In all cases of US withdrawal from the organizations in question, similar motives can be traced: the United States criticizes these organizations not only for the discrepancy between the large contributions that the country makes to them and their real effectiveness, but also for the anti-Israeli context of their policies. At the same time, the US withdrawal from these organizations has a negative impact on the process of achieving peace in the Middle East, since it entails an increase in the risks of humanitarian disasters in the region, the creation of conditions for Israel's virtually unlimited military expansion, and the abridgement of the US's own ability to serve as an active participant in the peace process.

Keywords: USA, Donald Trump, international organizations, Arab-Israeli conflict.

References

1. Anisimova N. Trump Withdraws the U.S. from the UN Human Rights Council // RBC, 04.02.2025. – Access mode: <https://www.rbc.ru/politics/04/02/2025/67a2733a9a7947e06f8d0ab3>
2. Arslan M.I., Keskin O. UN: Israel's Ban on UNRWA Could Jeopardize Future Gaza Agreements // Anadolu Ajansı, 31.01.2025. – Access mode: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/оон-запрет-бапор-со-стороны-израиля-может-поставить-под-угрозу-будущее-соглашений-по-газе/3468088>
3. Middle East: UN Supports the Health System and Provides Humanitarian Assistance // UN News, 11.11.2024. – Access mode: <https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458216>
4. In Gaza, 16 Palestinians Injured in Clashes with Israeli Army // RIA Novosti, 08.03.2019. – Access mode: <https://ria.ru/20190308/1551650249.html>
5. Israel Enacts Law Terminating UNRWA Activities // TASS, 30.01.2025. – Access mode: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23010173>
6. How the U.S. Participated in UNESCO Activities // TASS, 22.07.2025. – Access mode: <https://tass.ru/info/24578925>
7. Israeli Knesset, Following the U.S., Considers Withdrawal from WHO // Vestnik Kavkaza, 09.03.2025. – Access mode: <https://vestikavkaza.ru/news/knesset-izraila-vsled-za-ssa-zadumalsa-nad-vyhomom-iz-voz.html>
8. Masti A.E., Lyamzin A.V. U.S. – Israeli Relations during Donald Trump's Presidency // *Bulletin of Mari State University. Series "Historical and Legal Sciences"*. – 2020. – Vol. 6. – № 3. – P. 234–242.
9. Netanyahu Accuses UN Human Rights Council of Bias and Rejects Its Decisions on Gaza // TASS, 18.05.2018. – Access mode: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5214540>
10. UN General Assembly Resolution 302 (IV) of 08.12.1949 "Assistance to Palestinian Refugees". – Access mode: [https://docs.un.org/ru/A/RES/302\(IV\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/302(IV))
11. U.S. Withdrawal from UNESCO Comes into Force // TASS, 31.12.2018. – Access mode: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5967509>
12. U.S. and Israel Announce Withdrawal from UN Human Rights Council // Gundogar, 07.02.2025. – Access mode: <https://gundogar.media/ssha-i-izrail-zayavili-o-vyixode-iz-soveta-oon-po-pravam-cheloveka/>
13. Chopur Kh., Amoeva U. Trump Signs Decree on U.S. Withdrawal from the UN Human Rights Council and UNRWA // Anadolu Ajansı, 05.02.2025. – Access mode: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/трамп-подписал-указ-о-выходе-сша-из-совета-оон-по-правам-человека-и-бапор/3472121>
14. What Is Known about UNRWA // TASS, 05.02.2025. – Access mode: <https://tass.ru/info/22257865>
15. Hostage-Ceasefire Agreement between Israel and Hamas. – Access mode: <https://www.timesofisrael.com/full-text-of-the-hostage-ceasefire-agreement-reached-between-israel-and-hamas/>
16. Maulana M.A., Yuliantoro N.R. Donald Trump's Foreign Policy: Withdrawal from International Regimes and Organizations // *Intermestic: Journal of International Studies*. – 2024. – Vol. 8. – № 2. – P. 527–552.

17. von Borzyskowski I., Vabulas F. Public Support for Withdrawal from International Organizations: Experimental Evidence from the U.S. // Review of International Organizations. – 2024. – Vol. 19. – № . 4. – P. 809–845.
18. Who We Are // United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East (UNRWA). – Access mode: <https://www.unrwa.org/who-we-are>
19. Yamey G., Titanji B.K. Withdrawal of the United States from the WHO – How President Trump Is Weakening Public Health // The New England Journal of Medicine. – 2025. – Vol. 392. – № . 15. – P. 1457–1460.

БРИКС в эпоху гибридных угроз: кибербезопасность как залог глобальной стабильности

Блонский Артем Игоревич,
магистрант Дипломатической академии МИД России

В статье рассмотрена роль объединения БРИКС в условиях современных гибридных угроз, которые сочетают традиционные методы конфронтации с цифровыми технологиями, включая кибератаки, дезинформационные кампании и экономическое давление. Актуальность темы обусловлена растущей зависимостью мировой экономики и политики от цифровых инфраструктур, уязвимых перед сложными трансграничными угрозами. Особое внимание уделяется вопросам сотрудничества стран БРИКС в сфере кибербезопасности, анализируются институциональные механизмы взаимодействия, такие как Рабочая группа по безопасности в сфере ИКТ и совместные инициативы в области цифровизации. Рассматриваются ключевые вызовы, включая атаки на критическую инфраструктуру, киберпреступность и технологическую зависимость от западных платформ. Подчеркивается необходимость выработки единых стандартов кибербезопасности, создания альтернативных серверов и облачных решений, а также укрепления кадрового потенциала через образовательные программы. Особый интерес представляет анализ баланса между цифровым суверенитетом и многосторонним сотрудничеством, который страны БРИКС пытаются достичь в условиях геополитической конкуренции. На основе данных о росте киберпреступности и примерах атак на объекты здравоохранения и энергетики делается вывод о необходимости перехода от реактивных мер к стратегическому планированию, включая создание Совета по цифровой безопасности и фонда кибербезопасности в рамках Нового банка развития БРИКС. В заключении оцениваются перспективы группы в формировании справедливого цифрового порядка и преодолении внутренних разногласий для обеспечения глобальной стабильности.

Ключевые слова: БРИКС, киберпространство, кибербезопасность, кибератаки, критическая инфраструктура, цифровизация, технологии, гибридные угрозы, многостороннее сотрудничество, инновации.

Актуальность статьи обусловлена тем, что современный мир, глубоко интегрированный в цифровое пространство, подвержен новым и сложным угрозам. Гибридные атаки, включающие киберпространство, информационные манипуляции и экономическое воздействие, представляют серьезную опасность для стабильности. В этих условиях ключевые игроки мировой экономики и политики должны адаптировать свои подходы к обеспечению безопасности, поскольку традиционное разделение на мирное и военное время становится все менее четким. Международное сотрудничество стран БРИКС в сфере кибербезопасности становится критически важным, формируя новую парадигму отношений, основанную на технологическом суверенитете и общей ответственности.

Развитие компьютерных технологий и широкое распространение интернета привели к возникновению новой области знаний – кибербезопасности. С увеличением объема информации, хранящейся в цифровом формате, необходимость в защите данных стала неотъемлемой частью функционирования государственных структур, бизнеса и личной жизни. Кибербезопасность охватывает широкий спектр задач: от защиты информации в государственных и корпоративных системах до обеспечения безопасности мобильных устройств и личных аккаунтов. В эту сферу входят различные аспекты, такие как защита сетевой инфраструктуры, безопасность программного обеспечения, разработка стратегий для восстановления после инцидентов и обучение пользователей основам безопасного поведения в сети.

На прошедшей в сентябре 2024 года сессии «Цифровой суверенитет и безопасность граждан: правовые модели» Восточного экономического форума было отмечено, что ущерб от IT-преступлений вырос с 91 млрд руб. в 2022 г. до 156 млрд руб. в 2023 г. Заместитель начальника следственного департамента МВД РФ Данил Филиппов Данил Филиппов сообщил, что в период с 2022 г. по август 2024 г. совершено более 1,5 млн IT-преступлений, и отметил две особенности IT-преступлений, которые создают угрозу правовому и цифровому суверенитету РФ: это трансграничность и анонимность: «Если трансграничность обеспечивается развитием информационных технологий, то анонимность – вследствие нарушения действующего законодательства или его несовершенства. Поэтому наша задача – блокировать акторов внутри нашей страны, используя которые, дистанционные мошенники создают анонимность, впоследствии выводят денежные средства из юрисдикции России, то есть за рубеж». В современном мире, где границы между физическим и цифровым пространством стираются, гибридные угрозы становятся все более распространенными и изощренными. Они сочетают в себе традиционные методы ведения войны с новейшими технологиями, включая кибератаки, дезинформацию и экономическое давление. В этой сложной обстановке роль объединения БРИКС, включающего в том числе и Россию, приобретает особое значение.

Стремление стран БРИКС к сотрудничеству в области кибербезопасности впервые получило институциональ-

ное оформление в 2013 году с принятием Декларации и Плана действий по итогам саммита в Дурбане (ЮАР). В документе подчёркивалась необходимость «содействия созданию мирного, безопасного и открытого киберпространства» и разработки «универсально принятых норм, стандартов и практик». Этот момент стал отправной точкой для формирования стратегической повестки группы в цифровой сфере.

Сотрудничество стран БРИКС в данной области интенсифицировалось после 2015 года. На VII саммите в Уфе (была учреждена Рабочая группа экспертов по безопасности в сфере ИКТ, задача которой включала «развитие практического взаимодействия для противодействия общим вызовам»). Параллельно министры связи подписали Меморандум о сотрудничестве в науке, технологиях и инновациях, что привело к запуску ключевых инициатив: Цифровое партнёрство БРИКС, Партнёрство по новой промышленной революции (PartNIR), Сеть инноваций iBRICS и Институт сетей будущего БРИКС. Эти проекты, сочетающие политические, технологические и исследовательские компоненты, заложили основу для многоуровневого взаимодействия.

12 сентября 2024 года на встрече с представителями государств БРИКС, курирующими вопросы безопасности, Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил: «Среди конкретных результатов совместной работы государств БРИКС отмечу создание специального электронного реестра для обмена данными о компьютерных атаках и инцидентах. На завершающей стадии находится согласование решения об учреждении в БРИКС совета по вопросам финансирования терроризма и отмывания денег». Подход БРИКС к регулированию киберпространства отличается сочетанием нормативных и развивающих методов. В отличие от традиционных моделей, фокусирующихся исключительно на создании правовых норм, страны БРИКС акцентируют инвестиции в НИОКР и технологическую автономию. Такой синтез позволяет не только формулировать общие принципы (через ежегодные декларации), но и реализовывать их через конкретные инструменты – от стандартизации до совместных исследований. Это подчёркивает, что эффективное регулирование в цифровую эпоху требует не только нормотворчества, но и создания инфраструктурных и научных основ.

Особенностью подхода БРИКС является баланс между суверенитетом и кооперацией, что проявляется в согласовании общих правил при сохранении национальных прерогатив в регулировании контента. Технологическая синергия, выражающаяся в объединении ресурсов для снижения зависимости от западных платформ, дополняется прагматизмом – акцентом на проектах с немедленной практической отдачей, такими как киберполигоны и образовательные программы. Данная модель, хотя и сталкивается с вызовами из-за различий между участниками, демонстрирует потенциал для формирования альтернативной системы управления киберпространством.

Стоит отметить, что рост гибридных угроз напрямую связан с цифровизацией критической инфраструктуры. Если в начале 2010-х годов кибератаки носили преимущественно точечный характер, то к 2023 году они превратились в системный риск.

Секторы энергетики, здравоохранения и транспорта стали основными мишенями для злоумышленников, использующих сложные методы социальной инженерии и искусственного интеллекта. Например, в 2023 году хакеры заблокировали информационно-коммуникационные системы нескольких больниц в Дели, что привело к сбоям в оказании медицинской помо-

щи. Подобные операции демонстрируют, что гибридные угрозы нацелены не только на физическую инфраструктуру, но и на социальную ткань общества, подрывая доверие граждан к государственным институтам.

БРИКС, как платформа для сотрудничества между странами с развивающимися экономиками, обладает уникальным потенциалом для укрепления глобальной стабильности, особенно в сфере кибербезопасности. Это обусловлено следующими факторами:

1. Общая уязвимость.

Все страны БРИКС, несмотря на свои различия, сталкиваются с аналогичными вызовами в киберпространстве. Они подвержены атакам на критическую инфраструктуру, краже интеллектуальной собственности, распространению дезинформации и другим видам киберпреступности.

2. Экономический рост и цифровизация.

Активное развитие цифровой экономики в странах БРИКС делает их все более зависимыми от стабильной и безопасной киберсреды. Нарушение этой стабильности может серьезно подорвать экономический рост и социальное благополучие.

3. Геополитическое влияние.

БРИКС стремится к более справедливому и многополярному миропорядку. Укрепление сотрудничества в сфере кибербезопасности позволяет странам БРИКС противостоять доминированию отдельных государств в этой области и продвигать собственные интересы.

Эффективное противодействие гибридным угрозам требует от БРИКС перехода от реактивных мер к стратегическому планированию. Первым шагом могло бы стать создание Совета по цифровой безопасности, наделённого мандатом на разработку «правил игры» в киберпространстве. Например, введение «красных линий», запрещающих атаки на объекты жизнеобеспечения – энергосети, больницы, системы водоснабжения. Многосторонний формат БРИКС позволил бы учесть интересы развивающихся стран, которые традиционно исключены из диалога «Запад vs. Восток». Вторым приоритетом должна стать технологическая независимость. Развёртывание собственных DNS-серверов и облачных платформ, альтернативных западным аналогам, снизило бы риски внешнего давления.

Экономический аспект сотрудничества не менее важен. Новый банк развития БРИКС мог бы учредить целевой фонд кибербезопасности для модернизации систем защиты в странах-участницах. Финансирование страхования киберрисков для малого бизнеса, особенно в Африке и Латинской Америке, помогло бы снизить уязвимость экономик, которые становятся лёгкой мишенью для хакеров. Однако ключевым элементом должна стать «мягкая сила» – продвижение образовательных инициатив. Страны БРИКС могли бы создать платформу для подготовки специалистов по цифровой криминалистике и управлению киберкризисами, что позволило бы укрепить кадровый потенциал. Образовательные программы могли бы включать обмен лучшими практиками: например, опыт Китая в создании систем защиты данных или российские наработки в области противодействия дезинформации. Подобные инициативы позволили бы сократить разрыв между теоретическими знаниями и практическими навыками, что особенно актуально для развивающихся стран, где отмечается нехватка квалифицированных кадров.

Перспективы сотрудничества БРИКС в кибербезопасности зависят от способности группы преодолеть внутренние противоречия. Технологическая асимметрия, различия в политических системах и подходах к обеспечению кибербезопасности – всё это осложняет

выработку единой стратегии. Однако именно многообразие БРИКС может стать его силой. Если группе удастся создать гибкую модель взаимодействия, учитывающую интересы всех участников, это станет прецедентом для формирования справедливого цифрового порядка.

На рисунке 1 представлены возможные направления сотрудничества в сфере кибербезопасности в рамках БРИКС.

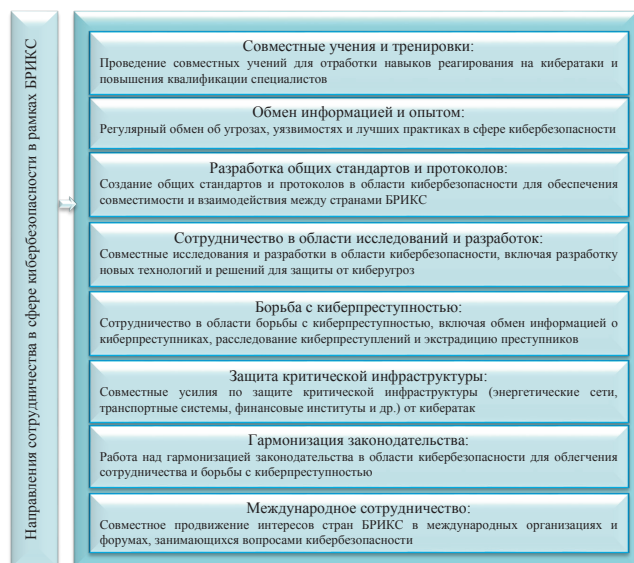

Рис. 1. Направления сотрудничества в сфере кибербезопасности в рамках БРИКС

Успех БРИКС в этой сфере будет определяться несколькими факторами. Во-первых, способностью балансировать между суверенитетом и кооперацией. Страны БРИКС демонстрируют принципиально разные подходы к кибербезопасности, что обусловлено их геополитическим позиционированием и историческим опытом¹. Китай и Россия, столкнувшись с длительной кампанией кибератак, дезинформации и политического давления со стороны западных стран, сфокусированы на защите цифрового суверенитета. Их двустороннее соглашение о сотрудничестве в сфере международной информационной безопасности подчёркивает приоритет невмешательства во внутренние дела и взаимный отказ от хакерских атак. В то же время Индия, Бразилия и ЮАР, находясь под влиянием западных правовых моделей, ориентируются на создание систем, защищающих права личности. Например, южноафриканское законодательство о киберпреступности заимствует положения Будапештской конвенции, что отражает их стремление к балансу между безопасностью и свободой. Эти различия, однако, не являются непреодолимыми – они лишь подчёркивают необходимость гибкой координации. Компромиссом могло бы стать принятие «многоуровневой» модели, где критическая инфраструктура защищается на межгосударственном уровне, а регулирование контента остаётся национальной прерогативой. При этом важно избежать бюрократизации. Демократические процедуры принятия решений не должны тормозить реакцию на угрозы. Введение механизма экстренного реагирования, когда решения принимаются группой экспертов, могло бы решить эту проблему. Во-вторых, механизмы сотрудничества БРИКС остаются неформальными и зависят от политического консенсуса. Отсутствие по-

¹ Панова Виктория Владимировна Проблемы безопасности и перспективы саммита БРИКС в Уфе // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 2.

стоянного секретариата, ротационное председательство и ежегодная смена приоритетов приводят к фрагментарности в вопросах кибербезопасности. С 2010 года диалог на саммитах ограничивается инициативами без чётких стандартов реализации, что создаёт «эффект потолка». Усугубляет ситуацию геополитические изменения: Индия углубляет партнёрство с США в рамках «Рамочных отношений в сфере кибербезопасности», перенимая подходы к управлению сетями и милитаризации киберпространства. ЮАР также испытывает влияние западных стратегий, что ослабляет сплочённость группы. В-третьих, под влиянием геополитических факторов страны БРИКС продемонстрировали разную степень центробежных тенденций в вопросе сотрудничества в сфере кибербезопасности. В последние годы сотрудничество Индии с США в области кибербезопасности углубляется. «Рамки отношений между Индией и США» показывают, что Индия принимает последовательную позицию США и усилила координацию с Соединёнными Штатами в различных аспектах, таких как кибербезопасность, управление сетями и даже милитаризация сетей; Южноафриканский «киберкруг» также находится под влиянием Соединённых Штатов. В свою очередь стратегическое соперничество между Россией, Китаем и США влияет на глобальный ландшафт, и механизм БРИКС также в определенной степени пострадал.

Несмотря на указанные особенности, сотрудничество в сфере кибербезопасности является не просто важным направлением деятельности БРИКС, а необходимым условием для обеспечения глобальной стабильности в эпоху гибридных угроз. Укрепляя свою кибербезопасность, страны БРИКС не только защищают свои национальные интересы, но и вносят вклад в создание более безопасного и устойчивого цифрового мира для всех. Успешное сотрудничество в этой области может стать примером для других стран и регионов, стремящихся к укреплению своей киберустойчивости и обеспечению глобальной безопасности.

Однако, реализация потенциала БРИКС в сфере кибербезопасности сталкивается с рядом серьезных вызовов. Различия в национальных законодательствах, технологическом развитии и политических приоритетах могут затруднять достижение консенсуса и эффективное сотрудничество. Кроме того, недоверие и подозрительность, подпитываемые геополитической конкуренцией, могут препятствовать обмену информацией и совместным действиям.

Для успешного решения этих проблем необходима четкая стратегия и сосредоточенные усилия всех участников БРИКС, выражающиеся в следующих мероприятиях:

1. Укрепление доверия.

Создание механизмов для укрепления доверия между странами БРИКС в сфере кибербезопасности, включая открытый диалог, прозрачность и взаимные гарантии.

2. Гармонизация законодательств.

Постепенная гармонизация национальных законодательств в области кибербезопасности, включая вопросы защиты данных, киберпреступности и ответственности за кибератаки.

3. Развитие технологического сотрудничества.

Совместные исследования и разработки в области кибербезопасности, обмен технологиями и опытом, поддержка инновационных стартапов и компаний.

4. Повышение осведомленности.

Проведение образовательных программ и тренингов для повышения осведомленности о киберугрозах и луч-

ших практиках кибербезопасности среди государственных служащих, бизнеса и населения.

5. Создание региональных центров компетенций.

Формирование региональных центров компетенций в сфере кибербезопасности, которые будут заниматься анализом угроз, разработкой решений и обучением специалистов.

Важно отметить, что сотрудничество в сфере кибербезопасности в рамках БРИКС не направлено против каких-либо конкретных стран или блоков¹. Напротив, оно должно быть открытым и инклюзивным, приглашая к участию все заинтересованные стороны, приверженные принципам международного права и ответственного поведения в киберпространстве. БРИКС может сыграть ключевую роль в формировании глобальной архитектуры кибербезопасности, основанной на принципах многосторонности, равенства и взаимного уважения. Это предполагает активное участие в международных организациях и форумах, продвижение альтернативных подходов к управлению киберпространством и противодействие попыткам монополизации этой сферы отдельными государствами.

В конечном счете, успех БРИКС в сфере кибербезопасности будет зависеть от политической воли лидеров стран-участниц, их готовности к компромиссам и совместным действиям. Укрепление сотрудничества в этой области не только повысит киберустойчивость стран БРИКС, но и внесет значительный вклад в обеспечение глобальной стабильности и безопасности в эпоху гибридных угроз.

Литература

1. Цифровой суверенитет и безопасность граждан: правовые модели // Восточный экономический форум, 2024. – [Электронный ресурс]. – РОСКОН-ГРЕСС, 06.09.2024. – URL: <https://forumvostok.ru/news/tsifrovoj-suverenitet-i-bezopasnost-grazhdan-pravovye-modeli/> (дата обращения: 06.05.2025).
2. Ovchinnikova O., Upadhyay N.K. The Level of Cybersecurity of the BRICS Member Countries in International Ratings: Prospects for Cooperation // BRICS Law Journal. – 2023. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-level-of-cybersecurity-of-the-brics-member-countries-in-international-ratings-prospects-for-cooperation> (дата обращения: 06.05.2025).
3. Этеквинская декларация и Этеквинский план действий (по итогам пятого саммита БРИКС, 27 марта 2013 г.) // Официальный сайт Президента России. – URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1430 (дата обращения: 06.05.2025).
4. Встреча с представителями государств БРИКС, курирующими вопросы безопасности (12.09.2024) // Официальный сайт Президента России. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75086> (дата обращения: 06.05.2025).
5. Гранкина Я. А., Баймедетов С.Д. Кибербезопасность в современном мире: актуальные угрозы и методы защиты // Вестник науки. – 2024. – № 11 (80). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-v-sovremennom-mire-aktualnye-ugrozy-i-metody-zaschity> (дата обращения: 11.05.2025).

¹ Панова Виктория Владимировна Проблемы безопасности и перспективы саммита БРИКС в Уфе // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-bezopasnosti-i-perspektivy-sammita-briks-v-ufo> (дата обращения: 12.05.2025).

6. Панова В.В. Проблемы безопасности и перспективы саммита БРИКС в Уфе // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2015. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-bezopasnosti-i-perspektivy-sammita-briks-v-ufo> (дата обращения: 12.05.2025).
7. Соколова С. Н., Каленчук Т.В. Гибридные риски в информационном обществе // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2018. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnye-riski-v-informatsionnom-obschestve> (дата обращения: 21.05.2025).

BRICS IN THE ERA OF HYBRID THREATS: CYBERSECURITY AS A GUARANTEE OF GLOBAL STABILITY

Blonskiy A.I.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

This article examines the role of the BRICS association in the context of contemporary hybrid threats that blend traditional methods of confrontation with digital technologies, including cyberattacks, disinformation campaigns, and economic pressure. The relevance of the topic stems from the growing dependence of the global economy and politics on digital infrastructures, which are vulnerable to complex cross-border threats. Particular attention is paid to BRICS cooperation in cybersecurity, analyzing institutional mechanisms for interaction such as the Working Group on Security in the Use of Information and Communication Technologies (ICT) and joint digitalization initiatives. Key challenges are explored, including attacks on critical infrastructure, cybercrime, and technological dependence on Western platforms. The article emphasizes the necessity of developing unified cybersecurity standards, creating alternative server and cloud solutions, and strengthening human resource capacity through educational programs. A specific focus is the analysis of the balance between digital sovereignty and multilateral cooperation that BRICS countries seek to achieve amidst geopolitical competition. Based on data documenting the rise in cybercrime and examples of attacks targeting healthcare and energy facilities, the article concludes that a shift from reactive measures to strategic planning is imperative. This includes proposals for establishing a Digital Security Council and a cybersecurity fund within the framework of the BRICS New Development Bank. In conclusion, the prospects for the bloc in shaping a fair digital order and overcoming internal divergences to ensure global stability are assessed.

Keywords: BRICS, cyberspace, cybersecurity, cyberattacks, critical infrastructure, digitalization, technology, hybrid threats, multilateral cooperation, innovation.

References

1. Digital sovereignty and security of citizens: legal models // Eastern Economic Forum, 2024. – [Electronic resource]. – ROSCONGRESS, 09/06/2024. – URL: <https://forumvostok.ru/news/tsifrovoj-suverenitet-i-bezopasnost-grazhdan-pravovye-modeli/> (date of access: 05/06/2025).
2. Ovchinnikova O., Upadhyay N.K. The Level of Cybersecurity of the BRICS Member Countries in International Ratings: Prospects for Cooperation // BRICS Law Journal. – 2023. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-level-of-cybersecurity-of-the-brics-member-countries-in-international-ratings-prospects-for-cooperation> (date of access: 06.05.2025).
3. The eThekweni Declaration and the eThekweni Action Plan (following the fifth BRICS summit, March 27, 2013) // Official website of the President of Russia. – URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1430 (date of access: 06.05.2025).
4. Meeting with representatives of the BRICS states in charge of security issues (12.09.2024) // Official website of the President of Russia. – [Electronic resource]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75086> (date of access: 06.05.2025).
5. Grankina Ya. A., Baimedetov S.D. Cybersecurity in the modern world: current threats and methods of protection // Bulletin of science. – 2024. – No. 11 (80). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-v-sovremennom-mire-aktualnye-ugrozy-i-metody-zaschity>

- ru/article/n/kiberbezopasnost-v-sovremennom-mire-aktualnye-ugrozy-i-metody-zaschity (date of access: 11.05.2025).
6. Panova V.V. Security issues and prospects of the BRICS summit in Ufa // Bulletin of international organizations: education, science, new economy. – 2015. – No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-bezopasnosti-i-perspektivy-sammita-briks-v-ufe> (date of access: 12.05.2025).
 7. Sokolova S. N., Kalenchuk T.V. Hybrid risks in the information society // Bulletin of Polesie State University. Series of social and humanitarian sciences. – 2018. – No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnye-riski-v-informatsionnom-obschestve> (date of access: 21.05.2025).

Роль ШОС в противодействии «трем силам зла» в Центральной Азии: эффективность и ограничения

Ван Синьюэ,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: st094978@student.spbu.ru

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с ролью ШОС в противодействии «трем силам зла» в Центральной Азии. Автор подчеркивает важность участия ШОС в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму. Рассмотрены основные задачи ШОС в области реализации политики по противостоянию «трем силам зла» для стран Центральной Азии. Изучена структура ШОС. Определены основные принципы ШОС для всех стран-участниц. Изучены основные задачи ШОС. Рассмотрена эффективность ШОС в противодействии «трем силам зла» в Центральной Азии. Рассмотрены основные ограничения в организации работы по противодействию «трем силам зла» в Центральной Азии при участии ШОС. Изучены основные проблемы по организации работы ШОС в области противостояния «трем силам зла» в Центральной Азии. Изучена основная работа по проведению антитеррористической деятельности со стороны стран-участниц ШОС. Разработаны рекомендации по противодействию «трем силам зла» в Центральной Азии с участием ШОС.

Ключевые слова: Центральная Азия, эффективность, ограничения, противодействие, ШОС, роль, «три силы зла», терроризм, сепаратизм, экстремизм.

Введение

Центральная Азия на сегодняшний день играет важную роль в обеспечении безопасности для России, Китая и региона Евразии, которые подвержены внешним вызовам и угрозам таким как терроризм, сепаратизм, экстремизм. Данные явления в официальных китайских документах ШОС обозначены понятием «три силы зла». Следовательно, лидеры стран ШОС объединили свои усилия, что противостоять внешним угрозам и вызовам. Результатом совместной работы явились разработка соответствующих законопроектов, а также провели ряд учений по организации антитеррористической обороны. Важное значение было отведено обеспечению безопасности в регионах и обеспечение стабильности их развития. Следовательно, роль ШОС в противодействии «трем силам зла» в Центральной Азии играет важное стратегическое значение и определяет эффективность развития как во всем мире, так и в отдельных регионах. Это определяет актуальность темы исследования, ее теоретическую и практическую значимость.

Проблематика данного исследования заключается в том, что в настоящее время увеличились угрозы со стороны внешней среды такие как терроризм, сепаратизм, экстремизм, что требует пристального внимания к рассмотрению данных проблем, а также разработке рекомендаций и новых подходов к их устранению.

Вопросы, связанные с изучением роли ШОС в противодействии «трем силам зла» в Центральной Азии рассматривали различные ученые, среди которых можно отметить труды Гарбузарова Е.Г., Галлямова Д.А., Аминова И.Р., Климовской В.А., Ли Син, Мухаммадзода П.А., Бобозодава П.Д., Рахимова К.Х., Румянцевой А.К., Рахимова К.Х., Хакимова Б.М., Шкваря Л.В., Ван С.. Считаем необходимым продолжить данное исследование и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

Научная новизна исследования заключается в разработке рекомендаций по противодействию «трем силам зла» в Центральной Азии с участием ШОС.

Результаты и обсуждение

Современный мир в настоящее время находится в условиях турбулентного развития и глубокой трансформации. В этих условиях возрастают угрозы внешней безопасности для стран Центральной Азии. Это связано с формированием нового мирового порядка, возрастающей ролью конкуренции, изменениями в политической, экономической, социальной среде многих стран (Галлямова, Аминов, 2022: 79).

К числу основных угроз безопасности стран Центральной Азии можно отнести следующие:

- 1) угрозы и вызовы терроризма;
- 2) угрозы и вызовы сепаратизма;
- 3) угрозы и вызовы экстремизма;
- 4) экономические, политические, социальные кризисы;
- 5) финансовые кризисы и т.д.

Следует отметить, что возникновение данных угроз связано с влиянием внутренних и внешних факторов

(Румянцева, Рахимов, 2022: 11). Так, к внутренним факторам, влияющим на безопасность стран Центральной Азии относятся:

1) внутренняя политическая нестабильность (данная причина связана с различным уровнем развития регионов, их борьбой за власть и превосходство по отношению друг к другу);

2) наличие межгосударственных проблем (данные проблемы могут быть связаны с территориальными претензиями, распределением ресурсов);

3) наличие социально-экономических проблем (данная проблема связана с низким уровнем социально-экономического развития регионов, неэффективностью работы отдельных институтов и организаций);

4) недостаточны уровень интеграции между отдельными странами и регионами (данная проблема связана с недостаточным уровнем объединения усилий в решении отдельных вопросов, в том числе обеспечении международной безопасности и противостояния «трем силам зла»).

К числу внешних факторов, влияющим на безопасность стран Центральной Азии относятся:

1) увеличение трансграничных угроз (включая вопросы нелегальной трудовой миграции, сепаратизм, экстремизм);

2) особенности геополитического положения Центральной Азии;

3) неустойчивое и нестабильное положение в Афганистане (данная ситуация связана с вооруженными действиями и обострением конфликтов);

4) расширение военно-политических блоков (данная причина может нанести ущерб внутрирегиональным структурам и организациям).

Следует отметить, что самыми важными угрозами для развития стран Центральной Азии являются терроризм, сепаратизм и экстремизм. Данные угрозы наносят непоправимый ущерб безопасности стран, развитию экономики, политики, социальной сфере и т.д.

Терроризм, сепаратизм и экстремизм объединяются единым термином «три силы зла», которые представляют собой реальную угрозу для безопасности стран Центральной Азии (Гарбузарова, 2021:425). В этих условиях ШОС становится основным трансформационным центром, координирующим вопросы международных отношений между странами, а также основой обеспечения их безопасности и стабильности развития. Основная задача ШОС заключается в предотвращении террористических актов, а также в поиске и устранении причин их возникновения. С этой целью страны-участницы ШОС объединили свои усилия и направили их на координацию международной деятельности в новых условиях, разработку новых программ по противодействию терроризму, сепаратизму, экстремизму. В последнее время углубляется сотрудничество стран в трехстороннем формате Россия – Индия – Китай, которые активно участвуют в программах обеспечения политической, военной, информационной безопасности.

Основной задачей ШОС является улучшение степени реагирования стран-участниц ШОС на возможные кризисы и конфликтные ситуации на международном рынке в условиях турбулентности развития политики, экономики, безопасности. С этой целью ШОС активно использует эффективные механизмы подготовки с их практической реализацией для улучшения системы безопасности и противостояния внешним угрозам (Ли Син, 2022: 39). На Рис. 1 наглядным образом представлена структура ШОС.

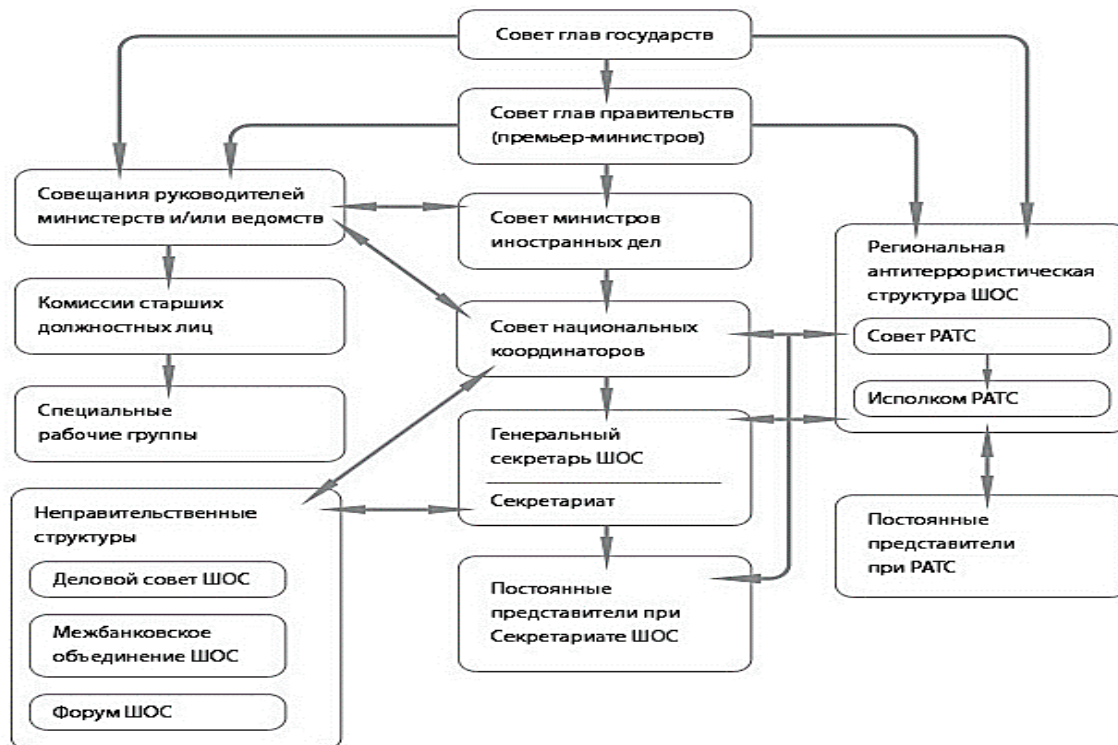

Рис. 1. Структура ШОС

Основными задачи ШОС являются следующие:

1) развитие дружественных, доверительных, деловых отношений между странами;

2) решение вопросов обеспечения безопасности и противодействия «трем силам зла»;

3) развитие международного сотрудничества, направленного на укрепление совместных интересов;

4) развитие регионального сотрудничества в различных областях и сферах деятельности, в том числе в вопросах обеспечения безопасности;

5) развитие и экономический рост в различных сферах народного хозяйства.

Основными принципами организации работы в области обеспечения безопасности и противостояния «трем силам зла» являются:

- 1) равноправие всех стран-участниц;
- 2) недопущение недобросовестного поведения и отношения друг к другу;
- 3) недопущение действий, которые могут нанести вред или противоправное действие другим участникам, ущемить их интересы;
- 4) стремление к достижению мирных решений и соглашений в вопросах обеспечения безопасности и противостояния «трем силам зла»;
- 5) желание добросовестно трудиться и выполнять свои прямые обязанности;
- 6) готовность в осуществлении и использовании на практике полученных знаний, опыта, навыков работы в сфере противодействия «трем силам зла»;
- 7) желание совместно обсуждать возрастающие проблемы и угрозы международной безопасности;
- 8) проведение международных форумов, целью которых является обсуждение проблем и принятие стратегических решений по вопросам обеспечения безопасности и противодействия «трем силам зла» и т.д.

Эффективность ШОС в противодействии «трем силам зла» в Центральной Азии заключается в следующем:

- 1) обеспечение комплексной безопасности на международном уровне (политической, военной, информационной и т.д.);
- 2) формирование комплекса механизмов и договоренностей (для этого страны- участницы ШОС разработали ряд новых подходов и программ по обеспечению безопасности в регионах, включая антитеррористические документы и подготовку);
- 3) учреждение специализированного органа – Региональной антитеррористической структуры (РАТС), занимающегося непосредственно разработкой и принятием эффективных решений и программ по обеспечению противодействия терроризму, сепаратизму, экстремизму;
- 4) организация и проведение совместных антитеррористических учений (страны- участницы ШОС объединили свои усилия в борьбе с «тремя силами зла» посредством проведения военной подготовки, проведения совместных антитеррористических учений);
- 5) совершенствование законодательной базы стран-участниц (обновление законодательной базы по вопросам обеспечения международной безопасности способствует объединению общих усилий и интересов стран-участниц, достижению взаимопонимания и уважения в различных областях и сферах деятельности).

Однако наряду с эффективностью деятельностью ШОС в противодействии «трем силам зла» в Центральной Азии существуют также ограничения, к числу которых можно отнести следующие:

- 1) дефицит ресурсов и ограниченные оперативные возможности (недостаток ресурсов и возможностей негативным образом влияют на региональную безопасность и снижают ее развитие самих регионов);
- 2) ограничения при проведении совместных антитеррористических учений и подготовке (среди них – позиция отдельных членов организации, а также ряда держав, не входящих в неё);
- 3) различные политические взгляды и позиции стран в решении отдельных вопросов (Фань, 2021: 107).

Несмотря на существующие ограничения ШОС смогла доказать свою эффективность в вопросах обеспече-

ния безопасности и противодействию «трем силам зла» в Центральной Азии.

Кроме того, также существует ряд сопутствующих проблем странами- участницами ШОС. В частности, такие проблемы и разногласия наблюдаются между Россией и Китаем, которые за долгие годы своего сотрудничества смогли установить гибкие партнерские отношения и развили деловые связи. Однако, как показала практика, две великие державы опираются в проведении своей политики на различные ценности и стереотипы, а международное сотрудничество опирается на конкретные, выгодные для данного государства цели, а не на общее единство поставленной задачи. В этих условиях очень трудно достичь единого понимания и решения вопросов.

Еще одной проблемой является то, что расширение состава стран-участниц ШОС привело к тому, что одновременная работа двух великих ядерных держав таких, как Индия и Пакистан могут создать риски и угрозы для работы всей организации, а также обеспечения безопасности в целом. Важно отметить, что участие Индии в ШОС рассматривается данной страной с позиции конкуренции различных стран, а сама ШОС является для нее организацией, имеющей нестабильную устойчивость на международном рынке. Поэтому вступление Индии в ШОС является для нее достаточно выгодным предложением, поскольку концепция работы данной организации и ее основные ценности могут вызвать противоречия собственным интересам страны. Кроме того, возрастающие противостояния между Индией и Пакистаном основаны на разных подходах к пониманию самих определений терроризм, сепаратизм, экстремизм, обозначенных «тремя силами зла».

Одной из главных проблем организации работы ШОС по противодействию «трем силам зла» в Центральной Азии является недостаточный уровень работы в данном направлении. Причиной этому послужило то, что ШОС выпустило множество организационных, распорядительных, нормативно-правовых документов, деклараций, скорость внедрения в практику хозяйственной деятельности которых идет очень медленным путем, а многие из них находятся на бумаге долгое время (Хакимов, 2021: 144).

Страны Центральной Азии в настоящее время активно участвуют в укреплении своих позиций в ШОС, участвуя в различных проектах, программах подготовки по противодействию «трем силам зла», а также устанавливая взаимодействие с различными институтами регионального уровня и организациями. Результатом такой работы является повышение уровня безопасности, отстаивание собственных интересов, а также стратегическое планирование и прогнозирование деятельности.

В целях организации эффективной работы с «тремя силами зла» ШОС предприняла ряд действий по проведению антитеррористической работы в том числе:

- 1) даны четкие определения понятиям «терроризм», «сепаратизм», «экстремизм»;
- 2) определены правовые соглашения по проведению работы в области противостояния «трем силам зла» («Концепция сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (2005 г.), «Соглашение о Online-First сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов проникновения на территории государств-членов Шанхайской организации сотрудничества лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности» (2006 г.), «Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств членов ШОС» (2006 г.), «Конвенция Шанхай-

ской организации сотрудничества против терроризма» (2009 г.), «Соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств-членов Шанхайской организации сотрудничества» (2009 г.) и т.д.;

3) разработан план конкретных действий стран-участниц ШОС в области организации работы по противодействию «трем силам зла»;

4) разработана стратегия развития антитеррористической деятельности стран-участниц ШОС на перспективу;

5) сформирован новый подход к организации международного сотрудничества стран участниц ШОС по противодействию «трем силам зла»;

6) проведение ряда совместных антитеррористических учений по противодействию «трем силам зла» и т.д.

Кроме того, решению вопросов безопасности для стран Центральной Азии способствует оптимизация и обновление инфраструктуры, разработка новых технологий и подходов к деятельности, которые позволяют не только снизить риски и угрозы безопасности, но и повысить уровень и качество жизни людей.

Следует отметить, что Россия и Китай в последнее время усилили международное сотрудничество в области укрепления безопасности и противодействия «трем силам зла» (Рахимов, 2020: 417). В рамках программы безопасности были проведены учения под названием «Мирная миссия – 2005», которые включали в себя проведение совместных военных действий по высадке морского десанта на морском побережье. Такие учения стали ежегодным форматом их проведения как на территории России, так и на территории Китая. Следует отметить, что участие в данных учениях принимают не только Россия и Китай, но и другие страны, в числе которых Узбекистан, Таджикистан, Казахстан и т.д. Это свидетельствует о том, что вопросы обеспечения являются приоритетными для данных стран и они проявляют активную заинтересованность в данном направлении. Однако, рассматривать только «Мирную миссию – 2025» в качестве основного инструмента по противодействию «трем силам зла» недостаточно, поскольку в ней участвуют не все страны. Следовательно, оптимальным решением на сегодняшний день является проведение масштабных совместных учений с множеством стран.

Кроме того, с развитием цифровых технологий особую популярность в последнее время получает компьютерное моделирование, которое создает максимально приближенные условия к реальности и возможности проведения военных тренировок (Климовская, 2024: 3). Преимущество использования компьютерного моделирования заключается в том, что оно не требует значительных затрат, позволяет осуществлять подготовку в любое удобное время. Важно отметить, что в подобных условиях существует возможность привлечения большого количества различных участников, которые имеют возможность обмениваться знаниями, опытом и навыками деятельности в области обеспечения международной безопасности. В данном случае ШОС выступает главным координирующим центром и помогает решать различные проблемы на ранней стадии их возникновения (Мухаммадзода, Бобозода, 2022: 142).

Важно также отметить, что тесное развитие российско-китайского сотрудничества будет способствовать также решению конфликтных ситуаций и примирению Индии и Пакистана. Так, Китай может использовать свое влияние на Пакистан с целью экономического развития и партнерских отношений, а Россия также может оказывать влияние на Индию (Шкваря, Ван, 2021: 153).

В данной работе разработаны рекомендации по противодействию «трем силам зла» в Центральной Азии с участием ШОС наглядно представленные на Рис. 2.

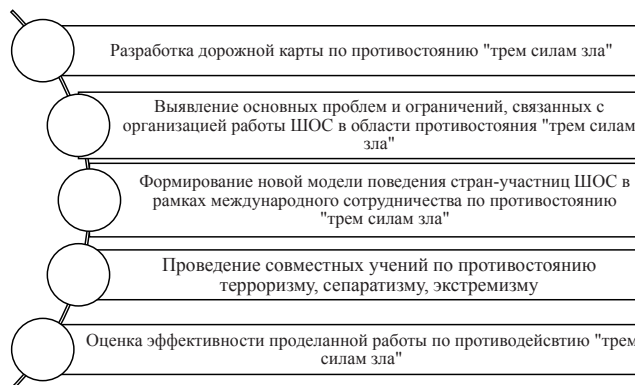

Рис. 2. Рекомендации по противодействию «трем силам зла» в Центральной Азии с участием ШОС

[Разработано автором]

Считаем, что данные рекомендации могут быть полезны при организации и планировании деятельности ШОС в области противодействия «трем силам зла» в Центральной Азии, а также при разработке долгосрочной политики развития в области обеспечения комплексной безопасности стран-участниц ШОС на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Заключение

Можно сделать вывод о том, что ШОС играет большую роль в противодействии «трем силам зла» в Центральной Азии доказав при этом свою эффективность. Однако, наряду с эффективностью существуют ограничения, такие как дефицит ресурсов и ограниченные оперативные возможности, ограничения при проведении совместных антитеррористических учений и подготовке, различные политические взгляды и позиции стран в решении отдельных вопросов. Данные ограничения требуют пристального внимания к себе и поиска ответных мер для их решения. В целом, ШОС является основным координирующим центром, объединяющим интересы всех стран-участниц в реализации программы по противодействию «трем силам зла». Считаем, что для углубления и развития дальнейшего сотрудничества в сфере безопасности необходимо придерживаться ряда принципов: во-первых, соблюдать интересы всех стран-участниц ШОС; во-вторых, активно проводить антитеррористические учения, направленные на отработку практических навыков работы по противодействию «трем силам зла» в Центральной Азии. Это позволит обеспечить надежное и полноценное функционирование этих стран, обеспечить достаточный уровень безопасности и заложить основы будущего развития.

Литература

1. Гарбузарова Е.Г. Роль ШОС в процессе нейтрализации региональных вызовов и угроз // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 4. С. 425–436.
2. Галлямова Д. А., Аминов И.Р. Роль ШОС в международной безопасности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12. С. 79–81.
3. Климовская В. А. ШОС как центральный элемент Азиатской системы безопасности // Международная жизнь. 2024. № 4. С. 3–19.

4. Ли Син. О роли ШОС и перспективе в сопряжении ЕАЭС и «Один пояс – один путь» // Проблемы современной экономики. 2022. № 3. С. 39–41.
5. Мухаммадзода П. А., Бобозода П. Д. Роль ШОС в условиях коренных сдвигов международной системы // Международные отношения и безопасность. 2022. № 3. С. 142–148.
6. Рахимов К. Х. Место и роль шанхайской организации сотрудничества в разработке стратегии построения современной системы международной безопасности // Вопросы российского и международного права. 2020. № 1А. С. 417–428.
7. Румянцева А. К., Рахимов К. Х. Роль ШОС в противодействии терроризму в странах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2022. № 8. С. 11–19.
8. Фань С. Существующие механизмы Шанхайской организации сотрудничества и их проблемы для борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности // Вестник международных организаций. 2021. № 1. С. 107–126.
9. Хакимов Б. М. ШОС и проблемы евразийской безопасности // Международная жизнь. 2021. № 2. С. 144–145.
10. Шкваря Л. В., Ван С. ШОС 20 лет: основные достижения и роль Китая // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 5. С. 153–167.

THE SCO'S ROLE IN COUNTERING THE “THREE FORCES OF EVIL” IN CENTRAL ASIA: EFFECTIVENESS AND LIMITATIONS

Wang Xinyue

Saint Petersburg State University

This article discusses issues related to the SCO's role in countering the “three forces of evil” in Central Asia. The author emphasizes the importance of the SCO's participation in countering terrorism, separatism and extremism. The main tasks of the SCO in the field of implementing a policy to counter the “three forces of evil” for the countries of Central Asia are considered. The SCO structure has been studied. The main principles of the SCO have been defined for all member countries. The main tasks of the SCO have been studied. The effectiveness of the SCO in countering the “three forces of

evil” in Central Asia is considered. The main limitations in organizing work to counter the “three forces of evil” in Central Asia with the participation of the SCO have been considered. The main problems of organizing the SCO's work in the field of countering the “three forces of evil” in Central Asia have been studied. The main work on conducting anti-terrorist activities by the SCO member states has been studied. Recommendations have been developed for countering the “three forces of evil” in Central Asia with the participation of the SCO.

Keywords: Central Asia, effectiveness, limitations, counteraction, SCO, role, “three forces of evil”, terrorism, separatism, extremism.

References

1. Garbuzarova E. G. (2021), “The Role of the SCO in Neutralizing Regional Challenges and Threats”, *Problemy postsovetetskogo prostranstva*, vol. 4, pp. 425–436.
2. Gallyamova D. A., Aminov I. R. (2022), “The Role of the SCO in International Security”, *Mezhdunarodny'j zhurnal gumanitarny'x i estestvenny'x nauk*, vol. 12, pp. 79–81.
3. Klimovskaya V. A. (2024), “The SCO as a Central Element of the Asian Security System”, *Mezhdunarodnaya zhizn'*, vol. 4, pp. 3–19.
4. Li Xing. (2022), “On the role of the SCO and the prospects for linking the EAEU and the Belt and Road Initiative”, *Problemy sovremennoj e'konomiki*, vol. 3, pp. 39–41.
5. Muhammadzoda P. A., Bobozoda P. D. (2022), “The Role of the SCO in the Context of Fundamental Changes in the International System”, *Mezhdunarodny'e otnosheniya i bezopasnost'*, vol. 3, pp. 142–148.
6. Rakhimov K. Kh. (2020), “The Place and Role of the Shanghai Cooperation Organization in Developing a Strategy for Building a Modern International Security System”, *Voprosy' rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*, vol. 1A, pp. 417–428.
7. Rumyantseva A. K., Rakhimov K. Kh. (2022), “The SCO's Role in Countering Terrorism in Central Asian Countries”, *Postsovet-skie issledovaniya*, vol. 8, pp. 11–19.
8. Fan S. (2021), “The Existing Mechanisms of the Shanghai Cooperation Organization and Their Challenges in Combating Non-Traditional Security Challenges”, *Vestnik mezhdunarodny'x organizacij*, vol. 1, pp. 107–126.
9. Khakimov B. M. (2021), “The SCO and the Problems of Eurasian Security”, *Mezhdunarodnaya zhizn'*, vol. 2, pp. 144–145.
10. Shkvarya L. V., Wang S. (2021), “The 20th Anniversary of the SCO: Main Achievements and China's Role”, *Vostok. Afro-aziat-skie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, vol. 5, pp. 153–167.

Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации и Туркменистана на современном этапе

Курбанов Назар Исламович,

стажёр-исследователь Института международных исследований (ИМИ) Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД
E-mail: nazar.kurbanov2001@yandex.ru

Давлетьяров Марат Маратович,

советник генерального директора публично-правовой компании «Единый заказчик в сфере строительства»,
E-mail: davletyarovmarat@mail.ru

В статье анализируются степень и темп развития российско-туркменского гуманитарного сотрудничества с 2022 года по 2025 год. Рассматриваются уровень развития правовой и политической базы двустороннего диалога, ключевые проекты в гуманитарной области. Используются методы правового, геополитического и структурно-функционального анализа, а также мониторинг различных СМИ. По результатам работы можно сделать несколько выводов: 1) гуманитарное взаимодействие между Россией и Туркменистаном имеют тенденцию к расширению фактически по всем направлениям благодаря солидной правовой базе и заметно активизировавшимся за 2022–2025 гг. политическим контактам на разных уровнях; 2) двустороннее сотрудничество особенно позитивно развивается в таких областях, как образование, наука и культура, а также молодёжные обмены и здравоохранение; 3) такие же сферы, как спорт, туризм и информационные технологии характеризуются меньшими темпами развития.

Ключевые слова: Россия, Туркменистан, гуманитарное сотрудничество, цифровизация, образование, наука, культура.

Аспект гуманитарного сотрудничества Российской Федерации и Туркменистана занимает важное место не только в системе двусторонних отношений, но и в архитектуре контактов нашей страны с Центральной Азией в целом. Согласно законодательству Содружества Независимых Государств (СНГ), к гуманитарным связям относится взаимодействие в таких областях, как культура, наука, образование, работа с молодежью, спорт, туризм, информация и массовые коммуникации [1].

Как известно, гуманитарные связи не только формируют атмосферу взаимопонимания между странами, но и служат важным инструментом мягкой силы, укрепляющей доверие и дружбу между народами. Россия и Туркменистан исключением не являются, ибо оба государства имеют общую экономическую и гуманитарную инфраструктуру, а русский язык сохраняет статус языка межнационального общения. К этому следует добавить тот факт, что Туркменистан старается воздерживаться от участия в различного рода военно-политических альянсах и коалициях и сохраняет нейтралитет, трижды подтверждённый Генеральной Ассамблеей ООН [2]. В этом отношении гуманитарная сфера становится важнейшей областью взаимодействия между Россией и Туркменистаном.

Любопытно, что с 2022 года социально-гуманитарные отношения значительно активизировались, поэтому целью настоящей работы является проанализировать степень развития и глубины российско-туркменского гуманитарного сотрудничества к настоящему моменту.

В настоящей работе используются методы правового, геополитического и структурно-функционального анализа, а также мониторинга различных СМИ.

Политическая база сотрудничества

Взаимные визиты высокопоставленных лиц России и Туркменистана играют ключевую роль в развитии и институционализации двустороннего социально-гуманитарного сотрудничества. Так, Президент Туркменистана Сердар Бердымухамедов с 2022 года по июль 2025 года посетил Россию 9 раз. Более того, его поездка в Москву 10 июня 2022 года стала первым официальным визитом Сердара Бердымухамедова после вступления в должность [3]. Отдельно необходимо выделить ежегодное участие президента Туркменистана в праздновании годовщины Победы в Великой Отечественной войне, что само по себе является фактором укрепления гуманитарного диалога между двумя государствами.

Президент Российской Федерации Владимир Путин с 2022 года посетил Ашхабад дважды: в 2022 и 2024 гг. Лидеры двух стран встречаются как в многостороннем (например, саммиты глав государств СНГ), так и в двустороннем форматах, причём повестка переговоров включает обсуждение стратегических направлений взаимодействия, среди которых важное место всегда занимают гуманитарные инициативы – образовательные проекты, сохранение русского языка в Туркменистане, культурные обмены и т.д.

Выделим и других официальных лиц, которые напрямую влияют на характер отношений между Туркмени-

станом и Россией, а именно Гурбангулы Бердымухамедова, Сергея Лаврова и Рустама Минниханова. Бывший Президент Туркменистана, а ныне Председатель Халк Маслахаты (Народного Совета) страны Гурбангулы Бердымухамедов посетил Россию дважды: в 2022 году и в 2025 году (он посетил Казань для участия в XVI Международном экономическом форуме «Россия – Исламский мир: KazanForum» [4]). Министр иностранных дел России также посетил Ашхабад дважды: в 2022 году и в 2025 году.

Отдельно необходимо выделить деятельность Раиса Республики Татарстан Рустама Минниханова, который за означенный период фактически каждый год (всего минимум 4 раза) навещает Ашхабад, в том числе с неофициальными визитами, а очередная его поездка в Туркменистан 20 января 2023 года стала первым зарубежным мероприятием для Рустама Минниханова в 2023 году [5]. В ходе каждого такого визита проводятся обстоятельные переговоры по развитию сотрудничества не только в экономической сфере, но и в культурно-гуманитарной области, подписываются различные меморандумы, контракты и соглашения.

Кроме означенных выше поездок, в 2022–2025 годах состоялись десятки рабочих встреч, телефонных разговоров, конференций и форумов, на которых разрабатывались совместные инициативы в области образования, архивного дела, цифровых гуманитарных платформ, межвузовского, молодёжного сотрудничества и т.п. Отдельно необходимо отметить позитивный вклад в укрепление и институционализацию двустороннего диалога (и особенно его гуманитарной части) посольства России в туркменской столице и посольства Туркменистана в Москве, а также Русского Дома и Полномочного представительства Республики Татарстан в Ашхабаде.

Таким образом, политическая база двустороннего взаимодействия отличается очень высоким уровнем взаимодействия между высокопоставленными лицами России и Туркменистана, а также закладывает весьма серьёзный фундамент для полномасштабного развития культурно-гуманитарной сферы.

Сферы социально-гуманитарного сотрудничества

В настоящем материале мы не будем рассматривать базовые двусторонние документы в культурно-гуманитарной сфере, но сосредоточимся лишь на соглашениях, достигнутых в 2022–2025 гг. В этом отношении фундаментальным документом является российско-туркменская Декларация об углублении стратегического партнёрства (подписана 10 июня 2022 года), которая не только зафиксировала важность гуманитарной сферы в двусторонних отношениях, но и обозначила конкретные области сотрудничества. Так, в документе внимание уделено таким «традиционным» сферам, как культура (конкретно концертно-гастрольная, театральная деятельность, музейное и библиотечное дело), наука, образование, молодёжные обмены и СМИ. Однако добавлен и новый аспект: взаимодействие в области здравоохранения, которое охватывает не только подготовку и повышение квалификации кадров, но и сотрудничество в борьбе «с распространением опасных инфекционных заболеваний» [6].

На наш взгляд, наиболее динамично развиваются сферы образования и науки. Своего рода «флагманским» проектом здесь выступает создание Туркмено-Российского университета, который будет во многом ориентирован на инженерные, гуманитарные и IT-направления и. предусматривает преподавание на двух

языках, выдачу двойных дипломов и международную аккредитацию образовательных программ. Вместе с этим активно обсуждается вопрос строительства дополнительного корпуса для Туркмено-Российской средней общеобразовательной школы (ТРСОШ) имени А.С. Пушкина [7], что показывает рост популярности образования на русском языке в самом Туркменистане.

Активно развивается взаимодействие между научными и образовательными и образовательными организациями двух стран. Так, только по итогам переговоров 10 июня 2022 года были подписаны соглашения о сотрудничестве между Федеральным научным центром риса и Научно-производственным центром сельского хозяйства Туркменского сельскохозяйственного института, Всероссийским научно-исследовательским институтом гидротехники и мелиорации имени А.Н. Костякова и Национальным институтом пустынь, растительного и животного мира Министерства сельского хозяйства и охраны окружающей среды Туркменистана, а также между Астраханским государственным университетом и Туркменским государственным университетом имени Махтумкули [8].

Стороны регулярно проводят совместные конференции, участвуют в совместных публикациях и проектах в самых разных сферах. Отдельно необходимо выделить совместную археологическую деятельность, а особенно предложение руководителя Маргианской археологической экспедиции на юго-востоке Туркменистана главного научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН Надежды Дубовой создать в Туркменистане постоянную действующую российскую археологическую миссию [9]. Такое всестороннее сотрудничество исключительно позитивно сказывается на состоянии двусторонних отношений.

Сфера культуры также развивается весьма динамично. Так, в уже упоминавшейся Декларации об углублении стратегического партнёрства отмечено, что стороны будут содействовать регулярному проведению «Дней культуры Российской Федерации в Туркменистане и Дней культуры Туркменистана в Российской Федерации» [6]. Уже в октябре 2024 года в Ашхабаде успешно завершилось проведение Дней культуры России [10]. Кроме того, на постоянной основе проводятся различные гастроли театров, кинопоказы, выставки, творческие конкурсы, лекции и т.д.

Важную составляющую двустороннего диалога составляет работа с молодёжью и диаспорами. Так, в 2024 году на обучение в Россию приехало 20 тыс. туркменских студентов [11], общая же численность диаспоры составляет около 50 тыс. человек. В самом же Туркменистане, по официальным данным на 2022 год, проживало около 115 тыс. русских [12]. В связи с этим реализуются проекты по обмену студентами и волонтерами, проведению молодёжных форумов и конкурсов, увеличению квот для туркменских студентов в российских ВУЗах, централизованной закупке и распространению книг и учебников на русском языке и т.д. Именно здесь наиболее активен Русский Дом в Ашхабаде, который на регулярной основе занимается всеми означенными выше вопросами вплоть до добровольного переселения соотечественников в Россию из Туркменистана.

Прочие сферы взаимодействия развиваются не столь активно и ограничиваются рабочими соглашениями. Например, в сфере спорта до 2024 года действовал План действий по реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в области спорта на 2022–2024 годы [8], который предполагал организацию обмена экспертами, специалистами, спортсменами,

взаимное посещение спортивных объектов, проведение тренингов и семинаров, обмен информацией и т.д.

В сфере информационных технологий проводятся регулярные консультации на уровне рабочих групп министерств иностранных дел двух стран – на повестке дня стоят вопросы применения передовых медийных инструментов в информационном сопровождении внешней политики, борьбы с фэйками, а также укрепления взаимодействия по линии внешнеполитических печатных изданий двух государств [13]. Кроме того, активно обсуждается совместная разработка образовательных платформ, виртуальных архивов, электронных библиотек, онлайн-курсов, укрепление взаимодействия в сфере телемедицины и т.п.

Что же касается туристической сферы, то в виду жёсткого пограничного режима Туркменистана и необходимости получать визу поток российских туристов в эту страну остаётся крайне малочисленным и даже ещё не оправился от последствий пандемии коронавируса. Тем не менее, на наш взгляд, туристическая отрасль имеет колоссальный экономический потенциал, поэтому рано или поздно ситуация начнёт улучшаться.

Таким образом, взаимодействие между Россией и Туркменистаном в гуманитарной области носит комплексный и многоплановый характер. Наиболее «сильными» выступают такие области сотрудничества, как образование, наука, культура и в чуть меньшей степени работа с молодёжью и диаспорами. Остальные же отрасли (спорт, сфера информационных технологий и особенно туризм) характеризуются гораздо более умеренными темпами, но общий прогресс (и весьма значительный темп наращивания диалога) в гуманитарной области очевиден.

Заключение

Гуманитарные отношения между Российской Федерацией и Туркменистаном устойчиво развиваются, охватывая как традиционные направления (культура, образование, наука), так и новые формы взаимодействия: цифровые технологии, здравоохранение и т.д. Активные взаимные политические контакты, развитая правовая база гуманитарного диалога, институционализированный характер взаимодействия, активность вузов, научных и культурных организаций, а также участие гражданского общества во всех означенных процессах делают это партнёрство перспективным и долгосрочным.

В ближайшие годы ожидается расширение гуманитарной инфраструктуры во всех областях, цифровизация культурных и молодёжных обменов, запуск новых академических платформ, рост двустороннего туризма и укрепление общей культурно-языковой среды. Всё это делает гуманитарное измерение ключевым элементом российско-туркменского стратегического диалога.

Литература

1. Муратшина К.Г. Институты гуманитарного сотрудничества между Российской Федерацией и Туркменистаном // Власть. – 2020. – № 4. С. 245.
2. Резолюция Организации Объединённых Наций «Постоянный нейтралитет Туркменистана», принятая на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] // Туркменистан Сегодня (TDH): государственное информационное агентство. 2025. 23 марта. URL: <https://tdh.gov.tm/ru/post/44246/rezolyuciya-organizacii-obedinyonnyh-nacij-postoyannyj-nejtralitet-turkmenistana-prinyataya-na-79-j-sessii-generalnoj-assamblei-onn> (дата обращения: 30.07.2025).
3. В Кремле состоялись переговоры Владимира Путина с Президентом Туркменистана Сердаром Бердымухамедовым, который прибыл в Россию с официальным визитом [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. 2022. 10 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68611> (дата обращения: 30.07.2025).
4. В Казань прибыл Национальный Лидер туркменского народа, Председатель Халк Маслахаты Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов [Электронный ресурс] // Официальный Татарстан: официальный сайт Республики Татарстан. 2025. 16 мая. URL: <https://tatarstan.ru/index.htm/news/2416518.htm> (дата обращения: 30.07.2025).
5. «Здесь популярны наши грузовики»: зачем Мишустин и Минниханов поехали в Ашхабад [Электронный ресурс] // Татар.информ: информ. портал. 2023. 20 января. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/svyazi-gorazdo-bolee-fundamentalnye-zacem-misustin-vzyal-minnihanova-v-asxabad-5893660> (дата обращения: 12.07.2025).
6. Декларация об углублении стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Туркменистаном [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. 2022. 10 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5814> (дата обращения: 30.07.2025).
7. В Ашхабаде построят дополнительный корпус Туркмено-Российской школы [Электронный ресурс] // Большая Азия: информ. портал. 2024. 1 ноября. URL: <https://bigasia.ru/v-asxhabade-postroyat-dopolnitelnyj-korpus-turkmeno-rossijskoj-shkoly/> (дата обращения: 30.07.2025).
8. Список документов, подписанных в ходе официального визита Президента Туркменистана С.Г. Бердымухамедова в Российскую Федерацию [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. 2022. 10 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5815> (дата обращения: 30.07.2025).
9. В Туркмении может начать работу российская археологическая миссия [Электронный ресурс] // Красная Звезда: информационное агентство. 2024. 22 октября. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/fa5cd950> (дата обращения: 30.07.2025).
10. В Туркменистане проведены Дни культуры Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Туркменистана: официальный сайт. 2024. 18 октября. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/news/4850> (дата обращения: 30.07.2025).
11. Количество студентов из Центральной Азии в вузах России растёт [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ: информ. портал. 2024. 23 ноября. URL: <https://e-cis.info/news/569/122978/> (дата обращения: 30.07.2025).
12. Итоги сплошной переписи населения и жилищно-государственной переписи 2022 года [Электронный ресурс] // Государственный комитет Туркменистана по статистике: официальный сайт. 2025. URL: <https://www.stat.gov.tm/ru/population-census> (дата обращения: 30.07.2025).
13. О туркмено-российских консультациях по информационной деятельности [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Туркменистана: официальный сайт. 2023. 22 декабря. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/news/4292> (дата обращения: 30.07.2025).

HUMANITARIAN COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND TURKMENISTAN AT THE PRESENT STAGE

Kurbanov N.I., Davletyarov M.M.

Moscow State Institute of International Relations, public-law company "Single Customer in the Sphere of Construction"

This article analyzes the degree and pace of the Russian-Turkmen humanitarian cooperation development from 2022 to 2025. It considers the development of the legal and political framework for bilateral dialogue, as well as key humanitarian projects. The article uses the methods of legal, geopolitical and structural-functional analysis, as well as media monitoring. The conclusions are as follows: 1) humanitarian cooperation between Russia and Turkmenistan tends to expand in virtually all areas due to the sound legal framework and noticeably intense political contacts at various levels in 2022–2025; 2) the bilateral cooperation is especially developing in areas such as education, science and culture, as well as youth exchanges and healthcare; 3) such fields as sports, tourism and information technology cooperation are characterized by slower pace of development.

Keywords: Russia, Turkmenistan, humanitarian cooperation, digitalization, education, science, culture.

References

1. Muratshina K.G. Institutional structure of Russia– Turkmenistan humanitarian cooperation // *Vlast'*. 2020. Vol. 4. P. 245.
2. United Nations Resolution "Permanent Neutrality of Turkmenistan" adopted at the 79th session of the UN General Assembly // TDH. 25.03.2025. URL: <https://tdh.gov.tm/ru/post/44246/rezolyuciya-organizacii-obedinyonnyh-nacij-postoyannyj-nejtralitet-turkmenistana-prinyataya-na-79-j-sessii-generalnoj-assamblei-on> (accessed: 30.07.2025).
3. Vladimir Putin held talks in the Kremlin with the President of Turkmenistan Serdar Berdimuhamedov, who arrived in Russia on an official visit // Official website of the President of the Russian Federation. 10.06.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5815> (accessed: 30.07.2025).
4. The National Leader of the Turkmen people, Chairman of the Halk Maslakhaty of Turkmenistan Gurbanguly Berdimuhamedov arrived in Kazan // Official website of the President of the Republic of Tatarstan. 16.05.2025. URL: <https://tatarstan.ru/index.htm/news/2416518.htm> (accessed: 30.07.2025).
5. "Our trucks are popular here": why Mishustin and Minnikhanov went to Ashgabat // Tatar inform. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/svyazi-gorazdo-bolee-fundamentalnye-zacem-misustin-vzyl-minnixanova-v-asxabad-5893660> (accessed: 30.07.2025).
6. Declaration on deepening strategic partnership between the Russian Federation and Turkmenistan // Official website of the President of the Russian Federation. 10.06.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5814> (accessed: 30.07.2025).
7. An additional building for the Turkmen-Russian School will be built in Ashgabat // *Bol'shaya Aziya*. 1.11.2024. URL: <https://bigasia.ru/v-ashhabade-postroyat-dopolnitelnyj-korpus-turkmeno-rossijskoj-shkoly/> (accessed: 30.07.2025).
8. List of documents signed during the official visit of the President of Turkmenistan S.G. Berdimuhamedov to the Russian Federation // Official website of the President of the Russian Federation. 10.06.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5815> (accessed: 30.07.2025).
9. A Russian archaeological mission may begin work in Turkmenistan // *Krasnaya Zvezda*. 22.10.2024. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/fa5cd950> (accessed: 30.07.2025).
10. Days of Culture of the Russian Federation were held in Turkmenistan // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Turkmenistan. 18.10.2024. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/news/4850> (accessed: 30.07.2025).
11. Number of students from Central Asia in Russian universities // Official CIS website. 23.11.2024. URL: <https://e-cis.info/news/569/122978/> (accessed: 30.07.2025).
12. Results of the complete population and housing census of Turkmenistan 2022 // State Committee of Turkmenistan on statistics. 2025. URL: <https://www.stat.gov.tm/ru/population-census> (accessed: 30.07.2025).
13. Turkmen-Russian consultations on information activities// Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Turkmenistan. 22.12.2023. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/news/4292> (accessed: 30.07.2025).

Стратегии и достижения сотрудничества Китая, России, США и ЕС в области высшего образования в Центральной Азии

Ма Чжэньни,

аспирант, преподаватель, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 1392078431@qq.com

Цзян Юань,

аспирант, преподаватель, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 1173628093@qq.com

В исследовании в качестве объекта рассматриваются пять стран Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан), где встречаются многоэтнические и многоязычные страны, и основное внимание уделяется процессу интернационализации их высшего образования. Фон исследования показывает, что после распада СССР в 1991 году и углубления глобализации Центральная Азия становится важным полем для конкурентной борьбы за высшее образование между крупными державами. Методология исследования включает геополитический анализ и сравнительное исследование, чтобы систематически изучить различные стратегии сотрудничества в области образования, предпринимаемые такими ключевыми игроками, как Китай, Россия, США и ЕС, исходя из своих стратегических интересов, а также их влияние. Исследование приходит к выводу, что внешние силы активно участвуют в развитии высшего образования Центральной Азии через такие разные пути, как распространение языка, экспорт стандартов и совместное образование, что способствует модернизации регионального образования, но одновременно создает сложную ситуацию конкуренции между крупными державами.

Ключевые слова: Пять стран Центральной Азии; высшее образование; стратегии сотрудничества в области образования.

Центральная Азия состоит из пяти стран: Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана. Этот регион характеризуется сложным этническим составом и большим количеством языков, являясь исторически важной областью для взаимодействия различных культур. Что касается языков, то казахский, киргизский, таджикский, узбекский и русский языки являются официальными языками этих стран, служа не только средством повседневного общения, но и важными носителями национальной культуры. Будучи трансграничными языками, они также играют особую роль в соединении этнически связанных народов разных стран и поддержании межгосударственных эмоциональных связей.

С углублением процесса глобализации страны Центральной Азии все больше уделяют внимания международному сотрудничеству и обмену в сфере высшего образования. Развитие международного образования помогает удовлетворить потребности населения в качественном образовании и повысить международный авторитет и конкурентоспособность собственной системы высшего образования, что в долгосрочной перспективе будет способствовать подготовке большего числа высококвалифицированных кадров для развития страны. Именно поэтому в последние годы страны Центральной Азии активно привлекают филиалы известных международных университетов.

С момента распада СССР в 1991 году и получения независимости странами Центральной Азии, такие мировые державы, как Китай, Россия, США и ЕС, провели множество уникальных проектов по сотрудничеству в области высшего образования. Различные страны, основываясь на своих интересах и стратегических соображениях, приняли различные стратегии сотрудничества в области образования. В данном исследовании подробно анализируется влияние внешних факторов на процесс интернационализации высшего образования Центральной Азии, а также конкретная реализация и эффект от деятельности международных сил в этой области.

Стратегии Китая в отношении высшего образования Центральной Азии

Будучи первыми ответчиками и важными партнерами инициативы “Один пояс, один путь”, страны Центральной Азии занимают стратегическое геополитическое положение, делая этот регион демонстрационной зоной для строительства Экономического пояса шелкового пути. В этом стратегическом контексте правительства Китая и стран Центральной Азии уделяют первостепенное внимание сотрудничеству в области высшего образования, предоставляя политические гарантии для углубления сотрудничества в сфере образования через подписание двусторонних соглашений об образовательном сотрудничестве и учреждение правительственных стипендиальных программ. В области построения механизмов сотрудничества обе стороны постепенно создали многоуровневую и многогранную рамку сотрудничества: с одной стороны, были созданы постоянные координационные органы, такие как “Комитет по сотрудничеству в области обра-

зования между Китаем и Центральной Азией”, с другой стороны, регулярно проводятся мероприятия, такие как “Форум по сотрудничеству в области высшего образования между Китаем и Центральной Азией” и “Конференция по сотрудничеству в области производства, обучения и научных исследований между Китаем и Центральной Азией”, что предоставляет важную платформу для углубления стратегического диалога. Эти институциональные механизмы не только отражают общие стремления сторон к продвижению сотрудничества в области образования, но и на практике способствуют переходу от общего обмена к существенному сотрудничеству.

На конкретных результатах сотрудничества, данные по состоянию на 2022 год показывают, что Китай уже создал 13 институтов Конфуция в Центральной Азии, которые стали важным средством содействия языковому и культурному обмену. Особо следует отметить, что Шанхайский университет и Хубэйский политехнический университет открыли филиалы соответственно в Ташкенте (Узбекистан) и Алматы (Казахстан), открывая прецедент для китайских университетов по организации учебного процесса в Центральной Азии. В 2016 году при поддержке Министерства образования Китая, Синьцзянский университет возглавил создание “Альянса университетов Китай-Центральная Азия”, который теперь объединяет 51 университет из 7 стран, став региональной организацией по сотрудничеству в сфере высшего образования (Айнура, 2016). Эти достижения не только предоставляют важную поддержку для формирования сообщества единой судьбы между Китаем и Центральной Азией, но и создают новые возможности для расширения областей сотрудничества и повышения уровня взаимодействия.

Несмотря на значительные успехи сотрудничества в области высшего образования между Китаем и Центральной Азией в рамках инициативы “Один пояс, один путь”, углубление такого сотрудничества сталкивается с множеством вызовов из-за сложных исторических и культурных факторов, а также неравномерности развития региона. Исследование Чжу Сюй и Чжан Синьнин (2024:27) указывает на явные недостатки в механизмах обеспечения, академическом обмене преподавателями и студентами, совместном образовании и подготовке кадров. Эти проблемы отражают как естественные трудности интеграции различных образовательных систем, так и структурные противоречия в региональном сотрудничестве.

Стратегии России в отношении высшего образования Центральной Азии

Россия и Центральная Азия разделяют глубокие традиции русскоязычной культуры. Однако с ростом националистических мышлений после обретения независимости центральноазиатскими странами, страны начали внедрять политику “национализации языка”, что привело к процессу “дерусификации”. Это ослабило позиции русского языка в регионе, что Россия рассматривает как серьезный вызов своей национальной безопасности и культурному влиянию. С этой целью правительство России подняло вопрос укрепления позиций русского языка до уровня национальной стратегии, стремясь восстановить его доминирующее положение в образовательном пространстве Центральной Азии и стран СНГ через систематическое политическое вмешательство.

В плане конкретных мер Россия предприняла многоаспектные стратегические шаги: во-первых, создание институционализированной системы продвижения языка, вклю-

чая проведение масштабных культурных мероприятий “Год русского языка”, учреждение Фонда “Русский мир” и создание специальных учреждений, таких как Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. Во-вторых, реализация стратегии экспорта высшего образования, поощряя ведущие университеты страны к открытию филиалов в Центральной Азии. По данным на 2022 год, Московский государственный университет и другие российские университеты открыли 7 филиалов в Казахстане и 8 учебных заведений в Кыргызстане (Цэн Тин, 2021:86). В-третьих, продвижение инновационных моделей совместного образования, например, создание Кыргызско-российского славянского университета и планы по созданию нового российско-украинского университета в Узбекистане.

Эти образовательные учреждения строго следуют российским образовательным стандартам, используя русский язык в качестве основного языка обучения, не только предоставляя возможности для получения высшего образования русскоязычному населению Центральной Азии, но и являясь важными проводниками русской культуры. Через сотрудничество в сфере высшего образования Россия стремится восстановить “русский культурный круг” в Центральной Азии, усиливая культурное единство региона. С точки зрения стратегии, возрождение русского языка в Центральной Азии рассматривается как ключевой элемент расширения регионального “мягкой мощи” России, заключающийся в поддержании влияния России в постсоветском пространстве через языковые и культурные связи. Эффективность данной стратегии будет иметь прямое влияние на позицию России в геополитической структуре Центральной Азии.

Стратегии США в отношении высшего образования Центральной Азии

США ставят международную конкуренцию и подготовку кадров в центр своей национальной стратегии, считая привлечение и подготовку будущих лидеров и элит из других стран ключевым путем поддержания своего глобального лидерства. В рамках этой стратегической рамки Центральная Азия, благодаря своему особому геополитическому значению, становится ключевой областью для международного сотрудничества в сфере высшего образования. Сотрудничество США с Центральной Азией в области высшего образования имеет явный стратегический характер, направленный на создание системы подготовки элит с проамериканскими взглядами и формирование региональных лидеров, способных продвигать так называемые “демократические реформы”.

Для достижения этих целей США применяют комплексный подход: во-первых, используют щедрые программы стипендий и предоставление качественных образовательных ресурсов для привлечения студентов из Центральной Азии для обучения в США, создавая прямой канал подготовки кадров. Во-вторых, реализуют системные образовательные проекты помощи, включая такие известные проекты, как программа Фулбрайта и Глобальный программ обмена студентов-бакалавриата, которые способствуют обмену людьми и реформированию образовательных систем. Согласно статистическим данным, с 1992 по 2014 год Агентство США по международному развитию инвестировало в регион Центральной Азии более 2,2 миллиарда долларов, осуществив 102 проекта помощи, из которых значительная доля приходится на сферу образования. Осо-

бое внимание заслуживают совместные с Казахстаном и Кыргызстаном проекты по подготовке преподавателей и реформированию учебных программ, которые оказывают непосредственное влияние на системы оценки образования и модели подготовки кадров в этих странах, предоставляя финансовую поддержку и техническую помощь.

Однако влияние этого образовательного сотрудничества имеет четко выраженные этапные характеристики. В первые дни независимости страны Центральной Азии из-за экономических трудностей и острой потребности в международной помощи проекты США играли доминирующую роль. Однако с развитием экономики и корректировкой внешней политики, особенно с реализацией стратегии “взгляд на восток”, влияние США в образовательной сфере Центральной Азии несколько ослабло. Это изменение отражает усиление самостоятельности стран региона и влияние изменений в международной структуре на образовательное сотрудничество. В настоящее время США сталкиваются с новыми вызовами и необходимостью трансформации своих стратегий и подходов в сфере высшего образования в Центральной Азии.

Стратегии ЕС в отношении высшего образования Центральной Азии

ЕС рассматривает сотрудничество в области высшего образования как важный стратегический инструмент для реализации своей нормативной власти в Центральной Азии, и осуществляет эффективную передачу институциональных идей и правил и стандартов в Центральную Азию путем систематического экспорта европейской модели управления высшим образованием (Xu Bingna, Kan Yue, 2023:95). Этот процесс демонстрирует четкие этапные характеристики: во-первых, ЕС применяет инновационный подход “мягкого распространения норм” через создание многосторонних механизмов, таких как Платформа евразийского диалога по образованию, используя техническую помощь и консультации по политике для внедрения европейских образовательных стандартов, таких как Болонский процесс, в Центральную Азию. Во-вторых, страны Центральной Азии через социальное обучение и активное подражание постепенно адаптируют европейские образовательные нормы в качестве внутренней политики. Этот двусторонний процесс достиг важного институционального прорыва в июне 2021 года, когда пять стран Центральной Азии подписали “Декларацию о создании Центральноазиатского высшего образовательного пространства” (Declaration on the Creation of the Central Asian Higher Educational Area), которая официально приняла такие элементы, как Европейская система перевода кредитов, что символизирует институционализацию европейской модели интеграции образования в Центральной Азии. Однако более глубокий анализ показывает, что эта видимость равноправного образовательного сотрудничества на самом деле представляет собой новую форму нормативного господства (Declaration on the Creation of the Central Asian Higher Educational Area) – ЕС устанавливает свои стандарты как “международную лучшую практику” и использует стратегический диалог и техническую помощь для глубокого преобразования систем высшего образования Центральной Азии. Этот тип господства отражает сложные отношения между властью и знаниями в глобальном управлении знаниями, а также продолжающуюся несправедливую структуру в международном образовательном сотрудничестве после колониальной эпохи. Следует отметить, несмотря на то, что этот про-

цесс стандартизации повысил международную совместимость высшего образования в Центральной Азии, он также может ограничить возможности для локальной инновации и создать зависимость от конкретных подходов, что демонстрирует сложность влияния нормативной дипломатии ЕС.

Заключение

Систематическое рассмотрение стратегий России, США и ЕС в отношении трансграничного образования в Центральной Азии позволяет четко увидеть общие черты и различия в их подходах. Эти крупные игроки рассматривают Центральную Азию как ключевую область своей внешней стратегии и глубоко интегрируют геополитические соображения в свою образовательную дипломатию: Россия опирается на исторические языковые и культурные связи, стремясь восстановить русскоязычное образовательное пространство; США используют преимущества своих брендов высшего образования и технологические возможности, акцентируя подготовку элит и онлайн-образование; ЕС продвигает свои стандарты и системы управления, чтобы синхронизировать системы образования Центральной Азии с европейскими моделями. Эта конкурентная структура свидетельствует о том, что высшее образование стало важным полем геополитической игры в Центральной Азии.

В настоящее время международная конкуренция в сфере высшего образования в Центральной Азии становится все более напряженной. Россия сохраняет глубокое влияние на образовательные системы региона благодаря своему историческому наследию и языковым связям; американские университеты расширяют свое присутствие за счет создания филиалов и онлайн-программ; ЕС продолжает продвигать европейские образовательные стандарты через проекты, такие как “Платформа образования в Центральной Азии”. В этом сложном контексте Китаю предстоит решить множество задач в области углубления образовательного сотрудничества с Центральной Азией, таких как балансировка между распространением языка и профессиональным образованием, повышение устойчивости совместных проектов и противостояние давлению конкуренции других крупных стран. Решение этих вопросов будет иметь решающее значение для усиления влияния Китая в сфере образования Центральной Азии. Будущее сотрудничество должно быть сосредоточено на уважении к региональным особенностям, инновациях в моделях сотрудничества, совершенствовании гарантий качества и укреплении человеческих ресурсов, чтобы добиться успеха в условиях жесткой международной конкуренции.

Литература

1. Айнур. Создание Союза университетов Китая и стран Средней Азии: 51 университет из 7 стран углубляют научно-образовательное сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [EB/OL]. Департамент информации Государственного совета. Культурный обмен. (2016–09–28) [2023–08–19].
2. Чжу Сюй, Чжан Синьнин. Сотрудничество в высшем образовании между Китаем и странами Средней Азии в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: достижения, проблемы и рекомендации [J]. Исследования высшего образования в Хэйлунцзяне, 2024, 42(11): 27–33.
3. Цзэн Тин. Мультиязычное образовательное стратегия в Средней Азии и ее значение для распростра-

нения китайского языка и культуры [J]. Китайское преподавание русского языка, 2021, 40(03): 85–95.

4. Сюй Биньна, Кан Юе. Нормативное распространение: анализ стратегических действий ЕС в области высшего образования в Средней Азии [J]. Научное образование в университете, 2023(06): 95–102.
5. Такаяма К., Срипракаш А., Коннелл Р. К постколониальному сравнительному и международному образованию[J]. Обзор сравнительного образования, 2017 (S1): 1–24.

STRATEGIES AND ACHIEVEMENTS OF COOPERATION AMONG CHINA, RUSSIA, THE U.S., AND THE EU IN HIGHER EDUCATION IN CENTRAL ASIA

Ma Zhenni, Jiang Yuan
Xinjiang Normal University

This study focuses on the five Central Asian countries (Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Turkmenistan), which are multi-ethnic and multilingual nations, and examines the process of internationalization in their higher education systems. The research background highlights that since the dissolution of the USSR in 1991 and the deepening of globalization, Central Asia has become a significant arena for major powers to compete in higher education. The methodology employs geopolitical analysis and comparative research to systematically explore the diverse educational cooperation strategies adopted by key players such as China, Russia, the U.S., and the EU, driven by their respective strategic interests, as

well as their impacts. The study concludes that external powers actively engage in the development of Central Asian higher education through various approaches, including language promotion, standard exports, and joint education programs. While these efforts contribute to the modernization of regional education, they also create a complex landscape of competition among major powers.

Keywords: Five Central Asian Countries; Higher Education; Educational Cooperation Strategies.

References

1. Aynur. Establishment of the China-Central Asia University Alliance: 51 Universities from 7 Countries Deepen Scientific and Educational Cooperation Under the Belt and Road Initiative [EB/OL]. Information Office of the State Council. Cultural Exchange. (2016–09–28) [2023–08–19].
2. Zhu Xu, Zhang Xinning. China-Central Asia Higher Education Cooperation Under the Belt and Road Initiative: Achievements, Challenges, and Recommendations [J]. Heilongjiang Higher Education Research, 2024, 42(11): 27–33.
3. Zeng Ting. Multilingual Education Strategy in Central Asia and Its Implications for the Promotion of Chinese Language and Culture [J]. Chinese Teaching of Russian, 2021, 40(03): 85–95.
4. Xu Binna, Kang Yue. Norm Diffusion: An Analysis of the EU's Strategic Actions in Central Asian Higher Education [J]. University Science Education, 2023(06): 95–102.
5. Takayama K., Sriprakash A., Connell R. Toward a Postcolonial Comparative and International Education [J]. Comparative Education Review, 2017 (S1): 1–24.

Нестеров Андрей Олегович,

соискатель, кафедра мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: russia-help@mail.ru

Статья посвящена анализу ведущей роли Китая в объединении БРИКС через призму мнений китайских ученых и экспертов. Рассматривается эволюция внешнеполитической стратегии КНР, начиная с реформ 1979 года, и ее влияние на формирование и развитие БРИКС. Создание и деятельность объединения БРИКС происходит в полном соответствии с внешнеполитическими концепциями Китая.

Особое внимание уделяется ключевым инициативам Китая, таким как модель «БРИКС+», а также его роли в создании и функционировании Нового банка развития. Автор исследует различные точки зрения китайских исследователей на лидерство КНР в объединении: от утверждений о преднамеренном ограничении доминирования ради укрепления партнерства до рекомендаций по усилению позиций Китая в глобальном управлении. Подчеркивается значимость БРИКС как платформы для сотрудничества стран «глобального Юга» и инструмента реформирования мировой экономической системы. В заключении обсуждаются перспективы объединения, включая возможные вызовы, связанные с балансом интересов участников и внешним давлением.

Ключевые слова: БРИКС, Китай, лидерство, глобальное управление, Новый банк развития, «БРИКС+», международные институты, многовекторная дипломатия.

Современная внешняя политика Китая сформировалась в ходе трех основных дискуссий о международных отношениях, произошедших в Китае после 1979 года. Первая дискуссия была о необходимости для Китая открыться внешнему миру. Вторая дискуссия, произошедшая в начале 1990-х, касалась лучшего способа реализовать национальные интересы Китая. В этой дискуссии, сторонники либерального подхода предлагали использовать международные институты для продвижения национальных интересов Китая. Третья дискуссия касалась мирного подъема Китая, в ходе этой дискуссии сторонники либерального подхода подчеркивали выгоды от участия Китая в международных организациях [3, с. 231].

БРИКС занимает во внешнеполитической деятельности Китая важное место, что проявляется в высказываниях руководства КНР. Так, в докладе на XIX съезде Коммунистической партии Китая председатель КНР Си Цзиньпинь отметил, что китайское руководство продвигает дипломатическую повестку Китая и поддерживает эволюционное развитие системы глобального управления путем реализации ряда инициатив, называя, наряду с проектами «Один пояс, один путь», «Великий шелковый путь» и другими, саммит БРИКС в Сямэне. [1]

Одной из наиболее значительных работ китайских ученых, посвященных исследованию объединения БРИКС, стала книга «Исследование БРИКС: Теории и проблемы». [4] В этой книге ведущие китайские политологи и экономисты, такие как заместитель директора отдела международной политической экономики Института мировой экономики и политики (IWEP) Китайской академии общественных наук (CASS) Сюй Сюэцзюнь, Директор Института мировой экономики и политики Китайской Академии общественных наук Чжан Юйянь, Профессор международных отношений Пекинского университета Инь Цзиву, Профессор Школы международных отношений Гуандунского университета иностранных языков Чжоу Фаньинь и другие проанализировали важнейшие, на их взгляд, политические и экономические аспекты БРИКС и сценарии дальнейшего развития объединения.

Для китайских ученых нет сомнений в том, что именно Китай является создателем БРИКС и лидером в объединении. Причиной создания БРИКС называется тот факт, что Китай, после начала проведения в жизнь реформ и «политики открытости» и вступления в международные институты, не смог играть в этих институтах важную роль, так как Запад не оставил для Китая такой возможности. По этой причине Китаю пришлось создать международную организацию – БРИКС, в которой он сам играет доминирующую роль [4, с. 103].

Китайские ученые утверждают, что именно Китай разработал программу БРИКС, с тем, чтобы привлечь к участию в БРИКС другие страны, создал дорожную карту БРИКС и предложил принципы консультаций и сотрудничества в виде ежегодных саммитов лидеров и встреч на различных уровнях [4, с. 104].

При этом не все согласны с тем, что Китай изначально был лидером в БРИКС. Есть мнение, что Китай пришел к лидерству в БРИКС постепенно, от простого участника в 2006–2009 годах, к усилению практической работы в 2009–2017 годах и лидерской роли начиная с 2017 года, после взятия на себя лидерской роли после

проведения саммита БРИКС в Сяньюне, Китай. Роль лидера была отмечена продвижением со стороны Китая модели «БРИКС+», нацеленной на вовлечение в сотрудничество большого количества развивающихся рынков и стран [5].

Китайские эксперты признают, что ряд проектов БРИКС, таких как Новый банк развития, были инициированы не Китаем. Так, Новый банк развития был создан по инициативе Индии, на основе доклада известного экономиста Джозефа Стиглица, в котором тот предложил, что формирующиеся и развивающиеся экономики должны создать финансовую систему, в числе прочего, создать банк развития юг-юг под руководством развивающихся экономик с целью использовать излишки сбережений для удовлетворения их запроса в инвестициях [4, с. 233].

При этом, Новый банк развития стал для Китая средством доминировать в глобальном управлении – это банк поможет Китаю создать мировой финансовый центр, продвинуть финансирование зарубежных проектов, добиться интернационализации юаня [4, с. 239].

Ряд китайских ученых заявляют, что Китай умышленно пожертвовал правом решающего голоса в БРИКС и Новом банке развития с тем, чтобы создать равноправие в БРИКС и тем самым усилить объединение в стремлении изменить несправедливый порядок глобального экономического управления, продвинуть реформу системы мирового финансового управления и усилить голос стран с формирующейся экономикой и развивающихся стран [4, с. 59].

Кроме того, высказывается мнение, что, выступая с позиции лидера, Китай может подорвать сплоченность БРИКС, так как, пока Китай не насаждает свою волю другим странам БРИКС из-за своих экономических преимуществ и уважает выбор других, и не позволяет ни одному государству-члену чувствовать себя ущемленным в сотрудничестве [4, с. 75].

Есть и противоположное мнение – о том, что Китаю следует быть осторожным в отказе от безоговорочного доминирования в рамках БРИКС, так как по мере предоставления Китаем экономических выгод другим странам-участникам, эти страны неизбежно потребуют больших прав в политической сфере сотрудничества, что приведет к конфронтации с Западом. Между тем, Китаю следует сосредоточиться на усилении сотрудничества с западными странами ради своих интересов, которые должны стоять во главе угла [4, с. 97].

Китайские ученые, за редкими исключениями, положительно отзываясь о роли БРИКС для мира и для самого Китая. Часто заявляется, что объединение БРИКС оказывает серьезное влияние на систему глобального управления, став больше чем лишь платформа для консультаций и диалога [4, с. 22].

Китайские ученые признают разнородность стран-участниц БРИКС, определенные различия их интересов и наличие конкуренции между ними, говорят о трудностях в дальнейшем развитии БРИКС после первых успехов на пути развития и институционализации сотрудничества, но, тем не менее, высказывают мнение о больших перспективах БРИКС, о том, что влияние объединения на мировую политику будет расти [4, с. 25]. При этом заслуживает отдельного исследования вопрос, каким образом совместное участие в БРИКС улучшило китайско-индийские отношения. Как известно, помимо наличия неразрешенных споров с Китаем в отношении пограничных территорий и водных ресурсов, конкуренции в экономике, Индия активно усиливает связи с США и странами Запада, придерживаясь многовекторной по-

литики и не столь активно поддерживает политические инициативы БРИКС.

Одной из сильных сторон БРИКС некоторые ученые считают взаимодополняемость стран-участниц объединения и считают, что на основе этой взаимодополняемости и необходимо развивать сотрудничество. Наиболее перспективными областями для сотрудничества ученые видят области финансов, торговли и технологических инноваций [4, с. 55].

Также китайские ученые подробно анализируют перспективы сотрудничества БРИКС в сфере энергоресурсов [4, с. 181]. и в отношении изменения климата [4, с. 196]. Известно, что в последней области сотрудничества – по проблеме глобального потепления – объединение БРИКС не достигло столь выдающихся успехов, как сотрудничество в сфере финансов и экономики, при этом глобальное потепление является для Китая серьезной проблемой. Перспективы деятельности БРИКС в отношении глобального потепления заслуживают отдельного исследования.

В отношении будущего БРИКС, высказывается мнение, что в условиях сегодняшней мировой системы, в которой страны Запада во главе с США устанавливают правила, у стран БРИКС нет другого пути, кроме дальнейшего укрепления сотрудничества [4, с. 69]. Это неизбежно в том числе и по той причине, что ни одна из стран БРИКС в отдельности не способна бросить вызов сформировавшейся мировой политической и экономической системе, такая попытка обречена на поражение и чревата высокими издержками, бросить такой вызов способно лишь объединение БРИКС в целом. Заявляется, что БРИКС является для Китая стратегически важной организацией, так как «сотрудничество в БРИКС улучшит стратегическую позицию Китая в мировой экономике и глобальном управлении», «что позволит Китаю вырасти в крупную глобальную державу мирным способом» [4, с. 71].

Китаю предлагается определять будущее развитие БРИКС, в частности, разработать «большую стратегию для глобального развития». В сотрудничестве в рамках БРИКС, Китаю рекомендуется иногда идти на уступки, но при этом координировать позиции государств-участниц так, чтобы они были в соответствии с «духом БРИКС» [4, с. 129].

В последние годы в Китае стал активно продвигаться идея «большого сотрудничества БРИКС» (greater BRICS cooperation). Начало этому положил председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении на саммите БРИКС в Казани в 2024 год. Термин «большее сотрудничество БРИКС» в английской версии очень удачно благодаря его двоякому толкованию: и расширение областей сотрудничества, и расширение самого объединения БРИКС, в свете вступления в него новых государств. Китайское руководство приветствует расширение БРИКС и заявляет, что БРИКС стал жизненно важной платформой солидарности и сотрудничества глобального юга и главной движущей силой реформы системы глобального управления [3].

Китайские ученые разрабатывают и предлагают системные рекомендации для дальнейшего развития БРИКС, которые включают в себя усиление сотрудничества в сфере финансов и экономики, политики и безопасности, культуры и образования. Также БРИКС необходимо установить критерии для расширения, на основе принципов постепенности, функциональности и поддержания баланса. Постепенное включение в БРИКС новых стран-участниц, с предоставлением испытательного срока, позволит избежать инцидентов, подобных внезапному отказу Аргентины вступить в БРИКС, что отрицатель-

но сказалось на имидже объединения. Кроме того, рекомендуется усилить институализацию БРИКС: создать Совет Министров БРИКС, а также Специальный консультативный комитет, который будет отвечать за разработку новых предложений в отношении политики БРИКС и за выполнение резолюций предыдущих саммитов. Рекомендуется создать Комитет по региональному сотрудничеству для реализации программ обмена и сотрудничества с другими международными организациями в рамках модели «БРИКС+». Каждая страна-участница БРИКС может курировать сотрудничество со странами своего региона в рамках данной модели [6].

Подводя итог, китайские ученые благоприятно смотрят на перспективы объединения БРИКС, считая, что роль БРИКС в мире будет возрастать как платформы для сотрудничества между странами юга и как важной силы в реформировании системы глобального управления. При этом ученые подчеркивают безусловное лидерство Китая в БРИКС, и тот факт, что Китай целенаправленно ограничивает проявления своего лидерства с тем, чтобы способствовать развитию БРИКС как равноправного партнерства.

Безусловно, лидерская роль Китая в БРИКС усилилась начиная с 2017 года, что проявилось в реализации партнерства «БРИКС+» и принятии в БРИКС новых государств по инициативе Китая. Очевидно, лидерство в БРИКС отчасти «перехвачено» Китаем у России – страны, принявшей первый саммит БРИК и активно развивающей БРИК и позднее БРИКС, но сейчас сосредоточенной на решении украинского кризиса и поддержании национальной экономики.

Будущее БРИКС, помимо внешних факторов, таких как ситуация в мире и давление на БРИКС со стороны стран Запада, во многом зависит от того, насколько Китай будет продолжать сдерживать проявления своего лидерства ради сохранения равноправного партнерства и уважения системы ценностей каждой страны-участницы БРИКС, а также от степени готовности других стран участниц БРИКС принять лидирующую роль Китая.

Литература

1. Full text of Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202410/t20241023_11514804.html (дата обращения: 10.08.2025).
2. Qin, Ya. Development of International Relations theory in China: Progress through debates. *International Relations of the Asia-Pacific*, 11 (2011) 231–257.
3. Xi Jinping. Embracing a Broader View and Cutting Through the Fog of Challenges to Advance High-Quality Development of Greater BRICS Cooperation. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202410/t20241023_11514804.html (дата обращения: 10.08.2025).

[t20241023_11514804.html](https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202410/t20241023_11514804.html) (дата обращения: 10.08.2025).

4. Xiujun, Xu. *The BRICS Studies: Theories and Issues*. London: Routledge. 2020.
5. Wang, L, Zhang, Y and Xi, H. *The Political Economy of China's Rising Role in the BRICS: Strategies and Instruments of the Chinese Way*. *The Chinese Economy*. 2021.
6. Wang, W, Long, Ch. A New Era of “Greater BRICS Cooperation”: The Future of the World and China's Role. URL: <https://brics-econ.arphahub.com/article/129530/> (дата обращения: 10.08.2025).

CHINA'S LEADING ROLE IN BRICS: OPINIONS OF CHINESE SCHOLARS.

Nesterov A.O.

St. Petersburg State University

The paper examines China's leading role in BRICS through the lens of Chinese scholars' perspectives. It traces the evolution of China's foreign policy since the 1979 reforms and its impact on BRICS' formation and development. The creation and activities of the BRICS association are taking place in full accordance with China's foreign policy concepts. Key Chinese initiatives, such as the BRICS+ model and the New Development Bank, are analyzed. The author explores divergent views among Chinese experts: some argue that China deliberately restrains its dominance to promote equitable partnership, while others advocate for stronger leadership to advance global governance reforms. The article highlights BRICS' significance as a platform for South-South cooperation and a driver of systemic change. Challenges, including internal balance and external pressures, are discussed alongside future prospects for the group.

Keywords: BRICS, China, leadership, global governance, New Development Bank, “BRICS+”, international institutions, multipolar diplomacy.

References

1. Full text of Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202410/t20241023_11514804.html (дата обращения: 10.08.2025).
2. Qin, Ya. Development of International Relations theory in China: Progress through debates. *International Relations of the Asia-Pacific*, 11 (2011) 231–257.
3. Xi Jinping. Embracing a Broader View and Cutting Through the Fog of Challenges to Advance High-Quality Development of Greater BRICS Cooperation. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202410/t20241023_11514804.html (дата обращения: 10.08.2025).
4. Xiujun, Xu. *The BRICS Studies: Theories and Issues*. London: Routledge. 2020.
5. Wang, L, Zhang, Y and Xi, H. *The Political Economy of China's Rising Role in the BRICS: Strategies and Instruments of the Chinese Way*. *The Chinese Economy*. 2021.
6. Wang, W, Long, Ch. A New Era of “Greater BRICS Cooperation”: The Future of the World and China's Role. URL: <https://brics-econ.arphahub.com/article/129530/> (дата обращения: 10.08.2025).

Аксиология Римской империи в контексте формирования многополярного мироустройства

Сардарян Генри Тигранович,

доктор политических наук, профессор, МГИМО МИД России

E-mail: sardaryan.mgimo@gmail.com

Целью исследования является осмысление идейно-ценностных основ политической интеграции в контексте формирования современного многополярного мира с опорой на исторический опыт Римской империи. Автор ставит задачу выявить, каким образом совокупность культурных, правовых, религиозных и политических концепций способна обеспечивать долговременную устойчивость многонациональных и многоконфессиональных объединений.

Методологическая база работы опирается на междисциплинарный подход, сочетающий политико-философский анализ, сравнительно-исторический метод и элементы цивилизационной теории. В качестве источников привлечены труды античных авторов (Полибий, Цицерон, Тит Ливий, Августин Блаженный), представителей европейской философской традиции (Монтескье, Эдвард Гиббон) и мыслителей XX века (О. Шпенглер, Дж.А. Тойнби, С. Хантингтон), а также анализ римских правовых, архитектурных и визуальных памятников.

Ключевой вывод исследования заключается в том, что долговечность крупных политико-цивилизационных образований определяется не только их военной и экономической мощью, но прежде всего наличием интегрирующей идеи, обеспечивающей ценностное единство и способной адаптироваться к изменениям внутренней и внешней среды. Опыт Рима показывает, что кризис наступает, когда миссия утрачивает своё этическое и культурное содержание, а институты перестают быть носителями объединяющей идеологии.

Ключевые слова: Римская империя, многополярность, ценности, цивилизация, идеологии.

Современный этап развития мировой политики постепенно ведет к формированию консенсуса о необратимости многополярного устройства, которое, однако, понимается разными центрами силы и традициями философской мысли совершенно по-разному. Дискуссии и споры, как правило, разворачиваются вокруг критериев выделения тех или иных полюсов, с отсылками к экономическим индикаторам, военной мощи и многим другим количественным показателям.

Не отрицая значимости упомянутых факторов, представляется, тем не менее, что полюсы, в поисках которых сталкиваются точки зрения разных авторов и мыслителей, в современном мире будут сформированы не только по экономическим и военным показателям, но и значительно более глубинным и фундаментальным основаниям. Несправедливо забытая в эпоху окончания Холодной войны цивилизационная теория, казалось, безвозвратно проиграла в борьбе либеральному универсализму с его простыми решениями, одинаковыми институтами, правовым регулированием и секулярной этикой. Однако, возможно, именно простота универсализма предопределила невозможность его практической реализации в мире, со столь сложными и разнообразными ценностными системами, культурными и религиозными традициями.

Вновь обретая к себе пристальное внимание, цивилизационная теория проходит через определенную трансформацию, в которой необходимо смотреть на нее не через призму столкновения, а скорее взаимодействия совершенно разных центров, вокруг которых объединяются различные народы. А это, в свою очередь, диктует важность изучения опыта предшествующих цивилизаций, для понимания закономерностей их зарождения, развития и упадка.

С этой точки зрения, нового взгляда требует и осмысление онтологии цивилизационного. Для понимания того, что есть цивилизация, следует посмотреть на привычные понятия и сущности в новом свете. Одним из таких новых веяний могло бы стать пристальное изучение империй, как политической формы организации цивилизации.

Что у них общего? И цивилизации, и империи объединяют огромные территории и народы, часто совпадая в границах. Они обладают одним культурно-ценностным ядром, самоопределяются через высшее предназначение и стремятся к обретению максимально допустимого статуса универсального порядка устройства и ценностей для разных этносов. Ключевое различие заключается в том, что империя является политической формой попытки этой интеграции разных народов и этносов в единый строй.

Отчасти, зачатки подобного подхода можно найти у Дж.А. Тойнби, писавшего [1] об универсальных государственных формах, которые завершают развитие цивилизационного цикла. Взаимосвязь между цивилизацией и империей можно найти и у О. Шпенглера который утверждал [2], что «мировое государство» – естественная стадия цивилизации, когда её духовный импульс выдыхается и на первый план выходит политическая форма. То же можно сказать и о С. Хантингтоне, отмечав-

шем, что цивилизации почти всегда находили институциональное выражение в крупных империях, которые были носителями и защитниками этого культурного кода [3].

Однако наиболее ранние косвенные свидетельства близости этих понятий можно найти в «главной» империи античности, во многом сформировавшей последующие представления о сущности цивилизации – в Риме. *Civilitas* (цивилизация) и *imperium* (власть) в римском политическом языке были очень тесно переплетены. Изучение опыта Рима, как одновременно цивилизации и имперской формы политической интеграции позволяет лучше понять, за счет чего способно сформироваться единство различных народов под властью единого центра, как на это влияет ценностная система и идеология, какие институты задействованы в их распространении, а самое главное – почему имперская идея может в определенный момент перестать функционировать?

Идея и империя

Империя – это прежде всего форма организации государства. Можно утверждать, что наивысшая по своей сложности, потому что она способна объединять сотни народов в процессе государственного строительства вокруг общей миссии. Представлять эту миссию, как одну задачу было бы упрощением. Это, скорее, сложная система общих ценностей, идей, образа жизни, поведения, правил и норм, воплощаемых в жизнь едиными институтами. Империи возникают на основе объединяющей идеи, которая воплощается в институтах и задаёт «дух» власти. При утрате идеи институты формализуются, элиты деградируют, а народ перестаёт ассоциировать себя с государством.

Полибий считал, что как только граждане предпочитают личную выгоду общей пользе и роскошь становится целью, государство движется к упадку [4]. Цицерон, в том же ключе, говорил о государстве, как деле народа, который является не всяким соединением людей, а союзом, основанном на согласии в праве и общности интересов [5]. Схожую идею можно найти и у Тита Ливия, который связывал могущество Рима с нравственной строгостью, утраченной с приходом роскоши и упадка нравов [6].

Можно было бы утверждать, что подобные взгляды отражали этические нормы античности с ее картиной мира, однако и Аврелий Августин отражает схожую точку зрения, говоря о том, что любое земное государство рухнет, если строится на любви к себе, а не на любви к истине и Богу [7]. Монтескье связывает упадок государства с утратой духа, после которой институты перестают работать [8].

Всех упомянутых мыслителей объединяет общая убежденность в том, что за империей стоит не только военная мощь, экономический уклад и прочие важные составляющие, но в первую очередь – единая этика, которая должна быть основана на концепции общего блага и отрицании индивидуального эгоизма. Эти убеждения являются идеями, в философском смысле слова, которые цементируют связь личности, общества и государства в единый фундамент, способный противостоять внешним и внутренним вызовам.

Наиболее емкий и простой научный вердикт, в данном смысле, вынес Эдвард Гиббон, ведущий историк Римской империи – «Рим пал, когда римляне перестали быть теми, кто создал Рим» [9]. Кем же были римляне, которые создали Рим? Какие идеи их объединяли, кто воплощал их в жизнь и почему эти идеи перестали интегрироваться и консолидировать римское общество?

Римская империя, как идея

Если попытаться максимально обобщить ключевые идеи, лежащие в основе единства Римской империи на протяжении ее истории, то можно выделить 8 главных концепций.

1. *Imperium* – верховная власть и идея универсальной юрисдикции. Понятие *imperium* в римской политической философии обозначало не только военное командование, но и право на высшее управление, признанное всей общиной. Оно несло в себе идею сакральной легитимности власти.

Главной интегративной функцией этой идеи было объединение подчиненных народов под единым порядком и политическим центром, воспринимаемым как источник законности.

2. *Pax Romana* – римский мир как цивилизационная миссия. Это концепция, восходящая к Октавиану Августу и предполагающая, что римское господство гарантирует порядок, безопасность и экономическое процветание.

Ее интегративная функция состояла в легитимизации власти, как гаранта всеобщей стабильности, что вело к тому, что покоренные народы воспринимали порядок как единственную альтернативу хаосу межплеменных войн.

3. *Romanitas* – римская культурная идентичность. Термин активно использовался в поздней Империи и обозначал комплекс ценностей, норм поведения, языка (латынь), права и гражданских обязанностей, который формировал ощущение принадлежности к «римскому миру».

Здесь интегративная функция заключалась в возможности для разных народов интегрироваться через принятие римских норм – от юридических категорий до архитектурных стандартов.

4. *Civitas Romana* – идея единого гражданства. Римское гражданство изначально являлось привилегией жителей Рима, однако постепенно расширялось на провинции.

С точки зрения интегративной функции, единое гражданство превращало подданных в участников политико-правового пространства, создавая чувство принадлежности к единому сообществу, независимо от этнических корней.

5. *Lex Romana* – универсализм римского права. Римское право основывалось на принципах *ius civile* (право граждан), *ius gentium* (право народов) и *ius naturale* (естественное право).

Как интегративная функция, римское право обеспечивало единый правовой стандарт для всех подданных, что создавало доверие к судебной системе.

6. *Religio et Pietas* – религиозно-гражданская лояльность. Рим рассматривал религию как общественный договор с богами, а верность императору включалась в религиозную сферу.

Интегративная функция, в данном контексте, заключалась в сведении разных культов в единую систему, которая, при этом, допускала местные верования, если они не подрывали общественный порядок.

7. *Auctoritas Senatus et Principis* – авторитет как основа власти. В отличие от *potestas* (формальной власти), *auctoritas* – это признанный авторитет, моральное превосходство и способность вести за собой.

Очевидная интегративная функция заключалась в том, что личный авторитет лидеров создавал доверие к политической системе.

8. *Idea universi orbis terrarum* – представление о мировой миссии. Рим видел себя центром *orbis terrarum* –

«обитаемого мира». В поэзии Вергилия формула звучала как призывание: «Ты, римлянин, помни – тебе властвовать над народами» [10].

Интегративная функция этой идеи заключалась в придании римскому правлению смысла исторической миссии, возвышавшей его над местными общинами.

Эти идеи распространялись и реализовывались посредством разных институтов, каждый из которых обладал собственными функциями и ролью в поддержании единого порядка.

Император являлся верховным носителем *imperium* и *auctoritas*, гарантом *pax romana* и сакрального порядка. Личность императора становилась живым символом единства империи. Культ императора закреплял идею лояльности через сакральные практики.

Сенат был институтом аристократии, хранителем обычаев предков и законодательной памяти Рима. Именно он обеспечивал преемственность ценностей – *romanitas* и *civitas romana* – даже при смене императоров.

Важнейшая роль отводилась армии, как инструменту распространения и защиты *imperium*, а лагеря и колонии выступали как центры романизации. Легионеры, часто получавшие гражданство после службы, становились носителями *romanitas* в провинциях.

Провинциальные администрации, в свою очередь, занимались управлением территориями, взиманием налогов, поддержание порядка, распространением римских законов. Наместники, прокураторы и муниципальные элиты становились связующим звеном между центром и местными сообществами.

Жречества и религиозные коллегии поддерживали *pax deorum*, осуществляли контроль за публичными культами, интегрировали императорский культ в религиозную систему, то есть, закрепляли *pietas* как основу лояльности к государству.

Если систематизировать основные идейные основы имперского строительства и носителей этих концепций, то можно представить аксиологическую систему Рима следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Идея	Носители	Институты	Риторический образ
<i>Imperium</i>	Император, армия	Преторианская гвардия, легионы	«Сила, освящённая законом»
<i>Pax Romana</i>	Император, наместники	Провинциальная администрация	«Мир и порядок для всех»
<i>Romanitas</i>	Элиты, учителя, ветераны	Муниципии, школы	«Быть римлянином – быть цивилизованным»
<i>Civitas Romana</i>	Сенат, магистраты	Городские советы	«Единое гражданство»
<i>Lex Romana</i>	Юристы, судьи	Претурные, провинциальные суды	«Закон один для всех»
<i>Pietas</i>	Жрецы, император	Коллегии понтификов	«Верность богам и государству»

Идея Рима, как образ

Помимо формально-властных воплощений идей Рима, как универсальной империи, необходимо отметить и широкий спектр визуальных форм, благодаря которым на-

селение империи ощущало свою принадлежность к единому государству, обладающему вселенской миссией.

Один из ярких примеров – архитектура, которая являлась манифестом власти. Форумы и базилики демонстрировали *auctoritas* и централизованный правопорядок. Скажем, Форум Августа включал храм Марса Мстителя, символизировавший сакральную миссию императора по защите и воздаянию справедливости. Архитектурная планировка подчинялась идее упорядоченности и масштаба – метафора гармоничного мира под властью Рима. Триумфальные арки увековечивали *imperium* и военную славу Рима. Амфитеатры демонстрировали щедрость и *pax romana* через публичные торжества и развлечения.

Некоторые ученые обращают особое внимание на монеты, которые были «газетами античности», и быстро распространялись по всей Империи, достигая самых удалённых провинций, попутно укрепляя идею *Auctoritas* и *Pax Romana* [11].

Получавшие широкое распространение скульптуры императоров также играли свою символическую роль. Статуя Августа из Прима Порты, изображающая императора в доспехах, с поднятой рукой в жесте оратора символизировала сочетание военной и дипломатической мощи, то есть синтеза *imperium* (военной силы) и *auctoritas* (ораторского и морального авторитета). Тем же целям могли служить триумфы, во время которых город видел победителя в окружении трофеев, пленных и символов покорённых народов, что подтверждало военный *imperium* и божественное благоволение (*pax deorum*). Для сакрализации же власти императора, в провинциях храмы Августа стояли рядом с местными святынями, что символизировало их интеграцию.

Все упомянутые идеи, определявшие консолидирующую основу Римской империи оставались бы исключительно теоретическими изречениями, если бы не получали конкретного практического воплощения в глазах элиты и населения.

Pax Romana на практике реализовывалась активной деятельностью римской власти по обеспечению безопасности дорог, стабильности границ и защиты от межплеменных конфликтов. В обмен от подданных ожидалась лояльность и уплата налогов.

Инфраструктурные проекты, такие, как дороги, акведуки, рынки вели к прямой материальной пользе граждан. Снижение уровня насилия между общинами – к экономическому росту. Участие в экономике империи означало доступ к рынкам.

Civitas Romana и *Lex Romana* предполагали для граждан возможность на судебную защиту и апелляции в Рим, люди разного происхождения могли решать споры друг с другом благодаря единому правовому языку, в результате чего Рим мог рассматриваться подданными в качестве источника справедливости.

Или, скажем, *Romanitas* реализовывалась римской властью в форме активного вовлечения местных аристократов в имперскую систему – через образование и военную службу. Элиты, таким образом, получали доступ к должностям и материальные привилегии, а взамен транслировали римскую идеологию своим общинам.

Каждый из принципиальных идейных столпов империи имел под собой очень конкретные материальные и визуальные формы реализации для элиты и населения, что обеспечивало быстрое распространение и закрепление данных концепций. Материальная польза, в итоге, вела к экономической зависимости от империи, правовая система создавала доверие к центральной власти, социальная мобильность превращала местные элиты

в агентов Рима, и все это в условиях все повышающейся сакрализации власти.

Кризис идейной основы

Идеи, лежащие в основе Римского мира постепенно проходили через трансформацию и претерпевали кризис, однако это был не единомоментный процесс. Каждый из них претерпевал изменения из-за различных факторов, оказавших значительное влияние, сначала на сами ценности, а затем и на идейный фундамент империи.

Imperium в период раннего принципата (I–II вв.) ассоциировался с харизмой и военными победами императора. Он ещё сохранял республиканский ореол легитимности, с опорой на Сенат, традицию и *auctoritas*. К III веку идея всё больше связывалась с военной силой и способностью защитить границы, что делало её более узкой и военизированной. В дальнейшем же imperium обожествлялся и приобретал черты восточной сакрализации власти, что объяснялось сильным влиянием персидской и эллинистической монархической традиции.

Pax Romana в I–II вв. гарантировал реальный мир и безопасность: дороги, подавление пиратства, стабильная торговля. В III–V вв. всё больше учащались войны на границах, гражданские войны и набеги варваров, что размывало саму основу этой идеи. К концу империи «*Pax Romana*» стала скорее риторическим лозунгом, чем реальностью, что подрывало доверие к власти.

Romanitas в ранний период обеспечивала привлекательность высокой римской культуры, права, архитектуры и образа жизни. В поздний период варварские элиты усваивали внешние формы римской культуры, но ядро идентичности постепенно смещалось к христианству. В итоге, «римскость» постепенно становилась не этнокультурным, а административно-религиозным понятием.

Civitas Romana до эдикта Каракаллы (212 г.) предполагало, что гражданство было элитарным и ценилось как привилегия. После эдикта массовое распространение гражданства обесценило его символическую силу, превратив в формальный статус.

Lex Romana в I–II вв. обеспечивало восприятие римского права как эталона справедливости и порядка. В поздней империи правовая система перегружалась императорскими указами, становилась более бюрократичной и менее гибкой. В итоге, право хоть и оставалось мощным инструментом управления, но утратило былую «миссионерскую» привлекательность.

Pietas до IV века строилась вокруг культа императора и пантеона богов. С IV века христианизация полностью меняет содержание идеи, а прежняя форма *pietas* становится историческим анахронизмом. Происходит радикальная трансформация, при которой римские сакральные ценности заменяются христианскими.

Трансформации империи вызывали различную реакцию внутри элитных групп государства. С постепенным расширением власти императора и уменьшением роли Сената традиционные республиканские идеалы видоизменялись, что вызывало недовольство аристократии. Многие сенаторы и философы критиковали излишнюю концентрацию власти в руках одного человека, что противоречило республиканским принципам. Провинциальные элиты и локальные общины часто выступали против централизации государственной власти. Попытки римской администрации стандартизировать право, культуру и религию часто воспринимались как угроза местным традициям. Провинциальная знать, жрецы, местные правители, общины с сильной этнокультурной идентичностью (кельты, иудеи, египтяне) видели в насаждении римских институтов и обычаев разрушение традицион-

ных устоев, в отдельных провинциях попытки внедрить культ императора воспринимались как идолопоклонство [12].

Монотеистические религии, прежде всего, с распространением христианства, отказывались признать римский культ императора и пантеон богов, что ставило под сомнение религиозную легитимацию власти. Христиане, иудеи, а позже и манихеи отказывались принимать участие в имперских культовых практиках, проповедуя духовную модель власти [13].

Миграционные волны и вторжения, в свою очередь, ставили под вопрос эффективность римских концептов, а сами варвары зачастую сохраняли свои автономные социальные и религиозные системы. Племена готов, вандалов, аланов, франков и др. отказывались подчиняться римским законам и культуре, предпочитая сохранение собственной идентичности, а интеграция, если и происходила, то, в основном, за счет военной силы, а не идеологической симпатии.

Таким образом, главными векторами кризиса имперских идей были политический (трансформация республиканских принципов), этнокультурный (сопротивление централизации и ассимиляции), религиозный (отказ принимать культ императора и пантеон богов) и философский (поиск этических оснований власти и свободы).

В результате, со временем начали формироваться альтернативные нарративы и модели лояльности, представляющие угрозу имперскому идейно-теоретическому базису Рима. У них были различные измерения и целеполагание, что в еще большей степени затрудняло возможность единовременной реакции и ограничения распространения внутри государства.

В этнокультурном измерении очевидными были тенденции к формированию альтернативной модели идентичности, отличной от римской. Иудейский национализм и религиозная идентичность, связанная с Законом Моисея и мессианскими ожиданиями, с одной стороны, кельтские и германские мифы и обряды, подчеркивающие автономию и духовную самобытность – с другой, также, как стремление египетских жрецов и элиты опираться на древний религиозный и культурный канон, сохранявший преемственность с фараонским прошлым – все вносили свой вклад в невозможность осуществления полноценной интеграции и ассимиляции этих регионов в составе Рима.

Ключевой конфликт в религиозном измерении был связан с появлением и распространением христианства, которое формировало новую модель лояльности, ориентированную на общину верующих и духовного лидера (епископа), а не на светскую власть. Христианство предлагало трансцендентальный смысл жизни, обещая спасение и вечную жизнь, что существенно снижало значимость римских культов. Стоит, однако, отметить, что в случае с христианством Риму со временем удалось найти в нем новую основу для имперского строительства. Христианская империя Константина и его преемников сформировала идею *sacrum imperium*, где власть императора рассматривается как божественный дар и служение Церкви. Роль Церкви стала сосредоточена вокруг статуса центра новой общности, которая претендовала на универсальность и превосходство над этническими и региональными идентичностями.

Постепенно возникали и военно-административные, клиентелистские модели лояльности. В них преданность строилась не на идеях гражданства или религии, а на личных связях с военной или политической элитой, посредством патронажа, военной службы и распределения материальных благ. Ветераны легионов, получа-

шие землю и пенсии формировали особую «военную» идентичность.

Заключение

Современное понимание многополярного мира требует отхода от узких экономико-военных критериев и обращения к глубинным основаниям цивилизационного развития. Опыт Римской империи демонстрирует, что устойчивость и долговечность политических объединений зависят от идейного фундамента, который способен интегрировать различные народы и культуры. Римский проект строился на совокупности концепций – от *imperium* и *rex romanus* до *romanitas* и *lex romana*, – которые в совокупности формировали единую культурно-правовую и ценностную систему. Их жизнеспособность обеспечивалась через институциональное воплощение, материальную выгоду для населения и визуально-символическое закрепление.

Однако трансформация этих идей под воздействием внутренних и внешних факторов – политических, этнокультурных, религиозных – привела к постепенному кризису имперской идентичности. Ослабление первоначальной этической основы и подмена миссии формальными институтами стали предпосылками распада империи. Вместе с тем, Рим показал, что даже после идейного кризиса возможна адаптация – например, интеграция христианства как новой универсальной основы.

Исторический урок Рима в том, что долговечность крупных политико-цивилизационных образований определяется не столько военной или экономической мощью, сколько способностью формировать, транслировать и обновлять объединяющую идею, способную отвечать на вызовы времени и интегрировать разнообразные сообщества в единое целое. Этот вывод представляется особенно значимым в условиях формирования современного многополярного мира, где конкуренция будет вестись не только за ресурсы, но и за привлекательность и жизнеспособность ценностных моделей.

Литература

1. Arnold J. Toynbee. A Study of History. Oxford University Press, 1957. p. 552.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М. Мысль, 1993. С. 163.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
4. Полибий. Всеобщая история. М.: АСТ, 2004.
5. Цицерон. О государстве. М.: Neoclassic, 2022.
6. Ливий Т. История Рима от основания города. – М.: Наука, 1989.
7. Августин А. О граде Божием. М.: Омега-Л, 2021.
8. Монтескье Ш. Л. О духе законов. СПб.: Азбука, 2023.
9. Гиббон Э. «История упадка и разрушения Римской империи». М.: Академический проект, 2023.

10. Вергилий П.М. Энеида. М.: АСТ, 2023.
11. Burnett, A. Coinage in the Roman World. London: Seaby, 1987.
12. Флавий И. Иудейская война. М.: Мосты культуры, 1992.
13. Евсевий П. Церковная история. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993.

AXIOLOGY OF THE ROMAN EMPIRE IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A MULTIPOLAR WORLD ORDER

Sardaryan G.T.
MGIMO MFA of Russia

The aim of the study is to understand the ideological and value foundations of political integration in the context of the formation of a modern multipolar world based on the historical experience of the Roman Empire. The author sets the task of identifying how a set of cultural, legal, religious and political concepts can ensure the long-term sustainability of multinational and multi-confessional associations. The methodological basis of the work is based on an interdisciplinary approach that combines political and philosophical analysis, a comparative historical method and elements of civilizational theory. The sources include the works of ancient authors (Polybius, Cicero, Titus Livy, Augustine of Hippo), representatives of the European philosophical tradition (Montesquieu, Edward Gibbon) and thinkers of the 20th century (O. Spengler, J.A. Toynbee, S. Huntington), as well as an analysis of Roman legal, architectural and visual monuments. The key conclusion of the study is that the longevity of large political and civilizational formations is determined not only by their military and economic power, but above all by the presence of an integrating idea that ensures value unity and is capable of adapting to changes in the internal and external environment. The experience of Rome shows that a crisis occurs when the mission loses its ethical and cultural content, and institutions cease to be bearers of a unifying ideology.

Keywords: Roman Empire, multipolarity, values, civilization, ideologies.

References

1. Arnold J. Toynbee. A Study of History. Oxford University Press, 1957. p. 552.
2. Spengler O. The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History. M. Mysl, 1993. p. 163.
3. Huntington S. The Clash of Civilizations. M.: AST, 2003.
4. Polybius. General History. M.: AST, 2004.
5. Cicero. On the State. M.: Neoclassic, 2022.
6. Livy T. History of Rome from the Foundation of the City. – M.: Science, 1989.
7. Augustine A. On the City of God. M.: Omega-L, 2021.
8. Montesquieu C.L. On the Spirit of the Laws. SPb.: Azbuka, 2023.
9. Gibbon E. "The History of the Decline and Fall of the Roman Empire". Moscow: Academic Project, 2023.
10. Virgil P.M. Aeneid. Moscow: AST, 2023.
11. Burnett, A. Coinage in the Roman World. London: Seaby, 1987.
12. Flavius I. The Jewish War. Moscow: Mosty Kultury, 1992.
13. Eusebius P. Church History. Moscow: Edition of the Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery, 1993.

«Диалоговая дипломатия» в трансформации евразийского порядка – сдержек и противовесов китайско-российского регионального сотрудничества с западными санкциями

Сун Цзе,

независимый исследователь

E-mail: 2502693587@qq.com

В статье представлен комплексный анализ роли диалоговой дипломатии в трансформации евразийского порядка на примере российско-китайского регионального сотрудничества в условиях усиления западных санкций. Рассматриваются основные вызовы, сдержки и противовесы, возникающие на фоне санкционного давления со стороны США и ЕС, а также раскрывается специфика адаптации двусторонних и многосторонних форматов дипломатии в Евразии. Особое внимание уделено эмпирическим примерам институционального взаимодействия, корректировке торгово-экономических стратегий и взаимной работе в рамках международных организаций (ШОС, БРИКС, ЕАЭС). Автор показывает, что диалоговая дипломатия способствует формированию гибких механизмов реагирования на внешние вызовы и обеспечивает устойчивую основу для долгосрочного развития сотрудничества России и Китая, несмотря на существующие ограничения и асимметрии.

Ключевые слова: диалоговая дипломатия, Россия, Китай, евразийский порядок, западные санкции, региональное сотрудничество, международные организации, партнерство, сдержки, противовесы, интеграция, внешняя политика.

В современных условиях сетевая дипломатия приобретает всё большее значение, открывая перспективы для нового формата международного взаимодействия. Её теоретическое становление происходило на фоне усложнения системы участников мировой политики, а также в связи с активной секьюритизацией различных областей глобальных отношений (Keohane & Nye, 2011 [20]; Buzan [18], Wæver & de Wilde, 1998]). Постепенно сетевая дипломатия трансформировалась из концептуального подхода в действенный инструмент, который сейчас широко применяется странами в продвижении собственных внешнеполитических интересов.

Среди исследователей до сих пор нет единого подхода к пониманию природы сетевой дипломатии, а подходы российской и западной научных школ заметно различаются. В зарубежной академической среде данное понятие тесно связано с возрастанием влияния негосударственных структур, что выражается в акценте на плюрализме участников дипломатического процесса. Значительная часть работ анализирует, каким образом механизмы сетевой дипломатии могут применяться для разрешения конфликтных ситуаций между государствами или внутри них, что отражено, в частности, в исследованиях Бударина Н.А., Воронцова Н.А. [4, 5]. Отдельное внимание уделяется трансформации дипломатических практик под воздействием стремительного развития информационно-коммуникационных технологий, что, по мнению Жаркова С.Е. [4], усиливает потенциал сетевой дипломатии в эпоху цифровизации.

Российские учёные, напротив, склонны истолковывать сетевую дипломатию как одну из разновидностей многостороннего дипломатического взаимодействия, при котором ведущая роль остаётся за государством. Таким образом, специфика трактовок сетевой дипломатии тесно связана с общей парадигмой научных исследований в соответствующих странах, а её применение продолжает развиваться, находя отражение как в концептуальных подходах, так и в реальных дипломатических практиках.

Между отечественными и зарубежными научными школами существует сходство в оценке структуры и механизмов сетевой дипломатии: как российские Колосова И.В. [11], так и западные исследователи Зеленева И.В. [9] подчёркивают такие черты, как гибкость, неиерархичность и отказ от жёсткой бюрократии. Эти особенности способствуют сокращению времени на согласование позиций и выработку решений, что делает возможным привлечение к взаимодействию государств, предпочитающих дистанцироваться от формального членства в международных организациях – в первую очередь, нейтральных государств с особыми доктринальными ограничениями, а также тех, кто не готов к сотрудничеству по каким-либо отдельным направлениям.

Проведя сравнительный анализ разнообразных трактовок феномена сетевой дипломатии и рассмотрев накопленный практический опыт применения сетевых инструментов на примере Российской Федерации, предлагается использовать следующее понимание этого понятия. Сетевая дипломатия может быть определена как форма многостороннего взаимодействия, для которой

характерны отказ от жёстко предписанных регулирующих процедур, отсутствие единого уставного документа и физической штаб-квартиры. Контакты между государственными структурами и другими участниками складываются за счёт гибких моделей сотрудничества, не зависящих от формализованных правил. Подобное сетевое взаимодействие развивается на различных уровнях – от глобального до макрорегионального и регионального, принимая разнообразные организационные формы: от универсальных сетевых институтов, схожих по тематике с существующими международными организациями, до специализированных региональных площадок, объединяющих представителей стран, интеграционных объединений, неправительственных организаций, а также временных рабочих групп, создаваемых для решения конкретных проблем или мирного урегулирования военно-политических конфликтов.

Одной из ключевых особенностей сетевых площадок выступает их высокая степень открытости и способность включать широкий спектр участников, что способствует привлечению разнопрофильных интересантов к процессу международного взаимодействия. Данная специфика позволяет эффективно воплощать на практике договорённости, достигнутые на уровне традиционной дипломатии, за счёт распределения функций между различными акторами. Вовлечение представителей делового сообщества обеспечивает уменьшение финансовых затрат при внедрении соглашений, в то время как научные и образовательные круги, благодаря своей экспертизе и интеллектуальным ресурсам, зачастую становятся источником новых концепций, а также вносят вклад в развитие международных инициатив с учётом специфики и компетентностного потенциала.

В российском контексте востребованность сетевых инструментов проявилась особенно ярко в середине 2000-х годов: именно в этот период после отказа от прежней блоковой структуры, унаследованной от холодной войны, Россия акцентировала внимание на выстраивании многовекторного и равноправного партнерства с зарубежными странами. Вопросы теоретического и практического осмысления концепта сетевой дипломатии становились предметом исследования как в России, так и за рубежом в 2008–2013 годах, а также во второй половине 2010-х. В это время главный интерес научного сообщества был сосредоточен на изучении крупных международных форумов – «Группы восьми» (Ларионова, Рахмангулов, 2009 [14]), «Группы двадцати» (Kirtan, 2013; Hajnal, 2019 [19]; Ларионова, 2017) и БРИКС (Филатов, 2011; Шелепов, 2015; Кузнецов, 2020) [12], отличающихся значительной географической представленностью и масштабным охватом тематик. Для России в этот период первостепенной задачей стало выстраивание такого положения на мировой арене, которое бы отражало её реальные возможности и ресурсы. Решение этой задачи осуществлялось, в частности, через развитие взаимодействия с незападными странами в рамках сетевых инициатив, таких как «Группа двадцати» и создававшийся тогда форум БРИКС [13].

На региональном уровне инструменты сетевой дипломатии оказались весьма значимыми для развития отношений между различными странами Евразии. Благодаря гибкости такого взаимодействия существенно упростился процесс налаживания и укрепления связей с многочисленными зарубежными партнёрами. Особенно это проявилось в возможности избирательного вовлечения отдельных стран в сотрудничество, при сохранении широкой тематики деятельности соответствующих площадок. Такой подход отвечал логике «разноскоростной интеграции», которую Россия реализует на евразийском пространстве.

Анализ литературных источников, посвящённых вопросам многосторонней дипломатии в Евразии, свидетельствует о возрастающем интересе к развитию региональных платформ как инструментов углубления экономических контактов (Lissovnikov, 2017; Редькина, Круг, 2024 [17]; Хейфец, 2018), а также эффективного взаимодействия в сфере коллективной безопасности (Галлямова, Аминов, 2022; Жарков и др., 2024; Турлыбаева, 2022). В последнее время исследователи уделяют особое внимание анализу вклада этих объединений в современные процессы международных отношений (Бударина, Прокопович, 2024; Малышев, 2021; Еникеев, Лукин, Новиков, 2024) [15].

Использование системного подхода в исследовании современной архитектуры международных отношений, основы которого были подробно разработаны А.Д. Богатуровым (Богатуров, 2017), позволяет показать потенциал инициативы Большого Евразийского партнерства (БЕП) как ключевого механизма формирования региональной подсистемы взаимодействий в Евразии. Особое внимание при этом уделяется учёту стратегических ориентиров и государственных интересов России, зафиксированных в обновлённой Концепции внешней политики 2023 года. Системная оптика обеспечивает возможность детального рассмотрения всей совокупности элементов подсистемы, охватывая как национальные государства, так и неправительственные структуры, а также способствует анализу воздействия внешней среды. Последняя включает отношения с государствами, не входящими в региональные объединения, а также влияние непредсказуемых факторов, таких как современные вызовы безопасности и действия внешних акторов – например, попытки коллективного Запада дестабилизировать российские интересы на евразийском направлении [10].

Данное исследование направлено на определение специфики и потенциала развития форм сетевой дипломатии, которые получила широкое распространение на примере таких ключевых региональных институтов, как Евразийский экономический союз и Шанхайская организация сотрудничества. Эти форматы способствуют построению взаимодействия как с внешними государствами, не входящими в состав вышеуказанных структур, так и по отдельным тематическим направлениям через деятельность специализированных рабочих групп. В методологическом плане работа базируется на институциональном подходе, позволяющем полноценно рассмотреть политические механизмы многоуровневого сотрудничества в рамках сетевых моделей Евразии и проанализировать особенности их функционирования с участием различных субъектов мировой политики. Дополнительно перспективы дальнейшего развития региональных сетевых инициатив в значительной степени связаны с инициативой Большого Евразийского партнёрства, рассматриваемого как интеграционное направление дипломатии России в региональном контексте.

Девальвация привычных механизмов международного диалога в XXI веке резко повысила интерес к изучению смешанных форм, таких как диалоговая дипломатия, когда ключевые игроки предпочитают немонологичную, гибкую коммуникацию. В условиях динамичной трансформации евразийского порядка, роль этого формата становится все более значимой, особенно на фоне ужесточения западных санкций в отношении России и Китая – двух центральных государств евразийского пространства [3]. Цель настоящей статьи – рассмотреть, как диалоговая дипломатия помогает Китаю и России выстраивать область сотрудничества, минимизируя издержки и создавая противовес санкционному давлению, и какими реальными примерами, препятствия и пути их преодоления проявляются в 2023–2025 годах.

В работе применяются сравнительно-исторический, институциональный и контент-анализ на основе официальных материалов МИД РФ и КНР, межправительственных соглашений, публикаций профильных российских и зарубежных исследователей [1], а также данных о региональных инициативах и статистики торгово-экономического взаимодействия [2]. В современной науке диалоговая дипломатия описывается как стратегия ведения международных отношений, предполагающая регулярный обмен мнениями и постоянный контакт на разных уровнях – от личных встреч лидеров до экспертных консультаций [1]. Эта модель реализуется через механизмы ШОС, БРИКС и регулярные двусторонние консультации. Китайско-российское партнерство в последние годы развивается по линии «всеобъемлющего стратегического взаимодействия» [8].

Санкционные ограничения привели к масштабной корректировке экономических и политических приоритетов двух стран в регионе: Россия вынуждена углублять восточный вектор, а КНР – диверсифицировать пути реализации инициативы «Один пояс, один путь» (One Belt, One Road, OBOR), снизив зависимость от западных рынков [8]. Примером служит масштабный рост российско-китайской внешней торговли: по официальным данным, товарооборот между странами в 2023 году впервые превысил \$240 млрд, что на 26,3% больше показателя 2022 года [2]. Однако взаимная экономическая консолидация сопровождается сдержками: Россия опасается чрезмерного доминирования Китая в уязвимых секторах (например, в высокотехнологиях и агропроме), а китайские корпорации – недостаточной прозрачности российского делового климата и риска вторичных санкций [7].

Стратегическое партнерство, несмотря на идеологическую близость, сталкивается с рядом ограничений [3]. Прежде всего, кардинально различаются национальные интересы: Китай обращён к экспансии собственных платформ и технологий, Россия стремится сохранить технологический и ресурсный суверенитет. Асимметрия экономического потенциала: в структуре двусторонней торговли доля российского экспорта (преимущественно энергоресурсы) существенно превышает китайский импорт высокотехнологичной продукции и инвестиций, что создает определенные перекосы.

Особым препятствием становится эффект санкций в финансовом секторе. Например, после подключения ряда российских банков к китайской системе платежей CIPS (альтернатива SWIFT), многие китайские банки начали ограничивать операции с российскими партнерами из опасения попасть под вторичные санкции США и ЕС [4]. В ответ дипломаты обеих стран активизировали регулярные переговоры на площадках совместных рабочих групп, что позволило к началу 2024 года отладить инфраструктуру расчетов в юанях и рублях по внешне-торговым контрактам [5].

Диалоговая дипломатия в евразийском пространстве проявляется не только в политике, но и на уровне конкретных проектов. В регионе активно развиваются совместные транспортные и энергоинфраструктурные проекты – от высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва-Казань, финансируемой при участии Китая, до комплексной модернизации портовой инфраструктуры Дальнего Востока [1]. В 2022–2023 гг. Россия и КНР предприняли совместные шаги по противодействию санкционным рискам: примечательна борьба с давлением на технологические цепочки – запуск совместных исследовательских центров и пилотных производств на территории ЕАЭС.

Параллельно Китай и Россия усиливают работу в ШОС, где обсуждаются неформальные механизмы

реагирования на ограничения Запада. По заключению И.С. Андропова [6], только динамичная, многоуровневая, в том числе диалоговая дипломатия, позволяет обеим державам не только реагировать на санкции, но и находить долгосрочные модели совместного развития.

Таким образом, несмотря на наличие множества противоречий и объективных ограничителей, именно формат диалоговой дипломатии обеспечивает России и Китаю гибкость и адаптательность при столкновении с санкционной средой и трансформацией глобальных правил игры. Регулируя баланс «сдержек и противовесов», страны находят компромиссные решения, что подтверждается нарастающей взаимозависимостью в сфере торговли и инфраструктуры, а также сохранением стратегического взаимодействия на уровне международных организаций. С 2025 года устойчивое развитие евразийского пространства зависит во многом именно от эффективности диалоговой дипломатии и умения оба государства оперативно реагировать на вызовы многополярного мира.

Литература

1. Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: научное издание. Москва: Аспект Пресс, 2017. EDN: YMUTLV
2. Бойко С.М. Проблематика международной информационной безопасности на площадках ШОС и БРИКС // Международная жизнь. 2019. № 1. С. 1–22. EDN: YVOHTN
3. Бударина Н. А., Прокопович Р.С. Место ЕАЭС в мир-системе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32, № 2. С. 337–352. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-2-337-352>, EDN: IXJLWH
4. Бурганова И.Н. Феномен сетевой дипломатии в системе международных отношений (на примере Российской Федерации) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 6–1. С. 120–123. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.48.080>; EDN: WAYQVB
5. Воронцова Н.А. Создание сетевых альянсов Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями // Московский журнал международного права. 2017. № 2 (106). С. 136–143. EDN: ZMQBKZ
6. Галлямова Д. А., Аминов И.Р. Роль ШОС в международной безопасности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12–1. С. 79–81. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-12-1-79-81>; EDN: OCJEWB
7. Еникеев Ш. М., Лукин А.В., Новиков Д.П. Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических условиях // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. Т. 19, № 1. С. 129–148. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-06>; EDN: ESYYGJ
8. Жарков С. Е., Самбилова А.А., Набойченко М.С., Едич Г.С., Литвиненко Д.В. Этапы становления системы региональной безопасности России на постсоветском пространстве // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. С. 201–203. EDN: NHBYDJ
9. Зеленева И. В., Ивановский Д.А. Сетевая дипломатия на евразийском пространстве: опыт Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3 (118). С. 44–49. EDN: XNACIH
10. Ковалёв В. С. ЕАЭС и Китай: партнерство в интересах самодостаточности // Евразийская интеграция:

экономика, право, политика. 2023. Т. 17, № 3. С. 15–24. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-15-24>; EDN: BCRME

11. Колосова И.В. Лабиринты «сетевой дипломатии» // Проблемы постсоветского пространства. 2014. № 2. С. 173–180. EDN: TZIAOX
12. Кузнецов Д.А. Сетевая текстура мировой политики: трансрегионализм БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 11. С. 124–131. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-11-124-131>; EDN: JJUNLA
13. Ларионова М.В. Россия в «Группе двадцати»: факторы успеха и задачи на будущее // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 349–371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-349-371>; EDN: YMRWGX
14. Ларионова М. В., Рахмангулов М.Р. «Группа восьми» и «Группа двадцати». Функции, приоритеты, типы взаимодействия с Россией // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. Т. 4, № 4. С. 134–167. EDN: LJMNI
15. Малышев Д.В. Шанхайская организация сотрудничества и ее роль в системе современных международных отношений (к 20-летию создания ШОС) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 4. С. 81–104. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104>; EDN: EQNZRQ
16. Петровский В.Е. На пути к Большому евразийскому партнерству: вызовы и возможности // Международная жизнь. 2017. № 6. С. 99–112. EDN: YUHOAJ
17. Редькина А. С., Круг Э.А. Торгово-экономические взаимосвязи стран ЕАЭС // Национальные приоритеты России. 2024. № 1. С. 27–34. EDN: DGGUJQ
18. Buzan B, Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998.
19. Hajnal P.I. The G20: Evolution, Interrelationships, Documentation. 2nd ed. New York: Routledge, 2019.
20. Keohane R. O., Nye J.S., Jr. Power and Interdependence. 4th edition. London: Pearson Longman, 2011.

“DIALOGUE DIPLOMACY” IN THE TRANSFORMATION OF THE EURASIAN ORDER – CHECKS AND BALANCES OF SINO-RUSSIAN REGIONAL COOPERATION WITH WESTERN SANCTIONS

Song Jie

The article presents a comprehensive analysis of the role of dialogue diplomacy in the transformation of the Eurasian order on the example of Russian-Chinese regional cooperation in the context of strengthening Western sanctions. The main challenges, checks and balances arising against the background of sanctions pressure from the United States and the EU are considered, and the specifics of adapting bilateral and multilateral formats of diplomacy in Eurasia are also revealed. Particular attention is paid to empirical examples of institutional interaction, adjustment of trade and economic strategies and mutual work within the framework of international organizations (SCO, BRICS, EAEU). The author shows that dialogue diplomacy contributes to the formation of flexible mechanisms for responding to external challenges and provides a stable basis for the long-term development of cooperation between Russia and China, despite the existing restrictions and asymmetries.

Keywords: dialogue diplomacy, Russia, China, Eurasian order, Western sanctions, regional cooperation, international organizations, partnership, checks, balances, integration, foreign policy.

References

1. Bogaturov A.D. International relations and foreign policy of Russia: scientific publication. Moscow: Aspect Press, 2017. EDN: YMUTLV
2. Boyko S.M. Problems of international information security on the SCO and BRICS platforms // International Affairs. 2019. No. 1. Pp. 1–22. EDN: YVOHTN
3. Budarina N. A., Prokopovich R.S. The place of the EAEU in the world system // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economy. 2024. Vol. 32, No. 2. Pp. 337–352. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-2-337-352>; EDN: IXJLWH
4. Burganova I.N. Phenomenon of Network Diplomacy in the System of International Relations (on the Example of the Russian Federation) // International Research Journal. 2016. No. 6–1. P. 120–123. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.48.080>; EDN: WAYQVB
5. Vorontsova N.A. Creation of Network Alliances of the Russian Federation with Foreign States and International Organizations // Moscow Journal of International Law. 2017. No. 2 (106). P. 136–143. EDN: ZMQBKZ
6. Galliamova D. A., Aminov I.R. The Role of the SCO in International Security // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 12–1. P. 79–81. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-12-1-79-81>; EDN: OCJEW
7. Enikeev Sh. M., Lukin A.V., Novikov D.P. The Shanghai Cooperation Organization in the New Geopolitical Conditions // Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. 2024. Vol. 19, No. 1. P. 129–148. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-06>; EDN: ESYYGJ
8. Zharkov S. E., Sambilova A.A., Naboychenko M.S., Edich G.S., Litvinenko D.V. Stages of formation of the regional security system of Russia in the post-Soviet space // Social and humanitarian knowledge. 2024. No. 1. P. 201–203. EDN: NHBVDJ
9. Zeleneva I. V., Ivanovsky D.A. Network diplomacy in the Eurasian space: the experience of the Eurasian Economic Union // Eurasian Law Journal. 2018. No. 3 (118). P. 44–49. EDN: XNACIH
10. Kovalev V.S. The EAEU and China: partnership in the interests of self-sufficiency // Eurasian integration: economics, law, politics. 2023. Vol. 17, No. 3. Pp. 15–24. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-15-24>; EDN: BCRME
11. Kolosova I.V. Labyrinths of “Network Diplomacy” // Problems of the Post-Soviet Space. 2014. No. 2. Pp. 173–180. EDN: TZIAOX
12. Kuznetsov D.A. Network Texture of World Politics: BRICS Trans-regionalism // World Economy and International Relations. 2020. Vol. 64, No. 11. Pp. 124–131. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-11-124-131>; EDN: JJUNLA
13. Larionova M.V. Russia in the G20: Factors of Success and Future Challenges // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2017. Vol. 17, No. 2. P. 349–371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-349-371>; EDN: YMRWGX
14. Larionova M. V., Rakhmangulov M.R. The Group of Eight and the Group of Twenty. Functions, Priorities, and Types of Interaction with Russia // Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. 2009. Vol. 4, No. 4. P. 134–167. EDN: LJMNI
15. Malyshev D.V. The Shanghai Cooperation Organization and its role in the system of modern international relations (on the 20th anniversary of the SCO) // Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics. 2021. Vol. 13, No. 4. P. 81–104. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104>; EDN: EQNZRQ
16. Petrovsky V.E. On the way to the Greater Eurasian Partnership: Challenges and Opportunities // International Life. 2017. No. 6. P. 99–112. EDN: YUHOAJ
17. Redkina A. S., Kруг E.A. Trade and economic relations of the EAEU countries // National priorities of Russia. 2024. No. 1. P. 27–34. EDN: DGGUJQ
18. Buzan B, Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998.
19. Hajnal P.I. The G20: Evolution, Interrelationships, Documentation. 2nd ed. New York: Routledge, 2019.
20. Keohane R. O., Nye J.S., Jr. Power and Interdependence. 4th edition. London: Pearson Longman, 2011.

Технологический суверенитет Китая в свете глобальных вызовов и идентичности

Сюй Инцзюань,

магистрант, Российский университет дружбы народов

E-mail: xuy031130@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы, связанные с формированием технологического суверенитета Китая в условиях турбулентности развития экономики. Целью исследования является анализ технологического суверенитета Китая в свете глобальных вызовов и идентичности. Методами исследования явились: анализ, сравнение, логическое рассуждение и многие другие. Подчеркивается важность формирования технологического суверенитета Китая в условиях глобальных вызовов и идентичности. Определено авторское понятие «технологический суверенитет». На формирование технологического суверенитета оказывает влияние множество внутренних и внешних факторов. Рассмотрены ключевые особенности формирования технологического суверенитета Китая. Изучено формирование технологического суверенитета Китая в условиях внешних угроз и глобальных вызовов. Автор делает вывод, что Китай должен предпринять необходимые меры для обеспечения достаточного уровня безопасности экономического развития, обеспечения технологического суверенитета. Изучен рейтинг стран по уровню технологического развития, который позволил определить, что Китай занимает лидирующее место в данном списке. Проведен анализ объема экспорта высокотехнологичной продукции стран-лидеров по экспорту высокотехнологичной продукции. Разработаны меры обеспечения технологического суверенитета Китая в свете глобальных вызовов и идентичности. Данные меры могут служить основой для проведения дальнейших исследований по данному направлению.

Ключевые слова: технологический суверенитет, Китай, глобальные вызовы, идентичность, развитие, национальная экономика, конкурентоспособность.

Введение

Вопросы обеспечения технологического суверенитета являются важными для многих стран в современных условиях, поскольку от их решения зависит уровень формирования и развития национальной экономики, обеспечения экономической безопасности, степень финансовой устойчивости и конкурентоспособности на мировом рынке. Следует отметить, что в условиях нестабильности развития экономики, под влиянием западных санкций роль технологического суверенитета увеличивается многократно. Для Китая формирование технологического суверенитета связано с историческим развитием, поскольку новые технологии, полученные в результате международного сотрудничества с другими странами, стали основой социально-экономического развития и процветания страны в целом. Именно благодаря использованию новых технологий Китай смог добиться прогресса во многих областях и сферах народного хозяйства. Следовательно, обеспечение технологического суверенитета Китая в условиях глобальных вызовов и идентичности является приоритетной задачей в современных условиях. Это определяет актуальность темы исследования, ее теоретическую и практическую значимость.

Проблематика исследования связана с тем, что в условиях обеспечения технологического суверенитета Китай сталкивается с глобальными вызовами экономики в технологической сфере, к числу которых относятся: западные санкции США (влияние западных санкций создает угрозу для технологического развития и формирования инновационного потенциала Китая), а также наличие технологического разрыва (разрыв связей обусловлен отсутствием тесных контактов с ведущими заводами и фабриками по выпуску передовых технологий). Эти и другие проблемы требуют пристального к себе внимания и поиска их решений.

Научная новизна исследования заключается в том, что в разработке мер обеспечения технологического суверенитета Китая в свете глобальных вызовов и идентичности.

Литературный обзор

Вопросам изучения технологического суверенитета Китая в свете глобальных вызовов и идентичности посвящено множество работ российских и зарубежных ученых. Так, теоретические аспекты, касающиеся рассмотрения технологического суверенитета как научной категории рассматривались в трудах Афанасьева А.А. [2, с. 2377], Приходько И.И. [5, с. 88], Фальцман В.К. [8, с. 83], Ясинского В.А., Кожевникова М.Ю. [10, с. 196]. Вопросы, связанные с анализом технологического развития и технологического суверенитета, изучали Островский А.В., Афоняшева А.В., Каменнов П.Б. [4, с. 6], Смирнов Е.Н. [6, с. 153], Фролова Е.Д., Шувалова О.В., Фролова А.С. [7, с. 172]. Вопросы, связанные с государственной поддержкой технологического суверенитета в Китае изучали Абросимова О.М., Морева Е.Л. [1, с. 8], Глинская М.В., Полежаев М.А. [3, с. 16], Шкваря Л.В., Хайлин Юй [9, с. 184].

Считаем, необходимым продолжить данное исследование и более подробно изучить существующие проблемы и отдельные вопросы темы.

Материалы и методы

Основными методами исследования явились: анализ, сравнение, логического рассуждения и многие другие. В частности, метод анализа был использован при изучении объема экспорта высокотехнологичной продукции стран-лидеров по экспорту высокотехнологичной продукции. Метод сравнения был применен при изучении рейтинга стран по уровню технологического развития. Метод логического рассуждения применялся при обосновании выводов и разработке авторских рекомендаций, направленных на обеспечение технологического суверенитета Китая в свете глобальных вызовов и идентичности.

Результаты и обсуждение

В современных условиях глобализации с ростом национальных вызовов и угроз на мировом рынке перед Китаем встает задача обеспечения технологического суверенитета. С этой целью Китай стремительно развивает собственные технологии, осуществляет сотрудничество с международными партнерами, сосредотачивает свои усилия в сфере науки и цифровых технологий [9, с. 184].

Существует множество подходов к определению понятия «технологический суверенитет».

Так, Афанасьев А.А. под технологическим суверенитетом понимает «достигнутый уровень реальной независимости страны в областях науки, техники и технологий, чем обеспечивается беспрепятственная реализация национальных интересов в техносфере с учётом существующих и перспективных угроз» [2, с. 2377].

В.К. Фальцман под технологическим суверенитетом понимает «способность того или иного вида экономической деятельности обеспечить народное хозяйство своей продукцией надлежащего качества, пусть даже частично за счёт её импортных поставок, но при обязательном условии возмещения импортных затрат за счёт поступлений от реализации собственного экспорта» [7, с. 172].

По нашему мнению, под технологическим суверенитетом Китая следует понимать важную стратегическую задачу, направленную на формирование собственного технологического потенциала в условиях острой конкурентной борьбы на рынке и обеспечения на этой основе независимости поставок технологий от зарубежных партнеров.

Китай является страной, занимающей ведущие позиции в области развития высоких технологий, в том числе искусственного интеллекта и цифровых данных. Важно отметить, что на сегодняшний день страна является мировым лидером в области технологий на международном рынке. В Таблице 1 представлены данные рейтинга стран по уровню технологического развития за 2024 год. [6, с. 153].

Таблица 1. Рейтинг стран по уровню технологического развития за 2024 год

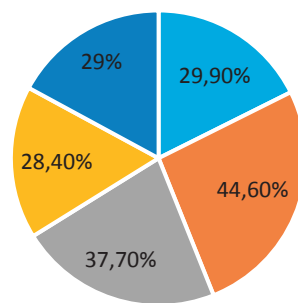
Страна	Уровень технологического развития, балл
Япония	100
Южная Корея	99,5
Китай	96,1

Окончание

Страна	Уровень технологического развития, балл
США	94,3
Германия	93,4
Сингапур	74,8
Россия	73,3
Великобритания	66,6
Объединенные Арабские Эмираты	62,9
Швейцария	57,6

Таким образом, можно увидеть, что Китай в данной рейтинге занимает третье место по уровню технологического развития. Ожидается, что в ближайшем будущем страна займет лидирующие позиции в мировом рейтинге.

Технологическое развитие Китая характеризуется различными показателями в области промышленности, информационных технологий, науки, образовании и других сферах деятельности. Наиболее приоритетной отраслью в современных условиях является отрасль информационных технологий. На Рис. 1 представлены основные направления, в которых Китай занимает ведущие позиции по уровню технологического развития.

- Радиочастотные технологии (5G/6G)
- Подводная беспроводная связь
- Оптические коммуникации
- Блокчейн и распределенные реестры
- mesh-сети и автономные коммуникации

Рис. 1. Лидерство Китая в области информационных технологий

Таким образом, наибольшее лидерство Китай смог достичь в области развития подводной беспроводной связи (44,6%), на втором месте находятся радиочастотные технологии (в том числе 5G/6G), доля которых составляет 29,9% объема мировых разработок, на третьем месте mesh-сети и автономные коммуникации (29%).

Китай стал уделять большое внимание вопросам обеспечения технологического суверенитета намного позже, чем другие страны мира. Однако, несмотря на это он смог сформировать эффективную систему управления технологиями и разработками, сформировать крепкий инновационный потенциал и обеспечить безопасность развития страны в целом.

Технологический суверенитет в условиях идентичности затрагивает исторические особенности страны, ее культуру, нравы, обычаи, менталитет людей [4, с. 6].

Следует отметить, что формирование технологического суверенитета Китая в условиях идентичности

предполагает соблюдение некоторых ключевых особенностей:

1) постепенный отказ от использования иностранных технологий (Китай планирует полностью перейти на использование собственных технологий и разработок, включая компьютерные системы и компоненты, что в свою очередь должно повысить уровень технологического суверенитета страны);

2) активное развитие внутренних технологий (Китай делает акцент на развитии внутренних технологий, которые являются основой устойчивого развития страны, формирования крепкого инновационного потенциала);

3) развитие и укрепление международного сотрудничества (Китай принимает активное участие в международном обмене знаниями в области развития высоких технологий, что позволяет ему получать опыт и навыки работы в данной области, используя его в своей стране).

Формирование технологического суверенитета Китая также с необходимостью защиты страны от внешних угроз и глобальных вызовов. К числу которых можно отнести следующие:

1) влияние западных санкций на экономику страны и технологическое развитие (введение санкций способствует ограничению торговой деятельности, приводит к снижению эффективности технологического развития, нарушению внешнеэкономических связей на международном рынке);

2) проведение масштабных торговых войн (торговые войны способствуют разжиганию вооружённых конфликтов между производителями, вытеснению с международного рынка);

3) обострение военно-политического конфликта на Украине (данная ситуация может привести к нарушению поставок необходимых ресурсов для технологического развития, а также разрушению коммуникаций между товаропроизводителями);

4) неопределенность в отношениях с Европой (сложная геополитическая ситуация вызывает напряженные отношения Китая с европейскими странами, что еще в большей степени осложняет российско-китайское сотрудничество);

5) усиление технологического соперничества на международном рынке (рост конкуренции между товаропроизводителями в сфере технологического развития приводит к нарушению стабильности развития, вызывает диспропорции на рынке технологий и инноваций);

6) обострение тайваньского вопроса (тесное международное сотрудничество Тайваня и США вызывает обеспокоенность для Китая в части обеспечения военной безопасности) [1, с. 8].

Считаем, что наличие существующих вызовов и внешних угроз влияет на уровень обеспечения технологического суверенитета Китая. Следовательно, страна должна разработать комплекс мер по противодействию данным негативным факторам, что обеспечить достаточный уровень безопасности, технологического суверенитета и возможности экономического роста в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Си Цзиньпин в своих выступлениях неоднократно подчеркивал важность технологического развития и обеспечения технологического суверенитета страны. С этой целью он предложил увеличить инвестиции в науку, образование, проведение исследований в области НИОКР. В связи с этим выросли расходы на образование в Китае, которое в свою очередь стало толчком высокотехнологического развития страны [8, с. 83]. В 2021 г., по данным Китайской ассоциации фотоэлектрической промышленности, доля Китая на мировом рынке фотоэлектрического поликремния, элементов

и модулей литиевых батарей превысила 70%. Экспорт китайских электромобилей, фотоэлектрической продукции и литиевых батарей в 2022 г. вырос на 131,8, 67,8 и 86,7% относительно 2021 г. С 2010-х гг. [2, с. 2377]. Китай наращивал потенциал своего высокотехнологичного сектора экономики, а в 2020-е гг. стал абсолютным мировым лидером экспорта высокотехнологичной продукции (Рис. 2).

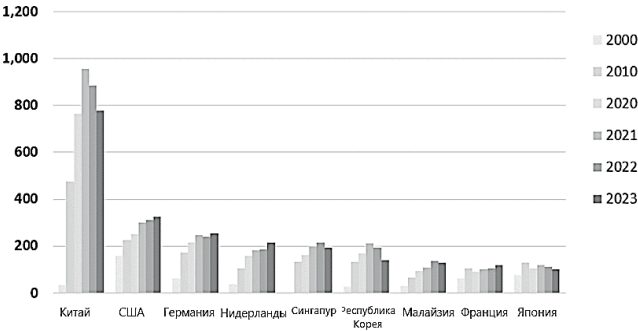

Рис. 2. Объем экспорта высокотехнологичной продукции стран-лидеров по экспорту высокотехнологичной продукции в 2000–2023 гг., млрд долл. США

Важное значение в вопросах технологического развития Китая играет международное сотрудничество, в частности, сотрудничество с Россией [7, с. 172]. Тесный международный обмен знаниями, опытом и навыками работы в сфере развития современных технологий и инноваций позволяет находить новые решения, создавать уникальные изобретения, формировать научно-исследовательскую базу в области развития передовых технологий [10, с. 196].

В данной статье разработаны меры обеспечения технологического суверенитета Китая в свете глобальных вызовов и идентичности, которые наглядным образом представлены на Рис. 3.

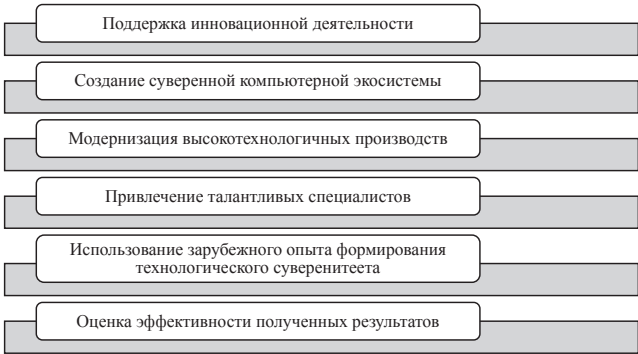

Рис. 3. Меры обеспечения технологического суверенитета Китая в свете глобальных вызовов и идентичности

[Разработано автором]

Поддержка инновационной деятельности заключается в разработке мер и программ государственной направленности, а также осуществление финансирования важных инновационных проектов и решений.

Создание суверенной компьютерной экосистемы предполагает разработку современной компьютерной системы на основе современных цифровых технологий и разработок, что позволит повысить эффективность работы, увеличить производительность труда и т.д.

Модернизация высокотехнологичных производств включает в себя переход на совершенные технологии, отвечающие запросам общества, государства и страны в целом, а также технологическое перевооружение предприятий в отдельных регионах и стране в целом [5, с. 88].

Привлечение талантливых специалистов как из собственной страны, так из-за рубежа позволит повысить качество работы, ее интенсивность, а также конечные результаты в виде роста прибыли [3, с. 16].

Использование зарубежного опыта формирования технологического суверенитета может быть полезно для Китая, поскольку это поможет сформировать собственную практику и программу действий для принятия конкретных решений, понять выгоду и эффективность их реализации.

Оценка эффективности полученных результатов заключается в сопоставимости вложенных затрат на осуществление той или иной деятельности и полученных результатов.

Считаем, что разработанные меры обеспечения технологического суверенитета Китая в свете глобальных вызовов и идентичности позволят достичь необходимый уровень независимости страны на мировом рынке, обеспечить ее безопасность, финансовую независимость и конкурентоспособность.

Заключение

Можно сделать вывод о том, что технологический суверенитет Китая играет важную роль в свете глобальных вызовов и идентичности. От уровня его обеспечения зависит экономическое развитие Китая, безопасность страны, технологическое развитие и процветание. Глобальные вызовы и внешние угрозы создают преграды для формирования технологического суверенитета страны. Поэтому необходимо сосредоточить усилия по разработке мер, направленных на минимизацию негативного воздействия на формирование технологического суверенитета Китая и обеспечить возможность экономического роста и развития страны в целом. С этой целью в данной работе разработаны меры обеспечения технологического суверенитета Китая в свете глобальных вызовов и идентичности, которые могут быть использованы при разработке государственных программ в области технологического развития и формирования технологического суверенитета страны в целом. Кроме того, данные меры могут служить основой для проведения более глубоких исследований по данной теме. В частности, вопросы изучения зарубежного опыта по формированию технологического суверенитета являются первоочередными при разработке собственной политики и использования ее на практике.

Литература

1. Абросимова О.М., Морева Е.Л. Развитие государственного подхода к обеспечению технологического суверенитета в промышленности Китая // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 8–12.
2. Афанасьев А.А. Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания // Экономика, предпринимательство и право. 2022. № 9. С. 2377–2394.
3. Глинская М. В., Полежаев М.А. Влияние западных санкций на динамику экономического развития: опыт Ирана для Российской Федерации // Россия и Азия. 2024. № 1 (27). С. 16–30.
4. Островский А. В., Афонасьева А.В., Каменнов П.Б. Перспективы развития науки, техники и инноваций в КНР // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 6–28.
5. Приходько И.И. Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета // Экономика и управление. 2022. № 4. С. 88–96.

6. Смирнов Е.Н. Международная торговля в условиях новых стрессов в развитии глобальной экономики // Международная торговля и торговая политика. 2023. № 1 (33). С. 153–175.
7. Фролова Е. Д., Шувалова О.В., Фролова А.С. О глобальных технико-экономических вызовах современной эпохи и их влияние на промышленность России // Международная торговля в условиях новых стрессов в развитии глобальной экономики. 2023. № 1 (33). С. 172–186.
8. Фальцман В.К. Теоретические суверенитеты России. Статистические измерения // Современная Европа. 2018. № 3. С. 83–91.
9. Шкваря Л. В., Хайлин Юй. Цифровая экономика в Китае: современные тенденции // Экономика и предпринимательство. 2020. № 3. С. 184–187.
10. Ясинский В. А., Кожевников М.Ю. Борьба за технологический суверенитет: опыт Китая и уроки для России // Проблемы прогнозирования. 2023. № 5. С. 196–209.

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF CHINA IN LIGHT OF GLOBAL CHALLENGES AND IDENTITY

Xu Yingjuan

Peoples' Friendship University of Russia

This article discusses issues related to the formation of China's technological sovereignty in the context of economic development turbulence. The purpose of this study is to analyze China's technological sovereignty in the light of global challenges and identity. The research methods include analysis, comparison, logical reasoning, and others. The article emphasizes the importance of shaping China's technological sovereignty in the face of global challenges and identity. The author defines the concept of "technological sovereignty." The formation of technological sovereignty is influenced by a variety of internal and external factors. The key features of China's technological sovereignty are examined. The formation of China's technological sovereignty in the face of external threats and global challenges is studied. The author concludes that China must take necessary measures to ensure a sufficient level of economic development security and technological sovereignty. The ranking of countries by level of technological development has been studied, which allowed us to determine that China is at the top of this list. The volume of exports of high-tech products from the leading countries in terms of exports of high-tech products has been analyzed. Measures have been developed to ensure China's technological sovereignty in the face of global challenges and identity. These measures can serve as a basis for further research in this area.

Keywords: technological sovereignty, China, global challenges, identity, development, national economy, competitiveness.

References

1. Abrosimova O.M., Moreva E.L. Development of a state approach to ensuring technological sovereignty in China's industry // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2024. No. 3. P. 8–12.
2. Afanasyev A.A. Technological sovereignty as a scientific category in the system of modern knowledge // Economy, Entrepreneurship and Law. 2022. No. 9. P. 2377–2394.
3. Glinskaya M.V., Polezhaev M.A. The impact of Western sanctions on the dynamics of economic development: the experience of Iran for the Russian Federation // Russia and Asia. 2024. No. 1 (27). P. 16–30.
4. Ostrovsky AV, Afanasyeva AV, Kamennov PB. Prospects for the Development of Science, Technology and Innovation in the PRC // East Asia: Facts and Analytics. 2019. No. 2. Pp. 6–28.
5. Prihodko II. Theoretical Aspects of the Concept of Technological Sovereignty // Economy and Management. 2022. No. 4. Pp. 88–96.
6. Smirnov EN. International Trade in the Context of New Stresses in the Development of the Global Economy // International Trade and Trade Policy. 2023. No. 1 (33). Pp. 153–175.

7. Frolova ED, Shuvalova OV, Frolova AS. On Global Techno-Economic Challenges of the Modern Era and Their Impact on Russian Industry // International Trade in the Context of New Stresses in the Development of the Global Economy. 2023. No. 1 (33). P. 172–186.
8. Faltsman V.K. Theoretical Sovereignties of Russia. Statistical Measurements // Modern Europe. 2018. No. 3. P. 83–91.
9. Shkvarya L.V., Hailin Yu. Digital Economy in China: Current Trends // Economy and Entrepreneurship. 2020. No. 3. P. 184–187.
10. Yasinsky V.A., Kozhevnikov M. Yu. The Struggle for Technological Sovereignty: China's Experience and Lessons for Russia // Problems of Forecasting. 2023. No. 5. P. 196–209.

Стратегии платформ в эпоху цифрового суверенитета: ответ на локализацию данных ЕС и США

Чэнь Сыюй,

независимый исследователь

E-mail: siyu.chen0903@gmail.com

Го Цзяцзин,

независимый исследователь

E-mail: guojiajing123@mail.ru

Статья посвящена анализу стратегий цифровых платформ в условиях ужесточения требований к локализации и обработке данных, продиктованных становлением цифрового суверенитета в Европейском союзе и Соединённых Штатах Америки. В работе рассматриваются институциональные и технологические аспекты адаптации технологических компаний к новым нормативно-правовым рамкам, а также выявляются вызовы и возможности, возникшие на стыке усиливающейся регионализации цифрового регулирования и глобального характера цифровых сервисов. Автор предлагает теоретико-методологический подход к изучению динамики стратегического поведения платформ, оценивает долгосрочные последствия фрагментации цифрового пространства для мировой экономики и международных отношений.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, локализация данных, платформенные стратегии, цифровое регулирование, Европейский союз, США, трансграничные потоки данных, технологические компании.

В течение последних лет глобальное цифровое пространство переживает радикальные преобразования, обусловленные растущим значением данных как стратегического ресурса и активизирующимся соперничеством между различными государствами и транснациональными корпорациями. Формирование политики цифрового суверенитета выходит на первый план в повестке как Европейского союза, так и Соединённых Штатов Америки, определяя динамику нормативного давления, архитектуру цифровых сервисов и саму структуру информационного обмена на мировом уровне. В этой новой реальности данные перестают быть лишь инструментом для функционирования бизнес-процессов – они становятся фактором национальной безопасности, предметом политических дискуссий и объектом экономической конкуренции.

Изменение подходов к хранению, обработке и передаче информации затрагивает непосредственно не только пользователей, но и крупнейших технологических игроков. Усиление контроля над трансграничными потоками приводит к появлению новых моделей технологического развития, когда корпорации одновременно вынуждены отвечать требованиям разных национальных юрисдикций, строя сложные иерархии ответственности и инфраструктурные решения для соответствия меняющимся нормативам. Эти процессы неразрывно связаны с усилением регионализации регулирования и появлением новых акторов, претендующих на определяющую роль в формировании стандартов хранения и использования данных.

Актуальность исследования стратегий платформ в эру цифрового суверенитета становится особенно заметной на фоне нормативных инициатив ЕС, например, GDPR, Data Governance Act и Data Act, а также активной политики США, реализуемой через инструменты вроде CLOUD Act. Эта конкуренция регуляторных подходов создает уникальную конфигурацию вызовов и возможностей для платформ – последних звеньев экосистемы, которым приходится не только балансировать между противоположными требованиями, но и обеспечивать устойчивость бизнес-модели в условиях непрерывно ужесточающегося контроля за цифровой инфраструктурой.

В условиях формирующегося многоуровневого цифрового порядка стратегическое поведение технологических платформ становится критически важным объектом научного анализа. Понимание мотиваций, особенностей и последствий их решений позволяет выявить глубокие закономерности перестройки глобальных потоков информации и открыть новые горизонты для международной политики и экономики в цифровую эпоху.

В XVI веке Жан Боден одним из первых рассматривал понятие государственного суверенитета, связывая его с фигурой монарха – верховного правителя, чью власть он мыслил как абсолютную и данную свыше. В «Шести книгах о республике» (1575 г.) Боден сформулировал определение суверенитета как «наивысшая, абсолютная и постоянная власть над гражданами и подданными» [4, с. 40–49]. Позже, на стыке XVI и XVII веков, Гуго Гроций ввёл разграничение между суверенитетом госу-

дарственной власти монарха и суверенитетом самого государства. Существенный вклад в теорию суверенитета внесли Томас Гоббс, Жан-Жак Руссо и Джон Локк [14].

В двадцатом столетии, когда процессы глобализации ускорились, взгляды на суверенитет приобрели новые черты; Стивен Краснер, профессор Стэнфордского университета, предложил различать внутренний, международный и вестфальский аспекты суверенитета. Международный компонент отражает признание независимости территории и свободу государств в выборе участия в международных соглашениях. Внутренний суверенитет характеризует степень контроля и организации властных структур внутри страны [4, с. 40–49]. Под вестфальским аспектом Краснер понимал отсутствие вмешательства внешних сил во внутренние дела, а также право любого государства самостоятельно устраивать свою власть. Эти положения лежат в основе принципа невмешательства, который сформулировали в Уставе ООН и Декларации 1965 года о защите независимости и суверенитета государств [4, с. 40–49].

В Европе интеграция всё отчетливее высвечивает вопрос трансграничного контроля, заставляя задуматься о том, способны ли объединения государств выступать самостоятельными носителями суверенитета. Ряд российских исследователей, в том числе специалисты Института Европы РАН, анализируют эти процессы; в совместной монографии они отмечают сложную, неоднородную динамику европейской интеграции. С одной стороны, отдельные сферы – такие как внешняя политика или обеспечение безопасности – подвергаются значительной передаче полномочий на наднациональный уровень. Одновременно с этим растёт тяготение стран-членов ЕС к сохранению собственного государственного суверенитета, что подкрепляют примеры противодействия миграционной политике ЕС, брекзит и другие аналогичные ситуации [18]. В условиях стремительного цифрового развития эту дискуссию дополняет новая дилемма: каким образом можно обеспечить суверенитет в цифровом пространстве и стоит ли искать такой подход на уровне отдельного государства или через коллективные усилия на региональном уровне. Предметом данного исследования выступают эволюция и специфика стратегических подходов ведущих цифровых платформ в условиях усиливающейся политики цифрового суверенитета, реализуемой на пространстве Европейского союза и Соединённых Штатов Америки. В фокусе анализа находятся способы адаптации крупнейших технологических компаний к требованиям локализации данных, формируемым новым нормативно-правовым контекстом, а также институциональные рамки и механизмы, определяющие возможности и ограничения для трансграничных потоков данных на современном этапе.

Цель исследования заключается в комплексном теоретико-методологическом осмыслении стратегий поведения цифровых платформ в ответ на ужесточение правил локализации данных со стороны ЕС и США и выявлении закономерностей, формирующих их взаимодействие с государственными институтами, рынками и пользователями в условиях цифрового суверенитета. Исследование направлено на изучение механизмов институциональной и технологической адаптации платформ, анализ их гибридных моделей работы на глобальном и региональном уровнях, а также изучение долгосрочных последствий формирования фрагментированной архитектуры цифрового пространства для мирового экономического и политико-правового баланса.

В качестве методологической базы исследования используется сочетание сравнительного институционального анализа и case-study, что позволяет комплексно

изучить стратегическое поведение цифровых платформ в условиях формирования требований цифрового суверенитета. Сравнительный институциональный анализ обеспечивает выявление различий и сходства в нормативных подходах и институциональных практиках Европейского союза и Соединённых Штатов Америки, а также способствует глубокому пониманию влияния регулирующих механизмов на деятельность технологических компаний.

Метод case-study применяется для детального рассмотрения отдельных примеров платформ, столкнувшихся с необходимостью адаптации к новым требованиям по локализации и трансграничному обмену данными. Такой подход позволяет выявить практические аспекты реализации стратегий компаний, оценить их эффективность и проследить реальные последствия выбранных управленческих решений.

Информационной основой исследования служат документы Европейского союза и США по вопросам цифрового регулирования, корпоративные отчёты и отраслевые аналитические материалы, а также современные научные публикации, посвящённые проблемам цифрового суверенитета и трансформации глобальных платформ. Такой междисциплинарный подход позволяет не только проанализировать теоретические аспекты заявленной темы, но и выработать рекомендации, обладающие практической значимостью для бизнеса и международных отношений.

В условиях цифровой эпохи взгляды на суверенитет заметно изменились. Исследователи выделили новую концепцию – цифровой суверенитет, которая стала самостоятельным направлением научных работ. Вопросы контроля над киберпространством и информационными потоками изучали Брайан О’Нил [16], Франческа Бриа, Рената Авила Пинто, а также Стефан Кутюр и Софи Тупин [18]. Их исследования показывают: сегодня государства стремятся укреплять своё влияние в цифровой среде, рассматривая возможности управления информационными потоками как ключевой аспект современного суверенитета [12].

Обсуждения о сущности цифрового суверенитета приобрели особую остроту в Европейском союзе на фоне усиливающегося соперничества США и Китая за господство в информационной сфере. Европа, оказавшись между двумя мощными технологическими центрами, вынуждена искать способы усиления своих позиций [13]. Как подчеркивает Карла Хоббс, независимая цифровая политика и контроль над ключевыми информационными ресурсами становятся для ЕС неотъемлемыми условиями не только для поддержания собственной безопасности, но и для сохранения статуса значимого актора мировой политики [17]. Однако, учитывая скромный масштаб европейского рынка цифровых платформ, который составляет лишь 3,6% мирового, страны ЕС могут реализовать эффективную стратегию только на объединённом, интеграционном уровне, а не поодиночке.

Западная научная литература трактует суверенитет в цифровой среде прежде всего как государственный контроль над инфраструктурой, программным обеспечением и потоками данных. Именно поэтому в западном дискурсе укоренился термин «цифровой суверенитет». Российские исследователи, хотя и признают значение суверенитета над инфраструктурой, обычно рассматривают проблему более широко, добавляя аспект контроля над трансграничным информационным контентом. Это различие в акцентах и объясняет разнообразие используемой терминологии. Широкий круг отечественных авторов – от М.М. Кучерявого до В.В. Бухарина [1] – анализирует вопрос цифрового и информационного сувере-

нитета сквозь призму угроз информационной безопасности, а Д.В. Винник связывает цифровой суверенитет с особенностями регулирования обработки данных в интернете [2]. По определению Кучерявого, информационный суверенитет предполагает верховенство и независимость власти в выработке и проведении информационной политики как внутри страны, так и в глобальном медиапространстве [9].

В современном научном поле можно заметить расхождения между постулатами разных школ. Представитель западной постпозитивистской традиции Р. Фалк утверждает: в условиях глобализации суверенитет теряет статус базового признака национального государства. Регулирование ключевых процессов переходит к наднациональным образованиям, которые сегодня и определяют траектории развития цифрового общества и экономики.

Во многих российских исследованиях укоренился взгляд на государственный суверенитет как на необходимое условие эффективного управления, особенно в цифровом пространстве; отказ от него может привести к кризису управляемости [15, с. 89–104]. В политологическом дискурсе России получение суверенитета новых характеристик в эпоху глобализации стало общепризнанным фактом. Учёные отмечают, что национальный суверенитет хоть и сохраняет роль важнейшей основы, однако под влиянием глобальных интеграционных процессов, а также роста сетевых коммуникаций, его содержание существенно трансформируется [7, с. 50–53].

Такой ракурс анализа свидетельствует о заметном сближении подходов российских и западных авторов: обе научные традиции сходятся во мнении о неизбежных изменениях самой сути суверенитета под давлением глобализации. Более того, европейские эксперты подчёркивают, что достижение цифрового суверенитета возможно не столько на уровне отдельного государства, сколько на уровне региональных объединений, подобных Европейскому союзу – на чём акцентирует внимание и Цифровая стратегия ЕС 2020 года [11].

Сегодня вопросы безопасности, непосредственно связанные с ИКТ, определяют содержание международной и национальной политической повестки [5, с. 133–137]. Поэтому задача укрепления суверенитета в цифровой среде выходит за рамки теоретических обсуждений и приобретает важное практическое значение. Еще в докладе правительственных экспертов для 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2013 году указывалось: государственный суверенитет, а также международные нормы, основанные на этом принципе, распространяются на действия стран в информационном пространстве. Более того, в этом документе подтверждается, что государства вправе контролировать ИКТ-инфраструктуру, которая функционирует внутри их территории.

В современном мире вопросы цифрового суверенитета и локализации данных приобрели стратегическое значение, определяя траектории развития как национальных, так и транснациональных платформ, а также формируя новые рамки для бизнес-моделей в глобальной цифровой экосистеме. После вступления в силу GDPR в 2018 году и последующего решения по делу Schrems II европейское сообщество сделало акцент на ограничении передачи персональных данных за пределы Евросоюза, особенно в Соединённые Штаты. Эти меры отражают растущую озабоченность властью и граждан общества по поводу возможных нарушений прав на приватность при трансграничном обмене информацией. Одновременно с этим на повестке дня появились новые регуляторные акты, такие как Data Governance Act и Data Act, установившие дополнительные ба-

рьеры и требования к доступу к промышленным данным, что, в свою очередь, стимулировало поиск способов контроля над ключевыми потоками информации между крупными экономическими акторами. Цифровой, суверенитет опираются на классическое понимание вестфальской модели – ту формулу, по которой посторонние акторы не вмешиваются во внутренние управленческие механизмы державы. Данную трактовку предложил Стивен Краснер, и она сегодня становится универсальным ориентиром для многих подходов.

Когда речь заходит о стратегии ЕС в цифровой сфере, становится очевидно, что европейские чиновники связывают технологическое развитие не только с возможностями экономического роста, но и с усилением безопасности, а также с независимостью от внешних игроков. Брюссель определяет технологические инновации как ресурс для конкурентного преимущества на мировой арене и уделяет серьёзное внимание вопросам устойчивости и цифровой автономии. В частности, Европейская цифровая стратегия, опубликованная в феврале 2020 года, задаёт приоритеты цифрового преобразования до 2024 года. В фокусе этой политики – технологии, служащие интересам граждан, развитие справедливой экономики на базе цифровых платформ и поддержка открытого, демократичного, устойчивого общества с высоким уровнем доверия к цифровой среде.

Совет ЕС подчёркивает: укрепление собственных ИТ-платформ и снижение зависимости от зарубежных технологических поставок, прежде всего из США и Китая, должно повысить автономию Европы и сделать её более значимым игроком на глобальной политической арене.

Европейский союз рассматривает защиту данных сквозь призму вестфальского суверенитета и стремится реализовывать этот принцип на уровне всего сообщества, а не каждого отдельного государства. Такой подход обусловлен тем, что цифровые возможности стран-членов ЕС значительно уступают масштабам США и Китая, и поодиночке конкурировать с технологическими гигантами они не могут. Именно поэтому Брюссель активно ищет новые пути для укрепления позиции лидера в формировании международных норм работы с данными, особенно в сфере персональной информации. Евросоюз рассчитывает, что созданные им стандарты либо станут примером для подражания, либо будут переняты в других странах [6].

Тем не менее, одного лишь нормативного лидерства Евросоюзу недостаточно. Как удачно замечает К. Хоббс, одни только «судьи не способны выиграть матч» [17]. Без устойчивой цифровой базы и собственной защищённой информационной инфраструктуры ЕС не сможет полноценно реализовать свои амбиции и укрепить позиции в мировом информационном пространстве. Поэтому формирование и защита собственных ресурсов становятся неотъемлемыми условиями для претензии на ведущую роль в глобальной цифровой среде.

Реакция Соединённых Штатов оказалась зеркальной, но с противоположным акцентом: принятый в 2018 году CLOUD Act распространил юрисдикцию американских властей на данные, которыми управляют национальные компании – даже если информация физически находится на серверах за рубежом [9]. Таким образом, дата-локализация превратилась в инструмент не только правового регулирования, но и геополитической конкуренции, затрагивающей сами основы трансграничных потоков данных и радикально меняющей архитектуру бизнеса цифровых платформ по всему миру [10].

В этих условиях Евросоюз постепенно начинает формировать свою цифровую инфраструктуру и стремится к большей независимости. Ярким примером служит про-

ект GAIA-X – альтернатива облачным сервисам американских IT-гигантов, к числу которых относятся AWS, Azure и Google Cloud. Наряду с этим, появление таких правовых актов, как Digital Services Act и Digital Markets Act, ограничивает влияние Big Tech на европейском рынке и задаёт новые стандарты безопасности, прозрачности и конкурентности. В теоретической плоскости оформляется концепция «Виртуальной Сети Шенген» – идея, предполагающая создание условно суверенного пространства для передачи данных внутри ЕС, где весь цифровой трафик находится под контролем европейских регуляторов. Эти усилия преследуют цель не только продемонстрировать автономию, но и уменьшить зависимость континента от технологических и политических решений США, а также Китая.

Американская стратегия, напротив, фокусируется на продвижении концепции «свободного интернета», то есть беспрепятственного движения данных между странами и регионами. Крупнейшие технологические корпорации делают ставку на глобальный рынок и усиливают своё влияние за счёт присутствия в большинстве стран мира. Заметно интенсивное лоббирование интересов такого холдинга, как GAFAM (Google, Apple, Facebook, Amazon, Microsoft), что позволяет США отстаивать принципы свободного обращения информации как базовую ценность. Вместе с этим, инструменты контроля, заложенные в CLOUD Act, дают властям рычаги влияния даже на те данные, которые формально находятся под зарубежной юрисдикцией. Взаимоотношения Вашингтона и Брюсселя на этом фоне часто вступают в фазу напряжённости: попытки Евросоюза ограничить трансферы данных вызвали ответную реакцию, когда компания Meta публично заявила о возможности ухода с европейского рынка при введении запретов на передачу информации в США. В результате продолжительных переговоров формируется временный компромисс – Trans-Atlantic Data Privacy Framework, который призван сблизить подходы к приватности и найти баланс между суверенитетом, коммерческими интересами и защитой прав пользователей [7].

Под сменой норм и ужесточением регулирования платформы оказываются в сложной ситуации, когда соблюдение местных требований вступает в противоречие с глобальными стратегиями развития [8]. Для технологических корпораций США ключевым ответом становится создание локальных дата-центров в Европе, что позволяет формально соответствовать стандартам GDPR и минимизировать юридические риски. Google, Microsoft и Amazon активно инвестируют в европейскую инфраструктуру, тогда как Meta вынуждена корректировать свои внутрикорпоративные процедуры, участвовать в судебных процессах и искать легальные способы хранения данных европейцев. Apple усиливает акцент на приватности, предоставляя пользователям возможность хранить данные в локальных облаках. Китайские игроки, такие как ByteDance, выстраивают собственные сценарии локализации: TikTok в последние годы реализует крупные проекты по хранению информации европейских пользователей на территории Ирландии; Huawei и Alibaba Cloud создают дата-центры в ЕС, демонстрируя рост глобальной конкуренции за цифровое влияние. В то же время европейский рынок всё активнее стимулирует развитие собственных производителей облачных сервисов и компаний в сфере кибербезопасности – франко-германская инициатива GAIA-X иллюстрирует стремление к технологическому суверенитету и построению экосистемы европейских альтернатив привычным американским и китайским решениям.

Проанализировав стратегии ЕС и США, становится очевидно, что подходы к данным и платформам существенно различаются. Европейская модель ориентирована на защиту персональной информации и жёсткое нормативное регулирование, в то время как Соединённые Штаты делают ставку на максимальную коммерциализацию и глобальную экспансию информационных потоков. В вопросе вмешательства государства наблюдается явное различие: европейские власти активно формируют правила игры, в то время как в США влияние государства минимально, а большую часть решений здесь генерируют и продвигают сами технологические гиганты. Очевидна и различная роль платформ – для ЕС они должны подстраиваться и подчиняться жёстким правилам, тогда как в американской модели крупные IT-компании зачастую становятся своеобразными драйверами политики и внешнеполитического влияния страны. Геополитические эффекты этих стратегий проявляются в стремлении Европы к снижению зависимости от внешних центров, в то время как США, напротив, консолидируют своё лидерство и контролируют развитие цифровой инфраструктуры на большинстве мировых рынков.

Современное цифровое пространство превратилось в арену интенсивного соперничества между ЕС и США, где вопросы управления данными, их локализации и обмена используются не только для защиты пользователей, но и как инструменты экономической борьбы и политического давления. Платформы, оказавшись в эпицентре этих изменений, вынуждены балансировать между различающимися требованиями и вырабатывать гибридные стратегии – строить локальные дата-центры в одних регионах, одновременно поддерживая глобальные цифровые сервисы в других. На ближайшую перспективу формируются два наиболее вероятных сценария: либо Интернет будет всё больше фрагментироваться на региональные сегменты («балканизация сети»), либо по мере поиска компромиссов устанавливаются новые универсальные механизмы передачи данных, обеспечивающие устойчивое и безопасное взаимодействие между странами и цифровыми платформами самых разных масштабов.

Таким образом, тема цифрового суверенитета и локализации данных наглядно отражает глубинные трансформации в современной глобальной политике и экономике. На стыке интересов держав формируется новая реальность, где данные становятся не только объектом защиты, но и важнейшим ресурсом конкурентной борьбы и влияния. Технологические платформы оказываются в ситуации постоянного маневрирования между различными режимами регулирования, вынуждены изобретать гибкие подходы и одновременно развивать локальные решения, не утрачивая своих глобальных преимуществ. Мировое цифровое пространство постепенно меняет свою структуру, сталкиваясь с угрозой фрагментации или, напротив, создавая прецеденты для новых форм сотрудничества и взаимного признания правил игры. В итоге, динамика событий демонстрирует, что цифровой суверенитет становится не только предметом геополитических споров, но и фактором, определяющим баланс власти в XXI веке.

Литература

1. Бухарин В.В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6(51). URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/artide/view/640> (дата обращения: 15.08.2025).

2. Винник Д.В. Цифровой суверенитет: политические и правовые режимы фильтрации данных // *Философия науки*. 2014. № 2 (61). С. 95–113.
3. Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран: монография / В.Б. Белов [и др.]; отв. ред. В.Б. Белов. Москва: Весь Мир, 2018. 204 с.
4. Зиновьева Е., Булва В. Цифровой суверенитет Европейского Союза // *Современная Европа*. – 2021. – № 2. – С. 40–49.
5. Зиновьева Е.С. Проблемы международного управления Интернетом в контексте цифрового суверенитета // *Международная жизнь*. 2020. Специальный выпуск. С. 133–137.
6. Зиновьева Е.С. Данные – это новая нефть. Цифровая стратегия ЕС как заявка на глобальное лидерство // *Валдайский клуб: мнения экспертов*. 27.02.2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/dannye-eto-novaya-neft/> (дата обращения: 15.08.2025).
7. Кольцов А.Н. О глобализации и суверенитете государств // *Вестник Чувашского университета*. 2004. № 1. С. 50–53.
8. Курочкин А.В. Трансформация государственного суверенитета в условиях становления сетевого общества. 2012. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/24.html> (дата обращения: 15.08.2025).
9. Кучерявый М.М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // *Управленческое консультирование*. 2014. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-informatsionnogo-suvereniteta-rossii-v-usloviyah-sovremennogo-globalnogo-mira-1> (дата обращения: 15.08.2025).
10. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. Т. 1. Москва, 2016.
11. Мухина Е.Е. Нормативная сила Европейского союза // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Право. 2008. № 7. С. 1–7.
12. Самарин А.А. Право и экстерриториальность в условиях глобализации // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2015. № 1 (102). С. 115–124.
13. Сергунин А.А. Суверенитет: эволюция концепта. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suverenitet-evolyutsiya-kontsepta> (дата обращения: 15.08.2025).
14. Стариков Н.В. Дефицит государственного суверенитета. 2020. URL: <http://nstarikov.ru/blog/6047> (дата обращения: 15.08.2025).
15. Супрун В.Н. Теоретико-правовые основы информационного суверенитета: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков: Харьковский национальный университет внутренних дел, 2010.
16. Тынянова О.Н. Национальный суверенитет и государственные границы в эпоху глобализации // *Век глобализации*. 2010. № 1. С. 89–104.
17. Brian O'Neill. (2006) Broadcast Sovereignty in a Digital Environment. Dublin Institute of Technology, Ireland, pp. 179–197.
18. Hobbs C. (2020) Europe's digital sovereignty: From rule-maker to superpower in the age of US-China rivalry. European Council on Foreign Relations. URL: https://ecfr.eu/publication/europe_digital_sovereignty_rulemaker_superpower_age_us_china_rivalry/#Project_note:_In_search_of_Europe%E2%80%99s_digital_sovereignty (accessed: 16.08.2025)
19. UNCTAD Digital Economy Report. 2019. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf (дата обращения: 16.08.2025)

PLATFORM STRATEGIES IN THE AGE OF DIGITAL SOVEREIGNTY: RESPONDING TO EU AND US DATA LOCALIZATION

Chen Siyu, Guo Jiajing

This article examines the strategies of digital platforms amidst tightening data localization and processing requirements arising from the emergence of digital sovereignty in the European Union and the United States of America. The study addresses institutional and technological aspects of how technology companies adapt to new regulatory frameworks, while identifying challenges and opportunities emerging at the intersection of increasing regionalization of digital regulation and the global nature of digital services. The author proposes a theoretical and methodological approach to analyzing the dynamics of platform strategies and assesses the long-term implications of digital space fragmentation for the global economy and international relations.

Keywords: digital sovereignty, data localization, platform strategies, digital regulation, European Union, USA, cross-border data flows, technology companies.

References

1. Bukharin V.V. Components of the digital sovereignty of the Russian Federation as a technical basis for information security // *Bulletin of MGIMO-University*. 2016. No. 6 (51). URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/640> (date of access: 15.08.2025).
2. Vinnik D.V. Digital sovereignty: political and legal regimes of data filtration // *Philosophy of Science*. 2014. No. 2 (61). P. 95–113.
3. Protection of state sovereignty – the experience of the European Union and European countries: monograph / V.B. Belov [et al.]; ed. V.B. Belov. Moscow: Ves' Mir, 2018. 204 p.
4. Zinovieva E., Bulva V. Digital sovereignty of the European Union // *Modern Europe*. – 2021. – No. 2. – P. 40–49.
5. Zinovieva E.S. Problems of international Internet governance in the context of digital sovereignty // *International Affairs*. 2020. Special issue. P. 133–137.
6. Zinovieva E.S. Data is the new oil. The EU digital strategy as a bid for global leadership // *Valdai Club: expert opinions*. 02/27/2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/dannye-eto-novaya-neft/> (date of access: 08/15/2025).
7. Koltsov A.N. On globalization and sovereignty of states // *Bulletin of the Chuvash University*. 2004. No. 1. P. 50–53.
8. Kurochkin A.V. Transformation of State Sovereignty in the Context of the Emergence of a Network Society. 2012. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/24.html> (accessed: 15.08.2025).
9. Kucheryav M.M. State Policy of Information Sovereignty of Russia in the Context of the Modern Global World // *Management Consulting*. 2014. No. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-informatsionnogo-suvereniteta-rossii-v-usloviyah-sovremennogo-globalnogo-mira-1> (accessed: 15.08.2025).
10. Marchenko M.N. Problems of the General Theory of State and Law. Vol. 1. Moscow, 2016.
11. Mukhina E.E. Normative Force of the European Union // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. Law. 2008. No. 7. Pp. 1–7.
12. Samarina A.A. Law and Extraterritoriality in the Context of Globalization // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2015. No. 1 (102). Pp. 115–124.
13. Sergunin A.A. Sovereignty: Evolution of the Concept. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suverenitet-evolyutsiya-kontsepta> (date of access: 15.08.2025).
14. Starikov N.V. Deficit of state sovereignty. 2020. URL: <http://nstarikov.ru/blog/6047> (date of access: 15.08.2025).
15. Suprun V.N. Theoretical and legal foundations of information sovereignty: diss. ... cand. jurid. sciences. Kharkov: Kharkov National University of Internal Affairs, 2010.

16. Tynyanova O.N. National sovereignty and state borders in the era of globalization // Century of globalization. 2010. No. 1. P. 89–104.
17. Brian O'Neill. (2006) Broadcast Sovereignty in a Digital Environment. Dublin Institute of Technology, Ireland, pp. 179–197.
18. Hobbs C. (2020) Europe's digital sovereignty: From rulemaker to superpower in the age of US-China rivalry. European Council on Foreign Relations. URL: https://ecfr.eu/publication/europe_digital_sovereignty_rulemaker_superpower_age_us_china_rivalry/#Project_note:_In_search_of_Europe%E2%80%99s_digital_sovereignty (accessed: 08/16/2025)
19. UNCTAD Digital Economy Report. 2019. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf (access date: 08/16/2025)

Цифровой суверенитет «мирового большинства»: практики, нормы и коалиции нового типа

Шитьков Сергей Владимирович,

кандидат юридических наук, и.о. ректора Дипломатической академии МИД России, проректор по правовым вопросам МГИМО МИД России

Статья предлагает концептуализацию цифрового суверенитета «мирового большинства» как совокупности практик и институтов, при помощи которых государства мирового большинства добиваются автономии в управлении данными, облачной инфраструктурой, цифровыми публичными сервисами и трансграничными потоками информации.

Методологически статья опирается на подход «практического поворота» в теории международных отношений, в рамках которого ТМО суверенитет трактуется как «конструируемая» через рутины инфраструктурная и институциональная власть. Эмпирически исследование опирается на анализ официальных документов стран мирового большинства, а также исследование документов международных организаций, прежде всего, БРИКС.

Делается вывод о формировании полицентричного режима цифрового управления, где Глобальный Юг выступает нормообразующим актором, а не объектом внешних правил. При этом ключевым институтом, формирующим подход мирового большинства в данной области, является БРИКС.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, мировое большинство, информационная безопасность, цифровые международные отношения.

Введение

Цифровизация радикально изменила ресурсы международно-политического влияния: если в индустриальную эпоху доминировали материальные факторы (территория, ресурсы, население), то в цифровую – архитектурные и институциональные инструменты управления данными, цифровой инфраструктурой и технологический потенциал [3].

Власть всё чаще ассоциируется не с обладанием территориями, а с контролем над информационными массивами [1]. Большие данные и алгоритмы искусственного интеллекта позволяют не только прогнозировать социальные процессы, но и активно формировать их – будь то избирательные кампании, потребительские тренды или общественные настроения. Цифровая эпоха перекраивает саму природу власти. Государства, которые смогут адаптироваться, превратят данные, технологии и контроль над цифровым пространством в новые инструменты силы [2]. Вопрос уже не в том, будет ли эта трансформация, а в том – кто окажется среди её архитекторов, а кто станет лишь объектом чужого цифрового влияния.

В настоящей статье приведен анализ роли и места стран мирового большинства в формировании новых подходов к реализации цифрового суверенитета в современной мировой политике.

Мировое большинство в современной международной политике

В геополитической плоскости растёт влияние «мирового большинства» – широкого круга государств Глобального Юга, стремящихся к стратегической автономии в цифровой сфере. Их повестка сопрягает развитие (доступность сервисов, инклюзия) с безопасностью (устойчивость инфраструктуры, защита данных) и экономическим суверенитетом (локальные цепочки создания стоимости в данных) [4].

Современная международная система переживает фундаментальную трансформацию: эпоха доминирования Запада уходит в прошлое, а на авансцену выходит «мировое большинство» – совокупность государств, которые больше не готовы принимать правила игры, навязанные узкой группой развитых стран. Это новая коалиция сил, стремящихся к многополярности, суверенитету и перераспределению влияния в мировой экономике и политике [7]. Как отмечает А. Дробинин, «существует обоснованное мнение, что облик нового мира сформируют государства-цивилизации и цивилизационный общности. Все из них, кроме англо-саксонской и континентально европейской, принадлежат к Глобальному Югу, Северу и Востоку. Сейчас, впервые в истории, они имеют право принять равноправное участие в строительстве архитектуры нового мира, который будет таким же многообразным, как и мировое большинство. Нас объединяет одно видение нового миропорядка, один образ будущего. Это создает базу для совместной работы на международной арене на основе равенства, взаимного уважения и учета интересов друг друга» [6].

После холодной войны США и их союзники доминировали в ключевых международных институтах – от МВФ и Всемирного банка до НАТО. Однако сегодня эта модель сталкивается с растущим сопротивлением. Санкционная политика, двойные стандарты и навязывание односторонних решений подрывают легитимность западного лидерства. В ответ формируется альтернативная повестка, которую продвигают Китай, Россия, Индия, Бразилия, ЮАР и другие страны, объединённые в рамках БРИКС. В международной политике возрастает влияние данной структуры – с 2000 по 2024 год доля пяти стран-основательниц БРИКС в глобальном ВВП по ППС выросла с 17,4 до 34,1%, а стран «Группы семи» сократилась с 44,5 до 28,8% [6]. Этот разрыв продолжает увеличиваться и, по прогнозам МВФ, к 2030 году достигнет 10% (пять стран-основательниц БРИКС – 36,3%, «Группа семи» – 26,3%) [10].

БРИКС изначально создавался как экономический клуб, но сегодня он превращается в ключевую платформу политического и финансового суверенитета. Важнейшую роль играет данная площадка и в продвижении норм и принципов цифрового суверенитета [19]. В странах Глобального Юга и Востока, где идеи антигегемонизма и равноправия имеют глубокие исторические корни, концепция многополярности (в различных формах и проявлениях) используется для описания новой мировой реальности, образа желаемого будущего и идейной платформы коллективных действий [11]. Можно упомянуть принятую в октябре 2024 года итоговую декларацию Казанского саммита БРИКС – первый совместный документ объединения, в котором прямо идет речь о многополярном международном порядке [10]. Уникальность современного этапа мировой истории в том и состоит, что в XXI веке кардинально изменились экономические и организационные возможности Глобального Юга и Востока. Незападные государства, пожалуй, впервые за несколько столетий способны и хотят, независимо от евроатлантических «стратегов» и «архитекторов» мирового порядка, заниматься коллективным осмыслением и проектированием моделей регионального, трансрегионального и глобального сотрудничества и развития, основанных на идеях справедливости, равноправия и взаимной выгоды [10].

Теоретико-методологические основания исследования

Теоретически работа опирается на «практический поворот» в теории международных отношений [20]: суверенитет понимается воспроизводимая сеть практик (регламентов, компетенций, материальных артефактов), обеспечивающих автономию в повседневных операциях инфраструктур. Практический поворот сочетается с концепцией неокOLONIALИЗМА в области данных [21]. Концепция неокOLONIALИЗМА данных (или цифрового неокOLONIALИЗМА) описывает ситуацию, при которой технологически развитые страны (преимущественно США) эксплуатируют цифровые ресурсы развивающихся государств, воспроизводя модели экономического и политического доминирования, характерные для классического колониализма. В контексте цифровых экосистем данная концепция позволяет исследовать борьбу за контроль над потоками данных, стандартами совместимости цифровых систем и программного обеспечения, инфраструктурой передачи данных. Ярким примером являются африканские страны, где 80% данных обрабатываются в иностранных дата-центрах [12].

Суверенитет и цифровые границы представляют собой примеры т.н. «гибкой территориальности», которая

предлагают новые подходы к классическому подходу к пониманию границ и территорий, сложившихся еще со времен Вестфалия [8]. Если классическая Вестфальская система строилась на принципе неприкосновенности жестких границ, то сегодня мы наблюдаем её трансформацию. Пространство национального суверенитета становится проницаемым, а его архитектура – многослойной. Поверх физической территории накладываются цифровые, экономические и инфраструктурные «сети влияния», контроль над которыми и определяет реальную мощь государства в XXI веке [22].

Цифровой суверенитет перестает быть технической категорией и становится центральным элементом политического суверенитета в XXI веке. Успешность государства в новой системе международных отношений будет определяться его способностью не только защищать свое киберпространство, но и активно участвовать в формировании глобальных цифровых правил, предлагая альтернативные модели управления, основанные на принципах многополярности и уважения национального выбора путей развития.

Сопоставительный анализ практик в области защиты цифрового суверенитета

Страны «мирового большинства» (Китай, Россия, Индия, Бразилия, Иран, страны БРИКС+) активно развивают стратегии цифрового суверенитета, чтобы снизить зависимость от западных технологий и платформ. Их подходы различаются в зависимости от экономических возможностей, политических целей и технологической базы.

Российская Федерация первой обратила внимание международного сообщества на значимость обеспечения информационного суверенитета в контексте международной информационной безопасности [4]. Россия с 1998 года продвигала на международной арене инициативу в области выработки правил ответственного поведения государств в области международной информационной безопасности, ориентировала международное сообщество на предотвращение информационных угроз в военно-политической, террористической и преступной плоскостях при учете принципов равноправия и суверенного равенства государств.

Однако в широкой практике международных отношений вопросы к обеспечению цифрового суверенитета стали привлекать пристальное внимание позднее. Важную роль сыграли события «арабской весны», в которой большое значение имели программы цифровой дипломатии США, опиравшиеся на использование социальных сетей, базирующихся в этой стране. Многие государства стали рассматривать их деятельность как вмешательство во внутренние дела и нарушение суверенитета. Кроме того, на этот же период приходится атака вируса «Stuxnet» на АСУП ТП АЭС в Иране, выведшие из строя АЭС в Натанзе, что дополнительно актуализировало стремление государств обеспечить свою информационную безопасность и укрепить границы в цифровом пространстве [5].

В России в ноябре 2019 года был принят Закон о «суверенном Интернете» (неформальное название Федерального закона от 01.05.2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [23]), который сформировал правовую базу для централизованного управления Интернетом в государственных границах. Кроме того, начало СВО России на Украине и обострение отношений со странами Запада актуализировали и форсировали политику России в области цифрового суверенитета.

В 2022 году на территории России была запрещена деятельность ряда западных ИТ-платформ, что стало еще одним шагом на пути к укреплению цифрового суверенитета.

Схожих с Россией позиций придерживается КНР. В мае 2015 года Россия и Китай подписали двустороннее соглашение о сотрудничестве в области международной информационной безопасности. В июне 2016 года Владимир Путин и Си Цзиньпин подписали совместное заявление о сотрудничестве в области развития информационного пространства. Оба лидера подчеркивают, что они отстаивают принцип уважения национального суверенитета в информационном пространстве и изучают возможности выработки универсальных правил ответственного поведения в информационном пространстве в рамках ООН.

В последние годы Китай продемонстрировал готовность защищать суверенитет в области данных, которые рассматриваются как ключевой ресурс цифровой экономики. В декабре 2017 года Китай выпустил документ «Реализация национальной стратегии Больших данных и ускорения строительства цифрового Китая», который регламентирует вопросы цифрового суверенитета на национальном уровне. В Китае в 2021 году был принят Закон КНР «О безопасности данных» и Закон КНР «Об охране личных данных пользователей». Согласно этим законам, данные рассматриваются как национальное достояние, очередной фактор производства наряду с трудом, землей, капиталом и технологиями.

Внешнеполитические приоритеты КНР в отношении цифровой среды отражены в Глобальной инициативе в области безопасности данных, опубликованной МИД КНР в 2020 году, согласно которой «государства должны уважать суверенитет, юрисдикцию и управление в области данных со стороны других государств» [13].

Индия демонстрирует формирование гибридной модели цифрового суверенитета, основанной на принципах избирательного протекционизма и технологического прагматизма. Создание национальной цифровой инфраструктуры (India Stack) [14] при сохранении ограниченной открытости для глобальных технологических игроков позволяет добиваться значимых результатов в области технологической автономии. Успешность данной модели будет зависеть от способности Индии преодолеть внутренние дисбалансы и усилить роль в формировании глобальных цифровых стандартов.

На международном уровне можно отметить, что страны «мирового большинства» движутся к региональным цифровым альянсам (БРИКС, ШОС и ряд других), чтобы снизить зависимость от Запада. Суверенитет становится реальной политической «практикой», в том числе на международном уровне, а не политической декларацией или лозунгом, когда: (а) приняты материальные решения о хранении/обработке данных (включая локализацию или эквивалентные гарантии), (б) обеспечены суверенные и/или федеративные облачные контуры («суверенные облака», федерации по типу Gaia-X [15]), (в) развернуты цифровые экосистемы (ID, платежи, обмен данными), (г) согласованы процедуры доверительных трансграничных потоков (адекватность, договорные механизмы, сертификация) [9].

Контроль над критической цифровой инфраструктурой (подводные кабели связи, центры обработки данных, сети 5G) становится новым ресурсом власти. Крупные проекты, подобные инициативе «Пояс и путь», представляют собой не просто экономическое сотрудничество, а создание долгосрочных структур зависимости, где технологический контроль трансформируется в политическое влияние.

ЮАР также прилагает значительные усилия в области формирования цифрового суверенитета. Модель ЮАР предполагает курс на создание современной, но суверенной цифровой экономики, которая может взаимодействовать с глобальными партнерами, не жертвуя при этом своими национальными интересами и не становясь просто рынком сбыта или источником данных для других. Главным вызовом для страны остается цифровое неравенство, однако, международное сотрудничество и внутренние инициативы направлены на преодоление данной проблемы. Будучи активным членом БРИКС, она использует эту платформу для доступа к альтернативным технологиям и инвестициям (китайские сети 5G, российские решения в области кибербезопасности), диверсифицируя таким образом зависимость.

ЮАР позиционирует себя как хаб для Южной Африки и континента в целом. Инициативы по созданию региональных центров обработки данных [16] и выработке общей позиции по регулированию данных в рамках Африканского союза призваны усилить переговорные позиции всего региона, предотвращая практику неколониализма данных со стороны глобальных корпораций.

Для стран «мирового большинства» альянс становится ключевым инструментом защиты своего права на цифровое самоопределение и построения многополярной цифровой архитектуры. Как отмечается в Казанской декларации БРИКС от 2024 года, в основе духа БРИКС – «взаимовзаимное уважение и взаимопонимание, суверенное равенство, солидарность, демократия, открытость, инклюзивность, взаимодействие и консенсус» [17]. В декларации также отмечается «Мы признаем огромный потенциал ИКТ по преодолению цифрового разрыва в интересах социально-экономического роста и развития. Мы также признаем наличие вызовов и угроз, исходящих от цифровой сферы и возникающих в ней. Призываем придерживаться комплексного, сбалансированного, объективного подхода к разработке и обеспечению безопасности продуктов и систем ИКТ, а также к разработке и внедрению совместимых на глобальном уровне общих правил и стандартов обеспечения безопасности цепочек поставок» [17].

В итоговой декларации БРИКС 2025 году, которая была принята в Рио-де-Жанейро, Бразилия, особый акцент сделан на искусственный интеллект. «Мы признаем, что искусственный интеллект представляет собой важнейшую возможность для ускорения развития в направлении более процветающего будущего, – отмечается в документе. – Для достижения этой цели, мы подчеркиваем, что глобальное управление ИИ должно смягчать потенциальные риски и удовлетворять потребности всех стран, включая страны глобального Юга» [18].

БРИКС призывает к объединению усилий на глобальном уровне для создания системы управления искусственным интеллектом, которая будет отражать общие ценности стран объединения, учитывать риски, укреплять доверие и обеспечивать равноправное международное сотрудничество, указано в декларации [18].

Несмотря на значительный потенциал, сотрудничество в рамках БРИКС сталкивается с серьезными вызовами:

- различный уровень технологического развития участников;
- конкурирующие интересы в третьих странах;
- давление со стороны западных стран;
- внутренние бюрократические барьеры.

Однако растущая консолидация участников и расширение объединения позволяют прогнозировать усиление роли БРИКС в формировании глобальной цифровой архитектуры.

Саммит БРИКС в Казани внес важнейший вклад в становление многосторонней цифровой повестки «мирового большинства». В условиях усиления технологического протекционизма и фрагментации глобального цифрового пространства, участники объединения приняли инициативы, призванные консолидировать общие подходы к регулированию интернета, искусственно-го интеллекта и данных.

В числе важнейших достижений БРИКС в области глобального цифрового регулирования:

- запуск BRICS Bridge – пилотного проекта межгосударственной платформы для обмена цифровыми сертификатами и обеспечения трансграничных электронных услуг. Это прямой аналог европейской инфраструктуры eIDAS, но ориентированный на стандарты и юрисдикции стран-участниц;
- интеграция национальных систем быстрых платежей (российский СБП, индийский UPI, бразильский PIX) в единое платежное пространство;
- регулирование ИИ Страны БРИКС формируют подход, альтернативный жесткому регулированию ЕС (AI Act) и либеральной модели США. Ожидается принятие Рамочных принципов ответственного ИИ, делающих акцент на: 1) суверенитете данных для обучения национальных ИИ-моделей; 2) развитии многоязычных ИИ-систем, недоминируемых английским языком; 3) создании совместных центров компетенций по этике ИИ.

Заключение

Цифровой суверенитет «мирового большинства» – это способность формировать и воспроизводить собственные цифровые нормы, практики, формировать международные альянсы в цифровой политике на условиях доверия и взаимности.

Цифровой суверенитет концептуализирован как процесс, а не состояние. Он конструируется через совокупность практик и рутинных инфраструктурных решений (локализация данных, создание национальных облачных платформ, разработка цифровых публичных сервисов), а не провозглашается единовременно. Это позволяет странам «мирового большинства» наращивать автономно итеративно, минимизируя риски прямого конфликта с технологическими гегемонами.

БРИКС идентифицирован как ключевая институциональная площадка для выработки, легитимации и международной популяризации такого рода практик. Через рабочие группы, совместные заявления и проекты (информационная безопасность, инициативы по ИИ) альянс не просто координирует политику, а создает общее нормативное поле – набор разделяемых принципов (справедливое управление данными, технологический плюрализм), которые становятся основой для коллективного действия в области цифрового суверенитета.

Сформирован полицентричный режим управления цифровым пространством, в котором «мировое большинство» выступает как активный участник формирования норм и практик, в том числе в области цифрового суверенитета. Это проявляется в продвижении альтернативных технических стандартов, моделей регулирования (например, балансирующих между открытостью и контролем в цифровой сфере) и финансовых механизмов (расчеты в национальных валютах, использование технологий распределенных реестров), которые оспаривают универалистские притязания западной регуляторной модели. Контроль над физической и цифровой инфраструктурой (дата-центры, сети 5G, системы цифровой идентификации) становится важнейшей составляющей

цифрового суверенитета. Практики БРИКС в данной области направлены на укрепление способности управлять потоками данных и регулировать инфраструктуру.

Статья, таким образом, вносит вклад в «практический поворот» в теории международных отношений, показывая, как суверенитет материализуется через технические решения и рутинные практики. Практически, она предлагает аналитический инструментарий для оценки реального, а не декларативного уровня цифрового суверенитета разных стран через анализ их конкретных инфраструктурных и регуляторных решений, координируемых в рамках БРИКС и других форматов сотрудничества мирового большинства.

Литература

1. DeNardis L. The Global War for Internet Governance. Yale UP, 2014. 296 p.
2. Jessop B. State Theory: Putting the Capitalist State in Its Place. Cambridge: Polity Press, 1990. 413 p.
3. Sassen S. Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton: Princeton University Press, 2006. 512 p.
4. Зиновьева Е.С. Международная информационная безопасность: проблемы многостороннего и двустороннего сотрудничества. М.: МГИМО, 2021. 280 с.
5. Зиновьева Е.С., Шитьков С.В. Цифровой суверенитет в практике международных отношений // Международная жизнь. 2023. № 3. С. 38–51.
6. Дробинин А.Ю. Уроки истории и образ будущего: размышления о внешней политике России // Международная жизнь. 2022. № 8. С. 4–15.
7. Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 5(117). С. 6–8.
8. Лебедева М.М. Мировой (бес)порядок: сценарии дальнейшего развития // Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 304.
9. Шитьков С.В. Концептуальные основания анализа цифрового суверенитета в современной мировой политике // Международная жизнь. 2025. № 2(44). С. 33–51.
10. Дробинин А., Пискунов Е. Что такое многополярный мировой порядок: актуальные теоретические и прикладные аспекты // Международная жизнь. 2025. № 8. С. 4–13.
11. Караганов С., Крамаренко А., Тренин Д. Политика России в отношении Мирового большинства. Доклад. М.: ВШЭ, 2023. 48 с. ISBN: 978–5–6050740–2–1.
12. The Role of African Governments and Multilateral Organizations in Increasing the Footprints of Multi-Tenant Data Centres and Cloud Infrastructure in Africa // Smart Africa, March 15, 2022. – URL: <https://smartafrica.org/the-role-of-african-governments-and-multilateral-organizations-in-increasing-the-footprints-of-multi-tenant-data-centres-and-cloud-infrastructure-in-africa/#:~:text=A%20closer%20look%20at%20Africa,is%20hosted%20outside%20the%20continent>
13. Creemers R. China's conception of cyber sovereignty: chapter of book // In: Broeders D. & Berg B. van den (Eds.) Governing cyberspace: Behavior, power and diplomacy. Rowman & Littlefield International, 2020. P. 107–145.
14. IndiaStack: Official Website. – URL: <https://indiastack.org>
15. Gaia-X European Association for Data and Cloud AISBL: Official Website. URL: <https://gaia-x.eu>

16. Africa Data Centres: Official Website. – URL: <https://www.africadatacentres.com>
17. Казанская декларация БРИКС «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Официальный сайт Президента России. Казань, 2024. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAMF3LEh02OL3Hk.pdf>
18. Лидеры стран БРИКС приняли декларацию саммита в Рио-де-Жанейро. ТАСС, 6 июля 2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24444363>
19. Belli L. (ed.). CyberBRICS: Cybersecurity regulations in the BRICS countries. Springer Nature, 2021. 280 p.
20. Bigo D. Pierre Bourdieu and international relations: Power of practices, practices of power // *International political sociology*. 2011. Vol. 5, № 3. P. 225–258.
21. UNCTAD Digital Economy Report 2021. – URL: <https://unctad.org/page/digital-economy-report-2021>
22. Pierucci F. Sovereignty in the Digital Era: Rethinking Territoriality and Governance in Cyberspace // *Digital Society*. 2025. Vol. 4, № 1. P. 1–19.
23. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»». Официальный сайт Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/44230>
3. Sassen S. *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*. Princeton: Princeton University Press, 2006. 512 p.
4. Zinovieva E.S. *International Information Security: Problems of Multilateral and Bilateral Cooperation*. Moscow: MGIMO, 2021. 280 p.
5. Zinovieva E.S., Shitkov S.V. Digital Sovereignty in the Practice of International Relations // *International Affairs*. 2023. № 3. P. 38–51.
6. Drobinin A. Yu. Lessons of History and the Image of the Future: Reflections on Russia's Foreign Policy // *International Affairs*. 2022. № 8. P. 4–15.
7. Karaganov S.A. From the non-West to the World Majority // *Russia in Global Affairs*. 2022. Vol. 20, № 5(117). P. 6–18.
8. Lebedeva M.M. World (dis)order: scenarios for further development // *Development policy, state and world order: Proceedings of the VIII All-Russian Congress of Political Scientists*. Moscow: Aspect Press, 2018. P. 304.
9. Shitkov S.V. Conceptual foundations for the analysis of digital sovereignty in modern world politics // *International Affairs*. 2025. № 2(44). P. 33–51.
10. Drobinin A., Piskunov E. What is a multipolar world order: current theoretical and applied aspects // *International Affairs*. 2025. № 8. P. 4–13.
11. Karaganov S., Kramarenko A., Trenin D. *Russia's Policy towards the World Majority*. Report. Moscow: HSE, 2023. 48 p. ISBN: 978–5–6050740–2–1.
12. The Role of African Governments and Multilateral Organizations in Increasing the Footprints of Multi-Tenant Data Centers and Cloud Infrastructure in Africa // *Smart Africa*, March 15, 2022. – URL: <https://smartafrica.org/the-role-of-african-governments-and-multilateral-organizations-in-increasing-the-footprints-of-multi-tenant-data-centres-and-cloud-infrastructure-in-africa/#:~:text=A%20closer%20look%20at%20Africa,is%20hosted%20outside%20the%20continent>
13. Creemers R. China's conception of cyber sovereignty: chapter of book // In: Broeders D. & Berg B. van den (Eds.) *Governing cyberspace: Behavior, power and diplomacy*. Rowman & Littlefield International, 2020. P. 107–145.
14. IndiaStack: Official Website. – URL: <https://indiastack.org>
15. Gaia-X European Association for Data and Cloud AISBL: Official Website. – URL: <https://gaia-x.eu>
16. Africa Data Centres: Official Website. – URL: <https://www.africa-datacentres.com>
17. BRICS Kazan Declaration “Strengthening Multilateralism for Equitable Global Development and Security”. Official website of the President of Russia. Kazan, 2024. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAMF3LEh02OL3Hk.pdf>
18. BRICS leaders adopted the declaration of the summit in Rio de Janeiro. TASS, July 6, 2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24444363>
19. Belli L. (ed.). CyberBRICS: Cybersecurity regulations in the BRICS countries. Springer Nature, 2021. 280 p.
20. Bigo D. Pierre Bourdieu and international relations: Power of practices, practices of power // *International political sociology*. 2011. Vol. 5, № 3. P. 225–258.
21. UNCTAD Digital Economy Report 2021. – URL: <https://unctad.org/page/digital-economy-report-2021>
22. Pierucci F. Sovereignty in the Digital Era: Rethinking Territoriality and Governance in Cyberspace // *Digital Society*. 2025. Vol. 4, № 1. P. 1–19.
23. Federal Law of 01.05.2019 № 90-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Communications” and the Federal Law “On Information, Information Technologies and the Protection of Information”. Official website of the President of Russia. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/44230>

DIGITAL SOVEREIGNTY OF THE “GLOBAL MAJORITY”: PRACTICES, NORMS, AND NEW TYPE COALITIONS

Shitkov S.V.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, MGIMO University

The article offers a conceptualization of the digital sovereignty of the “global majority” as a set of practices and institutions by which the states of the global majority achieve autonomy in managing data, cloud infrastructure, digital public services, and cross-border information flows.

Methodologically, the article relies on the approach of the “practical turn” in the theory of international relations, within the framework of which TMO sovereignty is interpreted as infrastructural and institutional power “constructed” through routines. Empirically, the study is based on the analysis of official documents of the countries of the global majority, as well as a study of documents of international organizations, primarily BRICS.

A conclusion is made about the formation of a polycentric digital governance regime, where the Global South acts as a norm-forming actor, and not an object of external rules. At the same time, the key institution that forms the approach of the world majority in this area is BRICS.

Keywords: digital sovereignty, world majority, information security, digital international relations.

References

1. DeNardis L. *The Global War for Internet Governance*. Yale UP, 2014. 296 p.
2. Jessop B. *State Theory: Putting the Capitalist State in Its Place*. Cambridge: Polity Press, 1990. 413 p.

3. Sassen S. *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*. Princeton: Princeton University Press, 2006. 512 p.
4. Zinovieva E.S. *International Information Security: Problems of Multilateral and Bilateral Cooperation*. Moscow: MGIMO, 2021. 280 p.
5. Zinovieva E.S., Shitkov S.V. Digital Sovereignty in the Practice of International Relations // *International Affairs*. 2023. № 3. P. 38–51.
6. Drobinin A. Yu. Lessons of History and the Image of the Future: Reflections on Russia's Foreign Policy // *International Affairs*. 2022. № 8. P. 4–15.
7. Karaganov S.A. From the non-West to the World Majority // *Russia in Global Affairs*. 2022. Vol. 20, № 5(117). P. 6–18.
8. Lebedeva M.M. World (dis)order: scenarios for further development // *Development policy, state and world order: Proceedings of the VIII All-Russian Congress of Political Scientists*. Moscow: Aspect Press, 2018. P. 304.
9. Shitkov S.V. Conceptual foundations for the analysis of digital sovereignty in modern world politics // *International Affairs*. 2025. № 2(44). P. 33–51.
10. Drobinin A., Piskunov E. What is a multipolar world order: current theoretical and applied aspects // *International Affairs*. 2025. № 8. P. 4–13.
11. Karaganov S., Kramarenko A., Trenin D. *Russia's Policy towards the World Majority*. Report. Moscow: HSE, 2023. 48 p. ISBN: 978–5–6050740–2–1.
12. The Role of African Governments and Multilateral Organizations in Increasing the Footprints of Multi-Tenant Data Centers and Cloud Infrastructure in Africa // *Smart Africa*, March 15, 2022. – URL: <https://smartafrica.org/the-role-of-african-governments-and-multilateral-organizations-in-increasing-the-footprints-of-multi-tenant-data-centres-and-cloud-infrastructure-in-africa/#:~:text=A%20closer%20look%20at%20Africa,is%20hosted%20outside%20the%20continent>
13. Creemers R. China's conception of cyber sovereignty: chapter of book // In: Broeders D. & Berg B. van den (Eds.) *Governing cyberspace: Behavior, power and diplomacy*. Rowman & Littlefield International, 2020. P. 107–145.
14. IndiaStack: Official Website. – URL: <https://indiastack.org>
15. Gaia-X European Association for Data and Cloud AISBL: Official Website. – URL: <https://gaia-x.eu>
16. Africa Data Centres: Official Website. – URL: <https://www.africa-datacentres.com>
17. BRICS Kazan Declaration “Strengthening Multilateralism for Equitable Global Development and Security”. Official website of the President of Russia. Kazan, 2024. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAMF3LEh02OL3Hk.pdf>
18. BRICS leaders adopted the declaration of the summit in Rio de Janeiro. TASS, July 6, 2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24444363>
19. Belli L. (ed.). CyberBRICS: Cybersecurity regulations in the BRICS countries. Springer Nature, 2021. 280 p.
20. Bigo D. Pierre Bourdieu and international relations: Power of practices, practices of power // *International political sociology*. 2011. Vol. 5, № 3. P. 225–258.
21. UNCTAD Digital Economy Report 2021. – URL: <https://unctad.org/page/digital-economy-report-2021>
22. Pierucci F. Sovereignty in the Digital Era: Rethinking Territoriality and Governance in Cyberspace // *Digital Society*. 2025. Vol. 4, № 1. P. 1–19.
23. Federal Law of 01.05.2019 № 90-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Communications” and the Federal Law “On Information, Information Technologies and the Protection of Information”. Official website of the President of Russia. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/44230>

Информационная безопасность космической инфраструктуры Российской Федерации

Щербань Анастасия Владимировна,

аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: n.shche@mail.ru

В статье поднимается проблема обеспечения информационной безопасности космической инфраструктуры России. Автор характеризует современное состояние орбитальных группировок РФ и рассматривает зарубежные случаи кибератак на космические аппараты. Особое внимание уделено выявлению уязвимостей искусственных спутников Земли и наземной инфраструктуры. Отдельно анализируются национальные и частные проекты перспективных разработок низкоорбитальных спутниковых группировок и их будущая роль в обеспечении национальной безопасности России.

Кроме этого, рассматривается ряд поручений Президента РФ соответствующим ведомствам по разработке нормативно-правовой базы, интеграции ключевых национальных проектов, а также идентификации беспилотных летательных аппаратов и управление ими посредством низкоорбитальных спутников.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), орбитальные группировки, искусственные спутники Земли (ИСЗ), Роскосмос, «Бюро-1440», «Сфера», информационная безопасность.

Введение

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) являются движущей силой социально-экономического развития государства. При этом обеспечение спутниковой связью, навигацией, телевидением, высокоскоростным Интернетом невозможно без технологий искусственных спутников Земли (ИСЗ). Поэтому перед государствами стоит задача создания или приобретения услуг космических аппаратов (КА), что в свою очередь порождает вызовы для национальной безопасности страны.

По состоянию на июль 2025 года на околоземных орбитах выведено более 13 тысяч космических аппаратов. [12] Государствами-лидерами в этой отрасли считаются США (10 082 КА), КНР (912 КА), Великобритания (658 КА) и Российская Федерация (около 300 КА). [14]

Обладая статусом передовой космической державы, Россия активно развивает проекты по совершенствованию данной отрасли. Не смотря на существующее отставание количественных показателей, к 2030 году планируется значительное увеличение космических аппаратов. Так, в январе 2025 года бывший глава «Роскосмоса» Ю. Борисов анонсировал национальный проект «Развитие многоспутниковой орбитальной группировки». Ключевой целью данного проекта является создание низкоорбитальных группировок для улучшения связи, навигации, мониторинга поверхности Земли и обеспечение пользователей выходом в Интернет в труднодоступных регионах страны. [3] Также важными проектами в области развития космических информационных технологий являются: федеральный проект «Сфера» (часть национального проекта, разработка 600 КА) и частная аэрокосмическая компания по созданию низкоорбитальных спутниковых группировок «Бюро-1440» (383 КА).

Нельзя не отметить, что искусственные спутники относятся к объектам критической инфраструктуры, поэтому в условиях геополитического противостояния становятся потенциальной мишенью для проведения кибератак. В этой связи вопросы обеспечения кибербезопасности космических аппаратов приобретают особую значимость.

Основные вызовы и угрозы космических группировок Российской Федерации

В настоящее время «Роскосмос» реализует четыре проекта российских орбитальных группировок и один международный. Для определения рисков и угроз национальной безопасности России кратко охарактеризуем существующие орбитальные группировки (табл. 1).

Критическая инфраструктура орбитальных группировок России состоит из космических аппаратов и наземной инфраструктуры, которая осуществляет управление спутниками и отвечает за ретрансляцию данных. Генеральный директор компании RuVDS Никита Цаплин отмечает, что наземная инфраструктура управления спутниками представляет основную угрозу для совершения кибератак. Это обусловлено несколькими причинами. Прежде всего разработки космических аппаратов носят

закрытый характер, поэтому хакеры не имеют возможности детально изучить предмет. Однако, центры управления полетами работают на независимом программном обеспечении с открытым исходным кодом. Исходя из этого, связь между спутником и центром управления может быть заглушена, в результате чего существует риск захвата контроля над аппаратом. [13]

К тому же в истории были подобные прецеденты. В 1998 году хакеры получили доступ к системе контроля американско-германского спутника ROSAT X-Ray. В результате несанкционированного доступа удалось вывести аппарат из строя. В 1999 году хакерам удалось проникнуть в систему наведения Skynet (британскому военному спутнику), в конечном итоге они требовали выкуп у правительства. [5]

Таблица 1. Основная характеристика космических орбитальных группировок Российской Федерации

Орбитальная группировка	Срок службы/Количество/высота орбиты	Назначение/сфера применения
ГЛОНАСС	7–10 лет /24/ 19 100 км	Технологии системы навигации ГЛОНАСС применяются в транспортной отрасли, поисково-спасательных операциях, персональной навигации, сельском хозяйстве, гражданской авиации, водном транспорте, космической навигации, для систем связи, а также для эффективного решения задач Вооруженных сил.
Гонец	5 лет/ 12/ до 1500 км	Предназначена для глобального покрытия передачи данных и голосовой связи.
Луч	10 лет/3/ 35 800 км	Прием и передача информации с Международной космической станции, систем орбитальных группировок, космических аппаратов, данных с Росгидромета.
Дистанционное зондирование Земли (ДЗЗ)	состоит из космических комплексов: Ресурс-П, Канопус-В, Метеор-М, Электро-Л, Арктика-М и Кондор-ФК А.	Данные ДДЗ имеют широкий спектр применения: от прогнозирования природных катастроф, отслеживания морских судов, до повышения эффективности военной разведки и наблюдения за перемещением армий других государств.
КОСПАС-САРСАТ	Российская часть проекта состоит из низкоорбитальных и геостационарных спутников типа КОСПАС.	Международная орбитальная группировка предназначена для поддержки поисково-спасательных операций. Совместный проект СССР, США, Франции и Канады, берущий начало в 1988 году и предоставляющий доступ к системе государствам на безвозмездной основе. В число участников проекта входят 30 государств, обеспечивающих наземное обслуживание системы, 9 государств-пользователей, а также 2 организации (ITDC и Управление морского флота Гонконга).

Источник: составлено автором на основе [7]

Анализируя зарубежный опыт, можно прийти к выводу, что подмена, кража, искажение информации или вывод из строя спутника могут привести к непоправимым последствиям и создать реальную угрозу национальной безопасности России.

В 2022 году хакерами были предприняты попытки совершения атаки на российский Центр управления полетами. В официальном заявлении Дмитрий Rogozin (генеральный директор Роскосмоса до 15 июля 2022 года) отметил, что «захват» космической группировки любого государства является casus belli. [9]

Основными источниками кибератак являются:

- государства, обладающие технологическим превосходством и подготовленными ИТ-специалистами для проведения кибератак. Целью таких действий является достижение военного превосходства или кража научных интеллектуальных разработок;
- преступные группировки, преследующие в кибератаках финансовые цели;
- террористические группировки, цель которых нанести урон объектам критической инфраструктуры для демонстрации силы. [6, с. 94]

Отметим, что сложность природы кибер-конфликта заключается в трудностях его пресечения, поскольку ущерб можно оценить только по факту совершения атаки, а также невозможности выявить реального агрессора.

Перспективные проекты космической отрасли в Российской Федерации

В последние годы наметилась тенденция разработки систем спутниковой связи, состоящей из малых космических аппаратов (МКА), которые выводятся на низкую

орбиту. Основным преимуществом МКА является относительно низкая стоимость разработки, меньший срок службы (что в условиях технологического прогресса положительно влияет на усовершенствование систем) и возможность быстрого вывода на орбиту такой группировки. [2, с. 6] Широкую известность в этой области приобрели спутниковые группировки связи Starlink от компании Space X.

Однако, отечественные эксперты отмечают, что массовое производство и использование открытого кода в создании низкоорбитальных спутников делает их более уязвимыми для хакерских атак, поскольку в разработке используются стандартные схемы.

В целях достижения технологического суверенитета России реализуется несколько национальных программ по увеличению количества орбитальных группировок. Федеральная программа «Сфера» (под руководством Гонец), направлена на создание крупной орбитальной группировки, способной обеспечить широкополосной доступ в Интернет по всей территории России и других стран. Так, к 2030 году планируется создание группировки из 600 космических аппаратов, при этом столько же необходимо изготовить для замены по истечению срока службы или устранения неисправности.

В проект «Сфера» войдут группировки связи: «Ямал», «Экспресс», «Экспресс-РВ», «Скиф» и «Марафон», а также орбитальные группировки ДЗЗ: «Пиксел-ВР», «Беркут-ВД», «Беркут-Х», «Беркут-ХЛР», «Беркут-С» и «Смотр». [10]

Отдельно отметим космическое сотрудничество государства с частной аэрокосмической компанией «Бюро-1440», которая занимается разработкой низкоорбитальной спутниковой группировки. Основными партнерами компании являются: Мегафон, РЖД, Сбербанк.

Новаторством разработки таких группировок служит возможность лазерного обмена данными между спутниками. [11] В рамках Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) 2025, директор Роскосмоса Д. Баканов отметил, что первый запуск низкоорбитальных спутников компании «Бюро-1440» намечен на декабрь 2025 года. [1]

Обеспечение информационной безопасности низкоорбитальных группировок

В Российской Федерации информационная безопасность включает два аспекта: информационно-технический и информационно-психологический. Из этого следует, что обеспечение кибербезопасности низкоорбитальных спутниковых группировок (НОСГ) закрепляет «Доктрина на информационной безопасности РФ» от 5 декабря 2016 года. В документе отмечена необходимость обеспечения стабильной и бесперебойной работы критической информационной инфраструктуры (к которой НОСГ относятся). Также среди угроз отмечается применение информационно-технического воздействия в военных целях, осуществление технической разведки, а также совершения атак на критическую информационную инфраструктуру. [4]

В марте 2025 года В.В. Путин поручил Правительству РФ, Роскосмосу и научно-техническим институтам (НТИ) включить разработку и эксплуатацию НОСГ в следующие национальные проекты: «Беспилотные авиационные системы», «Экономика данных и цифровая трансформация государства», а также в национальный проект по развитию космической деятельности на период до 2030 года, с перспективой продления до 2036 года. Отдельно Президент РФ отметил необходимость разработки единого правового регулирования использования спутниковых группировок и объектов наземной инфраструктуры. Также на совещании обсуждались вопросы создания Единой системы идентификации беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и формирования объектов наземной космической инфраструктуры. [8]

Такие меры интеграции межведомственных проектов, разработка нормативно-правового регулирования, идентификация БПЛА и управление ими посредством НОСГ, направлены на повышение информационной безопасности и одновременно, дополнение правил пользования космическим пространством.

Выводы

В заключении отметим, что на современном этапе Россия активно развивает проекты космической отрасли. В частности, к 2030 году планируется увеличить количество спутников в несколько раз. Однако, случаи в истории демонстрируют, что существует реальная угроза получения доступа к управлению спутником, что создает прямую угрозу национальной безопасности. Отдельно отметим перспективные разработки низкоорбитальных спутниковых группировок в России, целью которых является обеспечение связью и Интернетом труднодоступных регионов, а также возможность управления БПЛА различного назначения.

В марте 2025 года Президент России дал Правительству РФ, Роскосмосу и научно-техническим институтам ряд поручений, направленных на правовое регулирование, стандартизацию и интеграцию этой сферы с другими национальными проектами. Данные инициативы служат дополнением к правилам пользования космическим

пространством и усовершенствованием технического аспекта информационной безопасности.

Литература

1. «Бюро 1440»: десятки спутников «Рассвет» планируются к запуску в конце года // ТАСС Электронный ресурс URL: <https://tass.ru/ekonomika/24269245> (дата обращения: 20.06.2025).
2. Викторов Е. А., Бурлаков С.О., Якушенко С.А., Вахненко И.В., Егрюшев В.Е., Веркин С.С., Антонов В.В. Научно-технические проблемы создания и применения группировок военных малых космических аппаратов связи для информационного обеспечения боевых действий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3–2 (78). с. 6–11
3. В России стартует национальный проект по развитию многоспутниковой группировки // Вестник ОНЗ РАН Электронный ресурс URL: <https://onznews.wdcb.ru/yan25/v-rossii-startuet-natsionalnyj-proekt-po-razvitiyu-mnogosputnikovoj-gruppirovki.html> (дата обращения: 13.06.2025 год)
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации Электронный ресурс URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1539546/ (дата обращения: 13.07.2025 год)
5. Космические кибератаки: кто и зачем ворует данные со спутников // РБК Электронный ресурс URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/614da42d9a7947b-3101372b3?from=copy> (дата обращения: 20.06.2025).
6. Копылов А. В., Пивоваров Ю.Ф., Шевцов В.М. Проблемы кибернетической безопасности космической деятельности: политико-правовые аспекты // Социально-политические науки. 2024. № 6. с 91–97
7. Орбитальные группировки // Роскосмос Электронный ресурс URL: <https://www.roscosmos.ru/21922/> (дата обращения: 13.07.2025 год).
8. Перечень поручений по итогам совещания по развитию беспилотных авиационных систем // Президент России Электронный ресурс URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/76506> (дата обращения: 20.07.2025 год).
9. Rogozin назвал попытки вывести из строя российские спутники casus belli // Риа НОВОСТИ Электронный ресурс URL: <https://ria.ru/20220302/sputnik-1776014156.html> (дата обращения: 20.07.2025 год).
10. Роскосмос рассказал о реализации проекта «Сфера» на международном форуме в Москве // Роскосмос Электронный ресурс URL: <https://www.roscosmos.ru/39138/> (дата обращения: 20.06.2025 год)
11. Российская аэрокосмическая компания. Создаем низкоорбитальную спутниковую систему для широкополосной передачи данных в любую точку планеты // Бюро-1440 Электронный ресурс URL: <https://1440.space/#technologies> (дата обращения: 20.06.2025 год)
12. Active satellite orbit data // Orbiting now URL: <https://orbit.ing-now.com/> (дата обращения: 20.07.2025).
13. RuVDS: наземная инфраструктура является самым незащищенным элементом космических систем // ТАСС URL: <https://tass.ru/ekonomika/20996139> (дата обращения: 20.07.2025).
14. Satellites on orbit // n2yo URL: <https://www.n2yo.com/> (дата обращения: 20.07.2025).

INFORMATION SECURITY OF RUSSIA'S SPACE INFRASTRUCTURE

Shcherban A.V.

St. Petersburg State University

The article raises the problem of ensuring the information security of Russia's space infrastructure. The author characterizes the current state of the Russian orbital groups and examines foreign cases of cyber attacks on spacecraft. Special attention is paid to identifying the vulnerabilities of artificial Earth satellites and ground infrastructure. National and private projects of promising developments of low-orbit satellite groups and their future role in ensuring Russia's national security are analyzed separately.

In addition, a number of instructions from the President of the Russian Federation to the relevant departments on the development of a regulatory framework, integration of key national projects, as well as identification of unmanned aerial vehicles and their control via low-orbit satellites are being considered.

Keywords: information and communication technologies (ICT), orbital groupings, artificial Earth satellites (ISS), Roscosmos, Bureau-1440, Sphere, information security.

References

1. Bureau 1440: dozens of Rassvet satellites are planned to be launched at the end of the year // TASS Electronic resource URL: <https://tass.ru/ekonomika/24269245> (accessed: 06/20/2025).
2. Viktorov E. A., Burlakov S.O., Yakushenko S.A., Vakhnenko I.V., Yegrushev V.E., Verkin S.S., Antonov V.V. Scientific and technical problems of creation and application of groups of military small space communication vehicles for information support of military operations // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. № 3–2 (78). pp. 6–11
3. A national project for the development of a multi-satellite constellation is being launched in Russia // Bulletin of ONZ RAS Electronic resource URL: <https://onznews.wdcb.ru/yan25/v-rossii-startuet-natsionalnyj-proekt-po-razvitiyu-mnogosputnikovoj-gruppirovki.html> (accessed: 06/13/2025)
4. 4) The Information Security Doctrine of the Russian Federation // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Electronic resource URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1539546/ (accessed: 07/13/2025)
5. Space cyberattacks: who steals data from satellites and why // RBC Electronic resource URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/614da42d9a7947b3101372b3?from=copy> (accessed: 06/20/2025).
6. Kopylov A.V., Pivovarov Yu. F., Shevtsov V.M. Problems of cybernetic security of space activities: political and legal aspects // Socio-political Sciences. 2024. No. 6. from 91–97
7. Orbital groupings // Roscosmos Electronic resource URL: <https://www.roscosmos.ru/21922/> (accessed: 07/13/2025).
8. List of instructions following the meeting on the development of unmanned aircraft systems // President of Russia Electronic resource URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/76506> (accessed: 07/20/2025).
9. Rogozin called attempts to disable Russian satellites a casus belli // Ria NOVOSTI Electronic resource URL: <https://ria.ru/20220302/sputnik-1776014156.html> (accessed: 07/20/2025).
10. Roscosmos spoke about the implementation of the Sphere project at the international forum in Moscow // Roscosmos Electronic resource URL: <https://www.roscosmos.ru/39138/> (accessed: 06/20/2025)
11. Russian Aerospace Company. We are creating a low-orbit satellite system for broadband data transmission to anywhere in the world // Bureau-1440 Electronic resource URL: <https://1440.space/#technologies> (accessed: 06/20/2025)
12. Active satellite orbit data // Orbiting now URL: <https://orbit.ingnow.com/> (accessed: 07/20/2025).
13. RuVDS: ground infrastructure is the most vulnerable element of space systems // TASS URL: <https://tass.ru/ekonomika/20996139> (accessed: 07/20/2025).
14. Satellites on orbit // n2yo URL: <https://www.n2yo.com/> (accessed: 07/20/2025).

Нарушение баланса интересов: как конкуренция ключевых акторов влияет на российско-египетское сотрудничество

Эльирази Абдельрахман Реда Мохамед Эльхади,
независимый исследователь
E-mail: abdoelraky82@gmail.com

Статья посвящена анализу влияния конкуренции ключевых акторов на характер и динамику российско-египетского сотрудничества в условиях формирующегося многополярного мира. Особое внимание уделяется взаимодействию России и Египта на фоне активного присутствия таких международных акторов, как США, Китай и Европейский союз, каждый из которых стремится укрепить своё влияние в ключевом регионе Ближнего Востока и Северной Африки. В работе рассматриваются основные направления двустороннего партнёрства, включая проект АЭС «Эль-Дабаа», военно-техническое сотрудничество и продовольственную дипломатию. В статье также раскрываются как возможности, так и ограничения, возникающие для России в результате перекрёстного давления со стороны конкурентов, и проводится анализ инструментов выстраивания внешнеполитического баланса Египтом в новых условиях. Автор делает вывод о необходимости гибкой и прагматичной стратегии, направленной на укрепление устойчивых точек соприкосновения между Москвой и Каиром в условиях международной турбулентности.

Ключевые слова: Россия, Египет, АЭС «Эль-Дабаа», многополярность, конкуренция, сотрудничество.

Введение

В условиях трансформации мировой системы и перехода к многополярному порядку конкуренция между ключевыми странами приобретает всё более острый и комплексный характер. Пространства, обладающие геостратегическим и геоэкономическим значением, становятся ареной перекрёстного давления со стороны различных акторов, стремящихся закрепить своё влияние. Египет, как одно из ключевых государств Ближнего Востока и Северной Африки, оказался в эпицентре этой борьбы интересов.

Россия, на фоне ухудшения отношений с Западом, придаёт особое значение развитию связей с так называемым «Глобальным Югом», в том числе с Египтом, который стал одним из главных партнёров Москвы в регионе. Однако активное присутствие США, Китая и ЕС формирует сложную конфигурацию внешнеполитического взаимодействия, где партнёрство с одной страной неизбежно пересекается с интересами других.

Полученные научные результаты важны для понимания внешнеполитической стратегии России в условиях конкуренции ключевых акторов на Ближнем Востоке. Анализ российско-египетского сотрудничества с учётом внешнего давления позволяет выявить механизмы адаптации и балансировки, что имеет прикладное значение для развития двусторонних отношений и дальнейших исследований в сфере геополитики.

В условиях глобальной турбулентности и становления многополярного мирового порядка российско-египетские отношения демонстрируют устойчивое развитие. Подписанное в 2018 году Соглашение о всеобъемлющем партнёрстве и стратегическом сотрудничестве, вступившее в силу в январе 2021 года, стало важным юридическим основанием для наращивания двустороннего взаимодействия [1, с. 23].

Современный этап развития опирается на богатое наследие советско-египетских отношений, включая масштабные инфраструктурные и военно-технические проекты. В 2014 году, на фоне геополитических изменений и санкционного давления со стороны Запада, Россия и Египет начали активно развивать политическое и экономическое сотрудничество [2].

Ключевым направлением стала реализация стратегического проекта – АЭС «Эль-Дабаа», строительство которой финансируется преимущественно за счёт российского кредита (около 85% от общей стоимости проекта) [3].

Изменения в глобальном миропорядке, вызванные ухудшением отношений России и Запада и активизацией других международных игроков (США, Китай, ЕС), формируют сложный контекст для внешнеполитического маневра Каира [2]. Египет придерживается прагматичного нейтралитета, в том числе по таким чувствительным вопросам, как конфликт в Украине, что выражается, например, в позициях страны на Генеральной Ассамблее ООН [4]. С экономической стороны, сохраняются барьеры в развитии торговли: экспорт российской продукции, включая зерно, нередко сталкивается с административ-

ными ограничениями, что подчёркивается в исследованиях торгово-экономических отношений [5, с. 25].

Проект атомной электростанции «Эль-Дабаа» отражает глубину стратегического взаимодействия: он не только укрепляет энергетическую безопасность Египта, но и открывает возможности для передачи технологий, подготовки кадров и создания рабочих мест [3]. Дополнительные соглашения, подписанные в 2025 году, ускоряют реализацию проекта и подчёркивают доверие сторон [6]. По оценкам экспертов, проект может стать якорем долгосрочного присутствия России в регионе [2].

Таким образом, развитие российско-египетских отношений отражает переход от исторически сложившихся форматов к гибкой модели стратегического партнёрства в условиях давления со стороны ключевых международных акторов.

США сохраняют значительное влияние в Египте через масштабную военную и экономическую помощь, а также через стратегические проекты, такие как сотрудничество в области безопасности и подготовки кадров. Америка продолжает сочетать традиционные инструменты – финансовые гранты, оборонные контракты, обучение военных – с дипломатическим давлением в вопросах прав человека и региональной политики. Китай, напротив, делает ставку на инфраструктурные инвестиции и технологические проекты в рамках инициативы «Один пояс – один путь», усиливая экономическое присутствие за счёт кредитования и строительства [7]. Европейский союз конкурирует с Китаем за влияние в регионе, продвигая инициативы устойчивого развития и социальные стандарты через программу Global Gateway [8].

Китай укрепляет присутствие в высокотехнологичных секторах, в частности – в космической сфере: разворачивает спутниковую инфраструктуру и создаёт совместные лаборатории [9]. Россия же сохраняет ведущие позиции в военно-техническом сотрудничестве с Египтом, включая поставки вертолётов Ми-17 и Ка-52, хотя попытки экспортировать Су-35 столкнулись с техническими проблемами [10], [11].

На фоне конкуренции глобальных акторов Египет реализует стратегию многовекторности, стремясь сохранить пространство для манёвра между Вашингтоном, Москвой, Пекином и Брюсселем [12]. Такая политика позволяет Каиру использовать соперничество ключевых акторов для получения ресурсов, технологий и политической гибкости, не «привязываясь» к одному доминирующему партнёру [13].

Международная конкуренция оказывает давление на масштаб и темпы сотрудничества России в Египте. Сокращение западной поддержки после 2014 года активизировало Москву, но теперь Египет балансирует между несколькими крупными акторами, включая США и Китай. Это создаёт условия неопределённости для реализации российских проектов, особенно в политической и экономической сферах. Например, попытки России предложить Египту закупку истребителей Су-35 столкнулись с внешним давлением и информационным акцентом на технические проблемы [14], [15].

Тем не менее Москва сохраняет поле для гибкого реагирования. Египет видит в России альтернативу западным партнёрам, готовую предоставить масштабное финансирование и технологические решения – как видно на примере проекта АЭС «Эль-Дабаа», где российский кредит покрывает до 85% стоимости, а сроки выполнения и технические стандарты тщательно соблюдаются [16].

АЭС «Эль-Дабаа» стала центральным символом укрепления стратегического взаимодействия: соглашения 2025 года ускоряют реализацию проекта, а масштабы – четыре блока по 1,2 ГВт – обеспечивают энергетическую независимость Египта на ближайшие десятилетия [16]. В сфере военно-технического сотрудничества Россия продолжает поставки техники и обучение военнослужащих, хотя конкуренция с США влияет на выбор моделей и условия контрактов [14]. Зерновая дипломатия остаётся важнейшей платформой экономического сотрудничества – экспорт российской сельхозпродукции в Египет расширяется, но регуляторные барьеры и валютные ограничения со стороны Каира регулируются посредством дипломатических каналов, где России приходится адаптироваться к непростой среде [15].

Таким образом, конкуренция между ключевыми странами создаёт как вызовы, так и возможности для России: путь устойчивого взаимодействия лежит через прагматичную политику, фокус на нишевых стратегических проектах и использование конкурентного контекста для укрепления взаимовыгодного партнёрства.

Выводы

Российско-египетские отношения на современном этапе развиваются в условиях конкуренции между ключевыми мировыми акторами, где каждая из сторон стремится утвердить своё влияние в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Несмотря на вызовы, вызванные геополитической нестабильностью, санкционным давлением и внешним вмешательством, Россия продолжает последовательно выстраивать долгосрочное партнёрство с Египтом, опираясь на крупные инфраструктурные и энергетические проекты, такие как АЭС «Эль-Дабаа» и российская промышленная зона в Порт-Саиде.

Стремление России к стабилизации Ближнего Востока продиктовано как экономическими, так и политическими интересами. Москва активно реагирует на военные конфликты в регионе – будь то эвакуация граждан, дипломатическая поддержка, или участие в процессах урегулирования – как это проявилось, например, в контексте последней эскалации в Газе. Поддержание стабильности необходимо для реализации масштабных проектов, снижения рисков и усиления роли России как ответственного международного партнёра.

На этом фоне растёт значимость России как альтернативного центра силы, особенно в глазах региональных игроков, уставших от двойных стандартов и инструментализации конфликтов со стороны других акторов. Устойчивое и взаимовыгодное сотрудничество с Египтом может стать моделью для более широкой стратегии России в регионе, основанной на прагматизме, суверенитете и уважении к интересам партнёров.

В итоге, влияние конкуренции между ключевыми странами создаёт одновременно ограничения и новые манёвренные возможности: Россия сохраняет своё присутствие через стратегические инициативы и применяет гибкий подход к балансированию интересов, что позволяет укреплять взаимодействие с Египтом в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Эльджарова Э. Э., Кушниренко А.К. Problems and Prospects for Russian-Egyptian Strategic Cooperation // Russian Foreign Economic Journal. 2024. № 6. С. 22–30.
2. Hamzawy A., Ji R. Soviet and Russian Policies Toward Egypt: Two Snapshots // Carnegie Endowment.

26.09.2024. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2024/09/egypt-russia-great-power> (дата обращения: 29.07.2025).

3. Egypt and Russia sign supplementary agreements to advance El-Dabaa nuclear plant // IntelliNews. 10.07.2025. URL: <https://www.intellinews.com/egypt-and-russia-sign-supplementary-agreements-to-advance-el-dabaa-nuclear-plant-390363> (дата обращения: 29.07.2025).
4. Stepins A.R. Russia-Egypt comprehensive partnership agreement: implications and structure // Russia Program. 2021. URL: https://therussiaprogram.org/gs_egypt_ru (дата обращения: 29.07.2025).
5. Current problems of trade cooperation between Russia and Egypt // Bohrium. 15.01.2025. С. 22–27. URL: <https://www.bohrium.com/paper-details/current-problems-of-trade-cooperation-between-russia-and-egypt/> (дата обращения: 29.07.2025).
6. Nuclear energy: Egypt-Russia protocol to speed up El Dabaa plant // ESI Africa. Июль 2025. URL: <https://www.esi-africa.com/industry-sectors/generation/nuclear-energy-egypt-russia-protocol-to-speed-up-el-dabaa-plant> (дата обращения: 29.07.2025).
7. Stepins A.R. Russia-Egypt comprehensive partnership agreement: implications and structure // Russia Program. 2021. URL: https://therussiaprogram.org/gs_egypt_ru (дата обращения: 29.07.2025).
8. EU fighting to counter China's influence in global south, says top official // Financial Times. 2024. URL: <https://www.ft.com/content/690e65c5-ee93-4a21-b4c7-12110ae48984> (дата обращения: 29.07.2025).
9. China builds space alliances in Africa as Trump cuts foreign aid // Reuters. 11.02.2025. URL: <https://www.reuters.com/technology/space/china-builds-space-alliances-africa-trump-cuts-foreign-aid-2025-02-11/> (дата обращения: 29.07.2025).
10. Egypt unmasks Russian Su-35's critical radar, engine defects // BulgarianMilitary.com. 03.07.2025. URL: <https://bulgarianmilitary.com/2025/07/03/egypt-unmasks-russian-su-35s-critical-radar-engine-defects/> (дата обращения: 29.07.2025).
11. Growing relations between Egypt and Russia: strategic alliance or marriage of convenience? // Arab Center Washington DC. 2024. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/growing-relations-between-egypt-and-russia-strategic-alliance-or-marriage-of-convenience> (дата обращения: 29.07.2025).
12. Egypt and great power competition: balancing between Washington, Moscow, and Beijing // The Russia Program. 2023. URL: <https://therussiaprogram.org/egypt-balance-analysis> (дата обращения: 29.07.2025).
13. Crossroads of Competition: China, Russia, and the United States in the Middle East // RAND Corporation. 2021. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR325-1.html (дата обращения: 29.07.2025).
14. How Egypt-Russia ties continue to evolve against all odds // The New Arab. 26.02.2024. URL: <https://www.newarab.com/analysis/how-egypt-russia-ties-continue-evolve-against-all-odds> (дата обращения: 29.07.2025).
15. Egypt in the Russo-Ukrainian War: Impossible Non-Alignment? // RAS-NSA. 2023. URL: <https://ras-nsa.ca/egypt-in-the-war-in-ukraine-impossible-non-alignment> (дата обращения: 29.07.2025).
16. Egypt and Russia sign new agreement on El Dabaa nuclear project // Enerdata. Июль 2025. URL: <https://www.enerdata.net/publications/daily-energy-news/egypt-and-russia-sign-new-agreement-el-dabaa-nuclear-project-egypt.html> (дата обращения: 29.07.2025).

DISRUPTING THE BALANCE OF INTERESTS: HOW COMPETITION AMONG KEY ACTORS AFFECTS RUSSIAN-EGYPTIAN COOPERATION

Abdelrahman Reda Mohamed Elhadidy Eleraky

This article explores how key actors competition affects the nature and dynamics of Russian-Egyptian cooperation amid the emergence of a multipolar world order. Special attention is given to the strategic interactions between Russia and Egypt in the context of active engagement by global players such as the United States, China, and the European Union—each seeking to strengthen their influence in the key region of the Middle East and North Africa. The study examines major areas of bilateral cooperation, including the El Dabaa Nuclear Power Plant project, military-technical collaboration, and grain diplomacy. It highlights both the opportunities and constraints faced by Russia due to cross-pressure from competing powers and analyzes how Egypt manages to maintain a balanced foreign policy approach. The author concludes that a flexible and pragmatic strategy is essential to deepen resilient partnerships between Moscow and Cairo in an increasingly volatile international environment.

Keywords: Russia, Egypt, El Dabaa, multipolarity, competition, cooperation.

References

1. Eldzharova E.E., Kushnirenko A.K. Problems and Prospects for Russian-Egyptian Strategic Cooperation // Russian Foreign Economic Journal. 2024. No. 6. Pp. 22–30.
2. Hamzawy A., Ji R. Soviet and Russian Policies Toward Egypt: Two Snapshots // Carnegie Endowment. 26.09.2024. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2024/09/egypt-russia-great-power> (date of access: 29.07.2025).
3. Egypt and Russia sign supplementary agreements to advance El-Dabaa nuclear plant // IntelliNews. 10.07.2025. URL: <https://www.intellinews.com/egypt-and-russia-sign-supplementary-agreements-to-advance-el-dabaa-nuclear-plant-390363> (accessed on 29.07.2025).
4. Stepins A.R. Russia-Egypt comprehensive partnership agreement: implications and structure // Russia Program. 2021. URL: https://therussiaprogram.org/gs_egypt_ru (accessed on 29.07.2025).
5. Current problems of trade cooperation between Russia and Egypt // Bohrium. 15.01.2025. pp. 22–27. URL: <https://www.bohrium.com/paper-details/current-problems-of-trade-cooperation-between-russia-and-egypt/> (accessed on 29.07.2025).
6. Nuclear energy: Egypt-Russia protocol to speed up El Dabaa plant // ESI Africa. July 2025. URL: <https://www.esi-africa.com/industry-sectors/generation/nuclear-energy-egypt-russia-protocol-to-speed-up-el-dabaa-plant> (access date: 07/29/2025).
7. Stepins A.R. Russia-Egypt comprehensive partnership agreement: implications and structure // Russia Program. 2021. URL: https://therussiaprogram.org/gs_egypt_ru (access date: 07.29.2025).
8. EU fighting to counter China's influence in global south, says top official // Financial Times. 2024. URL: <https://www.ft.com/content/690e65c5-ee93-4a21-b4c7-12110ae48984> (access date: 07/29/2025).
9. China builds space alliances in Africa as Trump cuts foreign aid // Reuters. 02/11/2025. URL: <https://www.reuters.com/technology/space/china-builds-space-alliances-africa-trump-cuts-foreign-aid-2025-02-11/> (accessed: 07/29/2025).
10. Egypt unmasks Russian Su-35's critical radar, engine defects // BulgarianMilitary.com. 07/03/2025. URL: <https://bulgarianmilitary.com/2025/07/03/egypt-unmasks-russian-su-35s-critical-radar-engine-defects/> (Accessed: 29.07.2025).
11. Growing relations between Egypt and Russia: strategic alliance or marriage of convenience? // Arab Center Washington DC. 2024. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/growing-relations-between-egypt-and-russia-strategic-alliance-or-marriage-of-convenience> (Accessed: 29.07.2025).
12. Egypt and great power competition: balancing between Washington, Moscow, and Beijing // The Russia Program. 2023. URL: <https://therussiaprogram.org/egypt-balance-analysis> (Accessed: 29.07.2025).

13. Crossroads of Competition: China, Russia, and the United States in the Middle East // RAND Corporation. 2021. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA325-1.html (accessed 07/29/2025).
14. How Egypt-Russia ties continue to evolve against all odds // The New Arab. 02/26/2024. URL: <https://www.newarab.com/analysis/how-egypt-russia-ties-continue-evolve-against-all-odds> (access date: 07/29/2025).
15. Egypt in the Russo-Ukrainian War: Impossible Non-Alignment? // RAS-NSA. 2023. URL: <https://ras-nsa.ca/egypt-in-the-war-in-ukraine-impossible-non-alignment> (date of access: 29.07.2025).
16. Egypt and Russia sign new agreement on El Dabaa nuclear project // Enerdata. July 2025. URL: <https://www.enerdata.net/publications/daily-energy-news/egypt-and-russia-sign-new-agreement-el-dabaa-nuclear-project-egypt.html> (date of access: 29.07.2025).

Феноменологическое исследование трансформации образовательного взаимодействия в эпоху ИИ

Бризицкий Дмитрий Леонидович,

руководитель кафедры игропрактики Академии Социальных Технологий

E-mail: dl.brizitsky@gmail.com

Статья посвящена феноменологическому исследованию трансформации образовательного взаимодействия в условиях стремительного внедрения технологий искусственного интеллекта. Проводится философский анализ изменений, происходящих в науке, образовании и профессиональной идентичности педагога. Основанием исследования являются классическая феноменология (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер), постфеноменология (Д. Айде) и постгуманистические подходы (Р. Брайдотти и др.), которые используются для выявления новых форм субъектности, когнитивного взаимодействия и образовательного опыта. В статье раскрываются три ключевых вектора трансформации: изменение понимания научной объективности, переосмысление педагогического авторства и профессиональной экспертности, а также возникновение гибридной интуиции как новой модальности познания. Особое внимание уделяется этическим вызовам и необходимости переосмысления онтологических и эпистемологических оснований образования в эпоху ИИ. Представленный подход открывает перспективы для разработки методологии эмпирического анализа феноменов, формирующихся на стыке человека и интеллектуальной машины.

Ключевые слова: искусственный интеллект, феноменология, образование, критическое мышление, профессиональная идентичность, педагогическое авторство, гибридная субъектность.

Современная эпоха, получившая в научной и философской литературе обозначения как эпоха постцифрового поворота, техногуманитарного сдвига или перехода к симбиотической техносреде, характеризуется масштабным распространением технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), фундаментальной трансформацией самих оснований познания, образования и научного мышления. Проблематика взаимодействия между человеком и интеллектуальной машиной больше не ограничивается утилитарной плоскостью технической эффективности, поскольку выходит в плоскость онтологических, эпистемологических и этических измерений. Закономерно, возникает необходимость философского осмысления происходящих изменений; в частности, именно феноменология в её классических (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер), постфеноменологических (Д. Айде, Д. Вербеке) и постгуманистических (Р. Брайдотти, К. Хэйвлес) формах предоставляет необходимые основания для исследования образовательного взаимодействия и опыта в эпоху ИИ.

Если в предшествующие эпохи философия образования могла оперировать категориями субъекта и объекта, разума и знания, истины и смысла, то сегодня оппозиции размываются под натиском гибридных форм агентности. В них человек и машина, сознание и алгоритм, тело и компьютерный код образуют новые конфигурации образовательного взаимодействия. Возникают феномены гетерогенной субъектности, распределенного интеллекта, цифрового присутствия и алгоритмической герменевтики, требующие не столько описания, сколько философского выявления их условий возникновения и смыслового влияния на образовательные процессы.

Так, в философии науки и техники сложилось несколько направлений, позволяющих исследовать трансформации образовательного взаимодействия. На основании ранее проведенных исследований, в качестве основных феноменов трансформации образовательного взаимодействия, предположительно, будут обнаружены: трансформация научного мышления, изменения профессиональной идентичности и реорганизации образовательного пространства. Стоит подчеркнуть, что подобные трансформации не являются линейными следствиями технологического прогресса, но выражают изменения самих горизонтов опыта, в которых человек существует, мыслит и обучается. С этой точки зрения, ИИ и работа с ним создают вызов, существующий на стыке экзистенциальности и субъектности. Таким образом, задача настоящей статьи заключается в феноменологическом раскрытии трансформаций, происходящих в науке и образовании под влиянием ИИ-технологий, что позволит конкретизировать три установленных вектора трансформаций и задаст теоретическую базу для их дальнейшего эмпирического исследования.

Работа основывается на ряде методологических оснований. Во-первых, выделяется классическая феноменология как способ выявления структур переживания (Гуссерль); во-вторых, применяются идеи герменевтической феноменологии как анализа смыслов бытия в технологически опосредованном мире (Хайдеггер). В-третьих, отдельного внимания заслуживает постфеномено-

логия как теория встраивания технологий в жизненный мир (Айде). Вкупе с ними применяются положения постгуманистической критики субъектности как проблематизации антропоцентризма и открытия новых форм когнитивной множественности (Брайдотти и др.).

Итак, рассматривая основные феномены трансформации образовательного взаимодействия в эпоху ИИ, начать необходимо с направления трансформации научного мышления. Учитывая заявленные феноменологические границы, необходимо сфокусироваться именно на изменениях понимания научной объективности как фундаментальной эпистемологической трансформации.

Так, понятие научной объективности, которое является основой классической эпистемологии, на протяжении веков опиралось на идеи универсальности, воспроизводимости и независимости знания от субъективных состояний познающего. В рамках картезианско-галилеевской парадигмы, закрепленной в структурах позитивистской науки, объективность рассматривалась как очищенность от влияния личного, культурного, интуитивного и контекстуального. Однако, с наступлением эпохи ИИ, данное представление подвергается фундаментальной реконфигурации, которая проявляется в переосмыслении самого основания научной рациональности.

В этом контексте особенно важно рассмотреть принцип действия отдельных ИИ-технологий. Так, генеративные и предсказательные ИИ-модели (архитектуры GPT, LLM, deep learning), действуют не через логические и дедуктивно обусловленные принципы и операции, а через вычисление вероятностных распределений, основанных на корпусах данных, в которые также включаются человеческий язык, поведение, семантика и прагматика. Следовательно, само основание их «объективности» не тождественно классическим научным критериям, поскольку является встроенным в статистическую имманентность реального человеческого опыта. Иными словами, ИИ-технологии, принимающие участие в научном процессе (выполняют функции анализа данных, прогнозирования, генерации гипотез), встраивают в научное знание контингентные, основанные на вероятности и фактически трендовые формы истины. Тем самым нарушается гуссерлевская установка на интенциональную полноту и хайдеггеровская идея истины как раскрытия [1; 5; и др.]. С феноменологической точки зрения, если в классической науке предмет мысли задавался через операциональные процедуры (верификация, фальсификация, воссоздание), то в ИИ-обусловленной и насыщенной среде происходит переход от процедуры к паттерну, от метода к модели, от принципа к алгоритму. Знание больше не открывается как результат теоретической конструктивности, а рекомбинируется и предсказывается множеством раз, что отражает смещение от репрезентативной эпистемологии к коррелятивной. С позиции влияния на образование, утрачивается наивное доверие к единому критерию объективности. Возникает многослойное поле смыслов, в котором существуют различные формы знания (научное, эмпирическое, интуитивное, алгоритмическое). Человек занимает место наблюдателя, который отслеживает взаимодействие множества агентов (человеческих и нечеловеческих), интерфейсов, моделей, данных и норм.

В подобных условиях также происходят и трансформации критического мышления, что стало переходом к алгоритмической герменевтике. Мышление уже не столько интерпретирует смысл, сколько выбирает среди предсказанных сценариев. Возникает новое положение; субъект теперь не отстраняется от системы, а вступает с ней в коллаборативное взаимодействие, в котором критичность редуцируется до выбора между

уже предложенными альтернативами, сгенерированными ИИ [3; 7; 11]. Понятие алгоритмической герменевтики апеллирует к идее, что процессы понимания и интерпретации частично передаются машинам, что разрушает дихотомию между интерпретацией как смыслообразованием (в рамках герменевтики Шлайермахера, Дильтея, Гадамера) и вычислением как процессом формальной манипуляции. В контексте образования подобное влияние проявляется в том, что критические компетенции обучающихся формируются в логике диалога с алгоритмами, а не с культурным контекстом. Именно поэтому, как считают современные исследователи, критическое мышление в эпоху ИИ должно сопровождаться грамотностью в области промпт инженерии (умения формулировать запрос так, чтобы алгоритм сгенерировал необходимый спектр интерпретаций, из которого субъект затем выбирает) [10]. Одновременно, проявляются вызовы когнитивного расслабления – обучающиеся утрачивают мотивацию к поиску нестандартных решений, предпочитают адаптацию под предлагаемые паттерны, в чем проявляется перемещение критики (от деструкции к согласованию) [7].

В контексте научного мышления, постепенно формируются новые формы научной интуиции, развивающиеся в качестве феномена гибридного познания. Под влиянием ИИ происходят трансформации от личного акта субъекта к распределенному феномену. Машина «подсказывает» человеку решение, которое воспринимается как его собственная эвристика. В современных исследованиях отмечается, что взаимодействие с системами типа ChatGPT способствует возникновению ощущений «озарения» у пользователей, которые ярко проявляются в условиях творческого процесса или исследовательского поиска. При этом важно, что инсайты носят ко-субъективный характер, поскольку происходят внутри структуры взаимодействия, а не вне её. Таким образом, актуализируется феномен гибридной интуиции, в которой акт понимания распределяется между когнитивной активностью человека и алгоритмическими откликами модели [6].

С философской позиции подобная трансформация может быть осмыслена в русле постфеноменологической онтологии, предложенной Д. Айде, в которой техника не является инструментом, а выступает медиатором человеческого опыта. Гибридная интуиция в этом контексте выступает новой модальностью познания, которая возникает в пределах «человеко-машинного ансамбля». Как показывают последние исследования, студенты, использующие ИИ-инструменты при решении сложных исследовательских задач, описывают опыт взаимодействия как форму «сопереживания мышлению», при которой происходит взаимная настройка человека и машины [2]. Особый интерес вызывает то, что гибридная интуиция опирается на когнитивный резонанс, т.е. на субъективное ощущение «правильности» предложенного машиной ответа. В адаптивных ИИ-платформах студенты чаще всего предпочитают решения, которые «чувствуются верными», даже если они формально не обоснованы. Интуиция смещается в сторону чувственного и алгоритмически обусловленного контура, в котором смысл является «резонирующим» с человеком, а не научно выверенным и подтвержденным [9].

Одновременно с этим, под влиянием ИИ происходит переосмысление педагогического авторства, которое рассматривается как кризис традиционной субъектности (выражающийся в трансформации традиционного понимания авторства, контроля и ответственности в образовательном взаимодействии). В классической педагогической парадигме субъектность преподавателя связана

с онтологическим авторством, причем не только с тем, что преподаватель транслирует знания, но и с тем, что он формирует поле смыслов, регулирует темп и модус взаимодействия, задает рамки образовательного опыта. Авторство строилось на пересечении знания, позиции и ответственности. В данном контексте возникают явно выраженные трансформационные сдвиги.

В современных исследованиях отмечается, что ИИ способен не только подсказывать обучающемуся готовые ответы, но и генерировать сценарии, формулировать задания, оценивать ответы (структурировать образовательные процессы). Преподаватель рискует утратить не только свою функциональную роль, но и свою феноменологическую видимость как субъект, инициирующий и направляющий процесс образования. Возникает ситуация децентрирования педагогического «Я», сравнимая с деконструкцией субъекта в постструктуралистской философии [10]. Сегодня техника выступает в роли когнитивного соагента, активно вмешивающегося в образовательные процессы. Техника не просто используется, а сама структурирует опыт субъекта, т.е. возникает трансдуцированная агентность (по Д. Айде).

Происходит делегирование авторства и развивается соавторство с ИИ; педагоги в ряде экспериментальных курсов сознательно делегируют ИИ функции соавтора – поручают ему подготовку материалов, проверку заданий, генерацию кейсов. Инструмент становится частью образовательного пространства и, следовательно, признается частью педагогической субъектности. Возникает новая фигура педагога-куратора (взаимодействия человека и ИИ), роль которого смещается от транслятора к архитектору среды и фасилитатору мышления [5]. Переопределение авторства радикально влияет на философскую конструкцию педагогического «Я», поскольку вместо полностью автономного субъекта, гарантирующего подлинность знания, возникает субъект, создающий условия для ко-авторства, ко-интерпретации и ко-ответственности. С одной стороны, подобное может быть воспринято как кризис педагогического авторитета, утраты традиционного доверия и уважаемой позиции. С другой, в качестве возможности перехода к новой форме педагогической этики, основанной не на контроле, а на сопровождении. Именно в этом контексте появляется термин «мета-авторство», обозначающий новый тип педагогического воздействия, при котором преподаватель не создает знания напрямую, а проектирует логику производства знаний обучающимися [7].

Так же влиянию подвергается и профессиональная экспертность педагога из-за трансформации самих оснований профессиональной компетентности преподавателя. В классическом понимании экспертность основывалась на содержательном знании, т.е. на глубине и полноте овладения предметной областью. Однако сегодня знание становится воспроизводимым и тиражируемым ИИ. Возникает вопрос, в чем заключается смысл человеческой экспертности, если машинный интеллект способен оперативнее, точнее и шире представить нужную информацию?

На основании анализа современных работ, можно заключить, что профессиональная компетентность педагога в условиях ИИ-среды смещается от содержательных компетенций к процедурным и метапредметным. Возникает умение структурировать взаимодействие, проектировать образовательные ситуации, фасилитировать критическое мышление и т.д. Компетентность перестает быть равной знанию и становится функцией способности оперировать с условиями возникновения знания [4].

Фактически, данное обстоятельство соответствует гибридации субъектности, которая происходит

не только на уровне обучающегося, но и с позиции преподавателя и его профессионализма при работе с ИИ. Гибридная экспертность рассматривается как способность взаимодействовать с ИИ как с эпистемическим агентом, в связи с чем необходимо развитие умений мыслить и работать вместе с машиной, одновременно понимать её ограничения и эвристические возможности [9]. Несмотря на растущую автономию ИИ-систем, с философской точки зрения важно подчеркнуть, что человеческая экспертность не исчезает, а переосмысливается. Причем даже в самых продвинутых интеллектуальных системах сохраняется «эвристическая недостаточность» – неспособность к радикальной новизне, неожиданной эвристике, парадоксальному мышлению. Онтологический ресурс преподавателя локализуется, в частности, меняется его способность к нестандартному мышлению, к созданию новых парадигм, к разрушению стереотипов [8]. Таким образом, в новой модели экспертности является не знанием, а способностью к созидательной неопределенности, к введению новых рамок интерпретации, к мета-рефлексии над самой структурой знания.

Закономерно, изменение самой природы профессиональной экспертности требует также и трансформации институциональных моделей её верификации и признания. Современная система аккредитации, сертификации и квалификационных требований преимущественно ориентирована на стабильные модели содержания и линейной передачи знаний. Однако в условиях ИИ-трансформации возникает необходимость разработки новых критериев профессионализма, включающих умение работать с неопределённостью, способность к диалогу с ИИ-агентами, стратегическое мышление в проектировании среды, этическую и социальную ответственность за последствия ИИ-интервенций. В научной литературе предлагается рассматривать профессиональную экспертность в качестве эмерджентного феномена, возникающего в процессе взаимодействия человека, техники и среды [2].

На фоне вышесказанного, очевидными становятся и этические дилеммы профессиональной идентичности педагога, возникающие на стыке ряда течений:

- изменение вектора распределения ответственности;
- смещение от деонтологической к реляционной этике;
- появление этической тревоги и её существование на стыке педагогического бытия;
- посредничество технологий в деятельности;
- развитие этики как закономерный способ и условие сохранения субъектности.

Одновременно, происходит и изменение баланса явного и неявного знания; неявность, основанная на интуиции, навыке, телесной схеме, практике, становится все более распространенной. В противовес этому, наблюдается радикальное усиление и преобладание эксплицитного знания. Алгоритмы работают на формализованных данных, метаинформации, цифровых кодах. Иными словами, ИИ-модели могут обучаться только на том, что явлено, что выражено в тексте, в изображении, в аудио-файле, но не на том, что испытывается, что переживается, что связано с уникальным телесным, культурным и экзистенциальным контекстом субъекта. Закономерно, неявные формы знания вытесняются как избыточные или неоперационализируемые. Также пропадает ценность недосказанности, молчания, двусмысленности, которые исключаются ИИ-алгоритмами априори. Нередко ИИ-технологии гипертрофированно точно извлекают явное знание; машина «знает все» и в то же время ничего не понимает, не чувствует, не различает культурного

контекста. Вместо того, чтобы стремиться к полной формализации, следует сохранять и поддерживать области неявного знания в качестве пространства становления субъекта, опытного знания, коллективной памяти. Необходимо признание телесного, эмпирического, контекстуального в обучении, развитие педагогических практик, в которых знание не сообщается, а вызывается, осознание ИИ не как универсального медиатора, а как частного инструмента, подлежащего педагогической этической рефлексии.

Возникают проблемы институционализации воспроизводства научного опыта, происходит фрагментация и деритуализация научных традиций, ИИ подрывает институциональные механизмы академического воспроизводства, поскольку формальные критерии оригинальности и рецензирования становятся уязвимыми к подделке. Авторство и вклад размываются, академическое наставничество утрачивает свою исключительную роль, поскольку сегодня обучающийся может получить структурированный ответ от ИИ без участия преподавателя. Проявляется трансформация форм академических взаимодействий – формируется новый тип конкуренции, основанный на производительности генерации и оптимизации под алгоритмы научных баз данных. Выход из фундаментальных проблем видится в формировании новой формы солидарности, основанной на метарефлексивности, этической прозрачности, инклюзивности знания.

Таким образом, философия науки и техники в эпоху ИИ трансформируется в философию новой образовательной онтологии. Образование становится не пространством передачи знания, а пространством со-бытия человека и машины, не процессом социализации, а полем переформатирования субъекта, не линейным развитием компетенций, а экзистенциальным вектором, существующим в потоке алгоритмической среды. Требуется переосмысление категорий истины, верификации, интуиции, авторства и ответственности, которые традиционно определяли структуру научного знания.

Литература

1. Астахов С. Феноменология против символического искусственного интеллекта: философия научения Хьюберта Дрейфуса // Логос. – 2020. – Т. 30, № 2 (135). – С. 157–193.
2. Adiguzel T., Kaya M.H., Cansu F.K. Revolutionizing education with AI: exploring the transformative potential of ChatGPT // Contemporary Educational Technology. – 2023. – Vol. 15, № 3. – Art. ep429. – DOI: <https://doi.org/10.30935/cedtech/13152>.
3. Alam A., Mohanty A. Educational technology: exploring the convergence of technology and pedagogy through mobility, interactivity, AI, and learning tools // Cogent Engineering. – 2023. – Vol. 10, № 2. – DOI: <https://doi.org/10.1080/23311916.2023.2283282>.
4. Cantú-Ortiz F.J., Galeano Sánchez N., Garrido L. et al. An artificial intelligence educational strategy for the digital transformation // International Journal on Interactive Design and Manufacturing. – 2020. – Vol. 14. – P. 1195–1209. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s12008-020-00702-8>.
5. Chiu T.K.F. Future research recommendations for transforming higher education with generative AI // Computers and Education: Artificial Intelligence. – 2024. – Vol. 6. – Art. 100197. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2023.100197>.
6. Grassini S. Shaping the future of education: exploring the potential and consequences of AI and ChatGPT in

educational settings // Education Sciences. – 2023. – Vol. 13. – Art. 692. – DOI: <https://doi.org/10.3390/educsci13070692>.

7. Khan M.J., Omar J., Jian O. Personalized learning through AI // Advances in Engineering Innovation. – 2023. – Vol. 5, № 1. – DOI: [10.54254/2977-3903/5/2023039](https://doi.org/10.54254/2977-3903/5/2023039).
8. Okunlaya R.O., Abdullah N.S., Ali-as R.A. Artificial intelligence (AI) library services innovative conceptual framework for the digital transformation of university education // Library Hi Tech. – 2022. – Vol. 40, № 6. – P. 1869–1892. – DOI: <https://doi.org/10.1108/LHT-07-2021-0242>.
9. Strielkowski W., Grebennikova V., Lisovskiy A., Rakhimova G., Vasileva T. AI-driven adaptive learning for sustainable educational transformation // Sustainable Development. – 2024. – Vol. 33, № 2. – P. 1921–1947. – DOI: <https://doi.org/10.1002/sd.3221>.
10. Walter Y. Embracing the future of artificial intelligence in the classroom: the relevance of AI literacy, prompt engineering, and critical thinking in modern education // International Journal of Educational Technology in Higher Education. – 2024. – Vol. 21. – Art. 15. – DOI: <https://doi.org/10.1186/s41239-024-00448-3>.
11. Xu R., Sun Y., Ren M., Guo S., Pan R., Lin H., Sun L., Han X. AI for social science and social science of AI: a survey // arXiv preprint. – 2024. – arXiv:2401.11839v1 [cs.CL]. – URL: <https://arxiv.org/abs/2401.11839>.

PHENOMENOLOGICAL STUDY OF THE TRANSFORMATION OF EDUCATIONAL INTERACTION IN THE AGE OF AI

Brizitsky D.L.

Academy of Social Technologies

This article is devoted to a phenomenological study of the transformation of educational interaction under the conditions of rapid integration of artificial intelligence (AI) technologies. A philosophical analysis is conducted of the changes occurring in science, education, and the professional identity of the teacher. The theoretical foundation of the study includes classical phenomenology (E. Husserl, M. Heidegger), postphenomenology (D. Ihde), and posthumanist approaches (R. Braidotti et al.), which are applied to reveal new forms of subjectivity, cognitive interaction, and educational experience. The article outlines three key vectors of transformation: the shift in the understanding of scientific objectivity, the rethinking of pedagogical authorship and professional expertise, and the emergence of hybrid intuition as a new modality of cognition. Special attention is paid to ethical challenges and the need to reconsider the ontological and epistemological foundations of education in the age of AI. This approach opens up prospects for developing a methodology for empirical analysis of phenomena emerging at the intersection of humans and intelligent machines.

Keywords: artificial intelligence, phenomenology, education, critical thinking, professional identity, pedagogical authorship, hybrid subjectivity.

References

1. Astakhov S. Phenomenology versus Symbolic Artificial Intelligence: Hubert Dreyfus's Philosophy of Learning // Logos. – 2020. – Vol. 30, № 2 (135). – P. 157–193.
2. Adiguzel T., Kaya M.H., Cansu F.K. Revolutionizing education with AI: exploring the transformative potential of ChatGPT // Contemporary Educational Technology. – 2023. – Vol. 15, № 3. – Art. ep429. – DOI: <https://doi.org/10.30935/cedtech/13152>.
3. Alam A., Mohanty A. Educational technology: exploring the convergence of technology and pedagogy through mobility, interactivity, AI, and learning tools // Cogent Engineering. – 2023. – Vol. 10, № 2. – DOI: <https://doi.org/10.1080/23311916.2023.2283282>.
4. Cantú-Ortiz F.J., Galeano Sánchez N., Garrido L. et al. An artificial intelligence educational strategy for the digital transfor-

- mation // International Journal on Interactive Design and Manufacturing. – 2020. – Vol. 14. – P. 1195–1209. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s12008-020-00702-8>.
5. Chiu T.K.F. Future research recommendations for transforming higher education with generative AI // Computers and Education: Artificial Intelligence. – 2024. – Vol. 6. – Art. 100197. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2023.100197>.
 6. Grassini S. Shaping the future of education: exploring the potential and consequences of AI and ChatGPT in educational settings // Education Sciences. – 2023. – Vol. 13. – Art. 692. – DOI: <https://doi.org/10.3390/educsci13070692>.
 7. Khan M.J., Omar J., Jian O. Personalized learning through AI // Advances in Engineering Innovation. – 2023. – Vol. 5, № 1. – DOI: [10.54254/2977-3903/5/2023039](https://doi.org/10.54254/2977-3903/5/2023039).
 8. Okunlaya R.O., Abdullah N.S., Ali-as R.A. Artificial intelligence (AI) library services innovative conceptual framework for the digital transformation of university education // Library Hi Tech. – 2022. – Vol. 40, № 6. – P. 1869–1892. – DOI: <https://doi.org/10.1108/LHT-07-2021-0242>.
 9. Strielkowski W., Grebennikova V., Lisovskiy A., Rakhimova G., Vasileva T. AI-driven adaptive learning for sustainable educational transformation // Sustainable Development. – 2024. – Vol. 33, № 2. – P. 1921–1947. – DOI: <https://doi.org/10.1002/sd.3221>.
 10. Walter Y. Embracing the future of artificial intelligence in the classroom: the relevance of AI literacy, prompt engineering, and critical thinking in modern education // International Journal of Educational Technology in Higher Education. – 2024. – Vol. 21. – Art. 15. – DOI: <https://doi.org/10.1186/s41239-024-00448-3>.
 11. Xu R., Sun Y., Ren M., Guo S., Pan R., Lin H., Sun L., Han X. AI for social science and social science of AI: a survey // arXiv preprint. – 2024. – arXiv:2401.11839v1 [cs.CL]. – URL: <https://arxiv.org/abs/2401.11839>.

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, заместитель
главного редактора журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Архитектура задала социальные критерии организации общества, порядка в нем, ценностных приоритетов и моделей поведения. Погоня за величиной как оплотом незыблемости власти превратилась в манию для всех королей и правителей, равно как и погоня за деньгами в более позднее время. Ради этого шли на великие, в том числе экономические, жертвы и издержки. Чем выше и больше, тем сильнее и прекраснее, тем мощнее и бесспорнее твои притязания на первенство и превосходство. Последующее проектирование и строительство греческих храмов, римских бань, готических соборов, ранних промышленных заводов и первых высотных зданий конца 19 века исходило из таких реалий.

Одноэтажная Америка – это не про город. Крестьянские дома – это не город. Малоэтажные дома – не обязательно город. Город – это многоквартирки. Высотный дом заселен несколькими тысячами человек обоего пола, разных возрастов, рас, национальностей, профессий и интересов. Такая численность близка малым городам в Западной Европе. Получается, что высотный дом – это малый город в большом городе.

Ключевые слова: многоквартирка, город, проживание, высота, этаж, жители, помещение, взаимодействие.

Несомненно, строительство египетских пирамид обогатило человечество новыми приемами и тактиками архитектуры, повлияло на культурные и эстетические критерии оценки зданий у греков и римлян, а затем и всего мира, прежде всего при возведении величественных храмов и дворцов. С тех пор величина и грандиозность сооружений стала главным правилом при возведении религиозных и светских парадных зданий. Размеры здания экспериментально подтвердили свою функцию культурной и социальной доминанты общества. Возвышающиеся над окружающими постройками пирамиды, поражающие воображение, заставляющие духовно трепетать отныне ассоциировались с а) красотой архитектуры, б) величиной власти. Все простонародное, подчиненное, повседневное должно быть низким, скромным, подавленным, отступающим по размерам и мощи власти имущих.

Если установить минимальную отметку для высоты выше трех этажей, то историю высотных зданий можно проследить до египетских пирамид (их высота около 48 этажей) и знаменитой Вавилонской башни. После распада Римской империи последовал период «одноэтажной Европы». Высотные здания не возводили до конца 1600-х годов, за исключением нескольких римских многоквартирных домов в шесть или семь этажей, а также европейских готических соборов. В Париже 17 века были тысячи домов высотой от пяти до семи этажей [1].

В конце XIX и начале XX века небоскребы стали главным трендом мировой архитектуры. Таким образом, проживание высоко над почвой – явление очень недавнее, а эксперты доказали, что еще и весьма вредное и неестественное для человека: боязнь высоты, риск отказа коммунальных удобств, стресс, проблемы с поведением, самоубийства, плохие социальные отношения, снижение полезности и затрудненное развитие ребенка, перегрузка предоставляемых услуг и инфраструктуры, обострение транспортных проблем и нанесении ущерба облику городского района.

Некоторые жители опасаются, что они могут оказаться заложниками высоты во время пожара или землетрясения, ибо на эвакуацию требуется больше времени, чем из малоэтажного дома. К тому же многоквартирки воспринимаются как перенаселенные общежития. Соседство превращается в анонимную толпу и безликое общество. Страх перед незнакомцами и возможным нападением возрастает, а надежда на социальную поддержку снижается. На лестничных площадках и переходах незнакомые лица склонны справлять свою нужду, распивать спиртное, ночевать, петь песни, устраивать постоянные тусовки, пачкать и разрисовывать стены, портить оборудование, забираться через них на чердаки и в подсобные помещения. Общественное пространство в многоквартирках рассматривается человеком не как публичное и табуированное, а как бесхозное и ничье, пространство вседозволенности. Появление института консьержек и вневедомственной охраны подтверждает опасность подобного рода действий.

Сверхконцентрация людей в высотках повышает риск распространения инфекций и возникновения пандемии, поскольку расстояние между встретившимися жильцами здесь меньше, чем на улице. К тому же замкнутое помещение только добавляет опасности. Плохое

кондиционирование общедоступных помещений, сквозняки в коридоре, загрязненные дверные ручки и кнопки лифта – еще один враг высоток. Поскольку большинство горожан считают наиболее предпочтительным в многоэтажках третий уровень, то польза высотных домов для самих людей как бы обнуляется.

Но для властей города они незаменимы: меньше расходных материалов, затрат на инфраструктуру, строительство дорог и коммуникаций, легче управление компактными сообществами. Высотные здания имеют меньшую площадь основания и более тонкие стены, чем малоэтажки. Это экономический плюс для городского строительства. Больше места остается для парков, зеленых насаждений и социокультурной инфраструктуры – в теории, но не всегда на практике. Открытое придомовое пространство часто превращается в паркинг, коммерческую застройку, в проходной дом для незнакомых людей, безнадзорную и опасную зону. Ряд исследований показал, что высотные дома невыгодны ни для жителей, ни для города¹.

Вместе с тем высотные здания предлагают прекрасные виды для жителей верхних этажей, создают видимость уединения для желающих, лучшую доступность к социокультурным объектам и городскому транспорту. Потенциально большое количество соседей облегчает выбор друзей и знакомых для расширения социального взаимодействия, установления сильных и слабых связей по М.Грановеттеру. Живущие наверху меньше страдают от шума и дышат более чистым воздухом. Жильцы многоэтажек меньше тратят на ремонт и стоимость коммунальных услуг, чем если бы они имели собственный дом. Однако коммунальная задолженность части населения высоток перераспределяет нагрузки на законопослушных, и себестоимость их проживания возрастает. Задача архитектурного социолога – выяснить, какие здания являются патогенными для тех или иных категорий людей [1].

Модераторы – опосредующие факторы или переменные, которые связаны с результатами, но не с причинной явлением. Их делят на две категории: связанные с жителями (их личные характеристики и социальные отношения) и контекстом (окружающая среда и соседство). Предполагается, что они влияют по-разному в зависимости от высоты здания. Среди главных модераторов называют: экономический статус жителей, пол, стадию жизненного цикла, варианты выбора жилья, квартплату, район проживания, плотность заселения, резидентное родство, культуру, дизайн и планировку жилища [1]. При средних показателях удовлетворенности проживанием в высотках выше, чем при низких. Криминогенный район, высокая квартплата, отсутствие выбора и густонаселенность резко снижают уровень житейской удовлетворенности. Исследования показывают, что расположение здания, больше, чем его форма, влияют на ощущение безопасности проживания [2]. Доказано, что преступление чаще происходит там, где ближе дороги и легче путь отступления или на углу улицы [3]. Освещение, уличная активность и уровень преступности в большом районе также влияют на уровень преступности отдельно от формы здания [4].

¹ Angrist S.S. Dimensions of well-being in public housing families // *Environment and Behavior*, (1974). 6, 495–516; Cappon D. Mental health in the hi-rise // *Ekistics*, 1972, 33, 192–196; Conway J., Adams B. The social effects of living off the ground // *Habitat International*, (1977). 2, 595–614; Broyer G. The appropriateness of buildings over 20 storeys high for middle-class residents // *Research thesis*, Technion, the Israeli Institute of Technology, 2002.

Шесть исследований показали, что в высотных зданиях у британских и американских жителей удовлетворенность ниже. Удовлетворенность проживанием в малоэтажных общежитиях (от 2 до 5 этажей) была намного выше, чем в 10- и 13-этажных многоэтажных общежитиях [1]. А в австралийском исследовании 60% родителей заявили, что высотное здание пагубно сказывается на их детях [5]. Исследование, проведенное в Индии, показало, что пожилые люди недовольны жизнью в многоэтажных домах и не могут справиться со стрессом [6]. Не секрет, что высотные здания вызывают проблемы с психическим здоровьем. У британских семей военнослужащих в 3–4 этажных домах обнаружилось в три раза больше неврозов, чем у тех, кто жил в отдельных домах [7]. Чем выше уровень нервных нагрузок, тем больше число семейных конфликтов. Японское исследование показало, что у младенцев, растущих в квартирах выше пятого этажа в многоэтажных зданиях, задерживается развитие по сравнению с детьми, живущими ниже. Развитие множества навыков, таких как одевание, помощь и правильное мочеиспускание, происходило медленнее. «Высотные» детишки выходят на улицу, чтобы поиграть [8].

В то время как жители малоэтажных домов довольны близостью к природе, жильцы высоток указывают на преимущества общественной жизнью в домовом и придомовом пространстве. Как и ожидалось, пожилые люди более удовлетворены малоэтажными зданиями. Подростки из многоэтажек сообщают о высокой степени подверженности насилию и опасениям за личную безопасность [9]. Данные О.Ньюмана показывают, что количество тяжких преступлений росло с высотой здания, в котором жила семья как для бедных, так и для неполных семей, а также для семей с умеренным доходом и семей с двумя родителями, хотя количество уголовных преступлений в первом случае было примерно вдвое больше, чем во втором. Меньше преступлений внутри квартир, больше – во дворе многоэтажных домов, еще больше – на общественном пространстве вокруг высоток [10]. Многоэтажки на западе показывают более высокую преступность потому, что в них больше проживает бедных, а социологи давно зафиксировали корреляцию между уровнями бедности и криминала. Страх перед преступностью при этом часто превышает реальный уровень уличной преступности, но к стрессу он приводит не меньшему. Жители высотных зданий реже вступают в сотрудничества и оказывают пожертвования [11].

Общая для всех или большинства стран тенденция: чем выше здание, тем ниже удовлетворенность жизнью и качество социальных взаимодействий. Когда горожане переезжают из многоэтажных домов в малоэтажные, уровень стрессов снижается. Большинство социальных взаимодействий происходит не между, а на одном этаже, где люди приблизительно знают друг друга или знакомы между собой, в то время как весь дом – *terra incognita*. Крупномасштабное исследование, проведенное в Торонто, показало, что жители многоэтажек чаще выбирают друзей вне дома, в школе или на работе, а к своим соседям относились негативно, не воспринимая их как представителей своего круга [12]. Высотные ульи разобщают людей во всем мире. В перенаселенном и плотно застроенном высотками Гонконге очень низкий уровень чувства соседского сообщества, а там, где оно на высоте, речь идет о взаимодействии с коллегами по работе или одноклассниками, живущими в том же районе. Треть жителей многоэтажных жилых домов в Гонконге никогда не общалась со своими соседями [13].

На нижних этажах сильный шум от автомобилей, на последнем – одиночество и замкнутость в квартире.

Дети с нижних этажей из-за дорожного шума меньше способны различать звуки, и обладают более слабыми навыками чтения, чем дети с верхних этажей. Родители в многоэтажках чаще держат своих детей в помещении. В результате дети, выросшие в высотных домах, имеют более низкий уровень двигательных способностей, чем дети, воспитанные в малоэтажных домах [14]. Те, кто находится в середине, могут чувствовать, что у них нет ни одного преимущества, а просто зажаты между двумя более обеспеченными группами. Жители самых верхних этажей за прекрасную панораму из окна часто и платят больше других. Те, кто находится на первом этаже, могут оценить только одно преимущество – лёгкий доступ к улице. Заядлые садоводы не будут счастливы в многоэтажном доме, если не разведут себе садик на крыше или балконе. Разные этажи – это разный образ жизни и разный тип жильцов. Суицид чаще случается в многоэтажках. И не обязательно за счёт своих жителей. Потенциальным самоубийцам из любых домов высокая крыша подходит больше. Города становятся все выше и выше, и уровень суицида становится все выше и выше. Одних земля тянет, чтобы жить, других – чтобы умереть на ней. А ведь до открытия закона гравитации Ньютоном количество самоубийц было меньше.

После переезда в высотное жилье китайские жители в высотных зданиях почти не общаются друг с другом по сравнению с прошлыми десятилетиями. Сокращение объема социального взаимодействия в жилых помещениях оказывают негативное влияние на повседневную жизнь людей [15].

Тип жилья определяет не только условия, но и образ жизни. Два полярных типа жилища – коллективное и частное – по-разному задают образ жизни. В России распространены многоквартирные жилые дома, прилегающая территория к которым считается коллективной собственностью. На ней можно вечерами громко распевать песни и ругаться матом, устраивая пьяные оргии и мешая всем жильцам. Попытки законодательно ограничить подобные проявления девиантного поведения упираются в бездеятельность полиции. Коттеджные загородные посёлки в основном лишены подобных недостатков. Их территория как частная собственность неприкосновенна. Вы можете делать на ней все, что хотите, но с условием, что громкая музыка или неприятные звуки не проникают на другую частную территорию и не мешают спокойно жить их собственникам, т.е. обладателям соседнего коттеджа.

Коулман [16] показывает, что частота появления индикаторов антисоциального поведения – мусора, вандализма, граффити, мочи и фекалий животных – коррелирует с особенностями архитектурной планировки города: количеством квартир в доме, высотой домов и плотностью застройки кварталов, а также внешним обликом здания. Выяснилось, что довоенные пригородные двухквартирные дома с набережной, удалённые от дороги, за невысокими садовыми стенами меньше ассоциируются с антиобщественным поведением, чем современные стандартные и безликие кварталы. Универсальное проигрывает уникальному.

Литература

1. Gifford R. The Consequences of Living in High-Rise Buildings // *Architectural Science Review* 50(1):2–17 March 2007.
2. Luedtke and Associates. Crime and the physical city. Detroit: Unpublished report, 1970.
3. Brill W.H. Security in public housing: A synergistic approach // Paper presented at the 4th National Symposium

sium on Law Enforcement, Science, and Technology, University of Maryland, 1972, May 1–3.

4. Reppetto T. Residential crime. Cambridge, MA: Ballinger, 1974.
5. Conway J., Adams B. The social effects of living on the ground // *Habitat International*, (1977). 2, 595–614.
6. Dasgupta S.K., Bhattacharyya S., Asaduzzaman M. The impact of tall buildings on elderly residents // *Bangladesh Journal of Psychology*, (1992) 13, 7–15.
7. Fanning D.M. Families in flats // *British Medical Journal*, 1967, 18, 382–386.
8. Oda M., Taniguchi K., Wen, M.-L., Higurashi M. Effects of high-rise living on physical and mental development of children // *Journal of Human Ergology*, (1989). 18, 231–235.
9. Sweatt L. et al. Talking about the silent fear: Adolescents' experiences of violence in an urban high-rise community. *Adolescence*, 2002, 37, 109–120.
10. Newman O. Reactions to the “defensible space” study and some further findings // *International Journal of Mental Health*, (1975). 4(3), 48–70.
11. Wilcox B.L., Holahan C.J. Social ecology of the megadorm in university student housing // *Journal of Educational Psychology*, (1976). 68, 453–458.
12. Michelson W. Environmental choice, human behavior, and residential satisfaction. New York: Oxford, 1977.
13. Forrest R., La Grange A., Ngai-Ming Y. Neighbourhood in a high rise, high density city: Some observations on contemporary Hong Kong // *Sociological Review*, (2002). 50, 215–240.
14. Michelson W. Man and his urban environment. Reading, MA: Addison Wesley, 1970.
15. Yao Y. High-rise Housing and Social Interaction Study under Current Chinese High-rise Residential Situation (2020). Thesis. Rochester Institute of Technology. Accessed from: <https://scholarworks.rit.edu/theses>
16. Coleman, A. Utopia on Trial. London: Hilary Shipman, 1985.

PROBLEMS OF LIVING IN MULTI-STORY BUILDINGS

Kravchenko A.I.

Architecture set the social criteria for the organization of society, the order in it, value priorities and behavior patterns. The pursuit of greatness as a stronghold of the inviolability of power turned into a mania for all kings and rulers, as well as the pursuit of money in later times. For this, they made great sacrifices and costs, including economic ones. The higher and bigger, the stronger and more beautiful, the more powerful and indisputable your claims to primacy and superiority. The subsequent design and construction of Greek temples, Roman baths, Gothic cathedrals, early industrial plants and the first high-rise buildings of the late 19th century were based on such realities.

One-story America is not about the city. Peasant houses are not a city. Low-rise buildings are not necessarily a city. A city is multi-story buildings. A high-rise building is inhabited by several thousand people of both sexes, different ages, races, nationalities, professions and interests. Such a number is close to small cities in Western Europe. It turns out that a high-rise building is a small city in a big city.

Keywords: multi-story building, city, accommodation, high-rise building, floor, residents, premises, interaction

References

1. Gifford R. The Consequences of Living in High-Rise Buildings // *Architectural Science Review* 50(1):2–17 March 2007.
2. Luedtke and Associates. Crime and the physical city. Detroit: Unpublished report, 1970.
3. Brill W.H. Security in public housing: A synergistic approach // Paper presented at the 4th National Symposium on Law Enforcement, Science, and Technology, University of Maryland, 1972, May 1–3.

4. Reppetto T. Residential crime. Cambridge, MA: Ballinger, 1974.
5. Conway J., Adams B. The social effects of living off the ground // *Habitat International*, (1977). 2, 595–614.
6. Dasgupta S.K., Bhattacharyya S., Asaduzzaman M. The impact of tall buildings on elderly residents // *Bangladesh Journal of Psychology*, (1992) 13, 7–15.
7. Fanning D.M. Families in flats // *British Medical Journal*, 1967, 18, 382–386.
8. Oda M., Taniguchi K., Wen, M.-L., Higurashi M. Effects of high-rise living on physical and mental development of children // *Journal of Human Ergology*, (1989). 18, 231–235.
9. Sweatt L. et al. Talking about the silent fear: Adolescents' experiences of violence in an urban high-rise community. *Adolescence*, 2002, 37, 109–120.
10. Newman O. Reactions to the “defensible space” study and some further findings // *International Journal of Mental Health*, (1975). 4(3), 48–70.
11. Wilcox B.L., Holahan C.J. Social ecology of the megadorm in university student housing // *Journal of Educational Psychology*, (1976). 68, 453–458.
12. Michelson W. Environmental choice, human behavior, and residential satisfaction. New York: Oxford, 1977.
13. Forrest R., La Grange A., Ngai-Ming Y. Neighbourhood in a high rise, high density city: Some observations on contemporary Hong Kong // *Sociological Review*, (2002). 50, 215–240.
14. Michelson W. Man and his urban environment. Reading, MA: Addison Wesley, 1970.
15. Yao Y. High-rise Housing and Social Interaction Study under Current Chinese High-rise Residential Situation (2020). Thesis. Rochester Institute of Technology. Accessed from: <https://scholarworks.rit.edu/theses>
16. Coleman, A. Utopia on Trial. London: Hilary Shipman, 1985.

Социальные сети как средство распространения постправды в политике: способы борьбы с дезинформацией

Акопян Давид Ваграмович,

аспирант, кафедра политических процессов и технологий,
АНО ВО «УМЦ им. В.В. Жириновского»

E-mail: david@hakobyann.ru

Статья посвящена тому, как социальные сети становятся средой производства постправды в политике и какие многоуровневые меры способны снижать её ущерб. Актуальность обусловлена ростом роли платформ в формировании повестки, уязвимостью электоральных процедур и удешевлением синтетического контента. Научная новизна – в синтетической модели противодействия, увязывающей регуляторный, платформенно-алгоритмический, коммуникативно-образовательный и практический уровни с измеримыми метриками. В рамках работы описаны уязвимости сетевых экосистем, изучены европейские и постсоветские подходы к платформенной ответственности и цифровому суверенитету. Особое внимание уделено механизмам искажения восприятия (вирализация эмоций, «сетки» каналов, дипфейки, эхо-камеры) и быстрой реакции ответных процедур. Работа ставит цель реконструировать механизмы постправды и предложить согласованную систему противодействия. Для её решения применены сравнительный и институциональный анализ, контент-анализ источников, кейс-ориентированная аналитическая реконструкция. В заключении сформулированы практические рекомендации, KPI и условия их реализуемости. Статья будет полезна исследователям, регуляторам, платформам, журналистам и политическим штабам.

Ключевые слова: постправда, социальные сети, политическая коммуникация, дезинформация, цифровой суверенитет, платформенная ответственность, медиаграмотность, алгоритмы рекомендаций, дипфейки, выборы.

Введение

Социальные сети превратились из каналов распространения информации в институциональные среды, производящие нормы, повестку и легитимационные практики. Эта трансформация усилила уязвимость публичной сферы к постправде: эмоционально заряженные нарративы распространяются быстрее проверки, алгоритмы оптимизируют «вирусность», а электоральные процессы сталкиваются с манипуляциями – от «сеток» каналов до дипфейков.

Цель – реконструировать механизмы распространения постправды в политике через социальные сети и предложить многоуровневую систему противодействия с измеримыми метриками. Задачи:

1. Описать ключевые механизмы искажения политического восприятия в социальных сетях (вирализация эмоций, «псевдоэкспертность», эхо-камеры, дипфейки, координированные сети).
2. Систематизировать меры противодействия на четырёх уровнях: регуляторном, платформенно-алгоритмическом, коммуникативно-образовательном и уровне политической практики/безопасности; сопоставить европейский и постсоветский подходы.
3. Сформулировать набор практических рекомендаций и KPI для оценки эффективности анти-дезинформационных стратегий.

Новизна – представлена синтетическая модель «распространение постправды – противодействие», связывающая архитектуру платформ, регуляторные режимы, практики публичных коммуникаций и метрики эффективности; показаны компромиссы внедрения (скорость/точность, открытость/управляемость) и условия институциональной реализуемости.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования были отобраны следующие работы: С.Ю. Белоконов и А.А. Хоконов [1] анализируют онтологический статус сетей в публичной политике, показывая, как сетевые структуры генерируют культурные коды, нормируют поведение и воздействуют на легитимацию. А.В. Брега и Г.В. Брега [2] рассматривают социальные медиа как инструменты политического участия и противоборства, фиксируя мобилизационные связи и эффект «agenda-setting». О.В. Котлярова [3] выделяет механизмы искажения восприятия в соцсетях (включая «практики отмены», «сетки» каналов, вирализацию эмоций) и уточняет дефиницию постправды. А.П. Кочетков и К.В. Маслов [4] обосновывают концепт цифрового суверенитета: локализацию данных, национальную инфраструктуру и баланс прав пользователя с безопасностью. Д.С. Мартынов [5] исследует управляемость политизированных виртуальных сообществ, соотношение «публичной сферы» и «эхо-камер», а также режимы субъект-субъектной модерации. К.А. Пикунова [6] описывает политические технологии эпохи постправды и переход к «гиперпостправде», акцентируя роль эмоций и необходимость симметричного технологического

ответа. М.П. Селезнёва и А.В. Щуцкая [7] демонстрируют институционализацию блогов и соцсетей в российской политике, рост SMM-практик и изменения доверия к медиа. И.Р. Скрипка [8] обобщает европейский опыт: платформенная ответственность, прозрачность политической рекламы и содержание DSA/DMA. А.Д. Чуприна и Е.К. Грошева [9] показывают социальные сети как средство политической коммуникации, включая брендинг, микротаргетинг и повседневные практики штабов. А.И. Шабалина [10] анализирует влияние фейковой информации на политическое сознание и уязвимости электоральных процессов.

Методы. Сравнительный и институциональный анализ регуляторных режимов; контент-анализ академических публикаций; сетевой и медиасоциологический подходы; синтез междисциплинарных результатов.

Результаты

Проведённый аналитический обзор позволил реконструировать механизмы распространения постправды в политике через социальные сети и очертить многоуровневую систему противодействия дезинформации. В отсутствие экспериментального исследования результаты представлены как синтетическая модель, опирающаяся на междисциплинарный корпус работ и отражающая как инфраструктурный уровень (платформы, регулирование, «цифровой суверенитет»), так и уровни контента, сообществ и политической практики.

Подтверждена онтологическая трансформация публичной политики в условиях сетевого общества: цифровые платформы не только ускорили и усложнили коммуникации, но и сами стали генераторами смыслов и норм, влияя на легитимационные процедуры. Показательно, что сети становятся самостоятельным элементом новой онтологической реальности: именно сети выступают, особенно в молодежной среде, генераторами культурных кодов и смыслов, они сами способствуют их трансляции и в дальнейшем отслеживают реализацию, а впоследствии, используя доступный арсенал инструментов, в т.ч. и санкции (рейтинг, рэнкинг, бан и т.д.), следят за исполнением. В этом контексте государства и институты уже не монополизируют информационное поле и вынуждены конкурировать с сетевыми узлами влияния, что повышает риски нестабильности и кризисов управляемости [1].

Социальные сети и блоги институционализировались как ключевые каналы политической коммуникации и инструменты влияния. Особую роль среди Интернет-ресурсов играют социальные сети, так как являются не только средством обмена мнением и получением информации, но и серьезным инструментом информационного влияния. В российской практике это проявляется в широком и многоуровневом использовании аккаунтов политиков, партий, органов власти и муниципалитетов для агитации, обратной связи и мобилизации, а также в переходе части аудитории к блогосфере на фоне снижения доверия к традиционным СМИ [7].

Параллельно с этим социальные сети становятся каналом политического брендинга, микротаргетинга и краудфандинга кампаний, о чём свидетельствуют сопоставимые примеры, начиная от раннего использования Twitter в США до повседневной SMM-практики региональных политиков [9].

Установлены и описаны механизмы искажения политического восприятия в среде социальных сетей (на примере Telegram), включающие:

1. «Практики отмены» и индуцируемые барьеры интерпретации;

2. Производство постправды через вирализацию эмоционально «упакованных» версий событий и конструирование «экспертности» каналами;
3. Рынок слотов и «сеток» каналов, позволяющий предоставлять публикационные права и координировать разнонаправленные нарративы;
4. Учёт и сегментацию пользовательской активности с преобладанием пассивного потребления;
5. Постановку многозадачных коммуникативных целей, где демонстрация позиции сочетается с монетизацией и ростом охвата [3].

Концептуальной опорой служит дефиниция: постправда – обстоятельства, при которых объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, нежели апелляция к эмоциям и собственной убежденности. В таких условиях скорость публикации, формат подачи и архитектура платформ (лента, рекомендации, ранжирование) системно смещают внимание к конфликтогенным сюжетам, увеличивая долю эмоционально окрашенного контента и снижая долю проверяемых фактов [3].

Социальные медиа выступают одновременно средой политического участия и ареной противоборства. Таким образом, социальные медиа и сети привели к возвращению масс в политику. Зафиксированы технологические связки «мобилизация–контромобилизация» (SMM-продвижение, рекрутирование, шпионаж OSINT, дискредитация, эмоциональное заражение), а также эффект «agenda-setting», когда сетевые повестки перепрошивают иерархию значимости тем для массового обсуждения. Наблюдается зависимость власти от сетевых реакций с расширением «доступности власти», а также использование сетей внешними и внутренними акторами для формирования альтернативных нарративов [2].

Важной средой верификации гипотез стала динамика «эхо-камер» и публичных сфер. Исследование политизированных сообществ в российских соцсетях показывает сосуществование открытых дискуссионных моделей («публичная сфера») и сегментов, близких к «эхо-камерам», но при этом «идеологические» сообщества в целом не редуцируются к гомогенным закрытым системам; в ряде лоялистских сообществ выявлена большая склонность к субъект-субъектной управляемости [5]. Следовательно, применимость стратегии борьбы с постправдой должна учитывать разнообразие режимов модерации и фактическую неоднородность сообществ.

Эмпирика кампаний и электоральных циклов подтверждает рост уязвимости к фейкам и «полуправде»: грамотно поданная фейковая информация способна влиять на сознание людей, в том числе на формирование политических предпочтений. В российском кейсе выборов 2021 г. фиксировались масштабные фейковые сообщения о нарушениях процедуры, фабрикации медиаматериалов, использование кандидатов-«спойлеров», а также «анти-реклама» от имени конкурентов – с ожидаемыми последствиями в виде эрозии доверия и размывания легитимности [10]. На фоне падения доверия к телевидению и миграции аудитории в соцсети без соответствующего роста медиаграмотности усиливается риск «загрязнения информационной среды» и поражения базового доверия к сообщениям СМИ.

Сопоставление европейского и постсоветского регуляторного ответов выявляет движение к правовым режимам платформенной ответственности. В ЕС реализуется линия на DSA/DMA (регулирование контента, прозрачность рекламы, защита выборов после кейса Cambridge Analytica), расширяющая квазирегуляторные обязанности платформ [8]. В РФ и РБ закреплены нормы против недостоверной общественно значимой информа-

ции, экстремистского контента, нарушения предвыборных правил; вводятся инструменты ограничения доступа, аккредитационные требования, а также поддержка «новых медиа» как особого типа СМИ с учётом их рисков (постправда, падение качества, использование запрещёнными организациями). Сохраняется дилемма: как уравновесить свободу коммуникации и предотвращение деструктивного воздействия в условиях быстро меняющейся архитектуры сетей.

Как ответ на политические риски постправды развивается парадигма цифрового суверенитета, увязывающая нормативные, технологические и кадровые аспекты. Позиция суммируется в следующем тезисе: «Цифровой суверенитет предполагает право национальных государств на независимое управление своими цифровыми ресурсами, надзор и контроль за деятельностью собственных цифровых платформ, а также возможность блокировки государством размещаемой на них информации соответствующими органами и организациями, если она не отвечает национальным интересам страны» [4]. Вектор реализуется через локализацию персональных данных и представительств зарубежных платформ, «право на забвение», развитие отечественной ИТ-инфраструктуры, требование предустановки отечественного ПО, а также гармонизацию с международными стандартами (GDPR; Конвенция 108). Одновременно указываются риски технологической зависимости и уязвимости к кибератакам, требующие постепенности и приоритизации защиты критической инфраструктуры и прав граждан в цифре.

По мере усложнения сетевых экосистем эволюционируют и инструменты самой постправды – от массовой дезинформации к персонализированной манипуляции и к «постреальности»/«гиперпостправде», где алгоритмы и генеративный ИИ производят автономные нарративы, малоотличимые от действительности. В этой логике «постправда... является не просто инструментом дезинформации, а структурным элементом современной цифровой коммуникации», а успешность политических акторов определяется «способностью вызывать эмоциональный отклик» и поддерживать вовлечённость [6]. Противодействие требует симметричного технологического ответа (детекция фейков и дипфейков, маркировка, анализ источников), а также институционализации «торговых зон» диалога между конкурирующими нарративами как механизма снижения поляризации [6].

Суммарно, полученная модель «распространение постправды – противодействие» описывает четыре взаимосвязанных уровня и конкретные способы борьбы с дезинформацией: инфраструктурно-регуляторный, платформенно-алгоритмический, коммуникативно-образовательный, политическая практика и безопасность.

Выборные процедуры: оперативные центры проверки вбросов, независимая валидация видеонаблюдения, быстрая контр-коммуникация, протоколы выявления «спойлеров», согласованные с платформами [10].

Обсуждение

Полученные результаты показывают: социальные сети в политике – это не просто каналы передачи сообщений, а институциональные среды, где совместно «производятся» смыслы, нормы и, что особенно важно, повестка. В этой среде возникает системная асимметрия между скоростью распространения эмоционально насыщенного контента и скоростью его проверки; между децентрализованной массовой вовлечённостью и реальной концентрацией контроля в руках платформенных модераторов,

алгоритмических систем ранжирования и сетевых предпринимателей (администраторов каналов, владельцев «сеток» и медиа-агентств). Отсюда ключевое напряжение эпохи постправды: демократизация доступа к публичной политике сочетается с ростом манипулятивной уязвимости самой публичной сферы.

Сопоставление инфраструктурного и контентного уровней подтверждает, что усиление постправды – не только следствие «злонамеренных» практик, но и структурный эффект архитектур платформ. Лента рекомендаций, приоритет «вирусности» и встроённая экономия внимания склоняют систему к отбору конфликтных сюжетов, коротких форм и «мультимедийных доказательств», которые субъективно кажутся убедительными. Конкуренция за внимание понижает порог публикации и повышает долю эмоциональных нарративов. Этот эффект заметно усиливается там, где доминируют анонимные каналы и коммерциализированные модели дистрибуции (продажа «слотов», перекупка постов: у аудитории исчезают устойчивые критерии надёжности источника, а у организаторов появляется стимул «упаковывать» события в выгодные, но не обязательно истинные версии.

Регуляторные нововведения в разных юрисдикциях сходятся к признанию политической специфики социальных платформ: это уже не «нейтральные трубы», а сущности с обязанностями по прозрачности рекламы, таргетинга, обращению с данными и быстрому реагированию на недостоверный контент. Но здесь обнаруживается другая дилемма. Чем жёстче контроль, тем выше риск чрезмерного удаления («overblocking»), полтизации модерации и смещения доверия с журналистских практик проверки к автоматическим классификаторам. Обратная крайность – «регуляторный минимализм» – консервация уязвимостей и перенос издержек постправды на граждан, СМИ и избирательные процедуры. Следовательно, эффективная стратегия противодействия должна идти не по линии «ещё больше удалять», а по линии архитектурных и процедурных изменений: объяснимость алгоритмов, верификация источников и финансовых потоков, короткие цепочки апелляций, открытые библиотеки политической рекламы, независимые аудит-механизмы.

Важный сюжет – неоднородность самих сообществ. Анализ показывает сосуществование режимов «рационально конфликтной» публичной сферы и «эхо-камер», причём даже идеологические сообщества не всегда редуцируются к закрытым контурам. Это уточнение существенно для практики: универсальные «жёсткие» меры (например, массовая деиндексация по ключевым словам) хуже работают там, где поддерживается субъект-субъектная модерация и есть внутренние стимулы к проверке фактов. Здесь продуктивнее подходы «тонкой настройки»: предъявление стандартов дискуссии, поощрение экспертной репутации внутри групп, инструменты «анти-эхо» (примеси альтернативных точек зрения в ленту при согласии пользователя).

Переход от постправды к «постреальности»/«гиперпостправде» – это не риторическая гипербола, а технологическая тенденция. Генеративный ИИ удешевил производство правдоподобного визуального и текстового контента, усложнил верификацию источника и перенёс конкуренцию в плоскость контроля нарративов, а не фактов. Соответственно, «гонка вооружений» смещается к системам раннего обнаружения, устойчивой маркировке и цепочкам доверия. Но и здесь есть пределы: алгоритмическая фильтрация неизбежно ошибается, и потому усилия по автоматизации должны сопровождаться институциональными гарантиями – независимый надзор, прозрачные отчёты об ошибках, восстанов-

ление репутации и возмещение вреда при неправомерных блокировках.

Чтобы зафиксировать логику компромиссов и показать, где именно возникают «узкие места», сведём ос-

новные уровни противодействия в компактную аналитическую матрицу (см. Табл. 1).

Таблица 1. Матрица противодействия постправде в соцсетях: уровни, инструменты, эффекты, ограничения и метрики (Составлено автором на основе собственного исследования)

Уровень	Ключевые инструменты	Ожидаемые эффекты	Основные ограничения/риски	Индикаторы успеха
Регуляторный (закон/надзор)	Прозрачность политрекламы и таргетинга; обязанности по отчётности; процедуры апелляций; локализация данных; «право на забвение»	Снижение «тёмной» политической рекламы; рост подотчётности платформ; защита прав пользователя	Политизация модерации; overblocking; рост транзакционных издержек у легитимных акторов	Доля промаркированной политрекламы; среднее время рассмотрения жалоб; доля успешно обжалованных решений; опросы доверия
Платформенно-алгоритмический	Детекторы фейков/бот-сетей/дипфейков; объяснимость ранжирования; пользовательские «анти-эхо» настройки	Снижение охвата координированных манипуляций; сдерживание вирализации фейков	Ложные срабатывания; адаптация злоумышленников; риски дискриминации контента	«Окно уязвимости» (время до маркировки/снижения охвата); доля пользователей, включивших «анти-эхо»
Коммуникативно-образовательный	Программы медиаграмотности; поддержка независимых фактчекеров; стандарты модерации для дискуссий	Рост «иммунитета» аудитории; укрепление публичной сферы	Долгий горизонт эффекта; неравный доступ к обучению	Тесты медиаграмотности до/после; скорость органических опровержений; доля ссылок на проверенные источники
Практика и безопасность (кампании/выборы)	Центры быстрой проверки; договорённости с платформами; хард-линки на оригиналы; протоколы против «спойлеров»	Снижение электро-рального ущерба от фейков; повышение легитимности процедур	Информационные перегрузки; попытки «лавины» микро-фейков	Среднее время ответа на вброс; доля опровергнутых фейков до «дня тишины»; явка и доверие к результатам

Дальнейшее обсуждение показывает, что устойчивый эффект достигается при согласованности уровней. Например, без прозрачности рекламных библиотек платформам трудно объяснить, почему конкретный ролик помечен как политический; без образовательной компоненты даже корректная маркировка воспринимается как «цензура»; без быстрых процедур апелляции технические ошибки детекторов подрывают доверие к всей системе.

Отдельного внимания заслуживают практики, искажающие политическое восприятие, которые проявляются особенно ярко в анонимных и полуанонимных экосистемах. Их картирование полезно для выстраивания приоритетов: что «режем» в первую очередь, где достаточно маркировки, а где нужны процессуальные гарантии и следы проверок. Ниже приводится сопоставление типичных механизмов постправды, уязвимостей экосистемы и контрмер с указанием компромиссов (см. Табл. 2).

Таблица 2. Механизмы постправды, уязвимости экосистемы и приоритетные контрмеры (Составлено автором на основе собственного исследования)

Механизм постправды	Типичные уязвимости экосистемы	Приоритетные контрмеры	Компромиссы/побочные эффекты
«Практики отмены» и кампании дискредитации	Анонимность, массовые перепосты, низкий порог публикации	Обязательная маркировка источника/финансирования; быстрые «право на ответ» и апелляции; репутационные индикаторы каналов	Риск использования «права на ответ» для троллинга; давление на анонимные источники в уязвимых контекстах
Вирализация эмоциональных «версий» событий	Алгоритмический приоритет вовлечённости	Торможение распространения до верификации; вставки с проверенными фактами; «контекст-карточки»	Временная задержка легитимных новостей; споры о «кто проверяет»
Псевдоэкспертность и «фабрика комментаторов»	Непрозрачность биографий, отсутствие верификации	Верификация публичных персон; рейтинги точности; ссылочные профили экспертов	Риск элитизма/исключения новых голосов
Рынок слотов и «сетки» каналов	Коммерциализация внимания, скрытые аффилиации	Раскрытие аффилированности; публичные реестры «сеток»; запрет скрытой политической рекламы	Переток в серые каналы/площадки вне юрисдикции
Эхо-камеры	Алгоритмическая персонализация, социальная селекция	Опции «анти-эхо»; рекомендации альтернативных источников; модули «почему я это вижу»	Нежелательные «вбросы» в ленту пользователя; утомление от контента
Дипфейки, ИИ-журналистика	Дешёвое производство правдоподобного контента	Обязательная маркировка синтетики; детекторы на стороне загрузки; «водяные знаки»	Ложные срабатывания, удар по сатире и художественным практикам

Механизм постправды	Типичные уязвимости экосистемы	Приоритетные контрмеры	Компромиссы/побочные эффекты
Боты и координированные сети	Маскировка под «обычных граждан»	Сетевые детекторы аномалий; требования к API; ограничение массовых публикаций	Ограничения для легитимных сообществ/НКО
OSINT-дискредитация	Слабая защита персональных данных	Оперативное удаление персональных данных; штрафы; «красные кнопки» для жертв	Баланс с общественным интересом и расследованиями
Захват повестки	Медленное реагирование официальных институций	Команды быстрой реакции; стратегическая коммуникация «вперед кривой»; медиапартнёрства	Риск «официальной гиперкоммуникации» и перегрузки

Наконец, обсуждение практической реализуемости показывает: «идеальной» конфигурации не существует. Каждый шаг связан с обменами – скорость за точность, открытость за управляемость, удаление за риск ошибки. В этих условиях минимизация вреда достигается не максимизацией одного инструмента, а их координацией и взаимной компенсацией. Если алгоритм ошибочно «режет» острый, но значимый материал – должна существовать быстрая апелляция и возможность приложить доказательства; если канал систематически фабрикует псевдоэкспертные оценки – его экономические стимулы должны становиться прозрачными и контролируемыми; если в конкретном сообществе поддерживается культура рационального спора – вмешательства должны быть адресными и партнёрскими, а не «по ключевому слову».

Так, социальные сети в политике – это одновременно риск и ресурс. Постправда не исчезнет, поскольку встроена в конкуренцию за внимание и в дизайн современных платформ. Но её издержки могут быть радикально снижены, если на всех уровнях – от закона до интерфейса, от школьного урока до штабной рутинной операции – заработают согласованные механизмы прозрачности, ответственности и быстрой верификации. Именно такая стратегия даёт шанс сохранить открытую публичную сферу, не уступая информационную повестку ни алгоритмам, ни фабрикам эмоций.

Заключение

Реконструированная картина подтверждает, что:

1. Базовые механизмы постправды в социальных сетях опираются на архитектуру платформ и экономику внимания.
2. Эффективное противодействие требует согласования регуляторных, алгоритмических, коммуникативных и практико-безопасностных мер.
3. Их результативность подлежит измерению через набор KPI (время до маркировки/опровержения, показатели детекторов, долю промаркированной политической рекламы, качество апелляций, динамику доверия).

Ключевые условия реализуемости – архитектура доверия (аудит алгоритмов, прозрачность финансирования и источников), быстрые и предсказуемые процедуры реакций и апелляций, сохранение пространства рационального спора (приоритет маркировки над удалением), а также масштабирование медиаграмотности. В совокупности стратегия позволяет снижать издержки постправды без подрыва открытости публичной сферы и тем самым поддерживает устойчивость демократических институтов и легитимность политических процессов.

Литература

1. Белоконов С. Ю., Хоконов А.А. Онтологический статус социальных сетей в современной публичной политике // Власть. – 2021. – Т. 29, № 2. – С. 22–29. – DOI 10.31171/vlast.v29i2.7991. – EDN YNJNHF.
2. Брега А. В., Брега Г.В. Социальные медиа как инструмент политического участия и противоборства // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 7. – С. 133–137. – DOI 10.34823/SGZ.2024.07.52054. – EDN MCHNES.
3. Котлярова О.В. Механизмы, искажающие политическое восприятие в социальных сетях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2025. – № 1. – С. 187–195. – DOI 10.22394/2079-1690-2025-1-1-187-195. – EDN JMPYRK.
4. Кочетков А. П., Маслов К.В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2022. – № 2. – С. 31–45. – EDN BJJUXI.
5. Мартынов Д.С. Управляемость политизированными виртуальными сообществами в российском Интернете // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы: сб. науч. тр. XXXVII Междунар. Харакского форума, Симферополь, 5–7 нояб. 2020 г. В 2 т. / под общ. ред. Т.А. Сениушкиной. Т. 1. – Симферополь: Изд-во Типография «Ариал», 2021. – С. 491–497. – EDN FNTIRF.
6. Пикунова К.А. Политические технологии в эпоху постправды: вызовы и перспективы для демократических институтов // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 4(141). – С. 30–35. – DOI 10.24158/per.2025.4.3. – EDN WXVBBU.
7. Селезнева М. П., Щуцкая А.В. Использование интернет-блогов и социальных сетей в Российской политике // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 11–1(62). – С. 103–106. – DOI 10.24412/2500-1000-2021-11-1-103-106. – EDN VIMYDZ.
8. Скрипка И.Р. Электронные СМИ и социальные сети в политике: европейский опыт // Современная Европа. – 2021. – № 4(104). – С. 184–193. – DOI 10.15211/soveurope42021184193. – EDN RQYCRD.
9. Чуприна А. Д., Грошева Е.К. Социальные сети как средство коммуникации в политике // Коммуникационные технологии: социально-экономические и информационные аспекты: материалы Всерос. (23 ежегод.) молодеж. науч.-практ. конф., Иркутск, 15 апр. 2020 г. – Иркутск: ЦентрНаучСервис, 2020. – С. 128–130. – EDN WQGZKK.

10. Шабалина А.И. Влияние «фейковой» информации на политическое сознание граждан России // Культура, личность, общество в условиях пандемии и пост-пандемии: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XXV Междунар. конф. памяти проф. Л.Н. Когана, Екатеринбург, 17–19 марта 2022 г. / отв. ред. А.Н. Новгородцева. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2022. – С. 670–677. – EDN HOILAP

IMPLEMENTATION OF STRUCTURAL GAMIFICATION DIRECTIONS IN THE DEVELOPMENT OF CREATIVE COMPETENCES OF STUDENTS OF THE FACULTY OF PHYSICAL EDUCATION

Акopyan D.V.

University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovskiy

The article is devoted to how social networks are becoming an environment for producing post-truth in politics and what multi-level measures can reduce its damage. The relevance is due to the growing role of platforms in shaping the agenda, the vulnerability of electoral procedures and the cheapening of synthetic content. Scientific novelty lies in the synthetic model of counteraction, linking the regulatory, platform-algorithmic, communicative-educational and practical levels with measurable metrics. The work describes the vulnerabilities of network ecosystems, studies European and post-Soviet approaches to platform responsibility and digital sovereignty. Particular attention is paid to the mechanisms of distortion of perception (viralization of emotions, channel “grids”, deepfakes, echo chambers) and the speed of response procedures. The work aims to reconstruct the mechanisms of post-truth and propose a coordinated system of counteraction. To solve this problem, comparative and institutional analysis, content analysis of sources, case-oriented analytical reconstruction are used. In conclusion, practical recommendations, KPIs and conditions for their implementation are formulated. The article will be useful for researchers, regulators, platforms, journalists and political headquarters.

Keywords: post-truth, social media, political communication, disinformation, digital sovereignty, platform responsibility, media literacy, recommendation algorithms, deepfakes, elections.

References

1. Belokonev S. Yu., Khokonov A.A. Ontological status of social networks in modern public policy // *Vlast*. – 2021. – Vol. 29, No. 2. – Pp. 22–29. – DOI 10.31171/vlast.v29i2.7991. – EDN YNJH-HF.
2. Brega A. V., Brega G.V. Social media as a tool of political participation and confrontation // *Social and humanitarian knowledge*. – 2024. – No. 7. – Pp. 133–137. – DOI 10.34823/SGZ.2024.07.52054. – EDN MCHNES.
3. Kotlyarova O.V. Mechanisms that distort political perception in social networks // *Public and municipal administration. Scientific notes*. – 2025. – No. 1. – P. 187–195. – DOI 10.22394/2079-1690-2025-1-1-187-195. – EDN JMPYRK.
4. Kochetkov A. P., Maslov K.V. Digital sovereignty as the basis of Russia’s national security in the global digital society // *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political sciences*. – 2022. – No. 2. – P. 31–45. – EDN BJJUXI.
5. Martyanov D.S. Governability of politicized virtual communities on the Russian Internet // *Political space and social time: global challenges and civilizational responses: collection of scientific papers of the XXXVII International Kharkiv Forum, Simferopol, November 5–7. 2020. In 2 volumes / edited by T.A. Senyushkina. Volume 1. – Simferopol: Arial Printing House, 2021. – Pp. 491–497. – EDN FNTIRF.*
6. Pikunova K.A. Political technologies in the post-truth era: challenges and prospects for democratic institutions // *Society: politics, economics, law*. – 2025. – No. 4 (141). – P. 30–35. – DOI 10.24158 / pep.2025.4.3. – EDN WXVBBU.
7. Selezneva M. P., Shchutskaya A.V. Use of Internet blogs and social networks in Russian politics // *International journal of humanitarian and natural sciences*. – 2021. – No. 11–1 (62). – P. 103–106. – DOI 10.24412 / 2500-1000-2021-11-1-103-106. – EDN VIMYDZ.
8. Skripka I.R. Electronic media and social networks in politics: European experience // *Modern Europe*. – 2021. – No. 4 (104). – P. 184–193. – DOI 10.15211/soveurope42021184193. – EDN RQYCRD.
9. Chuprina A. D., Grosheva E.K. Social networks as a means of communication in politics // *Communication technologies: socio-economic and information aspects: materials of the All-Russian (23rd annual) youth scientific and practical conf., Irkutsk, April 15, 2020 – Irkutsk: CenterNauchService, 2020. – P. 128–130. – EDN WQGZKK.*
10. Shabalina A.I. The influence of “fake” information on the political consciousness of Russian citizens // *Culture, personality, society in the context of a pandemic and post-pandemic: methodology, experience of empirical research: Proc. XXV Intern. Conf. in memory of prof. L.N. Kogan, Ekaterinburg, March 17–19, 2022 / ed. A.N. Novgorodtsev. – Ekaterinburg: Ural. state ped. University, 2022. – Pp. 670–677. – EDN HOILAP.*

Богин Сергей Валерьевич,

ассистент кафедры, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Статья посвящена изучению феномена левого оппортунизма как способа достижения поставленных политических целей ценой отказа от морали и политических принципов.

Актуальность работы связана с тем, что всё чаще приходится наблюдать как в Российской Федерации так называемые «новые левые» стремятся к усилению собственного политического влияния на основе откровенно популистских лозунгов, сознательно игнорируя любую созидательную деятельность в интересах страны и общества.

Цель исследования: выявить аналогии в подходах современных левых радикалов к событиям на Украине с теоретическими тематическими взглядами Л. Троцкого в начале XX в. Отмечается, что на начальных этапах развития советской власти Л. Троцкий выступал в поддержку присоединения Украины к СССР, тогда как после высылки стал выступать за независимость Украины.

В наши дни российские левые радикалы после событий 2014 года на Украине призывали к защите русского населения на Донбассе. Но с началом специальной военной операции Вооружённых сил Российской Федерации на Украине (далее СВО) представители данной политической когорты начали обвинять Россию в агрессии против Украины. Несмотря на то, что подобный пересмотр позиций требует логической цепочки доводов, новые «популяризаторы марксизма» предпочитают моментальную пользу долгосрочным целям. Отсутствие логических цепочек вызывает исторические параллели между 1917 и 1991 годами, когда действия части элиты были продиктованы конъюнктурой и личной политической выгодой даже в ущерб государственному развитию.

Подобный оппортунизм и психология приспособленчества могут оказать деструктивное воздействие на общество, особенно в период высокой конфликтостенной турбулентности. Позиция левых оппортунистов относительно значимости исхода ситуации на Украине такова (фактически, он не имеет какого-либо значения), что вне зависимости от того, кто станет победителем, конечное благо в любом случае будет принадлежать «врагам трудящихся». В статье высказывается предположение о том, что в случае достижения целей оппортунистического подхода, общество будет деконсолидировано, усилятся сепаратистские настроения. Миссией левого оппортунизма в целом, как и троцкистов перед Второй Мировой войной, по мнению автора, является свержение власти.

Ключевые слова: левый оппортунизм, троцкизм, СССР, новые левые, Украина, Российская Федерация.

Введение

Известный тезис, высказанный ещё в XIX в. Отто фон Бисмарком «политика – искусство возможного», можно толковать, с одной стороны, как искусство компромисса в возникших обстоятельствах, с другой – как умение использовать в личных интересах складывающуюся ситуацию, утверждая, что «цель оправдывает средство». Первое – призывает определять границы возможного и ставить реальные цели, объективно оценивая достаточность необходимого ресурса. Второе – является руководством к действию с готовностью пожертвовать принципами идеологии и морали для достижения не столько поставленной цели, сколько собственных интересов. Независимо от избранного подхода политику, с нашей точки зрения, можно назвать успешной, только в том случае, если реализуемые властью меры принимаются социальным большинством. Для достижения поставленной цели, лицам, принимающим решение (ЛПР) нередко приходится идти по пути краткосрочного политического единства с оппозицией, достигая компромиссов, как правило, идущих в разрез с собственными убеждениями и принципами. Именно в этой связи профессию политика рассматривать в спектре традиционной дихотомии «моральная – аморальная» скорее нецелесообразно. Вместе с тем, у любых компромиссов должны быть пределы. Однако истории мировых цивилизаций известны политики и управленцы, которые ради достижения поставленной цели были готовы оставлять игнорировать «убеждения», идеологические принципы, общечеловеческие ценности и проч. В большинстве случаев это соотносилось со стремлением получить власть, что фактически оправдывало любые действия и решения. Борьба за эту власть, как в свое время писал Президент Кеннеди, нередко носила очень «жесткий практический характер, и вход в неё соображениям морали, правоты или неправоты запрещен» [Кеннеди, 1956: 8]. Отказ от политических принципов с целью достижения или усиления политического влияния и выражает основную идею оппортунизма.

Общая характеристика видов оппортунизма

Оппортунизм – это идеологическая позиция или мировоззрение, предполагающее желание добиться успеха, оказывать влияние, быть популярным, провоцировать людей реализовывать свои устремления «любыми необходимыми средствами». Таким образом, поведение людей, имеющих власть (лиц, принимающих решения, далее ЛПР), использующих своё положение для получения выгод для себя, называется оппортунистическим поведением. Более точно идею оппортунизма описал Ленин в своей статье «Русский радикал задним умом крепок!»: «оппортунизм есть принесение длительных и существенных интересов партии в жертву ее минутным, преходящим, второстепенным интересам» [Ленин, 1972: 35]. Многие современные политические деятели стремятся использовать ради собственной выгоды политические возможности. И множественные дискуссии вокруг данной концепции касаются по преимуществу баланса между использованием политической конъюнктуры и политической принципиальностью.

Необходимо указать, что первоначально оппортунизм рассматривался исключительно в отношении к политической сфере, а с возникновением марксизма, понятие прочно закрепилось и в данном философском учении. В последние десятилетия в системе научного знания, сперва западноевропейских стран, а затем и далее, стали развиваться иные формы и виды оппортунизма. В результате к настоящему времени выделились: экономический, юридический, социальный, профессиональный, политический, оппортунизм в марксистском движении и прочие.

Чтобы более комплексно уяснить сущность современного оппортунизма в контексте цели и задач данного исследования, кратко оценим экономический, юридический и социальный виды оппортунизма, поскольку они добавляют новые грани смысла для современного политического оппортунизма.

Термин «экономический оппортунизм» возник вследствие распространения эпизодов нарушения экономическими агентами-оппортунистами принципов морали ради получения прибыли. Американский экономист Оливер Уильямсон, развивавший данное направление писал, что в так называемой экономике транзакционных издержек экономический агент, стремясь к личной выгоде, может использовать любые средства, в том числе и обман [Уильямсон, 1993: 97]. Юридический оппортунизм – термин, обозначающий поведение, когда сторона одобряет применение правовых норм, если это соответствует собственным интересам, но отклоняет применение, когда правила противоречат этим интересам. Иными словами, это поведение, мотивированное желанием поставить (обратить) закон в свою пользу. В свою очередь, социальный оппортунизм относится к использованию возможностей для социальных контактов исключительно в целях или мотивах, обусловленных личной выгодой. Иными словами, лицо участвует в деятельности не для производства социального блага, а в связи с тем, что это является средством для достижения других целей, не связанных с группой.

Тем самым, современный политический оппортунизм может быть сопряжен с экономическим и социальными факторами, а также определенным подходом к толкованию юридических норм. Следовательно, мы можем дать оппортунизму следующую характеристику: это общественный феномен, относящийся ко всем сферам деятельности общества, при котором заинтересованные лица могут нарушать или пренебрегать общепринятыми нормами морали или порядком ведения дел для достижения поставленных частных целей.

Политический оппортунизм

В рамках настоящего исследования мы будем рассматривать два выражения оппортунизма – политический и оппортунизм в марксистском движении. В самом общем виде политический оппортунизм – это стиль политического действия, направленного на увеличение своего политического влияния любыми способами, методами и средствами и при любой возможности. Оппортунизм в ассоциациях марксистского движения, как правило, обозначает отказ от революционной борьбы пролетариата и «капитуляцию» рабочего класса перед буржуазией.

Оппортунистское политическое движение традиционно критикуется за недалекость и ограниченность идеологии, что выражается в стремлении добиться краткосрочных политических выгод и (или) сохранить их при игнорировании общей (реальной) цели. Все это, как правило, завершается долгосрочным провалом модели политического видения и действия.

В современной литературе оппортунизм в марксизме подразделяется на левый и правый. В рамках настоящего исследования мы рассмотрим феномен «левого оппортунизма», который еще в советский период очень точно описывался как «смесь ультрареволюционных теорий и авантюристических тактических установок, толкающих революционное рабочее движение на неоправданные действия и бессмысленные жертвы» [БСЭ, 1978: 435]. В качестве иллюстративного примера данного феномена в исторической ретроспективе является троцкизм, который, находясь в апогее своего развития, фактически представлял собой революционное движение, преследующее идею получения власти любой ценой. Его приверженцы верили в то, что революция есть наиболее логичный оптимум смены режима, а лидеры – группа людей, желающих стать новой аристократией, пришедшей на смену старой. Единственной целью движения была дискредитация складывающейся в СССР общественной системы в глазах международного левого движения.

Объектом настоящего исследования является общественная деятельность, направленная на получение политических влияния и власти; **предметом** – левый оппортунизм, как феномен достижения любой ценой политических влияния и власти. **Целью статьи** является изучение сложившихся идей и практики левого оппортунизма и их преемственность современным российским крайне левым движением, особенно на фоне событий на Украине. Достижение данной цели требует в первую очередь изучения сути и содержания феномена левого оппортунизма и специфики его преломления в современном обществе на примерах отношений левой оппозиции прошлого (Лев Троцкий и троцкисты) и настоящего (так называемых «новых левых») к украинскому вопросу.

Отношение Троцкого к Украине до высылки

Отношение Льва Троцкого к Украине, где он родился и вырос, достаточно противоречиво, однако не парадоксально. Если в ранние годы советской власти Троцкий приложил немало усилий, чтобы Украина была частью СССР, то в конце 1930-х гг. выступал за независимую советскую Украину. Изначально он выражал готовность предоставить ей больше прав, впоследствии, – наоборот, воздержался, когда поднимался вопрос расширения прав субъектов СССР.

В первые годы советской власти выделялись два базисных «уклона» в национальном вопросе, с которыми предполагалось бороться: один «уклон» – в сторону «великорусского шовинизма», другой – в сторону «буржуазно-демократического, туземного национализма».

В связи с долгосрочностью периода «русского великодержавного шовинизма», на что указывал сам Троцкий в своей статье «Воспитание молодежи и национальный вопрос», малые народы были подавлены великорусским народом. По этой причине для выстраивания равенства между всеми народами, а точнее между «малыми народами и великорусским народом», требовалось «подавлять наступательный шовинизм русских» и продвигать оборонительные национальные движения для пробуждения национальных чувств остальных народов [Троцкий, 1923].

Историки сходятся во мнении о том, что главной ошибкой Троцкого стало чрезмерное увлечение борьбой с «великодержавным русским шовинизмом» и толерантное отношение к, так называемому, туземному национализму. Последствия данной ошибки широко известны; более того, мы склонны полагать, что отголоски

улавливаются и по сей день, особенно в политических контекстах отношения к русскому национализму и национализму малых народов. Достаточно вспомнить взгляды на национальную политику в СССР Розы Люксембург. Незадолго до своей смерти она писала следующее: «Именно националистическое движение, оторвав [местный] пролетариат от России, парализовало его и выдало национальной буржуазии окраинных стран. ... большевики, напротив, громкой националистической фразеологией о «праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения» дали буржуазии всех окраинных стран самый желательный, самый блестящий предлог, прямо-таки знамя для ее контрреволюционных устремлений. ... Таким содействием национализму они [большевики] сами вызвали, подготовили распад России и этим вложили в руку собственных врагов нож, который те намеревались вонзить в сердце русской революции» [Люксембург, 1991: 119].

В 1918 году во время мирных переговоров в Бресте Троцкий от имени России признал самостоятельность делегации Украинской Народной Республики, иными словами ее право представлять Украину на этих переговорах. Это был первый «дар» Троцкого; как известно, признание суверенности государства Украина было весьма дискуссионным вопросом.

В период формирования СССР во время борьбы за власть между Троцким и Сталиным, первый свою позицию по вопросу расширения прав субъектов СССР не подвергал широкой огласке и не использовал в качестве инструмента борьбы против Сталина, бывшего четким и последовательным центристом в вопросе распределения власти между центром и регионами.

Важно указать на то, что Троцкий весьма позитивно оценивал перманентное давление Ленина на большевистскую партию по украинскому вопросу: «Большевистская партия не без труда, лишь постепенно, под непрерывным давлением Ленина усвоила себе правильное отношение к украинскому вопросу. Право на самоопределение, т.-е. на отделение, Ленин относил одинаково как к полякам, так и к украинцам. Аристократических наций он не признавал. Ко всякой склонности замалчивать и отодвигать проблему угнетенной национальности он относился, как к проявлению великорусского шовинизма» [Троцкий, 1939].

Вместе с тем, на наш взгляд, национальная политика большевиков во многом способствовала появлению «аристократических наций», что и стало «миной замедленного действия» для СССР.

В 1923 году, когда на XII съезде Российской коммунистической партии (большевиков) решался национальный вопрос, Троцкий выступал по поручению Ленина, однако его авторитетом для подтверждения полномочий советских республик не воспользовался. Троцкий не сделал необходимого акцента на соответствующие предложения, поскольку, как известно, Сталин пообещал учесть все замечания, пусть и формально. В последующем национальный вопрос не поднимался. С нашей точки зрения, данная ситуация была обусловлена тем, что Троцкий понимал прогностическую картину власти в стране и стремился сохранить свои полномочия в полном объеме.

Отношение Троцкого к Украине в эмиграции

В эмиграции позиция относительно Украины у Троцкого кардинально меняется. Отметим, что до изгнания из СССР он никогда не был сторонником идеи создания независимого украинского национального государства.

Однако, в политической борьбе с руководством Москвы на новом этапе изменил свои идеологические взгляды, взяв «на вооружение» левый оппортунизм. Располагая информацией, что на Украине планируется сопротивление сталинским действиям, он начал активно продвигать идею о создании «независимой советской социалистической Украины».

Заявляя о том, что «ему чужд священный трепет перед государственными границами», как писал сам Троцкий, он фактически вступал в противотечение самому себе, настаивая на необходимости установить новые государственные границы: «Но ведь независимость объединенной Украины означает отделение Советской Украины от СССР! – воскликнут хором «друзья» Кремля. – Что же здесь такого ужасного? – возразим мы, со своей стороны. Священный трепет перед государственными границами нам чужд. Мы не стоим на позиции «единой и неделимой». Ведь и конституция СССР признает право составляющих федерацию наций на самоопределение, т.-е. на отделение» [Троцкий, 1939].

Свою позицию Троцкий аргументировал тем, что Украина станет юго-западным «бастионом коммунизма», значительно более надежным, чем в составе СССР, и будет обеспечивать бОльшую безопасность от нацистской Германии (независимая Украина будет больше заботиться о себе и своей безопасности, чем СССР об Украине как своем субъекте). Очевидным расчетом было использовать Украину как средство для противодействия столь ненавистной Троцкому власти во главе со Сталиным.

Для достижения это цели Троцкий фактически пришел к сотрудничеству с нацистами. В конце 1935 года он встречался с Рудольфом Гессом. В обмен на обещание помощи в захвате власти в СССР Троцкий выразил готовность согласиться на территориальные уступки, развернуть во время войны активную диверсионную работу на военных предприятиях и на фронте, которая должна была проводиться в согласовании с германским Генштабом.

Однако, ожидаемых результатов в переговорах с нацистами Троцкий так и не добился, в связи с чем его взгляды по вопросу целостности СССР еще более ужесточились. Реакция на события сентября 1939 года была следующей: «Мы – за независимость советской Украины и, если сами белорусы этого хотят, советской Белоруссии» [Троцкий, 1939]. А в случае объявления войны нацистской Германией Советскому Союзу, Троцкий считал необходимым, несмотря на «сплочение против врага», вести «окопную революционную пропаганду против Сталина для его скорейшего свержения».

Уже 18 октября 1939 года Троцкий занимает еще более «радикальную» позицию в вопросе сохранения целостности СССР и заявляет следующее: «Но раз дело обстоит так, – заявляют некоторые товарищи, – уместно ли говорить о защите СССР и оккупированных областей? Не правильнее ли призвать рабочих и крестьян в обеих частях бывшей Польши восстать как против Гитлера, так и против Сталина?» [Троцкий, 1939]. В то же время бывшие его сторонники в СССР договорились о сотрудничестве с нацистами по следующим вопросам:

1. «гарантировать благоприятное отношение к германскому правительству и необходимое сотрудничество с ним в важнейших вопросах международного характера;
2. пойти на территориальные уступки;
3. разрешить немецким промышленникам через концессии или иным способом эксплуатировать советские предприятия, вырабатывающие необходимые

в качестве дополнения к немецкой экономике железную руду, марганец, нефть, золото, лес и т.д.;

4. создать в СССР благоприятные условия для деятельности немецких частных предприятий;
5. развивать в военное время широкомасштабный саботаж в советской оборонной промышленности и на фронте. Инструкции по этим мероприятиям должны были быть утверждены германским генеральным штабом» [Zacharoff, 1941: 96].

Заговорщики против Сталина были готовы уступить Японии Приморскую губернию и Амурскую область, а Германии – Украину.

В результате, на самых высоких постах в советском политическом аппарате, в армии и на флоте СССР, а также в его промышленности оказались единомышленники Троцкого, готовые сотрудничать с Германией.

Новые левые

Радикальный оппортунизм и психология приспособленчества по-прежнему выражают собой чрезвычайно рискованный инструмент борьбы за политическое влияние. После распада СССР они были успешно переняты; их идея (как потенциально активная сила) прочно укоренилась в сознании современных российских левых радикалов, выстроившись на безграничном популизме, фактически ведущему к разрушению устоявшихся общественных отношений. Так, еще до начала СВО в массовых источниках читались такие радикалистские послы, как «Украина – это не государство вообще», «это один из участков большого фронта против нас»; «все империалистические силы мира нацелены на уничтожение нашей страны, только оправившейся после 90-х годов»; «самая ожесточенная битва за наше будущее уже разразилась на Донбассе»; «мы должны немедленно вмешаться для защиты русского населения Донбасса, пока не стало слишком поздно» и проч.

Однако, практически сразу после начала СВО, большинство общественных и политических деятелей, независимо от географического присутствия, начали выступать с оппозиционными заявлениями, смысл которых заключается в том, что «Российская Федерация, будучи империалистической страной, развязала агрессивную войну и напала на Украину с целью захватить ее ресурсы». Безусловно, политической и социальной психологии известны случаи критического пересмотра мнений и позиций общественных групп или отдельных их представителей, с последующим признанием ошибки (заблуждения). Однако, для обоснования кардинально противоположного взгляда необходимо построение логической цепи доводов-фактов, объясняющих эволюцию взглядов индивида (группы, сообщества, лидера, нации). В отсутствие таковых, сценарий всегда одинаков; достаточно вспомнить 1917 и 1991 годы, когда многие действия диктовались лишь конъюнктурными соображениями и стремлением получить личную политическую выгоду.

Между троцкистами и новыми левыми

События на Украине (2014) и начало СВО в значительной мере способствовали появлению и укреплению такого рода оппортунистских подходов в сознании многих отечественных «популяризаторов марксизма», видящих себя борцами с империализмом, когда критика российского правительства за недостаточные действия резко сменилась критикой за их осуществление. По итогу, стало очевидно, что современные левые радикалы используют украинскую трагедию исключительно как средство нара-

щивания политического веса (преимущественно для обращения внимания западных неомарксистов и особенно радикально настроенной социальной когорты, в первую очередь университетской молодежи) в ущерб долгосрочным целям и интересам общества, о благополучии которого они столь сильно «заботятся», агрессивно доказывая свою приверженность троцкистской идеологии.

Одномоментная конъюнктурная выгода для новых «популяризаторов марксизма», как правило, значительно важнее данных целей, равно как колоссальных ресурсных затрат, направленных на трансформацию общественного строя в интересах страны. Полагаем, этим вполне объясняется готовность жертвовать объективной реальностью и логикой, оперировать нередко противоречивыми и коллизионными теоретическими суждениями, положениями и выводами. Более того, по аналогии инициированной большевиками накануне Первой Мировой войны пропаганды, а в последующем позиции Льва Троцкого перед началом Второй Мировой войны, современные левые оппортунисты убеждены в следующем: поскольку страна погрузилась в «империалистическую войну», не столь важно, кто станет победителем, – конечное благо в любом случае будет принадлежать «врагам трудящихся». Поэтому поддерживать «наше империалистическое правительство» бессмысленно, а поражение в конфликте задаст революционное начало, в результате которого Россия вернется на социалистические рельсы развития.

Становится очевидным тот факт, что такого рода убеждения фактически беспочвенны; в действующем противостоянии [«на поле боя»] отсутствуют какие-либо силы, которые позволили бы современным левым радикалам реализовать на практике заявленные ими цели.

Выводы

Как представляется, успех реализации оппортунистического подхода, принятого современными левыми в качестве актива влияния, приведет к деkonsolidации общества, росту пораженческих и сепаратистских настроений в стране. Аргументом в пользу данного тезиса является положение опубликованных в открытом доступе соответствующих «планов»; в сознании оппозиции российские природные ресурсы уже давно поделены, а будущее российского народа, даже если оно не вполне будет согласовываться с результатами Операции «Дропшот», априори размыто. В стремлении современных левых оппортунистов развернуть борьбу за подрыв и свержение власти очевидным образом просматриваются параллели с целями троцкистов накануне Второй Мировой войны «победить «деформированное рабочее государство» и реставрировать в СССР «правильный социалистический строй» с помощью нацистской Германии. В обоих случаях, на наш взгляд, политический примитивизм и полная оторванность от реальной ситуации в стране и мире достигают максимума.

С учётом сказанного выше взгляд на СВО как на «империалистическую войну», выгодную украинским олигархам, их патронам на Западе и российскому крупному бизнесу, в чём нас пытаются убедить наши «новые левые», позволяет нам говорить и о «детской левизне» этих политиков, и о том, как «страшно далеки они от народа», и как близко приблизились к статьям Уголовного кодекса. С нашей точки зрения, данная позиция исключительно далека от «народной идеи» и не может рассматриваться как мотив идеологического начала. Состояние общества, когда несмотря на беспрецедентную информационную войну, 70% населения страны осознают истинное назначение СВО и готово поддерживать реше-

ния, принимаемые руководством, в очередной раз более чем отчетливо проявилось во время событий 24 июня 2023 года. Из этого следует, что идеология «неотроцкистов» несостоятельна и не будет иметь ожидаемого отклика в социуме. Вместе с тем, контролировать данные процессы, особенно учитывая агрессивный рост во все мире и особенно в США, неотроцкистских настроений, является одной из ключевых задач управляющего сообщества.

Литература

1. Большая советская энциклопедия, третье издание (1969–1978), государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия»
2. Воронин С. А. «План Марбург» и троцкизм как инструменты внедрения интернационального либерализма в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2015. – Выпуск № 3 С. 7–17.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, Т. 14, издательство политической литературы «МОСКВА», 1972, «Русский радикал задним умом крепок!», стр. 32–36
4. Люксембург Р., О социализме и русской революции: избранные статьи, речи, письма: [перевод с немецкого] / [сост. и авт. предисл. Я.С. Дабкин]. – Москва: Политиздат, 1991. – 398, [1] с., [1] л. портр.; 22 см. – (Библиотека социальной мысли); ISBN 5-250-00983-2, с. 119–120
5. Троцкий Л. Д. «Воспитание молодёжи и национальный вопрос», «Правда» № 95, 1 мая 1923 г.
6. Троцкий Л. Д. «Об украинском вопросе», Бюллетень оппозиции (большеви́ков-ленинцев) № 77–78, май-июнь-июль 1939
7. Троцкий Л. Д. «Независимость Украины и сектантская путаница», Бюллетень оппозиции (большеви́ков-ленинцев) № 79–80, август-сентябрь-октябрь 1939
8. Троцкий Л. Д. «Демократические крепостники и независимость Украины», Бюллетень оппозиции (большеви́ков-ленинцев) № 79–80, август-сентябрь-октябрь 1939
9. Троцкий Л. Д. «СССР в войне», Бюллетень оппозиции (большеви́ков-ленинцев) № 79–80, сентябрь 1939
10. Троцкий Л. Д. «Еще и еще раз о природе СССР», Бюллетень оппозиции (большеви́ков-ленинцев) № 81, октябрь 1939
11. Троцкий Л. Д. «Еще и еще раз о природе СССР», Бюллетень оппозиции (большеви́ков-ленинцев) № 81, январь 1940
12. Шепелёв М. А. «Троцкизм и украинский вопрос» Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, Философия. Политология. Культурология. Том 2(68). 2016. № 1. С. 46–58.
13. Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г.И. «Лев Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917–1923 гг.», Электронная библиотека RoyalLib.com
14. Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И., «Лев Троцкий. Книга четвертая. Враг № 1. 1929–1940 гг.», Электронная библиотека RoyalLib.com
15. Kennedy, John F. «Profiles in Courage» Memorial Edition Special foreword by Robert F. Kennedy, Harper & Row, Publishers, New York
16. Oliver E. Williamson, «Opportunism and its critics», in: Managerial and decision economics, Vol. 14, 1993

17. Zacharoff Lucien. «" We made a mistake" – Hitler. Russia's surprising defense against Germany», GROSSET & DUNLAP Publishers, New York, By arrangement with D. Appleton-Century Co., 1941

THE ATTITUDE OF THE TROTSKYISTS AND THE NEW LEFTISTS TO THE EVENTS IN UKRAINE

Bogin S.V.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article is devoted to the study of the phenomenon of left-wing opportunism as a way to achieve set political goals at the cost of abandoning morality and political principles.

The relevance of the work is related to the fact that it is increasingly necessary to observe how in the Russian Federation the so-called "new left" seek to strengthen their own political influence on the basis of openly populist slogans, deliberately ignoring any creative activity in the interests of the country and society.

The purpose of the study is to identify analogies in the approaches of modern left-wing radicals to the events in Ukraine with the theoretical thematic views of L. Trotsky at the beginning of the XX century. It is noted that at the initial stages of the development of Soviet power, L. Trotsky advocated the annexation of Ukraine to the USSR, whereas after his expulsion he began to advocate the independence of Ukraine.

Nowadays, after the events of 2014 in Ukraine, Russian left-wing radicals called for the protection of the Russian population in the Donbas. But with the beginning of a special military operation of the Armed Forces of the Russian Federation in Ukraine (hereinafter referred to as SVO), representatives of this political cohort began to accuse Russia of aggression against Ukraine. Despite the fact that such a revision of positions requires a logical chain of arguments, the new "popularizers of Marxism" prefer instant benefit to long-term goals. The lack of logical chains causes historical parallels between 1917 and 1991, when the actions of a part of the elite were dictated by the conjuncture and personal political gain, even to the detriment of state development.

Such opportunism and the psychology of adaptability can have a destructive effect on society, especially during a period of high conflict-causing turbulence. The position of the left-wing opportunists regarding the significance of the outcome of the situation in Ukraine is such (in fact, it does not matter) that regardless of who becomes the winner, the ultimate good will in any case belong to the "enemies of the workers." The article suggests that if the goals of the opportunistic approach are achieved, society will be deconsolidated and separatist sentiments will increase. According to the author, the mission of left opportunism in general, as well as the Trotskyists before World War II, is to overthrow the government.

Keywords: left opportunism, Trotskyism, USSR, new left, Ukraine, Russian Federation.

References

1. The Great Soviet Encyclopedia, third edition (1969–1978), the state scientific publishing house "The Great Soviet Encyclopedia"
2. Voronin S. A. "The Marburg Plan" and Trotskyism as tools for the introduction of international liberalism in Russia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Universal History. – 2015. – Issue No.3 С. 7–17.
3. Lenin V.I. Complete works, Vol. 14, publishing house of political literature "MOSCOW", 1972, "The Russian radical is strong in hindsight!", pp. 32–36
4. Luxemburg R., On Socialism and the Russian Revolution: selected articles, speeches, letters: [translated from German] / [comp. and author's preface by Ya.S. Drabkin]. – Moscow: Politizdat, 1991. – 398, [1] p., [1] l. portr.; 22 cm. – (Library of Social Thought); ISBN 5-250-00983-2, pp. 119–120
5. Trotsky L. D. "Education of youth and the national question", Pravda No. 95, May 1, 1923.
6. Trotsky L. D. "On the Ukrainian question", Bulletin of the Opposition (Bolshevik-Leninists) No. 77–78, May-June-July 1939
7. Trotsky L. D. "Independence of Ukraine and sectarian confusion", Bulletin of the Opposition (Bolshevik-Leninists) No. 79–80, August-September-October 1939

8. Trotsky L. D. "Democratic serfs and independence of Ukraine", Bulletin of the opposition (Bolshevik-Leninists) No. 79–80, August-September-October 1939
9. Trotsky L. D. "USSR at war", Bulletin of the opposition (Bolshevik-Leninists) No. 79–80, September 1939
10. Trotsky L. D. "More and once again about the nature of the USSR", Bulletin of the Opposition (Bolshevik-Leninists) No. 81, October 1939
11. Trotsky L. D. "Again and again about the nature of the USSR", Bulletin of the Opposition (Bolshevik-Leninists) No. 81, January 1940
12. Shepelev M. A. "Trotskyism and the Ukrainian question" Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Philosophy. Political science. Cultural studies. Tom 2(68). 2016. № 1. Pp. 46–58.
13. Felshtinsky Yu. G., Chernyavsky G.I. "Lev Trotsky. Book two. The Bolshevik. 1917–1923", Electronic Library RoyalLib.com
14. Felshtinsky Yu.G., Chernyavsky G.I., "Leon Trotsky. The fourth book. Enemy No. 1. 1929–1940", Electronic Library RoyalLib.com
15. Kennedy, John F. «Profiles in Courage» Memorial Edition Special foreword by Robert F. Kennedy, Harper & Row, Publishers, New York
16. Oliver E. Williamson, "Opportunism and its critics", in: Managerial and decision economics, Vol. 14, 1993
17. Zacharoff Lucien. «" We made a mistake" – Hitler. Russia's surprising defense against Germany», GROSSET & DUNLAP Publishers, New York, By arrangement with D. Appleton-Century Co., 1941

Диаките Мусса,

аспирант, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

E-mail: mouzdiack@gmail.com

Борьба с детским трудом рассматривается как ключевой элемент обеспечения прав человека, социального развития и экономической справедливости в стране.

Данная статья посвящена критически важной теме – проблеме детского труда в Республике Гвинея и мерам, предпринимаемым государством и международными организациями для её решения.

В данном исследовании детский труд рассматривается не изолированно, а как сложное социально-экономическое явление, тесно связанное с бедностью, дефицитом образования и слабостью институтов. Республика Гвинея – страна с богатой культурой, но с серьёзными социальными трудностями. Дети в возрасте от 5 до 17 лет зачастую вовлечены в тяжёлые формы труда – в сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых, на рынках. И это не просто нарушение прав, это – фактор, тормозящий развитие страны.

В статье выделяется три уровня анализа: нормативный (законодательные инициативы и международные обязательства Гвинеи), институциональный (роль министерств, школ, НПО) и социокультурный (восприятие детского труда в обществе).

Ключевые слова: детский труд, Республика Гвинея, социальная политика, права ребенка, бедность, образование, трудовое законодательство, международное сотрудничество, социальная справедливость, защита детей.

Введение

Основу государственной политики в сфере борьбы с детским трудом составляют как международные обязательства, ратифицированные государством, так и внутренние нормативные акты, направленные на защиту прав ребёнка. Важнейшим международным документом, имеющим юридическую силу в стране, выступает Конвенция № 138 Международной организации труда, устанавливающая минимальный возраст для допуска к трудовой деятельности, а также Конвенция № 182, касающаяся наихудших форм детского труда. Следует отметить, что Республика Гвинея не только ратифицировала указанные документы, но и включила положения данных конвенций в национальное законодательство. Трудовой кодекс Гвинеи содержит специальные статьи, регламентирующие возрастной ценз, условия труда несовершеннолетних, а также устанавливает санкции за нарушение этих норм[11].

Несмотря на наличие формальной правовой базы, актуальной остаётся проблема правоприменения, поскольку многие регионы страны страдают от нехватки кадров, отсутствия мониторинга и недостаточного финансирования контрольных органов.

Данная статья направлена на предоставление критического анализа существующих усилий, подчеркивая успехи и выявляя пробелы, требующие внимания.

Методика

Цель статьи заключается в критическом анализе состояния и эффективности мер по борьбе с детским трудом в Республике Гвинея, с учётом как международных обязательств, так и национальных программ. Авторами ставятся следующие исследовательские задачи:

1. Определение уровня нормативно-правового регулирования детского труда в Республике Гвинея, включая степень имплементации международных стандартов в национальное законодательство.
2. Выявление масштабов распространения детского труда в стране, с учётом региональных различий, возрастных и гендерных характеристик.
3. Анализ социально-экономических факторов, способствующих вовлечению детей в трудовую деятельность, включая бедность, уровень образования и доступ к социальной поддержке.
4. Оценка эффективности реализуемых государственных и неправительственных программ, направленных на предупреждение и ликвидацию детского труда.
- Анализ документов – изучение нормативно-правовой базы Гвинеи, международных конвенций, государственных программ, отчетов международных и неправительственных организаций: МОТ, ЮНИСЕФ и Всемирный банк.
- Сравнительный анализ – исследование опыта других стран, успешно реализующих меры по борьбе с детским трудом, с целью выявления подходящих для адаптации стратегий.
- Статистический анализ – сбор и обработка данных о масштабах детского труда, возрастных и гендерных характеристиках работающих детей, а также о видах деятельности, в которых они задействованы.

- Качественный анализ – изучение социальных и экономических причин детского труда через наблюдение и анализ кейсов.

Результаты

В рамках национальной политики приняты законы, запрещающие эксплуатацию детей, а также созданы механизмы контроля за их соблюдением. Совместно с международными организациями, такими как МОТ и ЮНИСЕФ, проводятся образовательные кампании, направленные на повышение осведомленности о вреде детского труда. Разрабатываются программы, обеспечивающие доступ к бесплатному образованию и профессиональной подготовке для детей и молодежи. Неправительственные организации активно работают с семьями, предоставляя им материальную поддержку и альтернативные источники дохода[12].

Также были реализованы пилотные проекты по предоставлению микрокредитов родителям, что способствует снижению экономической зависимости от детского труда. В ряде регионов страны введены школьные обеды, что повысило посещаемость начальных школ и снизило мотивацию к раннему вовлечению детей в работу. Усилено взаимодействие между органами образования, труда и социальной защиты для обеспечения межведомственной координации действий. Запущены мобильные группы инспекторов труда, осуществляющих выездные проверки в удаленные районы с высоким уровнем детской занятости. Отмечается положительная динамика в части увеличения охвата детей начальными образовательными программами, особенно среди девочек. В то же время сохраняются серьезные вызовы, связанные с неформальным сектором экономики, где контроль за условиями труда практически отсутствует. Существенным барьером остаётся и нехватка квалифицированных педагогов в сельской местности, что снижает привлекательность формального образования. В результате, несмотря на достигнутый прогресс, проблема детского труда в Гвинее требует системных усилий и устойчивого международного партнёрства[13].

Обсуждение

В июне 2018 г. Международная организация труда (МОТ) отметила Всемирный день борьбы с детским трудом одновременно со Всемирным днем безопасности и гигиены труда, чтобы признать глобальную необходимость улучшить условия труда подростков и положить конец детскому труду. Общая кампания направлена на достижение двух основных целей – обеспечить безопасную и надежную рабочую среду и положить конец всем формам детского труда. Серьезность и масштаб проблемы подтверждают и данные Международной организации труда, которые показывают, что около 218 млн работают дети по всему миру в возрасте от 5 до 17 лет. 152 миллиона из них являются жертвами детского труда и почти половина выполняют работу, опасную и вредную для их физического, умственного и эмоционального развития. Большая часть работающих детей задействована в наихудших формах детского труда: торговле людьми, сексуальной эксплуатации и других.

Основным международно-правовым актом, защищающим детей от вовлечения в различные формы детского труда, является Конвенция о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда, принятая МОТ в 1999 году. Документ привлекает внимание всего мира к эксплуатации детского труда,

к необходимости принятия адекватных мер по его искоренению и, таким образом, играет важную роль в попытках защитить детей в целом. Без сомнения, Конвенция приводит к огромным изменениям в общем отношении к детскому труду в мире – по крайней мере, с точки зрения законодательства. Тот факт, что м. ноябрь 2018 г. его ратифицировали 182 страны, из которых 187 являются государствами-членами МОТ[7].

На данный момент Конвенция в последний раз была подписана Островами Кука 15 августа 2018 года. 12 июня 2009 года, в десятую годовщину принятия Конвенции № 182, Международная организация труда посвятила Всемирный день борьбы с детским трудом специально всем девочкам во всем мире под девизом «Дайте девочкам шанс: покончить с детским трудом». Справедливо предполагается, что труд девочек остается скрытым от общества, поскольку в большинстве случаев они занимаются домашней работой. Кроме того, девочки подвергаются большему риску и дополнительной нагрузке. Экономический и финансовый кризис, в котором оказался мир, является основной причиной роста бедности среди людей, а в обществах, где образование мальчиков более ценится, девочек соответственно забирают из школ и вовлекают в тяжелые формы детского детства. труд, дискриминация и изоляция.

Полностью соответствуя современной мировой ситуации, Конвенция № 182 признала, что «детский труд во многом является следствием бедности и что долгосрочное решение заключается в устойчивом экономическом росте, ведущем к социальному прогрессу, и, в частности, сокращению бедности и всеобщему образованию» [2].

Детский труд является постоянной и глубоко укоренившейся проблемой в Гвинее, где дети заняты различными видами труда, включая те, которые ставят под угрозу их здоровье, безопасность и развитие. Значительное количество детей занято в сельском хозяйстве, часто выполняя физически сложные задачи, которые подвергают их воздействию опасных условий.

Реализация политики по борьбе с детским трудом в Республике Гвинея возложена на ряд ключевых государственных структур, каждая из которых осуществляет действия в рамках своей компетенции, при этом тесно взаимодействуя с другими ведомствами. Основным координирующим органом выступает Министерство труда, в чьи полномочия входит разработка нормативной базы, проведение инспекций и контроль за условиями труда несовершеннолетних. Наряду с этим, Министерство по делам женщин, детей и социальной защиты играет важную роль в разработке социальных программ и профилактических мероприятий, направленных на предупреждение вовлечения детей в трудовую деятельность[5].

В Республике Гвинея разработан и принят ряд программных документов, целью которых является снижение масштабов детского труда через комплексное воздействие на его причины. Центральным документом в этом направлении выступает Национальная стратегия по ликвидации наихудших форм детского труда, рассчитанная на пятилетний период, в которой обозначены ключевые приоритеты, механизмы реализации и индикаторы эффективности[6]. Стратегия предусматривает как правовые, так и институциональные меры, охватывающие сферы образования, здравоохранения, социальной защиты и трудовых отношений. В рамках реализации стратегии запущены пилотные проекты в наиболее уязвимых регионах, где отмечается высокая концентрация детского труда[8] (табл. 1).

Таблица 1. Обзор детского труда по секторам и видам деятельности в Гвинее

Сектор/Индустрия	Деятельность
Сельское хозяйство	Работа на фермах, расчистка земли, переноска тяжестей в производстве кешью, какао, кофе; сбор леса, арахиса, кокосов, хлопка; выпас скота; ловля и обработка рыбы.
Промышленность	Добыча песка и работа на рудниках (золото, алмазы); неизвестные производственные работы; строительство, включая производство цемента и переноска материалов.
Услуги	Уличная торговля (продавцы, нищие, мелкие торговцы, чистильщики обуви, грузчики); работа в ресторанах, неформальных хозяйствах, в качестве официантов.
Категории наихудших форм детского труда	Принудительный труд (в торговле, домашнем хозяйстве, добыче полезных ископаемых, рыболовстве, сельском хозяйстве); коммерческая сексуальная эксплуатация; принудительное попрошайничество у коранических учителей.

Культурные обычаи, такие как отправка детей к учителям Корана или передача их родственникам в рамках системы конфиажа, усугубляют проблему. Хотя эти традиции направлены на обеспечение образования или улучшение условий жизни, они часто приводят к тому, что детей используют для домашнего труда или подвергают насилию. Многие дети, находящиеся в соглашениях о конфиаже, становятся неоплачиваемыми работниками, лишёнными образования и основных прав[14] (табл. 2, 3).

Таблица 2. Ратификация международных конвенций о детском труде

Конвенция	Статус ратификации
Конвенция МОТ № 138 о минимальном возрасте	Ратифицирована
Конвенция МОТ № 182 о наихудших формах детского труда	Ратифицирована
Конвенция ООН о правах ребенка (UN CRC)	Ратифицирована
Факультативный протокол к Конвенции ООН о правах ребенка о вовлечении детей в вооруженные конфликты	Ратифицирована
Факультативный протокол к Конвенции ООН о правах ребенка о продаже детей, детской проституции и детской порнографии	Ратифицирована
Палермский протокол о борьбе с торговлей людьми	Ратифицирована

Таблица 3. Усилия по обеспечению соблюдения трудового законодательства, связанного с детским трудом

Показатель	2015	2023
Финансирование инспекции труда	Неизвестно	Неизвестно
Количество инспекторов труда	53	53
Полномочия инспекции по наложению штрафов	Нет	Нет
Обучение инспекторов труда	Нет	Нет
Количество инспекций труда	0	0
Нарушения, выявленные в области детского труда	0	0
Применённые штрафы	Нет	Нет
Возможность проведения внезапных проверок	Неизвестно	Неизвестно
Жалобный механизм	Неизвестно	Да
Сотрудничество между органами труда и социальными службами	Неизвестно	Нет

Хотя Конституция Гвинеи гарантирует бесплатное и обязательное начальное образование, это требование плохо соблюдается. Многочисленные барьеры затрудняют доступ детей к образованию, например: неадекватную школьную инфраструктуру, высокие расходы, связанные с оплатой обучения, школьной формой и принадлежностями, а также хроническую нехватку квалифицированных учителей[9].

Гвинейские законы о детском труде, хотя и существуют, по-прежнему не соответствуют международным стандартам. Правовая база включает запреты на выполнение детьми работ, вредных для их физического или морального здоровья, но она несовершенно в критических областях. Например, опасная работа в сельском хозяйстве, где дети подвергаются воздействию опасного оборудования и токсичных веществ, прямо не запрещена. Хотя был разработан подробный список опасных видов деятельности, он не был окончательно утвержден в отчетный период. Аналогичным образом, хотя детям до 18 лет якобы запрещено работать в шахтах и карьерах, лазейки в законе позволяют лицам в возрасте от 16 до 18 лет работать в этих отраслях в качестве помощников, что фактически позволяет им заниматься опасной деятельностью.

Минимальный возраст для легкой работы в Гвинее установлен в пределах от 12 до 14 лет, но закон не определяет допустимое количество рабочих часов или условия, при которых такая работа может выполняться, оставляя детей без защиты в соответствии с международными трудовыми стандартами. Более того, закон не распространяет защиту на детей, занятых неоплачиваемой или неформальной работой, которая составляет значительную часть детского труда в Гвинее. Закон о борьбе с торговлей людьми, разработанный в 2012 году при поддержке Программы развития Организации Объединенных Наций, еще не доработан и не утвержден, что создает критический пробел в усилиях страны по борьбе с торговлей детьми[16].

Сотрудничество между Республикой Гвинея и международными структурами в сфере борьбы с детским трудом можно охарактеризовать как достаточно активное, однако неоднородное по масштабам и устойчивости. Основными партнёрами государства выступают Международная организация труда, Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Всемирный банк и ряд специализированных неправительственных структур, обладающих соответствующим мандатом. Данные организации предоставляют как техническую, так и финансовую помощь, реализуют совместные проекты, проводят обучение национальных специалистов и обеспечивают методологическое сопровождение[10] (табл. 4, 5).

Основные причины детского труда в Гвинее заключаются в сложном переплетении социальных, экономических и культурных факторов, которые усиливают друг друга и создают порочный круг. Бедность остается клю-

чевым фактором: многие семьи просто не могут обеспечить себе прожиточный минимум без участия детей в трудовой деятельности. Когда взрослые члены семьи сталкиваются с безработицей, низкой оплатой труда или нестабильностью занятости, они вынуждены привлекать детей к работе, чтобы хоть как-то пополнить семейный

бюджет. Ограниченный доступ к качественному образованию также играет важную роль, поскольку отсутствие школ в шаговой доступности, нехватка учителей и плохое состояние образовательной инфраструктуры делают школу малопривлекательной или недоступной альтернативой для детей[17].

Таблица 4. Политики, связанные с детским трудом (актуализировано на 2021–2023 годы)

Политика	Описание
A World Fit for Children (2002-2015)	Завершена в 2015 году. Основные задачи включали повышение доступа детей к качественному образованию, защиту от эксплуатации и насилия, а также борьбу с ВИЧ/СПИД.
Программа сектора образования (2021-2023)	Фокусируется на улучшении качества образования, обеспечении доступа к школам, особенно для девочек, и предоставлении социальной защиты детям. Реализуется МОНО и ЮНИСЕФ.
Национальный план действий против торговли людьми (2021-2025)	Сосредоточен на борьбе с торговлей людьми, включая детей, с акцентом на межгосударственное сотрудничество и профилактические меры.
Стратегия сокращения бедности (PRSP, 2021-2025)	Обеспечивает доступ к качественному образованию, продовольственной безопасности, занятости молодежи и защите уязвимых групп населения, включая женщин и детей.

Таблица 5. Социальные программы по борьбе с детским трудом (актуализировано на 2021–2023 годы) [15]

Программа	Описание
Программа Plan Guinea-Conakry	Изменяет отношение и поведение в обществе в сторону уважения прав детей. Укрепляет возможности обеспечения образования, выживания и защиты детей.
Программа Всемирной продовольственной программы (2021-2025)	Продвигает школьное образование, особенно для девочек, через предоставление питания в школах. Нацелена на помощь 500 000 детей.
Центры реинтеграции детей (2021-2023)	Государственная инициатива по поддержке уязвимых детей, включая жертв торговли людьми, через предоставление социальных и образовательных услуг.
Национальная программа по ликвидации худших форм детского труда (2021-2025)	Концентрируется на предотвращении вовлечения детей в опасные виды труда, особенно в сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых и уличной торговле.

Правительство Гвинеи на протяжении последних лет приняло ряд мер, направленных на снижение уровня детского труда, стараясь интегрировать усилия на национальном и международном уровнях. Были ратифицированы ключевые международные конвенции, включая Конвенцию Международной организации труда № 138 о минимальном возрасте для приема на работу и № 182 о запрещении наихудших форм детского труда. В стране создана национальная стратегия борьбы с детским трудом, предусматривающая меры по улучшению образовательных услуг, повышению информированности населения, а также ужесточению контроля за соблюдением законодательства. Важным шагом стало учреждение специализированных комиссий, задачей которых является координация усилий между различными министерствами, гражданским обществом и международными партнерами. Тем не менее, несмотря на все эти инициативы, эффективность их остается ограниченной по ряду причин. Основная проблема заключается в нехватке ресурсов: программы часто недофинансированы, что сказывается на их масштабах и устойчивости[18].

Международные организации и неправительственные организации играют важнейшую роль в усилиях по ликвидации детского труда в Гвинее, зачастую восполняя те пробелы, которые остаются в национальной политике. Их участие выражается не только в финансовой поддержке программ, но и в предоставлении экс-

пертных знаний, разработке стратегий, обучении кадров и внедрении лучших практик[4]. Например, Международная организация труда активно сотрудничает с правительством Гвинеи, помогая разрабатывать законодательные рамки и создавать национальные планы действий, а также проводить образовательные кампании среди населения. Неправительственные организации на местах реализуют проекты, направленные на обеспечение детей альтернативами труду – будь то возвращение в школу, профессиональное обучение или психологическая поддержка. Они часто работают напрямую с сообществами, помогая изменить отношение родителей к детскому труду, показывая долгосрочные преимущества образования и инвестиции в будущее ребенка.

Продолжение широкого распространения детского труда в Гвинее даже при наличии законодательства и программ объясняется комплексом структурных, институциональных и культурных факторов, которые создают устойчивую среду для эксплуатации детского труда. Прежде всего, многие законы остаются декларативными, так как система контроля их исполнения крайне слабо развита: количество инспекторов труда невелико, их полномочия ограничены, а доступ к удаленным регионам затруднен. Это приводит к тому, что даже явные случаи эксплуатации остаются безнаказанными. Существенным препятствием является и низкий уровень правовой грамотности населения: многие родители и рабо-

тодатели просто не осведомлены о существующих нормах и запретах[3]. Экономическая необходимость также вынуждает семьи нарушать закон, поскольку доходы родителей слишком малы, чтобы позволить детям не работать. Культурные установки дополнительно подкрепляют эту ситуацию: труд детей воспринимается как часть их социализации, особенно в сельских сообществах, где традиции предписывают детям помогать по хозяйству или на полях с раннего возраста. Школы, которые могли бы стать альтернативой труду, часто недоступны из-за удаленности, отсутствия транспорта, низкого качества обучения или скрытых расходов[1].

Образование рассматривается в Республике Гвинея как фундаментальная альтернатива детскому труду, а его доступность и качество признаны ключевыми инструментами в борьбе с эксплуатацией несовершеннолетних. Министерство образования совместно с международными партнерами и неправительственными организациями реализует программы по расширению охвата начальным и средним образованием, включая строительство школ в отдаленных и сельских районах.

Система мониторинга и оценки (M&E), применяемая в рамках политики по борьбе с детским трудом, формально существует, однако её эффективность напрямую зависит от институционального потенциала задействованных структур. Основные функции по сбору и анализу данных возложены на Министерство труда, которое координирует работу региональных инспекций и взаимодействует с национальной службой статистики.

Для устойчивого искоренения детского труда в Республике Гвинея необходим комплекс стратегических решений, охватывающих не только правовую сферу, но и социальные, образовательные, экономические и культурные аспекты.

Заключение

Правовая база – это, конечно, фундамент, но без комплексного охвата других сфер результат будет краткосрочным и нестабильным.

Но целесообразно предложить следующие стратегические решения.

Прежде всего – реформирование системы образования. Важно не только обеспечить доступ к школе, но и повысить её качество, адаптировать учебные программы под потребности местных сообществ и экономических реалий. Когда дети видят ценность образования, а родители ощущают, что школа – это шанс на лучший доход в будущем, мотивация меняется. Бесплатное питание, школьная форма, обеспечение транспортом – всё это снижает барьеры для вовлечения в обучение.

Второй приоритет – борьба с бедностью через экономическое укрепление семей. Программы условной денежной помощи (conditional cash transfers), микрокредитование для женщин, занятость для родителей – это инструменты, которые снижают потребность в детском труде. То есть не запретами, а возможностями.

Далее – культурная трансформация через просвещение. В некоторых регионах детский труд воспринимается как социальная норма или даже как форма социализации. Следует вести диалог с лидерами сообществ, религиозными авторитетами, использовать радио, театрализованные формы, чтобы изменить представление о детстве, труде и образовании.

Литература

1. ILO-IPEC. Rapport de l'Enquête nationale sur le travail et la traite des enfants en Guinée de 2022. Technical

Report. Guinea, 2023. URL: <http://www.ilo.org/ipeinfo/product/viewProduct.do?productId=21016> (дата обращения: 20.05.2025).

2. International Confederation of Free Trade Unions. Internationally Recognized Core Labour Standards in Mauritania and Guinea: Report for the WTO General Council Review. Geneva, 2023. URL: <http://www.ilo.org/public/libdoc/igo/2011/466485.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
3. U.S. Department of State. Guinea // Country Reports on Human Rights Practices – 2023. Washington, DC, 2023. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/236578.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
4. UN Committee on the Rights of the Child. Concluding observations on the second periodic report of Guinea, adopted by the Committee at its sixty-second session (14 January – 1 February 2023). Geneva, 2023. Report No. CRC/C/GIN/CO/2. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/crc/docs/co/CRC_C_GIN_CO_2.doc (дата обращения: 20.05.2025).
5. ILO Committee of Experts. Individual Direct Request concerning Worst Forms of Child Labour Convention, 1999 (No. 182), Guinea (ratification: 2003). Published: 2013. URL: <http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:11003:0::NO::> (дата обращения: 20.05.2025).
6. U.S. Department of State. Guinea // Trafficking in Persons Report – 2015. Washington, DC, 2015. URL: <http://www.state.gov/j/tip/rls/tiprpt/2015/index.htm> (дата обращения: 20.05.2025).
7. UNESCO Institute for Statistics. Gross intake ratio to the last grade of primary.Total. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (дата обращения: 16.12.2024).
8. UCW. Analysis of Child Economic Activity and School Attendance Statistics from National Household or Child Labor Surveys. Original data from Demographic and Health Survey, 2022.
9. Thorsen D. Children Working in Commercial Agriculture: Evidence from West and Central Africa. Dakar: UNICEF West and Central Africa, 2022. URL: http://www.unicef.org/wcaro/english/documents_publications_6923.html (дата обращения: 20.05.2025).
10. ILO Committee of Experts. Individual Direct Request concerning Minimum Age Convention, 1973 (No. 138), Guinea (ratification: 2003). Submitted: 2011. URL: <http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:11003:0::NO::> (дата обращения: 18.03.2025).
11. UNICEF. Analyse de Situation des Enfants en Guinée. 2023. URL: https://www.ecoi.net/file_upload/90_1439291236_unicef-child-notice-guinea-201506.pdf (дата обращения: 20.05.2025).
12. Government of Guinea. Conditions de travail des salariés âgés de moins de 18 ans: Arrêté n°2791/MTASE/DNTLS/96, enacted April 22, 1996. URL: <http://www.droitafrrique.com/images/textes/Guinee/Guinee%20-%20Travail%20des%20mineurs.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
13. U.S. Embassy – Conakry official. E-mail communication to USDOL official. 15 April 2022.
14. UN Committee on the Rights of the Child. Summary record of the 1764th meeting: Consideration of Reports Submitted by States Parties Under Article 44 of the Convention. Geneva, 2023. Report No. CRC/C/SR1764. URL: <http://tb.ohchr.org/default.aspx?country=gn> (дата обращения: 20.05.2025).
15. ILO Committee of Experts. Individual Direct Request concerning Minimum Age Convention, 1973 (No. 138), Guinea (ratification: 2003). Published: 2022. URL: <http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:13100:0::>

NO:13100: P13100_COMMENT_ID:3075871 (дата обращения: 26.01.2025).

16. IMF; World Bank. Guinea: Poverty Reduction Strategy Paper 2018–2022. Washington, DC, 2023. URL: http://planipolis.iiep.unesco.org/upload/Guinea/Guinea_PRSP_2023.pdf (дата обращения: 20.05.2025).
17. World Food Programme. Country Programme – Guinea (2013–2017). Washington, DC, 2013. URL: <http://www.wfp.org/content/country-programme-guinea-2013%E2%80%932017> (дата обращения: 20.05.2025).
18. World Food Programme. School Feeding Programmes in Guinea. Washington, DC, 2014. URL: <https://www.wfp.org/content/school-feeding-programmes-guinea> (дата обращения: 20.05.2025).

POLICY AND INITIATIVES TO COMBAT CHILD LABOR IN THE REPUBLIC OF GUINEA

Moussa Diakité

Russian State Social University

Combating child labor is considered a key element in ensuring human rights, social development, and economic justice in the country. This article is devoted to a critically important topic – the issue of child labor in the Republic of Guinea and the measures taken by the government and international organizations to address it.

In this study, child labor is examined not in isolation, but as a complex socio-economic phenomenon closely related to poverty, lack of education, and institutional weaknesses. The Republic of Guinea is a country with a rich cultural heritage but faces serious social challenges. Children aged 5 to 17 are often involved in the worst forms of labor – in agriculture, mining, and market activities. This is not only a violation of rights but also a factor hindering the country's development.

The article highlights three levels of analysis: normative (legislative initiatives and Guinea's international commitments), institutional (the role of ministries, schools, NGOs), and socio-cultural (perceptions of child labor in society).

Keywords: child labor, Republic of Guinea, social policy, children's rights, poverty, education, labor legislation, international cooperation, social justice, child protection.

Keywords: Diakite Moussa. Policy and initiatives to combat child labor in the Republic of Guinea.

References

1. ILO-IPEC. Rapport de l'Enquête nationale sur le travail et la traite des enfants en Guinée de 2022. Technical Report. Guinea, 2023. URL: <http://www.ilo.org/ipecinfo/product/viewProduct.do?productId=21016> (дата обращения: 20.05.2025).
2. International Confederation of Free Trade Unions. Internationally Recognized Core Labour Standards in Mauritania and Guinea: Report for the WTO General Council Review. Geneva, 2023. URL: <http://www.ilo.org/public/libdoc/igo/2011/466485.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
3. U.S. Department of State. Guinea // Country Reports on Human Rights Practices – 2023. Washington, DC, 2023. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/236578.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
4. UN Committee on the Rights of the Child. Concluding observations on the second periodic report of Guinea, adopted by the Committee at its sixty-second session (14 January – 1 February 2023). Geneva, 2023. Report No. CRC/C/GIN/CO/2. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/crc/docs/co/CRC_C_GIN_CO_2.doc (дата обращения: 20.05.2025).
5. ILO Committee of Experts. Individual Direct Request concerning Worst Forms of Child Labour Convention, 1999 (No. 182), Guinea (ratification: 2003). Published: 2013. URL: <http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:11003:0::NO::> (дата обращения: 20.05.2025).
6. U.S. Department of State. Guinea // Trafficking in Persons Report – 2015. Washington, DC, 2015. URL: <http://www.state.gov/j/tip/rls/tiprpt/2015/index.htm> (дата обращения: 20.05.2025).
7. UNESCO Institute for Statistics. Gross intake ratio to the last grade of primary.Total. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (дата обращения: 16.12.2024).
8. UCW. Analysis of Child Economic Activity and School Attendance Statistics from National Household or Child Labor Surveys. Original data from Demographic and Health Survey, 2022.
9. Thorsen D. Children Working in Commercial Agriculture: Evidence from West and Central Africa. Dakar: UNICEF West and Central Africa, 2022. URL: http://www.unicef.org/wcaro/english/documents_publications_6923.html (дата обращения: 20.05.2025).
10. ILO Committee of Experts. Individual Direct Request concerning Minimum Age Convention, 1973 (No. 138), Guinea (ratification: 2003). Submitted: 2011. URL: <http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:11003:0::NO::> (дата обращения: 18.03.2025).
11. UNICEF. Analyse de Situation des Enfants en Guinée. 2023. URL: https://www.ecoi.net/file_upload/90_1439291236_unicef-child-notice-guinea-201506.pdf (дата обращения: 20.05.2025).
12. Government of Guinea. Conditions de travail des salariés âgés de moins de 18 ans: Arrêté n°2791/MTASE/DNTLS/96, enacted April 22, 1996. URL: <http://www.droitafrique.com/images/textes/Guinee/Guinee%20-%20Travail%20des%20mineurs.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
13. U.S. Embassy – Conakry official. E-mail communication to US-DOL official. 15 April 2022.
14. UN Committee on the Rights of the Child. Summary record of the 1764th meeting: Consideration of Reports Submitted by States Parties Under Article 44 of the Convention. Geneva, 2023. Report No. CRC/C/SR1764. URL: <http://tb.ohchr.org/default.aspx?country=gn> (дата обращения: 20.05.2025).
15. ILO Committee of Experts. Individual Direct Request concerning Minimum Age Convention, 1973 (No. 138), Guinea (ratification: 2003). Published: 2022. URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:13100:0::NO:13100:P13100_COMMENT_ID:3075871 (дата обращения: 26.01.2025).
16. IMF; World Bank. Guinea: Poverty Reduction Strategy Paper 2018–2022. Washington, DC, 2023. URL: http://planipolis.iiep.unesco.org/upload/Guinea/Guinea_PRSP_2023.pdf (дата обращения: 20.05.2025).
17. World Food Programme. Country Programme – Guinea (2013–2017). Washington, DC, 2013. URL: <http://www.wfp.org/content/country-programme-guinea-2013%E2%80%932017> (дата обращения: 20.05.2025).
18. World Food Programme. School Feeding Programmes in Guinea. Washington, DC, 2014. URL: <https://www.wfp.org/content/school-feeding-programmes-guinea> (дата обращения: 20.05.2025).

Сравнительный анализ концепций политической религии Эмилио Джентиле и политического мифа Кристофера Флада

Елисеев Владислав Андреевич,
аспирант, кафедра философии Ульяновского
государственного технического университета (УлГТУ)

В условиях современных социальных, политических и ценностных трансформаций анализ механизмов формирования общественного сознания и легитимации власти становится особенно актуальным. Важнейшим инструментом воздействия на массовое восприятие выступает политический миф, который представляет собой сложный символический конструкт, обладающий значительным потенциалом для консолидации или фрагментации общества. В статье проводится сравнительный анализ двух подходов к изучению политической мифологии: теории «политической религии» Эмилио Джентиле и концепции «политического мифа» Кристофера Флада. Рассматриваются их методологические основания, а также сильные и слабые стороны. Показано, что подход Джентиле выделяет сакрализацию политики и тотальный контроль, в то время как Флад фокусируется на нарративных и символических технологиях влияния. Делается вывод о взаимодополняемости данных концепций и их важности для анализа современных политических процессов.

Ключевые слова: политическая мифология, политическая религия, миф, сакрализация власти, легитимация.

В современном мире, который характеризуется социальными, политическими и ценностными трансформациями, понимание механизмов формирования общественного мнения и легитимации власти приобретает первостепенное значение. Одним из основных инструментов, используемых для этой цели, является политический миф – мощная символическая конструкция, способная объединять или разделять общество. В академической дискуссии выделяется два значимых подхода к его исследованию: концепция «политических религий» итальянского историка Эмилио Джентиле и концепция «политического мифа» британского политолога Кристофера Флада. Несмотря на кажущуюся близость тем, данные подходы представляют собой принципиально различные парадигмы анализа, которые отражают их фундаментальные взгляды на суть политики и человеческого познания. Данная статья предлагает всестороннее сравнение двух концепций, анализ их основополагающие определения, источники для анализа, структурно-функциональные модели, а также положительные и отрицательные стороны. Целью статьи является выявление причин выбора различной терминологии, оценка их эмпирической и теоретической ценности и представление комплексного взгляда на мифологизацию политики в XXI веке.

Фундаментальное различие между концепциями Э. Джентиле и К. Флада проистекает из их диаметрально противоположных определений главных объектов исследования. Э. Джентиле вводит в оборот термин «политическая религия», рассматривая его как точную классификацию целого типа политических систем. Он определяет политические религии тоталитарными режимами, которые стремятся к полному контролю над личностью [3, с. 166]. В рамках данного определения политические религии становятся формами сакрализации светских сущностей вроде государства, расы, класса или нации, в условиях модерна [3, с. 41–42]. Для итальянского историка исследуемое явление достигло своего апогея между двумя мировыми войнами и воплотилось в фашизме, национал-социализме и советском коммунизме [3, с. 52–53]. Данные режимы он характеризует как «новые церкви», которые сакрализуют политику и создают собственную систему верований, догматов, обрядов и культов. Примером служит превращение партии в церковь, идеологии в догмат, а фигур Б. Муссолини и А. Гитлера в предмет культа [3, с. 263–265]. Таким образом, для Э. Джентиле политическая религия представляет собой целостную, имманентную духовную и социальную систему, которая занимает место традиционной религии в жизни общества и требует от последователей подчинения всему своему бытию.

К. Флад, напротив, определяет свой предмет более узко и функционально. Он называет политический миф «идеологически маркированным повествованием» [9, с. 43]. Речь идет про историю, которая претендует на статус истинного представления событий прошлого, настоящего и будущего, и которая воспринимается конкретной социальной группой как верная в своих основных чертах. Согласно точке зрения К. Флада, миф может быть спланированной концепцией, которая требует ве-

ры, а также результатом интеграции классического мифа и идеологических воззрений. Однако английский политолог делает важное методологическое различие. В отличие от «священного мифа», который служит религиозным целям, политический миф функционирует как инструмент идеологии [9, с. 147]. Его цель состоит не в передаче священной истины, а в управлении массовым сознанием, интерпретация реальности и легитимация власти. К. Флад видит в мифе не столько самостоятельную систему, сколько одну из ее функций, компонент идеологии. Ученый анализирует механизмы возникновения, трансформации и функционирования политических мифов в высокоразвитых обществах и уделяет особое внимание их форме (повествование, визуальные образы), ритуальной символике и процессу восприятия аудиторией [9, с. 44–64].

Таким образом, выбор терминов «религия» и «миф» существенный методологический разрыв. Э. Джентиле ищет объяснение в целостности и системности, и видит в политике новый тип религиозного опыта. К. Флад же сосредотачивается на повествовательных и символических технологиях, а также анализирует миф как эффективный инструмент политического воздействия.

Различие в терминологии между учеными напрямую связано с их фундаментальным взглядом на природу самого политического. Для обоих исследователей мифологизация является главенствующей характеристикой современной политики, однако они по-разному объясняют ее происхождение и сущность. Э. Джентиле исходит из антропологической и исторической уверенности в сохранении человеческой потребности в вере и сакральном опыте, даже в так называемом «расколдованном» мире Макса Вебера [1]. Его концепция опирается на идеи Рудольфа Отто о «нуминозном» или о силе или чувстве, которое одновременно вызывает страх и влечение [7]. По мнению Э. Джентиле, после Первой мировой войны потребность нашла выход в новых светских нуменах, таких как Государство, Нация, Раса, Класс [3, с. 83–84]. Новые сущности начинают восприниматься как объекты мистического поклонения и получают сакральный статус. В данном смысле тоталитарные режимы выступают как наиболее последовательные формы реализации «мирской религии» [3, с. 64]. По мнению автора, политические религии могут быть мистификацией, а также истинным выражением коллективной человеческой потребности, которая возникает в условиях упадка традиционных религий [3, с. 76]. Для него политическая религия представляет собой нечто большее, чем просто идеология.

К. Флад, хотя и признает связь политического мифа со священным мифом, отходит от подобного антропологического обоснования. Его подход более прагматичен и функционален. Он определяет идеологию нейтрально и широко, а именно как любую систему политических представлений, в том числе анархизм или фашизм [9, с. 9]. Политический миф, согласно К. Фладу, является продуктом идеологического мифотворчества. Создатели мифа используют повествовательные и символические стратегии для достижения конкретных политических целей. В частности, отечественный философ А.А. Целыковский выделяет онтологическую (упрощение реальности через бинарные оппозиции), гносеологическую (интерпретация реальности через смысловые шаблоны) и аксиологическую (сакрализация власти) цели [10, с. 23]. К. Флад не ставит своей целью объяснение причин возникновения мифа, он сосредоточен на анализе специфики его функционирования. Английский политолог поддерживает точку зрения немецкого философа Эрнста Кассирера, согласно которой политические ми-

фы можно «сфабриковать» подобно оружию [5, с. 59]. В данном смысле миф рассматривается как технология управления, а не следствие психического или социального императива. К. Флад анализирует, как повествования, визуальные образы и ритуалы конструируют реальность для конкретной аудитории, и как восприятие мифа зависит от социального и исторического контекста [9, с. 64–65]. К примеру, он анализирует речь Шарля де Голля 1946 года как пример того, как политический лидер использует мифологическое повествование для легитимации своей власти и формирования национального самощущения [9, с. 173–205].

Различия в методологии исходит из двух разных понимания сущности политического. Для Э. Джентиле политика представляет собой форму проявления фундаментальной потребности человека в абсолютной ориентации и вере. Секуляризация не уничтожила потребность, а лишь сместила ее объекты с божественного на светское. Политическая религия в данном отношении является ответом на кризис традиционной веры. Для К. Флада политика в первую очередь – это сфера борьбы за власть, в рамках которой миф является одним из многочисленных инструментов. Политический миф создает для решения конкретных задач. Он активизирует традиционные мифологические структуры и применяет их к современным условиям, используя при этом преимущественно средства СМИ. Данный дуализм – антропологический подход Э. Джентиле против инструментального подхода Флада – является одной из самых важных граней их сравнительного анализа. Первый предлагает понимание причины возникновения политической религии, второй же детальный анализ ее функционирования в качестве политического инструмента.

Структурно-функциональный анализ является вторым столпом сравнительного исследования концепций. Хотя оба автора признают наличие системности в политической мифологии, они описывают ее структуру и функции по-разному, что снова отражает их фундаментальные различия в понимании предмета.

Концепция Э. Джентиле описывает политическую религию как сложную, иерархическую систему, которая имеет четкую структуру и множество функций. Структура тоталитарной политической религии, по Э. Джентиле, содержит в себе несколько основных элементов элементов: идеологию в виде догматов, партию, которая выполняет роль церкви, культ вождя, который является живым богом или шаманом, ритуалы, праздники и героев-мучеников [3, с. 52–53]. Так, нацизм сакрализовал расу, кровь и фюрера и использовал ритуалы и символы, напоминающие германское язычество [3, с. 133–140]. Фашизм также имел свои ритуалы, символы и мифологизацию повседневности, как, например, кампания «битва за зерно» [4]. Резюмируя, мы можем утверждать, что политическая религия имеет несколько функций. Во-первых, она обеспечивает тотальный контроль над личностью и обществом. Во-вторых, она создает и поддерживает легитимность власти, обосновывая социальные нормы и порядок. В-третьих, она формирует коллективную идентичность и дает смысловую ориентацию людям, которые, как предполагает Э. Джентиле, испытывают потребность в такой ориентации [3, с. 278]. В-четвертых, она мобилизует общество для достижения сверхзадач вроде аннексии территорий или создания «нового человека». Э. Джентиле различает политические религии (эксклюзивистские, тоталитарные) и гражданские религии (допускающие личную свободу, основанные на патриотизме и уважении к конституции).

К. Флад предлагает более детализированный, но менее системный анализ функций политического мифа.

Мы выделяем три основные функции, которые могут присутствовать в различных сочетаниях, опираясь на работы А.А. Цельковского [10]: во-первых, политический миф служит в упрощении сложной социальной реальности путем создания бинарных оппозиций, к примеру как «мы – они», «дружба – вражда», «добро – зло» [8]. Данная функция помогает людям быстро ориентироваться в мире. Во-вторых, политический миф призван интерпретировать реальность через установленные нарративы. В-третьих, мифология направлена на установление ценностной шкалы и сакрализацию власти. Данная функция проявляется в ритуалах, к примеру, инаугурация президента, которая официально закрепляет статус власти [2, с. 344–345]. В-четвертых, политическая мифология связана с легитимацией власти, социальной мобилизацией и трансляцией социокультурного опыта. Функция реализуется через манипулятивные практики для мобилизации электората. В работах К. Флада мы находим подтверждение тому, что современные мифы часто имеют форму дискредитирующих мифологем, которые передаются через СМИ, а не являются непрерывным повествованием [9, с. 45, 47]. Например, образ М.С. Горбачёва или Б.Н. Ельцина как «злодеев» это отдельные мифологемы, которые конструируют политическую реальность [11, с. 51].

Таким образом, Э. Джентиле описывает политическую религию как сложную, целостную и доминирующую систему, тогда как Флад анализирует политический миф как набор инструментов, которые могут использоваться в рамках более широкой идеологической системы. Функции у итальянского историка носят более фундаментальный характер (контроль, смысловая ориентация), в то время как функции у английского политолога более прагматичны (интерпретация, мобилизация). Оценка теоретических подходов требует анализа их сильных и слабых сторон, эмпирической и теоретической ценности. Каждый из них предлагает уникальный вклад в понимание мифологизации политики, но также имеет свои ограничения.

Для начала обратимся к анализу политической религии. Положительные стороны концепции затрагивают несколько сфер. Во-первых, стоит отметить высокую теоретическую ценность. Концепция «политической религии» является мощным аналитическим инструментом для описания тоталитарных режимов. Она позволяет выделить их из других типов диктатур, указав на основной элемент – попытку заместить традиционную религию и создать новую, целостную систему [3, с. 47]. Так становится понятно почему тоталитарные режимы требуют не просто политического подчинения, а всеобъемлющей лояльности и веры. Во-вторых, автор придает большое значение феномену сакрализации. Он выделяет сакральное ядро политики, что позволяет объяснить эмоциональную окраску и фанатизм, которые наблюдаются в тоталитарных движениях [3, с. 51–52]. Здесь мы наблюдаем важный вклад в понимание того, почему люди готовы на жертвы ради светских идей. В-третьих, он вводит дифференциацию гражданских религий. Введение разделения на «политические религии» и «гражданские религии» является важным шагом к более тонкой классификации политических систем. Подобный шаг позволяет рассматривать гражданские религии в спектре от тотального контроля до допустимого патриотизма. Данный инструментарий особенно полезен для дальнейших исследований. Однако, концепция Э. Джентиле имеет и негативные стороны. Во-первых, в работах присутствует идеологическая нагрузка. Сам термин «политическая религия» может быть воспринят как идеологический ярлык, особенно в отношении тех режимов, которые его

не хотели бы таковой называть (например, СССР или США). Во-вторых, существует определенная сложность применения. Концепция политической религии работает для описания крайних форм тотализма, но может быть менее эффективной для анализа более мягких форм мифологизации в демократических обществах. В данном отношении, может показаться, что любой сильный политический лидер или движение, которые вызывают религиозную преданность (что нередко случается в демократических государствах), автоматически попадает в категорию политической религии. В-третьих, в некоторых интерпретациях его работы может складываться впечатление, что тоталитарные религии являются неизбежным результатом секуляризации, что является спекулятивным утверждением и не находит однозначного подтверждения в источниках.

Теперь стоит выделить положительные и отрицательные стороны работы К. Флада. Во-первых, работы английского политолога выделяется эмпирической применимостью. Концепция «политического мифа» гораздо более универсальна. Она применима как к тоталитарным, так и к демократическим режимам, поскольку мифотворчество является неотъемлемой частью любой политической деятельности [9, с. 72]. Потому его подход более практичен для анализа современной политики. Во-вторых, автор выделяет важность технологий и процессов. Политолог детально анализирует технологии создания и распространения мифов. Это важный методологический принцип, который гласит, что понимать современный политический миф необходимо с инструментальной точки зрения, т.е., опираясь и исследовать средства, которые доступны современному мифу. Особенно актуальным данный принцип становится сегодня, когда технологии управления масс-медиа, развитие ИИ и ИКТ постоянно обновляются, тем самым развивая инструменты политического мифа. В-третьих, К. Флад демонстрирует нейтральный подход. Определение идеологии как «любой системы политических представлений» и мифа как «повествования» позволяет проводить анализ без предвзятости и без использования осуждающих клише. Подобный стиль повествования придает его работе научный вид, а также концепцию сложно обвинить в предвзятости и конъюнктурности. Но в работах английского политолога имеются и определенные проблемы. Во-первых, анализируя конкретные мифы, Флад может упускать из виду более крупные структурные и системные изменения в обществе. Данный подход может быть слишком фрагментарным, если не расширять его более широкими теоретическими рамками. Во-вторых, существует риск переоценки роли сознательного мифотворчества. Ученый уделяет особое внимание сознательной «спекуляции» и искусственному образованию мифов. Однако многие мифы возникают стихийно из коллективного бессознательного или архетипов, как предполагали Юнг и его последователи [6, с. 75–77]. Потому подобная методологическая установка способна сбить с толку исследователей политической мифологии. В-третьих, по сравнению с Э. Джентиле, чья концепция встроена в философскую традицию, подход политолога может показаться менее глубоким. Он описывает меньше объяснений антропологических или психологических причин мифотворчества. В итоге, концепция политических религий предлагает мощный, но более специализированный инструмент для анализа тоталитаризма, в то время как концепция политического мифа предлагает универсальный инструмент для анализа политических мифов в любом контексте.

Подводя итог сравнительному анализу концепций, можно утверждать, что несмотря на кажущуюся конку-

ренцию, на самом деле они являются взаимодополняющими. Выбор различных терминов был продиктован фундаментальным различием в их понимании природы политики, ее места в человеческой культуре и выбранных ими методологических инструментах. Э. Джентиле видит в политике новое, светское проявление вечной человеческой потребности в вере и сакральном опыте, а Флад видит в ней инструмент для управления общественным сознанием через повествование и символы. Обе перспективы позволяют получить более полное представление о феномене мифологизации политики в современном мире.

Авторы разделяют теоретическую общность и рассматривают миф как центральный элемент политической легитимации. Оба исследователя отвергают рационалистическую модель власти и утверждают, что любая политическая система (демократия в том числе) опирается на мифологические нарративы для объяснения прошлого, интерпретации настоящего и обоснования будущего. Они критикуют идею о том, что модерн избавился от мифа, показывая, что миф не исчез, а трансформировался. У Э. Джентиле миф становится «политической религией» со сакрализованными ритуалами, у К. Флада становится идеологически нагруженным повествованием. Таким образом, миф понимается не как пережиток, а как необходимая форма символического осмысления реальности.

Оба исследователя подходят к мифу функционально, интересуясь не его истинностью, а его социальной ролью, которая состоит в объединении общества, формировании идентичности, мобилизации и легитимации власти. Они видят политику как сферу символического производства, в рамках которой главными инструментами становятся повествования, ритуалы, символы и культы. Наиболее продуктивный путь для современного анализа политической мифологии состоит не в выборе одного подхода в ущерб другому, а в их синтезе. Можно использовать инструментарий политических религий для диагностики тоталитарных тенденций в политической системе, выявляя признаки сакрализации, тотального контроля и создания альтернативной картины мира. Затем, можно применить концепцию К. Флада для детального анализа конкретных мифологических конструкций, которые используются в рамках данной системы.

В заключение, обе концепции остаются чрезвычайно актуальными. В эпоху роста популизма, информационных войн и усиления поляризации, когда политические лидеры и группы активно используют мифотворчество для достижения своих целей, понимание механизмов «политической религии» и «политического мифа» становится не просто академическим интересом, а насущной необходимостью. Концепция Э. Джентиле предостерегает от недооценки силы идеологических систем, которые могут заменить традиционные религии, создавая новые, потенциально опасные формы тотального контроля. Концепция К. Флада, в свою очередь, дает нам инструменты для анализа и критической оценки конкретных мифов, которые используются для манипуляции общественным мнением. Вместе они предоставляют мощный инструментарий для понимания сложной и хрупкой связи между политикой, верой и реальностью в XXI веке. Их подходы формируют целостную аналитическую платформу, которая раскрывает как современная власть, даже в демократических странах, продолжает функционировать на языке мифа.

Литература

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия. // М. Вебер. Избранные произведения. Перевод:

А.Ф. Филиппов, П.П. Гайденоко. — М., «Прогресс», 1990, С. 707–735. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 03.12.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5372> (дата обращения: 27.08.2025)

2. Гаврилова М.В. Инаугурация // Дискурс-Пи. 2010. № 1–2. С. 344–345.
3. Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом / Пер. с ит. С. Станжевский. — СПб.: «Владимир Даль», Санкт-Петербург, 2021. — 400 с.
4. Джентиле Э. Фашизм, тоталитаризм и политическая религия: определения и критические размышления над критицизмом интерпретации [Электронный ресурс] / Гефтер. URL: <https://gefeter.ru/archive/10519> (дата обращения: 27.08.2025)
5. Кассирер Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер. — М., 1990. С. 58–65.
6. Коваль И.Ю. Архетип Как Основа Мировосприятия В Политическом Мифотворчестве/ Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): С. 75–77.
7. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. URL: <https://predanie.ru/book/216242-svyaschennoe/> (дата обращения: 27.08.2025)
8. Топорков А.Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие [Электронный ресурс] / Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 27.08.2025)
9. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование / Пер. с англ. А. Георгиева. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 264 с.
10. Целыковский А.А. Структура, свойства и функции политического мифа// Logos et Praxis. 2019. Т.18. № 3. С. 18–24.
11. Шульга Н.В. Современная политическая мифология // ОНВ. 2006. № 2 (35). С. 49–52.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPTS OF POLITICAL RELIGION BY EMILIO GENTILE AND POLITICAL MYTH BY CHRISTOPHER FLOOD

Eliseev V.A.

Ulyanovsk State Technical University

In the context of modern social, political and value transformations, the analysis of the mechanisms of formation of public consciousness and the legitimization of power becomes especially relevant. The most important tool for influencing mass perception is the political myth, which is a complex symbolic construct with significant potential for consolidation or fragmentation of society. The article provides a comparative analysis of two approaches to the study of political mythology: the theory of “political religion” by Emilio Gentile and the concept of “political myth” by Christopher Flood. Their methodological foundations, as well as strengths and weaknesses, are considered. It is shown that Gentile’s approach highlights the sacralization of politics and total control, while Flood focuses on narrative and symbolic technologies of influence. The conclusion is made about the complementarity of these concepts and their importance for the analysis of modern political processes.

Keywords: political mythology, political religion, myth, sacralization of power, legitimization.

References

1. Weber M. Science as a Vocation and Profession. // M. Weber. Selected Works. Translation: A.F. Filippov, P.P. Gaidenko. — M., “Progress”, 1990, pp. 707–735. // Electronic publication: Center for Humanitarian Technologies. — 03.12.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5372> (date of access: 27.08.2025)

2. Gavrilova M.V. Inauguration // Discourse-Pi. 2010. No. 1–2. pp. 344–345.
3. Gentile E. Political Religions. Between Democracy and Totalitarianism / Translated from Italian by S. Stanzhevsky. – SPb.: “Vladimir Dal”, St. Petersburg, 2021. – 400 p.
4. Gentile E. Fascism, Totalitarianism and Political Religion: Definitions and Critical Reflections on the Criticism of Interpretation [Electronic resource] / Gefter. URL: <https://gefter.ru/archive/10519> (date of access: 08/27/2025)
5. Cassirer E. Technique of Modern Political Myths / E. Cassirer. – M., 1990. Pp. 58–65.
6. Koval I. Yu. Archetype as the Basis of Worldview in Political Myth-Making / Tambov: Gramota, 2011. No. 6 (12): Pp. 75–77.
7. Otto R. The Sacred. On the Irrational in the Idea of the Divine and Its Relationship with the Rational. SPb.: SPbU Publishing House, 2008. URL: <https://predanie.ru/book/216242-svyaschennoe/> (date of access: 08/27/2025)
8. Toporkov A.L. Myths and Mythology of the 20th Century: Tradition and Modern Perception [Electronic resource] / Folklore and Post-Folklore: Structure, Typology, Semiotics. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (date of access: 08/27/2025)
9. Flood K. Political Myth. Theoretical Study / Translated from English by A. Georgieva. – M.: Progress-Tradition, 2004. – 264 p.
10. Tselykovsky A.A. Structure, properties and functions of political myth // Logos et Praxis. 2019. Vol.18. No.3. Pp. 18–24.
11. Shulga N.V. Modern political mythology // ONV. 2006. No.2 (35). Pp.

Железнякова Светлана Ивановна,

кандидат социологических наук, доцент, кафедра политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: Zheleznyakova.SI@rea.ru

Статья посвящена теме семейных ориентиров в молодёжном сознании. Ценности семьи и родительства в сознании молодого поколения определяют стратегии поведения молодёжи в сфере брачно-семейных отношений. Это актуальный предмет изучения с точки зрения анализа ресурсов демографического развития общества. Ситуация второго демографического перехода с изменением моделей семьи и репродуктивных ориентиров требует целенаправленных действий государства и общества. Это усилия и мероприятия по укреплению семейных ценностей, а также система мер социальной политики по стимулированию рождаемости и поддержке семьи на всех этапах её функционирования, что воплощено в ключевых национальных проектах. В данной статье описываются семейные ориентиры московской студенческой молодёжи. Методологической основой исследования послужили теории и концепции зарубежных и отечественных учёных, изучающих проблематику социологии семьи и демографического развития общества. Автором осуществлено прикладное социологическое исследование с помощью опросного метода, цель которого – описание типичных семейных ориентиров студенческой молодёжи крупного города (мегаполиса). Результат исследования – описание и анализ типичных семейных ценностей и ориентиров молодёжи. Полученные результаты позволили сделать прогноз по развитию изучаемых социальных явлений, сформулировать ряд практических рекомендаций по совершенствованию социальной практики. Выводы, сформулированные автором, способствуют формированию представлений о том, как студенческая молодёжь воспринимает программы и мероприятия по развитию семейных ценностей, государственные меры поддержки рождаемости. Научная значимость работы заключается в изучении взаимосвязи между индивидуальными и групповыми ценностями молодёжи и влиянием демографической политики на её семейные стратегии и репродуктивные ориентиры.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, семейные ориентиры, репродуктивные ориентиры, студенты, молодёжь.

Введение

Изучение семейных ориентиров молодёжи представляет собой важную составляющую социологического знания о развитии социальных групп и субъектов общества. Молодёжь является социальной группой, демографические ориентиры которой необходимо детально изучать, чтобы понимать перспективы развития социума, иметь представление о способах развития человеческого потенциала. Демографическая стратегия является частью социальной политики современного российского общества, на реализацию которой нацелены ключевые национальные проекты, направлены усилия государства и общества.

Актуальность

Актуальность изучения семейных ориентиров и ценностей молодого поколения продиктована необходимостью анализа имеющихся возможностей и ресурсов роста человеческого потенциала общества. Это, в первую очередь, семейные ценности и репродуктивные ориентиры, которые актуализованы в сознании молодого поколения, являющегося основным субъектом демографического развития. От наличия у молодых людей установочной готовности на создание крепкой стабильной семьи, на рождение и воспитание детей во многом зависит успешность принимаемых усилий государства и общества, заинтересованного в своём устойчивом развитии. Современный этап развития общества, описываемый в терминах второго демографического перехода, с точки зрения института семьи характеризуется трансформацией семейных моделей и функций семьи, а также существенным изменением репродуктивного поведения, в первую очередь связанным со снижением рождаемости, а с точки зрения ценностных ориентаций личности – нарастанием индивидуализма.

Однако, если исходить из потребностей общественного развития, указанные обстоятельства, тем не менее, требуют целенаправленных мероприятий по поддержке института семьи, стимулирования рождаемости, поскольку человеческий потенциал – это важнейший ресурс конкурентоспособности общества и государства. Как отмечает Л.Л. Рыбаковский, рост населения является условием сохранения независимости, а его сокращение – путь к демографическому коллапсу [9, с. 143].

Научная значимость

В исследованиях по социологии семьи и социологии молодёжи существенное значение имеет анализ того, каким способом реализуются взаимосвязи между ценностями и поведенческой практикой, какое влияние оказывают мероприятия демографической политики на семейные и репродуктивные ориентиры молодого поколения. Поэтому необходимо качественно-количественное описание и детальное изучение индивидуальных и групповых ценностей и ориентиров сознания, непосредственно воздействующих на реальное поведение личности. Не менее существенно в свете обозначенных проблем выявление возможностей и способов формирования и укрепления в сознании молодого поколения ценностей семьи и детей, материнства и отцовства, межпоколенных связей, кото-

рые могли бы быть эффективными и практически полезными на разных этапах становления и развития семьи.

Обзор литературы

Изучение семейных ориентиров молодого поколения является одной из востребованных тем исследований. В отечественной социологии сложилась устойчивая традиция исследований семьи и в макросоциологическом плане, и с точки зрения социально-психологических аспектов, процессов её бытия в обществе. Так, классическими являются работы таких авторов, как А.Г. Харчев с его монографией 1979 года «Брак и семья в СССР», его же труд совместно с М.С. Мацковским от 1978 года «Современная семья и её проблемы», а также труды таких учёных, как А.И. Антонов, И.С. Голод, Б.А. Грушин, А.Г. Волков, В.А. Борисов, А.Б. Синельников, З.Т. Голенкова, Т.А. Гурко и многих других. Однако интерес к семейным ценностям, установкам и паттернам брачно-семейного поведения молодого поколения вообще и студенческой молодежи в частности, пожалуй, актуализовался в большей степени в пореформенный период развития российского общества, когда на первый план вышли такие социальные аспекты существования семьи, которые описывались в терминах «кризиса», «дезорганизации», «деградации».

Очевидно, что проблемы развития общества в период серьезных преобразований в экономической, социальной и культурной сферах не могли не отразиться на институте семьи, что вызвало всплеск интереса исследователей к проблематике семейных и репродуктивных ценностей. Ведь именно в семейном пространстве формируются долгосрочные установки и ориентиры, получают подтверждение ценности семейной организации жизни индивида, воплощаются новые форматы взаимоотношений, воспитания детей, межпоколенного взаимодействия. Поэтому изучение семейных ориентиров именно молодого поколения позволяет сделать прогнозы ближайшего, а также перспективного демографического развития общества.

Студенческая молодежь как социальная группа интересна в данном контексте именно потому, что, во-первых, находится на этапе активного жизненного самоопределения (личностного, профессионального и семейного), во-вторых, реализует это самоопределение в пространстве крупного города, с разными образцами поведения, в том числе и брачно – семейного.

Для теоретического анализа семейных ориентиров молодого поколения плодотворной концептуальной основой могут выступать идеи структурного функционализма, представленного взглядами Т. Парсонса на семью как социальный институт адаптации и социализации новых поколений требованиям общества; концепция второго демографического перехода Д. ван де Каа и Р. Лейхстеге, описывающая смену моделей и рост различных форм семейной организации; идеи Р. Инглхарта о переходе в период постиндустриализма к постматериалистическим ценностям; идеи экономической теории семьи Г. Беккера с его анализом семейного поведения с точки зрения соотношения выгод и издержек. Уже упомянутые выше, а также многие другие отечественные социологи исследовали трансформацию и динамику семьи в пореформенный и современный период развития общества [2, 4, 5, 9, 10]. Говоря о воплощении ценностей и ориентиров в поведенческой практике, уместно использовать понятие семейной стратегии. В частности, Д.А. Котов и Н.В. Грек определяют это понятие как понимание индивидом своих жизненных целей [6, с. 500]. Характеризуя содержательные аспекты, Е.А. Андрушина

и Е.В. Панова определяют семейные стратегии студенческой молодежи как такие, которые во многом определяются и государством, и обществом в качестве доминирующих акторов формирования и укрепления семейных ценностей [2, с. 206], формулируют рекомендации по активизации усилий государства [2, с. 212], отмечая имеющийся разрыв между реальными поведенческими практиками молодого поколения и желательными для общества семейными ценностями. Принципиальную важность сознательного целенаправленного формирования семейных ценностей у студенческой молодежи обосновывает И.Ф. Уманец, подчёркивая роль вузовской среды в этой деятельности [11, с. 97].

Жизненные ценности, то есть общие базовые представления по поводу семьи, брака, детей, присутствующие в сознании студенческой молодежи, находят своё конкретизированное выражение в ориентациях – то есть в ближайших и перспективных планах на создание семьи, на распределение семейных ролей, на планируемый возраст рождения детей и их количество, а также ожидания по поводу культуры семейных отношений и других аспектов семейного бытия. Поэтому целью настоящего исследования явилось описание семейных и репродуктивных ориентиров студенческой молодежи мегаполиса.

Методология и методы

В статье представлены отдельные результаты комплексного социологического исследования 2025 года, цель которого – описание семейных и репродуктивных ориентиров студенческой молодежи крупного города (мегаполиса). Первый этап исследования – анкетный опрос с помощью онлайн – платформы, всего опрошено 150 респондентов, отбор единиц наблюдения проведён методом «снежного кома». Респонденты – студенты вузов Москвы (МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО, НИУ ВШЭ, РУДН, РЭУ им. Г.В. Плеханова) различных направлений подготовки (технических, социально-гуманитарных, медицинских, юридических, экономических, дизайна). Распределение по полу и возрасту следующее. Возраст респондентов от 18 до 25 лет; до 20 лет – 10%, 20 лет – 26%, 21 год – 34%, 22 года – 14%, 23–24 года – 16%. Распределение по полу: женский – 70%, мужской – 30%. Материальный статус большинства опрошенных – средний: большая часть респондентов выбрали самооценку материального положения, соответствующую характеристикам среднеобеспеченности (52%) и обеспеченности (35%), по 6% – высокообеспеченности и низкообеспеченности. С точки зрения семейного статуса распределение опрошенных следующее. Большая часть респондентов указали статус как «не состоящие в отношениях» (58%), 36% отметили вариант «состояния в романтических отношениях», 6% выбрали вариант ответа «брачные отношения». На втором этапе исследования по результатам массового опроса был сформирован гайд для углублённого интервью, задачей которого явилась конкретизация высказанных респондентами оценок и позиций по поводу возраста вступления в брак, идеального и планируемого количества детей в семье, мер государственной поддержки семьи, в особенности молодой и студенческой семьи. Для уточнения этих и других позиций проведено 15 углублённых интервью среди респондентов, отобранных по признакам разнообразия направлений подготовки, возраста и семейного статуса.

Выдвинутая гипотеза исследования: на этапе активного жизненного самоопределения на формирование семейных и репродуктивных установок и ориентиров студенческой молодежи оказывают существенное влияние

условия крупного города (мегаполиса), изменяя устоявшиеся представления о семье. В первую очередь речь идёт о более высоких карьерных и финансовых запросах и ожиданиях молодёжи; о более широком наборе требований к идеальному брачному партнеру; к необходимым условиям для принятия решения о рождении детей.

Результаты и обсуждение

Семья в системе приоритетов на данном этапе жизни

У студенческой молодёжи на данном этапе их жизни приоритет – безусловно учёба и построение карьеры. Согласно результатам, полученным в ходе углублённых интервью, студенты старших курсов бакалавриата и все обучающиеся в магистратуре подчёркивают первоочередную ориентированность именно на успешное завершение обучения и построение успешной карьеры, и только во вторую очередь на создание собственной семьи. В рассуждениях по этому поводу типичные высказывания описывают модель профессионального успеха и достижений, для чего необходим довольно длительный период времени, обозначаемый респондентами не менее чем в 7–8 лет; первые существенные значимые достижения, карьерный рост, понимание себя как уверенного профессионала представляются респондентам как находящиеся около или за возрастной границей в 30 лет.

В то же время возраст респондентов влияет на их самооценки важности устройства личной жизни, в том числе в формате собственной семьи. Так, чем моложе респондент, тем большее значение (по сравнению с учёбой и карьерой) придаёт самореализации в отношениях, личной значимости поиска и нахождения человека, близкого по духу и ценностям для устойчивых партнёрских отношений. Практика совместной жизни у тех, кто имеет возможность высказывать мнения на основании личного опыта, оценивается следующим образом: респонденты отмечают в первую очередь прагматические факторы, такие, как сотрудничество, посильное взаимно удобное разделение домашних дел и в целом расходов, психологический комфорт, возможности свободного самовыражения. По замечанию Дж. Риббенс Маккарти и Р. Эдвардс, это семейная система, пронизанная внутренними связями [7, с. 201]. Вероятно, это обстоятельство следует рассматривать в контексте поколенческих качеств и черт так называемых «миллениалов», для которых весьма значим баланс между социальным и личным, профессиональным и частным; ценна личная свобода, партнёрские отношения, а также определенная ориентация на «отложенный старт» взрослой жизни, более длинный социализационный период. В данном контексте понимание семья и семейные ценности вполне признаются и укоренены в сознании респондентов, однако конкретное воплощение семейной формы организации жизни откладывается на неопределённый срок.

В частности, в перспективе пяти лет респонденты обозначают следующие перспективы своего вступления в брак: в ближайшие пять лет планируют вступление в брак чуть более половины опрошенных (34% выбирают вариант ответа «да», 22% – вариант ответа «скорее да»). Треть опрошенных такую перспективу в ближайший пятилетний период лет для себя не обозначают или не считают значимой (22% выбирают вариант ответа «скорее нет» и 10% – «точно нет»). Причем в сознании респондентов чётко присутствует выраженная установка на безусловный выбор приоритетов, а именно, вначале «встать на ноги» и проявить себя в профессионально-карьерном плане. На это обстоятельство указывает С.П. Акутина [1, с. 7].

Планы на рождение детей

Прежде всего отметим, что дети являются безусловной ценностью семьи для 80% опрошенных, а остальные 20% дают довольно неопределённые ответы, свидетельствующие скорее о несформированности позиции по данному вопросу. Причем, как отмечают исследователи, «детность», наличие детей в семье часто рассматривается респондентами как ключевой маркер состоятельности семьи, «семьеобразующий индикатор», о чём пишет, в частности, Т.А. Гурко [4, с. 74].

Модель семьи в зависимости от количества детей

На протяжении ряда лет фиксируется довольно устойчивая тенденция, характеризующаяся тем, что желаемая модель семьи с точки зрения количества детей – двухдетная семья. По данным нашего исследования, идеальное количество детей в семье, с точки зрения респондентов, таково: 56% выбирают вариант «два ребёнка»; 22% – вариант «трое детей», 2% – четверо и больше детей; остальные затруднились с ответом. Отметим, что Т.А. Гурко анализирует особенности «детоцентризма», фиксируя несколько больший его уровень среди респондентов мужского пола [3, с. 73].

Отметим, что выявленная тенденция укоренена в сознании респондентов молодого возраста уже длительное время, что подтверждают авторские архивные данные. Так, по данным авторского исследования 2010 года (цель исследования – социальный портрет молодёжи индустриального центра, модель выборки – квотная репрезентативная, объем выборки – 498 респондентов), в сознании респондентов также доминировала модель двухдетной семьи, хотя количественные параметры изменились в сторону уменьшения. Так, 64% указывали именно эту модель, 15% выбрали вариант «один ребёнок», 14% – вариант «трое детей» и 3% – больше трёх (табл. 1).

Таблица 1. Желаемое количество детей в семье: 2010 год
(в процентах от общего количества опрошенных)

количество детей	все респонденты	работающие	студенты
один ребёнок	15	7	17
двое детей	64	67	62
трое детей	14	24	16
больше трёх детей	3	3	3

Полученные данные коррелируют и с результатами других исследователей [2, с. 208]. Очевидно, что, хотя модель двухдетной семьи по-прежнему превалирует, количественные параметры, описывающие эту модель, меняются. Проиллюстрируем этот тезис с помощью еще одной таблицы (табл. 2).

Таблица 2. Динамика представлений о количестве детей в семье
(в процентах от общего количества опрошенных)

количество детей	2010 год	2025 год
один ребёнок	15	10
двое детей	64	56
трое детей	14	22
больше трёх детей	3	4
затруднились с ответом	4	8

Можно зафиксировать увеличение количества тех, кто ориентируется на трёхдетную модель семьи, что отвечает потребностям демографического развития. Однако важно ответить на вопрос, каковы же реальные поведенческие практики, как именно планируют молодые люди свою жизнь в репродуктивном плане? Ответы респондентов позволяют сделать вывод о том, что выбор возраста рождения первого ребёнка в семье для более чем половины опрошенных (58%) – это 25–27 лет, однако для 14% респондентов это 30-летний рубеж. Отметим, что средний возраст рождения первенца в 2024 году в Москве составил 29 лет (источник данных: <https://romart.ru/tpost/tmvixs3761-statistika-rozhdaemosti-v-moskve-i-rossi>, дата обращения: 31.08.25). Решение о рождении второго и последующих детей откладывается ещё на несколько лет и в итоге может так и остаться намерением. Это обстоятельство подчёркивают в своём исследовании Т.К. Ростовская и Н.С. Рычихина [8, с. 98].

Оценка препятствий для создания семьи

В рамках проведённого исследования получены данные, подтверждающие типичные тенденции, характеризующие основные препятствия для создания семьи, по мнению молодёжи. Это объективные обстоятельства: нестабильное финансовое положение (92%), жилищный вопрос (70%); а также субъективные, а именно, отсутствие подходящего партнёра (50%). Обсуждение в рамках интервью также подтверждает первоочередную значимость финансовых и жилищных обстоятельств, особенно с учётом того факта, что половина опрошенных подрабатывает в период учёбы, а 46% пользуются помощью родителей. Вопрос материальной обеспеченности имеет для респондентов первоочередную значимость. Это подтверждено тем, что опрошенные присвоили данному параметру максимально высокий балл по пятибалльной шкале актуальности факторов влияния (32% – 4 балла, 58% – 5 баллов). Однако оценка собственных экономических перспектив в целом положительна, поскольку 48% надеются на благоприятные перспективы, 28% оценивают их умеренно – оптимистично и 16% нейтрально или настороженно. Оценки доступности жилья практически для всех опрошенных влияет на решение о создании семьи: прямо и непосредственно для 68% и косвенно для 30% респондентов. Особо отметим важность подлинно партнёрских отношений для молодых людей. Этот фактор помещён респондентами в тройку наиболее важных, влияющих на решение о создании семьи. Здесь очень важное значение, по мнению респондентов, имеет совпадение жизненных ценностей и приоритетов, умение «быть на одной волне».

Заключение

Таким образом, можно обозначить некоторые противоречия, характеризующие семейные и репродуктивные ориентиры студенческой молодёжи: с одной стороны, сохраняющаяся ориентация на ценности семьи и детства, семейную организацию жизни, семейные взаимосвязи поддержки, семью как пространство личной самореализации. Возрастание значимости ответственности, осознание и принятие её на себя за создание полноценных условий для рождения и воспитания детей.

С другой стороны, это же принятие ответственности вкупе с достаточно высоким материальным запросом, а также желанием карьерного роста и профессиональной самореализации влияют на реальную поведенческую стратегию с точки зрения отложенного старта самостоятельной семейной жизни, увеличения продолжительности периода партнёрства без присущих полноценной семье обязательств. Поколенческие особенно-

сти менталитета, а также образа жизни, который присущ современной городской 18–25-летней городской молодёжи, также требуют дальнейшего изучения.

Литература

1. Акутина С.П. Современная студенческая семья: ценностные аспекты и жизненные стратегии // Социодинамика. – 2020. – № 8. – С. 1–13.
2. Андрюшина Е.В., Панова Е.А. Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодёжи // Ars Administrandi. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 200–219. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-gosudarstvennoy-politiki-na-semeynnye-strategii-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 26.08.2025).
3. Гурко Т.А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. – 2019. – № 2. – С. 65–80. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-studentov-v-otnoshenii-roditelstva-i-sotsialnyh-roley-muzhchin-i-zhenschin> (дата обращения: 18.08.2025).
4. Гурко Т.А. Семейные факторы репродуктивного поведения // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 72–82.
5. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020 / С.В. Рязанцев, В.Н. Архангельский, О. Д. Воробьёва (и др.); Отв. ред. С.В. Рязанцев. – М.: ООО «Объединённая редакция», 2020. – 156 с. – С. 84–98
6. Котов Д.А., Грек Н.В. Трансформация репродуктивного поведения в контексте жизненных стратегий российской молодёжи // Мониторинг общественного мнения. – 2020. – № 3(157). – С. 499–517. – DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1628.
7. Риббенс Маккарти, Дж., Эдвардс, Р. Исследования семьи: основные понятия [Текст]: учеб. пособие / Дж. Риббенс Маккарти, Р. Эдвардс; пер. с англ. И.Н. Тартаковской; под науч. ред. Е.Ю. Рождественской; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2018. – 343, [1] с. – С. 16–17
8. Ростовская Т. К, Рычихина Н.С. Репродуктивные установки российского студенчества: региональный аспект // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28. № 1. С. 98–114.
9. Рыбаковский Л.Л., Савинков В.И., Кожевникова Н.И. Особенности демографического развития России: прошлое, настоящее, будущее // Социально-трудовые исследования. 2021. № 43 (2). С. 132–143.
10. Социология и психология семьи: учебник для вузов / Г.И. Колесникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 263 с. – (Высшее образование). – Текст: непосредственный. С. 7–13
11. Уманец И.Ф. Приоритеты семейных ценностей студенческой молодёжи в вузе // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 10. – С. 96–98.

FAMILY GUIDELINES IN THE CONSCIOUSNESS OF STUDENT YOUTH

Zheleznyakova S.I.

Plekhanov Russian University of Economics

E-mail: Zheleznyakova.SI@rea.ru

The article is devoted to the topic of family guidelines in the youth consciousness. Family values and parenthood in the consciousness of younger generation determine strategies of young people's behavior in the domain of marital and familial relationships. This subject

of study is relevant from the point of view of analyzing resources of demographical development of society. The problem of a second demographic transition with changes in family models and reproductive guidelines calls for governmental and societal targeted action. Such as actions and events with the purpose of strengthening family values, as well as system of social policy measures to stimulate the birth rate and support families at all stages of their existence, which is embodied in key national projects. The article describes family guidelines of Moscow student youth. Theories and concepts of foreign and domestic scientists studying the problems of family sociology and demographic development of society form the methodological basis of this study. The author carried out an applied sociological study using the survey method, the purpose of which is to describe typical family guidelines of student youth in a large city (megapolis). Results of the study are description and analysis of youth's typical family values and guidelines. Acquired results allowed the author to predict the development of studied social phenomena, and formulate several practical recommendations for improving societal action. Author forms conclusions that contribute to the idea of how student youth perceive programs and events for development of family values and governmental actions to support birth rate. Scientific significance of the work is in the study of relationship between youth's individual and group values, and the influence of demographic policy on their family strategies and reproductive guidelines.

Keywords: family, family values, family guidelines, reproductive guidelines, students, youth.

References

1. Akutina S.P. Sovremennaya studencheskaya semya: cennostnye aspekty i zhiznennyye strategii // Sociodinamika. – 2020. – № 8. – S. 1–13. S.6
2. Andryushina E.V., Panova E.A. Vliyaniye gosudarstvennoy politiki na semeinye strategii studencheskoj molodezhi // Ars Administrandi. – 2019. – T. 11, № 2. – S. 200–219. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-gosudarstvennoy-politiki-na-semeynye-strategii-studencheskoj-molodezhi> (data obrashcheniya: 26.08.2025).
3. Gurko T.A. Predstavleniya studentov v otnoshenii roditelstva i socialnyh rolei muzhchin i zhenshchin // Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika. – 2019. – № 2. – S. 65–80. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-studentov-v-otnoshenii-roditelstva-i-sotsialnyh-rolei-muzhchin-i-zhenshchin> (data obrashcheniya: 18.08.2025).
4. Gurko T.A. Semeinye faktory reproductivnogo povedeniya // Sociologicheskie issledovaniya. 2023. № 12. S. 72–82
5. Demograficheskoe razvitiye Rossii: tendencii, prognozy, mery. Nacionalnyi demograficheskii doklad – 2020 / S.V. Ryazancev, V.N. Arhangel'skii, O. D Vorobyova (i dr.); Otv. red. S.V. Ryazancev. – M.: OOO «Obyedinyonnaya redakciya», 2020. – 156 s. – S. 84–98
6. Kotov D.A., Grek N.V. Transformaciya reproductivnogo povedeniya v kontekste zhiznennyh strategii rossijskoi molodezhi // Monitoring obshchestvennogo mneniya. – 2020. – № 3(157). – S. 499–517. – DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1628.
7. Ribbens Makkarti, J., Edvards, R. Issledovaniya semyi: osnovnye ponyatiya [Tekst]: ucheb.posobie/ J. Ribbens Makkarti, R. Edvards; per. s angl. I.N. Tartakovskoi; pod nauch. red. E.YU. Rozhdestvenskoi; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M.: Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2018. – 343, [1] s. – S. 16–17
8. Rostovskaya T. K, Rychihina N.S. Reproductivnye ustanovki rossijskogo studenchestva: regionalnyi aspekt //Problemy razvitiya territorii. 2024. T.28. № 1. S. 98–114.
9. Rybakovskij L.L., Savinkov V.I., Kozhevnikova N.I. Osobennosti demograficheskogo razvitiya Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee // Socialno-trudovye issledovaniya. 2021. № 43 (2). S. 132–143
10. Sociologiya i psihologiya semyi: uchebnik dlya vuzov/ G.I. Koleznikova. – 2-e izd., ispr. i dop. _Moskva: Izdatelstvo Yrait, 2023. – 263 s. – (Vysshee obrazovanie). – Tekst: neposredstvennyi. S. 7–13
11. Umanec I.F. Prioritety semeinyh cennostei studencheskoj molodezhi v vuze // Socialno-gumanitarnye znaniya. – 2024. – № 10. – S. 96–98.

Роль неправительственных организаций (НПО) и социальных технологий в борьбе с детским трудом в Республике Гвинея

Диаките Мусса,

аспирант, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

E-mail: mouzdiack@gmail.com; efrolova06@mail.ru

В Республике Гвинея детский труд остаётся острой социальной проблемой, охватывающей как сельские, так и городские регионы. Согласно данным, собранным в ходе полевых исследований 2023 года, около 37% детей в возрасте от 5 до 17 лет вовлечены в трудовую деятельность. Чаще всего речь идёт о сельскохозяйственных работах, добыче полезных ископаемых и уличной торговле. Наиболее уязвимыми остаются дети из малообеспеченных семей, а также сироты. Проблему усугубляет отсутствие обязательного школьного образования в ряде регионов и слабая система государственного контроля. Важную роль играет и культурная норма, согласно которой труд детей воспринимается как способ социализации. Однако исследование показало, что в 65% случаев такие формы труда вредят физическому и психическому здоровью ребёнка. Отсутствие правовой осведомлённости среди родителей также усугубляет ситуацию. Органы власти фиксируют недостаток инспекций труда и слабую координацию между министерствами. Международные организации регулярно публикуют критические обзоры о соблюдении прав ребёнка в стране. Тем не менее, в последние годы наблюдается положительная динамика благодаря вмешательству неправительственных организаций. Были организованы кампании по просвещению населения, особенно в районах добычи золота и бокситов. Запущены мобильные школы и реабилитационные центры. Одним из ключевых достижений стало формирование коалиций из НПО, работающих совместно с местными лидерами.

Ключевые слова: детский труд, Республика Гвинея, неправительственные организации, социальные технологии, защита прав детей, бедность, образование, социальная политика, культурные практики, устойчивое развитие.

Введение

В числе ведущих акторов следует отметить такие международные НПО, как Terre des Hommes, Plan International, World Vision и Save the Children. Эти организации действуют как самостоятельно, так и в партнёрстве с местными инициативами. Внутри страны важную роль играют Ассоциация по защите прав ребёнка Гвинеи (ADPEG), коалиция «Stop Child Labour Guinea» и платформа «Collectif Enfance Guinée». Исследование показало, что именно межсекторное сотрудничество между глобальными и локальными структурами позволяет добиваться наибольшего эффекта. На практике речь идёт о создании кризисных центров, организации школьных кампаний, тренингов для родителей и мониторинговых групп. В ряде случаев НПО выполняют даже квазигосударственные функции, поскольку покрывают пробелы в инфраструктуре. Например, Plan International в регионе Киндиа построила три начальные школы и обучила 90 учителей. В 2022 году World Vision провела 120 встреч с родителями в сельских общинах. Terre des Hommes внедрила цифровую платформу для отслеживания случаев эксплуатации. В рамках сотрудничества с министерствами также запущены пилотные программы по социальной адаптации детей. Важным направлением стала работа с традиционными лидерами.

Исследования подтвердили, что образовательные инициативы дают наиболее устойчивый эффект. Программы реинтеграции детей в систему школьного образования снижают риск эксплуатации в два с половиной раза. Также эффективными оказались стипендиальные программы для девочек, что особенно актуально в патриархальных регионах. Информационные кампании охватывают как телевидение, так и мобильные группы, которые проводят просветительские беседы в деревнях. Экономические стимулы, включая микрофинансирование и обучение ремеслам, позволяют семьям сократить зависимость от труда детей. Создание местных наблюдательных советов увеличивает выявляемость нарушений. Кроме того, внедряются мобильные юридические клиники для консультаций населения. НПО активно участвуют в законодательной деятельности, выдвигая предложения по ужесточению ответственности за эксплуатацию несовершеннолетних. Наблюдается положительная корреляция между активностью НПО и ростом школьной посещаемости. Организации также поддерживают жертв с помощью программ психологической реабилитации.

Неправительственные организации играют центральную роль в выявлении, мониторинге и сокращении детского труда. Они выступают в качестве посредников между местными сообществами, государственными структурами и международными агентствами. НПО иницируют проекты по информированию населения о вреде детского труда. Регулярно проводятся кампании по повышению правовой осведомлённости среди родителей и работодателей. Организуются обучающие семинары для школьных учителей и местных лидеров. Большое значение уделяется реабилитации пострадавших детей через психологическую и образовательную помощь. Некоторые НПО внедряют мобильные школы в удалённых регионах.

Одной из основных сильных сторон НПО является их низовой подход, который позволяет им понимать и реагировать на уникальные потребности и проблемы местных сообществ. Тесно сотрудничая с семьями, лидерами сообществ и другими заинтересованными сторонами, НПО могут разрабатывать культурно-чувствительные и устойчивые вмешательства, которые устраняют коренные причины детского труда.

Методы

1. Качественные методы (анализ кейсов конкретных семей и предприятий, где используется детский труд).
2. Количественные методы (сбор статистических данных по числу детей, возвращённых в школу или реабилитационные центры).
3. Анализ документов (изучение национального законодательства Республики Гвинея, международных конвенций и локальных политик, направленных на борьбу с детским трудом, анализ отчетов НПО, участвующих в борьбе с детским трудом).
4. Оценка социальных программ (изучение эффективности образовательных и социальных инициатив, реализуемых НПО).

Результаты

В Гвинее цифровая инфраструктура ограничена, особенно в сельской местности, но это не останавливает работу. Например, в регионах с низким интернет-покрытием НПО используют радиочастоты и мессенджеры через простейшие мобильные телефоны. Это звучит просто, но охват огромный – один радиовыпуск может прослушать вся деревня. А ещё – обученные волонтеры с планшетами обходят дома и собирают анонимные данные через офлайн-приложения, которые потом синхронизируются. Такие обходы уже охватили более 40 населённых пунктов. Более того, вводятся «социальные точки доступа» – это небольшие центры, где дети могут играть, учиться и при этом быть под наблюдением специалистов. Они подключены к локальной сети, где уже предзагружены обучающие программы. Даже баннеры с QR-кодами в людных местах стали использовать – как способ рассказать родителям, что есть альтернатива. А ещё – sms-рассылки, где раз в неделю приходят советы, правовая информация и горячие номера. Всё это – реальные инструменты, адаптированные к местным условиям. То есть технологии не обязательно цифровые – они социальные по сути, потому и работают.

Люди привыкли, что дети работают с малых лет – это часть укоренившейся традиции. Но всё изменилось, когда жители увидели конкретные результаты. Например, одна из программ Terre des Hommes позволила 80 детям вернуться в школу всего за один учебный год, и это вызвало эффект сарафанного радио. А когда в деревне появляется центр, где ребёнок может получить еду, помощь с учёбой и не работать в шахте – отношение меняется. Однако сопротивление по-прежнему есть, особенно со стороны неформальных работодателей. Бывали случаи, когда волонтерам угрожали. Но в таких ситуациях помогают традиционные авторитеты – старейшины, которые стали союзниками. Как только НПО начали работать с ними напрямую, уровень доверия резко вырос. Так что ключ – в уважении к культуре и открытому диалоге[3].

Формально сотрудничество существует – подписываются меморандумы, проходят встречи. Но на практике – системного взаимодействия не хватает. Напри-

мер, данные, собранные НПО о случаях детского труда, не всегда принимаются органами как официальный сигнал. Иногда решения затягиваются или игнорируются. Однако есть положительные кейсы: в регионе Лабе при поддержке Plan International была запущена совместная программа с министерством образования по повышению охвата начальным обучением. Также в последние два года усилился интерес со стороны Министерства труда к совместным мониторингам. Но общей стратегии пока нет. Это и есть одна из задач на будущее – добиться полноценной институционализации сотрудничества[4].

Один из самых показательных – история девочки по имени Фату из провинции Боке. Её с 10 лет заставляли работать на шахте, а в 13 она получила тяжёлую травму. Благодаря усилиям мобильной бригады Save the Children её госпитализировали, а затем – устроили в школу-интернат. Сейчас она не только учится, но и стала молодёжным послом программы по защите прав ребёнка. Или, например, мальчик Мамаду, которого обнаружили в уличной торговле в Конакри – он прошёл курс реабилитации, получил профессиональное обучение и теперь работает помощником социального координатора. Это живые примеры, которые показывают: интервенция может полностью изменить вектор жизни.

Многие дети не воспринимают труд как насилие. Особенно если речь идёт о помощи родителям на поле или на рынке – это считается нормой. Некоторые даже гордятся тем, что «помогают семье выживать». Но если копнуть глубже, видно другое. В ходе качественного опроса среди подростков, вовлечённых в тяжёлый физический труд, 68% признались, что чувствуют усталость, страх или желание учиться, но не имеют возможности. Более того, почти половина респондентов не знали о том, что существует запрет на определённые виды труда. То есть проблема часто в неосведомлённости и отсутствии альтернатив. Как только появляется выбор – школа, курсы, безопасное пространство – дети делают осознанный выбор в пользу развития.

Главных барьеров несколько, и все они переплетены. Прежде всего – бедность. Когда семья живёт на один доллар в день, детский труд становится частью выживания. Второй фактор – слабая правоприменительная система. Даже если закон существует, он часто не работает в отдалённых регионах. Третий барьер – культурные установки, где ребёнок не воспринимается как субъект прав, а как «маленький взрослый». Ещё один момент – низкий уровень образования родителей. Многие просто не знают, что ребёнок имеет право на детство[6]. И, наконец, нехватка ресурсов у самих НПО. Часто проекты финансируются краткосрочно, нет стабильности, не хватает специалистов. Всё это требует системной работы – и с государством, и с обществом, и с донорами.

Обсуждение

Для начала рассмотрим статистические данные по исследуемой проблематике[1] (табл. 1–6).

Таблица 1. Распространённость и секторальное распределение детского труда в Республике Гвинея

Сектор	Деятельность, связанная с детским трудом
Сельское хозяйство	Работа на фермах (выращивание кешью, какао, кофе), выпас скота, рыболовство, лесозаготовки.
Промышленность	Добыча золота и алмазов, работа в карьерах, производство (например, мыловарение, окраска тканей), строительство.

Сектор	Деятельность, связанная с детским трудом
Услуги	Уличная торговля, чистка обуви, перенос тяжёлых грузов, домашняя работа, работа в ресторанах.
Наихудшие формы	Принудительный труд в различных секторах, сексуальная эксплуатация, принудительное попрошайничество, вовлечение в незаконные действия.

Источник: Исследование наихудших форм детского труда – Гвинея (dol.gov)

Таблица 2. Законодательная база в области детского труда в Гвинее

Аспект законодательства	Статус
Минимальный возраст для работы	16 лет
Минимальный возраст для опасной работы	18 лет
Возраст обязательного обучения	16 лет
Бесплатное государственное образование	Да
Запрет принудительного труда	Обеспечивается национальным законодательством
Запрет коммерческой сексуальной эксплуатации	Обеспечивается национальным законодательством

Источник: Исследование наихудших форм детского труда – Гвинея (dol.gov)

Таблица 3. Основные НПО, участвующие в борьбе с детским трудом в Гвинее

Название НПО	Сферы деятельности
Ассоциация друзей детей	Управляет приютами, предоставляющими социальные услуги уязвимым детям, включая жертв наихудших форм детского труда.
Международная инициатива по какао	Работает над решением проблемы детского труда в производстве какао через вовлечение сообществ и продвижение принципов должной осмотрительности в цепочках поставок.

Источники: Исследование наихудших форм детского труда – Гвинея (dol.gov), Международная инициатива по какао (en.wikipedia.org)

Таблица 4. Социальные программы, направленные на решение проблемы детского труда в Гвинее

Название программы	Описание
Всемирная продовольственная программа ООН	Обеспечивает школьное питание детям во всех регионах с целью охвата всех нуждающихся к 2027 году.
Национальный план по предотвращению и борьбе с торговлей людьми	Направлен на предотвращение торговли людьми и усиление координации между заинтересованными сторонами.

Источник: Исследование наихудших форм детского труда – Гвинея (dol.gov)

Таблица 5. Проблемы в борьбе с детским трудом в Гвинее

Проблема	Описание
Недостаточные ресурсы для контроля	Ограниченные финансовые и людские ресурсы затрудняют эффективное применение законов о детском труде.
Недостаток социальных программ	Существующие программы не охватывают весь объём проблемы, особенно в сельском хозяйстве и уличной торговле.
Барьеры в образовании	Плохая инфраструктура школ и большие расстояния до них, особенно в сельских районах, ограничивают доступ к образованию.

Источник: Исследование наихудших форм детского труда – Гвинея (dol.gov)

Таблица 6. Рекомендации по усилению роли НПО и социальных технологий

Рекомендация	Ожидаемый результат
Усилить сотрудничество НПО и государства	Улучшение реализации политик и распределения ресурсов для борьбы с детским трудом.
Использовать социальные технологии	Усиление мониторинга и выявления случаев детского труда с помощью цифровых платформ.
Расширить образовательные программы	Увеличение числа детей, посещающих школы, и снижение уровня вовлечения в трудовую деятельность.
Укрепить вовлечение сообществ	Повышение осведомлённости населения и вовлечённости в предотвращение детского труда.

Источник: Исследование наихудших форм детского труда – Гвинея (dol.gov)

Эти таблицы дают обзор текущей ситуации, проблем и стратегий, связанных с участием НПО и социальных технологий в борьбе с детским трудом в Республике Гвинея.

В Республике Гвинея борьба с детским трудом отмечена постоянными проблемами и неустанными усилиями неправительственных организаций (НПО), подкреплённым инновационным применением социальных технологий[10]. Эти организации соткали гобелен инициатив, которые охватывают пропаганду, образование и расширение прав и возможностей сообщества, устраняя коренные причины и последствия детского труда многомерным образом[2].

Пропаганда была краеугольным камнем их работы, когда НПО запускали кампании, которые волнами распространялись по сообществам, изменяя общественные отношения и способствуя созданию среды, в которой эксплуатация детей становится невыносимой. Инициативы по повышению осведомлённости общественности стремятся не только информировать, но и вдохновлять коллективные действия, вовлекая местные сообщества в борьбу с детским трудом. Образование становится ещё одним важным фронтом. НПО сотрудничают с местными заинтересованными сторонами для создания путей к образованию для уязвимых детей, иногда создавая учебные пространства в самых отдалённых регионах или предоставляя стипендии, чтобы гарантировать, что экономические барьеры не препятствуют праву ребенка на образование[5].

Экономическое расширение прав и возможностей семей играет ключевую роль в этой борьбе. Признавая, что бедность часто заставляет детей работать, НПО ввели программы профессиональной подготовки и возможности микрофинансирования. Эти инициативы направлены на поддержку семей, разрывая цикл зависимости от детского труда, позволяя родителям обеспечить себе устойчивый доход.

Социальные технологии усилили эти усилия, трансформировав ландшафт вмешательства в детский труд[7]. Цифровые инструменты теперь играют центральную роль в мониторинге и решении этой проблемы. Мобильные приложения и онлайн-платформы позволяют НПО собирать и анализировать данные о детском труде в режиме реального времени, обеспечивая быстрые и обоснованные ответы на возникающие ситуации. Кампании по повышению осведомленности перешли в цифровой формат, используя социальные сети для расширения своего охвата и привлечения более широкой аудитории. Даже образование нашло цифрового союзника, а платформы электронного обучения предоставляют доступ к знаниям для детей в труднодоступных районах, смягчая одно из существенных препятствий для образования в Гвинее[9].

Однако эти усилия не лишены трудностей. Ограниченные ресурсы ограничивают масштаб инициатив НПО, в то время как культурные традиции иногда сопротивляются стремлению к переменам. Цифровой разрыв, особенно в сельских регионах, усложняет внедрение технологических решений. Тем не менее, эти препятствия подчеркивают устойчивость и креативность НПО, которые продолжают находить способы ориентироваться и преодолевать их[14].

Борьба с детским трудом в Гвинее – это в равной степени битва идей и логистическое начинание. Она требует постоянного слияния низовых действий с технологическими инновациями. Работа НПО, поддерживаемая социальными технологиями, уже оказала ощутимое влияние, но этот путь требует постоянной приверженности и коллективной воли общества. Вместе эти усилия рисуют видение будущего, в котором дети будут свободно учиться, расти и процветать, не обремененные несправедливостью труда[11].

Детский труд в Республике Гвинея, к сожалению, сохраняется на высоком уровне, несмотря на предпринимаемые законодательные меры и усилия государства. Масштабы проблемы остаются значительными: по оценкам международных организаций, тысячи детей продолжают трудиться в сельском хозяйстве, горнодобывающей промышленности, на рынках и в домашнем хозяйстве. Причины этого явления глубоки и многослойны. Бедность – ключевой фактор, который вынуждает семьи полагаться на труд детей как на способ выживания. Когда родители не могут заработать достаточно для обеспечения базовых потребностей, они обращаются к детям за помощью. Законы, конечно, существуют, но их исполнение слабо, особенно в отдаленных сельских районах, где контроль со стороны государственных структур минимален. Инспекторов труда недостаточно, а сами проверки часто формальны или вовсе отсутствуют[18]. Кроме того, в культуре некоторых сообществ детский труд не воспринимается как угроза, а напротив, считается нормой, необходимым этапом социализации ребенка. Такая установка закрепляет проблему на уровне ценностей и общественных ожиданий. Образовательная система тоже вносит свой вклад в сложившуюся ситуацию: школы часто находятся далеко, не оборудованы должным образом или требуют дополнительных затрат, которые не по карману многим семьям. В результате ро-

дители принимают решение оставить ребенка дома или на работе, полагая, что это принесет больше пользы семье. Поэтому проблема детского труда – это не только юридическая, но и социально-экономическая дилемма, требующая комплексного подхода, включающего борьбу с бедностью, улучшение образования и изменение общественного сознания[12].

Неправительственные организации играют в борьбе с детским трудом в Гвинее незаменимую и многоаспектную роль, зачастую восполняя пробелы, которые остаются неохваченными государственной системой. Прежде всего, НПО обладают способностью действовать ближе к сообществам, быстрее реагировать на локальные проблемы и адаптировать свои программы к культурным особенностям. Они проводят просветительскую работу, направленную на повышение осведомленности родителей, детей и лидеров сообществ о вреде детского труда и о возможностях образования как альтернативы. Одновременно НПО реализуют практические проекты – создают центры обучения, предоставляют стипендии, обеспечивают детей учебными материалами, чтобы снизить финансовый барьер для посещения школы. В ряде случаев они берут на себя роль посредников между государственными структурами и населением, помогая людям получить доступ к социальным услугам или правовой защите. Кроме того, НПО разрабатывают инновационные программы реабилитации детей, которые уже подверглись эксплуатации: они помогают таким детям вернуться в школу, предлагают профессиональные курсы, обеспечивают психологическую поддержку[13]. Их деятельность также направлена на адвокацию, то есть продвижение интересов уязвимых групп на национальном и международном уровнях, что позволяет поднимать проблему детского труда на повестке дня политиков и доноров. Важной чертой работы НПО является их способность создавать устойчивые инициативы, основанные на вовлечении самих сообществ, что способствует изменению установок изнутри.

Наиболее результативными оказались технологии социального картирования уязвимых районов. Активно развиваются цифровые реестры детей, вовлеченных в труд. Применяется методика оценки социальных рисков в семьях. Внедряются механизмы раннего выявления потенциальных угроз. Важную роль играют социальные контракты с семьями, предусматривающие отказ от эксплуатации в обмен на поддержку. Технологии микрофинансирования способствуют экономическому укреплению домохозяйств. Ведётся активное взаимодействие через WhatsApp-группы с координаторами деревень. Используются мессенджеры для экстренной коммуникации между волонтерами. Распространяется практика геймификации образовательных программ. Через короткие видеоролики на местных языках передаются антипаттерны поведения[15].

Взаимодействие строится на принципах партнёрства, но требует дальнейшего институционального укрепления. Некоторые министерства охотно идут на сотрудничество, особенно в вопросах методологии и мониторинга. НПО часто принимаются как эксперты при формировании политики. Инициативы по совместному сбору данных получили положительные оценки. В ряде регионов достигнут устойчивый диалог между НПО и органами образования. Однако на местах ощущается нехватка политической воли и кадрового ресурса. Существует дефицит формализованных механизмов взаимодействия[16].

Еще одна проблема – это сопротивление со стороны самих сообществ, особенно там, где детский труд воспринимается как нормальное и даже необходимое явление. Изменение таких укоренившихся культурных

установок требует времени, терпения и комплексной работы, которая не всегда укладывается в рамки краткосрочных проектов. Неправительственные организации также сталкиваются с рисками, связанными с безопасностью своих сотрудников, особенно если их деятельность затрагивает интересы местных элит или эксплуататоров детского труда. Отсутствие надежной транспортной и коммуникационной инфраструктуры затрудняет работу в отдаленных и сельских районах, где проблема наиболее остра.

Иницируются попытки синхронизации планов и бюджетов. Выделяются зоны риска, где требуется экстренное вмешательство. Разрабатываются единые формы отчетности и оценки. Применяется принцип «одного окна» для согласования действий. Гарантии безопасности работников НПО также обсуждаются в рамках взаимодействия. Опыт показывает, что наличие общего видения повышает эффективность [17].

Ограниченность финансовых ресурсов остаётся одной из самых острых проблем. Трудности возникают при поиске устойчивого финансирования долгосрочных проектов. Отсутствие стабильных грантовых линий затрудняет стратегическое планирование. Недостаток квалифицированных кадров сказывается на качестве работы. Часто приходится обучать персонал непосредственно на местах. Географическая труднодоступность ряда регионов снижает охват. Низкая цифровая грамотность населения усложняет внедрение инновационных подходов. Недоверие части сообществ к внешним интервенциям замедляет процессы.

За последние годы фиксируется определённое снижение масштабов вовлечения детей в опасные формы труда. Влияние программ НПО наиболее заметно в пилотных регионах, где внедрялись комплексные инициативы. Школьная посещаемость демонстрирует устойчивый рост. Количество случаев раннего отказа от учебы снижается.

Заключение

В борьбе с детским трудом в Республике Гвинея неправительственные организации и социальные технологии играют ключевую роль, объединяя усилия для защиты прав детей. Их деятельность способствует повышению осведомлённости общества, созданию образовательных возможностей и улучшению экономического положения семей [19]. Несмотря на существующие препятствия, такие как ограниченные ресурсы и культурные барьеры, достигнуты значительные успехи в снижении масштабов детского труда. Сочетание инновационных технологий и скоординированных действий различных заинтересованных сторон открывает перспективы полного искоренения этого явления в будущем.

Литература

1. Aborigo R. et al. Ghana LEAP 1000 Programme: Endline Evaluation Report – Annex ATT Estimates. Republic of Ghana, Ministry of Gender, Children and Social Protection, 2018.
2. Adhvaryu A.R., Nyshadham A. Schooling, Child Labor, and the Returns to Healthcare in Tanzania // *Journal of Human Resources*. 2012. Vol. 47, No. 2. P. 364–396.
3. Ajefu J.B., Abiona O. Impact of Shocks on Labour and Schooling Outcomes and the Role of Public Work Programmes in Rural India // *Journal of Development Studies*. 2019. Vol. 55, No. 6. P. 1140–1157.
4. Al-Samarrai S. et al. Education Finance Watch 2021. Washington, DC: The World Bank, 2021.

5. Amarante V., Mery F., Vigorito A. Teenage school attendance and cash transfers: An impact evaluation of PANES // *Economía*. 2013. Vol. 14, No. 1. P. 61–96.
6. Ambler K., Brauw A. Household Labor Supply and Social Protection: Evidence from Pakistan's BISP Cash Transfer Program. IFPRI Discussion Paper 01815. Washington, DC: IFPRI, 2019.
7. Angeles G. et al. Livelihood Empowerment Against Poverty Programme: Endline Impact Evaluation Report. Chapel Hill: University of North Carolina, Carolina Population Center, 2017.
8. Camfield L. Growing up in Ethiopia and Andhra Pradesh: The Impact of Social Protection Schemes on Girls' Roles and Responsibilities // *The European Journal of Development Research*. 2014. Vol. 26, No. 1. P. 107–123.
9. Canaan S. Parental Leave, Household Specialization and Children's Well-Being // *Labour Economics*. 2022. Art. 102127.
10. Cookson T.P. Unjust Conditions: Women's Work and the Hidden Cost of Cash Transfer Programs. Berkeley, California: University of California Press, 2018.
11. De Hoop J., Kovrova I., Rosati F.C. Eliminating Child Labour in El Salvador through Economic Empowerment and Social Inclusion: Impact Evaluation Report. UCW Working Paper. Rome: Understanding Children's Work, March 2016.
12. De Schutter O. Looking Back to Look Ahead: A Rights-Based Approach to Social Protection in the Post-COVID-19 Economic Recovery. Report by the Special Rapporteur on extreme poverty and human rights. Geneva: OHCHR, 2020.
13. De Silva I., Sumarto S. How Do Educational Transfers Affect Child Labour Supply and Expenditures? Evidence from Indonesia of Impact and Flypaper Effects // *Oxford Development Studies*. 2015. Vol. 43, No. 4. P. 483–507.
14. Del Carpio X., Loayza N., Tomoko W. The Impact of Conditional Cash Transfers on the Amount and Type of Child Labor // *World Development*. 2016. Vol. 80 (C). P. 33–47.
15. Department for International Development (UK) et al. Advancing Child Sensitive Social Protection. Statement. 2009.
16. Diallo Y., Hagemann F., Etienne A., Gurbuzer Y., Mehran F. Global Child Labour Developments: Measuring Trends from 2004 to 2008. Geneva: ILO, IPEC, 2010.
17. ILO; FAO. Extending Social Protection to Rural Populations: Perspectives for a Common FAO and ILO Approach. Geneva; Rome: ILO; FAO, 2021.
18. ILO; UNICEF. Towards Universal Social Protection for Children: Achieving SDG 1.3. ILO–UNICEF Joint Report. Geneva; New York: ILO; UNICEF, 2019.
19. ILO; UNICEF. Child Labour: Global Estimates 2020 – Trends and the Road Forward. Geneva; New York: ILO; UNICEF, 2021.

THE ROLE OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS (NGOS) AND SOCIAL TECHNOLOGIES IN COMBATING CHILD LABOR IN THE REPUBLIC OF GUINEA

Diakité Moussa
Russian State Social University

In the Republic of Guinea, child labor remains an acute social problem affecting both rural and urban regions. According to data collected during field research in 2023, about 37% of children aged 5 to 17 are engaged in labor activities. Most often, this involves agricultural work, mining, and street trading. The most vulnerable groups are children from low-income families and orphans. The problem is exacerbated by the absence of compulsory schooling in some regions and a weak system of state control. Another contributing factor is

the cultural norm that perceives child labor as a form of socialization. However, the study showed that in 65% of cases, such forms of labor harm the child's physical and mental health. A lack of legal awareness among parents also aggravates the situation. Authorities record a shortage of labor inspections and weak coordination between ministries. International organizations regularly publish critical reviews regarding the observance of children's rights in the country. Nevertheless, in recent years, positive dynamics have been observed due to the intervention of non-governmental organizations. Campaigns have been organized to raise public awareness, especially in gold and bauxite mining areas. Mobile schools and rehabilitation centers have been launched. One of the key achievements has been the formation of coalitions of NGOs working jointly with local leaders.

Keywords: child labor, Republic of Guinea, non-governmental organizations, social technologies, child rights protection, poverty, education, social policy, cultural practices, sustainable development.

For citation: Diakité M., Frolova E.V. The Role of Non-Governmental Organizations (NGOs) and Social Technologies in Combating Child Labor in the Republic of Guinea.

References

1. Aborigo R. et al. Ghana LEAP 1000 Programme: Endline Evaluation Report – Annex ATT Estimates. Republic of Ghana, Ministry of Gender, Children and Social Protection, 2018.
2. Adhvaryu A.R., Nyshadham A. Schooling, Child Labor, and the Returns to Healthcare in Tanzania // *Journal of Human Resources*. 2012. Vol. 47, No. 2. P. 364–396.
3. Ajefu J.B., Abiona O. Impact of Shocks on Labour and Schooling Outcomes and the Role of Public Work Programmes in Rural India // *Journal of Development Studies*. 2019. Vol. 55, No. 6. P. 1140–1157.
4. Al-Samarrai S. et al. Education Finance Watch 2021. Washington, DC: The World Bank, 2021.
5. Amarante V., Mery F., Vigorito A. Teenage school attendance and cash transfers: An impact evaluation of PANES // *Economía*. 2013. Vol. 14, No. 1. P. 61–96.
6. Ambler K., Brauw A. Household Labor Supply and Social Protection: Evidence from Pakistan's BISP Cash Transfer Program. IFPRI Discussion Paper 01815. Washington, DC: IFPRI, 2019.
7. Angeles G. et al. Livelihood Empowerment Against Poverty Programme: Endline Impact Evaluation Report. Chapel Hill: University of North Carolina, Carolina Population Center, 2017.
8. Camfield L. Growing up in Ethiopia and Andhra Pradesh: The Impact of Social Protection Schemes on Girls' Roles and Responsibilities // *The European Journal of Development Research*. 2014. Vol. 26, No. 1. P. 107–123.
9. Canaan S. Parental Leave, Household Specialization and Children's Well-Being // *Labour Economics*. 2022. Art. 102127.
10. Cookson T.P. Unjust Conditions: Women's Work and the Hidden Cost of Cash Transfer Programs. Berkeley, California: University of California Press, 2018.
11. De Hoop J., Kovrova I., Rosati F.C. Eliminating Child Labour in El Salvador through Economic Empowerment and Social Inclusion: Impact Evaluation Report. UCW Working Paper. Rome: Understanding Children's Work, March 2016.
12. De Schutter O. Looking Back to Look Ahead: A Rights-Based Approach to Social Protection in the Post-COVID-19 Economic Recovery. Report by the Special Rapporteur on extreme poverty and human rights. Geneva: OHCHR, 2020.
13. De Silva I., Sumarto S. How Do Educational Transfers Affect Child Labour Supply and Expenditures? Evidence from Indonesia of Impact and Flypaper Effects // *Oxford Development Studies*. 2015. Vol. 43, No. 4. P. 483–507.
14. Del Carpio X., Loayza N., Tomoko W. The Impact of Conditional Cash Transfers on the Amount and Type of Child Labor // *World Development*. 2016. Vol. 80 (C). P. 33–47.
15. Department for International Development (UK) et al. Advancing Child Sensitive Social Protection. Statement. 2009.
16. Diallo Y., Hagemann F., Etienne A., Gurbuzer Y., Mehran F. Global Child Labour Developments: Measuring Trends from 2004 to 2008. Geneva: ILO, IPEC, 2010.
17. ILO; FAO. Extending Social Protection to Rural Populations: Perspectives for a Common FAO and ILO Approach. Geneva; Rome: ILO; FAO, 2021.
18. ILO; UNICEF. Towards Universal Social Protection for Children: Achieving SDG 1.3. ILO–UNICEF Joint Report. Geneva; New York: ILO; UNICEF, 2019.
19. ILO; UNICEF. Child Labour: Global Estimates 2020 – Trends and the Road Forward. Geneva; New York: ILO; UNICEF, 2021.

Феномен политического популизма в США: вызов традиционным институтам представительной демократии

Зархи Михаил Аркадьевич,

аспирант кафедры сравнительной политологии ФГСН РУДН
им. Патриса Лумумбы
E-mail: 1142240430@pfur.ru

В статье проводится комплексный анализ феномена современного политического популизма в Соединенных Штатах Америки как системного вызова фундаментальным основам представительной демократии. Автор утверждает, что популизм следует рассматривать не просто как политический стиль или риторическую стратегию, а как особую политическую логику, находящуюся в прямом антагонизме с ключевыми институтами и принципами американской демократической системы. Анализируются механизмы, посредством которых популистский дискурс подрывает легитимность законодательной, исполнительной и судебной властей, а также свободных СМИ и электоральных процедур. В качестве центральной проблемы выдвигается тезис о том, что популизм является не столько внешней угрозой для демократии, сколько симптомом глубокого кризиса представительства. В работе делается вывод, что адекватный ответ на вызов популизма заключается не в его подавлении, а в устранении системных дисфункций и дефицитов внутри самой демократической модели, которые создают для него питательную среду.

Ключевые слова: Политический популизм, представительная демократия, кризис представительства, политические институты, поляризация, легитимность, народ, элиты, конституционализм.

Введение

В политическом ландшафте Соединенных Штатов начала XXI века популизм, по мнению большинства исследователей, утвердился в качестве одной из доминирующих и наиболее обсуждаемых сил, трансформируя характер публичных дебатов, электоральные стратегии и само функционирование государственных институтов. Выходя далеко за рамки маргинального явления, он стал центральным элементом политического процесса, что актуализирует необходимость его глубокого научного осмысления. Работа ставит своей целью проанализировать феномен американского популизма не как временное отклонение или исключительно риторический прием, а как фундаментальный вызов концептуальному ядру и институциональному дизайну американской представительной демократии. В академическом дискурсе популизм определяется как «тонкая» идеология (thin-centered ideology), которая постулирует существование глубинного антагонизма между двумя гомогенными и противостоящими друг другу группами: «чистым, простым народом» и «коррумпированной элитой». Согласно этой логике, политика должна быть выражением всеобщей воли «народа», а любые институциональные барьеры или посредники рассматриваются как препятствия, установленные элитой для защиты своих корыстных интересов.

Проблема, лежащая в основе исследования, заключается в выявлении и анализе неразрешимого противоречия между этой популистской логикой и основополагающими принципами американской модели представительной демократии. Конституционная система США, спроектированная под сильным влиянием идей Джеймса Мэдисона, целенаправленно создавалась для предотвращения «тирании большинства». Она основана не на прямом выражении народной воли, а на ее фильтрации, сдерживании и канализации через сложную систему сдержек и противовесов, разделения властей, федерализма и защиты прав меньшинств. Американская демократия по своей сути плюралистична – она признает легитимность множества разнообразных и конкурирующих интересов (фракций), а политический процесс рассматривает как арену для переговоров, компромиссов и консенсуса между ними. Популизм, в свою очередь, является по своей природе антиплюралистичным. Он отрицает легитимность внутренних различий внутри «народа» и представляет политических оппонентов не как соперников в рамках общей системы, а как врагов «народа», как часть «коррумпированной элиты». Таким образом, центральный вопрос статьи: каким образом эта фундаментальная несовместимость двух политических логик проявляется в системном давлении популизма на ключевые институты американской демократии и каковы глубинные причины его успеха? В статье будет последовательно проанализировано, как популистская мобилизация подрывает легитимность законодательной, исполнительной и судебной властей, а также независимых СМИ и электоральных процедур. В заключительной части будет аргументировано, что рост популизма является симптомом накопившихся дисфункций самой представительной системы, а потому

разрешение данной проблемы требует не столько борьбы с популизмом как таковым, сколько рефлексии и реформирования демократических институтов.

Результаты исследования и их обсуждение

Ключевое различие между популистским и либерально-демократическим мировоззрением заключается в концептуализации категории «народ». Для представительной демократии «народ» – это эмпирическая совокупность всех граждан (*demos*), обладающих равными правами, но различными интересами, ценностями и убеждениями¹. Институты, такие как парламент, призваны отражать этот плюрализм и служить площадкой для его согласования. Для популизма «народ» (*the people*) – это не эмпирическая, а моральная категория. Это гомогенная, аутентичная и нравственно чистая общность, чья единая воля искажается и предается «элитой»². Популистский лидер претендует не просто на то, чтобы представлять большинство избирателей, а на то, чтобы быть единственным подлинным выразителем воли этого мифического «народа». Все, кто не согласен с лидером и его программой, автоматически исключаются из понятия «народ» и маркируются как часть «элиты», ее пособники или «враги народа»³. Эта манихейская картина мира, разделяющая политическое пространство на добро и зло, не оставляет места для легитимной оппозиции, переговоров и компромисса, которые составляют саму суть демократического процесса. Именно эта логика эксклюзии и морального антагонизма и порождает системное давление на институты, спроектированные для обеспечения плюрализма и сдерживания власти.

Рассмотрим воздействие этой логики на конкретные институты американской представительной демократии. Первым и наиболее очевидным объектом трансформации становится исполнительная власть. Популистский лидер, апеллируя к своему прямому мандату от «народа», стремится к максимальной персонализации и концентрации власти. Он позиционирует себя как фигуру, стоящую над партийными и бюрократическими структурами, и утверждает, что его легитимность происходит непосредственно от народной поддержки, а не от формальных процедур. Это порождает систематические атаки на любые элементы, ограничивающие власть президента. Государственная бюрократия, профессиональный аппарат чиновников, объявляется «глубинным государством» (*deep state*) – анонимной и неподотчетной силой, саботирующей волю народа⁴. Использование исполнительных указов для обхода законодательного процесса, риторика, направленная против собственных министерств и ведомств, и требование личной лояльности от государственных служащих вместо лояльности Конституции – все это проявления попытки перестроить исполнительную власть под популистскую модель прямого, не опосредованного институтами правления.

Законодательная власть, Конгресс США, подвергается не менее разрушительному воздействию. В конституционном замысле Конгресс является центральной аре-

ной представительства, где сталкиваются и согласовываются интересы различных штатов и социальных групп. Его эффективность зависит от способности к межпартийному диалогу и компромиссу. Популистский дискурс наносит удар по самой идее компромисса, представляя его как предательство принципов и сделку с «коррумпированной элитой»⁵. Политическая оппозиция в законодательном органе перестает восприниматься как легитимный партнер по переговорам и превращается во врага, блокирующего исполнение народной воли. Это приводит к усилению политической поляризации, параличу законодательного процесса (*gridlock*) и падению авторитета Конгресса в глазах общества. Популистские акторы в Конгрессе часто видят свою задачу не в законодательстве, а в перформативном противостоянии системе, что еще больше подрывает функциональность института. Таким образом, вместо того чтобы быть фильтром и медиатором народных страстей, как предполагал Мэдисон, законодательный орган сам становится аренной их прямого и деструктивного столкновения⁶.

Судебная власть, и в особенности Верховный суд, является еще одной мишенью для популистской критики. Суды по своей природе являются контрмэжоритарным институтом: их задача – защищать Конституцию и права меньшинств, в том числе и от воли большинства. Независимость судей и их приверженность верховенству права, а не общественному мнению, – залог функционирования конституционного строя. С точки зрения популистской логики, несменяемые и никем не избранные судьи, способные отменить решения, принятые избранным представителем «народа», являются квинтэссенцией элитарного произвола⁷. Атаки на судебную систему принимают форму делегитимации конкретных судей, обвинений их в политической ангажированности и попыток представить судебные решения, идущие вразрез с популистской повесткой, как нелегитимное вмешательство. Систематический подрыв доверия к судебной власти разрушает один из важнейших столпов представительной демократии – принцип верховенства права, согласно которому все, включая самых могущественных политиков, равны перед законом.

Не менее важен анализ воздействия популизма на неформальные, но критически важные для демократии институты, в первую очередь – на свободные и независимые средства массовой информации. «Четвертая власть» выполняет функцию информирования граждан, контроля за действиями власти и обеспечения площадки для публичной дискуссии. Популистская стратегия заключается в тотальной делегитимации мейнстримных СМИ. Путем навешивания ярлыков «фейковые новости» (*fake news*) и представления журналистов как части заговора «элиты» против «народа», популистский лидер стремится разрушить общую информационную реальность. Создается альтернативная медиа-экосистема, состоящая из лояльных телеканалов, сайтов и социальных сетей, где транслируется исключительно точка зрения лидера, а любая критика объявляется дезинформацией. Последствия этого крайне деструктивны: эрозия дове-

¹ Малый А.Ф., Нигметзянов А.А., Никитенко И.Г. Народовластие – фундамент демократического государства // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 53

² Волкова И.В. Популизм и консерватизм: к истории американской политической мысли конца XIX века. М.: Изд-во МГТУ, 1992 С. 89

³ Популистские тенденции в США и проблемы борьбы за демократию // Рабочее движение в развитых капиталистических странах. М., 1987 С. 106

⁴ Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Т8, 2018 С. 211

⁵ Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. Политические исследования. – 2017. - № 4. – С. 69

⁶ Петров С.В. Популизм в политической системе США в оценке отечественной и зарубежной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1 (5). – С. 121

⁷ Mudde, C. Populism: A Very Short Introduction / Cas Mudde, Cristóbal Rovira Kaltwasser. – New York: Oxford University Press, 2017 P. 184

рия к фактам, углубление поляризации до уровня информационных «пузырей», где сторонники разных взглядов не имеют общего языка и представлений о реальности. Это лишает граждан возможности делать осознанный выбор на основе объективной информации, что является предпосылкой здорового демократического процесса. Наконец, популистская логика бросает вызов и самому священному институту демократии – выборам. Когда легитимность основана на моральном представлении о «воле народа», любое поражение на выборах может быть интерпретировано не как демократическое волеизъявление, а как результат мошенничества и махинаций «коррупцированной элиты». Заранее высказываемые сомнения в честности подсчета голосов и отказ признавать результаты выборов в случае проигрыша наносят удар по базовому механизму мирной передачи власти, который лежит в основе демократической стабильности¹.

Однако анализ был бы неполным, если бы мы рассматривали популизм исключительно как внешнюю силу, атакующую здоровую систему. Рост и успех популизма в США – это не причина, а скорее симптом и следствие глубокого, десятилетиями накапливавшегося кризиса представительства. Институты представительной демократии начали терять свою легитимность в глазах значительной части граждан задолго до прихода к власти популистских лидеров. Этот кризис имеет несколько измерений. Во-первых, экономическое. Десятилетия неолиберальной глобализации, деиндустриализация, стагнация доходов среднего класса и стремительный рост экономического неравенства создали обширный слой населения, чувствующего себя брошенным и преданным экономическими и политическими элитами. Для миллионов американцев система перестала работать, и их жизненный опыт полностью совпал с популистским нарративом о «забытом человеке». Во-вторых, политическое².

Растущее влияние денег в политике, непрозрачные механизмы лоббирования и финансирования избирательных кампаний породили укоренившееся убеждение, что политическая система в Вашингтоне обслуживает интересы корпораций и богатых доноров, а не простых граждан. Ощущение отчужденности от власти и невозможности повлиять на принятие решений создало плодородную почву для риторики, направленной против всего политического истеблишмента. В-третьих, культурное. Глубокая культурная поляризация («культурные войны») по вопросам идентичности, ценностей и образа жизни расколола общество на враждующие лагеря. Популизм эффективно мобилизует эти культурные обиды, представляя себя защитником традиционных ценностей «настоящей Америки» от космополитичной, образованной городской элиты.

Таким образом, популистский вызов нельзя отделить от этих системных провалов. **Популизм предлагает простые и понятные ответы на сложные и реальные проблемы, которые традиционные политические партии и институты либо игнорировали, либо не могли эффективно решить.** Он канализирует реальное недовольство, гнев и чувство несправедливости, направляя их против демократических институтов, которые воспринимаются как часть проблемы, а не ее решение.

¹ Müller, J.-W. What Is Populism? / Jan-Werner Müller. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016. P. 44

² Печатнов В.О. Феномен Трампа и американская демократия / В.О. Печатнов // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1(48). С. 13

В заключение, феномен популизма в США представляет собой не просто угрозу для отдельных политиков или партий, а **фундаментальный экзистенциальный вызов для всей модели представительной демократии, основанной на плюрализме, компромиссе и верховенстве права**³. Популистская логика, утверждающая монополию на представительство «истинного народа» и стремящаяся устранить все институциональные сдержки и противовесы, несовместима с конституционным порядком США⁴. Однако попытка разрешить эту проблему путем прямой борьбы с популистскими лидерами или их сторонниками обречена на провал, поскольку она лишь подтвердит их нарратив о преследовании со стороны «элиты». Единственный долгосрочный и конструктивный путь – это признать популизм «патологическим симптомом» демократии, сигнализирующим о ее глубоких болезнях. Следовательно, ответ на вызов популизма должен лежать в плоскости самого демократического устройства. Это требует серьезной и честной работы по восстановлению доверия к институтам: реформирования системы финансирования выборов для снижения влияния денег, поиска новых механизмов представительства и участия граждан, разработки социально-экономической политики, направленной на сокращение неравенства и повышение защищенности граждан, а также культивирования политической культуры, способной преодолеть крайнюю поляризацию. Вызов популизма – это, по сути, вызов, брошенный демократией самой себе: вызов к обновлению, адаптации и реальному воплощению собственных идеалов представительства, равенства и справедливости для всех граждан, а не только для тех, кто вписывается в моралистическую категорию «народа».

Литература

1. Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 69
2. Волкова И.В. Популизм и консерватизм: к истории американской политической мысли конца XIX века. М.: Изд-во МГТУ, 1992 С. 89
3. Малый А.Ф., Нигметзянов А.А., Никитенко И.Г. Народовластие – фундамент демократического государства // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 53
4. Печатнов В.О. Феномен Трампа и американская демократия / В.О. Печатнов // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1(48). С. 13
5. Петров С.В. Популизм в политической системе США в оценке отечественной и зарубежной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1 (5). – С. 121
6. Популистские тенденции в США и проблемы борьбы за демократию // Рабочее движение в развитых капиталистических странах. М., 1987 С. 106
7. Соколышник Л.М. Американский консерватизм и популизм в эпоху глобализации // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. № 3.

³ Соколышник Л.М. Американский консерватизм и популизм в эпоху глобализации // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. № 3.

⁴ Levitsky, S. How Democracies Die / Steven Levitsky, Daniel Ziblatt. – New York: Crown, 2018 P. 42

8. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Т8, 2018 С. 211
9. Levitsky, S. How Democracies Die / Steven Levitsky, Daniel Ziblatt. – New York: Crown, 2018 P. 42
10. Mudde, C. Populism: A Very Short Introduction / Cas Mudde, Cristóbal Rovira Kaltwasser. – New York: Oxford University Press, 2017 P. 184
11. Müller, J.-W. What Is Populism? / Jan-Werner Müller. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016. P. 44

THE PHENOMENON OF POLITICAL POPULISM IN THE USA: A CHALLENGE TO THE TRADITIONAL INSTITUTIONS OF REPRESENTATIVE DEMOCRACY

Zarkhi M.A.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University

This article provides a comprehensive analysis of the phenomenon of modern political populism in the United States as a systemic challenge to the fundamental foundations of representative democracy. The author argues that populism should be considered not merely as a political style or a rhetorical strategy, but as a distinct political logic in direct antagonism to the key institutions and principles of the American democratic system. The article analyzes the mechanisms through which populist discourse undermines the legitimacy of the legislative, executive, and judicial branches, as well as the free media and electoral procedures. The central thesis advanced is that populism is not so much an external threat to democracy as it is a symptom of a profound crisis of representation. The paper concludes that an adequate response to the challenge of populism lies not in its suppression, but in addressing the systemic dysfunctions and deficits within the democratic model itself, which create a fertile ground for it.

Keywords: Political populism, representative democracy, crisis of representation, political institutions, polarization, legitimacy, the people, elites, constitutionalism.

References

1. Vainshtein G.I. Sovremennyyi populizm kak ob"ekt politologicheskogo analiza [Modern populism as an object of political science analysis]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies], 2017, no. 4, p. 69. (In Russian).
2. Volkova I.V. Populizm i konservatizm: k istorii amerikanskoi politicheskoi mysli kontsa XIX veka [Populism and conservatism: to the history of American political thought of the late 19th century]. Moscow, MGTU Publ., 1992, p. 89. (In Russian).
3. Malyi A. F., Nigmatzyanov A.A., Nikitenko I.G. Narodovlastie – fundament demokraticheskogo gosudarstva [People's power – the foundation of a democratic state]. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika [The Rule-of-Law State: Theory and Practice], 2021, no. 3 (65), p. 53. (In Russian).
4. Pechatnov V.O. Fenomen Trampa i amerikanskaya demokratiya [The Trump phenomenon and American democracy]. Mezhdunarodnye protsessy [International Trends], 2017, vol. 15, no. 1(48), p. 13. (In Russian).
5. Petrov S.V. Populizm v politicheskoi sisteme SShA v otsenke otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii [Populism in the US political system in the assessment of domestic and foreign historiography]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2010, no. 1 (5), p. 121. (In Russian).
6. Populistskie tendentsii v SShA i problemy bor'by za demokratiyu [Populist trends in the USA and the problems of the struggle for democracy]. In: Rabochee dvizhenie v razvitykh kapitalisticheskikh stranakh [The Labor Movement in Developed Capitalist Countries]. Moscow, 1987, p. 106. (In Russian).
7. Sokolshchik L.M. Amerikanskii konservatizm i populizm v epokhu globalizatsii [American conservatism and populism in the era of globalization]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations], 2017, no. 3. (In Russian).
8. Tokvil' A. Demokratiya v Amerike [Democracy in America]. Moscow, T8 Publ., 2018, p. 211. (In Russian).
9. Levitsky S., Ziblatt D. How Democracies Die. New York, Crown, 2018, p. 42.
10. Mudde C., Rovira Kaltwasser C. Populism: A Very Short Introduction. New York, Oxford University Press, 2017, p. 184.
11. Müller J.-W. What Is Populism? Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2016, p. 44.

Инь Чжилун,

студент магистратуры Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы
E-mail: sxyzli01@gmail.com

В статье рассматривается стратегическое значение стран Центральной Азии в рамках инициативы Китая «Один пояс – Один путь», текущее состояние сотрудничества, а также роль региона в китайской внешней политике. С момента выдвижения инициативы в 2013 году государства Центральной Азии активно откликнулись и приняли участие в ее реализации, что способствовало углублению политического и экономического взаимодействия. В настоящее время Китай установил всесторонние партнерские отношения со всеми пятью странами Центральной Азии, двусторонние торгово-экономические связи продолжают укрепляться. В последние годы создание механизма саммита «Китай – Центральная Азия», а также продвижение таких крупных проектов, как железная дорога Китай–Киргизстан–Узбекистан, подтверждают ключевую роль региона в китайской внешней политике. С геополитической точки зрения, Центральная Азия является не только важным узлом инициативы «Один пояс – Один путь», но и играет значимую роль в обеспечении энергетической и приграничной безопасности Китая. Кроме того, культурная и этническая близость способствует укреплению «мягкой силы» Китая в регионе. В заключение отмечается, что дружественное сотрудничество Китая и стран Центральной Азии имеет потенциал для взаимной выгоды. Сторонам следует и далее углублять взаимодействие в различных сферах, совместно содействуя региональной стабильности и экономическому процветанию.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, инициатива «Один пояс – Один путь», международные отношения, внешняя политика

Введение

Инициатива «Один пояс – Один путь» является крайне важной внешнеполитической программой Китая. За более чем десять лет ее реализации она принесла огромные выгоды обеим сторонам сотрудничества в рамках инициативы. Страны Центральной Азии, расположенные в центре Евразийского континента, имеют крайне важное значение для инициативы «Один пояс – Один путь». В последние годы официальное становление механизма сотрудничества Китая со странами Центральной Азии и успешная реализация проекта железной дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан демонстрируют важность центральноазиатского региона в рамках китайской инициативы. Исходя из этого, в данной статье с точки зрения геополитического положения будет проанализирована важность центральноазиатского региона, что отражает актуальность данного исследования.

Материалы и методы

Методологическая база исследования состоит из следующих методов: описание и синтез.

В последние годы благодаря углубленному продвижению китайской инициативы «Один пояс – один путь», выдвинутой в 2013 году, страны Центральной Азии приобретают все более важное значение во внешней политике Китая. Углубление сотрудничества и укрепление взаимного доверия между Китаем и странами Центральной Азии демонстрируют приоритетность данного региона во внешней политике Китая.

С 2011 по 2013 год Китай со странами Центральной Азии установил стратегическое партнерство, заложив прочную основу для будущего взаимодействия. Затем с 2019 года начался новый этап развития двухсторонних отношений – связи между двумя сторонами непрерывно углубляются, а уровень сотрудничества при этом постоянно повышается. Приведем пример, в сентябре 2019 года Китай и Казахстан объявили об установлении всеобъемлющих стратегических партнерских отношений постоянного характера, и этот фундамент позволил в сентябре 2022 года вести отношения на уровень «стороны договорились стремиться к цели построения китайско-казахстанского сообщества единой судьбы, основанного на вечной дружбе, высоком доверии и взаимной ответственности»¹. В 2023 году отношения Китая и Кыргызстана совершили скачок в развитии, главы обоих государств объявили об установлении всесторонних стратегических партнерских отношений новой эры, а также о решимости построить сообщество единой судьбы, основанное на добрососедстве, дружбе и совместном процветании. Достигнутая договоренность была дальнейшим образом укреплена и углублена в феврале 2025 года, когда главы государств подписали Совместное заявление об углублении всесторонних стратегических партнерских отношений новой эры². Партнерские отно-

¹ Отношения между Китаем и Казахстаном // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676500/sbgx_676504/ (дата обращения: 23.08.2025).

² Отношения между Китаем и Киргизией // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики

шения Китая и Таджикистана также демонстрируют значительный прогресс. В 2023 году две страны объявили о стремлении построить сообщество единой судьбы, основанное на вечной дружбе, взаимной ответственности и сотрудничестве. Год спустя, в 2024 году позиционирование отношений было повышено, «развитие всесторонних стратегических партнерских отношений новой эры» стало новой тенденцией¹. В 2022 году Китая и Узбекистана объявили о претворении в жизнь на двустороннем уровне сообщества единой судьбы, и к 2024 году эти отношения углубились до всепогодных всесторонних стратегических партнерских отношений новой эры². Кроме того, Китай и Туркменистан в 2023 году установили всесторонние стратегические партнерские отношения и также объявили о претворении в жизнь на двустороннем уровне сообщества единой судьбы, нарисовав блестящее будущее для дальнего сотрудничества двух стран³.

Параллельно с укреплением политических отношений Китай и страны Центральной Азии активно развивают экономические связи. Согласно статистике Министерства коммерции, объем бизнеса Китая с пятью странами Центральной Азии в 2012 году составил 46 миллиардов долларов, что в 100 раз больше, чем в начале установления дипломатических отношений⁴. В 2022 году товарооборот Китая с пятью странами Центральной Азии достиг рекордных 70,2 млрд долларов США. А в 2024 году товарооборот между Китаем и странами Центральной Азии вновь установил новый исторический рекорд, достигнув масштаба в 94,8 миллиарда долларов США⁵.

Примечательно, что отношения между Китаем и странами Центральной Азии продолжают углубляться. С официальным созданием механизма «Китай-Центральная Азия» и успешным началом строительства железнодорожного проекта «Китай-Кыргызстан-Узбекистан» стороны продемонстрировали широкие перспективы развития будущего сотрудничества [4, С. 53–55].

Таким образом, следует отметить, что повышенное внимание Китая к государствам Центральной Азии не является случайным, а обусловлено их стратегическим положением в вопросах энергетических коридоров, национальной безопасности и регионального сотрудничества. Центральная Азия выступает не только

важным узлом для политики Китая по открытию на запад, но и ключевым регионом реализации инициативы «Один пояс – Один путь», поэтому ее геополитическое положение напрямую формирует стратегические соображения и политический курс Китая в отношении данного региона.

Во-первых, Центральная Азия занимает чрезвычайно важное геостратегическое положение в китайской дипломатии. Более века назад Хэлфорд Макиндер, британский географ и основатель геополитики, назвал Евразию «мировым островом», а Россию, Восточную Европу, Ближний Восток, Центральную Азию и китайский Синьцзян – «стержнем мирового острова» [1, С. 162–169]. По его мнению, тот, кто занимает центр мирового острова, может господствовать над ним, а тот, кто занимает мировой остров, может господствовать над всем миром [2, С. 8–23]. Китайский ученый Цзэн Сяньхун подчеркивает, что регион Центральной Азии является ключевой зоной переплетения интересов и стратегической конкуренции множества сил, включая ЕС, Россию, Индию, США и Китай. В отличие от Западной Европы и Восточной Азии, где уже сформировались зрелые механизмы регионального сотрудничества, в Центральной Азии до сих пор не сложилась система двусторонних военных альянсов под руководством США, а процесс региональной экономической интеграции все еще находится на начальной стадии [9, С. 23–48+158–159]. Благодаря своему географическому положению с самого начала выдвижения инициативы «Один пояс – Один путь» страны Центральной Азии, являющиеся первым региональным инициатором и ключевым узлом данной инициативы, естественно занимают центральное место во внешнем сотрудничестве Китая.

Во-вторых, страны Центральной Азии стали важным звеном в диверсифицированной системе энергоснабжения Китая и играют незаменимую стратегическую роль в обеспечении энергетической безопасности КНР. Китай как один из крупнейших в мире импортеров энергоресурсов в 2024 году достиг объема добычи сырой нефти в стране в 213 миллионов тонн, тогда как объем импорта составил 553 миллиона тонн, что свидетельствует о значительном превышении масштабов импорта над внутренним производством⁶. Для обеспечения своей энергетической безопасности Китай создал четыре транснациональных стратегических коридора поставок нефти и газа, охватывающих северо-запад, северо-восток, юго-запад и восточное побережье. Среди них ключевым является Северо-западный коридор, проходящий через регион Центральной Азии, который значительно усилил возможности сухопутных энергопоставок. Примечательно, что в настоящее время около двух третей китайского нефтяного импорта зависит от морских перевозок [5, С. 23–28]. Однако морские маршруты проходят через множество стран, требуют длительного времени транспортировки, а в условиях усложняющейся международной обстановки сопряжены с многочисленными рисками и неопределенностями. В отличие от этого трубопроводные поставки через Центральную Азию отличаются более высокой стабильностью и безопасностью, эффективно снижая вероятность перебоев в энергоснабжении.

В-третьих, центральная Азия является ключевой для обеспечения безопасности границ Китая. В течение длительного времени приграничные районы Китая сталкиваются с такими угрозами, как терроризм, сепаратизм и экстремизм [10, С. 129–140+237]. Некоторые незакон-

URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676548/sbgx_676552/ (дата обращения: 23.08.2025).

¹ Отношения между Китаем и Таджикистаном // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676908/sbgx_676912/ (дата обращения: 23.08.2025).

² Отношения между Китаем и Узбекистаном // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677052/sbgx_677056/ (дата обращения: 23.08.2025).

³ Отношения между Китаем и Туркменистаном // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676980/sbgx_676984/ (дата обращения: 23.08.2025).

⁴ Китай и пять стран Центральной Азии демонстрируют динамичное развитие торгово-экономического сотрудничества // Центральное народное правительство КНР URL: https://www.gov.cn/yaowen/2023-04/19/content_5752129.htm (дата обращения: 23.08.2025).

⁵ Pursuing the Dream of Modernization Together: China and Central Asia Forge Ahead hand in hand // Central People's Government of the People's Republic of China URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202506/content_7028300.htm (дата обращения: 23.08.2025).

⁶ China Energy Data Report // China National Petroleum Corporation URL: <https://www.tomorrow-city.com/zh-CN/news-center?r-key=20250703ZH22824&filter=27204> (дата обращения: 25.08.2025).

ные элементы даже получают финансирование из-за рубежа, пытаясь подорвать стабильность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и расколоть Китай. Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, являясь важными соседними государствами Китая, оказывают существенное влияние на безопасность и стабильность Синьцзян-Уйгурского автономного района через свою внутреннюю ситуацию [7, С. 1–11+153]. Таким образом, укрепление сотрудничества с этими странами для совместного поддержания регионального мира и безопасности способствует бороться с иностранным вмешательством, имея важное значение для обеспечения долгосрочной стабильности и процветания в приграничных районах Китая.

В-четырёх, Центральная Азия занимает ключевое положение в культурной сфере, где межэтнические отношения отличаются уникальной сложностью, проявляющейся в характерной черте «многообразия форм сосуществования, сочетания конфликтов и интеграции» [10, с 180]. В этом регионе проживает более 100 этнических групп, включая такие титульные нации, как казахи, киргизы, туркмены, таджики и узбеки, а также важные этнические меньшинства – русские, каракалпаки, немцы, украинцы, татары и уйгуры. Согласно последним статистическим данным, в Казахстане насчитывается свыше 130 народностей, в Узбекистане – 130, в Туркменистане – более 120, в Таджикистане – около 80, а в Кыргызстане – около 80, что делает этот регион одним из самых этнически разнообразных в мире. Стоит отметить, что под влиянием исторических факторов этнические меньшинства в приграничных районах Китая и народы стран Центральной Азии имеют общие корни и проживают в разных государствах. Эти народы длительное время осуществляют экономическую деятельность, социальные взаимодействия и культурное наследие через государственные границы, формируя ярко выраженные транснациональные характеристики [6, С. 72–74]. Они не только сохраняют определенную степень надгосударственной идентичности, но и продолжают влиять на образ жизни родственных групп за рубежом в процессе социального взаимодействия, обладая в некоторой степени способностью к транснациональной мобилизации и вмешательству. В этом контексте продвижение инициативы «Один пояс – Один путь» не только способствует региональному экономическому сотрудничеству и развитию, но и через практику гуманитарных обменов и взаимопонимания между народами эффективно распространяет позитивный образ и мягкую силу Китая, ориентированные на мирное развитие и сотрудничество [3, С. 143–154+158].

Заключение

В последние годы отношения между Китаем и странами Центральной Азии непрерывно углубляются и поднялись на беспрецедентный уровень. Это развитие обусловлено не только изменениями в международной обстановке, но и уникальной и важной геостратегической ценностью центральноазиатского региона. Геополитическая структура этого региона не только эффективно способствует успешной реализации внешнеполитического курса Китая, но и играет ключевую роль в обеспечении безопасности границ Китая и расширении влияния его «мягкой силы». При этом сотрудничество с Китаем принесло странам Центральной Азии значительные экономические выгоды и способствовало их более стабильному и устойчивому развитию. Такое партнерство по своей сути является взаимовыгодным. Именно поэтому сторонам следует и в дальнейшем укреплять и углублять сотрудничество,

совместно продвигая обмены во всех сферах и стремясь к светлому будущему общего процветания.

Литература

1. Маккиндер Х.Д. Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. 1995. № . 4. С. 162–169.
2. Мегоран Ник, Шарапова Севара Помогает или мешает нам «хартленд» Маккиндера понять Центральную Азию? // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4. С. 8–23.
3. He Keyong, Liu Li “An Analysis of the Current State of International Research on Central Asia: Based on the ‘Translation Series on Ethnic Relations and Ethnic Conflicts in Central Asia’.” // Russian, East European & Central Asian Studies. 2024. № . 3. P. 143–154+158.
4. Su Yong The Role of the China–Kyrgyzstan–Uzbekistan Railway in the Economic Development of Central Asia and Policy Optimization Suggestions // Investment and Cooperation. 2025. № 4. С. 53–55.
5. Wen Xiaoqing Risks and Countermeasures for China’s Crude Oil Import Maritime Transport Routes // World Shipping. 2022. № . 2. P. 23–28.
6. Wu Jinguang The Formation of China’s Cross-Border Ethnic Groups // Ethnic Family. 2019. № . 6. P. 72–74.
7. Xu Tao The Restructuring Trend of the Political and Security Landscape in Central Asia Amid the Eurasian Upheaval. // Russian, East European & Central Asian Studies. 2023. № . 1. P. 1–11+153.
8. Zeng Xianghong Du Jiaming An Analysis of China-Central Asia Cooperation in Practicing the Global Security Initiative. // Jilin University Journal Social Sciences Edition. 2025. № . 3. P. 129–140+237.
9. Zeng Xianghong, Wang Zihan “Misaligned Competition”: New Dynamics of Great Power Interactions in Central Asia // Russian, East European & Central Asian Studies. 2024. № 6. P. 23–48+158–159.
10. Zhang Hongyi. A Comparative Study of China and the EU’s Soft Power Diplomacy in Central Asia. // China Foreign Affairs University. 2022. 180 с.

THE PLACE OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE FOREIGN POLICY INTERESTS OF THE PRC

Yin Zhilong

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

This article examines the strategic significance of the Central Asian countries within the framework of China’s Belt and Road Initiative, the current state of cooperation, as well as the role of the region in China’s foreign policy. Since the initiative was proposed in 2013, the Central Asian states have actively responded and participated in its implementation, which has contributed to the deepening of political and economic interaction. At present, China has established comprehensive partnership relations with all five Central Asian countries, and bilateral trade and economic ties continue to strengthen. In recent years, the creation of the “China–Central Asia” summit mechanism, as well as the advancement of major projects such as the China–Kyrgyzstan–Uzbekistan railway, clearly confirm the key role of the region in China’s foreign policy. From a geopolitical perspective, Central Asia is not only an important hub of the Belt and Road Initiative but also plays a significant role in ensuring China’s energy and border security. Moreover, cultural and ethnic proximity contributes to strengthening China’s soft power in the region. In conclusion, it is noted that the friendly cooperation between China and the Central Asian countries has the potential for mutual benefit. The parties should further deepen cooperation in various fields, jointly promoting regional stability and economic prosperity.

Keywords: China, Central Asia, Belt and Road Initiative, international relations, foreign policy.

References

1. He Keyong, Liu Li “An Analysis of the Current State of International Research on Central Asia: Based on the ‘Translation Se-

- ries on Ethnic Relations and Ethnic Conflicts in Central Asia'." // Russian, East European & Central Asian Studies. 2024. № . 3. P. 143–154+158.
2. Mackinder, H.J. The Geographical Pivot of History // Polis. Political Studies. 1995. № . 4. P. 162–169.
 3. Megoran, N., Sharapova, S. Does Mackinder's 'Heartland' Help or Hinder Our Understanding of Central Asia? // Central Asia and the Caucasus. 2005. № . 4. P. 8–23.
 4. Su Yong The Role of the China–Kyrgyzstan–Uzbekistan Railway in the Economic Development of Central Asia and Policy Optimization Suggestions // Investment and Cooperation. 2025. № 4. C. 53–55.
 5. Wen Xiaoqing Risks and Countermeasures for China's Crude Oil Import Maritime Transport Routes // World Shipping. 2022. № . 2. P. 23–28.
 6. Wu Jinguang The Formation of China's Cross-Border Ethnic Groups // Ethnic Family. 2019. № . 6. P. 72–74.
 7. Xu Tao The Restructuring Trend of the Political and Security Landscape in Central Asia Amid the Eurasian Upheaval. // Russian, East European & Central Asian Studies. 2023. № . 1. P. 1–11+153.
 8. Zeng Xianghong Du Jiaming An Analysis of China-Central Asia Cooperation in Practicing the Global Security Initiative // Jilin University Journal Social Sciences Edition. 2025. № . 3. P. 129–140+237.
 9. Zeng Xianghong, Wang Zihan "Misaligned Competition": New Dynamics of Great Power Interactions in Central Asia // Russian, East European & Central Asian Studies. 2024. № 6. P. 23–48+158–159.
 10. Zhang Hongyi. A Comparative Study of China and the EU's Soft Power Diplomacy in Central Asia // China Foreign Affairs University. 2022. 180 c.

Кризис в Африке после ухода USAID: проблемы, перспективы и возможности

Капитонов Алексей Александрович,
кандидат политических наук
E-mail: akaparak88@gmail.com

Африка, на территории которой множество проектов USAID находились на стадии реализации, в связи с прекращением деятельности Агентства столкнулась с комплексным кризисом, последствия которого имеют потенциал поставить под угрозу развитие не только данного региона, но и всего мира. В данной статье, используя системный подход, а также методы ценностно-нормативного, ретроспективного и контент-анализа, автор исследует ключевые причины африканского кризиса, перспективы его развития для региона и мира, а также потенциальные способы его разрешения. Причиной резкого усугубления ситуации в области экономики, здравоохранения, энергетики, образования, безопасности и иных сферах, по мнению автора, стала формировавшаяся на протяжении десятилетий модель развития Африки, в рамках которой она находилась в критической зависимости от иностранной помощи. В этой связи традиционные доноры Африки в лице России и Китая, а также зарождающиеся доноры по оси «Юг-Юг», как заключает автор, могут сыграть важную роль в контексте мобилизации усилий по расширению поддержки Африки для обеспечения ее выхода из острой фазы кризиса, а затем совместно со странами региона и Африканским союзом работать над выстраиванием новой модели развития континента, в рамках которой иностранная помощь будет ориентирована на укрепление основ для самостоятельного развития африканских государств.

Ключевые слова: Агентство США по международному развитию, внешняя политика США, гуманитарный кризис в Африке, российско-африканское сотрудничество, система ООН, иностранная помощь развитию

1 июля 2025 года в рамках инициативы по оптимизации государственных расходов, предпринятой вновь избранным на пост президента США Д. Трампом, было закрыто одно из ведущих в мировой системе оказания гуманитарной помощи учреждений – Агентство США по международному развитию (USAID) [19].

История организации насчитывает более шести десятилетий: она была образована в 1961 г. в ходе реформ Дж.Ф. Кеннеди, направленных на обновление архитектуры американской иностранной помощи в целом и на четкое разграничение ее военной и гуманитарной составляющих в частности. Создание USAID, по словам 35-го президента США, позволило структурировать ранее «бюрократически раздробленную, неуклюжую и медленную» [23] систему иностранной помощи и осуществлять согласованную политику в области оказания поддержки развивающимся государствам на двусторонней основе [37].

С тех пор агентство, представлявшее собой, по сути, самостоятельную структуру в системе Государственного департамента США, функционировало в фарватере определяемых президентом, госдепом и Советом национальной безопасности внешнеполитических приоритетов и служило неотъемлемым инструментом транслирования американских ценностей и интересов в арсенале средств «мягкой силы» США. Широкая представленность агентства в государствах – получателях помощи позволяла США иметь четкое понимание ситуации на местах и точно выработать подходы к гуманитарным программам на региональном и страновом уровнях в рамках представляемых USAID стратегий сотрудничества в целях развития. Программы агентства охватывали практически все регионы мира, а его бюджет перед свертыванием деятельности достигал порядка 35,5 миллиардов долларов США [16].

В то же время имеются основания полагать, что структура использовалась некоторыми американскими администрациями не только как «рупор» собственной позиции на внешнеполитической сцене, но и как теневой канал финансирования проектов, выходящих за рамки международного права. Например, возглавлявший Департамент эффективности правительства И. Маск предъявил USAID обвинения в спонсировании разработки биологического оружия на территории третьих стран [7], конгрессмен С. Перри уличил структуру в финансировании ряда террористических организаций, среди которых Аль-Каида, ИГИЛ и Бoko-Харам, деятельность которых запрещена в России [21], а нынешний глава Белого дома критиковал структуру за беспрецедентную коррупцию [32]. К настоящему времени досконально неизвестно, насколько данные заявления соответствуют действительности, поскольку соответствующие разбирательства еще продолжаются [27], однако эта аргументация в определенной степени способствовала резкому закрытию USAID без учета интересов стран – получателей помощи.

Начавшийся в конце января 2025 года с заморозки проектов иностранной помощи процесс оценки использования финансовыми ресурсами привел к его упразднению всего за 5 месяцев – период, явно недоста-

точный для перестройки годами складывающихся цепочек взаимодействия структуры с развивающимися странами, которые в некоторых областях находились в критической зависимости от его программ.

В особой степени данное решение затронуло страны Африки, во многом полагавшиеся на предоставляемые USAID финансовые, технические и кадровые ресурсы в таких областях как энергетика, продовольственная безопасность, здравоохранение, борьба с инфекционными заболеваниями, правозащитная деятельность, изменение климата, сельское хозяйство. На протяжении десятилетий для африканских государств именно USAID было основным источником финансирования программ по спасению жизней, наращиванию потенциала и экономическому развитию по всему континенту, поэтому в настоящее время после неожиданного для реципиентов закрытия агентства в Африке наблюдается почти повсеместная неопределенность и операционный коллапс в важнейших секторах, особенно в регионе южнее Сахары. Согласно оценкам международного страхового агентства Sofase, остановка программ помощи оказалась в наибольшей степени чувствительной для ДРК, Эфиопии, Ганы, Сомали, Судана, Южного Судана и Уганды. Порядка 38% выделяемых средств направлялось на программы в области здравоохранения, 47% – на гуманитарные нужды, 8% – шло на содействие экономическому развитию, а оставшиеся объемы распределялись между образованием, социальными услугами, правозащитной деятельностью и адаптацией к изменению климата [29].

Так, резкое прекращение деятельности USAID вызвало дестабилизацию региональных и страновых систем эпидемиологического надзора и реагирования на вспышки как инфекционных, так и неинфекционных заболеваний. В зоне повышенного риска в настоящее время пребывают страны, в наибольшей степени подверженные угрозе распространения ВИЧ/СПИД, туберкулеза и малярии. Более того, учитывая высокие показатели внутриматеринской миграции, а также миграции по вектору «Юг – Север», в том числе нелегальной, риски ухудшения эпидемиологической обстановки возрастают не только на уровне африканского континента, но и всего мира. Страны к югу от Сахары во многом полагались на программы USAID в сфере базового медобслуживания и на предоставляемые в их рамках вакцины и лекарственные препараты, прекращение поставок которых может привести к росту младенческой смертности и сворачиванию программ охраны здоровья матери и ребенка. Значительная часть программ подготовки и поддержки местных специалистов сферы здравоохранения с закрытием USAID также была остановлена, в результате чего многие местные сообщества остаются без доступа к неотложной медицинской помощи [34].

Остановка инициатив в области продовольственной помощи особенно остро ощущается в таких странах как Мали, Мавритания, Нигер, Камерун и ЦАР. По оценкам директора Всемирной продовольственной программы ООН в Нигерии Д. Стивенсона, только в этой стране с острой нехваткой продовольствия сталкиваются около 31 миллиона человек, что сопоставимо с численностью населения, занимающего 2 место в США штата Техас [36].

Проведенное университетом Мичигана исследование с использованием статистических моделей указывает на долгосрочные экономические и гуманитарные последствия замораживания помощи: к 2030 году за чертой крайней бедности окажется на 5,7 миллиона африканцев больше, чем прогнозировалось ранее, а эконо-

мика стран Африки к югу от Сахары будет на 4,5 миллиарда долларов меньше, чем была бы при сохранении программ USAID. Без программ агентства прогнозируется ухудшение ситуации в области образования, инноваций, а также развития малого и среднего предпринимательства, что приведет к повышению уровня безработицы, замедлит экономический рост и спровоцирует рост миграции из региона [28].

Кроме того, финансируемые с помощью USAID проекты электрификации сельских районов, развития дорожной инфраструктуры и обеспечения населения чистой водой, многие из которых находились на стадии завершения, в настоящее время остановлены, в результате чего миллионы людей остались без доступа к основным услугам [15].

Общую ситуацию осложняет и то, что на фоне остановки деятельности агентства администрация Д. Трампа озабочилась введением пошлин в отношении продукции торговых партнеров США. Государства Африки не стали исключением в рамках данной протекционистской инициативы. Согласно оценкам ведущего научного сотрудника Института Африки РАН доктора экономических наук А.В. Фёдорова, эти меры со стороны Вашингтона в сочетании с высокой долговой нагрузкой региона могут стать существенным вызовом для африканских государств [13]: Мадагаскар теперь вынужден считаться с пошлинами в размере 47%, Маврикий – 40%, Ангола – 32%, Ливия – 31%, Алжир и ЮАР – 30%, Тунис – 28%, Кот Д'Ивуар – 21%, Зимбабве – 18%, Замбия и Малави – 17%, Нигерия, Камерун, Чад, ДРК, Конго, Экваториальная Гвинея, Мозамбик – 11–16%, а иные страны – 10% [25]. Отдельного упоминания заслуживает ситуация с Лесото, окруженным территорией ЮАР государством-анклавом, население которого составляет около 2 миллионов человек, более половины из которых находятся за чертой бедности. США являются одним из ведущих торговых партнеров Лесото, откуда импортируют преимущественно алмазы и текстиль, что служит для африканской страны значимым источником доходов. При этом, согласно прогнозам местного экономического аналитика Т. Кхези, вследствие наложенных на экспорт страны 50% пошлин «Лесото просто умрет» [3].

Таким образом, столкнувшись с упразднением USAID в купе с американскими торговыми пошлинами, до настоящего времени не решенными социальными, гуманитарными и экономическими проблемами и не ориентированными на самостоятельное наращивание потенциала к противодействию им системами управления, сложившимися в более чем полувековой период постоянных вливаний иностранной помощи, государства Африки погружаются в многоаспектный кризис, на первой стадии которого ухудшится ситуация в области экономики, здравоохранения, образования, энергетики, доступности продовольствия и чистой воды, на второй в связи с проблемами, перечисленными выше – имеются существенные риски народных волнений, слома государственных структур, роста преступности, увеличения численности и активности местных террористических группировок, а на третьей стадии – выход негативных последствий данных тенденций за пределы Африки вместе с расширением волн беженцев и нелегальных мигрантов при параллельном росте ряда упомянутых проблем в ключевых странах назначения, прежде всего ЕС, которым все труднее справляться с постоянно нарастающими потоками прибывающих [26].

Исходя из этого, представляется возможным сделать вывод, что стремительно развивающийся в Африке кризис несет собой высокие кратко- и среднесрочные риски не только для отдельных стран континента и данного ре-

гиона в целом, но и для всего мира, поскольку его негативные последствия в долгосрочной перспективе имеют потенциал выхода на глобальный уровень, сказываясь на цепочках поставок в рамках глобальной торговли, мировом здравоохранении, энергетической безопасности, а также на возможности обеспечения устойчивого развития, цели в области которого, обозначенные в Повестке 2030, основаны на принципах взаимозависимости государств при их выполнении, а также на неразрывной взаимосвязи экономического, социального и экологического аспектов проводимой политики [31].

В этой связи положение Африки требует срочных действий одновременно на 3 уровнях: на уровне международных организаций, на уровне отдельных доноров и на уровне правительств стран самой Африки.

Согласно опубликованному Норвежским советом по делам беженцев (NRC) Отчету о самых игнорируемых кризисах, связанных с вынужденным переселением за 2024 год (Most Neglected Displacement Crises Report 2024), из 10 кризисов, которым уделяется наименьшее международное внимание, 8 разворачиваются именно в Африке, причиной чему является глубоко недостаточная их проработка в рамках международных организаций, форумов и иных дискуссионных площадок, что уменьшает их значимость или вовсе создает иллюзию их отсутствия в восприятии потенциальных доноров [30]. В этой связи международным организациям, прежде всего системе ООН и подведомственным ей структурам, таким как МВФ, ПРООН, ЮНИСЕФ, ЮНЕП, ЮНФПА, ООН-ХАБИТАТ, ВПП, необходимо целенаправленно расширять финансовую, техническую и экспертную поддержку региона, более предметно и открыто обсуждать имеющиеся в нем проблемы и способы их решения, в том числе с привлечением возможностей государственных и частных доноров, а также представителей местных сообществ при координации их взаимодействия. В данном контексте важно обеспечить расширение представленности Африки в Совете безопасности ООН, а также в иных органах и учреждениях всемирной организации с целью формирования у африканских лидеров возможности в непосредственном порядке выносить на повестку дня жизненно важные проблемы региона и принимать участие в выработке совместных стратегий их разрешения. Данная мера, среди прочего, была поддержана Президентом России В.В. Путиным в ходе пленарного заседания второго саммита «Россия-Африка» со ссылкой на императив исправления «исторической несправедливости», связанной с колониальным прошлым региона [11].

Что касается отдельных доноров, то их более активное вовлечение в процесс разрешения вызовов, стоящих перед Африкой, может восполнить образовавшиеся вследствие ухода USAID лакуны иностранной помощи.

Россия в данном отношении находится на верном пути, поступательно наращивая сотрудничество с регионом, в рамках которого способствует разрешению имеющихся в ряде стран экономических, гуманитарных и инфраструктурных проблем. Для углубления торгово-экономического взаимодействия активно используется работа межправительственных комиссий, заседания которых с начала 2025 года в частности состоялись с Алжиром, Зимбабве, Египтом, Мозамбиком, Республикой Конго, Танзанией, Тунисом, ЮАР и запланированы с Анголой, Гвинеей, Марокко, Намибией, Суданом и Угандой [8]. Реализуются энергетические и инфраструктурные проекты [6], на территории Африки ведется строительство электростанций, дорог и портов, сотрудничество налажено в области зернового и мясного производств, развиты культурные и образовательные обмены. Москва

помогает странам континента поставками медоборудования и подготовкой медицинских кадров, а также безвозмездным направлением африканским государствам продовольственных грузов [9]. Также в конце 2024 года Россия списала 20 миллиардов долговых обязательств африканских государств и перенаправила их на программы рефинансирования и реализацию социально-экономических инициатив на континенте [1]. Ключевые векторы и приоритеты развития сотрудничества России с африканским регионом определены в Плане действий Форума партнерства Россия – Африка. В основе данного многоаспектного плана, насчитывающего 177 конкретных направлений взаимодействия в 16 сферах (Политика; Безопасность; Многосторонние организации; Торговля и инвестиции; Сельское и лесное хозяйство, аквакультура; Энергетика; Промышленность, добыча и обогащение полезных ископаемых; Транспорт; Информационные и коммуникационные технологии; Наука, технологии и инновации; Туризм; Здравоохранение, пандемическая готовность и реагирование на пандемии; Окружающая среда, изменение климата и биологическое разнообразие; Образование, молодежные обмены и контакты, спорт; Культура; Средства массовой информации), лежат принципы Повестки дня в области устойчивого развития ООН [10], а также интересы России и Африки, обозначенные в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года [4] и в Повестке дня Африканского союза до 2063 года «Африка, какой мы хотим ее видеть» [17] соответственно.

В отношении российских инициатив в африканском регионе заместитель генерального секретаря ООН по гуманитарным вопросам Т. Флетчер заявил, что это «крайне важная и очень своевременная поддержка, особенно в вопросах продовольственной помощи, особенно в регионах, где существует реальная угроза голода и голодной смерти» [5]. При этом подход Москвы к вопросу помощи региону ориентирован не просто на постоянное удовлетворение его текущих нужд, что делает континент по сути зависимым от программ поддержки, а на создание потенциала для самостоятельного развития Африки, что предполагает постепенное снижение ее потребности в помощи и последующий выход на полностью самостоятельное развитие в будущем [12]. Данный подход к организации программ иностранной помощи полностью соответствует императивам, обозначенным в Руководстве Рамочной программы ООН по оказанию помощи в целях развития [35].

Примечательно, что в настоящее время во многом на основе гуманитарного опыта России, а также практик Китая по реализации своей программы глобального развития «Один пояс – один путь» на стадии становления находится процесс развития каналов иностранной помощи по оси «Юг – Юг» в рамках БРИКС. Активизация данного направления деятельности структуры представляется весьма своевременной на фоне систематического невыполнения традиционными западными донорами взятых на себя обязательств [22] наряду с их планами по сокращению официальной помощи развивающимся государствам [14]. Инициирование профильных обсуждений и подготовка технической базы для совершенствования данного направления работы является важным шагом вперед для БРИКС, поскольку в силу объединения под эгидой этой структуры преимущественно развивающихся стран выработанные ими программы помощи, вероятно, будут в наибольшей степени отвечать нуждам Африки, а также позволят на фоне оказания поддержки продвигать принципы инклюзивности и многополярности в противовес западному подходу, как пра-

вило, основанному на идеях исключительности и доминирования США и Европы [2].

При этом в контексте расширения Россией помощи Африке как самостоятельно, так и совместно с партнерами по БРИКС, не следует исключать из уравнения и фактор США, поскольку введенные Д. Трампом пошлины могут использоваться в качестве экономического рычага давления в контексте влияния на принимаемые руководством африканских государств политических решений, в том числе касающихся выстраивания сотрудничества с РФ и Китаем, рассматриваемыми Вашингтоном в качестве стратегических конкурентов.

Наконец, на уровне правительств государств самой Африки ключевым императивом должно стать обеспечение совместной согласованной работы по минимизации последствий кризиса. Некоторые африканские страны, такие как Гана [24], Нигерия [33], Кения [20], ЮАР [38], предприняли самостоятельные экстренные шаги для смягчения последствий в области экономики, здравоохранения и социальных услуг, однако их действия могут оказаться напрасными на фоне трансграничного характера кризисных явлений. Риск замедления темпов развития, а в некоторых случаях деградации достигнутых в ряде жизненно важных сфер результатов, особенно высок в государствах, охваченных конфликтами и не обладающих собственными ресурсами для противодействия кризису [18]. Имеющиеся проблемы, будучи неразрешенными в отдельных странах, продолжают расширяться и дестабилизировать регион в целом.

В этой связи для противодействия кризису, вызванному резким сворачиванием программ USAID, правительствам всех африканских стран и региональным группам¹ надлежит работать в тесной координации с местными организациями гражданского общества и Африканским союзом для выявления наиболее уязвимых секторов и регионов, а также определения общих возможностей минимизации рисков. Такая схема взаимодействия, позволяющая региональным и общеафриканским структурам анализировать полученные от местных правительств наиболее подробные и объективные сведения о текущих проблемах, а также потенциальных государственных и общественных ресурсах для их решения, может способствовать выстраиванию специализированных стратегий по борьбе с кризисом в регионах Северной, Западной, Восточной, Центральной и Южной Африки, объединенные в panaфриканскую стратегию с учетом возможностей одних стран помогать другим. Представляется, что такой подход обеспечит высокую эффективность борьбы с имеющимися проблемами на всех уровнях и позволит избежать дополнительных издержек, в том числе в виде человеческих жизней.

Таким образом, с учетом критического положения Африки и высокого потенциала распространения последствий кризиса за пределы африканского континента, что может проявиться в виде нарушения торговых и транспортно-логистических цепочек, неконтролируемых волн миграции, притока отчаявшихся людей в экстремистские группы и роста проблем в мировой системе здравоохранения, как международные организации, прежде всего системы ООН, так и отдельные государственные и частные доноры должны активизировать усилия по поддержке Африки в тесной координации с местными правительствами, поскольку это отвечает

интересам не только стран континента, но и стабильности мировой экономики, международной безопасности и глобального устойчивого развития. Кроме того, как для уже зарекомендовавших себя партнеров Африки, например, в лице России и Китая, так и для зарождающихся доноров по оси «Юг-Юг» в лице других развивающихся стран, в том числе в рамках возможных инициатив БРИКС, данный кризис формирует основу для новых совместных специализированных и комплексных проектов во множестве областей, которые в долгосрочной перспективе, учитывая высокий потенциал Африки, принесут значимые дивиденды всем заинтересованным сторонам.

Ключевым императивом в рамках этих усилий должно стать фундаментальное изменение подхода как мирового сообщества, так и самой Африки к иностранной помощи в системе развития стран данного региона. Текущая модель, в рамках которой развитие континента по сути полностью зависит от иностранной помощи, показала свою несостоятельность, в связи с чем в плоскости как африканских лидеров, так и доноров лежит ответственность по формированию такой модели, которая предполагала бы постепенное наращивание поставок не готовой продукции, а средств ее производства, подготовку специалистов в области здравоохранения, образования, сельского хозяйства, энергетики и иные профильные меры, необходимые в целях создания основ для самостоятельного развития Африки, при котором наличие иностранной поддержки будет служить лишь в качестве сопутствующего, но не ключевого фактора жизнеспособности местных сообществ.

Литература

1. 2024: Россия списала долги африканским странам на \$20 млрд. // Tadviser. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Помощь_Африке (дата обращения: 20.08.2025);
2. В США заявили о борьбе стран БРИКС с лицемерием Запада. // Газета.ru. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/10/22/24207751.shtml> (дата обращения: 20.08.2025);
3. Все о Лесото: зачем Трамп ввел самые большие пошлины против беднейшей в мире страны. // Forbes. – URL: <https://www.americanforeignrelations.com/E-N/Foreign-Aid-John-f-kennedy-s-special-message-to-the-congress-on-foreign-aid.html> (дата обращения: 20.08.2025);
4. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. // Цифровая Россия. – URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2024/03/plan2030.pdf> (дата обращения: 20.08.2025);
5. Замгенсека ООН оценил российскую гуманитарную помощь странам Африки. // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7777433> (дата обращения: 20.08.2025);
6. Крупнейшие экономические проекты России в Африке. // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/info/18377785> (дата обращения: 20.08.2025);
7. Маск заявил о ликвидации Агентства США по международному развитию. // Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/society/530068-mask-zaavil-o-likvidacii-agentstva-ssa-po-mezhdunarodnomu-razvitiu> (дата обращения: 20.08.2025);
8. О передаче российской гуманитарной помощи в Буркина-Фасо. // МИД России. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/bf/2037688/> (дата обращения: 20.08.2025);

¹ Экономическое сообщество Западноафриканских государств, Восточноафриканское сообщество, Экономическое сообщество центральноафриканских государств, Сообщество по вопросам развития стран Юга Африки, Межправительственный орган по вопросам развития, Сообщество сахаро-сахельских государств, Союз Арабского Магриба и др.

9. План действий Форума партнерства Россия – Африка на 2023–2026 годы. // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5971> (дата обращения: 20.08.2025);
10. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // ООН. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 20.08.2025);
11. Путин: РФ выступает за расширение представительства Африки в СБ и других структурах ООН. // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/18389977> (дата обращения: 20.08.2025);
12. РФ наращивает гуманитарную помощь странам Африки на фоне сокращения программ США. // Вести. – URL: <https://www.vesti.ru/article/4512291> (дата обращения: 20.08.2025);
13. Тарифы Трампа против Африки – как и зачем США рушат экономики стран, которые «никто не знает». // Африканская инициатива. – URL: <https://afrinz.ru/2025/04/tarify-trampa-protiv-afriki-kak-i-zachem-ssha-rushat-ekonomiki-stran-kotorye-nikto-ne-znaet/> (дата обращения: 20.08.2025);
14. Africa needs a new development model. The time is now. // Encyclopedia of American Global Landscapes Forum. – URL: <https://thinklandscape.globallandscapesforum.org/96185/africa-needs-a-new-development-model-the-time-is-now/> (accessed: 20.08.2025);
15. Africa needs a new development model. The time is now. // Think Landscape. – URL: <https://thinklandscape.globallandscapesforum.org/96185/africa-needs-a-new-development-model-the-time-is-now/> (accessed: 20.08.2025);
16. Agency Profile – Agency for International Development (USAID). // USAspending. – URL: <https://www.usaspending.gov/agency/agency-for-international-development?fy=2025> (accessed: 20.08.2025);
17. Agenda 2063: The Africa We Want. // AU Agenda 2063. – URL: <https://africanunion2063.org/> (accessed: 20.08.2025);
18. Are the U.S. aid cuts an opportunity for African governments to become more self-reliant? // Development Aid. – URL: <https://www.developmentaid.org/news-stream/post/194908/us-aid-cuts-opportunity-for-africa> (accessed: 20.08.2025);
19. As USAID stops foreign aid, Rubio says future US assistance will be limited // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/legal/government/usaids-stops-foreign-aid-rubio-says-future-us-assistance-will-be-limited-2025-07-01/> (accessed: 20.08.2025);
20. Bridging the Gap: Can the Kenyan Government Offset the Loss of USAID Health Funding? // Vellum. – URL: <https://vellum.co.ke/bridging-the-gap-can-the-kenyan-government-offset-the-loss-of-usaid-health-funding/> (accessed: 20.08.2025);
21. Congresista estadounidense acusa a USAID de financiar Boko Haram, ISIS, Al Qaeda y Khorasan. // TeleSur-T V. – URL: <https://www.telesurtv.net/congresista-estadounidense-acusa-a-usaid-de-financiar-boko-haram-isis-ai-qaeda-y-khorasan/> (accessed: 20.08.2025);
22. Cuts in official development assistance. // Organisation for Economic Co-operation and Development. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/cuts-in-official-development-assistance_8c530629-en/full-report.html#:~:text=The%20OECD%20projects%20a%209, four%20major%20providers%20of%20ODA. (accessed: 20.08.2025);
23. Foreign Aid – John f. Kennedy's special message to the Congress on foreign aid. // Encyclopedia of American Foreign Policy. – URL: <https://www.americanforeignrelations.com/E-N/Foreign-Aid-John-f-kennedy-special-message-to-the-congress-on-foreign-aid.html> (accessed: 20.08.2025);
24. Ghana's president ordered measures to address \$156m funding deficit due to USAID suspension. // African Initiative. – URL: <https://afrinz.ru/en/2025/02/ghanas-president-ordered-measures-to-address-156m-funding-deficit-due-to-usaid-suspension/> (accessed: 20.08.2025);
25. Harmonized Tariff Schedule. // United States International Trade Commission. – URL: <https://afrinz.ru/2025/04/tarify-trampa-protiv-afriki-kak-i-zachem-ssha-rushat-ekonomiki-stran-kotorye-nikto-ne-znaet/> (accessed: 20.08.2025);
26. KOMENTÁŘ: Zastavte migraci. Evropa je na cestě stát se fakticky třetím světem // IDNES. – URL: https://www.idnes.cz/zpravy/zahranicni/migrace-afrika-nemecko-eu-dotace-prispevky-nezamestnanost.A231020_184805_zahranicni_dyn?zdroj=LN_banner (accessed: 20.08.2025);
27. No Basis for Corruption Accusations About USAID Administrator. // Fact Check. – URL: <https://www.factcheck.org/2025/02/no-basis-for-corruption-accusations-about-usaid-administrator/> (accessed: 20.08.2025);
28. Op-Ed: The Devastating Impacts of the USAID pullout on Africa. // The Michigan Journal of Economics. – URL: <https://sites.lsa.umich.edu/mje/2025/05/13/op-ed-the-devastating-impacts-of-the-usaid-pullout-on-africa/> (accessed: 20.08.2025);
29. Sub-Saharan Africa, the first victim of the USAID reduction. // Coface. – URL: <https://www.coface.com/news-economy-and-insights/sub-saharan-africa-the-first-victim-of-the-usaid-reduction> (accessed: 20.08.2025);
30. The world's most neglected displacement crises in 2024. // Norwegian Refugee Council. – URL: <https://www.nrc.no/resources/reports/the-worlds-most-neglected-displacement-crises-in-2024> (accessed: 20.08.2025);
31. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development [A/RES/70/12015]. // ООН. – URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E (accessed: 20.08.2025);
32. Trump Calls Directly for Closure of U.S.A.I.D. // The New-York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2025/02/07/us/politics/usaid-trump.html> (accessed: 20.08.2025);
33. Trump's USAID freeze must serve as a wake-up call for Africa. // Al Jazeera. – URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2025/3/13/trumps-usaid-freeze-must-serve-as-a-wake-up-call-for-africa> (accessed: 20.08.2025);
34. U.S. aid cuts halt HIV vaccine research in South Africa, with global impact. // The Washington Times. – URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2025/jul/14/us-aid-withdrawal-halts-hiv-vaccine-research-south-africa-global/> (accessed: 20.08.2025);
35. United Nations Development Assistance Framework Guidance. // UN Sustainable Development Group. – URL: <https://clck.ru/3NobsF> (accessed: 20.08.2025);
36. USAID cuts leave millions hungry in Nigeria. // Semafor. – URL: <https://www.semafor.com/article/07/25/2025/usaid-cuts-leave-millions-hungry-in-nigeria> (accessed: 20.08.2025);
37. USAID History. // USAID. – URL: <https://www.usaid.gov/who-we-are/usaid-history> (accessed: 20.08.2025);
38. USAID Shuts Down After 63 Years, Leaving Africa in Crisis. // The Voice of Africa. – URL: <https://thevoiceofafrica.org/>

AFRICAN CRISIS AFTER THE USAID ABOLISHMENT: PROBLEMS, PROSPECTS AND OPPORTUNITIES

Kapitonov A.A.

Due to the USAID abolishment Africa, where many of the Agency's projects were on the stage of implementation, faced a complex crisis, the consequences of which have the potential to jeopardize not only the development of the region, but also of the whole world. In this article, using a systematic approach and such methods as value-normative, retrospective and content analysis, the author explores key causes of the African crisis, its development prospects at regional and global levels, as well as potential ways to resolve it. Sharp deterioration of the situation in the fields of economy, health, energy, education, security and other areas was conditioned, according to the author, by the development model of Africa that had been formed over decades with its critical reliance on foreign aid. In this regard, the United Nations system, traditional donors to Africa like Russia and China, as well as emerging donors on the South-South axis, as the author concludes, can play an important role in mobilizing their efforts to intensify assistance to Africa in order to ensure its recovery from the acute phase of the crisis, and then in working together with the local governments and the African Union towards the creation of a new model for the continent development, within the framework of which foreign aid is provided with the focus on strengthening foundations for the independent development of African States.

Keywords: USAID, US foreign policy, humanitarian crisis in Africa, Russian-African cooperation, UN system, foreign development assistance.

References

1. 2024: Russia wrote off \$20 billion in debt to African countries // Tadviser. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Помощь_Афрке (date of access: 20.08.2025);
2. The US announced the fight of the BRICS countries against the hypocrisy of the West. // Gazeta.ru. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/10/22/24207751.shtml> (date of access: 20.08.2025);
3. All about Lesotho: why Trump imposed the highest tariffs on the poorest country in the world. // Forbes. – URL: <https://www.americanforeignrelations.com/E-N/Foreign-Aid-John-f-kennedy-s-special-message-to-the-congress-on-foreign-aid.html> (date of access: 20.08.2025);
4. A unified plan for achieving national development goals of the Russian Federation until 2030 and for the future until 2036. // Digital Russia. – URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2024/03/plan2030.pdf> (date of access: 20.08.2025);
5. UN Deputy Secretary-General assessed Russian humanitarian aid to African countries. // Kommersant. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7777433> (date of access: 20.08.2025);
6. Russia's Largest Economic Projects in Africa. // TACC. – URL: <https://tass.ru/info/18377785> (date of access: 20.08.2025);
7. Musk announced the liquidation of the US Agency for International Development. // Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/society/530068-mask-zaavil-o-likvidacii-agentstva-ssa-pomezdnarodnomu-razvitiu> (date of access: 20.08.2025);
8. On the transfer of Russian humanitarian aid to Burkina Faso. // MFA of Russia. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/bf/2037688/> (date of access: 20.08.2025);
9. Russia-Africa Partnership Forum Action Plan for 2023–2026. // President of Russia. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5971> (date of access: 20.08.2025);
10. 10. The 2030 Agenda for Sustainable Development // UN. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (date of access: 20.08.2025);
11. Putin: Russia advocates expanding Africa's representation in the Security Council and other UN structures. // TASS. – URL: <https://tass.ru/politika/18389977> (date of access: 20.08.2025);
12. Russia increases humanitarian aid to African countries amid cuts in US programs. // Vesti. – URL: <https://www.vesti.ru/article/4512291> (date of access: 20.08.2025);

13. Trump's tariffs against Africa – how and why the US is destroying the economies of countries that “nobody knows”. // African initiative. – URL: <https://afrinz.ru/2025/04/tarify-trampa-protiv-afriki-kak-i-zachem-ssha-rushat-ekonomiki-stran-kotorye-nikto-ne-znaet/> (date of access: 20.08.2025); Africa needs a new development model. The time is now. // Encyclopedia of American Global Landscapes Forum. – URL: <https://thinklandscape.globallandscapesforum.org/96185/africa-needs-a-new-development-model-the-time-is-now/> (accessed: 20.08.2025);
14. Africa needs a new development model. The time is now. // Think Landscape. – URL: <https://thinklandscape.globallandscapesforum.org/96185/africa-needs-a-new-development-model-the-time-is-now/> (accessed: 20.08.2025);
15. Agency Profile – Agency for International Development (USAID). // USAspending. – URL: <https://www.usaspending.gov/agency/agency-for-international-development?fy=2025> (accessed: 20.08.2025);
16. Agenda 2063: The Africa We Want. // AU Agenda 2063. – URL: <https://africanunion2063.org/> (accessed: 20.08.2025);
17. Are the U.S. aid cuts an opportunity for African governments to become more self-reliant? // Development Aid. – URL: <https://www.developmentaid.org/news-stream/post/194908/us-aid-cuts-opportunity-for-africa> (accessed: 20.08.2025);
18. As USAID stops foreign aid, Rubio says future US assistance will be limited // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/legal/government/usaid-stops-foreign-aid-rubio-says-future-us-assistance-will-be-limited-2025-07-01/> (accessed: 20.08.2025);
19. Bridging the Gap: Can the Kenyan Government Offset the Loss of USAID Health Funding? // Vellum. – URL: <https://vellum.co.ke/bridging-the-gap-can-the-kenyan-government-offset-the-loss-of-usaid-health-funding/> (accessed: 20.08.2025);
20. Congresista estadounidense acusa a USAID de financiar Boko Haram, ISIS, Al Qaeda y Khorasan. // TeleSur-T V. – URL: <https://www.telesurtv.net/congresista-estadounidense-acusa-a-usaid-de-financiar-boko-haram-isis-ai-qaeda-y-khorasan/> (accessed: 20.08.2025);
21. Cuts in official development assistance. // Organisation for Economic Co-operation and Development. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/cuts-in-official-development-assistance_8c530629-en/full-report.html#:~:text=The%20OECD%20projects%20a%209,four%20major%20providers%20of%20ODA. (accessed: 20.08.2025);
22. Foreign Aid – John f. Kennedy's special message to the Congress on foreign aid. // Encyclopedia of American Foreign Policy. – URL: <https://www.americanforeignrelations.com/E-N/Foreign-Aid-John-f-kennedy-s-special-message-to-the-congress-on-foreign-aid.html> (accessed: 20.08.2025);
23. Ghana's president ordered measures to address \$156m funding deficit due to USAID suspension. // African Initiative. – URL: <https://afrinz.ru/en/2025/02/ghanas-president-ordered-measures-to-address-156m-funding-deficit-due-to-usaid-suspension/> (accessed: 20.08.2025);
24. Harmonized Tariff Schedule. // United States International Trade Commission. – URL: <https://afrinz.ru/2025/04/tarify-trampa-protiv-afriki-kak-i-zachem-ssha-rushat-ekonomiki-stran-kotorye-nikto-ne-znaet/> (accessed: 20.08.2025);
25. KOMENTÁŘ: Zastavte migraci. Evropa je na cestě stát se fakticky třetím světem // IDNES. – URL: https://www.idnes.cz/zpravy/zahranicni/migrace-afrika-nemecko-eu-dotace-prispevky-nezamestnanost.A231020_184805_zahranicni_dyn?zdroj=LN_banner (accessed: 20.08.2025);
26. No Basis for Corruption Accusations About USAID Administrator. // Fact Check. – URL: <https://www.factcheck.org/2025/02/no-basis-for-corruption-accusations-about-usaid-administrator/> (accessed: 20.08.2025);
27. Op-Ed: The Devastating Impacts of the USAID pullout on Africa. // The Michigan Journal of Economics. – URL: <https://sites.lsa.umich.edu/mje/2025/05/13/op-ed-the-devastating-impacts-of-the-usaid-pullout-on-africa/> (accessed: 20.08.2025);
28. Sub-Saharan Africa, the first victim of the USAID reduction. // Coface. – URL: <https://www.coface.com/news-economy-and-insights/sub-saharan-africa-the-first-victim-of-the-usaid-reduction> (accessed: 20.08.2025);
29. The world's most neglected displacement crises in 2024. // Norwegian Refugee Council. – URL: <https://www.nrc.no/resource>

- es/reports/the-worlds-most-neglected-displacement-crises-in-2024 (accessed: 20.08.2025);
30. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development [A/RES/70/12015]. // OOH. – URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E (accessed: 20.08.2025);
 31. Trump Calls Directly for Closure of U.S.A.I.D. // The New-York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2025/02/07/us/politics/usa-id-trump.html> (accessed: 20.08.2025);
 32. Trump's USAID freeze must serve as a wake-up call for Africa. // Al Jazeera. – URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2025/3/13/trumps-usaid-freeze-must-serve-as-a-wake-up-call-for-africa> (accessed: 20.08.2025);
 33. U.S. aid cuts halt HIV vaccine research in South Africa, with global impact. // The Washington Times. – URL: [washingtontimes.com/news/2025/jul/14/us-aid-withdrawal-halts-hiv-vaccine-research-south-africa-global/](https://www.washingtontimes.com/news/2025/jul/14/us-aid-withdrawal-halts-hiv-vaccine-research-south-africa-global/) (accessed: 20.08.2025);
 34. United Nations Development Assistance Framework Guidance. // UN Sustainable Development Group. – URL: <https://clck.ru/3NobsF> (accessed: 20.08.2025);
 35. USAID cuts leave millions hungry in Nigeria. // Semafor. – URL: <https://www.semafor.com/article/07/25/2025/usaid-cuts-leave-millions-hungry-in-nigeria> (accessed: 20.08.2025);
 36. USAID History. // USAID. – URL: <https://www.usaid.gov/who-we-are/usaid-history> (accessed: 20.08.2025);
 37. USAID Shuts Down After 63 Years, Leaving Africa in Crisis. // The Voice of Africa. – URL: <https://thevoiceofafrica.com/2025/07/03/usaid-shuts-down-after-63-years-leaving-africa-in-crisis/> (accessed: 20.08.2025).

Философский анализ проблемы влияния насильственных действий в спорте на травматизм через концепцию биовласти М.Фуко

Коротенко Илья Алексеевич,

аспирант, социальная и политическая философия,
Государственный университет просвещения

Каргин Николай Николаевич,

доктор философских наук, профессор, кафедра
теории и методики физического воспитания и спорта,
Государственный университет просвещения

Статья исследует проблему влияния агрессивного воздействия в российском детском спорте через призму этико-философского анализа и концепцию биовласти. В рамках анализа насилия в спорте с использованием концепции биовласти М. Фуко рассматривается, как механизмы контроля и регулирования тела спортсменов влияют на проявление агрессивных и насильственных поведений и последующих за ними травм спортсменов. Биовласть проявляется через дисциплинарные практики, нормализацию тел и постоянное наблюдение, что формирует «подчинённое» тело, способное к усиленной работе и адаптации.

Ключевые слова: детский спорт, структурное насилие, травматизм, этика спорта, философская антропология, здоровье спортсменов.

Введение

В последние годы наблюдается рост интереса к вопросам здоровья и безопасности детей в спорте. Скандалы, связанные с насилием и жестокими методами тренировки, поднимают важные вопросы о том, как спортивные организации управляют детьми и как это связано с концепцией биовласти. Учащаются случаи, когда дело доходит до уголовных дел, тем самым выявляя проблемы в детском российском спорте. Данная проблема активно обсуждалась в январе 2025 г. министром спорта России Михаилом Дегтяревым на одном из селекторных совещаний с регионами, посвященное выполнению поручений президента России по противодействию насилию в спортивной среде.[5] В данном исследовании рассматриваются действия тренеров и спортивных организаций через концепцию биовласти, по М.Фуко. Она представляет собой форму власти, которая управляет населением через контроль над телами и здоровьем. Это включает в себя механизмы, которые регулируют жизнь, здоровье и поведение людей. В контексте спорта биовласть проявляется в том, как тренеры и спортивные организации контролируют физическое состояние и поведение детей. Исторически Фуко описывает, как биовласть развивалась с XVIII века, когда государства начали активно вмешиваться в здоровье и жизнь своих граждан. Это вмешательство стало более заметным в XX веке с развитием медицинских и спортивных практик.[1]

Основная часть

Профессиональный спорт в настоящее время представляет собой идеальную модель биовласти: тело спортсмена – объект бесконечного контроля (питание, сон, анализы). Риски легитимируются через дискурс «науки» и «прогресса», а дети-спортсмены становятся «инвестициями в будущее» как тела нации. Юные гимнастки или фигуристки с травмами позвоночника, продолжают выступать, так как врачи разрешают тренировки под нагрузкой оправдывая риторикой, что это «норма» для чемпионов. Родители закрывают глаза на переутомление и упущения в учебе ради профессионального будущего, которое наступает далеко не у всех. Существует достаточно государственного финансирования школ, но нет четких норм определяющих и регулирующих уровень воздействия на спортсменов. К сожалению в таких условиях происходит дегуманизация: тело спортсмена становится машиной для результатов.[4]

Общество и спорт неотъемлемо взаимосвязаны, и то какие нормы существуют в детском спорте, формируют представления о том, что является приемлемым поведением в социуме. Различия этих норм между институтом спорта и другими структурами может негативно сказываться в обе стороны.

Рассмотрим сами воздействия в спортивной деятельности и ее влияния. Проблемы физического насилия в детском спорте имеют большие масштабы, включая жестокие тренировки, травмы и случаи превышения полномочий со стороны тренеров. Привлечение внимания данной теме идет не только в научных, но и в медиа

сообществах, так как активно взаимодействует в социальных сферах и влияет на них. Снимаются документальные фильмы и передачи как: «Пленники Терпсихоры. Сахарова Людмила Павловна. 1995 г.», цикл передач «Жестокий спорт» и другие. В них профессиональных спортсмены рассказывают о сложностях и травмах, через которые им пришлось пройти. В некоторых регионах России до 30% от всех спортивных травм требуют оперативного вмешательства. Физический вред: 70% юных гимнастов к 12 годам получают хронические травмы позвоночника. Системные перегрузки 25–40 травм на 1000 часов тренировок в гимнастике и хоккее. [3]

Эмоциональное насилие: по результатам опросов тренерского состава трех спортивных школ (Академия футбола «Энергомаш», МУ ДО СШОР «Динамо-Дмитров», ГБУ ДО «Московская академия плавания» отделение Ховрино) абсолютное большинство, порядка 74% оправдывают перегрузки дискурсом «будущего чемпионства». Психологическое давление, манипуляции и запугивание негативно сказывается на состоянии детей. Это может включать в себя унижения, угрозы и чрезмерные ожидания. Эксплуатация «культурой жертвенности» 64,8% детей тренируются через боль под давлением тренеров.

Анализ того, как социальные и культурные структуры могут способствовать насилию в спорте. Многие спортсмены воспринимают свою профессиональную деятельность как акт самопожертвования. Они идут на риск, осознавая возможность получения травм, потому что ставят перед собой высокие цели: победу, рекорд, признание. В этом случае травма становится не просто случайностью, а частью их внутреннего выбора, выражением готовности пожертвовать своим телом ради успеха.

Для многих травма – это не только физическая боль, но и психологический индикатор их высокого уровня самодисциплины, стойкости и преданности делу. Они могут воспринимать травмы как испытание, укрепляющее их внутреннюю силу и волю. В этом контексте травма становится свидетельством жертвенности, проявлением личностной силы.

Однако такие взгляды вызывают этические споры. Можно ли оправдать страдания и потенциальный вред ради достижения спортивных целей? Где граница между здоровой жертвенной отдачей и опасной саморазрушительностью? Важно ли ценить не только результат, но и способ его достижения?

Проблема оправдания травм через призму жертвенности создаёт дилемму: с одной стороны, стремление к победе требует внутренних ресурсов и готовности к страданиям, с другой – есть риск превзойти границы разумного и причинить себе непоправимый вред. Эта тема поднимает вопрос о ценностях в спорте – насколько риск и жертвенность допустимы, и как сохранять баланс между достижением целей и сохранением здоровья и достоинства спортсмена.

Наибольший вред для здоровья фиксируется в боксе – 158,1 боксеров получают травмы на каждую 1000 спортсменов. Также довольно большие показатели во многих командных игровых видах. Затем идет борьба – 100 человек на тысячу. В фехтовании травмы получают 64 спортсмена из тысячи. В парусном спорте, теннисе и мотоспорте травматичность колеблется от 41 человека до 50. Гимнастика отмечается показателями – 29 человек на одну тысячу. В хоккее, лыжном спорте и стрельбе эти показатели колеблются от 20 до 25 человек.[2]

В рамках исследования был проведен опрос 81 человека среди обучающихся студентов 1–4 курсов факультета физической культуры в высших учебных заведениях:

МПГУ и ГУП. Вопросы отражали влияние различного рода воздействия тренеров на спортсменов насильственного характера в разной степени. Ответы студентов были исходя из их спортивной практики, которая была до 18 лет (табл. 1–5).

Таблица 1. Применялось ли к вам на занятиях повышенное психологическое воздействие: крики, угрозы, шантаж отстранением от игр/тренировок, шантаж отчислением? (не единичные случаи)

Виды спорта	Да	Нет
Футбол	13	6
Гимнастика спортивная/художественная	7	8
Плавание	5	10
Единоборства	9	2
Хоккей	4	1
Легкая атлетика	2	8
Другие	3	3

Таблица 2. Применялось ли к вам прямое физическое воздействие, могли ли вас ударить? (не единичные случаи)

Виды спорта	Да	Нет
Футбол	3	16
Гимнастика спортивная/художественная	6	9
Плавание	2	13
Единоборства	9	2
Хоккей	2	3
Легкая атлетика	0	10
Другие	1	6

Таблица 3. Принуждали ли вас выполнять упражнения, когда вы отказывались из-за своего самочувствия? (не единичные случаи)

Виды спорта	Да	Нет
Футбол	15	4
Гимнастика спортивная/художественная	11	4
Плавание	12	3
Единоборства	6	5
Хоккей	1	4
Легкая атлетика	2	8
Другие	2	6

Таблица 4. Были случаи, когда тренеры доводили вас до слез?

Виды спорта	Да	Нет
Футбол	2	17
Гимнастика спортивная/художественная	13	2
Плавание	3	12

Виды спорта	Да	Нет
Единоборства	1	10
Хоккей	0	5
Легкая атлетика	1	9
Другие	0	6

Таблица 5. Вопрос только для девушек. Заставляли ли вас насильно заниматься в болевой момент менструального цикла?

Виды спорта	Да	Давали облегченное задание	Нет
Футбол	-	-	-
Гимнастика спортивная/художественная	7	1	1
Плавание	4	2	2
Единоборства	-	-	-
Хоккей	-	-	-
Легкая атлетика	1	2	1
Другие	1	0	1

Заключение

Почему мы рассматриваем спорт в контексте биовласти и это важно для темы спортивных рисков? Концепция объясняет, почему общество принимает перегрузки спортсменов – они вписаны в систему «оптимизации» тел, легитимируется вред для детей – через идею «пользы» для их будущего. Критика спорт-индустрии игнорируется – биовласть создает «нормы», где риск – это «естественно». Биовласть по Фуко – это невидимый контроль через «заботу» о теле. В спорте она проявляется особенно ярко. Травмы оправдываются нормой для чемпиона и научными идеями о возможностях человеческого организма. Детские страдания инвестицией в будущее, но чемпионами из сотен тысяч становятся лишь десятки человек. Смерть в некоторых видах спорта – «неизбежным риском». Эта концепция помогает разоблачить систему, где здоровье приносится в жертву результату.

Литература

1. Аласания Кира Юрьевна Философская концепция биовласти: истоки и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 4.
2. Мазур А.И. Эпидемиология спортивного травматизма в аспекте медицинской реабилитации // Медицинские новости. 2012. № 11.
3. Ваулина А. В., Цыбанов А.С., Краснояров Г.А., Козлов О.О. Анализ спортивного травматизма у детей и подростков по материалам детского травматолого-ортопедического отделения ГК БСМП им. В.В. Ангипова за 2002–2007 гг // Acta Biomedica Scientifica. 2008. № 3.
4. Шарапата В. А., Агошков В.В. ТРАВМАТИЗМ ПРИ ЗАНЯТИЯХ СПОРТОМ // Мировая наука. 2022. № 3 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/travmatizm-pri-zanyatiyah-sportom> (дата обращения: 04.07.2025).
5. <https://minsport.gov.ru/press-center/news/v-minsporterossii-proshlo-selektornoe-soveshhanie-s-regionami-po-protivodejstviyu-nasiliiyu-v-sporte/>

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE IMPACT OF VIOLENT ACTIONS IN SPORTS ON INJURIES THROUGH THE CONCEPT OF BIOPOWER BY M. FOUCAULT

Korotenko I.A., Kargin N.N.
State University of Education

This article explores the issue of influence of aggressive impact in Russian children's sports through an ethico-philosophical analysis and the concept of biopower. The analysis examines how mechanisms of control and regulation of athletes' bodies affect the manifestation of aggressive and violent behaviors, using Foucault's concept of biopower. Biopower manifests through disciplinary practices, normalization of bodies, and constant surveillance, which shape a "subjugated" body capable of intensified work and adaptation.

Keywords: children's sports, structural violence, trauma, sports ethics, philosophical anthropology, athlete health.

References

1. Alasania Kira Yurievna Philosophical concept of biopower: origins and prospects // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. 2018. No. 4.
2. Mazur AI Epidemiology of sports injuries in the aspect of medical rehabilitation // Medical news. 2012. No. 11.
3. Vaulina AV, Tsybanov AS, Krasnoyarov GA, Kozlov OO Analysis of sports injuries in children and adolescents based on the materials of the children's traumatology and orthopedic department of the City Emergency Hospital named after V.V. Angapov for 2002–2007 // Acta Biomedica Scientifica. 2008. No. 3.
4. Sharapata V. A., Agoshkov V.V. INJURIES IN SPORTS // World Science. 2022. No. 3 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/travmatizm-pri-zanyatiyah-sportom> (date of access: 04.07.2025).
5. <https://minsport.gov.ru/press-center/news/v-minsporterossii-proshlo-selektornoe-soveshhanie-s-regionami-po-protivodejstviyu-nasiliiyu-v-sporte/>

Влияние алгоритмов на социальную коммуникацию: как цифровые технологии формируют восприятие информации

Молодыхова Элеонора Борисовна,

доцент кафедры социологии и управления персоналом, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Тибейкин Степан Евгеньевич,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

В статье рассматривается влияние цифровых технологий и алгоритмов на социальную коммуникацию и формирование мировоззрения современных поколений. Авторы анализируют, как перенос общения в виртуальную среду меняет способы восприятия информации, структуру мышления и социальные взаимодействия. Особое внимание уделено нейрокогнитивным последствиям чрезмерного использования цифровых устройств, включая нарушения миелинизации у детей, снижение когнитивных функций и развитие интернет-зависимости. Исследуется механизм «дофаминовой петли» и феномен синдрома упущенной выгоды (FOMO), способствующие формированию аддиктивного поведения и поверхностных социальных связей. Приведены данные о различиях в наглядно-образном и словесно-логическом мышлении поколения Z по сравнению с предыдущими поколениями. В заключение предлагаются три стратегических направления осознанного использования цифровых технологий – саморазвитие, укрепление социальных связей и творческое созидание – с целью трансформации цифровых платформ из источников отвлечения в инструменты личностного и социального роста.

Ключевые слова: цифровые технологии, социальная коммуникация, алгоритмы, мировоззрение, дофаминовая петля, FOMO, когнитивные функции, интернет-зависимость, поколение Z, саморегуляция, социальные сети.

Цифровые технологии играют ключевую роль в формировании мировоззрения современных поколений, потому что они переносят общение и взаимодействие в виртуальную среду, создавая новые формы самовыражения и социальных взаимодействий. Это приводит к изменениям в образе мышления, восприятии окружающего мира и внутренней культуре человека.

Само по себе мировоззрение – это целостное представление о природе, обществе, человеке, находящее выражение в системе ценностей и идеалов личности, социальной группы, общества. Мы знаем, что оно всегда исторично, т.е. тесно связано с переживаемыми обществом стадиями развития, совокупностью тех проблем, которыми непосредственно живёт общество; формируется постепенно (как стихийно, так и осознанно) и подвержено изменениям в течение всей жизни человека. При этом, как и всегда, в цифровом пространстве носителями мировоззрения могут выступать как отдельный человек, так и группа людей или даже человечество на том или ином этапе своего развития [3].

По мнению В.С. Степина, сущность мировоззрения заключается не в усвоении системы знаний, не в отражении мира (в этом одна из задач науки), а в выработке убеждений, ориентиров в постоянно меняющихся социальных условиях. Однако у влияния цифровых технологий на мировоззрение есть и отрицательные аспекты, например утрата ценности реального мира в сознании человека, ослабление реальной коммуникации и снижение личной ответственности за действия в виртуальном мире.

Сегодня можно говорить, что роль коммуникации в обществе определяется уже не только передаваемой информацией, но и пространством, в котором она распространяется. И именно Интернет во многом отвечает данному требованию. Он имеет универсальные протоколы [1]. Они, в свою очередь, позволяют передавать любую информацию таким образом, чтобы любой реципиент мог её получить (например, в образовательных целях, корпоративных, финансовых и т.д.). Есть, например, новые средства общения – эмодзи, которые сопровождают электронную переписку, способны настроить эмоциональный фон беседы, заменить словосочетание или даже целое предложение.

Интересное наблюдение было проведено в 2020 году. В журнале JAMA Pediatrics было опубликовано исследование, в котором утверждалось, что смартфоны и другие цифровые устройства с экранами способны вызывать органические изменения в структуре и функциях головного мозга. У тех детей (с 1 года до 3-х лет), которые проводили большое количество времени перед экраном (планшетом, телевизором, смартфоном и т.д.) [2], сканирование головного мозга детей показало сниженный уровень миелинизации нервных волокон (образование специального слоя вещества под названием миелин вокруг нервного волокна в период его созревания; миелин, покрывающий нервное окончание, повышает скорость и точность передачи импульсов нервной системе и защищает нервные волокна от повреждений). Поэтому его недостаток вызывает различные расстройства в работе нервной системы, и, в свою очередь, наруше-

ния вызывают нарушение чувствительности, движения, когнитивных функций и других функций, в зависимости от того, какие нервы затронуты. Уровень языковых навыков и когнитивных способностей, такие как память, внимание, они также зависят от целостности миелиновой структуры. То есть способность хранить, извлекать и преобразовывать информацию зависит от того, насколько хорошо сформирована оболочка нейронов [2].

Также интересное исследование было проведено по электроэнцефалограмме студентов «интернет-зависимых» и «независимых». Интересно, что в группе интернет-зависимых отмечается нарушение стабилизации корковой активности, то есть, если у независимых людей, а мозг работал в каждый конкретный момент по-разному (например, в момент покоя с закрытыми глазами – одним образом; открытыми глазами после выполнения определённых действий – другим образом). В свою очередь мозг человека «интернет-зависимого» никогда не отключался. Определённые зоны мозга работали постоянно. Это также может привести к переутомлению мозговых функций, к снижению когнитивных способностей. Это постоянное возбуждение, когда мозг никогда не отдыхает и естественно, что интернет-зависимость тогда сопровождается целым комплексом негативных проявлений (нарушение в эмоциональной сфере; повышенная нервная возбудимость; ухудшение памяти; нарушениям процессов стресса и т.д.).

Наблюдается снижение чувствительности к последствиям подобного использования, включая пренебрежение учебными обязанностями, физическим дискомфортом, социальными нормами и режимом дня, несмотря на негативные последствия для здоровья и функционирования. Например, наблюдается снижение чувствительности к последствиям подобного использования, включая пренебрежение учебными обязанностями у подростков и студентов, физическим дискомфортом, социальными нормами и режимом дня, несмотря на негативные последствия для здоровья и функционирования. Как отмечает профессор психологии Стэнфордского университета, Клиффорд Насс, чьи исследования были посвящены влиянию технологий на когнитивные процессы и поведение, «мультизадачность, стимулируемая постоянным использованием цифровых устройств, приводит к снижению способности к концентрации и ухудшению когнитивных функций, что в свою очередь может способствовать потере контроля над временем и приоритетами» [3]. Таким образом, постоянная стимуляция и необходимость принятия решений, присущие цифровой среде, могут нарушать механизмы саморегуляции и приводить к формированию аддиктивного поведения.

Симптомы отмены, возникающие при ограничении или прекращении доступа к цифровым устройствам, представляют собой комплекс физиологических и психологических реакций, свидетельствующих о формировании зависимости. Эти симптомы могут варьироваться по интенсивности и проявляться в форме тревожности, раздражительности, дисфории (подавленного настроения), трудностей с концентрацией внимания, нарушения сна, а также физических проявлений, таких как головные боли и мышечное напряжение. Данные проявления обусловлены нейробиологическими механизмами, связанными с изменением активности систем вознаграждения и адаптацией мозга к постоянному воздействию стимулирующих факторов, предоставляемых цифровыми устройствами.

С позиции социальных коммуникаций и цифровых технологий интересно такое явление, как «дофаминовая петля». Она представляет собой механизм подкрепления, который усиливает аддиктивное поведение, свя-

занное с использованием социальных сетей, онлайн-игр и других цифровых платформ. Это происходит через определенный механизм [1]:

1. **Стимул** (цифровые платформы создают предсказуемые стимулы. Например, получение лайка, нового подписчика и т.д.)
2. **Выброс дофамина** (эти стимулы активируют систему вознаграждения в мозге, вызывая выброс дофамина)
3. **Обучение** (мозг ассоциирует какое-то определенное действие с положительным подкреплением, создавая тем самым рефлекс)
4. **Повторение** (человек стремится повторить действие, чтобы вновь испытать приятные ощущения)
5. **Социальная составляющая** (в социальных сетях эта петля особенно сильна, так как подкрепление часто приходит в виде социального одобрения (лайки, комментарии, репосты).
6. **Переменное подкрепление** (важной особенностью цифровых платформ является использование переменного подкрепления. Это означает, что награда (выброс дофамина) выдается не каждый раз, а случайным образом)

Такое явление очень сильно влияет на социальные коммуникации с трёх позиций: поверхностные связи (дофаминовая петля может приводить к формированию поверхностных, основанных на краткосрочных удовольствиях, социальных связей); сравнение и зависть (постоянное сравнение себя с другими в социальных сетях может вызывать чувство зависти и неудовлетворенности, составление онлайн-образа); уход от реального общения (зависимость к цифровым платформам может приводить к уходу от реального общения) [4]. В целом, дофаминовая петля, активируемая цифровыми платформами, является мощным механизмом, который может оказывать существенное влияние на поведение и социальные коммуникации, приводя к формированию аддикций и негативным последствиям для психического здоровья и социального функционирования.

Существует также синдром упущенной выгоды (FOMO) – это когда вы постоянно тревожитесь, что другие люди веселятся или получают больше удовольствия, чем вы. Происходит это через сравнение: мы сравниваем себя с другими в соцсетях, где все показывают только лучшее. Также это происходит, когда имеется потребность в общении: Мы боимся остаться в стороне и быть «не в теме». С позиции «зависимости для мозга» – это проверка социальных сетей с целью получения небольшого удовольствия. FOMO может испортить настроение, помешать работе, нарушить сон и даже сделать нас несчастными. Мы как будто все время гонимся за чем-то, боясь что-то пропустить. Проще говоря: FOMO – это страх, что у других жизнь лучше, чем у вас, и социальные сети только усиливают данный эффект.

Также есть интересное наблюдение по изучению когнитивных функций. Московский государственный педагогический университет провел исследования когнитивных функций поколения Z и представителей другого культурологического периода (подростки 12 лет ранних периодов). Для того чтобы проверить наглядно-образное мышление у подростков использовались так называемые прогрессивные матрицы Равена (усложняющиеся матрицы, в которых необходимо найти недостающие пазлы). Наглядно-образное мышление у подростков поколения Z существенно выше, чем у подростков предыдущих поколений. То есть возможно это обусловлено невербальной наглядной формой восприятия информации, в которую они вовлечены практически постоянно сегодня. То есть подростки сегодня намного лучше справля-

ются с логическими тестами. А благодаря другому тесту – выделение существенных признаков Рубинштейна удалось выяснить, что словесно-логическое мышление у подростков поколения Z выражено намного ниже, чем у подростков предыдущих поколений. Ученые предполагают, что это произошло, потому что постоянное задействование мозга с позиции наглядно-образного мышления чревато сложностью получения опыта через «слово». Интересен тот факт, что объём кратковременной памяти у детей поколения Z был намного выше, чем объём краткосрочной памяти у предыдущих поколений. Поколение Z быстро запоминает информацию, поступившую из сенсорной памяти (в течение короткого времени). Однако, когда дело касается долговременной памяти, выяснилось, что они существенно отстают от своих сверстников предыдущих поколений. Можно предположить, что это возможно потому, что подростки цифрового поколения перегружены массивом информации.

Мы приходим к главному вопросу: как же сделать цифровые технологии нашими союзниками? Существуют три ключевых направления, где они могут принести огромную пользу: саморазвитие, укрепление связей и созидание.

1. Саморазвитие: Цифровые инструменты как ключ к новым знаниям и навыкам.

В эпоху цифровых технологий доступ к образованию и самосовершенствованию стал довольно упрощенным. Онлайн-курсы, вебинары, образовательные платформы – все это предоставляет огромные возможности для изучения новых дисциплин, совершенствования профессиональных навыков. Важно научиться фильтровать информацию, выбирать качественные источники и структурировать процесс обучения, чтобы максимально эффективно использовать цифровые ресурсы для своего развития.

2. Укрепление связей: Поддержание отношений на расстоянии и расширение круга общения.

Цифровые технологии позволяют нам поддерживать связь с друзьями и семьей, находящимися в разных уголках мира, обмениваться информацией, делиться опытом и поддерживать друг друга. Кроме того, они открывают возможности для расширения круга общения, знакомства с единомышленниками и участия в онлайн-сообществах по интересам. Важно помнить, что цифровое общение не должно заменять реальное, а лишь дополнять его [1].

3. Созидание: Цифровые инструменты как средство для творчества и самовыражения.

Онлайн-платформы и социальные сети могут стать мощным средством для продвижения своих творческих проектов и привлечения аудитории. Подумайте, как вы можете использовать цифровые инструменты для создания чего-то нового, полезного и красивого, что будет приносить пользу вам и другим. Например, можно создать блог, посвященный вашему хобби, или разработать мобильное приложение, решающее какую-либо проблему. Одним из ключевых факторов, затрудняющих контроль над использованием социальных сетей, является сочетание полезного и вредного контента. Необходимость поиска ценной информации в огромном массиве отвлекающего и зачастую бесполезного контента напоминает поиск золотого слитка в мусорной куче. Пользователи часто оказываются вовлеченными в просмотр бесконечной ленты, проводя значительное время в цифровом пространстве, даже если первоначальной целью был поиск конкретной информации. Этот эффект обусловлен алгоритмами рекомендаций, которые призваны удерживать внимание пользователей, предлагая им контент, максимально соответствующий их интере-

сам, но при этом не всегда являющийся полезным или значимым.

Еще одним фактором, усложняющим контроль, является размывание границы между работой и отдыхом. Благодаря цифровым технологиям доступ к рабочим задачам и информации возможен в любое время и в любом месте, что приводит к постоянной доступности и снижению возможности полноценного отдыха и восстановления. Это может приводить к стрессу, выгоранию и снижению продуктивности в долгосрочной перспективе [2].

Таким образом, используя цифровые технологии осознанно и целенаправленно, мы можем превратить их из источника зависимости и отвлечения в инструмент для саморазвития, укрепления связей и созидания.

В заключение следует отметить, что технологии оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на социальное взаимодействие и отношения. Несмотря на то, что с помощью технологий стало проще поддерживать связь с другими людьми, они также привели к сокращению личного общения и усилению чувства изоляции. Кроме того, легкость доступа к приложениям для знакомств и социальным сетям привела к формированию культуры одноразовых отношений. Постоянное использование технологий также может оказать негативное влияние на детей и подростков, а также на то, как мы воспринимаем и взаимодействуем с окружающим миром. Важно найти баланс и использовать технологии таким образом, чтобы они укрепляли, а не отвлекали нас от социальных связей и общего благополучия.

Литература

1. Влияние соцсетей на общественное мнение: анализ и тенденции [Электронный ресурс] // Politicana. – 27.02.2025. – Режим доступа: <https://politicana.ru/society/opinion/vliyanie-sotsia..> (дата обращения: 18.08.2025).
2. Ганюшкина, Е.С. Влияние алгоритмов фильтрации социальных сетей на формирование общественного мнения // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2024. – С. 84–89.
3. Константиновский, Д. Л., Попова, Е. С., Кузнецов, И. С., Кузнецов, Р.С. Цифровые технологии и большие данные в социологических исследованиях: концепция, методология, возможности // Мир России. – 2025. – Т. 34, № 1. – С. 144–160.
4. Имамкулиева, Т. М., Иламанов, Б.Б. Влияние социальных сетей на общество в условиях информационного противоборства [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал. – [б.д.]. – Режим доступа: <https://www.вестник-науки.pf/article/11296> (дата обращения: 18.08.2025).

THE IMPACT OF ALGORITHMS ON SOCIAL COMMUNICATION: HOW DIGITAL TECHNOLOGIES SHAPE THE PERCEPTION OF INFORMATION

Molodkova E.B., Tibeikin S.E.

Saint-Petersburg State University of Economics

The article examines the impact of digital technologies and algorithms on social communication and the formation of the worldview of modern generations. The authors analyze how the transfer of communication to a virtual environment changes the ways of perceiving information, the structure of thinking, and social interactions. Particular attention is paid to the neurocognitive consequences of excessive use of digital devices, including myelination disorders in children, decreased cognitive functions, and the development of Internet addiction. The mechanism of the “dopamine loop” and the phenomenon of the fear of missing out (FOMO), which contribute to the formation of addictive behavior and superficial social connec-

tions, are studied. Data are provided on the differences in the visual-figurative and verbal-logical thinking of Generation Z compared to previous generations. In conclusion, three strategic directions for the conscious use of digital technologies are proposed – self-development, strengthening social ties, and creative creation – with the aim of transforming digital platforms from sources of distraction into tools for personal and social growth.

Keywords: digital technologies, social communication, algorithms, worldview, dopamine loop, FOMO, cognitive functions, internet addiction, generation Z, self-regulation, social networks.

References

1. The Impact of Social Networks on Public Opinion: Analysis and Trends [Electronic resource] // Politicana. – 02/27/2025. – Ac-

cess mode: <https://politicana.ru/society/opinion/vliyanie-sotsia..> (date of access: 08/18/2025).

2. Ganyushkina, E.S. The Impact of Social Network Filtering Algorithms on the Formation of Public Opinion // Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research. – 2024. – P. 84–89.
3. Konstantinovsky, D. L., Popova, E. S., Kuznetsov, I. S., Kuznetsov, R.S. Digital technologies and big data in sociological research: concept, methodology, possibilities // World of Russia. – 2025. – Vol. 34, No. 1. – P. 144–160.
4. Imamkulieva, T. M., Ilamanov, B.B. The influence of social networks on society in the context of information confrontation [Electronic resource] // Electronic scientific journal. – [n.d.]. – Access mode: <https://www.vesnik-nauki.rf/article/11296> (date of access: 08/18/2025).

Мохаммад Васим Хабиби,

аспирант кафедры сравнительной политологии, ФГСН РУДН
им. Патриса Лумумбы

E-mail: 1042225070@rudn.ru

В статье анализируется проблема системного срыва проектов политической модернизации в Афганистане на протяжении последних полутора веков. Автор выдвигает и обосновывает тезис о том, что ключевым лимитирующим фактором, препятствующим формированию устойчивого централизованного государства-нации, является глубоко укоренившаяся и кланово-этническая социальная структура. В работе исследуются механизмы, посредством которых данная структура подрывает основы государственной легитимности, деформирует функционирование современных политических институтов и препятствует формированию общенациональной гражданской идентичности. Анализ фокусируется на том, как системы лояльности, основанные на родстве и происхождении, вступают в прямое противоречие с принципами безличного правового порядка и меритократии, являющимися фундаментом современного государства.

Ключевые слова: Афганистан, политическая модернизация, клановая структура, этничность, трайбализм, государство-нация, централизация, децентрализация, легитимность.

Введение

История Афганистана представляет собой парадокс: будучи одним из государств с длительной историей формальной суверенности, он демонстрирует хроническую неспособность к построению стабильной, функциональной и легитимной централизованной политической системы. Многочисленные попытки политической модернизации, инициированные как внутренними реформаторами (от эмира Абдур-Рахмана до просоветского режима НДПА), так и внешними акторами в XXI веке, неизменно завершались неудачей, приводя к фрагментации власти и новым виткам вооруженных конфликтов. Распространенные объяснения этих неудач, апеллирующие к экономической отсталости, географической сложности, религиозному консерватизму или внешнему вмешательству, безусловно, имеют значение, однако они не вскрывают корневой причины системного отторжения модернизационных моделей.

Настоящая статья ставит своей целью доказать, что фундаментальным препятствием на пути политической модернизации Афганистана выступает его социальная организация, основанная на сегментарной кланово-этнической структуре. Постановка проблемы заключается в следующем: **почему импортируемые или насаждаемые модели современного государства, основанные на принципах универсального права, безличной бюрократии и прямой лояльности гражданину государству, оказываются нежизнеспособными в афганском контексте?** Гипотеза исследования состоит в том, что в Афганистане государство не обладает монополией на лояльность и идентификацию индивида.

Первичным источником идентичности, лояльности, социальной защиты и нормативного регулирования выступает не государство, а догосударственная, премодернистская социальная единица – *qaum*. Эта структура не просто существует параллельно с государством, но активно конкурирует с ним, делегитимируя его институты и инструментализируя их в собственных интересах. Цель данного анализа – детально вскрыть и проанализировать механизмы этого противостояния, показав, как кланово-этническая система перманентно блокирует ключевые процессы, ассоциируемые с политической модернизацией: централизацию власти, становление общенациональной идентичности и утверждение верховенства права.

Результаты исследований и их обсуждение

Фундаментальной единицей социальной и политической жизни в Афганистане является не индивид-гражданин, а группа, идентифицируемая по происхождению. Данное понятие чрезвычайно гибко и ситуативно; оно может обозначать семью (*khanawada*), род (*khel*), клан, племя или, в более широком смысле, этническую группу¹. Эта система выстраивает иерархию лояльностей, которая направлена не от индивида к абстрактному государству,

¹ Лалетин Ю.П. Государство и племя в политической системе Афганистана // Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: Науч.-метод. комплекс / А.Д. Воскресенский (ред.). – М.: Аспект Пресс, 2011. – С. 280

а снизу вверх — от семьи к клану и племени. Лояльность вышестоящему сегменту (например, племенной конфедерации или государству) всегда условна и зависит от того, насколько лидер этого сегмента способен защищать и продвигать интересы нижестоящих групп. В этой системе координат государство воспринимается как наиболее отдаленный и наименее обязательный уровень лояльности, легитимность которого постоянно ставится под сомнение и оспаривается более близкими и понятными центрами притяжения.

Исторически афганская государственность была проектом, центрированным вокруг доминирующей этнической группы — **пуштунов**. Начиная с основания Дурранийской империи в 1747 году, верховная власть почти всегда находилась в руках пуштунских элит. Однако эта власть никогда не была абсолютной. Она представляла собой сложный компромисс между центральным правителем (эмиром, шахом, президентом) и могущественными лидерами пуштунских племен. Легитимность монарха основывалась не столько на формальном праве, сколько на его способности балансировать интересы племен, распределять ресурсы и действовать в соответствии с неписаным кодексом чести — **пуштунвали**¹.

Этот кодекс, а не государственный закон, является реальной конституцией для значительной части афганского общества. Такие его постулаты, как *мелмаestia* (гостеприимство), *нанаватай* (право на убежище) и, что особенно важно, *бадал* (кровная месть, возмездие), формируют нормативную рамку, которая прямо противоречит идее государственной монополии на насилие и правосудие. Принцип *бадал* легитимизирует частное насилие и увековечивает циклы межклановых конфликтов, делая невозможным установление единого и беспристрастного правового поля. Обязательства, налагаемые **пуштунвали**, для индивида имеют безусловный приоритет перед законами государства. Таким образом, попытка внедрить систему универсального права наталкивается не просто на неграмотность или коррупцию, а на альтернативную, глубоко интериоризированную и социально легитимную правовую систему.

Проблема усугубляется межэтническими отношениями. **Пуштуноцентричный характер государства исторически вызывал отторжение у других крупных этнических групп: таджиков, хазарейцев и узбеков.** Таджики, составлявшие значительную часть городской интеллигенции и бюрократии, часто были отстранены от высших политических и военных постов. Хазарейцы, отличающиеся как этнически, так и конфессионально (большинство из них шииты), на протяжении веков подвергались систематической дискриминации и преследованиям, что способствовало формированию у них мощной и обособленной групповой идентичности.

Узбеки и туркмены сохраняли сильные региональные структуры власти на севере страны. Любая попытка централизации, предпринимаемая Кабулом, воспринималась этими группами не как шаг к построению общего государства, а как попытка усиления пуштунской гегемонии². В результате проекты национального строительства проваливались, так и не создав единой «афганской» нации. Сам этноним «афганец» исторически был синонимом слова «пуштун», что делало его инклюзив-

ное использование для всех граждан страны крайне проблематичным. В моменты кризиса или внешнего давления общество не консолидировалось вокруг национальных символов, а распадалось по этническим и клановым линиям, каждая из которых преследовала собственные цели выживания и доминирования.

Разрушительное воздействие кланово-этнической структуры наиболее наглядно проявляется при анализе функционирования ключевых институтов современного государства. Попытки создания национальной армии систематически терпят крах, поскольку лояльность солдата принадлежит в первую очередь не государству или верховному командованию, а своему непосредственному командиру, который, как правило, является его соплеменником или земляком. Это порождает системную коррупцию (феномен «мертвых душ», когда командиры получают жалование за несуществующих солдат), дезертирство и фрагментацию вооруженных сил в случае политического кризиса.

Аналогичные процессы происходят и в гражданской администрации. Принцип меритократии, лежащий в основе эффективной бюрократии, вступает в прямое противоречие с моральными обязательствами лидера перед своим племенем. С их точки зрения назначение на должность соплеменника или родственника — это не коррупция, а исполнение долга, демонстрация силы и способности защитить интересы своей группы. Напротив, назначение «чужака», пусть даже более компетентного, может быть расценено как предательство. **В результате государственный аппарат пронизан nepотизмом и клановыми связями, он не служит общенациональным интересам, а превращается в арену борьбы между различными группами за доступ к ресурсам и должностям**³. Государственные должности становятся трофеями, которые победивший в политической борьбе клан распределяет между своими членами.

Демократические процедуры, такие как выборы, в этой системе координат также подвергаются фундаментальной деформации. Голосование происходит не на основе политических программ или идеологий, а по принципу принадлежности к тому или иному *племени*. Выборы превращаются в этническую и племенную перепись населения, закрепляющую и легитимирующую существующие разделительные линии, а не преодолевающую их. **Политические партии, за редким исключением, представляют собой не идеологические структуры, а политические фронты влиятельных этнических лидеров и полевых командиров**⁴. Парламент становится не площадкой для национального диалога, а ареной для лоббирования узкогрупповых интересов, где каждая фракция стремится максимизировать свою долю в государственном бюджете и кадровых назначениях.

Таким образом, формируется порочный круг. Слабость центрального государства, обусловленная доминированием трайбалистских лояльностей, заставляет политических акторов для мобилизации поддержки апеллировать именно к этим лояльностям. Это, в свою очередь, еще больше усиливает клановую и этническую фрагментацию и подрывает легитимность общенациональных институтов. Внешние вмешательства, как

¹ Махмадшоев Р., Наимов И.Н. ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ ОПТИМАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ГАРМОНИЗАЦИИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АФГАНИСТАНЕ // Вестник Педагогического университета. 2020. № 5 (88). С. 75

² Нессар М.О., Комлева В.В. АФГАНСКАЯ МОДЕЛЬ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ СЕТЕВЫХ СТРУКТУР. ВЗГЛЯД НА ДИНАМИКУ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОРЯДКОВ В АФГАНИСТАНЕ // Обозреватель — Observer. 2022. № 2 (385). С. 50

³ Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризиса наций-государств // Восток.

Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. № 4. С. 5

⁴ Басов А.А. Национальное и племенное в Афганистане. К пониманию невоенных истоков афганского кризиса / А.А. Басов / В.В. Басов, под редакцией к. полит. наук В.Б. Кравцова. — М., НИЦ ФСКН России, 2011 С. 64

правило, лишь усугубляют эту динамику. Делая ставку на тех или иных этнических лидеров или полевых командиров, внешние силы вливают ресурсы не в государственные структуры, а в укрепление сепаратных центров власти, тем самым консервируя и даже углубляя сегментарную природу афганского общества.

Попытка разрешения данной проблемы не может лежать в плоскости очередного проекта по насаждению унитарной, централизованной модели государства, которая раз за разом доказывала свою неэффективность¹. Вероятно, единственный реалистичный, хотя и чрезвычайно сложный и долгий, путь заключается в отказе от копирования веберовской модели и поиске гибридной системы, которая бы учитывала и в некоторой степени инкорпорировала существующую социальную реальность. Это может означать переход к модели глубокой децентрализации или асимметричной федерации, где регионы и местные общины (*qaim*) получают широкую автономию в вопросах местного самоуправления, образования, правопорядка и распределения ресурсов. Центральное правительство при такой модели сохранило бы за собой ключевые функции обороны, внешней политики и макроэкономического регулирования. Традиционные институты консенсуса, такие как *Лойя-джирга* (Всеафганский совет старейшин), должны быть преобразованы из символических мероприятий в реально действующие механизмы согласования интересов между основными этническими и племенными группами.

Цель такого подхода – не сломать клановую структуру, что невозможно в обозримой перспективе, а встроить ее в новую политическую рамку, где энергия групповой солидарности будет направлена не на борьбу с центром, а на развитие собственных территорий в рамках единого, но плюралистичного и гетерогенного государственного образования. Такой подход не является панацеей и сопряжен с риском дальнейшей фрагментации, однако он, по крайней мере, исходит из объективной социальной реальности Афганистана, игнорирование которой на протяжении всей его новейшей истории было главной причиной провала политической модернизации.

Литература

1. Басов А.А. Национальное и племенное в Афганистане. К пониманию невоенных истоков афганского кризиса / А.А. Басов, В.В. Басов; под редакцией к. полит. наук В.Б. Кравцова. М.: НИЦ ФСКН России, 2011. С. 64.
2. Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлеченность стран-соседей // Постсоветские исследования. 2023. № 4. С. 63.
3. Лалетин Ю.П. Государство и племя в политической системе Афганистана // Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: Науч.-метод. комплекс / А.Д. Воскресенский (ред.). М.: Аспект Пресс, 2011. С. 280.
4. Махмадшоев Р., Наимов И.Н. Проблема разработки оптимальной концепции гармонизации этнонациональных отношений в Афганистане // Вестник Педагогического университета. 2020. № 5 (88). С. 75.

5. Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. № 4. С. 5.
6. Нессар М.О., Комлева В.В. Афганская модель децентрализованных сетевых структур. Взгляд на динамику политических порядков в Афганистане // Обозреватель – Observer. 2022. № 2 (385). С. 50.

STAGNATION OF REFORMS IN AFGHANISTAN: THE INFLUENCE OF CLAN-ETHNIC INTERESTS

Mohammad Wasim Habibi

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The article analyzes the problem of the systemic failure of political modernization projects in Afghanistan over the past century and a half. The author puts forward and substantiates the thesis that the key limiting factor hindering the formation of a stable, centralized nation-state is the country's deeply rooted clan-ethnic social structure. The paper examines the mechanisms by which this structure undermines the foundations of state legitimacy, distorts the functioning of modern political institutions, and impedes the formation of a national civic identity. The analysis focuses on how loyalty systems based on kinship and descent come into direct conflict with the principles of an impersonal legal order and meritocracy, which are the foundation of the modern state.

Keywords: Afghanistan, political modernization, clan structure, ethnicity, tribalism, nation-state, centralization, decentralization, legitimacy.

References

1. Basov A.A. Natsional'noe i plemennoe v Afganistane. K ponimaniyu nevoennykh istokov afganskogo krizisa [National and tribal in Afghanistan. Towards understanding the non-military origins of the Afghan crisis]. Ed. by V.B. Kravtsov. Moscow, NITS FSKN Rossii Publ., 2011, p. 64. (In Russian)
2. Knyazev A.A., Gulam N. Ya. Etnopoliticheskaya situatsiya v Afganistane: vneshnee vozdeistvie i вовлеченность stran-sosedei [The ethno-political situation in Afghanistan: external influence and the involvement of neighboring countries]. Postsoverskie issledovaniya [Post-Soviet Studies], 2023, no. 4, p. 63. (In Russian)
3. Laletin Yu.P. Gosudarstvo i plemya v politicheskoi sisteme Afganistana [State and tribe in the political system of Afghanistan]. Vostok i politika: Politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy: Nauch.-metod. kompleks [The East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes: Scientific and methodological complex]. Ed. by A.D. Voskresenskii. Moscow, Aspekt Press Publ., 2011, p. 280. (In Russian)
4. Makhmadshoev R., Naimov I.N. Problema razrabotki optimal'noi kontseptsii garmonizatsii etnonatsional'nykh otnoshenii v Afganistane [The problem of developing an optimal concept for the harmonization of ethno-national relations in Afghanistan]. Vestnik Pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Pedagogical University], 2020, no. 5 (88), p. 75. (In Russian)
5. Naumkin V.V. Problema tsivilizatsionnoi identifikatsii i krizis natsii-gosudarstv [The problem of civilizational identification and the crisis of nation-states]. Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' [Oriens. Afro-Asian societies: history and modernity], 2014, no. 4, p. 5. (In Russian)
6. Nessar M.O., Komleva V.V. Afganskaya model' detsentralizovannykh setevykh struktur. Vzgl'yad na dinamiku politicheskikh poryadkov v Afganistane [The Afghan model of decentralized network structures. A look at the dynamics of political orders in Afghanistan]. Obzrevatel' – Observer [Observer], 2022, no. 2 (385), p. 50. (In Russian)

¹ А.А. Князев, Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлеченность стран-соседей // Постсоветские исследования. 2023. № 4 С. 63

Институциональные основы и технологические модели взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде

Тихонов Николай Владимирович,

магистр кафедры международных финансов, МГИМО

E-mail: tikhonov506@gmail.com

Актуальность данного исследования связана с тем, что в условиях цифровой трансформации среды комплексно меняются форматы взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом. Подобные изменения являются системными, поскольку обусловлены глобальными трендами: стремительным распространением Интернет-технологий, облачных вычислений и искусственного интеллекта, изменением в поведении граждан, связанным с тем, что цифровые каналы взаимодействия являются приоритетными и естественными в получении необходимой информации. Цель работы – выявить модели взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде и оценить их эффективность. Методы исследования: систематизация, обобщение, индукция, дедукция, анализ теоретических и эмпирических источников академической литературы, сопоставление, сравнительный анализ, системный подход, концептуализация данных, графическая визуализация данных, абстрактно-логический метод, институциональный анализ, методы цифрового управления органами публичной власти, оценки эффективности моделей взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде. Основные результаты научного исследования: обозначены нормативно-правовые основы взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде; определена классификация технологических моделей коммуникации органов государственной власти с гражданским обществом; оценена эффективность моделей взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные в исследовании результаты могут быть использованы государственным сектором, экспертным сообществом для выработки и реализации практических рекомендаций, направленных на формирование более эффективных цифровых сервисов коммуникации с гражданским обществом, разработки и дальнейшей корректировки стратегии цифровой трансформации политических институтов в системе публичной власти.

Ключевые слова: цифровая трансформация; органы публичной власти; институциональные основы; цифровые технологии; технологические модели; взаимодействие органов государственной власти с гражданским обществом; цифровая среда.

Введение

Цифровая среда стала ключевым пространством для коммуникаций, политического управления, предоставления государственных (муниципальных) услуг, что обусловлено определенными глобальными тенденциями, в частности:

- стремительным распространением и использованием Интернет-технологий, мобильных устройств, облачных технологий, технологий искусственного интеллекта, что сформировало значительные технические возможности для масштабируемого и менее затратного взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом;
- восприятием со стороны гражданского общества (в особенности, молодежи) цифровых каналов коммуникаций как естественных и приоритетных при получении необходимой информации, совершения транзакций, выражения своей личной позиции в политическом пространстве;
- социальными ограничениями, вызванными пандемией коронавирусной инфекции, которая явилась мощным драйвером, ускорившим переход к цифровым форматам взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом, которые в настоящее время стали необходимыми для обеспечения непрерывности работы политических институтов и органов публичной власти [1–3].

Соответственно, способность государственного сектора к выстраиванию эффективного диалога с гражданским и экспертным сообществом в цифровой среде является значимым вопросом легитимности политической власти, национальной конкурентоспособности, устойчивости и безопасности.

В условиях цифровой трансформации общественной и политической среды концептуальные основы взаимодействия органов публичной власти с гражданским обществом в значительной степени меняются, последовательно сдвигая управленческую парадигму к интерактивным моделям (таблица 1).

В контексте развития российской системы политического управления рассматриваемая тема представляется актуальной в свете практического осуществления перечисленных ниже приоритетных направлений:

- достижение показателей по переводу государственных услуг в цифровой формат, увеличению степени удовлетворенности гражданского общества качеством государственных услуг;
- увеличение эффективности государственного управления через цифровые каналы коммуникации за счёт уменьшения бюрократической нагрузки на государственный аппарат, вероятности возникновения коррупционных рисков, получения объективных информационных данных о реальных проблемах гражданского общества через анализ электронных обращений, оперативного тестирования и внедрения новых функциональных решений взаимодействия;

- обеспечение обратной связи с региональными территориями в целях преодоления географической удаленности и получения единой картины запросов граждан из всех российских регионов;
- развитие технологического и цифрового суверенитета на основе формирования отечественных цифровых платформ для взаимодействия с гражданским обществом [7], [8].

Таблица 1. Эволюция моделей взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в политическом пространстве

Классическая модель взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в политическом пространстве	Цифровая модель взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в политическом пространстве
1) Односторонняя коммуникация (телевидение, региональные и федеральные газеты, информационные стенды, публичные слушания с формальным характером)	1) Информирование (через официальные сайты и порталы, новостные ленты в социальных сетях, мобильные push-уведомления)
2) Ограниченная обратная связь (письменные обращения граждан, приемные часы у ответственных лиц органов публичной власти, телефонные звонки в приемную ответственных лиц органов публичной власти)	2) Консультации (электронные приемные граждан, онлайн-опросы и анкетирование граждан, обсуждение проектов нормативно-правовых актов на порталах государственных ведомств, в частности, regulation.gov.ru)
3) Участие через представителей (выборы, работа через общественные палаты и некоммерческие организации)	3) Соучастие (краудсорсинговые платформы для взаимодействия с органами государственной власти, онлайн-петиции граждан)
4) Экспертное принятие решений (решения принимаются внутри ведомств на основе закрытых информационных данных)	4) Соуправление (открытые данные для самостоятельного анализа, предоставление API для создания гражданских сервисов, оказание проактивных государственных услуг на основе анализа информационных данных)

Источник: составлено автором на основе [4–6].

Нормативно-правовые основы взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде

Взаимодействие между государственным сектором и гражданским обществом в цифровой среде регламентируется многоуровневой нормативно-правовой базой, которая непрерывно развивается и адаптируется к новым политико-правовым и технологическим вызовам. Её

создание ориентировано на достижение баланса между эффективностью политического управления, обеспечением кибербезопасности при применении цифровых технологий, защитой прав граждан.

Нормативно-правовое регулирование взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде обладает несколькими уровнями: конституционным, федеральным, подзаконным, региональным (отраслевым) и уровнем стратегического планирования цифровой трансформации политического управления (таблица 2).

Таблица 2. Характеристика уровней нормативно-правового регулирования взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде

Уровень нормативно-правового регулирования	Назначение нормативно-правовых актов	Наименование нормативно-правовых актов
Конституционный уровень	Закрепление фундаментальных прав и свобод граждан, являющихся основой взаимодействия с органами государственной власти	Конституция РФ (в особенности, ст. 29, 32, 33 Конституции РФ)
Уровень стратегического планирования цифровой трансформации политического управления	Определение целей, задач, приоритетных направлений государственной политики в области цифровой трансформации политического управления	Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг.»; Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти (распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р)
Федеральный уровень	Установление общих правил, прав, обязанностей и гарантий в области цифрового взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества	Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»; Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ
Подзаконный уровень	Детализация и правовая регламентация процедур взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества	Постановление Правительства РФ от 24.11.2021 № 2043 «О единой системе нормативной справочной информации»; Приказ Минкомсвязи России от 15.04.2019 № 147 «О внесении изменений в приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций от 25.01.2019 № 15 «Об утверждении плана информатизации Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций на 2019 год и плановый период 2020 и 2021 годов»

Уровень нормативно-правового регулирования	Назначение нормативно-правовых актов	Наименование нормативно-правовых актов
Региональный, отраслевой уровень	Адаптация общих федеральных правил в области цифрового взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества к региональной, отраслевой специфике	Ведомственные регламенты по работе с обращениями граждан в электронной форме; соглашения об информационном обмене между органами публичной власти

Источник: составлено автором на основе действующих нормативно-правовых актов в РФ.

Действующие нормативно-правовые акты в РФ закрепляют комплекс ключевых принципов, на которых строятся коммуникации органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде:

- принцип доступности (обеспечение равного доступа граждан к информации и государственным услугам);
- принцип открытости (обязательность публикации информации о деятельности органов государственной власти в машиночитаемых форматах в цифровой среде);
- принцип технологической нейтральности (признание правовой силы электронных документов, подписанных квалифицированной электронной подписью);
- принцип проактивного предоставления сервисов и услуг (переход от предоставления государственных услуг по запросу граждан к проактивному информированию и предоставлению наиболее подходящей для гражданина услуги);
- принцип обеспечения безопасности (обязательность защиты информационных данных, персональной информации и объектов информационной инфраструктуры);
- принцип межведомственного взаимодействия органов государственной власти (запрет требования от гражданина информации, которая уже есть в распоряжении иных органов государственного сектора).

Классификация технологической моделей коммуникации органов государственной власти с гражданским обществом

Коммуникация между органами государственной власти и гражданским обществом осуществляется через многообразие технологических моделей, которые можно классифицировать с помощью разных критериев: направления информационных потоков, уровня интерактивности взаимодействия, целей коммуникации, применяемым цифровым платформам взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом.

По направлению информационных потоков и уровню интерактивности взаимодействия между государственным сектором и гражданским обществом выделяются:

- 1) односторонняя вещательная коммуникация (G2C, информирование, оповещение государственными ведомствами граждан);
- 2) односторонняя коммуникация с обратной связью (C2G, прием от граждан жалоб, обращений, предложений, сбор органами государственной власти информационных данных о гражданах);
- 3) двусторонняя интерактивная коммуникация (G2C Interactive, консультации, обсуждение экспертных решений органов государственной власти с гражданами, совместное принятие общественно значимых решений, интерактивный диалог между органами государственной власти и гражданским обществом);

4) многосторонняя, экосистемная коммуникация (GaaP, формирование условий для самостоятельного создания гражданами и предпринимательским сектором решений и сервисов с помощью государственной базы данных и объектов инфраструктурного обеспечения) [9].

Исходя из решаемых задач, целей коммуникации, можно выделить следующие модели взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом:

- предоставление государственных услуг в электронном формате;
- информирование граждан, обеспечение информационной прозрачности взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом;
- консультации и обсуждение ответственных лиц публичных ведомств с гражданами общественно значимых вопросов и проектных идей;
- соучастие и соуправление граждан для их непосредственного вовлечения в процессы принятия управленческих решений и разработку удобных цифровых сервисов;
- мониторинг и обратная связь для получения органами государственной власти оперативных данных о текущей проблеме на конкретных территориях, в определенных учреждениях, оценки степени качества оказываемых государственных услуг [10].

Согласно применяемым цифровым платформам взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом технологические модели могут осуществляться на основе:

- моноплатформ (единых порталов предоставления государственных услуг) – централизованных, многофункциональных порталов, обеспечивающих доступ к множеству цифровых сервисов через единую точку входа граждан;
- специализированных платформ, созданных для решения конкретной задачи, которые обладают достаточно высоким уровнем гибкости и ориентированы на пользователя;
- платформ-агрегаторов, которые консолидируют информационные данные из различных государственных источников и систем;
- децентрализованных решений, при которых государственный сектор предоставляет сторонним компаниям-разработчикам платформенных технологий доступ к собственным данным и функциональным элементам через API для формирования собственных цифровых сервисов;
- социальных медиа – социальных сетей, мессенджеров для оперативного, неформального взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом [11], [12].

Несмотря на существование различных классификаций технологической моделей коммуникации органов государственной власти с гражданским обществом, в рамках этого исследования автор придерживается классификации моделей по направлению информационных потоков и уровню интерактивности взаимодействия между государственным сектором и гражданским обществом. Для каждой из выделенных моделей можно выделить достоинства и недостатки, систематизированные в таблице 3.

Таблица 3. Систематизация достоинств и недостатков технологических моделей взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом

Технологическая модель взаимодействия	Достоинства	Недостатки
Однонаправленная вещательная коммуникация (G2C, информирование, оповещение граждан)	– полный контроль государственного сектора над коммуникацией; – высокая скорость оповещения широкой аудитории граждан; – низкие издержки на распространение информации	– отсутствие обратной связи от государственного сектора; – низкий уровень доверия граждан к подобной форме взаимодействия
Однонаправленная коммуникация с обратной связью (C2G)	– структурирование потока жалоб и предложений; – возможность количественного анализа обращений граждан; – соблюдение формальных процедур коммуникации	– высокий риск получения формальных ответов и бюрократизации; – длительные сроки рассмотрения обращений и жалоб; – сложность отслеживания статуса обращений граждан
Двусторонняя интерактивная коммуникация (G2C Interactive)	– повышение легитимности управленческих решений; – учёт мнения целевых групп граждан в принятии решений; – сбор качественных предложений и проектных идей от граждан	– в основном происходит вовлечение активного меньшинства граждан; – необходимы существенные денежные ресурсы на модерацию контента и анализ мнений граждан
Многосторонняя, экосистемная коммуникация (GaaP)	– формирование экосистемы цифровых сервисов; – достаточно высокий уровень удовлетворенности пользователей	– сложности в технической реализации взаимодействия органов государственной власти и граждан; – проблемы правовой регламентации экосистемных коммуникаций

Источник: разработано автором.

Приведенная классификация технологической модели коммуникации органов государственной власти

с гражданским обществом показывает, что современный государственный сектор имеет широкий перечень каналов взаимодействия с гражданским обществом.

Таблица 4. Система количественных и качественных показателей оценки эффективности моделей взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде

Группа критериев	Количественные показатели	Качественные показатели
Доступность и инклюзивность	– охват целевой аудитории Интернетом в регионе; – посещаемость цифровых платформ; – количество уникальных показателей	– многоязычность пользовательских интерфейсов; – цифровая грамотность граждан
Операционная эффективность	– среднее время обработки обращений граждан; – средняя стоимость электронного оказания государственной услуги; – удельный вес автоматически обработанных запросов граждан	– удобство пользовательского интерфейса; – простота навигации на платформе; – уровень качества справочных материалов
Влияние на принятие управленческих решений	– удельный вес проектов, реализованных по итогам взаимодействия на краудсорсинговой платформе; – удельный вес обращений граждан, по которым были приняты меры государственными органами	– наличие механизмов обратной связи по итогам реализации проектных идей; – глубина анализа полученных данных
Удовлетворенность пользователей взаимодействием	– индекс удовлетворенности пользователей; – индекс лояльности пользователей	– анализ тональности упоминаний в социальных сетях и на цифровых платформах; – результаты глубинных интервью с пользователями
Информационная прозрачность и подотчётность	– время между запросом граждан и предоставлением информации; – полнота публикуемых открытых данных	– наличие и удобство инструментов для отслеживания статуса обращений граждан; – доступность и понятность алгоритмов работы рекомендательных систем
Технологическая надёжность и безопасность	– скорость загрузки виртуальных страниц; – количество кибератак; – время безотказной работы платформы	– соответствие международным стандартам информационной безопасности; – наличие и понятность политик конфиденциальности

Источник: составлено автором на основе [13–15].

Оценка эффективности моделей взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде

Комплексной задачей в современных условиях выступает оценка эффективности моделей взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде, поскольку необходимо изучение не только количественных, но и качественных переменных, отражающих специфику воздействия коммуникаций на политические процессы и уровень общественного доверия к государственным ведомствам.

Таблица 5. Сравнительный анализ эффективности моделей взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде

Группа критериев	G2C	C2G	G2C Interactive	GaaP
Доступность и инклюзивность	Высокий	Средний	Средний	Низкий
Операционная эффективность	Высокий	Средний	Низкий	Средний
Влияние на принятие управленческих решений	Низкий	Средний	Высокий	Высокий
Удовлетворенность пользователей взаимодействием	Средний	Низкий	Средний	Высокий
Информационная прозрачность и подотчётность	Низкий	Средний	Высокий	Высокий
Технологическая надёжность и безопасность	Высокий	Высокий	Средний	Низкий

Источник: разработано автором.

Исходя из приведенных результатов в таблице 5, можно отметить, что универсальной технологической модели коммуникаций между органами государственной власти и гражданским обществом на данный момент не существует. Эффективная государственная политика в области взаимодействия с частным сектором должна строиться на комбинировании всех указанных моделей:

- 1) G2C (вещательная) – для оперативных экстренных сообщений гражданам или официальных заявлений от государственных ведомств;
- 2) C2G – внедрение показателей измерения уровня качества решения проблем: удельный вес полностью удовлетворенных пользователей, доля удовлетворенных обращений от пользователей, процент повторных обращений по аналогичной проблеме;
- 3) G2C Interactive – ключевой инструмент для формирования стратегических решений, национальных программ развития и систем общественных обсуждений и консультаций;
- 4) GaaP – поэтапное развитие платформенных взаимодействий государственного сектора с гражданским обществом с одновременным повышением уровня цифровой грамотности населения и обеспечением кибербезопасности в связи с использованием указанной технологической модели.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам:

Эффективность моделей взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде оценивалась посредством системы количественных и качественных показателей (таблица 4). На основе представленной системы количественных и качественных показателей оценки эффективности моделей взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в цифровой среде проводится сравнительный анализ четырёх ключевых моделей коммуникаций. Интерпретация результатов обусловлена установлением уровня эффективности использования конкретной модели при взаимодействии государственного и частного сектора: высокий, средний (нестабильный), низкий (таблица 5).

- 1. Нормативно-правовая основа взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества в цифровой среде представляет собой развивающуюся, динамичную систему, эффективность которой непосредственно влияет на уровень качества коммуникаций, определяя, станут ли цифровые технологии инструментом для построения подлинного, устойчивого, доверительного диалога между органами государственной власти и гражданским обществом или современной формой реализации бюрократических процедур.
- 2. Были приведены классификации технологических моделей взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом по различным критериям: направлению информационных потоков, уровню интерактивности взаимодействия, целям коммуникации, применяемым цифровым платформам взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом. Систематизированы достоинства и недостатки технологических моделей взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом по классификации моделей по направлению информационных потоков и уровню интерактивности взаимодействия. Следует заметить, что эффективная стратегия коммуникаций между государственным и частным секторами должна комбинировать указанные модели взаимодействия, исходя из поставленных целей, целевой аудитории граждан, потребности в минимизации рисков и одновременной максимизации пользы от цифрового диалога.
- 3. Оценка эффективности моделей взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом

ством в цифровой среде показала, что эффективная государственная политика в области взаимодействия с частным сектором должна строиться на комбинировании всех указанных моделей. Ключевым параметром результативности взаимодействия выступает уменьшение асимметрии между запросом гражданского общества и ответной реакцией государственного сектора. Грамотное сочетание технологических моделей взаимодействия органов государственной власти и граждан позволит достичь этой стратегической цели.

Литература

1. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Государственно-частное партнёрство как ключевой современный механизм государственного управления в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 5. – С. 139–144.
2. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Особенности использования GR-технологий бизнес-сообществами в российском государственном управлении // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 5. – С. 157–162.
3. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Институциональные основы и императивы современного государственного управления в российских регионах // Закон и власть. – 2025. – № 5. – С. 24–30.
4. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Цифровые технологии в системе государственного управления как инструмент реформирования // Закон и власть. – 2025. – № 5. – С. 31–37.
5. Мишин Д. А., Куровский С.В., Смолин П.В. Место прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти // Юридическая наука и практика. – 2024. – Т. 20. – № 3. – С. 35–44.
6. Алексеева М. В., Исакова Ю.И. Специфика развития государственного управления в условиях современной цифровой трансформации // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2025. – № . 2. – С. 50–58.
7. Кравец И.А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № . 2 (153). – С. 93–123.
8. Чжан В., Панкратова Л.С. Трансформация публичной коммуникации органов власти и граждан в Китае и России в условиях цифровизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28. – № . 3. – С. 151–164.
9. Леонова О.В. Цифровизация социально-экономической политики: возможности и риски в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – Т. 19. – № . 6. – С. 35–71.
10. Кравец И.А. Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация в современной доктрине и практике: теоретические, методологические и сравнительно-правовые аспекты // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № . 494. – С. 224–238.
11. Михайленок О. М., Брега А.В., Люблинский В.В., Зеленко Б.И., Воронкова О.А., Назаренко А.В., ... Макушина Л.В. Политические отношения в сетях: система или сообщество // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № . 1. – С. 122–163.
12. Чаншань М., Нань Г. Формирование идентичности и защита прав цифрового гражданина в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2024. – Т. 15. – № . 2. – С. 298–334.

13. Поярков С.Ю. Международно-правовая защита прав человека в условиях трансформации современного конституционализма: основные тенденции и перспективы развития // Международное право и международные организации/International Law and International Organizations. – 2025. – № . 2. – С. 103–126.
14. Абдуллаев А. М., Кадырова М.Б., Куралбаев А.А. Влияние модернизации местного управления на социально-экономическое развитие регионов // Вестник НАН РК. – 2025. – Т. 415. – № . 3. – С. 349–370.
15. Троцук И. В., Дурсина А.Н. Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2025. – Т. 25. – № . 1. – С. 182–202.

INSTITUTIONAL FOUNDATIONS AND TECHNOLOGICAL MODELS OF INTERACTION BETWEEN GOVERNMENT BODIES AND CIVIL SOCIETY IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Tikhonov N.V.

Moscow State Institute of International Relations

The relevance of this study is due to the fact that in the context of digital transformation of the environment, the formats of interaction between public authorities and civil society are changing comprehensively. Such changes are systemic, since they are due to global trends: the rapid spread of Internet technologies, cloud computing and artificial intelligence, changes in the behavior of citizens associated with the fact that digital channels of interaction are a priority and natural in obtaining the necessary information. The purpose of the work is to identify models of interaction between public authorities and civil society in the digital environment and evaluate their effectiveness. Research methods: systematization, generalization, induction, deduction, analysis of theoretical and empirical sources of academic literature, comparison, comparative analysis, systems approach, data conceptualization, graphical visualization of data, abstract logical method, institutional analysis, methods of digital management of public authorities, assessment of the effectiveness of models of interaction between public authorities and civil society in the digital environment. The main results of the scientific research: the regulatory and legal framework for the interaction of public authorities with civil society in the digital environment are outlined; a classification of technological models of communication between government bodies and civil society was defined; the effectiveness of models of interaction between government bodies and civil society in the digital environment was assessed. The practical significance of the study lies in the fact that the results obtained in the study can be used by the public sector and the expert community to develop and implement practical recommendations aimed at creating more effective digital services for communication with civil society, developing and further adjusting the strategy for the digital transformation of political institutions in the public authority system.

Keywords: digital transformation; public authorities; institutional framework; digital technologies; technological models; interaction of public authorities with civil society; digital environment.

References

1. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Public-private partnership as a key modern mechanism of public administration in modern Russia // Social and humanitarian knowledge. – 2025. – No. 5. – P. 139–144.
2. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Features of the use of GR-technologies by business communities in Russian public administration // Social and humanitarian knowledge. – 2025. – No. 5. – P. 157–162.
3. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Institutional foundations and imperatives of modern public administration in Russian regions // Law and power. – 2025. – No. 5. – P. 24–30.

4. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Digital technologies in the public administration system as a reform tool // *Law and Power*. – 2025. – No. 5. – P. 31–37.
5. Mishin D. A., Kurovsky S.V., Smolin P.V. The place of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the public authority system // *Legal Science and Practice*. – 2024. – Vol. 20. – No. 3. – P. 35–44.
6. Alekseeva M. V., Isakova Yu.I. Specifics of Public Administration Development in the Context of Modern Digital Transformation // *North Caucasian Law Bulletin*. – 2025. – No. 2. – P. 50–58.
7. Kravets I.A. Digital Citizenship and Constitutional Challenges in the Information and Algorithmic Society // *Comparative Constitutional Review*. – 2023. – No. 2 (153). – P. 93–123.
8. Zhang W., Pankratova L.S. Transformation of Public Communication between Government Bodies and Citizens in China and Russia in the Context of Digitalization // *Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations*. – 2023. – Vol. 28. – No. 3. – P. 151–164.
9. Leonova O.V. Digitalization of Socio-Economic Policy: Opportunities and Risks in Modern Russia // *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. – 2024. – Vol. 19. – No. 6. – P. 35–71.
10. Kravets I.A. Communicative Constitutionalism and Constitutional Mobilization in Modern Doctrine and Practice: Theoretical, Methodological and Comparative Legal Aspects // *Bulletin of Tomsk State University*. – 2023. – No. 494. – P. 224–238.
11. Mikhaylenok O. M., Brega A.V., Lyublinsky V.V., Zelenko B.I., Voronkova O.A., Nazarenko A.V., ... Makushina L.V. Political Relations in Networks: System or Community // *Social and Humanitarian Knowledge*. – 2021. – No. 1. – P. 122–163.
12. Changshan M., Nan G. Formation of identity and protection of the rights of a digital citizen in a digital society // *Bulletin of St. Petersburg University. Law*. – 2024. – Vol. 15. – No. 2. – P. 298–334.
13. Poyarkov S. Yu. International legal protection of human rights in the context of the transformation of modern constitutionalism: main trends and development prospects // *International Law and International Organizations*. – 2025. – No. 2. – P. 103–126.
14. Abdullaev A. M., Kadyrova M.B., Kuralbaev A.A. The impact of local government modernization on the socio-economic development of regions // *Bulletin of the NAS RK*. – 2025. – Vol. 415. – No. 3. – P. 349–370.
15. Trotsuk I. V., Dursina A.N. Digital vector of development of communication between the authorities and the population in modern Russian society // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. – 2025. – Vol. 25. – No. 1. – P. 182–202.

Прачи Гупта,

аспирант кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения

В статье рассматривается типология фразеологических единиц в языках с различными структурными характеристиками (аналитических и синтетических). На основе классических и современных подходов (семантического, грамматико-фонетического, корпусного и когнитивного) предлагается трёхмерная модель, где каждое устойчивое сочетание располагается по осям семантической прозрачности, грамматической фиксированности и степени мотивированности. Показано, как языковые типы (например, английский и русский/немецкий) формируют специфические профили фразеологизмов, и как сопоставительный анализ выявляет как универсальные, так и национально обусловленные кластеры.

Ключевые слова: фразеологическая единица; типология; семантическая прозрачность; грамматическая фиксированность; мотивированность; аналитический и синтетический язык; сопоставительный анализ.

Введение

Классическая фразеология XX века, представителями которой стали В.В. Виноградов, В.Н. Ярцева, А.Г. Назарян и Н.М. Шанский, заложила прочную методологическую основу для диагностики и классификации фразеологических единиц. Семантическая неделимость, морфологическая фиксированность и фонетическая ритмичность позволили чётко разграничивать истинно идиоматические обороты от более «слабых» устойчивых сочетаний. Современные корпусные и когнитивные методы дополнили эти подходы возможностью проверки теорий на больших объемах текстовых данных и объяснения механизмов различных переносов через ментальные метафоры.

Однако сохраняется потребность в интеграции различных критериев для сопоставительного анализа фразеологизмов в аналитических и синтетических языках. Аналитические системы (напр., английский) характеризуются жёстко закреплёнными синтаксическими структурами и ограниченной морфологией, тогда как в синтетических языках (русский, немецкий) богатые формообразовательные возможности позволяют варьировать и переставлять компоненты без утраты идиоматической целостности. Понимание этих различий важно не только для теории, но и для практики перевода, лингвистического образования и разработки корпусно-ориентированных инструментов.

Цель статьи – предложить единую типологическую шкалу фразеологических единиц, основанную на трёх взаимосвязанных измерениях:

1. Семантическая прозрачность – от полностью идиоматических конструкций до почти буквальных устойчивых сочетаний;
2. Грамматическая фиксированность – от жестко закреплённых синтаксических форм до допускающих вариативность;
3. Мотивированность – от скрытых, культурно обусловленных образов до интуитивно восстанавливаемых метафор.

Трёхмерное пространство позволяет не только ранжировать фразеологизмы внутри одного языка, но и выявлять кластеры универсальных и национальных моделей. В статье последовательно анализируются:

- классические критерии Виноградова и Ярцевой;
- многомерная модель Назаряна и её функциональное развитие;
- синтаксические типы Шанского;
- результаты корпусных и когнитивных исследований;
- сравнительный анализ английских и русско-немецких фразеологизмов;
- примеры историко-культурных факторов формирования идиом.

Результаты и обсуждение

Классические представления о классификации фразеологических единиц сформировались в середине XX века и во многом определили дальнейшее развитие фразеологии как самостоятельной дисциплины. В.В. Виноградов заключил, что устойчивые сочетания слов могут быть упорядочены по глубине их семантической единства и степени мотивированности составляющих элементов: так,

«бить баклуши» воспринимается как неделимая идиома с новым, образным значением, «поднимать шум» сохраняет некоторую мотивированность слов «поднимать» и «шум», а «ударить по рукам» выступает как фразеологическое сочетание, в котором значение каждого компонента остаётся прозрачным, несмотря на устойчивый характер всего оборота [1]. Благодаря этой трёхчленной модели была положена ясная методологическая основа для диагностики фразеологизмов: именно она позволила отделить истинно неделимые образные единицы от более «слабых» устойчивых сочетаний, сохранявших семантическую связь с лексическим значением входящих в них слов [2].

В.Н. Ярцева дополнила семантический подход Виноградова грамматико-фонетическими и морфологическими критериями. По её мнению, фразеологизм должен демонстрировать стабильность порядка компонентов, то есть ни перестановка элементов, ни изменение их формы (например, падежа или числа) не может разрушить его целостность [3]. Более того, Ярцева обращала внимание на наличие фонетико-ритмической структуры: устойчивое сочетание двух и более ударных слогов образует своеобразную «ячейку», которую носители узнают и воспроизводят как готовую фонетическую формулу речи. В совокупности семантическая неделимость («целостное», образное значение), морфологическая фиксированность и фонетическая ритмичность обеспечили классикам фразеологии твёрдые «маркеры» для выделения фразеологизмов в языке [4].

С переходом исследований в новую информационную эпоху классификационные модели расширились и обогатились интеграцией междисциплинарных подходов. Одно из заметных направлений – упомянутое разделение «узкой» и «широкой» фразеологии. Узкий взгляд ограничивается собственно идиоматическими и полузабутийными фразеологическими сочетаниями, это ближе к лексикологии и стилистике. При широком понимании предметом исследования становятся также афоризмы, крылатые цитаты, формулы вежливости и даже брендинговые слоганы – словом, любые закреплённые в культуре языковые конструкции, чья устойчивость подтверждается частым воспроизведением в текстах и речи.

А.Г. Назарян предложил систематизировать фразеологизмы сразу по трём измерениям [5]. С позиций структурного аспекта он выделял непредикативные единицы, то есть словосочетания, частично предикативные конструкции с зависимыми модификаторами, а также предикативные фразеологизмы, представляющие собой либо законченные по форме предложения, либо незавершённые «зацепки» для речевого контекста. Функциональный аспект в его модели охватывает единицы, не выполняющие коммуникативной функции (номинативные, официальные, междометные и модальные), и те, что функционируют как высказывания полного типа с оценочно-дидактическими или экспрессивными свойствами. Семантический аспект классификации Назаряна основывается на глубине внутренней взаимозависимости компонентов: от полностью идиоматических фразеологизмов, чьё значение невозможно вывести из значений отдельных слов, до односторонних единиц, где только один элемент обогащён особым смыслом, а остальные служат формально-структурными связками. Такой многомерный подход позволил не только описать типологическое разнообразие фразеологизмов, но и выстроить чёткую шкалу «от прозрачного к непрозрачному» в семантическом отношении.

Параллельно с Назаряном Н.М. Шанский внёс весомый вклад, акцентируя внимание на синтаксической архитектуре фразеологизмов. Он подразделил их на те,

что функционируют как законченные высказывания (предикативные), и на неглавные, встроенные в структуру предложения (непредикативные) [6]. При этом непредикативные сочетания Шанский детализировал по характеру их внутренней связи: например, ряд прилагательное + существительное («тёплая встреча» в устойчивом употреблении), глагол + существительное («вести переговоры» в канонической форме), глагол + наречие («бежать как угорелый») и сочетания из двух существительных с родительным или предложным управлением [7]. Такая синтаксическая классификация подчёркивает, что фразеологизм – это не только семантическая, но и грамматическая единица, где именно строй слов и тип их связей определяют специфику функционирования в речи.

В последние десятилетия значительным успехом пользовались корпусные и когнитивные методы. Корпусный анализ даёт возможность исследователям проверять релевантность теоретических моделей на обширных выборках текстов, изучать частотность употребления, устойчивые коллокации и динамику «жизни» фразеологизмов в реальном времени. Когнитивные исследования дополняют традиционные подходы, объясняя образные механизмы фразеологизмов через концепты и ментальные метафоры, что позволяет установить причину их устойчивости и распространённости в речи [8].

Сопоставительный анализ типов фразеологизмов в аналитических и синтетических языках позволяет проследить, как разные грамматические устройства и историко-культурные традиции формируют устойчивые выражения и влияют на их эквивалентность при переводе. В аналитических языках, таких как английский, где морфология предельно ограничена, синтаксическая организация и последовательность слов приобретают ключевое значение. Фразеологизмы здесь чаще всего представляют собой жестко закреплённые сочетания глагола с дополнением или обстоятельством («to break the ice», «to spill the beans»). Их семантика и образность во многом опираются на общепринятые в англоязычной культуре метафоры: морская стихия, азартные игры или аграрные практики XVIII–XIX вв [9].

В синтетических же языках, таких как русский или немецкий, богатая морфология обеспечивает альтернативные пути для экспрессии образных значений. Здесь устойчивые выражения часто включают внутреннее формообразование: приставки и суффиксы, создающие действия («пролить свет» вместо «to shed light»), а также гибкую структуру словосочетаний, где порядок компонентов может меняться в зависимости от контекста, не нарушая идиоматической целостности. Например, русское «вести кота за нос» и немецкое „jemandem ein X für ein U vormachen“ передают идею обмана, но используют совершенно разные стилистические и морфологические средства.

Историко-культурологический контекст позволяет объяснить, почему некоторые идиомы оказываются «универсальными», а другие остаются строго национальными. Концепт «время – деньги» закреплён в английском «time is money» и в русском «время – деньги» практически в идентичном виде, что отражает общее для индустриальной эпохи европейских обществ восприятие времени как экономического ресурса. Эта метафора появляется в деловой прозе и публицистике конца XVIII – начала XIX века одновременно в обеих культурах, что свидетельствует о параллельной эволюции экономической мысли.

В то же время уникальные исторические обстоятельства порождают нереплицируемые идиомы. Английское «to pull someone's leg», означающее «дурачить», возник-

ло в середине XIX века в лондонских тюрьмах (жесткие шутки над новичками), тогда как русское «таскать за уши» (оспоривать безосновательно) восходит к судебной риторике XVII–XVIII веков, когда «утаскивание» аргументов считалось приёмом недостойной полемики. Оба выражения описывают обман, но не переключаются ни образно, ни по грамматике.

Соседние славянские языки могут сохранять как совпадения, так и расхождения вследствие общих или расходящихся историко-культурных путей. Так, русское «делать из мухи слона» и польское „robić z igły widły“ («делать из иголки вилы») передают одну и ту же идею гиперболизации несущественного, но различаются источником метафоры: в русском развито аграрное восприятие («муха» как источник раздражения), в польском – ремесленное («игла»). Каждая версия отражает особенности быта и производственных практик, господствовавших в прошлом.

Сопоставительный анализ выявляет и закономерности трансфера через посредство заимствований. Английское «to break the ice» прижилось в русском как «растопить лёд» в речном и морском контексте взаимоотношений, хотя в русском языке лёд как препятствие бытовал прежде всего в северных регионах. Заимствование пришло через образовательные и дипломатические контакты XIX века, что подчёркивает историческую основу лексической адаптации.

Методологическая основа построения типологической шкалы фразеологических единиц выстраивается вокруг трёх взаимосвязанных параметров: семантической прозрачности, грамматической фиксированности и степени мотивированности образного содержания. Семантический критерий отражает, насколько значение целого оборота отличается от суммы значений его компонентов: от глубоко идиоматических конструкций с невятной связью между словами до сочетаний, смысл которых остаётся практически тождественным буквальному значению. Грамматический критерий фиксирует инвариантность синтаксической структуры: одни единицы требуют жёсткого порядка и формы элементов, в то время как другие допускают изменение падежей, числа или перестановку слов без потери устойчивого характера. Мотивированность же анализирует внутреннюю образную логику: уровни очевидности метафорического мотива, где у одних оборотов он легко восстанавливается «на слух», а у других скрыт под культурно-историческими наслоениями.

Предлагаемая схема объединяет эти три измерения в единую модель, где каждая фразеологическая единица получает координаты в трёхмерном пространстве. По оси семантической прозрачности располагаются конструкции от полностью непрозрачных до практически прозрачных; по оси грамматической фиксации – от строго закреплённых до высоко вариативных; по оси мотивированности – от культурно обусловленных «архетипических» образов до интуитивно понятных метафор. Такое упорядочение позволяет выделить внутри языковой системы чёткие типовые зоны: сектор глубоко идиоматических единиц с жёсткой структурой и скрытой мотивированностью, зону полумотивированных сочетаний со средней степенью семантической и грамматической гибкости, а также область прозрачных устойчивых оборотов, в которых мотив и синтаксис остаются доступными интуиции носителя языка.

При переносе этой шкалы на сопоставление разных языков становится возможным не только ранжирование фразеологизмов в рамках одного языка, но и выявление зон совпадения семантических и структурных характеристик, а также областей, где историко-культурная обу-

словленность даёт принципиально иные конфигурации. Универсальные концептуальные модели оказываются в одной части пространства, а национальные устойчивые обороты, зародившиеся в уникальных культурных контекстах, формируют отдельные кластеры со своей статистикой по всем трём осям.

Приведем примеры. Первая группа примеров демонстрирует глубину идиоматичности и жёсткую структурную фиксацию. Так, русское «бить баклуши» (to loaf around) полностью непрозрачно: ни «бить», ни «баклуши» в современном языке буквально не воспринимаются, порядок слов при этом абсолютно нерушим и мотивированность образа скрыта в историческом ремесленном контексте. Аналогично непрозрачна английская идиома to spill the beans (разболтать секрет), где буквально разлить фасоль ничего не проясняет без знания голосования «на фасолях», а сочетание глагола с дополнением фиксировано. Русское «вести кота за нос» и немецкое „jemandem ein X für ein U vormachen“ («обманывать») тоже нельзя переставить или изменить форму элементов, а источник метафоры остаётся скрытым для носителей без культурно-исторической справки. В той же «паре» полупрозрачных конструкций английское to break the ice (растопить лёд) сохранило мотивированность образа (смягчить напряжённость), хотя порядок слов стереотипен и семантика лишь отчасти выводится из компонентов, а русское «делать из мухи слона» и польское robić z igły widły («преувеличивать») образуют фиксированный «делать из X Y» и «robić z X Y», где гипербола очевидна, но метафорический источник разнится: аграрный против ремесленного.

Вторая группа иллюстрирует более прозрачные и вариативные сочетания: русское «поднимать шум» (to raise a racket) сохраняет мотивированность буквально «повышать звук», при этом комбинация «поднимать» + «шум» стабильна, но допускает редкие изменения формы; «ударить по рукам» (to shake hands on it) целиком прозрачная метафора, отражающая жест, и слегка варьируется по лицу и числу; «время – деньги» (time is money) является завершённым предложением, предикативным высказыванием с архетипической образностью индустриальной культуры; «бежать как угорелый» (to run like crazy) сочетает глагол и наречный оборот, где семантика отчасти выводима, но образ «угорелого» требует культурного фона; наконец, «таскать за уши» (to pull someone's leg) буквально «тащить за уши» невозможно понять без знания историко-риторического контекста XVII–XVIII вв., однако структура «таскать за X» остаётся фиксированной. Примеры иллюстрируют переход от глубоко идиоматических, непрозрачных и строго фиксированных конструкций к более прозрачным, мотивированным и грамматически гибким оборотам.

Также можно представить примеры по другой классификации – сначала – глубоко идиоматические обороты, у которых семантическая связь со словами-компонентами полностью утрачена, порядок и форма элементов жёстко фиксированы, а мотив скрыт в историко-культурном контексте. Так, русское «держат камень за пазухой» (букв. «хранить обиду») остаётся нерушимым сочетанием: перестановка слов («за пазухой держать камень») или изменение формы («камни за пазухой») нарушает идиоматичность, а образ «каменя в пазухе» понятен лишь через метафору негласного недоброжелательства. Английский фразеологизм kick the bucket («скончаться») без знания исторической этики сельских обрядов буквально «пнуть ведро» не имеет смысла, а синтаксическая конструкция get's fixed. По-немецки die Kuh vom Eis holen («решить сложную ситуацию») – «снять корову с льда» – неделимо, и грамма-

тические вариации невозможны. В польском *to wpuścić kogoś w malinę* («ввести в заблуждение») метафора «малина» без культурного бэкграунда неочевидна, а закон «впустить кого-л. в X» непоколебим. Далее идут выражения средней прозрачности, где образ восстанавливается легче, но сочетание слов остаётся устойчивым. Русское «пускать пыль в глаза» (*to impress superficially*) буквально «посыпать пылью» понятно как «заслать дымовую завесу», однако менять порядок («в глаза пускать пыль») уже нельзя. Английский *hit the sack* («лечь спать») содержит понятный «мешок» (*sack*), но ставить «*sack the hit*» невозможно – сочетание глагола и дополнения фиксировано. Немецкое *ins kalte Wasser springen* («решиться на риск») сохраняет живую метафору «холодной воды», но синтаксис сочетания «*springen ins X*» не меняется. Польское *mieć muchy w nosie* («быть в дурном настроении») опирается на образ «мушек в носу», понятный без истории, но лишь в строго заданном порядке «*mieć X w Y*».

Наконец, более прозрачные и грамматически гибкие обороты, допускающие вариации форм и перестановки, – ближе к «слабым» устойчивым сочетаниям. Русское «брать быка за рога» (*to take the bull by the horns*) практически буквально отражение «взяться за дело», поэтому «беру быка за рога» и «возьмём быка за рога» звучат естественно. Английское *call it a day* («закончить работу») выстраивается как обычное предложение: менять число («*calls*», «*calling it a day*») и вставлять обстоятельства («*call it a long day*») можно без утраты идиоматичности. Эти два примера иллюстрируют область прозрачных устойчивых оборотов с высокой степенью мотивированности и относительной грамматической вариативности.

Заключение

В заключение можно констатировать, что предложенная в статье трёхмерная модель типологии фразеологических единиц – основанная на осях семантической прозрачности, грамматической фиксированности и степени мотивированности – позволяет целостно описать широкий спектр устойчивых сочетаний как в аналитических, так и в синтетических языках. Сопоставительный анализ английских и славяно-германских оборотов продемонстрировал, что различия в морфологии и синтаксисе напрямую определяют профиль идиоматичности: в аналитических системах фразеологизмы чаще выступают в форме зафиксированных комбинаций «глагол + дополнение», тогда как в языках со сложной формообразующей структурой сохраняется большая вариативность порядка и форм элементов без потери идиоматического «статуса».

Интеграция классических семантических и грамматико-фонетических критериев с корпусно-когнитивными подходами обогащает традиционную типологию новыми эмпирическими данными и объяснительными метафорическими концептами, что открывает перспективы для дальнейшей работы: уточнения границ «узкой» и «широкой» фразеологии, количественного моделирования трёхмерного пространства в больших корпусах, разработки автоматизированных инструментов для распознавания и перевода идиом, а также сравнительных исследований на стыке семей языков. Практическое значение исследования проявится в совершенствовании методик преподавания иностранным студентам, составлении двуязычных словарей и создании адаптивных лингвистических ресурсов, способных учитывать структурно-семантические особенности конкретных языковых типов.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.
2. Виноградов В.В. Фразеология: семасиология [Текст] / В.В. Виноградов // Лексикология и лексикография: Избранные труды. – М.: Наука, 1977. – С. 88–116.
3. Ярцева В.Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков [Текст] / В.Н. Ярцева // Проблемы языкознания. – 1967. – № 1. – С. 203–207.
4. Ярцева В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 992 с.
5. Назарян А.Г. Почему так говорят по-французски: происхождение и толкование идиоматических выражений [Текст] / А.Г. Назарян. – М.: Наука, 1968. – 176 с.
6. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 240 с.
7. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 256 с.
8. Жуков В. П., Жуков А.В. Русская фразеология: учебное пособие [Текст] / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2006. – 312 с.
9. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By* [Текст] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1980. – 228 p.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. – Дата обращения: 05.06.2025.

TYPOLOGY OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURES

Prachi Gupta

State University of Education

The article examines the typology of phraseological units in languages with different structural characteristics (analytical and synthetic). Based on classical and modern approaches (semantic, grammatical-phonetic, corpus and cognitive), a three-dimensional model is proposed, where each stable combination is located along the axes of semantic transparency, grammatical fixity and degree of motivation. It is shown how language types (e.g., English and Russian/German) form specific profiles of phraseological units and how comparative analysis reveals both universal and nationally determined clusters.

Keywords: phraseological unit; typology; semantic transparency; grammatical fixedness; motivational vividness; analytic vs. synthetic language; contrastive analysis.

References

1. Vinogradov V.V. Russian language: Grammatical teaching about the word [Text] / V.V. Vinogradov. – 3rd ed., rev. and additional – M.: Higher School, 1986. – 336 p.
2. Vinogradov V.V. Phraseology: semasiology [Text] / V.V. Vinogradov // Lexicology and lexicography: Selected works. – M.: Nauka, 1977. – P. 88–116.
3. Yartseva V.N. Principles of typological research of related and unrelated languages [Text] / V.N. Yartseva // Problems of linguistics. – 1967. – No. 1. – P. 203–207.
4. Yartseva V.N. Linguistics. The Great Encyclopedic Dictionary [Text] / V.N. Yartseva. – 2nd ed. – M.: The Great Russian Encyclopedia, 1998. – 992 p.

5. Nazaryan A.G. Why They Say It in French: The Origin and Interpretation of Idiomatic Expressions [Text] / A.G. Nazaryan. – M.: Nauka, 1968. – 176 p.
6. Shansky N.M. Phraseology of the Modern Russian Language [Text] / N.M. Shansky. – 3rd ed., corrected. and additional – M.: Education, 1985. – 240 p.
7. Telia V.N. Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects [Text] / V.N. Telia. – M.: Languages of Russian Culture, 1996. – 256 p.
8. Zhukov V.P., Zhukov A.V. Russian phraseology: textbook [Text] / V.P. Zhukov, A.V. Zhukov. – 2nd ed., rev. and additional – M.: Higher School, 2006. – 312 p.
9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1980. – 228 p.
10. National Corpus of the Russian Language [Electronic resource]. – Access mode: <http://ruscorpora.ru>. – Date of access: 06/05/2025.

Технологический суверенитет Российской Федерации в условиях международных рестрикций: адаптация отраслей и трансформация роли политических акторов

Прокопов Владислав Андреевич,

аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, РЭУ им. Г.В. Плеханова
E-mail: prokopov_vlad@mail.ru

Статья посвящена исследованию формирования курса на технологический суверенитет Российской Федерации в условиях внешнеэкономического рестрикционного давления. Особое внимание уделяется трансформации институциональной конфигурации политических акторов и механизмам адаптации ключевых отраслей экономики. Цель исследования заключается в выявлении особенностей перехода от политики импортозамещения к концепту технологического суверенитета и в определении роли государства, бизнеса и научного сообщества в этом процессе. Методологическая база опирается на сочетание контент-анализа официальных документов и медийного дискурса, институционального анализа перераспределения функций между акторами, а также метода качественных кейс-стади отдельных отраслей (топливно-энергетический комплекс, агропромышленный сектор, фармацевтика, лесопромышленный комплекс). Полученные результаты показывают, что государство заняло доминирующее положение, выступая главным субъектом стратегического регулирования и инвестором, бизнес адаптировался через участие в государственных программах и кооперацию с госкорпорациями, а научно-техническое сообщество выполняло функцию поставщика технологических решений и доказательной базы. В заключение обосновывается, что в исследуемый период закрепились модель развития, в рамках которой государственный сектор выступает ключевым драйвером модернизации, а интеграция бизнеса и науки осуществляется в институциональных рамках, задаваемых государством.

Ключевые слова: технологический суверенитет, импортозамещение, институциональные изменения, политическая повестка, рестрикции, промышленная политика, экономическое развитие.

Введение

Современное развитие российской экономики в условиях внешнеэкономического давления сопровождается радикальной трансформацией приоритетов государственной политики. Рестрикционные ограничения, введенные против Российской Федерации в 2022 году, актуализировали необходимость перехода от модели избирательного импортозамещения к более широкому стратегическому курсу на формирование технологического суверенитета. Этот процесс предполагает не только воспроизводство утраченных производственных и технологических связей, но и создание новых отраслевых направлений, обеспечивающих долгосрочную конкурентоспособность национальной экономики.

Возникшая ситуация обострила ряд фундаментальных вопросов: каким образом изменились институциональные механизмы распределения влияния между основными политическими акторами, какие инструменты были задействованы для мобилизации ресурсов, и каким образом трансформировалась повестка дня в части технологической модернизации. Динамика взаимодействия государства, бизнеса и экспертного сообщества в новых условиях демонстрирует переход от рыночных стимулов к модели прямого государственного регулирования и координации.

Научная проблема заключается в недостаточной проработанности вопросов, связанных с взаимосвязью между институциональными изменениями и динамикой экономической повестки. Несмотря на наличие обширной литературы по вопросам импортозамещения, сравнительно мало исследований посвящено анализу технологического суверенитета как комплексного политико-экономического феномена, включающего как дискурсивный, так и институциональный измерения.

Научная новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении динамики экономической повестки через сочетание контент-анализа, институционального анализа и кейс-стади отдельных отраслей. Такой подход позволяет реконструировать не только специфику дискурсивного оформления курса на технологический суверенитет, но и выявить институциональные изменения, сопровождавшие его реализацию. Практическая значимость статьи заключается в возможности использования ее выводов при корректировке государственной промышленной политики, а также при разработке стратегий устойчивого развития в условиях продолжающегося внешнеэкономического давления.

Материалы и методы

В исследовании использовался комплекс методов, позволяющих обеспечить как теоретическую, так и эмпирическую обоснованность полученных результатов.

Прежде всего применялся контент-анализ, направленный на выявление особенностей формирования и артикуляции темы технологического суверенитета в политической повестке. В качестве материала были ото-

браны нормативные документы (стратегии социально-экономического развития, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства), официальные заявления представителей власти, публикации ведущих средств массовой информации, а также сообщения в наиболее цитируемых телеграм-каналах, связанных с экономической и технологической тематикой.

Контент-анализ проводился в несколько этапов. На первом этапе применялся частотный анализ для выявления наиболее интенсивно обсуждаемых экономических тем и проблем. Упомянутость конкретных терминов и концепций (например, «импортозамещение», «технологический суверенитет», «структурная перестройка», «параллельный импорт», «финансовая стабильность») служила первичным индикатором их значимости в повестке дня. На втором этапе выявленные темы агрегировались в более крупные тематические кластеры на основе семантической близости и общности решаемых задач. Такая кластеризация позволила перейти от разрозненных упоминаний к выделению целостных направлений экономической политики. На третьем этапе проводился качественный анализ фреймирования каждого кластера в официальном и экспертном дискурсе. Анализировалось, каким образом определяется проблема, какие цели ставятся, какие решения предлагаются, какие акторы назначаются ответственными, а также какие нарративы используются для легитимации выбранного курса. Такой подход позволил не только идентифицировать приоритеты, но и реконструировать их концептуальное наполнение и место в общей стратегии. Важное место занял институциональный анализ, направленный на изучение трансформации конфигурации политических акторов в условиях рестрикционного давления. Особое внимание уделялось изменению баланса между государственными структурами, бизнес-сообществом и экспертными институтами. Такой подход позволил выявить, каким образом ускорение жизненного цикла политической повестки повлияло на перераспределение функций между различными субъектами и как изменились механизмы их взаимодействия в процессе выбора приоритетов экономического развития.

Для углубленного понимания практических механизмов адаптации был применен метод качественных кейс-стади отраслей. В качестве кейсов рассматривались сферы, наиболее чувствительные к технологическим ограничениям: микроэлектроника, агропромышленный комплекс, информационные технологии и энергетика. Анализ каждого кейса базировался на сопоставлении официальных программных документов, отраслевой статистики и экспертных оценок, что позволило выявить как общие закономерности, так и специфические особенности адаптации отдельных отраслей к новым условиям.

Комплексное использование указанных методов обеспечило возможность всестороннего анализа как дискурсивной составляющей курса на технологический суверенитет, так и институциональных изменений, происходящих в системе взаимодействия политических акторов.

Курс на формирование технологического суверенитета в Российской Федерации не предполагает изоляции экономики, а основан на расширении взаимодействия с как традиционными, так и новыми партнерами. В условиях трансформации мировой экономической конъюнктуры осуществляется активная переориентация экспортно-импортных потоков в сторону стран Азии, Африки и государств постсоветского пространства. Данные процессы способствуют диверсификации внешнеэконо-

мических связей и снижению рисков, обусловленных геополитическими факторами.

Результаты

Стратегия импортозамещения в России рассматривается не как самоцель, а как инструмент формирования устойчивых внутренних цепочек добавленной стоимости.

По мнению, Д.В. Байбулатовой, в этих условиях особенно важен взвешенный и обоснованный подход к системе стратегического планирования в научно-технологической сфере, с тем чтобы управленческое воздействие на инновационную деятельность позволяло правильно распорядиться ресурсами и давало максимальную отдачу от их использования [1, С. 7].

В течение трех лет активного проведения политики импортозамещения в Российской Федерации наблюдаются существенные изменения в структуре внешней торговли и внутреннего производства. Согласно данным аналитического центра «Деловой профиль», объем импорта с 2021 по 2024 год снизился примерно на 22% – с 315 млрд до 247 млрд долларов США. В начале 2025 года снижение продолжилось, однако темпы замедлились и составили 2,9% за первые четыре месяца. Наиболее выраженное сокращение наблюдалось в сегменте ввоза машин и оборудования: 12% в 2024 году и дополнительно 3,6% в первом квартале 2025 года [4].

Е.Б. Ленчук считает, что в практической плоскости это означает движение к технологическому суверенитету на основе решения двух параллельных задач краткосрочного и долгосрочного характера: во-первых, в решении текущих проблем импортозамещения в технологической сфере и обеспечения технологической модернизации базовых отраслей экономики; во-вторых, в разработке перспективных критических и сквозных технологий и в создании на их основе собственных линий производства, позволяющих укрепить и расширить отечественный высокотехнологичный комплекс с целью повышения конкурентоспособности российской экономики в перспективе [2, С. 235].

Ю.С. Матюк считает, что в связи с распространением цифровизации стало очевидно, что государству помимо всего прочего необходимо обладать собственной технологической и цифровой инфраструктурой, сильным промышленным производством, собственными платформами и технологическими решениями и т.д. [3, С. 294].

Создание полного производственного цикла – от добычи и переработки сырья до выпуска готовой продукции – обеспечивает укрепление технологической независимости и повышение конкурентоспособности отечественных товаров как на внутреннем, так и на внешних рынках. Реализация данного подхода способствует не только снижению критической зависимости от импорта, но и формированию новых отраслевых направлений, а также расширению экспортного потенциала экономики.

Импортные потоки были переориентированы преимущественно на азиатские рынки, при этом доля расчетов в национальной валюте достигла 48% от общего объема импортных операций и 82% в сфере внешнеэкономической деятельности в целом.

По оценке Банка России, экономика страны адаптировалась к действующим внешним ограничениям. На реализацию программ импортозамещения в 2025 году из федерального бюджета предусмотрено свыше 850 млрд рублей [5]. Комплекс мер государственной поддержки включает предоставление субсидий на локализацию производства, налоговые преференции, а также упрощенные механизмы параллельного импорта, мас-

штабы которого постепенно сокращаются [6]. В 2024 году в России было введено в эксплуатацию 52 новых производства с инвестициями свыше 1 млрд рублей каждое. По экспертным прогнозам, достижение полной замены импорта в ключевых отраслях ожидается в период с 2027 по 2031 годы [7].

В топливно-энергетическом комплексе Российской Федерации к 2025 году достигнут высокий уровень локализации технологий, составляющий около 80% [8]. В нефтегазовой отрасли данный показатель превышает 70%. По оценкам экспертов, порядка 90% используемых технических решений замещены отечественными аналогами [9]. Рост объемов производства оборудования фиксируется прежде всего в сегментах бурового и компрессорного машиностроения. Вместе с тем сохраняется дефицит сложного оборудования, в частности насосно-компрессорных установок и техники для морского бурения.

В сфере цифровизации ТЭК ключевыми направлениями на 2025–2026 годы определены разработка и внедрение цифровых двойников, формирование микро-сервисной архитектуры, а также построение сквозных систем управления данными на основе отечественного программного обеспечения. Доля российского ПО в нефтегазовом секторе достигла 84%, что свидетельствует о значительном прогрессе в области импортозамещения и технологической независимости [10].

К 2025 году доля отечественных лекарственных препаратов в аптечном сегменте достигла 66% [11]. По данным аналитических оценок, объем фармацевтического рынка составил 2,85 трлн рублей, что на 10% превышает показатели предыдущего года. Производство медицинских изделий увеличилось на 14%, а совокупный объем соответствующего рынка достиг 850 млрд рублей. Наиболее динамично развивается сегмент лабораторных расходных материалов, объемы которого превысили 176 млрд рублей. В ключевых направлениях наблюдается устойчивый рост доли локализованных решений [12].

Основным ограничивающим фактором развития отрасли остается высокая зависимость от импорта фармацевтических субстанций, которая оценивается на уровне 75%. При этом порядка одной трети поставок приходится на европейские страны. Дополнительным вызовом является высокая рентабельность дженериков, что сдерживает инвестиции в разработку инновационных препаратов [13].

В агропромышленном комплексе задачи импортозамещения сместились с сырьевого уровня на технологический, что проявляется в большинстве ключевых сегментов отрасли. При поддержке государства и в условиях растущего интереса со стороны агробизнеса развивается направление селекции и генетики, формируются цифровые продукты для аграрных нужд, а также создаются новые образцы техники и оборудования. Доля отечественных семян в аграрном секторе достигла 68%, при этом наибольшие успехи отмечаются в производстве подсолнечника, сои и сахарной свеклы [15].

В молочной отрасли импортозамещение в 2025 году сохраняет статус одной из приоритетных задач, что обусловлено как волатильностью внешней логистики, так и ограничениями на поставки оборудования и комплектующих. Критически важные элементы, включая доильные установки и электронные компоненты, продолжают поступать преимущественно через дружественные страны (Турцию, Китай, Объединенные Арабские Эмираты) [16]. Одновременно на внутреннем рынке усиливается процесс локализации: отечественные производители начали выпускать пастеризаторы и упаковочные машины,

которые по функциональности сопоставимы с зарубежными аналогами.

В лесопромышленном комплексе Российской Федерации отмечается дальнейшее укрепление позиций отечественных производителей. Согласно данным Минпромторга, доля российских компаний на внутреннем рынке увеличилась с 82% до 89% [17]. Для снижения зависимости от импортного оборудования в 2025 году начата разработка «дорожной карты», направленной на формирование и внедрение отечественных образцов техники, необходимых как для лесозаготовки, так и для последующей лесопереработки.

Повышение глубины переработки древесины включено в число приоритетных направлений обновленной Стратегии развития отрасли до 2035 года. В условиях ограниченного доступа к современным зарубежным технологиям предприятия временно используют практику реверс-инжиниринга для обновления и модернизации парка оборудования [18].

Несмотря на достигнутый прогресс в реализации программ импортозамещения, в ряде высокотехнологичных секторов сохраняется значительный технологический разрыв. В сегменте высокоточных станкостроительных комплексов уровень локализации не превышает 30–35%. Наиболее критичными остаются узлы, такие как системы числового программного управления, шпиндельные модули и блоки управления, которые продолжают импортироваться. В сфере микроэлектроники сохраняется отставание от мировых стандартов не менее чем на одно поколение [19].

В ряде отраслей наблюдается даже рост зависимости от внешних поставок. Так, результаты опроса Института народнохозяйственного прогнозирования РАН осенью 2024 года показали, что 53% предприятий по-прежнему не находят российских аналогов импортному оборудованию и материалам (против 62% на начальном этапе программы). Наиболее зависимыми от импорта секторами остаются угледобывающая промышленность и телекоммуникации [20].

Для ускорения технологического развития в стране формируется сеть технопарков, особых экономических зон и инжиниринговых центров. Существенную роль играют индустриальные центры компетенций (ИЦК), число которых к 2025 году достигло 36. В их рамках консолидировано порядка 500 отраслевых заказчиков. Деятельность ИЦК направлена на ускоренное внедрение отечественных IT-решений, стандартизацию технологий и расширение спроса на квалифицированные кадры в цифровой экономике.

Для разработчиков программного обеспечения введены масштабные меры государственной поддержки. В частности, налоговая ставка снижена с 25% до 5%, страховые взносы уменьшены до 7,6%. Дополнительно реализован механизм двойного учета расходов на разработку тиражируемого программного обеспечения, что способствует снижению налоговой нагрузки и стимулирует инвестиции в инновационные проекты [21].

При этом важно отметить смену конфигурации политических акторов в рассматриваемый отрезок времени. Период после введения масштабных санкций в 2022 году стал ключевым этапом трансформации институциональной структуры российской экономики и системы распределения влияния между основными политическими акторами. В новых условиях наиболее значимым центром принятия решений выступило государство, которое не только усилило регулирующую функцию, но и фактически превратилось в главного инвестора и заказчика промышленного развития. Усиление роли Министерства промышленности и торговли, Министерства энергети-

ки, Министерства сельского хозяйства, а также крупных госкорпораций (Ростех, Росатом, Газпром, Роснефть) определило переход от модели рыночного стимулирования к прямому государственному управлению процессами импортозамещения и технологического обновления.

Особое значение приобрела роль федерального бюджета как основного источника финансирования, что позволило государству перераспределять ресурсы в пользу стратегически значимых отраслей. Таким образом, государственные институты не только задавали нормативно-правовую основу, но и определяли долгосрочные направления развития. Региональные администрации при этом выполняли функцию проводников федеральной политики на местах, концентрируясь на создании промышленных кластеров и стимулировании локализации производства в конкретных секторах – от станкостроения до лесопереработки.

Роль бизнеса в указанный период трансформировалась в сторону зависимости от государственных программ и заказов. Наибольшее влияние получили те предприятия, которые смогли встроиться в систему государственного регулирования и наладить кооперацию с госкорпорациями. Для таких компаний санкционный кризис обернулся новыми возможностями роста, в то время как производители, зависящие от западных технологий (прежде всего в сегментах высокоточного машиностроения, микроэлектроники и телекоммуникаций), были вынуждены искать новые формы взаимодействия с государством либо переориентироваться на азиатские рынки. Таким образом, влияние крупного капитала усилилось преимущественно в форме партнерства с государством, а не через автономные рыночные инициативы.

Важным, хотя и менее публичным актором, выступило научно-техническое сообщество. Его роль заключалась в разработке решений в области реверс-инжиниринга, локализации производства и цифровизации. Однако возможности этого сообщества определялись не столько наличием научных идей, сколько доступом к государ-

ственным ресурсам. Влияние экспертов проявлялось, прежде всего, в формировании аргументации, необходимой для политических решений, но не в определении самой повестки.

В динамике середины 2022 по середину 2025 гг. трансформация повестки была достаточно последовательной. На начальном этапе (2022–2023 гг.) она носила мобилизационный характер и была ориентирована на сохранение производственных мощностей и минимизацию рисков коллапса в условиях внешнего давления. В 2024 году акценты сместились в сторону системного импортозамещения: запуск новых производств, формирование мер государственной поддержки, налоговые льготы, развитие механизмов параллельного импорта (рис. 1).

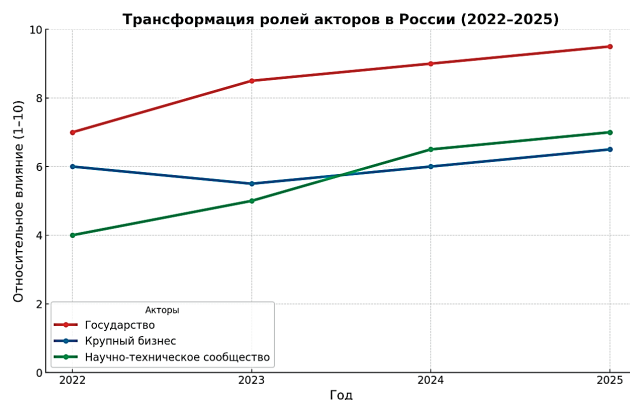

Рис. 1. Трансформация ролей политических акторов в Российской Федерации (2022–2025)

К 2025 году повестка эволюционировала в концепт «технологического суверенитета», подразумевающий не только воспроизводство утраченных связей, но и формирование полного производственного цикла – от сырья до готовой продукции, а также ориентацию на экспорт и развитие новых отраслей (табл. 1).

Таблица 1. Результаты контент-анализа ключевых направлений в СМИ и соцмедиа

	2022 Q3	2022 Q4	2023 Q1	2023 Q2	2023 Q3	2023 Q4	2024 Q1	2024 Q2	2024 Q3	2024 Q4	2025 Q1	2025 Q2	2025 Q3
Импортозамещение и локализация	756	804	824	795	643	510	420	341	303	285	266	241	190
Технологический суверенитет	356	326	310	370	401	417	387	401	402	405	440	491	430

Согласно контент-анализу, проведенного автором, особенностью динамики темы «Технологического суверенитета» стало поступательное усиление ее значимости на протяжении всего исследуемого периода, отсутствие стадии вытеснения к его завершению, а также интеграционная роль по отношению к другим направлениям политической повестки.

В качестве индикаторов изменений выступали частота упоминаний в официальном дискурсе, объем выделяемого финансирования, а также трансформация фреймирования: от представления темы как «вынужденной необходимости» к ее закреплению в качестве «национального приоритета».

Среди ключевых особенностей темы «Импортозамещение» можно отметить большую продолжительность – свыше двух лет, отсутствие полного вытеснения из политической повестки и ее последующую трансформацию в новый контекст, а также переход от акцента на количе-

ственные показатели к разработке качественных аспектов.

В качестве индикаторов изменений выступали динамика упоминаний в официальном дискурсе (пик пришелся на середину 2022 г., затем наблюдалось снижение при сохранении высокой значимости), объем выделяемого финансирования (максимальные значения зафиксированы в 2022 г., далее применялся более адресный подход), а также эволюция фреймирования: от трактовки темы как «экстренной необходимости» к ее позиционированию в качестве стратегического преимущества.

Таким образом, в указанный период политические акторы не просто реагировали на внешние вызовы, но и формировали долгосрочную стратегию экономического развития. Государство выступило главным субъектом, обладающим инструментами прямого воздействия, крупный бизнес стал его партнером и бенефициаром в отдельных секторах, а научно-техническое сообщество

выполняло роль поставщика технологических решений. Подобная конфигурация акторов закрепила модель развития, в которой ключевым драйвером модернизации выступает государственный сектор, а бизнес и наука встроены в институциональные рамки, задаваемые государством.

Литература

1. Байбулатова Д.В. Государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»: технологическая зависимость vs технологический суверенитет // Наука в инновационном процессе. – 2024. – С. 5–11.
2. Ленчук Е.Б. Технологический суверенитет – новый вектор научно-технологической политики России // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – № 3 (64). – С. 232–237.
3. Матюк Ю.С. Технологический суверенитет как фактор формирования образа технологического будущего России // Государство. Политика. Социум. – 2024. – С. 292–295.
4. Изменения в экспорте и импорте РФ в 2025 году: влияние рестрикций на международную торговлю // Delprof. – 2025. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/izmeneniya-v-eksporte-i-importe-rf-v-2025-godu-vliyanie-sanktsiy-na-mezhdunarodnuyu-torgovlyu/> (дата обращения: 15.07.2025).
5. ЦБ: российская экономика адаптировалась к внешним условиям // ТАСС. – 2025. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/24421717> (дата обращения: 15.07.2025).
6. Корректировка перечня параллельного импорта в РФ ожидается в августе // Интерфакс. – 2025. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/forumspb/1031546> (дата обращения: 15.07.2025).
7. В какие сроки в России планируется перейти на импортозамещение // ТАСС. – 2025. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/info/24069985> (дата обращения: 15.07.2025).
8. Госдума РФ: уровень импортозамещения в нефтегазовой отрасли достиг 70 процентов // Электроэнергия России (Eprussia). – 2025. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eprussia.ru/market-and-analytics/8016787.htm> (дата обращения: 15.07.2025).
9. Цивилев: в нефтегазовой отрасли уже импортозамещены 90% технологий // Ведомости. – 2025. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2025/07/10/1123366-importozamesheni> (дата обращения: 15.07.2025).
10. Дюков рассказал о внедрении отечественного ПО в нефтегазовую отрасль // РИА Новости. – 2025. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20250603/otrasl-2020727061.html> (дата обращения: 15.07.2025).
11. На год грядущий: GxP News подводит итоги 2024 года в фармацевтической отрасли // GxP News. – 2024. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gxpnews.net/2024/12/na-god-gryadushhij-gxp-news-podvodit-itogi-2024-goda-v-farmaczevticheskoy-otrasli/> (дата обращения: 15.07.2025).
12. Объем рынка медоборудования в России по итогам 2024 года оценили в 850 млрд рублей // Медвестник. – 2024. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://medvestnik.ru/content/news/Obem-rynka-medoborudovaniya-v-Rossii-ocenili-v-850-mlrd-rublei-Za-proshlyi-god-otechestvennoe-proizvodstvo-vyroslo-na-14-Otechestvennye-proizvoditeli-narastili-importozameshenie-medoborudovaniya-medizdelii-i-rashodnikov-v-proshlom-godu-na-14-zayavili-v-Ro.html> (дата обращения: 15.07.2025).
13. Жмурко А. Цифровизация аптечного рынка: преимущества и вызовы // ComNews. – 2024. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/233441/2024-05-30/2024-w22/1013/cifrovizaciya-aptechnogo-rynka-preimuschestva-i-vyzovy> (дата обращения: 15.07.2025).
14. Глобальные тренды цифровизации в фарме: кейсы мировых и российских компаний // AdIndex. – 2025. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://adindex.ru/publication/analytics/search/333231/img/02_Spectr_DC_Pharma_Meetup_2025.pdf (дата обращения: 15.07.2025).
15. Россия в 2024 году экспортировала 109 млн тонн продукции АПК // ТАСС. – 2024. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/23674949> (дата обращения: 15.07.2025).
16. Государство недооценивает проблемы в АПК. Состояние основных фондов может не позволить выйти на плановые показатели развития отрасли // Агроинвестор. – 2025. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.agroinvestor.ru/markets/article/43438-gosudarstvo-nedootsenivaet-problemy-v-apk-sostoyanie-osnovnykh-fondov-mozhet-ne-pozvolit-vyyti-na-pl/> (дата обращения: 15.07.2025).
17. Минпромторг: доля российской продукции ЛПК в РФ за пять лет выросла до почти 90% // ТАСС. – 2024. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/23681081> (дата обращения: 15.07.2025).
18. Импортозамещение в лесной промышленности продолжается // Forestcomplex.ru. – 2025. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://forestcomplex.ru/forestry/importozameshenie-v-lesnoj-promyshlennosti-prodolzhaetsya/> (дата обращения: 15.07.2025).
19. Рост российского рынка микроэлектроники не решает проблему импортных компонентов // IT-World. – 2025. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.it-world.ru/it-news/5gn5pwz5i-5oowkgc8c4gcww8o4wg4cc.html> (дата обращения: 15.07.2025).
20. Эксперты назвали отрасли с ростом зависимости от импорта: какие факторы привели к такой ситуации // РБК. – 2025. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/26/03/2025/67e2b7199a79471b77336878> (дата обращения: 15.07.2025).
21. Софт наполовину полон // Коммерсантъ. – 2025. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6714039> (дата обращения: 15.07.2025).

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER INTERNATIONAL RESTRICTIONS: SECTORAL ADAPTATION AND THE TRANSFORMATION OF POLITICAL ACTORS

Prokopov V.A.

Plekanov Russian University of economics

The article is devoted to the study of the development of Russia's technological sovereignty agenda under the conditions of external economic restrictions. Special attention is given to the transformation of the institutional configuration of political actors and to the mechanisms of adaptation in strategically important sectors of the economy. The purpose of the study is to identify the specific fea-

tures of the transition from a policy of import substitution to the concept of technological sovereignty, as well as to determine the roles of the state, business, and the scientific community in this process. The methodological framework is based on the combination of content analysis of official documents and media discourse, institutional analysis of the redistribution of functions among actors, and qualitative case studies of selected sectors (fuel and energy complex, agro-industrial sector, pharmaceuticals, and forestry industry). The results demonstrate that the state has consolidated its dominant role, acting simultaneously as a regulator, investor, and initiator of industrial development; business has adapted by aligning with state programs and cooperating with state corporations; and the scientific and technical community has contributed by providing technological solutions and an evidence base for political decisions. The article concludes that during the period under review a development model was consolidated in which the state sector acts as the key driver of modernization, while business and science are integrated into institutional frameworks defined by the state.

Keywords: technological sovereignty, import substitution, institutional change, political agenda, restrictions, industrial policy, economic development.

References

1. Baibulatova D.V. State program "Scientific and Technological Development of the Russian Federation": technological dependence vs. technological sovereignty // *Science in the Innovation Process*. – 2024. – pp. 5–11.
2. Lenchuk E.B. Technological sovereignty – a new vector of Russia's science and technology policy // *Journal of the New Economic Association*. – 2024. – No. 3 (64). – pp. 232–237.
3. Matyuk Yu.S. Technological sovereignty as a factor in shaping the image of Russia's technological future // *State. Politics. Society*. – 2024. – pp. 292–295.
4. Changes in Russia's export and import in 2025: the impact of restrictions on international trade // *Delprof*. – 2025. – [Electronic resource]. Access mode: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/izmeneniya-v-eksporte-i-importe-rf-v-2025-godu-vliyanie-sanktsiy-na-mezhdunarodnuyu-torgovlyu/> (access date: 15.07.2025).
5. The Bank of Russia: the Russian economy has adapted to external conditions // *TASS*. – 2025. – [Electronic resource]. Access mode: <https://tass.ru/ekonomika/24421717> (access date: 15.07.2025).
6. Adjustment of the list of parallel imports in Russia expected in August // *Interfax*. – 2025. – [Electronic resource]. Access mode: <https://www.interfax.ru/forumspb/1031546> (access date: 15.07.2025).
7. Deadlines for Russia's transition to import substitution // *TASS*. – 2025. – [Electronic resource]. Access mode: <https://tass.ru/info/24069985> (access date: 15.07.2025).
8. State Duma: the level of import substitution in the oil and gas sector has reached 70 percent // *Energy of Russia (Eprussia)*. – 2025. – [Electronic resource]. Access mode: <https://eprussia.ru/market-and-analytics/8016787.htm> (access date: 15.07.2025).
9. Tsivilev: 90% of technologies in the oil and gas sector have already been substituted // *Vedomosti*. – 2025. – [Electronic resource]. Access mode: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2025/07/10/1123366-importozamescheni> (access date: 15.07.2025).
10. Dyukov spoke about the introduction of domestic software in the oil and gas sector // *RIA Novosti*. – 2025. – [Electronic resource]. Access mode: <https://ria.ru/20250603/otrasl-2020727061.html> (access date: 15.07.2025).
11. The year ahead: GxP News sums up the results of 2024 in the pharmaceutical industry // *GxP News*. – 2024. – [Electronic resource]. Access mode: <https://gxpnews.net/2024/12/na-god-gryadushhij-gxp-news-podvodit-itogi-2024-goda-v-farmaceuticheskoy-otrasli/> (access date: 15.07.2025).
12. The Russian medical equipment market was estimated at 850 billion rubles in 2024 // *Medvestnik*. – 2024. – [Electronic resource]. Access mode: <https://medvestnik.ru/content/news/Obem-rynka-medoborudovaniya-v-Rossii-ocenili-v-850-mlrd-rublei-Za-proshlyi-god-otekhestvennoe-proizvodstvo-vyroslo-na-14-Otekhestvennye-proizvoditeli-narastili-importozameshenie-medoborudovaniya-medizdelii-i-rashodnikov-v-proshlom-godu-na-14-zayavili-v-Ro.html> (access date: 15.07.2025).
13. Zhmurko A. Digitalization of the pharmacy market: advantages and challenges // *ComNews*. – 2024. – [Electronic resource]. Access mode: <https://www.comnews.ru/content/233441/2024-05-30/2024-w22/1013/cifrovizaciya-aptechnogo-rynka-preimuschestva-i-vyzovy> (access date: 15.07.2025).
14. Global trends in digitalization in pharma: cases of global and Russian companies // *AdIndex*. – 2025. – [Electronic resource]. Access mode: https://adindex.ru/publication/analytics/search/333231/img/02_Spectr_DC_Pharma_Meetup_2025.pdf (access date: 15.07.2025).
15. Russia exported 109 million tons of agricultural products in 2024 // *TASS*. – 2024. – [Electronic resource]. Access mode: <https://tass.ru/ekonomika/23674949> (access date: 15.07.2025).
16. The state underestimates problems in the agro-industrial complex: the condition of fixed assets may not allow reaching planned targets // *Agroinvestor*. – 2025. – [Electronic resource]. Access mode: <https://www.agroinvestor.ru/markets/article/43438-gosudarstvo-nedootsenivaet-problemy-v-apk-sostoyanie-osnovnykh-fondov-mozhet-ne-pozvolit-vyyti-na-pl/> (access date: 15.07.2025).
17. Ministry of Industry and Trade: the share of Russian products in the forestry industry has grown to almost 90% in five years // *TASS*. – 2024. – [Electronic resource]. Access mode: <https://tass.ru/ekonomika/23681081> (access date: 15.07.2025).
18. Import substitution in the forestry industry continues // *Forestcomplex.ru*. – 2025. – [Electronic resource]. Access mode: <https://forestcomplex.ru/forestry/importozameshenie-v-lesnoj-promyshlennosti-prodolzhaetsya/> (access date: 15.07.2025).
19. Growth of the Russian microelectronics market does not solve the problem of imported components // *IT-World*. – 2025. – [Electronic resource]. Access mode: <https://www.it-world.ru/it-news/5gn5pwz5i5oowkgc8c4gcww8o4wg4cc.html> (access date: 15.07.2025).
20. Experts named industries with growing dependence on imports: what factors led to this situation // *RBC*. – 2025. – [Electronic resource]. Access mode: <https://www.rbc.ru/economics/26/03/2025/67e2b7199a79471b77336878> (access date: 15.07.2025).
21. The software is half full // *Kommersant*. – 2025. – [Electronic resource]. Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/6714039> (access date: 15.07.2025).

Цифровая трансформация публичной власти: институциональные изменения и новые технологии политического управления в условиях цифрового государства

Тихонов Николай Владимирович,

магистр кафедры международных финансов, МГИМО

E-mail: tikhonov506@gmail.com

Актуальность данного исследования связана с наличием глобального тренда на цифровизацию национальной системы государственного управления как ответной реакции на современные макроэкономические вызовы, в частности, на увеличение ожиданий граждан к степени качества государственных и муниципальных услуг, потребность в повышении эффективности аппарата государственного и муниципального управления. Кроме того, присутствует необходимость научного осмысления трансформации традиционных политических институтов и процессов под влиянием цифровых технологий. Цель работы – определить новые форматы взаимодействия органов публичной власти с гражданами в условиях происходящих институциональных изменений и использования новых технологий политического управления. Методы исследования: систематизация, обобщение, индукция, дедукция, анализ теоретических и эмпирических источников академической литературы, сопоставление, сравнительный анализ, системный подход, концептуализация данных, графическая визуализация данных, абстрактно-логический метод, институциональный анализ, методы цифрового управления органами публичной власти. Основные результаты научного исследования: обозначены основные модели и этапы цифровой трансформации органов публичной власти; проанализированы институциональные изменения в органах государственного управления под влиянием цифровой трансформации; отражены характеристики ключевых технологий, используемых в системе государственного управления; выявлены новые форматы взаимодействия органов публичной власти и граждан в условиях цифровой трансформации среды. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные в исследовании результаты могут быть использованы научно-исследовательским сообществом для последующего концептуального осмысления феномена «цифрового государства», государственным сектором, экспертным сообществом для выработки и реализации практических рекомендаций, направленных на увеличение результативности цифровой трансформации политического управления.

Ключевые слова: цифровая трансформация; органы публичной власти; институциональные изменения; цифровые технологии; технологии политического управления; цифровое государство; форматы взаимодействия государства и общества.

Введение

Актуальность исследования цифровой трансформации органов публичной власти определяется основополагающей ролью и центральным местом государственного аппарата при ответе на ключевые макроэкономические геополитические современные вызовы, возникающие в глобальном сообществе. Цифровизация системы государственного управления обуславливает комплексную трансформацию управленческой парадигмы, которая затрагивает концептуальное содержание политических процессов и институтов [1–5].

На современном этапе активного распространения цифровых платформ и технологий, коммерческих цифровых решений, например, банковских приложений, платформ Uber, Amazon, с помощью которых граждане могут получить персонализированные услуги быстро и в удобном для них месте, в современном обществе формируется новый стандарт ожиданий и при получении государственных, муниципальных услуг. Органы публичной власти вынуждены конкурировать с коммерческими цифровыми платформами за уровень доверия граждан, легитимность, предлагая сервисы аналогичного уровня качества. В противном случае будет возрастать социальная напряженность и неудовлетворенность системой политического управления среди граждан.

Вместе с тем эффективность работы государственного аппарата становится основополагающим фактором национальной конкурентоспособности в международном сообществе. В контексте развития феномена «цифровое государство» можно привлечь значительный объем зарубежных инвестиций, расширять социальную сферу талантов, стимулировать инновационную деятельность в предпринимательском секторе, формируя активную технологичную среду для бизнеса [6].

Цифровизация представляет собой инструмент оптимизации внутренних административных процессов. Интеграция технологий межведомственного электронного взаимодействия, документооборота, автоматизации рутинных процедур и задач непосредственно уменьшает транзакционные затраты, нагрузку бюрократических барьеров, коррупционные риски, высвобождая ресурсы для решения стратегически значимых задач.

Как правило, традиционная концепция государственного и муниципального управления носит реактивный характер, другими словами, государственный аппарат реагирует на уже появившиеся проблемы, не предотвращая их заранее. Методы анализа больших данных, искусственного интеллекта позволяют анализировать огромные массивы информации, определять тренды политического управления и прогнозировать риски, что открывает возможности для своевременного принятия управленческих решений в области планирования городского хозяйства, профилактики правонарушений, реагирования на пандемии и глобальные инфекционные заболевания [7].

Развитие объектов национальной цифровой инфраструктуры становится основополагающим вопросом го-

сударственной безопасности, обеспечения автономии (независимости) от зарубежных платформенных решений, стабильной работы стратегически значимых информационных ресурсов и технологий. При этом цифровые каналы предоставления государственных (муниципальных) услуг, в частности, портал «Госуслуги», позволяют уменьшать географические барьеры в гражданском обществе, позволяя получить максимальный доступ к качественным государственным услугам без потребности в физическом посещении органов публичной власти [8].

Присутствует необходимость научного системного осмысления трансформации традиционных политических институтов и процессов под влиянием цифровых технологий, что обуславливает комплекс теоретико-практических проблем:

1) появление разрыва между традиционными понятиями государственного (муниципального) управления («суверенитет», «государство», «подотчётность», «участие») и новыми цифровыми формами политического управления («цифровая идентичность», «алгоритмическое управление», «платформа»); между нормативными ожиданиями от цифровизации политического управления (увеличение демократизации политического режима, информационной прозрачности и открытости) и реальными последствиями в условиях практического использования новых форм цифрового контроля, влияния цифрового разрыва в гражданском обществе;

2) наличие противоречия между функционированием традиционных политических институтов, которые

медленно адаптируются к изменениям внешней среды, и цифровой средой, которая характеризуется сетевой горизонтальной структурой, позволяющей с высокой скоростью и гибкостью регулировать происходящие в гражданском обществе процессы.

Соответственно, необходимо проведение комплексного междисциплинарного исследования, направленного на определение характеристик, направлений и последствий цифровой трансформации существующих политических институтов и реализуемых процессов под воздействием цифровых технологий управления, а также на формирование релевантного концептуального аппарата для описания нового феномена и условий развития цифрового государства.

Основные модели и этапы цифровой трансформации органов публичной власти

Цифровая трансформация системы органов публичной власти является нелинейным процессом, многоуровневым феноменом, который развивается через призму конкретных этапов и осуществляется в различных моделях.

Ключевыми этапами цифровой трансформации органов публичной власти являются:

- 1) электронное правительство;
- 2) открытое правительство;
- 3) цифровое (умное) правительство;
- 4) государство как платформа данных (таблица 1).

Таблица 1. Характеристика ключевых этапов цифровой трансформации органов публичной власти

Этап	Сущность	Ключевые черты трансформации	Цель
I	Перевод существующих государственных процессов и услуг в цифровую форму, ориентация политического управления на технологизацию и автоматизацию среды	– публикация информационных данных; – онлайн-взаимодействие с гражданами; – электронное оказание услуг; – интеграция электронного взаимодействия	Увеличение эффективности политического управления, удобства для граждан в получении государственных услуг, уменьшение бюджетных затрат
II	Фокус политического управления смещается в сторону вовлеченности органов государственной власти в жизнь современного общества и наоборот	– работа порталов открытых данных; – развитие онлайн-инструментов для вовлечения граждан в обсуждение и принятие стратегических решений	Увеличение легитимности политической власти через подотчётность, применение коллективного интеллекта
III	Глубинная трансформация внутренних процессов и моделей управления на основе данных	– использование подхода, ориентированного на анализ данных; – проактивное оказание государственных услуг; – формирование экосистемы взаимосвязанных цифровых сервисов; – использование технологий искусственного интеллекта	– формирование эффективного и персонализированного сервиса государственных услуг
IV	Стирание границ между органами публичной власти и гражданским обществом	– государство является оператором базовых платформ; – оказание полностью персонализированных услуг; – применение инструментов предиктивной аналитики и математического моделирования	Формирование устойчивой и адаптивной экосистемы политического управления

Источник: составлено автором на основе [9–11].

Эволюция от традиционной системы публичной власти, политического управления к цифровому государству происходит последовательно, где каждый дальнейший этап надстраивается над предыдущим, в существенной степени меняя концептуальные основы государственного управления.

В международном сообществе цифровая трансформация политического управления реализуется через призму собственных политико-административных традиций, что способствует появлению разных моделей цифровизации цифровой трансформации органов публичной власти (таблица 2), в частности, существуют технократическая модель (модель Синга-

пура, Китая), сервисная модель (модель Эстонии), партисипаторно-открытая модель (англо-саксонская модель), этатистская модель (континентально-европейская модель).

Таблица 2. Систематизация характеристик моделей цифровой трансформации политического управления

Модель трансформации	Содержание	Ключевые черты модели
Технократическая	Цифровизация политического управления как инструмент максимального повышения эффективности, предсказуемости и контроля за развитием гражданского общества	– достаточно жёсткая централизация политического управления и планирования; – активное использование методов анализа больших данных, технологий искусственного интеллекта
Сервисная	Государство как удобный, положительно настроенный и максимально незаметный сервис для гражданина	– децентрализованная архитектура информационных данных; – ориентация на цифровой суверенитет гражданина; – развитие электронного гражданства для бизнеса
Партисипаторно-открытая	Цифровизация как инструмент усиления демократических политических институтов, подотчётности публичной власти и вовлечения граждан в принятие стратегически значимых решений	– развитие платформ для гражданского соучастия в разработке законопроектов; – активная роль медиа в использовании открытых данных для общественного контроля
Этатистская	Цифровая трансформация инициируется государством для модернизации традиционной системы политического управления с сохранением ее ключевых политических институтов	– постепенная, плановая модернизация традиционной системы политического управления; – сочетание инноваций с осторожным отношением к цифровым правам граждан

Источник: составлено автором на основе [9–11].

Следовательно, цифровая трансформация органов публичной власти представляет собой многоуровневый процесс, направленный на фундаментальное изменение парадигмы управления политическими процессами и институтами на основе информационных данных. Траектория и модель перехода от традиционной системы государственного управления к цифровому государству обусловлены сочетанием политического потенциала, технологических возможностей, общественных запросов, административной культуры в конкретной стране.

Анализ институциональных изменений в органах государственного управления под влиянием цифровой трансформации

Цифровая трансформация политического управления является основой институциональных изменений в органах публичной власти, которые перестраивают традиционные политические процессы, структуры и принципы функционирования государственного аппарата. Можно выделить четыре ключевых направлений институциональных изменений в органах государственного управления под влиянием цифровой трансформации:

1) изменение организационной структуры политического управления, возникновение новых специализированных цифровых институтов, подразделений, в частности, формируются профильные департаменты государственных ведомств, ответственные за цифровое развитие конкретной сферы ответственности. Возникают и постепенно внедряются в систему политического управления новые руководящие должности: руководитель цифровой трансформации политического управления, руководитель анализа и обработки данных. Для минимизации ведомственной разрозненности в системе публичной власти возникают центры профессиональных компетенций и координационные советы по цифровому развитию, в России – это АНО «Диалог», задача которого состоит в выработке единых стандартов и методологии цифровой трансформации политического управ-

ления на всех уровнях (федеральном, региональном, местном).

2) изменение административных процессов и процедур в системе публичной власти. Цифровая среда позволяет организовать параллельное согласование нескольких документов с их автоматизированной маршрутизацией по государственным ведомствам, что в значительной степени ускоряет практическую реализацию процедур. Кроме того, решение наиболее простых административных процедур делегируется алгоритмическому управлению, работающему на основе искусственного интеллекта. Вместе с тем все административные процессы под влиянием цифровых технологий унифицированы в системе публичной власти с целью преодоления проблемы пространственной, региональной дифференциации.

3) изменение профессиональных компетенций и ресурсной базы в политическом управлении. Основным ресурсом в системе государственного управления планомерно становится информация (ранее это были человеческие и финансовые ресурсы). Эффективность функционирования государственного аппарата определяется его способностью собирать, обрабатывать, анализировать и сохранять пул информационных данных. С течением времени появился новый запрос на профессиональные компетенции – необходимы специалисты по обработке информационных данных и обеспечению кибербезопасности в политическом управлении, а также на профессиональную переподготовку кадров (государственных служащих), ориентированную на увеличение цифровой грамотности для сотрудников и руководителей всех ведомств.

4) изменение принципов политического управления и подотчётности ведомств в системе публичной власти. Государственный сектор вынужден формировать новую нормативную базу для регулирования анализа больших данных, использования технологий искусственного интеллекта, биометрической идентификации, облачных вычислений. Осуществляется планомерный переход от выборочного последующего контроля (традиционной проверки документации по ведомствам) к сплошному

предварительному и текущему контролю, встроенному в реализацию цифровых процессов [12], [13].

Характеристики ключевых технологий, используемых в системе государственного управления

Цифровая трансформация политического управления базируется на системе взаимосвязанных инновационных технологий, которые в значительной мере способствуют изменениям в политических процессах, концепции взаимодействия между государственным сектором, бизнесом и гражданским обществом. Соответственно, цифровые

технологии формируют технологическую основу феномена «цифровое государство».

Ключевые технологии, используемые в системе государственного управления, можно разделить на четыре категории:

- 1) технологии сбора и интеграции информационных данных;
- 2) технологии хранения и обработки информационных данных;
- 3) технологии анализа и интеллектуальной обработки информационных данных;
- 4) технологии взаимодействия и предоставления государственных (муниципальных) услуг (таблица 3).

Таблица 3. Сопоставительный анализ ключевых технологий, используемых в системе государственного управления

Технология	Содержание	Роль	Сфера практического применения
Сбор и интеграция информационных данных	Стандартизированный протокол, обеспечивающий безопасный обмен данными между информационными системами различных ведомств	Основа работы различных цифровых сервисов для гражданского общества	Получение пособия при рождении ребенка автоматически через портал Госуслуг без подачи заявлений в ЗАГС
Хранение и обработка информационных данных	Технологии хранения и обработки огромных массивов структурированных и неструктурированных данных, которые излишне большие для традиционных информационных систем в муниципальной власти	Консолидация информации из различных источников в единых облачных центрах обработки информации	Анализ всех данных о транспортных потоках крупного города для оптимизации работы светофоров и общественного транспорта
Анализ и интеллектуальная обработка информационных данных	Технологии искусственного интеллекта, способные генерировать новый контент на основе обученных данных	Автоматизация рутинной интеллектуальной работы	– анализ законопроектов на предмет их противоречий и правовых пробелов; – составление ответов на обращения граждан в ведомство
Взаимодействие и предоставление государственных (муниципальных) услуг	Технологии, обеспечивающие надежную и безопасную цифровую идентификацию пользователя	Единая точка входа во все цифровые сервисы для граждан	Введение одноразовых паролей для входа в различные цифровые сервисы через портал «Госуслуги»

Источник: составлено автором на основе [14], [15].

Основной тренд в системе публичной власти при использовании цифровых технологий, который наблюдается в настоящее время, – конвергенция технологических инноваций, способствующая достижению синергетического эффекта. Так, датчики промышленного Интернета вещей собирают информационные данные о гражданах, которые впоследствии хранятся в облаке, где их анализируют технологии искусственного интеллекта. Полученные результаты анализа применяются в системе публичной власти для автоматизированного принятия стратегически значимых решений либо предоставления проактивной государственной услуги гражданину через мобильное приложение. При этом вся цепочка действий фиксируется в централизованном реестре на основе блокчейн-технологии для проведения аудита ресурсов.

Новые форматы взаимодействия органов публичной власти и граждан в условиях цифровой трансформации среды

В условиях цифровой трансформации среды ландшафт взаимодействия органов публичной власти и граждан также обусловлен изменениями, которые порождают новые интерактивные форматы. В контексте данного исследования предлагаются следующие форматы взаимодей-

ствия органов публичной власти и граждан в условиях цифровой трансформации среды:

- 1) электронное участие граждан в системе органов публичной власти с помощью практического применения краудсорсинговых платформ для электронного сбора идей и предложений от граждан по решению конкретных проблем городского хозяйства и управления, разработке программ развития региональных территорий, а также соуправления граждан как высшей формы взаимодействия с государственным сектором, которая предполагает равное сотрудничество предпринимательского сектора, граждан, органов публичной власти в совместном создании общественных ценностей и государственных услуг.
- 2) проактивное взаимодействие органов публичной власти и граждан, которое подразумевает практическое применение технологий искусственного интеллекта для анализа текущих жизненных ситуаций граждан и в соответствии с этим автоматизированного предоставления государственных (муниципальных) услуг. Так, примером подобного формата взаимодействия органов публичной власти и граждан в условиях цифровой трансформации среды могут быть персонализированные уведомления о наиболее подходящих национальных программах государственной поддержки, исходя из результатов анализа профиля гражданина на портале «Госуслуги» при помощи технологии искусственного интеллекта.

3) мобилизация коллективного интеллекта в решении общественно значимых задач посредством привлечения граждан к правотворческому процессу через обсуждение новых и существующих законопроектов, что потенциально повысит уровень их качества и легитимность политической власти, создания интерактивных карт гражданским сообществом для обозначения проблем экологического неблагополучия территорий на региональном уровне, коррупционных рисков, организации сбора информационных данных во время чрезвычайных ситуаций через цифровые платформы.

4) персонализация коммуникации между государственным сектором и гражданами, обратной связи для гражданского сообщества при помощи активного практического применения цифровых технологий:

- чат-ботов, голосовых помощников с целью круглосуточного обеспечения ускоренной ответной реакции на запросы граждан, что сокращает временные и материальные затраты;
- персонализированных личных кабинетов на портале «Госуслуги», где собраны все информационные данные, релевантные по конкретному пользователю;
- геолокационных сервисов, которые позволяют получать уведомления и государственные услуги граждан, находящихся на определенной региональной территории (информация о проведении местных спортивных, социокультурных мероприятий, о нарушениях, произошедших в районе проживания).

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам:

1. Институциональные изменения, происходящие в политическом управлении под влиянием цифровой трансформации и новых технологий, являются системными. При этом цифровизация системы публичной власти способствует увеличению информационной прозрачности, эффективности работы государственного аппарата, а также его ориентации на функционирование гражданского общества. Цифровые технологии в значительной степени меняют условия деятельности традиционных политических институтов. Успешность их цифровой трансформации зависит от потенциала субъектов государственного управления к адаптации и выработке новых норм, соответствующих вызовам цифровой эпохи.

2. Основной тренд в системе публичной власти при использовании цифровых технологий, который наблюдается в настоящее время, – конвергенция технологических инноваций, способствующая достижению синергетического эффекта. Современная система государственного управления планомерно превращается в высокотехнологичную, сложноструктурированную экосистему информационных данных, где цифровые технологии выступают новой средой функционирования органов публичной власти.

3. Были приведены новые форматы взаимодействия государственного сектора и граждан в условиях цифровой трансформации среды: электронное участие граждан в системе органов публичной власти, проактивное взаимодействие органов публичной власти и граждан, мобилизация коллективного интеллекта в решении общественно значимых задач, персонализация коммуникации между государственным сектором и гражданами, обратной связи для гражданского сообщества при помощи активного практического применения цифровых технологий. Новые цифровые форматы взаимодействия государственного сектора и граждан формируют возможности для перехода к более открытой и ответственной

модели политического управления. Тем не менее, эффективная реализация обозначенных форматов взаимодействия зависит от успешности институциональной адаптации, преодоления социально-экономических барьеров, политического потенциала страны. Перспективной задачей становится формирование «умного» взаимодействия, которое усиливает демократизацию политического режима, гарантирует устойчивость и открытость цифрового диалога между органами публичной власти и гражданским обществом.

Литература

1. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Государственно-частное партнёрство как ключевой современный механизм государственного управления в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 5. – С. 139–144.
2. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Особенности использования GR-технологий бизнес-сообществами в российском государственном управлении // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 5. – С. 157–162.
3. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Институциональные основы и императивы современного государственного управления в российских регионах // Закон и власть. – 2025. – № 5. – С. 24–30.
4. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Цифровые технологии в системе государственного управления как инструмент реформирования // Закон и власть. – 2025. – № 5. – С. 31–37.
5. Мишин Д. А., Куровский С.В., Смолин П.В. Место прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти // Юридическая наука и практика. – 2024. – Т. 20. – № 3. – С. 35–44.
6. Алексеева М. В., Исакова Ю.И. Специфика развития государственного управления в условиях современной цифровой трансформации // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2025. – № . 2. – С. 50–58.
7. Демидов А. Ю., Лукашов А.И. Отдельные подходы к цифровой трансформации государственного управления // Государственная служба. – 2021. – Т. 23. – № . 1 (129). – С. 28–34.
8. Холоденко Ю.А. Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. – Т. 28. – № . 3. – С. 28–53.
9. Скоробогатский В.В. Цифровая трансформация государственного управления: институциональные пределы возможного // Антиномии. – 2023. – Т. 23. – № . 1. – С. 90–106.
10. Иванов Д. Ю., Волков В.А. Формирование механизмов и технологий взаимодействия органов власти и общества в условиях цифровизации государственного управления // Управленческое консультирование. – 2023. – № . 9 (177). – С. 107–117.
11. Ахдиев И. М., Золотарева Ю.В. Цифровая трансформация социальной природы государственного управления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № . 7–2. – С. 202–206.
12. Победин П.К. Формирование политических институтов и процессов с помощью цифровых технологий и искусственного интеллекта // Постсоветский материализм. – 2024. – № . 2 (42). – С. 51–61.
13. Кравец И.А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмиче-

ском обществе // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 2 (153). – С. 93–123.

14. Чжан В., Панкратова Л.С. Трансформация публичной коммуникации органов власти и граждан в Китае и России в условиях цифровизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28. – № 3. – С. 151–164.
15. Соколов А. В., Исаева Е.А. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология. – 2022. – Т. 24. – № 4. – С. 686–710.

DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC AUTHORITY: INSTITUTIONAL CHANGES AND NEW TECHNOLOGIES OF POLITICAL GOVERNANCE IN THE CONTEXT OF A DIGITAL STATE

Tikhonov N.V.

Moscow State Institute of International Relations

The relevance of this study is associated with the global trend towards digitalization of the national public administration system as a response to modern macroeconomic challenges, in particular, increasing citizens' expectations of the quality of public and municipal services, the need to improve the efficiency of the state and municipal administration apparatus. In addition, there is a need for scientific understanding of the transformation of traditional political institutions and processes under the influence of digital technologies. The purpose of the work is to determine new formats of interaction between public authorities and citizens in the context of ongoing institutional changes and the use of new technologies of political management. Research methods: systematization, generalization, induction, deduction, analysis of theoretical and empirical sources of academic literature, comparison, comparative analysis, systems approach, data conceptualization, graphical visualization of data, abstract logical method, institutional analysis, methods of digital management of public authorities. The main results of the scientific research: the main models and stages of digital transformation of public authorities are identified; institutional changes in government bodies under the influence of digital transformation are analyzed; the characteristics of the key technologies used in the public administration system are reflected; new formats of interaction between public authorities and citizens in the context of digital transformation of the environment were identified. The practical significance of the study is that the results obtained in the study can be used by the research community for subsequent conceptual understanding of the phenomenon of the "digital state", the public sector, the expert community for the development and implementation of practical recommendations aimed at increasing the effectiveness of the digital transformation of political governance.

Keywords: digital transformation; public authorities; institutional changes; digital technologies; political governance technologies; digital state; formats of interaction between the state and society.

References

1. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Public-private partnership as a key modern mechanism of public administration in modern Russia // Social and humanitarian knowledge. – 2025. – No. 5. – P. 139–144.
2. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Features of the use of GR-technologies by business communities in Russian public administration // Social and humanitarian knowledge. – 2025. – No. 5. – P. 157–162.
3. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Institutional foundations and imperatives of modern public administration in Russian regions // Law and power. – 2025. – No. 5. – P. 24–30.
4. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Digital technologies in the public administration system as a reform tool // Law and Power. – 2025. – No. 5. – P. 31–37.
5. Mishin D. A., Kurovsky S.V., Smolin P.V. The place of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the public authority system // Legal Science and Practice. – 2024. – Vol. 20. – No. 3. – P. 35–44.
6. Alekseeva M. V., Isakova Yu.I. Specifics of public administration development in the context of modern digital transformation // North Caucasian Legal Bulletin. – 2025. – No. 2. – P. 50–58.
7. Demidov A. Yu., Lukashov A.I. Certain approaches to the digital transformation of public administration // Public Service. – 2021. – Vol. 23. – No. 1 (129). – P. 28–34.
8. Kholodnenko Yu.A. Digital transformation of public administration: opportunities and risks // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. – 2022. – Vol. 28. – No. 3. – P. 28–53.
9. Skorobogatsky V.V. Digital transformation of public administration: institutional limits of the possible // Antinomies. – 2023. – Vol. 23. – No. 1. – P. 90–106.
10. Ivanov D. Yu., Volkov V.A. Formation of mechanisms and technologies of interaction between government bodies and society in the context of digitalization of public administration // Management Consulting. – 2023. – No. 9 (177). – P. 107–117.
11. Akhtsiev I. M., Zolotareva Yu.V. Digital transformation of the social nature of public administration // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – No. 7–2. – P. 202–206.
12. Pobedin P.K. Formation of political institutions and processes using digital technologies and artificial intelligence // Post-Soviet continent. – 2024. – No. 2 (42). – P. 51–61.
13. Kravets I.A. Digital citizenship and constitutional challenges in the information and algorithmic society // Comparative constitutional review. – 2023. – No. 2 (153). – P. 93–123.
14. Zhang W., Pankratova L.S. Transformation of public communication of authorities and citizens in China and Russia in the context of digitalization // Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relations. – 2023. – Vol. 28. – No. 3. – P. 151–164.
15. Sokolov A. V., Isaeva E.A. Transformation of interaction between authorities and society under the influence of digitalization: the example of the Yaroslavl region // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: political science. – 2022. – Т. 24. – No. 4. – pp. 686–710.

Институциональные акторы и сетевые механизмы GR-продвижения евразийской интеграции в Республике Молдова: анализ стратегий и каналов влияния

Хусаинов Михаил Ренатович,
исследователь, РУДН им. Патриса Лумумбы
E-mail: mihakhus@gmail.com

В статье исследуются институциональные и сетевые механизмы Government Relations (GR), используемые для продвижения проекта евразийской интеграции в Республике Молдова. Предмет анализа – деятельность ключевых институциональных акторов, их стратегии и каналы влияния на политические и экономические процессы в стране. Методологическую основу исследования составляют неинституциональный и сетевой подходы, позволяющие выявить структуру и специфику взаимодействия между внешними и внутренними проинтеграционными силами. В работе ставится проблема диссонанса между декларируемыми целями GR-кампаний и их реальной эффективностью, обусловленного фрагментарностью акторов, преобладанием неформальных связей над институционализированными каналами и ситуативным характером применяемых стратегий. Основной вывод заключается в том, что существующая модель GR-продвижения, несмотря на значительные вложенные ресурсы, не способна сформировать устойчивый и долгосрочный консенсус в пользу евразийской интеграции в молдавском обществе и элитах из-за внутренних структурных ограничений.

Ключевые слова: GR, Government Relations, евразийская интеграция, ЕАЭС, Республика Молдова, сетевой анализ, институциональные акторы, лоббизм, каналы влияния, стратегические коммуникации.

Введение

В условиях усложнения глобальной и региональной архитектуры международных отношений возрастает роль наднациональных интеграционных объединений как центров экономического и политического влияния. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) представляет собой один из наиболее амбициозных проектов на постсоветском пространстве, нацеленный на формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Однако его расширение и углубление сталкивается с комплексом вызовов, особенно в странах, находящихся в пространстве конкурирующих интеграционных векторов, к которым в полной мере относится Республика Молдова. Исторически и геополитически Молдова является ареной столкновения интересов, где проевропейские и проевразийские настроения в обществе и политическом классе создают перманентную турбулентность и неопределенность внешнеполитического курса.

В этом контексте особую актуальность приобретает изучение не столько макрополитических деклараций, сколько конкретных механизмов продвижения интеграционных проектов на национальном уровне. Ключевым инструментом такого продвижения выступают технологии Government Relations (GR), понимаемые в широком смысле как система выстраивания и поддержания взаимодействия с органами государственной власти и другими центрами принятия решений для реализации стратегических, в данном случае – геоэкономических, интересов. Проблема, на решение которой направлена данная статья, заключается в недостаточной изученности микроуровня GR-деятельности по продвижению евразийской интеграции. Если геополитические аспекты и общие экономические модели широко освещены в научной литературе, то конкретные институциональные акторы, используемые ими сетевые механизмы, стратегии и каналы влияния остаются в «серой зоне» анализа.

Цель настоящей работы – провести системный анализ институциональных акторов и сетевых механизмов, задействованных в GR-продвижении евразийского интеграционного вектора в Республике Молдова. Центральным исследовательским вопросом формулируется следующим образом: каковы структурные характеристики и функциональные особенности системы GR по продвижению евразийской интеграции в Молдове, и как эти характеристики определяют эффективность и пределы применяемых стратегий влияния? Основной тезис состоит в том, что эффективность данных GR-усилий носит преимущественно тактический и ситуативный характер. Она ограничивается фрагментированной природой самих акторов, доминированием неформальных и персонализированных сетей над устойчивыми институциональными каналами, а также реактивным характером большинства стратегий, что в совокупности препятствует формированию прочного и необратимого проинтеграционного консенсуса в молдавском государстве и обществе. Исследование направлено на выявление этого фундаментального разрыва между вложенными ресур-

сами и стратегическими результатами, а также на анализ его структурных причин.

Результаты исследований и их обсуждение

Для решения поставленной задачи необходимо последовательно проанализировать три взаимосвязанных компонента: теоретическую рамку GR в контексте международных отношений, карту институциональных акторов и структуру сетевых механизмов и каналов влияния. Методологически исследование опирается на синтез неинституционализма, который акцентирует внимание на том, как формальные и неформальные «правила игры» в принимающем государстве (Молдове) формируют и ограничивают деятельность внешних и внутренних агентов, и сетевого анализа, позволяющего визуализировать и оценить связи между этими агентами, их плотность и иерархию.

В академическом дискурсе GR часто сводится к лоббизму, однако для целей нашего анализа используется более широкая трактовка, включающая в себя публичную дипломатию, стратегические коммуникации, экспертно-аналитическое сопровождение, работу с общественным мнением и формирование коалиций. В контексте продвижения наднационального интеграционного проекта GR-деятельность трансформируется из инструмента корпоративного влияния в механизм геоэкономической и геополитической конкуренции. Это комплексная система, направленная не просто на получение конкретного регуляторного решения, а на изменение институциональной и когнитивной среды в стране-объекте в пользу определенного вектора развития.

Ключевые институциональные акторы, формирующие и реализующие GR-стратегию продвижения евразийской интеграции в Молдове, могут быть классифицированы на две группы: внешние и внутренние.

К внешним акторам в первую очередь относятся наднациональные и государственные структуры ЕАЭС и его ведущих стран-участниц. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) выступает формальным институциональным центром, который взаимодействует с правительством Молдовы по официальным каналам, особенно после получения страной статуса наблюдателя при ЕАЭС в 2018 году¹. Деятельность ЕЭК носит преимущественно технический и экспертный характер: проведение консультаций, подготовка аналитических материалов о выгодах гармонизации законодательства, организация визитов и стажировок. Однако ресурсные и мандатные ограничения ЕЭК не позволяют ей вести полномасштабную GR-кампанию. Эту нишу заполняют национальные государственные и окологосударственные структуры, прежде всего Российской Федерации. К ним относятся профильные министерства (экономического развития, энергетики), государственные корпорации, чьи экономические интересы тесно связаны с Молдовой (например, в энергетическом секторе), а также агентства, ответственные за «мягкую силу» и гуманитарное сотрудничество. Их инструментарий значительно шире и включает как экономические рычаги (ценообразование на энергоносители, доступ на рынок труда и товаров), так и гуманитарные проекты (поддержка русского языка и культуры, образовательные программы, работа с молодежью).

Внутренние акторы в Республике Молдова представляют собой более сложную и гетерогенную группу. Ядром этой группы традиционно выступают левые и ле-

воцентристские политические партии, открыто декларирующие проевразийскую ориентацию. Для них евразийская повестка является ключевым элементом партийной идентичности и инструментом мобилизации своего электората². Их GR-деятельность направлена как вовне (поддержание постоянных контактов с политическими элитами стран ЕАЭС), так и внутрь (парламентская деятельность, организация публичных акций, использование партийных СМИ). Второй важной подгруппой являются сегменты национального бизнеса, ориентированные на рынки СНГ. Это прежде всего агропромышленный комплекс и виноделие, для которых доступ на емкий российский и евразийский рынок является вопросом экономического выживания.

Их GR-усилия носят более прагматичный и узконаправленный характер – лоббирование снятия торговых барьеров, получение фитосанитарных разрешений, упрощение таможенных процедур. Третью подгруппу составляют аффилированные медиа-холдинги, экспертные центры и общественные организации. Их функция заключается в создании необходимого информационно-аналитического фона: трансляции проинтеграционных нарративов, формировании положительного образа ЕАЭС, дискредитации альтернативного, проевропейского вектора и мобилизации общественного мнения через социальные сети и традиционные СМИ³.

Анализ взаимодействия этих акторов выявляет сетевую, а не иерархическую структуру GR-продвижения. Отсутствует единый центр принятия решений и координации; вместо этого существует динамичная сеть формальных и неформальных связей. Именно здесь и кроется первая структурная проблема – фрагментация акторов. Политические партии, бизнес-лобби и внешние агентства часто преследуют собственные тактические цели, которые не всегда совпадают.

Например, партия может использовать антизападную риторику для мобилизации электората, что в свою очередь может осложнить переговоры бизнеса о выходе на европейские рынки. Крупный энергетический поставщик может быть заинтересован в стабильности и предсказуемости, в то время как политические акторы могут стремиться к дестабилизации для достижения электоральных выгод. Эта нескоординированность ведет к распылению ресурсов и противоречивости посылаемых сигналов, что снижает общую эффективность GR-стратегии.

Второй и наиболее важный аспект анализа – это каналы и механизмы влияния. Можно выделить три основных трека GR-стратегий: экономический, политико-идеологический и общественный.

Экономический трек является наиболее прагматичным. Основной нарратив здесь строится на демонстрации прямых экономических выгод от сближения с ЕАЭС: доступ к огромному потребительскому рынку, более низкие цены на энергоносители, возможности для трудовой миграции. Каналами влияния служат двусторонние межправительственные комиссии, отраслевые бизнес-ассоциации, прямые переговоры между крупными компаниями и молдавскими властями. Ярким примером является использование «энергетической карты» в качестве инструмента давления или поощрения. Однако уязвимость этого трека заключается в его зависимости от рыночной конъюнктуры и политической воли. Любые торговые ограничения или колебания цен на энергоноси-

² Лебедева, М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО-Университета. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 212

³ Way, L.A. Pluralism by Default in Moldova / L.A. Way // Journal of Democracy. – 2020. – Vol. 31, № 3. – P. 45

тели, введенные по политическим мотивам, могут мгновенно дискредитировать весь нарратив об экономической выгоде, что неоднократно происходило в истории молдавско-российских отношений¹.

Политико-идеологический трек направлен на формирование нормативной и ценностной основы для интеграции. Здесь активно используются концепты «общего исторического прошлого», «единого цивилизационного пространства», «традиционных ценностей» и защиты русскоязычного населения. Основными каналами выступают аффилированные СМИ, социальные сети, публичные выступления политиков, гуманитарные фонды, организующие культурные и исторические мероприятия. Проблема этого трека в его поляризующем эффекте. В расколотом молдавском обществе апелляция к этим концептам не столько консолидирует, сколько еще больше мобилизует проевропейский и прорумынский сегмент общества и элит, превращая интеграционный выбор в игру с нулевой суммой. Вместо создания широкого консенсуса, такая стратегия консервирует и углубляет существующий раскол².

Общественный трек сфокусирован на прямой работе с населением через общественные организации, молодежные движения, диаспоральные структуры. Цель – создать низовую поддержку евразийской интеграции. Однако анализ показывает, что большинство таких организаций обладают слабой институциональной базой и высокой зависимостью от внешнего финансирования, что ставит под сомнение их легитимность и устойчивость. Их деятельность часто носит кампанейский характер, активизируясь в преддверии выборов и затухая после них.

Ключевая проблема, вытекающая из анализа этих механизмов, – это доминирование неформальных, персонализированных и ситуативных каналов влияния над формальными и институционализированными. Успех GR-усилий зачастую зависит не от системной работы институтов, а от наличия конкретных политических фигур у власти в Молдове, их личных связей и неформальных договоренностей. Это создает крайне нестабильную конструкцию. Смена правительства или даже одного ключевого чиновника может полностью обнулить многолетние усилия, поскольку они не были закреплены на уровне устойчивых институциональных практик, законов или межведомственных процедур. Эта модель «ручного управления» GR-процессом эффективна в краткосрочной перспективе для решения тактических задач (например, подписания контракта или отмены эмбарго), но стратегически проигрышна, так как не создает самопроизводящейся системы поддержки интеграции³.

Таким образом, мы наблюдаем фундаментальный диссонанс. С одной стороны, в продвижение евразийского вектора вкладываются значительные финансовые, медийные и политические ресурсы. С другой стороны, результат остается крайне волатильным. Уровень поддержки ЕАЭС в обществе колеблется в зависимости от текущей политической и экономической конъюнктуры, а институциональное сближение носит обратимый характер. Причина этого диссонанса кроется в самой структуре GR-продвижения: оно фрагментировано, чрезмерно персонализировано и ориентировано на так-

тические выгоды, а не на долгосрочное изменение институциональной среды. Оно не столько создает новые «правила игры», сколько пытается максимально эффективно использовать существующие неформальные практики молдавской политики⁴.

В заключение анализа можно констатировать, что модель GR-продвижения евразийской интеграции в Молдове достигла пределов своей эффективности. Она способна поддерживать определенный уровень влияния и присутствия в молдавском политическом и информационном поле, но не в силах обеспечить стратегический прорыв – необратимый цивилизационный выбор в пользу ЕАЭС.

Преодоление этого структурного ограничения потребовало бы перехода от ситуативных сетевых взаимодействий к созданию прочных институциональных якорей внутри молдавской правовой и административной системы, а также разработки более инклюзивного и менее поляризующего нарратива, способного привлечь на свою сторону не только традиционный электорат, но и колеблющиеся группы населения.

Без такой перестройки стратегии любые GR-усилия будут и впредь приводить лишь к тактическим успехам на фоне стратегического дрейфа. Дальнейшие исследования могли бы быть посвящены сравнительному анализу GR-механизмов продвижения евразийской и европейской интеграции в Молдове, а также количественной оценке влияния медийных каналов на электоральное поведение в контексте геополитического выбора.

Литература

1. Кнобель, А.Ю. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия / А.Ю. Кнобель // Вопросы экономики. – 2019. – № 3. – С. 87
2. Лебедева, М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО-Университета. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 212
3. Тютюнников А.Л. Перспективы евразийской идеи в современной Молдове // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. № 3. С. 89
4. Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Проблемная европейская идентичность Молдовы: «бои за историю» // Современная Европа. 2017. № 6 (78)
5. Языкова А.А. Европейское пограничье: Республика Молдова между Европой и Россией // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 72
6. Way, L.A. Pluralism by Default in Moldova / L.A. Way // Journal of Democracy. – 2020. – Vol. 31, № 3. – P. 45

INSTITUTIONAL ACTORS AND NETWORK MECHANISMS OF GR PROMOTION OF EURASIAN INTEGRATION IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA: ANALYSIS OF STRATEGIES AND CHANNELS OF INFLUENCE

Khusainov M.R.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article examines the institutional and network mechanisms of Government Relations (GR) used to promote the Eurasian integration project in the Republic of Moldova. The subject of analysis is the activities of key institutional actors, their strategies and channels of influence on political and economic processes in the country. The methodological basis of the study consists of neo-institutional and network approaches, which allow identifying the structure and specificity of interaction between external and internal pro-integra-

⁴ Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Проблемная европейская идентичность Молдовы: «бои за историю» // Современная Европа. 2017. № 6 (78)

¹ Тютюнников А.Л. Перспективы евразийской идеи в современной Молдове // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. № 3. С. 89

² Кнобель, А.Ю. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия / А.Ю. Кнобель // Вопросы экономики. – 2019. – № 3. – С. 87

³ Языкова А.А. Европейское пограничье: Республика Молдова между Европой и Россией // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 74

tion forces. The paper raises the problem of dissonance between the declared goals of GR campaigns and their actual effectiveness, caused by the fragmentation of actors, the predominance of informal ties over institutionalized channels, and the situational nature of applied strategies. The main conclusion is that the existing GR promotion model, despite significant invested resources, is unable to form a stable and long-term consensus in favor of Eurasian integration in Moldovan society and elites due to internal structural constraints.

Keywords: GR, Government Relations, Eurasian integration, EAEU, Republic of Moldova, network analysis, institutional actors, lobbying, channels of influence, strategic communications.

References

1. Knobel, A. Yu. (2019). Eurasian Economic Union: Development Prospects and Possible Obstacles. *Voprosy Ekonomiki*, (3), 87. (In Russian).
2. Lebedeva, M. M. (2021). "Soft Power": Concept and Approaches. *MGIMO Review of International Relations*, 14(3), 212. (In Russian).
3. Tyutyunnikov, A. L. (2016). Prospects of the Eurasian Idea in Contemporary Moldova. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, (3), 89. (In Russian).
4. Fadeeva, L. A., & Plotnikov, D. S. (2017). Moldova's Problematic European Identity: "Battles for History". *Contemporary Europe*, (6), 78. (In Russian).
5. Yazkova, A. A. (2016). European Borderland: Republic of Moldova between Europe and Russia. *Contemporary Europe*, (4), 72. (In Russian).
6. Way, L. A. (2020). Pluralism by Default in Moldova. *Journal of Democracy*, 31(3), 45.